

Выпуск № 1(74) март

Release No. 1(74) March

✱ БИЗНЕС ✱ ОБРАЗОВАНИЕ ✱ ПРАВО ✱

✱ BUSINESS ✱ EDUCATION ✱ LAW ✱

Волгоград 2026

Журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, в соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 года № 6/6.

Приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (далее – Приказ) (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), Минобрнауки России сформирован перечень рецензируемых научных изданий, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук. Сформированный Перечень вступил в силу 1 декабря 2015 г. В него включен научный рецензируемый журнал «Бизнес. Образование. Право».

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – Перечень), по группам научных специальностей, считаются включенными в Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки (по состоянию на 01.11.2022 г.) В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р.

В Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 28.11.2022 г.) включен научный рецензируемый журнал «Бизнес. Образование. Право» с категорией К-2 по письму ВАК от 06.12.2022 № 02-1198.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, which should publish the main scientific results of dissertations for scientific degrees of doctor of science and candidate of science in accordance with the decision of the Presidium of the Supreme Attestation Committee of the RF Ministry of education and science dated February 19, 2010 No. 6/6.

In compliance with the order of the RF Ministry of education and science dated July 25, 2014 No. 793 with revisions incorporated in accordance with the order of the RF Ministry of education and science dated June 3, 2015 No. 560 (hereinafter the Order) (registered by the RF Ministry of justice dated August 25, 2014, registration No. 33863), the RF Ministry of education and science developed the list of peer-reviewed scientific publications, which should publish the main results of dissertations for scientific degrees of the candidate of science and the doctor of science. The developed list came in force on December 1, 2015. It includes the scientific peer-reviewed journal “Business. Education. Law”.

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science should be published (hereinafter – the List), by groups of scientific specialties, are considered to be included in the List by scientific specialties and their respective branches of science.

In accordance with the order of the Ministry of Education and Science of Russia No. 90-r of December 28, 2018 on the basis of recommendations of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia (hereinafter – VAK) taking into account the conclusions of the relevant expert councils of VAK, the publications included in the List by groups of scientific specialties are considered included in the List by scientific specialties and their corresponding branches of science (as of November 11, 2022). According to the letter of VAK of 06.12.2022 no. 02-1198 the scientific peer-reviewed journal “Business. Education. Law” is included in the List of peer-reviewed scientific editions, in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science should be published (as of 28.11.2022), with category K-2.

В соответствии с решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий. В соответствии с распоряжением Минобрнауки России от 28 декабря 2018 г. № 90-р на основании рекомендаций Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России (далее – ВАК) с учетом заключений профильных экспертных советов ВАК издания, входящие в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (далее – Перечень), по группам научных специальностей, считаются включенными в Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки.

Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (по состоянию на 05.02.2025 года):

5. Социальные и гуманитарные науки

5.1. Право

- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

5.2. Экономика

- 5.2.1. Экономическая теория
- 5.2.2. Математические, статистические и инструментальные методы в экономике
- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика
- 5.2.4. Финансы

5.8. Педагогика

- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)
- 5.8.4. Физическая культура и профессиональная физическая подготовка
- 5.8.5. Теория и методика спорта
- 5.8.6. Оздоровительная и адаптивная физическая культура
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

In accordance with the decision of the Presidium of the Supreme Attestation Commission of the RF Ministry of Education and Science dated February 19, 2010 No. 6/6, the journal is included in the list of the leading peer reviewed scientific journals and publications. In accordance with the order of the RF Ministry of Education and Science dated December 28, 2018 No. 90-r, based on the recommendations of the Supreme Attestation Commission of the RF Ministry of Education and Science (hereinafter, the SAC), taking into account conclusions of the field-specific expert councils of SAC, the issues included in the List of the peer reviewed scientific publications, which publish major scientific results of the theses for scientific degree of the candidate of sciences, for scientific degrees of the doctor of sciences (hereinafter, List), by the scientific specialty groups, are considered included in the List by the scientific specialties and appropriate fields of study.

The list of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science should be published (as of February 05, 2025):

5. Social and human sciences

5.1. Law

- 5.1.2. Public law (state-legal) sciences
- 5.1.3. Private law (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal law sciences
- 5.1.5. International legal sciences

5.2. Economy

- 5.2.1. Economic theory
- 5.2.2. Mathematical, statistical and instrumental methods in economics
- 5.2.3. Regional and sectoral economy
- 5.2.4. Finance

5.8. Pedagogy

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.2. Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)
- 5.8.4. Physical culture and professional physical training
- 5.8.5. Theory and methodology of sports
- 5.8.6. Improving and adaptive physical culture
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО.**Учредитель:**

индивидуальный предприниматель
Кумейко Елена Анатольевна

Издатель:

индивидуальный предприниматель
Кумейко Елена Анатольевна, г. Волгоград

№ 1(74), март 2026

ISSN 1990-536X

Научный журнал издается с 2006 г. Выходит 4 раза в год.

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» — 85747

Главной целью научного журнала является освещение результатов научно-исследовательской деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: **экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки.**

ЦЕЛИ научного рецензируемого журнала:

- оперативное освещение результатов научно-исследовательской, научно-практической и экспериментальной деятельности российских и зарубежных ученых по направлениям: экономические науки (основные направления), юридические науки, педагогические науки;
- развитие международного сотрудничества в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;
- предоставление ученым возможности публиковать результаты собственных исследований;
- формирование открытой научной полемики, способствующей повышению качества диссертационных исследований;
- привлечение внимания к наиболее актуальным проблемам и перспективным направлениям развития экономических, юридических и педагогических наук;
- поиск новых знаний для социально-экономического развития России и субъектов Российской Федерации;
- налаживание научных связей и обмена мнениями между исследователями различных регионов;
- развитие единого информационного пространства научной коммуникации в сфере экономики, юриспруденции, педагогики;
- пропаганда основных достижений научно-исследовательской деятельности в РФ и Волгоградском институте бизнеса.

- Всем статьям в выпусках журналов присваивается цифровой идентификатор DOI
- Двухлетний импакт-фактор РИНЦ — 0,708
- Пятилетний импакт-фактор РИНЦ — 0,536
- Пятилетний индекс Херфиндаля по цитирующим журналам — 108
- Десятилетний индекс Хирша — 31
- Общее число статей из журнала в РИНЦ — 4649
- Общее число цитирований журнала — 25 854

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-33692 от 03.10.2008 г.
Перерегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Регистрационный номер ПИ № ФС77-81518 от 15.07.2021 г.

BUSINESS. EDUCATION. LAW.**Founder:**

individual entrepreneur
Kumeiko Elena Anatolyevna

Publisher:

individual entrepreneur
Kumeiko Elena Anatolyevna, Volgograd

No. 1(74), March 2026

ISSN 1990-536X

Scientific journal has been published since 2006; and is issued 4 times a year.

Subscription index in the catalogue of "Press of Russia" — 85747

The main goal of the scientific journal is presentation of the results of the scientific-research activity of Russian and foreign scientists in the areas of **economics (main trends), law and pedagogics.**

GOALS of the scientific peer-reviewed journal:

- operative publication of results of the scientific-research, scientific-practical and experimental activity of Russian and foreign scientists in economics (main trends), legal sciences and pedagogical sciences;
- promotion of international cooperation in economics, law, pedagogy;
- providing scientists with the possibility of publication of the results of researches;
- establishing an open scientific disputes contributing to the increase of dissertation researches quality;
- attraction of attention to the most urgent issues and perspective trends of development of the economic, legal and pedagogical sciences;
- search for new knowledge for the social-economic development of Russia and the entities of the Russian Federation;
- establishing scientific links and exchange of opinions between researchers from different regions;
- development of united information space of scientific communication in economics, law, pedagogic;
- promotion of the main achievements of scientific and research activity in the Russian Federation and Volgograd Business Institute.

- Digital identifier DOI is assigned to all articles published in the journal
- Two-year impact factor RISC — 0,708
- The five-year impact factor RISC — 0,536
- The five-year Herfindahl by quoting journals — 108
- Ten-year h-index — 31
- Total number of the journal's articles in RISC — 4649
- The total number of citations of the journal — 25 854

The journal is registered by the Federal service for supervision in the area of mass communications.
Certificate of registration PI № FS77-33692 dated 03.10.2008.
Re-registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.
Registration number PI № FS77-81518 dated 15.07.2021.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Калиничева Раиса Васильевна, д-р экон. наук, профессор, проректор по учебной работе АНО ВО Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации» Волгоградский кооперативный институт (филиал).

Заместители главного редактора —

Кумейко Елена Анатольевна, канд. экон. наук;

Захарова Л. М., д-р пед. наук, доцент, зав. кафедрой дошкольного и начального общего образования ФГБОУ ВПО «Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова»;

Члены редакционной коллегии:

Бабушкин Г. Д., д-р пед. наук, профессор, Сибирский государственный университет физической культуры и спорта (г. Омск, РФ);

Винокуров А. Ю., д-р юрид. наук, профессор, ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры РФ», главный научный сотрудник;

Восколович Н. А., д-р экон. наук, профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры экономики труда и персонала экономического факультета;

Мещерякова Е. В., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;

Рахманова Е. Н., д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»;

Салиева Р. Н., д-р юрид. наук, профессор, Институт проблем экологии и недропользования АН РТ, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса;

Столярчук Л. И., д-р пед. наук, профессор, профессор ФГБОУ ВПО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»;

Тютюкина Е. Б., д-р экон. наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления

Ответственный секретарь — **Кумейко Елена Анатольевна.**

EDITORIAL COMMITTEE

Editor-in-chief – Kalinicheva Raisa Vasilevna, doctor of economics, professor, vice-rector for academic work ANO of HE Tsentrosoyuz of the Russian Federation “Russian University of Cooperation” Volgograd Cooperative Institute (branch).

Deputies of the editors-in-chief —

Kumeiko Elena Anatolyevna, candidate of economics

Zakharova L. M., doctor of pedagogical sciences, associate professor, head of the department of pre-school and elementary general education of FSBEI of HPE “Ulyanovsk state pedagogical university named after I. N. Ulyanov”;

Deputies of the editor-in-chief:

Babushkin G. D., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Siberian State University of Physical Culture And Sports (Omsk, RF);

Vinokurov A. Y., Doctor of Law, Professor, FSCEI of HE “Academy of the RF General Prosecutor Office”, chief researcher;

Voskolovich N. A., Doctor of Economics, Professor, Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Labor Economics and Personnel of the Faculty of economics;

Meshcheryakova E. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of FSBEI of HPE “Volgograd State Social Pedagogical University”;

Rakhmanova E. N., Doctor of Law, Associate Professor, North-West branch of FSBEI HE RGUP;

Salieva R. N., Doctor of Law, Professor, Institute of the issues of ecology and resources management of AN RT;

Stolyarchuk L. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of of FSBEI of HPE “Volgograd State Social Pedagogical University”;

Tyutyukina E. B., Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor Department of Corporate Finance and Corporate Governance

Executive secretary — **Kumeiko Elena Anatolyevna.**

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ МАТЕРИАЛОВ, ПРИСЫЛАЕМЫХ В НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ «БИЗНЕС. ОБРАЗОВАНИЕ. ПРАВО»

1. Для издания принимаются ранее не опубликованные в других печатных или электронных изданиях авторские материалы – научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5. Социальные и гуманитарные науки; 5.1. Право; 5.2. Экономика; 5.8. Педагогика.

2. Автором (-ми) в редакцию предоставляется обязательный печатный и идентичный ему электронный пакет документов:

- текст статьи на русском, или английском (с переводом), или национальном языке (с переводом на русский язык) (печатный вариант статьи подписывается всеми авторами);
- анкета автора (и соавторов);
- заявление автора о праве использования научной статьи в рецензируемом журнале;
- справка с места учебы (для аспирантов).

Пакет документов направляется в редакцию в электронном виде по адресу электронной почты: meon_nauka@mail.ru.

Телефон для справок: 8 902-314-79-73. URL: <http://vestnik.volbi.ru>.

В статью в соответствии с требованиями ВАК должно быть включено следующее:

- индекс УДК (располагается в начале научной статьи отдельной строчкой слева);
- фамилия, имя, отчество полностью на русском и английском языках;
- ученая степень, ученое звание, наименование и шифр научной специальности (по номенклатуре), по которой автор проводит диссертационное исследование, на русском и английском языках;
- аспирантами, докторантами, соискателями, преподавателями вузов указывается кафедра, учебное заведение (магистранты указывают направление подготовки) на русском и английском языках;
- должность, место работы, город, страна на русском и английском языках;
- e-mail;
- шифр научной специальности (по номенклатуре);
- название статьи на русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт TNR 16, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, не менее 600–800 знаков без пробелов);
- ключевые слова на русском и английском языках (10–12 слов или словосочетаний из двух или трех слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);
- введение, где формулируются степень изученности проблемы, актуальность, целесообразность разработки темы, научная новизна, цель и задачи исследования;
- основная часть. В основной части статьи путем анализа и синтеза информации раскрываются исследуемые проблемы, пути их решения, обосновываются полученные результаты, их достоверность;
- методология. В этом разделе описывается последовательность выполнения исследования, обосновывается выбор используемых методов;
- результаты. Эта часть занимает основное место в научной статье, в ней, с помощью обобщения и анализа данных, автором доказывается рабочая гипотеза по проблеме. Результаты исследования излагаются кратко, но содержат достаточно информации для формирования выводов;
- заключение, выводы. Заключение содержит краткие результаты исследования;
- список источников. В списке источников приводится только цитируемая в статье литература.

Тексты, рисунки, иллюстрации, представленные в редакцию в рукописях авторов статей, не должны быть отсканированы.

Статьи, направляемые в редакцию без соблюдения вышеперечисленных требований, не рассматриваются.

REQUIREMENTS TO EXECUTION OF THE MATERIALS SUBMITTED TO THE SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL «BUSINESS. EDUCATION. LAW»

1. The author's materials – scientific articles, reviews, surveys, comments corresponding to the scientific specializations: 5. Social and human sciences 5.1. Law; 5.2. Economy; 5.8. Pedagogy, that have not been previously published in either printed or electronic issues, are accepted for publication.

2. Author(s) shall submit the required hardcopy of the document package and the similar electronic one to the editorial office:

- text of the article in the Russian or English languages (with translation), or any national language (with translation into Russian) (article hard copy shall be signed by all authors);
- author (or team of authors) questionnaire;
- application of the author regarding the right of use of the article in the peer reviewed journal;
- certificate from the place of study (for post-graduate students).

Document package shall be submitted to the editorial office electronic copy to the email address: meon_nauka@mail.ru.

Telephone for enquiries: 8 902-314-79-73. URL: <http://vestnik.volbi.ru>.

The following shall be included in the article in accordance with the requirements of the Higher Attestation Commission:

- UDC index (to be located at the top left-hand corner at the beginning of the scientific article);
- last name, name and patronymic in the Russian and English languages;
- scientific degree, academic rank, name and code of the scientific specialty (as per the range) of the dissertation research of the author in the Russian and English languages;
- department and educational institution shall be specified by the post-graduate students, doctoral student, external doctoral students, teachers of higher schools (master's degree students shall specify specialty of training) in the Russian and English languages;
- position, place of work, city, and country in the Russian and English languages;
- e-mail;
- code of the scientific specialty (as per the range);
- title of the article in the Russian and English languages (in capital letters, fonts TNR 16, center alignment);
- abstract in the Russian and English languages (fonts TNR 14, typeface – italics, full justification, minimum 600–800 characters without spaces);
- keywords in the Russian and English languages (10–12 words or phrases consisting of two-three words, comma separated, fonts TNR 14, typeface – italics, full justification);
- introduction that states urgency, feasibility of the subject working out, scientific novelty, goal and objectives of research;
- main part. Main part of the article shall disclose the issues under consideration by means of analysis and synthesis, the ways of their resolution; shall justify received results and their confidence;
- methodology. This part shall describe sequence of research and justify selection of the used methods;
- results. This part takes main part of the scientific article; the author justifies the working hypothesis by means of generalization and data analysis. Research results shall be stated in brief; however, shall contain sufficient information for making conclusions;
- conclusion, findings. Conclusion shall contain summary of research results;
- references. References shall contain only the literature quoted in the article.

Texts, drawings and illustrations submitted to the editors in the manuscripts of the articles should not be scanned.

The articles submitted to the editorial office without meeting the above mentioned requirements shall not be reviewed.

СОДЕРЖАНИЕ

5.2. ЭКОНОМИКА

Алексеева Н. А., Рыжкова О. И., Абашева О. В., Доронина С. А. Оценка эффективности управления землями при изменении категории земель	13
Баженов С. И. Применение искусственного интеллекта для повышения эффективности управления регионом	18
Белякова Г. Я., Проскурнин С. Д. Основные предпосылки создания и функционирования успешных наукоградов как территориальных точек роста	25
Глинская О. С., Калиничева Р. В., Джарарах И. С. Формирование прогнозной отчетности на базе прогностических сценариев	33
Глинская О. С., Репушевская О. А. Развитие регионов с комплексным использованием инструментов региональной политики	40
Крупина Н. Н. Региональные карбоновые полигоны как перспективные объекты научно-популярного туризма	47
Мандрощенко О. В., Мурашкин Н. В., Коншин А. П. Особенности налогообложения логистических услуг для бизнеса	53
Немытова А. В., Ширинкина Е. В. Концептуальные основы интеллектуальных систем управления продажами	58
Янкина И. А., Рачипа А. В. Проблемы развития риск-менеджмента (на примере организаций Ростовской области)	64
Акуликин С. С., Баландин С. Б. Направления совершенствования правового регулирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра	70
Горчакова М. Е. Развитие форм современных денег	77
Лебедева И. Д., Воронцов Н. О. Комплексный анализ динамики показателей производственного потенциала предприятий по воспроизводству ценных и особо ценных видов водных биологических ресурсов в Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе в границах Тюменской области на примере ОАО «Югорский рыболовный завод»	82
Муртазина Г. Ф., Хайруллина Р. Г. Платформизация таможенного администрирования: экономические эффекты и уголовно-правовые риски обеспечения национальной безопасности	90
Мусаев Л. А. Комплексная система организационно-экономического обеспечения развития производственных интеграционных образований в регионе	97
Мусаев Э. А., Варданян И. С. Адаптация зарубежных практик отраслевого регулирования и квотирования импорта для стабилизации рынка фруктов в Российской Федерации	104
Пармузин П. Н. Анализ факторов риска при реализации стратегии рационального освоения ресурсов угольного метана	112
Стародубец Н. В. Роль кампусов в удовлетворении потребностей российских студентов	119
Третьякова Г. В., Петровская В. А., Гущина А. С. Языковые барьеры как фактор снижения международной торговли в условиях санкций	126
Барраза Легия А. А. Особенности трактовки понятия производительности труда работников, занятых в сфере НИОКР	132
Гиматов Э. Р. Профессиональная мобильность в контексте социально-демографических трендов	140
Мишаткин Н. С., Мысева Е. Р. Оптимизация бизнес-процессов нефтегазовой отрасли с помощью low-code платформ (на примере Knowledge Space)	147

Павлинова Е. И. Динамика и анализ социальных аспектов промышленной политики ПМР	153
Сапон А. С. Оценка эффективности функционирования калининградского рыбохозяйственного комплекса эксклавного региона России	160
Цыкура М. Г. Концепция экономической безопасности в сфере добавленной стоимости	168
5.1. ПРАВО	
Алексеева Н. А., Марковина Е. В., Пименова Н. Б., Доронина С. А., Ахметзянов А. Б. Совершенствование судебно-правовой политики в контексте защиты интеллектуальной собственности	177
Климович Л. П., Чубарь С. А. Актуальные вопросы судебной компьютерно-технической экспертизы информационных баз «1С:Предприятие»	183
Абдулвалиев А. Ф. Духовно-нравственные категории в уголовно-процессуальном законодательстве России	193
Белова О. А., Кузьмина А. И. Средства заключения электронных сделок в условиях цифровизации по российскому гражданскому законодательству	200
Бельков А. В., Съедина Н. В., Аболешева В. В. Трудоустройство и развитие карьеры ветеранов специальной военной операции (федеральный и региональный опыт)	206
Горовенко С. В., Зольникова Н. Е. Проблемные вопросы обработки персональных данных пациентов в медицинских организациях	211
Джалилова Х. М., Магомедов М. И. Риск-ориентированный подход в государственном контроле (надзоре) в сфере образования: теория и практика	217
Лапшин И. С., Шушания Ш. С., Родимушкина О. В., Кубиевич С. В. Эволюция правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации по вопросам реализации права граждан на публичные мероприятия	223
Огнева К. О. Судебная защита избирательных прав в Республике Чили	229
Шаповалова Г. М. Культурный суверенитет России — возрождение к будущему миру: перекрестные годы культуры (2024—2025) России и Китая	235
Болурова З. Л. Понятия изъятия и отобрания ребенка из семьи	241
Дзансолова А. А., Костиков А. Д. Универсальный платежный код: технологическая характеристика и правовые основы применения	246
Рожманова А. А. Принципы использования генетических технологий в селекции	252
Савельев Р. Д. Особенности правового регулирования института ротации государственных гражданских служащих	259
Синёв И. И. Семейные истязания в системе других насильственных преступлений против личности	264
Трофимович А. А., Бутенко Т. П. Развитие представлений о коррупции как явлении, посягающем на национальную безопасность российского государства, в XX—XXI вв.	270
5.8. ПЕДАГОГИКА	
Байер Е. А., Залужная М. В., Молохина Г. А. Особенности педагогической эмпатии и жизнестойкости у специалистов в области социального сиротства с различными возрастными и стажевыми показателями	276
Гаврикова М. Е., Филиппова О. Г., Голубь М. С. Формирование социальной ответственности у детей старшего дошкольного возраста в трудовой деятельности: методологические подходы и педагогические принципы	289

Германов Г. Н., Гао Инци Агрессия тренера и ее влияние на тревожность и предсоревновательную готовность юных хоккеистов Китая к играм с шайбой на льду	296
Драндров Г. Л., Бурама Камара, Александров В. А., Константинова С. Г. Характеристика спортивной культуры младших школьников	309
Драндров Г. Л., Сюкиев Д. Н. Развитие позитивной Я-концепции у спортсменов с поражениями опорно-двигательного аппарата	316
Захарова Л. М., Андрианова Е. И. Формирование профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования в условиях научно-образовательного центра	323
Золотарева А. В., Шляхтина Н. В. Оценка профессиональных компетенций руководителя образовательной организации на этапе повышения квалификации	330
Ланг П. П. Технологии виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) в формировании практических навыков у обучающихся: дидактический потенциал и ограничения	339
Ланг П. П. Формирование гибридного интеллекта в профессиональном образовании: от системных противоречий к педагогическим сценариям коллаборации с искусственным интеллектом	347
Наговицын Р. С., Гречкин А. С. ChatGPT как цифровой тренер: эффективность персонализированных планов и отчетов в подготовке пауэрлифтеров	354
Паничкина М. В., Подберезный В. В., Зарубина Р. В. Актуализация потребности в здоровьесберегающей деятельности студентов педагогических специальностей	359
Петунин О. В., Рябов В. А., Семенкова Т. Н. Решение контекстных задач как способ формирования естественнонаучной грамотности школьников	365
Прялухина А. В., Романова А. А. К вопросу об исследовании феномена толерантности в отечественной педагогике и психологии	371
Сабирова Д. Р., Шигапова Ф. Ф. Обучение студентов-лингвистов методике подготовки одаренных школьников к олимпиаде по иностранному языку (из опыта Казанского федерального университета)	380
Сафонова Г. В., Шакирова О. В., Стеблый Т. В., Пальченко А. П. Состояние развития легкой атлетики в России и механизмы ее популяризации	386
Уварина Н. В., Шайхутдинова Д. Р. Генезис дефиниции «цифровая культура педагога» в контексте эволюции детерминирующих категорий	394
Эррера Павон Ю. Р., Сороковых Г. В., Ненюк Е. А. Описание методической модели обучения детей граждан зарубежных стран иностранному языку на основе коммуникативно-прагматического подхода	403
Антонова Н. А., Драндров Д. А. Сущностно-содержательная характеристика понятия «искусственный интеллект»	411
Асанов С. А., Акименко Г. В. Социальное взаимодействие в техническом образовании: педагогические подходы к развитию компетенций	417
Борисова В. В., Кузнецов Н. А., Супрун А. А. Обоснование разработки контрольных упражнений для оценки двигательного ритма при выполнении сотрудничества с предметом в художественной гимнастике	424
Гаджиева Е. А. Интегративная теория профессиональной визуализации информации и картографической подготовки будущих специалистов для сферы туризма	431
Звонарева Е. А., Коробова Ю. С., Жукова М. И. Реализация системы В. Ф. Базарного на уроках химии среди учащихся основной школы	439
Каспаров И. В. Методика обучения студентов основам программирования для задач управления транспортными системами на примере Нижегородского института путей сообщения	445

Кольцова А. А., Костикова Н. Н., Старобинская Н. М., Тихонова А. М. Дидактическая модель формирования рационального финансового поведения в цифровой среде: интеграция экономической и этико-экологической парадигм	452
Краснова О. В., Ефремова Н. А., Чумаченко Н. Э. К вопросу о создании школы развития инновационного образования в вузе	460
Мархакшинова В. Н., Супрун А. А., Борисова В. В. Совершенствование техники выполнения элемента «бумеранг» с лентой в синергии с поворотом «пассе» в художественной гимнастике	470
Михайлова Е. А., Анисова О. Л. Дидактический потенциал китайских социальных сетей в развитии аудитивной компетенции студентов языкового вуза	477
Попков А. А. Промежуточный и итоговый контроль знаний, умений и навыков как необходимый компонент процесса подготовки дефектолога для работы с детьми с ЗПР	485
Стотыка И. Г., Стотыка А. В., Сопина Я. В., Власенко Э. А. Формирование эстетической культуры будущего учителя музыки в процессе инструментально-исполнительской подготовки	490
Федорова Е. В., Федоров Н. П., Приладышева Л. Н. Социальная активность студентов как показатель их включенности в общественную жизнь региона (на примере Запорожской области)	496
Финогеева Т. Е. Цели трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в.	504
Быков В. А. Социальная грамотность учащихся в дополнительном образовании детей: особенности формирования и критерии оценки	512
Волков В. Д. Периодизация развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации (на примере диссертационных исследований)	518
Девяткина А. П. Экспериментальные исследования культуры безопасного поведения студентов вуза в фокусе отечественной и зарубежной педагогики (2020—2025 гг.)	525
Ермолова Т. В., Фирсова И. В. Применение технологий искусственного интеллекта для повышения мотивации на практических занятиях по иностранному языку в высшей школе	532
Жарская И. В. Теоретико-методологические аспекты адаптивного обучения	538
Зяблова А. Г. Аксиологический подход — основополагающий в педагогической профилактике асоциального поведения несовершеннолетних	546
Колесник Е. С., Безродная А. В. Применение игровых технологий на занятиях по иностранному языку в сфере юриспруденции в высшей школе	551
Костикова Н. Н. Художественное образование школьников через призму развития креативности	557
Ли Сыяо Приемы обучения чтению современной китайской литературы с учетом языковых и культурных различий Китая и России	567
Пыркова М. А. Методологические основания формирования отраслевой идентичности будущих специалистов в профессиональном образовании	574
Смирнова Н. В. Педагогическое сотрудничество учителей в контексте наставничества	580
Шувалова К. А. Проектная деятельность как средство развития композиционного мышления у обучающихся в системе дополнительного образования	585
Хуо С. Исследование традиционных методов преподавания китайского нематериального культурного наследия в художественном образовании	592

CONTENT

5.2. ECONOMY

Alekseeva N. A., Ryzhkova O. I., Abasheva O. V., Doronina S. A.

Land management effectiveness assessment in case of land reclassification 13

Bazhenov S. I.

The use of artificial intelligence to improve the efficiency of the region management 18

Belyakova G. Y., Proskurnin S. D.

The main prerequisites for creation and functioning of successful science cities as territorial growth points 25

Glinskaya O. S., Kalinicheva R. V., Jararakh I. S.

Generation of predictive reporting using prognostic scenarios 33

Glinskaya O. S., Repushevskaya O. A.

Regional development with the integrated use of regional policy instruments 40

Krupina N. N.

Regional carbon landfills as promising objects of popular science tourism 47

Mandroschenko O. V., Murashkin N. V., Konshin A. P.

Features of taxation of logistics services for business 53

Nemytova A. V., Shirinkina E. V.

Conceptual foundations of intelligent sales management systems 58

Yankina I. A., Rachipa A. V.

Problems of risk management development (on the example of enterprises in the Rostov region) 64

Akulinkin S. S., Balandin S. B.

Directions for improving legal regulation of cross-border payment infrastructure based on distributed ledger technology 70

Gorchakova M. E.

The development of forms of modern money 77

Lebedeva I. D., Vorontsov N. O.

A comprehensive analysis of the dynamics of indicators of the production potential of enterprises for the reproduction of valuable and particularly valuable species of aquatic biological resources in the Oby-Irtysh fishing area within the Tumen Region, on the example of Yugorsky Fish Hatchery JSC 82

Murtazina G. F., Khairullina R. G.

Platformization of customs administration: economic effects and criminal-legal risks for ensuring national security 90

Musaev L. A.

Comprehensive system of organizational and economic support for the development of industrial integration entities in the region 97

Musaev E. A., Vardanyan I. S.

Adaptation of foreign industry regulation practices and import quota mechanisms to stabilize the fruit market in the Russian Federation 104

Parmuzin P. N.

Analysis of risk factors in the implementation of a strategy for the rational development of coalbed methane resources 112

Starodubets N. V.

Role of campuses in meeting the needs of Russian students 119

Tretyakova G. V., Petrovskaya V. A., Gushchina A. S.

Language barriers as a factor in reducing international trade under sanctions 126

Barraza Legia A. A.

Peculiarities of interpreting the concept of labor productivity of workers engaged in R&D 132

Gimatov E. R.

Professional mobility in the context of socio-demographic trends 140

Mishatkin N. S., Myseva E. R.

Business process optimization in the oil and gas sector via low-code platforms (the case of Knowledge Space) 147

Pavlinova E. I. Dynamics and analysis of social aspects of industrial policy in the PMR	153
Sapon A. S. Efficiency assessment of the Kaliningrad fishery complex in the exclave region of Russia	160
Tsykura M. G. The concept of economic security in the value-added sector	168
5.1. LAW	
Alekseeva N. A., Markovina E. V., Pimenova N. B., Doronina S. A., Akhmetzyanov A. B. Improvement of judicial and legal policy in the context of intellectual property protection	177
Klimovich L. P., Chubar S. A. Topical issues of forensic computer-technical expertise of IC:Enterprise information databases	183
Abdulvaliev A. F. The spiritual and moral categories in the criminal procedure legislation of Russia	193
Belova O. A., Kuzmina A. I. Means of concluding electronic transactions under Russian civil law in the conditions of digitalization	200
Belkov A. V., Sedina N. V., Abolesheva V. V. Employment and career development of the Special Military Operation veterans (federal and regional experience)	206
Gorovenko S. V., Zolnikova N. E. Problematic issues of patients' personal data processing in medical organizations	211
Dzhalilova K. M., Magomedov M. I. Risk-based approach to state control (supervision) in education: theory and practice	217
Lapshin I. S., Shushaniya S. S., Rodimushkina O. V., Kubievich S. V. Evolution of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the implementation of the citizens' right to public events	223
Ogneva K. O. Judicial protection of electoral rights in the Republic of Chile	229
Shapovalova G. M. Russia's cultural sovereignty - revival to the future world: Russia-China years of culture (2024-2025)	235
Bolurova Z. L. The concepts of removal and withdrawal of a child from the family	241
Dzansolova A.A., Kostikov A.D Universal payment code: technological characteristics and legal basis for application	246
Rozhmanova A. A. Principles of using genetic technology in selection	252
Savelev R. D. Features of the legal regulation of the rotation system for state civil servants	259
Sinev I. I. Family torture in the system of other violent crimes against the person	264
Trofimovich A. A., Butenko T. P. The evolution of perceptions of corruption as a threat to the national security of the Russian state in the 20th-21st centuries	270
5.8. PEDAGOGY	
Bayer E. A., Zaluzhnaya M. V., Molokhina G. A. Features of pedagogical empathy and resilience among specialists in the field of social orphanhood with different age and seniority indicators	276
Gavrikova M. E., Filippova O. G., Golub M. S. Formation of social responsibility in older preschoolers through work: methodological approaches and pedagogical principles	289

Germanov G. N., Gao Yingqi Coach's aggression and its impact on anxiety and pre-competitive readiness of young Chinese ice hockey players	296
Drandrov G. L., Burama Kamara, Alexandrov V. A., Konstantinova S. G. Characteristics of sports culture among younger schoolchildren	309
Drandrov G. L., Syukiev D. N. Development of a positive I-concept in athletes with musculoskeletal disorders	316
Zakharova L. M., Andrianova E. I. Development of professional readiness of future preschool teachers in the conditions of a scientific and educational center	323
Zolotareva A. V., Shlyakhtina N. V. Assessment of professional competences of the head of an educational organization at the stage of professional development	330
Lang P. P. Virtual reality (VR) and augmented reality (AR) technologies in the formation of practical skills among students: didactic potential and limitations	339
Lang P. P. Formation of hybrid intelligence in professional education: from systemic contradictions to pedagogical scenarios of collaboration with artificial intelligence	347
Nagovitsyn R. S., Grechkin A. S. ChatGPT as a digital coach: the effectiveness of personalized plans and reports in powerlifter training	354
Panichkina M. V., Podberezny V. V., Zarubina R. V. Actualization of the need for health-saving activities among students of pedagogical specialties	359
Petunin O. V., Ryabov V. A., Semenkova T. N. Solving contextual problems as a way to develop scientific literacy in schoolchildren	365
Pryalukhina A. V., Romanova A. A. On the study of the phenomenon of tolerance in domestic pedagogy and psychology	371
Sabirova D. R., Shigapova F. F. Training linguistics students to prepare gifted pupils for foreign language olympiads (the case study of Kazan Federal University)	380
Safonova G. V., Shakirova O. V., Steblyi T. V., Palchenko A. P. The state of development of athletics in Russia and mechanisms for its popularization	386
Uvarina N. V., Shaikhutdinova D. R. Genesis of the definition of the teacher's digital culture in the context of the evolution of its determining categories	394
Herrera Pavon Yu. R., Sorokovykh G. V., Nenyuk E. A. Description of the methodological model of teaching foreign language to children of citizens of foreign countries based on a communicative-pragmatic approach	403
Antonova N. A., Drandrov D. A. Essential and content characteristics of the concept of artificial intelligence	411
Asanov S. A., Akimenko G. V. Social interaction in technical education: pedagogical approaches to competency development	417
Borisova V. V., Kuznetsov N. A., Suprun A. A. Justification of the design of control exercises for assessing motor rhythm when performing collaborations with apparatus in rhythmic gymnastics	424
Gadzhieva E. A. Integrative theory of professional visualization of information and cartographic training of future specialists in the tourism industry	431
Zvonareva E. A., Korobova Yu. S., Zhukova M. I. The implementation of V. F. Bazarny's system in chemistry lessons among secondary school students	439
Kasparov I. V. Methods of teaching students the basics of programming for transport system management tasks on the example of Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering	445

Koltsova A. A., Kostikova N. N., Starobinskaya N. M., Tikhonova A. M. Didactic model for developing rational financial behavior in the digital environment: merging economic and ethical-ecological paradigms	452
Krasnova O. V., Efremova N. A., Chumachenko N. E. On the issue of creating a school for the development of innovative education at university	460
Markhakshinova V. N., Suprun A. A., Borisova V. V. Improving execution technique of a boomerang with a ribbon in synergy with a passé turn in rhythmic gymnastics	470
Mikhailova E. A., Anisova O. L. Didactic potential of Chinese social networks in developing auditive competence among linguistic university students	477
Popkov A. A. Intermediate and final control of knowledge, skills, and abilities as an essential component of the process of training a speech therapist to work with children with mental retardation	485
Stotyka I. G., Stotyka A. V., Sopina Y. V., Vlasenko E. A. Development of aesthetic culture among future music teachers within instrumental performance training	490
Fedorova E. V., Fedorov N. P., Priladysheva L. N. Students' social activity as an indicator of their involvement in the social life of the region (using the example of the Zaporozhye region)	496
Finogeeva T. E. The aims of labor training for schoolchildren in the educational paradigm of Soviet Russia in the first third of the 20th century	504
Bykov V. A. Social literacy of students in the additional education of children: features of formation and evaluation criteria	512
Volkov V. D. Periodization of the development of pedagogical science in the National Guard Troops of the Russian Federation (on the example of dissertation research)	518
Devyatkina A. P. Experimental research on the culture of safe behavior among university students in the focus of domestic and foreign pedagogy (2020-2025)	525
Ermolova T. V., Firsova I. V. The use of artificial intelligence technologies to increase motivation in practical foreign language classes in higher education	532
Zharskaya I. V. Theoretical and methodological aspects of adaptive learning	538
Zyablova A. G. The axiological approach as a basis for pedagogical prevention of antisocial behavior of minors	546
Kolesnik E. S., Bezrodnaya A. V. Use of game-based technologies in teaching foreign languages in jurisprudence higher education	551
Kostikova N. N. Art education of schoolchildren through the prism of creativity development	557
Li Siyao Methods of teaching reading modern Chinese literature, taking into account the linguistic and cultural differences between China and Russia	567
Pyrkova M. A. Methodological foundations for forming sectoral identity of future specialists in professional education	574
Smirnova N. V. Teachers' pedagogical cooperation in the context of mentoring	580
Shuvalova K. A. Project-based learning as a means of developing compositional thinking in students within the supplementary education system	585
Huo X. A Study on traditional teaching methods of Chinese intangible cultural heritage in art education	592

5.2. ЭКОНОМИКА

5.2. ECONOMY

Научная статья

УДК 332.11+711.4+658.512

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1572

Natalya Anatolyevna Alekseeva

Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics
and Organization of the Agro-Industrial Complex,
Udmurt State Agrarian University
Izhevsk, Russian Federation
497477@mail.ru

Olga Igorevna Ryzhkova

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics
and Organization of the Agro-Industrial Complex,
Udmurt State Agrarian University
Izhevsk, Russian Federation
olga.rizhckowa@yandex.ru

Olga Valerievna Abasheva

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Organizational
and Personnel Work in Government Bodies,
MIREA - Russian Technological University
Moscow, Russian Federation
abasheva175@mail.ru

Svetlana Alikovna Doronina

Senior Lecturer of the Department of Economics
and Organization of the Agro-Industrial Complex,
Udmurt State Agrarian University
Izhevsk, Russian Federation
dorx@yandex.ru

Наталья Анатольевна Алексеева

д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры экономики
и организации АПК,
Удмуртский государственный аграрный университет
Ижевск, Российская Федерация
497477@mail.ru

Ольга Игоревна Рыжкова

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры экономики
и организации АПК,
Удмуртский государственный аграрный университет
Ижевск, Российская Федерация
olga.rizhckowa@yandex.ru

Ольга Валерьевна Абашева

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры организационно-кадровой работы
в органах государственной власти,
МИРЭА — Российский технологический университет
Москва, Российская Федерация
abasheva175@mail.ru

Светлана Аликовна Доронина

старший преподаватель кафедры экономики
и организации АПК,
Удмуртский государственный аграрный университет
Ижевск, Российская Федерация
dorx@yandex.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ЗЕМЛЯМИ ПРИ ИЗМЕНЕНИИ КАТЕГОРИИ ЗЕМЕЛЬ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Актуальность темы обусловлена тем, что в отечественной науке традиционно применяется методологический подход к оценке эффективности управления земельными ресурсами, основанный на принципах стабильности землеустроительных и кадастровых работ, оценке доходности инвестиций, наполняемости доходами бюджетной системы, государственной поддержки производителей. Однако современные вызовы, такие как внедрение ESG-принципов, требуют нового подхода. В существующих методиках часто игнорируется значимость организационно-правовых отношений, особенно процесса перевода земель из одной категории в другую, который требует более четкого экономического обоснования. Цель исследования состоит в разработке методического подхода к оценке эффективности управления земельными ресурсами, учитывающего управ-

ленческий фактор — перевод земель из одной категории в другую, а также социальные и экологические эффекты. В рамках решения задач исследования проведен анализ существующих теоретических и методических подходов к оценке эффективности управления земельными ресурсами, изучена роль организационно-правовых отношений при переводе земель в иные категории, исследовано применение ESG-принципов в управлении землей, сформированы предложения по совершенствованию процедуры перевода земель и оценке результатов. Исследованы традиционные и современные подходы к оценке эффективности управления земельными ресурсами, значимость организационно-правового потенциала оформления земель, особенно в законодательного регулирования процессов перевода земель. Предложен методический подход к оценке эффективности управления земельными ресурсами, основанный

на изучении влияния социальных, управленческих и экологических факторов. Теоретическая важность исследования заключается в расширении методологической базы оценки эффективности управления земельными ресурсами за счет интеграции организационно-правового аспекта в экономическое обоснование перевода земель в иные категории, что дополняет существующие исследования в области ESG и ресурсного потенциала агропромышленных систем. Предложенные рекомендации помогут муниципальным образованиям повысить эффективность ввода земель

в хозяйственный оборот, обеспечить правовую и экономическую обоснованность перевода земель в различные категории, а также внедрять ESG-принципы при планировании и управлении земельными ресурсами.

Ключевые слова: управление земельными ресурсами, эффективность управления, организационно-правовые отношения, перевод земель из одной категории в другую, экономическое обоснование, ESG-принципы, землеустроительные работы, учетно-кадастровые работы, ресурсный потенциал, устойчивое финансирование

Для цитирования: Алексеева Н. А., Рыжкова О. И., Абашева О. В., Доронина С. А. Оценка эффективности управления землями при изменении категории земель // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 13—17. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1572.

Original article

LAND MANAGEMENT EFFECTIVENESS ASSESSMENT IN CASE OF LAND RECLASSIFICATION

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The relevance of the topic is due to the fact that domestic science traditionally uses a methodological approach to assessing the effectiveness of land management, based on the principles of stability of land management and cadastral works, assessing the profitability of investments, the occupancy of revenues of the budget system, and state support for producers. However, modern challenges, such as the introduction of ESG principles, require a new approach. Existing methodologies often ignore the significance of organizational and legal relations, especially the process of transferring land from one category to another, which requires a clearer economic justification. The aim of the study is to develop a methodological approach to assessing the effectiveness of land management, taking into account the management factor - the transfer of land from one category to another, as well as social and environmental effects. As part of solving the tasks of the study, an analysis of existing theoretical and methodological approaches to assessing the effectiveness of land management was carried out, the role of organizational and legal relations in transferring land to other categories was studied, the application of ESG principles in land management was investigated, proposals were made to improve the procedure for transferring land and assess the results. Traditional and modern approaches

to assessing the effectiveness of land management, the importance of the organizational and legal potential of land registration, and the peculiarities of legislative regulation of land transfer processes were studied. A methodological approach to assessing the effectiveness of land management is proposed, based on the study of the influence of social, managerial and environmental factors. The theoretical importance of the study lies in the expansion of the methodological base for assessing the effectiveness of land management by integrating the organizational and legal aspect into the business case for the transfer of land to other categories, which complements existing research in the field of ESG and the resource potential of agro-industrial systems. The proposed recommendations will help municipalities to increase the efficiency of putting land into economic circulation, ensure the legal and economic feasibility of transferring land to various categories, as well as implement ESG principles in land planning and management.

Keywords: land resources management, management effectiveness, organizational and legal relations, land transfer from one category to another, economic justification, ESG principles, land management works, accounting and cadastral works, resource potential, sustainable financing

For citation: Alekseeva N. A., Ryzhkova O. I., Abasheva O. V., Doronina S. A. Land management effectiveness assessment in case of land reclassification. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):13—17. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1572.

Введение

Актуальность. В отечественной научной литературе доминирует традиционный методологический подход к оценке эффективности управления земельными ресурсами. Принципы ESG-перехода в оценках только начинают применяться. Так, всё чаще встречаются интегральные оценки всего потенциала использования земельных ресурсов. Не все исследователи обращают внимание на особо значимый элемент управленческих отношений — перевод земель из одной категории в другую. Изменение категории земель — неизбежный процесс. И если перевод земель с правовой точки зрения проработан, то экономическое обоснование такого перевода недостаточно четко прописано в законодательстве.

Изученность проблемы. И. П. Довбий, В. В. Кобылякова, А. А. Минкин трактуют «ESG-трансформации как новую парадигму глобальной экономики» и устойчивости финансовых систем стран и корпораций [1, с. 78]. А. Д. Гоги-на и Е. А. Федченко указали на особенности применения ESG-стратегий в государственном и корпоративном секторах экономики [2, с. 42]. А. О. Камалова и Р. А. Таибова раскрыли этапы ESG-интеграции в инвестиционные процессы корпораций [3, с. 210]. Я. Р. Першин и Е. С. Будкина оценили влияние ESG-факторов (экологических, социальных, управленческих) на корпоративные финансы и определили перспективные направления стимулирования устойчивого финансирования [4, с. 2]. Н. М. Полянская и А. А. Колесняк оценили ресурсный потенциал агропромышленной системы

через ряд компонентов, но организационно-правовой потенциал земельных ресурсов не учли [5, с. 24]. А. В. Бабич отметила, что изменение категории земель — сфера влияния градостроительного законодательства с его требованием к установлению границ населенных пунктов в генеральных планах муниципальных образований [6, с. 99]. И. Г. Чернышенко поднял проблему целесообразности определения правового режима использования земель через понятие категории земель [7, с. 79]. В. П. Грахов, Н. М. Якушев, К. В. Дунаева подчеркнули важность наличия у земельного участка разрешенной категории использования и целевого назначения для планировочной организации земельного участка [8, с. 62]. В отношении промышленных земель Д. В. Азаров отметил, что возможно изменение категории земель, например когда разрастается площадь населенных пунктов или когда производство располагается в непосредственной близости к населенным пунктам [9, с. 4].

По мнению В. Е. Емельянова, в законодательстве нечетко сформулированы положения об основаниях отказа в рассмотрении ходатайства на перевод земель, составе документов [10, с. 239]. Также автор заявил, что к ходатайству о переводе земель должно прилагаться обоснование такого перевода, хотя законодательно приложения соответствующего документа не требуется. Но есть исключения из правоприменительной практики, когда требуется заключение экологической экспертизы [10, с. 242]. К. А. Никитина подтвердила неоднозначность трактовки законодательства об обосновании решения о переводе земель в иные категории [11, с. 62, 63]. М. Н. Уварова, Н. В. Польшакова, С. Ю. Гришина упомянули, что улучшение пространственно-территориальных характеристик планирования земель является важным рычагом воздействия в вопросах рационализации использования земель сельскохозяйственного назначения [12, с. 32]. Э. Н. Цораева рассмотрела недостатки землепользования, которые должны устраняться на этапах территориального планирования [13, с. 622]. В. И. Трофимова отметила, что в сфере земельных отношений часто перевод земель из одной категории в другую осуществляется с неправомерными целями, что является отражением деструктивного поведения землепользователей [14, с. 97]. Н. Н. Федоскин подчеркнул, что усовершенствования требуют те положения земельного законодательства, которые касаются механизмов предоставления земельных участков льготным категориям граждан [15, с. 267].

Целесообразность разработки темы. Во всех муниципальных образованиях есть генеральные планы развития территорий, которые периодически нуждаются в корректировке вследствие изменения социально-экономических условий их реализации, что вызывает необходимость в отдельных случаях переводить земли и земельные участки из одной функциональной категории в другую. Такая переклассификация приводит к изменению границ муниципальных образований, правового статуса земель и пересмотру их стоимости. Нужна методика экономического обоснования целесообразности такого перевода.

Цель исследования заключается в разработке методического подхода к оценке эффективности управления земельными ресурсами на муниципальном уровне, основанного на принципах ESG-трансформации, который включал бы экономическое, социальное и экологическое обоснование затрат, осуществляемых при перекатегоризации земель. **Задачами** исследования являются анализ состояния земельных ресурсов на уровне муниципального

образования (на примере Кизнерского района Удмуртской Республики), определение площадей земель, подлежащих квалификации в иную категорию, и связанных с этим процессом особенностей, разработка методического подхода к оценке эффективности управления земельными ресурсами на муниципальном уровне, включающего в т. ч. оценку организационно-правового фактора.

Научная новизна исследования заключается в совершенствовании методического подхода, связанного с оценкой эффективности управления земельными ресурсами, при изменении категории земель. Конкретизация получаемых эффектов и понесенных затрат в этих процессах вносят значительный вклад в развитие теории управления земельными ресурсами.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении факторов, влияющих на оценку эффективности управления земельными ресурсами, выделении организационно-правового фактора, связанного с процедурами изменения категории земель и земельных участков. Предложенные уточнения и методический подход к оценке эффективности управления земельными ресурсами при изменении категории земель соответствуют современной концепции ESG-трансформаций, обогащают теоретическую базу исследования, открывают новые перспективы для направлений анализа эффективности мер организационно-правового регулирования в сфере земельных отношений.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенных теоретических конструктов для корректировки вариантов оптимального землепользования. Экономическое обоснование эффектов и затрат, связанных с использованием земельных ресурсов относительно изменения категории земель, открывают новые перспективы для других вариантов использования земель и получения экономического эффекта.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Для оценки эффективности управления земельными ресурсами с учетом изменения категории земель использованы методы научного абстрагирования, диалектический подход, метод сравнения, экономико-статистический метод, которые обосновали учет экологических, социальных и управленческих факторов, влияющих на иное, более эффективное использование земель.

Результаты и обсуждение исследования. Результаты анализа использования земель на примере Кизнерского района Удмуртской Республики показали рост степени разграничения государственной собственности на землю (с 43,2 до 58,32 %), что свидетельствует о постоянной работе по оформлению земельного права и оптимизации структуры земельного фонда. Доля земель, предоставляемых для жилищного и коммерческого строительства по рыночной стоимости, остается стабильной или незначительной по росту. Однако доля земель, переданных в аренду, и доля земель, вовлеченных в гражданский оборот, постоянно снижается (с 60,73 до 45,58 и с 75,07 до 65,15 % соответственно). Всё это связано с ограниченным спросом, недостаточной инвестиционной активностью и несовершенством условий предоставления земли, что в перспективе может отрицательно сказаться на поступлениях в бюджет. Доля земель, в отношении которых проведено землеустройство и межевание, характеризуется высокой волатильностью (от 32,23 % в 2022 г. до 100 % в 2023 г. и обратно до 27,66 % в 2024 г.),

указывающей на неритмичность работ по оформлению земель и организационных трудностях. Средняя удельная доходность земель снизилась с 16,43 % в 2022 г. до 8,53 % в 2024 г., несмотря на общий рост дохода. Это свидетельствует о том, что увеличение поступлений в бюджет связано с расширением баз вовлеченных земель, а не с повышением эффективности их использования. Для дальнейшего повышения эффективности управления необходимы меры по увеличению инвестиционной привлекательности муниципальных земель и стимулированию инвестиций в земельные участки, а также совершенствование условий предоставления земли.

В Кизнерском районе Удмуртской Республики наблюдается активное развитие добычи полезных ископаемых, использование лесных и водных ресурсов в хозяйственной деятельности. В районе предусмотрен перевод земель сельскохозяйственного назначения в земли населенных пунктов и земли промышленности. При этом прирост площади населенных пунктов составит 391,1 га или на 31,8 % до 2030 г. В районе доля земель сельскохозяйственного назначения составляет 37 % общей площади всех земельных угодий, что требует особого внимания к участкам с высокой плодородностью, поскольку их сохранение и экономное использование напрямую способствуют росту аграрного потенциала региона. Оптимальным подходом может стать расширение населенных пунктов и промышленных земель за счет менее плодородных земель, что позволит сохранить границы ценных сельскохозяйственных угодий для производства, либо планирование застроек на уже включенных в границы населенных пунктов территориях. Такой подход позволит эффективно использовать земельные ресурсы, сохраняя при этом продуктивные аграрные зоны для сельскохозяйственной деятельности, оптимизировать затраты на рекультивацию земель.

Предлагается методический подход к оценке экономической эффективности управления земельными ресурсами на региональном уровне, учитывающий особенности экологической ситуации и социальные аспекты, возникающие при изменении категории земель. По подходу следует рассчитывать индекс эффективности использования земельных ресурсов в двух вариантах — предполагающем и не предполагающем изменение категории земель:

$$IE = (ЧП + ЭС + СЭ) / 3, \quad (1)$$

где IE — индекс эффективности использования земельных ресурсов, коэффициент;

$ЧП$ — чистая прибыль, руб.;

$ЭС$ — экологическая стоимость, учитывающая экологические платежи, компенсации ущерба, субсидии на реализацию экологических инициатив, руб.;

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Довбий И. П., Кобылякова В. В., Минкин А. А. ESG-переход как новая парадигма глобальной экономики и устойчивых финансов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». 2022. Т. 16. № 1. С. 77—86. DOI: 10.14529/em220107.
- Гогина А. Д., Федченко Е. А. Ретроспектива развития ESG-стратегии экономических субъектов государственного и корпоративного секторов экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 9. Ч. 1. С. 41—51. DOI: 10.17513/vaael.4305.
- Камалова А. О., Таибова Р. А. ESG-критерии и ESG-факторы в инвестиционной политике // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4(61). С. 208—212. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.480.
- Першин Я. Р., Будкина Е. С. Влияние EGS (экологические, социальные и управленческие факторы) на корпоративные финансы // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № S1. URL: <https://esj.today/PDF/02FAVN125.pdf>.
- Полянская Н. М., Колесняк А. А. Методика интегральной оценки ресурсного потенциала агропродовольственной системы региона // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 4(30). С. 20—31.

$СЭ$ — социальный эффект, учитывающий создание рабочих мест, развитие социальной инфраструктуры, руб.;

$З$ — общие затраты, включающие капитальные вложения, операционные и экологические затраты, руб.;

$$ЧП = ОД - З, \quad (2)$$

где $ОД$ — общий доход от использования земельных ресурсов, руб.;

$$СЭ = Ч_{PM} \times СЗП + И, \quad (3)$$

где $Ч_{PM}$ — число новых рабочих мест, ед.;

$СЗП$ — средняя заработная плата в муниципалитете, руб.;

$И$ — инвестиции в социальные проекты в муниципалитете, руб.

Вариант, который предполагает изменение категории земли, основывается на расчетах, представленных заинтересованным потенциальным инвестором в его инвестиционном проекте. Рекомендуется в качестве расчетного периода принимать 10 лет, за который рассчитываются свободные денежные потоки, и еще последующие 10 лет, за которые следует рассчитывать остаточный денежный поток.

Сравнительный анализ двух индексов эффективности позволит правильно выбрать вариант использования земли или земельного участка.

Методические аспекты совершенствования земельного законодательства в сфере перевода земель из одной категории в другую нуждаются в совершенствовании путем уточнения экономических эффектов от таких переводов, а также создания единообразной судебной практики при разрешении споров в этой сфере.

Также необходимо в состав документов, подаваемых к ходатайству о переводе земель из одной категории в другую включать экономическое обоснование такого перевода. Это несколько удорожает стоимость процедур перевода, но и предупреждает предпринимателей о возможном неправильном выборе варианта способа использования земель.

Выводы

По нашему мнению, предложенный методический подход позволит управляющим в муниципалитетах учитывать не только финансовые показатели (бюджетные поступления), но и экологические, социальные и управленческие аспекты, что важно для формирования устойчивого развития земельных ресурсов. С помощью данного подхода организационно-правовой аспект изменения категории земли и земельного участка получит экономическое обоснование.

6. Бабич А. В. Правовые и организационные аспекты установления и изменения границ населенных пунктов // Моя профессиональная карьера. 2022. № 43. Т. 1. С. 97—103.
7. Чернышенко И. Г. Общеправовые и специальные проблемы правового регулирования процедуры перевода земель (на примере земель сельскохозяйственного назначения) // Правовое регулирование экономической деятельности. 2022. № 2. С. 75—83.
8. Грахов В. П., Якушев Н. М., Дунаева К. В. Совершенствование методики организации среды общих данных при проектировании раздела «Схема планировочной организации земельного участка» // Интеллектуальные системы в производстве. 2023. Т. 21. № 3. С. 62—69. DOI: 10.22213/2410-9304-2023-3-62-69.
9. Азаров Д. В. Концепция межкатегориального анализа в сравнительном подходе к стоимостной оценке земельных участков промышленного назначения // Российский экономический интернет-журнал. 2024. № 2. URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/c3a/y110vhe0s3wdkf413mk4z2puy3f6se75.pdf>.
10. Емельянов В. Е. Перевод земель из одной категории в другую: проблемы правового регулирования и пути их решения // Вестник науки. 2025. № 11(92). Т. 5. С. 237—247.
11. Никитина К. А. Правовые особенности и проблемы перевода земель и земельных участков из одной категории в другую // Диалог. 2024. № 4(30). С. 62—65.
12. Уварова М. Н., Польшакова Н. В., Гришина С. Ю. Методы и подходы к управлению земельными ресурсами сельскохозяйственного назначения // Экономическая среда. 2025. Т. 14. № 2. С. 25—33.
13. Цораева Э. Н. Актуальные вопросы рационального использования земель сельскохозяйственного назначения // International Agricultural Journal. 2025. Т. 68. № 2. С. 618—631.
14. Трофимова В. И. Экономическое поведение субъектов рынка земель сельскохозяйственного назначения // Управление. 2023. Т. 11. № 4. С. 90—99. DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-90-99.
15. Федоскин Н. Н. К вопросу о приобретении бесхозяйных земельных участков в муниципальную собственность // Epomen. Global. 2022. № 32. С. 263—267.

REFERENCES

1. Dovbiy I. P., Koblyakova V. V., Minkin A. A. ESG-transition as a new paradigm of global economy and sustainable finance. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i menedzhment» = Bulletin of the South Ural state university. Series "Economics and Management"*. 2022;16(1):77—86. (In Russ.) DOI: 10.14529/em220107.
2. Gogina A. D., Fedchenko E. A. Retrospective of the development of ESG strategies of economic entities in the public and corporate sectors of the economy. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai Academy of Economics and Law*. 2025;9-1:41—51. (In Russ.) DOI: 10.17513/vaael.4305.
3. Kamalova A. O., Taibova R. A. ESG-criteria and ESG-factors in investment policy. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2022;4(61):208—212. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.480.
4. Budkina E. S., Pershin Ya. R. The impact of EGS (environmental, social and management factors) on corporate finance. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(s1). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/02FAVN125.pdf>.
5. Polyanskaya N. M., Kolesnyak A. A. The resource potential integral assessment method of the agro-food system of the region. *Sotsial'no-ekonomicheskii i humanitarnyi zhurnal = Social and economic and humanitarian magazine*. 2023; 4(30):20—31. (In Russ.)
6. Babich A. V. Legal and organizational aspects of establishing and changing the boundaries of settlements. *Moya professional'naya kar'era*. 2022;43-1:97—103. (In Russ.)
7. Chernyshenko I. G. General and special problems of legal regulation of land transformation procedure (on the example of agricultural land). *Pravovoe regulirovanie ekonomicheskoi deyatel'nosti*. 2022;2:75—83. (In Russ.)
8. Grakhov V. P., Yakushev N. M., Dunaeva K. V. Methodology Improvement of Common Data Environment Organization to Design the Section "Land Plot Layout Scheme". *Intellektual'nye sistemy v proizvodstve = Intelligent systems in manufacturing*. 2023;21(3):62—69. (In Russ.) DOI: 10.22213/2410-9304-2023-3-62-69.
9. Azarov D. V. The concept of intercategory analysis in a comparative approach to the valuation of industrial land plots. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal = Russian economic online journal*. 2024;2. (In Russ.) URL: <https://www.e-rej.ru/upload/iblock/c3a/y110vhe0s3wdkf413mk4z2puy3f6se75.pdf>.
10. Emelyanov V. E. Land transfer from one category to another: problems of legal regulation and ways to solve them. *Vestnik nauki*. 2025;11(92)-5:237—247. (In Russ.)
11. Nikitina K. A. Legal features and issues in the reclassification of land and land plots from one category to another. *Dialog*. 2024;4(30):62—65. (In Russ.)
12. Uvarova M. N., Polshakova N. V., Grishina S. Yu. Methods and approaches to land resources management. *Ekonomicheskaya sreda = Economic environment*. 2025;14(2):25—33. (In Russ.)
13. Tsoraeva E. N. Topical issues of rational use of agricultural lands. *International Agricultural Journal*. 2025;68(2): 618—631. (In Russ.)
14. Trofimova V. I. Economic behavior of agricultural land market subjects. *Upravlenie = Management (Russia)*. 2023;11(4):90—99. (In Russ.) DOI: 10.26425/2309-3633-2023-11-4-90-99.
15. Fedoskin N. N. On the issue of the acquisition of ownerless land plots into municipal ownership. *Epomen. Global*. 2022;32:263—267. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 23.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 23.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 332.12
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1529

Sergey Ivanovich Bazhenov
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Socio-Economic Disciplines,
Ural Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Ekaterinburg, Russian Federation
naukaservis@rambler.ru

Сергей Иванович Баженов
д-р экон. наук,
профессор кафедры социально-экономических дисциплин,
Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
Екатеринбург, Российская Федерация
naukaservis@rambler.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Необходимость повышения качества принимаемых управленческих решений на региональном уровне обусловлена острой потребностью в рациональном распределении ограниченных ресурсов и обеспечении устойчивого роста социального и экономического благополучия территории. В условиях растущей сложности социально-экономических процессов традиционные подходы к управлению часто оказываются недостаточно эффективными, что приводит к неоптимальному использованию бюджетных средств и замедлению развития. Современные методы интеллектуального анализа больших массивов данных (Big Data), включая машинное обучение и глубокий анализ как структурированной (статистические индикаторы, временные ряды), так и неструктурированной информации (тексты отчетов, социальные сети, геоданные), позволяют значительно повысить точность прогнозов ключевых показателей региона — от экономических (ВРП, инвестиции, занятость) до социальных (уровень жизни, миграция) и экологических (загрязнение, устойчивость ресурсов). На основе результатов научных исследований отечественных и зарубежных авторов предлагается внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) для разработки моделей оптимального принятия управленческих решений. Эти модели интегрируют алгоритмы адаптивной кластеризации пространственно-временных характеристик общественных процессов, многопараметрический регрессивный анализ и методики

обнаружения латентных взаимосвязей в динамике экономических индикаторов. В статье подробно рассматриваются вопросы применения ИИ в системе управления региональным развитием с использованием цифровых методов территориального планирования. Основное внимание уделяется повышению эффективности управленческих решений через интеграцию технологий ИИ. По сравнению с традиционными методами (экспертные оценки, статистическая статистика), а также с цифровыми двойниками и IoT-системами мониторинга в реальном времени, ИИ обеспечивает автоматизацию процессов сбора, обработки и анализа больших данных. Это позволяет прогнозировать социально-экономическое развитие на горизонте 3—5 лет, оптимизировать распределение бюджетных средств на основе предиктивной аналитики (например, приоритизация инфраструктурных проектов) и минимизировать риски (кризисы, экологические угрозы). В итоге внедрение таких подходов способствует переходу к проактивному управлению, повышая конкурентоспособность регионов.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровой двойник, эффективность управленческих решений, управление региональным развитием, конкурентоспособность, региональная инфраструктура, качество жизни, региональный прогноз, сравнительные подходы, риски управления, прогнозирование ситуаций, конкурентоспособность региона

Для цитирования: Баженов С. И. Применение искусственного интеллекта для повышения эффективности управления регионом // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 18—24. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1529.

Original article

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TO IMPROVE THE EFFICIENCY OF THE REGION MANAGEMENT

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The need to improve the quality of management decisions at the regional level is due to the urgent need for a rational allocation of limited resources and ensuring sustainable growth in the social and economic well-being of the territory. In the context of the growing complexity of socio-economic processes, traditional management approaches often turn out to be insufficiently effective, which leads to suboptimal use of budget funds and a slowdown in development. Modern methods of intel-

ligent analysis of large amounts of data (Big Data) — including machine learning and deep analysis of both structured (statistical indicators, time series) and unstructured information (report texts, social networks, geodata) - can significantly improve the accuracy of forecasts of key indicators of the region, ranging from economic (GRP, investment, employment) to social (standard of living, migration) and environmental (pollution, resource sustainability). Based on the results of scientific research

by domestic and foreign authors, it is proposed to introduce AI technologies to develop models for optimal management decision-making. These models integrate algorithms for adaptive clustering of spatiotemporal characteristics of social processes, multiparametric regression analysis, and techniques for detecting latent relationships in the dynamics of economic indicators. The article discusses in detail the issues of the application of artificial intelligence in the regional development management system using digital methods of territorial planning. The focus is on improving the effectiveness of management decisions through the integration of AI technologies. Compared with traditional methods (expert assessments, static statistics), as well as with digital counterparts and IoT monitoring systems

in real time, AI provides automation of the processes of collecting, processing and analyzing big data. This makes it possible to predict socio-economic development over a 3-5-year horizon, optimize budget allocation based on predictive analytics (for example, prioritization of infrastructure projects) and minimize risks (crises, environmental threats). As a result, the introduction of such approaches contributes to the transition to proactive management, increasing the competitiveness of the regions.

Keywords: artificial intelligence, digital twin, efficiency of management decisions, management of regional development, competitiveness, regional infrastructure, quality of life, regional forecast, comparative approaches, management risks, forecasting situations, competitiveness of the region

For citation: Bazhenov S. I. The use of artificial intelligence to improve the efficiency of the region management. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):18—24. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1529.

Введение

Актуальность представленного научного изыскания определяется динамично возрастающей интеграцией цифровых моделей и сенсорных устройств интернета вещей (IoT) в управленческие процедуры регионального уровня. Указанная тенденция детерминирована прогрессирующим внедрением методов информационного моделирования, снижением стоимости производства измерительных приборов и ускоренным темпом накопления массивов пространственно-временных данных относительно текущего состояния инфраструктурных элементов территории. Современная парадигма развития требует трансформационного перехода от традиционных способов визуального контроля технического состояния объектов региона к методикам автоматического анализа, основанным на интеллектуальном принятии решений посредством машинных алгоритмов. Последние десятилетия характеризуются существенным прорывом в сфере изучения возможностей искусственного интеллекта (далее — ИИ), который успешно применяется в проектировании, строительстве и управлении недвижимостью и инфраструктурными комплексами. Тем не менее использование упомянутых технологий сопряжено с целым рядом объективных ограничений, включая значительную неопределенность итоговых показателей деятельности ИИ программ, высокие требования к производительности компьютерных ресурсов и дефицит высококвалифицированного персонала. Преодоление обозначенных проблем создает благоприятные предпосылки для формирования высокоэффективных научных, технических и организационно-экономических решений, ориентированных на оптимизацию расходов, минимизацию эксплуатационных рисков и улучшение потребительских качеств предоставления коммунальных и инфраструктурных сервисов населению.

Изученность проблемы. Применение информационных технологий становится неотъемлемой частью управления региона в современных конкурентных условиях. Интеграция применения ИИ в систему управления дает возможность расширить инструментарий методов региональным развитием. С использованием цифровых методов территориального планирования обеспечивается и контроль текущего состояния, и прогнозирование ситуаций, что находит подтверждение в примерах практического внедрения в различных сферах. В работах Э. А. Гладкова [1] описано применение ИИ-методов (машинное обучение, нейронные сети) для обработки данных сенсоров, анализа аномалий и предиктивной диагностики инфраструктуры, включая примеры платформ вроде

Dynatrace. И. А. Лакиза и А. А. Посажеников [2] обобщают мировой опыт IoT в управленческой инфраструктуре, отмечая снижение рисков. В своих исследованиях М. А. Тетеркин, А. Р. Анисимов, Л. Р. Томильченко [3] предлагают применение в инновационных подходах к управлению не только технологиям, но и инвестициям. М. А. Строев и В. М. Сви-стунов [4] считают, что внедрение ИИ в систему управления региона существенно сократят риски принимаемых управленческих решений. В поисках современного инструментария по применению ИИ эти гипотезы дополняют в своих работах А. Ф. Гарифулина и О. Н. Игнатьева [5], Э. Д. Харсанов [6], Е. О. Сазонов [7]. И. А. Гранкина [8] и Т. В. Букина [9] подчеркивают преимущества реального времени для выявления проблем, а также прогнозирования сбоев с использованием машинного обучения и глубокого обучения. Л. В. Зубарева [10], И. А. Черешнева [11], В. А. Федосеева [12], Н. В. Москвитина [13], Ю. А. Чернявская [14], А. А. Тусков [15] отмечают, что, несмотря на прогресс, исследования выделяют барьеры: неопределенность результатов ИИ. Высокие требования к вычислительным мощностям, дефицит квалифицированных кадров и инфраструктуры, а также разрозненность данных. Проблема интеграции IoT и ИИ в мониторинг и управление региональной инфраструктурой активно изучается в научной литературе, с акцентом на переход от визуального контроля к автоматизированным системам анализа данных. В то же время в российском контексте подчеркивают отсутствие нормативной базы, зависимость от импорта оборудования и финансовые риски для регионов. Эти проблемы подтверждаются опросами и анализом внедрений, где компетентность персонала и стоимость решений — главные препятствия.

Научная новизна состоит в выявлении и систематизации проблем распространения применения ИИ при управлении регионом и предложении действенных решений по их преодолению.

Целью исследования является разработка теоретико-методического подхода к обеспечению повышения эффективности принятия управленческих решений за счет применения ИИ.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- определить преимущества применения ИИ в принятии управленческих решений;
- выявить барьеры распространения ИИ в управлении регионом;
- предложить практические рекомендации преодоления сложностей внедрения ИИ в управлении.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в систематизации преимуществ и проблем применения ИИ при принятии управленческих решений.

Практическая значимость состоит в предложении ряда мер по снижению рисков при внедрении ИИ в управление регионом.

Методология исследования. В целях подготовки настоящего научного исследования были использованы системный и сравнительный подходы, анализ статистической информации в сфере управления регионом. Исследование носит междисциплинарный характер.

Основная часть

Современные вызовы регионального управления, такие как рост урбанизации, климатические риски и бюджетные ограничения, требуют перехода к *data-driven* подходам. ИИ, обладающий способностью анализировать большие данные и моделировать сложные системы, становится критическим инструментом оптимизации распределения ресурсов, прогнозирования долгосрочных трендов, автоматизации рутинных процессов. ИИ приобретает всё большее значение в контексте регионального управления, предлагая принципиально новые методы увеличения продуктивности и качества предоставляемых государством услуг. Анализируются ключевые области внедрения ИИ в региональном управлении и политику.

Одна из центральных областей применения заключается в применении технологий ИИ для обработки массивов разнородных данных и разработки высоконадежных прогностических моделей. Современный инструментарий машинного обучения обеспечивает выявление латентных паттернов и тенденций, позволяя строить прогнозы относительно динамики социально-экономической обстановки, изменений численности населения, угроз экологии и показателей общественной нестабильности [5].

Эти инструменты существенно облегчают принятие взвешенных управленческих решений и предупреждение критических ситуаций. Пример подобного подхода иллюстрируется внедрением автоматизированных систем мониторинга природоохранных зон и экосистем. Аналитические алгоритмы позволяют проводить мониторинг состояния лесных массивов, водоемов, атмосферы и почвенного покрова, незамедлительно идентифицируя потенциальные угрозы экологической устойчивости [6].

Еще одним приоритетным направлением выступает автоматизация стандартных операций и рационализация организационно-управленческой деятельности исполнительных органов власти. Средства ИИ демонстрируют высокую эффективность в сокращении временных затрат и финансовых издержек на обработку документации, осуществление контрольных мероприятий, выдачу разрешительных актов и сертификатов [7].

К примеру, интерактивные виртуальные ассистенты обеспечивают круглосуточную доступность необходимой информации для граждан, повышая уровень взаимодействия субъектов гражданского общества и государства. Помимо этого, методики машинного обучения успешно реализуются для объективизации оценок результативности принятых мер, раннего обнаружения коррупционных проявлений и оптимизации расходования бюджетных средств. Инкорпорация интеллектуальных систем в процессы выработки решений повышает степень открытости и подконтрольности действий региональных администраций населению. Активно внедряются средства ИИ для модернизации городского хозяйства

и стимулирования экономического роста территорий. Компьютерное зрение и геоаналитические алгоритмы широко применяются для проектирования транспортных магистралей, эффективного распределения потоков пассажирского транспорта и контроля дорожной обстановки [8].

Предиктивная аналитика также используется властями регионов для рационального распределения ресурсов и минимизации операционных потерь. Кроме того, ИИ занимает значимую позицию в поддержке предпринимательства и инновационной активности. Платформы на базе методов ИИ предоставляют малому бизнесу эффективные механизмы поиска рынков сбыта продукции, привлечения инвестиций и расширения производства. Ярким примером служат цифровые площадки содействия стартап-проектам и технологическим инициативам, позволяющие предприятиям оперативно реагировать на рыночные колебания и укреплять конкурентные преимущества. Применение ИИ ориентировано на значительное увеличение качества жизни обитателей региона. Широко распространена практика интеграции интеллектуальных медицинских комплексов, обеспечивающих своевременную диагностику заболеваний, разработку персонализированных терапевтических протоколов и превентивных мероприятий [9].

Подобные подходы востребованы и в образовательной среде, где индивидуализированные рекомендации и адаптируемые образовательные курсы ведут к существенному росту академических достижений учащихся. Отдельное внимание уделено аспектам социального обеспечения и защите наиболее уязвимых слоев населения. Системы ИИ способны точно оценивать запросы различных групп граждан и рекомендовать целевые меры поддержки, способствуя справедливому распределению общественных благ и достижению устойчивого роста уровня удовлетворенности всеми слоями населения. Следовательно, технологии ИИ создают значительные предпосылки для трансформации подходов к государственному управлению и подъема стандартов жизни граждан в регионах. Грамотное использование указанных технологий.

Внедрение технологий ИИ в управление региональными системами сталкивается с рядом препятствий, обусловленных как техническими, так и организационными аспектами. Рассмотрим основные препятствия, возникающие при интеграции ИИ в процессы управления регионами. Одним из ключевых барьеров является недостаточный уровень развития цифровой инфраструктуры регионов. Для эффективного использования возможностей ИИ необходимы высокоскоростные сети передачи данных, облачные платформы хранения и обработки больших объемов информации, а также специализированные вычислительные мощности. Многие регионы сталкиваются с ограничениями в развитии необходимой инфраструктуры, что затрудняет внедрение передовых решений на базе ИИ [10].

Кроме того, существующий парк устаревших информационных систем требует модернизации и интеграции с новыми технологиями. Сложности возникают и при переходе на современные стандарты безопасности данных, защиты персональных сведений граждан и предотвращения кибератак. Региональные администрации часто испытывают дефицит специалистов с необходимыми компетенциями в области анализа данных, разработки алгоритмов машинного обучения и эксплуатации ИИ решений. Квалифицированные кадры требуются не только для внедрения новых технологий, но и для поддержания работоспособности системы, адаптации ее к изменениям внешней среды

и постоянного обновления моделей. Создание условий для подготовки кадров, привлечение высококвалифицированных специалистов, повышение квалификации сотрудников органов власти являются важными задачами, способствующими преодолению кадрового дефицита.

Правовая база большинства регионов не адаптирована к применению технологий ИИ. Необходимо создание специальных нормативных актов, регулирующих вопросы сбора, хранения и обработки данных, определение ответственности за возможные ошибки и сбои систем, механизмы контроля качества результатов применения ИИ [11].

Также следует учитывать этические аспекты использования ИИ — обеспечение прозрачности принятия решений, защита прав граждан на частную жизнь и свободу выбора.

Внедрение современных ИТ-инфраструктуры и программного обеспечения связано с большими финансовыми вложениями. Необходимость закупки оборудования, лицензирования программных продуктов, привлечения консультантов и экспертов создает значительную нагрузку на бюджеты региональных администраций. При этом важно оценить долгосрочную экономическую эффективность проектов, учитывая снижение затрат на обслуживание, оптимизацию процессов и повышение производительности труда. Финансовая поддержка государства, участие частных инвесторов, развитие государственно-частного партнерства способствуют решению проблемы высоких расходов на внедрение технологий ИИ [12].

Сотрудники государственных учреждений зачастую негативно воспринимают изменения, связанные с внедрением новых технологий. Страх потери рабочих мест, недостаток понимания преимуществ использования ИИ приводят к замедлению процесса цифровизации и автоматизации управленческих процессов. Для успешной реализации инициатив необходима комплексная программа информирования и вовлечения работников, обучение навыкам работы с современными инструментами, разъяснение выгод и перспектив изменений [16].

Адаптивная модель интеграции ИИ в региональные структуры управления представляет собой сложную многоуровневую систему взаимодействия передовых технологий и административно-хозяйственных процессов, направленную на устойчивое повышение качества жизни местного сообщества и эффективное использование ограниченных ресурсов территории. На начальной стадии осуществления крупномасштабного проекта приоритетной процедурой выступает детальное исследование актуальной социально-демографической, природно-ресурсной и эколого-экономической обстановки исследуемого региона. Указанная процедура нацелена на идентификацию региональных отличительных черт, включающих преимущества и дисфункциональные факторы, необходимые для разработки рациональных стратегических решений, отвечающих интересам локального социума и ресурсному базису территории. Исследование инициируется путем аккумуляции объемного массива разноплановых сведений, охватывающих основополагающие направления функционирования региональной системы. К ключевым направлениям изучения относятся:

- *Социальноэкономическое измерение*: анализ уровней доходности граждан, демографические показатели занятости, структура хозяйственного комплекса, доступность социальной инфраструктуры и динамика ключевых макроэкономических индикаторов.

- *Демография*: характеристика количественных и качественных аспектов народонаселения, изучаются процессы миграции, возрастная структура, плотность расселения и возможные тренды демографического развития.

- *Экологическая ситуация*: систематизация информации относительно экологического состояния, оцениваются уровни антропогенного воздействия на атмосферу, гидросферу и литосферу, учитываются природные богатства и ландшафтно-экологический потенциал местности.

Также существенно включить в процесс оценки региональные общественные ожидания и представления различных страт населения, что позволит определить основные болевые точки социальной реальности и сформировать предложения, соответствующие действительным нуждам целевой аудитории. Следовательно, применение комплексного подхода обеспечивает разработку научно обоснованной модели пространственно-территориального планирования, адекватно отражающей особенности конкретного региона, способствующей повышению социального благополучия населения, поддержанию благоприятного экологического баланса и устойчивому развитию экономической составляющей региона [13]. На современном этапе планируется реализация концепции унифицированной цифровой платформы, предназначенной для консолидации всех организационно-функциональных единиц региональных исполнительных органов власти в едином цифровом пространстве [14]. Основным назначением данной системы является оптимизация межведомственного взаимодействия посредством интегрирования механизмов координации управленческих решений и организации комплексной обработки информационно-аналитической составляющей. Это позволит достичь высокого уровня интеграционного синтеза процессов принятия управленческих решений и повышения эффективности аналитики больших объемов разнородных данных в единой инфраструктурной среде.

Ключевые достоинства разрабатываемой информационной системы:

- *Максимизация степени транспарентности*: посредством унификации процессов централизованной обработки и депонирования сведений достигается существенное повышение ясности деятельности исполнительных структур власти, уменьшение числа административно-правовых ограничений, способствующее росту доверия граждан и субъектов предпринимательской деятельности к функционированию региональных органов власти.

- *Рационализация процедур выработки управленческих решений*: применение инновационных аналитико-прогностических методов дает возможность своевременного выявления узких мест, моделирования вероятных рисков и оперативного внедрения мер противодействия. Автоматизация стандартных рабочих функций освобождает значительные трудовые и временные ресурсы для решения приоритетных задач стратегического характера.

- *Минимизация временных издержек*: внедрение цифровой среды гарантирует мгновенный доступ ко всей необходимой актуальной информации, облегчает сбор и передачу статистических показателей, снижает объем бюрократических процедур, позволяя значительно ускорить принятие важных управленческих решений руководителями субъектов федерации.

Следовательно, формирование единого интегрированного информационно-аналитического комплекса представляет собой эффективный инструмент совершенствования

деятельности органов исполнительной власти на региональном уровне, улучшения качества предоставления общественных сервисов гражданам и устойчивого роста социально-экономического потенциала территории. Применение новейших методов машинного обучения и продвинутых аналитических инструментариев обеспечивает значительное расширение возможностей выявления скрытых взаимосвязей и трендов в разнотипных объемах информации. Данные методики обеспечивают выявление латентных паттернов, недоступных традиционным методикам статистического анализа, тем самым углубляя понимание протекающих региональных процессов. Ключевым преимуществом данного подхода выступает способность построения прогнозистических моделей, позволяющих делать среднесрочные и долгосрочные оценки основных индикаторов социально-экономической динамики территориально-административных единиц. Такой подход позволяет заблаговременно определять альтернативные сценарии последующего развития региональной экономики, идентифицировать факторы риска и формировать комплекс мер по их снижению. Помимо прочего, внедрение интеллектуальных методов анализа данных существенным образом оптимизирует процессы бюджетного планирования, распределяя финансовые средства согласно динамическим характеристикам экономических явлений. Обеспечивая глубокое проникновение в механизмы функционирования хозяйственных субъектов, возможно эффективно перенаправлять финансовые потоки в приоритетные сектора, стимулирующие стабильное развитие территории [15]. Интеллектуальные технологии анализа данных также оказывают значимое влияние на принятие управленческих решений в сфере пространственного планирования и формирования инфраструктуры регионов. Прогнозирование зон интенсивного экономического роста, учет демографических характеристик и специфики локальной экосистемы способствует обоснованному размещению объектов социальной и транспортно-коммуникационной инфраструктуры, повышению эффективности функционирования жилищно-коммунального хозяйства и экологическому регулированию природных ресурсов. Итак, интеграция инновационных подходов интеллектуального анализа и прогнозирования данных существенно увеличивает результативность управления региональными системами, способствуя принятию научно-обоснованных управленческих решений, направленных на улучшение благосостояния населения и обеспечение сбалансированного регионального развития. Активизация процесса внедрения современных информационно-коммуникационных технологий создает условия для масштабирования доступности эффективных электронных сервисов, существенно упрощающих процедуры взаимодействия граждан с государственными структурами. Данный подход позволяет минимизировать потребность физических лиц в непосредственном присутствии в учреждениях публичной администрации, обеспечивая тем самым значительное сокращение временных затрат и снижение административных барьеров. Цифровая трансформация институциональных процессов государства стимулирует активное вовлечение представителей всех социальных групп в процессы принятия решений. Относительно перспектив территориального развития регионов, повышая степень прозрачности функционирования институтов власти и расширяя возможности общественного участия посредством интерактивных инструментов обратной связи [8]. Повышение уровня цифровой грамотности и внедре-

ние инновационных механизмов оказания государственных услуг обеспечивают формирование устойчивой основы для укрепления взаимодовверия между населением и государственным аппаратом. Повышенная информированность граждан, высокая скорость обработки запросов и удобство получения актуальных сведений формируют благоприятную среду для повышения степени удовлетворенности уровнем предоставляемых государственных услуг и оптимизации деятельности исполнительных органов власти. Одним из важнейших условий результативного внедрения инноваций является формирование компетентного персонала региональных органов власти, наделенного необходимыми профессиональными качествами и умениями. Продуктивно применять новейшие технологические достижения и методологии цифровой трансформации государственных сервисов. Целенаправленное создание команды квалифицированных специалистов, глубоко владеющих основами цифровизации административных процедур и управления, выступает ключевым фактором успешного преодоления возникающих проблем и обеспечения эффективной реализации мероприятий по модернизации территориального субъекта. Работникам предстоит освоить прогрессивные подходы к управлению государственными учреждениями, интегрировать перспективные инструменты и оптимизировать исполнительские процессы, посредством цифрового инструментария, достигая повышения производительности труда органов исполнительной власти и улучшения уровня предоставления государственных услуг гражданам.

Формирование надежного механизма непрерывного наблюдения и систематического анализа динамики реализации проектных мероприятий представляет собой основополагающую предпосылку обеспечения эффективной работы организаций любого типа. Установление процедуры постоянной ревизии обеспечивает динамическую оценку степени достижения заданных целей и позволяет оперативно выявлять возникшие расхождения с предварительно утвержденным графиком исполнения заданий. Подобный методологический подход способствует минимизации рисков и снижению негативных последствий отклонений на начальных стадиях их возникновения. Постоянная диагностика текущего положения дел позволяет получать исчерпывающую и объективную картину развития ситуации. Мониторинговая информация выступает базисом для выработки адекватных управленческих решений.

Высшему руководству предоставляется возможность вносить необходимые изменения в стратегии поведения, осуществлять переориентацию ресурсных приоритетов и эффективно распределять рабочую нагрузку, гарантируя исполнение всех предусмотренных плановых показателей в регламентируемые временные рамки. Фиксация промежуточных результатов выполнения проекта является важным компонентом процесса критической самооценки используемых методов и инструментов управления. Это дает возможность провести комплексную оценку эффективности установленных процедур мониторинга, выявить существующие недостатки и принять действенные меры по их устранению, повысив организационную продуктивность персонала и улучшив функционирование внутренних процессов предприятия. Лишь детальное изучение собранных статистических данных способно обеспечить высший менеджмент полным представлением о достоинствах и недостатках используемого подхода, позволяющим принимать обоснованные и рациональные решения касательно последующих

этапов работы. Следовательно, построение системы непрерывного мониторинга и периодической проверки результативности представляется ключевым фактором улучшения общего уровня управляемости организациями, способствующим достижению ими необходимой адаптивной способности и устойчивости в условиях турбулентной внешней среды. Чем совершеннее выстроены механизмы обратной связи, тем выше вероятность успешного приспособления компаний к рыночным трансформациям и успешной реализации долгосрочных стратегических инициатив в нестабильных макроэкономических обстоятельствах [14].

Заключение

Барьеры внедрения ИИ в управлении регионами разнообразны и включают технические, кадровые, регуляторные и экономические факторы. Преодоление этих препятствий потребует согласованных усилий властей, бизнеса и общества, направленных на модернизацию инфраструктуры, подготовку специалистов, разработку нормативной базы и формирование благоприятных финансовых условий для внедрения инноваций. Таким образом, реализация проекта внедрения ИИ в систему регионального управления сопровождается многообразием ограничений и рисков, вызванных совокупностью технологических, кадровых, правовых и экономических факторов. Преодоление обозначенных преград требует межотраслевого взаимодействия властных институтов, бизнес структур и гражданского общества, направленного на совершенствование технической инфраструктуры, подготовку квалифицированных специалистов, формирование целостной нормативно-правовой базы и создание стимулов для инвестиций в научно-технический прогресс. Созданная нами адаптируемая интегрированная система на основе новейших достижений в сфере искусственного интеллекта доказала свою перспективность для существенного увеличения продуктивности деятельности региональных исполнительных структур. Интеграционное решение позволяет значительно повысить эффективность организации территориального управления, укрепить коммуникативные связи между региональными властями и жителями, создать прочную основу для стабильного и сбалансированного социально-экономического развития субъектов федерации. Дости-

жение обозначенных целей представляется возможным исключительно при соблюдении комплексного методологического подхода к реализации проекта. Данный подход подразумевает строгое соблюдение следующей последовательности стратегических мер:

- *Детальное изучение исходных условий функционирования*: до начала процедуры интеграции крайне важно осуществить углубленный мониторинг характерных черт конкретного региона, установить особенности текущего состояния взаимодействий властных институтов и местного сообщества, идентифицировать имеющиеся затруднения и факторы риска, способные негативно отразиться на результативности процесса цифровизации.

- *Формирование адекватной технологической инфраструктуры*: полноценное функционирование разработанной модели требует обеспечения высококачественной информационно-коммуникационной среды, способной обеспечить надежное хранение и обработку массивов разнородных данных, поддерживать работу интерактивных платформ и обеспечивать межсистемное взаимодействие с иными государственными автоматизированными комплексами.

- *Интеграция новейших цифровых инструментов*: существенное внимание должно уделяться применению последних научно-технических открытий, которые обеспечивают своевременную обработку динамически поступающих сведений, глубокую диагностику текущей ситуации и принятие аргументированных управленческих решений.

- *Совершенствование профессиональной компетентности персонала*: успешность внедрения нового программного комплекса находится в прямой зависимости от уровня подготовки кадрового состава, обладающего необходимыми компетенциями для эффективного освоения и эксплуатации новых технологий, оперативного реагирования на происходящие перемены и качественного выполнения обязанностей по управлению регионом.

Следовательно, представленная интегральная модель обладает значительным потенциалом для преобразования существующей системы регионального управления и способствует достижению существенных позитивных изменений в сферах общественного благосостояния и экономического подъема территорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гладков Э. А. Применение методов искусственного интеллекта для мониторинга состояния инфраструктуры // Вестник науки. 2024. № 12(81). Т. 5. Ч. 1. С. 670—675.
2. Лакиза И. А., Посажеников А. А. Мировой опыт внедрения инновационных технологий в ЖКХ // Вестник науки. 2024. № 6(75). Т. 5. С. 156—163.
3. Анализ сценариев использования технологии виртуализации / М. А. Тетеркин, А. Р. Анисимов, Л. Р. Томильченко и др. // Инновации и инвестиции. 2022. № 5. С. 136—141.
4. Строев В. В., Свистунов В. М. Эффективность внедрения искусственного интеллекта для развития регионов России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 7. Ч. 1. С. 146—156. DOI: 10.17513/vaael.3575.
5. Гарифуллина А. Ф., Игнатьева О. Н. Практика применения искусственного интеллекта в государственном управлении: возможности и риски (Республика Башкортостан) // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 4. С. 111—116. DOI: 10.34773/EU.2024.4.18.
6. Харсанов Э. Д. Роль инструментов ИИ в принятии управленческих решений // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № 1. С. 5—12.
7. Сазонов Е. О. Искусственный интеллект в механизме государственного управления в Российской Федерации // Академическая публицистика. 2019. № 10. С. 222—224.
8. Гранкина И. А. Подходы к цифровой трансформации системы управления городов в концепции Smart City // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Экономика и менеджмент». 2022. Т. 16. № 1. С. 116—123. DOI: 10.14529/em220111.
9. Букина Т. В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 1(129). С. 76—83. DOI: 10.24158/spp.2025.1.9.

10. Зубарева Л. В., Михуля Д. Ю. Возможности использования искусственного интеллекта в публичном управлении // Экономика и предпринимательство. 2023. № 3(152). С. 1318—1321. DOI: 10.34925/EIP.2023.152.3.262.
11. Черешнева И. А. Искусственный интеллект в государственном управлении и прозрачность: европейский опыт // Государственная служба. 2022. Т. 24. № 2. С. 80—87. DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-2-80-87.
12. Федосеева В. А. Финансово-кредитная компонента инновационной инфраструктуры регионов России: проблемы функционирования и пути их решения // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 1. С. 70—84. DOI: 10.18721/JE.12106.
13. Москвитина Н. В. Цифровая трансформация государственного управления // Социология. 2021. № 4. С. 114—128.
14. Чернявская Ю. А., Лавров А. В. Цифровая трансформация государственного управления в современных условиях // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 12. Ч. 1. С. 156—162. DOI: 10.17513/vaael.3880.
15. Тусков А. А., Спиридонова А. А. Формирование и развитие цифровой экономики на региональном уровне // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23. Вып. 4. С. 420—427. DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-4-420-427.
16. Баженов С. И. Управленческие решения в научно-технологическом развитии региона // Евразийское пространство: экономика, право, общество. 2025. № 3. С. 3—7.

REFERENCES

1. Gladkov E. A. Application of methods artificial intelligence for monitoring the state infrastructure. *Vestnik nauki*. 2024;12(81)-5-1:670—675. (In Russ.)
2. Lakiza I. A., Posazhennikov A. A. Worldwide implementation experience innovative technologies in housing and utilities. *Vestnik nauki*. 2024;6(75)-5:156—163. (In Russ.)
3. Teterkin M. A., Tomilchenko L. R., Anisimov A. R. et al. Analysis of virtualization technology. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2022;5:136—141. (In Russ.)
4. Stroeve V. V., Svistunov V. M. Effectiveness of implementing artificial intelligence for the development of regions of Russia. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai academy of economics and law*. 2024;7-1:146—156. (In Russ.) DOI: 10.17513/vaael.3575.
5. Garifullina A. F., Ignatieva O. N. The practice of using artificial intelligence in public administration: opportunities and risks (Republic of Bashkortostan). *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal = Economics and management: research and practice journal*. 2024;4:111—116. (In Russ.) DOI: 10.34773/EU.2024.4.18.
6. Kharsanov E. D. The role of AI tools in management decision-making. *Vestnik Evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(1). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/81ECVN125.pdf>.
7. Sazonov E. O. Artificial intelligence in the mechanism of public administration in the Russian Federation. *Akademicheskaya publitsistika*. 2019;10:222—224. (In Russ.)
8. Grankina I. A. Approaches to the digital transformation of the city management system in the Smart City concept. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Ekonomika i menedzhment» = Bulletin of the South Ural state university. Series "Economics and Management"*. 2022;16(1):116—123. (In Russ.) DOI: 10.14529/em220111.
9. Bukina T. V. Artificial Intelligence in Education: Current State and Development Prospects. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2025;1(129):76—83. (In Russ.) DOI: 10.24158/spp.2025.1.9.
10. Zubareva L. V., Mikhulya D. Yu. Opportunities for using artificial intelligence on public administration. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2023;3(152):1318—1321. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2023.152.3.262.
11. Cheresheva I. A. Artificial intelligence in public administration and its transparency: European experience. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public administration*. 2022;24(2):80—87. (In Russ.) DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-2-80-87.
12. Fedoseeva V. A. Financial credit component of the innovation infrastructure in Russian regions: problems and solutions. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg state polytechnical university journal. Economics*. 2019;12(1):70—84. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.12106.
13. Moskvitina N. V. Digital transformation of public administration. *Sotsiologiya = Sociology*. 2021;4:114—128. (In Russ.)
14. Chernyavskaya Yu. A., Lavrov A. V. Digital transformation of public administration in modern conditions. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai Academy of Economics and Law*. 2024;12(1):156—162. (In Russ.) DOI: 10.17513/vaael.3880.
15. Tuskov A. A., Spiridonova A. A. Digital economy formation and development at the regional level. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*. 2023;23(4):420—427. (In Russ.) DOI: 10.18500/1994-2540-2023-23-4-420-427.
16. Bazhenov S. I. Management decisions in the scientific and technological development of the region. *Evrasiiskoe prostranstvo: ekonomika, pravo, obschestvo*. 2025;3:3—7. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.12.2025; одобрена после рецензирования 15.01.2026; принята к публикации 19.01.2026.
The article was submitted 21.12.2025; approved after reviewing 15.01.2026; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья
УДК 332.146.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1547

Galina Yakovlevna Belyakova
 Doctor of Economics,
 Professor of the Department of Organization and Management
 of High-Tech Production,
 Reshetnev Siberian State University of Science
 and Technology
 Krasnoyarsk, Russian Federation
 belyakova.gya@mail.ru

Sergey Dmitrievich Proskurnin
 Candidate of Economics,
 Associate Professor of the Department of Humanities
 and Socio-Economic Disciplines,
 Siberian Fire and Rescue Academy
 of the Ministry of Emergency Situations of Russia
 Zheleznogorsk, Russian Federation
 boger1111@mail.ru

Галина Яковлевна Белякова
 д-р экон. наук,
 профессор кафедры организации и управления
 наукоемким производством,
 Сибирский государственный университет науки
 и технологий имени академика М. Ф. Решетнева
 Красноярск, Российская Федерация
 belyakova.gya@mail.ru

Сергей Дмитриевич Проскурнин
 канд. экон. наук,
 доцент кафедры гуманитарных
 и социально-экономических дисциплин,
 Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС
 МЧС России
 Железногорск, Российская Федерация
 boger1111@mail.ru

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УСПЕШНЫХ НАУКОГРАДОВ КАК ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ТОЧЕК РОСТА

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Российский и зарубежный опыт научно-технологического развития демонстрирует различные направления территориального инновационного развития. Инновационный ландшафт страны характеризуется двойственностью: основные центры науки и технологий расположены в крупных городах, однако существенный вклад в инновации вносят и малые города с четкой исследовательской или высокотехнологической специализацией. Данное исследование фокусируется на городах с высоким научно-технологическим потенциалом, сделана попытка выделить ключевые условия и предпосылки формирования успешных наукоградов. В работе на основании проведенного анализа создания успешных практик, выявлено разнообразие целей (децентрализация, диверсификация экономики, глобальное лидерство) и механизмов их реализации (от формирования предпринимательской культуры до создания привилегированных условий жизни). Сделан вывод, что успех создания наукоградов зависит от разработки индивидуальной модели, опирающейся на местные условия и решающей стратегические задачи. Кроме этого, выделены четыре основных необходимых субъекта, обеспечивающих устойчивое инновационное

развитие территории. Исходя из того, что движущей силой инноваций являются люди — креативные ученые, компетентные инженеры и дальновидные лидеры, — можно утверждать, что именно наличие сообщества увлеченных профессионалов является критически важным для превращения идей в инновационные технологии и продукты. Анализ успешных и получивших неудовлетворительный результат практик также показал, что модель инновационной экосистемы должна в обязательном порядке соответствовать необходимым условиям и содержать адаптивные механизмы реагирования на внешние факторы. С целью получения устойчивой успешной модели в работе выявлены основные современные тренды развития моделей инновационного развития территориальных экосистем.

Ключевые слова: устойчивое развитие, условия устойчивого развития, наукоград, технополис, академгородок, закрытое административно-территориальное образование / ЗАТО, города с высоким научно-технологическим потенциалом, предпосылки успешного развития, инновационная экосистема города, институциональная среда, человеческий капитал

Для цитирования: Белякова Г. Я., Проскурнин С. Д. Основные предпосылки создания и функционирования успешных наукоградов как территориальных точек роста // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 25—32. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1547.

Original article

THE MAIN PREREQUISITES FOR CREATION AND FUNCTIONING OF SUCCESSFUL SCIENCE CITIES AS TERRITORIAL GROWTH POINTS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. *The Russian and foreign experience of scientific and technological development demonstrates various directions of territorial innovative development. The country's innovation landscape is characterized by duality: the main centers of science and technology are located in large cities, but small towns with a clear research or high-tech specialization also make a significant contribution to innovation. This study focuses on cities with high scientific and technological potential and attempts to identify the key conditions and prerequisites for the formation of successful science cities. Based on the analysis of the creation of successful practices, the paper identifies a variety of goals (decentralization, economic diversification, global leadership) and mechanisms for their implementation (from the formation of an entrepreneurial culture to the creation of privileged living conditions). It is concluded that the success of creating science cities depends on the development of an individual model based on local conditions and solving strategic tasks. In addition, four main necessary entities*

are identified to ensure the sustainable innovative development of the territory. Based on the fact that people are the driving force behind innovation — creative scientists, competent engineers, and visionary leaders — it can be argued that having a community of passionate professionals is crucial for turning ideas into innovative technologies and products. The analysis of successful and unsatisfactory practices also showed that the model of an innovation ecosystem must necessarily meet the required conditions and contain adaptive mechanisms for responding to external factors. In order to obtain a stable successful model, the paper identifies the main current trends in the development of models of innovative growth of territorial ecosystems.

Keywords: *sustainable development, conditions of sustainable development, science city, technopolis, akademgorodok, closed administrative-territorial entity, cities with high scientific and technological potential, prerequisites for successful development, innovative ecosystem of the city, institutional environment, human capital*

For citation: Belyakova G. Y., Proskurnin S. D. The main prerequisites for creation and functioning of successful science cities as territorial growth points. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):25—32. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1547.

Введение

Актуальность. В современном мире, где инновации развиваются с невероятной скоростью, одним из векторов развития научно-технологического лидерства является создание территориальных инновационных точек роста — специализированных научных городов, экономическая деятельность которых направлена на стимулирование научных открытий, технологического прогресса и экономического роста. В научной литературе их называют по-разному: наукограды, технополисы и т. д. Чаще всего в основе развития таких городов находится один или несколько центров научно-технологического лидерства — организаций или предприятий, основной вид деятельности которых направлен на формирования новых знаний или инновационной продукции.

Создание успешных наукоградов требует системного анализа и комплексного подхода, учитывающего местные особенности, структуру научно-технических взаимосвязей, доступность материально-технических и финансовых ресурсов, а также поддержку со стороны государства [1]. Опыт создания наукоградов показывает, что прямое копирование существующих моделей очень редко приносит ожидаемые результаты, поэтому важно разрабатывать уникальные стратегии, основанные на глубоком понимании местных условий и наличия необходимых ресурсов.

Изученность проблемы. Научной базой данной работы выступают труды отечественных и зарубежных исследователей, занимающихся изучением и поиском форм и механизмов управления для решения задач устойчивого территориального инновационного развития. Пути решение данной проблемы базируются на теоретических исследованиях, посвященных устойчивому развитию национальных и региональных инновационных экосистем.

Вопросы развития национальных, региональных экономик отражены в работах отечественных и зарубежных авторов — Г. П. Белякова [1; 2], Л. М. Гохберга [3], А. Г. Гранберга [4], Н. И. Ивановой [5], О. В. Кузнецовой [6], К. Фримана [7], Й. Шумпетера [8] и др. В рамках данных исследований выделяется отдельное направление, связанное с изучением форм и поиску механизмов управления территориальными системами. Современным формам организации и управления территориями посвящены работы А. А. Гретченко [9], О. Г. Голиченко [10], А. Н. Клепча и А. Е. Шадрин [11], Е. С. Куценко [12] и др. Данная работа посвящена исследованиям городов с высоким научно-технологическим потенциалом. Проблемам социально-экономического развития академгородков, моногородов, наукоградов и закрытых административно-территориальных образований (далее — ЗАТО) посвящены работы В. Н. Княгинина [13], В. Е. Селиверстова [14], Н. В. Смородинской [15], Д. Ю. Файкова [16; 17] и др.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретических подходов к формированию устойчивого инновационного развития городов с высоким научно-технологическим потенциалом, основной вектор развития которых имеет инновационный тип.

Целью статьи является определение основных условий устойчивого инновационного развития территорий на основании анализа успешных зарубежных и российских моделей территориального развития, выявление необходимых ключевых субъектов успешного инновационного процесса и оценка влияния внешних факторов.

Для достижения указанных целей авторами определены следующие задачи:

1. Анализ успешных зарубежных и российских практик по созданию устойчивой инновационной экосистемы городов.

2. Анализ отрицательного опыта создания инновационных экосистем городов.
3. Выделение основных целей, инструментов управления и механизмов достижения цели в проведенном анализе.
4. Определение ключевых субъектов, позволяющих обеспечить устойчивое инновационное развитие.
5. Выявление основных условий, обеспечивающих устойчивое инновационное развитие.
6. Анализ внешних факторов, оказывающих влияние на устойчивое развитие территории.
7. Определение основных глобальных трендов инновационного территориального развития.

Теоретическая значимость работы заключена в разработке теоретических основ по формированию модели успешного устойчивого развития инновационной экосистемы городов с высоким научно-технологическим потенциалом.

Практическая значимость проведенного исследования связана с разработкой механизмов по созданию успешных моделей инновационного развития городов с высоким научно-технологическим потенциалом. Представленные в работе подходы могут быть использованы в практике создания управления инновационным развитием городов науки и высоких технологий.

Основная часть

Анализ функционирования наукоградов [18] показывает, что нет единого рецепта создания успешного наукограда. Механизмы создания могут быть разными: от органического роста до централизованного государственного планирования. Мировой опыт богат успешными моделями, каждая из которых отражает уникальный механизм создания, стратегические цели и пути решения.

Кремниевая долина (США) — органическая экосистема. Кремниевая долина — классический пример технологического кластера, возникшего в результате органического развития. Его становление неразрывно связано со Стэнфордским университетом, а ключевую роль сыграл декан инженерного факультета Фредерик Терман (1940—1950-е гг.). Терман определил главный механизм для достижения научно-технологического лидерства — формирование предпринимательской культуры. Он активно поощрял преподавателей и выпускников создавать компании рядом с университетским кампусом. Ярким воплощением этой стратегии стала история выпускников Стэнфорда Уильяма Хьюлетта и Дэвида Паккарда, основавших в 1939 г. компанию *Hewlett-Packard* в гараже в Пало-Альто. Этот момент принято считать символическим началом Кремниевой долины. Рост первых компаний и появление новых подпитывались двумя ключевыми факторами: доступностью венчурного капитала, финансировавшего рискованные стартапы, и крупными государственными заказами (особенно от Министерства обороны в период Холодной войны). Однако истинной основой успеха стало уникальное сочетание академической базы, предпринимательского духа, финансовой инфраструктуры и государственной поддержки, породившее самоорганизующуюся экосистему. Ее сердцем стала особая культура, сформировавшаяся под влиянием контркультуры 1960-х гг. Эта культура поощряла открытый обмен идеями между университетами и компаниями, эксперименты, принятие риска и гибкость («эффектуация»). Именно она стала решающим конкурентным преимуществом, позволившим Долине опередить другие технологические регионы.

Новосибирский Академгородок (СССР/Россия) — централизованная модель. Новосибирский Академгородок представляет собой модель «сверху вниз» — целенаправленного создания наукограда государством. Он был основан в конце 1950-х гг. по инициативе Академии наук СССР при личной поддержке Никиты Хрущева. Главной целью было создать в Сибири мировой центр фундаментальной науки, свободный от столичной бюрократии и идеологического давления, способный соперничать с западными научными центрами. Механизмом привлечения лучших умов со всей страны стали беспрецедентные по советским меркам условия: современное жилье, достойное финансирование и особая интеллектуальная атмосфера. Академгородок стал оазисом привилегий, изолированным от системных проблем страны. Этот пример показывает, что централизованный подход может быть успешным при наличии трех условий: 1) устойчивой политической воли, 2) масштабного выделения ресурсов и 3) способности создать среду, которая не просто привлекает, но и удерживает таланты. Успех Академгородка был обусловлен именно тем, что он предоставил ученым «остров» относительной свободы и обилия ресурсов в рамках жесткой государственной системы.

Наукоград — централизованная модель (Россия). В соответствии с Федеральным законом от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» наукоград Российской Федерации — это муниципальное образование со статусом городского округа, имеющее высокий научно-технический потенциал, с градообразующим научно-производственным комплексом (совокупностью организаций, осуществляющих научную, научно-техническую, инновационную деятельность, экспериментальные разработки, испытания, подготовку кадров в соответствии с государственными приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники Российской Федерации). Научно-производственный комплекс должен быть градообразующим и отвечать следующим критериям: численность работников комплекса должна составлять не менее 15 % от всех работающих в муниципальном образовании; объем научно-технической продукции хозяйствующих субъектов в данном муниципальном образовании в стоимостном выражении должен составлять не менее 50 % или стоимость основных фондов для производства научно-технической продукции должна составлять не менее 50 % фондов всех хозяйствующих субъектов без учета жилищно-коммунальной и социальной сферы; в научно-производственный комплекс входят юридические лица, зарегистрированные на территории данного муниципального образования: научные, учебные и иные организации, осуществляющие научную деятельность, экспериментальные разработки, испытание, подготовку кадров и т. п., при наличии у них государственной аккредитации; в научно-производственный комплекс входят организации, доля наукоемкой продукции которых за последние три года составляет не менее 50 % от их общего объема производства. В настоящее время статус наукограда Российской Федерации имеют 13 муниципальных образований. При создании наукоградов перед ними были поставлены две основные задачи: развитие научных организаций, расположенных на территории наукограда; создание социальной среды и условий проживания научных кадров.

Закрытые административно-территориальные образования (СССР/Россия) — централизованная модель. ЗАТО является территориальное образование, в пределах которого расположены промышленные предприятия, для которых устанавливается особый режим безопасного функционирования

и охраны государственной тайны, включая специальные условия проживания граждан. Возникновение «атомоградов» так или иначе было связано с атомной программой СССР, поэтому все они ведут свои истоки от Курчатовской «Лаборатории № 2 АН СССР» в Москве (ныне Государственный научный центр «Курчатовский институт»). Большинство возникло сразу же после войны, некоторые — в 1950-е гг. Статус закрытого города присуждался тогда закрытыми указами Президиума Верховного Совета РСФСР. Главной целью того периода в создании «закрытых» городов было обеспечение на территории условий по сохранению государственной тайны при разработке передовых современных научных и прикладных исследований в области вооружений. При создании ЗАТО государство предлагало привилегированные условия жизни. На территориях «закрытых» городов был собран лучший передовой научный кадровый потенциал страны. В них направлялись молодые ученые и выпускники лучших вузов страны. Для создания благоприятных условий проживания ученых и их семей были решены вопросы по повышенной заработной плате и социальным условиям (улучшенное материально-техническое снабжение, детские сады, школы, учреждения культуры и спорта, медицинское обслуживание, создана на тот момент современная городская среда). После распада СССР список ЗАТО был рассекречен, их перечень утвержден Законом РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании». Вместо цифровых обозначений города получили отдельные названия.

Цукуба (Япония) — централизованная модель. Был основан в 1960-х гг. в результате государственной стратегии, направленной на достижение двух главных целей: укрепление национального научно-исследовательского потенциала и снижение перенаселенности Токио. В рамках этого масштабного проекта ключевые государственные исследовательские институты, а также новый Университет Цукубы (основанный в 1973 г.) были постепенно перемещены в специально построенный город. Цукуба служит примером прямых государственных инвестиций в создание научного кластера с нуля.

Исследовательский треугольник парк (RTP, США) — децентрализованная модель. Парк был создан в 1959 г. как уникальное сотрудничество между властями штата Северная Каролина, местными предпринимателями и тремя ведущими университетами: Дьюком, Университетом Северной Каролины в Чапел-Хилл и Университетом штата Северная Каролина. Основной целью этого проекта была диверсификация региональной экономики, которая тогда сильно зависела от сельского хозяйства и текстильной промышленности.

София-Антиполис (Франция) — децентрализованная модель. Первый в Европе технологический парк, созданный в 1969 г. по инициативе сенатора Пьера Лаффита. Ключевая идея заключалась в привлечении международных компаний и исследователей за счет исключительно высокого качества жизни на Лазурном Берегу, сочетающего природную красоту с интеллектуальной средой. Основопологающим принципом с самого начала стало «перекрестное опыление» идей между учеными, инженерами и предпринимателями.

Данные примеры демонстрируют разнообразие целей (децентрализация, диверсификация экономики, глобальное лидерство) и механизмов (от формирования предпринимательской культуры до создания привилегированных условий жизни). Успех зависит не от слепого копирования моделей, а от их адаптации к местным условиям и стратегическим задачам [19].

Мировой опыт создания наукоградов показывает, что не все попытки увенчались успехом. Анализ показывает, что огромную роль для достижения поставленных целей играет комплекс взаимосвязанных инструментов управления проектом и выбранных механизмов достижения целей. При этом важно учитывать тот факт, что главным двигателем инновационного процесса является человек-инноватор, и даже технологичные проекты терпят крах, если не становятся местами, где жителям комфортно жить и работать. К проектам, потерпевшим неудачу или показавшим низкие результаты, можно отнести:

- **Сонгдо (Южная Корея).** Этот «умный город» стоимостью 40 млрд долларов США, построенный в 2000-х гг. на осушенных землях, стал образцом подхода, ставящего технологии выше людей. Несмотря на повсеместные датчики и автоматизированные системы, Сонгдо остается малонаселенным. Высокая стоимость жизни, отсутствие живой городской среды и культурной инфраструктуры привели к созданию «безлюдной оболочки». Главный вывод: город — это прежде всего социальный организм, а не инженерный проект.

- **Масдар-Сити (ОАЭ).** Амбициозный проект города с нулевым выбросом углерода, построенный по генеральному плану Нормана Фостера (с 2006 г.), столкнулся с задержками, превышением бюджета и непрактичностью некоторых решений (например, беспилотный транспорт). Высокие затраты на проживание отпугнули резидентов. В результате Масдар больше напоминает «живую лабораторию» или демонстрационный стенд, чем полноценный город. Основной вывод: устойчивость и инновации должны сочетаться с экономической жизнеспособностью и учетом повседневных человеческих потребностей.

- **Инновационный центр «Сколково» (Россия).** Запущенный в 2010 г. с бюджетом около 4 млрд долларов США и целью стать российской «Кремниевой долиной», проект не оправдал ожиданий. Его развитие сдерживали нерыночные механизмы, зависимость от политической конъюнктуры и неспособность создать настоящую предпринимательскую экосистему. Обещанные частные инвестиции не пришли, а лучшие стартапы и таланты в итоге уехали за рубеж. Разрыв партнерства с МПТ в 2022 г. стал символическим финалом. Ключевой вывод: отсутствие долгосрочной политической стабильности, инновационный центр нельзя создать лишь разовым административным решением и денежными вливаниями без формирования органичной среды, доверия и связи с глобальным рынком, отсутствие настоящей конкурентной среды, наличие бюрократических и политических сил, преодоление которых ставилось во главу замысла при создании проекта.

Данные примеры наглядно демонстрируют, что пренебрежение к человеческому капиталу (включая такие аспекты, как доступность, качество жизни, социальная среда и культура) неизбежно ведет к краху, который не способны предотвратить ни огромные инвестиции, ни передовые технологии. Ключевым же условием для инноваций является наличие конкуренции и свободы перемещения талантов и капитала, управляемых рыночными механизмами, а не политической волей. В условиях жесткого контроля или нерыночной экономики самая современная инфраструктура теряет всякую ценность и эффективность.

Процветающая инновационная экосистема нуждается в доверии, открытости, наличии и исполнении законов, направленных на инновационное развитие территории — факторах, которые невозможно легко обеспечить в проектах, управляемых сверху.

Информация о состоявшихся и оказавшихся неудачными наукоградах сведена в таблице.

Цели и механизмы достижения цели при создании наукоградов

Город	Цель	Инструменты управления	Механизм достижения цели	Проблемы	Итог
Кремниевая долина	Достижение научно-технологического лидерства	Органический рост	Формирование предпринимательской культуры	—	Успешно
Академгородок	Создание мирового центра фундаментальных исследований	Государственное инвестирование. Политическая воля	Привлечение кадров за счет создания привилегированных условий жизни	—	Успешно
Наукограды	Разработка передовых фундаментальных научных и прикладных исследований	Государственное инвестирование	Привлечение кадров за счет улучшения условий жизни	—	Успешно
ЗАТО	Разработка передовых фундаментальных научных и прикладных исследований в области вооружений и обеспечение на территории условий по сохранения государственной тайны	Государственное инвестирование. Политическая воля	Привлечение кадров за счет создания привилегированных условий жизни	—	Успешно
Цукуба	Снижение перенаселенности Токийской агломерации	Государственное инвестирование	Перемещение национальных исследовательских институтов из Токио в Цукуба	—	Успешно
Исследовательский треугольник парк (RTP)	Диверсификация экономики штата	Инвестиции правительством штата и местных органов власти	Создание новых инновационных предприятий	—	Успешно
София-Антиполис	Создание центра передовых технологий	Частные инвестиции	Привлечение кадров за счет исключительно привлекательной среды проживания	—	Успешно
Сонгдо	Создание умного, устойчивого города	Государственное инвестирование	Демонстрация технологий	Отсутствие условий для инноваторов	Неуспешно
Масдар Сити	Создания города с нулевым выбросом углерода и нулевыми отходами	Частные инвестиции	Демонстрация технологий	Отсутствие условий для инноваторов	Неуспешно
Сколково	Достижение научно-технологического лидерства по ряду направлений	Государственное и частное инвестирование	Привлечение новых инновационных предприятий	Изменение политической конъюнктуры	Неуспешно

Анализ представленных моделей показывает *невозможность простого копирования существующих моделей*, даже успешных. Требуется понимание глубинных культурных, социальных и политических основ территории. Это означает, что успешные экосистемы вырастают органически из своих уникальных местных условий, а попытки просто скопировать их без учета этих фундаментальных понятий, скорее всего, потерпят неудачу.

Результаты исследования и их обсуждение. Все успешные модели объединяет созданная вокруг ключевых игроков *инновационная экосистема*, которая активно способствует развитию инноваций. Это динамичная и взаимосвязанная экосистема, которая формирует уникальную среду, где знания, способности и ресурсы могут свободно перемещаться между этими сущностями. Операционный успех функционирования инновационной экосистемы зависит от эффективного взаимодействия различных ключевых субъектов, наличия выполнения основных условий устойчивого развития и создании адаптивных механизмов, позволяющих реагировать на внешние факторы.

Формирование устойчивой инновационной экосистемы обеспечивается взаимодействием четырех ключевых групп субъектов инновационной экосистемы:

1. *Университеты и научно-исследовательские институты* служат интеллектуальным фундаментом, генерируя новые знания, готовя кадры высшей квалификации и формируя культуру научного поиска.

2. *Крупный бизнес и промышленные предприятия* выступают драйвером внедрения, трансформируя академические знания в конкурентоспособные продукты и услуги.

3. *Малые инновационные предприятия и стартапы* выполняют роль агентов быстрой коммерциализации, оперируя новейшими разработками и гибко реагируя на рыночные запросы.

4. *Государство* исполняет функции стратега, регулятора и инфраструктурного интегратора. Оно формирует институциональную среду, устанавливает правила взаимодействия, предоставляет целевое финансирование для исследований и критической инфраструктуры, а также создает стимулы для привлечения инвестиций и талантов.

Успешное устойчивое функционирование инновационных экосистем городов возможно при комплексном выполнении ряда необходимых условий:

1. *Качественный человеческий капитал* — наличие критической массы инноваторов, генерирующих непрерывный поток идей. Опыт Сонгдо и Масдара доказывает:

даже совершенная инфраструктура остается бесполезной без привлекательной социальной среды. Ключевыми становятся не только рабочие места, но и качество жизни: доступное жилье, развитая городская среда, способствующая неформальным коммуникациям («эффект кофейни»), а также инклюзивность и разнообразие. Именно человеко-сберегающий подход, а не только технологический, позволяет привлекать и удерживать таланты.

2. Устойчивая финансовая модель — обеспечение проектов долгосрочными и разнообразными источниками финансирования. Это включает как самофинансирование за счет внутренних ресурсов экосистемы, так и доступ к венчурному капиталу для поддержки стартапов на всех стадиях роста.

3. Передовая инновационная инфраструктура — комплекс материальных активов: от технологических парков и исследовательских центров до высокоскоростной цифровой и транспортной связности. Однако инфраструктура должна быть дополнена социальными активами — качественным жильем, школами, культурными объектами, — что повышает общую привлекательность территории.

4. Эффективный сетевой координатор — наличие института или платформы, обеспечивающей постоянное взаимодействие между университетами, бизнесом, государством и обществом. Такой координатор минимизирует транзакционные издержки и стимулирует коллаборацию.

5. Особая институциональная среда — система норм, правил и механизмов, целенаправленно стимулирующих инновационную деятельность и адаптацию к внешним вызовам. Эта среда решает следующие задачи:

- *Стимулирование взаимодействия*: создание правовых и организационных форм для сотрудничества (общие пространства, кластерные инициативы).
- *Коммерциализация знаний*: отлаженные механизмы передачи технологий из науки в бизнес через офисы трансфера, инкубаторы и акселераторы.
- *Привлечение и удержание талантов*: разработка целевых программ, предлагающих карьерные траектории, высокое качество жизни и вовлеченность в инновационную культуру.
- *Культура инноваций и принятия риска*: формирование мышления, где эксперимент и умная неудача ценятся как источник обучения, а предпринимательство поощряется.

Именно синергия материальной базы и нематериальной институционально-культурной среды отличает лидирующие экосистемы (например, Кремниевую долину с ее культурой «эффектуации») от амбициозных, но неустойчивых проектов.

Кроме наличия ключевых игроков и выполнения необходимых условий устойчивого развития важно учитывать влияние внешних факторов и формировать управление, опирающееся на свойство адаптивности экосистемы. К внешним факторам могут быть отнесены:

1. Политическая стабильность и приверженность рыночным принципам — базовое условие для доверия инвесторов и ученых, как показывает пример Сколково.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляков Г. П., Белякова Г. Я., Проскурнин С. Д. Разработка концепции преобразования наукоградов и ЗАТО Государственной корпорации «Росатом» в наукоград 2.0 : моногр. Новосибирск : СибАК, 2024. 194 с.
2. Государственное управление научно-технологическим развитием: вопросы теории и практики : моногр. / под ред. Г. П. Белякова. М. : Доброе слово и Ко, 2020. 368 с.

2. Глобальная конкуренция за таланты, капитал и технологическое лидерство ведет к усилению специализации экосистем и одновременно — к росту значения международных сетей и альянсов (например, альянс «ТЗ» в Хельсинки).

Инновационный ландшафт никогда не стоит на месте. Новые технологии меняют облик наукоградов и принципы их функционирования. Сама концепция и операционные модели наукоградов, вероятно, будут продолжать развиваться. Можно выделить основные направления развития инновационных экосистем городов:

- *Высокая специализация*: переход от универсальных центров к узкоотраслевым мировым хамам (например, в квантовых технологиях или биотехе).
- *Интеграция с искусственным интеллектом и концепцией «умного города»*: использование данных и генеративного искусственного интеллекта для оптимизации городских процессов и ускорения научных исследований (опыт Сингапура, Цукубы).
- *Фокус на климатические технологии*: формирование «зеленых» инновационных кластеров, выступающих живыми лабораториями устойчивого развития (Копенгаген, Ванкувер).
- *Открытость и виртуализация*: дополнение физической близости цифровыми платформами сотрудничества, что стирает географические границы и позволяет создавать распределенные инновационные сети.

Выводы

Проведенный анализ эволюции наукоградов на основании успешных зарубежных и российских практик — от классических моделей до амбициозных проектов нового поколения — подтверждает, что успех определяется не объемом инвестиций, а сбалансированностью всех элементов экосистемы. Технологии — лишь инструмент; основой инноваций остаются люди. Динамизм экосистеме придают предприниматели, ученые и инженеры, чьи идеи, стартапы и готовность к риску создают среду для прорывов. Будущее за адаптивными, специализированными и человекоцентричными системами, способными решать глобальные вызовы через кооперацию и открытые инновации.

В работе выявлены основные цели, инструменты управления и механизмы достижения целей при создании наукоградов. Исследования показали обязательное наличие необходимых ключевых субъектов успешного территориального инновационного развития. Также в работе проанализирован отрицательный опыт создания инновационных экосистем городов и выделены основные факторы, не позволившие успешно реализовать процесс функционирования. В первую очередь, к ним можно отнести: отсутствие человекоцентричности в моделях, а также политической воли и стабильности. На основании проведенных исследований сделан вывод о том, что для устойчивого развития инновационной экосистемы городов требуется обязательное выполнение необходимых условий, а также выявлены внешние факторы, на которые система обязана быстро реагировать. Определены основные глобальные тренды инновационного территориального развития.

3. Индикаторы науки: 2024 : стат. сб. / редкол.: Н. Ю. Анисимов, И. В. Васильев, Л. М. Гохберг, Я. И. Кузьминов. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 412 с.
4. Гранберг А. Г. Экономика и социология пространства // Экономическое возрождение России. 2010. № 4(26). С. 55—57.
5. Иванова Н. И. Технологическая модернизация в современной мировой экономике // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 3. С. 17—28. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-17-28.
6. Кузнецова О. В. Структура экономики российских регионов и уровень их социально-экономического развития // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2018. Т. 16. С. 473—493. DOI: 10.29003/m275.sp_ief_ras2018/473-493.
7. Freeman C. The 'National System of Innovation' in historical perspective // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19. Iss. 1. Pp. 5—24. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cje.a035309.
8. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. М. : Эксмо, 2007. 864 с.
9. Гретченко А. И., Гретченко А. А. Повышение конкурентоспособности национальной экономики — стратегический национальный интерес // Экономическая безопасность. 2025. Т. 8. № 7. С. 1819—1844. DOI: 10.18334/ecsec.8.7.123628.
10. Голиченко О. Г. Теория инновационных систем: вызовы и пути трансформации // Стратегическое планирование и развитие предприятий : материалы XXV Всерос. симп. М. : ЦЭМИРАН, 2024. С. 46—52. DOI: 10.34706/978-5-8211-0822-7-s1-09.
11. Экономика научно-технологического прорыва и суверенитета: науч. докл. / Межведомств. рабочая группа по технол. развитию при Правительств. комис. по модернизации экономики и инновац. развитию ; Ин-т исслед. и экспертизы ВЭБ. М. : РУДН, 2024. 140 с.
12. Куценко Е. С., Исланкина Е. А. Обновление региональных инновационных стратегий на принципах умной специализации: уроки для России // XVII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. М. : Изд. дом НИУ ВШЭ, 2017. Кн. 3. С. 390—399.
13. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России : эксперт.-аналит. докл. / под науч. рук. В. Н. Княгинина. М. : Центр стратег. разработок, окт. 2017. 134 с. URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>.
14. Селиверстов В. Е. Академгородок 2.0: Сценарии развития и система управления // Регион: Экономика и Социология. 2019. № 4(104). С. 24—54. DOI: 10.15372/REG20190402.
15. Смородинская Н. В. Сетевые инновационные экосистемы и их роль в динамизации экономического роста // Инновации. 2014. № 7(189). С. 27—33.
16. Файков Д. Ю., Байдаров Д. Ю. Особенности организации производства гражданской продукции в национальных лабораториях США // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 8. С. 40—62.
17. Файков Д. Ю. Системные трансформации закрытых административно-территориальных образований : дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 401 с.
18. Проскурнин С. Д. Перспективы развития наукоградов, как территорий интенсивного научно-технологического развития // Региональная экономика и управление. 2017. № 1(49). Ст. 4909. URL: <https://eee-region.ru/article/4909/>.
19. Проскурнин С. Д., Белякова Г. Я. Управление инновационным развитием муниципальных образований с высокой концентрацией научно-технологического потенциала : моногр. Новосибирск : СибАК, 2021. 136 с.
20. Проскурнин С. Д. Управление устойчивым развитием моногородов в современных условиях // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2016. № 4(16). С. 92—96.

REFERENCES

1. Belyakov G. P., Belyakova G. Ya., Proskurnin S. D. Development of the concept of transformation of science cities and the State Corporation Rosatom into Science City 2.0. Monograph. Novosibirsk, SibAK, 2024. 194 p. (In Russ.)
2. State management of scientific and technological development: issues of theory and practice. Monograph. G.P. Belyakov (ed.). Moscow, Dobroe slovo i Ko, 2020. 368 p. (In Russ.)
3. Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2024. Data Book. N. Yu. Anisimov, I. V. Vasil'ev, L. M. Gokhberg, Ya. I. Kuz'minov (eds.). Moscow, ISSEK HSE publ., 2024. 412 p. (In Russ.)
4. Granberg A. G. Economics and sociology of space. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2010;4(26):55—57. (In Russ.)
5. Ivanova N. I. Technological Modernization in the Modern World Economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2024;17(3):17—28. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-3-17-28.
6. Kuznetsova O. V. Structure of economy in russian regions and the level of their socioeconomic development. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific Articles - Institute of Economic Forecasting Russian Academy of Sciences*. 2018;16:473—493. (In Russ.) DOI: 10.29003/m275.sp_ief_ras2018/473-493.
7. Freeman C. The 'National System of Innovation' in historical perspective. *Cambridge Journal of Economics*. 1995; 19(1):5—24. DOI: 10.1093/oxfordjournals.cje.a035309.
8. Schumpeter J. A. Theory of Economic Development. Moscow, Eksmo, 2007. 864 p. (In Russ.)
9. Gretchenko A. I., Gretchenko A. A. National competitiveness growth as a strategic national interest. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2025;8(7):1819—1844. (In Russ.) DOI: 10.18334/ecsec.8.7.123628.
10. Golichenko O. G. Theory of innovative systems: challenges and ways of transformation. *Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriyatii = Strategic planning and enterprise development. Proceedings of the XXV All-Russian symposium*. Moscow, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences publ., 2024:46—52. (In Russ.) DOI: 10.34706/978-5-8211-0822-7-s1-09.

11. Interdepartmental Working Group on Technological Development under the Government Commission for Economic Modernization and Innovative Development, VEB Institute for Research and Expertise. Economics of Scientific and Technological Breakthrough and Sovereignty. Scientific report. Moscow, RUDN University publ., 2024. 140 p. (In Russ.)
12. Kutsenko E. S., Islankina E. A. Updating regional innovation strategies based on the principles of smart specialization: lessons for Russia. *XVII April International Scientific Conference on Economic and Social Development*. Moscow, HSE University publ., 2017;3:390—399. (In Russ.)
13. New technological revolution: challenges and opportunities for Russia. Expert and analytical report. V. N. Knyagin (coord.). Moscow, Center for Strategic Research publ., October 2017. 134 p. (In Russ.) URL: <https://www.csr.ru/uploads/2017/10/novaya-tehnologicheskaya-revolutsiya-2017-10-13.pdf>.
14. Seliverstov V. E. Akademgorodok 2.0: Development scenarios and management system. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya = Region: Economics & Sociology*. 2019;4(104):24—54. (In Russ.) DOI: 10.15372/REG20190402.
15. Smorodinskaya N. Network innovation ecosystems and their role in dynamisation of economic growth. *Innovatsii*. 2014;7(189):27—33. (In Russ.)
16. Fajkov D. Yu., Bajdarov D. Yu. Features of civil engineering in us national laboratories. *Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik = Russian foreign economic journal*. 2020;8:40—62. (In Russ.)
17. Faikov D. Yu. System transformations of closed administrative-territorial entities. Diss. of the Doct. of Economics. Moscow, 2011. 401 p. (In Russ.)
18. Proskurnin S. D. Prospects for development of science cities as areas of intense scientific and technological development. *Regional'naya ekonomika i upravlenie = Regional economy and management*. 2017;1(49):4909. (In Russ.) <https://eee-region.ru/article/4909/>.
19. Proskurnin S. D., Belyakova G. Ya. Management of innovative development of municipalities with a high concentration of scientific and technological potential. Monograph. Novosibirsk, SibAK, 2021. 136 p. (In Russ.)
20. Proskurnin S. D. Management of sustainable development of single-industry towns in modern conditions. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in a global world: economics, science, technology*. 2016;4(16):92—96. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 27.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья**УДК 338.2****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1542****Olga Sergeevna Glinskaya**

Doctor of Economics, Associate Professor,
Professor of the Department of Economic Security
and Information Technologies,
Volgograd Cooperative Institute (branch)
of the Russian University of Cooperation
Volgograd, Russian Federation
soig_2011@mail.ru

Raisa Vasilyevna Kalinicheva

Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economic Security
and Information Technologies,
Volgograd Cooperative Institute (branch)
of Russian University of Cooperation
Volgograd, Russian Federation
kalian-rv@mail.ru

Irina Sergeevna Jararakh

Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Economic Security
and Information Technologies,
Volgograd Cooperative Institute (Branch)
of Russian University of Cooperation
Volgograd, Russian Federation
idzhararah@ruc.su

Ольга Сергеевна Глинская

д-р экон. наук, доцент,
профессор кафедры экономической безопасности
и информационных технологий,
Волгоградский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
Волгоград, Российская Федерация
soig_2011@mail.ru

Раиса Васильевна Калиничева

д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры экономической безопасности
и информационных технологий,
Волгоградский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
Волгоград, Российская Федерация
kalian-rv@mail.ru

Ирина Сергеевна Джарарах

канд. экон. наук,
доцент кафедры экономической безопасности
и информационных технологий,
Волгоградский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
Волгоград, Российская Федерация
idzhararah@ruc.su

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГНОЗНОЙ ОТЧЕТНОСТИ НА БАЗЕ ПРОГНОСТИЧЕСКИХ СЦЕНАРИЕВ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Современные организации функционируют в условиях роста неопределенности и динамичности внешней среды. Эффективное управление требует своевременной и надежной информации о будущем развитии показателей деятельности бизнеса. Прогнозная отчетность — важнейший инструмент управленческого обеспечения принятия решений, планирования и стратегического управления. Традиционные методы линейного экстраполирования исторических рядов часто недостаточны в условиях структурных изменений, поэтому сценарный подход становится всё более актуальным. В литературе вопрос сценарного прогнозирования и формирование прогнозной отчетности рассматриваются в рамках теорий управления, стратегического менеджмента и финансового контроля. Существуют классические труды по построению сценариев, работы по управленческой отчетности и бюджетированию, а также статьи о внедрении прогнозных панелей и стресс-тестировании. Однако наблюдается дефицит практико-ориентированных методик, интегрирующих построение сценариев, формирование унифицированных отчетных форм и процедуры валидации в рамках единой модели прогнозной отчетности, пригодной

для автоматизации и внедрения в корпоративную информационную среду. Настоящее исследование стремится заполнить этот пробел, предложив системную методику и конкретные рекомендации по реализации системного подхода к формированию прогнозной отчетности на базе прогностических сценариев, описанию методики, инструментов и практических требований к ее внедрению. Представлены этапы сценарного моделирования, критерии отбора сценариев и алгоритмы трансформации прогнозных данных в отчетные формы. Доказана эффективность сценарного подхода для повышения достоверности прогнозных оценок и снижения рисков принятия управленческих решений. Практическая значимость исследования заключается в разработке унифицированного алгоритма формирования прогнозной отчетности, применимого в различных отраслях экономики.

Ключевые слова: прогнозная отчетность, сценарное моделирование, прогностические сценарии, финансовое прогнозирование, управленческий учет, стратегическое планирование, риск-менеджмент, методы прогнозирования, отчет о финансовых результатах, учетная система

Для цитирования: Глинская О. С., Калиничева Р. В., Джарарах И. С. Формирование прогнозной отчетности на базе прогностических сценариев // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 33—39. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1542.

Original article

GENERATION OF PREDICTIVE REPORTING USING PROGNOSTIC SCENARIOS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Modern organizations operate in conditions of increasing uncertainty and dynamism of the external environment. Effective management requires timely and reliable information about the future development of business performance indicators. Predictive reporting is the most important management tool for decision-making, planning and strategic management. Traditional methods of linear extrapolation of historical series are often insufficient in the context of structural changes, so the scenario approach is becoming more relevant. In the literature, the issue of scenario forecasting and generation of predictive reporting are considered within the framework of management theories, strategic management and financial control. There are classic works on scenario-building, works on management reporting and budgeting, as well as articles on the implementation of forecasting panels and stress testing. However, there is a shortage of practice-oriented techniques that integrate the construction of scenarios, generation of unified reporting forms and validation procedures within a single model of predictive

reporting, suitable for automation and implementation in the corporate information environment. The present study seeks to fill this gap by offering a systematic methodology and specific recommendations for the implementation of a systematic approach to the formation of predictive reporting based on predictive scenarios, describing the methodology, tools and practical requirements for its implementation. The stages of scenario modeling, criteria for selecting scenarios, and algorithms for converting forecast data into reporting forms are presented. The effectiveness of the scenario approach has been proven to increase the reliability of predictive estimates and reduce the risks of managerial decision-making. The practical significance of the research lies in the development of a unified algorithm for generating predictive reports applicable in various sectors of the economy.

Keywords: predictive reporting, scenario modeling, prognostic scenarios, financial forecasting, managerial accounting, strategic planning, risk management, forecasting methods, financial results report, accounting system

For citation: Glinskaya O. S., Kalinicheva R. V., Jararakh I. S. Generation of predictive reporting using prognostic scenarios. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):33—39. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1542.

Введение

В условиях высокой экономической неопределенности и динамичной внешней среды традиционные методы финансового планирования демонстрируют ограниченную эффективность.

Статичные прогнозы, основанные на линейной экстраполяции исторических данных, не учитывают множественность возможных будущих состояний системы и вероятность реализации различных рисков событий.

Формирование прогнозной отчетности на основе прогностических сценариев представляет собой современный подход, позволяющий:

- моделировать альтернативные варианты развития событий;
- оценивать влияние ключевых факторов неопределенности;
- формировать гибкие финансовые планы, адаптируемые к изменяющимся условиям.

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами:

- *рост волатильности рынков*: усиление колебаний цен, валютных курсов, процентных ставок требует более гибких инструментов прогнозирования;
- *усложнение бизнес-среды*: появление новых технологических, регуляторных и геополитических рисков делает линейные прогнозы недостоверными;
- *потребность в обоснованных инвестиционных решениях*: инвесторы и кредиторы требуют сценарных оценок устойчивости бизнеса;
- *развитие цифровых технологий*: доступность больших данных и инструментов аналитики позволяет реализовывать сложные сценарные модели.

Цель исследования — разработка методологических основ формирования прогнозной отчетности на базе прогностических сценариев. **Задачи исследования**: систематизировать подходы к сценарному моде-

лированию в финансовом прогнозировании; определить критерии формирования релевантных прогностических сценариев; разработать алгоритм трансформации сценарных прогнозов в отчетные формы; оценить влияние сценарного подхода на достоверность прогнозных показателей; предложить практические рекомендации по внедрению сценарного прогнозирования в учетную систему предприятия.

Изученность проблемы. Проблематика сценарного прогнозирования освещена в трудах ведущих экономистов: И. Ансофф [1] заложил основы стратегического управления с использованием сценариев; П. Шварц [2; 3] развил концепцию «планирование на основе сценариев»; Г. Минцберг [4] исследовал применение сценариев в стратегическом мышлении. В российской науке вопросы сценарного моделирования рассматривали В. Л. Квинт (стратегическое прогнозирование) [5], Т. А. Стрельникова (оценка бизнеса и активов) [6], А. М. Карминский (финансовое моделирование) [7]. Методы сценарного моделирования в экономическом прогнозировании рассмотрены в статье С. П. Карелова, А. К. Бансова, В. А. Мирончука [8]. В трудах различных ученых затрагивается проблема прогнозирования финансового состояния или финансовой устойчивости, но стоит отметить, что эти работы были опубликованы до 2016 г., из современных отметим труды Н. Н. Вардиашвили [9], С. В. Салита и Н. А. Куценко [10]. Имеются статьи по прогнозированию банкротства на основе финансовой отчетности, например Н. В. Пасичник и Е. Л. Винарь [11]. Отдельным аспектам прогнозирования финансовой отчетности посвящены труды З. Р. Мерджановой [12], Д. А. Сулеймановой, М. А. Асхабовой, З. М. Алиевой [13], И. О. Кроткова [14], а также предыдущие работы авторов настоящего исследования [15].

Целесообразность разработки темы заключается в недостаточности изученных аспектах формирования прогнозной отчетности, к которым относятся:

- алгоритмы интеграции сценарных прогнозов в систему бухгалтерской отчетности;
- критерии отбора ключевых сценариев для разных типов предприятий;
- методы трансформации сценарных данных в стандартные отчетные формы.

Научная новизна исследования заключается в разработке унифицированного алгоритма формирования прогнозной отчетности на базе сценариев, включающего этапы идентификации факторов неопределенности, построения сценариев, расчета прогнозных показателей и трансформации в отчетные формы.

Теоретическая значимость в предложении системы критериев отбора релевантных сценариев (вероятность реализации, влияние на финансовые показатели, управляемость факторов).

Практическая значимость заключается в обосновании метода взвешенной оценки прогнозных показателей

с учетом вероятности реализации сценариев и разработке шаблонов прогнозных отчетов, интегрирующих сценарные данные в формат международных стандартов финансовой отчетности (МСФО).

Основная часть

Методология исследования. В работе применены следующие методы: системный анализ — для изучения взаимосвязей между элементами прогнозной модели; сценарное моделирование — для построения альтернативных вариантов развития; финансовое моделирование для расчета прогнозных показателей; сравнительный анализ — для оценки эффективности сценарного подхода.

Результаты исследования. Традиционное (классическое) и сценарное планирование являются двумя различными методами построения корпоративной стратегии, каждый из которых обладает своими преимуществами и недостатками, которые скомпонованы в табл. 1.

Таблица 1

Сравнение традиционного и сценарного планирования

Критерий	Традиционное планирование	Сценарное планирование
Ориентация и методология	Методы классического прогнозирования основываются на создании четкого и подробного плана, сформированного исходя из определенных предположений о развитии будущих событий	Прогнозирование методом сценарного планирования подразумевает формирование ряда реалистичных сценариев, отражающих разнообразные сценарии возможного развития событий
Основополагающие предпосылки	Методы классического прогнозирования исходят из уверенности, что будущее можно предсказать довольно точно путем изучения исторических данных и современных трендов, при этом этот подход часто упускает из виду существенные изменения или резкие повороты в динамике развития бизнеса	Сценарные методы прогнозирования учитывают фактор неопределенности и наличие факторов риска, признавая, что будущее трудно предугадать однозначно
Адаптация к внешним факторам	Методы классического прогнозирования отличаются строгой структурированностью и формализованной системой исполнения планов, что ограничивает способность оперативно адаптироваться к изменениям во внешней среде	Сценарное планирование обладает высоким уровнем гибкости и приспособляемости благодаря готовности учитывать множественность перспектив развития
Контроль над рисками	Традиционное планирование включает механизмы выявления и минимизации отдельных рисков внутри одного утвержденного плана	Сценарные методы прогнозирования направлены на тщательное изучение и учет многочисленных видов рисков и их вероятных последствий; их задача — подготовить бизнес к сценарному прогнозированию, к разным типам кризисных ситуаций, предлагая заблаговременные решения для противодействия неблагоприятным обстоятельствам
Процесс принятия управленческих решений	Решения принимаются на основании детально разработанного маршрута движения, основной задачей которого является максимальное выполнение запланированных мероприятий	Сценарный метод прогнозирования способствует динамичному процессу выработки решений, стимулируя руководителей регулярно проверять и обновлять стратегию в зависимости от реальных событий
Горизонт планирования	Традиционные методы прогнозирования обычно охватывают короткий и средний сроки планирования (до пяти лет), акцентируя внимание на достижении четко обозначенных результатов в установленные временные рамки	Сценарные методы прогнозирования применяются как для краткосрочной, так и долгосрочной перспективы, однако наиболее эффективно используются именно для долгосрочного стратегического видения; при сценарном прогнозировании бизнес может подготовиться к разнообразным возможностям, возникающим на горизонте многих лет вперед
Уровень сложности	Традиционные методы прогнозирования из-за простоты процесса и ясной структуры делают их привлекательным вариантом, хотя такая легкость может обернуться слабостью перед лицом сложных внешних условий	Сценарные методы прогнозирования требуют значительно больших временных затрат и аналитической работы, включающей рассмотрение большого числа факторов и потенциальных сценариев

Примечание: сост. авторами.

На основании представленной сравнительной характеристики сделаем вывод, что сценарное прогнозирование — метод моделирования будущего, основанный на построении логически согласованных последовательностей событий при различных условиях. В отличие от точечных прогнозов, сценарный подход учитывает множественность возможных исходов.

Основные элементы сценарной модели:

- *факторы неопределенности* — переменные, влияющие на будущее состояние системы (например, цены на сырье, курс валюты);

- *сценарии* — альтернативные варианты развития, описывающие комбинации значений факторов;
- *вероятности сценариев* — экспертные или статистические оценки шансов реализации;
- *прогнозные показатели* — финансовые результаты по каждому сценарию.

На основании вышесказанного нами предлагается модель типовой структуры прогностического сценария (рис. 1).

Рассмотрим последовательность формирования прогностической отчетности (табл. 2).

Типовая структура прогностического сценария	
Название сценария (например, «Оптимистичный», «Базовый», «Пессимистичный»).	
Период действия (горизонт прогнозирования: 1, 3, 5 лет).	
Ключевые предпосылки:	
• макроэкономические показатели (инфляция, курс валюты, ставки Центрального банка); • отраслевые тренды (динамика спроса, уровень конкуренции); • внутренние факторы (инвестиции, кадровые изменения).	
Критические переменные (2—5 ключевых параметров, определяющих сценарий).	
Вероятность реализации (в %).	
Индикаторы раннего предупреждения (показатели, сигнализирующие о приближении сценария).	

Рис. 1. Модель типовой структуры прогностического сценария (сост. авторами)

Таблица 2

Этапы формирования прогностической отчетности с использованием сценарных подходов

Этап формирования	Действия
Идентификация факторов неопределенности	– Анализ внешней и внутренней среды; – выделение ключевых драйверов стоимости; – ранжирование факторов по степени влияния
Построение сценариев	– Определение базового сценария (наиболее вероятный исход); – разработка оптимистичного и пессимистичного сценариев; – формирование дополнительных сценариев для специфических рисков
Расчет прогнозных показателей	– Построение финансовых моделей по каждому сценарию; – расчет прогностического отчета о финансовых результатах, баланса, отчета о движении денежных средств; – оценка коэффициентов (ликвидности, рентабельности, платежеспособности)
Трансформация в отчетные формы	– Адаптация прогнозных данных к формату МСФО/РСБУ; – консолидация показателей по сценариям; – подготовка пояснительной записки с описанием предпосылок
Анализ и интерпретация результатов	– Сравнение сценариев по основным метрикам; – оценка устойчивости бизнеса к изменениям; – выработка рекомендаций для управленцев

Примечание: сост. авторами.

Не будем подробно останавливаться на каждом этапе формирования прогностической отчетности с использованием сценарных подходов, а представим шаблон прогностического отчета о финансовых результатах разработанный авторами (табл. 3).

Таблица 3

Шаблон прогностического отчета о финансовых результатах (фрагмент)

Показатель	Базовый сценарий (млн руб.)	Оптимистичный прогноз (млн руб.)	Пессимистичный прогноз (млн руб.)	Вес сценария	Взвешенное значение (млн руб.)
Выручка	1 000	1 200	800	0,5	950
Себестоимость	600	650	700	0,3	625
EBITDA	250	350	100	0,2	210

Примечание: веса сценариев определены экспертно на основе анализа рисков.

Для обеспечения релевантности сценарной модели предложены критерии:

- вероятность реализации ($\geq 5\%$ для включения в модель);
- значимость влияния (изменение $EBITDA \geq 10\%$ относительно базового сценария);
- управляемость факторов (возможность воздействия со стороны менеджмента);
- актуальность для стейкхолдеров (важность для инвесторов, кредиторов, регуляторов).

Для интеграции сценарных данных в единую оценку предложен расчет взвешенных показателей:

$$P_{взв} = \sum_{i=1}^n P_i * W_i,$$

где $P_{взв}$ — взвешенный прогнозный показатель;

P_i — значение показателя по сценарию i ;

W_i — вес сценария i (вероятность реализации);

n — количество сценариев.

В ходе апробации методики на примере производственного предприятия получены следующие результаты:

1. Повышение достоверности прогнозов: ошибка прогноза $EBITDA$ снизилась с 22 до 14 % при использовании сценарного подхода; доверительный интервал прогнозных показателей сузился на 30 %.

2. Улучшение качества управленческих решений: выявлены «критические точки» чувствительности бизнеса (цена сырья, объем продаж); разработаны антикризисные меры для пессимистичного сценария.

3. Рост прозрачности для инвесторов: сценарные отчеты повысили доверие инвесторов (рост котировок на 8 % после публикации); снижена стоимость заемного капитала на 1,5 процентных пункта.

4. Оптимизация планирования: сокращение времени на корректировку бюджетов при изменении условий с 14 до 5 дней; повышение точности кассового планирования на 25 %.

Для успешного формирования и использования прогнозной отчетности на основе сценарного подхода, а также для интеграции сценарных данных в учетную систему предлагается использовать алгоритм, представленный на рис. 2.

Рис. 2. Алгоритм интеграции сценарных данных в учетную систему (сост. авторами)

Базовыми артефактами алгоритма интеграции сценарных данных в учетную систему на наш взгляд должны быть:

- реестр сценариев (таблица с параметрами и диапазонами);
- схема данных (ER -диаграмма связей сценариев и учетных записей);
- инструкция по интеграции (шаги загрузки, правила трансформации);
- отчет о валидации (результаты тестов, выявленные проблемы);
- регламент эксплуатации (ответственные, периодичность обновлений).

Заключение

Формирование прогнозной отчетности на базе прогнозных сценариев — эффективный инструмент повышения качества финансового планирования в условиях неопределенности.

Главные выводы исследования:

1. Сценарный подход позволяет учитывать множественность возможных будущих состояний бизнеса, что повышает достоверность прогнозов.
2. Унифицированный алгоритм формирования прогнозной отчетности обеспечивает системность процесса и сопоставимость результатов.

3. Взвешенная оценка показателей с учетом вероятностей сценариев дает объективную интегральную оценку перспектив компании.

4. Интеграция сценарных данных в стандартные отчетные формы повышает прозрачность для стейкхолдеров.

Практические рекомендации:

- внедрять сценарное прогнозирование в систему управленческого учета;
- регулярно актуализировать сценарии с учетом изменений внешней среды;

- использовать цифровые инструменты для автоматизации расчетов;

- включать сценарные отчеты в пакет документов для инвесторов.

Дальнейшее развитие темы связано с разработкой отраслевых методик сценарного прогнозирования; интеграцией искусственного интеллекта для генерации сценариев; созданием стандартов раскрытия сценарной отчетности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ансофф И. Стратегическое управление : пер. с англ. / науч. ред. и авт. вступ. ст. Л. И. Евенко. М. : Экономика, 1989. 519 с.
2. Schwartz P. Inevitable Surprises: Thinking Ahead in a Time of Turbulence. New York : Gotham Books, 2003. vii, 247 p.
3. Шварц П. Ваше официальное будущее : искусство предвидения и планирования будущего / пер. с англ. О. В. Завалий. М. : АСТ : Funky, 2008. 239 с.
4. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / пер. с англ. Д. Раевская. СПб. : Питер, 2011. 512 с.
5. Квинт В. Л. Стратегическое управление и экономика на глобальном формирующемся рынке : учеб. пособие. М. : Бизнес атлас, 2012. 627 с.
6. Стрельникова Т. А. Оценка стоимости предприятия (бизнеса) : учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. Саратов : Поволж. ин-т управления — фил. РАНХиГС, 2025. 169 с.
7. Моделирование в банковском деле и финансах : коллектив. моногр. / под науч. ред. А. М. Карминского. М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2025. 248 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-4139-5.
8. Карелов С. П., Баисов А. К., Мирончук В. А. Методы сценарного моделирования в экономическом прогнозировании // Журнал прикладных исследований. 2023. № 12. С. 26—30.
9. Вардиашвили Н. Н. Прогнозирование оптимальной финансовой устойчивости сельскохозяйственного предприятия // Финансовый менеджмент. 2021. № 2. С. 42—51.
10. Салита С. В., Куценко Н. А. Экономико-математическая модель прогнозирования финансовой устойчивости предприятия // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2022. № 1(49). Т. 2. С. 103—109. DOI: 10.51965/20767919_2022_2_1_103.
11. Пасичник Н. В., Винарь Е. Л. Прогнозирование банкротства предприятия на основе показателей финансовой отчетности // Вектор экономики. 2021. № 5. URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2021/5/accounting/Pasichnik_Vinar.pdf.
12. Мерджанова З. Р. Основные направления прогнозирования финансового состояния предприятия и подходы к составлению прогнозной отчетности // Bonum Initium. 2021. № 13(21). С. 155—162.
13. Сулейманова Д. А., Асхабова М. А., Алиева З. М. Анализ финансовой отчетности как основа прогнозирования и контроля доходов и расходов организации // Прикладные экономические исследования. 2023. № 2. С. 211—217.
14. Кроткова И. О. Анализ финансовой отчетности как основа прогнозирования и контроля доходов и расходов предприятия // Вектор экономики. 2018. № 10. URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2018/10/economicsmanagement/Krotkova.pdf>.
15. Глинская О. С., Калиничева Р. В., Джарапах И. С. Система показателей отчетности устойчивого развития GRI в концептуальной модели кооперации, основанной на стратегии «зеленого» роста // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 80—86. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1217.

REFERENCES

1. Ansoff I. Strategic management. L. I. Evenko (transl. & pref.). Moscow, Ekonomika, 1989. 519 p. (In Russ.)
2. Schwartz P. Inevitable Surprises: Thinking Ahead in a Time of Turbulence. New York, Gotham Books, 2003. vii + 247 p.
3. Schwartz P. The art of the long view. New York, Doubleday/Currency, 1991. x + 258 p.
4. Mintzberg H. Structure in Fives. Designing Effective Organizations. Prentice Hall, 1992. 312 p.
5. Kvint V. L. Global emerging market: strategic management and economics. Textbook. Moscow, Biznes atlas, 2012. 627 p. (In Russ.)
6. Strel'nikova T. A. Valuation of the enterprise (business). Textbook. 3rd ed. Saratov, Volga Institute of Management – branch of RANEPa publ., 2025. 169 p. (In Russ.)
7. Modeling in banking and finance. Collective monograph. A. M. Karminsky (ed.). Moscow, HSE University publ., 2025. 248 p. (In Russ.) DOI: 10.17323/978-5-7598-4139-5.
8. Karelov S. P., Baisov A. K., Mironchuk V. A. Methods of scenario modeling in economic forecasting. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied research*. 2023;12:26—30. (In Russ.)
9. Vardiashvili N. N. Forecasting optimal financial stability of agricultural enterprise. *Finansovyi menedzhment = Financial management*. 2021;2:42—51. (In Russ.)

10. Salita S. V., Kutsenko N. A. Economic and mathematical model of forecasting the financial stability of the enterprise. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* = *Vestnik of Volzhsky University named after V. N. Tatishchev*. 2022; 1(49)-2:103—109. (In Russ.) DOI: 10.51965/20767919_2022_2_1_103.
11. Pasichnik N. V., Vinar E. L. Forecasting the bankruptcy of an enterprise based on the indicators of financial statements. *Vektor ekonomiki* = *Vector economy*. 2021;5. (In Russ.) URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2021/5/accounting/Pasichnik_Vinar.pdf.
12. Merdzhanova Z. R. Main directions for forecasting the financial state of the enterprise. *Bonum Initium*. 2021;13(21): 155—162. (In Russ.)
13. Suleymanova D. A., Askhabova M. A., Aliyeva Z. M. Analysis of financial statements as a basis for forecasting and controlling the income and expenses of an organization. *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya* = *Applied economic research*. 2023;2:211—217. (In Russ.)
14. Krotkova I. O. Analysis of financial statements as a basis forecasting and control of income and expenses enterprises. *Vektor ekonomiki* = *Vector economy*. 2018;10. (In Russ.) URL: <https://vectoreconomy.ru/images/publications/2018/10/economicsmanagement/Krotkova.pdf>.
15. Glinskaya O. S., Kalinicheva R. V., Jararakh I. S. The GRI sustainable development reporting framework in a conceptual model of cooperation based on a green growth strategy. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2025; 1(70):80—86. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1217.

Статья поступила в редакцию 11.01.2026; одобрена после рецензирования 27.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 11.01.2026; approved after reviewing 27.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 336.7
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1550

Olga Sergeevna Glinskaya
Doctor of Economics,
Professor of the Department of Economic Security
and Information Technology,
Volgograd Cooperative Institute
Volgograd, Russian Federation
soig_2011@mail.ru

Olga Aleksandrovna Repushevskaia
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Economics,
Finance and Capital,
Russian State Social University
Volgograd, Russian Federation
shokhnekh@yandex.ru

Ольга Сергеевна Глинская
д-р экон. наук,
профессор кафедры экономической безопасности
и информационных технологий,
Волгоградский кооперативный институт
Волгоград, Российская Федерация
soig_2011@mail.ru

Ольга Александровна Репушевская
канд. экон. наук,
доцент кафедры экономики,
финансов и капитала,
Российский государственный социальный университет
Волгоград, Российская Федерация
Ashikh-olga@yandex.ru

РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ С КОМПЛЕКСНЫМ ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНСТРУМЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Статья посвящена разработке и обоснованию комплексной схемы сбалансированного развития регионов, направленной на сокращение диспропорций и обеспечение устойчивого роста всех территорий в рамках единого экономического пространства. Актуальность исследования обусловлена сохранением значительных различий в социально-экономическом положении регионов, что требует перехода от точечных мер к системному подходу. Пространственное развитие любой страны неизбежно сопровождается диспропорциями: концентрацией экономической активности, человеческого капитала и инвестиций в одних регионах и стагнацией или деградацией в других. Для смягчения этих контрастов и достижения сбалансированного развития государство использует широкий арсенал инструментов региональной политики. В статье систематизированы ключевые из этих инструментов, выделяются их цели, механизмы воздействия и потенциальные ограничения. Пространственные диспропорции проявляются в виде неравенства по ВРП на душу населения, уровню безработицы,

качеству инфраструктуры, доступности социальных услуг и миграционным потокам (отток из «слабых» регионов). Целью политики сглаживания является не механическое выравнивание всех показателей, а стимулирование внутреннего потенциала отстающих территорий, сокращение разрывов в качестве жизни и создание условий для устойчивого роста всех регионов в рамках единого экономического пространства. В работе использованы методы системного анализа, сравнительной оценки и синтеза. Представлены и научно обоснованы разработки комплексной модели взаимодействия инструментов региональной политики (пространственного планирования, бюджетно-финансовых, институциональных и инвестиционных), направленной на достижение сбалансированного развития регионов.

Ключевые слова: диспропорции, регион, пространственное неравенство, агломерация, инструменты региональной политики, территории, социальное развитие, стратегии пространственного развития, финансовый институт, политика сглаживания

Для цитирования: Глинская О. С., Репушевская О. А. Развитие регионов с комплексным использованием инструментов региональной политики // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 40—46. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1550.

Original article

REGIONAL DEVELOPMENT WITH THE INTEGRATED USE OF REGIONAL POLICY INSTRUMENTS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. This article is devoted to the development and justification of a comprehensive framework for balanced regional development aimed at reducing disparities and ensuring sustainable growth across all territories within a single economic space. The relevance of the study stems from the persistence of significant differences in the socioeconomic status of regions, which requires a shift from targeted measures to a systemic approach. Spatial development in any country is inevitably

accompanied by disparities: the concentration of economic activity, human capital, and investment in some regions and stagnation or degradation in others. To mitigate these contrasts and achieve balanced development, the state utilizes a wide range of regional policy instruments. This article systematizes key regional policy instruments, highlighting their objectives, mechanisms of influence, and potential limitations. Spatial disparities manifest themselves as inequalities in GRP per capita,

unemployment, infrastructure quality, accessibility of social services, and migration flows (outflow from “weak” regions). The goal of the smoothing policy is not to mechanically equalize all indicators, but to stimulate the internal potential of lagging territories, reduce gaps in quality of life, and create conditions for sustainable growth across all regions within a single economic space. The study utilizes methods of system analysis, comparative assessment, and synthesis. The article presents

and scientifically substantiates the development of a comprehensive model for the interaction of regional policy instruments (spatial planning, budgetary, financial, institutional and investment) aimed at achieving balanced regional development.

Keywords: *disparities, region, spatial inequality, agglomeration, regional policy instruments, territories, social development, spatial development strategies, financial institution, smoothing policy*

For citation: Glinskaya O. S., Repushevskaya O. A. Regional development with the integrated use of regional policy instruments. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):40—46. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1550.

Введение

Актуальность. Проблема пространственного неравенства остается одной из наиболее острых для крупных стран, где чрезмерная концентрация экономических ресурсов и человеческого капитала в ограниченном числе точек роста часто сопровождается стагнацией обширных периферийных территорий. Такая диспропорция порождает ряд системных рисков: от перегруженности инфраструктуры в агломерациях и демографического кризиса в депрессивных регионах до недоиспользования природного и производственного потенциала целых областей, что в конечном итоге подрывает устойчивость национальной экономики и социальную стабильность.

В этой связи ключевой задачей современной региональной политики становится поиск не разрозненных, а целостных решений, способных обеспечить сбалансированное развитие в рамках единого экономического пространства. Это требует разработки комплексных схем, которые интегрируют различные инструменты государственного управления на основе синтеза теоретических подходов к пространственной организации, и направлены не на унификацию регионов, а на создание условий для реализации уникального потенциала каждой территории.

Изученность проблемы. Пространственные диспропорции проявляются в неравномерности экономического и социального развития территорий что являются вызовом для большинства крупных государств. Для их сглаживания и обеспечения сбалансированного роста применяется комплекс инструментов региональной политики. Основоположниками теорий пространственного развития являются: Альфред Вебер [1] (теории стандарта, 1909), который заложил основы анализа факторов размещения промышленности, что является базой для понимания диспропорций; Уолтер Кристаллер и Август Лёш [2; 3], создатели теории центральных мест, объясняющей иерархию и размеры городов, что критически важно для планирования опорного каркаса территории; Франсуа Перру [4], который ввел понятие «полнос роста» (*growth pole theory*, 1950-е гг.), его идея о стимулировании развития через ключевые отрасли и центры стала одним из главных инструментов региональной политики XX в.; Г. Мёрдаль [5], который разработал теорию «циркулярной кумулятивной причинности», объясняющую усиление диспропорций (эффект «центр — периферия») без вмешательства государства; Альберт Хиршман [6], который предложил модель «трюка-растекания» (*trickle-down vs. polarization effects*), анализирующую, как развитие центра влияет на периферию, его работы легли в основу дискуссий о эффективности перераспределения; Майкл Портер [7] — хотя он известен теорией конкурентоспособности, его работы о кластерах стали одним из ключевых инструментов современной региональной политики, направленной на создание точек роста; Н. Н. Колосовский [8], заложивший фундамент советской школы районной планировки

и экономической географии, вот его ключевые идеи в сжатом виде: район формируется не по административному признаку и не по одному продукту, а как территориальное сочетание нескольких взаимосвязанных энергопроизводственных циклов, которые сложились исторически, исходя из местных ресурсов и энергетической базы; Сергей Артоболевский, Валерий Лексин, Александр Швецов [9] — авторы фундаментальных работ по теории и практике российской региональной политики, анализу диспропорций; Наталья Зубаревич [10] — автор концепции «четырех Россий», детально анализирующей социально-экономические диспропорции между регионами, типами поселений и их причины, ее работы крайне важны для диагностики проблем. В основу представленного исследования также вошли ранее опубликованные труды его авторов [11—15]. Интересным представляются современные научные публикации по развитию вопросов региональной экономической политике: А. С. Нечаева, Ч. Лю, Ю. Н. Барыкиной [16], Н. И. Лавриковой, С. Д. Кравцова [17], А. В. Полянина [18], В. Б. Ахполовой и К. О. Дзигасова [19], М. А. Камалова и Л. А. Подольнец [20].

Научная новизна исследования состоит в разработке концептуальных основ для построения современной, гибкой и результативной системы регионального управления. Внедрение подобного подхода способно перевести региональную политику из плоскости частичного субсидирования проблем в плоскость стратегического инвестирования в потенциал каждой территории, что является ключевым условием для устойчивого развития страны в целом.

Цель исследования — формирование концептуальной схемы, интегрирующей и синергирующей различные инструменты региональной политики для достижения сбалансированности. В работе использованы методы системного анализа, сравнительной оценки и синтеза.

Задачи исследования: разработать и научно обосновать комплексную модель взаимодействия инструментов региональной политики (пространственного планирования, бюджетно-финансовых, институциональных и инвестиционных), направленную на достижение сбалансированного развития регионов.

Теоретическая значимость. Исследование способствует созданию целостной, многоуровневой классификации инструментов региональной политики (финансовые, институциональные, инфраструктурные, инновационные, социальные), выявляя не только их автономный эффект, но и потенциальные взаимосвязи и взаимозависимости.

Практическая значимость обеспечивается уточненной картой. Комплекс мер позволяет не просто реагировать на проблемы, а формировать долгосрочные траектории развития для каждого типа региона (агломерации, индустриальные, аграрные, удаленные).

Основная часть

Пространственное развитие большинства стран характеризуется значительной асимметрией, проявляющейся в концентрации экономической активности, человеческого капитала и инноваций в ограниченном числе точек роста. Диспропорции между центральными и периферийными регионами углубляют социальное неравенство, ведут к депопуляции обширных территорий, создают риски для национальной безопасности и устойчивого развития. В этой связи центральной задачей государственного управления становится формирование и реализация эффективной региональной политики, направленной не на унификацию, а на гармонизацию развития территорий с учетом их специфического потенциала и ограничений.

Пространственные диспропорции проявляются в концентрации экономической активности, капитала и человеческого потенциала в одних регионах (часто столичных или ресурсодобывающих) при стагнации или деградации других (депрессивных, периферийных, сельских). Это приводит к негативным последствиям: перегруженности агломераций, депопуляции, недоиспользованию потенциала территорий, социальной напряженности. Целью региональной политики является не унификация, а обеспечение условий для реализации потенциала каждой территории с повышением качества жизни населения.

Пространственное развитие любой страны неизбежно сопровождается диспропорциями: концентрацией экономической активности, человеческого капитала и инвестиций в одних регионах и стагнацией или деградацией в других. Для смягчения этих контрастов и достижения сбалансированного развития государство использует широкий арсенал инструментов региональной политики. Данная статья систематизирует ключевые из этих инструментов, выделяя их цели, механизмы воздействия и потенциальные ограничения [11].

Пространственные диспропорции проявляются в виде неравенства по валовому региональному продукту (далее — ВРП) на душу населения, уровню безработицы, качеству инфраструктуры, доступности социальных услуг и миграционным потокам (отток из «слабых» регионов). Целью политики сглаживания является не механическое выравнивание всех показателей, а стимулирование внутреннего потенциала отстающих территорий, сокращение разрывов в качестве жизни и создание условий для устойчивого роста всех регионов в рамках единого экономического пространства.

Указанная проблема, имеющая глубокие исторические корни, актуализирует необходимость совершенствования теоретико-методологической базы. В основу проблемы входит коренная асимметрия интересов субъектов федерации, вытекающая из их географического положения и различного экономического потенциала. Данный факт делает необходимым использование гибких, адаптивных инструментов управления для решения региональных проблем, порождаемых территориальной спецификой.

В связи с этим рассмотрим особенности экономики Российской Федерации как федеративной — экономику России формирует сложная система регионов с разным правовым статусом (республики, края, области), неоднородным административным делением и уникальными явлениями, когда один субъект федерации входит в состав другого.

Всё это обусловило потребность в особых, гибких нормах внутри федеративного экономического механизма для учета региональных интересов. Первоочередной зада-

чей является преобразование институциональной системы и введение точечных нормативов, что описано планами по формированию новых территориальных образований — агломераций, агроцентров и геостратегических зон, заложенными в Стратегии пространственного развития России до 2030 года с прогнозом до 2036 года [12]. Однако непрекращающиеся управленческие преобразования, временно решая локальные вопросы и адаптируя институциональную систему, одновременно ведут к фрагментации системы и росту числа не универсальных, а специфических институтов.

Разница в структуре потребителей, стоимости государственных услуг и уровне бюджетной обеспеченности регионов приводит к тому, что реальные возможности органов власти и местного самоуправления не соответствуют объему их полномочий в управленческой, экономической и социальной сферах. Из данного факта вытекает управленческая неоднородность.

Разрыв между функциями и доходами регионов вызывает бюджетный дисбаланс, тормозя их развитие. Эта асимметрия усугубляется:

1) сложной системой управления: полномочия регионов регулируют 15 статей конституции, 59 федеральных законов, 20 указов президента и 162 постановления Правительства;

2) масштабом системы: число региональных полномочий выросло с 55 до 1 082, регламентированных более 80 федеральных законов, что усилило асимметрию;

3) делегированием: регионы осуществляют 118 переданных федеральных полномочий в рамках 185 соглашений;

4) устойчивым разрывом между долями регионов в доходах (39,5 %) и расходах (42,8 %) консолидированного бюджета, достигшим за период от 2,4 до –7,2 п. п.

В табл. 1 представлены данные о численности населения по федеральным округам за 2019—2023 гг.

Таблица 1
Численность населения федеральных округов России в 2019—2023 гг. [13]

Федеральный округ (ФО)	Численность населения, млн чел.					2023 г. к 2019 г., %
	2019	2020	2021	2022	2023	
Центральный ФО	39,4	39,2	40,2	40,2	39,4	100
Северо-Западный ФО	13,9	13,9	13,9	13,8	14,1	101,4
Южный ФО	16,4	16,4	16,7	16,6	16,4	100
Северо-Кавказский ФО	9,9	9,9	10,1	10,2	9,9	100
Приволжский ФО	29,2	29,0	28,8	28,6	29,2	100
Уральский ФО	12,3	12,3	12,2	12,2	12,3	100
Сибирский ФО	17,1	17,0	16,7	16,6	17,1	100
Дальневосточный ФО	8,1	8,1	7,9	7,5	8,2	101,2
Всего	146,7	146,1	146,9	145,7	146,6	99,9

Опираясь на данные Росстата на 1 января 2024 г., численность населения Российской Федерации снизилась на 510 тыс. чел. по сравнению с предыдущим периодом и составила 146,6 млн чел. В четырех федеральных округах наблюдается стабильное сокращение численности населения, как и в целом по стране.

В табл. 2 представим данные о ВРП в качестве обобщающего показателя деятельности субъектов Российской Федерации.

Таблица 2

**Объем ВРП по федеральным округам России
в 2019—2023 гг. [13]**

Федеральный округ (ФО)	Объем валового регионального продукта, млрд руб.					2023 г. к 2019 г., %
	2019	2020	2021	2022	2023	
Центральный ФО	33,1	34,2	41,6	46,5	54,1	163,4
Северо-Западный ФО	10,6	10,7	16,6	18,9	19,2	181,1
Южный ФО	6,6	6,8	8,0	9,8	11,0	166,7
Северо-Кавказский ФО	2,3	2,4	2,7	3,0	3,6	156,5
Приволжский ФО	14,1	13,7	16,9	19,5	22,0	156,0
Уральский ФО	13,2	11,6	16,7	19,9	23,0	174,2
Сибирский ФО	9,1	9,0	11,3	13,0	13,9	52,7
Дальневосточный ФО	5,9	6,0	7,4	8,8	10,1	171,1
Всего	95,1	94,4	121,2	139,4	156,9	1 221,7

Анализ табл. 2 показал рост показателя ВРП в 1,2 раза. Экономический разрыв между регионами обусловлен климатическими и географическими контрастами: лишь треть земель пригодна для сельского хозяйства, население распределено крайне неравномерно (от 169 чел./км² в Подмосковье до 0,07 на Чукотке), а налоговая база сконцентрирована в нескольких сырьевых субъектах (53 % налогов от ресурсов дают всего пять регионов). Указанные причины порождают глубокое экономическое неравенство регионов. Контрасты огромны: по промышленному выпуску — в 281 раз, по безработице — в 33 раза. При этом статистику резко меняет учет/исключение самых развитых субъектов, что снижает видимый разрыв по ВРП и инвестициям в несколько раз.

Таблица 3

**Дифференциация российских регионов по ключевым
показателям экономического развития [13]**

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023
ВРП на душу населения	642,7	639,2	830,1	950,9	1 074,7
Инвестиции на душу населения	130,7	138,1	157,9	189,9	н/д
Доходы консолидированных бюджетов на душу населения	13,5	14,9	17,5	19,7	22,3

Исполнение консолидированных бюджетов регионов в 2023 г. в сравнении с 2022 г. показало положительную динамику доходов (на 13,5 %) и расходов (на 14,8 %). В сопоставимых условиях доходы выросли на 10,1 %, расходы — на 11,3 %. При этом складывающийся со второго полугодия 2023 г. высокий профицит консолидируемых бюджетов регионов значительно сократился, по итогам 2023 г. дефицит составил 220,2 млрд руб. Также необходимо отметить рост в 2023 г. совокупного государственного долга региональных бюджетов на 13,4 %, связанный в основном с предоставлением бюджетных кредитов из федерального бюджета на реализацию инфраструктурных проектов (рост на 22,2 %), а также государственных (муниципальных) гарантий (рост в 2 раза).

Таким образом, выявлены объективные причины (территориальные, управленческие, экономические) конфликтных отношений центра и регионов. Формальные институты, призванные стандартизировать эти связи, дополняются узкоспециализированными, создавая неоднородность и ситуативность в федеративной экономике.

Проблема диспропорций в социально-экономическом развитии регионов остается одной из наиболее острых для многих стран, включая Россию. Гипертрофированная концентрация экономической активности, человеческого капитала и инвестиций в нескольких узлах (метрополиях) при стагнации или депопуляции периферийных и ресурсно-зависимых территорий создает риски для социальной стабильности, национальной безопасности и эффективного использования пространственного потенциала. Традиционные подходы, основанные на директивном перераспределении ресурсов или универсальных субсидиях, доказали свою ограниченную эффективность. Эффективная политика сбалансированного развития должна воздействовать на ключевые факторы роста территорий: человеческий капитал, инвестиции, институты и инфраструктуру. Инструменты можно структурировать по четырем взаимосвязанным блокам. Эффективная политика требует одновременного и согласованного использования инструментов разных типов. (табл. 4).

Таблица 4

**Комплекс инструментов региональной политики
и механизмы их интеграции**

Тип инструмента	Конкретные примеры	Целевая задача
Бюджетно-финансовые	- Выравнивающие и стимулирующие трансферты; - субсидии и налоговые льготы для приоритетных отраслей в депрессивных регионах; - создание фондов развития территорий	Сглаживание фискальных неравенств, стимулирование инвестиций
Инфраструктурные	- Развитие транспортных и логистических коридоров, соединяющих центры и периферию; - цифровизация и обеспечение телекоммуникационной связности; - развитие социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование)	Снижение пространственных барьеров, повышение доступности услуг
Институциональные и правовые	- Особые экономические режимы (территории опережающего социально-экономического развития, соглашения о защите и поощрении капиталовложений); - стратегическое планирование (Стратегия пространственного развития, комплексные планы); - реформы по повышению качества регионального управления	Создание благоприятных институциональных условий, внедрение проектного управления
Инновационные и кадровые	- Поддержка региональных научно-образовательных центров; - программы привлечения и удержания талантов; - развитие региональных инновационных кластеров	Диверсификация экономики, переход к модели «умной» специализации

Примечание: составлено авторами.

Максимальная эффективность достигается при интеграции инструментов в рамках конкретных территориальных проектов. Например, создание транспортного коридора (инфраструктурный инструмент) должно сопровождаться установлением особого экономического режима в прилегающих зонах (институциональный инструмент), целевыми

программами подготовки кадров (кадровый инструмент) и софинансированием из фонда развития (бюджетный инструмент).

Инструменты региональной политики для решения вопроса по сбалансированного развития регионов представлены на рисунке.

Рис. Схема сбалансированного развития регионов с комплексным использованием инструментов региональной политики (сост. авторами)

На рисунке показана схема четырех основных блоков инструментов, которые используются комплексно:

1. **Финансовые:** прямое перераспределение средств для поддержки бюджетов и стимулирования активности.
2. **Экономические:** создание материальных активов и условий для роста через инвестиции и партнерства.
3. **Правовые:** установление специальных режимов и программ для проблемных территорий.
4. **Административные:** прямые решения государства по размещению заказов и учреждений.

Актуальная и сложная проблема современного государственного управления состоит в достижении сбалансированного территориального развития. В условиях зна-

чительной пространственной дифференциации социально-экономических показателей необходим переход от точечных и зачастую реактивных мер к целостной, системной схеме (модели) сбалансированного развития. Эффективное выравнивание диспропорций и раскрытие потенциала всех территорий невозможно при использовании разрозненных инструментов. Предлагается комплексный (интегрированный) подход, который предполагает:

- 1) **синхронизацию целей и инструментов:** увязку стратегических целей развития (социальных, экономических, инфраструктурных, экологических) с конкретными механизмами региональной политики (бюджетными, нормативно-правовыми, институциональными);

2) *сочетание универсальных и уникальных решений*: комбинацию мер общегосударственного характера (например, совершенствование межбюджетных отношений, единые стандарты предоставления услуг) с адресными, определенными под специфику регионов инструментами (специальные экономические режимы, кластерные инициативы, программы поддержки территорий с особыми условиями);

3) *многоуровневое взаимодействие*: создание эффективных механизмов координации между федеральным центром, субъектами Российской Федерации и муниципалитетами, что подразумевает четкое разграничение ответственности и ресурсов;

4) *учет пространственного фактора*: активное использование инструментов пространственного планирования и территориального проектирования (стратегическое планирование, схемы территориального планирования, инициативы по развитию агломераций), что позволяет управлять не только отраслевыми, но и пространственными связями.

Успех предлагаемой схемы зависит не только от наличия финансовых ресурсов, но и от качества управления, институтов и данных. Необходимы современные системы мониторинга и оценки эффективности политик, обеспечивающие обратную связь и возможность быстрой корректировки.

Заключение

Сбалансированное развитие регионов — не синоним выравнивания. Это стратегия, направленная на обеспечение устойчивого роста и высокого качества жизни на всей территории страны через раскрытие уникального потенциала каждого региона. Достижение этой цели возможно только при отказе от одноразовых, изолированных мер в пользу комплексной, интегрированной и адаптивной региональной политики. Такая политика должна гибко комбинировать бюджетные, инфраструктурные, институциональные и инновационные инструменты, увязывая их в рамках конкретных пространственных инициатив. Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку методик оценки синергетического эффекта от совместного применения различных инструментов и анализ лучших международных практик в данной области.

Разработке концептуальных основ для построения современной, гибкой и результативной системы регионального управления. Внедрение подобного подхода способно перевести региональную политику из плоскости частичного субсидирования проблем в плоскость стратегического инвестирования в потенциал каждой территории, что является ключевым условием для устойчивого развития страны в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Вебер А. Теория размещения промышленности : с прил. работы О. Шлира «Промышленность Германии с 1860 г.» / изложил и пер. Н. Морозов ; под ред. и с предисл. Н. Баранского. Л. : М. : Книга, 1926. 223 с.
- Christaller W. Central places in southern Germany. Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1966. 230 p.
- Лёш А. Пространственная организация хозяйства / под ред. А. Г. Гранберга ; пер. с нем. В. Н. Стрелецкого. М. : Наука, 2007. 662 с.
- Perroux F. L'économie du XX-e siècle. Paris : Presses universitaires de France, 1961. 598 p.
- Мюрдаль Г. Мировая экономика: Проблемы и перспективы / пер. с англ. А. В. Еврейскова, О. Г. Клесмет ; вступ. ст. А. И. Бечина ; ред. Ю. Я. Ольсевич. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. 555 с.
- Hirschman A. O. The strategy of economic development. Yale University Press, 1961. xiii, 217 p.
- Портер М. Конкуренция / пер. с англ. О. Л. Пелявского и др. М. : Вильямс, 2005. 602 с.
- Колосовский Н. Н. Теория экономического районирования. М. : Мысль, 1969. 335 с.
- Лексин В. Н., Швецов А. Н. Региональная политика в контексте новой российской ситуации: цели, задачи, механизмы реализации // Регион: Экономика и Социология. 1994. № 1. С. 33—56.
- Зубаревич Н. В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. М. : Независимый ин-т соц. политики, 2010. 160 с.
- Репушевская О. А., Суглобов А. Е. Характеристика факторов и условий, оказывающих влияние на сбалансированность организационно-экономического механизма развития регионов // Russian Journal of Management. 2025. Т. 13. № 1. С. 102—113. DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-1-102-113.
- Репушевская О. А. Эволюция социально-экономического развития регионов // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2024. № 3. С. 121—126.
- Репушевская О. А. Развитие инструментария сглаживания региональных диспропорций // Russian Journal of Management. 2025. Т. 13. № 6. С. 157—168. DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-6-157-168.
- Методы регионального стратегирования на основе финансовой модели / О. С. Глинская, Т. М. Гомаюнова, Ю. В. Мельникова и др. // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2(71). С. 165—169. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1325.
- Глинская О. С., Андриевский А. А., Теплов М. В., Есипов Д. В. Концептуальный подход к программно-целевому регулированию экономической безопасности региона // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2025. № 12. С. 115—118.
- Нечаев А. С., Лю Ч., Барыкина Ю. Н. Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов // Финансовая экономика. 2023. № 4. С. 147—149.
- Лаврикова Н. И., Кравцов С. Д. Региональная экономическая политика: цели и инструменты оценки эффективности // Cifra. Экономика. 2024. № 3(6). DOI: 10.60797/ECNMS.2024.6.2.
- Полянин А. В. Инструменты региональной экономической политики для финансирования развития предпринимательских структур // Прикладные экономические исследования. 2023. № S1. С. 52—58.
- Ахполова В. Б., Дзигасов К. О. Региональная экономическая политика: цели, инструменты, оценка результатов // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2025. № 5(144). С. 55—57.
- Камалов М. А., Подольянец Л. А. Региональная экономическая политика. Цели, инструменты, оценка результатов // Экономика и предпринимательство. 2024. № 5(166). С. 686—690. DOI: 10.34925/EIP.2024.166.5.136.

REFERENCES

1. Weber A. Theory of the location of industries. With O. Schlier's work "German Industry since 1860". N. Morozov (transl.), N. Baransky (ed. & pref.). Leningrad, Moscow, Kniga, 1926. 223 p. (In Russ.)
2. Christaller W. Central places in southern Germany. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1966. 230 p.
3. Lösch A. Spatial Organization of the Economy. A. G. Granberg (ed.), V. N. Streletsky (transl.). Moscow, Nauka, 2007. 662 p. (In Russ.)
4. Perroux F. Economics of the 20th century. Paris, University Press of France, 1961. 598 p. (In French)
5. Myrdal G. An international economy: Problems and prospects. A. V. Evreiskov & O. G. Klesmet (transl.), A. I. Bechin (pref.), Yu. Ya. Ol'sevich (ed.). Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1958. 555 p. (In Russ.)
6. Hirschman A. O. The strategy of economic development. Yale University Press, 1961. xiii + 217 p.
7. Porter M. Competition. O. L. Pelyavsky et al. (transl.). Moscow, Williams, 2005. 602 p. (In Russ.)
8. Kolosovsky N. N. Theory of economic zoning. Moscow, Mysl', 1969. 335 p. (In Russ.)
9. Leksin V. N., Shvetsov A. N. Regional policy in the context of the new Russian situation: goals, objectives, implementation mechanisms. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya = Region: Economics & Sociology*. 1994;1:33—56. (In Russ.)
10. Zubarevich N. V. Regions of Russia: inequality, crisis, modernization. Moscow, Independent Institute for Social Policy publ., 2010. 160 p. (In Russ.)
11. Repushevskaya O., Suglovov A. Characteristics of factors and conditions influencing the balance of the organizational and economic mechanism of regional development. *Russian Journal of Management*. 2025;13(1):102—113. (In Russ.) DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-1-102-113.
12. Repushevskaya O. A. Evolution of socio-economic development of regions. *Fundamental'nye i prikladnye issledovaniya kooperativnogo sektora ekonomiki = Fundamental and applied research studies of the economics cooperative sector*. 2024; 3:121—126. (In Russ.)
13. Repushevskaya O. Development of tools for smoothing regional imbalances. *Russian Journal of Management*. 2025;13(6):157—168. (In Russ.) DOI: 10.29039/2500-1469-2025-13-6-157-168.
14. Glinskaya O. S., Gomayunova T. M., Melnikova Yu. V. et al. Methods of regional strategizing based on the financial model. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;2(71):165—169. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1325.
15. Glinskaya O. S., Andrievsky A. A., Teplov M. V., Esipov D. V. A conceptual approach to the program-oriented regulation of the economic security of the region. *Konkurentosposobnost' v global'nom mire: ekonomika, nauka, tekhnologii = Competitiveness in a global world: economics, science, technology*. 2025;12:115—118. (In Russ.)
16. Nechaev A. S., Liu Zh., Barykina Yu. N. Regional economic policy: goals, instruments, evaluation of results. *Finansovaya ekonomika = Financial economy*. 2023;4:147—149. (In Russ.)
17. Lavrikova N. I., Kravtsov S. D. Regional economic policy: objectives and tools for assessing effectiveness. *Tsifra. Ekonomika = Cifra. Economics*. 2024;3(6). (In Russ.) DOI: 10.60797/ECNMS.2024.6.2.
18. Polyanin A. V. Instruments of regional economic policy for financing the development of business structures. *Prikladnye ekonomicheskie issledovaniya = The Applied economic research*. 2023;S1:52—58. (In Russ.)
19. Akhpolova V., Dzigasov K. Regional economic policy: goals, tools, evaluation of results. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki = The Humanities and socio-economic sciences*. 2025;5(144):55—57. (In Russ.)
20. Kamalov M. A., Podolyanets L. A. Regional economic policy. goals, tools, evaluation of results. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2024;5(166):686—690. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2024.166.5.136.

Статья поступила в редакцию 17.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 17.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 338.48
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1523

Nadezhda Nikiforovna Krupina
Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Management Technologies
and Service,
St. Petersburg State Agrarian University
Pushkin, Russian Federation
Krupina_n17@mail.ru

Надежда Никифоровна Крупина
д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры технологий управления
и сервиса,
Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
Пушкин, Российская Федерация
Krupina_n17@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КАРБОНОВЫЕ ПОЛИГОНЫ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ОБЪЕКТЫ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ТУРИЗМА

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Переход к экономике углеродной нейтральности актуализирует формирование в регионах России специализированных карбоновых полигонов (КП), которые могут стать объектами научно-популярного туризма. Построено 19 КП площадью более 310 тыс. га, на которых представлены все типы территориальных ландшафтов и экосистем. Они могут охватывать исследовательский, познавательный, образовательный, профориентационный туризм в многообразных формах. Эти площадки предпочтительны для популяризации актуальных знаний о закономерностях углеродного цикла и факторах изменения климата, о механизме поглощения углерода в экосистемах, о перспективах экономики углеродной нейтральности и выгодах формирующегося национального углеродного рынка. В статье обоснована их роль как туристических продуктов, максимально соответствующих требованиям регулятора по составу и особенностям организуемых процессов, специфике техники и технологий, по уровню социально-экологической и экономической значимости. Полигоны распределены по федеральным округам, определены их сильные и слабые стороны, выделены перспективные формы — научные экскурсии, экспедиции, волонтерство. Выбор научных

направлений определяется рабочими процессами — основным (секвестрация), обеспечивающим, управленческим и развитием. КП оснащены современными аналитическими приборами и инструментами, используют прогрессивные облачные сервисы и цифровые технологии, лучшие техники земледелия и лесоразведения, что делает их привлекательными для научной работы. Наличие обширного природного наследия с высоким потенциалом секвестрации углерода открывает перспективы для развития научного туризма как востребованного бизнеса. Интеграция КП в туристические продукты позволяет не только сочетать активный отдых, рекреацию и обучение полезным знаниям, но и реализовать государственные приоритеты — содействовать формированию позитивной гражданско-патриотической позиции у исследователей, расширять культурно-образовательную среду, привлекать в науку молодежь, преодолеть отставание от мировой климатической повестки.

Ключевые слова: изменение климата, углеродная нейтральность, климатические проекты, секвестрация углерода, карбоновые полигоны, экосистемы, регионы, научно-популярный туризм, научные экскурсии, экспедиции, волонтерство

Для цитирования: Крупина Н. Н. Региональные карбоновые полигоны как перспективные объекты научно-популярного туризма // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 47—52. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1523.

Original article

REGIONAL CARBON LANDFILLS AS PROMISING OBJECTS OF POPULAR SCIENCE TOURISM

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The transition to a carbon-neutral economy actualizes the formation of specialized carbon landfills (CL) in the regions of Russia, which can become objects of popular science tourism. 19 CL have been built on the area of more than 310,000 hectares, which include all types of territorial landscapes and ecosystems. They can cover research, educational, and career guidance tourism in various forms. These sites are the most preferred for promoting current knowledge about the patterns of the carbon cycle and climate change factors, the mechanism of carbon absorption in ecosystems, the prospects for a carbon-neutral economy and the benefits of the emerging national carbon market. This article explores

the role of these polygons as tourist products that meet the regulatory requirements for their composition, processes, equipment, and technologies, as well as their social, environmental, and economic significance. The landfills are distributed by federal districts, their strengths and weaknesses are determined, and promising forms are highlighted – scientific excursions, expeditions, and volunteering. The choice of scientific areas is determined by the working processes – the main (sequestration), supporting, managerial, and development processes. The CL facilities are equipped with modern analytical devices and tools, and they use advanced cloud services and digital technologies, as well as the best farming and forestry practices, which makes them

attractive for scientific research. The presence of extensive natural heritage with a high potential for carbon sequestration opens up prospects for the development of scientific tourism as a sought-after business. The integration of CL into tourism products allows not only to combine active recreation, leisure, and gaining useful knowledge, but also to implement government priorities, such as promoting a positive civic and patriotic atti-

tude among researchers, expanding the cultural and educational environment, attracting young people to science, and overcoming the lag behind the global climate agenda.

Keywords: *climate change, carbon neutrality, climate projects, carbon sequestration, carbon landfills, ecosystems, regions, popular science tourism, scientific excursions, expeditions, volunteering*

For citation: Krupina N. N. Regional carbon landfills as promising objects of popular science tourism. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):47—52. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1523.

Введение

Актуальность представленного в настоящей статье исследования обусловлена стратегическим уровнем его тематики: идет Десятилетие науки и технологий (2022—2031 гг.) и реализуется Концепция развития научно-популярного туризма на период до 2035 г. (утв. Минобрнауки России в 2023 г.). Ожидается активное привлечение талантливой молодежи в сферу научных исследований и повышение доступности информации о достижениях российской науки для населения.

Изученность проблемы. Научный туризм является новым высокоспециализированным и затратным видом предпринимательства, аналогично роль карбоновых полигонов (далее — КП) в построении экономики углеродной нейтральности — новая область знания. Оба аспекта отвечают глобальным внешним вызовам, что объясняет появление научного интереса к ним.

А. В. Афанасьева, Е. В. Логвина, Т. Т. Христов провели системный анализ методологических основ и особенностей научно-популярного туризма, предложили классификацию его видов, обозначили активное участие туристов в программе тура, как отличительный признак, и определили преимущества для науки, туристов, общества и туристической индустрии [1]. А. В. Ханина и М. В. Якименко ответили научному туризму роль стратегического инструмента развития территориальной инфраструктуры, сопряженной с научной, инновационной и образовательной деятельностью [2]. Е. А. Крылова отметила, что маршруты в познавательных и профессионально-деловых целях позволяют человеку отдохнуть, научиться, получить полезный опыт, внести вклад в устойчивость развития экономики регионов [3]. Т. А. Танкиева с соавторами указали на то, что сочетание интерактивных экскурсий с культурой развлечений в необычном месте проявляется как инструмент выбора школьником будущей профессии и повод для отзывов в социальных сетях и мессенджерах [4].

Е. Н. Плиева определила барьеры развития научного туризма: ограниченная доступность отдельных объектов; рост износа, потери целостности и даже разрушения хрупких научных объектов в случае увеличения потока туристов; трансформация научных объектов в развлекательные центры или аттракционы в ситуации излишней коммерциализации; негативное воздействие на среду [5]. Т. Б. Климова отметила, что формирование новых объектов и использование комплекса маркетинга позволяют перераспределить турпоток и минимизировать уровень нагрузки на туристские дестинации [6].

Общепризнано, что сохранение природной среды как базового условия устойчивого развития определяется научно обоснованными решениями. По мнению А. Д. Шматко и Б. П. Ивченко, в числе планетарных проблем низкоуглеродная экономика, карбоновые налоги, секвестрационная индустрия будут долго определять развитие общества [7]. Решение климатической проблемы

зависит от успеха глубоких научных исследований, разработки и испытаний технологий контроля углеродного баланса, осуществляемых на уникальных экосистемах КП.

А. Ш. Субхонбердиев с соавторами отметили высокие темпы проведения исследований процесса декарбонизации в части подбора растений и агротехнологий, режимов наземного наблюдения, оценки влияния погодных условий на углеродный баланс, отметив роль КП как пространство новых профессий [8]. Нами ранее КП был рассмотрен как этап строительства карбоновых ферм и обсуждена бизнес-модель создания углеродных единиц как ценности [9]. Биологические особенности нового бизнеса порождают риски устойчивой генерации прибыли, поэтому сегодня ученые концентрируются на научных исследованиях сложных закономерностей и механизмов зарождающейся индустрии секвестрации.

А. И. Зорин считает, что коренные изменения в обществе вызывают рост туризма, который поддерживает социальный порядок и находит адекватные ответы на внешние вызовы [10]. Д. Г. Замолотчикова указывает на возможность трансформации миссии, целей и задач КП в научно-образовательную тестовую программу, реализуемую с участием молодежи в системных исследованиях закономерностей газообмена и технологий секвестрации [11]. Эти две идеи стали главной предпосылкой гипотезы о включении КП в практику научно-популярного туризма.

Целесообразность разработки темы. Специализированные КП строятся по Указу Президента РФ от 8 февраля 2021 г. № 76 «О мерах по реализации государственной научно-технической политики в области экологического развития Российской Федерации и климатических изменений». Это экспериментальные участки с высоким уровнем цифровизации лабораторно-аналитической базы, на которых проводят измерение и моделирование эмиссии и поглощения парниковых газов, оценку углеродного баланса и технологии консервации углерода. Климатическая повестка и развитие научного туризма — это стратегические задачи регионального устойчивого развития, поэтому требуется понимание аспектов, формирующих потенциал и привлекательность КП для развития нового сегмента территориального туристического рынка и разработки комплекса научно-образовательных турпродуктов для целевых групп клиентов.

Гипотеза исследования: КП — достойный объект научно-популярного туризма, максимально соответствующий требованиям регулятора к подобной услуге как по составу и особенностям организуемых процессов, специфике применяемой техники и технологий, так и по уровню социально-экологической и экономической значимости получаемых результатов.

Цель автора — в рамках гипотезы обосновать аспекты привлекательности КП как перспективных площадок развития различных направлений научно-популярного туризма в России.

Задача исследования — осмыслить первые итоги работы КП и определить их перспективы как объектов научного туризма.

Научной новизной обладают:

– авторская идея об интеграции площадок КП в национальную сеть объектов научного туризма для решения стратегической задачи популяризации климатических исследований и профессиональной деятельности в целях устойчивого развития регионов;

– обозначенные рабочие процессы и операции как источники новых знаний и профессионального опыта, имеющие высокую привлекательность в индустрии секвестрации углерода.

Теоретическая значимость результатов исследования состоит в развитии представлений о предпосылках вовлечения наукоемких климатических проектов в сферу регионального туризма.

Практическая значимость. Актуализация КП, как и уникальных объектов научного туризма, позволит расширить предпринимательскую практику в регионах.

Основная часть

Методология исследования. Научный туризм — это новое направление предпринимательской активности в индустрии туризма и гостеприимства, важный фактор формирования профессиональной образовательной среды. Требования регулятора к организации экономической деятельности определены ГОСТ Р 71846—2024 «Туризм и сопутствующие услуги. Научно-популярный туризм. Общие требования». При исследовании гипотезы осмыслены положения документа с позиции представления КП как объекта получения и восприятия новых знаний путешественниками. Использованы методы: анализ литературных источников, обобщения, абстрагирования, классификации, сопоставления и интерпретации.

Результаты исследования. Объекты научного и познавательного туризма и КП распределены по федеральным округам неравномерно, но повсеместно (табл. 1). География их размещения позволяет охватить все типы территориальных ландшафтов в административных субъектах.

Таблица 1

Распределение карбоновых полигонов и объектов научно-популярного туризма по федеральным округам России

Федеральный округ (ФО)	Объекты научно-популярного туризма	Карбоновые полигоны
Центральный ФО	121 объект: музеи и заповедники, центры высоких технологий, научные организации и лаборатории, вузы, научно-технические центры, предприятия, научные лаборатории и центры и др.	– <i>FOR&ST CARBON</i> (Воронежская область); – «Покровский» (Московская, Калужская и Кировская области); – «Чашниково» (Московская область); – «Калужский» (Калужская область)
Северо-Западный ФО	121 объект: агропарки, атомные электростанции, вузы и др.	«Росзянка» (Калининградская область)
Южный ФО	120 объектов: детские технопарки, кванториумы, ботанические сады, обсерватории, зоологические парки и др.	– «Геленджик» (Краснодарский край); – «Цимлянское водохранилище» (Ростовская область)
Северо-Кавказский ФО	33 объекта: геотермальные станции, вузы, технопарки, научные и организации и др.	<i>WAY CARBON</i> (Чеченской Республика)
Приволжский ФО	157 объектов: технопарки, научные и научно-образовательные центры, библиотеки, технические и музеи воинской славы и др.	– «Евразийский» (Республика Башкортостан); – «Карбон-Поволжье» (Республика Татарстан); – «Агро Инженерия» (Самарская область)
Уральский ФО	68 объектов: научные центры, технопарки, особо охраняемые природные территории, музеи-заповедники, вузы, промышленные предприятия, научные лаборатории и центры, музеи и библиотеки и др.	– «Мухрино» (Ханты-Мансийском автономный округ — Югра); – «Урал-Карбон» (Свердловская область); – «Семь Лиственниц» (Ямало-Ненецком автономный округ); – «Тюменский» (Тюменская область)
Сибирский ФО	201 объект: обсерватории, метеостанции, ботанические сады, музеи-заповедники и др.	– «БиоКарбон» (Новосибирская область); – «Томский» (Томская область)
Дальневосточный ФО	106 объектов: государственные природные заповедники, природные объекты и др.	– «Карбон-Сахалин» (Сахалинская область); – «Дальневосточный» (Приморский край)

Примечание: сост. по: Всероссийский реестр объектов научно-популярного туризма // Наука.пф. URL: <https://наука.пф/initiatives/nauchno-populyarnyy-turizm/>.

На интерактивной карте научного туризма *Science Slam* (<https://sciencetourism.ru/>) размещено более 800 объектов, а региональные КП могут занять свое место как центры инновационных технологий и научных исследований в контексте концепции ЮНЕСКО о всемирном природном наследии и необходимости оценки «экологического» следа [12]. КП — это участник для количественной оценки углеродного следа в широком диапазоне — от локального или регионального до планетарного.

Междисциплинарный характер турпродукта на КП определяет широкую целевую аудиторию — несовершеннолетние туристы в сопровождении взрослых, учащиеся школ и гимназий, студенты, аспиранты, молодые исследо-

ватели и преподаватели, любознательные туристы, включая иностранных гостей. В качестве объектов могут выступать как КП, так и коллаборации «КП — научный центр», «КП — обсерватория», «КП — библиотека». Высокий мультипликатор инвестиций в туризме поддерживает воспроизводственный процесс в регионе, занятость, выплату налогов, модернизацию территориальной инфраструктуры [13].

Освоение потенциала КП представляется коммерчески привлекательным интеллектуальным направлением туризма и даже драйвером восстановительного роста в сложных и кризисных условиях экономики [14]. Нами определены наиболее доступные формы научного туризма (см. рис.).

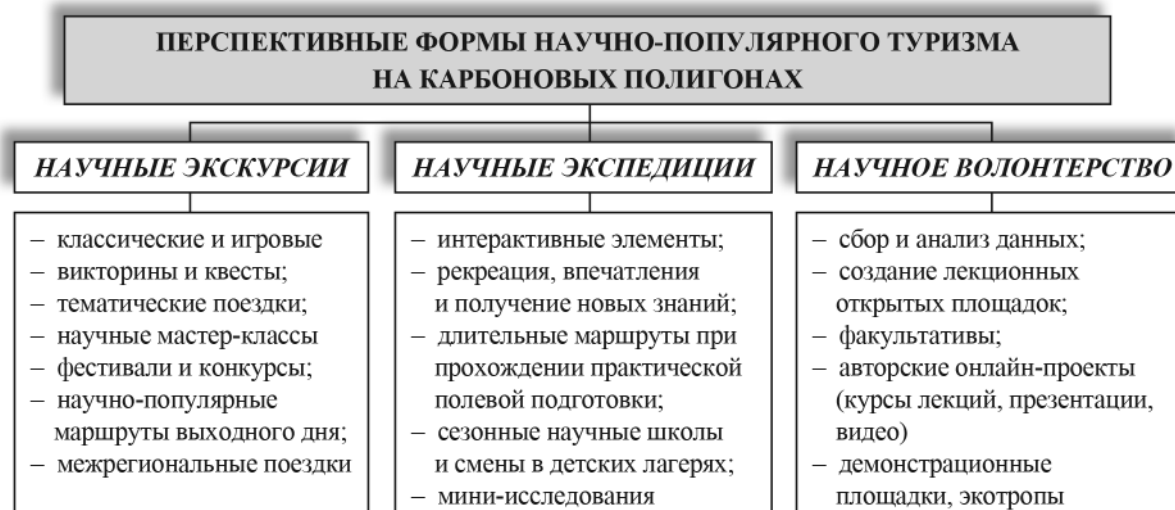

Рис. Формы научного туризма на КП
(сост. автором)

Научные экскурсии предпочтительны для популяризации закономерностей планетарного углеродного цикла, понимания роли антропогенных факторов в изменении климата, демонстрации примеров применения научных результатов. Рассматриваются как лучший формат для школьников и взрослой аудитории при продолжительности не более 2 часов и численности групп 7—10 чел. Технические приемы — сочетание рассказа специалиста-экскурсовода и мультимедийной презентации отдельных оригинальных и ценных сведений в области климатической тематики, например, о технологиях улавливания и консервации углерода в лесных и болотистых экосистемах (природных резервуарах углерода) или перспективах развития российского углеродного рынка.

Научные экспедиции оцениваются как востребованный метод гуманитарного образования и воспитания, как форма учебного процесса подготовки кадров, как перспективная форма устойчивого регионального туризма, как технология формирования принципиально новой ценности [15]. Обозначены отличительные черты научно-экспедиционного туризма:

- а) маршрутный принцип организации и длительность;
- б) научная цель и программа исследований;
- в) соответствие целям устойчивого развития;
- г) фоновая рекреация;
- д) повышенные компетенции участников;
- е) специальное оборудование;
- ж) высокие затраты;
- з) труднодоступность территории.

Возможные темы экспедиций:

1. Участие в наземных и дистанционных исследованиях для оценки пространственной и временной изменчивости депонирования углерода.
2. Описание и сравнительная количественная оценка эмиссии и депонирования парниковых газов в природных и трансформированных ландшафтах региона.

Научное волонтерство — инициативное добровольное участие туристов, их помощь в организации и выполнении простых операций, обеспечивающих результативность научного поиска.

Пространство, в котором формируются интересные для туристов новые знания и компетенции, представлено базовыми рабочими процессами — основным (секвестрационное производство), обеспечивающим управленческим и развития (табл. 2). С позиции содержания маршрута можно выделить привлекательные производственные операции. Так, для школьников — это участие в работах по озеленению, в тестировании новых агротехнологий, в проектировании мер профилактики лесных пожаров, в сборе данных в ходе биомониторинга, контроля за посадками с помощью дронов, в анализе массива данных на базе технологии *Big Data*. Для магистрантов и аспирантов — это место проведения научных исследований и подготовки научных публикаций, курсовых проектов, выпускных квалификационных и диссертационных работ, а также трудоустройства.

Таблица 2

Рабочие процессы на КП

Рабочий процесс	Рабочие операции	Потенциал для научно-популярного туризма
<i>Основной</i> — секвестрация углерода в естественной среде. Динамика зависит от вегетационного периода растений и продуктивности экосистем	– Захват и депонирование CO₂ в компонентах экосистем по стадиям углеродного цикла; – уход, полив, поддержание и оперативное компенсационное восстановление зеленых насаждений на полигоне; – мониторинг газообмена в наземных, почвенных и водных экосистемах	Знакомство: а) с технологиями дистанционного мониторинга и прямого измерения запасов углерода в лесных экосистемах; б) с новыми агротехнологиями для заметного роста продуктивности секвестрации
<i>Обеспечивающий</i> — материально-техническое, энергетическое, транспортное, финансовое и информационное обеспечение	– Инвентаризация и паспортизация биологических активов; – учет, контроль, мониторинг объема биомассы поглощенного и законсервированного углерода; – текущий уход за участками, применение удобрений	Участие туристов в создании выставочной площадки для демонстрации практических инженерных решений в секвестрационной индустрии

Рабочий процесс	Рабочие операции	Потенциал для научно-популярного туризма
<i>Управленческий</i> — разработка и поддержание регламентов деятельности карбонового полигона	– Организация делопроизводства и электронного документооборота; – методическое обеспечение основного процесса; – кадровый менеджмент; – финансовый менеджмент; – общественные коммуникации	Поддержание интереса к климатической повестке в социальных сетях. Полезная волонтерско-просветительная деятельность в формировании имиджа региона
<i>Развивающий</i> — разработка, апробация и адаптация лучших технологий повышения углеродной биопродуктивности насаждений и экосистем в целом	– Инновационная модернизация контрольно-измерительных и мониторинговых систем и программного обеспечения; – освоение новых компетенций; – обновление агротехнологий; – международное сотрудничество; – формирование информационной базы научных данных	Участие в апробации нового лабораторного оборудования, агротехнологий, методов <i>WEB</i> -аналитики. Интеграция в мировую климатическую повестку, оценка перспектив национального углеродного рынка

Примечание: составлено автором.

Опыт научного туризма на площадках КП отсутствует, но следует обозначить их силы и слабости как перспективных и привлекательных объектов научно-популярного туризма.

Слабые стороны:

1. Необходимость продолжительных высокочастотных исследований и значительных инвестиций в разработку цифровых технологий обработки массивов данных.

2. Отставание России от передовых стран в климатической повестке.

3. Отсутствие единой платформы подключения КП и участников климатических проектов.

4. Отсутствие практики и научно-методической базы по организации научно-популярного и познавательного туризма.

5. Подготовка кадров в отраслевых учебных заведениях, пока не предусматривающая новые компетенции по секвестрации углерода.

Сильные стороны:

1. Развитие научно-популярного туризма на площадках КП позволяет реализовать приоритеты:

а) содействовать формированию позитивной гражданско-патриотической позиции участников и культурно-образовательной среды;

б) привлекать в науку и научно-технологическое развитие страны молодые кадры.

2. Появляется возможность расширить предложение туристических продуктов в формате познавательных экскурсионных маршрутов и экспедиций в рамках индустриального, сельского, рекреационного и научного туризма.

3. Рабочий процесс имеет собирательный междисциплинарный характер, является природосберегающим и ре-

ализуется на территории естественных ландшафтов, обладающих рекреационным потенциалом, эстетической и экологической привлекательностью.

4. Для граждан открывается доступ к актуальной информации, новым знаниям и полезному опыту, совершенствованию навыков самообразования. Высокая степень интеллектуализации и цифровизации КП, высокая экологическая значимость результатов повышают привлекательность климатических проектов для молодого поколения, что способствует созданию рабочих мест в высокотехнологичном секторе.

Обширные леса и сельскохозяйственные земли могут стать резервуарами углерода и значительно снижать углеродный след [16]. Освоение индустрии поглощения углерода требует внедрения новых методов управления, что не исключает интеграции с отраслью туризма.

Выводы

1. Региональные КП — перспективный и важный объект научно-популярного и образовательного туризма, стимулирующий устойчивый интерес и личностное развитие в поддерживаемых государством прогрессивных технологиях в составе климатических проектов.

2. Высокий образовательно-эмоциональный потенциал уникальных лесных, горных, степных, болотистых территорий и водных акваторий определен богатым природным наследием и насыщенностью КП прогрессивными цифровыми сервисами.

3. КП — специализированное пространство профессионального обучения, совершенствования практических навыков, получения нового знания, опыта, впечатлений в полном соответствии с политикой регулятора как в десятилетие науки и техники, так и в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Афанасьева А. В., Логвина Е. В., Христов Т. Т. Методологические основы научно-популярного туризма // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. № 2. С. 5—25. DOI: 10.5281/zenodo.8104849.
- Ханина А. В., Якименко М. В. Научно-популярный туризм, как вектор развития студенческого туризма в регионах России (на примере Южного федерального университета) // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2023. № 3(19). С. 35—42.
- Крылова Е. А. Научно-популярный туризм как новое туристическое направление в экономике России // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 5. С. 1829—1848. DOI: 10.18334/ce.16.5.114638.
- Танкиева Т. А., Смолина Д. С., Иванова А. В. Промышленный и научно-популярный туризм: актуальные практики // Прогрессивная экономика. 2024. № 12. С. 26—37.
- Плиева Е. Н. Проблемы развития научно-популярного туризма: расширение границ путешествий через образование // Экономика и социум. 2023. № 5(108). С. 703—708.

6. Климова Т. Б. К проблематике чрезмерного туризма: поиск путей решения // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2022. Т. 8. № 4. С. 15—26. DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-4-0-2.
7. Шматко А. Д., Ивченко Б. П. Декарбонизация экономики: анализ проблематики с учетом региональной специфики и необходимости развития системы образования // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 3. С. 219—225.
8. Субхонбердиев А. Ш., Титова Е. В., Чучупал В. В. Карбоновые полигоны в России: назначение, проблемы и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2022. Т. 84. № 3. С. 244—249.
9. Крупина Н. Н. От полигона к карбоновой ферме: бизнес-модель // Актуальные направления научных исследований XXI века: теория и практика. 2024. Т. 12. № 2. С. 59—74. DOI: 10.34220/2308-8877-2024-12-2-59-74.
10. Зорин А. И. Научно-экспедиционный туризм: цели, аспекты и критерии // Вестник РМАТ. 2013. № 2. С. 21—28.
11. Замолотчиков Д. Г. Углеродный цикл и изменения климата // Окружающая среда и энерговедение. 2021. № 2. С. 53—69.
12. Recent increases in human pressure and forest loss threaten many Natural World Heritage Sites / J. R. Allan, O. Venter, S. Maxwell et al. // *Biological Conservation*. 2017. Vol. 206. Pp. 47—55. DOI: 10.1016/j.biocon.2016.12.011.
13. Туризм как драйвер социально-экономического и социокультурного развития страны / О. П. Кузнецова, А. Д. Космин, А. А. Кузьменко и др. // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 2165—2178. DOI: 10.18334/eo.9.3.40705.
14. Лаврова Т. А., Уваров С. А., Волков С. Д. Туризм как драйвер экономического развития регионов в кризисных условиях экономики // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 1. С. 195—199. DOI: 10.26163/GIEF.2022.37.68.027.
15. Кобышев Е. В., Герасимов С. В. Развитие научно-экспедиционного туризма на плато Путорана // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. 2021. Т. 7. № 2. С. 106—117.
16. Mashkov S., Murtazova K. Method of studying the reduction and sequestration of greenhouse gases on carbon farms // *Reliability: Theory & Applications*. 2022. № 4(70). Pp. 330—337.

REFERENCES

1. Afanasieva A. V., Logvina E. V., Khristov T. T. Methodological bases of popular science tourism. *Servis v Rossii i za rubezhom = Services in Russia and Abroad*. 2023;17(2):5—25. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.8104849.
2. Khanina A. V., Yakimenko M. V. Popular science tourism as a vector of the development of student tourism in the regions of Russia (on the example of Southern Federal University). *Professorskii zhurnal. Seriya: rekreatsiya i turizm = The Professors' Magazine. Recreation and Tourism Series*. 2023;3(19):35—42. (In Russ.)
3. Krylova E. A. Popular science tourism as a new tourist destination in the Russian economy. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2022;16(5):1829—1848. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.16.5.114638.
4. Tankieva T. A., Smolina D. S., Ivanova A. V. Industrial and popular science tourism: current practices. *Progressivnaya ekonomika = Progressive Economy*. 2024;12:26—37. (In Russ.) DOI: 10.54861/27131211_2024_12_26.
5. Plieva E. N. Problems of the development of popular science tourism: expanding the borders of travel through education. *Ekonomika i sotsium*. 2023;5(108):703—708. (In Russ.)
6. Klimova T. B. The problem of overtourism: the search for solutions. *Nauchnyi rezul'tat. Tekhnologii biznesa i servisa = Research Result. Business and Service Technologies*. 2022;8(4):15—26. (In Russ.) DOI: 10.18413/2408-9346-2022-8-4-0-2.
7. Shmatko A. D., Ivchenko B. P. Decarbonization of the economy: problem analysis with allowance for regional specifics and the need to develop the educational system. *Ekonomika i upravlenie = Economics and management*. 2022;28(3):219—225. (In Russ.)
8. Subhonberdiev A. S., Titova E. V., Chuchupal V. V. Carbon landfills in Russia: purpose, problems and prospects. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii = Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2022;84(3):244—249. (In Russ.) DOI: 10.20914/2310-1202-2022-3-244-249.
9. Krupina N. N. From landfill to carbon farm: business model. *Aktual'nye napravleniya nauchnykh issledovaniy XXI veka: teoriya i praktika = Actual directions of scientific researches of the XXI century: theory and practice*. 2024;12(2):59—74. (In Russ.) DOI: 10.34220/2308-8877-2024-12-2-59-74.
10. Zorin A. I. Scientific expeditionary tourism: goals, aspects and criteria. *Vestnik RMAT = Vestnik RIAT*. 2013;2:21—28. (In Russ.)
11. Zalomodchikov D. Carbon cycle and climate change. *Okruzhayushchaya sreda i energovedenie = Journal of Environmental Earth and Energy Study*. 2021;2:53—69. (In Russ.)
12. Allan J. R., Venter O., Maxwell S. et al. Recent increases in human pressure and forest loss threaten many Natural World Heritage Sites. *Biological Conservation*. 2017;206:47—55. DOI: 10.1016/j.biocon.2016.12.011.
13. Kuznetsova O. P., Kosmin A. D., Kuzmenko A. A. et al. Tourism as a driver of socio-economic and socio-cultural development of the country. *Ekonomicheskie otnosheniya = Journal of International Economic Affairs*. 2019;9(3):2165—2178. (In Russ.) DOI: 10.18334/eo.9.3.40705.
14. Lavrova T. A., Uvarov S. A., Volkov S. D. Tourism as driver of regional economic development under crisis economic conditions. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Legal and Economic Studies*. 2022;1:195—199. (In Russ.) DOI: 10.26163/GIEF.2022.37.68.027.
15. Konyshov E. V., Gerasimov S. V. Development of scientific expedition tourism on Plato [sic!] Putorana. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Geografiya. Geologiya*. 2021;7(2):106—117. (In Russ.)
16. Mashkov S., Murtazova K. Method of studying the reduction and sequestration of greenhouse gases on carbon farms. *Reliability: Theory & Applications*. 2022;4(70):330—337.

Статья поступила в редакцию 15.12.2025; одобрена после рецензирования 11.01.2026; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 15.12.2025; approved after reviewing 11.01.2026; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 336.2: 658.7(045)
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1571

Olga Valentinovna Mandroshchenko
 Doctor of Economics,
 Professor of the Department of Taxes
 and Tax Administration,
 Financial University
 under the Government of the Russian Federation
 Moscow, Russian Federation
 OVMandroshchenko@fa.ru

Nikita Vladimirovich Murashkin
 Student of the Faculty of Economics and Business,
 Educational program “Logistics”,
 Financial University
 under the Government of the Russian Federation
 Moscow, Russian Federation
 241031@edu.fa.ru

Andrey Pavlovich Konshin
 Student of the Faculty of Economics and Business,
 Educational program “Logistics”,
 Financial University
 under the Government of the Russian Federation
 Moscow, Russian Federation
 242569@edu.fa.ru

Ольга Валентиновна Мандрощенко
 д-р эконом. наук,
 профессор кафедры налогов
 и налогового администрирования,
 Финансовый университет
 при Правительстве Российской Федерации
 Москва, Российская Федерация
 OVMandroshchenko@fa.ru

Никита Владимирович Мурашкин
 студент факультета экономики и бизнеса,
 образовательная программа «Логистика»,
 Финансовый университет
 при Правительстве Российской Федерации
 Москва, Российская Федерация
 241031@edu.fa.ru

Андрей Павлович Коншин
 студент факультета экономики и бизнеса,
 образовательная программа «Логистика»,
 Финансовый университет
 при Правительстве Российской Федерации
 Москва, Российская Федерация
 242569@edu.fa.ru

ОСОБЕННОСТИ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ ДЛЯ БИЗНЕСА

5.2.4 — Финансы

Аннотация. В условиях глобального рынка и его постоянных трансформаций именно отлаженная логистика становится ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность как целых стран, так и отдельных регионов. Устойчивое развитие логистической отрасли является гарантией единого социально-экономического пространства, свободного перемещения товаров и услуг, конкуренции и свободы экономической деятельности, улучшения условий и уровня жизни населения. В статье дается экономическая оценка объемов транспортных услуг, предоставляемых основными видами транспорта, выявляются региональные особенности, влияющие на формирование налоговых поступлений от логистической деятельности.

Исследование структуры налоговых поступлений в консолидированный бюджет Российской Федерации, касающихся автотранспортных услуг, за 2023—2024 гг. показало преобладающее применение упрощенной системы налогообложения (УСН) в сфере логистического бизнеса. Однако налоговая реформа 2026 г. меняет порядок применения УСН, и у налогоплательщиков возникают риски уплаты НДС по ставке 5, 7 или 22 %. Главное изменение для небольших логистических компаний, работающих по УСН, —

это снижение лимита дохода с 60 до 20 млн руб. При изучении работы транспортных фирм обнаруживаются пространственные ошибки, которые приводят к начислению штрафных санкций и пени. В этой связи авторы предлагают компаниям пересмотреть финансовую модель бизнеса, которая учитывает дополнительные расходы, связанные с интеграцией и последующим обслуживанием цифровых решений для управления НДС. В ходе моделирования ситуации выявлено, что увеличение управленческих затрат на 19,5 % снижает рентабельность продаж на 18,9 %.

Согласно прогнозам авторов, ожидается консолидация сектора малых предприятий. Это обусловлено явными преимуществами масштаба: крупные компании демонстрируют высокую эффективность в управлении операционными издержками. Такая оптимизация напрямую влияет на рост рентабельности продаж по ЕВИТ, что является ключевым индикатором успешности основной деятельности предприятия.

Ключевые слова: налогообложение, логистические услуги, налог на добавленную стоимость / НДС, упрощенная система налогообложения / УСН, малые предприятия, финансовые показатели, логистический бизнес, ставка налога, транспорт, регион

Финансирование: исследование выполнено в рамках ВТСК, распоряжение Финуниверситета от 22 января 2026 г. № 0005/01-05.

Для цитирования: Мандрощенко О. В., Мурашкин Н. В., Коншин А. П. Особенности налогообложения логистических услуг для бизнеса // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 53—57. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1571.

Original article

FEATURES OF TAXATION OF LOGISTICS SERVICES FOR BUSINESS

5.2.4. — Finance

Abstract. *In the global market and its constant transformations, well-established logistics becomes a key factor in determining the competitiveness of both entire countries and individual regions. Sustainable development of the logistics industry is a guarantee of a unified socio-economic space, free movement of goods and services, competition and freedom of economic activity, and improvement of living conditions and standards. The article examines the economic assessment of the volume of transport services provided by the main modes of transport, identifies regional features and their specialization, which affect the formation of tax revenues from logistics activities.*

A study of the structure of tax revenues to the consolidated budget of the Russian Federation related to transport services for the period 2023-2024 showed the predominant use of the simplified taxation system (STS) in the logistics business. However, the 2026 tax reform changes the procedure for using the STS, and taxpayers face the risk of paying VAT at a rate of 5%, 7%, or 22%. The main change for small logistics companies using the STS

is the reduction of the income limit from 60 million to 20 million rubles. When studying the work of transport companies, common errors are found that lead to the imposition of penalties and interest. In this regard, the authors suggest that companies review their financial business model, which takes into account the additional costs associated with the integration and subsequent maintenance of digital solutions for VAT management. During the simulation of the situation, it was revealed that an increase in management costs by 19.5% reduces the profitability of sales by 18.9%.

According to the authors' forecasts, the consolidation of the small business sector is expected. This is due to the clear advantages of scale: large companies demonstrate high efficiency in managing operational costs. This optimization directly affects the growth of EBIT sales profitability, which is a key indicator of the success of a company's core activities.

Keywords: *taxation, logistics services, value-added tax / VAT, simplified taxation system / STS, small businesses, financial indicators, logistics business, tax rate, transportation, region*

Financing: The study was conducted within the framework of the temporary creative student team, Order No. 0005/01-05 dated January 22, 2026

For citation: Mandroshchenko O. V., Murashkin N. V., Konshin A. P. Features of taxation of logistics services for business. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):53—57. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1571.

Введение

Актуальность. В текущем году экономика характеризуется стратегической гибкостью и способностью к быстрой адаптации. Продолжится курс на замещение импорта и укрепление партнерских отношений с дружественными государствами. Для сферы логистики это означает сохранение ее ключевой роли в обеспечении деятельности российского бизнеса, несмотря на дефицит ресурсов и изменения в налогообложении. Налоговая система, регулирующая логистические услуги в России, характеризуется высокой сложностью, изменчивостью и значительными различиями по отраслям и регионам. Для успешного функционирования в этой сфере бизнесу требуется не только высокая производительность, но и глубокое знание налоговых норм, а также умение стратегически выбирать и применять наиболее подходящие налоговые режимы. Со стороны государства для обеспечения стабильного притока доходов необходимо найти баланс между сбором налогов и созданием благоприятных условий для развития ключевой инфраструктурной отрасли. Поэтому налоговые аспекты предоставления логистических услуг бизнесу, выявление их особенностей в условиях последних изменений налогового законодательства актуальны.

Изученность проблемы. Данная проблематика является предметом активного научного интереса и многочисленных исследований. Заслуживают внимание вопросы налогообложения транспортных компаний в работах В. В. Мороза и К. И. Храмцова [1], Т. С. Зориной [2], Н. В. Евсеевой, А. Г. Прессель, В. Ф. Горшениной [3]. Актуальные проблемы дальнейшего совершенствования специальных налоговых режимов и возможные направления их модернизации затрагиваются в научных работах В. Г. Панскова [4], Л. И. Гончаренко [5], О. В. Мандрощенко [6], М. В. Пьяновой [7; 8], А. М. Садыкова [9], Г. Н. Семено-

вой [10], Е. С. Вилковой [11]. Хотя их предложения направлены на решение практических задач, они не затрагивают новые аспекты налогового законодательства.

Несмотря на существенный вклад перечисленных исследователей, вопросы налогообложения по видам экономической деятельности требуют дополнительного изучения и разработки практических решений, что обосновывает актуальность и научную новизну настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы обусловлена изменениями в налоговом законодательстве, потребностью в оценке финансового состояния логистического сектора, выявлении потенциальных налоговых рисков, с которыми они сталкиваются, что, в свою очередь, поможет им адаптироваться к меняющимся условиям.

Цель исследования заключается в проведении анализа специфики налогообложения логистических услуг, идентификации существующих проблемных аспектов в данной сфере, оценке влияния роста административных затрат налогоплательщиков, вызванных новациями обложения налогом на добавленную стоимость (далее — НДС) при упрощенной системе налогообложения (далее — УСН).

Задачи исследования:

- оценить современное состояние объема грузоперевозок наиболее распространенными видами транспорта;
- проанализировать типы регионов и их специализацию, определяющих развитие налоговой базы в логистической отрасли;
- провести анализ структуры начислений налогов по автотранспортным услугам;
- выявить распространенные ошибки в порядке исчисления НДС субъектами, использующими УСН;
- оценить последствия увеличения операционных издержек малого бизнеса, обусловленных статусом плательщика НДС.

Научная новизна. В работе проанализированы типичные недочеты транспортных предприятий в процессе исчисления НДС, определены финансово-экономические показатели, как результат увеличения управленческих затрат по исчислению НДС в новых условиях применения УСН.

Теоретическая значимость состоит в обосновании применения специального налогового режима в виде УСН в логистическом секторе экономики.

Практическое значение результатов исследования заключается в том, что раскрытые практические особенности налогообложения логистических услуг могут использоваться в практике планирования компаний.

Основная часть

Методология исследования. В ходе исследования применялись общенаучные методы познания (анализ и синтез), статистические методы (сбор, систематизация, обобщение данных), позволившие системно изучить влияние налогообложения на состояние транспортных услуг. Для идентификации закономерных погрешностей в налогообложении транспортных организаций в отчетном периоде использован метод наблюдения. С целью оценки воздействия роста управленческих затрат на рентабельность продаж проведено моделирование. Изучение текущего состояния проблемы и существующих решений проводилось путем контент-анализа научной литературы по налогообложению транспортных компаний, малого бизнеса и его налогообложения по УСН.

Результаты исследования. В современном обществе устоялось понимание того, что экономическая логистика —

это нечто полезное из области поставок и перевозок материальных предметов [12]. В сфере логистики транспортные операции занимают центральное место, являясь наиболее распространенным видом деятельности. Рассмотрим объемы перевозок отдельными видами транспорта за 2023—2024 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Изменение объема перевозок за 2023—2024 гг.

Вид транспорта	Объем перевозок, млн т		Изменение, %
	2023	2024	
Автомобильный	6 464	7 000	+8,3
Железнодорожный	1 241	1 190	–4,2
Трубопроводный	994	1 000	+0,6
Внутренний водный	109	106,5	–2,3

Примечание: сост. на основе открытых данных Федеральной службы государственной статистики.

Из табл. 1 видно, что наибольшую долю в структуре объема перевозок занимает автомобильный транспорт: 73,4 % в 2023 г. и 75,3 % — в 2024 г.

Сектор логистики выступает связующим звеном между регионами, обеспечивая движение товаров и, как следствие, пополняя бюджеты всех уровней. Однако налоговое регулирование в этой области характеризуется значительной сложностью и многогранностью, что объясняется широким спектром операций (от транспортировки до экспедиторских услуг), различиями в размерах предприятий и используемых налоговых режимах (табл. 2).

Таблица 2

Типы регионов и их специализация, определяющих развитие налоговой базы в логистической индустрии

Тип региона	Примеры субъектов Российской Федерации	Специализация и характеристика налоговой базы
Столичные и транспортно-логистические хабы	г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область	Максимальные абсолютные поступления по всем налогам. Высокая доля НДС и налога на прибыль от крупных логистических операторов, экспедиторских компаний, штаб-квартир перевозчиков
Регионы с морскими портами	Краснодарский край (Новороссийск), Приморский край (Владивосток), Ленинградская область	Высокие поступления от водного транспорта (налог на прибыль, НДС). Значительные акцизы на нефтепродукты (бункеровка)
Промышленные и экспортно-ориентированные регионы	Тюменская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ямало-Ненецкий автономный округ, Свердловская область, Кемеровская область	Большие объемы грузоперевозок для нужд топливно-энергетического комплекса и промышленности. Значительные поступления от трубопроводного транспорта, грузового авто- и железнодорожного транспорта
Приграничные и транзитные регионы	Калининградская область, Ростовская область, Хабаровский край	Активная деятельность международных автомобильных перевозчиков, поступления от НДС и налога на прибыль организаций

Примечание: сост. на основе открытых данных Минтранса России.

Проведенный анализ (табл. 2) демонстрирует выраженную асимметрию в структуре налоговой базы. Очевидно, от 60 до 70 % всех налоговых поступлений, генерируемых данной отраслью, сосредоточены в пределах 15—20 субъектов.

В условиях меняющейся макроэкономической обстановки и корректировок фискальной политики (например, увеличение ставки налога на прибыль с 2025 г.) понимание структуры налоговой нагрузки становится критически важным.

Рассмотрим структуру начислений налогов в консолидированный бюджет Российской Федерации по автотранспортным услугам за 2023—2024 гг. (табл. 3).

По данным табл. 3 можно сделать вывод, что большинство компаний, занимающихся грузоперевозками, отдадут

предпочтение УСН, нежели общей. Специальный налоговый режим (УСН) как изначально установленный законодателем в качестве налогового режима льготного характера для налогоплательщиков предполагает получение законной налоговой экономии при уплате налогов [13]. Однако с 2025 г. наблюдаются сложности, связанные с практическим применением УСН, поскольку компании в сфере логистики столкнулись с уплатой НДС при применении УСН. Налог можно было уплатить, используя стандартные ставки (0, 10, 20 %), в зависимости от вида товара/услуги с правом налогового вычета, либо 5 % — при доходе от 60 до 250 млн руб. и 7 % — при доходе от 250 до 450 млн руб. без права применения налогового вычета.

Таблица 3

**Структура начислений налогов в консолидированный бюджет Российской Федерации
по автотранспортным услугам за 2023—2024 гг., %**

Показатель	Годы		Изменение
	2023	2024	
Доля начисленных налогов по автотранспортным услугам в общей сумме налоговых платежей	1,8	1,7	–0,1
Доля налога на прибыль организаций (НПО) в общей сумме НПО	2,3	0,5	–1,8
Доля НДС в общей сумме НДС	0,4	0,9	+0,5
Доля НДС в общей сумме НДС	2,4	2,3	–0,1
Доля единого налога при УСН	3,4	3,8	+0,4

Примечание: рассчитано на основе открытых данных ФНС России.

С 2026 г. меняется налоговый статус для тех, чей доход в 2025 г. превысил 20 млн руб. (вместо 60 млн руб.): они становятся плательщиками НДС. Это накладывает на них следующие обязанности: осуществлять исчисление и уплату НДС, применяя ставку 22 % (с возможностью вычетов), либо 5 или 7 % (без вычетов); формировать счета-фактуры; вести учет в книгах покупок и продаж; предоставлять декларацию по НДС в налоговые органы. Принятие решения о размере ставки НДС является ключевым стратегическим шагом для организаций и индивидуальных предпринимателей, напрямую влияющим на общую сумму налогов, подлежащих уплате в течение года. Хотя пониженные ставки в 5 и 7 % кажутся выгодными, важно учитывать их существенный недостаток — невозможность «входного» НДС принять к вычету.

Анализ деятельности транспортных компаний в текущем году выявляет ряд характерных ошибок, которые сводятся к следующему:

1. Ошибочное использование расчетной ставки НДС при смене налоговых периодов. Имеют место случаи, когда компании получили аванс в декабре 2025 г., к которому применялась ставка НДС 20/120. Фактическое оказание услуги произошло в январе 2026 г., уже по ставке НДС 22 %. Бухгалтерская служба не учла эту разницу в ставках и не произвела соответствующее доначисление налога. Данное нарушение трактуется как занижение суммы НДС, которое влечет за собой штраф в размере 20 % от суммы недоимки плюс пени.

2. Нарушение установленного срока подачи авансового счета-фактуры транспортной компанией, когда бухгалтерия выставляет общий счет -фактуру по всем полученным авансам в конце месяца, нарушая пятидневный срок, что приводит к отказу в вычете покупателю. В этом случае возникает конфликт сторон, который решается, как правило, в арбитражном суде.

3. Неправильное восстановление НДС с аванса, когда покупатель (транспортная компания) забывает восстановить сумму НДС с предоплаты. В данном случае имеет место также занижение суммы НДС к уплате в бюджет, что оборачивается для налогоплательщика штрафом в размере 20 % от неуплаченной суммы, а также дополнительными расходами в виде пени.

Изменения в законодательстве, регулирующем налоговый учет, создают неопределенность для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [14]. Большинство компаний, в связи с новыми правилами применения УСН, уже в текущем году могут оказаться перед выбором: либо сократить свою прибыль, либо поднять цены для потребителей услуг. В то же время налогообложение не должно препятствовать наращиванию производства товаров и услуг, росту занятости населения [15].

Осознавая необходимость сохранения клиентской базы, и финансовой устойчивости многим налогоплательщикам необходимо пересмотреть финансовую модель путем оценки прибыльности и рентабельности услуг. Кроме того, помимо роста налоговых обязательств неизбежно будут увеличиваться расходы на цифровые и сопутствующие услуги: электронный документооборот, программное обеспечение для учета НДС, услуги операторов электронного документооборота и бухгалтерское сопровождение.

Масштаб эффекта установлен благодаря проведению прикладного анализа на основе данных «СПАРК-Интерфакс». В выборку были включены компании транспортной отрасли (15 500 шт.) с годовой выручкой от 20 до 60 млн руб. за 2024 г. Данный диапазон был выбран не случайно: нижняя граница отражает нижний порог обязательной уплаты НДС с 2026 г., а верхняя — действующий порог в 2025 г. Таким образом, анализ охватывает именно ту группу налогоплательщиков, которая в ближайшей перспективе окажется в зоне наибольшего регуляторного давления.

В рамках анализа для каждой компании модельно было увеличено значение управленческих расходов на 350 тыс. руб. в год. Этот показатель характеризует средние дополнительные расходы, возникающие при интеграции и поддержке цифровых инструментов для управления НДС. Проведенный анализ показал, что рост управленческих расходов, связанный с обязательной уплатой НДС с 2026 г., оказывает существенное влияние на финансовые показатели малого бизнеса. При неизменном уровне выручки модельное увеличение управленческих расходов на 350 тыс. руб. в год на одну компанию привело к росту совокупных управленческих затрат с 30,3 до 36,2 млрд руб., что соответствует увеличению на 19,5 %. Одновременно с этим рентабельность продаж снизилась с 5,3 до 4,3 %, т. е. на 18,9 %. Согласно полученным данным, даже умеренный рост управленческих расходов приводит к заметному снижению финансовых показателей микро- и малых предприятий.

Заключение

Большинство организаций и индивидуальных предпринимателей в сфере логистики применяют специальный налоговый режим — УСН. В текущем году «планка» дохода для уплаты НДС снизилась до 20 млн руб., что поставило налогоплательщиков — малые предприятия в критическое положение, поскольку с переходом на общий режим налогообложения увеличивается налоговая нагрузка. Поэтому многие логистические компании будут объединяться, т. к. крупные компании будут иметь больше конкурентных преимуществ, положительно влияющих на уровень финансово-экономических показателей, несмотря на применение менее выгодной — общей системы налогообложения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мороз В. В., Храмов К. И. Налогообложение транспортных компаний: особенности, проблемы и перспективы развития // Проблемы экономики и юридической практики. 2024. Т. 20. № 2. С. 271—276.
2. Зорина Т. С. Проблема применения упрощенной системы налогообложения в транспортно-экспедиторской деятельности // Молодой ученый. 2020. № 7(297). С. 89—92.
3. Евсеева Н. В., Прессель А. Г., Горшенин В. Ф. Проблемы налогообложения логистических операторов транспортных услуг // Общество, экономика, управление. 2020. Т. 5. № 3. С. 34—37.
4. Пансков В. Г. О реструктуризации системы налогообложения малого предпринимательства // Финансы. 2022. № 1. С. 13—19.
5. Гончаренко Л. И., Мельникова Н. П. Налоговые инструменты стимулирования развития малого и среднего предпринимательства: исторический аспект и перспективы развития в России // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15. № 6. С. 122—133. DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-6-122-133.
6. Мандрощенко О. В. Основные направления оптимизации налогообложения инвестиционной деятельности малых предприятий : моногр. М. : Дашков и К, 2010. 160 с.
7. Пянова М. В. Налоговое регулирование малого и среднего предпринимательства: опыт применения упрощенной системы налогообложения // Налоги. 2022. № 4. С. 14—19.
8. Пянова М. В. О необходимости реформирования налогообложения малого и среднего предпринимательства // Налоги. 2023. № 1. С. 2—9.
9. Садыков А. М. О необходимости модернизации специальных налоговых режимов // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. № 6(147). Т. 4. С. 263—272. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.06.04.034.
10. Семенова Г. Н. Малый бизнес в экономике России: критерии применения специальных налоговых режимов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Экономика». 2023. № 2. С. 132—153. DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-132-153.
11. Выхова Е. С. Обоснование выбора ставки НДС налогоплательщиками упрощенной системы налогообложения // Экономика. Налоги. Право. 2025. Т. 18. № 1. С. 159—166.
12. Кархова С. А. Обновление и развитие научной концепции экономической логистики в первой четверти XXI века // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 6. С. 2301—2316.
13. Ногина О. А. Налоговая выгода при переходе и применении специальных налоговых режимов // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1. С. 80—87. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.98.1.080-087.
14. Гугкаева С. С. Бухгалтерский учет и налогообложение: новое в законодательстве // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 75—79. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1206.
15. Митрофанова И. А. Налогообложение малого предпринимательства в России и за рубежом // Молодой ученый. 2012. № 1-1. С. 130—135.

REFERENCES

1. Moroz V. V., Khramtsov K. I. Taxation of transport companies: features, problems, and development prospects. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic problems and legal practice*. 2024;20(2):271—276. (In Russ.)
2. Zorina T. S. The problem of applying a simplified taxation system in freight forwarding activities. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2020;7(297):89—92. (In Russ.)
3. Evseeva N. V., Pressel A. G., Gorshenin V. F. The role of VAT tax for transport companies. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie = Society, economy, management*. 2020;5(3):34—37. (In Russ.)
4. Panskov V. G. On the restructuring of the small business taxation system. *Finansy*. 2022;1:13—19. (In Russ.)
5. Goncharenko L. I., Melnikova N. P. Tax Instruments to Stimulate the Development of Small and Medium-Sized Businesses: Historical Aspect and Prospects of Development in Russia. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2022; 15(6):122—133. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-6-122-133.
6. Mandroshchenko O. V. Main directions of optimizing the taxation of small enterprises' investment activities. Monograph. Moscow, Dashkov i K, 2010. 160 p. (In Russ.)
7. Pyanova M. V. Tax regulation of small and medium-sized enterprises: experience of application of the simplified taxation system. *Nalogi = Taxes*. 2022;4:14—19. (In Russ.)
8. Pyanova M. V. On the need for reformation of taxation of small and medium-size enterprises. *Nalogi = Taxes*. 2023;1:2—9. (In Russ.)
9. Sadykov A. M. On the necessity to modernize special tax regimes. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2024; 6(147):4:263—272. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.06.04.034.
10. Semenova G. N. Small business in the Russian economy: criteria for the application of special tax regimes. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya "Ekonomika" = Bulletin of Moscow State Regional University. Series "Economics"*. 2023;2:132—153. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-6646-2023-2-132-153.
11. Vylkova E. S. Justification of the Choice of the VAT Rate by Taxpayers of the Simplified Taxation System. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2025;18(1):159—166. (In Russ.)
12. Karkhova S. A. Updating and development of the scientific concept of economic logistics in the first quarter of the 21st century. *Kreativnaya ekonomika = Journal of Creative Economy*. 2021;15(6):2301—2316. (In Russ.)
13. Nogina O. A. Tax Benefit in Transition to and Application of Special Tax Regimes. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2019;1:80—87. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2019.98.1.080-087.
14. Gugkaeva S. S. Accounting and taxation: new legislation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;1(70):75—79. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1206.
15. Mitrofanova I. A. Taxation of small businesses in Russia and abroad. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2012;1-1:130—135. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 21.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 21.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья

УДК 346.6

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1500

Anastasia Vasilyevna Nemytova

Master's student of the Department of Management and Business,
field of training
38.03.02 — Organisational management,
Surgut State University
Surgut, Russian Federation
nemytova03@gmail.com

Elena Viktorovna Shirinkina

Doctor of Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Management and Business,
Surgut State University
Surgut, Russian Federation
shirinkina86@yandex.ru

Анастасия Васильевна Немытова

магистрант кафедры менеджмента и бизнеса,
направление подготовки
38.03.02 — Менеджмент организации,
Сургутский государственный университет
Сургут, Российская Федерация
nemytova03@gmail.com

Елена Викторовна Ширинкина

д-р экон. наук, доцент,
заведующий кафедрой менеджмента и бизнеса,
Сургутский государственный университет
Сургут, Российская Федерация
shirinkina86@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ПРОДАЖАМИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Цель исследования состоит в разработке концептуальных основ интеллектуальной системы управления продажами (ИСУП), обеспечивающей переход от реактивного к проактивному и самообучающемуся управлению коммерческими процессами. Актуальность исследования обусловлена неспособностью традиционных CRM-систем оперативно адаптироваться к растущей волатильности рынков и динамичным изменениям потребительского поведения. В условиях цифровой трансформации реактивный подход, основанный на анализе исторических данных, становится недостаточным для поддержания конкурентоспособности.

Объектом исследования являются архитектура, функциональные модули и принципы интеграции адаптивных алгоритмов в системах управления продажами. Методами изучения выступили: системный анализ, сравнительный анализ технологических решений, синтез архитектурных компонентов, описание принципов интеграции машинного обучения.

В результате исследования методами системного проектирования и синтеза была разработана трехмодульная архитектура ИСУП, включающая модули предиктивной аналитики, адаптивного принятия решений и автоматизации процессов.

Данная архитектура обеспечивает непрерывный цикл «прогноз — решение — действие» за счет интеграции технологий машинного обучения и обработки больших данных в реальном времени. Методом case-study были представлены и проанализированы кейсы успешного внедрения аналогичных систем в российских компаниях, продемонстрировавшие значительный рост ключевых показателей эффективности.

В качестве основного вывода можно отметить, что предложенная концепция интеллектуальной системы управления продажами представляет собой качественный скачок в эволюции CRM-систем, обеспечивая переход от реактивной фиксации данных к проактивной оптимизации бизнес-процессов за счет интеграции предиктивной аналитики и адаптивных алгоритмов.

Ключевые слова: интеллектуальная система управления продажами, предиктивная аналитика, машинное обучение, большие данные, проактивное управление, адаптивные алгоритмы, динамическое ценообразование, автоматизация бизнес-процессов, клиентоориентированность, управление клиентским опытом, гибридная обработка данных, оптимизация продаж

Для цитирования: Немытова А. В., Ширинкина Е. В. Концептуальные основы интеллектуальных систем управления продажами // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 58—63. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1500.

Original article

CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF INTELLIGENT SALES MANAGEMENT SYSTEMS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The purpose of the research is to develop the conceptual foundations of an intelligent sales management system (ISMS), which ensures the transition from reactive to proactive and self-learning management of commercial processes. The relevance of the study is due to the inability of traditional CRM systems to quickly adapt to the growing volatility of markets and dynamic

changes in consumer behavior. In the context of digital transformation, a reactive approach based on the analysis of historical data is becoming insufficient to maintain competitiveness.

The object of the research is architecture, functional modules and principles of integration of adaptive algorithms in sales management systems.

The methods of study were: system analysis, comparative analysis of technological solutions, synthesis of architectural components, and description of the principles of machine learning integration.

Based on the results obtained, three-module ISMS architecture was developed using system design and synthesis methods, including modules for predictive analytics, adaptive decision making, and process automation.

This architecture provides a continuous forecast-decision-action cycle by integrating machine learning technologies and real-time big data processing. Using the case study method, cases of successful implementation of similar systems in Russian companies were presented and analyzed,

which demonstrated a significant increase in key performance indicators.

As the main conclusion, it can be noted that the proposed concept of an intelligent sales management system represents a qualitative leap in the evolution of CRM systems, providing a transition from reactive data capture to proactive optimization of business processes through the integration of predictive analytics and adaptive algorithms.

Keywords: intelligent sales management system, predictive analytics, machine learning, big data, proactive management, adaptive algorithms, dynamic pricing, automation of business processes, customer orientation, customer experience management, hybrid data processing, sales optimization

For citation: Nemytova A. V., Shirinkina E. V. Conceptual foundations of intelligent sales management systems. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):58—63. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1500.

Введение

Актуальность исследования обусловлена стремительной цифровой трансформацией экономики, которая предъявляет принципиально новые требования к системам управления продажами. Традиционные CRM-системы, доказавшие свою эффективность в автоматизации рутинных задач и централизованном хранении клиентских данных, демонстрируют системную несостоятельность в условиях растущей волатильности рынков, динамичных изменений потребительского поведения и необходимости принятия упреждающих управленческих решений [1]. Их реактивная парадигма, ориентированная на анализ исторических данных, приводит к критическому запаздыванию реакций бизнеса, что делает их применение недостаточным для поддержания долгосрочной конкурентоспособности. В этой связи формирование концептуальных основ интеллектуальных систем, обеспечивающих переход от реактивной фиксации к проактивной оптимизации бизнес-процессов, представляется исключительно актуальной научно-практической задачей.

Изученность проблемы. В современной научной литературе вопросы эволюции систем управления продажами и применения передовых цифровых технологий являются предметом активной дискуссии, что позволяет выделить несколько ключевых направлений исследований.

Во-первых, значительный пласт работ посвящен критике ограничений традиционных CRM-систем и обоснованию необходимости проактивного управления. Так, М. И. Кревский и А. С. Бождай [2] разрабатывают предиктивную нейросетевую модель для управления бизнес-процессами, что служит основой для перехода к проактивным подходам. Аналогичные выводы о неспособности реактивных систем отвечать вызовам цифровой экономики содержатся в трудах одного из авторов настоящей статьи [1].

Во-вторых, активно исследуются возможности применения искусственного интеллекта и машинного обучения (далее также — ML) в продажах. Вклад в это направление вносят Н. Goel с соавторами [3], которые акцентируют внимание на применении машинного обучения для прогнозирования продаж. R. Johnson и A. Kadar [4] исследуют применение обучения с подкреплением для адаптивного динамического ценообразования в электронной коммерции, обеспечивающего персонализацию и динамическое ценообразование. Вопросы применения ML в ценообразовании также нашли отражение в работе А. М. Долгова с соавторами [5], а В. В. Козлова [6] анализирует оптимизацию бизнес-процессов с применением технологий искусственного интеллекта в широком смысле.

В-третьих, рассматривается роль больших данных (Big Data) и гибридных архитектур как технологического фундамента интеллектуальных систем. С. А. Синтяев [7] разрабатывает адаптивные алгоритмы машинного обучения для оптимизации управления ресурсами в цифровых экономических системах, что критически важно для работы в реальном времени. А. В. Дмитриева [8] предлагает подход к использованию гибридных нейронных сетей при построении систем поддержки принятия решений. Вопросы архитектуры больших данных для бизнес-аналитики также поднимаются в исследовании Н. М. Али и Б. А. Новикова [9].

В-четвертых, такие авторы, как Б. М. Гарифуллин и В. В. Зябриков [10], исследуют цифровую трансформацию бизнеса через модели и алгоритмы, что указывает на эволюцию CRM в сторону более целостного управления клиентским опытом.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью преодоления разрыва между передовыми алгоритмическими достижениями в области ML/AI и их практической, целостной реализацией в системах управления продажами, способных не просто фиксировать данные, а проактивно оптимизировать бизнес-процессы.

Цель исследования состоит в разработке концептуальных основ интеллектуальной системы управления продажами (далее — ИСУП), обеспечивающей переход от реактивного к проактивному и самообучающемуся управлению коммерческими процессами.

Для достижения цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать современное состояние технологий CRM, машинного обучения и прогностической аналитики.
2. Выделить функциональные и нефункциональные требования к ИСУП.
3. Разработать структурную модель ИСУП, включающую компоненты сбора данных, модулей прогнозирования и контроллеров решений.
4. Определить принципы и алгоритмы адаптивного обучения для самообучения системы.

Научная новизна работы заключается в следующем:

- Предложен комплексный подход к проектированию ИСУП, воплощенный в трехмодульной архитектуре (предиктивная аналитика, адаптивное принятие решений, автоматизация процессов), которая обеспечивает замкнутый контур управления.
- Формализованы принципы использования онлайн-обучения и инкрементальных алгоритмов для непрерывной

адаптации моделей машинного обучения и противодействия «дрейфу концепций» в динамических данных о продажах, что обеспечивает свойство самообучения системы.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии теории интеллектуальных систем поддержки принятия решений за счет формализованной архитектуры и принципов интеграции прогностической аналитики на всех этапах цикла продаж.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные принципы и архитектурная модель могут служить руководством для проектирования и внедрения ИСУП в компаниях различных отраслей, что ожидаемо приведет к росту ключевых показателей эффективности и снижению операционных затрат.

Основная часть

Методология исследования. Традиционные CRM-системы изначально создавались для централизованного хранения клиентских данных и автоматизации рутинных задач. Однако рост объемов данных и сложности бизнес-процессов потребовал перехода к более продвинутым решениям. Как показывают современные исследования, следующим логическим шагом в эволюции CRM является глубокая интеграция машинного обучения для построения адаптивных клиентских *journey* [6]. Необходимость обработки больших массивов информации и автоматизации аналитических функций стала ключевым драйвером трансформации. Это привело к эволюции систем управления продажами в сторону интеллектуальных платформ. Основным ограничением классических CRM являлась их реактивная природа, ориентированная на фиксацию исторических данных. Современные бизнес-условия требуют проактивного подхода, основанного на прогнозировании и оптимизации. Интеллектуальные платформы

устраняют этот пробел за счет внедрения технологий искусственного интеллекта. Технологии искусственного интеллекта — одни из самых перспективных цифровых технологий; они относятся к «сквозным», т. е. являются передовыми инструментами для создания высокотехнологичных продуктов с высокой добавленной стоимостью [10—12].

Ключевое отличие интеллектуальных платформ от традиционных CRM заключается в интеграции предиктивной аналитики и адаптивных алгоритмов. Эти технологии дают возможность как анализировать прошлые взаимодействия, так и предсказывать дальнейшее поведение клиентов. Управление клиентским циклом приобретает динамичный характер за счет автоматизированного анализа данных в реальном времени. Интеллектуальные системы способны выявлять скрытые закономерности и оптимизировать процессы продаж без прямого вмешательства человека.

Искусственный интеллект играет ключевую роль в интеллектуализации процессов продаж, обеспечивая когнитивную обработку неструктурированных данных. Он позволяет анализировать разнородную информацию, такую как текстовые отзывы, аудиозаписи и изображения, для выявления скрытых закономерностей. Это способствует формированию персонализированных предложений и управлению клиентским опытом на основе данных [13]. В результате повышается точность таргетирования и удовлетворенность потребителей.

Машинное обучение активно применяется для прогнозирования потребительского поведения и оптимизации ценовых стратегий. Алгоритмы на основе исторических данных выявляют корреляции между различными факторами и действиями покупателей. Это позволяет строить модели, предсказывающие вероятность покупки или оттока клиентов. На основе этих прогнозов системы автоматически корректируют цены в зависимости от спроса и конкурентной среды (рис. 1).

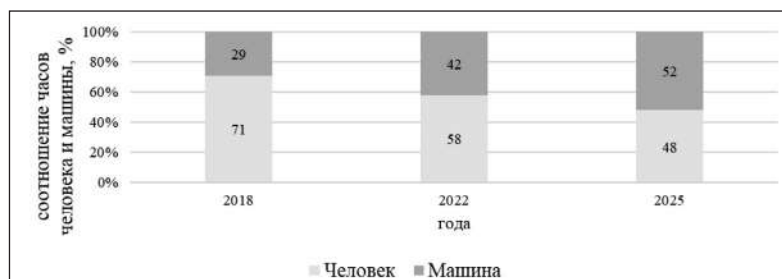

Рис. 1. Уровень соотношения часов человека и машины в бизнес-процессах (сост. по: [5; 6])

Технологии *Big Data* обеспечивают агрегацию и анализ кросс-канальных данных о клиентах в реальном времени. Они обрабатывают огромные объемы данных из разнородных источников — социальных сетей, веб-сайтов, мобильных приложений и датчиков. *Big Data* играют важную роль в современной бизнес-аналитике, предоставляя компаниям информацию, которая помогает глубже понять предпочтения клиентов, рыночные тенденции и эффективность бизнес-процессов [14; 15]. Благодаря такому подходу мы можем быстро и эффективно реагировать на изменения в потребительском спросе.

Современные интеллектуальные системы управления продажами показывают высокую результативность при решении задач сегментации клиентской базы и прогнозирования пожизненной ценности клиента (*LTV*). Интеграция искусственного интеллекта и машинного обучения обеспечивает автоматизацию этих процессов, что значительно повышает точность и ускоряет анализ (рис. 2).

В целом применение больших данных в бизнес-аналитике дает компаниям новые инсайты и дополнительную информацию о клиентах, рыночной конъюнктуре и продуктах (услугах). Это помогает совершенствовать процесс принятия управленческих решений и повышать общую эффективность бизнеса.

Однако существующие решения имеют ограничения, связанные с недостаточной адаптивностью к динамично меняющимся рыночным условиям и специфике различных отраслей. Жесткие алгоритмы не всегда успевают реагировать на быстрые изменения потребительского поведения или конкурентной среды. Особенно это проявляется в ситуациях, требующих оперативной перенастройки моделей прогнозирования и сегментации [9]. Указанные ограничения снижают общую эффективность интеллектуальных систем в управлении продажами.

Рис. 2. Доля автоматизации бизнес-процессов по отраслям, %
(сост. по: [9; 10])

Помимо этого, онлайн-обучение представляет собой ключевой метод для обеспечения непрерывной адаптации моделей машинного обучения в интеллектуальных системах управления продажами. Этот подход позволяет обрабатывать потоковые данные в реальном времени, постепенно обновляя параметры модели без необходимости полного переобучения. Инкрементальные алгоритмы эффективно дополняют онлайн-обучение, обеспечивая поэтапное усвоение новой информации при сохранении ранее полученных знаний. Данный подход соответствует современной парадигме непрерывного машинного обучения (*lifelong machine learning*), которая рассматривает модели как динамические сущности, постоянно эволюционирующие в ответ на новые данные. Это особенно критично для противодействия «дрейфу концепций» в данных о про-

дажах. Применение онлайн-обучения и инкрементальных алгоритмов для непрерывной адаптации моделей к потоковым данным о продажах подчеркивает значимость этих технологий для обработки динамических данных. Эффективность такого подхода подтверждается исследованиями в области архитектуры больших данных, где гибридные модели, сочетающие возможности пакетной и потоковой обработки, обеспечивают минимальную задержку при работе с эксабайтными объемами информации в режиме реального времени.

Результаты исследования. Архитектура интеллектуальной системы управления продажами базируется на взаимодействии трех ключевых модулей: предиктивной аналитики, адаптивного управления и автоматизации процессов (рис. 3).

Рис. 3. Архитектура ИСУП

Принципы интеграции модулей интеллектуальной системы управления продажами обеспечивают непрерывный поток данных между компонентами. Для реализации этого требуется архитектура данных, поддерживающая гибридную обработку [7]. Данная архитектура обеспечивает непрерывные циклы прогнозирования и оперативного принятия управленческих решений. Интеграция модульных компонентов реализуется на единой платформе обработки информации, где обмен данными в реальном времени повышает достоверность и обоснованность аналитических заключений. Непрерывная циркуляция информации между модулями предиктивной аналитики, адаптивного управления и автоматизации создает основу для самообучения системы. Автоматизация бизнес-процессов с применением искусственного интеллекта позволяет ускорить выполнение задач за счет повышения скорости обработки данных, улучшение точности результатов, непрерывного мониторинга процесса, а также способности системы к самообучению и адаптации к изменениям. Таким образом, интеграция обеспечивает эволюционное развитие ИСУП и ее адаптацию к динамичной бизнес-среде.

Заключение

Исследование показывает, что традиционные CRM-системы, несмотря на свою пользу в автоматизации, более не справляются с требованиями современного динамичного рынка. Их реактивный характер — фокусировка на анализе уже случившихся событий — приводит к критическому запаздыванию в принятии бизнес-решений. В ответ на эту проблему мы предлагаем концепцию интеллектуальной системы управления продажами (ИСУП), которая представляет собой качественный эволюционный скачок.

Ключевым отличием ИСУП является ее проактивность. Это достигается за счет принципиально иной архитектуры, ядро которой образуют три взаимосвязанных модуля:

1. Модуль предиктивной аналитики, который не просто хранит данные, а прогнозирует спрос, поведение клиентов и эффективность будущих сделок.

2. Модуль адаптивного принятия решений, который на основе этих прогнозов автоматически корректирует ключевые параметры, такие как цены и ассортимент.

3. Модуль автоматизации, который воплощает эти решения в жизнь, освобождая персонал от рутины.

Таким образом, система замыкает цикл «прогноз — решение — действие», превращаясь из пассивного архивариуса в активного участника бизнес-процессов.

Важнейшим свойством предложенной модели является способность к самообучению. Интеграция методов машинного обучения, таких как онлайн-обучение и инкрементальные алгоритмы, позволяет ИСУП постоянно адаптироваться к новым данным, меняющимся предпочтениям клиентов и рыночной конъюнктуре, противодействуя «дрейфу данных». Это обеспечивает долгосрочную релевантность и эффективность системы.

Практическая ценность предлагаемого подхода подтверждается успешными кейсами внедрения аналогичных интеллектуальных решений в российских компаниях, где был зафиксирован значительный рост ключевых показателей (маржинальности — на 12—18 %, конверсии — на 22—27 %). Это доказывает, что переход от реактивного управления к проактивному на основе ИСУП является не теоретической абстракцией, а действенным инструментом повышения конкурентоспособности.

В перспективе развитие концепции ИСУП связано с решением таких задач, как обеспечение кроссплатформенной интеграции, оптимизация гибридных моделей обработки данных [7], разработка этических стандартов применения искусственного интеллекта в продажах и создание универсальных методик оценки эффективности подобных систем. Таким образом, данная работа закладывает концептуальный фундамент для следующего поколения систем управления продажами, отвечающих вызовам цифровой экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ширинкина Е. В. Практика управления предприятиями при переходе на новые цифровые технологии // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 6. С. 817—828. DOI: 10.18334/ce.12.6.39167.
2. Кревский М. И., Бождай А. С. Предиктивная нейросетевая модель для управления бизнес-процессами // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Технические науки. 2023. № 3. С. 83—93. DOI: 10.21685/2072-3059-2023-3-6.
3. Sales Forecasting using Machine Learning / H. Goel, H. Dwivedi, P. K. Prasad et al. // International Journal of Advance Research and Innovative Ideas in Education. 2023. Vol. 9. Iss. 3. Pp. 1721—1724.
4. Johnson R., Kadar A. Adaptive dynamic pricing in e-commerce: a reinforcement learning approach. December 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/387270946_ADAPTIVE_DYNAMIC_PRICING_IN_E-COMMERCE_A_REINFORCEMENT_LEARNING_APPROACH.
5. Долгов А. М., Люкевич И. Н., Долгов В. М. Применение методов машинного обучения в ценообразовании // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 4. Ч. 1. С. 52—59. DOI: 10.17513/vaael.2135.
6. Козлова В. В. Оптимизация бизнес-процессов с применением технологий искусственного интеллекта // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № s2. URL: <https://esj.today/PDF/81FAVN225.pdf>.
7. Синтяев С. А. Разработка адаптивных алгоритмов машинного обучения для оптимизации управления ресурсами в цифровых экономических системах // Экономика вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 15. № 4А. С. 619—627.
8. Дмитриева А. В. Подход в использовании гибридных нейронных сетей при построении системы поддержки принятия решений для помощи в проведении аудита информационных систем персональных данных // Постулат. 2018. № 6. URL: <https://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/1588/1621>.
9. Али Н. М., Новиков Б. А. Большие данные: аналитические решения, исследовательские задачи и тенденции // Труды Института системного программирования РАН. 2020. Т. 32. Вып. 1. С. 181—204. (На англ. яз.) DOI: 10.15514/ISPRAS-2020-32(1)-10.
10. Гарифуллин Б. М., Зябриков В. В. Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы // Креативная экономика. 2018. Т. 12. № 9. С. 1345—1358. DOI: 10.18334/ce.12.9.39332.
11. Коровин А. М. Интеллектуальные системы. Челябинск : Издат. центр ЮУрГУ, 2015. 60 с.

12. Городецкий А. Е., Ерофеев А. А. Принципы построения интеллектуальных систем управления подвижными объектами // Автоматика и телемеханика. 1997. № 9. С. 101—110.
13. Куцулым Д. В., Жребец Э. В. Управление клиентским опытом в эпоху Big Data // Форум молодых ученых. 2020. № 10(50). С. 303—310.
14. Сотников Д. В. Концепция больших данных как основа процесса принятия решений // Информатика. Экономика. Управление. 2025. Т. 4. № 1. С. 2038—2042. DOI: 10.47813/2782-5280-2025-4-1-2038-2042.
15. Санников Д. В. Теоретические и прикладные аспекты продовольственной безопасности в Российской Федерации // Вестник Югорского государственного университета. 2017. Т. 13. № 4. С. 49—58. DOI: 10.17816/byusu20170449-58.

REFERENCES

1. Shirinkina E. E. The practice of enterprise management in the transition to new digital technologies. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2018;12(6):817—828. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.12.6.39167.
2. Krevskiy M. I., Bozhday A. S. The predictive neural network model for business processes management. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Tekhnicheskie nauki = University proceedings. Volga region. Engineering sciences*. 2023;3:83—93. (In Russ.) DOI: 10.21685/2072-3059-2023-3-6.
3. Goel H., Dwivedi H., Prasad P. K. et al. Sales Forecasting using Machine Learning. *International Journal of Advance Research and Innovative Ideas in Education*. 2023;9(3):1721—1724.
4. Johnson R., Kadar A. Adaptive dynamic pricing in e-commerce: a reinforcement learning approach. December 2024. URL: https://www.researchgate.net/publication/387270946_ADAPTIVE_DYNAMIC_PRICING_IN_E-COMMERCE_A_REINFORCEMENT_LEARNING_APPROACH.
5. Dolgov A. M., Lyukevich I. N., Dolgov V. M. Application of machine learning methods in pricing. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Journal of Altai Academy of Economics and Law*. 2022;4-1:52—59. (In Russ.) DOI: 10.17513/vaael.2135/
6. Kozlova V. V. Optimization of business processes using artificial intelligence technologies. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(s2). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/81FAVN225.pdf>.
7. Sintyaev S. A. Development of Adaptive Machine Learning Algorithms for Resource Management Optimization in Digital Economic Systems. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2025;15(4A): 619—627. (In Russ.)
8. Dmitrieva A. V. Approach in the use of hybrid neural networks in building a decision support system to assist in the audit for information systems of personal data. *Postulat*. 2018;6. (In Russ.) URL: <https://e-postulat.ru/index.php/Postulat/article/view/1588/1621>.
9. Ali N. M., Novikov B. A. Big Data: Analytical Solutions, Research Challenges and Trends. *Proceedings of the Institute for System Programming of the RAS*. 2020;32(1):181—204. DOI: 10.15514/ISPRAS-2020-32(1)-10.
10. Garifullin B. B., Zybrikov V. V. Digital transformation of business: models and algorithms. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2018;12(9):1345—1358. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.12.9.39332.
11. Korovin A. M. Intelligent systems. Chelyabinsk, South Ural State University publ., 2015. 60 p. (In Russ.)
12. Gorodetskii A. E., Erofeev A. A. Adaptive and robust systems: principles of designing intelligent control systems for moving objects. *Automation and Remote Control*. 1997;58(9-2):1485—1491.
13. Kutsulym D., Zhrebets E. Customer experience management in the Big Data era. *Forum molodykh uchenykh*. 2020;10(50):303—310. (In Russ.)
14. Sotnikov D. V. Big data concept as a basis for decision making. *Informatika. Ekonomika. Upravlenie = Informatics. Economics. Management*. 2025;4(1):2038—2042. (In Russ.) DOI: 10.47813/2782-5280-2025-4-1-2038-2042.
15. Sannikov D. V. Theoretical and applied aspects food security in the Russian Federation. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta = Yurga State University Bulletin*. 2017;13(4):49—58. (In Russ.) DOI: 10.17816/byusu20170449-58.

Статья поступила в редакцию 09.11.2025; одобрена после рецензирования 06.12.2025; принята к публикации 08.12.2025.
The article was submitted 09.11.2025; approved after reviewing 06.12.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 343.535/343.973/316.354
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1554

Irina Anatolievna Yankina

Doctor of Sociology, Associate Professor,
Professor of the Department of Economics and Finance,
Taganrog Institute of Management and Economics
Taganrog, Russian Federation
i.yankina@tmei.ru

Andrey Valeryevich Rachipa

Doctor of Sociology, Professor,
Professor of the Department of Humanities
and Social Sciences,
Polytechnic Institute (branch)
of the Don State
Technical University
Taganrog, Russian Federation
avrachipa@yandex.ru

Ирина Анатольевна Янкина

д-р социол. наук, доцент,
профессор кафедры экономики и финансов,
Таганрогский институт управления и экономики
Таганрог, Российская Федерация
i.yankina@tmei.ru

Андрей Валерьевич Рачипа

д-р социол. наук, профессор,
профессор кафедры «Гуманитарные
и социально-экономические науки»,
Политехнический институт (филиал)
Донского государственного
технического университета
Таганрог, Российская Федерация
avrachipa@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТА (НА ПРИМЕРЕ ОРГАНИЗАЦИЙ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье поднимается вопрос развития риск-менеджмента на отечественных предприятиях. Цель исследования — выявить проблемы, препятствующие развитию отечественного риск-менеджмента (на примере организаций Ростовской области). Объект исследования — практика риск-менеджмента. В качестве предмета выделяются проблемы развития риск-менеджмента в организациях.

Гипотеза исследования предполагает, что большое влияние на успешность проводимого в организациях риск-менеджмента имеют эндогенные компоненты. В частности, одной из проблем недостаточного развития риск-менеджмента является неготовность персонала организаций к риску и к необходимости изменений.

Методологическая основа исследования объединяет теоретические наработки в области антикризисного управления, анализ статистики, социологический анализ и индексный метод. Анализируются отчеты арбитражного суда Ростовской области за 2020—2024 гг. Рассматриваются результаты авторского анкетного опроса, проведенного в 2024 г. среди сотрудников организаций Ростовской области. В ходе исследования были выделены группы «рядовые сотрудники», «руководители организаций», «руководители подразделений» и определялось отношение представителей этих групп к риску и изменениям в организациях.

Результаты исследования показывают, что, согласно статистике, чаще всего применяются наблюдение и конкурсное производство. Практика риск-менеджмента применяется крайне редко. В подавляющем большинстве в ходе анализа ситуации в организации во время процедуры наблюдения арбитражный управляющий приходит к заключению о необходимости введения процедуры конкурсного производства (т. е. ликвидации). Одной из причин такой ситуации может являться неразвитость компетенций в области антирискового менеджмента. Согласно данным социологического исследования, самыми терпимыми к риску оказываются руководители подразделений (лишь 8 % отказываются от риска). Среди рядовых сотрудников фиксируется самый высокий уровень неприятия риска.

Данные показывают неготовность организаций к риску и слабое развитие антирисковой деятельности. Менеджмент банкротства вытесняет практику риск-менеджмента. Развитие успешных практик риск-менеджмента возможно через формирование у персонала антирисковых компетенций.

Ключевые слова: риск-менеджмент, банкротство, отношение к изменениям, отношение к риску, руководитель организации, руководитель подразделения, рядовой сотрудник, конкурсное производство, процедура наблюдения, внешнее управление

Для цитирования: Янкина И. А., Рачипа А. В. Проблемы развития риск-менеджмента (на примере организаций Ростовской области) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 64—69. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1554.

Original article

PROBLEMS OF RISK MANAGEMENT DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE OF ENTERPRISES IN THE ROSTOV REGION)

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. *This research article addresses the issue of risk management development at Russian enterprises. The aim of the study is to identify problems hindering the development of domestic risk management (using the example of enterprises in the Rostov region). The object of the study is risk management practice. The subject is the challenges of developing risk management at enterprises.*

Research hypothesis suggests that endogenous factors significantly influence the success of risk management in an organization. In particular, one of the problems associated with insufficient risk management development is the lack of personnel preparedness for risk and the need for change.

The study's methodological framework combines theoretical developments in crisis management, statistical analysis, sociological analysis, and the index method. Reports from the Rostov Region Arbitration Court (2020-2024) are analyzed. The results of a questionnaire survey conducted in 2024 among employees of organizations in the Rostov Region are examined. The study identified groups of ordinary employees, organization managers, and department managers, and assessed the attitudes of these groups toward risk and change within organizations.

For citation: Yankina I. A., Rachipa A. V. Problems of risk management development (on the example of enterprises in the Rostov region). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):64—69. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1554.

Введение

Актуальность. Принятие решений в ситуации неопределенности и риска является самым непростым вопросом в деятельности руководителя предприятия. Во-первых, это связано с невозможностью полноценно планировать деятельность организации, во-вторых, необходимо постоянно «замораживать» часть средств в качестве резерва безопасности (фактически исключая часть активов из финансового оборота, ограничивая финансовые возможности организации). Это актуализирует поиск барьеров, препятствующих развитию риск-менеджмента российских организаций.

Изученность проблемы. Поднимаемая в работе проблема развития антирискового управления остается актуальной на протяжении последних тридцати лет. Однако на текущий момент отечественные исследователи все еще указывают на необходимость поиска эффективных практик преодоления рискованных ситуаций. На это указывают М. А. Яковлев [1], Н. Б. Грошева и П. И. Невмержицкий [2], И. А. Янкина [3], Е. Б. Хоменко [4]. Научные разработки в этом направлении проводятся вокруг понятийного поля понятий «кризис», «риск» и управления в организации этими явлениями. Подробно данный вопрос рассматривают М. Мандур [5], Дж. К. Том [6], А. Х. Адухова [7]. Е. В. Пронина с соавторами пишут, что сущностью «антикризисного управления выступает минимизация рискованных событий с целью более оперативного преодоления кризисных ситуаций» [8, с. 70—71]. По мнению Р. Е. Андреева, для успешного риск-менеджмента необходимо, чтобы «руководители организаций активно планировали и готовились к кризисам, вносили вклад в планы управления рисками и принимали участие в моделировании и симуляции

The study's results show that, statistically, monitoring and bankruptcy proceedings are most frequently used. Risk management practices are extremely rare. In the overwhelming majority of cases, after analyzing the enterprise's situation during the monitoring procedure, the bankruptcy trustee concludes that bankruptcy proceedings (i.e., liquidation) are necessary. One reason for this situation may be the underdevelopment of risk management competence. According to sociological research, department heads are the most risk-tolerant (only 8% are risk-averse). The highest level of risk aversion is recorded among rank-and-file employees.

The data demonstrate organizations' reluctance to take risks and the underdevelopment of risk management activities. Bankruptcy management is displacing risk management practices. The development of successful risk management practices is possible through the development of risk management competence among personnel.

Keywords: *risk management, bankruptcy, attitude to change, attitude to risk, head of organizations, head of departments, ordinary employee, bankruptcy proceedings, monitoring procedure, external management*

кризисов» [9, с. 71]. А. А. Тубалец с соавторами настаивают на важности изучения поведения рядовых сотрудников в условиях кризисной организации, указывая на решающую роль «вовлеченности и гибкости сотрудников» [10, с. 224] и значимости этой проблемы для российского общества. А. Х. Цакаев приводит примеры из международной практики, демонстрирующие «проявления катастрофических рисков и неэффективной стратегии антикризисного управления» в современной бизнес-среде [11, с. 9]. Традиционно предлагаемые направления выхода из кризиса связывают с финансовым управлением, на что указывают Л. Б. Атаева и Р. М. Чотчаева [12] и А. А. Тургаева [13]. Однако, как отмечают С. Н. Писарюк и К. А. Шатилова, «необходимо помнить, что причина и начало кризиса — в голове» [14, с. 586]. Таким образом, ученые акцентируют внимание на необходимости исследования поведения руководителей и персонала в условиях кризиса.

Российскому бизнесу приходится работать в сложной экономической обстановке. Умение противостоять кризисным процессам является основой конкурентоспособности отечественных организаций. Это обосновывает **целесообразность** исследования проблем развития риск-менеджмента в практике деятельности российских организаций.

Научная новизна исследования состоит в обосновании важности развития антирисковых компетенций у персонала организации. Установлено, что на текущий момент менеджмент банкротства вытеснил практику риск-менеджмента. Причиной этого является неготовность персонала организаций к риску и игнорирование необходимости изменений. Определено, что установки сотрудников являются дополнительным барьером в развитии риск-менеджмента в организации.

Цель исследования — выявить проблемы, препятствующие развитию отечественного риск-менеджмента (на примере организаций Ростовской области). В рамках достижения поставленной цели решались следующие **задачи**: изучить и проанализировать динамику процедур банкротства, рассмотренных в отношении юридических лиц Ростовской области; провести сравнительный анализ отношения к риску и изменениям у сотрудников организаций Ростовской области. **Объект** исследования — практика риска-менеджмента. В качестве **предмета** выделяются проблемы развития риска-менеджмента в организации.

Гипотеза исследования: большое влияние на успешность проводимого в организации риск-менеджмента имеют эндогенные компоненты, в частности, одной из проблем недостаточного развития риск-менеджмента является неготовность персонала организаций к риску и к необходимости изменений.

Практическая значимость работы связана с необходимостью снижения уровня банкротств и разработки базы приемов и антирисковых практик для российского бизнеса.

Теоретическая значимость исследования обусловлена приращением знаний в области риск-менеджмента. Выявленное распространение практики уклонения от использования приемов риск-менеджмента в пользу менеджмента банкротства обусловлено дефицитом компетенций в области риск-менеджмента как у руководителей, так и у рядовых сотрудников организаций. Данная ситуация является российской спецификой, так как зарубежные исследования таких ученых, как М. Мандур [5] и Дж. К. Том [6], показывают успешность использования инструментов риск-менеджмента. Однако российская практика дает иную картину. Например, А. Х. Адухова пишет, что «практически 9 из 10 компаний прекращают свою деятельность в первый год существования» [7, с. 232]. Это указывает на высокие риски, с которыми не справляется отечественный менеджмент. Таким образом, актуализируется вопрос оценки субъективных составляющих антирисковых практик, что позволяет осмыслить эндогенные составляющие исследуемых процессов. Теоретическое обобщение результатов данного исследования позволит определить направления повышения эффективности риск-менеджмента отечественных организаций.

Основная часть

Методология исследования. В качестве методологической основы данного исследования используются теоретические наработки в области антикризисного управления. В настоящее время в мировой практике для управления рисками и организациями в кризисном состоянии накоплен достаточно обширный инструментарий. Однако российская практика управления показывает дефицит эффективных инструментов риск-менеджмента. Это обусловило использование определенного методологического арсенала. Основу исследования составляет системный подход, социологический анализ и индексный метод. Сравнительная оценка результатов объективных и субъективных данных позволяет лучше понять проблемы развития антикризисного и антирискового управления. Весьма важным представляется анализ статистических данных по банкротству предприятий. Помимо этого, Р. Е. Андреев указывает на опросную методику как важный инструмент диагностики готовности персонала и руководства организации к кри-

зисным явлениям [9, с. 71]. В связи с этим эмпирической базой данной работы являются результаты авторского социологического исследования, проведенного в 2024 г. среди сотрудников организаций Ростовской области методом анкетного опроса. Для целей данной работы были выделены следующие группы: «Рядовые сотрудники», «Руководители организаций», «Руководители подразделений». В ходе исследования определялось отношение к риску и изменениям в организациях респондентов. Для интегрирования оценок по исследуемым группам используется индекс равенства групп, методику расчета которого предложили А. Г. Здравомыслов, В. А. Ядов, В. П. Рожин [15, с. 63].

Результаты исследования. Исследование данных за 2020—2024 гг. по Ростовской области (см. табл. 1) показывает, что наиболее активно используемыми процедурами являются наблюдение и конкурсное производство.

Таблица 1

Количество дел, по которым в отчетном периоде введены процедуры банкротства в отношении юридических лиц Ростовской области (динамика за 2020—2024 гг.)

Процедуры банкротства	2020	2021	2022	2023	2024
Наблюдение	166	164	120	155	136
Финансовое оздоровление	0	0	0	0	1
Внешнее управление	3	2	2	0	0
Конкурсное производство	185	277	176	144	155

Примечание: сост. по данным официального сайта Арбитражного суда Ростовской области (https://rostov.arbitr.ru/about/work_report).

При этом практика риск-менеджмента, которая представлена в рамках таких процедур арбитражного управления, как финансовое оздоровление и внешнее управление, используется редко. Недопустимо низок, на наш взгляд, уровень применения финансового оздоровления. Данная практика подразумевает разработку плана финансового оздоровления менеджерами организации под контролем арбитражного управляющего. Компетентный антикризисный менеджмент способен вывести компанию из состояния финансовой неустойчивости (предполагается слаженная работа руководителей предприятия-должника и арбитражного управляющего). Процедура внешнего управления предполагает, что усилия по выводу организации из кризиса предпринимает внешний управляющий. Однако, эти практики не используются, что свидетельствует о низком уровне антикризисного менеджмента. Подобная ситуация фиксировалась и в предыдущие пять лет, когда исследованиями одного из авторов настоящей статьи было определено, что «у отечественных менеджеров не фиксируют рост мастерства в сфере кризис-менеджмента» [16, с. 34]. Таким образом, за последние 10 лет в Ростовской области тенденции сохраняются. В подавляющем большинстве в ходе анализа ситуации в организации во время процедуры наблюдения арбитражный управляющий приходит к заключению о необходимости введения процедуры конкурсного производства (т. е. ликвидации). Для предприятия это означает безвыходное положение, к которому привели ошибки в управлении и неэффективные управленческие решения. Согласно статистике Официального сайта Арбитражного суда Ростовской области за 2020—2024 гг. только 1,5—4 % заявлений, переданных в арбитражный суд

с просьбой признать должника банкротом, подают представители должника. В то же время 96—98 % подобных заявлений принимается от кредиторов. Видимо, руководство организации-должника оттягивает момент банкротства до последнего момента, пока у кредиторов не появится основание для судебного разбирательства. Одной из причин такой ситуации может являться неразвитость компетенций в области антирискового менеджмента, неспособность изменяться, подстраиваясь под вызовы внешней среды. Согласно данным опроса, проводившегося в 2024 г., большая часть опрошенных (43 %) считает, что «в ситуации, когда нужны изменения, предпринимаются реальные меры». Каждый седьмой респондент указывает, что организация не готова к изменениям (рис. 1).

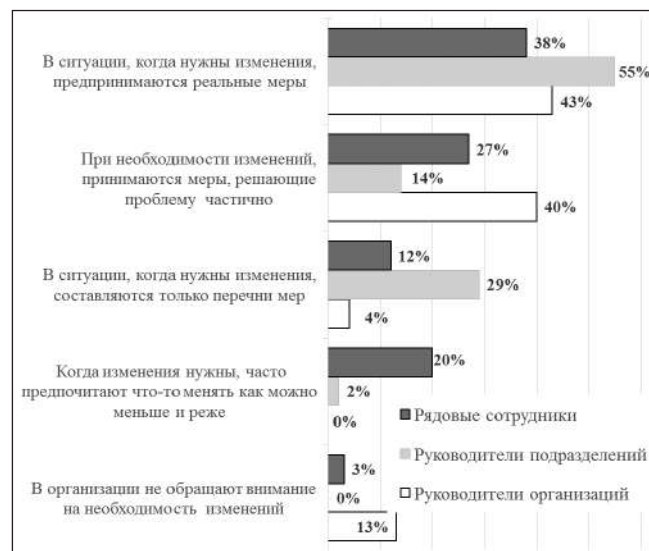

Рис. 1. Оценка сотрудниками отношения организации к необходимости изменений

Еще 42 % считают, что организация готова к изменениям частично. Расчет индекса равнения групп в отношении необходимости изменений в организации показал, что в группе «Руководители организаций» он равен 0,5; в группе «Руководители подразделений» — 0,61; в группе «Рядовые сотрудники» — 0,385. Самые позитивные оценки по поводу готовности организации к изменениям дают респонденты, занимающие должности руководителей организаций, руководителей подразделений.

Отношение к риску сотрудников в организациях отрицательное (табл. 2). Безусловно, полностью отказаться от риска современной организации очень сложно. Тем не менее 15 % считают, что на их предприятиях «отказываются от риска». При этом среди коммерческих организаций на это указывают 8 %, а в некоммерческих (далее — НКО) — 29 %. В целом в НКО фиксируется более негативное отношение к риску: проявляют готовность принять возможные негативные результаты при достижения привлекательной цели и идут на незнакомые виды риска всего 7 % опрошенных. Чаще всего в НКО в рамках процесса управления рисками выбирают стратегию уклонения от риска, но «если нужно, то идут на некоторый» (41 %). Среди сотрудников коммерческой организации на это указывает каждый второй. Еще одна используемая стратегия — принятие риска. Но и здесь, согласно мнению 23 % опрошенных, некоммерческие организации «идут на знакомые виды риска».

Таблица 2

Оценка сотрудниками отношения к риску в своей организации, %

Варианты ответов «Организация...»	Весь массив (N = 500)	Коммерческие организации	НКО
...отказывается от риска	15	8	29
...если нужно, то идет на некоторый	47	50	41
...идет на знакомые виды риска	30	33	23
...идет на незнакомые виды риска	5	4	7
...идет на совершенно новые виды риска	3	5	0
Индекс равнения групп	−0,33	−0,26	−0,49

Среди сотрудников коммерческих организаций на это указывает каждый третий. Выбор определенного вида деятельности в зависимости от степени риска будет определять и его эффективность. В частности, «идти на знакомые виды риска» — значит уменьшать в несколько раз эффективность деятельности, в отличие от деятельности, связанной с «незнакомыми видами рисками» (рис. 2).

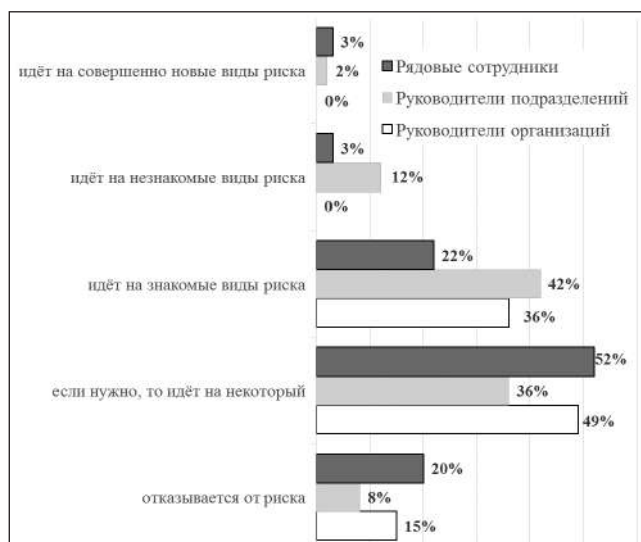

Рис. 2. Оценка сотрудниками отношения организации к риску

Среди рядовых сотрудников фиксируется самый высокий уровень неприятия риска. М. А. Яковлев называет такую стратегию методом «избежания участия в рискованной ситуации» [1, с. 169]. Выбирая его, менеджер, по мнению Н. Б. Грошевой и П. И. Невмержицкого, теряет «возможность не только получить от него выгоду, но и сужает свой потенциал действий» [2, с. 63]. Исследование показывает, что каждый пятый рядовой сотрудник предпочитает отказаться от риска, а больше половины согласны «если нужно, то идти на некоторый». Расчет индекса равнения групп показал, что в группе «Руководители организаций» он равен −0,395; в группе «Руководители подразделений» равен −0,18; в группе «Рядовые сотрудники» равен −0,415. Таким образом, самыми терпимыми к риску оказываются руководители подразделений: 12 % идут «на незнакомые виды риска», 42 % идут «на знакомые виды риска», только 8 % отказываются от риска. В целом данные показывают неготовность организаций к риску и слабое развитие антирисковой деятельности.

Выводы

В целом данные показывают, что одним из источников слаборазвитой практики риск-менеджмента являются неразвитые антикризисные компетенции персонала (как рядовых сотрудников, так и руководства). Данная ситуация имеет пролонгированный характер. Так, проведенное одним из авторов настоящей статьи еще в 2020 г. исследование позволило сделать вывод о недостаточности дифференциации антикризисных коммуникаций в организациях и необходимости «совершенствования своих антикризисных компетенций» [3, с. 46]. Тем не менее данные анализа показывают, что на текущий момент менеджмент банкротства вытеснил практику риск-менеджмента. При этом рядовые сотрудники более настороженно относятся к риску, чем руководители подразделений. Исследование показало, что одним из источников успешного развития риск-менеджмента являются социальные установки персонала. Формирование готовности персонала к кризисным процессам, изменениям и риску — это часть превентивных мер в борьбе с внешними угрозами организации. Залогом конкурентоспособности в рыночной экономике

является способность смотреть на изменения во внешней среде не как на еще одну угрозу, а как дополнительную возможность выделиться в ряды лидеров рынка. Готовность руководства к риску, к изменениям — важная составляющая успешной деятельности.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо отметить, что полученные данные подтверждают гипотезу о роли эндогенной компоненты в формировании успешного риск-менеджмента: установки сотрудников являются дополнительным барьером в развитии антикризисных практик. Задача управленческого звена видится в пересмотре процесса включенности персонала российских организаций в систему управления рисками и совершенствования компетенций руководителей в области кризис-менеджмента. Таким образом, выработать способность у организации противостоять угрозам — это серьезная проблема, которая связана не только с финансовыми трудностями, но и с психологической гибкостью и социальными установками сотрудников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яковлев М. А. Риск-менеджмент на предприятиях сегодня: его роль и значение в управлении // Вестник Московской международной академии. 2023. № 1. С. 167—169.
2. Грошева Н. Б., Невмержицкий П. И. Риск-менеджмент: анализ подходов, инструментов и методов // Бизнес-образование в экономике знаний. 2024. № 2(28). С. 61—64.
3. Янкина И. А. Антикризисные компетенции персонала и их роль в антикризисном управлении организацией // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 62. Ч. 11. С. 42—46. DOI: 10.18411/lj-06-2020-237.
4. Хоменко Е. Б. Антикризисное управление организацией: от теоретических положений к практическим действиям // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2024. Т. 34. Вып. 6. С. 1062—1068. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-6-1062-1068.
5. Mandour M. Financial Risk and Cost Stickiness: Evidence From Egypt // International Journal of Accounting and Financial Reporting. 2021. Vol. 11. No. 2. Pp. 46—65. DOI: 10.5296/ijaf.v11i2.18751.
6. Tome J. C. Research on Financial Crisis Warning Based on Vulnerability Index // International Journal of Accounting and Financial Reporting. 2024. Vol. 14. No. 2. Pp. 46—56. DOI: 10.5296/ijaf.v14i2.22015.
7. Адухова А. Х. Антикризисное управление предприятием // Заметки ученого. 2023. № 5-1. С. 232—234.
8. Антикризисное управление в контексте стратегического развития компании в условиях изменений / Е. В. Пронина, А. Е. Михайлова, О. А. Моисеева и др. // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 10(163). Т. 7. С. 69—75. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.10.07.009.
9. Андреев Р. Е. Антикризисное управление устойчивым предприятием // Российский экономический вестник. 2021. Т. 4. № 2. С. 71—76.
10. Антикризисное управление как драйвер развития предприятия в условиях неопределенности / А. А. Тубалец, А. А. Бедакова, Н. А. Огурцов и др. // Московский экономический журнал. 2025. Т. 10. № 3. С. 215—228. DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_3_75.
11. Цакаев А. Х. Антикризисное управление в менеджменте риска: методологические аспекты // Управление риском. 2024. № 1(109). С. 3—13.
12. Атаева Л. Б., Чотчаева Р. М. Риск-менеджмент // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 114. Ч. 4. С. 28—32.
13. Тургаева А. А. Современный риск-менеджмент организации // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № s4. URL: <https://esj.today/PDF/53FAVN425.pdf>.
14. Писарюк С. Н., Шатилова К. А. Антикризисное управление в условиях постоянно изменяющейся социально-экономической среды // Актуальные вопросы учета и управления в условиях информационной экономики. 2022. № 4. С. 583—587.
15. Человек и его работа : социол. исслед. / под ред. А. Г. Здравомыслова, В. П. Рожина, В. А. Ядова. М. : Мысль, 1967. 392 с.
16. Янкина И. А. Особенности российской практики управления банкротством // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 2(59). С. 33—37. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.59.219.

REFERENCES

1. Yakovlev M. A. Risk management in enterprises today: its role and importance in management. *Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii*. 2023;1:167—169. (In Russ.)
2. Grosheva N. B., Nevmerzhiyskiy P. I. Risk management: analysis of approaches, tools and methods. *Biznes-obrazovanie v oblasti ekonomicheskikh znaniy*. 2024;2(28):61—64. (In Russ.)

3. Yankina I. A. Anti-crisis competencies of personnel and their role in anti-crisis management of an organization. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2020;62-11:42—46. (In Russ.) DOI: 10.18411/lj-06-2020-237.
4. Khomenko E. B. Anti-crisis management of an organization: from theoretical provisions to practical actions. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt university. Series Economics and law*. 2024;34(6):1062—1068. (In Russ.) DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-6-1062-1068.
5. Mandour M. Financial Risk and Cost Stickiness: Evidence From Egypt. *International Journal of Accounting and Financial Reporting*. 2021;11(2):46—65. DOI: 10.5296/ijaf.v11i2.18751.
6. Tome J. C. Research on Financial Crisis Warning Based on Vulnerability Index. *International Journal of Accounting and Financial Reporting*. 2024;14(2):46—56. DOI: 10.5296/ijaf.v14i2.22015.
7. Adukhova A. Kp. Anti-crisis management of an enterprise. *Zametki uchenogo*. 2023;5-1:232—234. (In Russ.)
8. Pronina E. V., Mikhailova A. E., Moiseeva O. A. et al. Crisis management in the context of strategic development of a company in a changing environment. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2025;10(163)-7:69—75 (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.10.07.009.
9. Andreev R. E. Anti-crisis management of a sustainable enterprise. *Rossiiskii ekonomicheskii vestnik = Russian Economic Bulletin*. 2021;4(2):71—76. (In Russ.)
10. Tubalec A., Bedakova A., Ogurcov N. et al. Crisis management as a driver of enterprise development in conditions of uncertainty. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow economic journal*. 2025;10(3):215—228. (In Russ.) DOI: 10.55186/2413046X_2025_10_3_75.
11. Tsakaev A. Kh. Crisis management in risk management: methodological aspects. *Upravleniye riskom*. 2024;1(109):3—13. (In Russ.)
12. Ataeva L. B., Chotchaeva R. M. Risk management. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2024;114-4:28—32. (In Russ.)
13. Turgaeva A. A. Modern risk management of an organization. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(s4). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/53FAVN425.pdf>.
14. Pisaryuk S. N., Shatilova K. A. Crisis management under constantly changing socio-economic environment. *Aktual'nye voprosy ucheta i upravleniya v usloviyakh informatsionnoi ekonomiki = Topical issues of accounting and management in the information economy*. 2022;4:583—587. (In Russ.)
15. Man and his work. Sociological research. A. G. Zdravomyslov, V. P. Rozhin, V. A. Yadov (eds.). Moscow, Mysl', 1967. 392 p. (In Russ.)
16. Yankina I. A. Features of the Russian practice of bankruptcy management. *Biznes. Obrazovanie. Pravo. = Business. Education. Law*. 2022;2(59):33—37. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2022.59.219.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 07.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 07.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 336.74
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1505

Stanislav Sergeevich Akulinkin
Candidate of Economics,
Research Fellow
of the Institute for Financial Studies,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
akulinkin@gmail.com

Sergey Borisovich Balandin
Candidate of Law,
Research Fellow
of the Institute for Financial Studies,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
balandinsb@mail.ru

Станислав Сергеевич Акуликин
канд. экон. наук,
научный сотрудник
Института финансовых исследований,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
akulinkin@gmail.com

Сергей Борисович Баландин
канд. юрид. наук,
научный сотрудник
Института финансовых исследований,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
balandinsb@mail.ru

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИИ РАСПРЕДЕЛЕННОГО РЕЕСТРА

5.2.4 — Финансы

Аннотация. Исследуется проблематика законодательного регулирования формирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра, функционирующей с использованием принципа децентрализации ключевых субъектов инфраструктуры, позволяющего обеспечить бесперебойность осуществления трансграничных платежных транзакций для участников внешнеэкономической деятельности. Токенизация платежных инструментов и использование технологии распределенных реестров становится фундаментальным решением к устранению недостатков традиционной системы трансграничных расчетов, выдвигая новые требования к организации нормативного правового регулирования.

Результатом работы является создание теоретической основы и разработка практических предложений для правового обеспечения формирования и функционирования инновационной трансграничной платежной инфраструктуры. Сформулированы предложения по структуре правового обеспечения трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра, включающие специальный закон и отдельные изменения в действующее законодательство. Новый закон должен описать понятийный аппарат,

включающий термины «цифровой платежный токен» и «стейблкоин», и создать правовую конструкцию, обеспечивающую надежное функционирование трансграничной платежной инфраструктуры с применением цифровых платежных токенов в границах трансграничного платежного пространства.

Сделаны выводы о целесообразности введения полноценного специального регулирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра. Предварительное введение экспериментального правового режима может частично решить проблему легализации цифровых платежных токенов, включая стейблкоины, в трансграничной платежной инфраструктуре, но для формирования целостной системы регулирования требуется устранить существующие противоречия в правовом статусе различных видов цифровых активов и расширить валютное законодательство в части иностранных цифровых прав.

Ключевые слова: платежная индустрия, трансграничная платежная инфраструктура, технология распределенного реестра, цифровой платежный токен, стейблкоин, криптовалюта, цифровая валюта центрального банка, правовое регулирование, правоотношения, трансграничное платежное пространство

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Акуликин С. С., Баландин С. Б. Направления совершенствования правового регулирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 70—76. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1505.

Original article

DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER PAYMENT INFRASTRUCTURE BASED ON DISTRIBUTED LEDGER TECHNOLOGY

5.2.4 — Finance

Abstract. *The article examines the challenges of legislative regulation concerning the development of cross-border payment infrastructure based on distributed ledger technology (DLT), which operates through the decentralization of key infrastructure participants. This decentralization enables uninterrupted processing of cross-border payment transactions for foreign trade actors. Tokenization of payment instruments and the use of distributed ledgers are becoming a fundamental solution to the shortcomings of the traditional cross-border settlement system, while simultaneously introducing new regulatory requirements.*

The study results in the creation of a theoretical foundation and the development of practical proposals for the legal support of the formation and functioning of an innovative cross-border payment infrastructure. The paper formulates proposals for the structure of the legal framework governing cross-border payment infrastructure based on DLT, including the adoption of a special law and targeted amendments to existing legislation. The new law should define a conceptual framework, including

such terms as “digital payment token” and “stablecoin,” and establish a legal construct ensuring the reliable operation of cross-border payment infrastructure utilizing digital payment tokens within the boundaries of a cross-border payment space.

It is concluded that introducing a comprehensive special regulatory regime for cross-border payment infrastructure based on DLT is appropriate. The preliminary introduction of an experimental legal regime may partially address the issue of legalizing digital payment tokens, including stablecoins, within cross-border payment infrastructure. However, establishing a coherent regulatory system requires eliminating inconsistencies in the legal status of various types of digital assets and expanding currency legislation regarding foreign digital rights.

Keywords: *payment industry, cross-border payment infrastructure, distributed ledger technology / DLT, digital payment token, stablecoin, cryptocurrency, central bank digital currency, legal regulation, legal relations, cross-border payment space*

Funding: The article was prepared based on research funded by the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Akulinkin S. S., Balandin S. B. Directions for improving legal regulation of cross-border payment infrastructure based on distributed ledger technology. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):70—76. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1505.

Введение

Актуальность. Совершенствование регулирования отношений в трансграничной платежной инфраструктуре (далее — ТПИ) на основе технологии распределенного реестра (далее — ТРР) сегодня особенно важно по причинам политического давления, поиска альтернативных маршрутов финансовой логистики, а также ввиду объективно высокой степени фактического распространения ТРР в Российской Федерации. По оценке, приведенной в Докладе Банка России для общественных консультаций, в 2020 г. Россия была на втором месте в мире по использованию криптовалюты в соотношении размера экономики и численности населения. По объему мировых майнинговых мощностей в 2022 г. Россия занимала третье место в мире. По данным Банка России, в первом полугодии 2025 г. объем криптовалютных активов россиян составил около 827 млрд руб. на криптобиржах, а общий объем финансовых потоков через криптовалюты достиг 7,3 трлн руб. Росфинмониторинг сообщает о прямом доступе россиян к 457 криптобиржам и обменникам.

Изученность проблемы. Вопросы, составляющие предмет исследования, рассматривались как зарубежными, так и отечественными авторами. Так, Дж. Аллен с соавторами рассматривают правовые и нормативные проблемы, возникающие в связи с появлением цифровых активов, в том числе выявляют общие тенденции и концепции законодательного регулирования в различных юрисдикциях [1]. Л. Парсонс анализирует регуляторную проблематику финансовых продуктов и услуг, связанных с криптовалютами, на примере биткойна [2]. Г. Лианг и Дж. Карамайкл акцентируют исследовательское внимание на стейблкоинах

как потенциальной прорывной инновации в платежной индустрии [3]. С. Хьюз проводит анализ правовых аспектов технологии распределенных реестров и криптовалют в контексте традиционных правовых парадигм собственности и агентских отношений, указывая на способность технологии трансформировать традиционные представления о собственности и агентских отношениях в части нового инструментария для записи, передачи, контроля и исполнения прав собственности [4]. Дж. Пэйн определяет, что установление четких правил и рекомендаций для транзакций на основе блокчейна может повысить уверенность экономических субъектов в безопасности и надежности таких платежей, способствовать развитию инноваций и конкуренции в платежной индустрии, а слишком строгое регулирование инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра может подавлять инновации и препятствовать росту отрасли [5]. Ф. Салливан проводит обзор и анализ поправок 2022 г. к Единому торговому кодексу США в части адаптации к развитию цифровых активов, технологии распределенных реестров и цифровых валют [6].

Среди отечественных авторов, С. А. Андришин и Д. А. Кочергин анализируют экономическую природу, действующие стандарты и модели регулирования оборота цифровых платежных токенов на примере стейблкоинов и делают вывод о необходимости отказаться от запретительного подхода к использованию в обращении данной формы платежных инструментов [7]. Нами ранее была выявлена необходимость в регуляторной модификации комплексной системы правоотношений в платежной инфраструктуре, решающей задачи исполнения трансграничных платежных транзакций в рамках платежного

пространства [8]. Э. Л. Сидоренко исследует правовое регулирование сферы децентрализованных финансов (*DeFi*) и определяет оптимальные направления и объем регламентации правоотношений, возникающих между цифровыми платформами и их пользователями [9]. О. В. Луняков исследует особенности понятия «цифровая валюта» и проводит сопоставление цифровой валюты центрального банка с традиционными фиатными деньгами, токенизированными банковскими депозитами и криптоактивами [10]. О. Н. Волкова исследует различные правовые виды в классификации криптовалют, включая деньги и имущество, и показывает, что деньгами традиционные криптовалюты не являются [11]. Л. В. Крылова изучает возможности использования криптовалют и цифровых валют центральных банков для осуществления трансграничных платежей в рамках существующей традиционной финансовой инфраструктуры [12]. М. А. Абрамова и А. Б. Фиашев выявляют позитивное влияние формирования и использования цифровых валют центральных банков для обеспечения национального финансового суверенитета [13].

Целесообразность разработки темы. Решение вопросов законодательного регулирования инновационной трансграничной платежной инфраструктуры должно обеспечить нормативную определенность для экономических субъектов и для платежной индустрии в целом, чтобы преимущества технологии распределенного реестра могли широко и без значимых правовых рисков использоваться в трансграничных расчетах, обеспечивая для всех участников высокую скорость, надежность и бесперебойность осуществления трансграничных платежных транзакций.

Цель исследования — сформулировать предложения по совершенствованию регулирования правовой основы формирования и функционирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра.

Задачи исследования включают определение перспективных направлений правового регулирования трансграничных расчетов в рамках трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра, структурирование правовой основы данной инфраструктуры по уровням и функциям, разработку предложений по формированию архитектуры правового обеспечения трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра.

Научная новизна. Сформулированы рекомендации, призванные обеспечить нормативную правовую основу для бесперебойного функционирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра в части правоотношений субъектов платежной инфраструктуры в рамках платежного пространства и законодательного процесса согласования интересов государства и субъектов платежной инфраструктуры, включающие: а) специальный закон, определяющий рамки правового режима, в котором цифровой платежный токен выступает инструментом расчетов в трансграничной платежной инфраструктуре; б) определение цифрового платежного токена как имущественного права требования к эмитенту.

Теоретическая значимость. Разработаны методологические подходы к формированию правовой основы для функционирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного

реестра с целью обеспечения бесперебойного осуществления платежей в границах трансграничного платежного пространства, включающие доктринально-правовой анализ, структурно-стадийный анализ, риск-ориентированный подход.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по совершенствованию законодательства Российской Федерации в части формирования и функционирования трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра, включая перечень необходимых изменений в нормативную правовую базу.

Основная часть

Методология исследования. Предложения по формированию правовой основы для применения в ТПИ на основе ТРР опираются на совмещение доктринально-правового анализа, структурно-стадийного анализа платежного процесса и риск-ориентированного подхода к настройке режима лицензирования. На доктринальном уровне уточняются понятия, выявляется место рассматриваемых институтов в системе источников российского права и их соотношение с валютным, банковским и гражданским законодательством, а также с публично-правовыми режимами финансового контроля. Структурно-стадийный анализ используется для поэтапного описания действий участников в ТПИ с приданием каждому этапу юридического содержания: определяется состав юридических фактов, круг обязанностей субъектов, момент наступления завершенности транзакции и требования к ведению журнала записей о регуляторно значимых событиях. Риск-ориентированный подход задает логику проектирования норм: исходя из значимости рисков отбираются средства соответствующей интенсивности — нормы прямого действия, подзаконные стандарты, договорные условия и технические требования — и формулируются проверяемые критерии допуска.

Результаты исследования. Анализ правоотношений, возникающих в рамках трансграничных расчетов, использующих ТПИ на основе ТРР, позволяет выделить следующие перспективные направления для правового регулирования трансграничных расчетов в рамках рассматриваемой платежной инфраструктуры:

1. Взаимная интеграция традиционных платежных институтов и элементов ТПИ на основе ТРР в части дополнения нормативных актов, регулирующих внешнеэкономическую деятельность, новыми понятиями и нормами, обеспечивающими правовую определенность в отношении элементов инфраструктуры.
2. Придание правового статуса операторам систем распределенных реестров и регулирование их взаимных прав и обязанностей с пользователями платежной инфраструктуры.
3. Развитие механизмов разрешения споров.
4. Определение стандартов идентификации и расширение рамок и механизмов противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (далее — ПОД/ФТ).
5. Стандартизация требований к ТПИ на основе ТРР, включая безопасность узлов и смарт-контрактов.
6. Гармонизация регуляторных механизмов отдельных государств для снижения «эффекта арбитража».
7. Фиксация возможности и стандартов осуществления трансграничных расчетов с использованием ТПИ на основе ТРР на уровне межгосударственных соглашений.

Предпосылкой предлагаемых решений является признание того, что трансграничные расчеты с использованием ТПИ на основе ТРР предъявляют к правовой системе требования, выходящие за рамки традиционного валютного, банковского и гражданского регулирования. ТПИ соединяет технологические и юридические элементы: записи распределенного и/или централизованного реестра выступают доказательством совершения платежных операций; отношения между эмитентом цифровых платежных токенов (далее — ЦПТ) и оператором инфраструктуры формируются на стыке гражданского и валютного законодательства; трансграничный характер сделок активизирует коллизионные привязки и поднимает вопросы пределов режимов регулирования и надзора вовлеченных юрисдикций. В этих условиях правовая основа применения ТПИ на основе ТРР должна быть одновременно технологически нейтральной и риск-ориентированной [14], обеспечивая интероперабельность с государствами-участниками трансграничного платежного пространства [15], но сохраняя приоритет публично-правовых интересов — защиты участников расчетов, финансовой стабильности и эффективности процедур ПОД/ФТ.

Коллизионно-правовая составляющая строится через моделирование связей применимого права: разграничиваются сферы действия права договора (обязательственный аспект), права «места записи» (вещно-обязательственный аспект по отношению к цифровой записи) и процессуального права (вопросы подсудности, обеспечительных мер и доказательств).

Эмпирико-нормативный цикл предполагает предварительное тестирование решений в режимах ограниченного допуска, прежде всего в экспериментальном правовом режиме (далее — ЭПР). Результаты используются для *ex ante* и *ex post* оценки регулирующего воздействия и уточнения норм.

Правовая основа применения ТПИ на основе ТРР структурируется по уровням и функциям. На уровне актов прямого действия ядром выступают:

1. Изменения в валютном законодательстве, включающие операции с ЦПТ в перечень разрешенных валютных операций и устанавливающие порядок их учета и репатриации выручки в форму, определяемую Банком России — Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».

2. Изменения в законодательстве о цифровых финансовых активах для четкого разграничения режима цифровых финансовых активов и ЦПТ, используемых в ТПИ, — Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах».

3. Дополнение закона о Центральном банке полномочиями по лицензированию операторов ТПИ на основе ТРР — Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций» — и по установлению обязательных стандартов резервов, раскрытия, требований к информационной безопасности, исполнения *travel rule* и аналитики систем распределенного реестра на уровне нормативных актов Банка России.

4. Развитие гражданско-правовых норм в Гражданском кодексе РФ — придание записям в ТПИ на основе ТРР презумпции достоверности в качестве электронных доказательств.

5. Применение норм ПОД/ФТ к среде распределенных реестров с учетом аттестации адресов-идентификаторов и обмена данными в рамках *travel rule* — Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

6. Использование ЭПР как режима ограниченного допуска иностранных ЦПТ и отработки инфраструктурных решений и правовых гипотез. На сопряженных направлениях сохраняют значение положения о квалифицированной электронной подписи и электронном документообороте для обеспечения юридической значимости сообщений в ТПИ на основе ТРР, а также коллизионные положения раздела VI Гражданского кодекса РФ (для закрепления применимого права по «праву реестра» и в части признания иностранного регулирования при эквивалентности). Такая классификация позволяет избежать фрагментации регулирования и согласовать публично-правовые и частноправовые элементы в единой архитектуре.

Ключевым элементом платежа выступает юридическая финализация расчетов: момент окончательного расчета должен определяться правилами ТПИ на основе ТРР и подтверждаться включением транзакции в финальный блок либо иным эквивалентным признаком, придающим безотзывность распоряжению и устойчивость возникшего обязательства. Придание записи в системе распределенного реестра презумпции достоверности как электронного доказательства следует согласовать с режимом ведения журналов событий и отслеживаемости цепочки хранения в выделенных узлах ТПИ.

Правовая природа ЦПТ формулируется как имущественное право требования к эмитенту, обеспеченное резервами, структура и доступность которых устанавливаются регулятором; сами резервы подлежат сегрегации от имущества эмитента и не включаются в конкурсную массу, а требования держателей удовлетворяются за счет резервов в приоритетном порядке.

Коллизионные вопросы решаются через закрепление презумпции применения российского права к операциям резидентов, использование «права реестра» в части вещно-обязательственных аспектов и признание иностранного права для ЦПТ при условии доказанной эквивалентности надзорных критериев.

В блоке ПОД/ФТ базовой конструкцией становится допуск к операциям исключительно с аттестованными адресов-идентификаторов, пиринговый обмен данными по *travel rule*, а также обязательное применение аналитики распределенного реестра с инструментами измерения риска и сценариями усиленной проверки платежной транзакции при высокорисковых индикаторах. При этом требуется обеспечить баланс между целями комплаенса и охраной коммерческой тайны: идентифицирующие сведения остаются у операторов ТПИ и при необходимости раскрываются уполномоченным органам по установленным законным каналам.

Прикладная правовая конфигурация включает:

- 1) инфраструктурные и комплаенс-требования, согласованные операторами ТПИ, обеспечивающие техническую устойчивость и фиксацию информации, интеграцию механизмов ПОД/ФТ, исполнение *travel rule* при трансграничных платежах, а также реализацию обеспечительных мер по судебному акту при соблюдении процессуальных гарантий добросовестных участников;

2) интероперабельность ТПИ на основе ТРР, для оперативного обеспечения которой в рамках ЭПР может быть допущено использование отдельных иностранных ЦПТ без регистрации эмитента в Российской Федерации, но для ограниченного круга субъектов и при усиленных требованиях к раскрытию информации и процедурам ПОД/ФТ; параллельно может действовать альтернативный механизм признания эквивалентности требований иностранной юрисдикции с возможностью временного допуска под усиленным надзором.

Предложенная архитектура правового обеспечения ТПИ на основе ТРР сочетает специальный закон и точечные изменения в базовых актах, задавая прозрачный режим допуска, обеспечивая защиту прав участников ТПИ при сохранении достаточного уровня ПОД/ФТ. Введение ЭПР может частично решить проблему легализации ЦПТ, включая стейблкоины, для его участников. Однако для формирования целостной системы регулирования потребуются устранение существующих противоречий в правовом статусе различных видов цифровых активов, расширение валютного законодательства в части иностранных цифровых прав, а также тщательный мониторинг последствий внедрения экспериментального режима. Окончательная ясность в вопросах использования ЦПТ в ТПИ может быть достигнута только после введения полноценного специального регулирования и формирования устойчивой правоприменительной практики.

Специальный закон должен задать рамки правового режима, в котором ЦПТ выступает инструментом расчетов, функционирующим исключительно в пределах ТПИ. Ядром закона должно стать определение ЦПТ как имущественного права требования к эмитенту, удостоверяемого записями в ТПИ на основе ТРР; четкое разведение этого режима с цифровыми финансовыми активами во избежание коллизий; а также привязка сферы применения к операциям с участием резидентов Российской Федерации в осуществлении трансграничных платежей.

Базовый регуляторный принцип — презумпция запрета с возможностью индивидуального допуска. Идея состоит не в тотальном ограничении оборота ЦПТ, а в том, чтобы доступ к этому обороту осуществлялся в рамках ТПИ. Содержанием будущих норм станет закрепление проверяемых условий лицензирования: поддержание эмитентом ЦПТ резервов в объеме, эквивалентном 100 % обязательств по токенам, с ежедневным раскрытием состава активов и независимым аудитом; готовность к выкупу в короткий нормативный срок; надлежащая информационная безопасность и непрерывность деятельности; соблюдение требований к ведению журнала записей о юридически значимых событиях. Для операторов ТПИ на основе ТРР смысл будущих норм заключается в обязанности обеспечивать аттестацию адресов-идентификаторов, исполнение *travel rule* в трансграничном обмене сведениями и применение аналитики систем распределенного реестра с риск-скорингом, а также в возможности исполнения обеспечительных мер по судебному акту при процессуальных гарантиях добросовестных участников.

Отдельный содержательный блок закона — фиксация момента завершенности транзакции как юридического результата операции. Задача такой нормы заключается в том, чтобы связать окончательность расчета с четко определяемым признаком в правилах ТПИ, придав данным платежной инфраструктуре доказательственную силу. Одновре-

менно требуется установить требования к неизменяемости и проверяемости записей, синхронизации времени и порядку доступа уполномоченных органов к данным, чтобы ведение журнала записей стало полноценной документальной базой для административных и судебных процедур.

Юридическая сила электронных сообщений и документации ТПИ на основе ТРР обеспечивается уточнением способов подтверждения волеизъявления и признанием машинно-читаемых квитанций платежной инфраструктуры и маркеров завершенности трансграничной транзакции электронными документами, пригодными для доказывания, что позволит совместить технологический слой и процессуальные требования к доказательствам.

Обеспечительные меры и процедуры урегулирования споров должны включать адресную приостановку списаний по судебному акту через оператора ТПИ на основе ТРР с процессуальными гарантиями добросовестных участников и эффективным механизмом снятия ограничений после разрешения спора. Системное признание записей платежной инфраструктуры и журналов записей в качестве допустимых доказательств завершит правовой контур и позволит опираться на техническую документацию как на полноценную доказательственную базу.

Правовой контур ТПИ на основе ТРР требует сочетания двух моделей допуска. Первая — через ЭПР: контролируемое использование отдельных ЦПТ для ограниченного круга субъектов с усиленными требованиями к комплаенсу и доступу к журналам записей. Вторая — через признание эквивалентности иностранного регулирования по ключевым критериям.

Закон, регламентирующий формирование и функционирование ТПИ на основе ТРР, должен занять четкое место в системе правовых источников: согласоваться с валютным регулированием, с законодательством о цифровых финансовых активах, с полномочиями Банка России, а также с нормами о доказательствах и электронной подписи. Встроенность в режимы экспериментального регулирования обеспечит поэтапное внедрение элементов ТПИ на основе ТРР и обратную связь в процессе правоприменения.

Интеграция с действующим законодательством предполагает комплексную работу по изменению и адаптации целого комплекса отраслевых законов и подзаконных актов.

Полномочия центрального банка нуждаются в уточнении и расширении: должно быть закреплено право выдавать индивидуальные лицензии эмитентам ЦПТ и операторам ТПИ на основе ТРР, утверждать обязательные стандарты резервов, раскрытия, информационной безопасности, исполнения *travel rule*, ведения журнала записей и признаков завершенности транзакции, вести реестры лицензий и перечни допущенных ЦПТ.

Также требуется уточнить, что ЦПТ не относятся к цифровым финансовым активам, если иное прямо не установлено специальным законом; расчеты в ТПИ с использованием ЦПТ регулируются соответствующим специальным режимом. Такое разграничение устраним коллизии требований к резервам, раскрытию и порядку допуска.

Отдельно следует признать, что данные ТПИ на основе ТРР и журналы записей — при соблюдении требований неизменяемости, проверяемости и синхронизации времени — являются допустимыми электронными доказательствами. В части разрешения споров оправдано сочетание арбитражной подсудности по делам резидентов с допустимостью международного коммерческого арбитража.

Адаптация ПОД/ФТ к среде распределенных реестров предполагает закрепление режима аттестованных адресов-идентификаторов, обязательного исполнения *travel rule* при трансграничном обмене сведениями между операторами ТПИ, использования аналитики системы распределенного реестра с риск-скорингом, а также требований к составу и срокам хранения данных в журналах записей и порядку доступа к ним уполномоченных органов. При этом важна пропорциональность: объем передаваемых и хранимых данных должен быть минимально необходимым для достижения целей контроля и защиты участников.

Связки с цифровыми валютами центральных банков (далее — ЦВЦБ) требуют установления обязанностей шлюзовых провайдеров в обеих конфигурациях: ЦВЦБ — ЦВЦБ и ЦВЦБ — иной ЦПТ (например, стейблкоин). Речь идет о надлежащей аттестации адресов-идентификаторов, нанесении ончейн-маркировок статуса средств и пройденных проверок, ведении журнала записей о маршруте платежа и наступлении завершенности транзакции, а также о прямой ответственности за ошибки маркировки и нарушения требований информационной безопасности. Унификация критериев завершенности между контурами упростит доказывание в трансграничных спорах и снизит операционные риски.

Отдельного внимания требует настройка правил бухгалтерского учета и налогообложения операций с ЦПТ в ТПИ. На уровне закона целесообразно зафиксировать необходимость последующей разработки методологии отражения таких операций в российских стандартах бухучета и раскрытия информации, включая вопросы признания и оценки прав по ЦПТ, учета резервов эмитента и статуса первичных документов ТРИ на основе ТРР.

В целом, для формирования целостной системы регулирования ТПИ инфраструктуры на основе ТРР потребуются устранение существующих противоречий в правовом статусе различных видов цифровых активов, расширение валютного законодательства в части ЦПТ. Четкая определенность в вопросах использования цифровых активов в российской экономике может быть достигнута только после введения полноценного специального регулирования и формирования устойчивой правоприменительной практики.

Специальный закон должен задать рамки правового режима, в котором ЦПТ выступает инструментом расчетов, функционирующим исключительно в пределах ТПИ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Allen J. G., Rauchs M., Blandin A., Bear K. Legal and Regulatory Considerations for Digital Assets. Cambridge, UK : Cambridge Centre for Alternative Finance, 2020. 54 p.
2. Parsons L. Bitcoin: Consumer protection and regulatory challenges // Journal of Banking and Finance Law and Practice. 2016. Vol. 27. Iss. 3. Pp. 184—202.
3. Liao G. Y., Caramichael J. Stablecoins: Growth Potential and Impact on Banking : International Finance Discussion Paper No. 1334. Washington : Board of Governors of the Federal Reserve System, 2022. 24 p. DOI: 10.17016/IFDP.2022.1334.
4. Hughes S. J. Property, Agency, and the Blockchain: New Technology, and Longstanding Legal Paradigms // Wayne Law Review. 2019. Vol. 65. Pp. 57—80.
5. Jain P. From Crypto Wild West to Regulated Frontier: Unleashing the Potential of Blockchain Technology // West Virginia Law Review. 2023. Vol. 126. Iss. 1. Pp. 239—310.
6. Sullivan F. Jr. New Law Amends the Uniform Commercial Code to Accommodate Emerging Technologies // Indiana Law Review. 2024. Vol. 57. No. 4. Pp. 775—794. DOI: 10.18060/28364.
7. Андришин С. А., Кочергин Д. А. Стейблкоины как новая форма цифровых денег: эмиссия, обращение, регулирование и управление рисками // Вопросы экономики. 2022. № 6. С. 42—68. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-6-42-68.
8. Баландин С. Б., Акуликин С. С. Правовые особенности трансграничной платежной инфраструктуры на основе технологии распределенного реестра // Вестник Академии знаний. 2025. № 5(70). С. 483—489.

Ядром закона должно стать определение ЦПТ как имущественного права требования к эмитенту, удостоверяемого записями в ТПИ на основе ТРР; четкое разведение этого режима с цифровыми финансовыми активами во избежание коллизий; а также привязка сферы применения к операциям с участием резидентов Российской Федерации в осуществлении трансграничных платежей.

Выводы

В результате исследования направлений правового регулирования трансграничных расчетов в рамках ТПИ на основе ТРР определено, что для обеспечения бесперебойного функционирования системы трансграничных расчетов, независимой от централизованных субъектов в юрисдикциях, не входящих в трансграничное платежное пространство, необходимо разработать законодательную основу формирования и функционирования такой инфраструктуры. Существующая проблематика в части правоотношений субъектов платежной инфраструктуры в рамках трансграничного платежного пространства и вопросы законодательного процесса согласования интересов государства и субъектов инфраструктуры могут быть решены через структурирование уровней и функционала ТПИ и принятие в Российской Федерации правовой основы в виде отдельного закона, включающего нормативное определение ЦПТ, четко устанавливающее этот термин как имущественное право требования к эмитенту, удостоверяемого записями в ТПИ на основе ТРР. Закон должен явным образом определять момент фиксации завершенности трансграничной платежной транзакции как юридический результат с целью придать данным платежной инфраструктуры силу доказательств. К числу предложений по формированию архитектуры правового обеспечения ТПИ на основе ТРР относится установление обязанностей для технологических посредников при организации связи ТПИ с ЦВЦБ и другими ЦПТ. Данные рекомендации и перечень необходимых изменений в нормативную правовую базу имеют практическую значимость для законодателя при разработке регулирования на основе принципа общего права.

Отдельного исследования заслуживают механизмы защиты прав участников операций, включая возможного омбудсмена держателей, страховые решения и стандарты уровня сервисов операторов ТПИ на основе ТРР, а также процессуальные аспекты применения обеспечительных мер в цифровой среде.

9. Сидоренко Э. Л. Правовой статус децентрализованных финансов: к постановке проблемы // *Lex russica*. 2023. Т. 76. № 3. С. 87—99. DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.087-099.
10. Луняков О. В. Цифровые валюты центральных банков и сфера децентрализованных финансов: сущностный и интеграционный аспекты // *Финансовые рынки и банки*. 2025. № 1. С. 143—150.
11. Волкова О. Н. Биткойн, альткойны, цифровой рубль: об экономической природе криптовалют // *Финансы: теория и практика*. 2025. Т. 29. № 5. С. 21—33. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-5-21-33.
12. Крылова Л. В. Возможность использования цифровых валют для трансграничных платежей в условиях санкций // *Финансы: теория и практика*. 2024. Т. 28. № 2. С. 101—111. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-101-111.
13. Абрамова М. А., Фиашев А. Б. Внедрение цифровой валюты центрального банка как фактор обеспечения финансового суверенитета // *Банковские услуги*. 2025. № 1. С. 3—11.
14. Санникова Л. В. Факторы риска использования криптоактивов в России и потенциал для их снижения // *Финансовый журнал*. 2022. Т. 14. № 6. С. 124—138. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-6-124-138.
15. Акуликин С. С. Трансграничная платежная инфраструктура на основе технологий распределенного и централизованного реестров // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2025. Т. 16. № 3. С. 470—487. DOI: 10.18184/2079-4665.2025.16.3.470-487.

REFERENCES

1. Allen J. G., Rauchs M., Blandin A., Bear K. *Legal and Regulatory Considerations for Digital Assets*. Cambridge, UK, Cambridge Centre for Alternative Finance publ., 2020. 54 p.
2. Parsons L. Bitcoin: Consumer protection and regulatory challenges. *Journal of Banking and Finance Law and Practice*. 2016;27(3):184—202.
3. Liao G. Y., Caramichael J. Stablecoins: Growth Potential and Impact on Banking. International Finance Discussion Paper No. 1334. Washington, Board of Governors of the Federal Reserve System publ., 2022. 24 p. DOI: 10.17016/IFDP.2022.1334.
4. Hughes S. J. Property, Agency, and the Blockchain: New Technology, and Longstanding Legal Paradigms. *Wayne Law Review*. 2019;65:57—80.
5. Jain P. From Crypto Wild West to Regulated Frontier: Unleashing the Potential of Blockchain Technology. *West Virginia Law Review*. 2023;126(1):239—310.
6. Sullivan F. Jr. New Law Amends the Uniform Commercial Code to Accommodate Emerging Technologies. *Indiana Law Review*. 2024;57(4):775—794. DOI: 10.18060/28364.
7. Andryushin S. A., Kochergin D. A. Stablecoins as a new form of digital money: Emission, circulation, regulation and risk management. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;6:42—68. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2022-6-42-68.
8. Balandin S. B., Akulinkin S. S. Legal specifics of cross-border payment infrastructure based on distributed ledger technology. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2025;5(70):483—489. (In Russ.)
9. Sidorenko E. L. Legal Status of Decentralized Finance: Towards the Articulation of Issue. *Lex Russica*. 2023;76(3): 87—99. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2023.196.3.087-099.
10. Lunyakov O. V. Central bank digital currencies and the decentralized finance: substantive and integration aspects. *Finansovye rynki i banki = Financial Markets and Banks*. 2025;1:143—150. (In Russ.)
11. Volkova O. N. Bitcoin, Altcoins, Digital Ruble: On the Economic Nature of Cryptocurrencies. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2025;29(5):21—33. DOI: 10.26794/2587-5671-2025-29-5-21-33.
12. Krylova L. V. Digital Currencies in Cross-Border Payments: Use under Sanctions. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2024;28(2):101—111. DOI: 10.26794/2587-5671-2024-28-2-101-111.
13. Abramova M. A., Fiapshv A. B. The introduction of a central bank digital currency as a factor in ensuring financial sovereignty. *Bankovskie uslugi = Banking services*. 2025;1:3—11. (In Russ.)
14. Sannikova L. V. Risks of Using Cryptoassets in Russia and the Potential for Mitigation. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2022;14(6):124—138. (In Russ.) DOI: 10.31107/2075-1990-2022-6-124-138.
15. Akulinkin S. S. Cross-border payment infrastructure based on distributed and centralized ledger technologies. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. 2025;16(3):470—487. (In Russ.) DOI: 10.18184/2079-4665.2025.16.3.470-487.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025; одобрена после рецензирования 14.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.
The article was submitted 29.11.2025; approved after reviewing 14.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 336.64
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1567

Maria Evgenievna Gorchakova
Candidate of Economics,
Associate professor of the Department of Finance
and Financial Institutions,
Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation
GorchakovaME@bgu.ru

Мария Евгеньевна Горчакова
канд. экон. наук,
доцент кафедры «Финансы
и финансовые институты»,
Байкальский государственный университет
Иркутск, Российская Федерация
GorchakovaME@bgu.ru

РАЗВИТИЕ ФОРМ СОВРЕМЕННЫХ ДЕНЕГ

5.2.4 — Финансы

Аннотация. Деньги как фундаментальный экономический институт переживают в настоящее время период глубокой трансформации, обусловленной технологическими, экономическими и социально-политическими изменениями мирового масштаба. Исторический переход от полноценных денег, обладающих внутренней стоимостью, к современным формам денег, функционирующим преимущественно в безналичной и цифровой сферах, отражает качественные изменения в экономических отношениях и требует всестороннего научного осмысления. В условиях стремительной цифровизации экономики, развития финтех-инноваций и появления новых платежных технологий наблюдается переоценка традиционных представлений о природе денег и денежном обращении.

В условиях цифровизации экономики в структуре денежных средств происходят модификации, появляются принципиально новые формы денег, отличающиеся от других форм денег моделью эмиссии, способом обращения и функциональными задачами.

Актуальность исследования эволюции денег обусловлена также формированием глобальной цифровой финансовой инфраструктуры, разработкой цифровых валют цен-

тральных банков (CBDC) и развитием частных цифровых валют, что создает принципиально новую архитектуру денежной системы. Одновременно с этим происходит переосмысление роли традиционных денежных инструментов, включая золото, серебро и фиатные валюты, в контексте обеспечения экономической стабильности и безопасности.

В работе оценивается развитие современных форм денег в условиях глобализации и цифровизации экономики, а также выявляются перспективные направления трансформации денежного обращения, включая цифровые валюты центральных банков и криптовалюты. Предметом исследования являются закономерности эволюции форм и функций денег от полноценных (товарных) денег к современным фиатным и цифровым денежным инструментам, а также институциональные, технологические и экономические факторы этой трансформации.

Ключевые слова: деньги, денежное обращение, форма денег, развитие форм денег, современные деньги, электронные деньги, криптовалюта, цифровизация, цифровая экономика, цифровая валюта

Для цитирования: Горчакова М. Е. Развитие форм современных денег // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 77—81. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1567.

Original article

THE DEVELOPMENT OF FORMS OF MODERN MONEY

5.2.4 — Finance

Abstract. Money as a fundamental economic institution is currently undergoing a period of profound transformation due to technological, economic, and socio-political changes on a global scale. The historical transition from full-fledged money with intrinsic value to modern forms of money that function primarily in non-cash and digital spheres reflects qualitative changes in economic relations and requires comprehensive scientific understanding. In the context of the rapid digitalization of the economy, the development of fintech innovations and the emergence of new payment technologies, there is a reassessment of traditional ideas about the nature of money and money circulation.

In the context of the digitalization of the economy, modifications are taking place in the structure of money; fundamentally new forms of money appear, differing from other forms of money by the model of issue, method of circulation and functional tasks.

The relevance of studying the evolution of money is also due to the formation of a global digital financial infrastructure, the development of central bank digital currencies (CBDCs) and the development of private digital currencies, which creates a fundamentally new architecture of the monetary system. At the same time, the role of traditional monetary instruments, including gold, silver and fiat currencies is being rethought in the context of ensuring economic stability and security.

The paper evaluates the development of modern forms of money in the context of globalization and digitalization of the economy, and identifies promising areas for the transformation of monetary circulation, including central bank digital currencies and cryptocurrencies. The subject of the study is the patterns of evolution of forms and functions of money from

full-fledged (commodity) money to modern fiat and digital monetary instruments, as well as the institutional, technological and economic factors of this transformation.

Keywords: money, money circulation, form of money, development of forms of money, modern money, electronic money, cryptocurrency, digitalization, digital economy, digital currency

For citation: Gorchakova M. E. The development of forms of modern money. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):77—81. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1567.

Введение

Актуальность. Денежные системы человечества демонстрируют непрерывную эволюцию от примитивных форм товарных эквивалентов через металлические монеты, бумажные банкноты к современным цифровым инструментам, отражая технологическое развитие общества, изменения экономических отношений и трансформацию социальных институтов. Представленное исследование позволяет выявить фундаментальные закономерности денежных трансформаций и определить перспективные направления развития финансовых систем.

Современные денежные формы характеризуются прогрессирующей дематериализацией и цифровизацией. Безналичные расчеты, электронные деньги, мобильные платежи радикально изменили скорость и масштабы финансовых транзакций, снизили транзакционные издержки и сделали финансовые услуги доступными для миллиардов людей, ранее исключенных из формальной банковской системы. Цифровизация финансов становится катализатором более широких экономических и социальных изменений, трансформируя бизнес-модели, потребительское поведение и государственное управление.

Трансформация денежных систем порождает комплекс вызовов, требующих сбалансированных регуляторных подходов. Дилемма между финансовой приватностью и прозрачностью транзакций, риски киберугроз и цифрового неравенства, проблемы концентрации рыночной власти у технологических платформ и сохранения финансовой стабильности при ускоряющихся инновациях требуют международного сотрудничества и гибкой адаптации нормативно-правовой базы.

Изученность проблемы. Теоретические основы исследования денег заложены в трудах таких классиков экономической мысли, как представителя количественной теории денег И. Фишера [1], в трудах Дж. М. Кейнса [2], яркого представителя монетаризма М. Фридмана [3], последователей австрийской школы К. Менгера [4], Л. Мизеса [5] и др.

Современные аспекты теории денег и денежного обращения разрабатываются в работах отечественных исследователей: В. Ю. Касанова [6], О. В. Луныкова [7] и др., — уделяющих особое внимание институциональным аспектам функционирования денежной системы и перспективам ее развития в цифровой экономике, в частности, сфере децентрализованных финансов.

Вопросы цифровизации денежного обращения и развития новых форм денег представлены в исследованиях Д. А. Кочергина [8], В. А. Кузнецова, Р. А. Прохорова, А. В. Пухова [9] и др. Среди зарубежных исследователей значительный вклад в изучение современных тенденций развития денег внесли С. Аммоус [10], Н. Фергюсон [11], К. Рогофф [12], Ф. Панетта [13]. Особый интерес представляют работы Ф. А. Хайека [14] о возможности создания

частных денег и исследования К. Шваба [15] о влиянии технологий четвертой промышленной революции на трансформацию финансовых институтов.

При этом необходимо отметить, что вопросы взаимосвязи между историческими формами полноценных денег и современными цифровыми формами денежного обращения, в отечественной науке представлены в научной литературе в недостаточном объеме.

Целесообразность разработки темы. Необходимость исследования форм современных денег не вызывает сомнений, поскольку фундаментальные изменения в природе денег имеют существенные последствия для монетарной политики, финансовой стабильности и экономического суверенитета государств, что определяет научную и практическую значимость комплексного анализа эволюции денежных форм.

Научная новизна. На основе проведенного анализа эволюции форм денег определены ключевые характеристики каждой формы и выявлены перспективы развития форм современных денег в условиях цифровизации.

Цель исследования — выявление основных тенденций эволюции денег от полноценных к современным формам в контексте трансформации экономических отношений и технологического развития общества.

Задачи исследования:

- охарактеризовать развитие форм современных денег, их особенности и функциональные возможности в условиях глобализации и финансовой интеграции;
- дать оценку ключевых характеристик форм денег;
- выявить перспективы формирования новых форм денежного обращения, включая криптовалюты и цифровые валюты центральных банков.

Методология. Методологическую основу исследования составляют диалектический, исторический и системный подходы к изучению экономических явлений, методы научной абстракции, анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнительного анализа, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов эволюции денег и научную обоснованность полученных результатов.

Теоретическая значимость работы заключается в обобщенной сводной характеристике форм денег.

Практическая значимость работы состоит в возможности применения результатов исследования для разработки мероприятий денежно-кредитного регулирования.

Основная часть

Эволюция денежных форм представляет собой непрерывный процесс трансформации, отражающий технологические инновации, изменения в экономических отношениях и потребности общества. Современные деньги прошли длительный путь от примитивных товарных эквивалентов до сложных цифровых инструментов, сохраняя при этом свои базовые функции: средства обмена, меры стоимости, средства сбережения и средства платежа.

Начальный этап формирования современных денег связан с переходом от полноценных металлических монет к их бумажным заменителям. Монеты из драгоценных металлов, имевшие внутреннюю стоимость, соответствующую номиналу, постепенно уступали место бумажным банкнотам, которые изначально представляли собой обязательства по выплате определенного количества золота или серебра. Данный переход был обусловлен практическими соображениями — удобством хранения и транспортировки крупных сумм, а также возможностью государственного контроля над денежной массой.

Окончательный отказ от металлического обеспечения бумажных денег произошел в XX в., когда большинство стран отошло от золотого стандарта. Бреттон-Вудская система, действовавшая с 1944 по 1971 г., стала последней международной системой, частично опиравшейся на золотое обеспечение валют через доллар США. После ее краха мировая финансовая система перешла к использованию фиатных денег, ценность которых определяется государственным регулированием, доверием населения и макроэкономическими факторами, а не содержанием драгоценных металлов.

Фундаментальным сдвигом в эволюции денежных форм стало возникновение и распространение безналичных денег. Банковские счета и чеки, получившие широкое распространение в XIX—XX вв., предоставили возможность осуществлять расчеты без физической передачи денежных знаков. Безналичные деньги существуют в виде записей на счетах и формируются в результате кредитной деятельности банков, что приводит к мультипликативному эффекту создания денег.

Значительный импульс развитию безналичных расчетов придало появление пластиковых карт. Массовое распространение платежных карт и создание глобальных платежных систем (*Visa, MasterCard*) коренным образом изменили структуру денежного обращения, сделав безналичные расчеты доминирующей формой платежей во многих странах.

Следующим важным этапом в эволюции денежных форм стало появление электронных денег — цифрового эквивалента наличных средств, хранящегося на электронном устройстве или удаленном сервере. Первые системы электронных денег появились в 1990-х гг., предлагая решения для микроплатежей и онлайн-транзакций. Электронные кошельки, предоплаченные карты и мобильные приложения для платежей создали новые возможности для финансовых операций, особенно в сфере электронной коммерции.

Принципиальное значение для развития электронных денег имело создание сетевых платежных систем, таких как *PayPal, Alipay, WeChat Pay*, которые трансформировали процесс перевода средств, сделав его мгновенным, глобальным и относительно недорогим. Мобильные платежи, получившие особенно широкое распространение в развивающихся странах, позволили миллионам людей, не имеющих доступа к традиционным банковским услугам, включиться в формальную финансовую систему [16].

Революционным прорывом в развитии денежных форм стало создание криптовалют — цифровых активов, функционирующих на основе криптографических методов и распределенной технологии блокчейн. Первая и наиболее известная криптовалюта — биткоин — была представлена в 2009 г. анонимным создателем под псевдонимом Сатоши Накамото. Фундаментальное отличие криптовалют от традиционных денежных форм заключается в их децентрализованной природе, отсутствии контроля со стороны центральных банков или прави-

тельств. Технология блокчейн, лежащая в основе большинства криптовалют, обеспечивает прозрачность, неизменность и безопасность транзакций без необходимости доверенного посредника. После появления биткоина возникли тысячи альтернативных криптовалют (альткоин), включая *Ethereum, Ripple, Litecoin* и др., которые расширили функциональность и области применения цифровых активов. Смарт-контракты, реализованные на платформе *Ethereum*, позволили автоматизировать выполнение договорных обязательств и создали инфраструктуру для децентрализованных финансов (*DeFi*) [17].

Реагируя на вызовы, связанные с распространением частных цифровых валют, центральные банки многих стран начали разрабатывать собственные цифровые валюты — *CBDC* (*Central Bank Digital Currency*). Данные валюты представляют собой цифровую форму национальной валюты, эмитируемую центральным банком и имеющую статус законного платежного средства. В отличие от криптовалют, *CBDC* полностью контролируются государством и интегрированы в существующую финансовую систему. *CBDC* потенциально способны повысить эффективность платежных систем, снизить стоимость финансовых операций и обеспечить доступ к цифровым платежам для всех слоев населения.

Ключевые характеристики форм денег представлены в таблице.

Представленные в таблице данные демонстрируют фундаментальную трансформацию денежных форм в направлении дематериализации, повышения скорости расчетов и расширения территориального охвата. Наблюдается изменение роли эмитентов от государственной монополии к плюрализму, включающему частные и децентрализованные системы. Современный этап характеризуется сосуществованием различных денежных форм, каждая из которых имеет свои преимущества и ограничения, что позволяет удовлетворять разнообразные потребности экономических агентов. Особенно заметна тенденция к снижению анонимности транзакций в новейших формах денег, что связано с усилением требований по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма, однако появление криптовалют предложило альтернативную модель с повышенной приватностью. Перспективы дальнейшего развития денежных форм связаны с поиском оптимального баланса между эффективностью, безопасностью, приватностью и регуляторным контролем.

Будущее развитие форм денег будет определяться несколькими ключевыми трендами. Прогрессирующая цифровизация экономики приведет к дальнейшему сокращению доли наличных денег в обращении, особенно в развитых странах. Швеция, Норвегия и Китай уже демонстрируют стремительное движение к безналичному обществу. Массовое внедрение *CBDC*, вероятно, станет следующим значительным этапом эволюции государственных денег, потенциально изменив архитектуру банковской системы и механизмы реализации денежно-кредитной политики.

Распространение децентрализованных финансов (*DeFi*) и развитие экосистемы криптовалют создаст параллельную финансовую инфраструктуру, функционирующую на принципиально иных основаниях. Вероятно, усиление конкуренции между государственными и частными денежными системами, что может привести к повышению качества финансовых услуг и снижению транзакционных издержек. Биометрические технологии, квантовые вычисления, искусственный интеллект окажут значительное влияние на безопасность, персонализацию и эффективность денежных систем [18].

Эволюция форм денег и их ключевые характеристики

Форма денег	Период активного развития	Основа ценности	Эмитент	Степень физического воплощения	Анонимность	Скорость расчетов	Территориальный охват
Металлические монеты	Древность — настоящее время	Внутренняя стоимость металла / государственная гарантия	Государственный монетный двор	Полная материальность	Высокая	Мгновенная при личном контакте	Ограниченный (физическое присутствие)
Бумажные деньги	XVII в. — настоящее время	Государственная гарантия	Центральный банк	Полная материальность	Высокая	Мгновенная при личном контакте	Ограниченный (физическое присутствие)
Безналичные деньги	XIX в. — настоящее время	Обязательства банков	Коммерческие банки	Отсутствие физической формы	Низкая	От часов до нескольких дней	Глобальный через корреспондентские отношения
Банковские карты	1950-е гг. — настоящее время	Обязательства банков	Коммерческие банки	Частичная материальность (пластиковый носитель)	Низкая	Секунды-минуты	Глобальный через платежные системы
Электронные деньги	1990-е гг. — настоящее время	Обязательства эмитента	Финансовые организации	Отсутствие физической формы	Средняя	Секунды	Глобальный через Интернет
Криптовалюты	2009 г. — настоящее время	Ограниченное предложение / Сетевой эффект	Децентрализованная сеть	Отсутствие физической формы	От высокой до низкой (зависит от типа)	Минуты-часы (для биткоина) / секунды (для многих альткоинов)	Глобальный через Интернет
CBDC	2020-е гг.	Государственная гарантия	Центральный банк	Отсутствие физической формы	Низкая или программируемая	Секунды	Национальный / потенциально глобальный

Региональные различия в развитии денежных форм сохраняются и, вероятно, даже усилятся в зависимости от технологической инфраструктуры, культурных особенностей и государственной политики. В то время как одни страны будут стремительно двигаться к полностью цифровым формам денег, другие сохраняют гибридные системы, где наличные деньги продолжают играть важную роль.

Геополитический аспект денежных систем будет приобретать все большее значение, происходит зарождение многополярной международной валютной системы, где американский доллар постепенно теряет свою доминирующую роль. Китайский юань, евро, криптовалюты и потенциально новые региональные валютные блоки создадут более фрагментированную, но возможно и более устойчивую к системным кризисам международную финансовую архитектуру.

Важным трендом станет усиление внимания к вопросам конфиденциальности и защиты персональных данных в контексте цифровизации денег. Общества столкнутся с необходимостью найти баланс между удобством полностью прозрачных цифровых транзакций и правом на финансовую приватность. Технологии конфиденциальных вычислений, такие как *zero-knowledge proofs*, гомоморфное шифрование и другие криптографические инновации, могут предложить компромиссные решения.

Демократизация доступа к финансовым услугам продолжится за счет снижения барьеров входа и разрушения монополий традиционных финансовых посредников. Микрофинансирование, P2P-кредитование, краудфандинг, мобильные платежные системы — все эти инновации будут развиваться, обеспечивая включение в финансовую систему миллиардов людей, ранее не имевших доступа к банковским услугам.

Экологический аспект денежных систем также выйдет на первый план. Высокое энергопотребление некоторых криптовалютных сетей уже вызывает обоснованную кри-

тику. Будущие формы денег будут оцениваться не только по их экономической эффективности, но и по экологической устойчивости.

Социально-культурное измерение денег также претерпит изменения. Деньги как социальный институт влияют на формирование ценностей, поведенческих паттернов и общественных отношений. Появление новых форм денег, таких как локальные валюты, валюты сообществ, временные банки и репутационные системы, может способствовать развитию более кооперативных и менее иерархических форм социально-экономической организации.

Наконец, нельзя недооценивать риски и вызовы, связанные с трансформацией денежных систем. Киберугрозы, технологические сбои, проблемы масштабируемости, цифровое неравенство, концентрация власти у технологических гигантов — всё это требует продуманных регуляторных подходов и международного сотрудничества.

Закключение

В целом, будущее денег видится не как замена одной доминирующей формы другой, а как экосистема разнообразных денежных инструментов и платежных систем, отвечающих различным потребностям и ценностям. Экономические агенты будут выбирать наиболее подходящие формы денег в зависимости от конкретной ситуации, ценностей и предпочтений.

Исследование современных форм денег и процессов их трансформации позволяет констатировать, что денежные системы претерпевают фундаментальные изменения, сопоставимые по значимости с историческими переходами от товарных к металлическим деньгам и от золотого стандарта к фиатным валютам. Эволюционный путь от полноценных монет к бумажным заменителям, а затем к безналичным и цифровым формам характеризуется последовательной дематериализацией денег при сохранении их базовых функций как средства обмена, меры стоимости, средства сбережения и платежа.

Современный ландшафт денежных форм отличается беспрецедентным разнообразием, включающим традиционные наличные деньги, банковские депозиты, электронные деньги, криптовалюты, стейблкоины и формирующиеся цифровые валюты центральных банков. Представленная в главе таблица эволюции форм денег демонстрирует тенденцию к повышению скорости расчетов, расширению территориального охвата и усложнению технологической инфраструктуры денежных систем.

Долгосрочные перспективы денежных систем будут формироваться под влиянием сложного взаимодействия технологических инноваций, регуляторных решений, рыночной конкуренции и общественных ожиданий. Конвергенция финансовых и нефинансовых технологий — от искусственного интеллекта и интернета вещей до биометрии и квантовых вычислений — создает предпосылки для появления новых форм денежного взаимодействия, интегрированных в цифровые экосистемы будущего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фишер И. Покупательная сила денег. М. : Дело, 2001. 320 с.
2. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М. : Эксмо, 2022. 960 с.
3. Фридмен М. Количественная теория денег. М. : Эльф-пресс, 1996. 131 с.
4. Менгер К. Избр. работы. М. : Территория будущего, 2005. 496 с.
5. Мизес Л. Теория денег и кредита. Челябинск : Социум, 2012. 808 с.
6. Катаонов В. Ю. Золото в истории России : статистика и оценки. М. : МГИМО-Университет, 2009. 312 с.
7. Цифровые финансовые активы и технология блокчейн / под общ. ред. О. В. Луныкова. М. : КноРус, 2025. 298 с.
8. Кочергин Д. А., Янгирова А. И. Центробанковские цифровые валюты : ключевые характеристики и направления влияния на денежно-кредитную и платежную системы // Финансы: теория и практика. 2019. Т. 23. № 4. С. 80—98. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-4-80-98.
9. Кузнецов В. А., Прохоров Р. А., Пухов А. В. О возможных сценариях законодательного регулирования цифровых валют в России // Деньги и кредит. 2017. № 7. С. 52—56.
10. Ammous S. The Bitcoin Standard: The Decentralized Alternative to Central Banking. Wiley, 2018. xviii, 286 p.
11. Фергюсон Н. Восхождение денег / пер. с англ. А. Коляндра, И. Файбисовича. М. : АСТ : CORPUS, 2016. 430 с.
12. Rogoff K. S. The Curse of Cash. Princeton : Princeton University Press, 2016. x, 283 p.
13. Report on a digital euro / European Central Bank. October 2020. 53 p. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf (дата обращения: 02.01.2026).
14. Хайек Ф. А. Частные деньги. Ин-т нац. модели экономики, 1996. 229 с.
15. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business, 2017. viii, 184 p.
16. Институциональные изменения в социальной сфере российской экономики : коллектив. моногр. / под редакцией В. Л. Тамбовцева. М. : Эконом. фак. МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. 253 с.
17. Портной М. А. Деньги: их виды и функции. М. : Анкил, 1998. 166 с.
18. Бауэр В. П., Сильвестров С. Н., Барышников П. Ю. Блокчейн как основа формирования дополненной реальности в цифровой экономике // Информационное общество. 2017. № 3. С. 30—40.

REFERENCES

1. Fisher I. The Purchasing Power of Money: Its determination and relation to credit, interest and crises. Moscow, Delo, 2001. 320 p. (In Russ.)
2. Keynes J. M. The General Theory of Employment, Interest and Money. Moscow, Eksmo, 2022. 960 p. (In Russ.)
3. Friedman M. Quantitative theory of money. Moscow, El'f-press, 1996. 131 p. (In Russ.)
4. Menger K. Selected works. Moscow, Territoriya budushchego, 2005. 496 p. (In Russ.)
5. Mises L. von. The theory of money and credit. Chelyabinsk, Sotsium, 2012. 808 p. (In Russ.)
6. Katasonov V. Yu. Gold in the history of Russia: statistics and estimates. Moscow, MGIMO University publ., 2009. 312 p. (In Russ.)
7. Digital financial assets and blockchain technology. O. V. Lunyakov (ed.). Moscow, KnoRus, 2025. 298 p. (In Russ.)
8. Kochergin D. A., Yangirova A. I. Central bank Digital Currencies: Key Characteristics and Directions of Influence on Monetary and Credit and Payment Systems. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*. 2019;23(4):80—98. DOI: 10.26794/2587-5671-2019-23-4-80-98.
9. Kuznetsov V., Prokhorov R., Pukhov A. Legal regulation of digital currencies in Russia: possible scenarios. *Den'gi i kredit = Money and finance*. 2017;7:52—56. (In Russ.)
10. Ammous S. The Bitcoin Standard: The Decentralized Alternative to Central Banking. Wiley, 2018. xviii + 286 p.
11. Ferguson N. The Ascent of Money: A Financial History of the World. A. Kolyandr & I. Faybisovich (transl.). Moscow, AST, CORPUS, 2016. 430 p. (In Russ.)
12. Rogoff K. S. The Curse of Cash. Princeton, Princeton University Press, 2016. x + 283 p.
13. European Central Bank. Report on a digital euro. October 2020. 53 p. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/Report_on_a_digital_euro~4d7268b458.en.pdf (accessed: 02.01.2026).
14. Hayek F. A. Private money. Institute of the National Model of Economics publ., 1996. 229 p. (In Russ.)
15. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Crown Business, 2017. viii + 184 p.
16. Institutional changes in the social sphere of the Russian economy. Collective monograph. V. L. Tambovtsev (ed.). Moscow, Economic faculty of Lomonosov Moscow State University publ., 2015. 253 p. (In Russ.)
17. Portnoi M. A. Money: its types and functions. Moscow, Ankil, 1998. 166 p. (In Russ.)
18. Bauer V. P., Silvestrov S. N., Baryshnikov P. Yu. The blockchain as a basis of augmented reality in the digital economy. *Informatsionnoe obshchestvo = Information Society*. 2017;3:30—40. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 14.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья

УДК 332.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1562

Илона Dmitrievna Lebedeva

Candidate of Economics,
Associate Professor of the Educational Engineering Center,
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russian Federation
i_lebedeva@ugrasu.ru

Nikolay Olegovich Vorontsov

Postgraduate student of the Graduate School of Digital Economy,
Scientific specialty
5.2.3 — Regional and sectoral economy,
Yugra State University
Khanty-Mansiysk, Russian Federation
urzhmao@bk.ru

Илона Дмитриевна Лебедева

канд. экон. наук,
доцент центра образовательного инжиниринга,
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Российская Федерация
i_lebedeva@ugrasu.ru

Николай Олегович Воронцов

аспирант высшей школы цифровой экономики,
научная специальность
5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
Югорский государственный университет
Ханты-Мансийск, Российская Федерация
urzhmao@bk.ru

**КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ ПО ВОСПРОИЗВОДСТВУ
ЦЕННЫХ И ОСОБО ЦЕННЫХ ВИДОВ ВОДНЫХ БИОЛОГИЧЕСКИХ РЕСУРСОВ
В ОБЬ-ИРТЫШСКОМ РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОМ РАЙОНЕ В ГРАНИЦАХ
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ НА ПРИМЕРЕ ОАО «ЮГОРСКИЙ РЫБОВОДНЫЙ ЗАВОД»**

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В настоящее время выбор и идентификация наиболее корректного подхода к анализу функционирования предприятий в сфере воспроизводства ценных и особо ценных видов водных биологических ресурсов является достаточно сложной научной и прикладной задачей, поскольку чаще всего рассматривается через призму финансово-экономических показателей. Однако, как показывает практика, данные типы предприятий относятся к достаточно сложным объектам управления как с точки зрения производственного цикла основного бизнес-процесса по воспроизводству ценных и особо ценных видов водных биологических ресурсов, так и касательно аспектов соответствующего научно-инновационного и кадрового обеспечения. В статье представлены результаты комплексного анализа динамики показателей производственного потенциала предприятий по воспроизводству ценных и особо ценных видов водных биологических ресурсов в Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе в границах Тюменской области на примере ОАО «Югорский рыболоводный завод» за 2022—2025 гг. При этом дефиниция «производственный потенциал» рассматривается комплексно — как совокупность биологической, финан-

совой, организационно-трудовой, научно-технической и инновационной компонент. Системный подход наряду с практикоориентированностью, реалистичностью показателей и параметров, учет специфики предприятий рыбной отрасли является ключевым принципом, обеспечивающим комплексность проводимого анализа. Данное обстоятельство позволяет выявить тенденции повышения эффективности функционирования рассматриваемых предприятий и может стать основой возможных управленческих решений, направленных на развитие искусственного воспроизводства и всей рыбной отрасли региона. При этом особое внимание уделяется биологической компоненте производственного потенциала как неотъемлемой части основного бизнес-процесса по воспроизводству рыбных ресурсов региона.

Ключевые слова: производственный потенциал, комплексный анализ, воспроизводство ценных и особо ценных водных биологических ресурсов, показатели эффективности рыбной отрасли, искусственное воспроизводство, аквакультурные квоты, производственный цикл, эффективность деятельности предприятия, ремонтно-маточное стадо, Обь-Иртышский рыбохозяйственный район

Для цитирования: Лебедева И. Д., Воронцов Н. О. Комплексный анализ динамики показателей производственного потенциала предприятий по воспроизводству ценных и особо ценных видов водных биологических ресурсов в Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе в границах Тюменской области на примере ОАО «Югорский рыболоводный завод» // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 82—89. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1562.

Original article

A COMPREHENSIVE ANALYSIS OF THE DYNAMICS OF INDICATORS OF THE PRODUCTION POTENTIAL OF ENTERPRISES FOR THE REPRODUCTION OF VALUABLE AND PARTICULARLY VALUABLE SPECIES OF AQUATIC BIOLOGICAL RESOURCES IN THE OBY-IRTYSH FISHING AREA WITHIN THE TUMEN REGION, ON THE EXAMPLE OF YUGORSKY FISH HATCHERY JSC

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Currently, choosing and identifying the most correct approach to analyzing the functioning of enterprises in the field of reproduction of valuable and especially valuable types of aquatic biological resources is a rather difficult scientific and applied task, since it is most often viewed through the prism of financial and economic indicators. However, as practice shows, these types of enterprises are quite complex management objects, both in terms of the production cycle of the main business process for the reproduction of valuable and especially valuable types of aquatic biological resources, and in terms of aspects of relevant scientific, innovative and human resources. The article presents the results of a comprehensive analysis of the dynamics of the indicators of the production potential of enterprises for the reproduction of valuable and especially valuable types of aquatic biological resources in the Ob-Irtysh fisheries region within the borders of the Tyumen Region using the example of Yugorsky Fish Hatchery JSC for the period 2022-2025. At the same time, in this study, the definition of “production potential” is con-

sidered comprehensively as a set of biological, financial, organizational, labor, scientific, technical and innovative components. A systematic approach, along with a practice-oriented approach, realistic indicators and parameters, taking into account the specifics of fishing industry enterprises is a key principle that ensures the complexity of the analysis. This circumstance makes it possible to identify trends in improving the efficiency of the enterprises under consideration and can become the basis for possible management decisions aimed at developing artificial reproduction and the entire fishing industry in the region. At the same time, special attention is paid to the biological component of the production potential as an integral part of the main business process for the reproduction of fish resources in the region.

Keywords: production potential, comprehensive analysis, reproduction of valuable and especially valuable aquatic biological resources, indicators of the fish industry's efficiency, artificial reproduction, aquaculture quotas, production cycle, enterprise efficiency, breeding stock, Ob-Irtysh fisheries district

For citation: Lebedeva I. D., Vorontsov N. O. A comprehensive analysis of the dynamics of indicators of the production potential of enterprises for the reproduction of valuable and particularly valuable species of aquatic biological resources in the Oby-Irtysh fishing area within the Tumen Region, on the example of Yugorsky Fish Hatchery JSC. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74): 82—89. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1562.

Введение

Актуальность. В условиях ресурсного ограничения и высокой турбулентности факторов внешней среды подходы к оценке состояния функционирования предприятий становятся приоритетной задачей, как с точки зрения текущего управления, так и для перспективного планирования. Вместе с тем рационализация использования производственных ресурсов, в первую очередь, ассоциируется с сокращением величины совокупных затрат для достижения наилучших результатов, что позволит обеспечить расширенное воспроизводство и дальнейший экономический рост. Данным обстоятельством обосновывается необходимость проведения научно-исследовательской работы на указанную тему.

Изученность проблемы. Развитие подходов к оценке функционирования деятельности предприятий традиционно занимает важное место в экономической науке и практике. Так, подходы к проведению анализа и оценки деятельности компании проработаны в исследованиях Н. Н. Каландаровой [1], В. М. Курикова [2, с. 285], Л. А. Мизринь [3, с. 19—20; 4, с. 96—100], Д. С. Безручко, Н. Д. Дмитриева, А. А. Зайцева [5, с. 15—19], в которых подчеркивается значимость классических подходов к анализу эффективности функционирования предприятий на основе системы оценки финансовых показателей. А. С. Труба и С. А. Шелковникова [6; 7] обосновывают необходимость применения комплексного подхода к оценке эффективности деятельности пред-

приятий рыбной отрасли на основе снижения издержек производства, эксплуатационных расходов потребителя и роста производительности труда. К. С. Королева анализирует производственный потенциал предприятий рыбной отрасли через конфигурацию его компонентов [8, с. 86—88]. А. В. Александров рассматривает анализ функционирования предприятий рыбохозяйственного комплекса через призму производственного, природного и социального капитала [9, с. 30]. Важность объективной оценки уровня эффективности функционирования предприятия рыбной отрасли как залога выбора наиболее предпочтительного пути дальнейшего развития ассортиментной структуры предприятия и отрасли достаточно подробно раскрывает И. Н. Кулаженков [10, с. 27—30]. Коллектив авторов под руководством Т. А. Грошевой при проведении анализа динамики основных экономических показателей развития сферы воспроизводства водных биологических ресурсов основывается на комплексе параметров и показателей рыбной отрасли региона [11, с. 277], а также отмечает проблему отождествления эффективности деятельности таких предприятий только с оценкой показателей их финансового состояния [12, с. 280].

Вместе с тем актуализация вопросов к эффективно-му управлению ресурсами, в первую очередь, в отраслях общественного сектора обуславливается отсутствием на сегодняшний день единой общепринятой методики анализа современного состояния функционирования

предприятий в сфере воспроизводства водных биологических ресурсов, которая бы учитывала как их экономическую составляющую, так и производственную сторону, связанную непосредственно со спецификой рыбной отрасли [11]. В данной связи в исследовании предлагается рассматривать производственный потенциал как совокупность биологической, финансовой, научно-технической, организационно-трудовой и инновационной компонент и, соответственно, параметров и показателей, на основе оценки которых можно сделать комплексные выводы.

Целесообразность разработки темы. Ревизия положений анализа современного состояния функционирования предприятий по воспроизводству ценных и особо ценных видов водных биологических ресурсов в Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе напрямую связана с целями управления производственными объектами, является важной научной и практико-ориентированной задачей. Результаты ее решения послужат основой для дальнейшего развития механизмов управления подобными предприятиями и отраслью в целом.

Цель исследования заключается в актуализации подходов к комплексному анализу производственного потенциала предприятий по воспроизводству ценных и особо ценных водных биологических ресурсов на основе системы показателей и параметров, обеспечивающих системный подход и возможность их применения в качестве базы соответствующих управленческих решений в отношении конкретного предприятия рыбной отрасли.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- систематизировать соответствующие эмпирические и статистические данные относительно объекта анализа — ОАО «Югорский рыболовный завод»;
- провести анализ динамики показателей по каждой компоненте производственного потенциала ОАО «Югорский рыболовный завод»: биологической, финансовой, научно-технической, организационно-трудовой и инновационной;
- сформулировать выводы по результатам комплексного анализа производственного потенциала ОАО «Югорский рыболовный завод» как базы для принятия управленческих решений.

Научная новизна исследования заключается в формировании и апробации комплексного методического инструментария анализа динамики показателей производственного потенциала предприятий сферы воспроизводства водных биологических ресурсов в Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе в границах Тюменской области. Верификация полученных выводов относительно конкретного предприятия рыбной отрасли региона — ОАО «Югорский рыболовный завод» позволит масштабировать применение подобного подхода в отношении других предприятий отрасли.

Теоретическая значимость проведения исследования заключается в приращении научного знания в области методологии анализа и оценки функционирования в отношении производственных объектов управления, а также унификация подходов к указанной оценке на основе принципов комплексности и системности показателей и параметров.

Практическая значимость данной работы заключается в возможности применения результатов комплексного анализа производственного потенциала как осно-

вы дальнейших управленческих решений в отношении ОАО «Югорский рыболовный завод», а также сопоставимых с ним предприятиями.

Основная часть

Методология исследования. Методической базой данного исследования послужили материалы, полученные в результате выполнения 1—2-го этапов научно-исследовательской работы на тему «Практика экономической поддержки и развития предприятий в сфере воспроизводства ценных и особо ценных видов водных биологических ресурсов в Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе в границах Тюменской области» [11; 12]. Исследование проведено на основе применения методов сравнительного анализа, построения динамических рядов, элементов факторного и корреляционного анализа. Аналитическая часть исследования основана на эмпирических и статистических материалах, полученных из открытых источников и непосредственно от самого объекта исследования.

Результаты исследования. Согласно официальным открытым данным государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности в Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе Тюменской области функционирует не более 10 предприятий, зарегистрированных на территории Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, и ведущих деятельность по воспроизводству рыбных ресурсов: в основном сиговых рыб — муксуна, нельмы, чира, пеляди, сига-пыжьяна и в небольших количествах — осетра сибирского и стерляди. В данном случае при отнесении предприятия к рассматриваемой выборке авторы руководствовались критерием общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД) по коду 03.22.5 — Воспроизводство пресноводных биоресурсов искусственное. Объектом для проведения комплексного анализа производственного потенциала в данном исследовании выбран ОАО «Югорский рыболовный завод» как предприятие — пример, имеющее производственную базу ремонтно-маточных стад (далее — РМС) осетра сибирского, муксуна, чира и нельмы.

Вместе с тем составляющие производственного потенциала могут быть охарактеризованы определенным набором показателей и параметров, которые в совокупности будут определять состояние функционирования предприятий в сфере воспроизводства водных биологических ресурсов [13, с. 33—34]. Производственный потенциал в данном случае включает биологическую, финансовую, организационно-трудовую, научно-техническую и инновационную компоненту. Ключевым принципом применяемой в данном исследовании методики является ее комплексность, а также реалистичность, практикоориентированность, возможность учета специфики предприятий рыбной отрасли [12, с. 281].

При этом оценка динамики значений показателей проводилась за 2022—2025 гг., показатели 2025 г. взяты на отчетную дату — 30 сентября — из официальных открытых данных государственного информационного ресурса бухгалтерской (финансовой) отчетности, портала «Проверка контрагентов», также отчетной информации, предоставленной ОАО «Югорский рыболовный завод» (табл. 1—3).

Таблица 1

**Показатели, характеризующие состояние биологической компоненты
производственного потенциала предприятий рыбной отрасли**

Составляющие биологической компоненты производственного потенциала	Значения показателя по годам,				Темп роста, %				Абсолютное отклонение, ед. за весь период
	2022	2023	2024	по состоянию на 30.09.2025	2023/2022	2024/2023	2025/2024	Среднее за весь период	
Коэффициент использования аквакультурных квот для вылова рыбы, ед.	0,6	0,8	0,2	0,2	133,3	25,0	100,0	86,1	–0,4
Коэффициент обеспеченности посадочным материалом, ед.	1,3	1,3	1,04	1,3	100,0	80,0	125,0	101,7	0
Коэффициент обновления РМС, ед.	0,1	0,4	0,3	0,1	400,0	75,0	33,3	169,4	0
Кормовой коэффициент при содержании РМС, ед.	3,1	1,9	1,5	1,9	61,3	78,9	126,7	89,0	–1,2
Ежегодный прирост РМС по биомассе, %	37	55	3	1	148,6	5,5	33,3	62,5	–0,36
Ежегодный прирост РМС по генерации (возрасту), %	8,7	10	9,3	10	114,9	93,0	107,5	105,2	0,013
Коэффициент эффективности сбора икры по аквакультурной квоте, ед.	0,02	0,02	0,03	0,03	100,0	150,0	100,0	116,7	0,01
Выход однодневных личинок от оплодотворенной икры, заложенной на инкубацию, %	55	72	89	50	130,9	123,6	56,2	103,6	–0,05

Примечание: составлено авторами.

На основе данных табл. 1, содержащей значения показателей, темпы роста и абсолютные отклонения биологических компонентов производственного потенциала, представляется возможным проследить их изменение во времени. Указанные показатели характеризуют интенсивность использования ресурсной базы, качество воспроизводства маточного стада и результативность кормления. Далее будет выполнен детальный анализ динамики каждого компонента и сформулированы выводы о его влиянии на производственный потенциал хозяйствующего субъекта, а также выявлены основные ограничения и резервы его увеличения.

В период с 2022 по 2025 г. показатель коэффициента использования аквакультурных квот для вылова рыбы изменился с 0,6 до 0,2 ед., при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 133,3 %, 2024 г. — 25 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 100 %, при этом средний темп роста равен 86,1 %, абсолютное отклонение — –0,4 ед. Исходя из этого, наблюдается явная тенденция к снижению величины данного показателя и закреплению его на низком уровне, из чего следует, что необходимо наращивать потенциал увеличения вылова рыбы.

Вместе с тем, показатель коэффициента обеспеченности посадочным материалом составляет 1,3 ед., при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 100 %, 2024 г. — 80 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 125 %, средний темп роста равен 101,7 %. Итак, наблюдается тенденция к сохранению высокой обеспеченности хозяйства посадочным материалом при краткосрочном снижении в 2024 г., из чего следует, что предприятие в целом располагает достаточными объемами посадочного материала для реализации плановых объемов выращивания рыбы, однако должно уделять внимание недопущению подобных спадов в последующие периоды.

В период с 2022 по 2025 г. значение коэффициента обновления РМС составляет 0,1 ед., при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 400 %, 2024 г. — 75 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 33,3 %, средний темп роста равен 169,4 %. Исходя из этого наблюдает-

ся выраженное увеличение величины данного показателя в 2023—2024 гг. по сравнению с 2022 г., из чего следует, что в указанные годы предприятие активизировало обновление РМС, однако к 2025 г. данный процесс замедлился и требует дальнейшего усиления.

Также важно отметить, что показатель кормового коэффициента при содержании РМС изменился с 3,1 до 1,9 ед., при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 61,3 %, 2024 г. — 78,9 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 126,7 %, средний темп роста равен 89 %, абсолютное отклонение — –1,2 ед. Исходя из этого наблюдается явная тенденция к снижению величины данного показателя по сравнению с 2022 г., из чего следует, что эффективность использования кормов при содержании РМС возрастает, хотя рост коэффициента в 2025 г. указывает на необходимость дальнейшей оптимизации кормления. В период с 2022 по 2025 г. показатель ежегодного прироста РМС по биомассе изменился с 37 до 1 %, при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 148,6 %, 2024 г. — 5,5 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 33,3 %, средний темп роста равен 62,5 %, абсолютное отклонение — –36 %. Исходя из этого, наблюдается явная тенденция к снижению величины данного показателя, из чего следует, что темпы наращивания биомассы РМС существенно замедляются и предприятие не реализует в полном объеме потенциальные возможности по увеличению объемов выращивания.

Наблюдается положительная тенденция по показателю ежегодного прироста РМС по генерации (возрасту) изменился с 8,7 до 10 %, при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 114,9 %, 2024 г. — 93 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 107,5 %, средний темп роста равен 105,2 %, абсолютное отклонение — –1,3 %. Исходя из представленной информации, наблюдается умеренная тенденция к увеличению величины данного показателя с закреплением его на более высоком уровне, следовательно, эффективность выращивания РМС по возрастным группам постепенно повышается и условия их содержания в целом улучшаются.

В период с 2022 по 2025 г. показатель коэффициента эффективности сбора икры по аквакультурной квоте изменился с 0,02 до 0,03 ед., при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 100 %, 2024 г. — 150 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 100 %, средний темп роста равен 116,7 %, абсолютное отклонение — +0,01 ед. Исходя из представленной информации, наблюдается явная тенденция к увеличению величины данного показателя, следовательно эффективность использования аквакультурной квоты при сборе икры возрастает и предприятие более полно реализует репродуктивный потенциал имеющегося маточного стада. Показатель выхода однодневных личинок от оплодотворенной икры, заложенной на инкубацию изменился с 55 до 50 %, при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 130,9 %, 2024 г. — 123,6 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 56,2 %, средний темп роста равен 103,6 %, абсолютное отклонение — -5 %. Исходя из представленной информации, наблюдается явная тенденция к снижению величины данного показателя, из чего следует, что в 2025 г. эффективность инкубации ухудшилась,

что может привести к сокращению объемов получаемой молоди и снижению производственного потенциала хозяйства на последующих этапах выращивания.

Далее будут проанализированы показатели, характеризующие состояние финансовой компоненты производственного потенциала ОАО «Югорский рыбноводный завод».

На основе данных табл. 2, содержащей значения показателей, темпы роста и абсолютные отклонения финансовых компонентов производственного потенциала, представляется возможным проследить их изменение во времени. Указанные показатели характеризуют эффективность использования финансовых ресурсов, уровень доходности и окупаемости вложений, а также интенсивность обновления и расширения производственной базы. Далее будет выполнен детальный анализ динамики каждого компонента и сформулированы выводы о его влиянии на производственный потенциал хозяйствующего субъекта, а также обозначены ключевые финансовые риски и резервы его дальнейшего роста.

Таблица 2

**Показатели, характеризующие состояние финансовой компоненты
производственного потенциала предприятий рыбной отрасли**

Составляющие финансовой компоненты производственного потенциала	Значения показателя по годам				Темп роста, %				Абсолютное отклонение за весь период
	2022	2023	2024	по состоянию на 30.09.2025	2023/2022	2024/2023	2025/2024	Среднее за весь период	
Прибыльность, %	38	60	34	37	157,9	56,7	108,8	107,8	-0,01
Рентабельность, %	76	184	56	49	242,1	30,4	87,5	120,0	-0,27
Коэффициент обновления основных фондов, ед.	0,2	0,2	0,2	0,2	100,0	100,0	100,0	100,0	0
Динамика стоимости производственных мощностей, %	104	125	114	110	120,2	91,2	96,5	102,6	0,06

Примечание: составлено авторами.

В период с 2022 по 2025 г. показатель прибыльности изменился с 38 до 37 %, при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 157,9 %, 2024 г. — 56,7 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 108,8 %, средний темп роста равен 107,8 %, абсолютное отклонение — -1 %. Исходя из этого, наблюдается явная тенденция к снижению величины данного показателя относительно максимального уровня 2023 г. и к небольшому ухудшению его по сравнению с 2022 г., из чего следует, что прибыльность деятельности предприятия остается подверженной колебаниям, что требует поиска резервов для устойчивого повышения финансовых результатов. При этом показатель рентабельности изменился с 76 до 49 %, при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 242,1 %, 2024 г. — 30,4 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 87,5 %, средний темп роста равен 120 %, абсолютное отклонение — -27 %. Исходя из представленной информации, наблюдается явная тенденция к снижению величины данного показателя относительно достигнутого в 2023 г. максимума и уровня 2022 г., следовательно, эффективность использования ресурсов и финансовая устойчивость предприятия ухудшаются, а рентабельность его деятельности сокращается, что требует принятия мер по оптимизации затрат и повышению доходности.

В период с 2022 по 2025 г. коэффициент обновления основных фондов сохранялся на одном уровне и составил 0,2 ед. во все годы наблюдений. Таким образом, изменение показателя не происходит, что свидетельствует об отсутствии наращивания темпов обновления основных фондов и, соответственно, о стабильной, но не повышающейся динамике данного процесса. Показатель динамики стоимости производственных мощностей изменился со 104 до 110 %, при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 120,2 %, 2024 г. — 91,2 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 96,5 %, средний темп роста равен 102,6 %, абсолютное отклонение — +6 %.

Исходя из представленной информации, наблюдается явная тенденция к увеличению величины данного показателя, из чего следует, что предприятие в целом наращивает стоимость производственных мощностей за счет обновления и расширения производственного потенциала, несмотря на некоторое замедление темпов роста в последние годы.

Далее будут проанализированы показатели, характеризующие состояние организационно-трудовой компоненты производственного потенциала ОАО «Югорский рыбноводный завод» (табл. 3).

Таблица 3

**Показатели, характеризующие состояние организационно-трудовой компоненты
производственного потенциала предприятий рыбной отрасли**

Составляющие организационно-трудовой компоненты производственного потенциала	Значения показателя по годам				Темп роста, %				Абсолютное отклонение за весь период
	2022	2023	2024	по состоянию на 30.09.2025	2023/2022	2024/2023	2025/2024	Среднее за весь период	
Производительность труда в натуральном выражении, т рыбы / чел.	0,34	0,28	0,34	0,34	82,4	121,4	100,0	101,3	0
Производительность труда в стоимостном выражении, руб. / чел.	1 982	3 786	2 957	1 278	191,0	78,1	43,2	104,1	–704
Коэффициент конкурентоспособности доходов сотрудников, ед.	0,79	0,72	0,68	0,81	91,1	94,4	119,1	101,6	0,02
Наличие программы развития предприятия, факт (да/нет)	нет	нет	нет	нет	—	—	—	—	—

Примечание: составлено авторами.

На основе данных табл. 3, содержащей значения показателей, темпы роста и абсолютные отклонения организационно-трудовых компонентов производственного потенциала, представляется возможным проследить их изменение во времени. Далее будет выполнен детальный анализ динамики каждого компонента и сформулированы выводы о его влиянии на производственный потенциал хозяйствующего субъекта. Также стоит отметить, что за весь наблюдаемый период отсутствует программа развития предприятия, направленная на совершенствование организационно-трудовых процессов и повышение эффективности использования имеющегося потенциала. Это обуславливает инерционный характер изменений показателей и может сдерживать рост производительности труда и улучшение конечных результатов деятельности. В последующем данные обстоятельства будут учтены при формулировании рекомендаций по повышению производственного потенциала предприятия.

В период с 2022 по 2025 г. показатель производительности труда в натуральном выражении не изменился, и составляет 0,34 т рыбы / чел., при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 82,4 %, 2024 г. — 121,4 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 100 %, средний темп роста равен 101,3 %. Исходя из этого, наблюдается тенденция к сохранению величины данного показателя на одном уровне при краткосрочном снижении в 2023 г., из чего следует, что устойчивого роста производительности труда на предприятии пока не происходит и требуется принятие мер по ее повышению.

Показатель производительности труда в стоимостном выражении изменился с 1 982 до 1 278 руб. / чел., при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 191 %, 2024 г. — 78,1 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 43,2 %, средний темп роста равен 104,1 %, абсолютное отклонение — –704 руб. / чел. Исходя из этого, наблюдается явная тенденция к снижению величины данного показателя по сравнению с достигнутыми в 2023—2024 гг. значениями и уровнем 2022 г.

В период с 2022 по 2025 г. показатель коэффициента конкурентоспособности доходов сотрудников изменился с 0,79 до 0,81 ед., при этом темпы роста по годам составили: 2023 г. — 91,1 %, 2024 г. — 94,4 %, по состоянию на 30 сентября 2025 г. — 119,1 %, средний темп роста

равен 101,6 %, абсолютное отклонение — +0,02 ед. Исходя из этого, наблюдается явная тенденция к увеличению величины данного показателя, из чего следует, что конкурентоспособность доходов сотрудников постепенно повышается, что способствует росту привлекательности труда на предприятии и создает предпосылки для удержания и привлечения квалифицированного персонала.

Необходимое условие конкурентного развития предприятий сферы воспроизводства водных биологических ресурсов — использование научно-технических и инновационных достижений [14, с. 393—394; 15]. Основная задача новых технологий — снижение себестоимости производства продукции и оказание услуг в данной деятельности, а также получение ряда других эффектов, позволяющих повысить конкурентоспособность предприятий рыбной отрасли региона (товарный вид продукции, ее потребительские свойства и др.) [16]. Согласно предоставленной информации ОАО «Югорский рыбноводный завод» не участвует в НИР и разработках в качестве заказчика/исполнителя, в т. ч. с привлечением финансирования; не осуществляет инновационную активность в сфере экологической составляющей.

Закключение

В результате систематизации эмпирических и статистических данных относительно объекта анализа выявлены тенденции по каждой компоненте производственного потенциала ОАО «Югорский рыбноводный завод». Предприятие в целом располагает достаточными объемами посадочного материала для реализации плановых объемов выращивания рыбы, однако нужно уделить внимание недопущению спадов в последующие периоды; предприятие активизировало обновление РМС, однако к 2025 г. данный процесс замедлился и требует дальнейшего усиления; эффективность использования кормов при содержании РМС возрастает, хотя рост коэффициента в 2025 г. указывает на необходимость дальнейшей оптимизации кормления; темпы наращивания биомассы РМС существенно замедляются (до 62,5 %), при этом эффективность выращивания РМС по возрастным группам постепенно повышается и условия их содержания в целом улучшаются; эффективность использования аквакультурной квоты при сборе

икры возрастает (116,7 %) и предприятие более полно реализует репродуктивный потенциал имеющегося маточного стада (116,7 %); эффективность инкубации (выход однодневных личинок от оплодотворенной икры, заложенной на инкубацию) ухудшилась (с 55 до 50 %), что может привести к сокращению объемов получаемой молоди и снижению производственного потенциала хозяйства на последующих этапах выращивания.

По результатам анализа показателей финансовой компоненты производственного потенциала, можно сделать следующие выводы: прибыльность, эффективность использования ресурсов и финансовая устойчивость предприятия остается подверженной колебаниям (38 до 37 %), что требует поиска резервов для устойчивого повышения финансовых результатов и принятия мер по оптимизации затрат и повышению доходности; наблюдается стабильная динамика темпов обновления основных фондов; предприятие в целом наращивает стоимость производственных мощностей за счет обновления и расширения производственного потенциала (с 104 до 110 %), несмотря на некоторое замедление темпов роста в последние годы.

Относительно организационно-трудовой, научно-технической и инновационной компоненты производственного потенциала рассматриваемого предприятия также прове-

ден детальный анализ динамики каждого компонента и сформулированы выводы о его влиянии на производственный потенциал хозяйствующего субъекта. При этом показатели производительности труда, конкурентоспособности доходов сотрудников повышаются как в натуральном, так и в стоимостном выражении. Однако согласно предоставленной информации ОАО «Югорский рыболовный завод» не участвует в научно-исследовательских работах и разработках в качестве заказчика/исполнителя, в т. ч. с привлечением финансирования и не осуществляет инновационную активность в сфере экологической составляющей.

Таким образом, по каждой компоненте производственного потенциала ОАО «Югорский рыболовный завод» произведен комплексный анализ динамики показателей, дана интерпретация полученных результатов, на данной основе выявлены и описаны тенденции и проблемные аспекты функционирования предприятия в будущих периодах, что может стать основой для принятия соответствующих управленческих решений. В дальнейшем требуется уточнение подходов к формированию прогнозных значений показателей и параметров производственного потенциала предприятий рыбной отрасли с учетом институциональной среды региона и возможностей актуализации стратегии развития предприятия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Каландарова Н. Н., Амирдинова М. Т. Рейтинговая оценка финансового состояния предприятия // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 5. С. 114—117.
2. Ваславская И. Ю., Куриков В. М., Хадасевич Н. Р., Золотова Я. В. Финансовый потенциал предприятий реального сектора экономики региона: подходы к формированию и использованию // Экономическое развитие России. 2025. Т. 32. № 5. С. 283—287.
3. Мизринь Л. А., Русина Н. Э. Трансформация взглядов на национальную энергетическую безопасность в условиях деглобализации // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 13—22. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1492.
4. Мизринь Л. А., Карзаева Н. Н. Идентификация объекта устойчивого развития: политэкономический подход // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 1(70). С. 94—101. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1223.
5. Безручко Д. С., Дмитриев Н. Д., Зайцев А. А., Унгвари Л. Применение методов финансового моделирования для проведения оценки бизнеса // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 2(67). С. 13—20. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.67.940.
6. Труба А. С., Труба М. А., Акимов Е. Б. Тенденции трансформации отрасли пресноводной аквакультуры в России: экономический аспект // Вопросы рыболовства. 2025. Т. 26. № 2. С. 177—190. DOI: 10.36038/0234-2774-2025-26-2-177-190.
7. Труба А. С., Шелковников С. А., Ходос Д. В., Королева К. С. Совершенствование организационно-экономического механизма устойчивого развития рыбной отрасли (на материалах Ленинградской области). М. : ВНИРО, 2023. 1724 с.
8. Королева К. С. Совершенствование организационно-экономического механизма устойчивого развития рыбной отрасли (на материалах Ленинградской области) : дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск, 2022. 237 с.
9. Александров А. В., Королева К. С. Рыбохозяйственный комплекс как интеграция экологического, социального и экономического пространства // Дискуссия. 2023. № 6(121). С. 28—38.
10. Кулаженко И. Н. Повышение эффективности функционирования рыбоперерабатывающего производства в условиях конкуренции : дис. ... канд. экон. наук. Новосибирск 2022. 178 с.
11. Лебедева И. Д., Грошева Т. А., Воронцов Н. О. Развитие сферы воспроизводства водных биологических ресурсов в Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе Тюменской области на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры: динамика основных экономических показателей за период 2019—2023 гг. // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 3(59). С. 277—279.
12. Лебедева И. Д., Грошева Т. А., Воронцов Н. О. Разработка методики анализа современного состояния функционирования предприятий в сфере воспроизводства водных биологических ресурсов в Обь-Иртышском рыбохозяйственном районе // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 3(59). С. 279—283.
13. Труба М. А. Совершенствование организационно-экономического механизма развития пресноводной аквакультуры : дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург. 2023. 193 с.
14. Александров А. В., Ходос Д. В. Управление устойчивым развитием промышленных предприятий в России // Глобальный научный потенциал. 2023. № 11(152). С. 392—397.
15. Труба М. А. Концептуальное видение перспектив развития организационно-экономического механизма развития пресноводной аквакультуры в России // Вопросы рыболовства. 2023. Т. 24. № 2. С. 183—188. DOI: 10.36038/0234-2774-2023-24-2-183-188.
16. Неводова И. А., Акопов В. В., Барчо Д. Р. Анализ деятельности и конкурентоспособности предприятий // Естественно-гуманитарные исследования. 2024. № 1(51). С. 195—199.

REFERENCES

1. Kalandarova N. N., Amirdinova M. T. Rating evaluation of the financial state of the enterprise. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and business: theory and practice*. 2017;5:114—117. (In Russ.)
2. Vaslavskaya I. Yu., Kurikov V. M., Khadasevich N. R., Zolotova Ya. V. Financial potential of enterprises of the real sector of the regional economy: approaches to formation and utilization. *Ekonomicheskoe razvitie Rossii = Economic development of Russia*. 2025;32(5):283—287. (In Russ.)
3. Mierin L. A., Rusina N. E. Transforming views on national energy security in the context of deglobalization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;4(73):13—22. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1492.
4. Mierin L. A., Karzaeva N. N. Identification of the object of sustainable development: a political and economic approach. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;1(70):94—101. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.70.1223.
5. Bezruchko D. S., Dmitriev N. D., Zaytsev A. A., Ungvári L. Application of financial modeling methods for business valuation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2024;2(67):13—20. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2024.67.940.
6. Truba A. S., Truba M. A., Akimov E. B. Trends in the transformation of the freshwater aquaculture industry in Russia: an economic aspect. *Voprosy rybolovstva = Problems of Fisheries*. 2025;26(2):177—190. (In Russ.) DOI: 10.36038/0234-2774-2025-26-2-177-190.
7. Truba A. S., Shelkovnikov S. A., Khodos D. V., Koroleva K. S. Improvement of the organizational and economic mechanism for sustainable development of the fish industry (based on the materials of the Leningrad Region). Moscow, Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography publ., 2023. 1724 p. (In Russ.)
8. Koroleva K. S. Improving the organizational and economic mechanism for sustainable development of the fishing industry (based on the materials of the Leningrad Region). Diss. of the Cand. of Economics. Novosibirsk, 2022. 237 p. (In Russ.)
9. Alexandrov A. V., Koroleva K. S. Fisheries complex as integration of ecological, social and economic space. *Diskussiya = Discussion*. 2023;6(121):28—38. (In Russ.)
10. Kulazhenok I. N. Improving the efficiency of fish processing production in a competitive environment. Diss. of the Cand. of Economics. Novosibirsk, 2022. 178 p. (In Russ.)
11. Lebedeva I. D., Grosheva T. A., Vorontsov N. O. Development of the sphere of aquatic biological resources re-production in the Ob-Irtysh fishery area of the Tyumen Region on the example of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug - Yugra: dynamics of the main economic indicators for the period 2019-2023. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*. 2025;3(59):277—279. (In Russ.)
12. Lebedeva I. D., Grosheva T. A., Vorontsov N. O. Development of a methodology for analyzing the current state of functioning of enterprises in the sphere of aquatic biological resources reproduction in the Ob-Irtysh fishery region. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*. 2025;3(59):279—283. (In Russ.)
13. Truba M. A. Improvement of the organizational and economic mechanism for the development of freshwater aquaculture. Diss. of the Cand. of Economics. Yekaterinburg, 2023. 193 p. (In Russ.)
14. Aleksandrov A. V., Khodos D. V. Promising ways to ensure sustainable development of the Russian industry. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global scientific potential*. 2023;11(152):392—397. (In Russ.)
15. Truba M. A. Conceptual vision of the development prospects of the organizational and economic mechanism of development freshwater aquaculture in Russia. *Voprosy rybolovstva = Problems of Fisheries*. 2023;24(2):183—188. (In Russ.) DOI: 10.36038/0234-2774-2023-24-2-183-188.
16. Nevodova I. A., Akopov V. V., Barcho D. R. Analysis of the activities and competitiveness of enterprises. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*. 2024;1(51):195—199. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 14.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья
УДК 339.543:343.37
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1557

Guzelia Faritovna Murtazina

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of History
and Methods of Teaching It,
Naberezhnye Chelny State
Pedagogical University;
Associate Professor of the Department of Customs,
Naberezhnye Chelny Institute (branch)
of the Kazan (Volga Region) Federal University
Naberezhnye Chelny, Russian Federation
g.f.murtazina@gmail.com

Гузелия Фаритовна Муртазина

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры истории
и методики ее преподавания,
Набережночелнинский государственный
педагогический университет;
доцент кафедры таможенного дела,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета
Набережные Челны, Российская Федерация
g.f.murtazina@gmail.com

Rezeda Gazinurovna Khairullina

Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Customs,
Naberezhnye Chelny Institute (branch)
of the Kazan (Volga Region) Federal University
Naberezhnye Chelny, Russian Federation
rezeda-x@mail.ru

Резеда Газинуровна Хайруллина

канд. юрид. наук,
доцент кафедры таможенного дела,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского (Приволжского) федерального университета
Набережные Челны, Российская Федерация
rezeda-x@mail.ru

ПЛАТФОРМИЗАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ И УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ РИСКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

5.2.1 — Экономическая теория
5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов платформизации таможенного администрирования в Российской Федерации и странах Евразийского экономического союза с позиций экономической теории и уголовно-правовой науки. Авторы анализируют экономические механизмы функционирования цифровых платформ, создающих условия для незаконного оборота товаров и технологий двойного назначения. Актуальность темы обусловлена масштабной цифровой трансформацией деятельности Федеральной таможенной службы России и одновременным усложнением механизмов совершения таможенных преступлений в условиях платформенной экономики. Цель исследования состоит в выявлении экономических эффектов перехода к платформенной модели таможенного администрирования и систематизации уголовно-правовых рисков, возникающих в процессе данной трансформации и представляющих угрозу национальной безопасности государства. Методологическую основу составили системный подход, институциональный анализ, методы сравнительно-правового исследования, а также статистический анализ данных правоохранительной деятельности таможенных органов. Проведен анализ эволюции таможенного администрирования от автоматизации отдельных

операций к формированию целостной цифровой платформы. Установлено, что действующая нормативно-правовая база Российской Федерации не в полной мере адаптирована к специфике цифровой среды, в которой субъекты экспортного контроля приобретают сетевой, транснациональный и анонимный характер. Выявлены противоречия между экономической эффективностью платформенных решений и возрастанием уголовно-правовых рисков, связанных с контрабандой, уклонением от уплаты таможенных платежей, использованием подложных документов при совершении валютных операций. Предложена авторская классификация уголовно-правовых рисков в условиях платформизации таможенного контроля. Обоснованы направления совершенствования правового регулирования и организационных механизмов обеспечения национальной безопасности в сфере внешнеэкономической деятельности государства.

Ключевые слова: платформизация, таможенное администрирование, цифровая трансформация, экономические эффекты, уголовно-правовые риски, национальная безопасность, контрабанда, Федеральная таможенная служба, платформенная экономика, внешнеэкономическая деятельность, уклонение от уплаты таможенных платежей, цифровая платформа

Для цитирования: Муртазина Г. Ф., Хайруллина Р. Г. Платформизация таможенного администрирования: экономические эффекты и уголовно-правовые риски обеспечения национальной безопасности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 90—96. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1557.

Original article

PLATFORMIZATION OF CUSTOMS ADMINISTRATION: ECONOMIC EFFECTS AND CRIMINAL-LEGAL RISKS FOR ENSURING NATIONAL SECURITY

5.2.1 — Economic theory

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. This article examines the platformization of customs administration in the Russian Federation and the Eurasian Economic Union from the perspective of economic theory and criminal law. The authors analyze the economic mechanisms underlying digital platforms, which facilitate the illicit trafficking of dual-use goods and technologies. The relevance of this topic stems from the large-scale digital transformation of the Federal Customs Service of Russia and the simultaneous increasing complexity of customs crimes committed in the platform economy. The purpose of the study is to identify the economic effects of the transition to a platform-based customs administration model and to systematize the criminal law risks arising during this transformation and posing a threat to national security. The methodological framework is based on a systems approach, institutional analysis, comparative legal research methods, and statistical analysis of customs law enforcement data. An analysis of the evolution of customs administration from the automation of individual operations

to the formation of a comprehensive digital platform is conducted. It is established that the current regulatory framework of the Russian Federation is not fully adapted to the specifics of the digital environment, in which export control entities are becoming networked, transnational, and anonymous. Contradictions are identified between the economic efficiency of platform solutions and the increasing criminal risks associated with smuggling, customs evasion, and the use of forged documents in foreign exchange transactions. A classification of criminal risks in the context of the platformization of customs control is proposed. Directions for improving legal regulation and organizational mechanisms for ensuring national security in the sphere of the state's foreign economic activity are substantiated.

Keywords: platformization, customs administration, digital transformation, economic effects, criminal-legal risks, national security, smuggling, Federal Customs Service, platform economy, foreign economic activity, evasion of customs duties, digital platform

For citation: Murtazina G. F., Khairullina R. G. Platformization of customs administration: economic effects and criminal-legal risks for ensuring national security. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):90—96. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1557.

Введение

Актуальность. Современный этап развития мировой экономики характеризуется глубокой трансформацией институциональной среды под воздействием платформенных бизнес-моделей. Платформенная экономика, зародившаяся в секторе коммерческих цифровых услуг, постепенно распространяет свою логику на сферу государственного управления, включая такие ключевые области, как таможенное администрирование [1]. Федеральная таможенная служба (далее — ФТС) России реализует масштабную Стратегию развития до 2030 г., предусматривающую полномасштабную цифровизацию и автоматизацию таможенных процедур, переход к бесконтактному выпуску товаров и транспортных средств с применением высокоинтеллектуальных систем и алгоритмов. Премьер-министр РФ М. В. Мишустин на встрече с руководителем ФТС России В. И. Пикалевым особо подчеркнул, что платформенная экономика создает сложные логистические условия, в которых таможенные органы должны владеть всеми цифровыми инструментами.

Вместе с тем платформизация таможенного администрирования порождает не только позитивные экономические эффекты, но и качественно новые уголовно-правовые риски. По данным ФТС России, в 2024 г. таможенными органами было возбуждено 1 923 уголовных дела, из которых 823 — по фактам контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов. В 2025 г. эта динамика усилилась: за год возбуждено 1 848 уголовных дел, причем 924 дела — по фактам контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов, сильнодействующих веществ, вооружения [ст. 226.1 Уголовного кодекса (далее — УК) РФ]. Данные

цифры свидетельствуют о нарастании угроз экономической и национальной безопасности, что требует комплексного междисциплинарного анализа на стыке экономической науки и уголовного права.

Изученность проблемы. Изучение экономического анализа платформизации таможенного администрирования и уголовно-правовых инструментов борьбы с незаконным вывозом объектов экспортного контроля в России недостаточно освещено в диссертациях и монографиях последних лет и носит фрагментарный характер. Теоретической основой исследования выступают работы отечественных и зарубежных ученых, посвященные проблемам платформенной экономики и правового регулирования экспортного контроля. В экономической науке вопросы платформизации государственного управления рассмотрены в работах И. З. Гелисханова, Т. Н. Юдиной, А. В. Бабкина [2], Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой, Л. Х. Синятуллиной [3]. Проблематика цифровой трансформации таможенных органов исследована Н. В. Городновой [4]. Правовые аспекты экспортного контроля в условиях цифровизации рассматривались в трудах М. М. Звягина [5; 6], а также в исследовании О. А. Глобенко, Н. А. Шеяфетдиновой, А. А. Соловьева [7]. В уголовно-правовой доктрине вопросы квалификации таможенных преступлений разрабатывались А. А. Никифоровой [8], К. В. Мордвиновым, У. А. Удавихиной [9]. В целом, изучению преступлений в сфере таможенного дела посвящены работы М. А. Калягина, З. Ю. Комогорцевой [10], К. А. Полудиной [11]. Однако комплексных исследований, объединяющих экономический анализ платформизации таможенного администрирования с систематизацией уголовно-правовых рисков для национальной

безопасности, в научной литературе практически не представлено, что определяет научную новизну настоящей работы.

Научная новизна исследования заключается в разработке междисциплинарного подхода к анализу платформизации таможенного администрирования, позволяющего выявить экономические эффекты цифровой трансформации и одновременно систематизировать уголовно-правовые риски, сопряженные с данным процессом. Впервые предложена авторская классификация уголовно-правовых рисков, возникающих в условиях перехода таможенных органов к платформенной модели функционирования.

Цель исследования — выявление экономических эффектов платформизации таможенного администрирования и систематизация уголовно-правовых рисков, угрожающих национальной безопасности в условиях цифровой трансформации таможенных органов.

Задачи исследования:

- 1) раскрыть содержание и этапы платформизации таможенного администрирования в Российской Федерации;
- 2) оценить экономические эффекты перехода к платформенной модели;
- 3) выявить и классифицировать уголовно-правовые риски, обусловленные платформизацией;
- 4) обосновать направления совершенствования правового регулирования и организационных механизмов обеспечения национальной безопасности.

Теоретическая значимость работы состоит в формировании междисциплинарного понятийного аппарата, связывающего категории платформенной экономики с институтами уголовного права в контексте таможенного регулирования. **Практическая значимость** определяется возможностью использования полученных результатов при разработке мер государственной политики в области таможенного администрирования и совершенствовании уголовного законодательства в части противодействия преступлениям во внешнеэкономической сфере.

Основная часть

Методологическую основу исследования составляет системный подход, позволяющий рассмотреть платформизацию таможенного администрирования как целостный процесс, охватывающий экономическую, технологическую, организационную и правовую составляющие. Институциональный анализ применен для выявления характера трансформации институтов таможенного регулирования при переходе к платформенной модели [12]. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления нормативных подходов к регулированию цифровых таможенных платформ в рамках ЕАЭС.

Эмпирическую базу исследования составили: нормативные правовые акты Российской Федерации и Евразийского экономического союза в области таможенного регулирования (Таможенный кодекс ЕАЭС, Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г.); статистические данные ФТС России о результатах правоохранительной деятельности за 2022—2025 гг.; ведомственная программа цифровой трансформации ФТС на 2022—2024 гг. (утв. Приказом ФТС России от 13 января 2022 г. № 7); материалы судебной практики по делам о таможенных преступлениях.

Статистический метод применен для анализа динамики возбуждения уголовных дел таможенными органами. Метод экспертных оценок задействован при определении экономических эффектов платформизации. Классификационный метод использован для систематизации уголовно-правовых рисков по критериям характера угрозы, объекта посягательства и способа совершения противоправных деяний в условиях цифровой среды.

Результаты исследования. Платформизация таможенного администрирования представляет собой процесс институциональной трансформации деятельности таможенных органов, основанный на внедрении платформенных принципов организации взаимодействия между участниками внешнеэкономической деятельности, государственными контролирующими органами и информационными системами. В отличие от автоматизации, которая предполагает перенос существующих процедур в электронный формат, платформизация предполагает качественное изменение архитектуры взаимодействия, создание единого цифрового пространства с многосторонними сетевыми эффектами.

Эволюция таможенного администрирования в Российской Федерации прошла через несколько этапов. Первый этап (2008—2014 гг.) был связан с переходом к электронному декларированию. В сентябре 2008 г. была подана первая таможенная декларация по сети «Интернет», а к 2014 г. электронное декларирование стало обязательным в силу закона [13]. Второй этап (2014—2018 гг.) характеризовался созданием центров электронного декларирования и концентрацией таможенных операций. Третий этап (с 2018 г. по настоящее время) представляет собой собственно платформизацию — формирование интегрированной цифровой платформы, объединяющей системы управления рисками, автоматического выпуска товаров, межведомственного электронного взаимодействия и аналитики больших данных [14].

Ключевым элементом платформизации стала Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 г., определяющая стратегической целью полномасштабную цифровизацию и автоматизацию, цифровую трансформацию технологий таможенного оформления и контроля, внедрение искусственного интеллекта [15]. В рамках реализации Стратегии ФТС осуществила масштабную реорганизацию центрального аппарата с созданием семи функциональных блоков и специализированного аналитического центра для построения «умной» таможенной службы. Годовые расходы ФТС на цифровую трансформацию достигли 2,9 млрд руб., что свидетельствует о масштабности инвестиций в платформенные решения.

Экономические эффекты платформизации таможенного администрирования целесообразно анализировать на двух уровнях: макроэкономическом (уровень народного хозяйства) и микроэкономическом (уровень участников внешнеэкономической деятельности).

На макроэкономическом уровне платформизация обеспечивает ряд значимых эффектов. Во-первых, сокращение транзакционных издержек внешней торговли. Переход к автоматическому выпуску товаров, когда решение о выпуске принимается информационной системой без участия должностного лица, существенно ускоряет товарооборот. По данным ФТС России, доля автоматически выпущенных деклараций на товары неуклонно возрастает,

что непосредственно влияет на сокращение времени совершения таможенных операций [16; 17]. Во-вторых, формирование единой информационной среды создает условия для повышения собираемости таможенных платежей как одного из ключевых источников доходов федерального бюджета. В-третьих, платформенная модель способствует повышению транспарентности таможенных процедур и снижению коррупционных рисков, поскольку цифровая среда минимизирует непосредственные контакты между участниками ВЭД и должностными лицами таможенных органов [4].

На микроэкономическом уровне платформизация создает условия для снижения затрат участников ВЭД на выполнение таможенных формальностей, ускорения логистических цепочек и повышения предсказуемости регулятивной среды. Принцип «одного окна» (*single window*), реализуемый в рамках цифровой платформы, позволяет участникам ВЭД взаимодействовать с различными контролирующими органами посредством единого интерфейса, что существенно снижает административную нагрузку.

Вместе с тем следует отметить, что сетевые эффекты, характерные для платформенных рынков, проявляются в таможенном администрировании специфическим образом. В отличие от коммерческих платформ, где рост числа пользователей на одной стороне рынка повышает ценность платформы для другой стороны, государственная таможенная платформа является инфраструктурной платформой с обязательным участием. Это означает, что сетевые эффекты здесь носят не рыночный, а институциональный характер: подключение новых участников (ведомств, информационных систем, торговых партнеров) повышает эффективность контроля и качество оценки рисков [3].

Платформизация таможенного администрирования, порождая позитивные экономические эффекты, одновременно трансформирует ландшафт уголовно-правовых рисков в сфере внешнеэкономической деятельности. Статистические данные свидетельствуют об устойчивой динамике роста таможенных преступлений. Если в первом полугодии 2024 г. ФТС России возбудила 1 182 уголовных дела (444 — по ст. 226.1 УК РФ), то в первом полугодии 2025 г. — уже 1 163 дела (575 — по ст. 226.1 УК РФ), что означает рост числа дел о контрабанде стратегически важных товаров почти на 30 %. По итогам 2025 г. таможенными органами возбуждено 1 848 уголовных дел, из которых 924 — по фактам контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов.

На основе проведенного анализа нами предлагается классификация уголовно-правовых рисков в условиях платформизации таможенного администрирования по трем группам.

Первая группа — *риски, обусловленные эксплуатацией уязвимостей цифровой платформы*. Переход к автоматическому выпуску товаров создает возможности для манипулирования данными таможенных деклараций с целью прохождения автоматического контроля без участия должностного лица. Недостоверное декларирование, осуществляемое путем умышленного введения таможенного органа в заблуждение на основании предъявленных документов и деклараций, может квалифицироваться по ст. 226.1 УК РФ (контрабанда) при установлении соответствующего умысла. Алгоритмическая природа систе-

мы управления рисками делает возможным ее «обучение» недобросовестными участниками ВЭД: систематическое формирование определенного профиля деклараций может привести к попаданию в «зеленый коридор» автоматического выпуска, что открывает канал для контрабандных операций.

Вторая группа — *риски, связанные с трансформацией способов совершения традиционных таможенных преступлений*. Платформизация не устраняет, а модифицирует механизмы совершения таких преступлений, как уклонение от уплаты таможенных платежей (ст. 194 УК РФ), совершение валютных операций по переводу денежных средств на счета нерезидентов с использованием подложных документов (ст. 193.1 УК РФ), контрабанда наличных денежных средств (ст. 200.1 УК РФ). В 2025 г. таможенными органами возбуждено 250 уголовных дел по фактам уклонения от уплаты таможенных платежей, 206 дел — по фактам использования подложных документов при валютных операциях. Цифровая среда создает новые возможности для подделки электронных документов, использования «фирм-однодневок» в схемах трансграничного перемещения товаров, занижения таможенной стоимости посредством манипулирования данными в информационных системах.

Третья группа — *системные риски, угрожающие национальной безопасности*. Концентрация критических информационных ресурсов на единой цифровой платформе создает риски кибератак и технологических сбоев. Примечательно, что в практике ФТС России уже фиксировались случаи сбоев в информационных системах, приводивших к затруднению таможенного оформления. Кроме того, интеграция таможенной платформы с информационными системами стран — членов ЕАЭС порождает трансграничные риски утечки стратегически значимой информации о товарных потоках, участниках ВЭД и применяемых методах контроля. В условиях санкционного давления на Российскую Федерацию эти риски приобретают особую остроту, поскольку информация о структуре импорта может быть использована для ужесточения ограничительных мер.

Особого внимания заслуживает проблема контрабанды стратегически важных товаров и ресурсов. Перечень стратегически важных товаров определен Постановлением Правительства РФ от 13 сентября 2012 г. № 923. В 2025 г. именно контрабанда товаров данных категорий составила наибольшую долю в структуре таможенных преступлений, предметами которых преимущественно являлись лес и лесоматериалы, автотранспортные средства, сильнодействующие вещества. Платформизация таможенного администрирования, с одной стороны, создает инструменты для более эффективного выявления контрабандных схем через анализ больших данных и применение алгоритмов искусственного интеллекта, а с другой стороны, вынуждает преступные сообщества адаптировать свои методы, используя цифровые технологии для сокрытия противоправной деятельности [18].

Выявленные противоречия между экономическими эффектами и уголовно-правовыми рисками платформизации таможенного администрирования требуют комплексного подхода к их разрешению.

Во-первых, необходимо совершенствование уголовного законодательства в части учета специфики преступлений, совершаемых с использованием цифровых таможенных

платформ. Действующие нормы УК РФ, регламентирующие ответственность за таможенные преступления (ст. 194, 200.1, 226.1, 229.1), были сформулированы преимущественно для условий «бумажного» документооборота и личного взаимодействия участников ВЭД с таможенными органами. Федеральный закон от 11 марта 2024 г. № 43-ФЗ внес изменения в ряд статей, дифференцировав ответственность за контрабанду, однако проблема квалификации деяний, совершаемых путем манипулирования данными в автоматизированных информационных системах, остается нерешенной.

Во-вторых, требуется развитие механизмов межведомственного взаимодействия в рамках единой цифровой платформы. Интеграция информационных систем ФТС России, Федеральной налоговой службы, Росфинмониторинга и правоохранительных органов позволит обеспечить сквозной контроль внешнеэкономических операций и своевременное выявление признаков таможенных преступлений на этапе, предшествующем фактическому перемещению товаров через таможенную границу [19].

В-третьих, необходимо формирование специализированных компетенций у сотрудников таможенных органов, осуществляющих правоохранительную деятельность в условиях цифровой среды. На факультете таможенного дела Института права и национальной безопасности РАНХиГС уже реализуется проект Федеральной инновационной площадки, направленный на цифровизацию логистических процессов ВЭД посредством применения информационных таможенных технологий на основе углубленного анализа баз данных [20]. Развитие подобных образовательных программ представляется стратегически важным направлением обеспечения кадровой готовности к функционированию в условиях платформенной модели таможенного администрирования.

В-четвертых, следует развивать механизмы государственно-частного партнерства в области кибербезопасности таможенной инфраструктуры. Построение «умной» таможни требует привлечения компетенций частного сектора в разработке и тестировании защитных систем при одновременном обеспечении государственного суверенитета над критической информационной инфраструктурой. Переход ФТС России на отечественные программные и аппаратные решения, включая замену оборудования иностранного производства, является важным шагом в данном направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Паркер Дж., ван Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. Как сетевые рынки меняют экономику — и как заставить их работать на вас / пер. с англ. Е. Пономаревой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. 304 с.
2. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 22—36. DOI: 10.18721/JE.11602.
3. Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Синятуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 31—60.
4. Городнова Н. В. Построение цифровой «умной» таможни как эффективный инструмент противодействия коррупции // Экономические отношения. 2023. Т. 13. № 4. С. 873—891. DOI: 10.18334/eo.13.4.118527.
5. Звягин М. М. Правовое регулирование экспортного контроля в Российской Федерации // Современное право. 2019. № 4. С. 34—38. DOI: 10.25799/N1.2019.64.71.002.
6. Звягин М. М. Административно-правовое регулирование экспортного контроля // Российская юстиция. 2019. № 6. С. 52—54.
7. Глобенко О. А., Шеяфетдинова Н. А., Соловьев А. А. «Цифровое право» vs «цифровизация права» // Государство и право. 2023. № 4. С. 66—71. DOI: 10.31857/S102694520024844-9.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Платформизация таможенного администрирования представляет собой качественно новый этап цифровой трансформации, отличающийся от автоматизации отдельных операций формированием единого цифрового пространства взаимодействия с многосторонними сетевыми эффектами институционального характера. Эволюция таможенного администрирования в России прошла путь от первой электронной декларации (2008 г.) до построения интегрированной платформы на основе искусственного интеллекта и больших данных.

2. Экономические эффекты платформизации проявляются на макроэкономическом уровне в сокращении трансакционных издержек внешней торговли, повышении собираемости таможенных платежей и снижении коррупционных рисков; на микроэкономическом уровне — в снижении затрат участников ВЭД и ускорении логистических цепочек. Специфика государственной таможенной платформы состоит в обязательном характере участия и институциональной природе сетевых эффектов.

3. Вместе с тем платформизация порождает качественно новые уголовно-правовые риски, классифицированные нами в три группы: риски эксплуатации уязвимостей цифровой платформы, риски трансформации способов совершения традиционных таможенных преступлений и системные риски национальной безопасности. Статистические данные свидетельствуют об устойчивой динамике роста таможенных преступлений: в 2025 г. возбуждено 1 848 уголовных дел, из которых 924 — по контрабанде стратегически важных товаров.

Заключение

Разрешение выявленных противоречий между экономической эффективностью и уголовно-правовыми рисками требует комплексного подхода, включающего совершенствование уголовного законодательства с учетом специфики цифровой среды, развитие межведомственной интеграции информационных систем, формирование специализированных кадровых компетенций и укрепление кибербезопасности таможенной инфраструктуры. Данные направления определяют перспективы дальнейших исследований на стыке экономической теории и уголовно-правовой науки в интересах обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

8. Мордвинов К. В., Удавихина У. А. Киберпреступность в России: актуальные вызовы и успешные практики борьбы с киберпреступностью // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2022. № 1. С. 83—88. DOI: 10.22394/2686-7834-2022-1-83-88.
9. Никифорова А. А. Преступления в сфере внешнеэкономической деятельности, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, как угроза экономики в XXI веке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 1(69). С. 296—298.
10. Калягин М. А., Комогорцева З. Ю. Пресечение таможенными органами преступлений в области таможенного дела // Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела : сб. докл. VII Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2024. С. 86—90.
11. Полудина К. А. Совершенствование мер по предупреждению преступлений в сфере таможенного дела // Молодой ученый. 2024. № 21(520). С. 560—563.
12. Беломестнов В. Г., Бурмасков М. А., Куприянова И. Г. Институциональные изменения в экономике и проблема устойчивости функционирования экономических систем // Социально-экономическое развитие России и Монголии: проблемы и перспективы : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию установления дипломат. отношений между Россией и Монголией. Улан-Удэ : Изд-во ВСГУТУ, 2021. С. 25—29.
13. Ильченко Ю. С., Печникова А. Г. Эффективность перехода в цифровой и автоматизированный формат таможенного администрирования // Молодые ученые — развитию Национальной технологической инициативы (ПОИСК — 2023) : нац. (с междунар. участием) молодеж. науч.-техн. конф. : сб. материалов. Иваново : ИВГПУ, 2023. С. 923—926.
14. Желонкина В. Р. Цифровые платформы для взаимодействия бизнеса и государства: как сотрудничество способствует развитию экономики // XXXVII Международные Плехановские чтения : сб. ст. участников конф. : в 4 т. М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2024. Т. 2. С. 60—65.
15. Куц А. В., Фирсов В. С., Маклакова В. Е. Цифровизация стратегических отраслей экономики для обеспечения технологической безопасности // Modern Economy Success. 2022. № 1. С. 37—42.
16. Зиманова М. А. Прорывные технологии в модернизации таможенного контроля в интеллектуальных пунктах пропуска // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9. № 2. С. 47—50.
17. Зиманова М. А. Нормативно-правовые аспекты и перспективы развития электронной таможни в условиях цифровой трансформации // Бюллетень инновационных технологий. 2025. Т. 9. № 1. С. 53—58.
18. Мойсеева У. А. Особенности взаимодействия таможенных органов и участников ВЭД в рамках применения информационных технологий // Форум молодежной науки. 2021. Т. 2. № 4. С. 67—74.
19. Вакорина Е. А., Вакорин Д. В. Межведомственное взаимодействие в целях совершенствования таможенного контроля // Вестник Российской таможенной академии. 2019. № 3. С. 15—23.
20. Корнилова С. В. Единая автоматизированная информационная система таможенных органов (ЕАИС ТО) как основа цифровой платформы таможенных технологий // Экономика и предпринимательство. 2023. № 3(152). С. 1361—1365. DOI: 10.34925/EIP.2023.152.3.273.

REFERENCES

1. Parker G. G., Van Alstyne M. W., Choudary S. P. Platform Revolution. How Networked Markets Are Transforming the Economy - And How to Make Them Work. New York, W. W. Norton & Company, 2016. xiii + 336 p.
2. Geliskhanov I. Z., Yudina T. N., Babkin A. V. Digital platforms in economics: essence, models, development trends. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Ekonomicheskie nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2018;11(6):22—36. (In Russ.) DOI: 10.18721/JE.11602.
3. Styrin E. M., Dmitrieva N. E., Sinyatullina L. H. Government digital platform: from concept to implementation. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2019;4:31—60. (In Russ.)
4. Gorodnova N. V. Building a digital smart customs as an effective tool to combat corruption. *Ekonomicheskie otnosheniya = Journal of International Economic Affairs*. 2023;13(4):873—891. (In Russ.) DOI: 10.18334/eo.13.4.118527.
5. Zviagin M. M. Legal regulation of export controls in Russian Federation. *Sovremennoe pravo*. 2019;4:34—38. (In Russ.) DOI: 10.25799/NI.2019.64.71.002.
6. Zvyagin M. M. Administrative and legal regulation of export control. *Rossiiskaya yustitsiya*. 2019;6:52—54. (In Russ.)
7. Globenko O. A., Sheyafetdinova N. A., Solovyev A. A. “Digital law” vs. “digitalization of law”. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*. 2023;4:66—71. (In Russ.) DOI: 10.31857/S102694520024844-9.
8. Mordvinov K. V., Udavikhina U. A. Cybercrime in Russia: current challenges and good practices in combating cybercrime. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Law*. 2022;1:83—88. (In Russ.) DOI: 10.22394/2686-7834-2022-1-83-88.
9. Nikiforova A. A. Crimes in the sphere of foreign economic activity committed using information and telecommunication networks as a threat to the economy in the 21st century. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2025;1(69):296—298. (In Russ.)
10. Kalyagin M. A., Komogortseva Z. Yu. Prevention of crimes in the field of customs by customs authorities. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki tamozhennogo dela = Actual problems of theory and practice of customs affairs. Collection of reports of the VII All-Russian scientific and practical conference*. Khabarovsk, Far Eastern State Transport University publ., 2024:86—90. (In Russ.)
11. Poludina K. A. Improving measures to prevent crimes in the field of customs affairs. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2024;21(520):560—563. (In Russ.)

12. Belomestnov V. G., Burmaskov M. A., Kupriyanova I. G. Institutional changes in the economy and the problem of sustainability of economic systems functioning. *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Rossii i Mongolii: problemy i perspektivy = Socio-economic development of Mongolia and Russia: problems and prospects. Proceedings of the VIII International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the establishment of diplomatic relations between Russia and Mongolia*. Ulan-Ude, East Siberia State University of Technology and Management publ., 2021:25—29. (In Russ.)
13. Il'chenko Yu. S., Pechnikova A. G. Efficiency of the transition to a digital and automated format of customs administration. *Molodye uchenye — razvitiyu Natsional'noi tekhnologicheskoi initsiativy = Young scientists - for the development of the National Technological Initiative (POISK — 2023)*. Ivanovo, Ivanovo State Polytechnic University publ., 2023:923—926. (In Russ.)
14. Zhelonkina V. R. Digital platforms for business and government interaction: how cooperation contributes to economic development. *XXXVII International Plekhanov Readings. Collection of articles by conference participants*. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics publ., 2024;2:60—65. (In Russ.)
15. Kuts A. V., Firsov V. S., Maklakova V. E. Digitalization of strategic sectors of the economy to ensure technosphere security. *Modern Economy Success*. 2022;1:37—42. (In Russ.)
16. Zimanova M. A. Breakthrough technologies in the modernization of customs control at intelligent checkpoints. *Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii = Bulletin of innovative technologies*. 2025;9(2):47—50. (In Russ.)
17. Zimanova M. A. Legal framework and development prospects of electronic customs in the context of digital transformation. *Byulleten' innovatsionnykh tekhnologii = Bulletin of innovative technologies*. 2025;9(1):53—58. (In Russ.)
18. Moiseeva U. A. Features of interaction between customs authorities and foreign trade participants in the application of information technologies. *Forum molodezhnoi nauki*. 2021;2(4):67—74. (In Russ.)
19. Vakorina E. A., Vakorin D. V. Interdepartmental interaction to improve customs control. *Vestnik Rossiiskoi tamozhennoi akademii. = Vestnik of Russian Customs Academy*. 2019;3:15—23. (In Russ.)
20. Kornilova S. V. The Unified Automated Information System of Customs Authorities (UAIS) as the basis of the digital platform of customs technologies. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Journal of Economy and entrepreneurship*. 2023;3(152):1361—1365. (In Russ.) DOI: 10.34925/EIP.2023.152.3.273.

Статья поступила в редакцию 20.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 20.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 332.135
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1553

Lemi Akhmedovich Musaev
Candidate of Economics,
Associate Professor of the Department of Economics
and Enterprise Management,
Grozny State Oil Technical University
Grozny, Russian Federation
musaevla@mail.ru

Леми Ахмедович Мусаев
канд. экон. наук,
доцент кафедры «Экономика и управление на предприятии»,
Грозненский государственный нефтяной технический
университет имени академика М. Д. Миллионщикова
Грозный, Российская Федерация
musaevla@mail.ru

КОМПЛЕКСНАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕГИОНЕ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В современных условиях развития экономики регионы нуждаются в комплексной системе организационно-экономического обеспечения производственной интеграции для повышения конкурентоспособности, синергии ресурсов и устойчивого роста через создание и развитие производственных интеграционных образований, межрегиональных связей, цифровизацию и эффективное управление активами. Объединение предприятий и фирм в такие образования позволяет снизить транзакционные издержки, облегчает выход на новые рынки и доступ к капиталу/технологиям, а синергия общих интересов увеличивает общую эффективность и масштаб, что выгодно для всех участников. Кроме того, данная система обеспечивает механизмы для совместного использования ресурсов, финансирования НИОКР и быстрой внедрения новых технологий. В качестве ключевой комплексной системы организационно-экономического обеспечения развития производственных интеграционных образований в региональной экономике выступает организационно-экономический инструментарий. В статье представлена классификация инструментов по организационной, экономической и инновационно-цифровой составляющим. Также разработан архитектурный подход к формированию и развитию интеграционных структур в региональной экономике, основанный на системной увязке производственных, институцио-

нальных, управленческих и экономических компонентов. В отличие от традиционных кластерных или холдинговых моделей, предложенная архитектура не предполагает жесткой централизации управления, а ориентирована на гибкую комбинацию централизованных и децентрализованных механизмов координации. Это позволяет учитывать различия в масштабах, ресурсном потенциале и стратегических целях участников, а также повышает устойчивость интеграционной структуры в условиях неопределенности. Предложена многоуровневая модель организационно-экономической архитектуры регионального производственного интеграционного образования, позволяющая учитывать специфику регионального развития, степень интеграции участников и динамику межфирменных взаимодействий. Данная модель представляет собой структурированную систему для управления или анализа, действующую на основе иерархического подхода, гибко реагирующую на внешние изменения (адаптивность), гармонизирующую интересы всех вовлеченных сторон и сфокусированную на реализации ключевых региональных приоритетов развития.

Ключевые слова: производственное интеграционное образование, региональная экономика, организационно-экономический инструментарий, архитектура, инструменты, кластер, промышленная политика, модель, принципы, конкурентоспособность

Для цитирования: Мусаев Л. А. Комплексная система организационно-экономического обеспечения развития производственных интеграционных образований в регионе // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 97—103. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1553.

Original article

COMPREHENSIVE SYSTEM OF ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC SUPPORT FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL INTEGRATION ENTITIES IN THE REGION

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. In today's economic development environment, regions require a comprehensive system of organizational and economic support for industrial integration to enhance competitiveness, resource synergy, and sustainable growth through the creation and development of industrial integration entities, interregional ties, digitalization, and effective

asset management. The consolidation of enterprises and firms into such entities reduces transaction costs, facilitates entry into new markets and access to capital/technology, while the synergy of shared interests increases overall efficiency and scale, benefiting all participants. Furthermore, this system provides mechanisms for resource sharing,

R&D financing, and the rapid implementation of new technologies. Organizational and economic tools serve as a key integrated system for organizational and economic support for the development of industrial integration entities in the regional economy. This article presents a classification of tools based on organizational, economic, and innovative-digital components. An architectural approach to the formation and development of integration structures in the regional economy is also developed, based on the systematic linkage of production, institutional, managerial, and economic components. Unlike traditional cluster or holding models, the proposed architecture does not imply rigid centralization of management, but rather focuses on a flexible combination of centralized and decentralized coordination mechanisms. This allows for differences in scale,

resource potential, and strategic goals among participants, and increases the resilience of the integrated structure in the face of uncertainty. A multi-level model of the organizational and economic architecture of a regional production integration entity is proposed, taking into account the specifics of regional development, the degree of integration among participants, and the dynamics of interfirm interactions. This model represents a structured system for management or analysis, operating on a hierarchical approach, flexibly responding to external changes (adaptability), harmonizing the interests of all stakeholders, and focusing on the implementation of key regional development priorities.

Keywords: industrial integration entities, regional economy, organizational and economic tools, architecture, tools, cluster, industrial policy, model, principles, competitiveness

For citation: Musaev L. A. Comprehensive system of organizational and economic support for the development of industrial integration entities in the region. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):97—103. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1553.

Введение

Актуальность. Комплексная система организационно-экономического обеспечения развития регионального производственного интеграционного образования (далее — РПИО) является в сущности организационно-экономическим инструментарием или механизмом, который включает совокупность принципов, методов и мер для управления развитием, инновациями и обеспечением устойчивости данного интеграционного объединения. Для этого используются различные организационные структуры, экономические рычаги и инструменты.

Организационно-экономический инструментарий представляет собой набор конкретных средств в виде методов, рычагов, процедур и т. п., необходимых для управления и достижения целей РПИО. При этом инструменты выступают как составные части и «рычаги» организационно-экономического механизма, являющегося интегрированной системой использования этих средств. В данном контексте механизм не просто набор инструментов, а их применение на принципах системности и упорядоченности использования в конкретных условиях для эффективного управления и развития производственных систем, в т. ч. РПИО.

В условиях нарастающей конкуренции региональные экономики нуждаются в механизмах интеграции производственных, научных и инфраструктурных ресурсов.

Изученность проблемы. Вопросы организационно-экономического обеспечения развития интеграционных структур исследовались в работах, посвященных территориально-производственным комплексам и современным бизнес-группам. Труды известных ученых Н. Н. Колосовского и М. К. Бандмана составляют основу отечественной теории территориально-производственных комплексов. Современные исследователи, в числе которых В. Н. Лаженцев [1], П. В. Трифонов, А. А. Агеев и М. С. Чистяков [2], О. А. Унгаев [3], А. Н. Васильцова [4] предлагают адаптировать программно-целевой подход к рыночной экономике и использовать инфраструктурное обеспечение и межотраслевую кооперацию для повышения эффективности ресурсов.

Комплексная система метрик для управления региональными отраслевыми кластерами приведена в работе Н. В. Капустиной и А. А. Страхова [5].

Работа И. О. Теплова посвящена созданию системы обеспечения при проведении кластеризации экономических систем на основе формирования ряда подходов. Автор предлагает «...конкретизацию методологических положений тех подходов к кластеризации, которые способны обеспечить устойчивое развитие экономических систем, а именно субъектного, отраслевого, инновационного, социального, агломерационного, исходя из функции целеполагания» [6, с. 131].

Т. А. Головина и И. Л. Авдеева разработали методику оценки потенциала циркулярной экономики в Арктической зоне. Новые модели эффективного хозяйствования (к которым авторы относят и модель циркулярной экономики) «направлены на одновременное обеспечение экономического роста и сохранение экосистемы планеты» [7, с. 78]. Кластеризацию отраслей промышленности в исследуемой зоне предлагается разбить по следующим типам инноваторов: сильный, среднесильный, средний, среднеслабый и слабый. При этом авторы считают наиболее подходящим «использование интегрального показателя, объединяющего показатели инновационного развития отрасли и уровень внедрения технологий циркулярной экономики на промышленных предприятиях» [7, с. 82].

По мнению Н. В. Ермалинской, «сформировать достаточный методологический базис для выработки подходов к созданию и определению принципов развития многоотраслевых агропромышленных кооперативно-интегрированных структур с учетом их специфики позволяют научные положения (инструменты), представленные в разрезе организационно-производственного, процессного, системного и пространственного контекстов» [8, с. 66].

В работе Ф. Субоча для создания и функционирования научно-практических агропромышленных кластеров предлагается использовать организационно-методическое обеспечение с использованием научных организаций [9].

А. В. Павлова, рассматривая вопросы финансового обеспечения, предложила «модель организации государственной финансовой поддержки совместных проектов промышленных кластеров на основе каскадного финансирования» [10, с. 153].

П. Г. Грибов, отмечая важность современных технологий цифровизации для проектирования управленческих и социальных подсистем крупных организационно-экономических систем утверждает, что внедрение этих технологий

повышает информационную насыщенность, автоматизирует принятие решений и оптимизирует взаимодействие персонала, обеспечивая эффективность предприятий, корпораций и кластеров [11].

В работе М. Ф. Гуськовой и А. И. Смирнова [12] разработан алгоритм, включающий этапы диагностики, формирования, оценки эффективности (экономической, транспортной, синергетической) и корректировки функционирования трансграничных кластеров.

М. С. Сафаргалиев отмечает: «Организация распределенных производственных систем предполагает рассмотрение организационной структуры управления и инструментов управляющего воздействия как совокупность форм и методов взаимодействия субъектов и объектов управления, оказывающих влияние на участников распределенных образований» [13, с. 35—36].

В. М. Седельников рекомендует организационно-экономический механизм реализации стратегии компании, «который, в отличие от уже существующих, включает в себя совокупность организационных, экономических и матричных инструментов» [14, с. 30].

Ю. Б. Миндлин предлагает систему обеспечения при формировании и развитии кластеров, основанную на определенных принципах. При этом автор считает «целесообразным осуществить разделение принципов кластеризации по уровням структуры национальной экономики на локальные, региональные, национальные» [15, с. 38].

Проведенный анализ показал, что в научной литературе недостаточно раскрыт вопрос комплексного построения организационно-экономического инструментария РПИО с учетом региональной специфики и вызовов цифровой трансформации, что определяет актуальность настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы. Формирование и развитие РПИО требует системного подхода, включающего организационные и экономические инструменты, согласованные между собой и адаптированные к региональной специфике.

Цель исследования — обоснование и формирование организационно-экономического инструментария, обеспечивающего устойчивый рост, повышение эффективности функционирования и конкурентоспособности интегрированных структур в регионе.

Задачи исследования: анализ теоретических аспектов организационно-экономического обеспечения развития интеграционных структур; разработка классификации организационно-экономического инструментария РПИО; проектирование модели организационно-экономической архитектуры РПИО; формирование рекомендаций по внедрению предложенной комплексной системы организационно-экономического обеспечения РПИО.

Научная новизна. В исследовании предложен подход, который обеспечивает целостное моделирование архитектуры РПИО. Он структурирует систему, разделяя ее на четыре уровня: институциональный, организационно-управленческий, производственно-экономический и информационно-коммуникационный. Взаимосвязь уровней позволяет создать эффективную модель для функционирования и развития РПИО в инновационной экономике.

Методология. Методологическую основу данного исследования составили:

– *системный подход* — для выявления взаимосвязей элементов инструментария;

– *многомерное (комплексное) моделирование* — для построения организационно-экономической архитектуры РПИО;

– *сравнительный анализ* — на примере практик Республики Татарстан, Калужской области, Пермского края.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности практического использования комплексной системы организационно-экономического обеспечения развития РПИО.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных выводов и рекомендаций при разработке региональных программ промышленного развития, стратегий кластерного развития и механизмов поддержки интеграционных образований.

Основная часть

Исследование классификации организационно-экономического инструментария показало, что в работах по этому вопросу в основном данный инструментарий рассматривается по двум компонентам: организационным (методы управления, структура, нормативы) и экономическим (финансовые рычаги, ценообразование, налоговая политика), которые вместе формируют механизмы управления (например, на уровне предприятия, отрасли, государства) для достижения целей через регулирование хозяйственной деятельности и распределения ресурсов, используя как рыночные, так и административные методы, чтобы обеспечить эффективное функционирование и развитие системы.

На наш взгляд, такая классификация организационно-экономического инструментария в современных условиях не учитывает вызовы цифровой трансформации и ожидаемые эффекты от использования различных инструментов.

Предложенная в данном исследовании классификация организационно-экономического инструментария строится на разделении его на следующие инструменты:

– *организационные*: сетевые модели; координационные центры; регламентация взаимодействия участников; институциональные партнерства с вузами и научно-исследовательскими институтами;

– *экономические*: совместное финансирование (инвестиционные фонды, кредитные кооперативы); налоговые льготы и субсидии; инфраструктурная поддержка (логистика, энергетика, цифровые сети); механизмы распределения затрат и доходов;

– *инновационно-цифровые*: платформы цифрового взаимодействия; единые базы данных проектов; системы мониторинга эффективности РПИО.

Сгруппированные инструменты исследуемого инструментария с разбивкой по конкретным механизмам и ожидаемым эффектам показаны в табл. 1.

Сущность организационно-экономического инструментария РПИО — это комплексное применение организационных, экономических и инновационно-цифровых рычагов для создания эффективного организационно-экономического механизма, который обеспечивает достижение целей РПИО в конкретной рыночной среде, к примеру, в промышленности.

В целом, цифровые инструменты позволяют РПИО перейти от разрозненной деятельности к целостной, интегрированной и высокоэффективной цифровой экосистеме.

При формировании организационно-экономического инструментария развития РПИО, на наш взгляд, необходимо разработать модель архитектуры этого инструментария.

Таблица 1

Классификация организационно-экономического инструментария РПИО

Группа инструментов	Конкретные механизмы	Ожидаемый эффект
Организационные	– Сетевые модели; – координационные центры; – регламентация взаимодействия участников; – институциональные партнерства с вузами и научно-исследовательскими институтами	– Сокращение транзакционных издержек; – ускорение принятия решений; – укрепление кооперации
Экономические	– Совместное финансирование (инвестиционные фонды, кредитные кооперативы); – налоговые льготы и субсидии; – инфраструктурная поддержка (логистика, энергетика, цифровые сети); – механизмы распределения затрат и доходов	– Повышение инвестиционной привлекательности; – рост рентабельности совместных проектов
Инновационно-цифровые	– Платформы цифрового взаимодействия; – единые базы данных проектов; – системы мониторинга эффективности РПИО	– Повышение прозрачности; – ускорение обмена информацией; – внедрение инноваций

Несмотря на наличие значительного массива исследований, посвященных кластерам, холдингам, промышленным агломерациям и сетевым структурам, вопросы моделирования их организационно-экономической архитектуры остаются недостаточно разработанными. Это обуславливает необходимость формирования целостного методологического подхода, позволяющего описывать, анализировать и проектировать интеграционные образования с учетом региональной специфики.

Рассмотрим авторский подход к моделированию организационно-экономической архитектуры РПИО.

Под организационно-экономической архитектурой РПИО предлагается понимать систему устойчивых связей и механизмов взаимодействия участников, включающую:

- организационную структуру управления;
- экономические отношения и распределение ресурсов;
- институциональные правила и нормы;
- производственно-технологические цепочки;
- информационно-коммуникационную инфраструктуру.

В отличие от традиционных подходов, ориентированных преимущественно на структурный или отраслевой анализ, архитектурный подход позволяет рассматривать РПИО как многоуровневую социально-экономическую систему, функционирование которой определяется не только составом участников, но и конфигурацией их взаимодействий.

Логика построения модели организационно-экономической архитектуры РПИО. Предлагаемая модель базируется на принципах:

- системности и иерархичности;
- адаптивности к изменениям внешней среды;
- согласования интересов участников;
- ориентации на региональные приоритеты развития.

Организационно-экономическая архитектура РПИО представлена в виде четырех взаимосвязанных уровней:

1. **Институциональный уровень.** Включает формальные и неформальные правила взаимодействия, механизмы государственной поддержки, региональные стратегии и программы развития. Представляет собой высший, стратегический уровень, связанный с принятием решений, законодательством, целями и взаимодействием с внешней средой (государством, рынками).

2. **Организационно-управленческий уровень.** Определяет формы координации (централизованные, децентрализованные, сетевые), распределение полномочий и ответ-

ственность участников интеграционного образования. Это уровень среднего звена, отвечающий за координацию деятельности, распределение ресурсов, управление процессами внутри объединения.

3. **Производственно-экономический уровень.** Охватывает цепочки создания стоимости, кооперационные связи, механизмы распределения доходов и ресурсов, инвестиционные потоки. Представляет собой операционный уровень, где происходят непосредственные экономические операции, производственное взаимодействие, обмен товарами и услугами, финансовые потоки.

4. **Информационно-коммуникационный уровень.** Обеспечивает обмен данными, цифровизацию процессов, снижение транзакционных издержек и повышение прозрачности взаимодействий.

Данная архитектура РПИО позволяет комплексно анализировать и управлять интеграционными процессами в регионе, выделяя их различные аспекты для более эффективного развития и достижения общих целей.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенное исследование показывает, что эффективность РПИО определяется не только наличием отдельных инструментов, но и степенью их согласованности. Состав участников кластеров Республики Татарстан, Калужской области и Пермского края представлен в табл. 2.

Практика Татарстана подтверждает, что создание управляющей компании кластера в связи с налоговыми льготами ускоряет привлечение инвесторов. Как видно из табл. 2, основная направленность кластеров Татарстана — развитие промышленного потенциала, повышение конкурентоспособности предприятий и привлечение инвестиций.

В Калужской области ставка сделана на промышленную инфраструктуру и логистические хабы, что позволило сформировать устойчивые производственные цепочки. Основная направленность кластеров Калужской области — высокотехнологичное промышленное производство, ориентированное на импортозамещение и экспорт.

Пермский край демонстрирует роль партнерства с научными учреждениями. Основная направленность кластеров Пермского края — развитие высокотехнологичной промышленности и использование ресурсной базы, с фокусом на химическую, нефтехимическую, металлургическую отрасли, машиностроение.

Таблица 2

Участники кластеров Республики Татарстан, Калужской области и Пермского края

Регион	Кластер	Состав участников
Республика Татарстан	Машиностроительный кластер	43 участника: предприятия по производству автокомпонентов, инструмента для ремонта грузовых автомобилей, автобусов и автомобилей специального назначения
	Нефтегазохимический промышленный кластер	10 участников: предприятия, производящие оборудование, запасные части, технологическую оснастку для шинной, резинотехнической и нефтехимической промышленности
	Межрегиональный промышленный кластер	19 участников: предприятия по производству химической продукции, углеродных тканей и лент, стеклопластиковых труб и изделий, изделий для ракетно-космической техники, авиации и скоростного транспорта
Калужская область	Кластер фармацевтики, биотехнологий и биомедицины	Более 70 участников, в т. ч. научные организации, предприятия по разработке и производству лекарственных средств и фармацевтических субстанций, образовательные учреждения
	Транспортно-логистический кластер	Мультимодальный транспортно-логистический центр ФРЕЙТ ВИЛЛАДЖ ВОРСИНО — интегрированная сеть взаимосвязанных предприятий, складов и транспортных узлов, обеспечивающая эффективную доставку и обработку грузов
	Кластер композитных и керамических технологий	22 участника: организации по исследованию, разработке и серийному производству наукоемких изделий из полимерных композиционных материалов для авиационной, ракетно-космической, транспортной и других отраслей промышленности
	Кластер информационно-коммуникационных технологий	140 участников: организации по разработке компьютерного программного обеспечения, консультационные услуги в данной области и другие сопутствующие услуги
Пермский край	Кластер ракетного двигателестроения «Технополис «Новый Звездный»	62 участника: АО «Протон-ПМ», АО «ОДК-Авиадвигатель», АО «ОДК-Пермские моторы», НПО «Искра», ОАО «Пермский завод «Машиностроитель», АО «СТП «ПЗМЦ», ООО «ПРОМ-ОЙЛ», Пермский национальный исследовательский политехнический университет (далее — ПНИПУ), Пермский государственный национальный исследовательский университет (далее — ПГНИУ) и др.
	Кластер «Композиты Прикамья»	19 участников: НПО «Искра», ОАО «Пермский завод «Машиностроитель», АО «УНИИКМ», ООО «АЛЛТЕРМ», ПГНИУ, ПНИПУ и др.
	Кластер волоконно-оптических технологий «Фотоника»	41 участник: ПАО «Пермская научно-производственная приборостроительная компания», ООО «Инкаб», ООО «Инверсия-Сенсор», Пермский филиал ПАО «Ростелеком», ООО «Завод нефтегазовой аппаратуры Анодь» и др.
	Промышленный «Фармацевтический кластер»	21 участник: АО «Медисорб», ООО «Пермская химическая компания», НПО «Биомед», АО «Сорбент», ПНИПУ, ПГНИУ, Пермская государственная фармацевтическая академия, Пермский государственный медицинский университет, Институт технической химии Уральского отделения РАН и др.

Примечание: сост. по: Инвестиционный портал Калужской области. URL: https://investkaluga.com/why_us/https://www.pharmclusterkaluga.ru/members/page2/; Инвестиционный портал города Перми. URL: <http://invest.gorodperm.ru/o-gorode/industrial/klaste>; Реестр промышленных кластеров и специализированных организаций промышленных кластеров Республики Татарстан. URL: <https://mpt.tatarstan.ru/file/mpt/File/Прил.%20№2%20реестр%20пром.кластеров.docx>.

Полученные результаты подтверждают, что развитие РПИО носит системный характер и требует комплексного организационно-экономического обеспечения, ориентированного на согласование интересов всех участников интеграционного процесса.

Предложенная комплексная система позволяет рассматривать развитие интеграционных образований не как изолированный процесс, а как элемент региональной промышленной политики. Это обеспечивает более устойчивое развитие производственных структур, повышение конкурентоспособности предприятий и рост добавленной стоимости в регионе.

Обсуждение результатов также показало, что внедрение комплексной системы во многом зависит от специфики региона — уровня промышленного развития, отраслевой структуры экономики, инвестиционного климата и качества институциональной среды. В связи с этим система должна быть адаптивной и учитывать региональные особенности.

Выводы

В ходе исследования была обоснована необходимость формирования комплексной системы организационно-экономического обеспечения развития РПИО как одного из ключевых факторов повышения эффективности региональной экономики.

Разработан концептуальный подход к созданию комплексной системы, объединяющей организационные, экономические и инновационно-цифровые инструменты для развития интеграционных процессов в промышленности региона.

Также в работе предложен авторский подход к моделированию организационно-экономической архитектуры РПИО, основанный на выделении четырех взаимосвязанных и функционально взаимодополняющих уровней: институционального, организационно-управленческого, производственно-экономического и информационно-коммуникационного. В отличие от существующих исследований, в которых данные уровни, как правило, рассматриваются фрагментарно либо иерархически изолированно,

предложенный подход предполагает их системную ко-эволюцию и взаимное влияние в процессе функционирования интеграционного образования.

Таким образом, комплексная система организационно-экономического обеспечения развития РППО — это концептуальная модель, реализуемая через конкретный организационно-экономический инструментарий (методы, рычаги, инструменты), обеспечивая управляемость и эффективность развития.

Практическая значимость исследования заключается в разработке прикладного инструментария, механизмов и рекомендаций для совершенствования региональной промышленной политики. Полученные результаты могут быть использованы при формировании стратегий кластерного развития, повышении конкурентоспособности регионов и создании организационно-экономических механизмов поддержки интеграционных образований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лаженцев В. Н. Программно-целевые ТПК в контексте мобилизационной экономики (к 100-летию со дня рождения М. К. Бандмана) // ЭКО. 2024. № 3. С. 260—273. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-260-273.
2. Трифонов П. В., Агеев А. А., Чистяков М. С. Специфика территориально-производственных комплексов в отличительных особенностях от кластерных образований // Инновации и инвестиции. 2023. № 7. С. 140—143.
3. Унгаев О. А. Сравнительный анализ территориальных производственных комплексов и промышленных кластеров как форм пространственной организации хозяйства // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2022. № 4. С. 125—131. DOI: 10.18101/2304-4446-2022-4-125-131.
4. Васильцова А. Н. Территориальная структура гражданского авиастроительного комплекса России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. Т. 85. № 5. С. 648—662. DOI: 10.31857/S2587556621050113.
5. Капустина Н. В., Страхов А. А. Разработка системы показателей управляемости региональных отраслевых кластеров в контексте обеспечения экономической безопасности на основе риск-ориентированного подхода // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17. № s3. URL: <https://esj.today/PDF/54FAVN325.pdf> (дата обращения: 02.12.2025).
6. Теплов И. О. Формирование методологической платформы кластеризации экономических систем: модели и подходы // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2023. № 3(100). С. 126—137. DOI: 10.21295-5639-2023-3-126-137.
7. Головина Т. А., Авдеева И. Л. Интегральная оценка готовности отраслей промышленности Арктической зоны России к внедрению технологий циркулярной экономики // Экономика промышленности. 2025. Т. 18. № 1. С. 78—89. DOI: 10.17073/2072-1633-2025-1-1388.
8. Ермалинская Н. В. Методологические аспекты формирования и развития многоотраслевых агропромышленных кооперативно-интегрированных структур: особенности, типология, принципы // Экономика и банки. 2024. № 1. С. 64—76.
9. Субоч Ф. Аспекты формирования кластерной инициативы разного диапазона и плотности с учетом современных технологий сбалансированного конверсионно-кластерного взаимодействия участников аграрной специализации // Аграрная экономика. 2023. № 10(341). С. 36—55.
10. Павлова А. В., Федотенкова О. А. Проблемы финансового обеспечения деятельности промышленных кластерных структур в России // Среднерусский вестник общественных наук. 2023. Т. 18. № 3. С. 131—158.
11. Грибов П. Г. Повышение информационной насыщенности управления и социальной сферы больших организационно-экономических систем // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». 2024. № 1(39). С. 73—89. DOI: 10.25688/2312-6647.2024.39.1.06.
12. Гуськова М. Ф., Смирнов А. И. Организационно-экономический механизм обеспечения развития трансграничных транспортных кластеров в приграничных районах // Экономические науки. 2024. № 230. С. 85—91. DOI: 10.14451/1.230.85.
13. Сафаргалиев М. Ф. К вопросу об организации и развитии распределенных производственных систем // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2023. Т. 25. № 2. С. 34—44. DOI: 10.37313/1990-5378-2023-25-2-34-44.
14. Седельников В. М. Теоретико-методологические аспекты стратегического управления компанией // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 3(473). С. 23—35.
15. Миндлин Ю. Б. Принципы формирования и развития кластеризации в ведущих отраслях национальной экономики России // Бюллетень транспортной информации. 2022. № 7(325). С. 33—41.

REFERENCES

1. Lazhentsev V. N. Program-targeted TPCs in the Context of Mobilization Economy (to the 100th anniversary of the birth of M. K. Bandman). *ECO*. 2024;3:260—273. (In Russ.) DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2024-3-260-273.
2. Trifonov P. V., Ageev A. A., Chistyakov M. S. Specificity of territorial production complexes in distinctive features from cluster formations. *Innovatsii i investitsii = Innovation & Investment*. 2023;7:140—143. (In Russ.)
3. Ungaev O. A. Comparative analysis of territorial production complexes and industrial clusters as forms of spatial organization of the economy. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment = BSU Bulletin. Economy and Management*. 2022;4:125—131. (In Russ.) DOI: 10.18101/2304-4446-2022-4-125-131.
4. Vasil'tsova A. N. Territorial structure of Russian civil aircraft industrial complex. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2021;85(5):648—662. (In Russ.) DOI: 10.31857/S2587556621050113.
5. Kapustina N. V., Strakhov A. A. Development of a system of indicators for the manageability of regional industry clusters in the context of ensuring economic security based on a risk-based approach. *Vestnik evraziiskoi nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(s3). (In Russ.) URL: <https://esj.today/PDF/54FAVN325.pdf> (accessed: 02.12.2025).

6. Teplov I. O. Forming a methodological platform for clustering economic systems: models and approaches. *Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava* = *Herald Belgorod university of cooperation, economics and law*. 2023;3(100):126—137. (In Russ.) DOI: 10.21295-5639-2023-3-126-137.
7. Golovina T. A., Avdeeva I. L. Integrated assessment of readiness of the Russian Arctic zone industries for implementation of technologies of circular economy. *Ekonomika promyshlennosti* = *Russian Journal of Industrial Economics*. 2025;18(1):78—89. (In Russ.) DOI: 10.17073/2072-1633-2025-1-1388.
8. Yermalinskaya N. V. Methodological aspects of formation and development of multi-sectoral agro-industrial cooperative-integrated structures: peculiarities, typology, principles. *Ekonomika i banki* = *Economy and banks*. 2024;1:64—76. (In Russ.)
9. Suboch F. Aspects of the formation of cluster initiatives of different dimensions and densities, taking into account modern technologies of balanced conversion-cluster interaction of participants of agricultural specialization. *Agrarnaya ekonomika* = *Agrarian Economics*. 2023;10(341):36—55. (In Russ.)
10. Pavlova A. V., Fedotenkova O. A. Problems of financial support for the activities of industrial cluster structures in Russia. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk* = *Central Russian journal of social sciences*. 2023;18(3):131—158. (In Russ.)
11. Gribov P. G. Increasing the information saturation of management and the social sphere of large organizational and economic systems. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Ekonomika»* = *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series "Pedagogy and Psychology"*. 2024;1(39):73—89. (In Russ.) DOI: 10.25688/2312-6647.2024.39.1.06.
12. Guskova M. F., Smirnov A. I. Organizational and economic mechanism for ensuring the development of cross-border transport clusters in border regions. *Ekonomicheskie nauki* = *Economic sciences*. 2024;230:85—91. (In Russ.) DOI: 10.14451/1.230.85.
13. Safargaliev M. F. On the organization and development of distributed production systems. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk*. 2023;25(2):34—44. (In Russ.) DOI: 10.37313/1990-5378-2023-25-2-34-44.
14. Sedelnikov V.M. Theoretical and methodological aspects of the strategic management of the company. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;3(473):23—35. (In Russ.)
15. Mindlin Yu. B. Principles of clustering formation and development in the leading sectors of the Russian national economy. *Byulleten' transportnoi informatsii* = *Bulletin of transport information*. 2022;7(325):33—41. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 05.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 339.562:634.1(470+4)
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1508

Elnur Aliievich Musaev
 Applicant, academic specialty
 5.2.3 — Regional and sectoral economy,
 Saint Petersburg State
 University of Economics;
 Head of Sales Department,
 ALIMUS LLC
 Saint Petersburg, Russian Federation
 arsse02@mail.ru

Irina Samvelovna Vardanyan
 Candidate of Economics, Associate Professor,
 Deputy Head of the Department
 of International Business,
 Saint Petersburg State
 University of Economics
 Saint Petersburg, Russian Federation
 Ilona251@yandex.ru

Эльнур Алиевич Мусаев
 соискатель, научная специальность
 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
 Санкт-Петербургский государственный
 экономический университет;
 руководитель отдела продаж,
 ООО «АЛИМУС»
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 arsse02@mail.ru

Ирина Самвеловна Варданян
 канд. экон. наук, доцент,
 заместитель заведующего
 кафедрой международного бизнеса,
 Санкт-Петербургский государственный
 экономический университет
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 Ilona251@yandex.ru

АДАПТАЦИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК ОТРАСЛЕВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И КВОТИРОВАНИЯ ИМПОРТА ДЛЯ СТАБИЛИЗАЦИИ РЫНКА ФРУКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В исследовании анализируются зарубежные корпоративные практики регулирования отрасли и механизмы квотирования импорта фруктов, используемые для поддержания стабильности внутреннего рынка. Особое внимание уделено стратегическим подходам крупнейших международных компаний-импортеров, переработчиков, торговых сетей и кооперативов производителей, действующих в США, Европейском Союзе, странах Латинской Америки и Азии. На основе кейс-анализа компаний Dole, Del Monte, Varcli Pinares, Döhler, а также европейских сельскохозяйственных кооперативов рассматриваются инструменты долгосрочного планирования поставок, распределения рисков, формирования справедливых закупочных цен и оптимизации логистических цепочек. Отдельно изучаются модели сезонного квотирования, программы контрактной кооперации с фермерами, механизмы ценовой стабилизации, цифровые системы мониторинга рынка и инфраструктурные решения в области хранения и переработки фруктовой продукции. В работе оценивается потенциал адаптации этих инструментов к российским условиям с учетом специфики институциональной среды, климатических факторов, региональной дифференциации производства и ограничений внешнеторговой политики. Анали-

зируются подходы государств к балансированию интересов производителей, импортеров и потребителей, а также роль международных соглашений в обеспечении устойчивости поставок. Особое внимание уделяется тому, каким образом данные практики могут быть переосмыслены для формирования долгосрочной стратегии развития российского рынка фруктов, учитывающей как необходимость поддержки отечественного садоводства, так и сохранение конкурентной среды. Особое значение придается анализу возможных барьеров внедрения — от недостаточной зрелости отраслевых объединений до ограничений логистики и структуры спроса. Делается вывод о том, какие элементы зарубежных моделей могут быть эффективно интегрированы в отечественную практику, а какие требуют существенной модификации. Исследование направлено на формирование научно обоснованных рекомендаций по повышению устойчивости и предсказуемости российского рынка фруктов через адаптацию проверенных международных механизмов.

Ключевые слова: импорт фруктов, квотирование, регулирование отрасли, продовольственная безопасность, стабилизация цен, контрактация, кооперативы производителей, торговая политика, хранение продукции, рынок Российской Федерации

Для цитирования: Мусаев Э. А., Варданян И. С. Адаптация зарубежных практик отраслевого регулирования и квотирования импорта для стабилизации рынка фруктов в Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 104—111. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1508.

Original article

ADAPTATION OF FOREIGN INDUSTRY REGULATION PRACTICES
AND IMPORT QUOTA MECHANISMS TO STABILIZE THE FRUIT MARKET
IN THE RUSSIAN FEDERATION

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. *The study analyzes foreign corporate practices of industry regulation and import quota mechanisms in the fruit sector aimed at maintaining internal market stability. Special attention is given to the strategic approaches of major international importers, processors, retail chains, and producer cooperatives operating in the United States, the European Union, Latin America, and Asia. Based on case studies of Dole, Del Monte, Varcli Pinares, Döhler, as well as European agricultural cooperatives, the research examines tools for long-term supply planning, risk distribution, the formation of fair procurement prices, and the optimization of logistics chains. The study separately explores models of seasonal import quotas, contract-based cooperation programs with farmers, price stabilization mechanisms, and digital market monitoring systems, as well as infrastructural solutions for storage and processing of fruit products. The potential for adapting these instruments to Russian conditions is assessed with consideration of the spe-*

cifics of the institutional environment, climatic factors, regional production differences, and foreign trade policy constraints. The research analyzes state approaches to balancing the interests of producers, importers, and consumers, as well as the role of international agreements in ensuring supply stability. Particular attention is paid to how these practices can be reinterpreted to form a long-term development strategy for the Russian fruit market, taking into account both the need to support domestic horticulture and the preservation of a competitive environment. Overall, the research aims to provide evidence-based recommendations to enhance the resilience and predictability of the Russian fruit market through the adaptation of proven international mechanisms.

Keywords: *fruit import, quota mechanisms, sectoral regulation, food security, price stabilization, contract farming, producer cooperatives, trade policy, storage infrastructure, Russian market*

For citation: Musaev E. A., Vardanyan I. S. Adaptation of foreign industry regulation practices and import quota mechanisms to stabilize the fruit market in the Russian Federation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026; 1(74):104—111. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1508.

Введение

Актуальность исследования определяется необходимостью адаптации зарубежных корпоративных механизмов стабилизации фруктового рынка к российским реалиям с целью повышения эффективности отраслевого регулирования, снижения импортозависимости и поддержки отечественных производителей в условиях конкуренции и меняющейся торговой конъюнктуры.

Научная новизна исследования заключается в теоретико-практическом обосновании адаптации зарубежных моделей отраслевого регулирования фруктового рынка — с акцентом на инструменты импортного квотирования, горизонтальной и вертикальной кооперации, а также контрактных форм взаимодействия между производителями и торговыми сетями — применительно к условиям Российской Федерации. Впервые в рамках единого исследования проведена систематизация международного опыта регулирования фруктового сектора не только на уровне государств, но и на уровне корпоративных стратегий, а также оценена их применимость в условиях институциональной, климатической и логистической специфики Российской Федерации. Авторами предложен оригинальный аналитический подход, сочетающий политико-экономический анализ торговых ограничений с институциональной оценкой потенциала адаптации механизмов в рамках действующих правовых и экономических реалий России.

Изученность проблемы. опросы производства, потребления и внешней торговли плодово-ягодной продукцией получили широкое отражение в научных исследованиях. Существенный вклад в изучение современного состояния производства и реализации плодов и ягод в России внесли Н. С. Луковникова и Е. А. Луканова [1], а также А. А. Кайгородцев [2], рассматривающий вопросы продовольственной доступности. Международные аспекты торговли пло-

дово-ягодной продукцией и особенности международной торговли отдельными видами плодов освещены в работах Р. Р. Мухаметзянова, Г. К. Джанчаровой, Н. Г. Платоновского с соавторами [3—5], а также Н. И. Обуховой, Л. Р. Ибрашевой, И. Е. Быстрениной, В. В. Васильева и И. Н. Сычевой [6; 7].

Отдельные аспекты кластерного развития отрасли рассматривает С. Эшанкулов [8], а современные тенденции функционирования рынка плодоовощной продукции России анализируются в работах С. В. Сенотрусовой, М. И. Соколовой, В. Г. Свинухова и В. В. Хомяковой [9]. Динамика глобального экспорта и импорта отдельных видов продукции представлена в исследованиях Э. М. Келеметова, Н. Г. Платоновского, А. В. Шульдякова, Е. В. Неискашовой и О. В. Синельниковой [10]. Вопросы ресурсного обеспечения и использования фруктов и ягод в России освещены в трудах Д. Г. Бутухановой [11], а изменение объемов мировой торговли яблоками подробно рассматривается Т. В. Остапчук, А. М. Хежевым, Л. А. Свиридовой, Т. М. Джанчаровым и Д. В. Снегиревым [12]. Структура международной торговли мандаринами представлена в работе С. В. Брусенко, Н. В. Воронцовой, Э. В. Бритик, Е. В. Ковалевой, Н. В. Прохоровой, А. Г. Гамидова и Д. В. Снегирева [13].

Проблемы самообеспечения и оценки уровня продовольственной безопасности рассматриваются Т. А. Тумаевой [14], Д. А. Зюкиным, Н. М. Сергеевой, С. А. Беляевым и Ю. А. Ивановой [15], а также Л. А. Велибековой [16]. Направления развития отечественного плодового производства в условиях импортозамещения анализируются А. Р. Сайфетдиновым и Н. Р. Лягоскиной [17], а положение России на мировом рынке плодово-ягодной продукции рассматривается Ю. И. Агирбовым, Р. Р. Мухаметзяновым, М. А. Романюк, Г. К. Джанчаровой и Н. Г. Платоновским [18].

Возможности экспорта плодоовощной продукции оцениваются в работе Ш. Ш. Файзиевой [19], а вопросы ресурсного обеспечения внутреннего рынка вновь затрагиваются в исследовании Д. Г. Бутухановой [20].

Совокупность указанных исследований формирует научную базу анализа функционирования рынка плодов и ягод. Вместе с тем остается ряд нерешенных вопросов, связанных с системной оценкой устойчивости рынка, зависимостью от импорта и механизмами регулирования его развития, что определяет актуальность настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы исследования определяется необходимостью формирования научно обоснованных подходов к модернизации системы регулирования рынка фруктов в Российской Федерации с учетом успешного международного опыта.

Цель исследования — определить возможности, условия и ограничения для адаптации зарубежных корпоративных механизмов отраслевого регулирования и квотирования импорта фруктов в целях стабилизации российского рынка.

Задачи исследования:

1. Провести системный обзор зарубежных корпоративных практик регулирования импорта и внутреннего оборота фруктов.
2. Выделить ключевые инструменты, используемые компаниями: квоты, контрактация, кооперативные механизмы, ценовое регулирование и др.
3. Провести сравнительный анализ эффективности этих инструментов на различных рынках.
4. Оценить применимость данных практик в условиях Российской Федерации с учетом рыночной структуры, логистики, агропроизводства и регуляторных рамок.
5. Обосновать рекомендации по адаптации зарубежных механизмов с выявлением потенциальных выгод, рисков и ограничений.

Теоретическая значимость исследования состоит в расширении научного понимания корпоративных форм регулирования аграрных рынков и их роли в обеспечении продовольственной стабильности в контексте глобализированной экономики.

Практическая значимость исследования заключается в формировании обоснованных рекомендаций для участников российского плодоовощного рынка, органов государственной власти и отраслевых объединений по внедрению эффективных механизмов управления импортом и контрактных моделей взаимодействия между производителями, переработчиками и торговыми структурами.

Основная часть

Методология исследования. Для исследования механизмов стабилизации рынков фруктов был использован междисциплинарный сравнительно-аналитический подход. В первую очередь проведен обзор зарубежного опыта в области отраслевого регулирования плодоовощного сектора и управления импортными квотами за последние пять лет. Анализ фокусировался на практиках, применяемых компаниями и отраслевыми объединениями, а не только правительствами различных стран. Такой ракурсе позволил выявить роль бизнеса в реализации регуляторных мер и адаптации к ним, что соответствует цели исследования (изучить возможности применения корпоративных стратегий стабилизации рынка в Российской Федерации).

Методологически работа опиралась на принцип *кейсового сравнительного анализа*. Были отобраны несколько показательных кейсов — ситуаций или инициатив в разных странах, — иллюстрирующих успешное (или неудачное) применение мер для стабилизации рынка фруктов. Критериями отбора кейсов служили: значимость фруктовой отрасли для страны, наличие реализованных мер регулирования импорта (квоты, тарифы, контрактация и пр.), а также участие в этих мерах именно частных компаний или отраслевых ассоциаций.

Например, среди изученных кейсов — опыт кооперации фермеров и переработчиков в Европе для выравнивания цен, действия транснациональных корпораций в ответ на импортные ограничения, и инициативы торговых сетей по долгосрочным контрактам с производителями.

По каждому кейсу собиралась информация о методах регулирования (квоты, лицензирование импорта, договорные схемы и т. д.) и о результатах их применения для участников рынка.

Результаты исследования. Сравнительный анализ зарубежных кейсов выявил множество практик, направленных на сглаживание ценовых колебаний и поддержание баланса между предложением и спросом на рынке фруктов. Ниже обобщены ключевые результаты исследования — описаны выявленные механизмы и инструменты, применяемые компаниями и отраслями за рубежом, и оценен их эффект.

Первый блок результатов касается импортных квот как инструмента регулирования. Во многих странах импортное квотирование используется для защиты местных производителей от избытка дешевой иностранной продукции. Например, в Европейском союзе исторически применялись тарифно-квотные ограничения на импорт отдельных фруктов [8]. Классический пример — квотирование импорта бананов, действовавшее в Европейском Союзе (далее — ЕС) до 2012 г., которое распределяло импорт между поставщиками из разных регионов. Это защищало интересы определенных поставщиков и европейских операторов, хотя впоследствии такие квоты были смягчены под давлением Всемирной торговой организации [9]. В настоящее время ЕС применяет тарифные квоты (*TRQ*) и систему минимальных импортных цен для ряда чувствительных позиций. Согласно данным Еврокомиссии, по некоторым овощам и фруктам действуют сезонные тарифные квоты: например, регулируются объемы ввоза томатов из Марокко в рамках квоты по периодам, с тем чтобы в пиковый сезон европейские (испанские, итальянские) томаты не вытеснялись более дешевыми марокканскими [10]. Импорт в пределах установленного объема облагается пониженной пошлиной, а сверх него — по повышенной. Такой механизм, по сути, обеспечивает двухступенчатую защиту: он допускает определенное количество импорта (чтобы не было дефицита и выполнить торговые соглашения), но не дает безгранично наводнить рынок дешевой продукцией, нанося ущерб фермерам.

Другой элемент европейской практики — система входных цен для фруктов и овощей. В ЕС действует так называемая *Entry Price System (EPS)* для ряда фруктов (например, для яблок, цитрусовых, винограда и др.), согласно которой установлены базовые минимальные цены импорта на каждый день [11]. Если партия импортируемых фруктов заявлена по цене ниже определенного стандартного уровня (*Standard Import Value*), импортер должен

доплатить дополнительную пошлину до этого уровня. Цель — не допустить массового ввоза крайне дешевых фруктов, которые могли бы обрушить цены на внутреннем рынке. Данная мера способствует стабилизации: импортеры стараются держать цену выше пороговой, иначе их выгода снижается из-за пошлин. В итоге внутренняя цена не падает ниже определенного предела, поддерживая рентабельность местных производителей [12]. Компании-импортеры вынуждены планировать поставки с учетом этой системы; крупные оптовые фирмы ЕС зачастую заключают контракты с зарубежными поставщиками с привязкой к этим входным ценам, чтобы не нести убытки. Таким образом, регуляторные рамки (квоты и ценовые пороги) задают бизнесу границы, в пределах которых он должен оптимизировать цепочки поставок.

Второй блок результатов связан с практиками саморегуляции отрасли и кооперации компаний. Так, крупномасштабное внедрение гидропоники трансформирует ресурсную эффективность на рынке фруктов и овощей стран — членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (далее — ССАГПЗ). Вертикальная ферма *Bustanica* площадью 30 658 м² производит 1 млн кг листовой зелени ежегодно, экономя при этом 250 млн л воды, сокращая водопотребление на 95 % по сравнению с традиционным земледелием [13]. Саудовская сельскохозяйственная компания *Dava* демонстрирует аналогичный прогресс через свой тепличный комплекс площадью 107 га, который экспортирует томаты в Европу, устанавливая коммерческую жизнеспособность экспорта свежих продуктов, выращенных в пустыне. Интеграция дозирования питательных веществ на основе искусственного интеллекта, автоматизированного климат-контроля и облачной аналитики помогает снизить производственные затраты для конкуренции с импортом. Государственная политика поддерживает этот переход через субсидии на водосбережение и интеграцию гидропоники в национальные стратегии продовольственной безопасности.

Саудовская Аравия выделила 2 млрд долларов США на сельское хозяйство в 2025 г., что представляет увеличение бюджета на 67 %, сосредоточенное на прецизионных теплицах, системах орошения с переменной нормой и сельскохозяйственной робототехнике. Долина пищевых технологий Объединенных Арабских Эмиратов создала более 300 продуктов через свою интегрированную систему стартапов, инвесторов и исследовательских институтов. Оман стремится повысить продовольственную самообеспеченность путем внедрения планирования посевов на основе искусственного интеллекта и спутниковой съемки для превращения отдельных ферм в связанные сельскохозяйственные кластеры. Эти интегрированные подходы минимизируют инвестиционные риски и способствуют внедрению технологий среди средних ферм, поддерживая рост рынка фруктов и овощей стран ССАГПЗ.

Послеуборочные потери исторически снижали стоимость фруктов и овощей вдоль торговых коридоров Персидского залива. Распределительный центр *RSA Cold Chain* в Джебель Али предоставляет 40 000 паллетомест с возможностями температурного контроля до –25 °C, обеспечивая операции кросс-докинга в тот же день на Ближний Восток, Северную Африку (*MENA*) и Южную Азию. Системы прогнозирующего обслуживания объекта выявляют проблемы с компрессорами до возникновения температурных колебаний, в то время как программное обеспечение для марш-

рутизации координирует прибытие грузовиков с доступностью складских доков. Эти операционные улучшения сокращают порчу продуктов, уменьшают денежные циклы и укрепляют цепочку создания стоимости рынка фруктов и овощей стран ССАГПЗ, направляя экономию затрат на конкурентное ценообразование и расширенный ассортимент продукции.

Вертикальные фермы и фермы с сетчатыми домами создают региональные сети снабжения в климатически сложных регионах. Объединенные Арабские Эмираты стремятся увеличить операции вертикального фермерства в течение пяти лет для достижения водонейтрального производства на рынке свежих продуктов стран ССАГПЗ. *Plenty Unlimited* выделила 680 млн долларов США на вертикальные фермы для выращивания клубники в Абу-Даби, нацеливаясь на ежегодное производство в 2 млн кг, с *Mawarid Holding* в качестве софинансиста [14]. Полевые испытания демонстрируют, что производство огурцов в оманских сетчатых домах превышает традиционные тепличные урожаи Объединенных Арабских Эмиратов, снижая при этом энергопотребление через системы климат-контроля на солнечной энергии. Экономические выгоды включают более высокие маржи от премиальных сортов продукции, сниженные транспортные расходы и последовательное управление поставками.

Третий важный кейс — поведение крупных экспортно-импортных компаний в условиях меняющихся торговых режимов. Здесь стоит выделить опыт транснациональных корпораций в плодоовощном секторе. Например, мировые гиганты рынка бананов: компании *Dole*, *Chiquita*, *Del Monte* — в 1990—2000-х гг. столкнулись с жестким квотированием импорта бананов в Европу [15]. ЕС тогда предоставлял ограниченные квоты на беспошлинный ввоз бананов из определенных стран, чем ограничивал присутствие латиноамериканских бананов (основных для *Chiquita* и *Dole*). В ответ компании адаптировались: они либо инвестировали в производство в тех странах Африки и Карибского бассейна, которым ЕС давал преференции (так, *Chiquita* пыталась развивать поставки через бывшие колонии, имеющие квоты), либо диверсифицировали рынки сбыта, переориентируя часть объема на США, Ближний Восток и др. Этот исторический пример показывает, что крупный бизнес способен гибко реагировать на вводимые импортные квоты, перераспределяя потоки товара глобально. В нашем исследовании он служит напоминанием: механическое ограничение импорта может привести к перетоку товаров на другие рынки, а компании найдут обходные пути (вплоть до релокации производства). Поэтому оценивались не только регуляторные меры, но и ответные стратегии компаний.

Современный пример такого ответа — поведение коста-риканской компании *Varcli Pinares*, производителя бананов, на разных рынках сбыта. *Varcli Pinares* выращивает бананы в Коста-Рике и имеет выбор: продавать их в Европу или в Северную Америку. По словам менеджера компании Олмана Варгаса, они стратегически ориентируются на рынок США, торгуя напрямую с ритейлером *Walmart*, поскольку североамериканский рынок «обеспечивает больше стабильности и меньше ограничений, чем европейский». В Европе же стандартов и требований больше (сертификации, жесткие нормы по остаткам пестицидов, упор на органическую продукцию без достаточной ценовой премии), что с точки зрения компании

создает дополнительные риски и издержки. Этот пример иллюстрирует, что компании выбирают рынки сбыта, сравнивая регуляторные условия: там, где ограничения строже (как в ЕС), работает меньше поставщиков, но и требования выше; а рынок с более либеральным режимом (как США) притягателен стабильностью спроса. В контексте стабилизации рынка фруктов важен вывод: если внутренняя политика слишком жестко регулирует импорт или накладывает дорогие требования, поставщик может просто сократить присутствие на этом рынке, выбрав альтернативу. Для России, стремящейся привлечь импорт определенных фруктов (например, тропических, которые не растут внутри страны), это означает необходимость взвешенно подходить к ограничениям, чтобы не отпугнуть надежных партнеров.

В ходе исследования выявлено, что многие страны применяют сезонные ограничения на импорт плодово-овощной продукции. Это особенно характерно для государств, где есть ярко выраженный сезон собственного урожая и желание его реализовать по хорошей цене. Например, в Турции практикуются запреты на экспорт некоторых фруктов и овощей в урожайные сезоны других стран, чтобы предотвратить внутренний дефицит и удержать цены (так, Турция временно запрещала экспорт лимонов в 2020 г., чтобы стабилизировать внутренний рынок). Хотя это касается экспорта, механизм схожий — временное торговое ограничение ради стабилизации внутреннего предложения. В отношении импорта: Индия в некоторые годы повышала импортные пошлины на яблоки в разгар своего сезона, защищая местных фермеров (к примеру, вводилась дополнительная пошлина на яблоки из США в ответ на падение цен на внутреннем рынке). Такие меры часто носят *ad hoc* характер — принимаются быстро в ответ на рыночную конъюнктуру. Для компаний-импортеров это создает вызовы: они вынуждены оперативно перенаправлять товар в другие страны или хранить до отмены ограничений. Однако государство рассматривает подобные шаги как вынужденные для предотвращения разорения фермерских хозяйств.

Итогом сравнительного исследования стало понимание, что стабилизация рынка фруктов никогда не достигается единственным инструментом. Обычно действует комплекс мер, и бизнес играет активную роль в их реализации. Импортные квоты и тарифы могут обеспечить защитный фон, но внутри этих рамок компании используют контракты, кооперацию, инновации хранения [16].

Зарубежные практики дают богатый набор идей: от сезонного квотирования и ценового регулирования до создания продуктовых резервов (например, в отдельных странах создавались государственные резервы яблочного концентрата для интервенций на рынке). В дальнейшем, опираясь на эти результаты, будет проведен анализ того, насколько такие механизмы применимы в условиях Российской Федерации и какие адаптации требуются.

Рассмотрение применимости зарубежных механизмов стабилизации рынка фруктов в российских условиях показывает наличие потенциала для их частичной адаптации. Сезонное квотирование импорта, аналогичное европейскому, обсуждается в России с 2020 г. Ассоциации садоводов предлагали ограничивать ввоз яблок и слив в периоды массового сбора, чтобы предотвратить вытеснение отечественной продукции дешевыми импортными аналогами. Пока такие меры полностью не введены, однако государство уже использует квоты для стабилизации цен: в 2025 г. была разрешена беспошлинная поставка до 230 тыс. т яблок, чтобы компенсировать последствия неурожая. Это демонстрирует, что квотирование в Российской Федерации возможно как инструмент гибкого реагирования — как для ограничения, так и для стимулирования импорта [17].

Контрактация между производителями и покупателями также имеет перспективы. Хотя плодовой сектор в Российской Федерации традиционно фрагментирован, крупные хозяйства и объединения производителей развиваются. Некоторые торговые сети уже заключают прямые договоры с российскими садоводами, особенно в южных регионах, где в сезон доля отечественных яблок в ритейле достигает 70—90 % [18]. Представители ритейла подчеркивают необходимость развития долгосрочных контрактов и мониторинга запасов, т. е. элементов, характерных для зарубежных моделей.

Гибкое применение торговых мер, включая временные квоты-исключения и льготы на ввоз сырья, также возможно в России. Как показала ситуация с беспошлинным импортом сахара в 2021 г., переработчики способны добиваться поддержки через отраслевые союзы и взаимодействие с Минсельхозом [19].

Таблицы 1—4 построены на основе данных Федеральной таможенной службы (<https://customs.gov.ru/statistic>), материалов Министерства сельского хозяйства РФ (<https://mcx.gov.ru/activity>) и аналитических обзоров Центра агроаналитики Минсельхоза России (<https://agranalytics.ru>).

Таблица 1

Применимость зарубежных механизмов стабилизации рынка фруктов в условиях Российской Федерации

Механизм	Статус в Российской Федерации и примеры	Потенциал применения	Условия и ограничения
Сезонное квотирование импорта	Обсуждается с 2020 г.; пример — предложение Ассоциации садоводов; в 2025 г. введена беспошлинная квота на яблоки	Высокий для яблок и некоторых ягод	Нужен стабильный внутренний объем, администрирование, точный расчет периодов
Контрактация между производителями и сетями	Прямые договоры уже есть (особенно в Южном федеральном округе); сети закупают до 90 % российских яблок в сезон	Высокий	Требуется правовая поддержка, развитие доверия и системы мониторинга запасов
Квоты-исключения и льготы на сырье	Применялись на сахар в 2021 г.; в 2025 г. — на яблоки для насыщения рынка	Умеренный	Зависит от реакции государственных органов, инициативности бизнеса, точечного анализа ситуации
Мониторинг рынка и логистика решений	Ведется Минсельхозом России, но недостаточно детализирован	Высокий	Нужна регулярная актуализация данных, доступность информации, включение бизнеса

Все эти инструменты требуют предварительных условий: достаточного объема локального предложения, доверия между участниками рынка, правовой поддержки контрактов и налаженного мониторинга. Минсельхоз России уже ведет сбор данных о продовольственных рынках, однако детализация и доступность информации нуждаются в улучшении. Эффективная адаптация зарубежных моделей невозможна без развития взаимодействия между бизнесом и государством, основанного на оперативных данных и прозрачных правилах.

Таблица 2

**Динамика импорта основных видов фруктов
в Россию (2018—2024),
тыс. т**

Вид фрукта	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Бананы	1 350	1 390	1 425	1 400	1 330	1 290	1 250
Яблоки	850	820	790	760	720	710	695
Цитрусовые	960	970	945	910	870	840	830
Виноград	210	215	205	200	195	190	180
Ягоды (свежие)	50	55	58	63	67	70	75

Таблица 2 отражает устойчивое снижение объемов импорта по большинству фруктов, за исключением ягод. Это свидетельствует как о внутреннем замещении, так и о влиянии внешнеторговых ограничений и логистических сбоев. В условиях роста внутреннего производства и снижения импорта важным становится разработка механизмов поддержки отечественных производителей и управления сезонными колебаниями.

Таблица 3

**Структура импорта фруктов
по странам происхождения в 2023 г.,
% от общего объема**

Страна	Вид фрукта				
	Бананы	Яблоки	Цитрусовые	Виноград	Ягоды
Эквадор	87	—	—	—	—
Китай	—	44	—	—	8
Турция	—	12	35	28	27
Иран	—	18	20	—	—
Египет	—	—	25	40	—
Сербия	—	—	—	—	30

Таблица 4

**Объемы производства основных видов фруктов
в России в 2020—2023 гг.,
тыс. т**

Продукция	2020	2021	2022	2023
Яблоки	1 350	1 395	1 420	1 460
Груши	320	335	340	355
Сливы	240	250	260	270
Вишня/черешня	160	175	180	190
Ягоды	120	125	135	140

Рост производства наблюдается во всех ключевых категориях, как видно из табл. 4, особенно в яблоках и ягодах. Это результат реализации программ импортозамещения, закладки новых садов и субсидирования хранения. Расширение внутренних производственных мощностей открывает потенциал для сезонного импортного квотирования, поддержки хранения и сбыта, а также для выравнивания ценовой политики.

Таким образом, адаптация зарубежных механизмов регулирования способна значительно укрепить российский рынок фруктов. Сезонные квоты и умеренные защитные меры создают для отечественных производителей более устойчивые ценовые условия и стимулируют инвестиции в расширение садоводства. Одновременно такие инструменты снижают ценовую волатильность: ограничение импорта в период сбора урожая и развитие современных хранилищ позволяют выравнивать предложение и предотвращать резкие перепады стоимости [20].

Внедрение долгосрочных контрактов и кооперации между производителями, переработчиками и торговыми сетями повышает эффективность сбыта, сокращает потери продукции и делает цепочку поставок более предсказуемой. Развитие инфраструктуры хранения укрепляет продовольственную безопасность, снижая зависимость от межсезонного импорта. Протекционистские меры в разумных масштабах создают условия для повышения качества отечественной продукции и роста ее конкурентоспособности.

В долгосрочной перспективе это уменьшает валютные риски, снижает импортозависимость и делает отрасль менее уязвимой к внешним шокам. Кроме того, адаптация международного опыта способствует модернизации сектора, развитию кооперативов, цифровизации мониторинга и совершенствованию взаимодействия бизнеса и государства.

Заключение

Проведенное исследование продемонстрировало, что адаптация зарубежных практик отраслевого регулирования и квотирования импорта способна сыграть важную роль в стабилизации российского рынка фруктов. Изучение европейского, американского, азиатского и латиноамериканского опыта показало, что сочетание инструментов — от тарифных квот и сезонных ограничений до поддержки производителей и стимулирования коопераций — эффективно работает на обеспечение баланса интересов между фермерами и потребителями.

Внедрение элементов зарубежных механизмов квотирования и регулирования импорта в России возможно и целесообразно, но требует осторожного, поэтапного подхода, с активным участием всех заинтересованных сторон. Только в этом случае можно достичь стратегических целей — продовольственной безопасности, устойчивости доходов аграриев, доступности фруктов для населения и конкурентоспособности отечественного производства на долгосрочную перспективу.

Из табл. 3 видно, что поставки фруктов в Россию сосредоточены у ограниченного круга стран, что делает рынок уязвимым к изменениям политико-экономических отношений и тарифным ограничениям. Диверсификация стран-поставщиков, включая развитие импорта в рамках ЕАЭС и новых логистических маршрутов, становится стратегической задачей при адаптации зарубежных практик.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Луковникова Н. С., Луканова Е. А. Современное состояние производства и реализации яблок в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. № 4(54). С. 84—89.
2. Кайгородцев А. А. Оценка уровня физической доступности продовольствия в Российской Федерации // Вестник Московского финансово-юридического университета МФЮА. 2021. № 3. С. 63—75. DOI: 10.52210/2224669X_2021_3_63.
3. Международная торгуемость основными тропическими фруктами / Р. Р. Мухаметзянов, Г. К. Джанчарова, Н. Г. Платоновский и др. // Международный сельскохозяйственный журнал. 2022. № 3. С. 274—277. DOI: 10.55186/25876740_2022_65_3_274.
4. Производство и внешняя торговля плодово-ягодной продукцией в странах Европейского союза / Н. Г. Платоновский, Р. Р. Мухаметзянов, Г. К. Джанчарова и др. // International Agricultural Journal. 2021. № 6. С. 792—817. DOI: 10.24412/2588-0209-2021-10432.
5. Международная торговля бананами / А. С. Зарецкая, Е. Н. Васильева, Н. Н. Иванцова и др. // Столыпинский вестник. 2022. Т. 4. № 1. С. 537—558. DOI: 10.24412/2712-746X-2022-4-1-537.
6. Изменение глобального и российского импорта плодово-ягодной продукции / Н. И. Обухова, Л. Р. Ибрашева, И. Е. Быстренина и др. // Столыпинский вестник. 2023. Т. 5. № 7. С. 4056—4084.
7. Международная торговля агропродовольственными товарами: факторы, тенденции, основные подгруппы / Л. Р. Ибрашева, Н. И. Обухова, И. Е. Быстренина и др. // Московский экономический журнал. 2023. № 7. С. 231—266.
8. Эшанкулов С. Анализ развития плодовоощных [так!] кластеров // Общество и инновации. 2021. Т. 2. Спец. вып. 10. С. 239—250. (На узбек. яз.)
9. Сенотрусова С. В., Соколова М. И., Свинухов В. Г., Хомякова В. В. Современные тенденции развития рынка плодово-овощной продукции России // Международный сельскохозяйственный журнал. 2023. Т. 66. № 5. С. 458—461.
10. Глобальный экспорт и импорт апельсинов: объемы, страны, тенденции / Э. М. Келеметов, Н. Г. Платоновский, А. В. Шуляков и др. // Московский экономический журнал. 2024. № 4. С. 472—512. DOI: 10.55186/413046X_2024_9_4_216.
11. Бутуханова Д. Г. Ресурсы и использование фруктов и ягод в России // Наука без границ. 2021. № 4(56). С. 93—100. DOI: 10.24412/2312-6465-2021-4-93-100.
12. Изменение объемов глобального производства и международной торговли яблоками / Т. В. Остапчук, А. М. Хежев, Л. А. Свиридова и др. // International Agricultural Journal. 2023. Т. 66. № 1. С. 448—490.
13. Мандарины в международной торговле плодово-ягодной продукцией / С. В. Брусенко, Н. В. Воронцова, Э. В. Бритик и др. // Московский экономический журнал. 2023. № 6. С. 244—278.
14. Тумаева Т. А. Модель оценки уровня самообеспечения России плодами и ягодами // Журнал прикладных исследований. 2025. № 2. С. 49—55.
15. Зюкин Д. А., Сергеева Н. М., Беляев С. А., Иванова Ю. А. Состояние продовольственной безопасности России в контексте самообеспечения ключевыми видами продуктов // Вестник НГИЭИ. 2023. № 4(143). С. 99—111.
16. Велибекова Л. А. Обеспечение населения России отечественной плодово-ягодной продукцией // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2023. № 4. С. 157—171. DOI: 10.26897/0021-342X-2023-4-157-171.
17. Сайфетдинов А. Р., Лягоскина Н. Р. Современное состояние и направления развития отечественного пловодства в условиях реализации программы импортозамещения // Международный сельскохозяйственный журнал. 2022. № 1(385). С. 79—84. DOI: 10.55186/25876740_2022_65_1_79.
18. Россия и другие страны на мировом рынке плодово-ягодной продукции / Ю. И. Агирбов, Р. Р. Мухаметзянов, М. А. Романюк и др. // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2021. № 6. С. 129—147. DOI: 10.26897/0021-342X-2021-6-129-147.
19. Файзиева Ш. Ш. Возможности и эффективность экспорта плодовоощной продукции в регионе // Мировая наука. 2024. № 12(93). С. 146—151.
20. Бутуханова Д. Г. Ресурсы и использование фруктов и ягод в России // Наука без границ. 2021. № 4(56). С. 93—100.

REFERENCES

1. Lukovnikova N. S., Lukanova E. A. Current state of apple production and sales in Russia. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya = Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2021;4(54):84—89. (In Russ.)
2. Kaigorodtsev A. A. Assessment of the level of physical availability of food in the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta MFYuA = Herald of the Moscow university of finances and law MFUA*. 2021;3:63—75. (In Russ.) DOI: 10.52210/2224669X_2021_3_63.
3. Mukhametzyanov R. R., Dzhancharova G. K., Platonovsky N. G. et al. International marketability of the main tropical fruits. *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal = International agricultural journal*. 2022;3:274—277. (In Russ.) DOI: 10.55186/25876740_2022_65_3_274.
4. Platonovskiy N. G., Mukhametzyanov R. R., Dzhancharova G. K. et al. Production and foreign trade of fruit and berry products in the countries of the European Union. *International Agricultural Journal*. 2021;6:792—817. (In Russ.) DOI: 10.24412/2588-0209-2021-10432.
5. Zaretskaya A. S., Vasileva E. N., Ivantsova N. N. et al. International banana trade. *Stolypinskii vestnik*. 2022;4(1):537—558. (In Russ.) DOI: 10.24412/2712-746X-2022-4-1-537.
6. Obukhova N. I., Ibrasheva L. R., Bystrenina I. E. et al. Changes in global and Russian imports of fruit and berry products. *Stolypinskii vestnik*. 2023;5(7):4056—4084. (In Russ.)

7. Ibrasheva L. R., Obukhova N. I., Bystrenina I. E. et al. International agrifood trade: factors, trends, main sub-groups. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2023;7:231—266. (In Russ.)
8. Eshankulov S. Analysis of the development of fruit-bearing clusters. *Zhamiyat va innovatsiyalar = Society and innovations*. 2021;2(S10):239—250. (In Uzbek)
9. Senotrusova S. V., Sokolova M. I., Svinukhov V. G., Khomyakova V. V. Current trends in the development of the Russian fruit and vegetable market. *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal = International agricultural journal*. 2023;66(5):458—461. (In Russ.)
10. Kelemetov E., Platonovskiy N., Shuldyakov A. et al. Global export and import of oranges: volume, countries, trends. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2024;4:472—512. (In Russ.) DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_4_216.
11. Butukhanova D. G. Resources and use of fruits and berries in Russia. *Nauka bez granits = Science without borders*. 2021;4(56):93—100. (In Russ.)
12. Ostapchuk T. V., Khezhev A. M., Sviridova L. A. et al. Changes in global production and international apple trade. *International Agricultural Journal*. 2023;66(1):448—490. (In Russ.) DOI: 10.2588-0209-2023-66-1-33.
13. Brusenko S. V., Vorontsova N. V., Britik E. V. et al. Tangarines in international trade of fruit and berry products. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2023;6:244—278. (In Russ.)
14. Tumaeva T. A. Model for assessing the level of self-sufficiency of Russia in fruits and berries. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied research*. 2025;2:49—55. (In Russ.)
15. Zyukin D. A., Sergeeva N. M., Belyaev S. A., Ivanova Ju. A. The state of Russia's food security in the context of self-sufficiency with key types of products. *Vestnik NGIEI = Bulletin NGIEI*. 2023;4(143):99—111. (In Russ.)
16. Velibekova L. A. Providing the population of Russia with domestic fruit and berry products. *Izvestiya Timiryazevskoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*. 2023;4:157—171. (In Russ.) DOI: 10.26897/0021-342X-2023-4-157-171.
17. Saifetdinov A. R., Lyagoskina N. R. The current state and directions of development of domestic fruit growing in the context of the implementation of the import substitution program. *Mezhdunarodnyi sel'skokhozyaistvennyi zhurnal = International agricultural journal*. 2022;1(385):79—84. (In Russ.) DOI: 10.55186/25876740_2022_65_1_79.
18. Agirbov Yu. I., Mukhametzyanov R. R., Romanyuk M. A. et al. Russia and other countries in the global fruit and berry market. *Izvestiya Timiryazevskoi sel'skokhozyaistvennoi akademii = Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*. 2021;6:129—147. (In Russ.) DOI: 10.26897/0021-342X-2021-6-129-147.
19. Fayzieva Sh. Sh. Opportunities and effectiveness of exporting fruits and vegetables in the region. *Mirovaya nauka*. 2024;12(93):146—151. (In Russ.)
20. Butukhanova D. G. Resources and use of fruits and berries in Russia. *Nauka bez granits = Science without borders*. 2021;4(56):93—100. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.11.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.
The article was submitted 30.11.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Научная статья
УДК 622.324.5:005.334
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1504

Petr Nikolaevich Parmuzin
Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics,
Management and Advertising,
Ukhta State Technical University
Ukhta, Russian Federation
ptr12@mail.ru

Петр Николаевич Пармузин
канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры экономики,
управления и рекламы,
Ухтинский государственный технический университет
Ухта, Российская Федерация
ptr12@mail.ru

АНАЛИЗ ФАКТОРОВ РИСКА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ РЕСУРСОВ УГОЛЬНОГО МЕТАНА

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Развитие комплекса по освоению ресурсов угольного метана во многом зависит от применения обоснованных методов и моделей принятия экономических и организационно-управленческих решений. Проекты разработки газосодержащих угольных пластов характеризуются меньшей выручкой и большими затратами по сравнению с проектами по добыче газа из традиционных месторождений. Работы по комплексной дегазации шахт и промышленной добыче угольного метана скважинами с поверхности в России находятся в экспериментальной стадии и являются высокорискованными. С этим связана необходимость формирования обоснованного подхода к анализу факторов риска при реализации стратегических планов устойчивого развития.

В статье представлены рекомендации по формированию методических подходов к идентификации и ранжированию рисков реализации двухэтапной стратегии освоения ресурсов угольного метана. В исследовании проведено ранжирование рисков по характеру влияния на реализацию стратегии на следующие группы: срыв реализации стратегии; неполное достижение целей; превышение сроков достижения ожидаемого результата; превышение стоимости достижения ожида-

емого результата. Результаты проведенного анализа позволили определить основные риски на каждом этапе реализации стратегии и провести их качественное и количественное описание, а также привести способы реагирования на возникновение рисков. Также в статье предложены соотношения затрат и результатов участников проектов освоения ресурсов угольного метана, соблюдение которых обязательно для реализации стратегии и позволяет согласовать интересы государства и компаний.

Разработанные методические подходы расширяют понимание важных аспектов методологии анализа воздействия факторов риска на реализацию стратегических планов устойчивого развития и могут быть использованы для определения экономической устойчивости проектов извлечения и использования угольного метана.

Ключевые слова: метан угольных пластов, рациональное освоение ресурсов, устойчивое развитие, дегазация угольных шахт, промышленная добыча угольного метана, анализ рисков, ранжирование рисков, стратегическое планирование, эффективность инвестиций, баланс интересов, косвенные экономические результаты, государственное стимулирование

Для цитирования: Пармузин П. Н. Анализ факторов риска при реализации стратегии рационального освоения ресурсов угольного метана // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 112—118. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1504.

Original article

ANALYSIS OF RISK FACTORS IN THE IMPLEMENTATION OF A STRATEGY FOR THE RATIONAL DEVELOPMENT OF COALBED METHANE RESOURCES

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The development of a complex for the development of coalbed methane resources largely depends on the application of sound methods and models for making economic, organizational and managerial decisions. Projects for the exploitation of gas-bearing coal seams are characterized by lower revenue and higher costs compared to projects for the extraction of gas from traditional deposits. Activities involving comprehensive mine degassing and industrial coalbed methane extraction through surface wells in Russia remain

at the experimental stage and are associated with high risks. Related to this is the need to form a sound approach to the analysis of risk factors in the implementation of strategic plans for sustainable development.

The article presents recommendations on the formation of methodological approaches to the identification and ranking of risks of implementing a two-stage strategy for the development of coalbed methane resources. The study ranked risks by the nature of their impact on the implementation of the strategy

into the following groups: failure to implement the strategy; incomplete achievement of goals; exceeding the deadline for achieving the expected result; exceeding the cost of achieving the expected result. The results of the analysis made it possible to identify the main risks at each stage of the strategy implementation and to carry out their qualitative and quantitative description, as well as to provide ways to respond to the occurrence of risks. The article also suggests cost-benefit ratios for participants in coalbed methane resource development projects, the implementation of which is mandatory for the implementation of the strategy and allows the interests of the state and companies to be coordinated.

For citation: Parmuzin P. N. Analysis of risk factors in the implementation of a strategy for the rational development of coalbed methane resources. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):112—118. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1504.

Введение

В энергетической стратегии России до 2050 г. в качестве одного из приоритетных направлений развития устанавливается разработка нетрадиционных запасов газа, включая метан угольных пластов (далее — МУП) [1]. При этом необходимо отметить, что работы по комплексной дегазации шахт и промышленной добыче угольного метана скважинами с поверхности в России находятся в экспериментальной стадии и являются высокорискованными. Таким образом, без анализа факторов риска невозможно долгосрочное прогнозирование и обоснованное инвестирование в проекты по извлечению и использованию угольного метана.

Определение рисков и неопределенности является важнейшей составляющей оценки экономической эффективности стратегических мероприятий государства и компаний. В п. 5 Методических рекомендаций по подготовке стратегий развития отраслей экономики, разработанных Министерством экономического развития РФ, указывается на необходимость определения и оценки рисков реализации стратегий [2].

Повышение требований к развитию комплекса по разработке газосодержащих угольных пластов, необходимость учета факторов риска при реализации стратегических планов устойчивого развития обуславливают **актуальность** выбранной темы, целей и задач настоящего исследования.

Изученность проблемы. Вопросами экономики и организации извлечения и использования угольного метана занимались отечественные ученые: А. Ф. Андреев, С. А. Белова, Л. С. Гизатуллина, А. В. Кошелев, Е. С. Кузина, Н. М. Лобов, Н. В. Пашкевич и др. [3; 4]. В исследовании Н. М. Лобова изучены результаты от переработки угольного метана, от сокращения выбросов метана в атмосферу, от повышения нагрузки на очистные забои шахт. В работах Л. С. Гизатуллиной исследованы экологические проблемы, связанные с выбросами метана [5]. В работах А. В. Кошельца исследованы экономические результаты от замещения, поставляемого в угольный регион природного газа метаном угольных пластов; от высвобождения природного газа на традиционных месторождениях за счет его замещения угольным метаном; от изменения загрузки газотранспортных мощностей [6]. В исследованиях Е. С. Кузиной предложены подходы к формированию организационно-экономического механизма дегазации угольных пластов [7; 8]. Среди зарубежных ученых следует отметить К. Е. Баркера,

The developed methodological approaches expand the understanding of important aspects of the methodology for analyzing the impact of risk factors on the implementation of strategic plans for sustainable development and can be used to determine the economic sustainability of coalbed methane extraction and use projects.

Keywords: coalbed methane, rational resource development, sustainable development, coal mine degassing, industrial coalbed methane extraction, risk analysis, risk ranking, strategic planning, investment efficiency, balance of interests, indirect economic results, government incentives

К. Р. Кларксона, Дж. Л. Клейтона, М. Доусона, Д. Элсуорт, С. Е. Лаубах, Дж. Лю, Х. Мао, Р. А. Марретт, Л. Цинцянь [9; 10].

Основным отечественным стандартом в области управления рисками является ГОСТ Р ИСО 31000—2019 «Менеджмент риска. Принципы и руководство» [11]. Данный стандарт трактует риск как влияние неопределенности на цели. Влияние рассматривается как отклонение от ожидаемого, а неопределенность заключается в недостаточности информации относительно конкретной ситуации. Среди основных международных стандартов в сфере риск-менеджмента можно выделить *FERMA*, который был подробно рассмотрен М. Р. Воробьевым с соавторами [12], *COSO ERM*, проанализированный Н. Б. Грошевой и П. И. Невмержицким [13], *ISO 31000:2018*, разобранный И. Е. Лариной и П. В. Соколовым [14], и др.

Проблематика оценки риска и неопределенности широко изучена учеными и специалистами. Представитель классической школы Ф. Найт определил риск как измеримую неопределенность. Он считал, что предприятия могут просчитать некоторые основные показатели своей деятельности, тем самым снизив степень риска в будущем. Представители неоклассической школы А. Маршалл и А. Пигу [15] впервые предложили рассматривать риск не только в негативном контексте, но и с точки зрения возможной прибыли. Решению проблемы управления рисками посвящены исследования отечественных ученых: В. А. Гамзы, А. П. Альгина, М. С. Гринберга, А. А. Дагаева, Р. М. Качалова, А. И. Пригожина, Б. А. Райзберга, А. Н. Хорина, Г. В. Черновой, А. С. Шапкина и др. [16]. Теория управления рисками в России получила развитие в связи с необходимостью обеспечения устойчивого роста предприятий в условиях переходной экономики. Тем не менее, всё более изменчивое состояние современной экономики диктует необходимость развития новых подходов к управлению рисками.

Целесообразность разработки темы. На сегодняшний момент слабо изученной остается проблема учета рисков при разработке и реализации проектов освоения ресурсов угольного метана. Слабо отражены исследования по идентификации, ранжированию и оценке данных рисков, выбору способов реагирования на их возникновение. Необходим системный подход, учитывающий особенности комплекса по извлечению и использованию угольного метана при реализации планов стратегического развития.

Цель исследования заключается в формировании методических подходов к оценке факторов риска при разработке и реализации стратегических планов устойчивого развития комплекса по освоению ресурсов угольного метана. Для достижения поставленной цели предлагается решить следующие **задачи**: формирование этапов стратегии освоения ресурсов угольного метана; идентификация и ранжирование рисков на каждом этапе стратегии; определение качественных и количественных характеристик основных рисков, а также способов реагирования на их возникновение.

Научная новизна исследования заключается в разработке подходов к анализу рисков реализации стратегии рационального освоения ресурсов угольного метана.

Теоретическая значимость исследования заключается в обосновании воздействия факторов риска на реализацию стратегических планов устойчивого развития; систематизации факторов, объясняющих взаимодействие государства и компаний в рамках реализации проектов по извлечению и использованию угольного метана.

Практическая значимость результатов работы состоит в том, что они являются основой для комплексной оценки факторов риска при расчете экономической эффективности проектов разработки газосодержащих угольных пластов.

Основная часть

Анализ рисков реализации стратегии освоения ресурсов угольного метана предлагается проводить на двух этапах. Первый этап стратегии заключается в переходе к комплексной дегазации и использовании всего объема извлеченного метана. Второй этап заключается в совершенствовании комплексной дегазации, внедрении глубокой переработки метана и переходе к широкой промышленной добыче [4].

На первой стадии анализа предлагается проводить идентификацию рисков по источникам возникновения и их ранжирование по характеру влияния на реализацию стратегии на следующие группы: 1) срыв реализации стратегии; 2) неполное достижение целей; 3) превышение сроков достижения ожидаемого результата; 4) превышение стоимости достижения ожидаемого результата.

Идентификация рисков реализации стратегии рационального освоения ресурсов угольного метана на каждом этапе, а также ранжирование рисков по характеру влияния представлено в табл. 1.

После идентификации и ранжирования предлагается проводить качественное и количественное описание основных рисков реализации стратегии на каждом этапе, а также привести способы реагирования на возникновение рисков.

Основные риски реализации стратегии на первом этапе, их описание и методы реагирования приведены в табл. 2.

Таблица 1

Риски реализации стратегии рационального освоения ресурсов угольного метана

Характер воздействия	Первый этап	Второй этап
Срыв реализации стратегии	1. Недостаточность экономических результатов от комплексной дегазации для окупаемости всех затрат на нее. 2. Недостижение запланированного коэффициента дегазации шахт. 3. Аварии на шахтах, вызванные взрывами метано-воздушной смеси. 4. Слабые производственные связи между компаниями (подразделениями) выполняющие различные стадии процесса комплексной дегазации. 5. Недостаточное государственное стимулирование работ по комплексной дегазации и переработке метана	1. Нехватка экономического результата от использования метана для окупаемости всех затрат на промышленную добычу и на переработку МУП. 2. Снижение спроса и цен на природный газ и продукты его переработки. 3. Отсутствие технологий по интенсификации дебитов метановых скважин, которые могли бы обеспечить экономическую эффективность промышленной добычи МУП. 4. Недостаточное государственное стимулирование работ по промышленной добыче МУП и глубокой переработке метана
Неполное достижение целей	1. Недостаточно эффективное нормативно-правовое и налоговое регулирование комплексной дегазации и переработки метана. 2. Слабое взаимодействие государства и компаний участников реализации проектов освоения ресурсов угольного метана. 3. Ошибки при подсчете запасов метана и определении геологических условий. 4. Снижение спроса и цен на природный газ и продукты его переработки. 5. Недостаток инвестиционных возможностей компаний для ведения работ по комплексной дегазации и полной переработке извлекаемого метана	1. Слабое взаимодействие государства и газодобывающих компаний при освоении ресурсов угольного метана. 2. Недостаточно эффективное нормативно-правовое и налоговое регулирование промышленной добычи МУП и переработки метана. 3. Увеличение запасов природного газа традиционных месторождений. 4. Ошибки при подсчете запасов метана и определении геологических условий (проницаемость, пористость, фильтрационные свойства, наличие естественных трещин, каналов и др.). 5. Недостаток инвестиционных возможностей газодобывающих компаний для промышленной добычи МУП и глубокой переработки извлекаемого метана
Превышение сроков	1. Нестабильность макроэкономической ситуации в стране. 2. Ограничение доступа к иностранным технике и технологиям по добыче и переработке МУП	1. Нестабильность макроэкономической ситуации в стране. 2. Ограничение доступа к иностранным технике и технологиям по добыче и переработке МУП
Превышение стоимости	1. Повышение цен на электро- и теплоэнергию, воду и другие материальные ресурсы в районах работ по комплексной дегазации. 2. Повышение затрат на выполнение отдельных видов комплексной дегазации. 3. Ухудшение финансово-кредитных условий и нестабильность экономического законодательства	1. Повышение цен на электро- и теплоэнергию, воду и другие материальные ресурсы в районах работ по промышленной добыче МУП. 2. Ухудшение финансово-кредитных условий. 3. Нестабильность экономического законодательства

Примечание: разработано автором.

Таблица 2

Основные риски реализации стратегии на первом этапе

Вид риска	Описание	Методы реагирования
Недостаточность экономических результатов от комплексной дегазации для окупаемости всех затрат на нее	Для реализации первого этапа стратегии необходимо, чтобы проекты комплексной дегазации, которые отличаются большими затратами, чем проекты традиционной дегазации, стали эффективными для компаний. Для этого необходимо, чтобы их результаты превышали затраты [см. формулу (1)]. Невыполнение данных неравенств является основным риском реализации стратегии на первом этапе. Применение множества методов дегазации может повысить затраты на реализацию проектов до такого уровня, что они станут неэффективными даже при максимальных уровнях государственного стимулирования	Создание системы мониторинга затрат и результатов в проектах комплексной дегазации для контроля соблюдения неравенства, представленного в формуле (1)
Недостижение запланированного коэффициента дегазации шахт	В случае, если выполнение комплекса работ по дегазации не приведет к достижению требуемого коэффициента дегазации, не будут достигнуты требуемые значения экономических результатов [см. формулу (1)], что в свою очередь сделает проекты комплексной дегазации не эффективными	Создание единой системы проектирования, которая охватывает и согласовывает выполнение всех методов комплексной дегазации
Аварии на шахтах, вызванные взрывами метановоздушной смеси	Взрывы метановоздушной смеси приводят к увеличению травматизма, разрушению шахтной инфраструктуры, снижению объемов добычи угля, а зачастую и к полному закрытию шахт. Таким образом, аварии, вызванные взрывами метановоздушной смеси, способны полностью сорвать реализацию стратегии на первом этапе	Создание системы комплексной дегазации, которая должна обеспечить снижение природной газонасыщенности угольных пластов до такого уровня, при котором возникновение аварийных ситуаций невозможно
Слабые производственные связи между компаниями (подразделениями), выполняющими различные стадии процесса комплексной дегазации	В настоящее время разработаны и используются более 30 способов и технологических схем дегазации, которые могут выполняться разными компаниями (подразделениями). В связи с этим можно выделить риск неполного и несвоевременного выполнения отдельных видов работ; риск расторжения подрядных контрактов; риск превышения стоимости отдельных видов работ; риск увеличения общего срока работ в связи с невыполнением части работ	Создание единой системы для координации действий всех подразделений и предприятий, совместно выполняющих весь комплекс работ по дегазации
Недостаточное государственное стимулирование работ по комплексной дегазации и переработке метана	Минимальный рекомендуемый размер государственного стимулирования должен быть достаточным для обеспечения эффективности проектов комплексной дегазации для компаний [см. формулу (1)], а максимальный размер государственного стимулирования не должен превышать государства [см. формулу (2)]	Для определения размера государственного стимулирования предлагается использовать формулы (1) и (2)

Примечание: разработано автором.

Для реализации первого этапа стратегии необходимо, чтобы проекты комплексной дегазации, которые отличаются большими затратами, чем проекты традиционной дегазации, стали эффективными для компаний [17]:

$$Зд + Зп < (Ри + Рав + Рш + Рв + Рр.д. + Зг.с.) + (Рнтп.к + Рим.к.), \quad (1)$$

где $Зд$ — затраты на добычу газа (дегазацию);

$Зп$ — затраты на переработку газа;

$Ри$ — результат от использования метана;

$Рав$ — результат от сокращения ущерба, связанного с авариями, вызванными взрывами метана;

$Рш$ — результат от повышения эффективности добычи угля в шахтах;

$Рв$ — результат от сокращения затрат на платежи за выбросы метана в атмосферу;

$Рр.д.$ — результат от сокращения затрат на ранее проводимые методы дегазации без снижения общей эффективности дегазации;

$Зг.с.$ — затраты на государственное стимулирование;

$Рнтп.к.$ — результат от повышения инновационного потенциала компаний;

$Рим.к.$ — результат от улучшения имиджа компаний.

При этом максимальный размер государственного стимулирования ($\max Зг.с.$) не должен превышать прямые и косвенные результаты государства:

$$\max Зг.с. = (Нг + Ну) + (Рз.н. + Рэк + Рм + Рнтп.с. + Рим.с. + Рв.), \quad (2)$$

где $Рз.н.$ — результат от повышения занятости;

$Рэк$ — результат от улучшения экологической ситуации;

$Рм$ — мультипликативный результат в смежных отраслях;

$Рнтп.с.$ — результат от повышения научно-технического потенциала страны;

$Рим.с.$ — результат от улучшения имиджа страны;

$Рв.р.$ — результат от вовлечения в хозяйственный оборот трудноизвлекаемых ресурсов угольного метана;

$Нг$ — налоги и платежи от деятельности по добыче и переработке газа;

$Ну$ — налоги и платежи от деятельности по добыче дополнительных объемов угля.

В этом случае реализация первого этапа стратегии является выгодной и для государства.

К моменту завершения первого этапа стратегии компании должны выйти на окупаемость проектов комплексной дегазации без привлечения государственного стимулирования.

Основные риски реализации стратегии на втором этапе, их описание и методы реагирования приведены в табл. 3.

Таблица 3

Основные риски реализации стратегии на втором этапе

Вид риска	Описание	Методы реагирования
Нехватка экономического результата от использования метана для окупаемости всех затрат на промышленную добычу и переработку МУП	Для реализации второго этапа стратегии необходимо, чтобы проекты промышленной добычи МУП, которые отличаются большими затратами и меньшими результатами, чем проекты традиционной добычи газа, стали эффективными для компаний. Для этого необходимо, чтобы их результаты превышали затраты. Невыполнение данного неравенства является основным риском реализации стратегии на втором этапе	Создание системы мониторинга затрат и результатов в проектах промышленной добычи МУП для контроля соблюдения неравенств
Снижение спроса и цен на природный газ и продукты его переработки	Учитывая, что единственным экономическим результатом в проектах промышленной добычи МУП является экономический результат от использования метана, снижение цен на газ и продукты его переработки может привести к неэффективности проектов даже с учетом государственного стимулирования	Тщательное планирование сбыта природного газа и продуктов его переработки по возможности на долгосрочной основе
Увеличение запасов природного газа традиционных месторождений	Добыча метана из угольных пластов менее рентабельна, чем добыча природного газа на традиционных месторождениях. Таким образом, одним из условий перехода к широкой промышленной добыче угольного метана является истощение запасов газа традиционных месторождений. При увеличении запасов природного газа традиционных месторождений вследствие проведения геологоразведочных работ привлекательность промышленной добычи МУП для газодобывающих компаний снижается	При проектировании промышленной добычи МУП необходимо учитывать возможность увеличения запасов природного газа традиционных месторождений
Отсутствие технологий по интенсификации дебитов метановых скважин, которые могли бы обеспечить экономическую эффективность промышленной добычи МУП	Технологии по интенсификации дебитов метановых скважин должны повысить объемы добычи до уровней, обеспечивающих экономическую эффективность промышленной добычи МУП. При этом затраты на применение методов интенсификации могут повысить затраты на реализацию проектов до такого уровня, что они станут неэффективными даже при максимальных уровнях государственного стимулирования	Внедрение новых технологий и технологий по интенсификации дебитов метановых скважин
Недостаточное государственное стимулирование работ по промышленной добыче МУП и глубокой переработке метана	Минимальный размер государственного стимулирования должен быть достаточным для обеспечения эффективности проектов промышленной добычи МУП для газодобывающих предприятий, а максимальный размер не должен превышать результаты государства	Для определения размера государственного стимулирования предлагается использовать приведенные выше рекомендации

Примечание: разработано автором.

После анализа рисков необходимо оценить эффективность мероприятий по реализации стратегии с учетом неопределенности. Учитывая вышеприведенные факторы риска, при расчете показателей эффективности проектов освоения ресурсов угольного метана рекомендуется проверять реализуемость и оценивать эффективность проектов в зависимости от изменения размера затрат, результатов и государственного стимулирования.

В качестве иллюстрации представленных рекомендаций проведен расчет экономической эффективности проекта заблаговременной дегазации на Воркутском месторожде-

нии Печорского угольного бассейна. Расчет эффективности ведется по двум вариантам. В первом варианте результат от использования метана получает ПАО «Воркутауголь», во втором — газодобывающее предприятие, т. е. оно становится собственником газа по договору.

В табл. 4 представлены результаты определения накопленного чистого дисконтированного дохода и интегрального показателя проекта, который определяется как сумма чистого дисконтированного дохода и дисконтированных косвенных результатов. Результаты приведены при условии увеличения затрат на 20 % и снижение результатов на 20 %.

Таблица 4

Показатели экономической эффективности проекта с учетом рисков (млн руб.)

Показатель	Вариант 1	Вариант 2
<i>Угледобывающее предприятие</i>		
Прямые результаты	21 059,45	14 336,65
Плата за дегазацию и переработку газа	9 528,12	2 805,32
Чистый дисконтированный доход	-2 159,27	928,17
Косвенные результаты	89,13	89,13
Дисконтированные косвенные результаты	37,28	37,28
Интегральный показатель	-2 121,99	965,45
<i>Газодобывающее предприятие</i>		
Прямые результаты	9 528,12	9 528,12
Капитальные затраты	4 395,36	4 395,36
Эксплуатационные затраты	7 940,10	7 940,10
Чистый дисконтированный доход	1 734,83	-206,16
Косвенные результаты	1 261,39	1 809,29
Дисконтированные косвенные результаты	413,17	560,36
Интегральный показатель	2 148,01	354,21

Показатель	Вариант 1	Вариант 2
<i>Государство</i>		
Налоговые поступления от деятельности по добыче газа	6 189,39	4 173,40
Налоговые поступления от деятельности по добыче угля	8 593,29	8 593,29
Дисконтированный доход бюджета	5 063,90	3 917,45
Косвенные результаты	3 891,03	4 010,65
Дисконтированные косвенные результаты	1 184,28	1 216,42
Интегральный показатель	6 248,18	5 133,87
Общий народнохозяйственный эффект	6 274,20	6 453,52

Примечание: разработано автором.

При таких условиях вариант 1 становится неэффективным для угледобывающего предприятия, а вариант 2 — для газодобывающего. При этом эффективность для государства остается высокой. В связи с чем в данном проекте целесообразно применить государственное стимулирование в пределах, установленных в формуле (2).

Заключение

Разработанные методические подходы к анализу рисков могут служить основой для обоснования и принятия экономических и организационно-управленческих

решений. Предложенные в работе методы идентификации и определения основных рисков реализации стратегии освоения ресурсов угольного метана могут быть использованы для расчета экономической эффективности отдельных способов извлечения и использования угольного метана, а разработанные соотношения затрат и результатов позволяют сбалансировать интересы государства и компаний. Сформированные подходы расширяют понимание важных аспектов методологии анализа воздействия факторов риска на реализацию стратегических планов устойчивого развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Круглова Л. О. Основные проблемы и перспективы реализации энергетической стратегии Российской Федерации до 2050 года // Обеспечение экономического суверенитета России в условиях становления многополярного мира : материалы II междунар. экон. форума. М. : ВУ МО РФ : ЦЭМИ РАН, 2025. С. 440—445.
2. Клецкова Е. В. Развитие экономики региона на основе стратегий роста перспективных отраслей : моногр. Барнаул : Алт. гос. ун-т, 2023. 243 с.
3. Обеспечение безопасной и интенсивной разработки газоносных угольных пластов на основе их комплексной дегазационной подготовки / С. В. Сластунов, К. С. Коликов, А. П. Садов и др. // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2023. № 2. С. 152—166. DOI: 10.25018/0236_1493_2023_2_0_152.
4. Андреев А. Ф., Пармузин П. Н. Формирование стратегических подходов к рациональному освоению ресурсов угольного метана // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2020. № 1(181). С. 7—13. DOI: 10.33285/1999-6942-2020-1(181)-7-13.
5. Кузьмина Т. И. Экономическая эффективность использования газообразных и твердых отходов при добыче угля // Бюллетень науки и практики. 2016. № 5(6). С. 314—318. (На англ. яз.)
6. Кошелец А. В. Формализация внешних факторов при оценке экономической эффективности разработки метаноугольных месторождений в системе ОАО «Газпром» // Газовая промышленность. 2012. Спец. вып. (672). С. 72—75.
7. Кузина Е. С., Мелехин Е. С. Экономическая эффективность процессов отработки высоко газоносных угольных пластов : моногр. Н. Новгород : Открытое знание, 2020. 140 с.
8. Кузина Е. С. Необходимость проведения заблаговременной дегазации для обеспечения безопасности добычи угля // Перспективы научно-практической деятельности. Анализ результатов внедрения инновационных решений : сб. ст. междунар. науч. конф. СПб. : Междунар. ин-т перспектив. исслед. им. Ломоносова, 2023. С. 14—17. DOI: 10.58351/230307.2023.27.89.003.
9. Clarkson C. R. Production data analysis of unconventional gas wells: Review of theory and best practices // International Journal of Coal Geology. 2013. Vol. 109—110. Pp. 101—146. DOI: 10.1016/j.coal.2013.01.002.
10. Permeability distribution characteristics of protected coal seams during unloading of the coal body / H. Chen, Y. Cheng, T. Ren et al. // International Journal of Rock Mechanics and Mining Sciences. 2014. Vol. 71. Pp. 105—116. DOI: 10.1016/j.ijrmms.2014.03.018.
11. Сравнение версий национального стандарта Российской Федерации «Менеджмент риска. Принципы и руководство» (ГОСТ Р ИСО 31000:2019 и ГОСТ Р ИСО 31000:2010) с учетом первоисточников / Б. А. Кушнин, С. Д. Фурта, А. Ю. Лякин и др. // Стратегические решения и риск-менеджмент. 2022. Т. 13. № 2. С. 134—150. DOI: 10.17747/2618-947X-2022-2-134-150.
12. Воробьев М. Р., Хвичия Д. Т., Березин Р. А., Кпомасси К. М. Стандарты управления рисками Федерации европейских ассоциаций риск менеджеров (FERMA) // Современные информационные технологии в образовании, науке и промышленности : XXVIII Междунар. конф., XXVI Междунар. конкурс науч. и науч.-метод. работ, Всерос. конкурс проектов «Научное творческое сообщество» : сб. тр. М. : Экон-Информ, 2024. С. 30—32.
13. Грошева Н. Б., Невмержицкий П. И. Анализ международных стандартов управления рисками и их внедрение в систему менеджмента качества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2024. № 2(28). С. 58—61.
14. Ларина И. Е., Соколов П. В. Современные стандарты управление рисками и их роль в обеспечении эффективной финансово-хозяйственной деятельности предприятия // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 5. С. 415—421.

15. Белоусова И. В. Теория и методы управления экономическими рисками в России и за рубежом : моногр. М. : СОЛОН-Пресс, 2024. 112 с.
16. Алиев А. Т., Балдин К. В., Романов Е. Н., Москалева Н. Б. Основы инвестиционно-инновационного риск-менеджмента в системе управления хозяйствующими субъектами России : моногр. М. : Дашков и К, 2023. 484 с.
17. Пармузин П. Н. Методические основы определения целевых показателей реализации стратегии рационального освоения ресурсов угольного метана // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2024. № 2(230). С. 5—10.

REFERENCES

1. Kruglova L. O. Main challenges and prospects for implementing the Russian Federation's Energy Strategy until 2050. *Obespechenie ekonomicheskogo suvereniteta Rossii v usloviyakh stanovleniya mnogopolyarnogo mira = Ensuring Russia's Economic Sovereignty in a Multipolar World. Proceedings of the II International Economic Forum*. Moscow, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky publ., Central Economic Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences publ., 2025:440—445. (In Russ.)
2. Kletskova E. V. Development of the regional economy based on growth strategies for promising industries. Monograph. Barnaul, Altai State University publ., 2023. 243 p. (In Russ.)
3. Slastunov S. V., Kolikov K. S., Sadov A. P. et al. Safe and high-rate mining of gas-bearing coal with integrated preparative degassing. *Gornyi informatsionno-analiticheskii byulleten' = Mining informational and analytical bulletin*. 2023;2:152—166. (In Russ.) DOI: 10.25018/0236_1493_2023_2_0_152.
4. Andreev A. F., Parmuzin P. N. Formation of strategic approaches to rational development of coal bed methane. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom = Problems of economics and management of oil and gas complex*. 2020;1(181):7—13. (In Russ.) DOI: 10.33285/1999-6942-2020-1(181)-7-13.
5. Kuzmina T. Economic efficiency of use of coal production gaseous and solid waste. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2016;5(6):314—318.
6. Koshelets A. V. Formalization of external factors in assessing the economic efficiency of methane coal deposit development in the Gazprom system. *Gazovaya promyshlennost' = Gas industry*. 2012;S(672):72—75. (In Russ.)
7. Kuzina E. S., Melekhin E. S. Economic efficiency of processes for mining highly gas-bearing coal seams. Monograph. Nizhny Novgorod, Otkrytoe znanie, 2020. 140 p. (In Russ.)
8. Kuzina E. S. The need for early degassing to ensure the safety of coal mining. *Perspektivy nauchno-prakticheskoi deyatel'nosti. Analiz rezul'tatov vnedreniya innovatsionnykh reshenii = Prospects for scientific and practical activities. Analysis of the results of implementing innovative solutions. Collection of articles of the international scientific conference*. Saint Petersburg, Lomonosov International Advanced research Institute publ., 2023:14—17. (In Russ.) DOI: 10.58351/230307.2023.27.89.003.
9. Clarkson C. R. Production data analysis of unconventional gas wells: Review of theory and best practices. *International Journal of Coal Geology*. 2013;109—110:101—146. DOI: 10.1016/j.coal.2013.01.002.
10. Chen H., Cheng Y., Ren T. et al. Permeability distribution characteristics of protected coal seams during unloading of the coal body. *International Journal of Rock Mechanics and Mining Sciences*. 2014;71:105—116. DOI: 10.1016/j.ijrmms.2014.03.018.
11. Kushnin B. A., Furta S. D., Lyakin A. Y. et al. Comparison of Russian National Standard "Risk Management. Principles and Guidelines" releases (GOST R ISO 31000:2019 and GOST R ISO 31000:2010), taking into account primary sources. *Strategicheskie resheniya i risk-menedzhment = Strategic decisions and risk management*. 2022;13(2):134—150. DOI: 10.17747/2618-947X-2022-2-134-150.
12. Vorob'ev M.R., Hvichiya D.T., Berezin R.A., Kpomassi K.M. Risk Management Standards of the Federation of European Associations of Risk Managers (FERMA). *Sovremennye informatsionnye tekhnologii v obrazovanii, nauke i promyshlennosti = Modern information technologies in education, science and industry. XXVIII International conference, XXVI International competition of scientific, scientific and methodological works, All-Russian competition of projects "Scientific creative community". Collection of works*. Moscow, Ekon-Inform, 2024:30—32. (In Russ.)
13. Grosheva N. B., Nevmerzhitskii P. I. Analysis of international risk management standards and their implementation into the quality management system. *Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy*. 2024;2(28):58—61. (In Russ.)
14. Larina I. E., Sokolov P. V. Modern standards risk management and their role in ensuring the efficient financial and economic activities of the enterprise. *Aktual'nye voprosy sovremennoi ekonomiki = Current Issues of Modern Economics*. 2022;5: 415—421. (In Russ.)
15. Belousova I. V. Theory and methods of economic risk management in Russia and abroad. Monograph. Moscow, SOLON-Press, 2024. 112 p. (In Russ.)
16. Aliev A. T., Baldin K. V., Romanov E. N., Moskaeva N. B. Fundamentals of investment and innovation risk management in the management system of Russian business entities. Monograph. Moscow, Dashkov i K, 2023. 484 p. (In Russ.)
17. Parmuzin P. N. Methodological grounds of determining the target indicators for implementing the strategy of coal methane resources rational development. *Problemy ekonomiki i upravleniya neftegazovym kompleksom = Problems of economics and management of oil and gas complex*. 2024;2(230):5—10. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.
The article was submitted 27.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 378.161.3
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1514

Natalia Vladimirovna Starodubets
Candidate of Economics, Associate Professor,
Senior Researcher
at the Expert and Analytical Center
for Campus Development,
Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Ekaterinburg, Russian Federation
n.v.starodubets@gmail.com

Наталья Владимировна Стародубец
канд. экон. наук, доцент,
старший научный сотрудник
экспертно-аналитического центра
в области кампусного развития,
Уральский федеральный университет
имени первого президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация
n.v.starodubets@gmail.com

РОЛЬ КАМПУСОВ В УДОВЛЕТВОРЕНИИ ПОТРЕБНОСТЕЙ РОССИЙСКИХ СТУДЕНТОВ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Рынок высшего образования в России является высококонкурентным, поэтому для высших учебных заведений важно удовлетворять потребности целевой аудитории — студентов. В статье рассматривается вопрос о том, в какой мере создаваемые в России университетские кампусы отвечают выявленным потребностям студентов. Исследование основано на анализе трех университетов, включенных в федеральный проект «Создание сети современных кампусов»: Уральский федеральный университет, Балтийский федеральный университет, Новосибирский государственный университет, — для которых к 2026—2027 гг. планируется строительство и оснащение кампусов. Эмпирической базой послужили отзывы студентов на сервисе «Яндекс Карты», включающие как позитивные, так и негативные оценки. Для выявления основных потребностей студентов университетов применен контент-анализ с использованием LLM-модели NotebookLM, позволивший построить «тепловые карты» частоты упоминания ключевых тем по каждому университету. Анализ потребностей показал, что наряду с высокой значимостью инфраструктуры существенную роль играют потребности, связанные с качеством препода-

вания, организацией сервисов и коммуникаций студентов со службами университетов. Возможности кампуса в наибольшей степени отвечают запросам на современную инфраструктуру, комфортное проживание, сервисы и культурно-общественную среду, но лишь частично соотносятся с ожиданиями, связанными с качеством преподавания и существующими управленческими практиками. Сделан вывод о том, что кампусы являются необходимым, но не достаточным условием повышения удовлетворенности студентов. Эффект от реализации федерального проекта «Создание сети современных кампусов» будет максимальным только в том случае, если развитие кампусной инфраструктуры будет сочетаться с целенаправленными мерами по повышению оплаты труда сотрудников университетов, улучшению содержания программ высшего образования, совершенствованию педагогических практик, качества администрирования и культуры взаимодействия.

Ключевые слова: кампус, кампусное развитие, потребности студентов, высшее образование, контент-анализ отзывов, большие языковые модели, университетская инфраструктура, качество образования, государственная политика, удовлетворенность студентов

Для цитирования: Стародубец Н. В. Роль кампусов в удовлетворении потребностей российских студентов // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 119—125. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1514.

Original article

ROLE OF CAMPUSES IN MEETING THE NEEDS OF RUSSIAN STUDENTS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The higher education market in Russia is extremely competitive; therefore, it is crucial for universities to meet the needs of their target audience – students. This article examines the extent to which newly created university campuses in Russia respond to the identified needs of students. The study is based on an analysis of three universities included in the federal project “Creation of a Network of Modern Campuses” (Ural Federal University, Baltic Federal University, Novosibirsk State University), for which the construction and outfitting of campuses is planned for 2026–2027.

The empirical basis consists of student reviews posted on the Yandex.Maps service, including both positive and negative assessments. To identify the main needs of university students, a content analysis was carried out using the NotebookLM large language model, which made it possible to build “heat maps” for the frequency of mentions of key themes for each university. The analysis of needs showed that, along with the high importance of infrastructure, a significant role is played by needs related to the quality of teaching, the organization of services, and communication with university administrative

units. Campus opportunities most fully address the demand for modern infrastructure, comfortable living conditions, services, and a cultural and communicative environment, but only partially correspond to expectations in terms of teaching quality and management practices. It is concluded that campuses are a necessary but not sufficient condition for increasing student satisfaction. The effect of the federal project "Creation of a Network of Modern Campuses" will be maximized only

if the development of campus infrastructure is combined with targeted measures to increase university staff salaries, improve program content, enhance teaching practices, and raise the quality of administration and interaction culture.

Keywords: *campus, campus development, student needs, higher education, content analysis of reviews, large language models, university infrastructure, quality of education, public policy, student satisfaction*

For citation: Starodubets N. V. Role of campuses in meeting the needs of Russian students. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):119—125. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1514.

Введение

Актуальность. В последние десятилетия университеты рассматривают в парадигме участников «тройной» спирали, где они находятся в непосредственном взаимодействии с бизнесом и государством. Такая модель, впервые предложенная Г. Ицковичем [1], подчеркивает роль университетов как критически важных элементов в региональной системе, от которых ожидается активное участие в предпринимательской деятельности. Г. Ицкович рассматривает предпринимательский университет как место, где академическое преподавание и исследования сочетаются с капитализацией знаний. Р. Сайед и Д. Спейсер [2] указывают на произошедший «сдвиг парадигмы»: современные вузы переходят от простого содействия обучению к выполнению миссии по социально-экономическому развитию регионов, что, в числе прочего, предполагает подготовку «создателей рабочих мест» вместо обычных соискателей и требует внедрения основ предпринимательской деятельности во все учебные программы вуза. Взаимодействие бизнеса и университетов подробно рассматривается Б. Оразбаевой с соавторами [3].

В России сформирована сеть высших учебных заведений, конкурирующих между собой за лучших студентов. По результатам мониторинга деятельности организаций высшего образования (<https://monitoring.miccedu.ru/?m=vpo&year=2024>), на конец 2024 г. в России функционируют 1 234 таких организации, общий контингент студентов составляет 4,5 млн чел., из которых 49 % обучаются за счет бюджетных средств, а 51 % — за счет собственных средств. В России в 2025 г., по данным Рособрнадзора, на участие в ЕГЭ зарегистрировалось более 716 тыс. чел., это значит, что на каждый университет приходится всего 580 потенциальных абитуриентов. Таким образом, сфера высшего образования является высококонкурентным рынком, где университеты конкурируют, с одной стороны, за право получения бюджетных средств на подготовку студентов, а с другой стороны, за студентов, оплачивающих обучение самостоятельно. Для второго типа конкуренции особо важна способность университетов удовлетворять потребности студентов.

Изученность проблемы. Одним из векторов государственной политики в сфере высшего образования является кампусное развитие. Идея кампуса, возникшая в XIX в., предполагает переход от изолированных университетов к более открытым и интегрированным в городское пространство моделям. Такая эволюция описана, например, Д. Донг с соавторами [4]. По мнению П. Х. Каппа [5], если ранние модели университетов (например, в Принстоне) основывались на физическом разделении «города и мантии» (*town and gown*) с целью изоляции студентов от городской суеты, то современные планировочные решения стремятся к интеграции университетов и городов. Таким образом, в настоящее время

кампусы трансформировались в «сложные города», активно взаимодействующие с городской средой (что, к примеру, отмечается в работе П. Кампоса с соавторами [6]), с фокусом на устойчивое развитие и общественную открытость. Как отмечает М. Хебберт [7], процесс трансформации превратил территории университетов в сложные экосистемы, где физическая близость к городу способствует более эффективному обмену знаниями и ресурсами. Л. Амистади с соавторами [8] подчеркивают, что современные кампусы функционируют как автономные сообщества внутри города, играя ключевую роль в его пространственной организации и социальной жизни, являясь драйверами городского развития и инноваций. А. М. С. Мохаммед с соавторами [9] доказывают, что кампусы выступают мощными агентами урбанизации, которые притягивают инвестиции и ускоряют развитие даже отдаленных пригородных территорий. В условиях экономики знаний, по мнению Дж. Корнейла и П. Парсонса [10], граница между университетом и городом должна стать взаимопроникающей или вовсе исчезнуть, превращая их в единое целое. М. Али и Ю. Ким [11] рассматривают территорию университета как ценный ресурс общественных пространств (библиотек, театров, спортивных зон и пр.), открытие которых способно компенсировать нехватку объектов городской среды. Э. Б. Али с соавторами [12] отмечают, что кампусы способны играть ключевую роль в демонстрации практик устойчивого развития и напрямую формировать региональную «зеленую» экономику через поддержку малых инновационных предприятий, реализацию соответствующих образовательных программ и снижение углеродного следа кампуса.

Что касается влияния кампусов на развитие экономики согласно модели «тройной» спирали, М. Буиль Фабрега [13] на примере *Tecnocampus* описывает кампус как целостную экосистему, где студенты, исследователи и представители местной власти взаимодействуют на одной площадке, объединяющей учебные корпуса, бизнес-инкубаторы и технологические центры, что способствует неформальному обмену опытом и формированию инновационной среды. В свою очередь, Э. Б. Али с соавторами [14] расширяют это понятие, предлагая рассматривать современные кампусы как «живые лаборатории» (*living laboratories*), в которых студенты не только получают знания, но, совместно с персоналом, участвуют в социальных и экологических экспериментах, что делает университеты катализаторами перехода региона к «зеленой» экономике.

Кампусы мирового уровня функционируют как «якорные институты», формирующие вокруг себя «инновационные районы»: согласно исследованию, проведенному А. Валеро и Дж. Ван Реененом [15], концентрация лабораторий и стартап-инкубаторов на одной территории ведет к росту регионального ВВП и созданию новых рабочих мест в высокотехнологичном секторе.

Современный кампус проектируется как среда, стимулирующая «случайные встречи» и междисциплинарное сотрудничество, что является основой предпринимательского университета, где студенты и профессора вовлечены в решение задач реального сектора. Дж. Г. Виссема [16] подробно описывает, как инфраструктура такого университета будет способствовать созданию технологических хабов и интеграции в глобальные цепи создания стоимости.

В настоящее время в России реализуется федеральный проект «Создание сети современных кампусов» (далее — федеральный проект), его цель — построить к 2030 г. 25 кампусов мирового уровня и модернизировать общежития, создавая комфортные, многофункциональные пространства для учебы, науки, проживания и развития молодежи по всей России, с вовлечением бизнеса и региональных властей, с фокусом на технологическое развитие и привлечение талантов. Финансирование по федеральному проекту до 2030 г. составляет 473 млрд руб. Уже завершено строительство кампусов Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана и Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (далее — УрФУ). В следующем году планируется ввести в эксплуатацию еще два кампуса — Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта (далее — БФУ) и Новосибирского национального исследовательского государственного университета (далее — НГУ).

Кампусное развитие в России также характеризуется переходом от изолированных университетских территорий к пространствам, включенным в городскую среду и берущим на себя образовательные, научные и общественные функции. Как отмечают И. Гладилина с соавторами [17], современные кампусы в России всё чаще формируются в логике «городского университета», что связано с дефицитом свободных территорий и стремлением встроить университеты имеющуюся городскую инфраструктуру через реконструкцию и совместное использование пространств с академическими институтами и бизнесом. Значимым направлением развития кампусов является ландшафтно-экологический подход, ориентированный на озеленение и устойчивый дизайн кампусных территорий. В. В. Кругляк с соавторами [18] подчеркивают роль ландшафта в улучшении качества среды и рекреационных возможностей университетов.

Наконец, усиливается роль кампусов как инновационных «живых лабораторий». Как показывают исследования Н. Б. Седиковой с соавторами [19], использование университетских территорий для апробации технологических и социальных решений способствует развитию предпринимательства и креативных индустрий, усиливая вклад университетов в городское и региональное развитие.

Проблема исследования. В исследовании 2021 г. Центра стратегических разработок «Университетские кампусы и город: кооперация ради конкурентоспособности» (<https://www.csr.ru/upload/iblock/3f0/kbpm276p-3tau6knlzdl3d6ozz0fve0e.pdf>) описана модель целевого образа кампуса, которая предполагает межуниверситетское использование территории кампуса, при этом сам кампус рассматривается как центр для разработки и внедрения передовых технологий и идей, а также место для культурных и общественных мероприятий, интегрированное в городское пространство.

Для студентов и сотрудников кампусы представляют ряд возможностей, включающих в себя:

- современную учебную и исследовательскую среду (аудитории, лаборатории, коворкинги);
- комфортное проживание рядом с местом обучения и работой (общежития и жилье на территории кампуса, сокращение времени на дорогу, эффект «погружения» в университетскую среду);
- развитую сервисную и спортивную инфраструктуру (кафе, магазины, бытовые сервисы, спортивные центры и площадки);
- культурную и коммуникационную среду (культурные центры, клубы, пространства для мероприятий и неформального общения);
- инновации и предпринимательство (инкубаторы, технопарки, R&D-центры, запуск стартапов и коммерциализация разработок);
- полигон для новых технологий и устойчивых решений (тестирование решений в сфере мобильности, энергоэффективности, «зеленой» инфраструктуры и умного города);
- безопасную, инклюзивную и открытую среду (учет потребностей разных групп, включая иностранных студентов, высокий уровень безопасности, интеграция в городскую среду).

Таким образом, очевидно, что кампусы потенциально способны повысить удовлетворенность студентов и сотрудников обучением и работой в университете за счет совокупности возможностей, описанных выше. Вместе с тем остается открытым вопрос, насколько именно эти инфраструктурно-пространственные потребности являются для студентов действительно приоритетными по сравнению с другими группами потребностей, связанными с качеством образовательного процесса, содержанием программ и взаимодействием с преподавателями и административным персоналом университета.

Целесообразность разработки темы определяется необходимостью выявления реальных потребностей студентов университетов, в которых планируется введение в эксплуатацию кампусов, и корректировки государственной политики в сфере кампусного развития в том случае, если возможности, предлагаемые кампусами, расходятся с потребностями студентов.

Научная новизна исследования заключается в использовании большой языковой модели *NotebookLM* для контент-анализа отзывов студентов и построения эмпирически обоснованного перечня их потребностей, а также в соотношении выявленных потребностей с моделью современного кампуса, реализуемой в России.

Целью исследования является выявление роли кампусов в удовлетворении потребностей российских студентов. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести сбор отзывов студентов трех вузов, которые включены в федеральный проект и для которых к 2026—2027 гг. будет осуществлено строительство и оснащение кампусов (УрФУ, БФУ, НГУ).
2. Выполнить контент-анализ полученных отзывов на предмет выявления основных потребностей студентов и проблем университетов, в которых студенты обучаются.
3. Оценить роль кампусов в удовлетворении выявленных потребностей.

Теоретическая значимость исследования заключается в предлагаемом методическом подходе к выявлению научно-обоснованного перечня потребностей студентов,

основанного на применении больших языковых моделей для контент-анализа отзывов, и их соотнесению с возможностями кампусов.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы при планировании и корректировке национальных проектов кампусного развития, для приоритизации управленческих решений в университетах, а также при совершенствовании мер государственной политики в сфере высшего образования с учетом выявленных потребностей студентов.

Основная часть

Материалы и методы. В качестве объекта исследования были выбраны три российских университета, для которых к 2026—2027 гг. будет осуществлено строительство и оснащение кампусов (УрФУ, БФУ, НГУ). Далее были собраны все отзывы об указанных университетах на популярном российском сервисе «Яндекс Карты», как положительные, так и отрицательные. Анализ отзывов является общепринятой в маркетинге практикой, позволяющей

через описание болей, ожиданий, сильных/слабых сторон продукта выявить потребности целевой аудитории (студентов университетов).

На следующем этапе был выполнен контент-анализ отзывов с целью выявления потребностей студентов с помощью большой языковой модели (*Large Language Models, LLM*) *NotebookLM*. Большие языковые модели — это нейросети, обученные на массивах текстовых данных, выполняющие аналитическую обработку текстов, включая выявление скрытых паттернов в больших текстовых массивах, что, в том числе, находит свое применение в маркетинге для выявления потребностей клиентов посредством анализа отзывов [20]. Результатом данного этапа является тепловая карта потребностей, озвученных в отзывах, по каждому университету, с частотой их упоминания в отзывах.

На последнем этапе были соотнесены выявленные потребности студентов и возможности, предлагаемые кампусами, сделаны выводы о роли кампусов в удовлетворении потребностей российских студентов. Этапы выполнения исследования представлены на рисунке.

1 этап	Выбор объектов исследования Выбраны университеты с планируемыми кампусами (УрФУ, БФУ, НГУ)
2 этап	Сбор отзывов Собраны отзывы студентов с Яндекс.Карт
3 этап	Контент-анализ Проведен анализ отзывов с использованием LLM
4 этап	Соотнесение потребностей и возможностей Сопоставлены потребности студентов с возможностями кампусов
5 этап	Выводы о роли кампусов Сделаны выводы о роли кампусов в удовлетворении потребностей студентов

Рис. Этапы выполнения исследования

Результаты исследования

• **УрФУ (г. Екатеринбург).** Согласно федеральному проекту, к концу 2026 г. будет осуществлено строительство и оснащение трех корпусов — Институт радиоэлектроники и информационных технологий, Институт экономики и управления, Специализированный учебно-научный центр.

С сервиса «Яндекс Карты» был собран 381 отзыв об УрФУ за 2017—2025 гг. Контент-анализ выявил следующие потребности студентов, представленные в виде тепловой карты (табл. 1).

Таблица 1

Тепловая карта потребностей студентов УрФУ

Тема (потребность/проблема)	Общая частота упоминания
Преподавательский состав и качество преподавания	59
Инфраструктура и внеучебная жизнь	51
Организационные вопросы	34
Общий уровень/результат образования	30
Финансовые вопросы, стоимость и рейтинги	22

Согласно табл. 1, наиболее часто в отзывах студентов поднимается тема преподавательского состава и качества преподавания (59 упоминаний). Инфраструктура и внеучебная жизнь (51) занимают второе место. При этом упоминается недостаточная материальная база на технических направлениях, устаревшее оборудование («осталось со времен СССР»). Авторы отзывов положительно отзываются о яркой, насыщенной, разнообразной внеучебной жизни в УрФУ. Далее по частоте следуют организационные вопросы (34) и общий уровень/результат образования (30). В отзывах студенты отмечают, что часто сотрудники не могут дать точной информации и отсылают в другие кабинеты («это не ко мне»), процветает бюрократия. Финансовые вопросы и погоня за рейтингами (22) также звучат в отзывах, но находятся на пятом месте, выступая важным, но не доминирующим фактором.

• **БФУ (г. Калининград).** Согласно федеральному проекту, к концу 2026 г. будет построено восемь зданий — общие аудитории с библиотекой, корпуса *Welcome zone*, учебный корпус «Биомед», учебные корпуса Института высоких технологий, Высшей школы философии и социальных наук, конференц-комплекс, два общежития.

С сервиса «Яндекс Карты» были собраны 109 отзывов о БФУ за 2018—2025 гг. Контент-анализ выявил следующие потребности студентов (табл. 2).

Таблица 2
Тепловая карта потребностей студентов БФУ

Тема (потребность/проблема)	Общая частота упоминания
Инфраструктура, материально-техническое оснащение	35
Качество образования, компетентность и практикоориентированность преподавателей	30
Сервис, организация процессов и коммуникации, отношение персонала	25
Справедливость, безопасность и этика	10
Логистика и расположение, удобство доступа	5

По данным табл. 2, на первом месте по частоте упоминаний стоит инфраструктура и материально-техническое оснащение университета (35 упоминаний). Авторы отзывов отмечают контраст между красивым фасадом и отсутствием оснащения в отдельных кабинетах. Практически сопоставимое число упоминаний имеет блок качества образования и компетентности/практикоориентированности преподавателей (30). В отзывах присутствует благодарность «сильному составу» и «лучшим в стране» педагогам, одновременно присутствуют жалобы на «теоретиков без практики» и низкий уровень преподавания («ниже плинтуса»), сжатость программ, и смену учебных планов в процессе обучения. Третья по значимости группа — сервис, организация процессов, коммуникации и отношение персонала (25) — показывает, что студенты чувствительны к тому, насколько удобно и уважительно выстроено взаимодействие с университетом. Темы справедливости, безопасности и этики (10) и логистики, расположения и удобства доступа (5) упоминаются реже, но тем не менее демонстрируют, что для студентов важна безопасная, справедливая, доступная среда.

- **НГУ (г. Новосибирск).** Согласно федеральному проекту, к концу 2026 г. будут построены учебный корпус поточных аудиторий, научная библиотека и переход в НГУ; учебно-научный центр института медицины и психологии В. Зельмана НГУ; научно-исследовательский центр НГУ.

С сервиса «Яндекс Карты» был собран 271 отзыв об НГУ за 2017—2025 гг. Контент-анализ выявил следующие потребности студентов (табл. 3).

Таблица 3
Тепловая карта потребностей студентов НГУ

Тема (потребность/проблема)	Общая частота упоминания
Инфраструктура и среда	140
Качество образования и наука	130
Престиж и востребованность	50
Атмосфера студенческого городка	40
Администрирование и сервис	15
Доступность (стоимость обучения / баллы)	15

По данным табл. 3, по частоте упоминаний лидирует тема инфраструктуры и среды (140 упоминаний). В отзывах многократно подчеркивается визуальная и функциональная привлекательность пространства университета. Практически сопоставимое число упоминаний связано с качеством образования и научной составляющей (130). НГУ описывают как «кузницу ученых», где учат «думать, а не зубрить» и где «только знания, только хардкор». Высоко ценится связь с институтами Сибирского отделения Российской академии наук и отсутствие коррупции, однако одновременно отмечают «огромные нагрузки» и связанные с этим ментальные проблемы у студентов. Третья по значимости тема — престиж и востребованность (50): студенты рассматривают НГУ как сильный социальный лифт. Из отзывов следует потребность в особой среде «умных, интеллигентных людей», подчеркивается уникальность Академгородка, близость леса и природы — данная тема имеет 40 упоминаний. Темы администрирования и сервиса (15) и доступности (15), судя по частотам упоминания, не являются ключевыми для студентов НГУ, но тем не менее по ним отмечаются негативные моменты: строгий пропускной режим, «сухие» ответы приемной комиссии, высокий проходной балл и нехватку бюджетных мест.

Закключение

Результаты контент-анализа отзывов показывают, что ключевые потребности обучающихся во многом соотносятся с тем набором возможностей, который заложен в модели современного кампуса, но не покрывается им полностью. Во всех трех университетах значимую роль играет запрос на качественную инфраструктуру и среду: от материально-технического оснащения и состояния корпусов до комфортных общежитий, наличия сервисов и культурной жизни. В этой части возможности кампуса напрямую удовлетворяют данную группу потребностей.

В то же время по отзывам очевидно, что инфраструктура не является единственным источником удовлетворенности и явно проявляется второй выраженный фокус потребностей студентов — компетентный преподавательский состав и качество преподавания, который в настоящее время не соотносится с возможностями кампусов в полной мере. Недостаточно высокое качество преподавания, по мнению автора, связан с системой оплаты труда профессорско-преподавательского состава: несмотря на официальный рост доходов в последние несколько лет, отмечаются различные манипуляции с указанием доходов в отчетах (например, снижение доли ставки и вывод части учебной нагрузки на почасовую оплату труда на фоне роста нормативной нагрузки, что формально завышает доход преподавателя для статистики), в то время как реальный доход преподавателей увеличился незначительно [21]. В этой связи преподаватели вынуждены заниматься дополнительной работой (написание статей, выполнение грантов, частное консультирование, административная работа и пр.), что может негативно сказываться на качестве преподавания. Необходимо внедрение прозрачной отраслевой системы оплаты труда, которая будет учитывать специфику вузов, нагрузку и квалификацию преподавателя.

Отдельная часто упоминаемая группа потребностей связана с сервисом, организацией процессов и коммуникациями, отношением административного персонала, а также справедливостью, безопасностью и доступностью (стоимость, конкурс, наличие бюджетных мест). С одной стороны, часть этих проблем может быть сглажена за счет возможностей кампуса и создания безопасной, инклюзивной,

открытой среды и цифровых сервисов «одного окна». С другой стороны, сами по себе новые здания не меняют управленческие практики и культуру взаимодействия, и одной из причин сложившейся ситуации является низкий уровень оплаты труда учебно-вспомогательного персонала, оклады которых зачастую находятся на уровне минимального размера оплаты труда, что не позволяет привлечь квалифицированных сотрудников, заинтересованных в совершенствовании бизнес-процессов внутри университета. В качестве еще одной причины можно назвать низкий уровень развития цифровых сервисов по взаимодействию между студентами и сотрудниками внутри университетов.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что кампусы являются необходимым, но недостаточным условием повышения удовлетворенности студентов. Эффект от реализации федерального проекта «Создание сети современных кампусов» будет максимальным только в том случае, если развитие кампусной инфраструктуры будет сочетаться с целенаправленными мерами по повышению оплаты труда сотрудников университетов, улучшению содержания программ, совершенствованию педагогических практик, качества администрирования и культуры взаимодействия со студентами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix—University-industry-government relations: A laboratory for knowledge based economic development // *EASST Review*. 1995. Vol. 14. Iss. 1. Pp. 14—19.
2. Syed R. T., Spicer D. Entrepreneurial university development through the lens of stakeholders. Why? What? and How? // *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2025. Vol. 14. Iss. 1. Art. 36. DOI: 10.1186/s13731-025-00500-0.
3. Orazbayeva B., Plewa C., Davey T., Galan Muros V. The future of university-business cooperation: Research and practice priorities // *Journal of Engineering and Technology Management*. 2019. Vol. 54. Pp. 67—80. DOI: 10.1016/j.jengtecman.2019.10.001.
4. Dong D., Wang J., Mu T., Lu W. A new paradigm for comprehensive design strategy for university campus renewal // *City and Built Environment*. 2023. Vol. 1. Iss. 1. Art. 17. DOI: 10.1007/s44213-023-00020-1.
5. Kapp P. H. The university campus in the United States—as a designed work to produce knowledge; and as an artefact of cultural heritage // *Built Heritage*. 2018. Vol. 1. Pp. 49—65. DOI: 10.1186/bf03545702.
6. Campos P., Luceño L., Aguirre C. Physical spaces in higher education as scenarios of learning innovation: Composition and formative synergies among architecture, music, and fashion // *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2021. Vol. 11. Iss. 4. Pp. 1166—1180. DOI: 10.3390/ejihpe11040086.
7. Hebbert M. The campus and the city: A design revolution explained // *Journal of Urban Design*. 2018. Vol. 23. Iss. 6. Pp. 883—897. DOI: 10.1080/13574809.2018.1518710.
8. Amistadi L., Bradecki T., Uherek-Bradecka B. Resilient university campus in the city in COVID and post-COVID era—recommendations, guidelines, and evidence from research in Italy and Poland // *Urban Design International*. 2022. Vol. 28. Iss. 2. Pp. 141—151. DOI: 10.1057/s41289-022-00211-y.
9. Mohammed A. M. S., Ukai T., Hall M. W. University campuses' role in accelerating the natural urban transformation process // *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 2022. No. 58. Pp. 75—96. DOI: 10.12775/bgss-2022-0035.
10. Corneil J., Parsons P. The contribution of campus design to the knowledge society: An international perspective // *Campus and the city. Urban design for the knowledge society* / eds. K. Hoeger, K. Christiaanse. Zürich : gta Verlag, 2007. P. 115—127.
11. Ali M., Kim Y. Can a University Campus work as a public space in the metropolis of a developing country? The case of Ain-Shams University, Cairo, Egypt // *Sustainability*. 2020. Vol. 12. Iss. 17. Art. 7229. DOI: 10.3390/su12177229.
12. Али Э. Б., Ануфриев В. П., Стародубец Н. В. Совершенствование оценки вклада университета в формирование региональной «зеленой» экономики // *Бизнес. Образование. Право*. 2024. № 3(68). С. 127—132. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1082.
13. Buil Fabregà M. How entrepreneurship in higher education helps to sustainable development at the local level: the case of Tecnocampus // *Towards Green Campus Operations: Energy, Climate and Sustainable Development Initiatives at Universities* / eds. W. Leal Filho, F. Frankenberger, P. Iglecias, R. C. K. Mülfarth. Cham : Springer International Publishing, 2018. Pp. 587—604. DOI: 10.1007/978-3-319-76885-4_40.
14. Али Э. Б., Ануфриев В. П., Стародубец Н. В. Зеленые университеты как катализаторы перехода к устойчивой зеленой экономике: от частного к общему // *Экономика, предпринимательство и право*. 2024. Т. 14. № 9. С. 5037—5054. (На англ. яз.) DOI: 10.18334/epp.14.9.121216.
15. Valero A., Van Reenen J. The economic impact of universities: Evidence from across the globe // *Economics of Education Review*. 2019. Vol. 68. Pp. 53—67. DOI: 10.1016/j.econedurev.2018.09.001.
16. Wissema J. G. *Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition*. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2009. 272 p.
17. Prospects for the development of university campuses integrated into urban environment in Russia and Kazakhstan / I. Gladilina, S. Sergeeva, N. Deputatova et al. // *Civil Engineering and Architecture*. 2023. Vol. 11. Iss. 6. Pp. 3347—3354. DOI: 10.13189/cea.2023.110610.
18. Кругляк В. В., Барруху С. Ф., Царегородцев А. В. Ландшафтная архитектура территории кампусов университетов // *Лесной вестник*. 2023. Т. 27. № 2. С. 128—145. DOI: 10.18698/2542-1468-2023-2-128-145.
19. Седикова Н. Б., Иноземцева Е. К., Хахаева Н. В., Черникова Д. В. Университетские кампусы как живые лаборатории // *Urbis et Orbis. Микроистория и семиотика города*. 2024. Т. 4. № 2. С. 183—200. DOI: 10.34680/urbis-2024-4(2)-183-200.
20. Гришин Н. В. Применение инструментов на основе искусственного интеллекта в практической работе маркетолога // *Практический маркетинг*. 2025. № 7. С. 31—36. DOI: 10.24412/2071-3762-2025-7337-31-36.
21. Клячко Т. Л. Заработная плата профессорско-преподавательского состава и научных работников российских высших учебных заведений // *Вопросы теоретической экономики*. 2024. № 3. С. 93—121. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_93_121.

REFERENCES

1. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The Triple Helix—University-industry-government relations: A laboratory for knowledge based economic development. *EASST Review*. 1995;14(1):14—19.
2. Syed R. T., Spicer D. Entrepreneurial university development through the lens of stakeholders. Why? What? and How?. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*. 2025;14(1):36. DOI: 10.1186/s13731-025-00500-0.
3. Orazbayeva B., Plewa C., Davey T., Galan Muros V. The future of university-business cooperation: Research and practice priorities. *Journal of Engineering and Technology Management*. 2019;54:67—80. DOI: 10.1016/j.jengtecman.2019.10.001.
4. Dong D., Wang J., Mu T., Lu W. A new paradigm for comprehensive design strategy for university campus renewal. *City and Built Environment*. 2023;1(1):17. DOI: 10.1007/s44213-023-00020-1.
5. Kapp P. H. The university campus in the United States—as a designed work to produce knowledge; and as an artefact of cultural heritage. *Built Heritage*. 2018;1:49—65. DOI: 10.1186/bf03545702.
6. Campos P., Luceño L., Aguirre C. Physical spaces in higher education as scenarios of learning innovation: Compositional and formative synergies among architecture, music, and fashion. *European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education*. 2021;11(4):1166—1180. DOI: 10.3390/ejihpe11040086.
7. Hebbert M. The campus and the city: A design revolution explained. *Journal of Urban Design*. 2018;23(6):883—897. DOI: 10.1080/13574809.2018.1518710.
8. Amistadi L., Bradecki T., Uherek-Bradecka B. Resilient university campus in the city in COVID and post-COVID era—recommendations, guidelines, and evidence from research in Italy and Poland. *Urban Design International*. 2022;28(2):141—151. DOI: 10.1057/s41289-022-00211-y.
9. Mohammed A. M. S., Ukai T., Hall M. W. University campuses' role in accelerating the natural urban transformation process. *Bulletin of Geography. Socio-economic Series*. 2022;58:75—96. DOI: 10.12775/bgss-2022-0035.
10. Corneil J., Parsons P. The contribution of campus design to the knowledge society: An international perspective. *Campus and the city. Urban design for the knowledge society*. K. Hoeger, K. Christiaanse (eds.). Zürich, gta Verlag, 2007. Pp. 115—127.
11. Ali M., Kim Y. Can a university campus work as a public space in the metropolis of a developing country? The case of Ain-Shams University, Cairo, Egypt. *Sustainability*. 2020;12(17):7229. DOI: 10.3390/su12177229.
12. Ali E. B., Anufriev V. P., Starodubets N. V. Improving the assessment of the university's contribution to the formation of regional green economy. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2024;3(68):127—132. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1082.
13. Buil Fabregà M. How entrepreneurship in higher education helps to sustainable development at the local level: the case of Tecnocampus. *Towards Green Campus Operations: Energy, Climate and Sustainable Development Initiatives at Universities*. W. Leal Filho, F. Frankenberger, P. Iglecias, R. C. K. Mülfarth (eds.). Cham, Springer International Publishing, 2018. Pp. 587—604. DOI: 10.1007/978-3-319-76885-4_40.
14. Ali E. B., Anufriev V. P., Starodubets N. V. Green universities as catalysts for transitioning to a sustainable green economy: a bottom-up approach. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, entrepreneurship and law*. 2024;14(9):5037—5054. DOI: 10.18334/epp.14.9.121216.
15. Valero A., Van Reenen J. The economic impact of universities: Evidence from across the globe. *Economics of Education Review*. 2019;68:53—67. DOI: 10.1016/j.econedurev.2018.09.001.
16. Wissema J. G. Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2009. 272 p.
17. Gladilina I., Sergeeva S., Deputatova N. et al. Prospects for the development of university campuses integrated into urban environment in Russia and Kazakhstan. *Civil Engineering and Architecture*. 2023;11(6):3347—3354. DOI: 10.13189/cea.2023.110610.
18. Kruglyak V. V., Barruhu S. F., Tsaregorodtsev A. V. University campus landscape architecture. *Lesnoi vestnik = Forestry Bulletin*. 2023;27(2):128—145. (In Russ.) DOI: 10.18698/2542-1468-2023-2-128-145.
19. Sedikova N. B., Inozemtseva E. I., Kakhaeva N. V., Chernikova D. V. University campuses as living laboratories. *Urbis et Orbis. Mikroistoriya i semiotika goroda = Urbis et Orbis. Microhistory and Semiotics of the City*. 2024;4(2):183—200. (In Russ.) DOI: 10.34680/urbis-2024-4(2)-183-200.
20. Grishin N. V. Application of AI-based tools in the practical work of a marketer. *Prakticheskii marketing = Practical Marketing*. 2025;7:31—36. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-3762-2025-7337-31-36.
21. Klyachko T. Salary of teaching staff and researchers of russian higher educational institutions. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki = Issues of Economic Theory*. 2024;3:93—121. (In Russ.) DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_93_121.

Статья поступила в редакцию 06.12.2025; одобрена после рецензирования 24.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.
The article was submitted 06.12.2025; approved after reviewing 24.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья**УДК 334.784****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1564****Galina Victorovna Tretyakova**

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Foreign Languages
and Intercultural Communication,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
gvtretyakova@fa.ru

Veronika Andreevna Petrovskaya

Student of the Faculty
of International Economic Relations,
field of training
38.03.01 — Economics, profile: “World Economy,
World Finance, and International Business”,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
230655@edu.fa.ru

Anastasia Sergeevna Gushchina

Student of the Faculty
of International Economic Relations,
field of training
38.03.01 — Economics, profile: “World Economy,
World Finance, and International Business”,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
237992@edu.fa.ru

Галина Викторовна Третьякова

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков
и межкультурной коммуникации,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
gvtretyakova@fa.ru

Вероника Андреевна Петровская

студент факультета
международных экономических отношений,
направление подготовки
38.03.01 — Экономика,
профиль: «Международные экономические отношения»,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
230655@edu.fa.ru

Анастасия Сергеевна Гущина

студент факультета
международных экономических отношений,
направление подготовки
38.03.01 — Экономика,
профиль: «Международные экономические отношения»,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
237992@edu.fa.ru

ЯЗЫКОВЫЕ БАРЬЕРЫ КАК ФАКТОР СНИЖЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВЛИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ

5.2.1 — Экономическая теория

Аннотация. В современном мире происходит обновление старых и возникновение новых объединений, диверсификация их организационных форм, эволюция в направлении более глубокого разделения труда в формате региональных экономических связей. В настоящее время страны рассматривают возможность укрепления своих позиций на мировой экономической арене и лучшей защиты национальных интересов в условиях глобализации мировой экономики.

В статье исследуется влияние языковых барьеров на международную торговлю в условиях санкционной переориентации торговых потоков. Актуальность исследования обусловлена масштабной фрагментацией мировой торговой системы и вынужденным переходом ряда стран на альтернативные рынки. В статье проведен сравнительный анализ влияния языковых барьеров на международную торговлю при санкционной переориентации торговых потоков. В ходе исследования установлено, что языковые барьеры являются существенным компонентом транзакционных издержек в международной торговле. Проанализированы конкретные примеры сотрудничества России

с ключевыми партнерами — Китаем и Индией, выявлены основные проблемы и трудности, связанные с языковыми и культурными различиями. Результаты исследования демонстрируют, что эффективность преодоления языковых барьеров достигается при комплексном применении государственных, технологических и корпоративных мер. Выявлено, что языковые барьеры ежегодно обходятся мировой экономике в 1,2 трлн долларов в виде упущенных возможностей и дополнительных издержек.

Современные глобальные экономические и политические преобразования свидетельствуют о поиске новых перспективных форм развития международных отношений. Исследование показывает, что языковые барьеры увеличивают транзакционные издержки и снижают эффективность внешнеэкономической деятельности. При этом их влияние усиливается в условиях вынужденной торговой переориентации. Выявлены основные инструменты преодоления языковых препятствий: развитие машинного перевода, корпоративное обучение языкам, привлечение билингвальных специалистов и местных посредников.

Ключевые слова: языковой барьер, международная торговля, санкционные ограничения, транзакционные издержки, внешнеэкономическая деятельность, эффективность,

вынужденная торговая переориентация, основные инструменты, развитие машинного перевода, корпоративное обучение языкам, привлечение билингвальных специалистов

Для цитирования: Третьякова Г. В., Петровская В. А., Гущина А. С. Языковые барьеры как фактор снижения международной торговли в условиях санкций // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 126—131. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1564.

Original article

LANGUAGE BARRIERS AS A FACTOR IN REDUCING INTERNATIONAL TRADE UNDER SANCTIONS

5.2.1 — Economic theory

Abstract. *In the modern world, on all the continents, there is the renewal of old and the emergence of new associations, the diversification of their organizational forms, and the evolution towards a deeper division of labor in the format of regional economic relations. Currently, countries are considering the possibility of strengthening their positions in the global economic arena and better protecting national interests in a globalized world economy.*

The article examines the impact of language barriers on international trade in the context of reorientation of trade flows due to sanctions. The relevance of the study is due to the large-scale fragmentation of the global trading system and the forced transition of a number of countries to alternative markets. The article provides a comparative analysis of the impact of language barriers on international trade during the sanctions reorientation of trade flows due to sanctions. The study found that language barriers are an essential component of transaction costs in international trade. The article analyzes specific examples of cooperation between Russia and key partners — China and India, identifies the main problems and difficulties associated with linguistic

and cultural differences. The results of the study demonstrate that the effectiveness of overcoming language barriers is achieved through the integrated application of government, technological and corporate measures. It is revealed that language barriers annually cost the global economy 1.2 trillion dollars in lost opportunities and additional costs.

Modern global economic and political transformations indicate the search for new promising forms of development of international relations. The study shows that language barriers increase transaction costs and reduce the effectiveness of foreign economic activity. At the same time, their impact intensifies under conditions of forced trade reorientation. The main tools for overcoming language barriers are identified: development of machine translation, corporate language training, recruitment of bilingual specialists, and engagement of local intermediaries.

Keywords: *language barrier, international trade, sanctions restrictions, transaction costs, foreign economic activity, efficiency, forced trade reorientation, main tools, development of machine translation, corporate language training, recruitment of bilingual specialists*

For citation: Tretyakova G. V., Petrovskaya V. A., Gushchina A. S. Language barriers as a factor in reducing international trade under sanctions. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):126—131. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1564.

Введение

В наше время мировая торговая система переживает период масштабной фрагментации. По данным на 2025 г., экономические санкции применяются к более чем 35 странам, причем семь из них: Куба, Иран, Россия, КНДР, Сирия, Венесуэла и Зимбабве — находятся под долгосрочным санкционным давлением. Вынужденная переориентация торговых потоков с традиционных партнеров на альтернативные рынки создает новые вызовы, среди которых языковые барьеры играют особую роль. В этой ситуации, когда страны не могут выбирать оптимальных партнеров, а вынуждены работать с доступными рынками, эффект языковых барьеров может значительно усиливаться.

Актуальность данного исследования определяется тем, что переориентация торговли часто происходит на лингвистически далекие рынки. Например, Россия переориентировалась на страны Азиатско-Тихоокеанского региона: если в 2021 г. доля АТЭС в структуре экспорта Российской Федерации составляла 26,5 %, то к 2024 г. она увеличилась до 75,9 %.

Изученность проблемы. Теоретическую основу исследования составили работы К. Д. Горбулиной [1], которая рассматривала языковые барьеры в международ-

ной бизнес-коммуникации; К. М. Табаринцева-Романова представила фундаментальные исследования влияния общего языка на объем двусторонней торговли (увеличение на 42—60 %) [2]; Г. В. Третьякова, П. Д. Куксёнок, Р. Г. Коуз, Ф. Т. Ротермель, Д. Н. Ку [3—5] в своих работах пишут о влиянии языковых барьеров на торговые потоки; Л. Кулик и Ян и Ярро Фидрмуки [6; 7] исследовали эмпирические аспекты влияния языка на международную торговлю. В современной научной литературе проблема языковых барьеров в контексте санкционной торговли изучена недостаточно. Существующие исследования можно разделить на две группы: работы, изучающие влияние языка на международную торговлю в нормальных условиях (Ж. Юе [8], Дж. Френкель [9], Е. А. Бацурина [10], Н. Попова, А. Дашкина, Г. Третьякова, Л. Ванг [11], Ц. Ван и И. Г. Алмазова [12], О. В. Гинзбург и Е. Ю. Белозёрова [13]) и исследования экономических эффектов санкций без учета языкового фактора (О. Н. Камшилова [14], J. Lohmann [15]). Отсутствуют комплексные исследования, рассматривающие языковые барьеры как специфический фактор, влияющий на международную торговлю в условиях вынужденной переориентации торговых потоков под санкционным давлением.

Целесообразность разработки темы сведена к тому, что существующие работы фокусируются либо на влиянии языка в условиях «нормальной» торговли, либо на общеэкономических эффектах санкций, но не рассматривают языковой фактор как специфический барьер при санкционной переориентации.

Поэтому **цель** исследования — обосновать влияние языковых барьеров на международную торговлю в условиях санкционной переориентации торговых потоков.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1. Систематизировать теоретические подходы к анализу языковых барьеров как компонент транзакционных издержек в международной торговле.
2. Обобщить эмпирические исследования влияния языка на интенсивность торговых потоков.
3. Определить основные инструменты преодоления языковых барьеров.
4. Проанализировать языковые вызовы и стратегии их преодоления в России в контексте переориентации на Восток.

Научная новизна исследования заключается в следующих положениях:

- впервые проведено комплексное исследование влияния языковых барьеров на международную торговлю именно в условиях вынужденной переориентации торговых потоков под санкционным давлением, что ранее не рассматривалось в единстве этих факторов;
- выявлено и обосновано, что языковые барьеры являются самостоятельным существенным компонентом транзакционных издержек в международной торговле, особенно усиливающимся при вынужденном переходе на новые рынки;
- предложена и доказана новая концепция о том, что эффективность преодоления языковых барьеров достигается только при комплексном применении государственных, технологических и корпоративных мер, а не изолированно;
- установлено, что ежегодные потери мировой экономики от языковых барьеров составляют 1,2 трлн долларов США в виде упущенных возможностей и дополнительных издержек, что является новым количественным показателем;
- систематизированы и классифицированы основные инструменты преодоления языковых препятствий в международной торговле, включая развитие машинного перевода, корпоративное обучение языкам и привлечение билингвальных специалистов;
- на примере сотрудничества России с ключевыми партнерами (Китай и Индия) выявлены специфические особенности влияния языковых и культурных различий на эффективность внешнеэкономической деятельности в условиях санкционных ограничений.

Теоретическая значимость работы состоит в более глубоком и полном понимании того, что языковые барьеры влияют на интенсивность и эффективность торговли при переориентации с традиционных партнеров на альтернативные рынки.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения его результатов для разработки стратегий преодоления языковых барьеров в условиях санкционных ограничений международной торговли.

Методологическую базу исследования составляют концепция транзакционных издержек, гравитационные модели международной торговли с языковой переменной, эмпирические исследования влияния языка на торговлю, а также методы сравнительного анализа и кейс-стади.

Основная часть

Роль языка в международной торговле объясняет теория транзакционных издержек Рональда Коуза, впервые изложенная в его работе «Природа фирмы». Хотя данная теория изначально рассматривала издержки непосредственно внутри самой организации, его концепция также применима к международной торговле. Рональд Коуз утверждает, что любое экономическое решение агента сопровождается не только производственными издержками, но и издержками, возникающими в процессе самой сделки.

Именно в контексте транзакционных издержек становится очевидным критическое влияние языковых барьеров. Сейчас языковые барьеры ежегодно обходятся мировой экономике в 1,2 трлн долларов США в виде упущенных возможностей и дополнительных издержек. Процесс поиска и обработки информации усложняется необходимостью работать с иностранными источниками. Контроль за исполнением контракта также усложняется. Юридические документы требуют точного перевода во избежание ошибок, которые могут привести к финансовым потерям, а также судебным спорам.

Тема влияния языка на международную торговлю изучается с конца XX в. Согласно последним исследованиям, проведенным в 1990-х гг., наличие общего языка между двумя странами увеличивает объем двусторонней торговли примерно на 42—60 %. Они выявили статистически значимое влияние языкового фактора. Точные цифры варьируются в зависимости от года анализа. То есть, в 1965 г. эффект составлял примерно 65 % увеличения торговли [$\exp(0,50) = 1,65$]; в 1990 г. — примерно 42 % [$\exp(0,35) = 1,42$]; в среднем по данным за 1970—1990 гг. — около 60 % [$\exp(0,47) = 1,60$]. Это означает, что две страны, с населением, говорящим на одном языке, торгуют между собой в 1,4—1,6 раза больше, чем две страны с различными языками при прочих равных условиях.

Эмпирический анализ раскрывает, как языковые и культурные препятствия сказываются на внешнеторговой активности России. Проиллюстрировать это можно на конкретных примерах сотрудничества с ее ключевыми союзниками в настоящее время — Китаем и Индией. Усиленное санкционное давление повышает стратегическую важность обоих направлений, требуя создания условий для долгосрочного сотрудничества.

Уже на протяжении практически 15 лет Китай остается крупнейшим торговым партнером России. В 2024 г. внешнеторговый оборот России с Китаем достиг 245 млрд долларов США, а спрос на специалистов со знанием китайского более чем в 1,6 раза по сравнению с 2023 г. Однако, по данным 2023 г. российский бизнес столкнулся с дефицитом технических переводчиков с китайского языка. Также стоит отметить частое возникновение ошибок в бизнес-переводах, связанное с несоответствием синтаксиса нормам китайского языка, что ведет к неестественным или трудным для понимания китайским конструкциям. К языковым трудностям добавляются культурные различия в деловой коммуникации. В бизнес-среде Китая существует многоуровневая система личных взаимоотношений

«гуанси», которая часто определяет успешность сделки. Эксперты в сфере торговли с Китаем подчеркивают необходимость привлечения посредника для выхода на китайский рынок, дистрибьютора, уже обладающего опытом работы в Китае. Открытие счетов в китайских банках также зависит от деловых связей «гуанси». Таким образом, языковой и культурный значительно повышают транзакционные издержки и снижают эффективность внешнеэкономических операций.

Индия также является важным партнером России на международной арене. По итогам 2024 г. товарооборот России и Индии достиг своего рекордного максимума и составил 70,6 млрд долларов США (+9,2 % за год). В ноябре 2025 г. ЕАЭС и Индия начнут переговоры о создании зоны свободной торговли. Ее создание снимет многие барьеры и значительно расширит взаимный доступ к рынкам.

Индия обладает структурным преимуществом в международной коммуникации. Значение английского языка как основного языка индийской бизнес-среды снижает прямые затраты на перевод и адаптацию документации. Однако, несмотря на высокий статус английского в стране, по данным общенациональной переписи населения, проведенной в 2011 г., только 10,2 % населения Индии говорят по-английски. И только 259 678 чел. в Индии являются носителями английского языка. При всем этом английская культура в Индии достаточно закрытая. Из-за закрытости индийский английский продолжает смешиваться с индийскими языками, приобретая специфические особенности, что также вызывает трудности при международной деловой коммуникации. Также существенно усложняют ситуацию культурные особенности индийского бизнес-этикета, например: иерархичность принятия решений и избегание категоричных «нет» в коммуникации, откладывающее исполнение договоренностей на неопределенный срок.

Говоря о сотрудничестве России и Индии, можно указать, что английский язык значительно снижает прямые языковые барьеры, но не устраняет косвенные издержки, связанные с культурными различиями.

Иностранные языки стали полноценным стратегическим инструментом, необходимым для экономического развития государства. В России действует целый комплекс федеральных программ, направленных на поддержку в изучении иностранных языков среди населения. Государственные вузы также играют роль в адаптации к новым экономическим реалиям и способствуют преодолению языковых барьеров путем создания новых программ и расширения кафедр. Так, в МГИМО, в рамках переориентации торговли на Восток было добавлено восемь новых основных программ на уровне бакалавриата и магистратуры по взаимодействию со странами Востока и Азии, а также были введены конкурсы по восточным языкам для школьников и студентов, и стали проводиться конференции и другие мероприятия, направленные на поддержку изучения восточных языков в контексте культурной дипломатии и экономического развития.

За последние несколько лет мы наблюдали настоящую революцию в сфере языковых технологий, благодаря которой ситуация с языковыми барьерами в международной торговле кардинально изменилась. К примеру, *Google Translate* появился в 2006 г., а уже сегодня объем мирового рынка машинного перевода превысил 220 млн долларов США, а к 2033 г., по прогнозам *IMARC*

Group, ожидается прирост рынка минимум в 2 раза. Принципиальным преимуществом нейросетевого подхода является использование контекста всего исходного предложения для перевода, что позволяет получить более точный результат по сравнению с традиционными подходами. Именно поэтому переход от базовых моделей перевода к нейросетевым приближает нас к решению проблемы языковых барьеров.

Существуют специальные метрики, которые позволяют измерять, насколько хорошо машина переводит текст по сравнению с эталонным переводом, сделанным человеком. Наиболее распространенная — *BLEU (Bilingual Evaluation Understudy)* — работает по принципу подсчета совпадений между машинным переводом и человеческим переводом. Вторая метрика — *F-measure* — ищет максимальное количество соответствий между переводами и считается более надежной. Исследование, проведенное в 2022 г., сравнило качество переводов системы *Google*, полученных в 2016 и в 2021 гг. По метрике *BLEU* система *Google* улучшила свои показатели на 15,71 %. По метрике *F-measure* улучшение составило 11,4 %. А перешедшая полностью на нейронное обучение система *PROMT* улучшила свои показатели по метрике *BLEU* на 13,63 %. Это означает, что для большинства деловых документов, которые не требуют максимальной юридической точности, машинный перевод может стать основным инструментом уже в ближайшем будущем.

Одно из наиболее инновационных применений ИИ-переводов — синхронный перевод видеоконференций. «Яндекс Переводчик» в 2025 г. добавил функцию перевода видеоконференций в реальном времени, позволяя участникам видеовстреч слышать переведенную речь партнера через наушники практически без задержки (менее 1 сек). Компания, может существенно сэкономить время благодаря быстрому темпу обсуждения без необходимости ждать последовательного перевода.

Для решения проблемы языковых барьеров отдельные компании инвестируют в повышение квалификации своих сотрудников. Корпоративное обучение языкам обеспечивает долгосрочное конкурентное преимущество на международных рынках. Другой корпоративной стратегией является целенаправленный найм билингвальных специалистов и привлечение местных посредников, приобретая готовые языковые компетенции, необходимые компании для немедленного выхода на новые рынки. Преимущество билингвалов заключается в том, что они могут самостоятельно вести переговоры с иностранными партнерами, устанавливать доверительные отношения на языке партнера, понимать и интерпретировать культурные нюансы. Наравне с изучением языка также необходимо уделять внимание межкультурной компетентности сотрудников, что подразумевает толерантность, знание традиций и конкретные стратегии, применяемые при межкультурных контактах.

Заключение

Проведенное исследование позволило систематизировать теоретические подходы к анализу языковых барьеров в международной торговле и выявить их роль в процессах торговой переориентации, вызванной экономическими санкциями. Теоретический анализ показал, что языковые барьеры представляют собой значимый компонент транзакционных издержек в международной торговле.

Они увеличивают затраты на поиск партнеров, ведение переговоров, оформление контрактов и адаптацию продукции. В условиях санкций, когда экспортеры вынуждены переходить от работы с привычными партнерами на рынки с иными языками и культурными традициями, преодоление коммуникационных барьеров становится критическим фактором успеха адаптации. По данным исследования, эффективность преодоления языковых барьеров становится достижимой исключительно при условии реализации комплекса мер — государственных, технологических и корпоративных. Российский опыт смены вектора торговли на Восток демонстрирует, что переход от европейских

рынков к азиатским требует долгосрочных инвестиций в образование, подготовку кадров и развитие инструментов многоязычной коммуникации. Язык в контексте торговой деятельности, является не просто инструментом коммуникации, но фактором, определяющим возможность доступа на новые рынки и эффективность экономического взаимодействия. Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом отраслевой специфики языковых барьеров, оценкой долгосрочной эффективности различных стратегий их преодоления в разных странах и проведением сравнительного анализа опыта других экономик, переживающих торговую переориентацию под санкциями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горбулина К. Д., Хитарова Т. А. Языковые барьеры в международной бизнес-коммуникации // Дни студенческой науки : сб. ст. V Междунар. студенч. конф. Чебоксары : Среда, 2022. С. 23—24.
2. Табаринцева-Романова К. М. Культурная безопасность в официальном дискурсе БРИКС // Управление и политика. 2025. Т. 4. № 4. С. 48—54. DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-48-54.
3. Третьякова Г. В., Куksenok П. Д. Профессионализм в управлении межкультурными отношениями // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1. (На англ. яз.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PSMN125.pdf>.
4. Коуз Р. Г. Природа фирмы // Вехи экономической мысли / сост. и общ. ред. В. М. Гальперина. СПб. : Экономическая школа, 2000. Т. 2 : Теория фирмы. С. 11—32.
5. Rothaermel F. T., Ku D. N. Intercluster Innovation Differentials: The Role of Research Universities // IEEE Transactions on Engineering Management. 2008. Vol. 55. No. 1. Pp. 9—22. DOI: 10.1109/TEM.2007.912815.
6. Кулик Л. В. Новая парадигма и новые возможности в торгово-экономических отношениях России и Индии // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16. № 2. С. 159—175. (На англ. яз.) DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-159-175.
7. Fidrmuc J., Fidrmuc J. Foreign languages and trade: evidence from a natural experiment // Empirical Economics. 2016. Vol. 50. Iss. 1. Pp. 31—49. DOI: 10.1007/s00181-015-0999-7.
8. Юе Ж. Типичные проблемы в ходе устного перевода в русско-китайской комбинации и пути их решения // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6(79). С. 547—551.
9. Frankel J. A. On the Dollar // Proceedings of the Conference on Australian Productivity and International Trade. Sydney : Reserve Bank of Australia, 1993. Pp. 8—12.
10. Третьякова Г. В., Бацурина Е. А. Определяющие факторы успешного межкультурного общения студентов // Человек и образование. 2024. № 3(80). С. 101—108.
11. Popova N., Dashkina A., Tretyakova G., Wang L. The Use of Fiction in English as a Foreign Language a Means [sic!] for Enhancing Students' Professional and Personal Growth // Scenarios, Fictions, and Imagined Possibilities in Science, Engineering, and Education : XXIV Professional Culture of the Specialist of the Future / eds. D. Bylieva, A. Nordmann. Cham : Springer, 2024. Vol. 1. Pp. 289—306. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 1203). DOI: 10.1007/978-3-031-76797-5_23.
12. Ван Ц., Алмазова И. Г. Пути формирования эстетико-практических способностей у будущих педагогов в условиях университетской образовательной среды // Развитие креативности личности в современном цифровом мультикультурном пространстве : сб. материалов XVI Междунар. науч.-практ. конф. Елец : Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2025. С. 144—149.
13. Гинзбург О. В., Белозёрова Е. Ю. Особенности работы с профессиональными англоязычными лексическими минимумами // Балтийский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13. № 1. С. 27—32.
14. Камшилова О. Н., Беляева Л. Н. Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 1. С. 41—56. DOI: 10.18721/JHSS.14105.
15. Lohmann J. Do language barriers affect trade? // Economics Letters. 2011. Vol. 110. Iss. 2. Pp. 159—162. DOI: 10.1016/j.econlet.2010.10.023.

REFERENCES

1. Gorbulina K. D., Khitarova T. A. Language barriers in international business communication. *Dni studencheskoi nauki = Days of Student Science. Collection of articles of the V International student conference*. Cheboksary, Sreda, 2022: 23—24. (In Russ.)
2. Tabarintseva-Romanova K. M. Cultural Security in the Official Discourse of BRICS. *Upravlenie i politika = Governance and Politics*. 2025;4(4):48—54. (In Russ.) DOI: 10.24833/2782-7062-2025-4-4-48-54.
3. Tretyakova G.V., Kuksenok P.D. Professionalism in interethnic relations management. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(1). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/30PSMN125.pdf>.
4. Coase R. H. The Nature of the Firm. *Economica*. 1937;4(16):386—405. DOI: 10.1111/j.1468-0335.1937.tb00002.x.
5. Rothaermel F. T., Ku D. N. Intercluster Innovation Differentials: The Role of Research Universities. *IEEE Transactions on Engineering Management*. 2008;55(1):9—22. DOI: 10.1109/TEM.2007.912815.
6. Kulik L. Russia-India Economic Cooperation: Current Trends and Promising Directions. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*. 2023;16(2):159—175. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-159-175.
7. Fidrmuc J., Fidrmuc J. Foreign languages and trade: evidence from a natural experiment. *Empirical Economics*. 2016;50(1):31—49. DOI: 10.1007/s00181-015-0999-7.

8. Yue R. Typical problems during interpretation in the Russian-Chinese combination and ways of their solution. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* = *The World of Science, Culture, Education*. 2019;6(79):547—551. (In Russ.)
9. Frankel J. A. On the Dollar. *Proceedings of the Conference on Australian Productivity and International Trade*. Sydney, Reserve Bank of Australia publ., 1993:8—12.
10. Tretyakova G. V., Batsurina E. A. Factors determining the process of students' successful interethnic communication. *Chelovek i obrazovanie* = *Man and Education*. 2024;3(80):101—108. (In Russ.)
11. Popova N., Dashkina A., Tretyakova G., Wang L. The Use of Fiction in English as a Foreign Language a Means [sic!] for Enhancing Students' Professional and Personal Growth. *Scenarios, Fictions, and Imagined Possibilities in Science, Engineering, and Education. XXIV Professional Culture of the Specialist of the Future*. Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 1203. D. Bylieva, A. Nordmann (eds.). Cham, Springer, 2024;1:289—306. DOI: 10.1007/978-3-031-76797-5_23.
12. Wang Q., Almazova I. G. Ways of forming aesthetic and practical abilities in future teachers in the conditions of the university educational environment. *Razvitie kreativnosti lichnosti v sovremennom tsifrovom mul'tikul'turnom prostranstve* = *Personal creativity development in the modern digital multicultural space. Collection of materials of the XVI International scientific and practical conference*. Elets, Bunin Yelets State University publ., 2025:144—149. (In Russ.)
13. Ginzburg O. V., Belozerova E. Yu. Peculiarities of work with professional English-language lexical minima. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal* = *Baltic Humanitarian Journal*. 2024;13(1):27—32. (In Russ.)
14. Kamshilova O. N., Beliaeva L. N. Machine translation in the age of digitalization: new practices, procedures and resources. *Terra Linguistica*. 2023;14(1):41—56. (In Russ.) DOI: 10.18721/JHSS.14105.
15. Lohmann J. Do language barriers affect trade?. *Economics Letters*. 2011;110(2):159—162. DOI: 10.1016/j.econlet.2010.10.023.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 14.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья
УДК 331.101.6
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1545

Arturo Agustinovich Barraza Legia
Postgraduate of the Institute of Economics,
Management and Psychology,
field of training
5.2.6 — Management,
National Research University of Electronic Technology
Moscow, Russian Federation
arbar2013@yandex.ru

Артуро Агустинович Барраза Легия
аспирант института экономики, управления и психологии,
направление подготовки
5.2.6 — Менеджмент,
Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»
Москва, Российская Федерация
arbar2013@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА РАБОТНИКОВ, ЗАНЯТЫХ В СФЕРЕ НИОКР

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические подходы к трактовке термина «производительность труда» в аспекте сотрудников, занимающихся проведением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Актуальность исследования обусловлена ускоренным научно-технологическим развитием, при котором скорость и качество генерации новых технологических решений, идей проектирования и разработок выступает ключевым фактором обеспечения конкурентоспособности предприятий, специализирующихся на проведении НИОКР. Кроме того, существующие теоретические подходы зачастую характеризуют производительность труда в целом, не учитывая специфику исследуемых предприятий. В ходе работы проведен систематический анализ отечественных и зарубежных подходов к вопросам измерения и оценки показателя. Цель работы — на основе проведенного анализа предложить авторское определение производительности труда работников, занимающихся проведением НИОКР, учитывающее специфику высокоинтеллектуального труда творческого характера.

В результате систематизации теоретических подходов выявлены основные отличия производительности труда в классическом понимании (применительно к произ-

водственным отраслям) от производительности в сфере научных исследований и разработок, творческой инновационной деятельности. На основе сравнения и критического анализа факторов, определяющих производительность труда на производстве и на научно-исследовательских предприятиях, предложено авторское определение производительности труда в НИОКР, предполагающее комплексную систему количественных и качественных показателей, адаптированных к специфике научно-исследовательской деятельности. С учетом разработанного определения, дальнейшее направление исследования может быть связано с применением данной трактовки на конкретных высокотехнологичных научно-исследовательских предприятиях, построением на ее основе стратегии увеличения производительности труда, а также с развитием нормативно-правовой основы измеримости и оценки эффективности научной деятельности.

Ключевые слова: производительность труда, научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы / НИОКР, факторы эффективности, творческий труд, инновационная деятельность, наукоемкое предприятие, трудоемкость, коммерциализация идей, нормирование, командный вклад

Для цитирования: Барраза Легия А. А. Особенности трактовки понятия производительности труда работников, занятых в сфере НИОКР // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 132—139. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1545.

Original article

PECULIARITIES OF INTERPRETING THE CONCEPT OF LABOR PRODUCTIVITY OF WORKERS ENGAGED IN R&D

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The article discusses theoretical approaches to the interpretation of the term “labor productivity” as applied to employees engaged in research and development (R&D). The relevance of the research is due to accelerated scientific and technological development, in which the speed and quality of generating new technological solutions, design and development ideas are key factors in ensuring the competitiveness of enterprises specializing in R&D. In addition, existing theoretical approaches often characterize labor productivity in general, without taking into account the specifics of the enter-

prises under study. In the course of the work, a systematic analysis of domestic and foreign approaches to measuring and evaluating labor productivity was carried out. The purpose of the work is to propose, on the basis of the analysis carried out, an author's definition of the labor productivity of workers engaged in R&D, taking into account the specifics of highly intellectual work of a creative nature.

As a result of the systematization of theoretical approaches, the main differences between labor productivity in the classical sense (in relation to manufacturing industries)

and productivity in the field of scientific research and development, creative innovation are revealed. Based on a comparison and critical analysis of the factors determining labor productivity in production and in research enterprises, the author's definition of labor productivity in R&D is proposed, suggesting a comprehensive system of quantitative and qualitative indicators adapted to the specifics of research activities. Taking into account the developed definition, the further direction of research may be related to the appli-

cation of this interpretation at specific high-tech research enterprises, forming on its basis a strategy for increasing labor productivity, as well as the development of a regulatory framework for the measurability and evaluation of the effectiveness of scientific activities.

Keywords: labor productivity, research and development / R&D, efficiency factors, creative work, innovation, knowledge-intensive enterprise, labor intensity, commercialization of ideas, rationing, team contribution

For citation: Barraza Legia A. A. Peculiarities of interpreting the concept of labor productivity of workers engaged in R&D. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):132—139. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1545.

Введение

Актуальность. Производительность труда является одним из ключевых индикаторов экономического развития и конкурентоспособности как отдельных предприятий, так и национальных экономик в целом. В условиях перехода к экономике знаний и усиления роли инновационного развития особую актуальность приобретает вопрос корректной трактовки понятия производительности труда в отношении тех работников, кто выступает непосредственно драйвером данных изменений, а именно: сотрудников, занятых проведением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (далее — НИОКР). Ранее выработанные подходы к определению производительности труда, предложенные преимущественно для оценки эффективности производственной деятельности, демонстрируют существенные ограничения при применении к сфере НИОКР, что обусловлено принципиальными особенностями научного и инженерного труда.

Изученность проблемы. Согласно данным Высшей школы экономики, в современной российской экономике отмечается устойчивая тенденция к увеличению доли работников, занятых интеллектуальным трудом, при этом результативность научных исследований и разработок становится одним из определяющих факторов конкурентоспособности [1]. Вопросом разработки подходов к расчету и интерпретации производительности труда работников занимались многие отечественные и зарубежные авторы, среди которых могут быть выделены Р. А. Долженко [2], Н. М. Сладкова [3], А. И. Щербаков [4], Д. МакКлелланд [5] и др. Методика расчета данного показателя также зафиксирована в нормативно-правовой базе — Приказе Минэкономразвития России от 15 октября 2019 г. № 659. Вместе с тем вышеперечисленные подходы не учитывают специфику труда высокоинтеллектуального творческого характера, который свойственен для научно-исследовательских предприятий.

Ряд авторов фокусировались в своих исследованиях на эффективности трудовой деятельности применительно именно к НИОКР. Среди таких подходов можно выделить работы А. Каранашева [6], Дж. У. Типпинга [7], В. А. Третьяковой [8], В. А. Ядова [9], С. В. Проничкина [10], В. А. Акимова [11], М. МакГрата [12], У. Б. Брауна [13], П. Друкера [14], Ю. Рамиреса [15] и др. Но проблема адекватной оценки производительности труда в данной сфере по-прежнему остается недостаточно разработанной как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Основной недостаток видится в отсутствии терминологической основы, учитывающей специфику НИОКР, наличие которой позволило бы выстраивать стратегию управленческих мероприятий на предприятии, учитывая особенности научной деятельности.

Целесообразность разработки темы проявляется в двух аспектах. С одной стороны, исследования в данной области позволят создать научно-обоснованный подход к развитию нормативно-правовой базы управления НИОКР. С другой стороны, они приведут к выработке практических рекомендаций по совершенствованию управления научной деятельностью на конкретных предприятиях. Результатом подобной разработки будет являться более точное отслеживание результатов и отдачи от инвестиций в научные проекты и, как следствие, более рациональное распределение ресурсов на предприятиях в сочетании с стимулирующим развитием инновационного потенциала трудового коллектива. Целесообразность разработки темы особенно проявляется в современных условиях отечественной экономики. В результате действия международных ограничений (запретов поставок, трудностей в доступе к международным научным информационным базам и международной научной кооперации), требуется устойчивое технологическое развитие, которое неразрывно сопряжено с эффективной научно-исследовательской деятельностью.

Научная новизна исследования заключается во внедрении многомерного подхода к измерению эффективности научного труда, сочетающего количественные и качественные показатели, а также оценку новизны, практической значимости и потенциала коммерциализации результатов. Кроме того, в работе выявляется и обосновывается особенность мотивационных факторов в сфере НИОКР, по сравнению с производственной сферой, что позволяет более точно выстраивать системы стимулирования и управления.

Целью настоящего исследования является формулирование авторского определения производительности труда, учитывающего особенности научно-исследовательской деятельности.

Задачи исследования:

1. Выявить особенности труда работников, занятых проведением НИОКР в высокотехнологичных отраслях.
2. Провести сравнительный анализ факторов, влияющих на производительность труда работников в производственной сфере и в сфере научных исследований.
3. Проанализировать существующие подходы к трактовке понятия производительности труда применительно к работникам сферы НИОКР.
4. Выявить недостатки данных подходов, направления по их доработке.
5. На основе обозначенных недостатков, разработать авторский вариант интерпретации производительности труда НИОКР.
6. Сформулировать дальнейшие возможные направления исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научного понимания производительности труда в сфере НИОКР, учитывающего особенности интеллектуального, творческого и вероятностного характера научной деятельности. Исследование расширяет существующие подходы, внедряя многомерную систему оценку, а также учитывает временные задержки и вероятностный характер результатов.

Практическая значимость определяется возможностью применения предложенного подхода к трактовке производительности труда на предприятиях при управлении научной деятельностью, разработке индикаторов эффективности и формировании систем мотивации работников-ученых.

Основная часть

Методология исследования. В работе используются общенаучные методы индукции и дедукции, анализа и синтеза специализированной литературы по вопросам оценки труда, его эффективности и производительности, а также особенностям научной деятельности. Для разработки многомерной системы трактовки производительности труда в НИОКР, объединяющей количественные и качественные показатели, используются методы систематизации и сравнения.

Результаты исследования. *Производительность труда* — это базовая экономическая категория, отражающая эффективность целесообразной работы людей. В контексте национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости» ее измеряют через показатель добавленной стоимости, приходящейся на одного занятого [4, с. 30]. Такой метод расчета согласуется с международными стандартами и предписаниями Системы национальных счетов 2008 г.

В экономической литературе производительность труда традиционно определяется через два взаимосвязанных показателя: выработку и трудоемкость.

Выработка отражает объем продукции, изготовленной сотрудником за определенный временной промежуток, и является прямым показателем фактической производительности труда.

Трудоемкость, в свою очередь, определяет затраты рабочего времени на создание одной единицы продукции. Эти показатели взаимосвязаны обратной зависимостью и дают возможность комплексно анализировать эффективность использования трудового потенциала организации.

Следует подчеркнуть, что в российском трудовом законодательстве отсутствует легальное (нормативное) определение понятия «производительность труда». Однако на практике этот критерий имеет существенное значение. В частности, ст. 179 Трудового кодекса РФ закрепляет, что при проведении сокращения численности или штата предпочтение в сохранении рабочего места отдается сотрудникам с более высокой производительностью труда, что подтверждает его практическую важность.

Для количественной оценки производительности труда традиционно используются три метода:

1. *Натуральный метод.* Суть подхода заключается в измерении объема выпущенной продукции в физических единицах (штуках, тоннах, метрах). Его применение наиболее эффективно при выпуске однородной продукции.

2. *Стоимостной метод.* В данном случае результат труда оценивается в денежном выражении. Этот метод универсален и позволяет сравнивать производительность работников разных специальностей и уровней квалификации. Основным недостатком является зависимость от влияния рыночных цен и инфляционных процессов.

3. *Трудовой (нормативный) метод.* В основе метода лежит измерение затрат рабочего времени в соответствии с установленными нормативами на производство единицы продукции. Он применим для оценки любых видов работ при условии наличия действующих норм (времени, выработки, обслуживания).

А. И. Щербаков предлагает разделить категорию производительности труда на три вида: первичную, локальную и совокупную, для упорядоченного и структурированного подхода к государственному управлению трудовой деятельности. Автор относит производительность труда к показателю, выражающему эффективность производственного использования труда. Данный индикатор предлагается оценивать через отношение полезного результата «непосредственного, живого труда» к соответствующему объему затраченного рабочего времени [16, с. 86].

Трудовая деятельность в сфере НИОКР характеризуется фундаментальными отличиями от труда в производственной сфере. Эти особенности обуславливают необходимость разработки и применения специальных методик для измерения его эффективности и результативности [8].

Как определяет «Большая российская энциклопедия», научный труд — это профессиональная творческая деятельность высокой интеллектуальной насыщенности, носящая созидательный и целенаправленный характер. Ее главная задача — получение, осмысление и упорядочивание новых научных знаний (<https://bigenc.ru/c/nauchnyi-trud-4b6862>).

Основу такого труда составляет творческое начало, а его эффективность напрямую зависит от интеллектуальных и волевых качеств исследователя. Научная работа, будучи глубоко личностной по своей природе, одновременно является и коллективным трудом, поскольку опирается на общественный опыт и обеспечивает преемственность знаний между поколениями.

Интеллектуальный труд, включая сферу НИОКР, — это творческая, нестандартная деятельность. Она связана с разработкой новых технологий, созданием инновационных продуктов и совершенствованием производственных процессов. Результатом такого труда становится интеллектуальная рента — дополнительная ценность, извлекаемая из применения научного опыта и уникальных навыков работы с информацией.

Ключевые особенности труда в области НИОКР можно свести к нескольким основным характеристикам:

1. *Творческая сущность.* Эта деятельность нацелена на создание принципиально нового знания или продукта. В отличие от стандартного производственного процесса, где результат заранее определен, итог научного поиска изначально непредсказуем.

2. *Высокая степень неопределенности.* Непредсказуемы не только конечные результаты, но и сроки их достижения. При этом ценность имеет как положительный, так и отрицательный исход исследования, поскольку даже неудача расширяет границы понимания проблемы.

3. *Нематериальность основного результата.* Продуктом труда чаще всего выступают неосозаемые категории: новые идеи, теории, методологии, концепции и технологии.

4. *Зависимость от личностного фактора.* Результативность работы в решающей мере определяется индивидуальными качествами ученого или инженера: его квалификацией, опытом, творческими способностями, интуицией и внутренней мотивацией.

В. А. Акимов, Р. А. Дурнев, И. В. Жданенко отмечают, что существующие оценки трудоемкости этапов НИОКР характеризуются значительным спектром разнообразных методов, что обусловлено множеством факторов, среди которых можно выделить:

- 1) разные периоды проведения оценивания;
- 2) отличающийся стаж работы, опыт и квалификация сотрудников (применительно как к сотрудникам, проводившим оценку, так и к «оцениваемым»);
- 3) разнообразие отраслей наук, обуславливающее специфику научных исследований.

Как отмечают авторы, «значительные затруднения вызывает оценивание путем прямого наблюдения за таким творческим процессом, как научные исследования» [11, с. 30].

Обзор отечественных и зарубежных источников позволяет выделить основные подходы к трактовке понятия производительности труда в сфере НИОКР и способам ее измерения. Ниже охарактеризуем их.

Основоположником систематического изучения производительности труда работников интеллектуального труда является американский ученый П. Друкер, который ввел термин «работник знаний» в 1959 г. в работе «The Landmarks of Tomorrow». Друкер утверждал, что наиболее ценным активом организации XXI в. будут ее работники знаний и их производительность.

По П. Друкеру, ключевой особенностью интеллектуального труда является принципиально иной подход к организации продуктивности [14]. В отличие от производственных процессов с заранее заданными операциями, здесь можно выделить шесть основополагающих факторов.

Во-первых, центральным становится вопрос «Какова задача?», поскольку ее корректная постановка является первостепенной обязанностью самого специалиста.

Во-вторых, ответственность за собственную производительность и необходимая для этого автономия возлагаются непосредственно на работника знаний.

В-третьих, непрерывная инновационная деятельность рассматривается как неотъемлемая часть его работы.

Далее, от него требуется постоянное самообучение, а также наставничество и развитие коллег.

Результативность измеряется не объемом выпуска, а в первую очередь качеством и значимостью результатов. Такого работника следует рассматривать как капитал организации (актив), а не как статью расходов (затраты).

Проблема отсутствия единого стандарта в оценке производительности находит отражение в трудах зарубежных авторов. Например, Ю. В. Рамирес и Д. А. Нембхард, представив специальную таксономию для измерений, констатировали отсутствие в академическом сообществе консенсуса относительно унифицированного подхода [15].

Схожий результат продемонстрировало изыскание консалтинговой компании *Advanced Workplace Associates* совместно с организацией *Center for Evidence-Based Management*. В 2013—2014 гг. компании совместно проводили научное исследование с целью определить, какие факторы влияют на производительность работников виртуальных команд. В результате работы было выявлено, что создать универсальный метрический инструмент для оценки продуктивности работников интеллектуального труда не представляется возможным.

Вместе с тем на групповом уровне была выявлена устойчивая зависимость эффективности команды от шести ключевых элементов:

- 1) социальной сплоченности;
- 2) прозрачного обмена знаниями;
- 3) взаимного доверия;
- 4) разделения общих целей;
- 5) налаженных внешних коммуникаций;
- 6) культуры взаимоуважения.

Дополняет эту картину концепция, предложенная Х. Лайхонена и С. Мантыла, согласно которой производительность интеллектуального труда представляет собой интегральный показатель. Он охватывает не только операционную эффективность процессов, но также результативность и стратегическую ценность вклада в достижение целей организации [17].

В *отечественной научной парадигме* вопрос производительности труда в сфере исследований и разработок преимущественно анализируется сквозь призму оценки эффективности научной деятельности и вопросов ее нормирования.

Так, Н. М. Сладкова и О. А. Ильченко излагают методологию формирования типовых опережающих индикаторов для системы труда, сфокусированной на результате [3]. Авторы указывают, что классические трактовки производительности зачастую игнорируют ее связь с рыночной парадигмой современной экономики, сводя понятие к показателю индивидуальной производственной мощности.

В свою очередь, С. В. Проничкин и И. П. Тихонов представили комплекс критериев для оценки результативности научных организаций [10]. Данная система включает анализ наличия исследовательского задела, основных результатов (по параметрам новизны, научной и практической значимости, завершенности, правовой защищенности), степень достижения установленных индикаторов и итоговую результативность научных изысканий.

Л. Гохберг и Н. Ковалева анализируют динамику и структуру научных кадров, мотивацию и уровень оплаты научного труда, указывая на необходимость учета специфических особенностей научной деятельности при оценке ее результативности [18].

В подходе, разработанном А. Каранашевым, О. Шинкаревой, О. Причиной, В. Горшениным и В. Ореховым, предлагается подходить к оценке эффективности научно-исследовательской деятельности на трех уровнях: уровень профессиональных команд, микроуровень и макроуровень [6].

Анализ *российской нормативной базы* показывает, что действующее законодательство не содержит специального определения производительности труда в области проведения научных исследований и разработок. Методика расчета показателей производительности труда, утвержденная Приказом Минэкономразвития России от 28 декабря 2018 г. № 748, предусматривает расчет производительности труда как отношения добавленной стоимости к количеству занятых, однако данный подход является универсальным и не учитывает отраслевую специфику.

Внутрикорпоративные правила оценки эффективности НИОКР, разработанные, в частности в компании «Газпром» (СТО Газпром РД 1.12-096-2004), предусматривают использование показателей интегрального эффекта научной разработки и индекса эффективности. Однако эти показатели характеризуют скорее экономическую отдачу от НИОКР, нежели производительность труда исполнителей.

ГОСТ 34831—2022 «Интеллектуальная собственность. Научные произведения» содержит определение научного произведения как охраняемого результата интеллектуальной деятельности, полученного в ходе самостоятельного творческого труда физического лица в сфере науки, однако вопросы измерения производительности труда в данном документе не рассматриваются.

В *международной бизнес-аналитике* широкое распространение получил показатель продуктивности *R&D* (*R&D productivity*), который служит для оценки результативности инвестиций в исследования и разработки. Специалисты М. МакГрат, М. Н. Ромери разработали индекс эффективности *R&D* (*R&D Effectiveness Index*), предназначенный для комплексной оценки общего успеха этой деятельности [12].

Дж. У. Типпинг с соавторами предложили более детализированный подход, сформировав комплексную систему из одиннадцати ключевых метрик. В нее входят:

1. *Финансовые результаты*: прямая финансовая отдача для компании, объем продаж или валовая прибыль от новых продуктов, показатель валовой маржи.
2. *Стратегическое соответствие*: степень соответствия *R&D*-стратегии бизнес-целям компании.
3. *Оценка проектов*: прогнозируемая стоимость портфеля проектов (*pipeline R&D*) и распределение проектов внутри этого портфеля.
4. *Внутренние процессы*: достижение ключевых этапов (*milestones*) в проектах и время цикла разработки.
5. *Рыночные показатели*: удовлетворенность клиентов, доля рынка, а также качество и надежность выпускаемой продукции [7].

У. Б. Браун и Д. Гобели представили «топ-10» индикаторов продуктивности *R&D* на основе классификации измерений ресурсов, управления проектами, управления персоналом, планирования, изучения и разработки новых технологий, результатов и исходов на уровне подразделения [13].

Э. М. Нотт предложила концепцию «исследовательского коэффициента» (*Research Quotient, RQ*), оценивающую, насколько эффективно расходы на НИОКР преобразуются в рост выручки. Данный подход позволяет измерить эффективность НИОКР на уровне организации, однако не предоставляет инструментария для оценки производительности труда отдельных работников [19].

Сравнение факторов, определяющих производительность труда на производстве и в научно-исследовательской деятельности, демонстрирует принципиальные различия между этими сферами. Это обуславливает важность применения различных методов для оценки и управления эффективностью в каждой из них.

В производственной среде производительность в значительной степени зависит от внешних и организационных условий. К ним относятся:

1. *Технико-технологический уровень*: современное оборудование, степень автоматизации и внедренные производственные технологии.
2. *Организация труда*: эффективное планирование, рациональное устройство рабочих мест и бесперебойность производственных процессов.
3. *Квалификация персонала*: профессиональный опыт, уровень подготовки и способность выполнять смежные задачи.

Значимым стимулом для роста производительности в данном случае служит материальная мотивация, например сдельная оплата или премии за выполнение установленных норм [2].

В сфере НИОКР структура мотивирующих факторов имеет иную природу. Многочисленные исследования указывают на преобладание внутренней мотивации. Высокая продуктивность научного коллектива связана прежде всего с личной заинтересованностью исследователя, стремлением к профессиональным достижениям и интеллектуальной самореализацией.

Как показывают работы зарубежных психологов, в частности Д. МакКлелланда, ключевую роль играет «мотив достижения» [5]. А. Сент-Дьёрди также утверждал, что главными движущими силами для исследователя являются познавательная потребность и естественное любопытство. С. Рамон-и-Кахаль полагал, что не особые интеллектуальные способности отличают исследователей от других людей, а мотивация, которая объединяет две страсти: любовь к истине и жажду славы (см.: [20]).

Согласно исследованиям западных экспертов, материальное вознаграждение служит стимулом к активной деятельности лишь для 30—50 % ученых.

Для остальных определяющими в работе являются более возвышенные мотивы:

- 1) стремление к творчеству;
- 2) получению новых знаний;
- 3) признанию и авторитету в профессиональной среде.

Основными движущими силами для исследователей чаще всего становятся нравственные идеалы и моральные принципы, масштабные цели и сложные вызовы, а также следование научным традициям.

Тем не менее значение финансового стимулирования не стоит недооценивать: в ситуациях, когда уровень дохода существенно ниже прожиточного минимума, деньги превращаются в ключевой фактор мотивации для большинства представителей науки.

Известный социолог В. А. Ядов предлагает классифицировать ученых по типам мотивации на три группы:

- 1) ученые классического типа (истинные энтузиасты, для которых познание является способом самореализации);
- 2) профессиональные и компетентные исследователи (успешно совмещающие научное творчество с получением заслуженных материальных благ);
- 3) ученые, рассматривающие научную деятельность прежде всего как средство для достижения иных целей [9].

Важным условием эффективности труда в сфере НИОКР является грамотная организация рабочего процесса. В отличие от производственных областей, где четкая стандартизация и регламентация повышают производительность, в научной деятельности излишняя жесткость нормирования может давать обратный эффект.

Как отмечал П. Друкер, работники интеллектуального труда должны обладать высокой степенью автономии и уметь управлять своей работой самостоятельно [21].

Существенное влияние оказывают и социальные факторы. Исследования подтверждают, что такие показатели, как сплоченность коллектива, открытый обмен информацией, взаимное доверие и уважение, тесно связаны с продуктивностью специалистов в области знаний.

В наукоемких и инновационных компаниях нередко разрабатываются особые системы должностей и званий для научно-технического персонала, а также внедряются карьерные траектории с соответствующей системой оплаты труда.

Анализ существующих методов оценки производительности труда в сфере исследований и разработок указывает на их *существенную методологическую ограниченность*.

Ключевой проблемой является несоответствие традиционных определений производительности, ориентированных на соотношение материального выпуска и затрат, специфике научной деятельности. Ее основной результат — новые знания, идеи и методологии — носит принципиально нематериальный характер, что исключает возможность его корректной оценки в натуральных или стоимостных единицах.

Дополнительную сложность создает значительный временной разрыв между затратами на НИОКР и получением экономического эффекта. Максимальная отдача от внедрения научных результатов проявляется с существенной задержкой, часто лишь после достижения критического уровня их распространения в экономике, что не учитывается стандартными подходами к измерению.

Еще одним фундаментальным упущением является игнорирование вероятностной природы исследований. Научный поиск может приводить как к успешному, так и к отрицательному исходу, причем последний также обладает ценностью, поскольку сужает область поиска и позволяет избежать неперспективных инвестиций.

Широко применяемые количественные показатели (число публикаций, патентов и т. д.) также не решают проблему, так как не отражают качественную составляющую труда. В сфере интеллектуальной работы, согласно концепции П. Друкера, именно качество определяет сущность и ценность результата [22].

Отдельной методологической проблемой остается отсутствие в нормативно-правовой базе дифференциации подходов к оценке производительности с учетом отраслевых особенностей, что затрудняет практическое применение существующих методик в области НИОКР.

На основе проведенного теоретического анализа и с учетом выявленных недостатков существующих подходов предлагается следующее авторское определение производительности труда работников, занятых в сфере НИОКР.

Производительность труда в сфере НИОКР — это комплексная характеристика, отражающая совокупный творческий, инновационный и командный вклад работника или группы, обладающий признаками новизны, практической и/или теоретической значимости, измеряемый сбалансированной системой количественных и качественных метрик, учитывающих оригинальность, научно-технологическую ценность, полезность и потенциальную коммерциализацию генерируемых идей и технологических решений с учетом вероятностного характера научной деятельности и временного лага между затратами труда и реализацией результатов.

Данное определение обладает рядом преимуществ по сравнению с существующими подходами:

1) оно учитывает творческий характер научного труда, указывая на способность генерировать результаты с признаками новизны;

2) определение отражает многомерность результата научной деятельности, включая как практическую, так и теоретическую значимость;

3) учитывается комплексный характер ресурсов, необходимых для осуществления НИОКР, включая интеллектуальные ресурсы работника;

4) определение принимает во внимание вероятностный характер научной деятельности, при котором отсутствие ожидаемого результата не означает отсутствия производительности труда;

5) учитывается временной лаг между осуществлением затрат и получением полезного эффекта.

Для практического применения предлагаемого определения целесообразно использовать сбалансированную систему показателей, включающую как количественные, так и качественные индикаторы.

К количественным индикаторам могут быть отнесены:

- число научных результатов (публикаций, патентов, ноу-хау), соотнесенное с затратами времени и ресурсов;
- индекс цитирования;
- число успешно завершенных проектов.

К качественным индикаторам:

- экспертная оценка новизны и значимости результатов;
- оценка вклада в решение практических задач;
- оценка влияния на развитие научного направления.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать следующие основные выводы.

Производительность труда работников, занятых в сфере НИОКР, представляет собой специфическую экономическую категорию, которая не может быть адекватно описана с использованием традиционных подходов, разработанных для оценки производственной деятельности.

Особенности научного и инженерного труда — его творческий характер, нематериальность основного продукта, вероятностная природа результатов, значительный временной лаг между затратами и эффектом — требуют формирования специального понятийного аппарата и методологического инструментария.

Анализ отечественных и зарубежных источников показал, что проблема определения и измерения производительности труда в сфере НИОКР остается недостаточно разработанной. Концепция *knowledge workers* П. Друкера заложила теоретические основы понимания специфики интеллектуального труда, однако универсально принятых методов измерения производительности работников знаний до настоящего времени не разработано.

Сравнительный анализ факторов производительности труда производственных работников и работников сферы НИОКР продемонстрировал принципиальные различия в структуре мотивации и условиях эффективной деятельности. Для работников НИОКР характерна доминирующая роль внутренней мотивации, потребность в автономии и самоуправлении, высокая значимость социальных факторов и организационной культуры.

Предложенное авторское определение производительности труда в сфере НИОКР учитывает выявленные особенности и позволяет преодолеть ограничения существующих подходов. Его практическое применение предполагает использование комплексной системы количественных и качественных показателей, адаптированных к специфике научно-исследовательской деятельности.

Дальнейшие исследования в данном направлении могут быть связаны с разработкой конкретных методик измерения производительности труда в различных областях НИОКР, апробацией предложенного подхода на эмпирическом материале, а также с совершенствованием нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы оценки эффективности научной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Наука. Технологии. Инновации: 2025 : крат. стат. сб. / редкол.: Н. Ю. Анисимов, Л. М. Гохберг, Я. И. Кузьминов. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 104 с.
2. Долженко Р. А., Малышев Д. С. Развитие подходов к производительности труда и ее оценке // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 12. С. 1577—1590. DOI: 10.18334/et.8.12.113989.
3. Сладкова Н. М., Ильченко О. А. РОСТ: эффективный инструмент оценки барьеров и определения драйверов производительности труда // Социально-трудовые исследования. 2020. № 1(38). С. 126—138.
4. Щербаков А. И. Производительность труда, как экономическая категория и обобщенный показатель эффективности // Социально-трудовые исследования. 2022. № 3(48). С. 27—34.
5. Набиуллина Л. Ю., Абдуллина Д. А., Кузьяшев А. Н. Дэвид МакКлелланд и его вклад в развитие теории управления // Меридиан. 2020. № 4(38). С. 87—89.
6. The effectiveness of the research and development teams with an account for process management specifics / A. Karanashev, O. Shinkareva, O. Prichina et al. // International Journal of Civil Engineering and Technology. 2019. Vol. 10. Iss. 2. Pp. 1784—1793.
7. Perrino A. C., Tipping J. W. Global Management of Technology // Research-Technology Management. 1989. Vol. 32. Iss. 3. Pp. 12—19. DOI: 10.1080/08956308.1989.11670594.
8. Третьякова В. А., Воронин С. С. Разработка этапов оценки трудоемкости научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на производственных предприятиях // Омский научный вестник. 2025. № 1(193). С. 21—29. DOI: 10.25206/1813-8225-2025-193-21-29.
9. Социальные проблемы и факторы интенсификации научной деятельности / под ред. В. А. Ядова, Д. Д. Райковой. М. : Наука, 1990. 165 с.
10. Проницкий С. В., Тихонов И. П. Оценка результативности деятельности научных организаций // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 3(354). С. 27—32.
11. Акимов В. А., Дурнев Р. А., Жданенко И. В. В очередной раз об оценке трудоемкости научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области безопасности жизнедеятельности: процедура оценки трудозатрат // Технологии гражданской безопасности. 2012. № 3(33). С. 28—39.
12. McGrath M. E., Romeri M. N. The R&D Effectiveness Index: A Metric for Product Development Performance // Journal of Product Innovation Management. 1994. Vol. 11. Iss. 3. Pp. 213—220. DOI: 10.1111/1540-5885.1130213.
13. Brown W. B., Gobeli D. Observations on the measurement of R&D productivity: a case study // IEEE Transactions on Engineering Management. 1992. Vol. 39. No. 4. Pp. 325—331. DOI: 10.1109/17.165414.
14. Drucker P. F. Knowledge-Worker Productivity: The Biggest Challenge // California Management Review. 1999. Vol. 41. Iss. 2. Pp. 79—94. DOI: 10.2307/41165987.
15. Ramírez Y. W., Nembhard D. A. Measuring knowledge worker productivity: A taxonomy // Journal of Intellectual Capital. 2004. Vol. 5. Iss. 4. Pp. 602—628. DOI: 10.1108/14691930410567040.
16. Щербаков А. И. Измерение производительности труда // Социально-трудовые исследования. 2023. № 3(48). С. 80—86.
17. Laihonon H., Mäntylä S. Strategic knowledge management and evolving local government // Journal of Knowledge Management. 2018. Vol. 22. Iss. 1. Pp. 219—234. DOI: 10.1108/JKM-06-2017-0232.
18. Гохберг Л., Ковалева Н. Статистика образования: принципы модернизации // Высшее образование в России. 2002. № 2. С. 21—27.
19. Knott A. M. R&D/Returns Causality: Absorptive Capacity or Organizational IQ // Management Science. 2008. Vol. 54. Iss. 12. Pp. 2054—2067. DOI: 10.1287/mnsc.1080.0933.
20. Макух Н. О. О проблеме мотивирования студентов к занятиям научно-исследовательской деятельностью // Форум молодых ученых. 2018. № 12(28). С. 160—163.
21. Linkletter K. E. Peter Drucker: More relevant than ever for today's leaders // Leader to leader. 2024. Iss. 114. Pp. 7—13. DOI: 10.1002/ltl.20854.
22. Плотников А. В., Плотникова А. А., Елькин С. А. Идеи Питера Друкера в итеративно-инкрементном подходе к разработке программного обеспечения и управлению // Московский экономический журнал. 2023. № 1. С. 557—571.

REFERENCES

1. Science. Technologies. Innovations: 2025. Brief statistical compendium. N. Yu. Anisimov, L. M. Gokhberg, Ya. I. Kuz'minov (eds.). Moscow, ISSEK HSE publ., 2025. 104 p. (In Russ.)
2. Dolzhenko R. A., Malyshev D. S. Development of approaches to labour productivity and its assessment. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labour Economics*. 2021;8(12):1577—1590. (In Russ.) DOI: 10.18334/et.8.12.113989.
3. Sladkova N. M., Ilchenko O. A. Result-oriented labor system: an efficient tool for measuring barriers and determining labor productivity drivers. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & labour research*. 2020;1(38):126—138. (In Russ.)
4. Shcherbakov A. I. Labor productivity as an economic category and a generalized indicator of efficiency. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & labour research*. 2022;3(48):27—34. (In Russ.)
5. Nabiullina L. Y., Abdullina D. A., Kuzyashev A. N. David McClelland and his contribution to the development of management theory. *Meridian*. 2020;4(38):87—89. (In Russ.)
6. Karanashev A., Shinkareva O., Prichina O. et al. The effectiveness of the research and development teams with an account for process management specifics. *International Journal of Civil Engineering and Technology*. 2019;10(2):1784—1793.
7. Perrino A. C., Tipping J. W. Global Management of Technology. *Research-Technology Management*. 1989;32(3):12—19. DOI: 10.1080/08956308.1989.11670594.

8. Tretyakova V. A., Voronin S. S. Development of stages for assessing labor intensity of research and development in manufacturing enterprises. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. 2025;1(193):21—29. (In Russ.) DOI: 10.25206/1813-8225-2025-193-21-29.
9. Social problems and factors of scientific activity intensification. V. A. Yadov, D. D. Raikova (eds.). Moscow, Nauka, 1990. 165 p. (In Russ.)
10. Pronichkin S. V., Tikhonov I. P. Assessment of productivity of activity of the scientific organizations. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*. 2014;3(354):27—32. (In Russ.)
11. Akimov V. A., Durnev R. A., Zhdanenko I. V. Once again about the estimation of labour input of research works in the field of health and safety: procedure of the estimation of expenditures of labor. *Tekhnologii grazhdanskoi bezopasnosti = Civil security technology*. 2012;3(33):28—39. (In Russ.)
12. McGrath M. E., Romeri M. N. The R&D Effectiveness Index: A Metric for Product Development Performance. *Journal of Product Innovation Management*. 1994;11(3):213—220. DOI: 10.1111/1540-5885.1130213.
13. Brown W. B., Gobeli D. Observations on the measurement of R&D productivity: a case study. *IEEE Transactions on Engineering Management*. 1992;39(4):325—331. DOI: 10.1109/17.165414.
14. Drucker P. F. Knowledge-Worker Productivity: The Biggest Challenge. *California Management Review*. 1999; 41(2):79—94. DOI: 10.2307/41165987.
15. Ramírez Y. W., Nembhard D. A. Measuring knowledge worker productivity: A taxonomy. *Journal of Intellectual Capital*. 2004;5(4):602—628. DOI: 10.1108/14691930410567040.
16. Shcherbakov A. I. Measuring Labor Productivity. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & labour research*. 2023;3(48):80—86. (In Russ.)
17. Laihonon H., Mäntylä S. Strategic knowledge management and evolving local government. *Journal of Knowledge Management*. 2018;22(1):219—234. DOI: 10.1108/JKM-06-2017-0232.
18. Gokhberg L., Kovaleva N. Education statistics: principles of modernization. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2002;2:21—27. (In Russ.)
19. Knott A. M. R&D/Returns Causality: Absorptive Capacity or Organizational IQ. *Management Science*. 2008;54(12): 2054—2067. DOI: 10.1287/mnsc.1080.0933.
20. Makuh N. O. About the problem of motivating students to engage in research activities. *Forum molodykh uchenykh*. 2018;12(28):160—163. (In Russ.)
21. Linkletter K. E. Peter Drucker: More relevant than ever for today's leaders. *Leader to leader*. 2024;114:7—13. DOI: 10.1002/ltl.20854.
22. Plotnikov A., Plotnikova A., Elkin S. Peter Drucker's keynotes in an iterative-incremental approach to software development and management. *Moskovskii ekonomicheskii zhurnal = Moscow Economic Journal*. 2023;1:557—571. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.01.2026; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 15.01.2026; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 331.5
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1499

Eric Radikovich Gimatov
Postgraduate of the Department
of Labor Economics and Human Resources Management,
field of training
5.2.3 — Regional and sectoral economy,
Academy of Labor and Social Relations
Moscow, Russian Federation
gimatov@ml-m.ru

Эрик Радикович Гиматов
аспирант кафедры
«Экономика труда и управление персоналом»,
направление подготовки
5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,
Академия труда и социальных отношений
Москва, Российская Федерация
gimatov@ml-m.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТРЕНДОВ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Проблематика профессиональной мобильности является одной из центральных проблем развития рынка труда для любой экономики, вошедшей в постиндустриальную фазу. Наиболее значимы для профессиональной мобильности на уровне отдельно взятого сотрудника экономические факторы, стимулирующие его к поиску оптимальных траекторий профессионального роста. Наряду с этим имеет место действие других факторов, однако оно латентно из-за отсутствия непосредственного получателя рыночных сигналов.

В статье представлены результаты исследования влияния демографии на профессиональную мобильность в качестве одного из побочных факторов, который не может быть учтен непосредственными участниками рынка труда. Исследованы социально-демографические аспекты, оказывающие наиболее существенное влияние на текущую профессиональную мобильность работников, и аспекты, которые не столь значимы в настоящее время непосредственно для работников, но могут быть актуализированы через планирование изменения структуры рабочей силы со стороны работодателей.

Отдельное внимание уделено тому, как социально-демографический контекст развития рынка труда создает тренд на сложно регистрируемое планирование профессиональной мобильности будущих участников рынка труда (школьники, студенты, иностранные граждане, планирующие трудоустройство в России в будущем). Сопоставлены процессы профессиональной мобильности и социально-демографические процессы, характерные для отечественной и глобальной экономики, и сделаны выводы о качественных соответствиях этих процессов.

Исследованы наиболее значимые характерные для деятельности отечественные компании проявления влияния социально-демографических трендов и выявлены возможности для максимального использования их потенциала и минимизации их негативных экономических последствий в краткосрочном и долгосрочном периоде.

Ключевые слова: профессиональная мобильность, демография, структура населения, человеческий капитал, инфраструктура воспроизводства человеческого капитала, тренд, миграция, прогноз, рынок труда

Для цитирования: Гиматов Э. Р. Профессиональная мобильность в контексте социально-демографических трендов // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 140—146. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1499.

Original article

PROFESSIONAL MOBILITY IN THE CONTEXT OF SOCIO-DEMOGRAPHIC TRENDS

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The issue of professional mobility is one of the central problems of labor market development for any economy that has entered the post-industrial phase. The most significant factors for professional mobility at the individual employee level are economic factors that encourage him to search for optimal professional growth trajectories. The effect of other factors also takes place, but it is latent due to the absence of a direct recipient of market signals.

This article contains a study of the impact of demography on occupational mobility as one of the side factors that cannot be taken into account by direct participants in the labor market. The paper also investigates socio-demographic aspects that have the most significant impact on the current professional mobility

of employees and aspects that are not so significant currently directly for employees, but can be actualized through planning changes in the structure of the workforce on the part of employers.

Special attention is paid to how the socio-demographic context of the labor market development creates a trend towards difficult-to-register planning of professional mobility of labor market participants (schoolchildren, students, foreign citizens planning to find employment in Russia in the future). The processes of professional mobility and socio-demographic processes are compared, and conclusions are drawn about the qualitative correspondences of these processes.

The most significant manifestations of the influence of socio-demographic trends characteristic of the activities

of domestic companies are investigated and opportunities for maximizing potential and minimizing their negative economic consequences are identified.

Keywords: professional mobility, demography, population structure, human capital, human capital reproduction infrastructure, trend, migration, forecast, labor market

For citation: Gimatov E. R. Professional mobility in the context of socio-demographic trends. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):140—146. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1499.

Введение

Актуальность исследований влияния социально-демографических трендов на профессиональную мобильность обусловлена существенными изменениями социально-демографических процессов в начале XXI в. по сравнению с аналогичными процессами конца XX в. Значение при этом имеют как количественные показатели, такие как структура по возрасту, месту проживания (мегаполисы, небольшие населенные пункты, сельская местность), так и качественные, определяемые через изменение социально-экономических паттернов поведения работника, его восприятия самого себя в качестве участника рынка труда и его долгосрочных стратегий. Косвенно через социально-демографическое влияние на социальную мобильность проецируются не идентифицируемые в других проявлениях влияния трендов цифровизации системы воспроизводства человеческого капитала.

Изученность проблемы. Подавляющее большинство исследований по тематике профессиональной мобильности на отечественном рынке труда сосредоточено на проблемах профессиональной мобильности молодежи. В качестве значимых работ соответствующей направленности следует выделить публикации С. Ю. Иванова [1], А. В. Конинского [2], Д. Н. Мищенко [3; 4]. Категорией молодежи, на примере которой конкретизируются исследования чаще всего выступают студенты и выпускники учебных заведений в первые три года обучения. Отчасти это связано с тем, что многие вузы ведут статистику по выпускникам за эти годы, которая в дальнейшем и используется для исследований соответствующей направленности. В качестве примера подобных следует указать работы Н. В. Ипполитовой [5], Н. В. Лежневой [6], Е. А. Розенко [7].

Другим значимым направлением, представленным в научной литературе достаточно широко, является исследование профессиональной мобильности как элемента конкурентоспособности специалиста, реализуемая им самостоятельно либо в партнерстве с работодателем или государством. Подобная направленность исследования выбрана в работах Н. А. Кононенко [8; 9], В. А. Паламарчук [10], А. А. и Т. В. Тарасевых [11].

Непосредственно проблематика социально-демографических процессов как значимый фактор, определяющий характер профессиональной мобильности и развитие рынка труда, представлен в литературе недостаточно полно. Вместе с тем, интерес исследователей к ней проявляется, и актуальность соответствующего направления доказывается, например, А. В. Конинским [12]. Однако, значимые изменения в демографической политике, реализуемые в России в 2020-х гг. требуют дополнительных изысканий в области наличия неявных каналов влияния социально-демографических факторов на профессиональную мобильность населения как в настоящее время, так и в потенциале в контексте ожидаемых изменений.

Целесообразность разработки темы. Социально-демографические факторы оказывают существенное влияние на ожидания специалистов, в особенности молодежи, в отношении развития рынка труда и напрямую влияют

на их склонность к пересмотру и локальной корректировке своего профессионального развития, что требует проведения подобного исследования в интересах как самих работников, так и работодателей и государства как регулятора рынка труда. Проводимое исследование представляет также интерес с точки зрения изучения взаимного влияния цифровой трансформации как на социально-демографическую плоскость, так и на восприятие работниками своих профессиональных перспектив в экономике нейросетей через анализ реализуемой ими в настоящее время и планируемой профессиональной мобильности.

Научная новизна представлена комплексом закономерностей, сформированных в отношении различных категорий участников отношений профессиональной мобильности на основе анализа влияния социально-экономических факторов на данное явление и предложенных автором прогнозов видоизменения и направлений усиления этого влияния в контексте существующих социально-демографических трендов, как обособленных, так и являющихся следствием цифровизации экономики.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей управления профессиональной мобильностью в контексте текущих социально-демографических факторов по планированию и управлению профессиональной мобильности для всех институциональных категорий участников на основе оценки долгосрочных социально-демографических трендов, определяющих профессиональные ожидания и планы наиболее мотивированных на компетентностное самосовершенствование категорий рабочей силы страны. Для достижения поставленной цели решены **задачи** разработки алгоритма анализа управления профессиональной мобильностью в контексте демографических факторов и выявления наиболее значимых для России закономерностей.

Теоретическая значимость работы заключается в определении спектра возможных воздействий социально-демографических факторов на процессы профессиональной мобильности на основе анализа долгосрочной и текущей практики функционирования российского рынка труда. Практически значимой работа представляется с точки зрения использования выводов и рекомендаций при планировании поведения компаний на рынке труда в среднесрочной и долгосрочной перспективах.

Основная часть

Любая количественная оценка профессиональной мобильности с точки зрения степени влияния социально-экономических факторов казуальна и может рассматриваться исключительно в определенном событийном контексте. Социально-демографические тренды актуальны с точки зрения долгосрочного планирования поведения компаний и государственной политики занятости, однако для каждого конкретного сотрудника горизонт его планирования не превышает 3—5 лет, необходимых на переквалификацию и потому расчет количественных связей без качественной их интерпретации невозможен.

В то же время на базовом уровне анализа и оценки возможно установить прямые зависимости между профессиональной мобильностью и изменением отдельных социально-демографических показателей при следующих условиях:

- период наблюдения должен быть привязан к продолжительности поколенческого цикла (цикл С. Кузнеца) и составлять не менее половины от его продолжительности;
- начало и конец периода наблюдения должны приходиться на временной отрезок, характеризовавшийся достаточно высокой однородностью как социально-экономического пространства, так и структурой рынка труда;

согласно этому условию переход глобальной экономики к нейросетевой модели, затрагивающей в 2023—2025 гг. преимущественно сферу труда требует дополнять те количественные показатели, которые могут быть использованы качественными;

- выбор факторов социально-экономической среды для проверки гипотезы наличия их влияния и их корреляции с показателями профессиональной мобильности должен осуществляться на основе экспертного отбора методом исключения в три этапа.

Предлагается следующий алгоритм оценки влияния социально-демографических процессов на профессиональную мобильность (см. рис. 1).

Рис. 1. Последовательность анализа факторов социально-демографического характера на профессиональную мобильность (сост. по: [13—15])

На первом этапе обеспечивается построение матрицы факторов социально-демографического характера и явлений профессиональной мобильности, наиболее актуальных для анализируемой выборки (рынка труда). Осуществляется расчет изменений социально-демографических показателей, оказывающих наибольшее влияние на профессиональную мобильность.

Остановимся на показателях социально-демографического характера, мониторинг которых позволяет выявить условия для реализации стандартных паттернов профессиональной мобильности основных групп.

Отметим, что соответствующие показатели следует рассматривать комплексно. Для каждого из них рекомендуется установить веса таким образом, чтобы:

- максимальное значение имел тот социально-демографический показатель (группа показателей), который имеет наибольший текущий темп изменения и прогнозный темп изменения, рассчитанный путем экстраполяции ретроспективных данных;
- комплексный показатель рассчитывается для периода, в рамках которого дисперсии каждого социально-экономического показателя не превышали установленный

аналитиком лимит; если такой лимит превышает, аналитик осуществляет дробление периода на более однородные промежутки.

Важно корректное сопоставление показателя профессиональной мобильности и соответствующих социально-демографических показателей. Поскольку профессиональная мобильность зависит от всех без исключения факторов, для устранения мультиколлинеарности рекомендуется анализировать по каждому фактору отдельно.

Итоговый показатель профессиональной мобильности может быть рассчитан по формуле:

$$M = \sum Xi, j / N, \quad (1)$$

где Xi, j — фактическое количество работников, сменивших вид профессиональной деятельности в i -й нише на j -м рынке; ниша обычно выделяется как профессиональная (профессия, некоторая общая компетенция, право выполнять определенную работу), а рынок — как обособленный рынок труда, например, рынок труда обособленный по географическому или отраслевому признаку; N — фактическое число занятых.

В некоторых случаях для определения направления изменения показателя профессиональной мобильности может использоваться не собственно показатель профессиональной мобильности, а показатель темпа изменения профессиональной мобильности.

Взаимосвязь между i -м социально-демографическим показателем и профессиональной мобильностью может рассчитываться как коэффициент корреляции:

$$r = \frac{\sum[(X_i - \bar{X})(Y_i - \bar{Y})]}{\sqrt{[\sum(X_i - \bar{X})^2 \times \sum(Y_i - \bar{Y})^2]}} \quad (2)$$

где Y_i — значение, характеризующее соответствующий социально-демографический показатель.

В соответствии с заявленной на рис. 1 методикой исследования авторами осуществлен анализ социально-экономических показателей, оказывающих наибольшее влияние на профессиональную мобильность.

Рассмотрим влияние каждого из представленных факторов более подробно.

Старение населения — данный социально-демографический тренд характерен для большинства стран мира с постиндустриальной экономикой. Этот тренд формируется на стыке снижения показателя смертности и показателя рождаемости. В России этот показатель находится на среднем уровне. Так, по показателю воспроизводства населения Россия в 2024 г. опережала такие растущие экономики мира, как Китай и Южная Корея, однако уступала Франции, Турции и Бразилии (см. рис. 2).

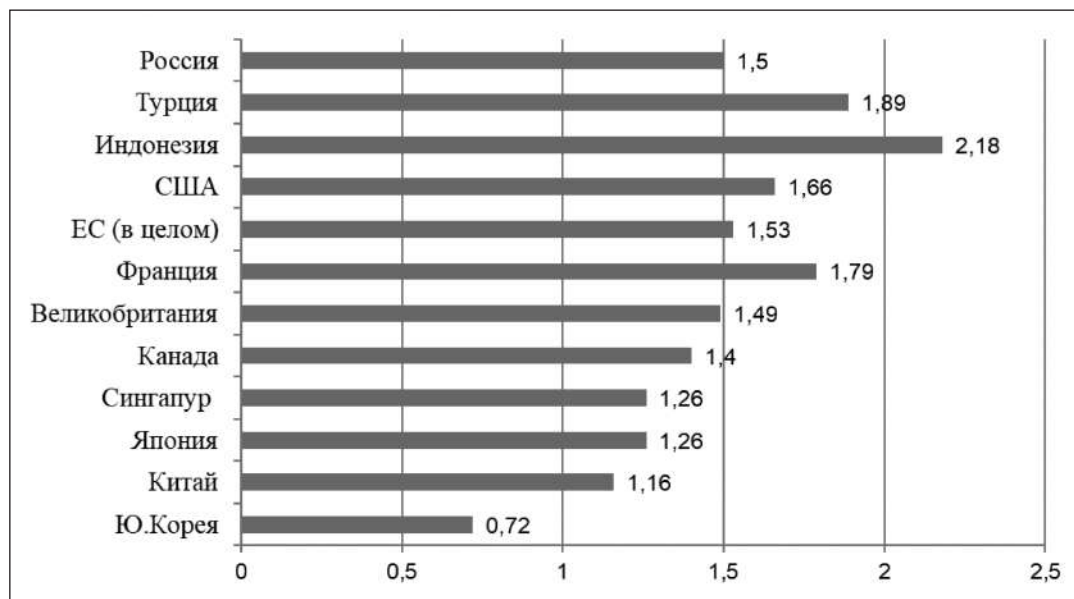

Рис. 2. Показатели рождаемости на одну женщину в странах мира в 2024 г.
[сост. по данным официального сайта Всемирного банка (<https://www.worldbank.org/>)]

Отметим, что подавляющее число экономик мира не достигает оптимальный для простого воспроизводства населения показатель 2,1—2,2 ребенка на одну женщину, что создает объективные вызовы для экономики.

Применительно к сфере профессиональной мобильности это означает:

- увеличение востребованности труда представителей старшего поколения в случае, если влияние демографического спада не компенсируется ростом производительности труда; по состоянию на начало 2024 г. [5] невозможность компенсации выпадения рабочей силы хотя бы в одной системно значимой отрасли национальной экономики характерна для всех без исключения стран, представленных на рис. 1, что обостряет проблему стимулирования профессиональной мобильности среди возрастных специалистов;

- актуальность для работодателя найма специалиста, который либо на момент заключения трудового контракта располагает возможностью комбинировать обязанности за дополнительную плату, либо способен сделать это после обучения.

Наряду с ростом компетентностной нагрузки на одного сотрудника в результате научно-технического прогресса и автоматизации рутин сокращается сложность каждой стандартной операции. Данный тренд, возникший в миро-

вой экономике с началом компьютеризации и вынесения части рутин в облачные сервисы, до 2035 г. будет усиливаться [11] в связи с замещением живого труда нейросетями.

Объективным препятствием такому процессу является инертность работников и бизнеса и фиксированные транзакционные издержки, обусловленные структурой рынка труда [12].

В представленных в табл. 1 странах социально-демографические тренды в сфере воспроизводства населения сформировались достаточно давно, что позволяет, согласно авторской методике анализа, рассматривать их как элементы однородной с точки зрения направленности трендов выборки. Научная гипотеза, выдвигаемая автором, заключается в существовании корреляции между демографическими процессами и профессиональной мобильностью, позволяющей выявить некоторые универсальные закономерности развития рынка труда в зависимости от сходства в странах с разными моделями экономики базовых социально-экономических факторов и параметров состояния народонаселения.

Сопоставление представленной статистики позволяет утверждать, что зарубежная методика управления профессиональной мобильностью в странах с критически выраженной депопуляцией актуальна для России. Вместе с тем Россия обладает также собственной спецификой.

Таблица 1

**Сопоставление демографических показателей 2024 г. и показателей профессиональной мобильности
в странах с критически выраженной депопуляцией**

Страна	Показатель рождаемости на одну женщину	Средний возраст работников, лет	Оценка профессиональной мобильности	Регулирование профессиональной мобильности
Южная Корея	0,72	45,8	Высокий тенюр (8 лет), культура пожизненного найма в чеболях. Высокая доля временных работ (около 20 %) создает дуализм рынка	– Преимущественно внутрикорпоративные инструменты; – льготные государственные программы для компаний с новыми профессиями
Япония	1,26	40,4	Традиционно очень низкая смена работодателя (2—3 %) сменяется ростом среди молодежи. Высокий тенюр (8,2 года). Достаточно развита внутрифирменная мобильность и ротация (27 % сотрудников переводятся на другие места работ внутри фирмы)	Государственно-частное партнерство на базе превентивного поощрения профессиональной мобильности собственных работников компаний
Сингапур	1,26	49,9	Средний тенюр (6 лет), культура пожизненного найма в чеболях. Высокая доля временных работ (20 %) создает дуализм рынка	Поощрение профессиональной мобильности среди наиболее квалифицированных специалистов через междустрановую мобильность и карьеру
Китай	1,16	43,2	Гипермобильность в ИТ и сервисах, особенно среди молодежи (смена места работы в течение года — у 26 %). Тенюр один из самых высоких — до 9 лет для руководящих профессий. Профессиональная мобильность в стране тесно связана с межрегиональной трудовой мобильностью	– Наличие государственных программ стимулирования профессиональной мобильности в отношении разных групп населения (молодежь, возрастные работники, жители определенных провинций); – доминирование образовательных инструментов

Примечание: сост. по данным официальных сайтов Всемирного банка (<https://www.worldbank.org/>) и Международной организации труда (<https://www.ilo.org/>).

Исследование рынка труда молодежи в России [1; 4] доказывает, что к 2024 г. на рынке труда под влиянием социально-демографических факторов сформировался разрыв между паттернами занятости старшего поколения, с одной стороны, и миллениалов и зуммеров, с другой. Этот разрыв проявляется как существенно более высокий показатель профессиональной мобильности в России среди следующих категорий работников:

- работники новых отраслей экономики, преимущественно ИТ-сектор, сфера торговли и услуги населению;
- работники в растущих компаниях, абсорбирующих наиболее ценные мобильные кадры из других регионов; в этом отношении выделяется два полюса: добывающий сектор и высокотехнологичные экспортные предприятия.

Для России актуальными являются следующие варианты профессиональной мобильности:

1. *Профессиональная дихотомия.* Данная модель наиболее характерна для лиц, не достигших 30 лет. В условиях неопределенности рынка труда молодые специалисты активно инвестируют время и деньги в наиболее перспективные профессии. В то же время ввиду высокой конкуренции на этих рынках труда и часто отсутствия у работодателя актуальных рекомендаций и условий для гарантированного получения вакансии (например, целевой набор, адресное сотрудничество с обучающимся) специалист осваивает вторую, вспомогательную профессию на минимальном уровне. Подобная практика представляется опасной ввиду высоких рисков появления на рынке труда специалистов со «вспомогательной» профессией, не мотивированных на развитие в этом направлении, что снизит результативность инфраструктуры воспроизводства кадров для подобных отраслей.

2. *Сетевая профессиональная мобильность.* Характерна преимущественно для квалифицированных специалистов и часто сочетается с практикой дистанционных форм трудоустройства. Подобный специалист взаимодействует с несколькими работодателями в формате сдельной или почасовой оплаты труда, адаптируясь к той компетентностной модели, которую требует работодатель.

Еще одной особенностью профессиональной мобильности в России является высокая доля лиц, которые совмещают самообразование и классические образовательные курсы. Высокий уровень компьютерной грамотности в стране в сочетании с относительно невысокими по сравнению с уровнем стран ОЭСР доходами квалифицированных специалистов порождает запрос студенческой среды [15] на многовариантность базовых компетентностных моделей, получаемых ими в вузах.

По результатам исследования статистики профессиональной мобильности в России автором подготовлена аналитическая таблица с выделением наиболее значимых социально-демографических факторов, влияющих на профессиональную мобильность сотрудника (см. табл. 2).

Система мер по актуализации профессиональной мобильности с учетом социально-демографических факторов в России включает два направления:

1. Развитие поствузовской ступени обучения. Целевой аудиторией в этом случае являются граждане старше 30 лет, проживающие в регионах с дефицитом кадров для системно значимых предприятий.

2. Развитие партнерства компаний и государства сообразно росту потребностей организаций в поиске перспективных сотрудников на уровне вузовского, а впоследствии – школьного образования. В качестве эталона могут использоваться китайские подходы из-за сходства демографических проблем Китая и России (см. табл. 1).

Оценка корреляции между наиболее значимыми на российском рынке труда социально-демографическими факторами и интенсивностью профессиональной мобильности

Фактор	Примерный вклад в объяснение вариативности мобильности (R^2), %	Ключевая цифра
Возраст	~50	Каждые 10 лет снижают вероятность смены работы в 1,7 раза
Регион	~27	Проживание в селе снижает вероятность мобильности в 3,1 раза против жителя города-миллионника
Образование	~14	Наличие высшего образования увеличивает вероятность профессиональной мобильности почти в 3 раза
Наличие несовершеннолетних детей	~5	Ребенок в возрасте до 3 лет снижает готовность к смене профессии на 68 %
Уровень дохода	~6	Верхние 25 % по доходам мобильнее нижних 25 % на более чем 40 %

Примечание: сост. по данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики (<https://rosstat.gov.ru/>) и материалам портала *HeadHunter* (<https://www.hh.ru/>).

Заключение

Социально-демографические факторы в настоящее время оказывают давление на рынок труда. Профессиональная мобильность является формой реакции на это давление со стороны работников. Несистематизированная профессио-

нальная мобильность силами самих сотрудников создает для устойчивости рынка труда риски, которые могут быть устранены на уровне развития платформенной инфраструктуры взаимодействия государства и институционального работодателя в сфере поствузовского образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Иванов С. Ю., Иванова Д. В., Чвякин В. А. Профессиональная лояльность и социальная мобильность молодых специалистов // *Перспективы науки и образования*. 2024. № 3(69). С. 738—756. DOI: 10.32744/pse.2024.3.45.
- Конинский А. В. Некоторые аспекты профессиональной мобильности молодежи // *Экономика и управление: проблемы, решения*. 2024. № 12(153). Т. 21. С. 103—109. DOI: 10.36871/ek.up.r.g.2024.12.21.014.
- Мищенко Д. Н., Дюжиков С. А. Профессиональная мобильность российской молодежи: ключевые риски // *Гуманитарий Юга России*. 2023. Т. 12. № 1. С. 159—173. DOI: 10.18522/2227-8656.2023.1.12.
- Мищенко Д. Н. Системная модель управления профессиональной мобильностью российской молодежи в эпоху глобальной информатизации // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. 2023. Т. 16. № 4. С. 71—78. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-71-78.
- Ипполитова Н. В., Верховцев К. Н. Значение проектной деятельности в формировании профессиональной мобильности студентов вуза // *Вестник педагогических наук*. 2024. № 1. С. 212—217.
- Лежнева Н. В., Нужнова С. В. Педагогическое содействие развитию мотивационной готовности студентов региональных вузов к профессиональной мобильности // *Современные проблемы науки и образования*. 2023. № 3. DOI: 10.17513/spno.32669.
- Розенко Е. А. Профессиональная мобильность студентов непрофильных направлений подготовки: проблемы совершенствования в условиях развития информационно-цифровых технологий // *Наукофера*. 2024. № 7-2. С. 60—65. DOI: 10.5281/zenodo.13165110.
- Кононенко Н. А., Подольская Т. А. К проблеме профессиональной мобильности современных специалистов // *Мир психологии*. 2023. № 1(112). С. 30—38.
- Кононенко Н. А. Профессиональная мобильность как значимая личностная характеристика современного специалиста // *Личность: ресурсы и потенциал*. 2023. № 4(20). С. 204—218.
- Паламарчук В. А. Влияние образования на профессиональную мобильность работника // *Педагогическая антропология*. 2025. № 1. С. 73—78.
- Тарасьев А. А., Тарасьева Т. В. Развитие профессиональной мобильности как следствие цифровой трансформации рынка труда // *Вестник Гуманитарного университета*. 2023. № 1(40). С. 40—48. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2023.1(40).02.
- Конинский А. В. О взаимосвязи демографического развития с профессиональной мобильностью // *Ученые записки Российской академии предпринимательства*. 2023. Т. 22. № 1. С. 61—64. DOI: 10.24182/2073-6258-2023-22-1-61-64.
- Астахов Ю. В., Веселова М. С. Актуальные проблемы регулирования профессиональной мобильности кадров // *Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки*. 2023. № 1—2. С. 47—53. DOI: 10.26653/2076-4685-2023-1-2-04.
- Щербакова Т. Н., Мариненко Т. Ю., Мисиров Д. Н. Стратегия совладающего поведения как предиктор успешности личности в условиях профессиональной мобильности // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*. 2024. № 3. С. 163—177. DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-163-177.
- Экяев П., Аннаглыджов Э., Анваров А. Экономика труда и социальная мобильность: роль образования и профессиональной подготовки в обеспечении равных возможностей // *Символ науки*. 2024. № 10-1. Т. 2. С. 113—115.

REFERENCES

- Ivanov S. Yu., Ivanova D. V., Chvyakin V. A. Professional loyalty and social mobility of young professionals. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of science and education*. 2024;3(69):738—756. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2024.3.45.

2. Koninsky A. V. Some aspects of youth professional mobility. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2024;12(153)-21:103—109. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.12.21.014.
3. Mishchenko D. N., Dyuzhikov S. A. Professional mobility of Russian youth: key risks. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2023;12(1):159—173. (In Russ.) DOI: 10.18522/2227-8656.2023.1.12.
4. Mishchenko D. N. System model of professional mobility management of Russian youth in the era of global informatization. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2023;16(4):71—78. (In Russ.) DOI: 10.17213/2075-2067-2023-4-71-78.
5. Ippolitova N. V., Verkhovtsev K. N. The importance of project activities in the professional mobility formation of university students. *Vestnik pedagogicheskikh nauk = Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2024;1:212—217. (In Russ.)
6. Lezhneva N. V., Nuzhnova S. V. Pedagogical support for the development of motivational readiness of students of regional universities for professional mobility. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2023;3. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.32669.
7. Rozenko E. A. Professional mobility of students in non-core areas of study: problems of improvement in the context of the development of information and digital technologies. *Naukosfera*. 2024;7-2:60—65. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.13165110.
8. Kononenko N. A., Podolskaya T. A. On the problem of professional mobility of modern specialists. *Mir psikhologii = World of psychology*. 2023;1(112):30—38. (In Russ.)
9. Kononenko N. A. Professional mobility as a significant personal characteristic of a modern specialist. *Lichnost': resursy i potentsial = Personality: Resources and Potential*. 2023;4(20):204—218. (In Russ.)
10. Palamarchuk V. A. The impact of education on an employee's professional mobility. *Pedagogicheskaya antropologiya = Pedagogical Anthropology*. 2025;1:73—78. (In Russ.)
11. Tarasyev A. A., Tarasyeva T. V. Development of professional mobility as a consequence of the digital transformation of the labor market. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta = Bulletin of Liberal Arts University*. 2023;1(40):40—48. (In Russ.) DOI: 10.35853/vestnik.gu.2023.1(40).02.
12. Koninsky A. V. On the relationship between demographic development and professional mobility. *Uchenye zapiski Rossiiskoi akademii predprinimatel'stva = Scientific notes of the Russian academy of entrepreneurship*. 2023;22(1):61—64. (In Russ.) DOI: 10.24182/2073-6258-2023-22-1-61-64.
13. Astakhov Yu. V., Veselova M. S. Actual problems of regulation of professional mobility of personnel. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 2. Gumanitarnye nauki = Scientific review. Series 2. Human sciences*. 2023;1—2:47—53. (In Russ.) DOI: 10.26653/2076-4685-2023-1-2-04.
14. Shcherbakova T. N., Marinenko T. Yu., Misirov D. Yu. Coping strategy as a predictor of individual success in conditions of professional mobility. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of Federal State University of Education. Series: Psychological Sciences*. 2024;3:163—177. (In Russ.) DOI: 10.18384/2949-5105-2024-3-163-177.
15. Ekayev P., Annaglyjow E., Anwarow A. Labor economics and social mobility: the role of education and vocational training in ensuring equal opportunities. *Simvol nauki = Symbol of science*. 2024;10-1-2:113—115. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 08.12.2025.
The article was submitted 12.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 004
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1574

Nikolaj Sergeevich Mishatkin
Bachelor,
field of training
38.03.05 — Business Informatics,
National Research
Nuclear University MEPhI
Moscow, Russian Federation
nsmishatkin@yandex.ru

Ekaterina Romanovna Myseva
Senior Lecturer of the Department of Financial Monitoring,
National Research
Nuclear University MEPhI
Moscow, Russian Federation
ERMyseva@mephi.ru

Николай Сергеевич Мишаткин
бакалавр,
направление подготовки
38.03.05 — Бизнес-информатика,
Национальный исследовательский
ядерный университет «МИФИ»
Москва, Российская Федерация
nsmishatkin@yandex.ru

Екатерина Романовна Мысева
старший преподаватель кафедры финансового мониторинга,
Национальный исследовательский
ядерный университет «МИФИ»
Москва, Российская Федерация
ERMyseva@mephi.ru

ОПТИМИЗАЦИЯ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ НЕФТЕГАЗОВОЙ ОТРАСЛИ С ПОМОЩЬЮ LOW-CODE ПЛАТФОРМ (НА ПРИМЕРЕ KNOWLEDGE SPACE)

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Статья посвящена исследованию применения отечественной low-code платформы Knowledge Space для оптимизации бизнес-процессов в нефтегазовой отрасли. Актуализирована проблема неэффективного планирования производства, когда разрозненность данных и длительное согласование планов приводят к значительным потерям. Особое внимание уделено влиянию санкций и необходимости перехода на отечественное программное обеспечение, что усиливает интерес к low-code решениям.

В работе представлен практический кейс разработки и внедрения минимально жизнеспособного продукта (MVP) интегрированного планировщика на базе Knowledge Space в компании нефтегазового сектора. Разработанный инструмент автоматизирует процессы интегрированного планирования — от добычи до ремонтов и логистики, что позволило резко сократить время пересмотра производственных планов (с нескольких дней до минут) и повысить прозрачность использования ресурсов. Проект показал, что low-code подход обеспечивает быстрое создание корпоративных приложений (первый результат получен за 3–4 месяца вместо ~1 года классической разработки) при существенном снижении затрат (до 80–90 %).

Научная новизна исследования заключается в сочетании интегрированного планирования и low-code подхода в отраслевом контексте. Впервые продемонстрирована эффективность применения low-code инструмента для интегрированного планирования на нефтегазовом предприятии. Платформа Knowledge Space соответствует целям цифровой трансформации и импортозамещения. Исследование проведено с использованием качественных методов (кейс-анализа, интервью с экспертами). Практическая значимость подтверждается возможностью масштабирования полученного решения на другие компании отрасли, что улучшит их оперативную эффективность и конкурентоспособность. Представленные результаты и выводы могут быть использованы при реализации аналогичных проектов цифровой трансформации в промышленности.

Ключевые слова: low-code платформа, цифровая трансформация, оптимизация бизнес-процессов, нефтегазовая отрасль, интегрированное планирование, Knowledge Space, автоматизация, эффективность, экспертное интервью, инновационные технологии, импортозамещение, минимально жизнеспособный продукт

Для цитирования: Мишаткин Н. С., Мысева Е. Р. Оптимизация бизнес-процессов нефтегазовой отрасли с помощью low-code платформ (на примере Knowledge Space) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 147—152. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1574.

Original article

BUSINESS PROCESS OPTIMIZATION IN THE OIL AND GAS SECTOR VIA LOW-CODE PLATFORMS (THE CASE OF KNOWLEDGE SPACE)

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The paper investigates the use of the domestic low-code platform Knowledge Space for optimizing business processes in the oil and gas industry. It highlights the issue of inefficient production planning, where fragmented data

and lengthy plan approvals lead to significant losses. Special attention is given to the impact of sanctions and the need to transition to domestic software, which is increasing interest in low-code solutions.

The study presents a practical case of developing and implementing a minimum viable product (MVP) integrated planning tool based on Knowledge Space at an oil and gas company. The tool automates integrated planning processes – covering production, maintenance, and logistics – dramatically reducing the time needed to update production plans (from several days to minutes) and improving resource utilization transparency. The project demonstrated that a low-code approach enabled rapid development of a solution (delivering an initial version in 3–4 months instead of about one year with traditional development) while significantly lowering costs (by up to 80-90%).

The novelty of the research lies in combining integrated planning with a low-code approach in this industry context. This study provides the first demonstration of an effective

low-code integrated planning tool at an oil and gas enterprise. The Knowledge Space platform aligns with Russia's digital transformation and import substitution goals. The research was conducted using qualitative methods (case analysis and expert interviews). Practical significance is confirmed by the potential to scale the solution to other companies in the industry, improving their operational efficiency and competitiveness. The results can inform similar projects.

Key words: low-code platform, digital transformation, business process optimization, oil and gas industry, integrated planning, Knowledge Space, automation, efficiency, expert interview, innovative technologies, import substitution, minimum viable product

For citation: Mishatkin N. S., Myseva E. R. Business process optimization in the oil and gas sector via low-code platforms (the case of Knowledge Space). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):147—152. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1574.

Введение

В условиях современной цифровой трансформации промышленности особое значение приобретает вопрос оптимизации бизнес-процессов. Для нефтегазовой отрасли это особенно актуально, т. к. любые сбои в производственном цикле могут приводить к существенным финансовым потерям. Проблема усугубляется внешними санкциями и ограниченным доступом к зарубежному программному обеспечению, что стимулирует переход на отечественные цифровые решения и поиск новых инструментов автоматизации.

Актуальность темы определяется необходимостью технологического суверенитета: по данным исследований, до 2020 г. доля иностранного программного обеспечения в нефтегазовом секторе России превышала 90 %, что создавало риски зависимости от внешних поставщиков. Введение ограничительных мер после 2022 г. сделало переход на российские платформы ключевым условием стабильного функционирования отрасли. В этой связи *low-code/no-code* технологии рассматриваются как перспективный инструмент быстрой цифровизации, позволяющий создавать корпоративные приложения в сжатые сроки и с минимальными затратами.

Изученность проблемы отражена в растущем числе исследований последних лет. Так, С. В. Пальмов, М. П. Абашин, Н. А. Гулянин рассматривают развитие *low-code/no-code* систем в России и отмечают их экономическую эффективность по сравнению с классической разработкой [1]. Зарубежные авторы также активно изучают данное направление: С. Ю. Хён анализирует возможности применения *low-code* подхода в разработке мобильных приложений [2]; Ф. Суфи подчеркивает ценность подобных инструментов для быстрого прототипирования в научной среде [3]; Э. Мартинес и Л. Пфистер демонстрируют успешное внедрение *low-code* решений в строительной индустрии [4]. Вопросы организационной адаптации и факторов успеха внедрения рассматривают Й. П. Пидде, Р. Д. Циглер, А. Мецгер, показывая, что ключевыми условиями являются подготовка персонала и выбор подходящей платформы [5]. Дополнительно акцент на ускорение цифровой трансформации в строго регулируемых отраслях сделан в работах К. Дж. Аджибойе [6]. В прикладном аспекте вопросы цифровизации нефтегазовой отрасли подробно освеще-

ны в работах Т. Й. Элете с соавторами, которые представили комплексный обзор операционной эффективности и кейсов цифровой трансформации [7]. Ю. С. Волкова исследовала экономическую эффективность цифровой трансформации нефтегазовой отрасли [8]. А. Альшибани предложил гибридную структуру для анализа барьеров и движущих факторов цифровой трансформации [9]. М. дос С. Повоас с соавторами рассмотрели применение искусственного интеллекта в нефтегазовой отрасли [10]. Дж. Су исследовал роль управления данными в цифровой трансформации нефтегазовых предприятий [11], а В. М. Зиадат предложил структуру цифровизации для ускорения трансформации [12]. Перспективные направления, такие как цифровые двойники и автономное принятие решений, рассматриваются в работах Э. Б. М. Меца с соавторами [13] и Р. Арагонес, Ж. Оливер, К. Феррер [14]. И. Н. Малиновская, В. И. Галигузов, А. Г. Вдовченко анализируют проблемы и перспективы цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса России, подчеркивая значимость интеграции цифровых технологий для повышения эффективности отрасли [15]. А. Л. Вайншток исследует ключевые аспекты цифровых трансформаций предприятий ТЭК, включая применение анализа больших данных и искусственного интеллекта для повышения эффективности и снижения затрат, а также отмечает необходимость переподготовки кадров в условиях цифровизации [16].

Совокупный анализ литературы показывает, что интерес к *low-code/no-code* технологиям растет как в научной, так и в практической плоскости, однако примеры их применения в нефтегазовой отрасли остаются недостаточно изученными.

Целесообразность разработки темы заключается в том, что именно нефтегазовый сектор, обладая высокой капиталоемкостью и сложностью производственных процессов, остро нуждается в инструментах интегрированного планирования. Отсутствие адаптированных отечественных решений и высокая стоимость зарубежных аналогов обуславливают потребность в анализе возможностей *low-code* платформ на примере конкретных кейсов.

Научная новизна исследования заключается в сочетании интегрированного планирования и *low-code* подхода в отраслевом контексте. Впервые продемонстрирована эффективность применения *low-code* инструмента

для интегрированного планирования на нефтегазовом предприятии с использованием отечественной платформы *Knowledge Space*, что соответствует целям цифровой трансформации и импортозамещения.

Цель исследования — теоретически обосновать и эмпирически подтвердить эффективность применения *low-code* платформы *Knowledge Space* для оптимизации бизнес-процессов интегрированного планирования в нефтегазовой отрасли.

Задачи исследования:

1. Проанализировать современное состояние и тенденции развития *low-code* технологий в контексте цифровой трансформации промышленности.
2. Выявить проблемы интегрированного планирования в нефтегазовой отрасли, связанные с разрозненностью данных и длительностью согласования планов.
3. Разработать и внедрить минимально жизнеспособный продукт интегрированного планировщика на платформе *Knowledge Space*.
4. Оценить эффективность внедрения с точки зрения сокращения временных и ресурсных затрат.

Теоретическая значимость работы состоит в систематизации подходов к применению *low-code* технологий в нефтегазовой отрасли и обобщении факторов успеха их внедрения.

Практическая значимость подтверждается возможностью масштабирования полученного решения на другие компании отрасли, что улучшит их оперативную эффективность и конкурентоспособность. Представленные результаты и выводы могут быть использованы при реализации аналогичных проектов цифровой трансформации в промышленности.

Основная часть

Методология исследования. Для эмпирической части исследования был выбран качественный дизайн, который наиболее полно позволяет раскрыть контекстные факторы и механизмы внедрения инноваций в конкретной организации. Основными методами выступили кейс-анализ (*case study*) и серия полуструктурированных экспертных интервью. Выбор данных методов обоснован необходимостью получить глубокое понимание уникального опыта компании по внедрению *low-code* платформы, что невозможно сделать с помощью исключительно количественных методов.

В основу исследования положена следующая гипотеза: внедрение инструмента интегрированного планирования, разработанного на *low-code* платформе *Knowledge Space*, обеспечит:

- а) сокращение времени пересмотра производственных планов с нескольких дней до минут;
- б) снижение стоимости разработки не менее чем на 80 % по сравнению с классическим подходом;
- в) повышение прозрачности и качества планирования за счет автоматического учета производственных ограничений.

Проверка данной гипотезы осуществлялась путем сбора и анализа количественных (временные затраты, стоимость) и качественных (экспертные интервью) данных на всех этапах опытно-промышленной эксплуатации *MVP*.

Исследование проводилось в несколько этапов.

На первом этапе был изучен текущий процесс планирования в компании «Нефть и газ» (название изменено в соответствии с условиями конфиденциальности) —

крупном нефтегазодобывающем предприятии. Проведен анализ документооборота, регламентов и используемых информационных систем для выявления «узких мест». Для сбора первичной информации были проведены глубинные интервью с руководителем IT-департамента и тремя ключевыми бизнес-пользователями (начальник производственного отдела, главный инженер, руководитель отдела логистики).

На втором этапе на основе выявленных проблем была сформулирована концепция минимально жизнеспособного продукта (*MVP*) интегрированного планировщика. Совместно с командой разработчиков *IMS* (вендор платформы *Knowledge Space*) была спроектирована архитектура решения. Разработка велась итеративно с использованием гибкой методологии (*Agile*) с двухнедельными спринтами, что позволяло оперативно получать обратную связь от будущих пользователей и вносить коррективы.

На третьем этапе, после запуска *MVP* в опытно-промышленную эксплуатацию, был проведен сбор и анализ данных об эффективности нового инструмента. Основными источниками данных стали: сравнительный анализ временных затрат на планирование «до» и «после» внедрения (на основе логов системы и экспертных оценок), повторные интервью с участниками процесса для оценки качественных изменений, а также анализ экономических показателей проекта (сравнение сметной стоимости *low-code* разработки с рыночной стоимостью аналогичного продукта, созданного традиционным путем).

Результаты исследования. В ходе исследования был разработан, внедрен и протестирован *MVP* интегрированного планировщика на платформе *Knowledge Space*. Анализ и обобщение данных, полученных в ходе опытно-промышленной эксплуатации, а также сравнительный анализ с исходными показателями деятельности компании позволили сформулировать следующие ключевые результаты, подтверждающие первоначальную гипотезу об эффективности *low-code* подхода. (Названия компаний изменены в соответствии с условиями конфиденциальности: компания «Нефть и газ» — нефтегазодобывающее предприятие, на котором проводилось внедрение; компания «Стальные технологии» — другое предприятие того же холдинга, внедрившее аналогичное решение годом ранее.)

1. **Подтверждение гипотезы о сокращении временных затрат.** Ключевым показателем для проверки гипотезы являлось время реакции на внеплановые события. Анализ логов системы и хронометраж операций, проведенный в течение двух месяцев после запуска *MVP*, показал устойчивое снижение временных затрат. Обобщение данных по 50 циклам пересмотра плана выявило, что среднее время формирования актуализированного сводного плана сократилось с 2—3 дней (по экспертной оценке IT-директора, данной на этапе интервью) до 3—5 минут. Это стало возможным благодаря автоматической консолидации данных о добыче, ремонтах и ресурсах в едином интерфейсе, что полностью устранило «узкое место», идентифицированное на этапе анализа документооборота. Достигнутый результат сопоставим с эффектом, описанным в исследовании Т. Й. Элете с соавторами [7], где внедрение аналитической системы также сократило перерасчет планов с нескольких дней до минут, что подтверждает репрезентативность полученных нами данных.

Дополнительным подтверждением устойчивости результатов стал сравнительный анализ показателей компании «Нефть и газ» с данными компании «Стальные технологии», внедрившей аналогичное решение годом ранее. Несмотря на различия в масштабах деятельности (компания «Стальные технологии» эксплуатирует 700 скважин против 630 у «Нефти и газа»), динамика сокращения простоев и трудозатрат оказалась сопоставимой: простой бригад сократился на 80 % в компании «Нефть и газ» и на 67 % в компании «Стальные технологии», а простой скважин — на 53,5 и 52,5 % соответственно. Это позволяет прогнозировать устойчивость достигнутых результатов при масштабировании решения.

2. Анализ эффективности разработки: скорость и стоимость. Сравнение фактических затрат на разработку MVP с нормативными показателями классической разработки (на основе рыночных данных и экспертных оценок участников проекта) подтвердило экономическую гипотезу исследования. Обобщая данные проектной документации и временных логов команды разработки, мы установили, что:

- **Скорость:** Первая рабочая версия (прототип) была получена через 3 недели, что позволило оперативно собрать обратную связь. Полный цикл создания MVP (3—4 месяца) оказался в 3—4 раза короче среднерыночного срока классической разработки аналогичного продукта (оцененного в 12 месяцев). Это доказывает, что *low-code* подход критически важен для быстрого реагирования на потребности бизнеса.

- **Стоимость:** Анализ сметы проекта показал, что фактические трудозатраты составили лишь 10—15 % от расчетной стоимости традиционной разработки. Данный показатель согласуется с мировыми данными о снижении затрат на 80—90% при использовании *low-code* платформ, что также отмечено в обзоре М. дос С. Поваос с соавторами [10], подтверждая универсальность этого экономического эффекта.

Детальный анализ структуры затрат показал, что стоимость создания аналогичного решения традиционными методами (с привлечением команды из семи специалистов на два года) составила бы порядка 62,8 млн руб. без учета лицензий. Рыночная стоимость готового решения OIS UFAM на платформе SAP HANA, рассмотренного в качестве альтернативы, достигает 190 млн руб. с последующими лицензионными отчислениями. Внедрение на платформе *Knowledge Space* потребовало 41,1 млн руб. с учетом 20 пользовательских лицензий, что подтверждает экономическую целесообразность *low-code* подхода.

Перевод сэкономленных часов в денежный эквивалент, основанный на данных компании «Нефть и газ» о стоимости простоев (простой скважины — 7 тыс. руб. в час, бригады — 35 тыс. руб. в час, спецтехники — 40,25 тыс. руб. в час), позволил оценить совокупный годовой экономический эффект от внедрения MVP в размере от 39,8 до 46,8 млн руб. в год. Эта экономия складывается из сокращения простоев скважин (4,9—5,5 млн руб.), бригад (14—16,4 млн руб.), спецтехники (14,1—16,9 млн руб.) и снижения трудозатрат функциональных планировщиков (8,2—9,5 млн руб.). Затраты на содержание группы интегрированного планирования (IPM) составили 1,4—1,5 млн руб., что многократно перекрывается полученной экономией.

3. Обобщение качественных изменений: прозрачность и качество планирования. Анализ повторных интервью с ключевыми бизнес-пользователями

и изучение статистики диспетчерских служб позволили обобщить качественные улучшения. Внедрение планировщика обеспечило переход от субъективных, ручных корректировок к формализованному учету производственных ограничений. Система, как показал анализ ее работы, автоматически разрешает конфликты за ресурсы (например, распределяет ремонтные бригады по скважинам, минимизируя суммарный простой добычи), что ранее требовало длительных межведомственных согласований. Единая панель мониторинга, как следует из протоколов совещаний, обеспечила прозрачность исполнения плана для всех служб, что подтверждает тезис Ю. С. Волковой о повышении управляемости за счет цифровизации [8].

4. Обобщение результатов в контексте стратегических задач. Обобщая все полученные данные, мы делаем вывод о полном соответствии проекта стратегическим задачам импортозамещения и цифровой трансформации. Анализ инфраструктурных требований подтвердил, что платформа *Knowledge Space* может быть развернута на сертифицированных российских облачных решениях. Кроме того, наблюдение за процессом доработки функционала показало, что *low-code* среда позволила самим бизнес-специалистам (после минимального обучения) участвовать в улучшении интерфейсов, что, согласно выводам Дж. Су [11] и В. М. Зиадата [12], является критическим фактором успеха долгосрочной цифровой трансформации.

Таким образом, результаты исследования, полученные путем обобщения и анализа количественных и качественных данных, полностью доказывают рабочую гипотезу. Во-первых, использование *low-code* платформы *Knowledge Space* для создания инструментов интегрированного планирования обеспечивает существенную экономию средств (до 80—90 %) по сравнению с традиционной разработкой и готовыми решениями. Во-вторых, внедрение такого инструмента приводит к комплексной оптимизации бизнес-процессов нефтегазового предприятия: консолидация данных из разрозненных мастер-систем в едином интерфейсе сокращает время пересмотра планов с дней до минут, снижает простои критически важных производственных ресурсов (скважин, бригад, спецтехники) и высвобождает трудовые ресурсы функциональных планировщиков. Полученные выводы открывают перспективы для масштабирования решения и дальнейшей цифровизации, включая создание цифровых двойников [13; 14].

Заключение

Проведенное исследование подтвердило первоначальную гипотезу и позволило достичь поставленной цели — теоретически обосновать и эмпирически доказать эффективность применения *low-code* платформы *Knowledge Space* для оптимизации бизнес-процессов интегрированного планирования в нефтегазовой отрасли.

В ходе работы были решены все исследовательские задачи. Анализ современного состояния *low-code* технологий показал их высокий потенциал для цифровой трансформации промышленности, что согласуется с выводами как российских [1; 15], так и зарубежных авторов [2—6]. Выявлены ключевые проблемы интегрированного планирования в нефтегазовом секторе: разрозненность данных, длительные сроки согласования планов (до нескольких дней)

и, как следствие, значительные простои производственных ресурсов. Разработанный и внедренный MVP интегрированного планировщика на платформе *Knowledge Space* продемонстрировал, что *low-code* подход позволяет в сжатые сроки (3–4 месяца) создать инструмент, автоматизирующий консолидацию данных из различных мастер-систем и обеспечивающий алгоритмическую поддержку принятия решений.

Оценка эффективности внедрения дала следующие результаты. Временные затраты на пересмотр производственных планов сократились с 2–3 дней до 3–5 минут, что соответствует п. «а» гипотезы. Экономическая эффективность подтверждена как на уровне разработки (стоимость создания решения на *Knowledge Space* составила 41,1 млн руб. против 62,8 млн руб. при традиционной разработке и 190 млн руб. за готовое решение), так и на уровне операционной деятельности: совокупный годовой экономический эффект от снижения простоев и трудозатрат оценивается в 39,8–46,8 млн руб. Это доказывает п. «б» гипотезы. Качественные изменения — повышение прозрачности планирования, автоматическое разрешение конфликтов за ресурсы, возможность участия бизнес-пользователей в доработке функционала — подтверждают п. «в» гипотезы и соответствуют тезисам о повышении управляемости [8] и важности вовлечения персонала [11; 12].

Практическая значимость работы заключается не только в полученных для компании «Нефть и газ» результатах, но и в возможности их масштабирования. Сопоставимая динамика улучшений в компании «Стальные технологии» позволяет рекомендовать представленный подход другим предприятиям отрасли. Кроме того, проект полностью соответствует стратегическим задачам импортозамещения, демонстрируя, что отечественная *low-code* платформа способна конкурировать с зарубежными аналогами как по функциональности, так и по стоимости.

Ограничением исследования является его фокус на одном типе бизнес-процессов (интегрированное планирование) и одном предприятии, что требует осторожности при генерализации выводов. Однако качественный дизайн и сравнительный анализ с компанией «Стальные технологии» частично компенсируют это ограничение.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении применения *low-code* платформ для других задач нефтегазовой отрасли (например, логистика, управление цепочками поставок, обучение персонала с использованием геймификации), а также в интеграции разработанного решения с технологиями цифровых двойников [13; 14] и искусственного интеллекта [10] для перехода от реактивного к предиктивному планированию. Представленный кейс может служить основой для формирования базы лучших практик цифровой трансформации в промышленности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пальмов С. В., Абашин М. П., Гулынин Н. А. Low-code и no-code платформы в Российской Федерации // *Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы*. 2024. № 6. С. 107—114.
2. Hyun C. Y. Design and Implementation of a Low-Code/No-Code System // *The International Journal of Advanced Smart Convergence*. 2019. Vol. 8. No. 4. Pp. 188—193. DOI: 10.7236/IJASC.2019.8.4.188.
3. Sufi F. Algorithms in Low-Code/No-Code for Research Applications: A Practical Review // *Algorithms*. 2023. Vol. 16. Iss. 2. Art. 108. DOI: 10.3390/a16020108.
4. Martinez E., Pfister L. Benefits and limitations of using low-code development to support digitalization in the construction industry // *Automation in Construction*. 2023. Vol. 152. Art. 104909. DOI: 10.1016/j.autcon.2023.104909.
5. Pydde J., Ziegler R., Mezger A. Erfolgsfaktoren für die Implementierung von Low-Code/No-Code-Plattformen in Unternehmen // *wt Werkstattstechnik online*. 2025. Bd. 115. Nr. 3. S. 132—140. DOI: 10.37544/1436-4980-2025-03-14.
6. Ajiboye K. J. The role of Low-Code/No-Code platforms in accelerating digital transformation in regulated industries // *International Journal of Science and Research Archive*. 2021. Vol. 4. No. 1. Pp. 262—279. DOI: 10.30574/ijrsra.2021.4.1.0159.
7. Digital transformation in the oil and gas industry: A comprehensive review of operational efficiencies and case studies / T. Y. Elete, E. O. Nwulu, O. V. Erhueh et al. // *International Journal of Applied Research in Social Sciences*. 2024. Vol. 6. No. 11. Pp. 2611—2643.
8. Волкова Ю. С. Экономическая эффективность цифровой трансформации нефтегазовой отрасли // *Математическое и компьютерное моделирование в экономике, страховании и управлении рисками* : сб. ст. Саратов : Саратов. ун-т, 2023. Вып. 8. С. 210—216.
9. Hybrid Framework for Investigating Digital Transformation Barriers in the Oil and Gas Sector / A. Alshibani, S. M. Alkhatami, M. A. Hassanain et al. // *Energies*. 2024. Vol. 17. Iss. 23. Art. 6151. DOI: 10.3390/en17236151.
10. Artificial Intelligence in the Oil and Gas Industry: Applications, Challenges, and Future Directions / M. dos S. Póvoas, J. F. Moreira, S. V. M. Neto et al. // *Applied Sciences*. 2025. Vol. 15. Iss. 14. Art. 7918. DOI: 10.3390/app15147918.
11. Su J., Yao S., Liu H. Data Governance Facilitate Digital Transformation of Oil and Gas Industry // *Frontiers in Earth Science*. 2022. Vol. 10. Art. 861091. DOI: 10.3389/feart.2022.861091.
12. Ziadat W. M., Kirkham R. W. Accelerating Digital Transformation in the Oil and Gas Industry // *Offshore Technology Conference*. 2022. DOI: 10.4043/31972-MS.
13. Tools, Technologies and Frameworks for Digital Twins in the Oil and Gas Industry: An In-Depth Analysis / E. B. M. Meza, D. G. B. de Souza, A. Copetti et al. // *Sensors*. 2024. Vol. 24. Iss. 19. Art. 6457. DOI: 10.3390/s24196457.
14. Aragonés R., Oliver J., Ferrer C. Transforming Industrial Maintenance with Thermoelectric Energy Harvesting and NB-IoT: A Case Study in Oil Refinery Applications // *Sensors*. 2025. Vol. 25. Iss. 3. Art. 703. DOI: 10.3390/s25030703.
15. Малиновская И. Н., Галигузов В. И., Вдовченко А. Г. Цифровая трансформация топливно-энергетического комплекса России: проблемы и перспективы // *Управленческий учет*. 2025. № 2. С. 119—126.
16. Вайншток А. Л. Цифровые трансформации предприятий топливно-энергетического комплекса // *Управленческий учет*. 2024. № 4. С. 386—392.

REFERENCES

1. Palmov S. V., Abashin M. P., Gulynin N. A. Low-code and no-code platforms in the Russian Federation. *Innovatsionnaya ekonomika: informatsiya, analitika, prognozy = Innovative economy: information, analytics, forecasts*. 2024;6:107—114. (In Russ.)
2. Hyun C. Y. Design and Implementation of a Low-Code/No-Code System. *The International Journal of Advanced Smart Convergence*. 2019;8(4):188—193. DOI: 10.7236/IJASC.2019.8.4.188.
3. Sufi F. Algorithms in Low-Code/No-Code for Research Applications: A Practical Review. *Algorithms*. 2023;16(2):108. DOI: 10.3390/a16020108.
4. Martinez E., Pfister L. Benefits and limitations of using low-code development to support digitalization in the construction industry. *Automation in Construction*. 2023;152:104909. DOI: 10.1016/j.autcon.2023.104909.
5. Pydde J., Ziegler R., Mezger A. Low-Code/No-Code erfolgreich implementieren. *wt Werkstattstechnik online*. 2025;115(3):132—140. (In German) DOI: 10.37544/1436-4980-2025-03-14.
6. Ajiboye K. J. The role of Low-Code/No-Code platforms in accelerating digital transformation in regulated industries. *International Journal of Science and Research Archive*. 2021;4(1):262—279. DOI: 10.30574/ijrsra.2021.4.1.0159.
7. Elele T. Y., Nwulu E. O., Erhueh O. V. et al. Digital transformation in the oil and gas industry: A comprehensive review of operational efficiencies and case studies. *International Journal of Applied Research in Social Sciences*. 2024;6(11):2611—2643.
8. Volkova Y. S. The effectiveness of digital transformation in the oil and gas industry. *Matematicheskoe i komp'yuternoe modelirovanie v ekonomike, strakhovanii i upravlenii riskami = Mathematical and Computer Modeling in Economics, Insurance and Risk Management. Collected articles*. Saratov, Saratov University publ., 2023;8:210—216. (In Russ.)
9. Alshibani A., Alkhathami S. M., Hassanain M. A. et al. Hybrid Framework for Investigating Digital Transformation Barriers in the Oil and Gas Sector. *Energies*. 2024;17(23):6151. DOI: 10.3390/en17236151.
10. Póvoas M. dos S., Moreira J. F., Neto S. V. M. et al. Artificial Intelligence in the Oil and Gas Industry: Applications, Challenges, and Future Directions. *Applied Sciences*. 2025;15(14):7918. DOI: 10.3390/app15147918.
11. Su J., Yao S., Liu H. Data Governance Facilitate Digital Transformation of Oil and Gas Industry. *Frontiers in Earth Science*. 2022;10:861091. DOI: 10.3389/feart.2022.861091.
12. Ziadat W. M., Kirkham R. W. Accelerating Digital Transformation in the Oil and Gas Industry. *Offshore Technology Conference*. 2022. DOI: 10.4043/31972-MS.
13. Meza E. B. M., Souza D. G. B. de, Copetti A. et al. Tools, Technologies and Frameworks for Digital Twins in the Oil and Gas Industry: An In-Depth Analysis. *Sensors*. 2024;24(19):6457. DOI: 10.3390/s24196457.
14. Aragonés R., Oliver J., Ferrer C. Transforming Industrial Maintenance with Thermoelectric Energy Harvesting and NB-IoT: A Case Study in Oil Refinery Applications. *Sensors*. 2025;25(3):703. DOI: 10.3390/s25030703.
15. Malinovskaya I. N., Galiguzov V. I., Vdovchenko A. G. Digital transformation of the Russian fuel and energy complex: problems and prospects. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2025;2:119—126. (In Russ.)
16. Vaynshtok A.L. Digital transformations of enterprises in the fuel and energy complex. *Upravlencheskii uchet = Management Accounting*. 2024;4:386—392. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 23.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 23.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 332.12
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1570

Elena Igorevna Pavlinova
Senior Lecturer of the Department of Applied Informatics
and Software Engineering,
T. G. Shevchenko Pridnestrovian
State University
Rybnitsa, Republic of Moldova
elenapavlinova@mail.ru

Елена Игоревна Павлинова
старший преподаватель кафедры прикладной информатики
и программной инженерии,
Приднестровский государственный
университет им. Т. Г. Шевченко
Рыбница, Республика Молдова
elenapavlinova@mail.ru

ДИНАМИКА И АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНЫХ АСПЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПМР

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Промышленная политика рассматривается не только как инструмент структурных и технологических преобразований экономики, но и как механизм формирования занятости, доходов населения, качества рабочих мест и воспроизводства человеческого капитала. В статье проводится аналитическая оценка трансформации социальных приоритетов промышленной политики в условиях нестабильности внешней среды, структурных ограничений и нарастающих рисков для региональных экономических систем. Проводится сравнительный анализ социальных аспектов промышленной политики Приднестровской Молдавской Республики (ПМР) на основе Концепций промышленной политики ПМР на 2015—2019 и 2024—2027 гг., на основе которого обосновывается эволюция подходов к учету социальных эффектов промышленной политики, выявляются изменения в логике государственного регулирования и усиление взаимосвязи между промышленным развитием и социальной устойчивостью территорий. Особое внимание уделяется проблемам адаптации рынка труда, повышению роли человеческого капитала и необходимости согласования промышленной и социальной политики, в т. ч. исследованию социальной составляющей промышленной политики как одного из ключевых факторов

устойчивого социально-экономического развития региона. В статье аргументируется целесообразность применения системы социальных индикаторов в качестве инструмента для мониторинга реализации промышленной политики, позволяющей оценивать ее результативность и социальные последствия. Полученные выводы имеют теоретическое и практическое значение для совершенствования механизмов промышленной политики и могут быть использованы при разработке стратегических документов социально-экономического развития регионов. Как результат предлагается система ключевых социальных индикаторов для мониторинга реализации промышленной политики. Сформулированы выводы о трансформации социальной составляющей промышленной политики в условиях структурных изменений и внешних ограничений.

Ключевые слова: промышленная политика, социальная составляющая промышленной политики, социально-экономическое развитие региона, занятость населения, качество рабочих мест, человеческий капитал, региональная устойчивость, структурные преобразования экономики, модернизация промышленности, государственное регулирование, мониторинг промышленной политики, социальные индикаторы промышленной политики

Для цитирования: Павлинова Е. И. Динамика и анализ социальных аспектов промышленной политики ПМР // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 153—159. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1570.

Original article

DYNAMICS AND ANALYSIS OF SOCIAL ASPECTS OF INDUSTRIAL POLICY IN THE PMR

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. Industrial policy is considered not only as an instrument of structural and technological transformation of the economy, but also as a mechanism for shaping employment, household incomes, job quality, and the reproduction of human capital. The paper provides an analytical assessment of the transformation of the social priorities of industrial policy under conditions of external environmental instability, structural constraints, and increasing risks for regional economic systems. The article presents a comparative analysis of the social aspects of industrial policy in the Pridnestrovian Moldavian Republic (PMR) based on two strategic documents—the Industrial Poli-

cy Concept of the PMR for 2015–2019 and the Industrial Policy Concept of the PMR for 2024–2027—on the basis of which the evolution of approaches to accounting for the social effects of industrial policy is substantiated, changes in the logic of state regulation are identified, and the strengthening of the relationship between industrial development and the social sustainability of territories is revealed. Particular attention is paid to the issues of labor market adaptation, the increasing role of human capital, and the need to coordinate industrial and social policy, including the examination of the social component of industrial policy as one of the key factors of sustainable

socioeconomic development of the region. The article substantiates the expediency of applying a system of social indicators as a tool for monitoring the implementation of industrial policy, enabling the assessment of its effectiveness and social outcomes. The findings obtained have both theoretical and practical significance for improving industrial policy mechanisms and may be used in the development of strategic documents for the socioeconomic development of regions. As a result, a system of key social indicators for monitoring the implementation of industrial policy

is proposed. Conclusions are formulated regarding the transformation of the social component of industrial policy under conditions of structural changes and external constraints.

Keywords: industrial policy, social component of industrial policy, regional socioeconomic development, employment, job quality, human capital, regional sustainability, structural transformation of the economy, industrial modernization, state regulation, industrial policy monitoring, social indicators of industrial policy

For citation: Pavlinova E. I. Dynamics and analysis of social aspects of industrial policy in the PMR. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):153—159. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1570.

Введение

Промышленная политика традиционно рассматривается как один из ключевых инструментов социально-экономического развития государств с индустриальной структурой экономики. Для Приднестровской Молдавской Республики (далее — ПМР) промышленность играет системообразующую роль, обеспечивая значительную долю занятости, формирование доходов бюджета и устойчивость социальной сферы. В этой связи социальные аспекты промышленной политики приобретают особое значение, определяя не только экономическую динамику, но и качество жизни населения, устойчивость районов и кадровый потенциал.

Актуальность эффективного проведения промышленной политики для ПМР обусловлена тем, что промышленный сектор выступает фундаментом экономических систем республиканского уровня. Во-первых, устранение диспропорций в социально-экономическом и промышленном развитии позволяет небольшим территориям избежать чрезмерной зависимости от отдельных отраслей или районов, что способствует устойчивости всей экономики. Во-вторых, согласование государственной политики с интересами регионов и предоставление им возможности самостоятельного принятия решений в промышленной сфере позволяет учитывать местные особенности, ресурсы и потребности, что повышает эффективность реализации промышленных проектов.

Изученность проблемы. Разрабатываемые предложения базируются на существующем научном опыте в сферах обеспечения устойчивого развития, стратегического планирования, формирования промышленной политики, территориального планирования. Вопросы промышленной политики ПМР изучаются такими учеными, экспертами и практиками, как И. Н. Узун [1], М. П. Бурла [2], А. В. Шашкова [3], В. Б. Плавинский [4], а также политическими деятелями и руководителями министерств и ведомств. Проблемы территориального развития промышленного производства, а также структурной политики широко освещены в отечественной экономической науке. Следует отметить научный вклад в этой области таких российских ученых, как Л. И. Абалкин [5], Г. И. Идзиев с соавторами [6], Ю. Б. Винслав [7], С. В. Щурина [8], С. Ю. Глазев [9], С. Д. Бодрунов [10], Д. С. Львов [11], О. А. Романова [12], О. С. Сухарев [13], А. И. Татаркин [14], Ю. В. Симачев и А. А. Федюнина [15].

Целью настоящего исследования является выработка ключевых направлений развития промышленного потенциала Приднестровья за счет выявления, обоснования и документальной проверки трансформации социальных аспектов промышленной политики ПМР на основе сравнительного анализа концептуальных документов 2015—2026 гг., а так-

же определение изменений в системе социальных приоритетов и подходах к развитию человеческого капитала в условиях внешних и структурных ограничений.

В соответствии с поставленной целью в работе предполагается решение следующих **задач**:

1. Проанализировать теоретические подходы к рассмотрению социальной составляющей промышленной политики и определить ее роль в системе социально-экономического развития региона.
2. Выявить и систематизировать социальные приоритеты промышленной политики ПМР, зафиксированные в стратегических документах, с точки зрения занятости, доходов населения, развития человеческого капитала и региональной устойчивости, с учетом влияния внешне-экономических и структурных факторов.
3. Провести сравнительный анализ социальных аспектов промышленной политики ПМР на различных этапах ее реализации с целью выявления направлений их трансформации и преемственности.
4. Выявить изменения в логике государственного регулирования промышленного развития, связанные с усилением социальной направленности промышленной политики и возрастанием роли человеческого капитала.
5. Оценить влияние промышленной политики на социальную устойчивость регионов ПМР, включая состояние занятости, качество рабочих мест и бюджетную устойчивость территорий.
6. Обосновать необходимость применения системы социальных индикаторов для мониторинга реализации промышленной политики и оценки ее социально-экономических последствий.
7. Сформировать систему ключевых социальных показателей, предназначенную для мониторинга социальной составляющей промышленной политики и повышения эффективности управленческих решений.

Научная новизна исследования заключается в разработке теоретических положений и методологического подхода к формированию политики промышленного развития ПМР, а также в обосновании предложений по корректировке промышленной политики на основе мониторинга качества ее реализации, что может быть использовано при формировании обновленной концепции промышленной политики региона и обеспечении более сбалансированного социально-экономического развития.

Методологическую основу исследования составляют:

- сравнительный анализ стратегических документов;
- структурно-функциональный подход к оценке роли промышленности в социальной системе;
- контент-анализ положений концепций;
- системный подход к формированию социально-экономических индикаторов.

Исследование ориентировано на выявление социальных приоритетов промышленной политики, а также на формирование системы показателей мониторинга, предназначенной для оценки и анализа процесса ее реализации.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении и развитии теоретических подходов к анализу социальной составляющей промышленной политики региона, а также в обосновании применения системы социальных показателей как инструмента ее научного анализа и мониторинга.

Практическая значимость работы определяется возможностью практического применения предложенных показателей для мониторинга социальной составляющей промышленной политики, а также использования результатов сравнительного анализа при совершенствовании механизмов управления занятостью, доходами и развитием человеческого капитала в промышленных районах ПМР.

Основная часть

Социальная составляющая промышленной политики ПМР в Концепции на 2015—2019 гг. формировалась в условиях необходимости стабилизации промышленного производства и восстановления экономической активности, что предопределило содержание и приоритеты соответствующих социальных ориентиров, представленных в данном документе следующим образом:

1. **Занятость и сохранение рабочих мест.** Промышленность рассматривается как ключевой источник занятости. Основной задачей является предотвращение сокращений, связанных с недозагрузкой мощностей и снижением конкурентоспособности предприятий.

2. **Уровень заработной платы.** Документ подчеркивает необходимость повышения доходов работников промышленности, сокращения межотраслевой дифференциации и обеспечения стабильности выплат.

3. **Региональная социальная устойчивость.** Особое внимание уделяется промышленным центрам и монопрофильным территориям, где крупные предприятия определяют социально-экономическую ситуацию.

4. **Человеческий капитал.** Акцент делается на сохранении инженерных и технических компетенций, однако вопросы переподготовки и адаптации кадров еще не занимают центрального места [12].

5. **Роль малого и среднего бизнеса.** МСП рассматривается как дополнительный источник занятости и фактор социальной стабильности [14].

Концепция промышленной политики Приднестровья 2024—2027 гг. формируется в условиях внешнеэкономических ограничений, изменения логистических цепочек и трансформации рынков, что привело к усилению социальной составляющей промышленной политики. Среди основных элементов промышленной политики на этот период следует выделить:

1. **Устойчивость занятости в условиях внешних рисков.** Задача промышленной политики — не только сохранить рабочие места, но и адаптировать занятость к структурным изменениям, включая модернизацию и цифровизацию.

2. **Доходы и качество рабочих мест.** Уровень заработной платы увязывается с производительностью труда и технологическим развитием. Впервые подчеркивается необходимость улучшения условий труда и повышения безопасности.

3. **Человеческий капитал как стратегический ресурс.** Документ акцентирует внимание:

- на переподготовке кадров,
- борьбе с дефицитом специалистов,
- привлечении молодежи,
- развитии цифровых компетенций.

4. **Региональная устойчивость и монопрофильные территории.** Внешние ограничения усиливают риски для районов, зависящих от одного предприятия. Концепция предусматривает меры по снижению монозависимости.

5. **Бюджетная устойчивость.** Промышленность рассматривается как основа выполнения социальных обязательств государства в условиях нестабильной внешней среды.

Сравнительный анализ социальных аспектов двух концепций:

1. Наблюдается преемственность концепций, в частности обе концепции:

- признают промышленность ключевым социальным институтом;
- ориентированы на сохранение занятости и повышение доходов;
- подчеркивают важность человеческого капитала и региональной устойчивости.

2. Новые акценты в Концепции 2024—2027 гг.:

- внешние факторы становятся прямым социальным риском;
- модернизация рассматривается как инструмент улучшения условий труда;
- человеческий капитал – не только ресурс, но и ограничение развития;
- социальная политика увязывается с технологической трансформацией.

3. Изменение логики социальной политики: если в 2015—2019 гг. основной задачей было сохранение существующей структуры занятости, то в 2024—2027 гг. — адаптация занятости к новым условиям и повышение ее устойчивости.

Результаты исследования. Территориальное развитие промышленности Приднестровья определяется необходимостью преодоления пространственной диспропорции, повышения экономической устойчивости районов и оптимизации индустриального потенциала [11]. Современная концентрация производственных мощностей в отдельных городах обуславливает значительные различия в уровне занятости, доходов и инфраструктурной обеспеченности [8]. В рамках исследования предлагается опираться на научно обоснованный подход к территориальному развитию для повышения эффективности распределения ресурсов. Следует также стремиться к минимизации логистических издержек за счет оптимального размещения производственных мощностей. В целом, считаем целесообразным стимулировать инновационную активность, используя современные методы развития региональной промышленности.

В целях обеспечения эффективного мониторинга и оценки социальной составляющей промышленной политики предлагается внедрение системы ключевых показателей эффективности промышленной политики. Такая система необходима для объективного измерения динамики занятости, доходов и качества рабочих мест, а также состояния человеческого капитала в промышленных районах. Научная обоснованность применения показателей

мониторинга заключается в их способности структурировать сложные социально-экономические процессы, обеспечивать сопоставимость данных во времени и между районами, а также выявлять причинно-следственные связи между реализуемыми мерами политики и их социальными последствиями.

Внедрения системы показателей позволяет: проводить регулярную диагностику состояния социальной сферы промышленности, своевременно выявлять влияние негативных тенденций, формировать доказательную базу для корректировки промышленной политики, а также позволяет повысить прозрачность принимаемых решений. Показатели формируют основу для построения моделей прогнозирования и оценки эффективности проводимых реформ [10].

Сбор информации о социальных показателях предполагает использование официальной статистики (данные службы государственной статистики, ведомственной отчетности предприятий), проведение опросов работников и работодателей, а также анализ административных данных региональных и федеральных органов власти. Особое внимание предполагается уделять гармонизации методик сбора данных и обеспечению репрезентативности выборок.

Анализ и интерпретацию данных предполагается осуществлять с применением статистических методов (дескриптивная и инференциальная статистика, корреляционный и факторный анализ), а также сравнительных и динамических подходов. Это позволит выявить тенденции, провести бенчмаркинг между районами, оценить влияние конкретных политик и разработать рекомендации по их совершенствованию.

Таким образом, внедрение научно обоснованной системы социальных показателей для мониторинга промышленной политики является необходимым условием повышения эффективности управления, обеспечения устойчивого развития районов и укрепления человеческого капитала в условиях технологических и структурных трансформаций.

В качестве инструментария мониторинга результативности реализации промышленной политики предлагается использовать следующий комплекс показателей:

1. Занятость:
 - доля занятых в промышленности;
 - динамика численности работников;
 - уровень безработицы в промышленных районах.
2. Доходы и качество рабочих мест:
 - средняя заработная плата в промышленности;
 - соотношение зарплаты в промышленности и по экономике;
 - доля рабочих мест с улучшенными условиями труда.
3. Человеческий капитал:
 - доля работников до 35 лет;
 - доля работников, прошедших переподготовку;
 - коэффициент текучести кадров.
4. Региональная устойчивость:
 - степень монозависимости районов;
 - доля промышленности в доходах бюджета.
5. Внешние риски:
 - доля экспортно-ориентированных рабочих мест;
 - динамика занятости на экспортных предприятиях.

В рамках исследования были проведен анализ данных о социальных аспектах промышленной политики за 2021–2025 гг. (см. табл.).

Аналитический отчет по регионам ПМР за 2021 и 2025 гг.

Регион	Занятость в промышленности (%)		Уровень безработицы (%)		Средняя зарплата (руб.)		Текущая текучесть кадров (%)		Доля промышленности в доходах (%)		Экспортная занятость (%)	
	2021	2025	2021	2025	2021	2025	2021	2025	2021	2025	2021	2025
Тирасполь	45	47	5,2	4,9	6 500	6 900	12	11	55	57	30	32
Бендеры	40	42	6,1	5,7	6 200	6 550	14	13	50	52	28	29
Рыбница и Рыбницкий район	60	62	4,8	4,2	7 000	7 450	10	9	65	68	40	42
Дубоссары и Дубоссарский район	35	36	7	6,5	5 800	6 100	15	14	45	47	25	26
Слободзея и Слободзейский район	50	53	6,5	6,1	6 000	6 400	13	12	52	54	27	28
Григориополь и Григориопольский район	30	32	7,2	6,8	5 700	6 000	16	15	40	42	22	23
Каменка и Каменский район	25	27	8	7,4	5 600	5 900	18	17	38	40	20	21

Примечание: сост. по данным ежегодников Государственной службы статистики ПМР.

Рост занятости в промышленности наблюдается во всех районах, особенно в Рыбнице и Слободзее. Это сопровождается снижением уровня безработицы и ростом средней зарплаты. Текучесть кадров снижается, что говорит о стабилизации рабочих мест и, вероятно, улучшении условий труда.

Доля промышленности в доходах и экспортная занятость растут, особенно в промышленных центрах (Рыбница, Тирасполь).

На основании проведенного исследования выявлен ряд закономерностей развития между ключевыми показателями промышленного сектора Приднестровья. В частности установлено, что увеличение занятости в промышленно-

сти в целом сопровождается ростом средней заработной платы, что особенно выражено в Рыбнице и Слободзее. Анализ также показал обратную корреляцию между долей промышленности и уровнем безработицы, в частности повышение доли промышленности в доходах приводит к снижению безработицы.

Дополнительно выявлено, что рост экспортной занятости способствует увеличению доли промышленности в совокупных доходах региона – это так же показывает экспортную зависимость региона в целом. Снижение текучести кадров связано с увеличением средней заработной платы, что может свидетельствовать о повышении привлекательности и стабильности рабочих мест.

На основании проведенного анализа очевидно, что промышленная политика Приднестровья в 2021—2025 гг. была направлена на поддержку экспортоориентированных отраслей, модернизацию производств и повышение квалификации кадров. В показателях мониторинга это отражается в росте занятости, зарплат и снижении безработицы.

Геополитические факторы (ограничения экспортного потенциала, тарифы, политическая нестабильность) сдерживают рост в отдельных районах, но в целом промышленность демонстрирует устойчивость благодаря диверсификации рынков и поддержке крупных предприятий.

Наиболее успешные районы — Рыбница и Тирасполь, где наблюдается максимальный рост по всем ключевым показателям.

Районы с заметно более низким показателем — Каменка и Григориополь, где показатели растут медленнее, что связано с меньшей индустриализацией и зависимостью от внешних факторов.

Проведенный анализ свидетельствует, что современные вызовы, с которыми сталкивается промышленный сектор Приднестровья, обуславливают необходимость дальнейшего совершенствования Концепции промышленной политики. Геополитические ограничения, технологическая трансформация и растущая конкуренция на мировых рынках требуют не только поддержки стабильности, но и активного развития новых направлений.

Ниже представлены ключевые направления развития промышленного потенциала Приднестровья, каждое из которых обладает стратегической значимостью с точки зрения повышения устойчивости и конкурентоспособности региональной экономики и, соответственно, эти направления должны быть отражены в Концепции промышленной политики ПМР на 2023—2027 гг.

1. Диверсификация промышленного производства. Стимулирование развития новых отраслей производства, в т. ч. высокотехнологичных и наукоемких секторов, необходимо для снижения зависимости от монопрофильных предприятий, таких как Молдавский Металлургический завод (Рыбница), Молдавская ГРЭС (Днестровск) и др. Диверсификация позволяет минимизировать риски, связанные с внешними шоками, повысить гибкость экономики. Для Приднестровья особенно актуально, что диверсификация в целом повышает инвестиционную привлекательность региона и способствует его выходу на новые экспортные рынки [3].

2. Развитие системы непрерывного образования и переквалификации. Быстрое технологическое обновление требует постоянного повышения квалификации и адаптации кадров. В качестве меры устойчивого развития промышленного производства предлагается внедрение программ непрерывного обучения, что позволит обеспечить соответствие компетенций персонала современным требованиям производства и может способствовать поддержанию высокого уровня занятости, снижая риски структурной безработицы [2].

3. Интеграция цифровых технологий и автоматизации. Активное внедрение цифровых платформ, автоматизация и цифровизация производств, более широкое применение цифровых технологий в целом позволит повысить производительность труда, улучшить качество продукции и снизить издержки. Интеграция цифровых технологий критически важна для повышения конкурентоспособности предприятий как на внутреннем, так и на внешнем рынках, а также для ускорения реакции на изменения спроса [9].

4. Укрепление сотрудничества между бизнесом, наукой и государством. Развитие механизмов партнерства Государства и бизнеса, создание инновационных кластеров и совместных исследовательских проектов позволит ускорить внедрение инноваций, будет способствовать созданию новых рабочих мест. Этот подход поможет сформировать инновационную экосистему, необходимую для долгосрочного роста [10].

5. Экологическая модернизация промышленности. Внедрение экологически чистых технологий и развитие систем управления отходами позволяют снижать углеродный след и повышать экологическую безопасность. В современных реалиях, когда экспортный потенциал региона зависит от углеродного следа и других значимых показателей, экологические проекты не только улучшают качество жизни населения, но и делают регион более привлекательным для инвесторов, соответствуя современным стандартам устойчивого развития.

6. Развитие инфраструктуры и логистики. Транспортная и энергетическая инфраструктура является фундаментом эффективной промышленной деятельности ПМР. Инвестиции в логистические хабы, модернизация транспортных и энергетических сетей обеспечивают бесперебойную работу предприятий и способствуют интеграции региона в мировые цепочки поставок.

7. Стимулирование экспортного потенциала. Поддержка предприятий в освоении новых международных рынков, развитие экспортно-ориентированных производств и внедрение международных стандартов качества расширяют рынки сбыта и укрепляют позиции региона в глобальной экономике.

В свете выявленных тенденций и вызовов, совершенствование Концепции промышленной политики ПМР необходимо для создания гибкой, инновационной и устойчивой экономики, способной адаптироваться к меняющимся условиям и обеспечивать высокое качество жизни населения. Реализация указанных направлений станет фундаментом для долгосрочного социально-экономического развития региона.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что социальная составляющая промышленной политики Приднестровья претерпела существенную трансформацию. Если Концепция 2015—2019 гг. была ориентирована преимущественно на стабилизацию занятости и доходов, то Концепция 2024—2027 гг. отражает необходимость адаптации социальной сферы к внешним ограничениям и технологическим изменениям. Усиливается внимание к качеству рабочих мест, переподготовке кадров и региональной устойчивости.

Формирование промышленной политики Приднестровья с учетом социальных и структурно-территориальных аспектов требует комплексного подхода, включающего меры по поддержке занятости, развитию человеческого капитала, выравниванию территориального развития и структурной диверсификации производства. Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить устойчивость и конкурентоспособность промышленности Приднестровья, обеспечить рост благосостояния населения и сбалансированное развитие регионов.

Предложенная система мониторинга социальных показателей промышленной политики обеспечивает реализацию комплекса мер по анализу и адаптации промышленной политики к изменяющимся внешним условиям, а также позволяет оценивать ее влияние на социально-экономическое развитие Приднестровья.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Узун И. Н., Богатая Е. С. Цифровизационные процессы в ПМР: текущее состояние и перспективы // Наука и искусство управления / Вестник Института экономики, управления и права Российского государственного гуманитарного университета. 2024. № 3. С. 153—162. DOI: 10.28995/2782-2222-2024-3-153-162.
2. Бурла М. П., Чистобаев А. И. Непризната Приднестровска Молдавска Република у загревају глобалне геополитике // Гласник. 2023. № 27. С. 105—119. DOI: 10.7251/HER2327105P.
3. Шашкова А. В., Соловцов А. О. Развитие рационального землепользования в земельной политике Приднестровской Молдавской Республики // Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. 2021. № 11. С. 837—841. DOI: 10.33920/sel-04-2111-05.
4. Плавинский В. Б. Проблемы международного признания государственного суверенитета Приднестровской Молдавской Республики // Мировая политика. 2016. № 4. С. 34—43. DOI: 10.7256/2409-8671.2016.4.21016.
5. Абалкин Л. И. Концептуальные вопросы разработки промышленной политики в условиях современной российской экономики // Промышленная политика России на пороге XXI века. М.: ИздАТ, 1997. С. 28—33.
6. Идзиев Г. И., Ахмедова Л. Ш., Бекшокова П. А., Атаев З. В. Новая региональная промышленная политика и проблемы экологии // Юг России: экология, развитие. 2023. Т. 18. № 3. С. 161—169. DOI: 10.18470/1992-1098-2023-3-161-169.
7. Винслав Ю. Б. Государственная промышленная политика: отраслевые, региональные и корпоративные аспекты эффективной реализации // Российский экономический журнал. 2021. № 5. С. 4—30. DOI: 10.33983/0130-9757-2021-5-4-30.
8. Щурина С. В. Индустриальная политика России в условиях структурной трансформации экономики в 2023 году и в среднесрочной перспективе // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 1. С. 118—128. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-118-128.
9. Глазьев С. Ю. Перспективы развития России на длинной волне роста нового технологического уклада // Экономическое возрождение России. 2023. № 2(76). С. 27—32. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32.
10. Бодрунов С. Д. Промышленная политика России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2) // Экономическое возрождение России. 2023. № 2(76). С. 5—12. DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12.
11. Стратегическое управление: Регион. Город. Предприятие : моногр. / под ред. Д. С. Львова, А. Г. Гранберга, А. П. Егоршина. Изд. 2-е, доп. М.: Экономика, 2005. 602 с.
12. Романова О. А., Пономарева А. О. Многовекторная промышленная политика России в условиях формирования нового индустриального ландшафта // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 276—291. DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.3.
13. Сухарев О. С. Промышленный рост и технологическая перспектива // Journal of New Economy. 2022. Т. 23. № 1. С. 6—23. DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-1-1.
14. Татаркин А. И., Романова О. А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. 2014. № 2. С. 9—21. DOI: 10.17059/2014-2-1.
15. Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Кузык М. Г. Российская промышленная политика в условиях трансформации системы мирового производства и жестких ограничений // Вопросы экономики. 2022. № 6. С. 5—25. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-6-5-25.

REFERENCES

1. Uzun I. N., Bogataya E. S. Digitalization processes in the PMR. Current state and prospects. *Nauka i iskusstvo upravleniya / Vestnik Instituta ekonomiki, upravleniya i prava Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta = Science and Art of Management / Bulletin of the Institute of Economics, Management and Law of the Russian State University for the Humanities*. 2024;3:153—162. (In Russ.) DOI: 10.28995/2782-2222-2024-3-153-162.
2. Burla M. P., Chistobaev A. I. Unrecognized Pridnestrovian Moldovan Republic caught in the grip of global geopolitics. *Glasnik = Herald*. 2023;27:105—119. DOI: 10.7251/HER2327105P.
3. Shashkova A. V., Solovtsov A. O. Development of rational land use in land policy of the Transnistrian Moldovan Republic. *Zemleustroistvo, kadastr i monitoring zemel' = Land Management, Monitoring and Cadastre*. 2021;11:837—841. (In Russ.) DOI: 10.33920/sel-04-2111-05.
4. Plavinskii V. B. Issues of International Recognition of the State Sovereignty of the Pridnestrovian Moldavian Republic. *Mirovaya politika*. 2016;4:34—43. (In Russ.) DOI: 10.7256/2409-8671.2016.4.21016.
5. Abalkin L. I. Conceptual issues of developing industrial policy in the context of the modern Russian economy. *Promyshlennaya politika Rossii na poroge XXI veka = Industrial policy of Russia on the threshold of the 21st century*. Moscow, IzdAT, 1997. Pp. 28—33. (In Russ.)
6. Idziev G. I., Akhmedova L. Sh., Bekshokova P. A., Ataev Z. V. New regional industrial policy and environmental problems. *Yug Rossii: ekologiya, razvitie = South of Russia: ecology, development*. 2023;18(3):161—169. (In Russ.) DOI: 10.18470/1992-1098-2023-3-161-169.
7. Vinslav Yu. B. State industrial policy: sectoral, regional and corporate aspects of effective implementation. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal = Russian Economic Journal*. 2021;5:4—30. (In Russ.) DOI: 10.33983/0130-9757-2021-5-4-30.
8. Shchurina S. V. Industrial Policy of Russia in the Context of Structural Transformation of the Economy in 2023 and in the Medium Term. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(1):118—128. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-118-128.

9. Glazyev S. Y. Prospects for the Development of Russia on the Long-Term Wave of Growth in the New Technological Order. *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2023;2(76):27—32. (In Russ.) DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-27-32.
10. Bodrunov S. D. Industrial Policy of Russia in the Face of Challenges of Global Transformation: Tasks of the Theory and Practice of Transition to a New Stage of Industrial Development (NIS.2). *Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii = Economic revival of Russia*. 2023;2(76):5—12. (In Russ.) DOI: 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12.
11. Strategic management: Region. City. Enterprise. Monograph. D. S. L`vov, A. G. Granberg, A. P. Egorshin (eds.). 2nd ed. Moscow, Ekonomika, 2005. 602 p. (In Russ.)
12. Romanova O. A., Ponomareva A. O. Multi-vector Industrial Policy in Russia in an Emerging New Industrial Landscape. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii = Russian Journal of Economic Theory*. 2020;17(2):276—291. (In Russ.) DOI: 10.31063/2073-6517/2020.17-2.3.
13. Sukharev O. S. Industrial growth and technological perspective. *Journal of New Economy*. 2022;23(1):6—23. (In Russ.) DOI: 10.29141/2658-5081-2022-23-1-1.
14. Tatarkin A. I., Romanova O. A. Industrial policy: genesis, regional features and legislative provision. *Ekonomika regiona = Economy of Region*. 2014;2:9—21. (In Russ.) DOI: 10.17059/2014-2-1.
15. Simachev Yu. V., Fedyunina A. A., Kuzyk M. G. Russian industrial policy in the context of global production system transformation and severe constraints. *Voprosy Ekonomiki*. 2022;6:5—25. (In Russ.) DOI: 10.32609/0042-8736-2022-6-5-25.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 14.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья
УДК 639.2/3
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1563

Artem Sergeevich Sapon

Postgraduate of the Department of Regional Economics
of the Institute of Industry-Based Economics and Management,
field of training

5.2.3 — Regional and sectoral economy,

Kaliningrad State

Technical University

Kaliningrad, Russian Federation

astro039@mail.ru

Артём Сергеевич Сапон

аспирант кафедры региональной экономики
Института отраслевой экономики и управления,
направление подготовки

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика,

Калининградский государственный

технический университет

Калининград, Российская Федерация

astro039@mail.ru

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КАЛИНИНГРАДСКОГО РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА ЭКСКЛАВНОГО РЕГИОНА РОССИИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Калининградский рыбохозяйственный комплекс представляет собой любопытный объект для исследования, поскольку сочетает в себе традиционную отраслевую специфику и уникальное эксклавное положение региона. После 2022 г. ситуация осложнилась настолько, что прежние модели функционирования оказались под серьезным давлением — транспортная изоляция усилилась, санкционные ограничения затронули ключевые звенья производственной цепочки, а зависимость от импорта сырья и оборудования превратилась из технической особенности в стратегическую уязвимость. Именно эти обстоятельства делают анализ адаптационного потенциала отрасли особенно актуальным. Существующие работы по теме фрагментарны и редко учитывают взаимодействие эксклавных ограничений с новыми экономическими реалиями. В данном исследовании предпринята попытка восполнить этот пробел через многокритериальную оценку, охватывающую период с 2021 по 2025 г. Рыбохозяйственный комплекс рассматривается как замкнутый воспроизводственный цикл, что позволяет выявить узкие места на разных этапах — от добычи до реализации продукции. Применялись аналитический, монографический и экономико-статистический методы.

Результаты показывают неоднозначную картину. С одной стороны, отрасль демонстрирует устойчивость — оборот достиг 71 млрд руб., производство

товарной аквакультуры растет, глубокая переработка развивается. Аквакультура вообще оказалась одним из наиболее перспективных направлений в условиях ограниченного доступа к традиционным промысловым районам. С другой стороны, промысловый флот изношен критически, импортозависимость сохраняется на высоком уровне, а транспортная изолированность региона создает дополнительные издержки при доставке продукции на основную территорию страны. Предложены направления повышения эффективности: модернизация материально-технической базы, расширение марикультуры, диверсификация рынков сбыта и более активное использование преимуществ особой экономической зоны. Полученные результаты могут быть полезны при корректировке региональных программ развития и формировании долгосрочной стратегии повышения конкурентоспособности калининградского рыбохозяйственного комплекса в условиях сохраняющейся геополитической напряженности.

Ключевые слова: рыбохозяйственный комплекс, Калининградская область, эксклавный регион, эффективность функционирования, промысловый флот, аквакультура, глубокая переработка, санкционные ограничения, особая экономическая зона, продовольственная безопасность, модернизация отрасли, транспортная изолированность

Для цитирования: Сапон А. С. Оценка эффективности функционирования калининградского рыбохозяйственного комплекса эксклавного региона России // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 160—167. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1563.

Original article

EFFICIENCY ASSESSMENT OF THE KALININGRAD FISHERY COMPLEX IN THE EXCLAVE REGION OF RUSSIA

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The Kaliningrad fishery complex is a fascinating subject for research, as it combines traditional industry specifics with the region's unique exclave location. Since 2022, the situation has become so complex that previous operational models have come under significant pressure: transport iso-

lation has intensified, sanctions restrictions have affected key links in the production chain, and dependence on imported raw materials and equipment has transformed from a technical feature into a strategic vulnerability. However, it is precisely these circumstances that make an analysis of the industry's

adaptive potential particularly relevant. Existing studies on the topic are fragmented and rarely consider the interaction of exclave restrictions with new economic realities. This study attempts to fill this gap through a multi-criteria assessment covering the period 2021–2025. The fishery complex is considered as a closed production cycle, allowing for the identification of bottlenecks at various stages—from harvesting to sales. Analytical, monographic, and economic-statistical methods were used.

The results show an ambiguous picture. On the one hand, the industry is demonstrating resilience – turnover has reached 71 billion rubles, commercial aquaculture production is growing, and advanced processing is developing. Aquaculture, incidentally, has proven to be one of the most promising areas given limited access to traditional fishing grounds.

On the other hand, the fishing fleet is critically deteriorated, import dependence remains high, and the region's isolation creates additional costs for shipping products to the mainland. Suggested areas for improving efficiency include modernizing the material and technical infrastructure, expanding mariculture, diversifying sales markets, and more actively leveraging the advantages of the special economic zone. The findings may be useful in adjusting regional development programs and formulating a long-term strategy for enhancing the competitiveness of the Kaliningrad fishery sector amid ongoing geopolitical tensions.

Keywords: fishery complex, Kaliningrad region, exclave region, operational efficiency, fishing fleet, aquaculture, deep processing, sanctions restrictions, special economic zone, food security, industry modernization, transport isolation

For citation: Sapon A. S. Efficiency assessment of the Kaliningrad fishery complex in the exclave region of Russia. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):160—167. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1563.

Введение

Эксклавное положение Калининградской области всегда отличалось особой уязвимостью, но после 2022 г., с усилением транспортных и экономических ограничений, эта уязвимость стала критической. Отсутствие сухопутной связи с основной территорией страны, зависимость от транзита через недружественные государства, рост санкционного давления — всё это резко повысило актуальность оценки устойчивости ключевых отраслей региона. Рыбохозяйственный комплекс (далее — РХК), исторически ориентированный на внешние рынки и импорт сырья/оборудования, оказался в особенно сложном положении. Исследование его эффективности в таких условиях необходимо не только для понимания текущего состояния отрасли, но и для поиска путей адаптации эксклавной экономики в целом.

Актуальность данной темы определяется тем, что РХК остается важной частью экономики Калининградской области. Он обеспечивает занятость в прибрежных муниципалитетах, формирует заметную долю в региональном валовом продукте по виду «Рыболовство, рыбоводство», участвует в налоговых поступлениях и поддерживает смежные производства — портовую логистику, холодильные мощности, пищевую переработку. Отрасль напрямую влияет на продовольственную безопасность: рыба и морепродукты поставляют незаменимые аминокислоты, микроэлементы и жиры. Рекомендуемая норма потребления — 23,7 кг на человека в год — в прибрежных районах достигается заметно чаще, чем в среднем по стране. В условиях эксклава, где внутренний рынок ограничен, а транспортные издержки высоки, именно от эффективности РХК во многом зависит сохранение социальной стабильности и экономической связности региона с Россией.

Изученность проблемы эффективности калининградского РХК в условиях эксклавности и санкционного давления остается пока фрагментарной. Отдельные аспекты темы затрагиваются в ряде работ. А. В. Иванов и О. А. Ульяненкова [1] дали характеристику компаний с точки зрения специфики их организации ведения промысла и проанализировали соответствующую динамику налоговых отчислений. Ю. М. Зверев [2] выделил и охарактеризовал три главных сдвига в геополитическом положении эксклавной Калининградской области Российской Федерации. О. И. Бетин, А. С. Труба и Т. О. Муха-

медова [3] дают развернутое определение комплекса как многоотраслевой системы и подчеркивают его значение для продовольственной безопасности. Помимо этого, в работе дано обоснование использования понятия РХК как предмета управления и регулирования всеми процессами, связанными с получением рыбной продукции на всех ее этапах, достижения продовольственной безопасности страны в части рыбной продукции и внешнеторговой деятельности. Коллективная монография под редакцией К. В. Колончина и О. И. Бетина [4] развивает этот подход, акцентируя необходимость комплексного взгляда на отрасль, а также обобщает научные взгляды на особенности рыбохозяйственной отрасли. Специфику эксклавного положения, его уязвимости и потребность в компенсирующих механизмах рассматривает К. Ю. Волошенко [5], в работе которой обосновано, что присущие регионам России различия в географическом положении, потенциале и ресурсах, хозяйственной специализации и другие влияют на установление границ экономической безопасности и выполнение ими отдельных функций в национальных интересах страны. Экономические показатели, рентабельность и финансовое состояние предприятий в постсанкционной реальности анализируют Л. И. Сергеев с А. В. Самсоновым [6], исследовавшие влияние негативного «эффекта полуэксклава» на фактические финансово-экономические результаты и положение предприятий отрасли рыболовства и рыбоводства Калининградской области в сравнении с Архангельской областью и Хабаровским краем, а также М. Г. Побегайло [7], который отмечал важность учета не только региональных, отраслевых, но и корпоративных особенностей анализа. Адаптационные процессы, включая рост аквакультуры и переориентацию на внутренний рынок, частично освещены в работах С. М. Ежелого [8], сделавшего вывод о необходимости использования био-экономических подходов и выработки адаптивных моделей для разных видов товарного и восстановительного рыбоводства, позволяющих вырабатывать предложения по совершенствованию экономической политики, обеспечивающие национальные интересы и учитывающие потребности региональной экономики, и А. Г. Мнацканяна с М. Г. Побегайло [9], которые определили основные тенденции, сложившиеся в рыбном хозяйстве региона, выявили проблемы, препятствующие его развитию и укреплению уровня продовольственной безопасности,

что также дополнено отраслевыми обзорами таких авторов, как А. Б. Себенцов и В. А. Колосов [10] и Н. А. Дубинина, О. Ю. Мичурина, Е. Ю. Бармина [11]. Кроме того, работа В. А. Мельниковой [12], опубликованная в 2019 г., представляет собой важный срез состояния отрасли в предсанкционный период, она дает базу для сравнения с данными 2021—2025 гг., которые мы анализируем. Статья О. А. Давыдовой, В. И. Кузина, А. Г. Мнацаканяна [13] дает нам теоретико-методологическое обоснование того, на каких основаниях должна строиться государственная и региональная политика в рыбной отрасли. Стоит отметить работу О. Н. Гегечкори и М. В. Семенихиной [14] — она занимает промежуточное и крайне важное положение, находясь хронологически между общим анализом В. А. Мельниковой [12] и нашим исследованием. Немаловажна статья Н. А. Рубцова и А. А. Панова [15], где авторы представили методологическое исследование, посвященное инструментам анализа и поддержки принятия решений для рыбной отрасли региона.

Однако целостная многокритериальная оценка, опирающаяся на данные 2021—2025 гг. и сосредоточенная именно на взаимодействии эксклавных ограничений с санкциями, в литературе практически отсутствует.

Целесообразность разработки темы. Уязвимость эксклавного положения Калининградской области на фоне усиления геополитической напряженности и введения масштабных санкционных ограничений достигла критического уровня. В этих условиях РХК, исторически ориентированный на внешние рынки и импортные поставки сырья и оборудования, оказался в весьма непростом положении, что, в свою очередь, требует глубокого осмысления его текущего состояния и перспектив развития.

Целью исследования является комплексная оценка эффективности функционирования Калининградского РХК в условиях эксклавности.

Задачи исследования:

- раскрытие теоретических основ оценки эффективности с учетом специфики эксклавных регионов;
- характеристика современного состояния калининградского РХК;
- анализ его экономической, производственно-технологической, социальной и экологической эффективности; выявление ключевых факторов влияния;
- сравнение с другими рыбопромышленными регионами России;
- определение главных проблем и ограничений;
- формулировка направлений повышения эффективности.

Научная новизна работы заключается в том, что калининградский РХК здесь впервые рассматривается как замкнутый воспроизводственный цикл. Это не просто терминологическое уточнение, а методологический подход, позволяющий проанализировать все этапы — от добычи и аквакультуры до глубокой переработки и реализации продукции — в их взаимосвязи. Именно такой взгляд дает возможность выявить те узкие места и скрытые резервы, которые остаются вне поля зрения при анализе отдельных звеньев. Для эксклавного региона, где каждая стадия производства подвержена уникальным внешним воздействиям, подобная целостность анализа приобретает особое значение. На основе выявленных закономерностей и проблемных зон разработаны конкретные, практически ориентированные рекомендации.

Их новизна заключается в том, что они делают ставку не только на традиционные меры поддержки, но и на внутренние резервы самого комплекса — углубленную переработку, а также цифровизацию процессов. При этом учитываются и институциональные возможности особой экономической зоны, что позволяет предложить механизмы, максимально адаптированные к уникальным условиям Калининградской области.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении и расширении критериев оценки эффективности РХК применительно к эксклавным регионам, что позволяет осмыслить трансформацию традиционных экономических, социальных и экологических индикаторов под влиянием уникального геополитического положения и санкционного давления.

Практическая значимость: разработанные конкретные рекомендации по модернизации материально-технической базы, развитию глубокой переработки и диверсификации рынков сбыта имеют прямое прикладное значение для деятельности предприятий РХК.

Основная часть

Методология исследования. В работе применяются аналитический, монографический, сравнительный и экономико-статистический методы. Диалектический подход позволяет рассматривать отрасль как динамичную систему, однако ограниченность свежей региональной статистики вынуждает опираться на ретроспективные данные и косвенные индикаторы.

Результаты исследования. О. И. Бетин, А. С. Труба и Т. О. Мухамедова определяют РХК как производственно-хозяйственный комплекс многоотраслевой направленности, который объединяет рыболовство, рыбоводство, производство пищевой, кормовой и технической продукции, а также обеспечивающие отрасли и межрегиональные связи [3, с. 169]. Главная роль комплекса — снабжение населения продуктами питания и укрепление продовольственной безопасности страны. Авторы подчеркивают, что переход от понятий «рыбное хозяйство» и «рыбная отрасль» к РХК отражает усложнение управления и необходимость более точного стратегического планирования.

Исходя из анализа существующих подходов, можно предложить следующее авторское определение: РХК — это интегрированная система, включающая обеспечение средствами производства (судостроение, судоремонт, орудия лова, порты, кадры, наука), основной промысел и аквакультуру, а также глубокую переработку, транспортировку, хранение и реализацию готовой продукции. Основные составляющие: промысел (добыча водных биоресурсов), переработка (пищевая и техническая продукция), логистика (транспортировка и хранение) и сбыт (внутренний и внешний рынки) — образуют замкнутый цикл, где слабое звено любого из них снижает эффективность всей системы.

Эксклавы характеризуются малым внутренним рынком, периферийным положением, изолированностью, повышенной уязвимостью и высокой зависимостью от внешних связей при слабой интеграции с основной территорией страны. Это приводит к узкой специализации, экспортной ориентации, дополнительным транспортным и таможенным издержкам, неконкурентоспособности продукции на основном рынке России и острой конкуренции с приграничными

производителями соседних стран. Географическая изоляция ограничивает доступ к ресурсам, технологиям, рынкам сбыта, усиливает социальную и культурную оторванность, создает дефицит товаров и услуг. В таких условиях любая отрасль, включая РХК, вынуждена работать с повышенными рисками и нуждается в специальных компенсирующих механизмах — льготных режимах, субсидиях, особых программах поддержки.

Оценка эффективности РХК должна быть многокритериальной. К экономическим показателям относятся рентабельность, производительность труда, динамика инвестиций, объемы экспорта и импорта. Социальные критерии включают занятость, уровень заработной платы, вклад в региональный бюджет, состояние отраслевой социальной инфраструктуры. Экологические аспекты охватывают соблюдение квот, воздействие на биоресурсы и соответствие производства современным экологическим требованиям. Такой подход позволяет оценить не только текущую прибыльность, но и долгосрочную устойчивость отрасли. Однако в эксклавных регионах применение методов затруднено неполнотой и запаздыванием официальной статистики, поэтому приходится сочетать ее с экспертными оценками и ретроспективным анализом.

Калининградский РХК начал формироваться в 1945 г. с создания Балтийского государственного рыбопромышленного треста, в 1949 г. появилось Управление экспедиционного лова, которое вело промысел сельди в Северном и Норвежском морях. Советский период ознаменовался бурным ростом: к концу 1950-х гг. отрасль обеспечивала 11 % общесоюзной добычи, в 1960—1970-е гг. флот пополнился крупнотоннажными траулерами и плавбазами, а в 1970—1980-е гг. наступил настоящий расцвет — Калининградский рыбный порт стал одним из крупнейших в стране, осваивались новые районы промысла, объемы вылова постоянно росли. Трансформация 1990-х гг. оказалась разрушительной: прекращение государственной поддержки, резкий рост цен на топливо, разрыв централизованного снабжения привели к глубокому кризису — суда массово списывались и продавались, к 2008 г. крупно- и среднетоннажный флот сократился до 28 единиц, показатели добычи резко упали.

Современный этап начался примерно с 2014 г., когда была принята региональная программа развития комплекса; за последующие годы субсидии и гранты на сумму свыше 940 млн руб. позволили модернизировать суда, запустить новые перерабатывающие мощности и существенно нарастить прибрежный промысел — с 30,3 тыс. т в 2014 г. до 45,4 тыс. т в 2023 г. Несмотря на санкционные ограничения, отрасль демонстрирует устойчивый подъем, особенно в аквакультуре и глубокой переработке на месте.

Калининградский РХК объединяет добычу водных биоресурсов, переработку рыбы и развитие аквакультуры. Регион обладает уникальными условиями для отрасли: значительные водные ресурсы — Куршский и Калининградский заливы, река Неман, Виштынецкое озеро, множество озер искусственного происхождения — относятся к числу наиболее продуктивных рыбохозяйственных водоемов России. Немаловажное преимущество — незамерзающий порт, который обеспечивает функционирование связанных отраслей. В комплексе действуют 312 организаций, включая рыбодобывающие и рыбоперерабатывающие предприятия, рыбоводные хозяйства, судоремонтные

и судостроительные заводы, компании по производству орудий лова и оборудования. В 2023 г. в отрасли было занято 4,6 тыс. чел.

Всю рыбную промышленность области можно разделить на три основные составляющие: океанический промысел (около 70 % пищевой продукции), прибрежный лов в Балтийском море, заливах и внутренних водоемах (8—10 % общего вылова), а также перерабатывающий комплекс, работающий как с океаническим, так и с местным сырьем. Океанический промысел ежегодно дает примерно 250 тыс. т сырья, прибрежный — 25—28 тыс. т, в сумме предприятия выпускают около 340 тыс. т готовой продукции, из которых 90 % направляется на внутренний рынок России. Значительная часть продукции идет на экспорт, хотя в последние годы акцент смещается на глубокую переработку на месте, чтобы снизить логистические издержки и выпускать товары с высокой добавленной стоимостью.

Масштабы деятельности за последние годы заметно выросли. В 2023 г. вылов составил 210,6 тыс. т, из них 165,2 тыс. т — в Атлантическом океане и 45,5 тыс. т — в Балтийском море, заливах и пресных водоемах. Производство переработанной и консервированной рыбы достигло 298,8 тыс. т (рост на 6 % к 2022 г.). По итогам 11 месяцев 2025 г. вылов увеличился на 20 % и составил 198 тыс. т, переработка превысила 282 тыс. т (рост почти на 11 %). Производство товарной аквакультуры в 2024 г. выросло до 264 т (+41 % к предыдущему году), а за четыре года объемы рыбоводства увеличились в шесть раз.

В Гвардейском округе в 2025 г. запущен новый завод по выращиванию форели мощностью до 100 т в год, начато промышленное производство атлантического лосося. Промысловый флот на Балтике насчитывает около 50 мало-тоннажных судов, средний возраст которых превышает 30 лет; с 2014 г. модернизировано 22 из 45 судов, в 2022 г. спущен на воду сейнер-траулер «Всеслав». Крупнейшие перерабатывающие предприятия — «За Родину» (более 47 % консервов региона), «Барс», «Роскон», «Атлант-бфлот», «Балтийские Морепродукты». Отрасль сталкивается с логистическими и санкционными вызовами, однако меры по созданию собственной сервисной инфраструктуры и укреплению кооперации с другими регионами России позволяют сохранять положительную динамику.

Деятельность калининградского РХК регулируется федеральным законодательством, прежде всего Федеральным законом от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов», правилами рыболовства для Западного рыбохозяйственного бассейна (утв. приказом Минсельхоза России от 21 октября 2020 г. № 620 с изменениями), нормами квотирования и инвестиционных квот. На региональном уровне ключевым документом остается Закон Калининградской области от 6 ноября 2014 г. № 352 «О рыболовстве, аквакультуре (рыбоводстве) и сохранении водных биологических ресурсов в Калининградской области», в который Законом от 1 ноября 2024 г. № 373 внесены изменения, уточняющие порядок использования внутренних водоемов, мер мелиорации и поддержки местных хозяйств.

Санкции и контрсанкции серьезно повлияли на отрасль: ограничения Европейского Союза на заход судов в порты промысла, удорожание логистики и разрыв цепочек поставок оборудования создали дополнительные трудности. В ответ региональные власти усилили субсидирование модернизации флота, развитие аквакультуры и собственной

переработки, что частично компенсирует внешние ограничения и позволяет поддерживать объемы вылова и производства на высоком уровне.

Эффективность калининградского РХК оценивается по экономическим, производственно-технологическим, социальным и экологическим аспектам. Динамика основных индикаторов за 2021—2025 гг. представлена в табл. 1.

Таблица 1

**Ключевые показатели
эффективности рыбохозяйственного комплекса
Калининградской области, 2022—2025 гг.**

Показатель	2021	2022	2023	2024	2025
Вылов водных биоресурсов, тыс. т	245,5	185	210,6	182	198
В том числе:					
– океанический промысел	198	150	165,2	155	160
– прибрежный промысел и внутренние водоемы	47,5	35	45,5	27	38
Производство переработанной и консервированной рыбы, тыс. т	342,1	281	298,8	288	282,1
Производство товарной аквакультуры, т	57	160	187	264	290
Оборот отрасли, млрд руб.	50	58	64	71	78
Численность занятых, тыс. чел.	4,0	4,2	4,6	5,2	5,6
Средняя зарплата в рыболовстве и рыбоводстве, руб.	48 000	55 936	69 127	86 053	199 000
Вклад в региональный бюджет (налоги и сборы), млрд руб.	1,0	1,1	1,2	1,4	1,5

Примечание: составлено автором на основе данных Росстата, Калининградстата, регионального агентства по рыболовству, публикаций правительства Калининградской области и отраслевых источников за 2022—2025 гг., с оценкой недостающих значений по наблюдаемым трендам.

Данные табл. 1 свидетельствуют о положительной динамике по большинству показателей, особенно в экономической и социальной сферах, где оборот вырос примерно на 34 % за три года, а средняя зарплата в рыболовстве и рыбоводстве увеличилась более чем в 3,5 раза.

Производственно-технологическая эффективность повышается за счет модернизации флота (обновлено 22 судна), запуска новых заводов по форели и лососю, внедрения установок замкнутого водоснабжения, хотя средний возраст судов остается высоким и требует дальнейших инвестиций. Экологическая сторона неоднозначна: общие квоты соблюдаются, но низкое освоение трески (31,5 % в 2025 г.) связано с ухудшением запасов, что подчеркивает необходимость усиления мер по искусственному воспроизводству и рыбохозяйственной мелиорации. В итоге комплекс вносит заметный вклад в продовольственную безопасность региона, обеспечивая рост занятости, налоговых поступлений и доступ к качественной рыбе, несмотря на внешние ограничения и логистические трудности.

Для наглядного представления динамики добычи и производства построен рис. 1.

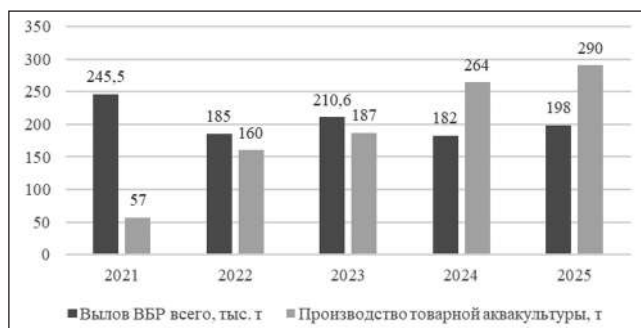

Рис. 1. Динамика общего вылова водных биоресурсов (ВБР) и производства товарной аквакультуры в Калининградской области, 2021—2025 гг.

Рисунок 1 показывает, что вылов подвержен колебаниям, тогда как производство товарной аквакультуры растет стабильно и быстро. Такая тенденция подчеркивает возрастающую роль рыбоводства в обеспечении устойчивости комплекса при нестабильности океанического промысла.

Несмотря на внешние ограничения, экономические результаты комплекса остаются положительными. Динамика оборота отрасли отражена на рис. 2.

Рис. 2. Динамика оборота рыбохозяйственного комплекса Калининградской области, 2021—2025 гг., млрд руб.

Рисунок 2 демонстрирует практически линейный рост оборота за пять лет. Прирост более чем на 50 % свидетельствует об успешной адаптации предприятий, в первую очередь за счет углубления переработки и ориентации на внутренний рынок.

Социальная эффективность комплекса особенно заметна по росту доходов занятых. Динамика средней заработной платы представлена на рис. 3.

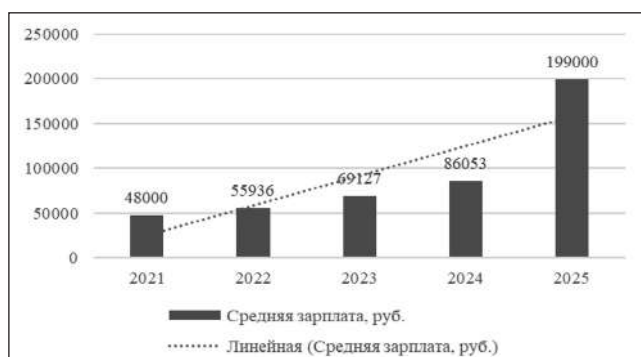

Рис. 3. Динамика средней заработной платы в рыболовстве и рыбоводстве Калининградской области, 2021—2025 гг., руб.

Рисунок 3 фиксирует резкое увеличение заработной платы — более чем в четыре раза за рассматриваемый период. Основной вклад в такой рост внесло развитие аквакультуры и глубокой переработки, где востребованы квалифицированные кадры.

На эффективность калининградского РХК сильное влияние оказывают внешние факторы. Геополитическое положение региона как эксклава создает постоянную зависимость от транзита через территории иностранных государств и дополнительные транспортные издержки. Санкционный режим и ограничения существенно усложнили доступ к портам промысла, привели к удорожанию логистики и разрыву традиционных цепочек поставок. Состояние мировых рынков рыбной продукции отличается высокой конкуренцией и нестабильной конъюнктурой цен. Изменение климата и состояние биоресурсов также относятся к серьезным рискам, поскольку антропогенное воздействие и сокращение запасов отдельных видов требуют строгого соблюдения международных квот и ограничивают возможности экстенсивного роста отрасли.

Внутренние факторы во многом определяют текущую эффективность комплекса. Состояние промыслового флота остается одним из наиболее проблемных моментов: средний возраст судов превышает 30 лет, многие требуют капитального ремонта или замены, что снижает производительность и повышает затраты. Кадровое обеспечение сталкивается с дефицитом квалифицированных специалистов, особенно в сфере глубокой переработки и аквакультуры. Логистические возможности ограничены высокой зависимостью от импортных поставок сырья и оборудования. Государственная поддержка отрасли осуществляется через субсидии и региональную программу развития, однако ее объемы пока недостаточны для полной компенсации санкционных потерь и ускоренной модернизации флота.

Институциональные факторы формируют особые условия работы комплекса. Особенности Особой экономической зоны предоставляют таможенные льготы при экспортно-импортных операциях, что частично компенсирует издержки эксклавного положения. Таможенное регулирование упрощает перемещение товаров внутри зоны, но создает дополнительные процедуры при поставках на основную территорию России. Административные барьеры, включая сложность получения квот и разрешений, а также избыточный контроль, снижают оперативность принятия решений и инвестиционную привлекательность отрасли. В целом институциональная среда нуждается в дальнейшем упрощении для снижения бюрократической нагрузки на предприятия.

Калининградский РХК заметно отличается от комплексов других рыбопромышленных регионов России. В отличие от Приморского края и Камчатского края, где преобладает океанический промысел минтая и лососевых с выловом более 1,5—1,8 млн т в год, калининградский РХК ориентирован на балтийский и атлантический промысел с общим выловом около 200 тыс. т. Мурманская область близка по структуре (треска, пикша), однако имеет более мощный флот и объемы вылова в 2,5—3 раза выше. По доле аквакультуры Калининградская область пока уступает Камчатке и Мурманску, но активно развивает выращивание форели и атлантического лосося. В национальной индустрии калининградский РХК занимает нишу глубокой переработки и поставок на внутренний рынок (90 % продукции), а в мировой — играет роль регионального поставщика консервов и мороженой рыбы в страны Европы и Азии, уступая дальневосточным регионам по масштабам экспорта.

Калининградский РХК сталкивается с серьезными вызовами. Изношенность флота и береговой инфраструктуры остается ключевой проблемой: средний возраст судов превышает 30 лет, многие требуют полной замены, что приводит к частым простоям и росту затрат. Зависимость от импорта сырья и оборудования усиливает уязвимость, поскольку санкции вызывают разрыв цепочек поставок и удорожание производства. Транспортная изолированность эксклава усложняет логистику, особенно с учетом ограничений на заход в иностранные порты Балтийского моря.

Дефицит квалифицированных кадров проявляется в нехватке специалистов для глубокой переработки и аквакультуры, что тормозит инновации. Экологические риски связаны с антропогенным воздействием на биоресурсы и их истощением, требующим строгого соблюдения квот. Конкуренция со стороны европейских производителей остается острой, поскольку они предлагают продукцию с более низкими издержками, а барьеры ВТО повышают требования к качеству и сертификации.

Модернизация материально-технической базы предполагает глубокое обновление флота и портовых мощностей. Необходимо модернизировать мощности Калининградского морского рыбного порта, строить новые эффективные суда, соответствующие экологическим требованиям, с оборудованием для углубленной переработки. Обеспечить серийность строительства с использованием государственной поддержки, включая льготный лизинг. Развитие глубокой переработки позволит перейти от полуфабрикатов к товарам высокого качества, соответствующим *НАССР*, что повысит конкурентоспособность.

Диверсификация рынков сбыта включает наращивание экспедиционных исследований для поиска новых промысловых районов в Мировом океане, что загрузит перерабатывающие предприятия и расширит сбыт. Использование преимуществ ОЭЗ подразумевает налоговые льготы, освобождение новых судов от налога на имущество на 7—8 лет и НДС при приобретении. Развитие марикультуры и аквакультуры — важная задача: расширение товарного выращивания, как в проекте по атлантическому лососю в установках замкнутого водоснабжения, обеспечит внутренний рынок и снизит импорт.

Цифровизация и внедрение современных технологий требуют энергосберегающих процессов и системы *НАССР* на всех этапах, от промысла до реализации. Подготовка кадров и привлечение молодых специалистов включает подбор и обучение специалистов по *НАССР*, разработку программ мероприятий для соответствия регламентам, что повысит компетенции в управлении качеством и экспортом.

Выводы

Обобщение результатов оценки эффективности показывает устойчивость калининградского РХК, с ростом вылова до 198 тыс. т в 2025 г. и оборота до 71 млрд руб. Ключевые выводы о состоянии РХК подчеркивают положительную динамику в аквакультуре и переработке, но выявляют уязвимости в логистике и износе флота.

Итогом анализа стала количественная оценка взаимосвязей ключевых параметров. Коэффициент корреляции Пирсона рассчитан по формуле:

$$r = \frac{\Sigma((x_i - \bar{x})(y_i - \bar{y}))}{\sqrt{[\Sigma(x_i - \bar{x})^2 \cdot \Sigma(y_i - \bar{y})^2]}}$$

Между динамикой вылова (245,5; 185; 210,6; 182; 198 тыс. т) и оборотом (50; 58; 64; 71; 78 млрд руб.) связь слабая — $r \approx 0,08$. Это объясняется колебаниями вылова под влиянием квот и логистических ограничений.

Между производством аквакультуры (57; 160; 187; 264; 290 т) и средней зарплатой (48 000; 55 936; 69 127; 86 053; 199 000 руб.) корреляция сильная — $r \approx 0,82$, что подчеркивает роль рыбоводства в росте доходов занятых.

Для оценки перспектив применена линейная регрессия. Прогнозные значения сведены в табл. 2.

Прогноз предполагает дальнейший рост оборота до 98 млрд руб. и аквакультуры до 477 т к 2028 г. при сохранении тенденций.

Однако реализация сценария требует ускоренной модернизации флота и смягчения транспортных барьеров; внешние шоки могут существенно отклонить траекторию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов А. В., Ульяненкова О. А. К вопросу бюджетной эффективности предприятий рыбной отрасли региона // Балтийский морской форум : материалы IX Междунар. Балт. мор. форума : в 6 т. Калининград : Калинингр. гос. техн. ун-т, 2022. Т. 1 : Инновации в науке, образовании и предпринимательстве : XIX Междунар. науч. конф. С. 500—506.
2. Зверев Ю. М. Эволюция геополитического положения Калининградской области // Региональная политика, политическая география и геополитика: история и современность : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию каф. регион. политики и полит. географии СПбГУ. СПб. : ВВМ, 2022. С. 452—460.
3. Бетин О. И., Труба А. С., Мухамедова Т. О. Рыбохозяйственный комплекс: понятие, определение, структура // Труды ВНИРО. 2022. Т. 188. С. 166—173. DOI: 10.36038/2307-3497-2022-188-166-173.
4. Рыбохозяйственный комплекс: экономика и развитие : моногр. / под ред. К. В. Колончина, О. И. Бетина. М. : Изд-во ВНИРО, 2022. 367 с.
5. Волошенко К. Ю. Фактор эксклавноности в обеспечении экономической безопасности Калининградской области в национальных интересах России // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7. № 11. С. 2685—2708. DOI: 10.18334/ecsec.7.11.122134.
6. Сергеев Л. И., Самсонов А. В. Исследование финансово-экономического положения предприятий рыбохозяйственного комплекса Калининградской области в условиях санкционных ограничений, сравнительный анализ // Рыбохозяйственный комплекс России: 300 лет российской академической науке : II Междунар. науч.-практ. конф. М. : ВНИРО, 2024. С. 699—705.
7. Побегайло М. Г. Направления совершенствования диагностики рыбохозяйственного комплекса с учетом отраслевого и корпоративного анализа в аспекте обеспечения экономической безопасности // Природные ресурсы, их современное состояние, охрана, промысловое и техническое использование : материалы XVI Нац. (всерос.) науч.-практ. конф. Петрозаводск-Камчатский : КамчатГТУ, 2025. С. 70—75.
8. Ежелый С. М. Отраслевое развитие аквакультуры в Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2025. № 1(49). С. 31—45.
9. Мнацаканян А. Г., Побегайло М. Г. Развитие рыбного хозяйства Калининградского региона в аспекте обеспечения продовольственной безопасности // Балтийский экономический журнал. 2022. № 3(39). С. 31—42.
10. Себенцов А. Б., Колосов В. А. Феномен неконтролируемых территорий в современном мире // Полис. Политические исследования. 2012. № 2. С. 31—46.
11. Дубинина Н. А., Мичурина О. Ю., Бармина Е. Ю. Анализ и оценка эффективности развития рыбохозяйственного комплекса Российской Федерации // Инновационное развитие: потенциал науки и современного образования : моногр. Пенза : Наука и Просвещение, 2021. С. 262—278.
12. Мельникова В. А. Оценка состояния рыбохозяйственного комплекса Калининградской области // Балтийский экономический журнал. 2019. № 4(28). С. 54—59.
13. Давыдова О. А., Кузин В. И., Мнацаканян А. Г. Принципы экономической политики рыбохозяйственного комплекса // Балтийский экономический журнал. 2025. № 3(51). С. 6—22.
14. Гегечкори О. Н., Семенихина М. В. Оценка состояния и основные проблемы развития рыбохозяйственного комплекса Калининградской области // Балтийский морской форум : материалы IX Междунар. Балт. мор. форума : в 6 т. Калининград : Калинингр. гос. техн. ун-т, 2022. Т. 1 : Инновации в науке, образовании и предпринимательстве : XIX Междунар. науч. конф. С. 472—480.
15. Рубцов Н. А., Панов А. А. К проблеме применения экономико-математических моделей в управлении рыбохозяйственным комплексом Калининградской области // Всероссийский форум студентов и учащихся — 2025 : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Петрозаводск : Новая наука, 2025. С. 36—41.

REFERENCES

1. Ivanov A. V., Ulyanenkova O. A. On the issue of budget efficiency of the enterprises of the fishing industry of the region. *Baltic Maritime Forum. Proceedings of the IX International Baltic Maritime Forum*. Kaliningrad, Kaliningrad State Technical University publ., 2022;1:500—506. (In Russ.)

Таблица 2

Прогноз ключевых показателей рыбохозяйственного комплекса Калининградской области, 2026—2028 гг.

Показатель	2026	2027	2028
Оборот отрасли, млрд руб.	84,5	91,2	97,9
Производство товарной аквакультуры, т	363	420	477

Примечание: рассчитано автором методом линейной регрессии на данных 2021—2025 гг.

Потенциал развития в условиях эксклавноности связан с незамерзающим портом и близостью к рынкам, что позволяет наращивать исследования и марикультуру. Рекомендации для органов власти и бизнеса включают усиление поддержки через субсидии на модернизацию и цифровизацию, создание рыбных рынков для снижения цен. Перспективы дальнейших исследований лежат в анализе влияния климата на биоресурсы и стратегий диверсификации экспорта.

2. Zverev Yu. M. Evolution geopolitical situations Kaliningradskoy districts [sic!]. *Regional'naya politika, politicheskaya geografiya i geopolitika: istoriya i sovremennost'* = *Regional policy, political geography and geopolitics: history and modernity. Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Regional Politics and Political Geography of St. Petersburg University*. Saint Petersburg, VVM, 2022:452—460.
3. Betin O. I., Truba A. S., Mukhamedova T. O. Fisheries complex: concept, definition, structure. *Trudy VNIRO*. 2022; 188:166—173. (In Russ.) DOI: 10.36038/2307-3497-2022-188-166-173.
4. Fisheries complex: economy and development. Monograph. K. V. Kolonchin, O. I. Betin (eds.). Moscow, Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography publ., 2022. 367 p. (In Russ.)
5. Voloshenko K. Y. The role of exclave in ensuring the economic security of the Kaliningrad Region in Russia's national interests. *Ekonomicheskaya bezopasnost'* = *Economic security*. 2024;7(11):2685—2708. (In Russ.) DOI: 10.18334/ecsec.7.11.122134.
6. Sergeev L. I., Samsonov A. V. A study of the financial and economic situation of enterprises of the fisheries complex of the Kaliningrad Region under sanctions restrictions, a comparative analysis. *Rybokhozyaistvennyi kompleks Rossii: 300 let Rossiiskoi akademicheskoi nauke* = *Fisheries complex of Russia: 300 years of Russian Academic Science. II International scientific and practical conference*. Moscow, Russian Federal Research Institute of Fisheries and Oceanography publ., 2024: 699—705. (In Russ.)
7. Pobegaylo M. G. Directions of improving the fisheries complex diagnostics taking into account industry and corporate analysis in the aspect of ensuring economic security. *Prirodnye resursy, ikh sovremennoe sostoyanie, okhrana, promyslovoe i tekhnicheskoe ispol'zovanie* = *Natural resources, their current state, protection, commercial and technical use. Proceedings of the XVI National (All-Russian) scientific and practical conference*. Petropavlovsk-Kamchatsky, Kamchatka State Technical University publ., 2025:70—75. (In Russ.)
8. Ezheliy S.M. Sectoral development of aquaculture in the Kaliningrad region. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal* = *Baltic Economic Journal*. 2025;1(49):31—45. (In Russ.)
9. Mnatsakanyan A. G., Pobegaylo M. G. Development of the fishing industry of the Kaliningrad of the region in the aspect of providing food security. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal* = *Baltic Economic Journal*. 2022;3(39):31—42. (In Russ.)
10. Sebzentov A. B., Kolosov V. A. Phenomenon of uncontrolled territories in modern world. *Polis. Politicheskie issledovaniya* = *Polis. Political studies*. 2012;2:31—46. (In Russ.)
11. Dubinina N. A., Michurina O. Yu., Barmina E. Yu. Analysis and the estimation of effectiveness in the development of the fishery complex of the Russian Federation. *Innovatsionnoe razvitie: potentsial nauki i sovremennogo obrazovaniya* = *Innovative development: potential of science and modern education. Monograph*. Penza, Nauka i Prosveshchenie. 2021. Pp. 262—278. (In Russ.)
12. Melnikova V. A. Evaluation of fishery complex Kaliningrad region [sic!]. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal* = *Baltic Economic Journal*. 2019;4(28):54—59. (In Russ.)
13. Davydova O., Kuzin V., Mnatsakanyan A. Principles of economic policy of the fisheries complex of Russia. *Baltiiskii ekonomicheskii zhurnal* = *Baltic Economic Journal*. 2025;3(51):6—22. (In Russ.)
14. Gegechkori O. N., Semenikhina M. V. Condition assessment and main challenges fisheries complex Kaliningrad region [sic!]. *Baltic Maritime Forum. Proceedings of the IX International Baltic Maritime Forum*. Kaliningrad, Kaliningrad State Technical University publ., 2022;1:472—480. (In Russ.)
15. Rubtsov N. A., Panov A. A. On the problem of application of economic and mathematical models of management of the fishing complex of the Kaliningrad region. *Vserossiiskii forum studentov i uchashchikhsya — 2025* = *All-Russian Forum of Students - 2025. Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference*. Petrozavodsk: Novaya nauka, 2025:36—41. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья
УДК 332.012
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1546

Maria Georgievna Tsykura
Senior Lecturer at the Department of Economics,
Accounting, and Finance
of the Institute of Economics and Management,
Surgut State University
Surgut, Russian Federation
tsykura_mg@surgu.ru

Мария Георгиевна Цыкура
старший преподаватель кафедры экономики,
учета и финансов
Института экономики и управления,
Сургутский государственный университет
Сургут, Российская Федерация
tsykura_mg@surgu.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика

Аннотация. Совокупность созданной добавленной стоимости на территории государства является показателем ее экономического развития. Многогранная структура добавленной стоимости обусловлена комплексом ее элементов, специфика формирования которых, в числе прочего, зависит от мер государственной политики. Воздействие на создание, формирование и распределение добавленной стоимости влияет на стабильное и устойчивое развитие как деятельности отдельных хозяйствующих субъектов, так и экономики в целом. Эффективность механизмов воздействия на добавленную стоимость определяет возможность государства противостоять как ранее известным, так и новым угрозам экономической безопасности. Налогообложение добавленной стоимости чаще всего рассматривается исходя из достижения показателей обеспеченности бюджета, необходимыми для функционирования государства. Успешность реализации мер налоговой политики оценивается, в том числе, исходя из роста или снижения налоговых поступлений.

Несмотря на важность обеспеченности бюджета государства финансовыми ресурсами, недопустимо исключать из внимания, что косвенное налогообложение добав-

ленной стоимости оказывает непосредственное влияние на конечных потребителей, соответственно, на достижение главной цели экономической безопасности государства — повышения качества жизни граждан.

В рамках исследования на основе ретроспективного анализа и систематизации научных исследований добавленной стоимости, законодательных норм, правоприменительной практики определены характеристики добавленной стоимости и предложена концептуальная модель экономической безопасности в сфере добавленной стоимости. На основе представленной модели определены угрозы ее обеспечения, предложены показатели для проведения мониторинга в сфере добавленной стоимости, контроль которых позволяет своевременно реагировать и предотвращать негативные последствия для экономики государства.

Ключевые слова: добавленная стоимость, экономическая безопасность, налогообложение, налог на добавленную стоимость / НДС, налоговый контроль, механизм, концептуальная модель, угрозы, риски, валовой внутренний продукт / ВВП, баланс интересов, мониторинг экономической безопасности

Для цитирования: Цыкура М. Г. Концепция экономической безопасности в сфере добавленной стоимости // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 168—176. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1546.

Original article

THE CONCEPT OF ECONOMIC SECURITY IN THE VALUE-ADDED SECTOR

5.2.3 — Regional and sectoral economy

Abstract. The total amount of added value created within a state is an indicator of its economic development. The multifaceted structure of added value is determined by a complex of its elements, the specific formation of which depends, among other things, on government policy measures. Impact on the creation, formation, and distribution of added value affects the stable and sustainable development of both individual economic entities and the economy as a whole. The effectiveness of mechanisms for influencing added value determines the state's ability to counter both previously known and new threats to economic security. Taxation of value added is most often assessed based on achieving the budgetary sufficiency indicators necessary

for the functioning of the state. The success of tax policy measures is assessed, among other things, based on the increase or decrease in tax revenues.

Despite the importance of ensuring the state budget is adequately funded, it is unacceptable to ignore the fact that indirect taxation of value added has an immediate impact on end consumers and, consequently, on achieving the main goal of economic security - improving the quality of life of citizens.

This study, based on a retrospective analysis and systematization of scientific research on added value, legislative norms, and law enforcement practices, identifies the characteristics of added value and proposes a conceptual model of economic security in the area of added value. Based on the presented

model, threats to its provision are identified and indicators for monitoring added value are proposed. Monitoring these indicators allows for timely response and prevention of negative consequences for the national economy.

For citation: Tsykura M. G. The concept of economic security in the value-added sector. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):168—176. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1546.

Введение

Вопросы, связанные с причинами увеличения или снижения показателя валового внутреннего продукта (далее — ВВП), являются одними из основополагающих и сложных для любого государства. Структура ВВП, состоящая из множества взаимосвязанных элементов и их характеристик, отражает его многоаспектный характер и необходимость учета всех особенностей, влияющих на его изменения. Механизмы воздействия на те или иные элементы ВВП оказывают непосредственное влияние на экономический рост государства и, соответственно, уровень экономической безопасности.

Как известно, одним из методов расчета ВВП является производственный метод, основанный на сложении сумм добавленной стоимости, созданной всеми производителями работ, товаров и услуг в государстве. Рациональное воздействие на добавленную стоимость позволяет обеспечить устойчивость и предсказуемость ее формирования, спрогнозировать ее изменение как в количественном, так и в качественном выражении.

Актуальность. Учитывая, что современный этап экономического развития России сталкивается с нарастанием известных ранее угроз и появлением новых, возможно предположить, что действующие механизмы и инструменты воздействия, влияющие на создание, формирование и распределение добавленной стоимости, нуждаются в актуализации и доработке. Выступая в качестве базового показателя экономического роста, сфера добавленной стоимости играет ключевую роль в обеспечении экономической безопасности любого государства.

Выявление и анализ влияния действующих механизмов на создание, формирование, а также распределение создаваемой в государстве добавленной стоимости выступают ключевым направлением развития теории и методов обеспечения экономической безопасности государства.

Изученность проблемы. Вопросы создания, формирования и распределения добавленной стоимости рассматривались еще в фундаментальных исследованиях, в т. ч. в трудах «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смита, «Начала политической экономии и налогового обложения» Д. Рикардо, «Капитал» К. Маркса и др.

Исследованию показателя добавленной стоимости посвящены работы таких авторов, как М. В. Шатунов [1], А. Н. Шаренко [2], А. А. Мальцев [3], Е. А. Захарчук [4], В. И. Юрчик [5], А. Р. Саяпова и А. А. Широков [6].

Современные авторы в исследованиях рассматривают механизм воздействия структурных факторов на добавленную стоимость [7], контрольные механизмы [8], инвестиционные механизмы [9], значительное число исследований посвящено налоговому механизму [10—14].

Так, А. С. Мустафина [7] рассматривает первичные (структурные) и вторичные (институциональные) факторы воздействия на добавленную стоимость с позиций предложения и спроса.

Е. С. Косоногова, Д. А. Давлатзода, Н. В. Дедюхина, И. Д. Нефедова, фокусируясь на финансовом контроле, анализируют «принципы и процессы экономики цикла

Keywords: *added value, economic security, taxation, value-added tax, tax control, mechanism, conceptual model, threats, risks, gross domestic product / GDP, balance of interests, economic security monitoring*

как объект контроля в современной парадигме устойчивого развития» и приходят к выводу, что современное «становление экономики цикла нуждается в дополнительной поддержке», «ключевую роль играет государственная политика, в том числе политика контроля» [8, с. 2390].

Н. В. Артюшевский с соавторами отмечают, что высокая степень государственного регулирования, являющаяся одним из критериев, определенного в стратегическом документе Евразийского экономического союза «Основные направления экономического развития до 2030 года», обладающего потенциалом с позиции интеграционного сотрудничества [9].

Д. Г. Бачурин, говоря о процессе перераспределения созданного продукта (добавленной стоимости), отмечает «активное воздействие налоговых инструментов и механизмов на общественную жизнь», а также необходимость «углубленного изучения теоретико-методологических основ совершенствования правового регулирования налога на добавленную стоимость» [10] (цит. по электрон. версии на *Litres*).

В. А. Молодых, рассматривая проблему теневой экономики, напротив, считает, что акцентирование политики противодействия уклонению от уплаты косвенных налогов [налога на добавленную стоимость (далее — НДС), акцизов] окажет ограниченное влияние на долгосрочные ориентиры [11].

Г. Н. Семенова отмечает, что высокий уровень поступлений свидетельствует о неэффективности действующих механизмов косвенного налогообложения добавленной стоимости, «поскольку указывает на недостаточное администрирование налогов и сборов и уход от их уплаты», несмотря на стабильное «пополнение федерального бюджета» [12, с. 112], автор также отмечает рост налоговой нагрузки.

Проведенная А. А. Пугачевым «оценка уровня неравенства и влияния на него распределения налоговой нагрузки по НДС в разрезе децильных групп» [13, с. 74] свидетельствует о том, что механизм косвенного налогообложения добавленной стоимости, с точки зрения его возможностей сглаживания неравенства потребителей, т. е. конечных плательщиков НДС, в настоящий момент не реализован. При этом неравенство граждан оказывает негативное влияние на экономический рост [14].

Таким образом, механизмы воздействия на добавленную стоимость, в частности ее налогообложения, требуют дальнейшего исследования. Следует отметить: несмотря на то, что добавленная стоимость является основополагающим показателем экономического роста, механизмы воздействия на ее создание, формирование и распределение рассмотрены без определения взаимосвязи влияния на экономическую безопасность в целом.

Цель исследования — на основе анализа исследований сферы добавленной стоимости и экономической безопасности определить концептуальную модель экономической безопасности в сфере добавленной стоимости и предложить показатели мониторинга, направленные на своевременное обнаружение и предотвращение возникающих угроз ее обеспечения.

Задачи исследования:

1. На основе ретроспективного анализа понятия и сущности добавленной стоимости определить ее характеристики в экономических и налоговых отношениях.

2. Выявить взаимосвязь экономической безопасности сферы добавленной стоимости в системе экономической безопасности государства.

3. Определить угрозы экономической безопасности в сфере добавленной стоимости и провести их оценку.

4. Предложить показатели мониторинга экономической безопасности в сфере добавленной стоимости.

Научная новизна результатов исследования заключается в определении концепции сферы добавленной стоимости в контексте обеспечения экономической безопасности государства.

Теоретическая значимость. Результаты исследования развивают теоретический подход к определению роли добавленной стоимости в системе обеспечения экономической безопасности и могут быть использованы для дальнейших разработок в области обеспечения экономической безопасности.

Практическая значимость. Предложенные показатели мониторинга позволяют своевременно определять возникающие угрозы и минимизировать риски экономической безопасности.

Основная часть

Методология исследования. В основу исследования положены методы ретроспективного и системного анализа научных и практических исследований, норм налогового законодательства, судебной практики, налоговых показателей, связанных с добавленной стоимостью. Концептуальная модель экономической безопасности в сфере добавленной стоимости, угрозы экономической безопасности основана и сформулированы исходя из положений концепции устойчивого развития.

Результаты исследования. Вопросами создания, формирования и распределения добавленной стоимости задавались еще с ранних периодов начала развития экономической мысли (рис. 1).

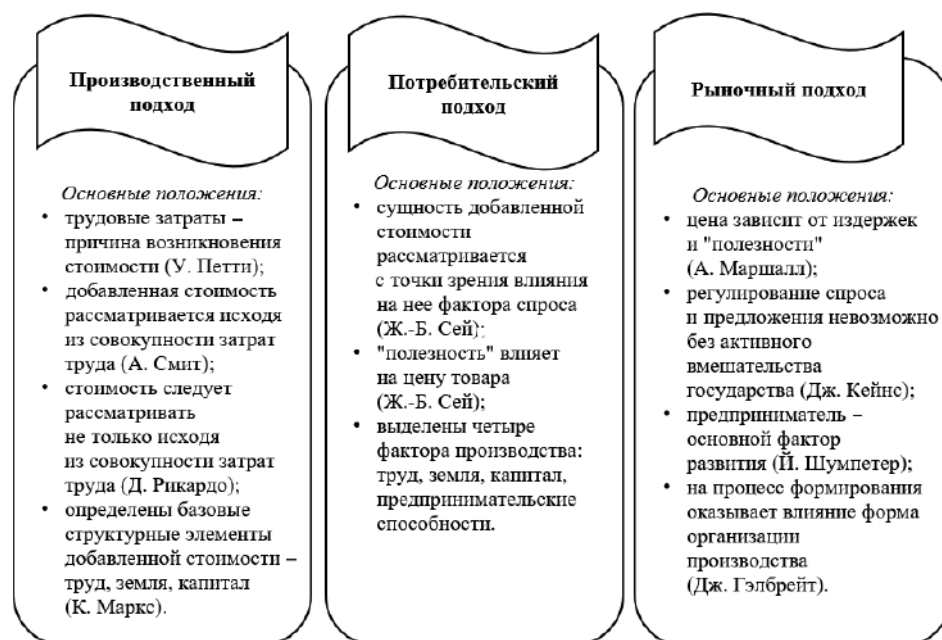

Рис. 1. Развитие теоретических аспектов понятия «добавленная стоимость» (сост. автором)

Производственный подход (А. Смит, Д. Рикардо, К. Маркс) позволил определить природу формирования добавленной стоимости и ее денежное выражение.

Потребительский подход (Ж.-Б. Сей, Дж. Кларк) позволил рассмотреть добавленную стоимость с точки зрения влияния на нее спроса, установить причины ее справедливого распределения между участниками экономических отношений.

Рыночный подход (А. Маршалл, Й. Шумпетер, Дж. Кейнс, Дж. Гэлбрейт) выделил понятие ценности как одного из свойств добавленной стоимости для потребителя, определил роль государственного воздействия как одного из ведущих инструментов, позволяющего способствовать росту создаваемой на территории государства добавленной стоимости.

Исследования экономической сущности добавленной стоимости позволяют определить следующие ее характеристики:

1. Добавленная стоимость является результатом экономической деятельности, в т. ч. позволяет оценить ее структуру.

2. Базовыми элементами добавленной стоимости являются труд, земля, капитал.

3. Добавленная стоимость имеет денежное выражение, которое отражает ее ценность.

4. Добавленная стоимость является показателем «вклада» отдельного экономического субъекта (организации, индивидуального предпринимателя) в экономику.

5. На формирование добавленной стоимости влияет множество факторов, такие как спрос, предложение, решений предпринимателя, государственное регулирование.

6. Добавленная стоимость распределяется между участниками производства, в т. ч. работниками, собственниками бизнеса, государством.

Исходя из изложенного, добавленная стоимость имеет приращенный характер как в качественном, так и в количественном выражении. Созданная добавленная стоимость распределяется между работниками, собственниками бизнеса и государством.

Одним из механизмов перераспределения добавленной стоимости в пользу государства является налоговый механизм. Одним из налогов, обеспечивающих значительные поступления в бюджет государства, является НДС, фактическое бремя уплаты которого ложится на конечного потребителя.

Таким образом, государственный механизм воздействия на добавленную стоимость затрагивает интересы государства и субъектов хозяйствования, среди которых как организации (предприниматели), так и граждане государства, повышение качества жизни которых является ключевой задачей экономической безопасности. В этой связи добавленная стоимость является как объектом налогообложения, так и объектом обеспечения экономической безопасности государства.

Определенные налоговым законодательством объекты налогообложения добавленной стоимости не отражают в полной мере ее экономическую сущность, выраженную в «приращенном» характере стоимости произведенных товаров, работу, услуг. Выделение добавленной стоимо-

сти с точки зрения ее экономической сущности с целью исчисления и уплаты НДС достигается за счет расчета разницы между суммой НДС, исчисленного с налоговой базы, и налоговых вычетов, или так называемого «зачетного метода» [15].

Добавленная стоимость является объектом налогообложения, при этом необходимость применения «зачетного метода» обусловлена иными характеристиками добавленной стоимости в налоговых отношениях, по сравнению с экономическими. Так, для целей налогообложения НДС имеет значение, в процессе деятельности каких налогоплательщиков она сформировалась. Если организация или индивидуальный предприниматель не является плательщиком НДС (например, применяет специальный налоговый режим), она не подлежит налогообложению. Соответственно, при выделении добавленной стоимости, подлежащей налогообложению, также имеет значение стоимость приобретенных товаров, работ и услуг у иных плательщиков НДС.

Взаимосвязь экономической безопасности сферы добавленной стоимости с системой экономической безопасности государства в целом возможно выразить посредством определения концептуальной модели налогообложения добавленной стоимости, основанной на взаимообусловленности и влиянии на систему ее отдельных элементов (рис. 2).

Рис. 2. Концептуальная модель экономической безопасности в сфере добавленной стоимости (сост. автором)

Система экономической безопасности в сфере налогообложения добавленной стоимости направлена на достижения цели полного и своевременного поступления налога на добавленную стоимость в бюджет государства. Налоговые платежи выступают в качестве *ресурсов* и *объекта* экономической безопасности государства. Финансовые ресурсы, поступающие в бюджет, позволяют государству исполнять свои функции, которые, в свою очередь, направлены на поддержание *ценности* экономической безопасно-

сти государства в целом — повышение качества и уровня жизни граждан. Кроме прямой финансовой поддержки отдельных категорий граждан, средства используются на развитие здравоохранения, образования, инфраструктуры, поддержку малого и среднего бизнеса.

Исходя из изложенного, непоступление или неполное поступление сумм НДС в бюджет является одной из угроз экономической безопасности, которая влияет на систему экономической безопасности в целом.

Учитывая, что применяемый в Российской Федерации зачетный метод исчисления НДС может привести к превышению сумм «расходов с НДС» над «доходами», облагаемых НДС, налогоплательщики имеют право заявить НДС к возмещению из бюджета. В данном случае налоговым органам важно не допустить неправомерное возмещение НДС из бюджета, которое также следует определить в качестве одной из угроз экономической безопасности.

Обеспечение контроля за соблюдением налогового законодательства в Российской Федерации осуществляется налоговыми органами, входящими в состав *средств* экономической безопасности государства. При этом деятельность контрольных органов должна быть основана на балансе интересов государства и бизнеса. Именно баланс интересов [16—18] позволяет поддерживать состояние устойчивого развития экономики, что является основной *целью* экономической безопасности государства.

Таким образом, повышенная административная нагрузка, а также неправомерный отказ в предоставлении возмещения НДС из бюджета и неправомерное доначисление НДС налогоплательщику, в обобщенном виде представляемые как неправомерное изъятие сумм НДС у налогоплательщика, также являются угрозами экономической безопасности.

Несоблюдение баланса интересов между бизнесом и государством в налоговых отношениях, учитывая косвенный характер НДС, может привести к повышению налоговой нагрузки на конечного потребителя, что противоречит *ценностям* экономической безопасности государства и также представляет собой угрозу ее обеспечения.

Президент РФ в Послании Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. предлагал «продумать подходы к модернизации нашей фискальной системы, к более справедливому распределению налогового бремени в сторону тех, у кого более высокие личные и корпоративные доходы».

Изменения налогового законодательства, вступившие в силу в 2025 г., повлекли повышение налоговых ставок по налогу на доходы физических лиц и налогу на прибыль организации, расширение перечня плательщиков НДС и пр., т. е. повышение налоговой нагрузки на бизнес.

Изменения налогового законодательства, вступившие в силу в 2026 г., повышают количество плательщиков НДС (за счет постепенного снижения порога дохода для упрощенной системы налогообложения без обязанности уплачивать НДС), а также повышают ставку НДС до 22 %. В качестве финансово-экономического обоснования выделена фискальная составляющая (рис. 3).

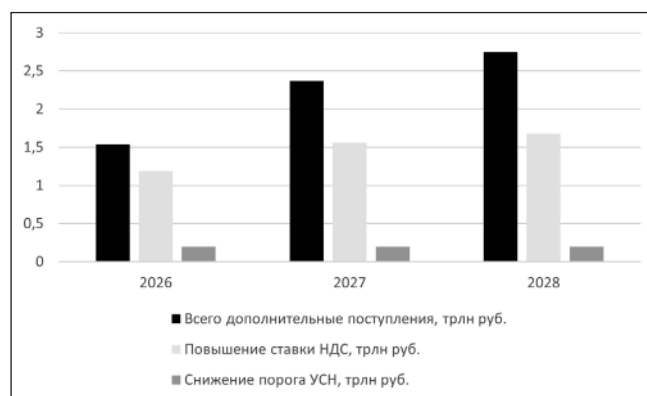

Рис. 3. Дополнительные поступления в бюджет
[сост. автором на основе данных пояснительной записки к законопроекту № 1026190-8 (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/1026190-8>)]

За счет изменений налогового законодательства предполагается получить дополнительные поступления налогов в бюджет, основную долю которых составляют поступления за счет увеличения налоговой ставки по НДС на 2 %.

Тенденции роста сумм поступлений НДС в бюджет (рис. 4) свидетельствуют о положительной динамике, это связывают в основном с повышением качества администрирования, цифровизации данных и их автоматическим анализом, применяемым в налоговом контроле [19—21].

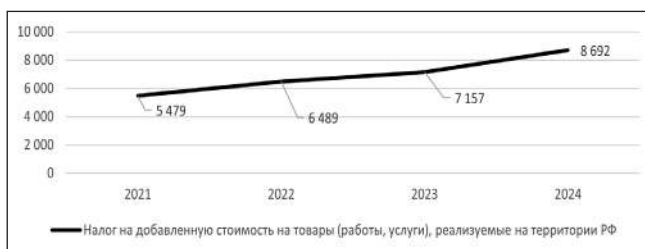

Рис. 4. Суммы поступлений НДС в бюджет, млрд руб.
[сост. автором на основе данных ЕМИСС
(<https://www.fedstat.ru/indicator/42547>)]

Повышение качества налогового контроля за исчислением и уплатой НДС и применяемый налоговыми органами «риск-ориентированный» подход позволили сократить количество проверяемых налогоплательщиков при одновременном увеличении сумм доначислений по результатам проверок.

В соответствии с официальными данными Федеральной налоговой службы (далее — ФНС России) о результатах контрольной работы налоговых органов, в 2023 г. налоговыми органами проведено 4 976 выездных налоговых проверок по вопросу правильности исчисления и уплаты НДС, из которых обнаружены нарушения у 4 493 налогоплательщиков, дополнительно начислен НДС в размере 171 071 млн руб. В 2024 г. количество выездных налоговых проверок снизилось и составило 4 571, выявлены нарушения в 4 233 проверках, доначислено 243 055 млн руб.

Между тем для поступления налога в бюджет в полном объеме и, соответственно, нивелирования угрозы экономической безопасности непоступления НДС в бюджет недостаточно доначислить налог, его также необходимо взыскать.

ФНС России с 2019 г. перестала публиковать данные о задолженности по обязательным платежам в бюджет.

Последние данные о задолженности опубликованы управлениями ФНС России по регионам за 2022 г. В рамках исследования проанализированы имеющиеся данные десяти регионов о задолженности по уплате НДС в бюджет (табл. 1).

По данным десяти региональных управлений ФНС России в 2022 г. совокупная задолженность по НДС составила 624 947 млн руб., по сравнению с 2021 г. прирост показателя составил 44,93 %.

Проведенный анализ имеющихся данных показал наличие и возрастание угрозы экономической безопасности в сфере добавленной стоимости в виде неуплаты налога в бюджет.

Кроме того, результаты контрольной работы налоговых органов в Российской Федерации свидетельствуют о наличии угроз экономической безопасности, в т. ч. неправомерном возмещении НДС из бюджета, а также неправомерном изъятии НДС у налогоплательщиков (табл. 2).

Таблица 1

**Совокупная задолженность по НДС
(в т. ч. пеням, налоговым санкциям и процентам)**

УФНС России по регионам Российской Федерации	Сумма задолженности, млн руб.		Прирост, %
	2021	2022	
УФНС России по г. Москве	266 988	376 142	40,88
УФНС России по Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре	11 732	25 535	117,65
УФНС России по Ямало-Ненецкому автономному округу	6 938	7 264	4,70
УФНС России по г. Санкт-Петербургу	29 820	41 695	39,82
УФНС России по Тюменской области	14 520	18 492	27,36
УФНС России по Московской области	51 482	71 507	38,89
УФНС России по Республике Татарстан	6 822	19 719	189,05
УФНС России по Самарской области	20 262	33 555	65,60
УФНС России по Красноярскому краю	9 061	11 219	23,82
УФНС России по Свердловской области	13 597	19 819	45,76
Всего	431 222	624 947	44,93

Примечание: сост. автором по данным Отчета о задолженности по налогам, сборам, страховым взносам, пеням, налоговым санкциям и процентам в бюджетную систему Российской Федерации.

Таблица 2

**Сведения о проведенных выездных налоговых проверках
(обоснованность возмещения сумм НДС)**

Показатель	2023	2024
Количество проверок обоснованности возмещения НДС, ед.	264	190
Количество проверок, по результатам которых возмещение сумм НДС признано необоснованным, ед.	83	65
Суммы НДС, возмещение которых по результатам проверок признано налоговыми органами необоснованным — всего за отчетный период, млн руб.	8 889	3 742
Количество решений об отказе в возмещении НДС, отмененных (полностью либо частично) вышестоящими налоговыми органами, ед.	16	3
Суммы НДС, признанные в отчетном периоде к возмещению вышестоящими налоговыми органами после того, как налоговыми органами в соответствии с принятыми ими решениями заявленные к возмещению суммы НДС были признаны необоснованными, млн руб.	192	1 905
Количество решений об отказе в возмещении НДС, отмененных (полностью либо частично) арбитражными судами, ед.	16	13
Суммы НДС, признанные в отчетном периоде к возмещению арбитражными судами после того, как налоговыми органами в соответствии с принятыми ими решениями заявленные к возмещению суммы НДС были признаны необоснованными, млн руб.	234	154
Суммы НДС, по которым арбитражными судами в отчетном периоде восстановлены решения налоговых органов о признании их к возмещению необоснованными, млн руб.	107	151

Примечание: сост. автором на основе данных отчетов о результатах контрольной работы налоговых органов (https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/).

Об угрозе неправомерного изъятия НДС у налогоплательщика свидетельствуют данные о 16 решениях об отказе в возмещении НДС, отмененных в 2024 г. вышестоящими налоговыми органами и судами. Сумма неправомерно не возмещенного НДС составила 2 056 млн руб.

Об угрозе неправомерного возмещения НДС из бюджета свидетельствуют данные о проведенных в 2024 г. 65 выездных налоговых проверках, по результатам которых возмещение по НДС, подтвержденное в рамках камеральных проверок, признано налоговыми органами необоснованным. Сумма неправомерно возмещенного налоговыми органами НДС составила 3 742 млн руб.

В соответствии с Концепцией системы планирования выездных налоговых проверок (утв. Приказом ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@), одним из общедоступных пороговых значений является доля налоговых вычетов (89 %), заявленных налогоплательщиками, по отношению к сумме НДС, исчисленного с налоговой базы.

Рассматривая указанное значение в качестве порогового для оценки экономической безопасности в совокупности с данными, отраженными в табл. 2, подтверждается наличие угрозы экономической безопасности в сфере добавленной стоимости, выраженное в неправомерном возмещении НДС из бюджета (табл. 3).

Таблица 3

Доля налоговых вычетов по НДС

Показатель	2021	2022	2023	2024
Сумма налога, исчисленная по налогооблагаемым объектам — всего, млрд руб.	56 778	67 051	76 358	91 178
Сумма налоговых вычетов — всего, млрд руб.	51 510	60 695	68 978	82 484
Доля налоговых вычетов	0,91	0,91	0,90	0,90

Примечание: составлено автором на основе данных Отчета о структуре начисления налога на добавленную стоимость (https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/).

Первоначально правомерность возмещения НДС из бюджета контролируется налоговыми органами на стадии камеральной налоговой проверки.

В рамках проверки, предметом которой является возмещение НДС, налоговые органы имеют более широкий перечень прав, в отличие от камеральных проверок других налогов, среди которых:

- 1) запрос документов в рамках ст. 93 Налогового кодекса (далее — НК) РФ;
- 2) проведение осмотра территорий и помещений налогоплательщика в рамках ст. 92 НК РФ.

В иных случаях проверки правильности исчисления и уплаты НДС вышеуказанные мероприятия проводятся налоговыми органами только в случаях выявления ошибок и расхождений в налоговой декларации по НДС, выявляемых посредством применения программы АСК НДС-2, позволяющей сопоставлять данные о дате, номере и суммах счетов-фактур, выставленных и полученных налогоплательщиками по цепочке формирования добавленной стоимости. Между тем программа не позволяет проанализировать сущность формирования добавленной стоимости, анализ отдельных нарушений возможно провести только при получении документов налогового и бухгалтерского учета, например следующих:

1. *Оценка полноты наличия документов, подтверждающих право на применение налоговых вычетов, а также документов, подтверждающих принятие на учет товаров, работ и услуг.* Нормами ст. 169 НК РФ предусмотрено, что «счет-фактура является документом, служащим основанием для принятия покупателем предъявленных продавцом товаров (работ, услуг), имущественных прав (включая комиссионера, агента, которые осуществляют реализацию товаров (работ, услуг), имущественных прав от своего имени) сумм налога к вычету».

2. *Относимость расходов к осуществляемому виду деятельности.* Нормами ст. 171 НК РФ предусмотрено, что «вычетам подлежат суммы налога, предъявленные налогоплательщику при приобретении товаров (работ, услуг) в отношении товаров (работ, услуг), а также имущественных прав, приобретаемых для осуществления операций, признаваемых объектами налогообложения».

3. *Анализ ведения раздельного учета по облагаемым и необлагаемым операциям.* Обязанность ведения раздельного учета предусмотрена нормами п. 4 ст. 170 НК РФ. При его отсутствии право на применение налоговых вычетов у налогоплательщиков не возникает.

4. *Анализ правомерности общехозяйственных расходов.*

5. *Анализ правомерности применения налоговых вычетов по авансам перечисленным.* Правомерность вычета по общехозяйственным расходам, а также по авансам перечисленным может быть установлена только после анализа специфики договорных условий. Указанное подтверждается, в числе прочего, позицией Минфина России, изложенной в письме от 17 декабря 2024 г. № 03-07-11/127323, сложившейся практикой рассмотрения налоговых споров (см., напр., Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 февраля 2025 г. по делу № А56-28546/2024).

Исходя из изложенного, предлагается проводить мониторинг правомерности применения налоговых вычетов по следующим показателям с присвоенным критерием риска.

Таблица 4

Мониторинг правомерности применения налоговых вычетов

Показатель	Критерий риска
Оценка полноты наличия документов	Средний
Относимость расходов к осуществляемому виду деятельности	Высокий
Анализ ведения раздельного учета по облагаемым и необлагаемым операциям	Высокий
Анализ правомерности общехозяйственных расходов	Высокий
Анализ правомерности применения налоговых вычетов по авансам перечисленным	Высокий

Примечание: составлено автором.

Критерии риска предложены исходя из возможности исправления риска налогоплательщиком. Например, документы налогового и бухгалтерского учета (показатель 1) могут быть дополнительно представлены налогоплательщиком в ходе проведения проверки, при этом иные показатели фактически исправлению не подлежат. Установленные риски свидетельствуют о неправомерном заявлении налоговых вычетов, в применении которых в рамках камеральной налоговой проверки может быть обоснованно отказано.

Предложенные показатели для мониторинга нельзя считать полными ввиду того, что они не затрагивают вопросы правомерности исчисления налога с налоговой базы, а также иных вопросов, связанных с налогообложением добавленной стоимости.

Между тем оценка и проведение мониторинга по предложенным показателям способствуют снижению рисков при принятии налоговым органом решений о возмещении НДС из бюджета, следовательно, снижают возможность реализации угрозы экономической безопасности в сфере добавленной стоимости.

Выводы

В результате проведенного исследования определены основные характеристики добавленной стоимости в экономических и налоговых отношениях, исходя из ее сущности. Представлена концептуальная модель экономической безопасности в сфере добавленной стоимости, основанная на взаимосвязи элементов с системой экономической безопасности государства. На основе представленной модели и анализа статистических данных, определены и обозначены угрозы обеспечения экономической безопасности. Предложены показатели мониторинга экономической безопасности в сфере добавленной стоимости с учетом критериев риска.

Добавленная стоимость в системе экономической безопасности государства является одним из ключевых объектов. Меры государственной политики, представляющие собой различные механизмы воздействия на ее создание, формирование и распределение, направлены на обеспечение устойчивого развития экономики. При этом показатели распределения добавленной стоимости в виде налоговых поступлений в бюджет свидетельствуют о наличии угроз ее обеспечения. Представленная концептуальная модель экономической безопасности в сфере добавленной стоимости может быть использована для дальнейших исследований в области экономической безопасности.

Предложенные показатели мониторинга экономической безопасности направлены на предупреждение нарастания угроз и, следовательно, на поддержание экономики государства в состоянии устойчивого развития и могут быть

использованы для оценки рисков в практической деятельности налоговых органов при осуществлении налогового контроля, а также хозяйствующими субъектами при заявлении права на возмещение НДС из бюджета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шатунов М. В. Внутренняя и иностранная добавленная стоимость при экспорте в эпоху глобальных цепочек стоимости: данные из России // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2023. № 9(227). С. 9—23.
2. Шаренко А. Н. Этапы развития экономической категории «добавленная стоимость» // Экономические вопросы развития сельского хозяйства Беларуси. 2022. Вып. 50. С. 284—294.
3. Мальцев А. А. Оценка добавленной стоимости во внешней торговле: современные подходы // Вопросы теоретической экономики. 2024. Т. 22. № 1. С. 48—64. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_48_64.
4. Захарчук Е. А. Взаимосвязь динамики добавленной стоимости базовых и сервисных отраслей в арктических муниципальных образованиях // Экономика региона. 2024. Т. 20. № 2. С. 477—491. DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-9.
5. Юрчик В. И. Применение добавленной стоимости в деятельности предприятия на основе системы национальных счетов // Вестник Брестского государственного технического университета. 2023. № 2(131). С. 185—188. DOI: 10.36773/1818-1112-2023-131-2-185-188.
6. Саяпова А. Р., Широв А. А. Роль глобальных цепочек создания стоимости в формировании динамики российской экономики // Проблемы прогнозирования. 2025. № 3(210). С. 6—21. DOI: 10.47711/0868-6351-210-6-21.
7. Мустафина А. С. Механизм воздействия структурных факторов на экономический рост // Проблемы права и экономики. 2025. № 1(17). С. 31—39. DOI: 10.71050/2305-3348.2025.17.1.005.
8. Косоногова Е. С., Давлатзода Д. А., Дедюхина Н. В., Нефедова И. Д. Концептуальные аспекты развития контрольных механизмов устойчивого развития экономики // International Agricultural Journal. 2023. Т. 66. № 6. С. 2381—2397.
9. Инвестиционные механизмы участия отечественных товаропроизводителей в международных и региональных кооперационных производственно-сбытовых цепочках / Н. В. Артюшевский, Н. В. Карпович, О. А. Азаренко и др. // Экономические вопросы развития сельского хозяйства Беларуси. 2025. Вып. 53. С. 32—49.
10. Бачурин Д. Г. Налог современного капитализма: дилеммы и выборы налогообложения добавленной стоимости : моногр. М. : Контракт, 2018. 269 с.
11. Молодых В. А. Модернизация механизма налогообложения малого бизнеса как условие минимизации масштабов теневой экономики // Естественно-гуманитарные исследования. 2025. № 1(57). С. 307—310.
12. Семенова Г. Н. Влияние косвенных налогов на экономику России // Научные труды Вольного экономического общества России. 2025. Т. 252. С. 105—132.
13. Пугачев А. А. Косвенное налогообложение как государственный механизм сглаживания неравенства потребления россиян // Ars Administrandi (Искусство управления). 2025. Т. 17. № 1. С. 74—92. DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-74-92.
14. Пугачев А. А. Влияние уровня и структуры налогового бремени на неравенство граждан // Финансовый журнал. 2023. Т. 15. № 3. С. 59—77. DOI: 10.31107/2075-1990-2023-3-59-77.
15. Конончук И. А. SWOT-анализ структурного блока налоговой системы Республики Беларусь // Экономика и банки. 2025. № 1. С. 13—32.
16. Крохина Ю. А. Налогообложение цифровой валюты: баланс частных и публичных интересов в условиях санкционного режима // Мониторинг правоприменения. 2022. № 3(44). С. 2—8.
17. Вылкова Е. С. История уклонения от налогообложения // Теневая экономика. 2025. Т. 9. № 1. С. 11—28. DOI: 10.18334/tek.9.1.122576.
18. Качур О. В. Влияние глобализации на налогообложение // Современная экономика: проблемы и решения. 2024. Т. 10. С. 158—169. DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/10/158-169.
19. Дзагоева М. Р. Оценка показателей эффективности налогового контроля НДС в условиях автоматизации налоговых процессов // Вестник академии знаний. 2024. № 4(63). С. 451—454.
20. Митин Д. А. Развитие налогового администрирования в Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Налоги и налогообложение. 2024. № 3. С. 66—96. DOI: 10.7256/2454-065X.2024.3.70812.
21. Минаков А. В., Эриашвили Н. Д. Цифровизация налогового контроля России и ее влияние на экономическую безопасность // Аудиторские ведомости. 2023. № 4. С. 269—276.

REFERENCES

1. Shatunov M. V. Domestic and foreign value added in exports in the era of global value chains: data from Russia. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* = *Vestnik of Samara State University of Economics*. 2023; 9(227):9—23. (In Russ.)
2. Sharenko A. N. Development stages of the value added economic category. *Ekonomicheskie voprosy razvitiya sel'skogo khozyaistva Belarusi* = *Economic issues of agricultural development of Belarus*. 2022;50:284—294. (In Russ.)
3. Maltsev A. Assessment of Value Added in Foreign Trade: Modern Approaches. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki* = *Issues of Economic Theory*. 2024;22(1):48—64. (In Russ.) DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_1_48_64.
4. Zakharchuk E. A. Relationship between the Dynamics of the Value Added of Basic and Service Industries in Arctic Municipalities. *Ekonomika regiona* = *Economy of regions*. 2024;20(2):477—491. (In Russ.) DOI: 10.17059/ekon.reg.2024-2-9.

5. Yurchyk V. I. Application of value added in the activities of an enterprise on the basis of the system of national accounts. *Vestnik Brestskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta = Vestnik of Brest State Technical University*. 2023; 2(131):185—188. (In Russ.) DOI: 10.36773/1818-1112-2023-131-2-185-188
6. Sayapova A. R., Shirov A. A. The Role of Global Value Chains in Shaping the Dynamics of the Russian Economy. *Studies on Russian Economic Development*. 2025;36(3):291—303. DOI: 10.1134/S1075700725700017
7. Mustafina A. S. Mechanism of influence of structural factors on economic growth. *Problemy prava i ekonomiki = Problems of law and economics*. 2025;1(17):31—39. (In Russ.) DOI: 10.71050/2305-3348.2025.17.1.005.
8. Kosonogova E. S., Davlatzoda D. A., Dedyukhina N. V., Nefedova I. D. Conceptual aspects of the development of control mechanisms for sustainable economic development. *International Agricultural Journal*. 2023;66(6):2381—2397. (In Russ.)
9. Artyushevskiy N., Karpovich N., Azarenko O. et al. Investment mechanisms for participation of domestic producers in international and regional cooperative production and distribution chains. *Ekonomicheskie voprosy razvitiya sel'skogo khozyaistva Belarusi = Economic issues of agricultural development of Belarus*. 2025;53:32—49. (In Russ.)
10. Bachurin D. G. The tax of modern capitalism: Dilemmas and choices of value-added taxation. Monograph. Moscow, Kontrakt, 2018. 269 p. (In Russ.)
11. Molodykh V. A. Modernization of the small business taxation mechanism as a condition for minimizing the scale of the shadow economy. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural-Humanitarian Studies*. 2025;1(57):307—310. (In Russ.)
12. Semenova G. N. The impact of indirect taxes on the Russian economy. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2025;252:105—132. (In Russ.)
13. Pugachev A. A. Indirect taxation as a state mechanism for smoothing the inequality of Russia's residents consumption. *Ars Administrandi*. 2025;17(1):74—92. (In Russ.) DOI: 10.17072/2218-9173-2025-1-74-92
14. Pugachev A. A. Impact of the Level and Structure of the Tax Burden on Citizens Inequality. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*. 2023;15(3):59—77. (In Russ.) DOI: 10.31107/2075-1990-2023-3-59-77.
15. Kononchuk I. A. SWOT analysis of the Republic of Belarus tax system structural block. *Ekonomika i banki = Economy and banks*. 2025;1:13—32. (In Russ.)
16. Krokhnina Iu. Digital currency taxation: balancing private and public interests under the sanctions regime. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring of law enforcement*. 2022;3(44):2—8. (In Russ.)
17. Vylkova E. S. History of tax evasion. *Tenevaya ekonomika = Shadow Economy*. 2025;9(1):11—28. (In Russ.) DOI: 10.18334/tek.9.1.122576.
18. Kachur O. V. The impact of globalization on taxation. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern Economics: Problems and Solutions*. 2024;10:158—169. (In Russ.) DOI: 10.17308/meps/2078-9017/2024/10/158-169.
19. Dzagoeva M. R. Assessment of efficiency indicators of vat tax control in the context of automation of tax processes. *Vestnik akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2024;4(63):451—454. (In Russ.)
20. Mitin D. A. Development of tax administration in the Russian Federation in the context of digital transformation. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes & taxation*. 2024;3:66—96. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-065X.2024.3.70812.
21. Minakov A. V., Eriashvili N. D. Digitalization of tax control in Russia and its impact on economic security. *Auditorskie vedomosti = Audit journal*. 2023;4:269—276. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 30.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 30.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

5.1. ПРАВО

5.1. LAW

Научная статья

УДК 347.23

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1510

Natalya Anatolyevna Alekseeva

Doctor of Economics, Professor,
Professor of the Department of Economics
and Organization of the Agro-Industrial Complex,
Udmurt State Agrarian University
Izhevsk, Russian Federation
497477@mail.ru

Наталья Анатольевна Алексеева

д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры экономики
и организации,
Удмуртский государственный аграрный университет
Ижевск, Российская Федерация
497477@mail.ru

Ekaterina Vladimirovna Markovina

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics
and Organization of the Agro-Industrial Complex,
Udmurt State Agrarian University
Izhevsk, Russian Federation
ekdekanat@mail.ru

Екатерина Владимировна Марковина

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры экономики
и организации,
Удмуртский государственный аграрный университет
Ижевск, Российская Федерация
ekdekanat@mail.ru

Nadezhda Borisovna Pimenova

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economics
and Organization of the Agro-Industrial Complex,
Udmurt State Agrarian University
Izhevsk, Russian Federation
79043110077@yandex.ru

Надежда Борисовна Пименова

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры экономики
и организации,
Удмуртский государственный аграрный университет
Ижевск, Российская Федерация
79043110077@yandex.ru

Svetlana Alikovna Doronina

Senior Lecturer of the Department of Economics
and Organization of the Agro-Industrial Complex,
Udmurt State Agrarian University
Izhevsk, Russian Federation
dorx@yandex.ru

Светлана Аликовна Доронина

старший преподаватель кафедры экономики
и организации,
Удмуртский государственный аграрный университет
Ижевск, Российская Федерация
dorx@yandex.ru

Amir Bulatovich Akhmetzyanov

4th year student of the Law Faculty,
field of training
40.03.01 — Economic law,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
AMInfoRights@gmail.com

Амир Булатович Ахметзянов

студент 4-го курса юридического факультета,
направление подготовки
40.03.01 — Экономическое право,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
AMInfoRights@gmail.com

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СУДЕБНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. Актуальность темы обусловлена недостаточной разработанностью системных правовых понятий судебной политики в современной России периода санкционного давления, тотальной цифровизации и целевой ориентации на технологическое лидерство, что препятствует формированию единой концепции развития судебной системы и адекватному реагированию на современные вызовы, включая защиту прав на результаты интеллектуальной деятельности

сти. Цель исследования состоит в разработке теоретических основ формирования и эволюции судебной политики в Российской Федерации с учетом особенностей сферы интеллектуальной деятельности, а также в определении механизмов создания сбалансированной и действенной судебной правовой системы в данной области. В рамках решения задач исследования проведен анализ современных теоретических концепций и практических подходов, существующих в сфере

судебно-правовой политики и интеллектуальной деятельности, выявлены актуальные проблемы и ограничения, а также сформулированы рабочее определение судебно-правовой политики, ее цель, направления, задачи, механизмы и специфика развития в условиях достижения технологического суверенитета.

Рассмотрено состояние рынка интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Представлен анализ динамики патентной активности, свидетельствующий о замедлении выдачи патентов, наряду с ростом использования объектов интеллектуальной собственности и увеличением числа распоряжений исключительными правами. Перечислены основные элементы судебно-правовой политики: определение, цель, задачи, направления, механизмы реализации. Предложена концепция усиления правовой защиты интеллектуальной собственности как механизма

поддержания технологического суверенитета и конкурентоспособности экономики, что особенно важно в контексте международных санкций и необходимости повышения эффективности судебной системы. Теоретическая важность исследования заключается в уточнении содержания ключевых понятий судебно-правовой политики в контексте достижения технологического суверенитета. Практическая ценность работы обусловлена возможностью применять разработанные конструкции для корректировки и совершенствования судебно-правовой политики в области интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: судебно-правовая политика, технологический суверенитет, интеллектуальная собственность, организационно-правовой механизм, институт защиты прав, патент, судебный корпус, авторское право, товарный знак, изобретение

Для цитирования: Алексеева Н. А., Марковина Е. В., Пименова Н. Б., Доронина С. А., Ахметзянов А. Б. Совершенствование судебно-правовой политики в контексте защиты интеллектуальной собственности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 177—182. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1510.

Original article

IMPROVEMENT OF JUDICIAL AND LEGAL POLICY IN THE CONTEXT OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. The relevance of the topic is due to the insufficient development of systemic legal concepts of judicial policy in modern Russia during the period of sanctions pressure, total digitalization and targeted focus on technological leadership, which impedes the formation of a unified concept for the development of the judicial system and an adequate response to modern challenges, including the protection of rights to the results of intellectual activity. The purpose of the study is to develop the theoretical foundations for the formation and evolution of judicial and legal policy in the Russian Federation, taking into account the peculiarities of the sphere of intellectual activity, as well as to determine the mechanisms for creating a balanced and effective judicial and legal system in this area. As part of the research task, an analysis of modern theoretical concepts and practical approaches existing in the field of judicial and legal policy and intellectual activity was carried out, topical problems and restrictions were identified, and a working definition of judicial and legal policy, its purpose, directions, tasks, mechanisms and specifics of development in conditions of achieving technological sovereignty was formulated.

The article discusses the state of the intellectual property market in the Russian Federation. An analysis of the dynamics of patent activity is presented, indicating a slowdown in the issuance of patents, along with an increase in the use of intellectual property objects and an increase in the number of orders with exclusive rights. The main elements of judicial and legal policy are listed: definition, purpose, tasks, directions, implementation mechanisms. The concept of strengthening the legal protection of intellectual property as a mechanism for maintaining technological sovereignty and competitiveness of the economy is proposed, which is especially important in the context of international sanctions and the need to increase the efficacy of the judicial system. The theoretical importance of the study lies in clarifying the content of key concepts of judicial and legal policy in the context of achieving technological sovereignty. The practical value of the work is due to the ability to apply the developed structures to adjust and improve the judicial and legal policy in the field of intellectual activity.

Keywords: judicial and legal policy, technological sovereignty, intellectual property, organizational and legal mechanism, institution of protection of rights, patent, judicial corps, copyright, trademark, invention

For citation: Alekseeva N. A., Markovina E. V., Pimenova N. B., Doronina S. A., Akhmetzyanov A. B. Improvement of judicial and legal policy in the context of intellectual property protection. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):177—182. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1510.

Введение

Актуальность. Судебно-правовая политика в России занимает важное место в формировании системы правового регулирования и судебной практики, поскольку способствует обеспечению справедливости и правового порядка в разрешении общественных противоречий. Теоретические основы судебно-правовой политики представлены самыми общими определениями, из которых следует, что в современной обстановке судейское сообщество и его научная составляющая недостаточно активно разраба-

тывают системные правовые понятия по структуре, направлениям и механизмам судебной политики, что затрудняет формирование единой концепции развития судебной системы и эффективное реагирование на современные вызовы правоприменения. Одним из вызовов достижению такой сбалансированной судебно-правовой политики является защита прав на результаты интеллектуальной деятельности в условиях санкционного давления на Россию. Таким образом, актуальны для исследования проблемы, направления и механизмы совершенствования судебной политики,

связанные с обеспечением технологического суверенитета страны через защиту прав на объекты интеллектуальной собственности (далее — ИС). Особенно актуальна реализация сбалансированной государственной судебно-правовой политики и судебно-правовые оценки в цифровую эпоху.

Изученность проблемы. Об общности определенных судебно-правовой политики свидетельствуют разработки, например, А. А. Воронова и Е. С. Шукаевой, которые под политикой в любой сфере понимают «научно обоснованную, последовательную и комплексную деятельность государственных и негосударственных субъектов по выстраиванию полноценной системы и повышению эффективности ее основной целевой функции» [1, с. 188]. Х. С. Сафарбекзода под судебно-правовой политикой понимает разновидность правовой политики, классифицированной на основании принципа разделения властей [2]. По мнению А. В. Малько и С. Ф. Афанасьева, «правовая политика нацелена на выстраивание стратегии правового регулирования в различных сферах жизнедеятельности общества... с помощью разных средств и форм, одной из которых выступает доктринальный документ» [3, с. 51]. А. В. Макарова отметила, что официальная доктрина судебно-правовой политики строится на понимании суда как сложной коммуникационной системы, трансформируемой через социальную инженерию и управляемую с опорой на современные технологии и научно-обоснованные методы [4]. По Н. А. Колоколову, судебная система — это «аппарат судебной власти. Становление судебно-властных отношений заключается в определении... места и роли суда в механизме конкретного государства» [5, с. 179].

Отдельно от тематики судебно-правовой политики рассмотрены основные понятия интеллектуальной деятельности, характеризующие ее стратегическое значение для экономического выживания страны. Так, И. А. Арташина и А. В. Храмова с соавторами отметили, если технологический суверенитет как понятие имел второстепенное значение в содержании правовых актов еще несколько лет назад, то сейчас он рассматривается как способность к созданию и применению критически важных, наукоемких технологий, обеспечивающих конкурентоспособность экономики, экономическую безопасность государства [6; 7]. Т. М. Дерендяева и И. С. Сорокин определили ИС как результаты интеллектуальной деятельности — изобретения, инновации, научные разработки, обладающие экономической и социальной ценностью, требующие правовой охраны для эффективного использования и коммерциализации [8]. А. А. Григорян охарактеризовал правовую сущность основных категорий ИС: авторского права, товарного знака, патента и коммерческой тайны [9]. М. А. Ахмадова считает ИС «стратегическим ресурсом государства и возможным стимулирующим способом преодоления кризиса» [10, с. 60]. О. Н. Зотикова с соавторами и А. В. Заблова считают институт защиты ИС является одним из структурных элементов правового механизма обеспечения технологического суверенитета России [11; 12]. По оценкам М. А. Ахмадовой, ИС является ключевым фактором конкурентоспособности и развития экономики. Доля ИС в мировой экономике составляет 15 %, к 2030 г. может составить 30 %. Добавленная стоимость в среднем в год прирастает быстрее, чем растут рынки материальных ресурсов [10]. В. А. Безуглая и С. Ф. Куган оценили рост рынка оценки ИС в среднем на 8,4 % в год с 2025 по 2033 г., что объясняется повышением осведомленности о правах ИС и необходимостью точной оценки нематериальных активов. Более

80 % стоимости компаний сейчас формируется именно за счет нематериальных активов, таких как патенты, товарные знаки и авторские права [13]. В России, наоборот, за последние три года, по данным Росстата, выдача патентов на изобретения замедлилась — с 23 315 в 2022 г. до 21 608 в 2024 г. Наибольшее число патентов в год было выдано в 2015 г. — 34 706.

Целесообразность разработки темы. В условиях, когда информационные технологии стремительно трансформируют структуру и функции общественных институтов, возникают новые явления в социальной практике, официальная доктрина судебной политики должна быть более тесно связана с обеспечением технологического суверенитета страны через защиту прав на объекты ИС. Это требует конкретизации позиционирования судебно-правовой политики и результатов интеллектуальной деятельности как рычагов управления, которая имеет теоретическую и практическую значимость.

Цель исследования заключается в разработке теоретических основ формирования и трансформации судебно-правовой политики в России с учетом особенностей сферы интеллектуальной деятельности, а также выявление механизмов создания сбалансированной и эффективной судебно-правовой системы в данной сфере. **Задачами исследования** являются анализ существующих теоретических подходов в сфере судебно-правовой политике и практик в интеллектуальной деятельности, выявление проблем и ограничений, формулирование рабочего понятия судебно-правовой политики, ее целей, направлений, задач, механизмов и специфики развития в период достижения технологического суверенитета.

Научная новизна исследования заключается в применении комплексного и сбалансированного подхода в формулировании нового содержания основных элементов судебно-правовой политики, обусловленного появлением новой функции защиты объектов ИС в условиях цифровой трансформации. Конкретизация содержания основных элементов судебной правовой политики как правовых понятий и специфики их реализации, соответствующей направленности современных социальных трансформаций, вносят значительный вклад в развитие теории судебно-правовой политики.

Теоретическая значимость исследования состоит в уточнении содержания базовых понятий судебно-правовой политики в контексте ее роли в достижении технологического суверенитета страны. Предложенные уточнения определения судебно-правовой политики, ее цели, направлений, механизмов развития обогащают теоретическую базу исследования, открывают новые перспективы для направлений анализа эффективности мер правового регулирования в сфере интеллектуальной деятельности.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования предложенных теоретических конструктов для корректировки судебно-правовой политики в сфере интеллектуальной деятельности. Развитие залогового механизма использования интеллектуальных прав, расширение круга объектов ИС, охраняемых в рамках евразийской патентной системы, развитие более технологичных средств защиты прав, территориальное развитие системы специализированных судов по интеллектуальным правам открывают новые перспективы для ускоренного внедрения результатов интеллектуальной деятельности и получения экономического эффекта.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Для комплексного понимания трансформаций судебно-правовой политики и необходимости усиления правовой защиты объектов ИС использованы методы анализа и синтеза правовых конструкций, научного абстрагирования, диалектический подход, метод сравнения, экономико-статистический метод, которые обосновали взаимообусловленность и развитие социальных процессов в области правового регулирования ИС в цифровой среде, что способствовало выработке эффективных рекомендаций по совершенствованию судебно-правовой политики.

Результаты и обсуждение исследования. Выдвинута основная гипотеза исследования, заключающаяся в представлении, что единство концепции развития судебно-правовой политики придает органичное сочетание основных элементов консервативной, либерально-реформаторской и социально-ориентированной доктрин, которые доминируют в разные исторические периоды в зависимости от внутренних и внешних условий и целевых установок. Соответственно, основные элементы консервативной доктрины (поддержание традиционных правовых норм и институтов для сохранения порядка и законности, укрепление независимости судов), либерально-реформаторской доктрины (обновление и совершенствование судебных процедур, повышение прозрачности, результативности, эффективности, доступности их для населения, расширение гарантий прав человека), социально-ориентированной доктрины (достижение справедливого правосудия для всех слоев населения, обеспечение защиты социально уязвимых групп и баланса интересов общества и государства) должны приобрести новый функционал инструментов защиты ИС в условиях массового использования современных цифровых технологических решений.

В результате сформулировано определение судебно-правовой политики как комплекса мер по укреплению правового государства и его технологического суверенитета, правосудия, защиты прав и свобод граждан с фокусом на роль суда как одного из органов государственной власти, достигаемых посредством обеспечения единства и эффективности судебной власти, судебной системы и правоприменительной практики в области интеллектуальной деятельности.

Основная цель судебно-правовой политики — создание эффективной, справедливой и доступной судебной системы, которая обеспечивает реализацию конституционных принципов законности и правопорядка, а также гарантирует защиту прав и свобод личности, в т. ч. в сфере ИС. Это важный инструмент укрепления доверия общества к правовой системе, поддержания стабильности в обществе, повышения экономической безопасности государства.

Основными направлениями судебно-правовой политики являются: развитие и модернизация судебной системы; повышение качества, оперативности и доступности правосудия; обеспечение независимости судей и усиление гарантий их деятельности; внедрение современных технологий и цифровизация судопроизводства; совершенствование законодательства в области правосудия; повышение профессионализма в судебно-правовой оценке ИС и этических стандартов судей и работников судебной системы.

В задачи судебно-правовой политики входит: формирование эффективной организационной структуры судов; обеспечение материально-технической базы судов; раз-

витие механизмов защиты прав участников судебного процесса с использованием новейших технологических средств; укрепление взаимодействия судебной власти с другими ветвями государственной власти; повышение доверия общества к судебной системе; интернационализация и гармонизация национального судопроизводства с международными стандартами.

Основные организационно-правовые механизмы реализации судебно-правовой политики таковы: законодательные инициативы и реформы; программы обучения и повышения квалификации судей; инвестиции в информационные системы и техническое оснащение; мониторинг и оценка эффективности судебной деятельности; обратная связь с населением и общественными организациями.

Специфика судебно-правовой политики в период достижения технологического лидерства должна заключаться в придании всем ее элементам целевой направленности на защиту ИС и развитие высокотехнологичных производств, критически важных для достижения устойчивости экономики на долгосрочную перспективу, независимости от внешних факторов, стратегической безопасности и конкурентоспособности.

Основными элементами системы, образующими эффективный правовой каркас для технологического суверенитета, являются:

- институт защиты ИС — один из фундаментальных элементов, обеспечивающих правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности технологической направленности;
- федеральные органы исполнительной власти, разрабатывающие и реализующие программы и документы стратегического планирования, основанные на Концепции технологического развития до 2030 г.;
- организации, предоставляющие услуги по правовой охране и защите ИС, включая учреждения высшего образования, научные организации и центры трансфера технологий, способствующие коммерциализации и внедрению результатов инновационной деятельности;
- законодательные акты, в частности Федеральный закон от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации», регулирующий отношения между субъектами технологической политики.

Залог исключительных прав — это механизм, позволяющий использовать объекты ИС в качестве обеспечения кредита. Несмотря на критику (возможная блокировка оборота прав), залог не ограничивает использование прав и дает возможность распоряжаться ими через лицензии. Серьезным препятствием, снижающим привлекательность данного механизма для предпринимателей, является необходимость регистрации залога исключительного права в Росреестре для придания юридической силы залогоу. Отсутствие регистрации делает залог несостоявшимся по Гражданскому кодексу РФ (п. 6 ст. 1232). К тому же требование регистрации распространилось на программы для ЭВМ и базы данных, по общему правилу охраняемые и без такой регистрации, что является правовой нестыковкой. Также отсутствует правовой механизм, позволяющий эффективно обращать взыскание на исключительные права на должника.

Развитию залогового механизма должна способствовать конкретизация алгоритмов оценки интеллектуальной стоимости как экономического актива в федеральных

стандартах оценки, упрощающая оценку стоимости ИС, способствующая развитию соответствующей инфраструктуры оценки, повышающая доверие банков и инвесторов к результатам оценки.

Расширение круга объектов ИС, охраняемых в рамках евразийской патентной системы, имеет большой потенциал и является мерой, крайне востребованной в предпринимательской сфере. Необходимо решать проблемы территориальной привязанности предоставления правовой охраны таким объектам — расширять региональную сеть служб.

В. Н. Пахомов, Т. М. Дерендяева и И. С. Сорокин предложили развитие новых, более технологичных средств защиты прав:

- разработка единых международных стандартов цифровой идентификации объектов ИС, развитие систем автоматического распознавания контента на цифровых платформах, обязывание владельцев цифровых платформ предотвращать размещение нелегального контента или его «монетизировать»; риски в использовании такого способа защиты — возможные «ложные» срабатывания защитных мер, обвинения в преднамеренной цензуре;
- использование блокчейн-технологий для создания уникальных цифровых сертификатов подлинности и принадлежности произведений, автоматизации расчетов и выплаты роялти; в этой части необходимо «на законодательном уровне утвердить понятия, связанные с технологией блокчейн, например, распределенный реестр и токен»;
- формирование «цифровой культуры ответственности», где соблюдение авторского права становится социальной нормой и др. [8, с. 156];
- пользовательские соглашения, предоставляющие пользователям право на использование ИС исключительно в личных некоммерческих целях путем просмотра и воспроизведения на условиях простой неисключительной лицензии;
- процедуры электронного депонирования в блокчейн-инфраструктуру управления интеллектуальными правами [14].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воронов А. А., Шукаева Е. С. Концептуальные ориентиры правоохранительной и правозащитной политики в России: диссертационный анализ // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2023. № 2. С. 187—193.
2. Сафарбекзода Х. С. Виды и формы реализации правовой политики // Endless Light in Science. 2024. № 2. С. 94—101.
3. Малько А. В., Афанасьев С. Ф. Проект концепции российской правовой политики в сфере электронного правосудия как доктринальный документ // Государство и право. 2020. № 11. С. 49—57. DOI: 10.31857/S102694520012526-9.
4. Макарова А. В. Социально-инженерный подход к организации деятельности суда // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 271—275. DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-271-275.
5. Колоколов Н. А. Принципы организации судопроизводства: причины перманентной конкуренции рационального с иррациональным // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 177—193.
6. Арташина И. А. К вопросу о защите интеллектуальной собственности для обеспечения технологического суверенитета РФ // Научный вестник Крыма. 2025. № 2(55). URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1273> (дата обращения: 29.10.2025).
7. Храмова А. В., Мяслина Н. Ж., Болдырева Т. В. Интеллектуальная собственность в обеспечении технологического суверенитета в электронной промышленности РФ // Вестник Академии. 2023. № 1. С. 115—123. DOI: 10.51409/v.a.2023.03.01.012.
8. Дерендяева Т. М., Сорокин И. С. Перспективы применения цифровых технологий в сфере управления интеллектуальной собственностью и ее правовой защиты // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 4(78). С. 150—157.
9. Григорян А. А. Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в условиях цифровизации: от цифровых прав до объектов искусственного интеллекта // Архонт. 2025. № 3(54). С. 88—91.
10. Ахмадова М. А. Правовое регулирование в сфере интеллектуальной собственности как фактор роста или сдерживания развития технологического предпринимательства // Право и политика. 2024. № 12. С. 48—64. DOI: 10.7256/2454-0706.2024.12.71781.

Необходимо создание системы специализированных судов по интеллектуальным правам на всей территории государства, а разграничение подсудности специализированных судов и иных судов, установление закрытого перечня рассматриваемых дел судами по интеллектуальным правам, введение обязательного повышения квалификации судей по конкретным направлениям защиты интеллектуальных прав [15, с. 71].

Важно постоянно держать население в курсе новых разновидностей преступлений, совершаемых в сфере высоких технологий, повышать уровень цифровой компетентности.

Выводы

Предложенные понятия судебно-правовой политики, ее цели, направлений и механизмов развития, содержательно раскрытые, отражают стратегический подход государства к организации судебной власти, включая установление новых правовых норм, лучше отражающих цифровую специфику социальных явлений, обеспечение специализации судов на всей территории страны, повышение эффективности судейского корпуса, ускорение протекания судебных процедур и развитие институтов правосудия.

Только комплексный и сбалансированный подход, заключающийся в синтезе концептуальных подходов, эффективного правосудия, защиты прав человека и укрепления государственности, может обеспечить устойчивую защиту ИС в условиях глобальных изменений.

В защите ИС большое значение имеет проактивная деятельность судов, адаптированная к цифровой эпохе и выражающаяся в своевременной подготовке обобщающей правоприменительной практики. Какие бы трансформации в судебно-правовой политике не происходили, судебная власть обязана вызывать доверие у непосредственных участников конкретных судебных процессов и общества в целом. Это повышает легитимность публичной власти, эффективное функционирование судебной системы и всей экономики.

11. Зотикова О. Н., Ливакина С. П., Гончаров Н. А. Объекты интеллектуальной деятельности в условиях экономико-технологического суверенитета // Известия высших учебных заведений. Технология текстильной промышленности. 2024. № 3(411). С. 83—90.
12. Зяблова А. В. Способы защиты интеллектуальных прав в современном гражданском обороте // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 6-1. С. 188—197.
13. Безуглая В. А., Куган С. Ф. Блокчейн как инструмент трансформации процесса оценки объектов интеллектуальной собственности // Цифровая трансформация. 2025. Т. 31. № 2. С. 69—76. DOI: 10.35596/1729-7648-2025-31-2-69-76.
14. Пахомов В. Н. Блокчейн как технологическое средство обеспечения авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности // Право и политика. 2025. № 3. С. 90—99. DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.71379.
15. Захарова Е. И. Проблемы и особенности работы Суда по интеллектуальным правам в Российской Федерации // Эпомен. 2022. № 70. С. 65—71.

REFERENCES

1. Voronov A. A., Shukaeva E. S. Conceptual principles of law enforcement and human rights policy in Russia: thesis analysis. *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii = Proceedings of Voronezh Institute of the Russian Federal Penitentiary Service*. 2023;2:187—193. (In Russ.)
2. Safarbekzoda H. S. Types and forms of implementation of legal policy. *Endless Light in Science*. 2024;2:94—101. (In Russ.) DOI: 10.24412/2709-1201-2024-3111-94-101.
3. Mal'ko A. V., Afanasev S. F. Draft Concept of Russian legal policy in the field of electronic justice as a doctrinal document. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2020;11:49—57. (In Russ.) DOI: 10.31857/S102694520012526-9.
4. Makarova A. V. Social engineering approach to the organization of the courts. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2021;3:271—275. (In Russ.) DOI: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-271-275.
5. Kolokolov N. A. Principles of the organization of legal proceedings: the reasons for the permanent competition of the rational with the irrational. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical techniques*. 2020;14:177—193. (In Russ.)
6. Artashina I. A. On the issue of the protection of intellectual property to ensure the technological sovereignty of the Russian Federation. *Nauchnyi vestnik Kryma = Scientific bulletin of Crimea*. 2025;2(55). (In Russ.) URL: <https://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK/article/view/1273> (accessed: 29.10.2025).
7. Khamrova A. V., Myavlina N. Zh., Boldyreva T. V. Intellectual property in ensuring technological sovereignty in the electronic industry of the Russian Federation. *Vestnik akademii*. 2023;1:115—123. (In Russ.) DOI: 10.51409/v.a.2023.03.01.012.
8. Derendyaeva T. M., Sorokin I. S. Prospects for the use of digital technologies in the field of management and legal protection of intellectual property. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia*. 2024;4(78):150—157. (In Russ.)
9. Grigoryan A. A. Legal mechanisms for the protection of intellectual property in the context of digitalization: from digital rights to artificial intelligence objects. *Arkhot*. 2025;3(54):88—91. (In Russ.)
10. Akhmadova M. A. Legal regulation in the field of intellectual property as a factor in the growth or inhibition of the development of technological entrepreneurship. *Pravo i politika = Law and politics*. 2024;12:48—64. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0706.2024.12.71781.
11. Zotikova O. N., Livadina S. P., Goncharov N. A. Objects of intellectual activity in conditions of economic and technological sovereignty. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Tekhnologiya tekstil'noi promyshlennosti = Proceedings of higher education institutions. Textile industry technology*. 2024;3(411):83—90. (In Russ.)
12. Zyablova A. V. Methods of intellectual rights protection in modern civil turnover. *Gumanitarnyi nauchnyi zhurnal*. 2025; 6-1:188—197. (In Russ.)
13. Bezuglaya V. A., Kugan S. F. Blockchain as a Tool for Transforming the Process of Assessing Intellectual Property Objects. *Tsifrovaya transformatsiya = Digital Transformation*. 2025;31(2):69—76. (In Russ.) DOI: 10.35596/1729-7648-2025-31-2-69-76.
14. Pakhomov V. N. Blockchain as a technological means of ensuring copyright protection of the results of intellectual activity. *Pravo i politika = Law and politics*. 2025;3:90—99. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0706.2025.3.71379.
15. Zakharova Ye. I. Problems and features of the work of the intellectual property rights court in the Russian Federation. *Epomen*. 2022;70:65—71. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.11.2025; одобрена после рецензирования 27.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.
The article was submitted 30.11.2025; approved after reviewing 27.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья**УДК 343.985.2****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1527****Larisa Petrovna Klimovich**

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Procedure
and Criminalistics,
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation
lklimovich@sfu-kras.ru

Stanislav Alekseevich Chubar

Technical Support Specialist
of the Office for IC:Enterprise
Software System Maintenance,
Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation
schubar@sfu-kras.ru

Лариса Петровна Климович

д-р юрид. наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
и криминалистики,
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Российская Федерация
lklimovich@sfu-kras.ru

Станислав Алексеевич Чубарь

специалист технической поддержки
офиса сопровождения
системы программ «IC:Предприятие»,
Сибирский федеральный университет
Красноярск, Российская Федерация
schubar@sfu-kras.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ КОМПЬЮТЕРНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ БАЗ «IC:ПРЕДПРИЯТИЕ»

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. Цель представленного в настоящей статье исследования — на основе анализа судебной практики и существующих научных и методических подходов систематизировать типовые задачи судебной компьютерно-технической экспертизы информационных массивов данных, формируемых в различных программах на базе платформы автоматизации бизнес-процессов «IC». Актуальность исследования обусловлена растущим числом судебных разбирательств, связанных с финансово-хозяйственной деятельностью организаций, где информационные базы «IC» выступают ключевым источником доказательств. Предметом исследования выступает специфика СКТЭ прикладных конфигураций «IC», рассматриваемая в двуедином аспекте: как комплекс типовых экспертных задач, обусловленных архитектурно-функциональными особенностями платформы, и как система методических требований к исследованию цифровых следов в данной среде. Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, формализация), а также сравнительно-правовой и технико-криминалистический методы. Результатом исследования является систематизация типовых задач СКТЭ информационных баз «IC»: установление наличия (или отсутствия) фактов внесения изменений в базу данных «задним числом», установление хронологической последовательности операций, обнаружение наличия (или отсутствия) удаленных или модифицированных записей, анализ прав доступа пользователей, оценка

доброкачественности программного кода, использованного для формирования в программе учетных записей. На основе анализа судебной практики приведены примеры типичных экспертных ситуаций (дублирование записей, несанкционированные корректировки, признаки имитации хозяйственной деятельности) и дана оценка доказательственного значения результатов экспертного исследования СКТЭ.

Теоретическая значимость исследования состоит в предложенной систематизации экспертных задач СКТЭ информационных баз данных «IC», формирующей основу для последующих разработок в области методического обеспечения СКТЭ. Практическая значимость состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы как справочная информация для следователей при формулировании вопросов на экспертизу, как методические рекомендации для судебных экспертов экспертной специальности «Исследование компьютерной информации» при выборе корректных алгоритмов исследования информационных баз «IC» в зависимости от экспертной задачи.

Ключевые слова: судебная компьютерно-техническая экспертиза / СКТЭ, «IC:Предприятие», анализ конфигураций «IC», цифровая криминалистика, доказательственное значение выводов экспертизы, классификация СКТЭ, объекты экспертного исследования СКТЭ, методы судебно-экспертного исследования, направления совершенствования практики назначения и производства СКТЭ

Для цитирования: Климович Л. П., Чубарь С. А. Актуальные вопросы судебной компьютерно-технической экспертизы информационных баз «IC:Предприятие» // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 183—192. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1527.

Original article

TOPICAL ISSUES OF FORENSIC COMPUTER-TECHNICAL EXPERTISE
OF 1C:ENTERPRISE INFORMATION DATABASES

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. *The purpose of this scientific article is to systematize the typical tasks of forensic computer-technical expertise (FCTE) of data arrays generated within various programs based on the 1C business process automation platform. This systematization is based on an analysis of judicial practice and existing scientific and methodological approaches. The relevance of the study is determined by the growing number of legal proceedings related to the financial and economic activities of organizations, where 1C information databases serve as a key source of evidence. The subject of the study is the specifics of FCTE applied to 1C configurations, considered in a dual aspect: as a set of typical expert tasks determined by the architectural and functional features of the platform, and as a system of methodological requirements for the investigation of digital traces in this environment. The methodological basis consists of general scientific methods (analysis, synthesis, formalization), as well as comparative legal and technical-forensic methods. The result of the study is a systematization of typical FCTE tasks for 1C information databases: establishing the presence (or absence) of backdated changes to the database, establishing the chronological sequence of operations, detecting the presence (or absence) of deleted or modified records, analyzing user access rights,*

assessing the integrity of the program code used for generating accounting entries within the program. Based on an analysis of judicial practice, examples of typical forensic algorithms (duplicate entries, unauthorized adjustments, signs of simulated economic activity) are provided, and the evidentiary value of the results of an FCTE investigation is assessed.

The theoretical significance of the study lies in the proposed systematization of FCTE tasks for 1C databases, which forms a basis for subsequent developments in the field of methodological support for FCTE. The practical significance consists in the fact that the obtained results can be used as reference information for investigators when formulating questions for examination, and as methodological guidelines for forensic experts of the expert specialty “Computer information research” for selecting correct investigation algorithms for 1C information databases depending on the specific expert task.

Keywords: *forensic computer-technical expertise / FCTE, 1C:Enterprise, analysis of 1C configurations, digital forensics, evidentiary value of expert conclusions, classification of FCTE, objects of FCTE expert examination, methods of forensic expert examination, directions for improving the practice of appointing and conducting FCTE*

For citation: Klimovich L. P., Chubar S. A. Topical issues of forensic computer-technical expertise of 1C:Enterprise information databases. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):183—192. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1527.

Введение

В условиях цифровой трансформации экономики автоматизированные информационные системы бухгалтерского учета становятся не только инструментами ведения бизнеса, но и важнейшими источниками доказательственной базы в расследовании уголовных дел, в установлении объективной истины при рассмотрении арбитражных дел. Среди программных решений, получивших широкое распространение в России, особое место занимает «1С:Предприятие». «1С» используется в подавляющем большинстве организаций различных форм собственности и масштабов деятельности.

Актуальность выбранной темы исследования подтверждается научными дискуссиями. Так, В. Ф. Васюков акцентирует внимание на том, что в современном обществе в условиях интенсивно развивающихся коммуникационных технологий пользователи цифровых сетей хранят целые массивы информации о личной жизни, трудовой деятельности, совершают различного рода операции с денежными средствами [1]. В этих условиях использование судебно-экспертных знаний в сфере информационных и коммуникационных технологий становится необходимостью при расследовании преступлений, которые совершались посредством использования электронных ресурсов и аппаратных средств. Согласно статистике МВД России (<https://мвд.рф/reports/item/75687768/>) в январе—ноябре 2025 г. было зарегистрировано на 10,8 % меньше преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, чем за ана-

логичный период 2024 г. При этом по некоторым видам таких преступлений существенно снизилась их раскрываемость при росте количества зарегистрированных преступлений. Так, за анализируемый период зарегистрировано мошенничеств в сфере компьютерной информации [ст. 159.6 Уголовного кодекса (далее — УК) РФ] на 3,5 % больше (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), вместе с тем раскрываемость таких преступлений снизилась на 27,3 %, что может быть обусловлено недостаточно нарабатанной практикой расследования уголовных дел о таких преступлениях. Учитывая, что способ совершения такого преступления (ст. 159.6 УК РФ) всегда связан с искажением компьютерной информации путем ее ввода, удаления, блокирования, модификации либо иным вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, результаты судебной компьютерно-технической экспертизы (далее — СКТЭ) становятся важнейшим доказательством объективной стороны состава преступления. В этой связи вполне обоснованно утверждение о том, что повышение качества методического обеспечения СКТЭ, уровня профессиональной подготовленности судебных экспертов к решению сложнейших задач, обусловленных задачами расследования дел по данной категории преступлений, являются актуальными проблемами, требующими разрешения.

СКТЭ представляет собой самостоятельный род судебных экспертиз, относящийся к классу инженерно-технических исследований, проводимых в целях определения статуса объекта как компьютерного средства, установления

его роли в расследуемом деле, а также получения доступа к информации на электронных носителях с ее последующим всесторонним исследованием. В условиях стремительной цифровизации общественных отношений и активного использования этих процессов в противоправных целях трансформируются потребности судопроизводства в применении различных форм специальных знаний, в т. ч. посредством изучения цифровой информации на различных материальных носителях (накопителях на жестких магнитных дисках, флеш-картах, оптических носителях) и в облачных средах. И именно СКТЭ выступает одним из ключевых инструментов для установления наличия (или отсутствия) признаков и способов искажения компьютерной информации.

Изученность проблемы. Теоретико-методологический фундамент СКТЭ, заложенный в работах Е. Р. Россинской и А. И. Усова [2; 3], активно дискутируется и совершенствуется в работах исследователей, отражая эволюцию ее развития в условиях цифровизации. Анализ ключевых публикаций позволяет выявить основные векторы научной мысли, актуальные для разработки и совершенствования методик экспертного исследования сложных программно-информационных систем, таких как «1С:Предприятие».

Так, В. В. Ботвина и А. В. Караваева, рассматривая принципы современной СКТЭ, обращают особое внимание на то, что наряду с соблюдением базовых принципов судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, закрепленных в ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», ввиду специфики объекта исследования «важнейшим для СКТЭ является принцип неизменности цифрового доказательства. Он означает, что информация на представленном на исследование носителе данных не должна быть изменена или, тем более, уничтожена» [4, с. 144].

Новые перспективные направления развития СКТЭ в условиях цифровой трансформации судебной экспертной деятельности раскрывают Г. Г. Омелянюк и А. И. Усов. Они отмечают, что широкое использование информационных технологий в современном обществе, а соответственно, и в преступной деятельности, обуславливает актуальность развития специальных направлений криминалистики [5, с. 247—248]. О. М. Крижановская сквозь призму проблемных вопросов, связанных с неопределенностью в вопросах классификации СКТЭ, определения статуса объекта и предмета экспертного исследования, предлагает перспективные направления совершенствования экспертной практики СКТЭ [6].

В исследовании Д. В. Завьяловой [7] дан системный анализ современного состояния СКТЭ, обобщена ее практика за 2017—2019 гг. и выделены следующие тенденции: преобладающее назначение таких экспертиз при расследовании уголовных дел экономической направленности, типичность объектов (мобильные устройства, ноутбуки) и запросов на восстановление пользовательских данных. Важным для данного исследования является вывод автора о комплексном характере таких экспертиз (требующих знаний по другим экспертным специальностям) и прогноз роста нагрузки в связи с появлением новых объектов, включая системы корпоративного учета, что актуализирует необходимость совершенствования специализированных методик для работы с базами «1С».

Особое внимание проблемам организации и качеству производимых СКТЭ уделяет профессор Е. Р. Россинская [8], отмечая доминирующую роль этой экспертизы и комплексный характер проводимых исследований в силу многообразия решаемых экспертных задач, требующих исследования цифровых следов. Ученая критикует недостаточную ИТ-подготовку следователей и отсутствие единых стандартов для экспертов, подчеркивая ключевую роль специалиста на этапе работы с цифровыми следами и подготовки к назначению экспертизы. Эти выводы имеют прямое отношение к СКТЭ систем «1С», где корректное извлечение и анализ цифровых следов бухгалтерских операций требуют особой компетенции. Работа Е. Р. Россинской [8] обозначает методологический вектор — развитие частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, в рамках которой надлежит разрабатывать, в т. ч. методическое обеспечение СКТЭ корпоративных систем.

Основы внутриродовой классификации и алгоритмизации процесса исследования в СКТЭ заложены в работах Е. Р. Россинской и А. И. Усова [2; 3] и получили свое развитие в трудах других авторов. Так, А. Р. Сысенко, И. С. Смирнова, С. Е. Тимошенко [9], обобщив подходы к такой классификации, пришли к выводу об отсутствии единого мнения, что обусловлено появлением новых объектов исследования такой экспертизой и многообразием решаемых задач. А. А. Баюш [10] в исследовании предприняла попытку соотнесения групп исследуемых СКТЭ объектов с решаемыми задачами. Классификационный подход важен для позиционирования экспертизы «1С:Предприятие» как сложного программно-информационного комплекса, требующего междисциплинарного подхода. Указание авторов на комплексность решаемых СКТЭ задач и необходимость применения специальных знаний из экономической и иных областей знания непосредственно коррелирует с задачами анализа бухгалтерских конфигураций.

Значительный вклад в формализацию и алгоритмизацию методики СКТЭ внесла А. Р. Смолина [11], разработавшая унифицированную модель методик производства экспертиз, основанную на графовом подходе и теории множеств. Ее исследования акцентируют внимание на проблеме оперативного поиска и выбора частных методик, соответствующих задачам, целям (вопросам) и объектам экспертизы, с учетом ресурсных ограничений экспертного учреждения. Предложенная модель позволяет формализовать процесс выбора оптимальной последовательности методов для каждой стадии СКТЭ, что минимизирует зависимость от субъективного опыта эксперта и сокращает временные затраты на подготовку исследования. Этот формально-алгоритмический подход целесообразно считать методологической основой для разработки специализированных методик исследования сложных программно-информационных комплексов, таких как «1С:Предприятие», поскольку он позволяет структурировать экспертные задачи, систематизировать объекты исследования (аппаратные средства, программное обеспечение, данные, сетевые компоненты) и оптимизировать выбор инструментальных средств в условиях ограниченных ресурсов.

Решение экспертных задач СКТЭ невозможно без применения аппаратных, программных комплексов, а также устройств с функционалом, адаптированным для решения

конкретных экспертных задач. Виды инновационных технических средств и программного обеспечения СКТЭ рассматривают в работах А. М. Хахина, А. С. Ермолаева, Е. И. Молодых [12], А. Ю. Стебикко [13].

Таким образом, существующие исследования формируют солидную теоретическую основу СКТЭ, фиксируя ее комплексный характер, потребность в междисциплинарном подходе. Однако они вскрывают и перспективы дальнейшего развития теории и практики СКТЭ: необходимость разработки специализированных, научно обоснованных методик, в том числе адаптированных для экспертного исследования конкретных, широко распространенных программных комплексов, таких как, например, «1С:Предприятие». Данное обстоятельство определяет актуальность и цель настоящего исследования — разработку научно-методических основ судебной компьютерно-технической экспертизы информационных баз «1С:Предприятие».

Целесообразность разработки темы обусловлена потребностями судебно-экспертной практики СКТЭ в совершенствовании методик судебно-экспертного исследования программного комплекса «1С:Предприятие». Широкое использование программного комплекса «1С» в бизнес-процессах различных экономических субъектов, в т. ч. возможное его использование в противоправных целях, предопределяют необходимость совершенствования существующих методических подходов к проведению исследования СКТЭ информационных баз данных «1С», которые должны быть адаптированы к высокой вариативности и к архитектурной специфике данной платформы.

Научная значимость работы состоит в разработке отдельных элементов в структуре методики СКТЭ применительно к сложным программно-информационным системам корпоративного уровня. Исследование вносит вклад в теорию судебной компьютерно-технической экспертизы через уточнение классификации экспертных задач и разработку принципов, основанных на синтезе специальных знаний в области информационных технологий, бухгалтерского учета, криминалистики и судебной экспертизы.

Цель исследования — разработка научно-методических основ судебной компьютерно-технической экспертизы информационных баз «1С:Предприятие» путем систематизации ее типовых задач, формулирования соответствующих алгоритмических рекомендаций, что в конечном итоге направлено на расширение возможностей такой экспертизы в установлении доказательственной информации по делу.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить комплекс взаимосвязанных исследовательских задач, логика которых предполагала последовательное движение от теоретического осмысления базовых принципов экспертизы к анализу специфики конкретного объекта и, далее, к разработке прикладных методических рекомендаций. Данный алгоритм позволил обеспечить целостность и системность работы. В соответствии с этим были поставлены и реализованы следующие **задачи** исследования:

1) проанализировать теоретико-методологические основы СКТЭ и выявить специфику ее применения к программно-информационным комплексам корпоративного уровня;

2) определить архитектурные и функциональные особенности платформы «1С:Предприятие» как объекта судебно-экспертного исследования, включая варианты развертывания информационных баз и структуру метаданных;

3) систематизировать типовые задачи СКТЭ в отношении информационных баз «1С» на основе анализа судебной практики и существующих методических подходов;

4) разработать алгоритмические рекомендации по проведению экспертного исследования информационных баз «1С» с учетом их архитектурной специфики и типовых экспертных ситуаций;

5) оценить доказательственное значение результатов СКТЭ информационных баз «1С» в судебной практике и сформулировать предложения по повышению эффективности их использования в процессе доказывания.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научно-методического аппарата СКТЭ применительно к сложным программно-информационным комплексам корпоративного уровня. Результаты работы вносят вклад в теорию СКТЭ посредством расширения научных представлений о специфике объекта исследования (информационных баз «1С:Предприятие») и систематизации соответствующих экспертных задач. Это позволяет формализовать подходы к выбору и адаптации методов СКТЭ в зависимости от архитектурных особенностей платформы, а также закладывает основу для дальнейшей разработки частных криминалистических методик в области экспертного анализа цифровых следов в автоматизированных системах учета.

Практическая значимость видится в непосредственной применимости полученных результатов в судебно-экспертной и следственной деятельности. Сформулированные в работе подходы к исследованию файловых и клиент-серверных информационных баз, включая анализ системных журналов, структуры данных и метаданных, служат методической основой как для субъектов, назначающих СКТЭ, для обоснованного определения задач назначаемой экспертизы, постановки вопросов и компетентной оценки полученных экспертных выводов, так и для экспертов при выборе корректных процедур исследования и интерпретации цифровых следов.

Основная часть

Методология исследования основана на совокупности общенаучных и специальных методов, применение которых позволило обеспечить системность и достоверность полученных результатов.

Научно-монографический анализ теоретических исследований в области СКТЭ, нормативно-правовой анализ методических материалов (стандартов) в области СКТЭ, а также специальной литературы, посвященной архитектуре и функционированию платформы «1С:Предприятие» позволили сформировать концептуальные начала специфики экспертного исследования информационных баз «1С».

Сравнительно-правовой метод использовался для сопоставления подходов к назначению и производству СКТЭ в рамках различных видов судопроизводства, а также для анализа судебной практики. Техничко-криминалистический метод позволил структурировать объекты, задачи и алгоритмы экспертного исследования применительно к особенностям файлового и клиент-серверного вариантов развертывания информационных баз. Для обобщения типовых экспертных ситуаций и выявления закономерностей применялся метод формализации.

Результаты исследования. Теоретическую основу любой судебной экспертизы составляют ее базовые структурные элементы: предмет, объекты, решаемые задачи и применяемые методы исследования. Немаловажное значение имеет внутриродовое деление судебной экспертизы, и здесь важен правильный выбор основания такого деления. Исторический анализ генезиса различных родов судебной экспертизы, проведенный профессором Е. Р. Россинской еще в 2001 г. [14, с. 41], позволил сделать вывод, что формирование конкретных методик носит вторичный, производный характер по отношению к объектам исследования и экспертным задачам, которые предопределяют специфику экспертной методики. В этой связи идея о трехмерном основании классификации судебных экспертиз, ранее, в 1971 г., выдвинутая А. Р. Шляховым [15], в настоящее время получила свое развитие в том смысле, что наиболее существенным основанием классификации являются характеристика объектов судебной экспертизы в совокупности с решаемыми задачами.

В диссертационном исследовании Д. В. Завьяловой [16] поднимается вопрос о родовом предмете СКТЭ, который ранее был обоснован в фундаментальном труде А. И. Усова, его составляют «факты и обстоятельства, устанавливаемые на основе исследования закономерностей разработки и эксплуатации компьютерных средств, обеспечивающих реализацию информационных процессов, которые зафиксированы в материалах уголовного или гражданского дела, дела об административном правонарушении» [3, с. 18]. Видовая классификация СКТЭ основана на компонентах (аппаратном (техническом), программном, информационном), обеспечивающих функционирование любого компьютерного средства. В соответствии с ней СКТЭ подразделяется на программно-компьютерное и информационно-компьютерное исследования, что обусловлено структурой ее объектов. Программно-компьютерное исследование направлено на изучение функционального предназначения, характеристик, структурных особенностей и текущего состояния программного обеспечения компьютерной системы. Его объектами являются системное и прикладное программное обеспечение, утилиты, средства разработки, исполняемые модули и исходные тексты программ. Информационно-компьютерное исследование, являясь ключевым для построения доказательственной базы, сосредоточено на анализе данных, подготовленных с использованием программных средств: файлов текстовых, графических форматов, баз данных и электронных таблиц.

А. Р. Сысенко, И. С. Смирнова, С. Е. Тимошенко в результате научного анализа подходов к внутриродовому делению СКТЭ пришли к выводу, что в разработанных в разные годы классификациях указывается от двух-трех до пяти видов таких экспертиз [9, с. 525], что обусловлено многообразием обстоятельств предмета доказывания, подлежащих установлению в ходе расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации. И именно многообразие обстоятельств предмета доказывания предпрещает сложность и комплексность исследования в СКТЭ.

Вопрос о внутриродовой классификации СКТЭ не имеет однозначного решения и зависит от объекта и задач исследования. Если перед экспертом поставлены вопросы исключительно содержательного анализа данных (например, анализ информации, содержащейся в базах), такую

экспертизу следует относить к информационно-компьютерной. Однако если в задачи эксперта входит установление фактов нарушения или модификации функциональных возможностей программного обеспечения (например, выявление изменений, искажающих типовую логику формирования учетных регистров в системе «1С»), то в данном случае будет проведена программно-компьютерная экспертиза. Таким образом, разграничение проводится по целям исследования: анализ информации или анализ программного кода и его функционирования.

Стоит отметить, что важным этапом в формировании единого методологического языка и стандартизации подхода к СКТЭ стало принятие национального стандарта ГОСТ Р 57429—2017 «Судебная компьютерно-техническая экспертиза. Термины и определения» (утв. Приказом Росстандарта от 28 марта 2017 г. № 198-ст). Данный документ, введенный в действие с 1 сентября 2017 г., устанавливает унифицированные термины и определения ключевых понятий в области СКТЭ, рекомендуемые для применения во всех видах документации и научной литературы. Стандарт охватывает как общие понятия (например, «аппаратное средство», «средство вычислительной техники», «вычислительная сеть»), так и специализированные категории, непосредственно связанные с процессом экспертного исследования: «восстановление удаленного файла», «динамический анализ программного кода», «метаданные файла», «протокол работы программы (журнал, лог)» и др. Принятие данного стандарта является ответом на проблему терминологической несогласованности и децентрализации стандартов в области СКТЭ, способствуя гармонизации экспертной деятельности.

Методологический аппарат СКТЭ, как отмечают З. В. Куляшова и Е. И. Хахина [17], формируется на основе типовых экспертных методик, представляющих собой совокупность специальных методов и технологий, применяемых для решения конкретных задач судопроизводства. Каждая методика предполагает строгую последовательность действий эксперта, включая этапы осмотра, подготовки оборудования, проведения исследования, оценки информации и формулировки выводов. Важнейшими типовыми методиками СКТЭ авторы выделяют: поиск компьютерных данных, исследование информации о действиях пользователя, а также анализ данных. При этом в работе подчеркивается, что качество и достоверность экспертного заключения напрямую зависят от корректности применяемого алгоритма и использования сертифицированного оборудования, блокирующего запись на исследуемые носители и обеспечивающего доступ к файловой системе [17].

Основные задачи СКТЭ носят комплексный характер и включают:

- 1) *диагностические задачи*: выявление неисправностей устройств и носителей информации; проверка соответствия конфигурации технической документации;
- 2) *восстановление данных*: извлечение удаленной и реконструкция поврежденной информации с применением специализированных программно-аппаратных комплексов (например, ACELab PC-3000);
- 3) *поиск информации*: обнаружение зашифрованных и скрытых данных; идентификация файлов по ключевым словам и атрибутам;
- 4) *анализ программного обеспечения*: исследование функционала программ, включая вредоносный код, и изучение структур баз данных;

5) *установление обстоятельств*: анализ действий пользователей; выявление признаков фальсификации файлов, записей баз данных и программных компонентов.

Таким образом, методология СКТЭ представляет собой динамично развивающуюся систему, сочетающую устоявшиеся типовые методики с адаптивными подходами к исследованию новых цифровых объектов, таких как сложные программно-информационные комплексы (например, системы «1С:Предприятие»). Требования к методическому обеспечению, сформулированные в работе З. В. Куляшовой и Е. И. Хахиной [17], а также закрепленные в нормативных документах, указывают на необходимость строгой алгоритмизации, использования сертифицированных технических средств и необходимость использования комплексного подхода, что особенно актуально при экспертизе интеграционных решений, сочетающих аппаратные, программные и информационные компоненты.

Отдельного внимания заслуживает рассмотрение особенностей программных продуктов на платформе «1С» как объектов судебной экспертизы. Архитектура программного комплекса «1С:Предприятие», состоящего из технологической платформы (исполнительной среды) и настраиваемых прикладных решений (конфигураций), обуславливает его уникальность как объекта СКТЭ. Как отмечают авторы справочной информации для разработчиков и пользователей «1С» [18], платформа функционирует как многоуровневая система, где технологическое ядро обеспечивает исполнение конфигураций, которые, в свою очередь, представляют собой методологически и программно оформленные правила ведения учета. Разработка и модификация конфигураций осуществляется в специализированной среде — конфигураторе, что обеспечивает высокую адаптивность системы под специфические бизнес-процессы, но одновременно создает сложность для экспертного анализа ввиду широкой вариативности возможных изменений и доработок.

Ключевой особенностью «1С» как объекта СКТЭ является двойственная архитектура развертывания информационных баз: файловая и клиент-серверная. В файловом варианте вся база данных содержится в едином файле «1Cv8.1CD», имеющем закрытую, но структурированную организацию, схожую с реляционными системами управления баз данных (далее — СУБД), и сопровождается набором служебных каталогов (например, «1Cv8Log» для журналов событий, «1Cv8Temp» для временных данных). Серверный вариант предполагает использование внешних СУБД (например, *Microsoft SQL Server*, *PostgreSQL*), где структура данных представлена в виде множества взаимосвязанных таблиц, документированных разработчиком. Данное различие определяет выбор инструментария и методик экспертного исследования: для файловых информационных баз требуется анализ внутренней структуры файла 1CD, для серверных — применение технологий работы с соответствующей СУБД.

Объектом исследования в рамках СКТЭ выступает не только массив фактографических данных, но и метамодель конфигурации. Эта модель представляет собой формализованную иерархию объектов метаданных, к которым относятся справочники, документы, регистры четырех основных типов (сведений, накопления, бухгалтерии и расчетов), а также иные программные сущности,

определяющие структуру и бизнес-логику конкретно-прикладного решения. Каждый тип метаданных имеет строго определенное функциональное назначение в учетном механизме, а их взаимосвязи и алгоритмы обработки (реализованные в виде встроенного программного кода на языке «1С») формируют логику учетных процессов. Следовательно, экспертное исследование должно включать не только анализ «сырых данных» таблиц, но и реверс-инжиниринг бизнес-логики, заложенной в конфигурации, для выявления нестандартных алгоритмов, «закладок» или модификаций, искажающих учет.

Методика экспертизы информационных баз «1С:Предприятие» требует от эксперта синтеза междисциплинарных компетенций: глубоких знаний архитектуры платформы, навыков анализа программного кода на встроенном языке «1С», понимания принципов бухгалтерского и налогового учета, а также владения криминалистическими методами в работе с цифровыми следами.

Алгоритм судебно-экспертного исследования, основанный на использовании методических подходов к решению экспертных задач СКТЭ [19], включает следующие этапы:

- 1) изучение материалов дела и поставленной задачи: анализ постановления (определения) о назначении судебной экспертизы, изучение представленных материалов, уточнение круга вопросов и целей исследования;
- 2) первичный анализ объекта и постановка исследовательских задач: экспертом проводится предварительное ознакомление с информационной базой, изучение сопроводительной документации (при наличии), формулирование конкретных исследовательских алгоритмов на основе поставленных вопросов;
- 3) исследование состава и структуры данных: детальный анализ наборов данных (справочников, документов, регистров), изучение программного кода, конфигурации, условий эксплуатации и иных характеристик информационной базы;
- 4) проведение инструментального исследования: применение специализированных средств для анализа данных, проверки целостности, восстановления информации, выявления следов изменений или повреждений;
- 5) формирование экспертного заключения: систематизация полученных результатов, оценка и формулировка выводов с их детальным обоснованием на основе проведенного исследования.

В ходе назначения судебной экспертизы перед экспертом ставятся различные вопросы, на которые требуется дать четкие и обоснованные ответы. Представим систематизированный перечень возможных вопросов, структурированный по основным направлениям экспертного исследования информационных баз «1С:Предприятие»:

- Имеются ли в информационной базе признаки несанкционированного доступа, модификации или удаления данных? Если да — когда и каким образом они могли быть осуществлены?
- Каковы хронологические рамки внесения изменений в ключевые регистры (документы, проводки, справочники) за исследуемый период?
- Можно ли установить конкретных пользователей, совершивших внесение записей и их изменение?
- Имеются ли в коде конфигурации «1С» программные модули, скрипты или иные механизмы, позволяющие изменять учетные данные, обходить контрольные процедуры или скрывать операции?

операций, реконструкции реальных схем движения денежных средств и имущества, а также для установления причинно-следственной связи между целенаправленными управленческими решениями обвиняемого и наступившими в результате них негативными финансовыми последствиями, тем самым объективировав умысел и подтвердив состав преступления.

В приговоре Канавинского районного суда (г. Нижний Новгород) № 1-19/2025 1-342/2024 от 15 апреля 2025 г. по делу № 1-19/2025 проведенная экспертиза программного обеспечения и электронных документов (включая данные из системы «1С», изъятые в ходе обыска) стала ключевым элементом доказывания, позволившем объективно зафиксировать факт и механизм хищения денежных средств посредством составления заведомо ложных актов выполненных работ (форм КС-2 и КС-3), что в совокупности с другими доказательствами позволило суду установить вину подсудимого в совершении мошенничества в особо крупном размере группой лиц по предварительному сговору.

В решении Прохладненского районного суд Кабардино-Балкарской Республики № 2-465/2025 2-465/2025~М-295/2025 М-295/2025 от 16 апреля 2025 г. по делу № 2-465/2025 ключевым доказательством для установления факта нарушения исключительных прав на программное обеспечение «1С» имело заключение специалиста, которое идентифицировало на рабочем компьютере ответчика контрафактные копии программных продуктов, запускавшиеся без ключа аппаратной защиты, что позволило суду констатировать противоправность действий работника и причинно-следственную связь между этими действиями и имущественным ущербом, понесенным работодателем в результате взыскания правообладателем с него компенсации, несмотря на последующий отказ суда в возложении на сотрудника полной материальной ответственности.

Анализ судебной практики свидетельствует о высоком доказательственном значении результатов СКТЭ в расследовании экономических и должностных правонарушений, а также при разрешении гражданско-правовых споров, связанных с использованием программного обеспечения. Практика демонстрирует, что методы исследования информационных баз «1С» — системный анализ данных, проверка целостности и истории изменений, восстановление удаленных записей и исследование метаданных — позволяют выявлять как совпадающие, так и скрытые аномалии учета.

Заключение, выводы

Проведенное исследование судебной компьютерно-технической экспертизы информационных баз на платформе «1С:Предприятие» позволяет сделать ряд основополагающих выводов, характеризующих данную область как высокоспециализированную и методологически сложную.

Во-первых, экспертиза информационных систем «1С» выходит за рамки стандартных процедур анализа данных и требует от эксперта уникального синтеза компетенций в области информационных технологий, бухгалтерского учета, экономики и юриспруденции. Эксперт должен не только владеть инструментами извлечения и анализа данных, но и глубоко понимать предметную область функционирования конкретной конфигурации, будь то бухгалтерский финансовый учет, управление торговлей или расчет заработной платы. Без этого понимания невозможна

корректная интерпретация извлеченных данных в контексте хозяйственных операций и выявление аномалий, свидетельствующих о нарушениях.

Во-вторых, критически важным представляется принцип отказа от шаблонных выводов и общепризнанных упрощений. Специфика архитектуры «1С», сочетающей гибкую метамодель, разнообразие режимов развертывания (файловый, клиент-серверный) и механизмов лицензирования, делает невозможным применение универсальных оценочных суждений. Как продемонстрировал анализ судебной практики, выводы эксперта признаются судами обоснованными лишь в тех случаях, когда они базируются на детальном исследовании конкретной информационной базы, включая анализ структуры данных, истории изменений, пользовательской активности и сопоставление электронных записей с фактическими хозяйственными процессами. Судебные акты подтверждают, что формальный подход к исследованию баз «1С» существенно снижает доказательственную значимость экспертного заключения, тогда как комплексный интегративный характер исследования, напротив, способствует установлению юридически значимых обстоятельств дела.

В-третьих, доказательственная ценность результатов судебной компьютерно-технической экспертизы «1С» в судебном процессе является не абсолютной, а относительной и зависит от корректности поставленных перед экспертом вопросов, полноты представленных исходных данных и методологической обоснованности применяемых методик. Суды, как следует из изученных решений, всегда рассматривают заключение эксперта в совокупности с другими доказательствами (свидетельскими показаниями, документами, перепиской и др.). Экспертиза выступает не как «истина в последней инстанции», а как технически сложный инструмент, интерпретация результатов которого требует от суда понимания его возможностей и ограничений.

Таким образом, СКТЭ информационных баз «1С:Предприятие» представляет собой динамично развивающуюся и востребованную практикой экспертизу, в которой результат решения конкретной экспертной задачи напрямую зависит от глубины специализации эксперта, методологической строгости исследования и отказа от упрощенных трактовок в пользу комплексного анализа, учитывающего специфику данной программной платформы.

Перспективны следующие направления совершенствования практики назначения, производства СКТЭ информационных баз «1С:Предприятие» и использования ее результатов в качестве доказательств:

- 1) необходимость повышения квалификации судебных экспертов экспертной специальности «Исследование компьютерной информации» в предметной и технической областях;
- 2) совершенствование методик фиксации электронных доказательств и обеспечение их сохранности на стадии предварительного расследования;
- 3) развитие методического обеспечения проведения СКТЭ, учитывая, что дальнейшее развитие процедурной регламентации и технических стандартов проведения СКТЭ информационных баз «1С» будет способствовать получению достоверных, научно-обоснованных выводов при решении специфических экспертных задач, что имеет большое значение в контексте правоприменительной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васюков В. Ф. Некоторые аспекты назначения судебной компьютерной экспертизы при расследовании хищений в сфере информационных и коммуникационных технологий // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2016. № 4. С. 109—113.
2. Россинская Е. Р., Усов А. И. Судебная компьютерно-техническая экспертиза. М. : Право и закон, 2001. 414 с.
3. Усов А. И. Концептуальные основы судебной компьютерно-технической экспертизы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 41 с.
4. Ботвина В. В., Караваева А. В. Принцип неизменности объекта исследования при производстве судебной компьютерно-технической экспертизы // Modern Science. 2021. № 12-3. С. 143—147.
5. Омелянюк Г. Г., Усов А. И. Тренды развития судебной компьютерно-технической экспертизы в условиях цифровой трансформации судебно-экспертной деятельности // Высотехнологичное право: генезис и перспективы : материалы II Междунар. межвуз. науч.-практ. конф. Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2021 С. 246—253.
6. Крижановская О. М. Современное состояние и перспективы развития судебной компьютерно-технической экспертизы // Эксперт-криминалист. 2022. № 4. С. 13—15.
7. Завьялова Д. В. Современные возможности судебной компьютерно-технической экспертизы при расследовании различных видов преступлений // Теория и практика судебной экспертизы. 2020. Т. 15. № 3. С. 89—97. DOI: 10.30764/1819-2785-2020-3-89-97.
8. Россинская Е. Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 5. С. 31—44.
9. Сысенко А. Р., Смирнова И. С., Тимошенко С. Е. Проблемы назначения и производства судебной компьютерно-технической экспертизы // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 4. С. 523—533. DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-4-523-533.
10. Баюш А. А. Судебная компьютерно-техническая экспертиза в системе судебных экспертиз // Политехнический молодежный журнал. 2019. № 8. DOI: 10.18698/2541-8009-2019-8-514.
11. Смолина А. Р. Методическое и алгоритмическое обеспечение производства компьютерно-технической экспертизы : дис. ... канд. техн. наук. Томск, 2017. 132 с.
12. Хахина А. М., Ермолаева А. С., Молодых Е. И. Инновационные технические средства и оборудование в решении экспертных задач судебной компьютерно-технической экспертизы // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12. № 6А. С. 218—224.
13. Стебикво А. Ю. Информационно-программное обеспечение судебных компьютерно-технических экспертиз // Правовая парадигма. 2024. Т. 23. № 3. С. 189—194. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.3.26.
14. Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журнал российского права. 2001. № 5. С. 32—43.
15. Шляхов А. Р. Предмет и система криминалистической экспертизы // Труды ВНИИСЭ. М. : ВНИИСЭ, 1971. Вып. 3. С. 27—28.
16. Завьялова Д. В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации: отечественный и зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 29 с.
17. Куляшова З. В., Хахина Е. И. Типовые методики компьютерно-технической экспертизы и использование их результатов в решении задач судопроизводства // Заметки ученого. 2021. № 10. С. 403—405.
18. Радченко М. Г., Хрусталева Е. Ю. 1С:Предприятие 8.3 : практ. пособие разработчика. М. : Э, 2016. 926 с.
19. Хатунцев Н. А. Применение средств и методов судебной компьютерно-технической экспертизы для решения экспертных задач при исследовании объектов судебной экспертизы электробытовой техники // Теория и практика судебной экспертизы. 2009. № 1(13). С. 119—125.

REFERENCES

1. Vasyukov V. F. Some aspects of the appointment of forensic computer examination when investigating embezzlement in the sphere of information and communication technologies. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Ekonomika i pravo = Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*. 2016;4:109—113.
2. Rossinskaya E. R., Usov A. I. Forensic computer-technical expertise. Moscow, Pravo i zakon, 2001. 414 p. (In Russ.)
3. Usov A. I. Conceptual foundations of forensic computer-technical expertise. Abstract of diss. of the Doct. of Law. Moscow, 2002. 41 p. (In Russ.)
4. Botvina V. V., Karavaeva A. V. The principle of immutability of the research object in the production of forensic computer-technical expertise. *Modern Science*. 2021;12-3:143—147. (In Russ.)
5. Omel'yanyuk G. G., Usov A. I. Trends in the development of forensic computer-technical expertise in the context of digital transformation of forensic activity. *Vysokotekhnologichnoe pravo: genesis i perspektivy = High-tech law: genesis and prospects. Materials of the II International interuniversity research and practice conference*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University publ., 2021:246—253. (In Russ.)
6. Krizhanovskaya O. M. The modern status and prospects of development of forensic computer examination. *Ekspert-kriminalist = Forensics analyst*. 2022;4:13—15. (In Russ.)
7. Zav'yalova D. V. Current Capacities of Digital Forensics for Investigations of Different Types of Crimes. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*. 2020;15(3):89—97. (In Russ.) DOI: 10.30764/1819-2785-2020-3-89-97.

8. Rossinskaya E. R. Problems the use of special knowledge for the judicial investigation of computer crimes in the conditions of digitalization. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2019;(5):31—44. (In Russ.)
9. Sysenko A. R., Smirnova I. S., Timoshenko S. E. Problems of Appointment and Production of Forensic Computer-Technical Expertise. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*. 2020;17(4):523—533. (In Russ.) DOI: 10.19073/2658-7602-2020-17-4-523-533.
10. Bayush A. A. Forensic computer technical examination in the system of forensic examination. *Politekhnikeskii molodezhnyi zhurnal = Politechnical student journal*. 2019;8. (In Russ.) DOI: 10.18698/2541-8009-2019-8-514.
11. Smolina A. R. Methodological and algorithmic support for the production of computer-technical expertise. Diss. of the Cand. of Engineering. Tomsk, 2017. 132 p. (In Russ.)
12. Khakhina A. M., Ermolaeva A. S., Molodykh E. I. Innovative technical means and equipment in solving expert tasks of forensic computer-technical expertise. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2022;12(6A):218—224. (In Russ.)
13. Stebivko A. Yu. Software and Data Support for Computer Forensic Analysis. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*. 2024;23(3):189—194. (In Russ.) DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2024.3.26.
14. Rossinskaya Ye. R. Special knowledge and actual problems of its use in legal proceedings. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2001;5:32—43. (In Russ.)
15. Shlyakhov A. R. Subject and system of forensic expertise. *Trudy VNIIE*. Moscow, All-Union Scientific Research Institute of Forensic Expertise publ., 1971;3:27—28. (In Russ.)
16. Zav'yalova D. V. Investigation of crimes in the sphere of computer information: domestic and foreign experience. Abstract of diss. of the Doct. of Law. Moscow, 2022. 29 p. (In Russ.)
17. Kulyashova Z. V., Khakhina E. I. Typical methods of computer-technical expertise and the use of their results in solving legal proceedings tasks. *Zametki uchenogo*. 2021;10:403—405. (In Russ.)
18. Radchenko M. G., Khrustaleva E. Yu. 1C:Enterprise 8.3. Practical developer's guide. Moscow, E, 2016. 926 p. (In Russ.)
19. Hatuntsev N. A. Implementation of forensic it examination methods for solving expert tasks of forensic examination of electrical household appliances. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*. 2009;1(13):119—125. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.12.2025; одобрена после рецензирования 18.01.2026; принята к публикации 19.01.2026.
The article was submitted 27.12.2025; approved after reviewing 18.01.2026; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1516

Almaz Firzyarovich Abdulvaliev
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Academic Department
of the School of Law and Management,
Tyumen State University
Tyumen, Russian Federation
a.f.abdulvaliev@utmn.ru

Алмаз Фирзярович Абдулвалиев
канд. юрид. наук, доцент,
доцент академического департамента
Школы права и управления,
Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация
a.f.abdulvaliev@utmn.ru

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена не только текущей внутриполитической и внешнеполитической конъюнктурой, но и потребностью государства и общества в сохранении и развитии духовно-нравственных ценностей, включая их институционализацию и правовую защиту от деструктивных воздействий. В условиях современных вызовов и угроз, связанных с трансформацией социальных норм, возникает необходимость в анализе того, как некоторые духовно-нравственные категории интегрированы в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации.

Объектом исследования выступили духовно-нравственные ценности и их значение для уголовного судопроизводства. Предметом исследования выступает анализ содержания таких категорий, как добро, благо, нравственность, мораль, совесть, честь, достоинство и уважение, и их отражение в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ. Методологическая база исследования включает сравнительно-правовой анализ и детальное изучение нормативных правовых актов, регулирующих духовно-нравственные аспекты в рамках уголовного судопроизводства. Дополнительно применяются аналитический, системно-структурный и правовой методы исследования.

Цель исследования заключается не только в оценке степени соответствия современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации базовым духовно-нравственным категориям, но и в выявлении тех морально-этических норм, которые нашли отражение в правовых актах, а также анализе пробелов и несоответствий в этой области. Такой подход позволяет не только оценить эффективность существующих правовых механизмов, но и предложить пути их совершенствования с учетом современных реалий.

В результате проведенного исследования автор приходит к выводам о наличии духовно-нравственной матрицы, на которой строится уголовное судопроизводство, о неполноте отражения ряда духовно-нравственных ориентиров в деятельности участников уголовного судопроизводства и о необходимости законодательного закрепления в нормах Уголовно-процессуального кодекса РФ таких немаловажных категорий, как «совесть», «честь», «достоинство», «взаимов уважение».

Ключевые слова: суд, уголовный процесс, духовно-нравственные ценности, добро/благо, нравственность, мораль, совесть, добросовестность, добропорядочность

Для цитирования: Абдулвалиев А. Ф. Духовно-нравственные категории в уголовно-процессуальном законодательстве России // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 193—199. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1516.

Original article

THE SPIRITUAL AND MORAL CATEGORIES IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. The relevance of this research is determined not only by the current domestic and foreign policy situation, but also by the need of the state and society to preserve and develop spiritual and moral values, including their institutionalization and legal protection from destructive influences. In the context of modern challenges and threats associated with the transformation of social norms, there is a need to analyze how some spiritual and moral categories are integrated into the criminal procedure legislation of the Russian Federation.

The object of the study is spiritual and moral values and their significance for criminal proceedings. The subject of the research is the analysis of the content of such categories

as the good, welfare, ethics, morality, conscience, honor, dignity and respect, and their reflection in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The methodological basis of the research includes a comparative legal analysis and a detailed study of normative legal acts regulating spiritual and moral aspects in the framework of criminal proceedings. Additionally, analytical, system-structural and legal research methods are used.

The purpose of this study is not only to assess the degree of compliance of modern criminal procedure legislation of the Russian Federation with basic spiritual and moral categories, but also to identify those moral and ethical norms that

are reflected in legal acts, as well as to analyze gaps and inconsistencies in this area. This approach allows not only to evaluate the effectiveness of existing legal mechanisms, but also to suggest ways to improve them, taking into account modern realities.

As a result of the conducted research, the author comes to the conclusions about the existence of a spiritual and moral matrix on which criminal proceedings are based, about the incompleteness of reflecting a number of spiritual and

moral guidelines in the activities of participants in criminal proceedings and about the need for legislative consolidation in the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of such important categories as “conscience”, “honor”, “dignity”, “mutual respect.”

Keywords: court, criminal procedure, spiritual and moral values, the good, welfare, morality, conscience, good faith, integrity

For citation: Abdulvaliev A. F. The spiritual and moral categories in the criminal procedure legislation of Russia. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2026;1(74):193—199. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1516.

Введение

Актуальность. Духовно-нравственная основа — это набор принципов, ценностей и убеждений, которые определяют моральные нормы и поведение человека. Данная основа строится на духовных началах, религиозных правилах, традициях и обычаях, семейных ценностях. Она влияет на поведение людей, на принимаемые ими решения, позволяет отличить хорошее и плохое, принимать морально обоснованные решения.

Профессор В. В. Дорошков предлагает под духовно-нравственными основами современной России понимать «фундаментальные ориентиры, основанные на исторически сложившейся системе единых духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей нашего народа, а также на самобытных культурах многонационального народа Российской Федерации как неотъемлемой части российской культуры» [1, с. 19—20].

То, что подобная основа имеет место, подтверждается позицией В. Д. Зорькина, который в своей работе отмечал о наличии органической связи права с моралью, при которой любые юридические новеллы, способные ввести новизну эпохи перемен в правовые берега, обязаны соотноситься с моральными нормами социального большинства [2]. Также он пишет, что верховенство права означает верховенство над иными подсистемами соционормативной регуляции и прежде всего над нормами религии и общественной морали (нравственности). Подтверждают данные слова и взгляды профессора М. Н. Марченко [3].

Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности невозможно рассматривать в отрыве от духовности российского народа. Духовность является необходимым атрибутом нравственности в российской общности. Нравственность и духовность в уголовно-процессуальной сфере представляют собой единое целое. Отрывать одно от другого означает вставать на путь дезорганизации уголовно-процессуальной деятельности на началах безнравственности. Нельзя противопоставлять друг другу нравственность и духовность, поскольку они являются одним единым целым.

Стоит сказать, что начало по формированию у населения духовно-нравственных ценностей уже положено 9 ноября 2022 г. Президентом РФ был подписан Указ № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», который закрепил ряд задач по данному вектору развития. Это поддержка проектов, направленных на продвижение традиционных ценностей в информационной среде; защита от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия, пресечение деятельности, направленной на разрушение традиционных ценностей в России; воспитание в духе уважения к традиционным ценностям как ключевой

инструмент государственной политики в области образования и культуры, необходимый для формирования гармонично развитой личности. Это приоритет духовного над материальным; взаимопомощь и взаимоуважение; высокие нравственные идеалы; права и свободы человека; милосердие и справедливость; жизнь и достоинство.

Изученность проблемы. Ввиду появления Стратегии национальной безопасности РФ и Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденные соответствующими указами Президента РФ, всё больше ученых правоведов склонилось к исследованию роли духовно-нравственных основ в юриспруденции и правовой защиты духовно-нравственной ценности различными отраслями права.

Ключевое значение духовно-нравственных основ как решение многих правовых и процессуальных проблем отмечается в работах В. В. Дорошкова [1], В. Д. Зорькина [2], М. Н. Марченко [3], Э. П. Абовяна и Е. О. Анянцовой [4], К. А. Волкова [5], Ф. В. Чиркова [6]. В 2022 г. под редакцией доктора юридических наук, профессора Т. Я. Хабриевой были опубликованы материалы Международной научно-практической конференции «Уголовный закон и нравственность» [7], в которых отражены тезисы по развитию и укреплению духовно-нравственных ценностей в нормах уголовного и уголовно-процессуального права, изложенные такими видными учеными, как А. И. Бастрыкин, О. Н. Ведерникова, В. Е. Квашис, А. В. Сумачев и др. Отдельно стоит отметить, что вопросы построения уголовно-процессуальных принципов на духовно-нравственных ценностях исследованы профессором А. В. Побединным [8].

Целесообразность разработки темы. Потребность в проведении настоящего исследования обусловлена не только сложившейся внутриполитической и внешнеполитической ситуацией. В настоящее время в государстве и в обществе возникла потребность в сохранении и развитии духовно-нравственных ценностей, включая их законодательное закрепление и защиту от какого-либо преступного или иного негативного воздействия. Целесообразность разработки данной темы также заключается и в определении того, насколько современное уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации основывается на духовно-нравственных ценностях, и какие духовно-нравственные категории нашли отражение в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, а какие — нет.

Цель исследования состоит в изучении роли и значения духовно-нравственной основы в уголовном судопроизводстве, в т. ч. при рассмотрении и разрешении уголовных дел. **Задачами** исследования являются изучение норм

уголовно-процессуального законодательства на предмет наличия признаков духовно-нравственных ценностей, определение содержания морали и нравственности для уголовного судопроизводства, выявление отсутствующих в законе духовно-нравственных компонентов.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и установлении как существующих, так и недостающих компонентов духовно-нравственных основ в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации. В рамках продвижения идей о приоритете традиционных российских духовно-нравственных ценностей предлагается с помощью правового закрепления в нормах материального и процессуального права актуализировать такие категории как, добросовестность, добропорядочность, нравственность, совесть, честь, достоинство, взаимоуважение. Научная новизна исследования также прослеживается в подтверждении гипотезы о роли духовно-нравственных основ в обеспечении равновесия всей системы уголовного процесса.

Теоретическая значимость работы заключается в обосновании значимости духовно-нравственных ценностей для уголовного судопроизводства, расширении для этого границ уголовно-процессуальных принципов и установления нравственных требований к поведению участников уголовного судопроизводства.

Практическая значимость работы состоит в предложении идей по совершенствованию уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации путем закрепления в нем ряда духовно-нравственных понятий и категорий.

Основная часть

Методы и материалы исследования. В качестве основных методов научного исследования автором использовались сравнительно-правовой метод и метод анализа нормативных правовых актов, касающихся регулирования духовно-нравственных ценностей в деятельности в рамках уголовного судопроизводства. В качестве дополнительных методов использовался аналитический, системно-структурный, правовой и иные методы.

В Конституции РФ уже заложены некоторые духовно-нравственные ценности. Это вера в добро и справедливость, любовь и уважение к Отечеству (преамбула), благотворительность (ч. 3 ст. 39), благосостояние (ст. 75.1). Однако до сих пор в Основном законе РФ не нашли закрепления такие духовно-нравственные качества как добросовестность, добропорядочность, нравственность, совесть, честь, достоинство, честность, взаимоуважение и т. п. Это крайне необходимо для развития общества и государства. Таковым должен быть первый шаг к законодательному закреплению и дальнейшему продвижению этих духовно-нравственных ценностей. Между тем могут быть предусмотрены и иные меры, вплоть до правовых, социальных, экономических, при условии правильного расставления приоритетов в сознании и подсознании человека. За основу в качестве материалов для исследования взят Уголовно-процессуальный кодекс (далее — УПК) РФ, чтобы проанализировать его на предмет наличия в нем ряда духовно-нравственных ценностей.

Результаты и обсуждение исследования. Добро — нормативно-оценочная категория морального сознания, характеризующая положительные нравственные ценности. Это всё хорошее, что постигает человека, что приносит пользу окружающим.

Слова с компонентом «добро» хоть и встречаются в УПК РФ несколько раз, но они в основном касаются норм, регулирующих деятельность добровольческих формирований, а также положений Федерального закона «О добровольном декларировании физическими лицами активов и счетов (вкладов) в банках...». В нескольких статьях УПК РФ, таких как ст. 142, 182, 314, 316, используется прилагательное «добровольный», под которым подразумевается выбор, сделанный человеком по собственной воле, инициативе без какого-либо принуждения. Подобное касается в основном подозреваемого (обвиняемого, осужденного) при проявлении собственных законопослушных действий, например, явка с повинной, и т. п.

Также в ч. 2 ст. 116 УПК РФ встречается прилагательное «добросовестный»: «Не подлежат аресту ценные бумаги на предъявителя, находящиеся у добросовестного приобретателя». Однако данная формулировка имеет исключительно гражданско-правовую природу и связана с презумпцией добросовестности участников гражданского оборота (ч. 5 ст. 10 Гражданского кодекса РФ).

В то же время следует отметить, что в УПК РФ отсутствуют категории добросовестности и добропорядочности, которые позволили бы установить определенный нравственный уровень для участников уголовного судопроизводства, что смогло подчеркнуть наличие духовно-нравственных основ в их непосредственной деятельности. Без них современное уголовное судопроизводство является неполным. В отличие от уголовного судопроизводства, в административном и гражданском процессах, например, требования добросовестности участников закреплены законодательно (ч. 6 ст. 45 Кодекса административного судопроизводства РФ, ч. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ).

То, что добросовестность и добропорядочность являются неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, подтверждается некоторыми учеными [9]. В частности, добросовестность включает в себя, как верно отметил А. В. Карсаков, «правопослушное поведение участника (подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), заключающееся в соблюдении правовых предписаний, но еще и принятие и выполнение им дополнительных обязательств, способствующих достижению назначения уголовного судопроизводства, реализации общественных интересов и свидетельствующих о снижении общественной опасности субъекта, влекущей обязательное улучшение его положения» [10, с. 422].

Кроме того, не стоит забывать о том, что добро можно рассматривать как отсутствие каких-либо злоупотреблений уголовно-процессуальным правом со стороны участников уголовного судопроизводства, в противном случае, злоупотребления могут стать массовыми при расследовании и рассмотрении уголовных дел. Исследования С. Д. Милицина подтверждают, что злоупотребления могут проявляться разными субъектами уголовно-процессуальных отношений и в разных вариациях: злоупотребление правом на заявление (жалобу), злоупотребление правом на провокацию, злоупотреблением правом на пытку [11].

Благо по своей сути представляет нечто хорошее, доброе, полезное, например, добро, польза, счастье, благополучие. Существует и другое значение блага, под которой в основном подразумеваются какие-либо материальные или иные ценности. Однако с точки зрения духовно-нравственных категорий для уголовного судопроизводства ключевым является именно первое значение.

Слова с компонентом «благо-» встречаются в уголовном процессе, часть из них закреплены в нормах УПК РФ. Например, в ст. 5 дано понятие «близкие лица», к которым, помимо всего прочего, относятся лица, жизнь, здоровье и *благополучие* которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений. Либо взять ст. 328 и 346 УПК РФ, в которых указано, что «председательствующий... *благодарит* остальных кандидатов в присяжные заседатели» и «после провозглашения вердикта председательствующий *благодарит* присяжных заседателей и объявляет об окончании их участия в судебном разбирательстве». Касательно вынесения вердикта присяжными заседателями в ст. 343 УПК РФ есть свое правило, в которой указано, что «если голоса разделились поровну, то принимается наиболее *благоприятный* для подсудимого ответ».

Вышеизложенные позиции подтверждают наличие в уголовном судопроизводстве блага, как хорошее отношение к лицам, добросовестно выполняющим свою работу при рассмотрении уголовного дела, как часть милосердия по отношению к другим лицам, как определенная помощь тем, кто нуждается в этом.

В то же время стоит пояснить что, благо представляет собой нечто большее и важное, чем представлено в нормах УПК РФ. Сам уголовный процесс является средством достижения блага. То же самое благополучие, а именно, обеспечение нормальной и спокойной жизни людей в обществе без каких-либо нежелательных и негативных явлений, достигается и в том случае, если государство обеспечивает безопасность путем защиты прав лиц, потерпевших от преступлений, восстановления их нарушенных прав, назначение справедливого наказания виновным, чтобы восстановить нарушенный баланс в обществе. Это и многое другое является назначением уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

С уголовно-процессуальной точки зрения понятие «благо» в определенной степени является субъективной категорией. Всё будет зависеть от того, как его понимает или воспринимает тот или иной участник уголовного судопроизводства, будь то потерпевший или подозреваемый (обвиняемый). Для кого-то благом будет являться назначение более мягкой меры пресечения чем заключение под стражу или в том, что ему были разъяснены права в соответствии со ст. 11 УПК РФ. Для кого-то благо будет заключаться в предоставлении обвинительного заключения или обвинительного акта на электронном цифровом носителе (ст. 222 УПК РФ). Для других благом будет удовлетворение гражданского иска во время постановления приговора (ст. 309 УПК РФ). В этом плане ярко прослеживается факт существования духовно-нравственных основ в уголовном процессе.

Нравственность представляет собой совокупность внутренних духовных качеств и этических норм, определяющих поведение человека. Она включает в себя способность противостоять соблазнам и слабостям, а также признание ценности человеческого существования. Нравственность проявляется в межличностных отношениях и представляет собой оценку, которую один субъект дает другому. Существуют и другие толкования нравственности. Однако проблема, как верно отметила Е. Э. Алексеева, заключается в отсутствии единообразия понятий нравственность [12].

Нравственность происходит от слова нрав, под которым понимается одна половина или одно из двух (наряду с умом) основных свойств духа человека. Нрав образу-

ет стройность, совершенство духа человека, его естество. Нрав — это также житейские правила, привычки, обычай. К умственному относится истина и ложь; к нравственному — добро и зло.

В действующем УПК РФ отсутствуют положения, регулирующие нравственные аспекты поведения участников уголовного процесса, что представляет собой значительный пробел. По мнению И. П. Поповой, отсутствие нравственных основ может проявляться в злоупотреблении правами или должностными полномочиями [13]. В связи с чем следует признать разумным законодательное закрепление требования нравственности в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

К нравственным началам уголовного судопроизводства ученые [14] относят назначенное и принципы уголовного процесса, а равно этические основы деятельности профессиональных участников уголовного судопроизводства [15]. По мнению Я. Б. Жолобова, эти этические основы должны распространяться в первую очередь на судей [16]. Согласно позиции Д. О. Чистилиной, нравственные начала также проявляются в соотношении с цифровыми изменениями уголовно-процессуальной сферы [17], а Б. Н. и А. Б. Алейниковы считают, что нравственные начала пронизывают все правоотношения [18].

Целесообразно ввести понятие «нравственность» в законодательный оборот и акцентировать его внимание на поведении участников уголовного процесса. В этом контексте можно применить золотое правило нравственности — одно из главных моральных требований, задающее принцип поведения по отношению к другим людям: «не поступай с другими так, как ты бы не хотел, чтобы поступали с тобой, т. е. люди должны относиться друг к другу как равноценные». Благодаря таким качествам как раз и обеспечивается баланс среди сторон в уголовном судопроизводстве.

Мораль представляет собой систему норм, правил и принципов поведения, основанной на представлениях о добре и зле, справедливом и несправедливом. Мораль — это нравственные нормы поведения, отношений с людьми, а также сама нравственность; логический поучительный вывод из чего-нибудь.

Моральные ценности формируют индивидуализированное мировоззрение, позволяющее оценивать явления и события через призму категорий добра и зла, справедливости, счастья и любви. Эти ценности устанавливают связь между поступками индивида и общепризнанными социальными нормами, определяя их соответствие или несоответствие этическим стандартам. Нравственность больше ориентирована на внутренние и личные убеждения и внутреннее ощущение правильности поступков, в то время как мораль ориентирована на соблюдение внешних норм и правил, принятых в обществе, в т. ч. с помощью нравственного подхода к соблюдению этих норм.

Однако в юриспруденции мораль рассматривается в основном с точки зрения морального вреда, под которым понимаются физические или нравственные страдания (ст. 151 Гражданского кодекса РФ). Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» «под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага или нарушающими его личные

неимущественные права...» В уголовном судопроизводстве моральный вред касается случаев подачи гражданского иска гражданским истцом (ст. 44 УПК РФ) для имущественной или нравственной компенсации вследствие причиненного преступления, а также при реабилитации реабилитированного (ст. 136 УПК РФ).

Если абстрагироваться от буквального толкования норм, то стоит отметить, что мораль всё же присутствует в уголовном судопроизводстве. Чаще всего она проявляется в ходе судебного разбирательства, в ходе которого, например, судом разъясняется подсудимому суть его неправомерного поведения, правовых последствий совершенного им деяния и т. п. На досудебных стадиях подобная работа продельвается следователем (дознавателем) и результатом подобных разъяснений может быть раскаяние виновного в совершенном деянии. Помимо прочего, согласно позициям А. М. Крепышева и Н. Н. Бойко, мораль также трактуется как этическое поведение участников уголовного судопроизводства [19; 20].

Схожим по содержанию с моралью есть понятие «совесть». Совесть представляет собой нравственное качество личности, связанное с субъективным осознанием своего долга и ответственности как перед отдельными людьми, так и перед обществом. Совесть предполагает субъект, способный к самообращению, и для функционирования необходимо наличие представления о добре и зле, способность к самонаблюдению и ощущение ответственности перед чем-то трансцендентным. Как правило, это внутренний судья, определяющий то, как человек должен правильно поступить, чтобы его действия соответствовали закону, в т. ч. нравственному. Поэтому данную духовно-нравственную категорию «примеряют», в первую очередь, применительно к суду.

В этом плане в УПК РФ закреплён принцип свободы оценки доказательств (ст. 17), где указано, что «судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Аналогичное правило присутствует и в требовании к вынесению вердикта присяжными заседателями.

Хоть в кодексе не дается прямого определения и толкования понятия совести, анализ позиций ученых по данному вопросу позволяет понять, какой смысл закладывал законодатель в данную нравственную категорию. Так, по мнению С. В. Корнаковой, под совестью понимается высокая мировоззренческая позиция, высокий уровень культуры и интеллекта у субъекта доказывания [21]. Кроме того, по ее мнению, совесть является нравственным ограничителем, предостерегающим лицо от произвола, предвзятости и субъективного предубеждения [22].

Изложенные выше позиции свидетельствуют о наличии морали и совести в уголовном судопроизводстве, где они проявляются как внутреннее отношение участников процесса к своим обязанностям и другим участникам. Это подтверждает существование духовно-нравственных основ, пронизывающих весь уголовный процесс.

Честь представляет собой комплекс моральных качеств, вызывающих уважение и гордость, а достоинство — это интегральная совокупность высоких моральных характеристик, включая признание этих качеств. Уважение — это признание достоинства личности, автономии и прав друго-

го человека; это проявление внимания к мнению и чувствам другого человека; это признательное отношение к законам, порядкам, правилам и требованиям.

Уважение чести и достоинства тоже является одной из духовно-нравственных категорий, нашедшей отражение в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации в качестве одного из основополагающих принципов уголовного процесса (ст. 9 УПК РФ). Этот принцип не только устанавливает запрет на осуществление каких-либо противоправных и унижительных действий в отношении участника уголовного судопроизводства, включая насилие и пытки, но и предполагает обеспечение такого режима в уголовном судопроизводстве, при котором признаются и соблюдаются законные интересы участников процесса, охраняется их честь и достоинство, а равно подразумевается доброе и уважительное отношение к участникам судопроизводства, особенно к подозреваемым и обвиняемым, независимо от того, какое преступное деяние они совершили. Как отмечает Д. А. Гришин, это также исключает действия и формы общения, причиняющие нравственные и физические страдания [23].

Участники уголовного судопроизводства, в свою очередь, также обязаны проявлять уважение к другим участникам, особенно к суду. Поэтому ч. 3 ст. 257 УПК РФ закрепляет требование о том, что к суду обращаются со словами «Уважаемый суд», а к судье — «Ваша честь». Подобная взаимность ярко отражает равновесный подход разных субъектов уголовно-процессуальных отношений друг к другу, обеспечивая баланс между ними, предоставляя им равноценные уважительные качества для обращения и диалога. В этом и заключается одно из проявлений духовно-нравственных ценностей в уголовном процессе. Мало того, такой подход, по мнению С. Б. Россинского, несет в себе воспитательное воздействие на граждан [24].

При этом не стоит исключать тот факт, что речь в этом случае стоит вести не просто об уважении, а о взаимоуважении, означающего обратную связь уважительного характера по отношению к другому участнику судопроизводства независимо от того, какую уголовно-процессуальную функцию он выполняет или какой процессуальный статус занимает. В отличие от «уважения» понятие «взаимоуважение» в большей степени отражает равновесное состояние между участниками уголовного судопроизводства, особенно между стороной защиты и стороной обвинения. Хоть и в действующем уголовно-процессуальном законодательстве понятие «взаимоуважение» не нашло своего отражения, следует признать необходимым включение данной духовно-нравственной категории в УПК РФ.

Выводы

Анализ отдельных нравственных категорий позволяет сделать вывод о том, что уголовное судопроизводство строится на духовно-нравственной основе, пусть пока еще и не в полной мере.

1. Духовно-нравственные основы являются фундаментальным элементом, на котором строится уголовное судопроизводство: от расследования и рассмотрения уголовных дел до достижения истины по уголовному делу и защиты прав и законных интересов человека в ходе уголовного преследования.

2. Духовно-нравственные ценности определяют не только правильное поведение участников уголовного судопроизводства, но и являются основой для обеспечения

безопасности, как отдельных субъектов уголовно-процессуальных отношений, так и всего общества в целом, выступая тем самым средством защиты от преступных проявлений.

3. Отсутствие духовно-нравственных ориентиров в уголовно-процессуальном законодательстве, как ранее было отмечено, приводит к злоупотреблению уголовно-процессуальным правом, различным правовым нарушениям, внося дисбаланс и разрушая систему расследования и рассмотрения уголовных дел.

4. В связи с чем следует считать разумным и справедливым законодательное закрепление в качестве требований или принципов таких духовно-нравственных категорий, как добросовестность и добропорядочность, нравственность в поведении участников уголовного судопроизводства.

Было бы правильным также законодательно закрепить в нормах УПК РФ толкование таких понятий, как «советы», «честь», «достоинство», «взаимоуважение».

Очевидно, что необходимо изменить парадигму оценки человеческих благ, отдавая приоритет не материальным, а духовно-нравственным ценностям. Важно, чтобы эти ценности были доминирующими в сознании законодателя, участника уголовного судопроизводства, да и любого человека, наряду с такими духовно-нравственными качествами и свойствами, как любовь, честность, милосердие, ответственность и т. п. Такой шаг позволит свести к минимуму порочные и иные негативные качества, приносящие вред, как самому человеку, так и всему обществу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дорошков В. В. Современный уголовный процесс через призму духовно-нравственных основ российского общества // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 12. С. 14—25. DOI: 10.12737/jrl.2021.144.
2. Зорькин В. Д. Право против хаоса : моногр. 2-е изд., испр. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2018. 367 с.
3. Марченко М. Н. На пути к праву метамодерна: рассуждения о должном // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2021. № 4. С. 127—132.
4. Абовян Э. П., Ананьева Е. О. Факторы сдерживания асоциального поведения несовершеннолетних: к вопросу о духовно-нравственном воспитании // Аграрное и земельное право. 2024. № 5(233). С. 313—315.
5. Волков К. А. Уголовно-правовая охрана традиционных духовно-нравственных ценностей // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. 2024. № 2. С. 128—134. DOI: 10.31085/2949-138X-2024-2-240-128-134.
6. Чирков Ф. В. Уголовно-правовая охрана традиционных российских духовно-нравственных ценностей: состояние, проблемы, перспективы. М. : Юрлитинформ, 2025. 312 с.
7. Уголовный закон и нравственность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Юриспруденция, 2022. 208 с.
8. Победкин А. В. Как одухотворить Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации? // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 49—54.
9. Кулик Н. В., Ким А. Д. К вопросу о принципе добросовестности в уголовном процессе // Криминалист. 2023. № 4(45). С. 66—72.
10. Карсаков А. В. Юридическая оценка поведения участников уголовного процесса с точки зрения добросовестного и недобросовестного // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 8А. С. 417—424.
11. Милицин С. Д. Можно ли совершать зло ради добра, или Еще раз о злоупотреблении уголовно-процессуальным правом // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3. С. 23—29.
12. Алексеева Е. Э. Подходы к определению нравственности в уголовном судопроизводстве России // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2022. № 3-1(40). С. 122—123.
13. Попова И. П. Нравственные начала в уголовном судопроизводстве: новые вызовы // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 2. С. 33—38.
14. Малина М. А. Нравственные основания российского уголовного процесса // Государство и право. 2024. № 1. С. 141—146. DOI: 10.31857/S1026945224010139.
15. Боева М. А. Соотношение права, морали и нравственности в деятельности сотрудника правоохранительных органов // Современное общество и право. 2023. № 6(67). С. 8—11.
16. Жолобов Я. Б. Нравственные начала в деятельности судьи (на примере жизненного пути А. Ф. Кони) // Российское правосудие. 2024. № 6. С. 5—14. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.6.5-14.
17. Чистилина Д. О. Цифровизация, нравственность и право в деятельности судьи при разрешении уголовного дела // Судебная власть и уголовный процесс. 2023. № 3. С. 59—64.
18. Алейников Б. Н., Алейникова А. Б. Правоотношение и нравственность: современное осмысление и новые подходы // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 18—32. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).18-32.
19. Крепышев А. М. Антикоррупционная этика судей // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6(234). С. 182—183.
20. Бойко Н. Н. Некоторые аспекты профессиональной этики адвоката // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10(226). С. 162—164.
21. Корнакова С. В. К дискуссии о категории совести как критерии оценки доказательств // Российский судья. 2024. № 12. С. 38—43. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-12-38-43.
22. Корнакова С. В. Усмотрение как результат формирования внутреннего убеждения судьи // Lex russica. 2022. Т. 75. № 5. С. 107—116. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.107-116.
23. Гришин Д. А. Уважение чести и достоинства личности при применении технических средств в уголовном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2022. № 11(215). С. 194—195. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_11_194.
24. Россинский С. Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 9. С. 67—79. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079.

REFERENCES

- 1 Doroshkov V. V. Modern Criminal Procedure through from the Perspective of Spiritual and Moral Grounds of Russian Society. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2021;25(12):14—25. (In Russ.) DOI: 10.12737/jrl.2021.144.
2. Zor'kin V. D. Law against chaos. 2nd ed. Moscow, Norma, INFRA-M, 2018. 367 p. (In Russ.)
3. Marchenko M. N. Towards metamodern law: discourse about the proper. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11. Pravo = Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2021;4:127—132. (In Russ.)
4. Abovyan E. P., Ananyeva E. O. Factors of deterrence of antisocial behavior of minors: on the issue of spiritual and moral education. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2024;5(233):313—315. (In Russ.)
5. Volkov K. A. Criminal law protection of traditional spiritual and moral values. *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke*. 2024;2:128—134. (In Russ.) DOI: 10.31085/2949-138X-2024-2-240-128-134.
6. Chirkov F. V. Criminal and legal protection of traditional Russian spiritual and moral values: status, problems, prospects. Moscow, Yurlitinform, 2025. 312 p. (In Russ.)
7. Criminal law and ethics. Proceedings of the international scientific and practical conference. T. Ya. Khabrieva (ed.). Moscow, Yurisprudentsiya, 2022. 208 p. (In Russ.)
8. Pobedkin A. V. How to spiritualize the Russian Federation Code of Criminal Procedure?. *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti = Bulletin of economic security*. 2016;5:49—54. (In Russ.)
9. Kulik N. V., Kim A. D. On the issue of the principle of good faith in criminal proceedings. *Kriminalist*. 2023;4(45):66—72. (In Russ.)
10. Karsakov A. V. Legal evaluation of behavior of criminal process participants through the good faith and bad faith. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2023;13(8A):417—424. (In Russ.)
11. Militsin S. D. Is it possible to do evil for the sake of good, or Once again about the abuse of criminal procedure law. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo = Criminal judicial proceeding*. 2023;3:23—29. (In Russ.)
12. Alekseeva E. E. Approaches to the definition of morality in Russian criminal justice. *Sovremennaya shkola Rossii. Voprosy modernizatsii*. 2022;3-1(40):122—123. (In Russ.)
13. Popova I. P. Moral principles in criminal proceedings: new challenges. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial authority and criminal process*. 2023;2:33—38. (In Russ.)
14. Malina M. A. Moral foundations of Russian criminal proceedings. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2024;1:141—146. (In Russ.) DOI: 10.31857/S1026945224010139.
15. Boeva M. A. Relationship of law, morality and moral in the activity of an employee of the law enforcement. *Sovremennoe obshchestvo i pravo = Modern society and law*. 2023;6(67):8—11. (In Russ.)
16. Zholobov Ya. B. The moral principles guiding the judge's activities (illustrated by the life journey of A. F. Koni). *Rossiiskoe pravosudie*. 2024;6:5—14. (In Russ.) DOI: 10.37399/issn2072-909X.2024.6.5-14.
17. Chistilina D. O. Digitalization, morality and law in the activity of a judge in resolving a criminal case. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess = Judicial authority and criminal process*. 2023;3:59—64. (In Russ.)
18. Aleynikov B. N., Aleynikova A. B. Legal relationship and morality: the modern understanding and new approaches. *Pravo-primenenie = Law Enforcement Review*. 2022;6(1):18—32. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(1).18-32.
19. Krepyshchev A. M. Anticorruption ethics of judges. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2024;6(234):182—183. (In Russ.)
20. Boyko N. N. Some aspects of a lawyer's professional ethics. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2023;10(226):162—164. (In Russ.)
21. Kornakova S. V. On the discussion of the conscience category as a criterion for evidence assessment. *Rossiiskii sud'ya = Russian judge*. 2024;12:38—43. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3791-2024-12-38-43.
22. Kornakova S. V. Discretion as a Result of the Formation of the Judge's Moral Certainty. *Lex Russica*. 2022;75(5):107—116. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.186.5.107-116.
23. Grishin D. A. Respect for the honor and dignity of the individual when using technical means in criminal proceedings. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2022;11(215):194—195. (In Russ.) DOI: 10.47643/1815-1337_2022_11_194.
24. Rossinskiy S. B. A Criminal-Procedural Form: Essence, Problems, Trends and Prospects of Development. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2020;15(9):67—79. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.067-079.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 28.12.2025; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 08.12.2025; approved after reviewing 28.12.2025; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 347.132.6
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1576

Olesya Aleksandrovna Belova
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines,
Volgograd Institute of Management —
branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
Volgograd, Russian Federation
belova-oa@ranepa.ru

Anastasia Igorevna Kuzmina
Assistant of the Department of Civil Law Disciplines,
scientific specialty
5.1.3 — Private law (civilistic) sciences,
Volgograd Institute of Management —
branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration
Volgograd, Russian Federation
kuzmina-ani@ranepa.ru

Олеся Александровна Белова
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
Волгоградский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Волгоград, Российская Федерация
belova-oa@ranepa.ru

Анастасия Игоревна Кузьмина
ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин,
научная специальность
5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки,
Волгоградский институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Волгоград, Российская Федерация
kuzmina-ani@ranepa.ru

СРЕДСТВА ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СДЕЛОК В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПО РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. Предметом представленного в статье исследования являются способы совершения сделок с помощью электронных либо иных технических средств, используемых субъектами гражданского оборота. В условиях вынужденной цифровой трансформации и увеличения объема электронного взаимодействия необходимость регламентации способов становится более явной. В исследовании рассматриваются особенности известных авторам способов электронного взаимодействия, а именно: посреднической цифровой платформы, которая обеспечивает сотрудничество субъектов в целях заключения гражданско-правовых договоров, также способы заключения электронных сделок с использованием агрегатора, click-wrap (клик мышью), browse-wrap или с помощью кода SMS, с применением онлайн-договоров, смарт-контрактов, мессендж-приложений или иных технических средств биометрических данных, e-mail или электронный образ документа.

В результате представленного исследования выявлено, что законодателем не решены ключевые проблемы различных способов совершения таких сделок. Более того, правоприменитель «избегает» толкования различных

существующих способов заключения электронных сделок и порождает возникновение различных правонарушений со стороны потребителей. С помощью метода правового моделирования авторы выявили системные особенности способов заключения электронных сделок.

Представленные выводы и предложения, по мнению авторов, важны для более безопасного способа взаимодействия контрагентов сделок и совершенствования действующего законодательства. Они могут стать отправной точкой новых исследований в сфере реформирования способов совершенствования системы защиты электронных сделок, которые позволят юристам работать более совершенные способы заключения электронных сделок. Это повысит эффективность работы, расширит возможности субъектов гражданского права и оптимизирует процесс реализации электронного взаимодействия.

Ключевые слова: электронная сделка, цифровизация, гражданский оборот, иные технические средства, электронное взаимодействие, гражданское право, договор купли-продажи, безопасность, цифровой оборот, Интернет

Для цитирования: Белова О. А., Кузьмина А. И. Средства заключения электронных сделок в условиях цифровизации по российскому гражданскому законодательству // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 200—205. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1576.

Original article

MEANS OF CONCLUDING ELECTRONIC TRANSACTIONS UNDER RUSSIAN CIVIL LAW
IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. *The subject of the research presented in the article is the methods of making transactions through electronic or other technical means used by civil law entities. In the context of forced digital transformation and an increase in the volume of electronic interaction, the need to regulate these methods becomes more apparent. The study examines the features of the methods of electronic interaction known to the authors, namely, the intermediary digital platform that ensures cooperation between entities in order to conclude civil law contracts, as well as the methods of conducting electronic transactions using an aggregator, click-wrap (click with a mouse), browse-wrap, or using an SMS code, online contracts, smart contracts, messaging applications, or other technical means of biometric data, e-mail, or an electronic image of a document.*

As a result of this research, we have identified that the legislator has not resolved the key issues of various methods of conducting such transactions. Moreover, the law enforcement

officers “shies away” from interpreting different existing ways of concluding electronic transactions, which leads to various offenses by consumers. Using the method of legal modeling, the authors have identified the systemic features of the methods of conducting electronic transactions.

According to the authors, the presented conclusions and suggestions are important for a safer way of interaction between transaction parties and the improvement of current legislation. They can serve as a starting point for new research in the field of reforming the methods of improving the protection of electronic transactions, which will allow lawyers to develop more advanced methods of conducting electronic transactions. This will increase the efficiency of work, expand the capabilities of civil law entities, and optimize the process of implementing electronic interaction.

Keywords: *electronic transactions, digitalization, civil circulation, other technical means, electronic interaction, civil law, contract of sale, security, digital circulation, the Internet*

For citation: Belova O. A., Kuzmina A. I. Means of concluding electronic transactions under Russian civil law in the conditions of digitalization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):200—205. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1576.

Введение

Актуальность. С развитием информационных технологий происходят масштабные изменения гражданского законодательства и индустрии в целом. В условиях активной цифровизации электронные сделки приобретают ключевой статус в развитии экономической деятельности страны. С каждым годом совершения таких сделок только увеличивается, ведь субъекты гражданского оборота все чаще совершают электронное взаимодействие друг с другом, что упрощает процесс заключения договоров купли-продажи товаров или договоров на оказание работ и/или услуг.

Изученность проблемы. Общие вопросы аспектов развития электронных сделок исследовали Т. Г. Мальцева [1], Е. Н. Агibalова [2], Ю. А. Федорова и П. В. Вдовиченко [3], А. В. Красикова [4], А. И. Кузьмина [5], В. В. Севостьянов и О. А. Минеев [6], В. С. Рухтина [7].

Основное внимание цивилистов и исследователей сосредоточено на проблемах интенсификации цифрового гражданского оборота, обусловленных новеллами в законодательстве. Электронная форма сделки становится приоритетной, а в некоторых случаях единственной возможной, поскольку большинство товаров, работ и/или услуг реализуется посредством цифровых сервисов [1, с. 58].

Имеется ряд работ по изучению цифровой трансформации в государственном управлении, которые затрагивают государственные сервисы предоставления услуг гражданам Российской Федерации, использующие электронную форму сделки: Е. И. Добролюбовой [8] и Д. Б. Миннигуловой и А. И. Мусиной [9]. Новые технологии изменяют способы взаимодействия людей и организации их деятельности, что позволяет создавать новые виды продукции, ведут к качественным изменениям в экономике и социальной сфере [8, с. 71].

Необходимо выделить работы М. С. Перцева [10], Н. Н. Катаевой [11], М. И. Воронцова и А. П. Горчаковой [12], которые изучают особенности технических средств заключения электронных сделок. К таким средствам авторы относят электронные носители информации, агрегаторы, *click-wrap*-соглашения, *browse-wrap*, смарт-контракты. Отметим, резкая трансформация электронных отношений открывает не только различные возможности, но и порождает значительные проблемы, особенно в области безопасности. Недостаточная защищенность цифровой инфраструктуры и неэффективные механизмы контроля лишь расширяют возможности совершения мошеннических действий [10, с. 274].

Отдельные особенности заключения электронных договоров изучают Т. Ю. Кулик [13] и А. В. Бодилевский [14]. Они уделяют внимание раскрытию сущности аспектов дистанционной продажи товаров и их реализации в современных реалиях.

Подходы к оценке электронных сделок в банковской сфере проработаны Ю. Севастьяновой [15], с точки зрения договоров кредитования и недобросовестного поведения банка при оказании таких услуг.

Однако глобального рассмотрения всех известных на сегодняшний день способов заключения электронных сделок, а не в отдельных отраслях права, не нашлось.

Целесообразность разработки темы обусловлена комплексным анализом способов электронного взаимодействия между субъектами гражданского права и стремлением расширения гражданского законодательства для безопасного совершения электронной сделки. Развитие данной области позволит внедрить предложенные нами механизмы по повышению качества оказания работ и/или услуг, а также создать методики по безопасному совершению таких сделок и минимизации рисков.

Цель работы включает в себя исследование и оптимизирование способов заключения электронных сделок, с тем чтобы обеспечить их надлежащее применение и безопасность.

Задачи исследования:

1. Проанализировать понятие «электронный» и «иные технические средства».
2. Изучить способы заключения сделок, совершаемых с помощью электронных либо иных технических средств.
3. Разработать способы защиты совершения электронных сделок.

Научная новизна исследования состоит в предпринятой попытке освещения изученных нами способов совершения сделок, совершаемых с помощью электронных либо иных технических средств, учитывающих взаимосвязь всех правовых вопросов, возникающих в гражданском праве при заключении электронных сделок. Обоснованные в работе авторские позиции и предложения опираются на действующее российское законодательство по вопросам применения технических и электронных средств, что поспособствует основе для дальнейших научных разработок и исследования перспективных направлений под условиями цифровизации.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно способствует углубленному изучению способов совершения сделок в условиях цифровизации с опорой на особенности электронного взаимодействия. Это, в свою очередь, способствуют совершенствованию механизмов заключения сделок по российскому гражданскому праву.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности использования регламентированных способов заключения сделок, совершаемых с помощью электронных либо иных технических средств, оценка перспективных направлений развития таких способов и обобщения собранной информации.

Методологию исследования составил общенаучный диалектический метод познания, специальные методы исследования: системно-структурный, сравнительно-правовой, историко-юридический, формально-юридический, а также комплексный метод.

Основная часть

Результаты исследования. Концептуальное оформление цифровизации произошло сравнительно недавно и повлияло на многие механизмы государственного регулирования, в связи с чем гражданское законодательство вынуждено было трансформироваться. Напомним, что с 2019 г. в Гражданском кодексе (далее — ГК) РФ появилась новелла о сделках, совершаемых с помощью электронных либо иных технических средств, иначе говоря, электронных сделках (п. 1 ст. 160 ГК РФ). При этом важно отметить, что законодатель и раньше не лишил нас возможности совершать электронные сделки, например, как отмечает А. В. Красикова, впервые современные электронные сделки в России начали заключать в марте 1998 г., когда банк «Платина» ввел в эксплуатацию систему платежей *CyberPlat* [4, с. 25].

Изменения законодательства создают благоприятные условия для развития электронного документооборота и цифровой трансформации общества, по мнению Д. Б. Миннигуловой и А. И. Мусиной [9, с. 196]. Между тем следует отметить, что ранее законодатель не лишил нас возможности заключения таких сделок, однако он не регламентировал их в ГК РФ.

С введением новых изменений в гражданское законодательство назревает несколько проблем:

1. Отсутствует регламентация понимания термина «иные технические средства».
2. Неизвестно, что законодатель понимает под словом «электронный».

Если ответ на первый вопрос можно найти в Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова, который связывает «электронный» с использованием свойств электронов, основанных на свойствах электронной вычислительной машины (<https://slovarozhegova.ru/>), то со вторым возникает сложность. Думается, что данный термин не нуждается в расшифровке, но мы предлагаем свою авторскую позицию относительно этого. Под иными техническими средствами можно понимать любые средства, связанные с электронными технологиями [2, с. 83].

Определившись с понятием иных технических средств, предлагаем изучить их особенности функционирования в гражданском обороте.

В первую очередь, уделим внимание агрегаторам. Н. Н. Катаева в своем исследовании под агрегаторами предлагает понимать посредническую цифровую платформу [11, с.83], понятие которой уточняется в Федеральном законе от 31 июля 2025 г. № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который вступает в силу с 1 октября 2026 г. (посреднической цифровой платформы, которая обеспечивает взаимодействие субъектов в целях заключения гражданско-правовых договоров). Способ взаимодействия простой: для совершения сделки необходимо выбрать нужный товар или услугу, а затем просто оплатить банковской картой или наличными. Таким образом, граждане совершают дистанционный способ розничной купли-продажи с помощью агрегатора, который специализируется на доставке товара путем оформления электронного договора через приложение на телефоне и/или в личном кабинете через компьютер. При этом оплата может быть произведена как в самом приложении до фактической доставки, так и в день поставки товара на дом или в пункте самовывоза. Таким образом, как отмечает Т. Ю. Кулик, для заключения договора в электронной форме необходимо участие информационных посредников (в нашем случае это агрегатор), отвечающих за программное обеспечение и обеспечивающих хранение и передачу информации [13, с. 8].

Одним из наиболее успешных агрегаторов является МКПАО «Яндекс». Согласно их официальной статистике, на 2025 г. более 110 млн чел. пользуются поиском «Яндекс»; 62,3 млн чел. являются активными пользователями городских сервисов (доставка, локальная коммерция, транспорт и пр.); 47,5 млн подписчиков у «Яндекс Плюс». Следующим по значимости использования на территории Российской Федерации является «Вайлдберриз». Достаточно удобный сервис покупки различных товаров в рыночном сегменте. Однако часто возникают различные споры по защите прав потребителей. Например, совершая заказ, физическое лицо, фактически, соглашается с публичной офертой, которая адресована неопределенному кругу лиц, с предложением заключить договор дистанционной купли-продажи товаров. Стоит заметить, что сам товар можно увидеть только во время его доставки, но это не отменяет того, что он должен соответствовать требованиям качества.

В качестве примера предлагаем рассмотреть решение Грязинского городского суда № 2-784/2024 2-784/2024~М-387/2024 М-387/2024 от 13 мая 2024 г. по делу № 2-784/2024. Истец приобрел три игровые консоли на сайте «Вайлдберриз» и оплатил товар. При проверке товара были обнаружены недостатки, поэтому истец направил претензию в адрес ООО «Вайлдберриз» о возврате денежных средств, но ответа не получил. Суд, изучая материалы дела, акцентировал внимание на том, что товар должен соответствовать качеству договора купли-продажи, а при существенных нарушениях требований к качеству товара, покупатель вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и потребовать возврата уплаченной за товар денежной суммы. Также в Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» указано, что при неисправности технически сложных товаров, покупатель вправе отказаться от исполнения договора купли-продажи и требовать возврата денежных средств. С учетом того, что игровые консоли относятся к технически сложным товарам, то истцу полагается вернуть его денежные средства, поэтому суд полностью удовлетворил требования.

Следующим техническим средством, которое неразрывно связано с использованием агрегатора, называют *click-wrap* (клик мышью). Пожалуй, самое противоречивое иное техническое средство, поскольку, с одной стороны, соблюдаются все условия заключения сделок, поименованные в законе, а с другой, совершение таких действий можно рассматривать через привычный для нас электронный документооборот.

Наряду с кликом мышью неразрывную связь имеет и средство с названием *browse-wrap* или иное его название «согласие на получение *cookie*-файлов». Тем не менее отметим, что *click-wrap* и *browse-wrap* не совсем одно и то же, поскольку в одном случае речь идет об акценте через нажатие кнопки согласия, а во втором о простом использовании сайта [12, с. 34]. Заходя на любой сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», автоматически выплывает окно о согласии на получение *cookie*-файлов. Это необходимо для сбора статистики по количеству запросов информации, посещения сайта или оказания услуги.

Еще одним техническим средством можно выделить онлайн-договоры (иначе говоря, дистанционные договоры). Способов заключения дистанционных договоров существует множество, начиная от пересылки документов по почте и заканчивая обменом информацией по сети «Интернет» с применением биометрических данных [14, с. 20]. Их не стоит путать со смарт-контрактами, поскольку это совершенно разные явления. В свою очередь, онлайн-договор также имеет несколько видов своего заключения:

1. Очевидная оферта на заключение соглашения, расположенная на сайте в интернет-пространстве (классический пример — оформление потребительского кредита в личном кабинете «Сбербанк-онлайн»).

2. Наличие общих условий — онлайн на сайте контрагента, а индивидуальных условий — офлайн (например, при оформлении кредитной карты в личном кабинете «Сбербанк-онлайн» прописаны общие условия, а индивидуальные условия рассказывают при личном посещении банка во время выдачи пластиковой карты на руки).

3. Наличие только индивидуальных условий — онлайн (например, персональный тариф мобильной сети используемого оператора только определенному абоненту) [5, с. 334].

Между тем весьма странным, но уже привычным способом заключения электронной сделки можно признать код *SMS*. К такому способу чаще всего обращаются банки для совершения кредитования или перевода денежных средств по банковским счетам. Казалось бы, это один из самых безопасных способов совершения сделки, ведь именно клиенту банковской карты должно приходиться уведомление с кодом, который он потом вводит в интернет-пространстве для завершения сделки. Но телефоном могут воспользоваться злоумышленники. Также, даже если банк смог предоставить соглашение о дистанционном обслуживании, суды далеко не всегда *SMS* приравнивают к аналогу собственноручной подписи, необходимой для заключения кредитного договора дистанционным способом [15, с. 101].

Акцентировать внимание стоит и на смарт-контрактах. Впервые о смарт-контрактах упомянул Ник Сабо в 1994 г., но активно исследовать их стали только в последнее десятилетие. В п. 2 ст. 309 ГК РФ указано: «...путем применения информационных технологий». Формально, под информационными технологиями подразумевается смарт-контракт или блокчейн, но в законе до сих пор нет определенных понятий таких конструкций, более того, законодатель избегает упоминания в нормативных актах таких терминов.

В качестве примера можно рассмотреть следующую ситуацию: лицо решило продать квартиру посредством смарт-контракта, удобство применение такого технического средства определяется вырванными за продажу недвижимости цифровыми деньгами и клирингом права собственности. Представляется, что смарт-контракт с технологией блокчейн защищают контрагентов сделок открытостью процесса и безопасностью, поскольку применяется специальная платформа (блокчейн), на которой регистрируется контракт, происходит взаимообмен и заключение сделки. Однако так ли безопасно совершать электронную сделку посредством блокчейн и смарт-контракта?!

Еще одним не менее противоречивым и в то же время интересным иным техническим средством можно признать биометрические данные, которые появились сравнительно недавно в нашем обиходе. Изначально биометрические данные стали внедрять в систему безопасности ПАО «Сбербанк», которые должны были усилить защиту информации о счетах и вкладах клиентов, однако ситуация, по нашему мнению, вышла из-под контроля и в конечном результате мы имеем применение распространенных схем мошенничества и большое количество потерпевших. Далее биометрические данные стали активно использовать на Государственном портале «ГосУслуги» (Единая система идентификации и аутентификации) для подтверждения личности или совершения операции. Помимо этого, активными пользователями биометрических данных являются производители сотовых телефонов и различных гаджетов, поскольку применяют функции *TouchID*, *FaceID*, *ApplePay*, *GooglePay* и пр.

Самым безопасным, по нашим наблюдениям, и простым техническим средством можно назвать электронный образ документа, т. е. документ, созданный посредством сканирования оригинального бумажного документа. В этом случае можно говорить о применении такого технического средства как *Portable Document Format* (формат переносимого документа; далее — *PDF*). Помимо этого можно использовать специально созданную программу для быстрого подписания документов, которой, безусловно, можно внести изменения в документ, но стороны в этом не нуждаются — *Adobe Acrobat Reader DC* (далее — *AARD*). По нашему

мнению, *AARDC* является вспомогательной программой по реализации *PDF*-форматов при заключении электронных сделок. Исходя из этого, можно определить следующее:

1. Электронный образ документа использует *PDF* как иное техническое средство для «оцифровки» документа и конвертации из бумажного вида в электронный.

2. Электронный образ документа должен быть подписан электронной подписью, которую в свою очередь также рассматривают как иное техническое средство [5, с. 330].

Не менее интересным средством признают мессенджеры. Ввиду глобальной трансформации мессендж-приложения есть в каждом гаджете с заводскими настройками, также их легко скачать из интернет-сегмента. Мессенджеры хранят в себе различную информацию, которая может касаться не только личных переписок, но и официальных деловых переговоров по согласованию существенных условий сделки, обмена документами и т. д., причем в законодательстве не прописано дословно, что субъектам разрешено использовать мессенджеры, однако если мы обратим внимание на п. 2 ст. 434 ГК РФ, то увидим, что под каналами связи, по нашему мнению, подразумеваются именно мессенджеры. Помимо этого, с 2026 г. в России активно стали внедрять использование мессенджера *MAX*, который по своему функционалу ничем не отличается от иных приложений, но оно официально русифицировано. Большая часть государственных организаций уже перешла на данную площадку для взаимодействия с контрагентами. Но, опять же, не напоминает ли это обычный электронный документооборот?! Тут также регистрируешься, обмениваешься сообщениями, файлами, однако сложность в определении и соотношении с электронным документооборотом возникает на этапе судебных разбирательств, когда в качестве доказательства представляют переписку из мессенджера. Однако, как справедливо отмечают Ю. А. Федорова и П. В. Вдовиченко, упрощение процесса оформления сделки приводит к легкости доступа к личным данным сторон договора третьими лицами [3, с. 33]. Кроме того, несмотря на повсеместное внедрение электронного документооборота, заказчики лишены возможности проверять соответствие участников закупки предъявляемым к ним требованиям на основе государственных информационных систем [6, с. 67].

Наряду с мессенджер-приложениями иным техническим средством можно признать и *E-mail*. Исходя из опыта, по общему правилу, юридическим лицам или индивидуальному предпринимателю настоятельно рекомендуется при использовании такого технического средства вести переговоры с официального электронного ящика своей организации и/или индивидуального предпринимателя, чтобы было легче доказать это в суде, если понадобится.

Учитывая изложенное выше, можно выделить несколько ключевых аспектов, по которым субъекты гражданского оборота заключают электронные сделки:

1. *Место заключения сделки* не играет роли в ее совершении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мальцева Т. Г. Трансформация формы сделок в условиях цифровизации: на примере каршеринга // Право и экономика. 2024. № 8. С. 58—63.
2. Агibalова Е. Н., Кузьмина А. И. Сделки, совершаемые с помощью электронных либо иных технических средств // Всероссийский юридический форум : сб. ст. Петрозаводск : Новая наука, 2020. С. 81—87.
3. Федорова Ю. А., Вдовиченко П. В. Совершение сделки с помощью электронных и иных технических средств // Цивилист. 2022. № 2. С. 32—36.

2. *Публичная оферта*, как правило, рассчитана на неограниченный круг субъектов, что становится затруднительным для пользователя, ведь тогда ставится вопрос о правомерности защиты прав потребителей при заключении такой сделки.

3. *По мобильности* только стационарные устройства рассчитаны на передачу информации. Невозможно совершить такую сделку с портативных устройств.

4. *Хранение данных* может спровоцировать ситуацию кражи персональных данных пользователей электронных сделок и совершения хакерских атак или мошеннических действий.

Заключение

Процесс цифровизации вынуждено влияет на трансформацию гражданского оборота. Приведенные нами в исследовании технические средства не изучены в полной мере со стороны законодателя и требуют к себе повышенного внимания для более безопасного способа взаимодействия контрагентов сделок. Мы предлагаем несколько способов совершенствования системы защиты таких сделок:

1. **Регламентация законодателем** «иных технических средств». Безусловно, отсутствие легальных определений и способов дает большой спектр возможностей на совершение сделки, но вопрос безопасности и правомерности остается открытым, поэтому, по нашему мнению, это необходимый шаг для развития электронных сделок.

2. **Создание базы данных** с несколькими шифрами безопасности клиентов для минимизации совершения актов взлома и потерь. В современных реалиях невозможно полностью обезопасить наши данные, которые мы загружаем в сеть «Интернет», но каждый субъект гражданского оборота должен понимать, что для его безопасности сделано все, что возможно.

3. **Личное согласие** на использование биометрических данных. Биометрия набирает большую популярность среди различных платформ, однако, использование биометрии в приложениях, с нашей точки зрения, не является прерогативой. Мы используем приложение, которое официально зарегистрировано на субъекта гражданского права, но он не дает нам гарантии на безопасность такого использования. Кроме того, если субъектом будет выступать публичное правовое образование (государство), то это будет объяснимо, а сторонние субъекты, по нашему мнению, недопустимы.

4. **Сделать электронные сделки доступными для всего населения**, особенно для самых незащищенных слоев нашего общества (пожилого возраста). Наблюдается тенденция использования портала «ГосУслуги» для записи к врачу и прочим предоставляемым услугам, но как быть с пожилым населением, у которого нет доступа к интернету и смартфонам?! Также мы убеждены, что необходимо **практиковать открытые лекции** для пожилого населения, испытывающего трудности в понимании принципа работы электронных сделок, для повышения правовой грамотности населения и устранения пробелов в применении электронных сделок.

4. Краси́кова А. В. Гражданско-правовое регулирование электронных сделок : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. 180 с.
5. Кузьмина А. И. Способы заключения соглашения об электронном взаимодействии с помощью иных технических средств // Исследователь года 2021 : сб. ст. Междунар. науч.-исследоват. конкурса. Петрозаводск : Новая наука, 2021. С. 328—338. DOI: 10.46916/22122021-5-978-5-00174-423-8.
6. Севостьянов В. В., Минеев О. А. Цифровизация гражданского оборота в контексте цифровой социально-экономической парадигмы: основные проблемы и перспективы развития // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 1. С. 64—69. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.1.9.
7. Рухтина В. С. Электронная форма сделки // Вопросы российской юстиции. 2022. № 17. С. 406—413.
8. Добролюбова Е. И. Государственное управление по результатам в эпоху цифровой трансформации: обзор зарубежного опыта и перспективы для России // Вопросы государственного и муниципального управления. 2018. № 4. С. 70—93.
9. Миннигулова Д. Б., Мусина А. И. Цифровая трансформация государственного сервиса // Конституционно-правовое развитие современной России: тенденции, приоритеты, проблемы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Мир печати, 2022. С. 191—198.
10. Перцев М. С. Особенности классификации электронных носителей информации, используемых в качестве электронных доказательств в уголовном процессе // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 273—278. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1476.
11. Катаева Н. Н. Закон о маркетплейсах и агрегаторах: важные новшества для бизнеса // Главная книга. 2025. № 18. С. 83—86.
12. Воронцов М. И., Горчакова А. П. Click-wrap-соглашение как форма смарт-контракта // Право и бизнес. 2023. № 2. С. 33—38.
13. Кулик Т. Ю. Особенности правового регулирования договоров, заключаемых в электронной форме : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. 35 с.
14. Бодилковский А. В. Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из договоров, заключенных дистанционно : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. 180 с.
15. Севастьянова Ю. Последствия недобросовестного поведения банка при кредитовании: анализ свежей судебной практики // Банковское кредитование. 2024. № 4. С. 96—106.

REFERENCES

1. Maltseva T. G. Transformation of the form of transactions in the context of digitalization: using the example of a carsharing. *Pravo i ekonomika*. 2024;8:58—63. (In Russ.)
2. Agibalova E. N., Kuzmina A. I. Transactions made using electronic or other technical means. *All-Russian Legal Forum. Collection of articles*. Petrozavodsk, Novaya nauka, 2020:81—87. (In Russ.)
3. Fedorova Yu. A., Vdovichenko P. V. Making a transaction with the use of electronic and other technical means. *Civilist*. 2022;2:32—36. (In Russ.)
4. Krasikova A. V. Civil law regulation of electronic transactions. Diss. of the Cand. of Law. Volgograd, 2005. 180 p. (In Russ.)
5. Kuzmina A. I. Methods of concluding an agreement on electronic interaction using other technical means. *Issledovatel` goda 2021 = Researcher of the Year 2021. Collection of articles of the International research competition*. Petrozavodsk, Novaya nauka, 2021:328—338. (In Russ.) DOI: 10.46916/22122021-5-978-5-00174-423-8.
6. Sevostyanov V. V., Mineev O. A. Digitalization of Civil Turnover in the Context of the Digital Socio-Economic Paradigm: Main Problems and Prospects of Development. *Pravovaya paradigm = Legal Concept*. 2022;21(1):64—69. (In Russ.) DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.1.9.
7. Rukhtina V. S. Electronic form of the transaction. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*. 2022;17:406—413. (In Russ.)
8. Dobrolyubova E. I. Performance management in public administration in the digital era: review of international practices and prospects for Russia. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal`nogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2018;4:70—93. (In Russ.)
9. Minnigulova D. B., Musina A. I. Digital transformation of public service. *Konstitutsionno-pravovoe razvitie sovremennoi Rossii: tendentsii, priority, problem = Constitutional and legal development of modern Russia: trends, priorities, and challenges. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Ufa, Mir pechaty, 2022:191—198. (In Russ.)
10. Pertsev M. S. Features of classification of electronic storage media used as electronic evidence in criminal proceedings. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;4(73):273—278. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2025.73.1476.
11. Kataeva N. N. The law on marketplaces and aggregators: important innovations for business. *Glavnaya kniga*. 2025; 18:83—86. (In Russ.)
12. Vorontsov M. I., Gorchakova A. P. A clickwrap agreement as a smart contract form. *Pravo i biznes = Law and business*. 2023;2:33—38. (In Russ.)
13. Kulik T. Yu. Features of legal regulation of contracts concluded in electronic form. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Krasnodar, 2007. 35 p. (In Russ.)
14. Bodilovskii A. V. Civil law regulation of relations arising from contracts concluded remotely. Diss. of the Cand. of Law. Moscow, 2022. 180 p. (In Russ.)
15. Sevast'yanova Yu. Consequences of unfair bank behavior in lending: analysis of recent court practice. *Bankovskoe kreditovanie*. 2024;4:96—106. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 23.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 23.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья**УДК 349.2****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1568****Anton Valerievich Belkov**

Candidate of History,
Associate Professor of the Department of Labor,
Environmental Law and Civil Procedure of the Law Institute,
Kemerovo State University;
Associate Professor of the Department of History, Philosophy
and Social Sciences of the Construction Institute,
T. F. Gorbachev Kuzbass State
Technical University
Kemerovo, Russian Federation
kemerovo_text@mail.ru

Natalya Valerievna Sedina

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Labor,
Environmental Law and Civil Procedure of the Law Institute,
Kemerovo State University;
Associate Professor of the Department of History, Philosophy
and Social Sciences of the Construction Institute,
T. F. Gorbachev Kuzbass State
Technical University
Kemerovo, Russian Federation
n.sedina@rambler.ru

Vladislava Vladislavovna Abolesheva

student of the Department of Labor, Environmental Law
and Civil Procedure of the Law Institute,
Specialty 40.03.01 — Jurisprudence,
profile of training “Criminal law”,
Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation
bathing.6@mail.ru

Антон Валерьевич Бельков

канд. ист. наук,
доцент кафедры трудового, экологического права
и гражданского процесса Юридического института,
Кемеровский государственный университет;
доцент кафедры истории, философии и социальных наук
Строительного института,
Кузбасский государственный
технический университет им. Т. Ф. Горбачева
Кемерово, Российская Федерация
kemerovo_text@mail.ru

Наталья Валерьевна Съедина

канд. пед. наук,
доцент кафедры трудового, экологического права
и гражданского процесса Юридического института,
Кемеровский государственный университет;
доцент кафедры истории, философии и социальных наук
Строительного института,
Кузбасский государственный
технический университет им. Т. Ф. Горбачева
Кемерово, Российская Федерация
n.sedina@rambler.ru

Владислава Владиславовна Аболешева

студент кафедры трудового, экологического права
и гражданского процесса Юридического института,
специальность 40.03.01 — Юриспруденция,
направленность (профиль) подготовки «уголовно-правовой»,
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Российская Федерация
bathing.6@mail.ru

ТРУДОУСТРОЙСТВО И РАЗВИТИЕ КАРЬЕРЫ ВЕТЕРАНОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ)

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. Статья посвящена анализу государственной политики Российской Федерации в сфере профессиональной интеграции ветеранов специальной военной операции (СВО) в трудовые отношения. Рассматривается многоуровневая система мер поддержки, включающая общегосударственные программы и региональные инициативы. Основой правового регулирования выступают федеральные законы «О ветеранах» и «О статусе военнослужащих», закрепляющие за данной категорией граждан такие гарантии, как предоставление ежегодного отпуска в удобное время, право на 35-дневный отпуск без сохранения заработной платы, а также первоочередное трудоустройство и преимущественное право на оставление на работе.

Особое внимание уделено последним изменениям в Трудовом кодексе РФ (ст. 351.7), которые вводят механизм приостановления трудового договора на период службы с сохранением рабочего места, полной выплатой заработной платы за предшествующий период и гарантией восстановления без испытательного срока.

Помимо законодательных норм, в статье анализируются федеральные программы, направленные на развитие лидерского и управленческого потенциала ветеранов, такие как «Время героев», а также деятельность Государственного фонда «Защитники Отечества», реализующего образовательные проекты (например, «Угольные города России») для последующего трудоустройства.

На примере Кемеровской области — Кузбасса показана реализация региональных мер поддержки. Описаны проекты «РаботаДляСвоих», включающий профессиональную диагностику, переобучение и ярмарки вакансий, а также программа «СВОи Герои. Кузбасс» по подготовке управленцев для органов власти.

Авторы делают выводы, что существующая система представляет собой комплексный механизм, сочетающий правовую защиту, профессиональную переподготовку и социальное сопровождение, что обеспечивает реализацию принципов социального государства и способствует полноценному возвращению ветеранов к гражданской жизни.

Ключевые слова: ветераны специальной военной операции, участники специальной военной операции, трудоустройство, социальная защита, профессиональное обучение,

переподготовка кадров, трудовые права, Трудовой кодекс, государственные гарантии, фонд «Защитники Отечества», региональные программы, Кемеровская область — Кузбасс

Для цитирования: Бельков А. В., Съедина Н. В., Аболешева В. В. Трудоустройство и развитие карьеры ветеранов специальной военной операции (федеральный и региональный опыт) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 206—210. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1568.

Original article

EMPLOYMENT AND CAREER DEVELOPMENT OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION VETERANS (FEDERAL AND REGIONAL EXPERIENCE)

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. This article analyzes Russian state policy on the professional integration of the Special Military Operation (SMO) veterans into the labor force. It examines a multilevel system of support measures, including national programs and regional initiatives. The legal framework is based on the Federal Laws “On Veterans” and “On the Status of Military Personnel”, which provide this category of citizens with guarantees such as annual leave at a convenient time, the right to 35 days of an unpaid leave, as well as priority employment and the preferential right to remain at work.

Particular attention is paid to the latest amendments to the Labor Code of the Russian Federation (Article 351.7), which introduce a mechanism for suspending an employment contract for the period of service with job retention, full payment of wages for the previous period, and a guarantee of reinstatement without a probationary period.

In addition to legislative norms, the article analyzes federal programs aimed at developing veterans' leadership and management potential, such as the Time of Heroes program, as well

as the activities of the Defenders of the Fatherland State Foundation, which implements educational projects (for example, “Coal Cities of Russia”) for subsequent employment.

Using the example of the Kemerovo Region and Kuzbass, the implementation of regional support measures is illustrated. The “Work for Ours” project, which includes professional assessments, retraining, and job fairs, is described, as well as the “Our Heroes. Kuzbass” program for training managers for government agencies.

The authors conclude that the existing system represents a comprehensive mechanism combining legal protection, professional retraining, and social support, ensuring the implementation of the principles of a social state and facilitating veterans' full return to civilian life.

Keywords: Special Military Operation veterans, participants in the Special Military Operation, employment, social protection, vocational training, personnel retraining, labor rights, Labor Code, state guarantees, Fatherland Defenders Foundation, regional programs, Kemerovo Region – Kuzbass

For citation: Belkov A. V., Sedina N. V., Abolesheva V. V. Employment and career development of the Special Military Operation veterans (federal and regional experience). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):206—210. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1568.

Введение

Актуальность. Согласно ст. 7 Конституции РФ наша страна является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, социальный характер государства отражает проводимую государственными органами политику, направленную на создание условий, необходимых для достойной жизни и защиты социально-уязвимых слоев населения. В полной мере это относится к участникам и ветеранам специальной военной операции на территории Украины (далее — СВО), вернувшихся к гражданской жизни.

Трудоустройство и развитие карьеры участников и ветеранов СВО в России регулируются комплексом федеральных и региональных нормативных актов, а также реализуются через государственные и региональные программы поддержки. Данные меры направлены на обеспечение гарантий при трудоустройстве, профессиональную переподготовку, стимулирование работодателей и социальную адаптацию.

Изучение проблемы. На сегодняшний день заявленная тема исследования является приоритетной в концепте государственной социальной политики, научная база которой только начинает формироваться. Тем не менее, в своем исследовании мы опираемся на работы Ю. Н. Куз-

нецова и Н. В. Иванченко [1], рассматривающих особенности стратегии обеспечения профессионального развития ветеранов СВО применительно к современному этапу и работы А. Р. Гирфановой [2] и И. А. Шуваловой [3], делающих акцент на дополнительных гарантиях при трудоустройстве участников СВО и членов их семей. В свою очередь, М. А. Журавлева и Л. И. Берестова [4], В. Н. Бобков, Е. В. Одинцова, Т. В. Чашина [5], О. В. Кирьянова [6], И. С. Назарова, К. В. Шевченко, М. Е. Колесников, В. М. Шеншин [7—9], А. С. Котельников [10], Д. Ю. Мананников [11] в своих исследованиях уделяют особое внимание социальным гарантиям участникам СВО и членам их семей, а А. В. Понедельков, А. Н. Аверин, Л. И. Щербакова, С. И. Самыгин, Н. С. Делов, О. Ю. и О. О. Керимовы [12; 13] анализируют особенности социальной поддержки мобилизованных в вооруженные силы РФ и членов их семей. Также отметим, что В. А. Ахмадуллин [14] акцентирует внимание на проблемах общей адаптации ветеранов СВО, а Д. А. Семянникова [15] раскрывает правовой характер статуса военнослужащих — участников СВО через нормы социального обеспечения. В исследованиях таких ученых, как В. Н. Гурьянчик [16], Ж. А. Старовойтова и А. В. Рябцев [17], анализируется опыт реализации дополнительных профессиональных программ в аспекте

профессиональной переподготовки участников СВО и раскрываются аспекты подготовки ветеранов СВО к просветительской деятельности с детьми и молодежью.

Целесообразность разработки темы исследования.

Обозначенная проблема является одной из наиболее приоритетных и социально значимых в современной России, ее целесообразность обусловлена не только сочетанием факторов государственной важности и острой социальной необходимостью, но и экономической выгодой, поскольку большую часть ветеранов СВО можно отнести к категории активно-трудоспособного населения.

Научная новизна исследования заключается в обобщении новелл российского законодательства применительно к вопросам социальной защиты ветеранов СВО в аспекте их трудоустройства и развития карьеры; анализе актуальных государственных и региональных программ, направленных на формирование устойчивой системы социальных лифтов, социальной стабильности и успешной интеграции ветеранов в гражданское общество.

Цель исследования — раскрыть сущностную характеристику системы трудоустройства и долгосрочного карьерного развития ветеранов СВО, действующей в Российской Федерации в настоящее время.

Задачи исследования:

1. Обозначить современное состояние нормативной правовой базы применительно мер социальной поддержки ветеранов СВО при трудоустройстве.
2. Раскрыть сущностную характеристику социальных программ федерального и регионального уровней, направленных на развитие трудоустройства и карьерных позиций ветеранов СВО.

Методология исследования базируется на использовании следующей группы методов: рационально-логический и системный анализ, последовательный переход от абстрактного к конкретному, системно-структурный подход.

Теоретическая значимость исследования заключается в обобщении и дополнении существующих концептуальных подходов относительно вопроса трудоустройства и развития карьеры ветеранов СВО.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут служить основой дальнейшей практико-ориентированных разработок организационной структуры управления трудоустройством и развитием карьеры ветеранов СВО.

Основная часть

Теоретические аспекты. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» устанавливает правовые гарантии социальной защиты участников СВО, которые получили статус ветеранов боевых действий. Цитируемый нормативный правовой акт в ст. 8 определяет, что государственная политика в отношении данной категории граждан базируется на реализации мер социальной поддержки, таких как использование ежегодного отпуска в удобное время, предоставление отпуска без сохранения заработной платы сроком до 35 календарных дней в году, а также профессиональное обучение и дополнительное профессиональное обучение за счет средств работодателя.

Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» закрепляет права и свободы, а также основы государственной политики в области социаль-

ной защиты, граждан Российской Федерации, уволенных с военной службы. В ст. 23 данного Закона предусмотрены права на трудоустройство и социальное обеспечение для уволенных военнослужащих, которые включают первоочередное предоставление работы с учетом специальности через государственные службы занятости; сохранение права на поступление на работу в те же государственные организации в течение трех месяцев после увольнения; преимущественное право на оставление на работе, в случае поступления впервые, при сокращении штата; обеспечение профессионального образования без выплаты стипендии для уволенных с военной службы с правом на пенсию, по состоянию здоровья или в связи с организационно-штатными мероприятиями.

В 2024 г. произошло расширение гарантий для участников и ветеранов СВО, что нашло свое закрепление в ст. 351.7 Трудового кодекса РФ, данная норма права регулирует приостановление трудовых договоров на весь период прохождения военной службы с участниками СВО (мобилизованными, контрактниками и добровольцами). Также введены меры защиты, направленные на сохранение рабочего места за участниками СВО, выплата полной заработной платы и иных выплат за период работы, предшествующий приостановлению трудового договора, право на использование ежегодного отпуска в удобное время в течение полугода после возвращения со службы, преимущественное право на восстановление на прежнем месте работы без испытательного срока после окончания военной службы.

Практические аспекты. Однако, как уже было отмечено, помимо действия федеральных законов, регулирующих вопросы социальной защиты участников и ветеранов СВО, в Российской Федерации осуществляются федеральные программы, направленные на обучение и переподготовку данной категории граждан.

Одной из главных программ, реализуемых на федеральном уровне, является программа «Время героев». Это уникальный проект, поскольку его главной целью является подготовка будущих руководителей, для системы управления различных уровней власти и компаний с государственным участием. Комплексное обучение будущих управленцев направлено на формирование устойчивых навыков эффективной командной работы через саморазвитие — систему личностного роста.

Кроме того, в Российской Федерации достаточно успешно действует Государственный фонд «Защитники Отечества», созданный для поддержки ветеранов СВО. Организация ведет комплексную работу по профессиональному обучению и переподготовке участников СВО, помогая им адаптироваться в обществе после возвращения к мирной жизни. Особое внимание фонд уделяет образовательным проектам, так, совместно с Министерством энергетики и Внешэкономбанком была запущена программа «Угольные города России», направленная на подготовку высококлассных специалистов и их дальнейшее трудоустройство в энергетической отрасли.

Реализация мер, направленных на обеспечение трудоустройства и профессионального обучения, осуществляется и на уровне субъектов Российской Федерации, где Кемеровская область не стала исключением. На сегодняшний день в Кузбассе действуют специальные программы, предназначенные для поддержки участников и ветеранов СВО.

В Кемеровской области — Кузбассе реализуется проект «РаботаДляСвоих», нацеленный на помощь участникам боевых действий в процессе их возвращения к мирной жизни. Комплекс мер обозначенной программы включает в себя не только профориентационную диагностику и курсы переподготовки, но дальнейшую траекторию сопровождения при трудоустройстве. При этом отметим, что для желающих открыть собственное дело также предусмотрены индивидуальные консультации и поддержка.

Также в регионе действует еще одна программа «СВОи Герои. Кузбасс», основной задачей которой является формирование кадрового резерва из числа ветеранов СВО для последующей работы в органах власти и местного самоуправления субъекта федерации.

Заключение

На сегодняшний день обозначенное направление работы является одним из приоритетных, поскольку социальная адаптация, последующее трудоустройство и развитие карьеры участников и ветеранов СВО является прямой обязанностью государства по отношению к защитникам Родины.

Комплекс правовых норм, раскрытых в теоретической части представленного исследования, направлен на социальную защиту участников СВО, в частности, в федераль-

ные законы «О ветеранах» и «О статусе военнослужащих» были внесены значимые поправки: отпуск в удобное время, длительный отпуск за свой счет (до 35 дней) и бесплатное обучение за счет работодателя, помощь в трудоустройстве через службы занятости, преимущество при сокращении штата и квоты на профессиональное обучение. Также отметим, что изменения, внесенные в Трудовой кодекс РФ, еще больше расширили социальные гарантии для участников СВО — от сохранения рабочего места на весь период службы, выплаты зарплаты за период до приостановки договора, права на отпуск в течение полугода после возвращения до восстановления на работе без испытательного срока.

В свою очередь, система персонального сопровождения траектории развития карьеры, описанная в практической части исследования, дает право предполагать, что ветеранам СВО, заинтересованным в дальнейшем профессиональном развитии, карьерном сопровождении, занятии предпринимательской деятельностью будет оказана всесторонняя и всеобъемлющая поддержка со стороны государства и региона (Кемеровская область — Кузбасс).

Таким образом, правовые гарантии и действующие на их основе государственные и региональные программы поддержки, обеспечивают достойные условия жизни граждан, участвовавших в СВО.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов Ю. Н., Иванченко Н. В. Особенности стратегии обеспечения профессионального развития ветеранов СВО на современном этапе // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2025. № 36. С. 186—196.
2. Гирфанова А. Р. Трудовая адаптация и профессиональная подготовка как направления социальной поддержки участников специальной военной операции // Административное и муниципальное право. 2023. № 5. С. 67—79. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.5.44197.
3. Шувалова И. А. Дополнительные гарантии при трудоустройстве участникам специальной военной операции и членам их семей // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 1. С. 18—20. DOI: 10.18572/2221-3295-2025-1-18-20.
4. Журавлева М. А., Берестова Л. И. Приоритеты государственной политики по организации защиты участников СВО // Государственная служба. 2023. Т. 25. № 4. С. 88—93. DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-4-88-93.
5. Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Чашина Т. В. О социальных гарантиях участников специальной военной операции и членов их семей // Социально-трудовые исследования. 2024. № 1(54). С. 138—146.
6. Кирьянова О. В. Социальная защита военнослужащих: проблемы правового регулирования // Аграрное и земельное право. 2023. № 7(223). С. 57—59.
7. Назарова И. С., Шевченко К. В., Колесников М. Е. О некоторых дополнительных мерах поддержки семей с детьми участников специальной военной операции // Аграрное и земельное право. 2023. № 8(224). С. 7—10.
8. Назарова И. С., Шевченко К. В., Шеншин В. М. О комплексном подходе к правовой регламентации вопросов предоставления участникам специальной военной операции мер государственной поддержки // Аграрное и земельное право. 2023. № 7(223). С. 40—42.
9. Назарова И. С., Шевченко В. М. Законодательные предпосылки реализации Правительством Российской Федерации полномочий по государственной поддержке участников специальной военной операции // Аграрное и земельное право. 2023. № 7(223). С. 20—23.
10. Котельников А. С. Развитие законодательства Российской Федерации в сфере социальной защиты военнослужащих // Право и государство: теория и практика. 2021. № 1(193). С. 211—216.
11. Мананников Д. Ю. Социальная поддержка военнослужащих и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий в условиях проведения Российской Федерации специальной военной операции на территории Украины // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10. № 2. С. 80—88. DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-9.
12. Понеделков А. В., Аверин А. Н., Щербакова Л. И., Самыгин С. И. Социальная поддержка мобилизованных людей в вооруженные силы Российской Федерации и их семей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 1. С. 49—56 DOI: 10.23672/SAE.2024.59.29.024.
13. Социальная защита военнослужащих — функция государства / А. Н. Аверин, А. В. Понеделков, О. Ю. Керимов и др. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки. 2022. № 4. С. 147—152.
14. Ахмадуллин В. А. Проблемы адаптации ветеранов специальной военной операции // Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 88—93. DOI: 10.24412/2071-5358-2024-5-88-93.
15. Семянникова Д. А. Правовые нормы социального обеспечения военнослужащих — участников специальной военной операции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 4. С. 89—97. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-89-97.

16. Гурьянчик В. Н. Подготовка ветеранов специальной военной операции к просветительской деятельности с детьми и молодежью // VIII Северные Афанасьевские чтения : материалы всерос. науч.-практ. конф. Архангельск : САФУ, 2025. С. 245—253.

17. Старовойтова Ж. А., Рябцев А. В. Опыт реализации профессиональных программ профессиональной переподготовки участников СВО // Проблемы современного педагогического образования. 2024. Вып. 85. Ч. 4. С. 385—389.

REFERENCES

1. Kuznetsov Yu. N., Ivanchenko N. V. Development strategy's features of the professional development of veterans of a special military operation at the present stage. *Vozdushno-kosmicheskie sily. Teoriya i praktika*. 2025;36:186—196. (In Russ.)
2. Girfanova A. R. Labor adaptation and vocational training as areas of social support for participants in a Special Military Operation. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*. 2023;5:67—79. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0595.2023.5.44197.
3. Shuvalova I. A. Additional guarantees in employment provided to participants of the Special Military Operation and their family members. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor law in Russia and abroad*. 2025;1:18—20. DOI: 10.18572/2221-3295-2025-1-18-20.
4. Zhuravleva M. A., Berestova L. I. Priorities of state policy on organizing social protection for the SMO participants. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Administration*. 2023;25(4):88—93. (In Russ.) DOI: 10.22394/2070-8378-2023-25-4-88-93.
5. Bobkov V. N., Odintsova E. V., Chashchina T. V. On social guarantees for participants in a special military operation and their family members. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya = Social & labour research*. 2024;1(54):138—146. (In Russ.)
6. Kiryanova O. V. Social protection of military personnel: problems of legal regulation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2023;7(223):57—59. (In Russ.)
7. Nazarova I. S., Shevchenko K. V., Kolesnikov M. E. About some additional measures to support families with children, participants in a Special Military Operation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2023;8(224):7—10. (In Russ.)
8. Nazarova I. S., Shevchenko K. V., Shenshin V. M. On a comprehensive approach to the legal regulation of the provision of state support measures to participants of a Special Military Operation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2023;7(223):40—42. (In Russ.)
9. Nazarova I. S., Shevchenko V. M. Legislative prerequisites for the implementation by the government of the Russian Federation of the powers of state support participants of a Special Military Operation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2023;7(223):20—23. (In Russ.)
10. Kotelnikov A. S. Development of the legislation of the Russian federation in the sphere of social protection of military personnel. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2021;1(193):211—216. (In Russ.)
11. Manannikov D. Yu. Social support for military personnel and family members of the dead (deceased) combatants under the conditions of the Russian Federation special military operation on the territory of Ukraine. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo = Science. Society. State*. 2022;10(2):80—88. (In Russ.) DOI: 10.21685/2307-9525-2022-10-2-9.
12. Ponedelkov A. V., Averin A. N., Shcherbakova L. I., Samygin S. I. Social support for mobilized people in the armed forces of the Russian Federation and their families. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, social-economic and social sciences*. 2024;1:49—56. (In Russ.) DOI: 10.23672 SAE.2024.59.29.024.
13. Averin A. N., Ponedelkov A. V., Kerimov O. Yu. et al. Social protection of military personnel is a function of the state. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. Seriya: Istoricheskie nauki. Kul'turologiya. Politicheskie nauki = Humanities, social-economic and social sciences. Historical sciences. Cultural science. Political sciences*. 2022;4:147—152. (In Russ.)
14. Akhmadullin V. A. Problems of the adaptation of veterans of the Special Military Operation. *Vlast' = The Authority*. 2024;32(5):88—93. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-5358-2024-5-88-93.
15. Semyannikova D. A. Legal Norms of Social Security of Servicemen — Participants of a Special Military Operation. *Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika = Eurasian integration: economics, law, politics*. 2022;4:89—97. (In Russ.) DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-89-97.
16. Guryanchik V. N. Preparation of the special military operation veterans for educational activities with children and youth. *VIII Northern Afanasyev Readings. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Arkhangelsk, Northern (Arctic) Federal University publ., 2025:245—253. (In Russ.)
17. Starovoitova Zh. A., Ryabtsev A. V. Experience in implementing additional professional retraining programs for its participants. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2024;85(4):385—389. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 28.01.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 16.02.2026. The article was submitted 28.01.2026; approved after reviewing 14.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья**УДК 342.9****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1549****Sergey Viktorovich Gorovenko**

Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Public Health
and Healthcare,
Tyumen State
Medical University
Tyumen, Russian Federation
tgamyp@yandex.ru

Natalia Evgenievna Zolnikova

Candidate of Medicine,
Associate Professor of the Department of Public Health
and Healthcare,
Tyumen State
Medical University
Tyumen, Russian Federation
ZolnikovaNE@tyumsmu.ru

Сергей Викторович Горовенко

канд. юрид. наук,
доцент кафедры общественного здоровья
и здравоохранения,
Тюменский государственный
медицинский университет
Тюмень, Российская Федерация
tgamyp@yandex.ru

Наталья Евгеньевна Зольникова

канд. мед. наук,
доцент кафедры общественного здоровья
и здравоохранения,
Тюменский государственный
медицинский университет
Тюмень, Российская Федерация
ZolnikovaNE@tyumsmu.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ПАЦИЕНТОВ В МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. *Обработка персональных данных в сфере медицинской деятельности обладает своей спецификой, вызванной действием различных правовых режимов в отношении информации о пациенте, его прав в отношении такой информации. Подобная специфика медицинской деятельности, с одной стороны, освобождает операторов от необходимости получения стандартизированной формы согласия субъекта на обработку его персональных данных, с другой, в силу внутриотраслевых взаимосвязей медицинского законодательства порождает необходимость либо оформления специальных форм документов, либо использования тех форм документов, которые предназначены для урегулирования смежных вопросов реализации прав пациентов.*

Дискуссионным вопросом в практике деятельности медицинских организаций остается применение законодательства о персональных данных при анонимном оказании услуг. В этой связи были проанализированы существующие научные подходы к разрешению возникающих проблем.

Лицензионным требованием к медицинской деятельности является передача персональных данных пациентов в единую государственную информационную систему в сфере здравоохранения. При этом наблюдаются про-

тиворечия в правовом регулировании данной процедуры на основе положений о медицинской тайне, в связи с чем была предложена редакция изменений в соответствующие нормы медицинского законодательства.

Также заслуживают внимания отдельные вопросы реализации права несовершеннолетних пациентов на выражение согласия на обработку своих персональных данных. Обращено внимание на противоречивость медицинского законодательства, регулирующего вопросы обеспечения прав несовершеннолетних пациентов на медицинскую тайну, и предоставление такой информации законным представителям несовершеннолетнего.

Актуальной представляется дискуссия относительно использования медицинскими работниками средств видеофиксации при оказании медицинской, в т. ч. скорой, помощи. В этой связи обращено внимание на недостаточность правового регулирования данной процедуры с точки зрения обеспечения прав субъектов персональных данных.

Ключевые слова: *персональные данные, согласие на обработку, анонимное оказание услуг, права пациентов, права несовершеннолетних, медицинские информационные системы, специальная категория персональных данных, биометрические данные, видеофиксация, скорая помощь*

Для цитирования: Горовенко С. В., Зольникова Н. Е. Проблемные вопросы обработки персональных данных пациентов в медицинских организациях // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 211—216. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1549.

Original article

PROBLEMATIC ISSUES OF PATIENTS' PERSONAL DATA PROCESSING
IN MEDICAL ORGANIZATIONS

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. *The processing of personal data in healthcare sector has its own specifics caused by the effect of various legal regimes regarding patient information and his rights in relation to such information. On the one hand, such specifics of medical activity exempt operators from the need to obtain a standardized form of consent of the subject to the processing of his personal data. On the other hand, due to the intra-industry interrelationships of medical legislation, it creates the need either to issue special forms of documents, or to use those forms of documents that are intended to resolve related issues of the realization of patients' rights.*

The application of legislation on personal data in the anonymous provision of services remains a controversial issue in the practice of medical organizations. In this regard, the existing scientific approaches to solving the emerging issues were analyzed.

A licensing requirement for medical activities is the transfer of patients' personal data to a unified state information system in the field of healthcare. At the same time, there are contradictions in the legal regulation of this procedure based

on the provisions on medical secrecy, in connection with which a revision of amendments to the relevant norms of medical legislation is proposed.

Also noteworthy are certain issues related to the implementation of the rights of minor patients to process their personal data in terms of the age of consent to processing. Attention is drawn to the inconsistency of medical legislation regulating the issues of ensuring the rights of minor patients to medical secrecy, and the provision of such information to the legal representatives of the minor.

The need to ensure the safety of medical personnel in providing emergency medical care to the population has led to the introduction in some regions of the Russian Federation of the practice of using video recording equipment in the provision of medical care. In this regard, attention is drawn to the insufficiency of the legal regulation of this procedure in terms of ensuring the rights of personal data subjects.

Keywords: *personal data, consent to processing, anonymous provision of services, rights of patients, rights of minors, medical information systems, special category of personal data, biometric data, video recording, ambulance*

For citation: Gorovenko S. V., Zolnikova N. E. Problematic issues of patients' personal data processing in medical organizations. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):211—216. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1549.

Введение

Актуальность. Согласно существующей практики работы медицинских организаций публичных и частных систем здравоохранения перед началом медицинского вмешательства оформляется согласие пациента на обработку его персональных данных. Такое согласие не является обязательным в отношении большей части информации, которая в нем содержится. При этом неразрешенным остается вопрос об оформлении согласия на передачу персональных данных пациента в единую государственную информационную систему в сфере здравоохранения (далее — ЕГИСЗ), в т. ч. при анонимном оказании платных медицинских услуг, возрасте предоставления такого согласия, применении средств видеofиксации в процессе оказания медицинской помощи.

Изученность проблемы. Правоотношения, связанные с обработкой персональных данных, в т. ч. в сфере медицинской деятельности, являются предметом рассмотрения долгое время. Общие вопросы правового регулирования обработки персональных данных в медицинской сфере достаточно подробно раскрыты в работе М. Г. Свередюка, В. С. Ступака, В. В. Люцко [1].

Необходимо отметить позицию Г. Ф. Ваулина, А. А. Тихомировой, П. Е. Котикова о значении отдельных медицинских документов в сфере правового регулирования персональных данных [2].

В части дискуссии о надлежащей обработке персональных данных при анонимном оказании услуг можно отметить работы Д. В. Пивень, И. С. Кицула, И. В. Иванова [3], Ф. Н. Кадырова [4], содержащие противоположные точки зрения относительно рассматриваемой проблематики.

В части проблематики документационного обеспечения процесса обработки персональных данных с учетом специфики медицинской деятельности заслуживают внимания идеи В. А. Винокурова [5], Е. Б. Подузовой [6].

Исследованию проблематики возраста оформления согласия несовершеннолетних пациентов на обработку персональных данных посвящены работы А. И. Гавриленко [7], М. С. Крыловой [8], А. А. Гаганова [9], Е. Б. Подузовой [10], И. В. Предеиной [11].

Проблематика применения видеозаписи при оказании медицинской помощи, обеспечения прав граждан на охрану изображения исследовалась, в числе прочих, О. А. Чепеницкой и Р. З. Симонян [12], Д. О. Рошиным и С. М. Саяпиной [13], Л. А. Юрьевой и Ю. А. Горбуль [14], А. Ю. Груздовым и Р. З. Симонян [15].

Целесообразность изучения темы исследования обусловлена необходимостью внесения изменений в федеральные законы, а также в соответствующие акты подзаконного характера, направленные на совершенствование механизма обработки персональных данных в деятельности медицинских организаций.

Научная новизна исследования выражена в формировании научного подхода к разрешению проблемных вопросов, связанных со спецификой обработки персональных данных участников здравоохранительных правоотношений.

Цель исследования заключается в выявлении нормативных противоречий и пробелов правового регулирования при обработке персональных данных в деятельности медицинских организаций и формировании обоснованных предложений по их устранению.

Задачи исследования:

- определить перечень персональных данных, подлежащих обработке только при наличии согласия пациента (его законного представителя);
- обосновать возможность оформления информированного добровольного согласия пациента при предоставлении анонимных медицинских услуг, на основе предоставляемых с его слов данных, и их передачу в ЕГИСЗ;
- обосновать необходимость прямого закрепления возраста дачи несовершеннолетним пациентом согласия на обработку персональных данных;
- обосновать необходимость внесения изменений в законодательство в связи с использованием средств видеofиксации в процессе оказания медицинской помощи.

Теоретическая значимость исследования заключается в исследовании существующих пробелов и противоречий в правовом регулировании обработки персональных данных в медицинской сфере.

Практическая значимость исследования выражается в разработке предложений, направленных на устранение выявленных пробелов и противоречий в исследуемой области.

Основная часть

Методология исследования. Основным методом исследования является сравнительно-правовой анализ российского законодательства в заявленной сфере нормативно-правового регулирования, позволяющий сформировать предложения по устранению выявленной проблематики.

Исследование освобождено от необходимости оценки ответственным этическим комитетом.

Результаты исследования. Обработка персональных данных с учетом особенности деятельности медицинских организаций является предметом научных исследований достаточно продолжительное время. Значимым результатом является то, что оказание медицинской помощи бесплатно или предоставление платной медицинской услуги не может ставиться в зависимость от наличия согласия субъекта на обработку специальной категории его персональных данных, к которым относится информация о здоровье пациента [1, с. 510].

Необходимо отметить позицию отдельных авторов о том, что «фото и видео, рентгеновские снимки, анализы и иная информация, неиспользуемая оператором (т. е. медицинским учреждением) для непосредственно установления личности пациента не относится к биометрическим персональным данным. Наряду с этим специалисты знают, что они часто автоматически ими могут стать (например, по запросу следственных органов), т. к. именно этими операторами они применяются для установления личности. Ясность по отношению к такой информации пока не обеспечена» [2, с. 111].

Возможно одновременное действие различных правовых режимов персональных данных, которые обладают отличающимися основаниями по обработке без согласия их субъекта. Однако возникновение цели идентификации личности у оператора персональных данных после их передачи медицинским учреждением не должно накладывать обязательства на организации здравоохранения по оформлению соответствующего согласия.

Таким образом, только с согласия пациента можно обрабатывать информацию, позволяющую установить с ним контакт (номер телефона, адрес электронной почты и т. п.).

При этом сведения о законном представителе пациента, а также о лице, которому может быть передана информация о состоянии здоровья с согласия пациента, подлежат обработке без согласия соответствующего субъекта персональных данных, т. к. это необходимо для выполнения возложенных законодательством Российской Федерации на медицинскую организацию обязанностей.

В то же время вызывают научную дискуссию следующие пробелы и противоречия, возникающие при обработке персональных данных пациентов.

Возможность оказания медицинских услуг на анонимной основе. Положения п. 2 ч. 5 ст. 84 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 323-ФЗ), реализуемые через пп. «б» п. 8 Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг (утв. Постановлением Правительства РФ от 11 мая 2023 г. № 736), допускающие фиксирование персонифицированных сведений о потребителе с его слов, порождают правовую коллизию с нормами ч. 1 ст. 20 Федерального закона № 323-ФЗ, устанавливающими необходимость выражения информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство (далее — ИДС). Формы ИДС, утвержденные Приказом Минздрава России от 12 ноября 2021 г. № 1051н, не предполагают возможность отсутствия валидации данных пациентов, что подтверждается позицией Минздрава России, выраженной в Письме от 9 июня 2017 г. № 17-1/3717-1 и заключающейся в том, что «оформление информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство при оказании пациенту платных медицинских услуг без заполнения графы “Фамилия, имя, отчество” является недопустимым».

Существуют авторские позиции, обосновывающие возможность использования псевдонима при оформлении рассматриваемой документации [3, с. 70], основанные на применении п. 1 ст. 19 Гражданского кодекса РФ и позволяющие, на наш взгляд, разрешить анализируемую правовую коллизию. Следует отметить, что на этот счет существуют и иные точки зрения [4, с. 68].

Предоставление информации в ЕГИСЗ. Предоставление информации в ЕГИСЗ является обязанностью медицинской организации (п. 16 ч. 1 ст. 79 Федерального закона № 323-ФЗ), что в свою очередь означает возможность обработки персонифицированной информации без согласия ее субъекта [ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Федеральный закон № 152-ФЗ)]. Обмен информацией, размещенной в медицинских информационных системах и содержащей врачебную тайну, допускается без согласия пациента (п. 8 ч. 4 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ). Размещение информации, составляющей врачебную тайну, в ЕГИСЗ без согласия пациента не предусмотрено, что порождает парадоксальную ситуацию, при которой согласие пациента (его законного представителя) имеет юридическое значение для передачи его персональных данных в ЕГИСЗ, но «его дальнейшее несогласие с обработкой его персональных данных никаких правовых последствий влечь за собой не будет» [5, с. 38].

Кроме того, нормативно не разрешен вопрос о предоставлении информации в ЕГИСЗ при анонимном оказании платных медицинских услуг, т. к. Положение о данной системе не предусматривает возможность указания псевдонима пациента, что означает необходимость

внесения изменений в порядок информационного взаимодействия в ЕГИСЗ путем специального указания на данный факт.

В целях разрешения рассматриваемой правовой коллизии предлагаем ч. 4 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ дополнить п. 8¹ следующего содержания: «при размещении медицинскими организациями информации в единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации».

До этого момента, в силу отсутствия утвержденной формы согласия на разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, было бы целесообразно указывать на соответствующее волеизъявление пациента в ИДС.

Необходимо отметить, что существуют точки зрения, критикующие возможность смешения в одном документе согласия на медицинское вмешательство и на обработку персональных данных [6, с. 71].

Следует отметить, что в соответствии со ст. 91 Федерального закона № 323-ФЗ кроме ЕГИСЗ могут применяться иные информационные системы, в т. ч. частные, что означает необходимость получения согласия пациента для передачи его персональных данных в данные системы и их последующей обработки.

Размещение в ЕГИСЗ информации является лицензионным требованием [пп. «ж» п. 5, пп. «е» п. 6 Положения о лицензировании медицинской деятельности (утв. Постановлением Правительства РФ от 1 июня 2021 г. № 852)], нарушение которого влечет наступление административной ответственности по ст. 14.1 или 19.20 Кодекса РФ об административных правонарушениях.

Обработка персональных данных несовершеннолетних пациентов. Минимальный возраст дачи согласия на обработку персональных данных в законодательстве не установлен. В мировой практике этот возраст составляет от 13 до 16 лет [7, с. 103; 8, с. 197]. Одни российские исследователи считают, что можно взять за основу возраст выражения согласия на медицинское вмешательство (15 лет) [9, с. 21], другие настаивают на возрасте 18 лет [10, с. 82]. На наш взгляд, ИДС в силу прямого указания Федерального закона № 323-ФЗ содержит в себе персональные данные пациента (его представителя). В этой связи фактическое возложение на медицинскую организацию обязанности по поиску законных представителей пациента для цели подписания согласия на передачу информации в ЕГИСЗ представляется не целесообразным.

Также необходимо обратить внимание на противоречие правовых норм при регулировании прав несовершеннолетних на врачебную тайну и передачу составляющих ее сведений третьим лицам. Исходя из вышесказанного, по общему правилу лица от 15 до 18 лет самостоятельно принимают решение о вступлении в медицинские правоотношения. Следовательно, приобретая по своему усмотрению правовой статус пациента, они также становятся субъектами врачебной тайны (специальной категории персональных данных) и вправе давать согласие на ее разглашение в соответствии со ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ.

Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 271-ФЗ были внесены изменения в ст. 22 Федерального закона № 323-ФЗ, направленные на ограничение врачебной тайны несовершеннолетних, которые вызвали дискуссию относительно порождаемых правовых коллизий [11, с. 41]. С основной идеей таких изменений согласиться можно

при условии приведения системы правового регулирования по данному вопросу в сбалансированное состояние, а именно изменить редакцию п. 4 ч. 2 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ, учитывая внесенные изменения.

Использование средств видеозаписи при оказании скорой медицинской помощи в отдельных регионах Российской Федерации. В качестве примера нормативного регулирования данного вопроса рассмотрим Приказ главного врача Центра скорой медицинской помощи и медицины катастроф Липецкой области (ГУЗ «ЦСМПМКЛО») от 11 ноября 2025 г. № 437 «О применении Системы открытого индивидуального видеонаблюдения при вызове скорой медицинской помощи бригадами ГУЗ «ЦСМПМКЛО» и использовании полученной в процессе аудио- и видеoinформации», утвердившего положение о данной Системе (далее — Положение). Задачами внедрения Системы открытого индивидуального видеонаблюдения заявлены обеспечение безопасности медицинского персонала, а также контроль качества оказания медицинской помощи. Пункт 6 Положения определяет правила оповещения о проведении видеосъемки путем использования соответствующих надписей на одежде медицинского работника, п. 7 — устанавливает, что при соблюдении установленных правил согласие субъектов на видеосъемку не требуется.

Обеспечение безопасности медицинского персонала в рассматриваемом контексте означает возможную идентификацию пациента или третьих лиц, присутствующих при оказании медицинской помощи. В этой связи получаемые персональные данные можно отнести к категории биометрических персональных данных, которые используются оператором для установления личности субъекта персональных данных, на основании ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ. В соответствии с данной статьей биометрические персональные данные могут обрабатываться только при наличии согласия в письменной форме субъекта персональных данных, за исключением случаев, предусмотренных ч. 2 статьи, которая напрямую рассматриваемую ситуацию не регулирует.

Можно отметить позицию Минздрава России, выраженную в Письме от 20 августа 2025 г. № 15-5/И/7-1470 «Об осуществлении водителем видеосъемки процедуры медицинского освидетельствования на состояние опьянения» относительно медицинского работника, в соответствии с которой требуется его согласие на видеофиксацию. Одни авторы отмечают, что видеосъемка в отношении пациента также допускается только с его согласия [12, с. 152]. Другие исследователи, отмечают, что ведение аудио-, видеозаписи медицинской организацией и единолично врачом будет законным, если оно осуществляется в целях контроля качества и безопасности медицинской деятельности [13, с. 55]. Существуют различные подходы к оформлению согласия на использование изображения гражданина [14, с. 63].

То, что формально установленной задачей видеозаписи является оценка качества оказанной медицинской помощи и, как следствие, отнесение ее результатов к специальной категории персональных данных, не исключает необходимость применения принципов обработки персональных данных, к которым относится, в том числе, исключение избыточности данных по отношению к заявленным целям их обработки.

Таким образом, можно констатировать, что использование средств видеофиксации при оказании скорой медицинской помощи не обладает надежной правовой базой,

несмотря на очевидную потребность в обеспечении безопасности медицинского персонала. В этой связи было бы более верным внести соответствующие изменения в Федеральный закон № 323-ФЗ или в ст. 11 Федерального закона № 152-ФЗ, позволяющие устранить неточности в правовом регулировании.

Следует отметить, что дополнительной правовой гарантией обеспечения медицинских работников была бы нормативно закреплённая в Федеральном законе № 323-ФЗ возможность правомерного отказа от оказания медицинской помощи в случае угроз и оскорблений со стороны пациента на основе Правил по охране труда в медицинских организациях (утв. Приказом Минтруда России от 18 декабря 2020 г. № 928н) в части, касающейся бригад скорой помощи. В то же время исследователями отмечается, что «в случае, если пациент только оскорбляет врача, но насилие не применяет, медицинский работник вынужден продолжать оказывать помощь» [15, с. 109].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Оформление согласия пациента на обработку персональных данных необходимо только в отношении его контактных данных (номер телефона, адрес электронной почты), биометрических данных при видеофиксации процесса оказания медицинской помощи, а также для передачи его данных в негосударственные информационные медицинские системы.

При предоставлении анонимных медицинских услуг должны использоваться нормы гражданского законодательства о возможности использования пациентом псевдо-

нима. В этой связи заполнение информированного добровольного согласия пациента допускается только на основании предоставляемых им сведений без подтверждения соответствующими документами. При передаче таких сведений в ЕГИСЗ необходимым является специальное указание на это (в случае внесения соответствующих изменений в действующие нормативные акты).

Для цели разрешения противоречия между правовыми нормами, регулирующими передачу сведений в ЕГИСЗ необходимо внести предлагаемые изменения в ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ. До момента внесения таких изменений возможно использование формы информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство.

В целях устранения неточности в правовом регулировании возраста дачи несовершеннолетним пациентом согласия на обработку персональных данных предлагается закрепить в нормах Федерального закона № 152-ФЗ и Федерального закона № 323-ФЗ, направленные ее устранение. Также в целях устранения нормативного противоречия в части передачи сведений о несовершеннолетнем пациенте его законным представителям предлагается внести изменения в статью в ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ.

В целях обеспечения безопасности сотрудников бригад скорой помощи предлагается закрепить в нормах Федерального закона № 152-ФЗ и Федерального закона № 323-ФЗ положения, позволяющие осуществлять видеофиксацию общения с пациентом (третьими лицами) до начала оказания медицинской помощи без согласия соответствующих субъектов персональных данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Свередюк М. Г., Ступак В. С., Люцко В. В. Отзыв согласия пациента на обработку персональных данных из медицинской организации: правомерность и возможности правового регулирования // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2021. № 4. С. 502—514. DOI: 10.24412/2312-2935-2021-4-502-514.
2. Ваулин Г. Ф., Тихомирова А. А., Котиков П. Е. Защита персональных данных пациентов в медицинских информационных системах // Forcipe. 2022. Т. 5. Спецвып. 2 : Материалы VI Национального конгресса с международным участием «Здоровые дети — будущее страны». С. 111—112.
3. Пивень Д. В., Кицул И. С., Иванов И. В. Как правильно оформить оказание платных медицинских услуг анонимно // Менеджер здравоохранения. 2019. № 2. С. 68—72.
4. Кадыров Ф. Н. Проблемы, связанные с оказанием платных медицинских услуг на анонимной основе // Менеджер здравоохранения. 2016. № 2. С. 65—76.
5. Винокуров В. А. Персональные данные человека, его личная и врачебная тайна: проблемы соотношения при оказании медицинских услуг // Ученые записки Юридического факультета. 2021. № 4. С. 35—41.
6. Подузова Е. Б. Охрана информации, составляющей врачебную тайну, в сфере применения технологий искусственного интеллекта в digital-медицине // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 6. С. 68—74. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.068-074.
7. Гавриленко А. И. К вопросу о возрасте согласия на обработку персональных данных // Актуальные проблемы гражданского права. 2023. № 2(22). С. 95—106.
8. Крылова М. С. Особенности правовой охраны персональных данных несовершеннолетних в сфере электронной связи в Европейском Союзе // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 3. С. 194—199. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.100.3.194-199.
9. Гаганов А. А. О некоторых проблемах реализации отдельных прав недееспособных лиц в сфере охраны их здоровья // Медицинское право: теория и практика. 2024. Т. 10. № 1—2. С. 14—22.
10. Подузова Е. Б. Применение технологий искусственного интеллекта при оказании услуг: взгляд цивилиста на проблему // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 76—84. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.076-084.
11. Предеина И. В. Врачебная тайна в отношении несовершеннолетних старшего возраста: новые аспекты правового регулирования // Медицинское право. 2020. № 6. С. 41—49.
12. Чепеницкая О. А., Симонян Р. З. Правовые проблемы осуществления пациентами фото- и видеосъемки в медицинских учреждениях // Медицинское право: теория и практика. 2023. Т. 9. № 3—4. С. 149—158.
13. Рошин Д. О., Саяпина С. М. К вопросу о легитимности осуществления аудио- и видеозаписи при оказании медицинских услуг // Менеджер здравоохранения. 2016. № 4. С. 48—57.

14. Юрьева Л. А., Горбуль Ю. А. Охрана изображения гражданина в условиях развития цифровой реальности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19. № 3. С. 62—68. DOI: 10.24147/1990-5173.2022.19(3).62-68.
15. Груздов А. Ю., Симонян Р. З. Проблема обеспечения безопасности врача при оказании медицинской помощи на дому // Медицинское право: теория и практика. 2023. Т. 9. № 3—4. С. 107—111.

REFERENCES

1. Sveredyuk M. G., Stupak V. S., Liutsko V. V. Revocation of the patient's consent to the processing of personal data from a medical organization: legality and possibilities of legal regulation. *Sovremennye problemy zdravookhraneniya i meditsinskoj statistiki = Current problems of health care and medical statistics*. 2021;4:502—514. (In Russ.) DOI: 10.24412/2312-2935-2021-4-502-514.
2. Vaulin G. F., Tikhomirova A. A., Kotikov P. E. Protection of patients' personal data in medical information systems. *Forcipe*. 2022;5(S2):111—112. (In Russ.)
3. Piven D. V., Kitsul I. S., Ivanov I. V. How to arrange the provision of paid medical services anonymously. *Manager zdravookhraneniya*. 2019;2:68—72. (In Russ.)
4. Kadyrov F. N. The challenges, related to provision of paid medical services on an anonymous basis. *Manager zdravookhraneniya*. 2016;2:65—76. (In Russ.)
5. Vinokurov V. A. Personal data of a person, his personal and medical secrets: correlation problems when providing medical services. *Uchenye zapiski Yuridicheskogo fakul'teta*. 2021;4:35—41. (In Russ.)
6. Poduzova E. B. Protection of Information Constituting the Medical Secret in the Field of Application of «Artificial Intelligence» Technologies in Digital Medicine. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2023;18(6):68—74. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2023.151.6.068-074.
7. Gavrilenko A. I. On the question about the age of consent to the processing of personal data. *Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava*. 2023;2(22):95—106. (In Russ.)
8. Krylova M. S. Peculiarities of legal protection of personal data of minors in the field of electronic communication in the European Union. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2019;3:194—199. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2019.100.3.194-199.
9. Gaganov A. About some problems of implementation of specific rights of disabled persons in the field of protecting their health. *Meditsinskoe pravo: teoriya i praktika = Medical Law: Theory and Practice*. 2024;10(1—2):14—22. (In Russ.)
10. Poduzova E. B. The Use of Artificial Intelligence Technologies in the Provision of Services: A Civilist's View of the Problem. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2024;19(8):76—84. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.076-084.
11. Predeina I. V. Medical privacy in respect of adolescents: new legal regulation aspects. *Meditsinskoe pravo = Medical law*. 2020;6:41—49. (In Russ.)
12. Chepenitskaya O. A., Simonyan R. Z. Legal problems of patients taking photos and videos in medical institutions. *Meditsinskoe pravo: teoriya i praktika = Medical Law: Theory and Practice*. 2023;9(3—4):149—158. (In Russ.)
13. Roshchin D. O., Sayapina S. M. The legitimacy of the audio and video recording during a medical examination. *Manager zdravookhraneniya* 2016;4:48—57. (In Russ.)
14. Yuryeva L. A., Gorbulyu Yu. A. Protection of the Image of a Citizen under the Development of Digital Reality. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Pravo" = Herald of Omsk University. Series "Law"*. 2022;19(3):62—68. (In Russ.) DOI: 10.24147/1990-5173.2022.19(3).62-68.
15. Gruzдов А. Ю., Симонян Р. З. The problem of ensuring the safety of a doctor when providing medical care at home. *Meditsinskoe pravo: teoriya i praktika = Medical Law: Theory and Practice*. 2023;9(3—4):107—111. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.02.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 01.02.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья**УДК 37****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1531****Khadizhat Muzaferovna Dzhaliylova**

Candidate of History,
Associate Professor of the Department of Social Sciences
and Law,
Dagestan State
Pedagogical University named after R. Gamzatov
Makhachkala, Russian Federation
hadizhatdzhaliylova@yandex.ru

Magomed Ibragimovich Magomedov

Master's student of the Department of Social Sciences
and Law,
field of training
44.04.01 — Pedagogical education,
Master's program
“Educational organization management”,
Dagestan State
Pedagogical University named after R. Gamzatov
Makhachkala, Russian Federation
djamieva.98@gmail.com

Хадижат Музаферовна Джапилова

канд. ист. наук,
доцент кафедры обществоведческих дисциплин
и правоведения,
Дагестанский государственный
педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Российская Федерация
hadizhatdzhaliylova@yandex.ru

Магомед Ибрагимович Магомедов

магистрант кафедры обществоведческих дисциплин
и правоведения,
направление подготовки
44.04.01 — Педагогическое образование,
магистерская программа
«Управление образовательной организацией»,
Дагестанский государственный
педагогический университет им. Р. Гамзатова
Махачкала, Российская Федерация
djamieva.98@gmail.com

РИСК-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ГОСУДАРСТВЕННОМ КОНТРОЛЕ (НАДЗОРЕ) В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье представлено комплексное исследование системы риск-ориентированного подхода в области государственного контроля за деятельностью образовательных организаций в Российской Федерации.

В работе рассматриваются теоретические основы, базовые критерии категоризации образовательных организаций по уровням риска, методики расчета и определения периодичности проверок, что способствует более эффективному распределению инспекционных ресурсов и повышению прозрачности процесса контроля, а также преимущества внедрения риск-ориентированного подхода: снижение затрат времени и ресурсов, повышение результативности контроля, уменьшение административной нагрузки на образовательные организации и снижение риска произвольных или необоснованных проверок. Проведен анализ эффективности применения данного подхода на основе статистических данных за 2016—2024 гг., что позволяет проследить динамику внедрения программы и ее влияние на качество контроля в сфере образования. Также выявлены и рассмотрены недостатки существующей системы: ограниченность критериев для оценки рисков, недостаточная дифференциация категорий риска, а также возможность манипуляций статистическими показателями, что может негативно влиять на объективность и достоверность результатов.

Проведенное исследование показало, что внедрение риск-ориентированного подхода повысило эффективность контроля образовательных организаций; система имеет преимущества, но требует усовершенствования для более точного определения риска. В качестве рекомендаций предлагаются направления совершенствования системы, включая внедрение качественных показателей, расширение перечня критериев оценки, увеличение количества категорий риска и использование современных информационных технологий и аналитических инструментов для более точного и оперативного анализа данных. Реализация таких мер обеспечит повышение уровня прозрачности, объективности, эффективности контрольных процедур, повысит качество государственного надзора за деятельностью образовательных организаций и будет способствовать развитию более справедливой и прозрачной системы управления в сфере образования.

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, государственный контроль, образовательная организация, категории риска, лицензионный контроль, Рособнадзор, снижение административной нагрузки, плановая проверка, контрольно-надзорная деятельность, система категоризации

Для цитирования: Джапилова Х. М., Магомедов М. И. Риск-ориентированный подход в государственном контроле (надзоре) в сфере образования: теория и практика // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 217—222. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1531.

Original article

RISK-BASED APPROACH TO STATE CONTROL (SUPERVISION)
IN EDUCATION: THEORY AND PRACTICE

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. *The article presents a comprehensive study of the risk-oriented approach in the field of state control over the activities of educational organizations in the Russian Federation.*

The paper examines the theoretical foundations, the main criteria for categorizing educational organizations by risk levels, methods for calculating and determining the frequency of inspections, which contributes to a more efficient distribution of inspection resources and increased transparency of the control process, as well as the benefits of implementing a risk-based approach: reduced time and resource costs, increased control effectiveness, reduced administrative burden on educational organizations, and reduced risk of arbitrary or unjustified inspections. An analysis of the effectiveness of this approach is conducted based on statistical data for the period 2016-2024, which allows us to track the dynamics of the program's implementation and its impact on the quality of control in the field of education. The shortcomings of the existing system are also identified and discussed: limited criteria for risk assessment, insufficient differentiation

of risk categories, and the possibility of manipulating statistical indicators, which may negatively affect the objectivity and reliability of the results.

The study shows that the implementation of a risk-based approach has increased the effectiveness of monitoring educational institutions; the system has advantages, but requires improvement to more accurately identify risks. Recommendations include introduction of quality indicators, expanding the list of assessment criteria, increasing the number of risk categories, and using modern information technologies and analytical tools for more accurate and operational data analysis. The implementation of such measures will ensure increased transparency, objectivity, and effectiveness of control procedures, improve the quality of state oversight of educational institutions, and contribute to the development of a more equitable and transparent governance system in the education sector.

Keywords: *risk-based approach, state control, educational organization, risk categories, licensing control, Rosobrnadzor, reduction of administrative burden, scheduled inspection, control and supervisory activities, categorization system*

For citation: Dzhililova K. M., Magomedov M. I. Risk-based approach to state control (supervision) in education: theory and practice. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):217—222. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1531.

Введение

Реформирование контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации, начатое с принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», ознаменовало переход от тотального контроля к риск-ориентированной модели регулирования. Образовательная сфера не стала исключением. В условиях ограниченных ресурсов и растущих требований к качеству образования внедрение риск-ориентированного подхода позволяет оптимизировать проверки, снизить административную нагрузку на образовательные организации при сохранении эффективности государственного контроля и своевременно выявлять системные нарушения [1, с. 8—14]. Современные вызовы: изменение законодательства, развитие цифровых технологий, потребность в повышении прозрачности процессов требуют глубокого анализа и совершенствования системы оценки риска. Всё это определяет **актуальность** исследуемой темы.

По данным Рособrnadzора, до внедрения риск-ориентированного подхода ежегодно проводилось более 15 тыс. плановых проверок образовательных организаций, при этом в 40 % случаев нарушений не выявлялось. Это свидетельствовало о нерациональном использовании ресурсов надзорных органов и избыточной нагрузке на добросовестные организации.

Как отмечает Р. В. Амелин, «к ключевым принципам деятельности контрольно-надзорных органов, относятся законность, гласность и профессионализм, справедливость, самостоятельность и независимость, а также принцип социальной ориентированности» [2, с. 4].

Степень разработанности темы. Анализ научной литературы показывает, что проблема и вопросы риск-ориентированного контроля в образовательной сфере рассматривались

в работах многих отечественных исследователей. Весомый вклад в разработку теоретических основ риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля в сфере образования внесли С. Е. Титор [3], Н. М. Кропачев [4], Н. Е. Булетова [5], Ж. А. Хохлунова [6] и др. В работах Е. П. Коцюрко [7] рассматривается контрольная деятельность в сфере высшего образования и проблемы правоприменения. Проблемные аспекты совершенствования контрольно-надзорной деятельности в России поднимает в своих трудах А. С. Палкина [8]. Вопросам риск-ориентированного подхода в государственном регулировании экономики в целом посвящены труды Л. А. Кравченко и И. А. Троян [9]. Анализ правоприменительной практики проведен в исследованиях Ю. А. Тихомирова, Н. В. Кичигина, Ф. В. Цомартовой, С. Б. Бальхаевой [10], они выделяют преимущества новой модели.

Авторы исследуют теоретические основы оценки риска и систем контроля в сфере образования, анализируют роль риск-ориентированных методов в повышении эффективности управления образовательными организациями и системами надзора. Их работы внесли значительный вклад в выявление ключевых аспектов оценки рисков, а также в развитие концепций оптимизации планирования проверок на основе оценки вероятностных сценариев, что служит важной основой для дальнейших исследований в области разработки методов расчета интервалов между проверками и повышения эффективности системы контроля.

Однако, несмотря на существующий научный задел, многие вопросы практической реализации риск-ориентированного контроля в российской системе образования остаются недостаточно проработанными, особенно в контексте изменений в социальноэкономической ситуации, региональных особенностей и необходимости адаптации методов оценки рисков к новым условиям.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- разработке и систематизации современных критериев и методов оценки риска в сфере образования, учитывающих как количественные, так и качественные параметры, что ранее в полной мере не являлось предметом комплексного анализа;
- предложении новых подходов к расчету интервалов между проверками на основе внедренных формул, позволяющих более точно и динамично регулировать сроки инспекционных мероприятий;
- разработке рекомендаций по усовершенствованию системы с учетом использования цифровых технологий и интеграции качественных и количественных показателей, что способствует повышению точности оценки риска и эффективности государственного контроля.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью повышения эффективности государственного контроля в сфере образования, оптимизации ресурсов, снижения административной нагрузки и повышения качества оценки рисков, что способствует развитию прозрачной и эффективной системы надзора.

Цель исследования — проанализировать эффективность внедрения риск-ориентированного подхода в системе государственного контроля (надзора) в сфере образования, его правовую составляющую, выявить его преимущества и недостатки, определить направления его дальнейшего совершенствования для повышения эффективности, прозрачности и объективности контроля в образовательной сфере.

Проанализировать теоретические основы данного подхода, его правовую составляющую и соответствие российскому законодательству.

Задачи исследования: изучить теоретические основы и концептуальные принципы риск-ориентированного подхода в системе государственного контроля в сфере образования; провести анализ критериев категорирования образовательных организаций по уровням риска и методов определения периодичности проверок; проанализировать нормативно-правовые акты, регулирующие контроль и надзор; оценить влияние внедрения риск-ориентированного подхода на права и обязанности субъектов образовательной деятельности и органов контроля; оценить эффективность применения риск-ориентированного подхода на основе анализа статистических данных за период 2016—2024 гг.; выявить и проанализировать существующие недостатки системы (ограниченность критериев оценки, дифференциации и возможности манипуляций); разработать рекомендации по усовершенствованию системы (расширение критериев, внедрение новых методов анализа и использования современных технологий и т. д.) и по совершенствованию законодательных и правовых механизмов, регулирующих контроль; предложить направления дальнейшего развития и повышения эффективности системы государственного контроля в сфере образования.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных знаний о методах оценки и управления рисками в сфере образования, а также в разработке новых подходов к моделированию интервалов между проверками и совершенствованию теоретической основы риск-ориентированного подхода в государственном контроле в образовательной сфере.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций и инструментов, позволяющих повысить эффективность и объективность системы госу-

дарственного контроля в сфере образования, снизить административную нагрузку, а также обеспечить своевременное выявление и минимизацию рисков.

Риск-ориентированный подход — это метод контроля, при котором выбор форм и объема мероприятий зависит от уровня риска деятельности юридического лица.

Основная часть

Методология исследования. В процессе проведения исследования были использованы аналитический метод (для изучения нормативных документов, методик определения категорий риска и оценки эффективности системы); исторический метод (анализ изменений и тенденций в практике проверок за разные периоды); сравнительный анализ, контент-анализ, статистический метод, моделирование и расчет (разработка и применение формул для определения интервалов между проверками и оценки риска).

Результаты исследования и их обсуждение. В российской правовой системе риск-ориентированный подход начал формироваться в 2000-х гг. в контексте реализации административной реформы. Концепция снижения административных барьеров (утв. Постановлением Правительства РФ от 31 июля 2003 г. № 451 «О Правительственной комиссии по проведению административной реформы») предусматривала дифференциацию интенсивности контроля в зависимости от степени риска.

Полномасштабное внедрение риск-ориентированного подхода в контрольно-надзорную деятельность началось с принятия Федерального закона от 22 июля 2025 г. № 277-ФЗ, который внес изменения в Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля».

С. Е. Титор подчеркивает, что «внедрение риск-ориентированного подхода в образовании имеет двойную цель: снижение административной нагрузки на организации с высокой репутацией и усиление контроля за потенциально опасными субъектами» [3, с. 19].

Система категорирования образовательных организаций по уровню риска базируется на оценке потенциальной опасности причинения вреда охраняемым законом ценностям при осуществлении образовательной деятельности.

Согласно ст. 23 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ установлены следующие категории риска для образовательных организаций:

- *Высокий риск* — организации, осуществляющие образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования, имеющие государственную аккредитацию.
 - *Значительный риск* — организации, реализующие аккредитованные программы среднего профессионального образования.
 - *Средний риск* — общеобразовательные организации с аккредитацией, организации дополнительного профессионального образования.
 - *Умеренный риск* — дошкольные образовательные организации, организации дополнительного образования детей.
 - *Низкий риск* — организации, осуществляющие образовательную деятельность по не аккредитуемым программам.
- Периодичность проведения плановых проверок образовательных организаций напрямую зависит от присвоенной категории.

Методика расчета формулируется следующим образом:

$$P = T / K \times C,$$

где P — период между плановыми проверками (в годах);
 T — базовый временной период (установлен в 6 лет для умеренного риска);

K — коэффициент риска (от 0,5 до 3);

C — корректирующий коэффициент, учитывающий индивидуальные особенности организации.

Коэффициент риска (K) определяется на основе следующих параметров:

– уровень образования: высшее образование — 3,0; среднее профессиональное — 2,0; общее образование — 1,0; дошкольное — 0,5;

– наличие аккредитации: есть — +1,0; нет — 0;

– численность обучающихся: свыше 1 000 чел. — +0,5;

– наличие интерната/общежития: есть — +0,5.

Корректирующий коэффициент (C) учитывает:

– отсутствие нарушений в предыдущем периоде: $\times 1,2$ (увеличение интервала);

– наличие грубых нарушений: $\times 0,5$ (сокращение интервала);

– положительная репутация (награды, высокие результаты ЕГЭ/ОГЭ): $\times 1,1$;

– наличие обоснованных жалоб: $\times 0,7$.

Как отмечает Н. Е. Булетова, «математизация контрольно-надзорной деятельности позволяет обеспечить объективность и предсказуемость для подконтрольных субъектов, что соответствует принципу правовой определенности» [5, с. 7—8].

Важным элементом методики является механизм внеплановых проверок, проводимых не зависимо от категории риска при наличии оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 57 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ:

• Причинение вреда (угроза причинения вреда) жизни, здоровью граждан.

• Возникновение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

• Обращения граждан о фактах нарушений, создающих угрозу охраняемым ценностям.

Эмпирический анализ результативности внедрения риск-ориентированного подхода проводится на основе статистических данных Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, региональных органов управления образованием, а также материалов научных исследований.

До внедрения риск-ориентированного подхода (2015 г.):

• Всего проверок: 15 243.

• Плановых проверок: 12 087 (79,3 %).

• Внеплановых проверок: 3 156 (20,7 %) (Отчет о результатах контрольно-надзорной деятельности Рособнадзора за 2015 год. С. 8. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/uploads/2020/12>).

После внедрения (2023 г.):

• Всего проверок: 8 934.

• Плановых проверок: 5 421 (60,7 %).

• Внеплановых проверок: 3 513 (39,3 %) (Отчет о выполнении Плана деятельности Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки за 2023 г. URL: <https://vk.com/@informio-otchet-o-3na-deyatelnosti-federalnoi-sluzhby-po>).

Таким образом, общее количество проверок сократилось на 41,4 %, что свидетельствует о снижении административной нагрузки на образовательные организации. Доля внеплановых проверок увеличилась, что отражает переориентацию контроля на реагирование по конкретным сигналам о нарушениях [11, с. 295—297].

Показатель результативности проверок (доля проверок с выявленными нарушениями):

• 2015 г.: 60,2 %.

• 2018 г.: 67,8 %.

• 2021 г.: 72,4 %.

• 2023 г.: 78,1 % [12, с. 86—87].

Увеличение доли проверок с выявленными нарушениями на 17,9 процентных пункта демонстрирует повышение таргетированности контроля: проверяются преимущественно организации с высокой вероятностью нарушений [13].

Анализ типичных нарушений показывает следующее распределение (2023 г.):

• Нарушения лицензионных требований — 34,2 %.

• Несоответствие образовательных программ федеральным государственным образовательным стандартам — 28,7 %.

• Нарушения при приеме на обучение — 15,3 %.

• Нарушения требований к образовательной деятельности — 12,8 %.

• Прочие нарушения — 9,0 % (Отчет о выполнении Плана деятельности Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки за 2023 г. URL: <https://vk.com/@informio-otchet-o-3na-deyatelnosti-federalnoi-sluzhby-po>).

Е. П. Коцюрко отмечает, что «концентрация контроля на организациях высокого и значительного риска позволила выявить системные нарушения в подготовке специалистов критически важных отраслей» [7, с. 56].

Динамика привлечения к административной ответственности:

• 2015 г.: 3 245 протоколов об административных правонарушениях.

• 2023 г.: 4 187 протоколов (увеличение на 29 %).

Аннулирование лицензий:

• 2015 г.: 87 случаев.

• 2023 г.: 134 случая (увеличение на 54 %) [8, с. 18—19].

Рост числа применения санкций при одновременном сокращении общего количества проверок свидетельствует о более точном выборе объектов контроля.

Оценка экономии бюджетных средств на проведение контрольных мероприятий:

• Средняя стоимость одной проверки: 42 000 руб. (2023 г.).

• Сокращение количества проверок: 6 309 единиц.

• Экономия бюджета: 264,98 млн руб. ежегодно.

• Снижение административных издержек образовательных организаций оценивается экспертами в 1,2 млрд руб. в год за счет сокращения времени на подготовку к проверкам и взаимодействие с контролирующими органами [9, с. 135].

Анализ правоприменительной практики позволяет выделить следующие преимущества новой модели [10, с. 6—7]:

• *Рациональное использование ресурсов* — концентрация усилий контролирующих органов на наиболее проблемных объектах.

• *Снижение коррупционных рисков* — формализованные критерии категорирования минимизируют субъективное усмотрение инспекторов.

• *Стимулирование добросовестности* — организации заинтересованы в соблюдении требований для снижения категории риска.

• *Предсказуемость* — образовательные организации могут планировать контрольные мероприятия.

• *Повышение качества контроля* — больше времени на углубленную проверку проблемных организаций.

Ж. А. Хохлунова подчеркивает: «переход от тотального контроля к точечному воздействию является общемировым трендом реформирования контрольно-надзорной деятельности» [6, с. 86—88].

Вместе с тем практика выявила ряд проблемных аспектов риск-ориентированной модели:

- *Формализм критериев* — количественные показатели не всегда отражают реальное качество образовательной деятельности [14]. Например, малочисленная элитная частная гимназия может попадать в низкую категорию риска, при этом имея серьезные проблемы с квалификацией педагогов.

- *Инерционность системы* — изменение категории риска требует времени, в течение которого проблемная организация может избежать проверки.

- *Ограниченность оснований внеплановых проверок* — жесткий перечень оснований затрудняет оперативное реагирование на информацию о нарушениях, не попадающих под формальные критерии.

- *Риск манипулирования* — организации могут искусственно снижать показатели для попадания в низкую категорию риска [15].

- *Недостаточная дифференциация* — пять категорий риска не позволяют учесть всё многообразие образовательных организаций.

Социологические исследования, проведенные НИУ ВШЭ в 2022 г. среди руководителей образовательных организаций, показали следующие результаты:

- 67 % респондентов отметили снижение административной нагрузки.
- 23 % не почувствовали изменений.
- 10 % указали на усложнение процедур.

При этом 58 % руководителей организаций высокого риска считают свою категорию завышенной, что свидетельствует о необходимости совершенствования критериев категорирования [Правительство России. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2024 году. URL: <http://static.government.ru/media/files/XqE8QwFSdipVDxrREBGeeH6AUfNfNv.pdf>].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- внедрение риск-ориентированной модели в государственном контроле (надзоре) за сферой образования способствует повышению эффективности и рациональности проверок, позволяя целенаправленно использовать ресурсы и снижать административную нагрузку на организации;

- внедрения риск-ориентированного подхода в контексте современного правового регулирования системы контроля весьма важно и актуально;

- анализ статистических данных за 2016—2024 гг. показывает, что система достигла существенных положительных результатов в улучшении качества контроля и повышении прозрачности процессов;

- существующие количественные критерии носят формальный характер, не отражающих реальное качество образования;

- возможные манипуляции статистическими показателями и недостаточная дифференциация категорий риска требуют совершенствования системы для повышения ее объективности и надежности;

- внедрение дополнительных качественных и количественных показателей, расширение числа категорий риска и применение современных технологий анализа данных позволят повысить точность и эффективность системы контроля.

На наш взгляд, для совершенствования системы риск-ориентированного подхода в государственном контроле образовательных организаций необходимо сделать следующее:

- включить качественные показатели (результаты ЕГЭ/ОГЭ, удовлетворенность обучающихся, трудоустройство выпускников);

- внедрить динамическое категорирование с автоматическим пересмотром при изменении показателей;

- расширить категории риска до шести-семи для более точной дифференциации;

- разработать и принять нормативные акты, регламентирующие порядок формирования, оценки и использования риска при проведении контроля;

- обеспечить правовую ясность и прозрачность критериев оценки риска для образовательных организаций;

- использовать технологии больших данных и искусственного интеллекта для прогнозирования рисков.

Дальнейшее развитие риск-ориентированного подхода должно идти по пути интеграции с цифровыми технологиями мониторинга, создания системы непрерывной оценки рисков в режиме реального времени, перехода от репрессивного к превентивному контролю с акцентом на консультирование и методическую поддержку.

Риск-ориентированный подход, с нашей точки зрения, продемонстрировал эффективность как инструмент модернизации контрольно-надзорной деятельности в образовании, однако требует постоянного совершенствования критериев категорирования и методов оценки рисков для достижения оптимального баланса между защитой прав обучающихся и снижением административной нагрузки на добросовестные образовательные организации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Борисов А. Н., Игнатов С. Л. Комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (постатейный). М., 2023. 327 с.
2. Амелин Р. В. Особенности и правовые основы государственного надзора в Российской Федерации // Глобальная трансформация России в эпоху цифровизации: проблемы, особенности, тенденции : материалы V Междунар. оч. науч.-практ. конф. для магистрантов. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2019. С. 3—7.
3. Титор С. Е. Риск-ориентированный подход государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в отношении общеобразовательных школ (социологический опрос) // Вестник университета. 2021. № 12. С. 18—24. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-18-24.
4. Кропачев Н. М., Дмитрикова Е. А., Лаврикова М. Ю., Соловьев А. А. Риск-ориентированный подход при организации контроля (надзора) в образовании // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. Вып. 2. С. 307—317. DOI: 10.21638/spbu14.2023.202.
5. Булетова Н. Е., Губин А. М., Романенко Н. Ю. Применение риск-ориентированного подхода к управлению экономической интеграцией субъектов Российской Федерации в условиях развития цифровой экономики // Право и цифровая экономика. 2023. № 2(20). С. 5—13.

6. Хохлунова Ж. А. Что такое риск-ориентированный подход // Современная наука в условиях модернизационных процессов: проблемы, реалии, перспективы: сб. науч. ст. по материалам VIII Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Вестник науки, 2022. С. 84—90.
7. Коцюрко Е. П. Контрольная (надзорная) деятельность в сфере высшего образования в условиях риск-ориентированного подхода: проблемы правоприменения и перспективы развития // Административное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 52—64. DOI: 10.7256/2454-0595.2023.4.43882.
8. Палкина А. С. Проблемные аспекты совершенствования контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации // StudNet. 2020. Т. 3. № 12. С. 17—27.
9. Кравченко Л. А., Троян И. А. Риск-ориентированный подход в государственном регулировании экономики // Научный вестник: Финансы, банки, инвестиции. 2024. № 2. С. 132—145.
10. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая трансформация // Право. Журнал высшей школы экономики. 2021. № 2. С. 4—23. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23.
11. Мышко Ф. Г., Шагиева Р. В. Особенности применения риск-ориентированного подхода при организации государственного контроля (надзора) в сфере профессионального образования // Образование и право. 2021. № 9. С. 292—298. DOI: 10.24412/2076-1503-2021-9-292-298.
12. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85—102. DOI: 10.12737/art_2018_1_7.
13. Кириченко И. А. Направления совершенствования риск-ориентированного подхода в практике управления национальными проектами // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 4. С. 1451—1464. DOI: 10.18334/ecsec.5.4.115024.
14. Тренды трансформации образования и рынка труда : семант. атлас / под ред. Л. М. Гохберга. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. 136 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-3002-3.
15. Гулько А. А., Дронова А. Н. О риск-ориентированном подходе в государственном финансовом контроле // Вектор экономики. 2019. № 2. URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/2/financeandcredit/Gulko_Dronova.pdf (дата обращения: 24.11.2025).

REFERENCES

1. Borisov A. N., Ignatov S. L. Commentary to the Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» (article-by-article). Moscow, 2023. 327 p. (In Russ.)
2. Amelin R. V. Features and legal bases of state supervision in the Russian Federation. *Global'naya transformatsiya Rossii v epokhu tsifrovizatsii: problemy, osobennosti, tendentsii = Russia's global transformation in the era of digitalization: problems, features, trends. Proceedings of the V International in-person scientific and practical conference for master's students*. Voronezh, NAUKA–YuNIPRESS, 2019:3—7. (In Russ.)
3. Titor S. E. Risk-oriented approach of state control (supervision) and municipal control in relation to secondary schools (sociological survey). *Vestnik Universiteta*. 2021;12:18—24. (In Russ.) DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-18-24.
4. Kropachev N. M., Dmitrikova E. A., Lavrikova M. Yu., Soloviev A. A. Risk-oriented approach in state control (supervision) in the field of education. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2023;14(2):307—317. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu14.2023.202.
5. Buletova N. E., Gubin A. M., Romanenko N. Yu. Application of a risk-based approach to managing the economic integration of subjects of the Russian Federation in the context of the development of the digital economy. *Pravo i tsifrovaya ekonomika = Law and digital economy*. 2023;2(20):5—13. (In Russ.)
6. Khokhlunova Zh. A. What is a risk-oriented approach. *Sovremennaya nauka v usloviyakh modernizatsionnykh protsessov: problemy, realii, perspektivy = Modern science in the context of modernization processes: problems, realities, prospects. Collection of scientific articles based on the materials of the VIII International scientific and practical conference*. Ufa, Vestnik nauki, 2022:84—90. (In Russ.)
7. Kotsyurko E. P. Control (supervisory) activities in the field of higher education in the context of a risk-based approach: problems of law enforcement and prospects for development. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo = Administrative and municipal law*. 2023;4:52—64. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0595.2023.4.43882.
8. Palkina A. S. Problemic [sic!] aspects of improving control and supervision activities in the Russian Federation. *StudNet*. 2020;3(12):17—27. (In Russ.)
9. Kravchenko L. A., Troyan I. A. Risk-based approach in state regulation of the economy. *Nauchnyi vestnik: finansy, banki, investitsii = Scientific Bulletin: finance, banking, investment*. 2024;2:132—145. (In Russ.)
10. Tikhomirov Y., Kichigin N., Tsomartova F., Balkhaeva S. B. Law and Digital Transformation. *Pravo. Zhurnal Vysheish shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2021;2:4—23. (In Russ.) DOI: 10.17323/2072-8166.2021.2.4.23.
11. Myshko F. G., Shagieva R. V. Features of the risk-based approach in the organization of state control (supervision) in the field of vocational education. *Obrazovanie i pravo*. 2021;9:292—298. (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-1503-2021-9-292-298.
12. Khabrieva T. Y., Chernogor N. N. The Law in the Conditions of Digital Reality. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2018;1:85—102. (In Russ.) DOI: 10.12737/art_2018_1_7.
13. Kirichenko I. A. Directions for improving the risk-based approach in managing national projects. *Ekonomicheskaya bezopasnost' = Economic security*. 2022;5(4):1451—1464. (In Russ.) DOI: 10.18334/ecsec.5.4.115024.
14. Trends in the Transformation of Education and the Labor Market. Semantic Atlas. L. Gokhberg (ed.). Moscow, ISSEK HSE publ., 2023. 136 p. (In Russ.) DOI: 10.17323/978-5-7598-3002-3.
15. Gulko A. A., Dronova A. N. Risk-based approach in government financial control. *Vektor ekonomiki = Vector economy*. 2019; 2. (In Russ.) URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/2/financeandcredit/Gulko_Dronova.pdf (accessed: 24.11.2025).

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 22.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 22.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Научная статья
УДК 342.7
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1577

Ivan Sergeevich Lapshin
 Candidate of Law, Associate Professor,
 Associate Professor of the Department of Criminal
 and Public Law,
 Moscow University “Synergy”
 Moscow, Russian Federation
 lapshin74@mail.ru

Shorena Semenovna Shushaniya
 Candidate of Law, Associate Professor,
 Associate Professor of the Department of Criminal
 and Public Law,
 Moscow University “Synergy”
 Moscow, Russian Federation
 shore555@mail.ru

Olga Vladimirovna Rodimushkina
 Candidate of Law, Associate Professor,
 Associate Professor of the Department
 of Criminal and Public Law,
 Moscow University “Synergy”
 Moscow, Russian Federation
 o-ovr@yandex.ru

Svetlana Vladimirovna Kubievich
 Senior lecturer
 of the Department of Criminal and Public Law,
 Moscow University “Synergy”
 Moscow, Russian Federation
 ksv87@list.ru

Иван Сергеевич Лапшин
 канд. юрид. наук, доцент,
 доцент кафедры уголовного
 и публичного права,
 «Московский университет «Синергия»
 Москва, Российская Федерация
 lapshin74@mail.ru

Шорена Семеновна Шушания
 канд. юрид. наук,
 доцент кафедры уголовного
 и публичного права,
 Московский университет «Синергия»
 Москва, Российская Федерация
 shore555@mail.ru

Ольга Владимировна Родимушкина
 канд. юрид. наук, доцент,
 доцент кафедры уголовного
 и публичного права,
 Московский университет «Синергия»
 Москва, Российская Федерация
 o-ovr@yandex.ru

Светлана Владимировна Кубиевич
 старший преподаватель
 кафедры уголовного и публичного права,
 Московский университет «Синергия»
 Москва, Российская Федерация
 ksv87@list.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ПУБЛИЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье исследуются актуальные проблемы реализации конституционной свободы собраний в Российской Федерации. Предметом анализа выступают правовые позиции Конституционного суда (КС) РФ, сформулированные за последние 20 лет, и их влияние на развитие законодательства и правоприменительной практики. Актуальность темы обусловлена противоречиями между уведомительным порядком проведения публичных мероприятий, предусмотренным федеральным законодательством, и фактическим формированием согласительного-разрешительной практики органами власти.

Цель исследования — выявить основные тенденции эволюции правовых позиций КС РФ, систематизировать конституционно-правовые критерии ограничения свободы собраний и определить степень влияния данных позиций на правоприменительную практику и законодательство. Методологическую основу составили диалектический, историко-правовой, системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Авторами систематизированы ключевые подходы КС РФ, касающиеся пределов допустимого ограничения свободы собраний, содержания позитивных обязанностей государства, а также условий привлечения организаторов

к ответственности. Выявлены два основных этапа эволюции правовых позиций: первый (2007—2012 гг.) характеризовался преимущественным признанием допустимости ограничений, второй (с 2012 г. по настоящее время) — формированием развращенной системы принципов реализации свободы собраний и акцентом на позитивных обязанностях государства.

В работе определены конституционно-правовые критерии ограничений (федеральный закон, конституционно значимые цели, принципы необходимости, пропорциональности и соразмерности, презумпция мирного характера), а также выявлены проблемы правоприменения: трансформация уведомительного порядка в разрешительный, отсутствие единообразного подхода к квалификации серии одиночных пикетов, формальный подход к установлению вины и причинно-следственной связи. Сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: Конституционный суд РФ, правовая позиция, свобода собраний, свобода манифестаций, манифестация, публичное мероприятие, ограничение свободы собраний, позитивные обязанности государства, уведомительный порядок, одиночный пикет

Для цитирования: Лапшин И. С., Шушания Ш. С., Родимушкина О. В., Кубиевич С. В. Эволюция правовых позиций Конституционного суда Российской Федерации по вопросам реализации права граждан на публичные мероприятия // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 223—228. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1577.

Original article

EVOLUTION OF LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION CONCERNING THE IMPLEMENTATION OF THE CITIZENS' RIGHT TO PUBLIC EVENTS

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. *The article examines current problems in the implementation of the constitutional freedom of assembly in the Russian Federation. The subject of the analysis is the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation formulated over the past 20 years and their impact on the development of legislation and law enforcement practice. The relevance of the topic is determined by the contradictions between the notification procedure for holding public events, established by federal legislation, and the actual formation of a conciliatory-permissive practice by authorities.*

The aim of the study is to identify the main trends in the evolution of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, systematize the constitutional and legal criteria for restricting the freedom of assembly, and determine the degree of influence of these positions on law enforcement practice and legislation. The methodological framework includes dialectical, historical-legal, systemic, formal-legal, and comparative-legal methods.

The authors systematize the key approaches of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the limits of permissible restriction on the freedom of assembly, the content of the positive obligations of the state, as well as the con-

ditions for holding organizers accountable. Two main stages in the evolution of legal positions are identified: the first stage (2007–2012) was characterized by the predominant recognition of the admissibility of restrictions, while the second stage (from 2012 to the present) is marked by the formation of a comprehensive system of principles for implementing the freedom of assembly and an emphasis on the positive obligations of the state.

The work defines the constitutional and legal criteria for restrictions (federal law, constitutionally significant goals, the principles of necessity, proportionality, and commensurability, the presumption of a peaceful nature), and also identifies problems of law enforcement: the transformation of the notification procedure into a permissive one, the lack of a uniform approach to qualifying a series of single pickets, and a formal approach to establishing guilt and causation. Recommendations for improving legislation and law enforcement practice are formulated.

Keywords: *Constitutional Court of the Russian Federation, legal position, freedom of assembly, freedom of demonstrations, demonstration, public event, restriction of freedom of assembly, positive obligations of the state, notification procedure, single picket*

For citation: Lapshin I. S., Shushaniya S. S., Rodimushkina O. V., Kubievich S. V. Evolution of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the implementation of the citizens' right to public events. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):223—228. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1577.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена наличием ряда противоречий и неразрешенных вопросов в механизме реализации свободы собраний. В этой связи анализ решений Конституционного суда (далее — КС) РФ не только теоретически значим, но и крайне востребован правоприменительной практикой.

Право граждан на мирные собрания, будучи одним из фундаментальных элементов демократического правового государства и важнейшим институтом гражданского общества, занимает особое место в системе конституционных прав и свобод человека и гражданина. В России, как и в большинстве современных государств, реализация данного права сопряжена с необходимостью поиска баланса между свободой выражения коллективного мнения и требованиями обеспечения общественного порядка, безопасности и прав иных лиц. Принятие Федерального закона от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее — Закон № 54-ФЗ) стало важным этапом в формировании законодательной базы в этой сфере. Однако более чем двадцатилетний период его действия выявил ряд существенных проблем правоприменения, а динамично меняющаяся социально-политическая среда обусловила необходимость осмысления накопленной судебной практики, прежде всего практики КС РФ.

Изученность проблемы. Вопросы реализации конституционной свободы собраний традиционно находятся в центре внимания отечественной юридической науки. Различные аспекты данной проблематики исследовались в трудах таких ученых, как С. А. Авакян [1], П. А. Аксенов [2], П. А. Астафичев [3], В. В. Гошуляк [4], Т. Т. Ляшенко [5], О. Н. Доронина [6], И. М. Евлоев [7], Т. А. Грищенко [3; 5], С. Ю. Колмаков [8], А. Кондрашев [9], А. В. Саленко [10; 11], Г. В. Синцов [4], А. В. Тарасов [3], Т. М. Храмова [12], С. Н. Шевердяев [13], М. А. Яковенко [14] и др.

Имеется ряд работ, посвященных отдельным аспектам проблемы: ограничениям свободы собраний (Т. М. Храмова [12], И. М. Евлоев [7]), политико-правовой практике и системным дефектам законодательства (А. Кондрашев [9], С. Н. Шевердяев [13]), региональному регулированию (О. Н. Доронина [6]), вопросам ответственности (П. А. Аксенов [2]), а также сравнительному анализу с зарубежными подходами (Т. А. Грищенко и Т. Т. Ляшенко [5], В. В. Гошуляк и Г. В. Синцов [4], А. В. Саленко [11]).

Первыми изучать практику КС РФ по вопросам свободы собраний начали С. Ю. Колмаков [8] и А. В. Саленко [10]. В работе С. Ю. Колмакова [8] дан обзор решений КС РФ, однако отсутствует системный анализ эволюции правовых позиций. А. В. Саленко [10] рассматривает эволюцию свободы мирных собраний в постановлениях КС РФ

за период с 1993 по 2018 г. Однако до сих пор отсутствует комплексное исследование, в котором была бы системно представлена эволюция правовых позиций КС РФ за весь период действия Закона № 54-ФЗ. Существующие работы либо ограничены узкими хронологическими рамками, либо рассматривают позиции КС РФ фрагментарно, в контексте иных проблем, что не позволяет в полной мере оценить динамику развития конституционно-правовой доктрины, выявить устойчивые тренды и противоречия в подходах высшего органа конституционного контроля. Всё это определяет **целесообразность разработки темы.**

Научная новизна исследования заключается в комплексном и системном анализе эволюции правовых позиций КС РФ в сфере свободы собраний за период с 2007 г. В работе впервые на основе широкого круга решений КС РФ выявлены и систематизированы основные концептуальные подходы к регулированию публичных мероприятий, показана динамика развития правового регулирования от признания допустимости ограничений до формулирования позитивных обязанностей государства.

Цель исследования — выявить основные тенденции эволюции правовых позиций КС РФ, систематизировать конституционно-правовые критерии ограничения свободы собраний и определить степень влияния данных позиций на формирование правоприменительной практики и совершенствование законодательства о публичных мероприятиях.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**: определить основные этапы эволюции правовых позиций КС РФ; определить систему конституционно-правовых принципов допустимости ограничения свободы собраний, сформулированных КС РФ; охарактеризовать содержание позитивных обязанностей государства по обеспечению реализации свободы собраний; выявить проблемы правового регулирования в исследуемой сфере и сформулировать рекомендации по их решению.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты вносят вклад в развитие науки конституционного права, углубляя понимание механизма реализации свободы собраний и роли конституционного правосудия в его совершенствовании.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования его результатов в законодательной деятельности для совершенствования Закона № 54-ФЗ и иных нормативных правовых актов, а также в правоприменительной практике органов публичной власти и в учебном процессе.

Методы исследования. В ходе работы использовались диалектический, историко-правовой, системный, логический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Диалектический метод позволил выявить противоречия между уведомительным порядком проведения публичных мероприятий и фактической правоприменительной практикой. Историко-правовой метод применен для периодизации эволюции правовых позиций КС РФ. Системный анализ обеспечил комплексное рассмотрение института свободы собраний, а формально-юридический метод — толкование норм Закона № 54-ФЗ и решений КС РФ. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления российских подходов с практикой зарубежных государств. Применялись также анализ научной литературы, синтез и обобщение собранной информации.

Основная часть

За период действия Закона № 54-ФЗ произошли существенные изменения социально-политической и правовой среды, что обусловило формирование значительной практики КС РФ, оказавшей значительное влияние на развитие правового регулирования свободы собраний и на формирование подходов к толкованию соответствующих конституционных положений.

КС РФ вслед за Европейским Судом по правам человека повторил, что свобода собраний не может носить абсолютный характер. Допустимо ее ограничение, но только на основании федерального закона и с целью защиты других конституционных прав при соблюдении баланса интересов всего общества. КС РФ справедливо отметил, что законодательные, организационные и иные меры, принимаемые властями в целях надлежащего обеспечения права на свободу собраний, не должны отступать от конституционного принципа взаимного доверия государства и общества и приводить к чрезмерному государственному вмешательству в деятельность организаторов и участников публичных мероприятий, сопряженному с необоснованными ограничениями данного права (см. п. 10 приложения).

При этом КС РФ подчеркивает, что ограничения конституционных прав должны отвечать принципам справедливости, необходимости, пропорциональности и соразмерности [15].

Правовые позиции КС РФ в сфере свободы собраний. Анализ практики КС РФ показывает, что в период с 2007 по 2012 г. обращения граждан в суд по вопросам реализации свободы собраний носили относительно ограниченный характер. В ряде случаев КС РФ отказывался принимать соответствующие жалобы к рассмотрению.

Так, в деле В. А. Шаклеина (см. п. 5 приложения) заявитель оспаривал конституционность п. 3 ч. 2 ст. 8 Закона № 54-ФЗ, устанавливающего запрет на проведение публичных мероприятий на территориях, непосредственно прилегающих к зданиям судов. Поводом для обращения стало привлечение заявителя к административной ответственности по ч. 2 ст. 20.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях за проведение пикета на территории, прилегающей к зданию суда.

КС РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению, указав, что установление ограничений права на проведение публичных мероприятий допустимо федеральным законом при наличии конституционно значимых целей. Таким образом, суд подтвердил допустимость установления запрета на проведение публичных мероприятий в непосредственной близости от определенных объектов государственной инфраструктуры.

Аналогичная позиция была выражена и в деле К. Ю. Косякина (см. п. 1 приложения), где заявитель оспаривал правоприменительную практику, связанную с изменением органами власти места проведения публичного мероприятия. КС РФ указал, что проверка законности конкретных правоприменительных решений не входит в его компетенцию.

Позитивные обязанности государства. В ряде решений КС РФ сформулировал правовую позицию о наличии у государства позитивных обязанностей по обеспечению реализации свободы мирных собраний. Данная позиция выражена, в частности, в делах М. С. Седовой и В. П. Терешонковой (см. п. 7 приложения), Камчатского отделения КПРФ (см. п. 3 приложения), Н. П. Барановой, А. Г. Круглова и Д. И. Сталина (см. п. 8 приложения), И. Г. Шаблинского (см. п. 6 приложения).

Согласно данной позиции, деятельность органов публичной власти при регулировании публичных мероприятий должна быть направлена на создание условий для реализации гражданами и их объединениями конституционной свободы мирных собраний.

КС РФ также указывает, что отказ органов власти в согласовании публичного мероприятия в заявленном месте или времени должен сопровождаться предложением альтернативных вариантов, позволяющих реализовать цели мероприятия. Данная правовая позиция была сформулирована, в частности, в делах Э. В. Савенко (см. п. 11 приложения) и В. А. Тетерина (см. п. 14 приложения).

Ограничение свободы собраний. Проведение публичных мероприятий может сопровождаться определенными ограничениями для иных граждан, включая временное изменение транспортного движения, ограничение доступа к объектам инфраструктуры и иные обстоятельства. В связи с этим законодатель предусматривает возможность установления ограничений права на свободу собраний.

КС РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал, что такие ограничения должны вводиться исключительно на основании федерального закона и не должны затрагивать сущность данного конституционного права.

Так, в деле И. А. Никифоровой (см. п. 12 приложения) КС РФ указал, что ограничения свободы собраний должны учитывать презумпцию мирного характера публичных мероприятий и не должны препятствовать свободному выражению гражданами своих взглядов и мнений.

Следует согласиться с мнением С. Ю. Колмакова, который отмечает, что Закон № 54-ФЗ предусматривает очень широкий перечень мест, где можно ввести запрет на проведение публичных мероприятий (в некоторых городах это более 50 % площади города) [8]. По этому поводу И. М. Евлоев справедливо отмечает, что право субъектов Российской Федерации отнести к «запретным» места, где публичное мероприятие может создать помехи доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры, в конечном счете приводит к тому, что на территории населенных пунктов не остается территорий, где можно было бы провести публичные мероприятия [7].

Порядок уведомления о проведении публичных мероприятий. Одним из ключевых элементов правового регулирования свободы собраний является уведомительный порядок проведения публичных мероприятий. Вместе с тем практика правоприменения свидетельствует о том, что в отдельных случаях данный порядок приобретает признаки согласительного-разрешительного механизма.

В деле А. В. Лашманкина, Д. П. Шадрина и С. М. Шимоволоса (см. п. 2 приложения) заявители оспаривали положения ч. 5 ст. 5 Закона № 54-ФЗ, предусматривающие возможность внесения органами власти мотивированных предложений об изменении места или времени проведения публичного мероприятия.

КС РФ указал, что органы публичной власти не вправе запрещать проведение публичных мероприятий, однако могут предлагать изменения их параметров при наличии объективных обстоятельств, связанных с необходимостью обеспечения общественного порядка и безопасности граждан.

Свобода религиозных собраний. Вопрос соотношения свободы совести и свободы собраний был рассмотрен КС РФ в деле П. Э. Айрияна и А. И. Щендрыгина (см. п. 9

приложения). Суд указал, что проведение публичных религиозных мероприятий вне культовых сооружений подлежит регулированию нормами права о публичных мероприятиях. Вместе с тем религиозные мероприятия, проводимые в культовых зданиях или помещениях, предоставленных администрацией учреждений, не требуют уведомления органов публичной власти [8].

Солидарны с мнением А. В. Саленко, что КС РФ в очередной раз использовал подход по формуле «норма дефектна, но конституционна» и, по сути, переложил на законодателя необходимость установления правового регулирования уведомления при организации публичных богослужений вне культовых зданий [10].

Ответственность за нарушение порядка проведения публичных мероприятий. КС РФ сформулировал ряд правовых позиций, касающихся условий привлечения к юридической ответственности организаторов публичных мероприятий.

Суд указал, что административная, гражданско-правовая и уголовная ответственность может наступать только при наличии причинно-следственной связи между виновными действиями организатора мероприятия и наступившими последствиями, выражающимися в нарушении общественного порядка или причинении вреда третьим лицам.

Так, в деле С. А. Каткова (см. п. 13 приложения) КС РФ указал, что превышение заявленного количества участников публичного мероприятия само по себе не является достаточным основанием для привлечения организатора к ответственности. Для этого необходимо установить наличие вины организатора и возникновение реальной угрозы общественной безопасности.

В деле К. А. Котова (см. п. 4 приложения) КС РФ уточнил, что уголовная ответственность за неоднократное нарушение порядка организации или проведения публичных мероприятий допустима только при наличии реальной угрозы общественным отношениям, охраняемым уголовным законом.

Заключение

Эволюция правовых позиций КС РФ по вопросам свободы собраний имеет основных этапа. На первом этапе (2007—2012 гг.) КС РФ преимущественно ограничивался констатацией допустимости установленных законодателем ограничений. Второй этап (с 2012 г. по настоящее время) характеризуется формированием развернутой системы принципов реализации свободы собраний и акцентом на позитивных обязанностях государства.

Конституционно-правовыми принципами допустимости ограничения свободы собраний являются: установление федеральным законом; наличие конституционно значимых целей; соответствие принципам необходимости, пропорциональности и соразмерности; презумпция мирного характера мероприятия.

К позитивным обязанностям государства, вытекающим из решений КС РФ, относятся: обязанность предлагать альтернативные место и время при невозможности согласования заявленных; обязанность создавать специально отведенные места; обязанность обеспечивать организационное и информационное содействие реализации права.

Основными проблемами правоприменительной практики, возникающими вследствие неоднозначного толкования либо игнорирования правовых позиций КС РФ органами публичной власти, являются: трансформация

уведомительного порядка в разрешительный; отсутствие единообразного подхода к квалификации серии одиночных пикетов; формальный подход к установлению вины и причинно-следственной связи при привлечении к ответственности.

Правовые позиции КС РФ оказали существенное влияние на совершенствование законодательства. Вместе с тем ряд позиций КС РФ до настоящего времени не получил должного нормативного закрепления либо последовательной реализации в правоприменительной деятельности.

В этой связи представляется целесообразным: закрепить в законе исчерпывающий перечень оснований для отказа в согласовании мероприятия; применять выработанные КС РФ критерии (единый замысел и общая организация) при квалификации группы пикетов; при привлечении к ответственности исходить из обязательности установления реальной угрозы общественной безопасности и вины организатора.

Перспективные исследования темы могут быть связаны с компаративистским анализом практики конституционных судов государств — участников СНГ и мониторингом влияния новых решений КС РФ на правоприменительную практику.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Определение Конституционного суда РФ от 1 июня 2010 г. № 705-О-О.
2. Определение Конституционного суда РФ от 2 апреля 2009 г. № 484-О-П.
3. Определение Конституционного суда РФ от 18 июня 2020 г. № 1346-О.
4. Определение Конституционного суда РФ от 27 января 2020 г. № 7-О.
5. Определение Конституционного суда РФ от 29 мая 2007 г. № 428-О-О.
6. Определение Конституционного суда РФ от 30 ноября 2021 г. № 2389-О.
7. Постановление Конституционного суда РФ от 1 ноября 2019 г. № 33-П.
8. Постановление Конституционного суда РФ от 4 июня 2020 г. № 27-П.
9. Постановление Конституционного суда РФ от 5 декабря 2012 г. № 30-П.
10. Постановление Конституционного суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П.
11. Постановление Конституционного суда РФ от 14 февраля 2013 г. № 4-П.
12. Постановление Конституционного суда РФ от 17 мая 2021 г. № 19-П.
13. Постановление Конституционного суда РФ от 18 мая 2012 г. № 12-П/2012.
14. Постановление Конституционного суда РФ от 18 июня 2019 г. № 24-П.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авакьян С. А. Протестные отношения и конституционное право // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 31. С. 6—13.
2. Аксенов П. А. О некоторых аспектах ограничения политических прав в России: конституционно-правовой анализ // Юстиция. 2023. № 1. С. 23—36.
3. Астафичев П. А., Грищенко Т. А., Тарасов А. В. Ограничения конституционных прав граждан в контексте современных научных исследований : моногр. СПб. : СПбУ МВД России, 2024. 151 с.
4. Гошуляк В. В., Синцов Г. В. Свобода мирных собраний в оценках и выводах Венецианской комиссии и российское законодательство // Lex russica. 2022. Т. 75. № 10. С. 68—81. DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.068-081.
5. Грищенко Т. А., Ляшенко Т. Т. Право на мирные собрания в странах англо-саксонской системы: историко-правовой анализ развития и современные проблемы реализации : моногр. СПб. : СПбУ МВД России, 2024. 195 с.
6. Доронина О. Н. Протестный потенциал мирных манифестаций: конституционные форматы постсоветских республик // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 78—80.
7. Евлюев И. М. Конституционное право на свободу собраний и его законодательные ограничения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 3. С. 45—48.
8. Колмаков С. Ю. Свобода собраний в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22. № 2. С. 215—248. DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-2-215-248.
9. Кондрашев А. Свобода собраний в России: системные дефекты законодательства и политико-правовая практика // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6(121). С. 24—44.
10. Саленко А. В. Конституционно-правовая эволюция свободы мирных собраний в постановлениях Конституционного суда РФ в 1993—2018 годах // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 2. С. 113—136. DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-113-136.
11. Саленко А. В. Право публичных собраний в России и Германии : моногр. Калининград : Изд-во Балт. федер. ун-та им. И. Канта, 2023. 218 с.
12. Храмова Т. М. Ограничения конституционной свободы собраний: сравнительно-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 31 с.
13. Шевердяев С. Н. Материальные и организационные основы цивилизованного политического протеста // Право и экономика. 2012. № 10. С. 63—71.
14. Яковенко М. А. Конституционное право граждан Российской Федерации на проведение собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований в контексте практики Европейского Суда по правам человека // Российское правосудие. 2011. № 7(63). С. 19—25.
15. Meshcheryagina V., Savoskin A., Zadorina M. Constitutional Modernization as a Necessary Condition for the Sustainable Development of the Russian Federation // Sustainable development of environment after Covid-19 (SDEC 2021) : Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Atlantis Press, 2022. Pp. 204—208. (Advances in Social Science, Education and Humanities Research; vol. 632). DOI: 10.2991/assehr.k.220106.037.

REFERENCES

1. Avakyan S. A. Protest relations and constitutional law. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Vestnik Tver state university. Series: Law*. 2012;31:6—13. (In Russ.)
2. Aksenov P. A. On some aspects of the restriction of political rights in Russia: constitutional and legal analysis. *Yustitsiya = Justice*. 2023;1:23—36. (In Russ.)
3. Astafichev P. A., Grishchenko T. A., Tarasov A. V. Restrictions of constitutional rights of citizens in the context of modern scientific research. Monograph. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation publ., 2024. 151 p. (In Russ.)
4. Goshulyak V. V., Sintsov G. V. Freedom of Assembly in Opinions and Reports of Venice Commission and Russian Legislation. *Lex Russica*. 2022;75(10):68—81. (In Russ.) DOI: 10.17803/1729-5920.2022.191.10.068-081.
5. Grishchenko T. A., Lyashenko T. T. The right to peaceful assembly in the countries of the Anglo-Saxon system: historical and legal analysis of development and modern problems of implementation. Monograph. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation publ., 2024. 195 p. (In Russ.)
6. Doronina O. N. Protest potential peaceful manifestation: constitutional formats of the past-Soviet [sic!] republics. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Sociopolitical Sciences*. 2018;1:78—80. (In Russ.)
7. Evloev I. M. The constitutional right to freedom of assembly and its legislative restrictions. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2013;3:45—48. (In Russ.)
8. Kolmakov S. Y. Freedom of Assembly in the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*. 2018;22(2):215—248. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2018-22-2-215-248.
9. Kondrashev A. Freedom of assembly in Russia: system defects of law and political and legal practices. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*. 2017;6(121):24—44. (In Russ.)
10. Salenko A. V. The freedom of peaceful assembly in the case-law of the constitutional court of the Russian Federation: constitutional evolution in 1993-2018. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya = Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*. 2019;5(2):113—136. (In Russ.) DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-2-113-136.
11. Salenko A. V. The right to public assembly in Russia and Germany. Monograph. Kaliningrad, Immanuel Kant Baltic Federal University publ., 2023. 218 p. (In Russ.)
12. Khramova T. M. Restrictions on constitutional freedom of assembly: comparative legal analysis. Abstract of diss. of the Canf of Law. Moscow, 2015. 31 p. (In Russ.)
13. Sheverdyayev S. N. Material and organizational bases of civilized political protest. *Pravo i ekonomika*. 2012;10:63—71. (In Russ.)
14. Yakovenko M. A. Constitutional right of the Russian citizens to hold assemblies, meetings, demonstrations, processions and pickets in context of judicial practice of European Court of Human Rights. *Rossiiskoe pravosudie*. 2011;7(63):19—25. (In Russ.)
15. Meshcheryagina V., Savoskin A., Zadorina M. Constitutional Modernization as a Necessary Condition for the Sustainable Development of the Russian Federation. *Sustainable development of environment after Covid-19 (SDEC 2021). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference*. Advances in Social Science, Education and Humanities Research; vol. 632. Atlantis Press, 2022:204—208. DOI: 10.2991/assehr.k.220106.037.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 347.9
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1525

Ksenia Olegovna Ogneva
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Civil
and Administrative Proceedings,
Kutafin Moscow State
Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation
samadha@yandex.ru

Ксения Олеговна Огнева
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского
и административного судопроизводства,
Московский государственный
юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Москва, Российская Федерация
samadha@yandex.ru

СУДЕБНАЯ ЗАЩИТА ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ ЧИЛИ

5.1.2 — Публично-правовые (государственные) науки

Аннотация. Надлежащая реализация избирательных прав является гарантией стабильности государственного строя, поскольку обеспечивает законное формирование институтов публичной власти. Именно поэтому создание механизмов их защиты представляет собой важную составляющую обеспечения интересов не только общества и государства, но и конкретного гражданина. Одним из наиболее эффективных способов защиты избирательных прав является разрешение спора судом, принимающим окончательное решение в электоральном конфликте. В российском законодательстве о выборах основную массу дел о защите избирательных прав рассматривают суды. Вместе с тем для расширения кругозора в плане правовых возможностей полезно обратиться к примерам иных государств. В частности, их опыт может быть полезен не только в плане имплементации каких-либо институтов в правовую систему Российской Федерации, но и с точки зрения выявления механизмов, чуждых отечественному праву, и от калькирования которых следует воздержаться.

В представленном в статье исследовании предлагается обратиться к опыту Республики Чили. С одной стороны, данное государство, как и Россия, относится к романо-германской правовой семье, что обуславливает схожую структуру судебной системы и статус судебных

актов, а с другой — с учетом территориального расположения и исторического развития имеются существенные различия в законодательных и правоприменительных подходах. В статье исследуется законодательство Республики Чили, определяющее полномочия судов по защите избирательных прав, а также судебные акты, принятые при разрешении электоральных споров. В частности, затрагиваются такие вопросы, как признание выборов недействительными, исключение избирателя из списков избирателей, своевременность обращения за защитой избирательных прав и иные представляющие актуальность проблемы.

По результатам исследования делается вывод о роли судов Республики Чили в обеспечении стабильности государственного строя посредством защиты избирательных прав, что неизбежно ведет к трансформации правовых подходов к реализации электоральных прав граждан.

Ключевые слова: право голоса, своевременная защита избирательных прав, судебное решение, защита избирательных прав, Политическая Конституция Республики Чили, Квалификационный суд по выборам, Органический конституционный закон Республики Чили 1988 г., административное судопроизводство, публичные правоотношения, выборы, активное избирательное право, пассивное избирательное право, Избирательный трибунал

Для цитирования: Огнева К. О. Судебная защита избирательных прав в Республике Чили // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 229—234. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1525.

Original article

JUDICIAL PROTECTION OF ELECTORAL RIGHTS IN THE REPUBLIC OF CHILE

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. The proper implementation of electoral rights is a guarantee of the stability of the state system, as it ensures the legitimate formation of public authorities. Therefore, the creation of mechanisms for protecting electoral rights is an important component of ensuring the interests of not only society and the state, but also individual citizens. One of the most effective ways to protect electoral rights is through the resolution of disputes by a court that makes the final decision in electoral conflicts. In Russian electoral law, the majority of cases involving the protection of electoral

rights are handled by courts. At the same time, it is useful to look at the examples of other countries in order to broaden our understanding of legal possibilities. In particular, their experience can be useful not only for implementing certain institutions in the legal system of the Russian Federation, but also for detection of mechanisms foreign to national law that should not be copied. This study proposes to look at the experience of the Republic of Chile. On the one hand, this state, like Russia, belongs to the Romano-German legal family, which determines a similar structure of the judicial system and the status

of court decisions. On the other hand, due to its geographical location and historical development, there are significant differences in legislative and law enforcement approaches. This article examines the legislation of the Republic of Chile that defines the powers of the courts to protect electoral rights, as well as the judicial acts that have been issued in the resolution of electoral disputes. In particular, it addresses issues such as the invalidation of elections, the exclusion of voters from the electoral lists, the timeliness of seeking protection for electoral rights, and other relevant issues. Based on the results of this study, it is concluded that the role

of the courts of the Republic of Chile is to ensure the stability of the state system by protecting electoral rights, which inevitably leads to a transformation of legal approaches to the implementation of citizens' electoral rights.

Keywords: right to vote, timely protection of electoral rights, judicial decision, protection of electoral rights, Political Constitution of the Republic of Chile, Electoral Qualification Court, Organic Constitutional Law of the Republic of Chile of 1988, administrative proceedings, public legal relations, elections, active electoral right, passive electoral right, Electoral Tribunal

For citation: Ogneva K. O. Judicial protection of electoral rights in the Republic of Chile. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):229—234. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1525.

Введение

Актуальность. Одной из приоритетных задач, постоянно находящихся в фокусе внимания государства, является защита электоральных прав граждан, поскольку от их надлежащего и эффективного осуществления во многом зависит стабильность государственного строя. В этих целях государством могут предусматриваться различные механизмы защиты избирательных прав. Традиционно самым результативным из них является обращение в суд, наделенный компетенцией окончательно разрешить спор по существу. В целях оптимизации правовых институтов и повышения гарантий прав граждан следует периодически обращаться к опыту иностранных государств, особенно имеющих схожую правовую систему. Принимая во внимание непростую историю стран Латинской Америки, в частности различные политические диктатуры, сыгравшие не последнюю роль в формировании системы права, вызывает научный интерес влияние решений судов Республики Чили на эволюцию правовых подходов к защите электоральных прав граждан данной страны. С учетом этого представляется актуальным изучение защиты избирательных прав граждан в указанном аспекте.

Изученность проблемы. Проблемы, связанные с избирательной системой Республики Чили, изучались А. Г. Орловым [1]. Вехи исторического развития избирательных прав в Республике Чили рассматривал Е. И. Назарцев [2]. Проблемы правового статуса личности (в т. ч. возможность голосовать на выборах) в странах Латинской Америки (включая Республику Чили) поднимались А. В. Шашковой [3]. Применительно к законодательству о выборах в России некоторые способы защиты избирательных прав в судах исследовали С. А. Подъяпольский [4], С. С. Бабанян [5; 6], Н. А. Бурашникова [7], С. Б. и А. В. Верещак и С. А. Маринин [8], Д. М. Макарычев и Н. В. Ганжа [9], Э. И. Мухетдинова [10], Я. Н. Куемжиева [11]. Средства, форма и механизмы судебной защиты электоральных прав рассматривались А. А. Кликушиным [12]. Разновидности споров о защите избирательных прав, рассматриваемых судами общей юрисдикции, анализировали И. Л. Акимов, А. С. Коваленко, Е. С. Аничкин [13]. С. П. Яковлева [14] и Л. М. Байдавлетов [15] оценивали роль постановлений Европейского Суда по правам человека в развитии положений отечественного законодательства о защите избирательных прав. Однако исследования, в которых бы было отражено влияние судебной практики в Республике Чили на дальнейшую защиту избирательных прав граждан данной страны, в настоящее время отсутствуют.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью повышения эффективности форм судебной защиты электоральных прав, в т. ч. с помощью имплементации в отечественную правовую систему наиболее приемлемых и удачных правовых механизмов. С учетом этого результаты исследования могут быть использованы в научной, преподавательской, а также в практической деятельности (прежде всего законодательных органов). Некоторые подходы к толкованию правовых норм и квалификации электоральных отношений могут быть приемлемы при разрешении конкретных избирательных споров российскими судами.

Объектом исследования являются урегулированные нормами законодательства Республики Чили отношения, связанные с рассмотрением дел о защите избирательных прав судами данного государства.

Предмет исследования составляют нормы законодательства Республики Чили, а также судебные акты судов Республики Чили в области защиты электоральных прав граждан жителей названной республики.

Цель исследования — выявление роли судебной практики в защите избирательных прав граждан в Республике Чили.

Задачи исследования:

- 1) установить основные проблемы, находящиеся в сфере судебного контроля по делам о защите избирательных прав в Республике Чили;
- 2) исследовать акты судов Республики Чили о защите электоральных прав;
- 3) выявить роль судебной практики в защите избирательных прав граждан Республики Чили.

Научная новизна исследования заключается в формировании комплексного научного представления о роли судов и судебных решений в защите электоральных прав граждан Республики Чили. Автором исследованы судебные постановления, изучены основные сферы нарушения избирательных прав и сделаны выводы относительно влияния судебной практики на укрепление гарантий электоральных прав граждан Республики Чили.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии научных знаний о защите избирательных прав судами в иностранных государствах.

Практическая значимость состоит в потенциальной возможности имплементировать полученные знания в правовую систему Российской Федерации, в т. ч. путем заимствования наиболее удачных институтов и их закрепление в действующем законодательстве.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и специально-юридические методы исследования: диалектический, системный, логический, формально-юридический, методы сравнения, анализа, синтеза и иные. Эмпирическую базу работы составляют положения нормативных правовых актов Республики Чили, а также материалы судебной практики судов рассматриваемого государства.

Результаты исследования и их обсуждение. По смыслу ст. 13 Политической Конституции Республики Чили (далее — Конституция, Основной закон), принятой на референдуме 21 октября 1980 г., право голосовать на выборах связано с наличием у лица чилийского гражданства и достижения им возраста 18 лет (<https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=242302>). До 2005 г. голосование на выборах для граждан Чили было обязательным, для иностранцев — добровольным. В 2005 г. в результате серьезных поправок право голосовать для всех избирателей стало добровольным [2, с. 19].

В соответствии со ст. 16 Конституции право голоса приостанавливается в случае помешательства; осуждения лица за совершение преступления, за которое назначается суровое наказание либо совершения преступления, квалифицированного как терроризм; назначения лицу наказания Конституционным судом.

Конституция также устанавливает, что организация и функционирование общей избирательной системы определяется органическим конституционным законом (ст. 18).

Глава IX Конституции (ст. 94—97) определяет основы электоральной юстиции и статус судов, осуществляющих правосудие в сфере выборов.

В частности, ст. 95 Основного закона устанавливает, что специальный трибунал, называемый Квалификационным судом по выборам, проводит общий подсчет голосов и квалификацию выборов Президента Республики, депутатов и сенаторов; разрешает жалобы, возникающие в связи с ними, и провозглашает избранных лиц. Данный трибунал также занимается референдумами и обладает прочими полномочиями, определенными законом.

Трибунал формируется следующим образом: а) четыре министра Верховного суда, назначаемые самим судом путем жеребьевки, согласно порядку и срокам, установленным соответствующим конституционным законом; б) гражданин, ранее занимавший должность Председателя или Вице-председателя Палаты депутатов или Сената сроком не менее 365 дней, назначаемый Верховным судом также путем жеребьевки. Лицо, являющееся парламентарием, кандидатом на выборные должности, министром государства или руководителем партии не может быть членом Квалификационного суда по выборам.

Члены трибунала исполняют свои обязанности в течение четырех лет.

Трибунал квалифицирует факты в качестве жюри и принимает решение согласно закону. Конституционный закон регулирует организацию и функционирование Квалификационного суда по выборам.

В Чили также создаются региональные избирательные суды, наделенные правом проводить общий подсчет голосов и квалификационные процедуры выборов, разрешать возникающие жалобы и провозглашать избранных кандидатов. Их решения подлежат апелляции в Квалификационный суд по выборам в порядке, установленном законом.

Данные суды также наделены полномочиями рассматривать квалификационные вопросы гильдийских выборов и тех, которые проводятся среди промежуточных групп, указанных законом (ст. 96 Конституции).

Эти суды состоят из судьи Апелляционного суда соответствующего региона, выбранного данным судом, и двух членов, назначаемых Квалификационным судом по выборам из числа лиц, имевших адвокатскую практику или исполняющих обязанности судьи или адвоката Апелляционного суда в течение срока не менее трех лет.

Члены региональных судов исполняют свои обязанности в течение четырех лет и несут недопустимости и конфликты интересов, установленные законом. Они действуют как жюри в оценке фактов и принимают решения в соответствии с законом.

Закон определяет прочие полномочия этих судов и регулирует их организацию и деятельность. Таким законом является Органический конституционный закон Республики Чили 1988 г. № 18.700 (<https://www.bcn.cl/historiapolitica/elecciones/index.html>).

В основном иски, рассматриваемые Квалификационным судом по выборам, касаются оспаривания результатов выборов как на определенных избирательных участках, так и по всей стране; дисквалификации кандидатов; защиты иных избирательных прав.

Например, Квалификационным судом по выборам рассмотрен иск Маурисио Корраля Галлардо, о признании недействительными президентских выборов, состоявшихся 16 ноября 2025 г. (дело № 2163-2025) (<https://tritel.lexsoft.cl/tce/download/177176?inlineifpossible=true>). В своем иске господин Галлардо обвинял власти в нарушении законодательства о выборах на всей территории страны, подробности которых не раскрывал. При этом истец особо выделял район № 9 в части парламентских выборов. В частности, в иске отмечалось, что грубые нарушения закона были допущены на избирательных участках в школе «Эрмана Мария Горетти», колледже «Сан Лоренсо» и др.

Истец просил провести повторные выборы по всему Чили, исключив из подсчета голоса, отданные с нарушением конституционной гарантии свободного и тайного голосования, а также провести все необходимые следственные мероприятия. Дополнительно просил вызвать в суд начальников участков, делегатов и участников выборов в качестве свидетелей, потребовать представления подтверждающих отчетов и немедленно опубликовать цифровые копии актов подсчета и их резервные копии каждой участковой комиссии страны, чтобы гарантировать отслеживаемость и прозрачность процесса.

Отказывая в удовлетворении требований, суд указал, что в той форме, в которой жалоба сформулирована, она является расплывчатой и неопределенной. Действительно, она не удовлетворяет минимальным требованиям, предусмотренным ст. 49 Положения о функционировании и рассмотрении дел и делопроизводства, подлежащих рассмотрению настоящим Трибуналом, поскольку не указывается избирательный округ или участок приема голосов, где произошли указанные аномалии, отмечая, что они имели место на всей национальной территории, а затем прилагая перечень участков одной области, не детализируя форму, в которой проявлялись указанные пороки, равно как обстоятельства занесения сведений в соответствующий акт участка приема голосов и/или акт избирательной коллегии.

Эта неопределенность препятствует установлению и выяснению действительности фактов, которые описаны, а также тому, составляют ли они нарушение, предусмотренное первым параграфом ст. 105 Закона № 18.700.

В другом случае Квалификационный суд по выборам рассмотрел иск гражданки Даниэлы Форливези Кордовы, просившей о признании недействительными результатов президентских выборов, проведенных 16 ноября 2025 г. (дело № 2158-2025; <https://trichel.lexsoft.cl/tce/download/177175?inlineifpossible=true>). Истица заявляла о трех нарушениях, первое из которых состояло в том, что Служба выборов опубликовала протоколы через 24—48 часов после объявления победителя, что нарушает установленные сроки и прозрачность процесса.

Далее заявительница ссылалась на то, что существуют значительные расхождения между фотографическими копиями протоколов, снятыми представителями столов, и официальными протоколами, опубликованными Службой выборов.

Наконец, гражданка Кордова указывала на то, что на платформе Службы выборов все столы отмечены звездочкой, свидетельствующей, что госпожа Хара и господин Каст, являвшиеся кандидатами на президентских выборах, заняли соответственно первое и второе места, независимо от реального результата конкретного стола, что представляет собой техническую ошибку, искажающую подсчет голосов и официальное объявление победителя.

Истица полагала, что это обстоятельство должно привести к судебной проверке в общей совокупности 2 663 протоколов, приводя в пример шесть конкретных столов из разных регионов.

Также просила признать голосование недействительным, назначить повторные президентские выборы, исключить из подсчета бюллетени, содержащие пометки, провести расследование, опубликовать цифровую версию протоколов голосования, приостановить объявление результатов до окончания рассмотрения обращения и направить запрос Коллегии по подведению итогов голосования с просьбой высказаться по данному факту.

Рассматривая дело, трибунал исходил из следующего.

Статья 105 Закона № 18.700 предусматривает: «Любой избиратель вправе подать жалобу о признании выборов недействительными, если имелись обстоятельства, повлекшие нарушения порядка проведения выборов и референдума, относящиеся к: а) формированию или работе приемных столов или коллегий по подведению итогов либо процедур, осуществляемых избирательными комиссиями; б) подведению итогов на каждом столе или проведенному коллегами по подведению итогов; в) действиям властей или лиц, ущемляющим свободу волеизъявления; г) отказу в открытии стола; д) даче взятки, подкупу или применению силы и насилия; е) использованию иного регистра избирателей, отличающегося от установленного статьей 34 Закона № 18.556 и прошедшего проверку и оспаривание, указанные во втором параграфе раздела II и разделе III указанного закона. Жалоба о признании выборов недействительными по обстоятельствам, перечисленным в статьях 48 и 49 Закона № 18.556, в таком случае неправомерна».

Кроме того, п. 49 Положения о функционировании и производстве дел и делопроизводства, рассматриваемых Квалификационным судом по выборам, гласит, что заявление о признании выборов недействительными и запросы на исправление ошибок в подсчете голосов по выбо-

рам Президента Республики должны подаваться любым избирателем и/или надлежащим образом представляемым политическим партией, имеющим интерес, на веб-сайте Квалификационного суда по выборам в течение шести календарных дней после даты выборов, с указанием причины обращения и приложением всех доказательств. В случае несоблюдения данных требований Трибунал признает подачу недействительной.

Жалобы о признании выборов недействительными и запросы на исправление итогов должны быть обоснованы, содержать четкие формулировки претензий, указывать избирательный округ, номер стола приема голосов, количество оспариваемых голосов и/или номер и название соответствующей коллегии по подведению итогов; отметку о наличии записи о нарушении или запросе на исправление итогов в соответствующем акте стола приема голосов и/или акте коллегии по подведению итогов, если применимо, и приложить сертификат подведения итогов, подписанный председателем или секретарем стола приема голосов, указанный в положении о процедуре составления итоговых актов.

В самом заявлении истец обязан указать имена лиц, дающих показания, если он воспользуется таким правом, и может попросить заслушать аргументы сторон. Соответствующий график будет опубликован на сайте Трибунала накануне слушания дела.

Далее суд отметил, что несмотря на то, что представление включает отдельные примеры конкретных столов и общин, где якобы происходили нарушения, простое ознакомление с текстом показывает, что оно не соответствует минимальным требованиям, указанным в предыдущих положениях, поскольку не указано подробно, каким образом эти нарушения повлияли на результат процесса, а также не указаны случаи, когда наличие нарушений фиксировалось в соответствующем акте стола приема голосов и/или акте коллегии по подведению итогов.

Такая неопределенность мешает суду проверить и установить, действительно ли имели место действия, указанные истцом, и выяснить, могут ли они соответствовать одному из случаев, перечисленных в первой части ст. 105 Закона № 18.700, с необходимой значимостью и существенностью, требуемой вторым положением данной нормы, т. е. способны ли они существенно повлиять на результаты выборов. В отношении возможных несоответствий, содержащихся в некоторых официальных протоколах, опубликованных Службой выборов, или различий между этими актами и составленными соответствующими столами, следует отметить, что согласно ст. 110 Закона № 18.700, обязанность оценки электорального процесса возлагается на данный Трибунал, который производит общий подсчет голосов с целью осуществления подобной ревизии.

С учетом этого, руководствуясь ст. 105 Закона № 18.700 и п. 49 Положения о функционировании и производстве дел и делопроизводства, рассматриваемых Квалификационным судом по выборам, суд отказал в удовлетворении требований, признав жалобу неприемлемой.

Помимо оспаривания результатов выборов, Квалификационным судом также рассматриваются дела, связанные с возможностью реализации гражданами активного избирательного права.

Например, Трибуналом рассмотрен иск дона Винсента Андреса Диаса Менесеса, просившего включить его в соответствующий избирательный регистр по месту своего

проживания, находящемуся по адресу: Каминьо Лас-Кумбрес 6790, дом 33, Альто-Макуль, коммуна Ла-Флорида, Метрополитанский регион Сантьяго (дело № 1994-2025; (<https://trichel.lexsoft.cl/tce/download/174975?inlineifpossible=true>)).

В обоснование жалобы истец ссылаясь на то, что он зарегистрирован в избирательном округе Наранджильо № 3855, Вилья Эль-Арайян, коммуна Арика, что не соответствует его фактическому месту жительства. Установленный законом срок для изменения избирательного адреса истек 28 июня 2025 г., тогда как его дата рождения — 29 июня 2007 г., следовательно, он стал совершеннолетним ровно на следующий день после истечения обозначенного срока. Исходя из этих обстоятельств, для него являлось невозможным своевременно обратиться в Службу выборов с просьбой изменить адрес своей регистрации.

После обнаружения ошибки он направил жалобу в Избирательный трибунал региона Арика и Паринакота (дело № 1284-2025/С), где подтвердил временную невозможность внести изменение адреса регистрации в Службе выборов. Тем не менее решением от 30 августа 2025 г. его просьба была отклонена за недостаточностью подтверждения связи с коммуной Ла-Флорида, не предоставив ему реальной возможности дополнить документацию.

Рассматривая дело, Квалификационный суд по выборам указал, что согласно ст. 48 Закона № 18.556 («Органический конституционный закон о системе избирательной регистрации и службе выборов») лицо, считающее себя необоснованно исключенным из избирательных регистров, опубликованных согласно ст. 33, может подать письменную или устную жалобу в течение десяти дней после публикации в региональный избирательный трибунал по своему избирательному адресу, который займется рассмотрением вопроса.

В силу п. 5 ст. 48 названного закона решения региональных избирательных трибуналов могут быть обжалованы заявителем или Службой выборов в течение трехдневного срока, исчисляемого с момента включения решения в ежедневный журнал соответствующего трибунала, в Трибунал квалификации выборов, который должен принять решение в пятидневный срок с момента поступления апелляции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Орлов А. Г. Избирательная система Чили // Современные избирательные системы / науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М. : РЦОИТ, 2011. Вып. 6 : Австрия, Ирландия, Норвегия, Чили. С. 385—510.
2. Назарцев Е. И. Эволюция избирательного права и его основных принципов в Республике Чили // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 17—23.
3. Шашкова А. В. Проблемы правового статуса личности в Латинской Америке // Право и государство теория и практика. 2019. № 5(173). С. 6—11.
4. Подъяпольский С. А. Активная роль суда в административном судопроизводстве по делам о защите избирательных прав // Избирательное законодательство и практика. 2020. № 2. С. 31—37.
5. Бабанян С. С. О процессуальных сроках при рассмотрении дел о защите избирательных прав в судах апелляционной инстанции // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 29—31.
6. Бабанян С. С. К вопросу об определении понятия избирательных прав граждан в Российской Федерации // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1(37). С. 27—35.
7. Бурашникова Н. А. Механизм судебной защиты избирательных прав в российском административном судопроизводстве // Судья. 2018. № 1. С. 47—52.
8. Верещак С. Б., Верещак А. В., Маринин С. А. Административные производства по охране и защите избирательных правоотношений в структуре административного процесса // Выборы в контексте ценностей гражданского общества и правового государства : сб. материалов Нац. науч.-практ. конф. Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2019. С. 42—47.
9. Макарычев Д. М., Ганжа Н. В. Особенности защиты избирательных прав граждан Российской Федерации в рамках административного судопроизводства // Историческая память и духовный опыт формирования российской государственности : к 275-летию учреждения Костром. епархии Рус. Православ. Церкви и 75-летию создания Костром. обл. : сб. тр. II Междунар. науч.-практ. конф. Кострома : Костром. гос. ун-т, 2019. С. 121—125.

Согласно документам, имеющимся в деле, заявитель обратился с жалобой в Избирательный трибунал региона Арика и Паринакота под номером дела № 1284-2025/С, которая была отклонена решением от 30 августа 2025 г.

Высшая избирательная инстанция указала, что представленное обращение по своему содержанию является апелляцией на решение Избирательного трибунала региона Арика и Паринакота. В соответствии с правилами, указанными в третьем пункте оспариваемого решения, срок подачи апелляции в Квалификационный суд по выборам истек 5 сентября 2025 г., а подача материала по настоящему делу состоялась 23 сентября 2025 г., т. е. на тринадцатый день после истечения срока, что делает ее несвоевременной.

Исходя из данных соображений и правовых оснований жалоба была признана неприемлемой как поданная несвоевременно.

Выводы

Анализ результативности судебной защиты электоральных прав в Республике Чили позволяет констатировать, что в стране на законодательном уровне предусмотрены эффективные механизмы, способствующие реализации активного и пассивного избирательного права.

Важную роль здесь играют публичность процедуры рассмотрения дел и возможность каждого ознакомиться с принятым решением, а также значительный опыт и квалификация членов Трибунала, что положительно сказывается на доверии населения к судебной власти.

Вместе с тем судами страны довольно редко удовлетворяются требования, связанные с нарушениями в сфере выборов, что может свидетельствовать как о неграмотности населения, так и об ангажированности судебной власти со стороны правящих политических сил, что может объясняться последствиями военной диктатуры в прошлом.

Несмотря на это, представляется, что система судебной защиты избирательных прав в Республики Чили является одной из самых прогрессивных и оптимальных в Латинской Америке, что во многом должно способствовать укреплению демократического процесса в стране.

10. Мухетдинова Э. И. Актуальные вопросы деятельности судов по защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации // *StudNet*. 2021. Т. 4. № 12. С. 2—10.
11. Куемжиева Я.Н. Производство по административным делам о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2017. № 2. С. 69—75.
12. Кликушин А. А. Конституционные основы деятельности судов общей юрисдикции по защите избирательных прав граждан : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. 252 с.
13. Акимова И. Л., Коваленко А. С., Аничкин Е. С. Виды судебных споров по делам о защите избирательных прав граждан Российской Федерации // *Российско-азиатский правовой журнал*. 2021. № 4. С. 4—11. DOI: 10.14258/ralj(2021)4.1.
14. Яковлева С. П. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека // *Baikal Research Journal*. 2016. Т. 7. № 5. DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(5).23.
15. Байдавлетова Л. М. Прецедентное право Европейского Суда по правам человека в защите избирательных прав // *Правовое государство: теория и практика*. 2015. № 1(39). С. 153—155.

REFERENCES

1. Orlov A. G. The electoral system of Chile. *Modern electoral systems*. A. V. Ivanchenko, V. I. Lafitsky (eds.). Moscow, The Russian Center for Training in Electoral Technologies at the Central Election Commission of the Russian Federation publ., 2011. Iss. 6 : Austria, Ireland, Norway, and Chile. Pp. 385—510. (In Russ.)
2. Nazartsev E. I. Evolution of election law and its general principles in the Republic of Chile. *Yuridicheskii vestnik Samar-skogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*. 2017;3(2):17—23. (In Russ.)
3. Shashkova A. V. Problems of legal status personality in Latin America. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2019;5(173):6—11. (In Russ.)
4. Podyapolskiy S. A. The active role of court in administrative proceedings in cases on the protection of electoral rights. *Izbratel'noe zakonodatel'stvo i praktika = Electoral legislation and practice*. 2020;2:31—37. (In Russ.)
5. Babanyan S. S. About the procedural terms in cases of protection of electoral rights in the courts of appeal. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2014;2:29—31. (In Russ.)
6. Babanyan S. S. On the issue of determining the notion of electoral rights of citizens in the Russian Federation. *Izvestiya vys-shikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki = University proceedings Volga region. Social sciences*. 2016;1(37):27—35. (In Russ.)
7. Burashnikova N. A. The mechanism of judicial protection of electoral rights in Russian administrative proceedings. *Sud'ya*. 2018;1:47—52. (In Russ.)
8. Vereshchak S. B., Vereshchak A. V., Marinin S. A. Administrative proceedings on the protection and defense of electoral legal relations in the structure of the administrative process. *Vybory v kontekste tsennostei grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva = Elections in the context of the values of civil society and the rule of law. Collection of materials of the National scientific and practical conference*. Cheboksary, Chuvash State University publ., 2019:42—47. (In Russ.)
9. Makarychev D. M., Ganzha N. V. Peculiarity of protection of electoral rights of citizens of the Russian Federation in the framework of administrative proceedings. *Istoricheskaya pamyat' i dukhovnyi opyt formirovaniya rossiiskoi gosudarstvennosti = Historical memory and spiritual experience of the formation of Russian statehood. On the 275th anniversary of the establishment of the Kostroma Diocese of the Russian Orthodox Church and the 75th anniversary of the creation of the Kostroma region. Collection of papers of the II International scientific and practical conference*. Kostroma, Kostroma State University publ., 2019:121—125. (In Russ.)
10. Mukhetdinova E. I. Topical issues of the activity of courts for the protection of citizens' electoral rights and the right of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum. *StudNet*. 2021;4(12):2—10. (In Russ.)
11. Kuemzhieva Ya. N. Proceedings on administrative cases on the protection of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, social-economic and social sciences*. 2017;2:69—75. (In Russ.)
12. Klikushin A. A. Constitutional foundations of the activity of general jurisdiction courts on the protection of citizens' electoral rights. Diss. of the Cand. of Law. Tyumen, 2009. 252 p. (In Russ.)
13. Akimova I. L., Kovalenko A. S., Anichkin E. S. Categories of litigation in cases of protecting the electoral rights of citizens of the Russian Federation. *Rossiisko-aziatskii pravovoi zhurnal = Russian-Asian law journal*. 2021;4:4—11. (In Russ.) DOI: 10.14258/ralj(2021)4.1.
14. Yakovleva S. P. Legal positions of the European Court of Human Rights. *Baikal Research Journal*. 2016;7(5). (In Russ.) DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(5).23.
15. Baydavletova L. M. Case law of the European Court of Human Rights in the protection of electoral rights. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The rule-of-law state: theory and practice*. 2015;1(39):153—155. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.12.2025; одобрена после рецензирования 11.01.2026; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 27.12.2025; approved after reviewing 11.01.2026; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 342.31
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1517

Galina Mikhailovna Shapovalova
Candidate of Law,
Associate Professor of the Department of Legal Disciplines,
International Innovation University
Sochi, Russian Federation
kafedra_up@mail.ru

Галина Михайловна Шаповалова
канд. юрид. наук,
доцент кафедры юридических дисциплин,
Международный инновационный университет
Сочи, Российская Федерация
kafedra_up@mail.ru

КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИИ — ВОЗРОЖДЕНИЕ К БУДУЩЕМУ МИРУ: ПЕРЕКРЕСТНЫЕ ГОДЫ КУЛЬТУРЫ (2024—2025) РОССИИ И КИТАЯ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В статье изучается феномен культурно-государственного суверенитета России в условиях глобализации и межкультурного взаимодействия. Особое внимание уделяется проекту «Перекрестные годы культуры России и Китая (2024—2025)», направленному на укрепление взаимопонимания и сотрудничества в культурной сфере. Также акцент был сделан на исторических предпосылках формирования культурных традиций обеих стран, подчеркивающих уникальную самобытность русской и китайской культур. В процессе исследования была дана оценка влияния культурных обменов на международную безопасность и стабильность, а также подчеркивалась роль культуры в сохранении традиционных ценностей и культурного суверенитета стран. В исследовании использовались страницы из истории сотрудничества и культурных обменов как уникальных феноменов народов России и Китая. При изучении истории и культуры великих цивилизаций России и Китая становится очевидной значимость культурного суверенитета для поддержания единства народов и развития конструктивного международного диалога. Это требует целенаправленных усилий по популяризации и продвижению национальных культурных ценностей, традиционных практик и языковых особенностей, являющихся основой

уникальной идентичности каждого народа. Для реализации этих целей важно учитывать существующие международные правовые акты, регулирующие сотрудничество государств в культурной сфере. Такие документы обеспечивают правовую защиту культурного наследия и способствуют обмену культурными достижениями между странами. Кроме того, особое внимание уделяется совместным культурным проектам, инициированным Россией и Китаем. Эти проекты выходят за рамки простого обмена традициями и стремятся сформировать общее видение будущего мира перед лицом глобальных вызовов и угроз. Совместные усилия направлены на обеспечение устойчивого развития мирового сообщества путем сохранения и передачи культурно-исторического опыта последующим поколениям. Таким образом, укрепление культурного суверенитета является необходимым условием успешного взаимодействия народов и государств в условиях современной международной обстановки.

Ключевые слова: культурный суверенитет, ЮНЕСКО, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, диалог культур, вызовы и угрозы, глобализация, государственная культурная политика, Конституция, культурный обмен

Для цитирования: Шаповалова Г. М. Культурный суверенитет России — возрождение к будущему миру: перекрестные годы культуры (2024—2025) России и Китая // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 235—240. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1517.

Original article

RUSSIA'S CULTURAL SOVEREIGNTY - REVIVAL TO THE FUTURE WORLD: RUSSIA-CHINA YEARS OF CULTURE (2024-2025)

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. In this paper, the author examines the phenomenon of Russia's cultural sovereignty in the context of globalization and intercultural interaction. Particular attention is paid to the Russia-China Years of Culture project (2024–2025), aimed at strengthening mutual understanding and cooperation in the cultural sphere. Emphasis is also placed on the historical preconditions for the formation of cultural traditions in both countries, highlighting the unique identity of Russian and Chinese cultures. The study assesses the impact of cultural exchanges on international security and stability, emphasizing the role of culture in preserving traditional values and cul-

tural sovereignty. The study draws on the history of cooperation and cultural exchange as unique phenomena for the peoples of Russia and China. Studying the history and culture of the great civilizations of Russia and China reveals the importance of cultural sovereignty for maintaining the unity of peoples and developing constructive international dialogue. This requires targeted efforts to popularize and promote national cultural values, traditional practices, and linguistic characteristics, which form the foundation for the unique identity of each nation. To achieve these goals, it is important to consider existing international legal instruments governing state

cooperation in the cultural sphere. Such documents ensure the legal protection of cultural heritage and facilitate the exchange of cultural achievements between countries. Furthermore, special attention is paid to joint cultural projects initiated by Russia and China. These projects go beyond the simple exchange of traditions and seek to shape a shared vision of the future of the world in the face of global challenges and threats. These joint efforts are aimed at ensuring the sustainable development of the global

community by preserving and transmitting cultural and historical experience to future generations. Thus, strengthening cultural sovereignty is a prerequisite for successful interaction between peoples and states in the current international environment.

Keywords: cultural sovereignty, UNESCO, Russian Federation, People's Republic of China, dialogue of cultures, challenges and threats, globalization, state cultural policy, The Constitution, cultural exchange

For citation: Shapovalova G. M. Russia's cultural sovereignty - revival to the future world: Russia-China years of culture (2024-2025). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):235—240. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1517.

Культура представляет главный смысл и главную ценность существования как отдельных народов и малых этносов, так и государств. Вне культуры самостоятельное существование их лишается смысла.

Д. С. Лихачев. «Декларация прав культуры» [1]

Введение

Актуальность. Тема затрагивает культурные связи России и Китая как стратегических партнеров и геополитических соседей. Для укрепления этих связей государства согласовали проведение перекрестных годов культуры (2024—2025) в противовес современным вызовам и угрозам. Особое внимание автор уделил возвращению к историческим корням и философским основам китайского учения, заложенным великими мыслителями древности, такими как Конфуций, сопоставляя их с традициями русского народа, основанными на ценностях православия и гуманизма. Автор отмечает, что культурные обмены между странами не только способствуют диалогу, но и популяризируют уникальную самобытность русской и китайской культур, которые представляют собой основу национальной идентичности, самобытности и культурного многообразия.

Изученность проблемы. Ответственность за культурное наследие и культурный суверенитет лежит на государстве, в его культурной политике, что отражено в Декларации Д. С. Лихачева [1]. Применение технологической оцифровки по обеспечению сохранения культурного наследия было описано нами ранее [2]. Долгосрочным дружественным гуманитарным связям между Россией и Китаем посвящены исследования А. Л. Положевича [3], А. С. Ипатовой [4], А. Л. Верченко [5]. Вопросы о ключевой роли государства в проведении культурной политики исследовали О. Н. Монахов и А. Л. Павлов [6]. Труды российских и китайских философов имели и имеют огромное влияние на духовную и политическую культуру России и Китая как в древности, так и в наши дни [7—9]. В современной научной литературе вопросы обеспечения национальной безопасности в условиях глобализации исследуются в работах О. В. Раздобреева [10] и И. А. Подройкиной и М. В. Алексеевой [11]. Вопросам обеспечения культурного суверенитета как части национальной безопасности раскрываются А. В. Сигаревым [12], а также в наших предыдущих работах [13]. О политико-ориентировочной сущности преамбулы, которая носит декларативный характер исследовали А. А. Петров [14], Н. В. Михайлова и Ю. М. Рашибина [15].

Целесообразность разработки темы исследования. В контексте укрепления двусторонних отношений между Россией и Китаем, отмечающих важные даты — основание КНР и 75-летие установления дипломатических отношений между странами, — межгосударственные культурные мероприятия демонстрируют, насколько глубоко истори-

ческие и культурные факторы влияют на понимание целей и функций государства, показывая близость политических взглядов двух великих цивилизаций. В соответствии с Уставом ООН культурные обмены между странами выступают гарантом обеспечения устойчивого развития и мира в будущем. Культурный суверенитет России будет восприниматься как эталон, показывающий, что, ориентируясь на наш пример и следуя ему, другие страны смогут сохранить свое культурное наследие.

Новизна исследования заключается в том, что в условиях глобализации особое значение имеют культурные мероприятия, например, Перекрестные годы культуры России и Китая (2024—2025), которые играют важную роль в укреплении межгосударственного сотрудничества через культурный обмен и диалог, являясь примером для международного сообщества в противостоянии современным вызовам и угрозам миру и стабильности. Новым является предложенный автором подход к комплексному изучению роли государственной культурной политики России и Китая, нацеленной на сохранение культурного многообразия и обеспечение культурного суверенитета государств в условиях глобализации с учетом современных тенденций развития международного права (ЮНЕСКО).

Цель настоящей статьи заключается в исследовании исторического опыта дружеских отношений между Россией и Китаем с целью обоснования важности межгосударственных стратегических инициатив по укреплению и расширению культурных обменов и диалогов, а также мер по сохранению национального наследия, культурного суверенитета в рамках действующих национальных и международных правовых норм.

Задачи исследования:

- 1) проанализировать государственную культурную политику в условиях глобализации;
- 2) рассмотреть и оценить политико-правовые меры и культурные мероприятия для обеспечения культурного суверенитета;
- 3) изучить действующие международные акты в сфере культуры;
- 4) предложить стратегические направления для комплексного решения по региональной и мировой повестки для России и Китая через развитие культурных связей.

Методология исследования основана на комплексном подходе, который включает исторический анализ, сравнительное исследование культурных феноменов народов

России и Китая, обзор материалов, отражающих культурные связи между Россией и Китаем в рамках проекта «Перекрестные годы культуры» (2024—2025), далее проведен анализ международных актов и оценка их руководящей роли в сотрудничестве стран в сфере культуры.

Теоретическая значимость исследования заключается в углублении понимания роли культурного суверенитета, культурных диалогов и обменов в формировании и укреплении международных отношений в эпоху глобализации и современных вызовов и угроз.

Практическая значимость исследования. Культурные программы такие как «Перекрестные годы культуры (2024—2025) России и Китая» способствуют знакомству народов друг с другом, развивая уважение и интерес к культурному наследию разных стран. помогают сохранить и популяризировать традиционные ремесла, искусство и обычаи, предотвращая утрату уникальных объектов культуры. Международные культурные проекты создают положительный образ страны на международном уровне, привлекая внимание к ее культуре и культурным практикам.

Основная часть

За последние десятилетия российско-китайские отношения вышли на беспрецедентный высокий уровень всеобъемлющего стратегического партнерства, оставаясь ключевыми приоритетами внешней политики обеих держав. Укрепление тесных связей между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой во многом обусловлено процессом трансформаций мирового масштаба в условиях глобализации [2]. Дружеские и добрососедские отношения, опирающиеся на глубокие исторические и культурные традиции, символизируют стремление народов России и Китая к диалогу через взаимопонимание и взаимовыгодное сотрудничество [3]. Между сторонами установился консенсус по большинству аспектов российской-китайской, региональной и мировой повестки. В частности, именно благодаря активному развитию культурных связей в рамках объявленных перекрестных Годов культуры (2024—2025) Россия и Китай осознают важность традиционных ценностей своих народов и народностей, обогащая новыми гранями культурное наследие друг друга.

В основе стратегии дружеских и добрососедских отношений особенно ценным является то, что Россия и Китай на протяжении последних ста с лишним лет демонстрируют международному сообществу последовательное развитие и укрепление стратегического партнерства. Крепость такой дружбы основана на взаимном уважении к исторической и культурной солидарности народов, признании государственного суверенитета и территориальной целостности, а также на принципах равноправия, невмешательства во внутренние дела, мирного разрешения споров и соблюдения норм международного права в соответствии с Уставом ООН. Добрососедские отношения, подкрепленные официальными правовыми актами, между Россией и Китаем имеют богатую историю [4; 5]. Например, ранее были подписаны договоры: в 1896 г. — Союзный договор между Российской империей и Китаем (https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2233601); в 1945 г. — Советско-китайский договор о дружбе и союзе, сроком на 30 лет (https://ru.ruwiki.ru/wiki/Советско-китайский_договор_о_дружбе_и_союзе); в 1950 г. — Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи (https://ru.wikisource.org/wiki/Договор_о_дружбе,_союзе_и_взаимной_помощи_между_СССР_и_КНР).

В настоящее время отношения между государствами сохраняются на основе Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, подписанного в 2001 году, сроком на 20 лет с возможностью последующего продления каждые 5 лет (<http://www.kremlin.ru/supplement/3418>; далее — Договор о дружбе). В рамках подписанных документов стороны взяли обязательство активно содействовать расширению взаимовыгодного взаимодействия и укреплению партнерства в сферах образования, информационной политики, правовой защиты и культурного обмена. Таким образом, именно благодаря инициативам, направленным на создание устойчивых институтов двустороннего сотрудничества, обеспечивается дальнейшее развитие всесторонних связей между Россией и Китаем, способствующих углублению взаимопонимания и росту доверия между двумя государствами.

Отношения между Россией и Китаем, выстроенные на принципах дружбы, основаны на прочной культурной триаде «открытость, доверие и уважение», что обеспечивает гармоничное взаимопонимание и эффективное сотрудничество. Такой подход позволяет превратить различия в ресурсы, а не в источники конфликтов, а обмен культур трансформируется во взаимное духовное обогащение двух великих цивилизаций. Можно с уверенностью утверждать, что у России и Китая общая перспектива на будущее. Общее представление о развитии стимулирует реализацию крупных стратегических проектов и программ, направленных на удовлетворение интересов нынешнего и последующих поколений. Оно основывается на принципах стратегического планирования, устойчивого развития и ответственности перед потомками. Разделяя единую цель мирного и надежного сотрудничества, обе стороны переходят от кратковременных мер к длительному конструктивному взаимодействию, нацеленному на достижение значимых результатов [6].

Сущность вышеизложенного сводится к следующему. В соответствии с Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве признается, что дружба между народами Российской Федерации и Китайской Народной Республики перестала быть абстрактной концепцией и сформировалась в реальный, практически реализуемый механизм сотрудничества — политический, правовой, экономический, технологический и культурный. Она не только способствует сближению наций, но и выступает драйвером совместного противодействия современным вызовам и угрозам, обеспечивая устойчивое и предсказуемое движение в будущее народов.

Философы древности полагали, что истинная дружба — это бескорыстная связь, не основанная на выполнении долга, удовлетворении каких-либо целей или благ [7]. Такая дружба не ограничена никакими условностями и ценностями материального мира. Древний китайский философ, мудрец и учитель Конфуций видел в дружбе основу общественной гармонии. В конфуцианской традиции дружба связана с добродетелями, такими как «ЖЕНЬ» (гуманность), «ЛИ» (ритуал, традиции), «И» (долг-справедливость) и «ЧЖУН» (преданность). Эти добродетели могут рассматриваться как универсальные ценности для любой культуры [8; 9]. В конечном итоге, никакое общение без дружбы не имеет истинной ценности: духовно-нравственное обогащение происходит благодаря источникам этих ценностей — человечности, этико-правовым нормам и преданности, которые закладываются уже на этапе воспитания детей и формируют поведение в дальнейшем.

Перекрестные годы культуры (2024—2025 гг.) с множеством мероприятий позволяют окунуться в богатую культуру Китая, познакомившись с его литературой, живописью и поэзией, уходящими корнями в древнейшую традицию, символом которой является Красный дракон, означающий силу и удачу. Подобные культурные обмены обладают огромной ценностью, выступая мостами между нашими народами. Они помогают лучше понять друг друга, укрепляя искреннюю дружбу и взаимное уважение, связывающие Россию и Китай долгие годы. Неоспоримо, что характерными чертами дружбы на все времена признаются общие ценности — открытость, доверие и уважение, которые служат фундаментом ее прочности.

Культуры России и Китая на протяжении веков формировали основы фундаментальных традиционных ценностей для своих народов. Философия Конфуция служит ярким примером того, как традиционные ценности (семья, долг, уважение к старшему поколению, патриотизм, дружба) могут объединять общество и формировать национальную идентичность и культурную самобытность [8; 9]. Дефиниции «ЖЕНЬ» (гуманность) и «ЛИ» (ритуал, традиции) — основы философии, способствующие укреплению семейных отношений, уважению к старшему поколению и стремлению к коллективному благу. Конфуцианство, с его акцентом на гармонизацию и моральные принципы, не только повлияло на повседневную жизнь китайского народа, но и стало основой для политических, социальных и культурных норм. Благодаря чему Китай сформировался как государство-цивилизация, готовое противостоять любым глобальным вызовам и угрозам.

Аналогичное можно сказать и про православие на Руси, благодаря которому были заложены культурные образцы поведения, характерные для российского народа (семья, долг, уважение к старшим, патриотизм, дружба). Традиционный образ жизни и поведение, сформированные под влиянием православной культуры, привели к возникновению устойчивых духовно-нравственных ценностей. Они определяют менталитет нации и служат основой этических и правовых норм общественного устройства. Российское государство строилось с опорой на православие, воплощая принципы коллективизма, милосердия, благотворительности и патриотизма, что укрепляло гражданские институты, семейные традиции и межличностные отношения. Это способствовало формированию уникальной национальной идентичности и культурной самобытности России как государства-цивилизации, готового противостоять любым глобальным вызовам и угрозам.

В рамках программы «Перекрестные годы культуры 2024—2025» Россия и Китай заложили основу «духа просвещения» как культурно-философской категории, способной преобразить хаос в порядок и разобщенность — в единство. Конфуцианское учение об идеале личности — «благородном муже» (цзюньцзы, 君子) — сочетается с русской традицией, выраженной в духе соборности [10].

Выводы

Автор приходит к выводу, что соблюдение участниками международных отношений (такими как государства, международные организации и другие субъекты) основных принципов ООН (включая ЮНЕСКО) критически важно. Эти принципы служат призывом ко всем

странам активно участвовать в сохранении международного мира и безопасности, а также в развитии дружественных отношений и сотрудничества. Международное сотрудничество фокусируется не только на безопасности, но и на экономическом, социальном и культурном развитии. Поэтому автор подчеркивает необходимость коллективных усилий для сохранения культурного многообразия, национальных культурных суверенитетов и обеспечения мирного сосуществования в качестве добрых соседей. Богатейший исторический опыт России и Китая в строительстве государственности и обеспечении национальной безопасности [11] и сегодня опирается на культурные догмы как на целостную, устойчивую систему. Многогранность системы ценностей способствует сохранению культурного суверенитета, усилению позиций на геополитическом ландшафте мирового порядка и укреплению дружеских, добрососедских отношений между Китаем и Россией. Страны разделяют приверженность традиционным ценностям и готовность во все времена и эпохи противостоять внешним вызовам и угрозам, опираясь на принципы международного права, закрепленные в следующих документах [12]:

1. *Всеобщая декларация о культурном разнообразии*, принята в Париже (Франция), 2 ноября 2001 г. на 31-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml). Документ ставит своей целью побудить страны и учреждения культуры к совместным действиям, направленным на сохранение культуры во всех ее формах и разработку государственной политики, которая бы стимулировала обмен инновационными идеями в межкультурном диалоге.

2. *Итоговая декларация Всемирной конференции ЮНЕСКО по политике в области культуры и устойчивому развитию «МОНДИАКУЛЬТ-2022»*, Мехико (Мексика), 28—30 сентября 2022 г. (<https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000381186>). Итоговая декларация подготовлена от лица министров культуры, которые, руководствуясь глобальным и специализированным мандатом ЮНЕСКО в сфере культуры, а также ее нормативными актами и программами, собрались в критический для человечества момент, чтобы акцентировать внимание:

- 1) на внедрение информационных технологий, которые, безусловно, меняют образ жизни общества, включая сферу культуры, и открывает новые возможности для обеспечения онлайн-доступа к цифровым объектам культурного наследия;

- 2) повышение эффективности учета, сохранения и защиты объектов культурного наследия с применением современных средств.

Со стороны государств необходима популяризация культурного наследия народов мира (во всех формах, как в традиционных, так и в цифровой) [13]. Изучение и сравнение преамбул конституций Российской Федерации (<http://www.kremlin.ru/acts/constitution>) и Китайской Народной Республики (<http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/constitution.html>) позволяет выявить как сходства в политических курсах, так и общие тенденции и специфику подходов к государственному строительству [14; 15].

Директор департамента информации и печати Министерства иностранных дел РФ Мария Захарова сказала, что «защита нашего культурного суверенитета в сфере

образования, культуры, искусства, является гарантией того, что страны и народы смогут, ориентируясь на нас и идя за нами, сохранить культуры» (<https://ren.tv/news/v-rossii/1260233-zakharova-zaiavila-o-vazhnosti-zashchity-kulturnogo-suvereniteta-rf>).

Заключение

Будущее будет лучше!

Базовая концепция мира и развития, ООН

В заключение отметим, что актуальность исследований обусловлена необходимостью признания и принятия мировым сообществом того, что уважение к чужой культуре, культурному суверенитету, традициям и истории является основой взаимоуважительного сосуществования и мира.

Опираясь на культурный суверенитет, Россия и Китай совместно строят мирное будущее и служат примером для всего человечества. Концепцию мира автор предлагает дополнить принципами:

1) сохранять, приумножать и передавать будущим поколениям наследие во всех его формах для поддержки творчества и межкультурного диалога;

2) к культурным ценностям нельзя относиться как к товару, а исключительно как к материально-духовным носителям ценностей и смыслов;

3) государствам надлежит создавать условия, способствующие производству и популяризации культурного многообразия во всех формах, (традиционных и цифровых), с пониманием того, что культура — глобальное общественное благо.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лихачев Д. С. Русская культура. М. : Искусство, 2000. 440 с.
2. Шаповалова Г. М. Роль культуры в обеспечении национальной безопасности страны: Федеральный проект «Цифровая культура» // Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : моногр. / под ред. А. Н. Савенкова. М. : Ин-т государства и права РАН, 2020. С. 188—197.
3. Положевич Р. С. Гуманитарное сотрудничество Российской Федерации с Китайской Народной Республикой на современном этапе // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 147—170.
4. Ипатова А. С. К 400-летию взаимоотношений России с Китаем. Миссия И. Петлина в Китай (1618—1619) // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5-2. С. 82—93. DOI: 10.31857/S013128120007507-8.
5. Верченко А. Л. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей и становление советско-китайских культурных связей в 1920-е годы // Восточная Азия: факты и аналитика. 2023. № 1. С. 6—17. DOI: 10.24412/2686-7702-2023-1-6-17.
6. Монахов О. Н., Павлов А. Л. Концепт культурного влияния в современной мировой политике // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 44. С. 50—61. DOI: 10.26516/2073-3380.2023.44.50.
7. Урсул А. Д. Культура как информационный феномен // NB: Философские исследования. 2013. № 8. С. 295—355. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.508.
8. Конфуций. Лунь Юй / пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Д. Н. Воскресенского. М. : Восточная литература, 2001. 288 с.
9. Конфуций. Я верю в древность / сост., пер. и коммент. И. И. Семененко. М. : Республика, 1995. 384 с.
10. Раздобреев О. В. Формирование современной модели государственной культурной политики в Российской Федерации в контексте сохранения традиционных ценностей // Мир культуры: искусство, наука, образование : сб. науч. ст. Челябинск : Юж.-Ур. гос. ин-т искусств им. П. И. Чайковского, 2024. Вып. 13. С. 418—421.
11. Подройкина И. А., Алексеева М. В. Правовой и структурно-функциональный подходы к исследованию категории «национальная безопасность Российской Федерации» // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 1(66). С. 172—176. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.66.886.
12. Сигарев А. В., Смирнова М. С. Культурный суверенитет, культурный экстремизм и вопросы конституционной аксиологии // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15. № 2. С. 27—34. DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-27-34.
13. Шаповалова Г. М. Культурный суверенитет России — основа укрепления мирового сотрудничества и диалога в сфере культуры: к 80-летию ЮНЕСКО // Международное право и международные организации. 2025. № 2. С. 79—102. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.2.73992.
14. Петров А. А. Применение преамбулы Конституции Российской Федерации в практике Конституционного Суда // III Байкальский юридический форум : материалы междунар. науч.-практ. конф. «Трансформация публично-правовых институтов в современной России», междунар. науч.-практ. конф. «Проблемы уголовной политики на современном этапе в условиях трансформации науки и общества», конкурса молодых ученых «Основные тренды юридической науки». Иркутск : Издат. дом БГУ, 2023. С. 111—116.
15. Михайлова Н. В., Ращицина Ю. М. Конституция Российской Федерации: политико-правовые дефиниции Преамбулы Основного Закона // Этносоциум и межнациональная культура. 2023. № 7(181). С. 9—19.

REFERENCES

1. Likhachev D. S. Russian Culture. Moscow, Iskuststvo, 2000. 440 p. (In Russ.)
2. Shapovalova G. M. The role of culture in ensuring the national security of the country: The Federal Project “Digital Culture”. *Tsifrovaya transformatsiya: vyzovy pravy i vektory nauchnykh issledovaniy = Digital transformation: Challenges to law and vectors of scientific research. Monograph.* A. N. Savenkov (ed.). Moscow, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences publ., 2020. Pp. 188—197. (In Russ.)
3. Polozhevich R. S. The currents state of Russian-Chinese humanitarian cooperation. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronny vestnik = Public Administration. E-journal.* 2017;63:147—170. (In Russ.)
4. Ipatova A. To the 400th Anniversary of Relationship between Russia and China. I. Petlin’s Mission to China (1618–1619). *Problemy Dal’nego Vostoka = Far Eastern Studies.* 2019;5-2:82—93. (In Russ.) DOI: 10.31857/S013128120007507-8.

5. Verchenko A. L. All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries and the beginning of the Soviet-Chinese cultural relations in the 1920s. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika = East Asia: Facts and Analytics*. 2023;1:6—17. (In Russ.) DOI: 10.24412/2686-7702-2023-1-6-17.
6. Monakhov O. N., Pavlov A. L. The Concept of Cultural Influence in Modern World Politics. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie = The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2023;44:50—61. (In Russ.) DOI: 10.26516/2073-3380.2023.44.50.
7. Ursul A. D. Culture as an information phenomenon. *NB: Filosofskie issledovaniya*. 2013;8:295—355. (In Russ.) DOI: 10.7256/2306-0174.2013.8.508.
8. Confucius. Lun Yu. D. N. Voskresensky (transl., pref., comm.). Moscow, Vostochnaya literatura, 2001. 288 p. (In Russ.)
9. Confucius. I Believe in Antiquity. I. I. Semenenko (comp., transl., comm.). Moscow, Respublika, 1995. 384 p. (In Russ.)
10. Razdobreev O. Formation of a modern model of state cultural policy in the Russian Federation in the context of the preservation of traditional values. *Mir kul'tury: iskusstvo, nauka, obrazovanie = The world of culture: art, science, education. Collection of scientific articles*. Chelyabinsk, South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky publ., 2024;13: 418—421. (In Russ.)
11. Podroykina I. A., Alekseeva M. V. Legal and structural-functional approaches to the study of the category of national security of the Russian Federation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2024;1(66):172—176. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2024.66.886.
12. Sigarev A. V., Smirnova M. S. Cultural Sovereignty, Cultural Extremism and Issues of Constitutional Axiology. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Juridical Science and Practice*. 2019;15(2):27—34. (In Russ.) DOI: 10.25205/2542-0410-2019-15-2-27-34.
13. Shapovalova G. M. Russia's cultural sovereignty as the basis for strengthening global cooperation and dialogue in the sphere of culture: on the 80th anniversary of UNESCO. *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizatsii = International law and international organizations*. 2025;2:79—102. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0633.2025.2.73992.
14. Petrov A. A. Application of the Preamble of the Constitution of the Russian Federation in the practice of the Constitutional Court. *III Baikal legal forum. Proceedings of the international scientific and practical conference "Transformation of public law institutions in modern Russia", the International Scientific and Practical Conference "Problems of criminal policy at the present stage in the context of the transformation of science and society", the competition of young scientists "The main trends of legal science"*. Irkutsk, Baikal State University publ., 2023:111—116. (In Russ.)
15. Mikhaylova N. V., Rashchibina J. M. Constitution of the Russian Federation: political and legal definitions of the Preamble to the Basic Law. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura = Etnosocium (multinational society)*. 2023;7(181):9—19. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 09.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 347.61
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1519

Zalina Leonovna Bolurova
Applicant at the Department of Civil Law,
field of training
5.1.3 — Private law (civilistic) sciences,
specialty 40.03.01 — Law,
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation
bolurovazalina@yandex.ru

Залина Леоновна Болурова
соискатель кафедры гражданского права,
направление подготовки
5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки,
специальность 40.03.01 — Юриспруденция,
Саратовская государственная юридическая академия
Саратов, Российская Федерация
bolurovazalina@yandex.ru

ПОНЯТИЯ ИЗЪЯТИЯ И ОТОБРАНИЯ РЕБЕНКА ИЗ СЕМЬИ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. Одним из негативных и существенных последствий ненадлежащего исполнения родителями обязанностей по воспитанию своих детей является процедура изъятия или отобрания ребенка. Дети как уязвимая социальная группа нуждаются в защите со стороны государства. Исторически родительская власть была неограниченной, но с развитием права приоритетом стало обеспечение интересов ребенка. В статье рассматриваются юридические аспекты понятий изъятия и отобрания ребенка из семьи в Российской Федерации. Посредством ретроспективного анализа отслеживается процесс развития законодательной регламентации рассматриваемого института изъятия (отобрания) ребенка, оцениваются позиции ученых-юристов относительно исторически значимых аспектов развития регламентации данного института.

Анализируются основания, условия и процедура применения данных мер, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних в соответствии с действующим правовым регулированием. Автором проводится разграничение между понятиями «изъятие» и «отобрание», выявляются их отличитель-

ные признаки и правовые последствия. Сделан вывод о нежелательности терминологического смешения указанных понятий, о законодательном подходе их соотношения как части и целого. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, иллюстрирующей применение данных мер в различных ситуациях, включая случаи жестокого обращения, угрозы жизни и здоровью ребенка, а также ненадлежащего исполнения родительских обязанностей.

По итогу исследования сделан вывод о том, что судьба ребенка зависит от оценки опасности, созданной родителями. Важно правильно определить место жительства ребенка, соблюдая его интересы и предотвращая злоупотребления. Констатируется необходимость разработки нормативного правового акта, регламентирующего порядок изъятия детей, состав участников данной процедуры и процедур контроля.

Ключевые слова: семейное право, несовершеннолетние, родительские права, жестокое обращение, защита прав ребенка, права ребенка, изъятие ребенка, отобрание ребенка, судебная практика, Семейный кодекс РФ, невыполнение обязанностей

Для цитирования: Болурова З. Л. Понятия изъятия и отобрания ребенка из семьи // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 241—245. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1519.

Original article

THE CONCEPTS OF REMOVAL AND WITHDRAWAL OF A CHILD FROM THE FAMILY

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. One of the negative and significant consequences of improper performance by parents of their responsibilities for the upbringing of their children is the procedure for removal or withdrawal of a child. Children, being a vulnerable social group, require state protection. Historically, parental authority was unlimited, but with the development of law, ensuring the interests of the child has become a priority. This article discusses the legal aspects of the concepts of removal and withdrawal of a child from the family in the Russian Federation. By conducting a retrospective analysis, the evolution of the legal regulation of the child removal (withdrawal) institution is tracked, and the positions of legal scholars regarding its historically significant aspects are evaluated.

The article analyzes the grounds, conditions and procedure for the application of these measures aimed at protecting the rights and legitimate interests of minors in accordance with the current legal regulation. The author distinguishes between the notions “removal” and “withdrawal”, identifies their distinctive features and generic consequences. The conclusion is made about the undesirability of terminological confusion of these concepts, about the legislative approach of their correlation as a part and a whole. Special attention is paid to the analysis of judicial practice illustrating the application of these measures in various situations, including cases of abuse, threats to the life and health of the child, as well as improper performance of parental duties.

As a result of the study, it is concluded that the fate of a child depends on the assessment of the danger created by the parents. It is important to determine the child's place of residence correctly, respecting his interests and preventing abuse. It is stated that there is a need to develop a regulatory legal act for the procedure of removal of children,

the composition of participants in this procedure and control procedures.

Keywords: family law, minors, parental rights, abuse, protection of the rights of a child, rights of a child, removal of a child, withdrawal of a child, judicial practice, Family Code of the Russian Federation, non-fulfillment of duties

For citation: Bolurova Z. L. The concepts of removal and withdrawal of a child from the family. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):241—245. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1519.

Введение

Актуальность. В современных условиях, которые характеризуются зачастую ненадлежащим отношением лиц к исполнению своих родительских обязанностей, различные правовые механизмы защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей приобретают особую актуальность. Важнейшим институтом, ориентированным на обеспечение жизни, здоровья, благополучия несовершеннолетнего лица, выступает институт отобрания (изъятия) ребенка. Несмотря на высокую степень своей социальной значимости, многие вопросы его регламентации остаются нерешенными, имеются и дискуссии относительно терминологического соотношения понятий отобрания и изъятия ребенка.

Изученность проблемы. Широкого научного интереса институт отобрания (изъятия) ребенка не вызывает, что обуславливает относительно небольшое количество современных научных исследований, посвященных данной проблематике. Особую проблему в данном случае обуславливает терминологический аспект. Например, Н. В. Летова процедуру, регламентированную ст. 77 Семейного кодекса (далее — СК) РФ, определяет как процесс «изъятия ребенка из семьи» [1], Е. В. Карпова [2, с. 136] и Е. А. Рыбалка и Е. В. Казанцева [3] отождествляют понятия «изъятие ребенка» и «отобрание ребенка», термином «изъятие» без его отграничения от термина «отобрание» оперируют в своих трудах Т. А. Мосиенко [4] и Е. В. Иванова [5]. Д. Е. Тимофеева [6], Е. Е. Леканова [7] и Д. В. Шепелева [8] обоснованно пишут об «отобрании» ребенка у родителей или иных лиц, что свидетельствует об учете авторами субъектного состава рассматриваемых правоотношений. Е. В. Иванова [5; 9, с. 109], С. А. Хазова, М. В. Сапоровская, О. А. Кудряшова [10], напротив, пишут об изъятии ребенка от родителей или иных лиц, на попечении которых он находится (без учета субъектного состава правоотношений в рассматриваемой сфере).

В отдельных исследованиях, например в работах А. Ю. Телицыной [11] и Е. Г. Стребковой и М. А. Щукиной [12], встречается вполне четкое разграничение понятий «изъятие» и «отобрание» ребенка.

Цель исследования — определить модель соотношения понятий «изъятие» и «отобрание» ребенка в контексте ст. 77 СК РФ.

Задачи исследования включают в себя анализ истории развития законодательства о защите прав детей, общую характеристику механизма изъятия (отобрания) ребенка в соответствии с положениями семейного законодательства, определение модели соотношения понятий «изъятие» и «отобрание» ребенка в контексте ст. 77 СК РФ.

Целесообразность разработки темы, по мнению автора, состоит в том, что в настоящее время в научной литературе, а также в правоприменительной практике бессистемно употребляются термины «изъятие» и «отобрание»

ребенка при отсутствии разработанности вопроса об их соотношении с учетом субъектного состава соответствующих правоотношений в рассматриваемой сфере.

Научная новизна исследования заключается в предложении авторской модели терминологического разграничения понятий «отобрание» и «изъятие» ребенка, а также в разработке вывода о целесообразности принятия специализированного нормативно-правового акта, регламентирующего порядок отобрания (изъятия) детей, положениями которого, в числе прочего, будут регламентированы состав участников данной процедуры и применяемые процедуры контроля.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие теории семейного права и защиты прав детей. Кроме того, теоретической значимостью обладает вывод относительно авторской модели разграничения понятий «отобрание» и «изъятие» ребенка.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы для улучшения законодательства и практики, а также для разработки рекомендаций для органов опеки и попечительства, и судов.

Основная часть

Методология исследования. Проведенное исследование основывается на диалектико-материалистическом методе познания. В качестве специальных методов научного познания был применен исторический метод (анализируется история развития законодательства о защите прав детей начиная с конца XVIII в. и до современных правовых норм); сравнительно-правовой метод (выявляются достоинства и недостатки прошлого и действующего законодательства).

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из негативных и существенных последствий ненадлежащего исполнения родителями своих обязанностей по воспитанию своих детей является процедура изъятия или отобрания ребенка. Дети как уязвимая социальная группа нуждаются в защите со стороны государства. Исторически родительская власть была неограниченной, но с развитием правовой регламентации правоотношений в рассматриваемой сфере приоритетом стало обеспечение интересов ребенка.

Проблема защиты детей и контроля за недобросовестными родителями всегда была актуальной, вызывая дискуссии в науке и практике. Родители, не исполняющие или исполняющие ненадлежащим образом свои обязанности и причиняющие вред психическому или физическому здоровью ребенка, несут как семейно-правовую, так и юридическую ответственность. Первые меры семейно-правовой ответственности в отношении родителей, включая отобрание детей и лишение прав, появились в 1918 г. с принятием Кодекса законов о браке,

семье и опеке. До конца XVIII в. родительская власть над детьми была практически неограниченной. Со временем влияние родителей уменьшалось, а дети получали больше прав. Право постепенно признавало за детьми правосубъектность, ограничивало власть отца и устанавливало его обязанности, придавая отношениям двухсторонний юридический характер [13].

Период XVIII — начала XIX в. в мировом сообществе стал характеризоваться тенденцией повсеместного принятия нормативных актов, направленных на обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов несовершеннолетнего ребенка. Речь, в том числе, идет и об актах международного уровня. Применительно к российской правовой системе данный институт начал свое развитие после Октябрьской революции, и, несмотря на тот факт, что принятое законодательное регулирование обладало достаточно существенными недостатками (к примеру, отсутствовала детальная и четкая проработка основания обращения за судебной защитой, возможные к применению меры защиты), достижение основной цели было бесспорным — на законодательном уровне была закреплена сама возможность обращения в суд за защитой прав несовершеннолетнего.

Кодекс законов о браке, семье и опеке РСФСР 1926 г. предусматривал отобрание ребенка при нарушении родителями его интересов. При этом законодатель достаточно прогрессивно акцентировал внимание на том аспекте, что осуществление родителями своих семейных прав допускается исключительно в интересах их несовершеннолетнего ребенка. При этом в рассматриваемый исторический период законодатель не разграничивал таких процедур, как лишение родительских прав и отобрание ребенка, фактически, в данном случае имела место единая правовая процедура. В соответствии с положениями названного законодательного акта отобрание ребенка могло иметь место при наличии фактов невыполнения родителями возложенных на них законом родительских обязанностей; при злоупотреблении родителями своими правами по отношению к несовершеннолетнему ребенку (в особенности при допущении жестокого обращения с ним).

Более расширенный перечень оснований для отобрания детей у родителей предусматривало законодательство советского периода. В 1969 г. был принят Кодекс законов о браке и семье РСФСР, в котором в качестве причин для лишения родительских прав также были указаны ненадлежащее (аморальное или антиобщественное) поведение родителей, наличие у них хронических заболеваний, препятствующих нормальному развитию ребенка и совместному с ним проживанию (например, алкоголизм или наркомания).

Семейное законодательство России кардинально обновилось после ратификации международных документов, в частности Конвенции о правах ребенка (1989 г.) и Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990 г.). В СК РФ появилась отдельная глава, посвященная защите интересов ребенка, что подтверждает приоритетность охраны детских прав. Сегодня нарушение прав ребенка, гарантированных Конституцией РФ и семейным законодательством, влечет за собой государственные меры воздействия на родителей — от предупреждений до отобрания детей. Эти меры направлены на защиту несовершеннолетних от любых форм негативного влияния, в т. ч. со стороны собственных родителей.

На наш взгляд, применяя меры до отобрания ребенка, государство преследует воспитательную цель — помочь родителю осознать ценность родительских обязанностей и важность соблюдения прав ребенка. В семейном законодательстве данная мера носит в большей степени превентивно-воспитательный, а не карательный характер.

Согласно теории семейного права, лишение родительских прав применяется при совершении родителями правонарушений или преступлений, данный институт рассматривается в качестве эффективного механизма защиты прав несовершеннолетнего [14].

В семейном праве отобрание ребенка — исключительная мера, применяемая лишь после исчерпания других способов воздействия на родителей. Когда превентивные меры не дают результата, заинтересованные лица вправе обратиться в суд. Статья 77 СК РФ предусматривает внесудебный порядок отобрания: при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка органы опеки и попечительства обязаны немедленно изъять его из семьи. Это норма подчеркивает приоритет защиты детской безопасности над сохранением семейных связей.

При этом стоит отметить, что в современных условиях как на доктринальном, так и на законодательном уровне не разрешен вопрос соотношения понятий «отобрание» и «изъятие» ребенка, что закономерно создает соответствующие терминологические неточности. Учитывая значение рассматриваемых терминов, можно констатировать, что их наиболее явным отличием выступает субъектный состав отношения, связанного с отбиранием, изъятием, передачей чего-либо, кого-либо. Отобрать что-либо, кого-либо представляется возможным только при наличии субъекта, имеющего определенное право на что-либо, кого-либо, подлежащие отобранию, что предусматривает, в том числе, отсутствие воли такого субъекта на отобрание. Изъятие, в таком случае, можно рассматривать как понятие более широкое, выступающее в качестве деятельности, процесса, связанного с перемещением объекта в пространстве, как при наличии субъекта, у которого такой объект непосредственно отбирается, изымается, так и при его отсутствии.

При этом нормы действующего СК РФ не оперируют терминами «изъять», «изъятие», а термин «отобрание» фигурирует только в рамках ст. 73, 77 и ч. 2 ст. 79 СК РФ.

Н. В. Летова, например, процедуру, регламентированную ст. 77 СК РФ, определяет как процесс «изъятия ребенка из семьи» [1], что, не умаляя научной важности и значимости позиции автора, нельзя признать обоснованным в силу недопустимости подмены понятий, определенных федеральным законодателем. Е. В. Карпова также отождествляет понятия «изъятие ребенка» и «отобрание ребенка», оперируя такими формулировками, как «изъять из семьи в порядке ст. 77 СК РФ» [2]. Т. А. Мосиенко также при рассмотрении особенностей реализации положений ст. 73 и 77 СК РФ ведет речь об «изъятии ребенка из семьи» [4]. Е. В. Иванова ведет речь об «*изъятии* детей родителями или иными близкими родственниками» применительно к случаям незаконного удержания ребенка одним из родителей [5].

На наш взгляд, совершенно обоснованно при рассмотрении вопроса относительно реализации ст. 73 и 77 СК РФ оперировать именно термином «отобрание ребенка», являющегося, фактически, частным случаем изъятия несовершеннолетнего.

Анализируя приведенные выше точки зрения, представляется обоснованным говорить, во-первых, о необходимости разграничения понятий «изъятие» и «отобрание», которые, на наш взгляд, соотносятся как общее и частное, целое и часть; во-вторых, о недопустимости подмены формулировок и терминов, определенных законодателем, что особенно часто допускается в отношении процедур, определенных ст. 73 и 77 СК РФ. Фактически, отобрание ребенка у родителей или иных лиц выступает частным случаем изъятия ребенка.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, количество дел об отобрании детей у родителей остается высоким. Например, только по делам об ограничении родительских прав с 2021 г. наблюдается значительное количество рассмотренных дел: в 2021 г. — 8 000 дел (более половины удовлетворены); в 2022 г. — 8 600 дел (5 600 удовлетворены); в 2023 г. — 7 900 дел (5 400 удовлетворены); в первой половине 2024 г. было рассмотрено 3 800 дел, из которых удовлетворены 2 400. В большинстве случаев (около 80 %) суды выносят решения в пользу отобрания. Отмечается стабильность этой статистики в течение последних четырех лет. Основания для ограничения родительских прав часто выходят за рамки, установленные ст. 73 СК РФ, а количество обращений родителей о восстановлении прав незначительно (около 5 %).

Статья 121 СК РФ определяет основания для признания детей оставшимися без попечения родителей, включая случаи угрозы жизни и здоровью. Отобрание ребенка в административном порядке возможно лишь при непосредственной угрозе жизни и здоровью. Статья 77 СК РФ обязывает органы опеки и попечительства инициировать судебную процедуру и уведомлять прокурора.

Отсутствие специализированного нормативного правового акта затрудняет контроль над семьями в социально опасном положении. Из Постановления Пленума Верховного суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 следует, что в современных условиях установлено ограничение возможности произвольного отобрания ребенка, для этого требуется подтверждение непосредственной угрозы его жизни и здоровью. Критерии оценки такой угрозы носят оценочный характер и зависят от личного мнения проверяющих. Например, бездействие родителей в виде некармливания ребенка или оставление его на морозе может быть основанием для отобрания.

Важно отметить, что тяжелое материальное положение семьи не может служить основанием для отобрания ребенка, если родители добросовестно исполняют свои обязанности по воспитанию и развитию. Недопустимы произвольные решения органов опеки и попечительства, основывающиеся лишь на материальных трудностях семьи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Летова Н. В. Защита прав ребенка в случае его изъятия из семьи: проблемы и перспективы развития законодательства // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 1. С. 119—124. DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-1-119-124.
2. Карпова Е. В. Защита в гражданском судопроизводстве прав несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 231 с.
3. Рыбалка Е. А., Казанцева Е. В. Правовое регулирование изъятия детей из семьи сотрудниками органов внутренних дел: проблемы теории и практики // Юрист-Правовед. 2020. № 2(93). С. 17—22.
4. Мосиенко Т. А. Основания и порядок ограничения родительских прав, немедленное изъятие ребенка из семьи по действующему законодательству // Colloquium-Journal. 2019. № 3-4(27). С. 12—15.
5. Иванова Е. В. Перспективы привлечения родителей и иных близких родственников к уголовной ответственности за похищение собственных детей // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 11. С. 104—112. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.108.11.104-112.

Органы опеки и попечительства в случае обнаружения у семьи трудностей, связанных с финансовым содержанием, могут ходатайствовать в соответствующие инстанции о том, чтобы данной семье помогало государство, поставило на учет в качестве семьи, нуждающейся в социальном сопровождении и поддержке. Критерии определения опасности для ребенка индивидуальны. При отобрании ребенка важна конкретизация и учет характера опасности, которая может быть временной или ситуационной.

Выводы

Проведенное исследование юридической конструкции семейно-правовой нормы, предусматривающей положения об ограничении родительских прав и отобрания ребенка, позволило сделать следующие заключения.

Ограничение родительских прав является мерой ответственности для недобросовестных родителей, создающих угрозу ребенку, и дополнительной защитой прав и интересов ребенка. Семейное законодательство предусматривает для принятия положительного решения об ограничении родителей в их правах предусматривает наличие двух оснований:

- 1) угроза жизни и здоровью ребенка, независящая от воли родителей (физиологические деформации, болезни и др. — перечень открыт);
- 2) аморальный или антиобщественный образ жизни родителей, недостаточный для лишения прав, но позволяющий временно изъять ребенка.

В отличие от лишения права, ограничение родительских прав — временная мера, дающая шанс на исправление. У родителей есть шесть месяцев на изменение поведения и возвращения ребенка. При отсутствии усилий органы опеки и попечительства могут ходатайствовать о лишении родительских прав.

Особая сложность процедур изъятия (отобрания) ребенка как в рамках процедур лишения и ограничения прав, так и осуществляемых самостоятельно, обуславливает необходимость разработки специализированного нормативного правового акта, регламентирующего порядок изъятия (отобрания) детей, состав участников данных правоотношений и процедуры возможного контроля.

Также сделан вывод, во-первых, о необходимости разграничения понятий «изъятие» и «отобрание», которые, на наш взгляд, соотносятся как общее и частное, целое и часть; во-вторых, о недопустимости подмены формулировок и терминов, определенных законодателем, что особенно часто допускается в отношении процедур, определенных ст. 73 и 77 СК РФ. Фактически, отобрание ребенка у родителей или иных лиц выступает частным случаем изъятия ребенка.

6. Тимофеева Д. Е. Отобрание ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью как механизм социальной защиты детства в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-3. С. 83—89. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-3-3-83-89.
7. Леканова Е. Е. Правовые проблемы внесудебного отобрания ребенка: советское наследие, современное состояние и законотворческие перспективы // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19. № 4. С. 69—76. DOI: 10.25205/2542-0410-2023-19-4-69-76.
8. Шепелева Д. В. Правовой механизм и последствия отобрания ребенка у родителей или других лиц, на попечении которых он находится при непосредственной угрозе жизни и здоровью ребенка // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 5. С. 358—364.
9. Иванова Е. В. Похищение человека: квалификация, ответственность : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. 213 с.
10. Хазова С. А., Сапоровская М. В., Кудряшова О. А. Изъятие ребенка как кризисное событие в жизни дисфункциональной семьи: особенности совладающего поведения // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 198—218. DOI: 10.18384/2224-0209-2020-4-1048.
11. Телицына А. Ю. Анализ иностранной практики в области правовых оснований и подходов к ограничению, лишению родительских прав и отобранию ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью // Социальные науки и детство. 2023. Т. 4. № 1. С. 36—58. DOI: 10.17759/ssc.2023040103.
12. Стребкова Е. Г., Щукина М. А. Особенности принудительного исполнения судебных решений об отобрании или о передаче ребенка, определения порядка общения с ребенком // Наука и инновации в XXI веке : сб. науч. ст. междунар. междисциплинар. науч.-практ. конф. Самара : Инсома-пресс, 2021. С. 123—128.
13. Галиченко М. А. История развития законодательства о лишении родительских прав // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-3. С. 81—83.
14. Шамраева И. Л., Волкова Л. В. Сущность и черты лишения родительских прав как меры семейно-правовой ответственности // Социология и право. 2020. № 4. С. 80—85. DOI: 10.35854/2219-6242-2020-4-80-85.

REFERENCES

1. Letova N. V. Protection of the Rights of the Child in the Event of his Removal from the Family: Problems and Prospects for the Development of Legislation. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki = Economic Problems and Legal Practice*. 2023;19(1):119—124. (In Russ.) DOI: 10.33693/2541-8025-2023-19-1-119-124.
2. Karpova E. V. Protection of the rights of minors left without parental care in civil proceedings. Diss. of the Cand. of Law. Ekaterinburg, 2022. 231 p. (In Russ.)
3. Rybalka E. A., Kasanzeva E. V. Legal regulation of the removal of children from the family by police officers: problems of theory and practice. *Jurist-Pravoved*. 2020;2(93):17—22. (In Russ.)
4. Mosienko T. A. The grounds and procedure for the restriction of parental rights, immediate removal of a child from a family under the current legislation. *Colloquium-Journal*. 2019;3-4(27):12—15. (In Russ.)
5. Ivanova E. V. Prospects for Bringing Parents and Other Close Relatives to Criminal Responsibility for the Abduction of Their Children. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2019;11:104—112. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2019.108.11.104-112.
6. Timofeeva D. E. Removing a child from parents at a direct threat to his life or health as a mechanism of social protection of childhood in Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;3-3:83—89. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2022-3-3-83-89.
7. Lekanova E. E. Legal problems of extrajudicial removal of a child: Soviet legacy, current state and legislative prospects. *Yuridicheskaya nauka i praktika = Juridical science and practice*. 2023;19(4):69—76. (In Russ.) DOI: 10.25205/2542-0410-2023-19-4-69-76.
8. Shepeleva D. V. The legal mechanism and consequences of taking a child away from parents or other persons in whose care he is in a direct threat to the life and health of the child. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian legislation*. 2023;16(5):358—364. (In Russ.)
9. Ivanova E. V. Kidnapping: qualification, responsibility. Diss. of the Cand. of Law. Saint Petersburg, 2020. 213 p. (In Russ.)
10. Khazova S. A., Saparovskaya M. V., Kudryashova O. A. Removal of a child as a crisis event in the life of an alcoholic family and coping with it. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow State Region University*. 2020;4:198—218. (In Russ.) DOI: 10.18384/2224-0209-2020-4-1048.
11. Telitsyna A. Yu. Analysis of Foreign Practice in the Field of Legal Grounds and Approaches to Restriction, Deprivation of Parental Rights and Removal of a Child from His/Her Parents in Case of an Immediate Threat to His or Her Life or Health. *Sotsial'nye nauki i detstvo = Social Sciences and Childhood*. 2023;4(1):36—58. (In Russ.) DOI: 10.17759/ssc.2023040103.
12. Strebkova E. G., Shchukina M. A. Features of enforcement of court decisions on the removal or transfer of a child, determining the order of communication with the child. *Nauka i innovatsii v XXI veke = Science and Innovation in the 21st Century. Collection of scientific articles of the international interdisciplinary scientific and practical conference*. Samara, Insoma-press, 2021:123—128. (In Russ.)
13. Galichenko M. A. History of development of legislation on deprivation of parental rights. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020;12-3:81—83. (In Russ.)
14. Shamraeva I. L., Volkova L. V. The Essence and Features of Deprivation of Parental Rights as a Measure of Family Legal Responsibility. *Sotsiologiya i pravo = Sociology and Law*. 2020;4:80—85. (In Russ.) DOI: 10.35854/2219-6242-2020-4-80-85.

Статья поступила в редакцию 11.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 11.12.2025; approved after reviewing 10.01.2026 accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья

УДК 347.747.2

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1541

Alana Alanovna Dzansolova

Lecturer, Department of Civil Law,
Lebedev Russian State
University of Justice
Moscow, Russian Federation
a.dz11@yandex.ru

Artur Denisovich Kostikov

bachelor's student of the Faculty
of Training Specialists
for the Judicial System,
field of training
40.03.01 — Jurisprudence,
Lebedev Russian State
University of Justice
Moscow, Russian Federation
kostikovartur@bk.ru

Алана Алановна Дзансолова

преподаватель кафедры гражданского права,
Российский государственный
университет правосудия имени В. М. Лебедева
Москва, Российская Федерация
a.dz11@yandex.ru

Артур Денисович Костиков

студент бакалавриата факультета подготовки специалистов
для судебной системы очной формы обучения
(очный юридический факультет),
направление подготовки
40.03.01 — Юриспруденция,
Российский государственный
университет правосудия имени В. М. Лебедева
Москва, Российская Федерация
kostikovartur@bk.ru

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПЛАТЕЖНЫЙ КОД: ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. В связи с введением универсального платежного кода в 2026 году в России впервые введено правовое регулирование платежных QR-кодов. Прежде регулирование предусматривалось в технических стандартах. В новых нормах права закреплено определение универсального платежного кода, определен круг субъектов, взаимодействующих в связи с его формированием и предоставлением, их взаимные права и обязанности. Общие правила, закрепленные в законодательстве, будут детализированы в подзаконных актах и документах. Предусмотрено обязательное применение универсального платежного кода для розничных платежей, в т. ч. при расчетах цифровыми рублями. С учетом того, что функции формирования и выпуска универсальных платежных кодов закреплены за АО «Национальная система платежных карт», можно говорить о государственной монополии в этой сфере. Такой подход объясняется необходимостью унификации и стандартизации правил, регулирующих розничные платежи. Новые правила могут стать базой для дальнейшего развития законодательства, регулирующего сферу денежных переводов. В частности, с учетом

этих правил может формироваться правовое регулирование иных видов платежных QR-кодов, которые могут использоваться за пределами контура применения универсального платежного кода. Представляется целесообразным разработать и законодательно закрепить правила, регулирующие другие альтернативные способы оплаты. Необходимо создание научной основы, обеспечивающей совершенствование законодательства в сфере денежных переводов. В рамках теоретических исследований можно обосновать возникновение нового института права в рамках российской системы права, а также сформулировать предложения по гармонизации действующего правового регулирования: правила переводов, установленные Банком России, очевидно, требуют актуализации с учетом появившихся правил.

Ключевые слова: универсальный платежный код, QR-код, услуги по предоставлению универсального платежного кода, цифровой рубль, Национальная система платежных карт / АО «НСПК», альтернативный способ оплаты, розничные платежи, реквизиты перевода, ссылка на реквизиты перевода, поставщик платежного QR-кода

Для цитирования: Дзансолова А. А., Костиков А. Д. Универсальный платежный код: технологическая характеристика и правовые основы применения // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 246—251. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1541.

Original article

UNIVERSAL PAYMENT CODE: TECHNOLOGICAL CHARACTERISTICS AND LEGAL BASIS FOR APPLICATION

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. With the introduction of the universal payment code in 2026, legal regulation of QR payment codes was introduced in Russia for the first time. Previously, regulation was

provided for in technical standards. The new legal provisions define the universal payment code, identify the entities interacting with its generation and provision, and define their mutual

rights and obligations. The general rules enshrined in legislation will be detailed in bylaws and documents. Mandatory use of the universal payment code for retail payments, including settlements in digital rubles, is provided for. Given that the functions of generating and issuing universal payment codes are assigned to National Payment Card System Joint Stock Company (NSPK JSC), a state monopoly in this area can be considered. This approach is justified by the need to unify and standardize the rules governing retail payments. The new rules may become the basis for further development of legislation regulating money transfers. In particular, these rules can be used to formulate legal regulations for other types of QR payment codes that may be used outside the scope of the Criminal Procedure Code.

It seems appropriate to develop and enshrine in law rules governing other alternative payment methods. It is necessary to create a scientific basis for improving legislation in the area of money transfers. Theoretical research can substantiate the emergence of a new legal institution within the Russian legal system, as well as formulate proposals for harmonizing existing legal regulations: the transfer rules established by the Bank of Russia clearly require updating to reflect these newly introduced rules.

Keywords: universal payment code, QR code, universal payment code services, digital ruble, National Payment Card System / NSPK JSC, alternative payment method, retail payments, transfer details, link to transfer details, QR code payment provider

For citation: Dzansolova A.A., Kostikov A.D. Universal payment code: technological characteristics and legal basis for application. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):246—251. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1541.

Введение

Актуальность. С 1 сентября 2026 г. вступает в силу Федеральный закон от 23 июля 2025 г. № 248-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее — Федеральный закон № 248-ФЗ), который формирует правовую основу для расчетов посредством универсального платежного кода (далее — УПК), который привычно называют QR-кодом.

Практика применения QR-кодов для розничных расчетов существует в России уже с десятков лет. И если технология формирования и применения этого сервиса в технических стандартах описана, то правовое регулирование только начало складываться.

В указанном законе приводится определение УПК, обозначен круг субъектов, которые будут его формировать и использовать, их права и обязанности.

Новелла требует изучения, в числе прочего, с учетом технологической характеристики платежных QR-кодов, поскольку очевидно, что правовое регулирование продолжит формироваться.

Целесообразность разработки темы. Исследование правовых основ УПК целесообразно как для формирования правовых знаний о платежных QR-кодах, так и для дальнейшего развития и совершенствования норм права, регулирующих выпуск и применение платежных QR-кодов, в т. ч. УПК.

Это важно с учетом масштабов применения этой технологии для денежных переводов. По данным Банка России, которые приводятся в Основных направлениях развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов, за последнее время наблюдается заметное сокращение доли безналичных расчетов, приходящихся на платежные карты, и рост доли альтернативных способов оплаты, к которым относятся QR-коды (наряду с биометрией, *pay*-сервисами, *BNPL*-сервисам, *peer-to-peer*-платежами и др.).

Правовое регулирование УПК может стать основой для формирования законодательства, регулирующего применение других видов платежных QR-кодов с учетом того, что УПК — это один из видов таких кодов, а также иных альтернативных способов оплаты.

Изученность проблемы. С учетом того, что Федеральный закон № 248-ФЗ принят полгода назад, специальные исследования правовых основ УПК отсутствуют. Вместе с тем общим проблемам, связанным с выпуском и использованием платежных QR-кодов, посвящены отдельные научные труды.

Описание этой технологии и ее применения в России приводят А. В. Миненко и И. И. Маркова [1]. О перспективах развития систем платежных QR-кодов (куаринга) пишет В. Комлев [2].

Е. М. Вавиловой дано определение деятельности по оплате QR-кодами [3], понятия QR-кода, его видов [4, с. 98—105]. Правовая квалификация и связь платежных QR-кодов с закрепленными формами безналичных расчетов приводятся в работах С. В. Пыхтина [5] и Ю. В. Мякотинной [6]. В. В. Смирнова рассматривает правовые основы использования платежных QR-кодов [7].

В некоторых работах проблематика платежных QR-кодов затронута лишь опосредованно при рассмотрении иных вопросов, касающихся расчетов. Так, О. П. Казаченок пишет о применении QR-кодов при расчетах электронными денежными средствами [8], П. П. Иванюта — цифровыми рублями [9], Н. В. Кордюкова — в международных финансовых переводах [10], Д. Ю. Бобошко — при оплате налогов [11], В. В. Лаптев — при внесении денежных средств на депозитные счета судов [12], У. С. Семенова и В. М. Шеншин — при оплате административных штрафов [13]. Д. В. Боул касается QR-кодов при рассмотрении вопросов защиты прав физических лиц — пользователей Системы быстрых платежей (далее — СБП) [14]. Проблема идентификации платежных QR-кодов в целях следственно-судебной практики рассмотрены Э. Л. Сидоренко [15].

Указанная научная литература демонстрирует широкие возможности применения QR-кодов для совершения платежей. При этом четкое понимание правовой природы указанного способа оплаты отсутствует, что отражается в сделанных выводах. Представляется необходимым продолжить исследование платежных QR-кодов с учетом норм права, нашедших закрепление в Федеральном законе № 248-ФЗ.

Научная новизна данного исследования заключается в проведении комплексного анализа правовых основ, обеспечивающих внедрение УПК в российскую практику розничных платежей.

Цель настоящей работы — выявить пути развития и совершенствования правового регулирования денежных переводов, в т. ч. с использованием ныне популярных платежных QR-кодов, а также правовой науки исходя из правовых основ универсального передаточного документа (далее — УПД).

Задачи исследования: проанализировать правовые новеллы, регулирующие выпуск и применение УПК, в т. ч. с учетом правил стандартизации; сформулировать

предложения по совершенствованию правовых основ денежных переводов с применением альтернативных способов оплаты; обозначить пути развития правовой теории в соответствующей части.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Настоящее исследование может лечь в основу будущих научных разработок, касающихся предмета и метода нового института в системе российского права, нормы которого обеспечат комплексное регулирование выпуска и использования платежных QR-кодов, в т. ч. УПК, иных альтернативных способов оплаты. Практическая значимость исследования заключается в том, что сделанные выводы помогут определить пути дальнейшего совершенствования и развития законодательства в указанной сфере.

Основная часть

Методология исследования. В процессе проведения исследования по теме научной статьи применены методы, необходимые для достижения запланированной цели и решения поставленных задач. Преимущественно использовался формально-юридический метод, на основе которого изучены новые нормы права, нашедшие закрепление в Федеральном законе № 248-ФЗ. Отдельные выводы были сделаны с применением социолого-правового метода. Также использовались диалектический подход, исторический, системный и логичный методы. Применялись и такие методы познания как анализ, синтез, обобщение.

Результаты исследования и их обсуждение. Несмотря на масштабное использование платежных QR-кодов, специальное правовое регулирование их выпуска и применения до принятия Федерального закона № 248-ФЗ отсутствовало [6; 7], что следует оценивать негативно. Регламентация заключалась только в описании технологии QR-кода в специализированных стандартах.

Так, в 2014 г. в целях формирования платежных кодов был разработан Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 56042—2014 «Стандарты финансовых операций. Двумерные символы штрихового кода для осуществления платежей физическими лицами» (утв. приказом Росстандарта от 11 июня 2014 г. № 552-ст). Согласно этому документу QR-код представляет собой особый штриховой код, в двухмерных символах которого заключена информация — реквизиты для денежного платежа. Иными словами, QR-код — это закодированная информация. Технология QR-кода позволяет автоматически вводить банковские реквизиты для осуществления денежного перевода, что ускоряет и упрощает процесс оформления платежа, а также снижает риски ошибок при заполнении данных.

Описание платежных QR-кодов в целях их стандартизации проведено и в Стандарте Банка России СТО БР БФБО-1.9-2024 «Безопасность финансовых (банковских) операций. Обеспечение безопасности использования QR-кодов при осуществлении переводов денежных средств».

Согласно этому документу QR-коды могут формироваться как получателями, так и плательщиками — для взаимного предоставления реквизитов и данных, необходимых для осуществления платежей. Соответственно, различаются QR-коды — в зависимости от содержания зашифрованной информации — с реквизитами (платежной ссылкой) плательщика и с реквизитами (платежной ссылкой) получателя.

Кратность применения QR-кода обуславливает их деление на динамические (код формируется под одну конкретную операцию и используется однократно) и статические (используется многократно). В зависимости от доступности

сети «Интернет» QR-коды могут генерироваться онлайн (в момент оплаты) и офлайн (заранее, с сохранением в памяти устройства).

Важно определить этап (участок) в сложной технологической цепочке, обеспечивающей перевод денежных средств, где применяется QR-код. Последовательность операций, необходимых для перевода денег, включает следующие участки: идентификация, аутентификация и авторизация плательщиков и получателей; формирование, передача и прием электронных сообщений, необходимых для осуществления перевода; удостоверение права клиентов распоряжаться денежными средствами, подлежащими переводу; осуществление операции по переводу денежных средств и учет результатов ее осуществления; хранение электронных сообщений и информации о проведенных операциях.

QR-код генерируется и применяется в рамках специального подэтапа «Формирование (подготовка), передача и прием QR-кода», относящегося к технологическому участку «Формирование (подготовка), передача и прием электронных сообщений». Он включает следующие операции:

1. Направление и обработка запроса на формирование QR-кода. Запрос с необходимыми данными направляется заинтересованным лицом поставщику платежного QR-кода — организации, которая оказывает услуги по формированию QR-кода для перевода денежных средств. Ее функции могут выполнять банки плательщика или получателя денежных средств, операционный и платежный клиринговый центр СБП, поставщик электронного средства платежа, иные сервисы. При обработке запроса поставщик платежного QR-код формирует специальную строку с данными, которая позволяет генерировать графическое изображение QR-кода, и направляет ее в ответ на поступивший запрос.

2. Формирование QR-кода. На этом этапе лицо, запросившее QR-код, преобразует в графическое изображение кода поступившую строку с данными.

3. Сканирование QR-кода с получением платежных данных для дальнейшей обработки и проведения платежной операции.

Понимание технологии платежного QR-кода позволяет правильно идентифицировать его предназначение и роль в цепочке операций, обеспечивающих прохождение перевода денежных средств, экономическую и правовую сущность действий и услуг, связанных с его формированием и предоставлением. Это принципиально важно для правового регулирования.

Рассмотрим, как правовое регулирование УПК соответствует его технологии.

Базис законодательного правового регулирования образуют поправки, внесенные в Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (ст. 3 Федерального закона № 248-ФЗ). Также точно скорректирован Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ст. 2 Федерального закона № 248-ФЗ).

Прежде всего сформулировано определение УПК: это «*информация в графическом или ином виде... позволяющая осуществить ее считывание с использованием программного обеспечения... на техническом устройстве плательщика, и получить в электронном виде... реквизиты перевода или ссылку на реквизиты перевода, для составления распоряжения в целях перевода денежных средств, в том числе... цифровых рублей... в оплату товаров (работ, услуг). Под ссылкой на реквизиты перевода понимается указатель страницы сайта... позволяющий получить информацию о реквизитах перевода*».

В целом указанная формулировка понятия соответствует описанной технологии. Вместе с тем она не представляется достаточно точной. Так, в определении указано, что УПК — это *информация*, которая *позволяет осуществить ее считывание* с применением специальной программы. Однако очевидно, что не информация сама по себе позволяет осуществить ее же считывание указанным способом, а графический (иной) вид этой информации. То же касается и выражения о том, что эта *информация позволяет получить реквизиты* для денежного перевода. УПК — это и есть зашифрованная информация о реквизитах, что не нашло отражения в определении рассматриваемого понятия. А графический (иной) вид информации позволяет автоматически «залить» ее в платежный документ. Представляется, что закрепленное определение понятия УПК требует более точных формулировок.

Формируется УПК оператором услуг по предоставлению универсального платежного кода. В другой терминологии Банка России — поставщиком платежного QR-кода. Этот статус присвоен Акционерному обществу «Национальная система платежных карт» (далее — АО «НСПК»). Общество также является оператором платежной системы «Мир» и операционным платежным и клиринговым центром СБП. Поскольку уже более 10 лет его единственным акционером является Банк России, по сути это означает, что именно мегарегулятор обеспечивает выпуск УПК.

АО «НСПК» в качестве оператора услуг по предоставлению УПК будет управлять специализированной информационной системой, через которую субъекты, задействованные в денежных переводах, будут получать платежные QR-коды с реквизитами или ссылками на реквизиты перевода. Такими заинтересованными субъектами, иными словами «заказчиками» УПК, являются Банк России, в т. ч. как оператор платформы цифрового рубля, российские кредитные организации и филиалы иностранных банков, выступающие операторами по переводу денежных средств, а также операторы услуг информационного обмена и банковские платежные агенты с функциями платежного агрегатора.

Таким образом, законодателем определен круг субъектов, задействованных в операциях, связанных с формированием УПК. Уникальным статусом поставщика таких QR-кодов обладает только один субъект — АО «НСПК». Прочие лица имеют общий статус заказчиков услуг по предоставлению УПК. Поправки в закон предусматривают взаимные права и обязанности указанных субъектов.

Услуги по предоставлению платежных QR-кодов будут предоставляться в соответствии с правилами оказания таких услуг, которые подлежат утверждению Банком России. Это означает, что детальное регулирование указанной сферы «спущено» на подзаконный уровень и фактически делегировано Центральному банку РФ, чем в очередной раз подтверждается его статус мегарегулятора.

По своей сути это информационные услуги, поскольку заключаются в обмене данными с их преобразованием (шифрованием). Данный вывод подтверждается тем, что платежные QR-коды генерируются и используются на технологическом участке операции перевода денежных средств «Формирование (подготовка), передача и прием электронных сообщений».

Содержание услуги будет различаться в зависимости от запроса «заказчика» УПК. Так, кредитные организации и филиалы иностранных банков могут выбирать способы

осуществления переводов денежных средств: лично в банке (филиале банка), через банкомат, электронный терминал или иное устройство, др. Платежный QR-код должен обеспечивать возможность перевода денег именно тем способом, который заявлен. Такой подход важен, поскольку технология УПК должна обеспечивать существующее многообразие способов розничных расчетов. Только в этом случае будет гарантировано дальнейшее технологическое развитие сферы безналичных расчетов, а также удовлетворение потребностей широкого круга субъектов, участвующих в таких расчетах.

Важная характеристика рассматриваемых услуг — они оказываются без взимания платы. То есть АО «НСПК» не будет взимать плату со своих «клиентов», запросивших платежный QR-код (кредитных организаций, филиалов иностранных банков и др.), хотя очевидно наличие издержек, связанных с предоставлением УПК. Такой подход свидетельствует о том, что указанный проект не является коммерческим для АО «НСПК». Он нацелен на решение иных задач, стоящих перед Банком России и государством в целом. К таким задачам, в частности, относится необходимость унификации и стандартизации популярного способа розничной оплаты. Другая задача — организация и популяризация грядущих расчетов цифровыми рублями, введение которых в широкое обращение анонсировано. Платежи в цифровых рублях посредством удобных для потребителей QR-кодов будут способствовать росту востребованности новых денег. Для поставщиков товаров (работ, услуг) использование цифровых рублей в расчетах также будет выгодным, поскольку платежи через QR-коды дешевле, чем по платежным картам, по которым предусмотрено взимание эквайринговых комиссий.

Принципиальная особенность УПК — обязательность применения в сфере розничных платежей.

Федеральный закон № 248-ФЗ предусматривает обязательное применение УПК при расчетах цифровыми рублями. То есть, расчеты в цифровых рублях между физическими лицами и «поставщиками» (организациями, индивидуальными предпринимателями, лицами, занимающимися частной практикой, нотариусами медиаторами, оценщиками и др.) за проданные товары (работы, услуги) будут производиться исключительно с применением УПД.

Обязанность обеспечить возможность таких расчетов возложена на определенных участников платформы цифрового рубля — российские кредитные организации и филиалы иностранных банков. Другие участники указанной платформы — государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», иностранные банки — такой обязанности не имеют, однако они и не обеспечивают массово розничные расчеты внутри России.

Важно отметить, что несмотря на закрепленное в законодательстве правило об обязательности расчетов в цифровых рублях с применением УПД, Банку России как оператору платформы цифрового рубля оставлено место для маневра: иные правила расчетов могут предусматриваться правилами платформы цифрового рубля.

Необходимо указать, что Федеральный закон № 248-ФЗ также предусматривает и другие меры, обеспечивающие внедрение в обращение цифровых рублей. В частности, кредитные организации, которые предоставляют клиентам возможность совершать операции с использованием электронного средства платежа, обременяются

обязанностью обеспечить проведение операций с цифровыми рублями. Это правило будет вводиться поэтапно. Сначала, с 1 сентября 2026 г., оно вступит в силу для банков, наиболее вовлеченных в розничные расчеты — системно значимых кредитных организаций. Далее под его действие подпадут кредитные организации, значимые на рынке платежных услуг. А с 1 сентября 2028 г. оно начнет действовать для всех.

Однако УПК будет обязательным не только при платежах в цифровых рублях. УПК должен применяться при любом использовании электронного средства платежа, если только оно позволяет считывать информацию в графическом (ином) виде. Предоставлять посредством УПК платежную информацию (реквизиты, платежную ссылку) обязаны банки, предоставившие клиенту такое средство. Обеспечить использование УПК во всех программных средствах и технических устройствах, в т. ч. у клиентов — поставщиков товаров (работ, услуг), должны банки, принимающие электронные средства платежа. Это правило действует для всех кредитных организаций и филиалов иностранных банков. Единственное исключение из этого правила — трансграничные переводы денежных средств.

Выводы

Следует констатировать, что Федеральный закон № 248-ФЗ обозначил контур и общие правила применения УПК и оказания услуг, связанных с его формированием и предоставлением. Указанные нормы требуют внимательного изучения с целью совершенствования. В частности, очевидна необходимость корректировки определения

понятия УПК. Детальное нормативное регулирование УПК будет осуществляться актами Банка России и документами АО «НСПК».

Требуется гармонизация новых норм права с существующим правовым регулированием в сфере переводов денежных средств, предусмотренным, в том числе, в актах Банка России. Представляется, что подзаконные акты должны быть дополнены соответствующим образом. Поправки требуют научной проработки.

Сформированный подход может быть использован при формировании правовых основ других видов платежных QR-кодов. Такое регулирование требуется в связи с тем, что УПК — не единственный вид платежных QR-кодов. В законодательстве определены случаи, когда его применение обязательно — розничные платежи. Однако это не все случаи денежных переводов. С учетом этого платежные QR-коды могут использоваться при безналичных расчетах, когда применение УПК не обязательно (обязательные платежи в бюджеты, трансграничные расчеты и др.).

Представляется правильным продолжить разработку законодательства, регулирующего денежные переводы, применительно к иным альтернативным способам оплаты.

Научные исследования совокупности норм права, регулирующих переводы денежных средств, позволят констатировать развитие нового правового института комплексного характера в системе российского права.

Требуется специальное исследование государственная монополия на выпуск УПК с учетом разнящихся оценок такого подхода: представители банковского сообщества его критикуют, отдельные специалисты — оценивают положительно [2].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Миненко А. В., Маркова И. И. Оплата по QR-коду: технология и решение Центробанка // Вектор экономики. 2019. № 10. URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/10/innovationmanagement/Minenko_Markova.pdf.
2. Комлев В. QR раздора // Банковское обозрение. 2025. № 6. С. 62—65.
3. Вавилова Е. М. Платежи по QR-коду в России: правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 5(136). С. 241—247.
4. Вавилова Е. М. Гражданско-правовое регулирование безналичных расчетов : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 173 с.
5. Пыхтин С. В. Оплата по QR-коду как способ безналичных расчетов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1. С. 104—110. DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.104-110.
6. Мякотина Ю. В. Правовые аспекты использования QR-кодов для платежей // Хозяйство и право. 2025. № 5. С. 111—122.
7. Смирнова В. В. Правовое регулирование использования QR-кода при оплате покупок и услуг // Право и государство: теория и практика. 2025. № 1. С. 397—400.
8. Казаченок О. П. Расчеты с использованием электронных денежных средств в странах БРИКС // Банковское право. 2019. № 4. С. 60—66.
9. Иванюта П. П. Цифровой рубль как новый предмет исследований науки гражданского права // Цивилист. 2024. № 3. С. 76—81.
10. Кордюкова Н. В. Международные транзакции в России и за рубежом // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2025. № 3. С. 30—41.
11. Бобошко Д. Ю. Имущественные налоги физических лиц: анализ особенностей уплаты в связи с переходом на использование единого налогового счета в 2023 году // Налоги. 2023. № 2. С. 2—6.
12. Лаптев В. А. Пути развития цифрового правосудия в России в сфере арбитражного судопроизводства // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 5. С. 168—187. DOI: 10.37239/2500-2643-2022-18-5-168-187.
13. Семенова У. С., Шеншин В. М. Применение матричного кода (QR-кода) для исполнения административного наказания в виде административного штрафа за нарушение требований пожарной безопасности // Административное право и процесс. 2024. № 5. С. 47—49. DOI: 10.18572/2071-1166-2024-5-47-49.
14. Боул Д. В. Актуальные вопросы защиты прав физических лиц — пользователей Системы быстрых платежей // Цивилист. 2024. № 4. С. 54—59.
15. Сидоренко Э. Л. Борьба с дропперством: ключевые задачи уголовной политики и вопросы квалификации деяний // Мировой судья. 2025. № 12. С. 8—17.

REFERENCES

1. Minenko A. V., Markova I. I. Payment by QR code: technology and solution of the Central Bank. *Vektor ekonomiki = Vector economy*. 2019;10. (In Russ.) URL: https://vectoreconomy.ru/images/publications/2019/10/innovationmanagement/Minenko_Markova.pdf.
2. Komlev V. QR discord. *Bankovskoe obozrenie*. 2025;6:62—65. (In Russ.)
3. Vavilova E. M. Payments by QR code in Russia: legal aspect. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2020;5(136):241—247. (In Russ.)
4. Vavilova E. M. Civil regulation of non-cash payments. Diss. of the Cand. of Law. Moscow, 2021. 173 p. (In Russ.)
5. Pykhtin S. V. Payment by QR-Code as a Cashless Settlement Method. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2023;1:104—110. (In Russ.) DOI: 10.17803/2311-5998.2023.101.1.104-110.
6. Myakotina Yu. V. Legal aspects of the use of QR codes for payments. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*. 2025;5:111—122. (In Russ.)
7. Smirnova V. V. Legal regulation of the use of a QR-code when paying for purchases and services. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2025;1:397—400. (In Russ.)
8. Kazachenok O. P. Settlements with electronic money in the BRICS countries. *Bankovskoe pravo = Banking law*. 2019;4:60—66. (In Russ.)
9. Ivanyuta P. P. Digital ruble as a new subject of research in the science of civil law. *Civilist*. 2024;3:76—81. (In Russ.)
10. Kordyukova N. V. International transactions in Russia and abroad. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*. 2025;3:30—41. (In Russ.)
11. Boboshko D. Yu. Property taxes of individuals: an analysis of payment specifics in view of the transition to the use of the unified tax account in 2023. *Nalogi = Taxes*. 2023;2:2—6. (In Russ.)
12. Laptev V. Ways of developing digital justice in Russia in the field of arbitrazh [sic!] proceedings. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*. 2023;5:168—187. (In Russ.) DOI: 10.37239/2500-2643-2022-18-5-168-187.
13. Semenova U. S., Shenshin V. M. Application of a matrix code (QR code) to enforce an administrative punishment in the form of an administrative fine for violation of fire safety requirements. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative Law and Procedure*. 2024;5:47—49 (In Russ.) DOI: 10.18572/2071-1166-2024-5-47-49.
14. Boul D. V. Topical issues of protecting the rights of individual users of Faster Payments System. *Civilist*. 2024;4:54—59. (In Russ.)
15. Sidorenko E. L. The struggle against dropper business: key tasks of the criminal policy and action qualification issues. *Mirovoi sud`ya = Magistrate judge*. 2025;12:8—17. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.01.2026; одобрена после рецензирования 28.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 10.01.2026; approved after reviewing 28.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья

УДК 347

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1569

Anastasia Aleksandrovna Rozhmanova

Postgraduate of the Department of Civil Rights and Procedures,
field of training

40.06.01 — Jurisprudence,

Belgorod State

National Research University

Belgorod, Russian Federation

a08.arozhmanova@bk.ru

Анастасия Александровна Рожманова

аспирант кафедры гражданского права и процесса,
направление подготовки

40.06.01 — Юриспруденция,

Белгородский государственный

национальный исследовательский университет

Белгород, Российская Федерация

a08.arozhmanova@bk.ru

ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В СЕЛЕКЦИИ

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. В статье осуществлен всесторонний анализ ключевых правовых принципов, определяющих регулирование применения генетических технологий в селекционной деятельности и сельском хозяйстве Российской Федерации. В исследовании прослеживается трансформация нормативного подхода, а именно от фундаментальных научных основ классической селекции к современному строго регламентированному правовому режиму, сформированному в ответ на обращение генетически модифицированных организмов (ГМО). Особое внимание уделяется основополагающим ориентирам государственной политики, закрепленным в Федеральном законе от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», а также производным от них отраслевым принципам, таким как приоритет публичных интересов, рациональное использование земельных ресурсов, обеспечение экологической и биологической безопасности и формирование устойчивой системы государственного контроля. Отдельный аналитический блок посвящен сравнительному рассмотрению противоречивых международных подходов, включая концепцию «существенной эквивалентности» и доминирующий в российской практике «принцип пре-

досторожности», который обусловил запрет коммерческого выращивания ГМО-культур и расширение мер по управлению потенциальными рисками.

На основе критического анализа законодательства выявляются структурные пробелы, например недостаточная определенность прав и гарантий участников соответствующих правоотношений, отсутствие четко ограниченной ответственности государственных органов, а также фрагментарность административных норм, регулирующих нарушения в данной сфере. Кроме того, обосновывается необходимость комплексной модернизации нормативной базы с целью достижения баланса между задачами биологической безопасности, стимулированием научно-технологического развития аграрного сектора и повышением уровня информированности общества. Представленные выводы вносят вклад в развитие отечественной доктрины аграрного и экологического права в контексте регулирования инновационных биотехнологий.

Ключевые слова: генетические технологии, селекция, генетически модифицированные организмы / ГМО, принцип предосторожности, государственное регулирование, экологическая безопасность, правовые принципы, сельскохозяйственное право, биологическая безопасность, маркировка продукции, ответственность, нормативно-правовая база

Для цитирования: Рожманова А. А. Принципы использования генетических технологий в селекции // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 252—258. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1569.

Original article

PRINCIPLES OF USING GENETIC TECHNOLOGY IN SELECTION

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the key legal principles that govern the regulation of genetic technologies in breeding and agriculture in the Russian Federation. The study explores the transformation of the regulatory approach from the fundamental scientific foundations of classical breeding to the current strict legal regime established in response to the use of genetically modified organisms (GMOs). Special attention is paid to the fundamental guidelines of state policy enshrined in the Law on State Regulation of Genetic Engineering Activities, as well as the industry-specific principles derived from them, such as the priority of public interests,

the rational use of land resources, ensuring environmental and biological safety, and establishing a sustainable system of state control. A separate analytical section focuses on a comparative analysis of conflicting international approaches, including the concept of “substantial equivalence” and the “precautionary principle” that dominates Russian practice, leading to the prohibition of commercial cultivation of GMO crops and the expansion of measures to manage potential risks.

Based on a critical analysis of the legislation, structural gaps are identified, such as the lack of clarity in the rights and guarantees of the participants in the relevant legal relations,

the absence of clearly defined responsibilities for government agencies, and the fragmented nature of administrative regulations governing violations in this area. Additionally, this work highlights the need for comprehensive modernization of the regulatory framework in order to achieve a balance between the objectives of biological security, promoting scientific and technological development in the agricultural sector, and raising public awareness. The presented findings contri-

bute to the development of the domestic doctrine of agricultural and environmental law in the context of regulating innovative biotechnologies.

Keywords: *genetic technologies, breeding, genetically modified organisms / GMOs, precautionary principle, state regulation, environmental safety, legal principles, agricultural law, biological safety, product labeling, responsibility, regulatory framework*

For citation: Rozhmanova A. A. Principles of using genetic technology in selection. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):252—258. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1569.

Введение

Современная селекция, будучи наукой о создании и улучшении сортов растений, пород животных и штаммов микроорганизмов, претерпела радикальную трансформацию благодаря развитию генетических технологий. От традиционных методов гибридизации научный прогресс шагнул к целенаправленному конструированию организмов с заданными признаками. Однако столь мощный инструмент порождает не только агрономические и экономические перспективы, но и комплекс правовых, экологических и социально-этических вызовов, требующих взвешенного государственного регулирования.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью системного анализа принципов правового регулирования в этой динамичной сфере, их реализации в национальном законодательстве и выявления дисбалансов, препятствующих как обеспечению безопасности, так и технологическому развитию. В Российской Федерации, как и в мире в целом, сформировались противоречивые подходы к оценке рисков и преимуществ генетически модифицированных организмов (далее — ГМО), что требует научного осмысления.

Степень научной разработанности проблемы. Проблематика правового регулирования генетических технологий в сельском хозяйстве и селекции привлекает внимание многих исследователей. Основные подходы к регулированию ГМО в международной практике проанализированы Н. А. Чуйко [1]. Эволюция законодательства в сфере селекционных достижений исследована М. С. Коняшиным [2].

Фундаментальные основы системы правовых принципов в экологическом праве заложены в монографии А. Я. Рыженкова [3], где автор обосновывает иерархическую структуру принципов и их роль в формировании охранительного вектора правового регулирования. Состояние и перспективы правового регулирования применения геномных технологий в растениеводстве России исследованы А. Ю. Соколовым с соавторами [4], которые отмечают явно выраженный «запретительно-контрольный» характер сложившейся системы.

Сравнительный анализ международных подходов к регулированию ГМО в США, Евросоюзе и России проведен в работе Т. А. Воейковой [5], где выявлены существенные различия в подходах к оценке рисков и процедурам регистрации. Особенности зарубежных моделей регулирования, в т. ч. канадской, исследованы С. Дж. Смитом [6], а вопросы безопасности и контроля генетически модифицированных источников пищи рассматриваются в работах В. М. Позняковского [7].

Эволюция подходов к регулированию геномных технологий в зарубежном праве проанализированы Т. В. Редниковой [8]. Проблемы международно-правового регулиро-

вания и отсутствия единого «договорного режима» в сфере биотехнологий анализируются А. О. Иншаковой с соавторами [9], а также Р. Г. Новиковой [10], которая обращает внимание на барьеры в международной торговле, вызванные отсутствием единых стандартов.

Дискуссионные вопросы использования ГМО в сельском хозяйстве, включая анализ российского запретительного подхода и его последствий, подробно рассмотрены в работах А. П. Анисимова и О. В. Поповой [11]. Вопросы поиска сбалансированного нормативного подхода в России и за рубежом поднимаются в работе А. О. Иншаковой и Ю. А. Тымчук [12].

Проблемы коммуникации научного сообщества с обществом в сфере генетических технологий в сельском хозяйстве исследованы Дж. Хендрикс с соавторами [13]. Новые технологические возможности, требующие пересмотра понятийного аппарата (*CRISPR/Cas*), рассматриваются в работе Р. Цай с соавторами [14]. Безопасность использования генетических технологий и необходимость смены концепции их правового регулирования обоснованы академиком М. П. Кирпичниковым и А. М. Кудрявцевым [15].

Несмотря на наличие фундаментальных работ, комплексное исследование системы принципов регулирования генетических технологий именно в контексте селекции, с учетом последних законодательных изменений (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ) и в сравнении с зарубежными подходами, остается востребованным, что определяет **целесообразность разработки темы.**

Целью настоящего исследования является формирование целостного представления о содержании и системных взаимосвязях правовых принципов, регулирующих использование генетических технологий в сельскохозяйственной селекции в Российской Федерации, а также выявление дисбалансов в их реализации и обоснование направлений совершенствования законодательства в данной сфере.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- проанализировать эволюцию нормативного подхода от классической селекции к генной инженерии;
- систематизировать руководящие и отраслевые принципы регулирования генно-инженерной деятельности;
- сопоставить принцип «существенной эквивалентности» и «принцип предосторожности» в международном и российском правовом порядке;
- выявить пробелы и коллизии в действующем законодательстве;
- сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования использования генетических технологий в селекции.

Научная новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении принципов регулирования ГМО через призму их применимости в аграрной селекции, что позволяет оценить не только охранительную, но и развивающую функцию права в условиях технологических инноваций.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии доктрины аграрного и экологического права в части систематизации принципов правового регулирования генетических технологий, а также в обосновании необходимости их сбалансированного применения с учетом как охранительных, так и стимулирующих функций права.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его выводы и предложения могут быть применены в законотворческом процессе при модернизации законодательства о биобезопасности, а также в правоприменительной практике и образовательной деятельности при подготовке специалистов в области аграрного и экологического права.

Основная часть

Методология исследования. Исследование выполнено с использованием как общенаучных, так и специальных юридических методов познания. Последовательность выполнения исследования включала несколько этапов: на первом этапе был проведен анализ эволюции законодательства в сфере селекции и генной инженерии, на втором этапе осуществлен синтез выявленных правовых принципов и их систематизация, на третьем этапе проведен сравнительно-правовой анализ международных подходов, заключительный этап посвящен критической оценке действующего законодательства и формулированию выводов.

Результаты исследования. В результате проведенного анализа установлено, что правовое регулирование генетических технологий в селекции Российской Федерации базируется на иерархической системе принципов, где основополагающие руководящие начала (безопасность, гласность, обязательная регистрация) дополняются отраслевыми принципами (приоритет публичных интересов, рациональное использование земель, экологическая безопасность). Сравнительно-правовой анализ выявил доминирование в российской правовой системе принципа предосторожности, имплементированного в наиболее жесткой форме — в виде фактического запрета на коммерческое культивирование ГМО-культур (Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ), что существенно отличается от моделей существенной эквивалентности, применяемых в США, Канаде и Японии. Ключевыми результатами критического анализа законодательства стали выявленные системные пробелы — дисбаланс прав субъектов правоотношений, отсутствие законодательно закрепленной ответственности государственных органов за неправомерные решения в сфере регистрации и контроля, фрагментарность административно-деликтных составов, регулирующих нарушения в области оборота ГМО, а также односторонняя реализация принципа гласности, формирующая в общественном сознании преимущественно негативное отношение к генетическим технологиям без представления полной научной информации.

Современная селекция, будучи наукой о создании и улучшении сортов растений, пород животных и штаммов микроорганизмов, претерпела радикальную трансформацию, благодаря развитию генетических технологий.

Так, от традиционных методов гибридизации научный прогресс шагнул к целенаправленному конструированию организмов с заданными признаками, однако, столь мощный инструментарий порождает не только агрономические и экономические перспективы, но и комплекс правовых, экологических и социально-этических вызовов, требующих взвешенного государственного регулирования. В Российской Федерации, как и в мире в целом, сформировались достаточно противоречивые подходы к оценке рисков и потенциальных преимуществ ГМО, и если в таких странах, как США, Канада и Япония, доминирует принцип «существенной эквивалентности», фокусирующийся на безопасности конечного продукта, то в России и в ряде государств Евросоюза возобладает более осторожный подход, основанный на превентивном ограничении [1].

Анализ эволюции нормативного подхода к селекционной деятельности показывает радикальный сдвиг парадигмы. Так, если традиционная селекция, опираясь на законы классической генетики, развивалась в правовом поле сортоиспытания и охраны селекционных достижений [2], то появление методов направленного изменения генома потребовало создания принципиально нового, специализированного правового режима. В Российской Федерации таким ответом стал Федеральный закон от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», который, по сути, переориентировал фокус государственной политики с поддержки инновационного развития аграрной науки на обеспечение жесткого контроля и минимизацию любых потенциальных рисков, связанных с ГМО. Такая трансформация знаменует собой переход от управленческой модели, основанной на оценке конкретных результатов, к модели, построенной на превентивном регулировании, центральным элементом которой выступает принцип предосторожности.

Система правовых принципов, формирующих современное регулирование генетических технологий в России, имеет выраженную иерархическую структуру. Правовые принципы, понимаемые как основополагающие идеи, определяющие содержание и направление правового регулирования, образуют некий каркас любой отрасли законодательства, при этом фундамент этой системы составляют руководящие принципы государственной политики, закрепленные в ст. 5 Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ: «Генно-инженерная деятельность должна основываться на следующих принципах:

- безопасности граждан (физических лиц) и окружающей среды;
- общедоступности сведений о безопасности генно-инженерной деятельности;
- обязательного подтверждения соответствия продукции, содержащей результаты генно-инженерной деятельности, с указанием полной информации о методах получения и свойствах данного продукта;
- государственной регистрации генно-инженерно-модифицированных организмов, предназначенных для выпуска в окружающую среду, а также продукции, полученной с применением таких организмов или содержащей такие организмы, включая указанную продукцию, ввозимую на территорию Российской Федерации».

Представленные принципы носят основополагающий, декларативный характер и задают общий охранительный вектор, а на их основе формируется комплекс более

конкретных отраслевых принципов, применяемых непосредственно в аграрной сфере. Отметим, что важнейшим из представленных принципов, является принцип приоритета публичных интересов, который обосновывает активное вмешательство государства в целях обеспечения биологической и экологической стабильности общества, а в контексте сельского хозяйства данный принцип тесно переплетается с принципом рационального использования и охраны сельскохозяйственных угодий, поскольку потенциальное возделывание ГМО-культур рассматривается в связи с необходимостью сохранения ценного земельного фонда [3]. Императивным же требованием, пронизывающим все уровни регулирования, выступает принцип экологической безопасности и охраны здоровья человека, выступающий абсолютным ограничителем любой деятельности с ГМО. Однако, отметим, что некоторые исследователи отмечают, что сложившаяся система носит явно выраженный «запретительно-контрольный» характер и содержит мало механизмов, стимулирующих научные исследования и ответственное внедрение инноваций в практическую селекцию [4].

Международный опыт демонстрирует принципиально иную, биполярную картину регулирования, что усугубляет противоречия в российской практике. Так, в таких странах, как США, Канада и Япония, доминирует принцип «существенной эквивалентности», который фокусируется не на процессе создания, а на конечном продукте [1]. Сравнительный анализ правового регулирования использования ГМО в промышленных целях в США, Евросоюзе и России проведен в работе Т. А. Воейковой с соавторами [5], где отмечаются существенные различия в подходах к оценке рисков и процедурам регистрации. Как фиксируется в современных исследованиях, регуляторные модели Канады и США, построенные на этом принципе, нацелены на оценку конкретных признаков и безопасности нового сорта в сравнении с его традиционным аналогом, уже имеющим историю безопасного использования, что позволяет избежать избыточного регулирования, основанного лишь на факте применения биотехнологических методов [6]. Если ГМО-продукт по ключевым параметрам (химическому составу, питательной ценности) не отличается от традиционного аналога, он признаётся столь же безопасным [7]. Основным инструментом регулирования в таком подходе становится информирование потребителя через обязательную маркировку.

В противоположность этому, в основе европейской и российской модели лежит принцип предосторожности, сформулированные в Рио-де-Жанейрской декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. Указанный принцип допускает и оправдывает введение строгих ограничительных мер, включая полный запрет, даже при отсутствии неопровержимых доказательств вреда, но при наличии обоснованных опасений относительно потенциальных неблагоприятных последствий в будущем. Сам принцип предосторожности гласит: «В целях защиты окружающей среды государства должны широко применять предупредительный подход в соответствии с их возможностями. В случае угрозы серьезного или необратимого ущерба отсутствие полной научной достоверности не может служить основанием для откладывания экономически эффективных мер по предотвращению деградации окружающей среды». Наиболее последовательное и специализированное юридическое закрепление данный

принцип нашел в международном праве в отношении ГМО, а именно в Картахенском протоколе по биобезопасности к Конвенции о биологическом разнообразии 2000 г. Как отмечает Т. В. Редникова [8], принцип предосторожности реализуется в зарубежных правовых системах через различные механизмы — от полного запрета до системы поэтапной авторизации. Исследуя международно-правовые вызовы регулирования биотехнологической продукции А. О. Иншакова, А. М. Отрашевская и А. М. Солнцев [9] приходят к выводу об отсутствии единого «договорного режима», регулирующего биотехнологии, по их мнению, существует разрозненная и противоречивая «сеть» соглашений, касающихся интеллектуальной собственности, торговли и окружающей среды. Протокол, ратифицированный Россией в 2007 г., прямо устанавливает, что недостаток научной определенности не должен препятствовать принятию сторонами решения об ограничении импорта живых ГМО-организмов для преднамеренного высвобождения в окружающую среду. Таким образом, протокол легитимизировал использование принципа предосторожности в качестве правового основания для введения странами-импортерами ограничительных мер, включая запрет.

На уровне национального законодательства этот принцип был детально институционализирован. Ярким примером этого служит Регламент Европейского Парламента и Совета (ЕС) № 1829/2003 о генетически модифицированных продуктах питания и кормах от 22 сентября 2003 г. Данный акт, оставаясь в рамках парадигмы предосторожности, создает не просто запретительный, а сложносоставной регуляторный режим, который включает в себя обязательную предпродажную научную оценку рисков Европейским агентством по безопасности пищевых продуктов (EFSA), систему поэтапной авторизации конкретных ГМО, а также жесткие требования к прослеживаемости (трассируемости) и маркировке продукции на всех этапах производственно-сбытовой цепочки. Таким образом, европейская модель, в отличие от российской, делает акцент не на общем запрете, а на создании всеобъемлющей системы управления рисками, где принцип предосторожности реализуется через процедуры тщательной проверки и прозрачности. Вопросы гармонизации международных подходов к регулированию ГМО остаются предметом активных дискуссий. Как отмечает Р. Г. Новикова [10], отсутствие единых стандартов оценки безопасности и маркировки ГМО-продукции создает барьеры в международной торговле и требует выработки компромиссных решений на уровне интеграционных объединений.

Российский законодатель, последовательно реализуя принцип предосторожности, внес принципиальные изменения в действующее законодательство, приняв Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования государственного регулирования в области генно-инженерной деятельности», ужесточил положения базового Федерального закона от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ, установив практически полный запрет на коммерческое культивирование ГМО-культур и ввоз соответствующих семян на территорию страны. Подобную крайнюю меру некоторые правоведы сближают с принципом запрета хозяйственной деятельности, последствия которой непредсказуемы для окружающей среды, закрепленным в экологическом праве. Такой подход, на наш взгляд, максимально

усиливает биобезопасность в краткосрочной перспективе, но одновременно с этим, создает высокие барьеры для отечественных научных разработок и лишает агропромышленный комплекс потенциальных инструментов повышения устойчивости и продуктивности, что в долгосрочном периоде, по мнению ряда экспертов, может негативно сказаться на его конкурентоспособности [11].

Как отмечают А. О. Иншакова и Ю. А. Тымчук [12], в условиях, когда вред от ГМО-технологий не имеет убедительных доказательств, абсолютный запрет снижает регуляторную ценность закона и уменьшает потенциал конкурентоспособности отечественного сельского хозяйства, тогда как более перспективным представляется использование механизмов сертификации и маркировки ГМО-продукции.

Критический анализ действующего законодательства, сформированного федеральными законами от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ и от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ, позволяет выявить ряд системных пробелов и внутренних противоречий, снижающих эффективность правового регулирования.

Во-первых, можно увидеть очевидный дисбаланс в защите прав различных субъектов, так, законодательство детально прописывает права граждан на благоприятную среду, охрану здоровья и получение информации о наличии ГМО в продуктах, но при этом практически полностью игнорирует права и законные интересы разработчиков генетических технологий и производителей соответствующей продукции. В законе отсутствуют гарантии защиты из прав от необоснованных административных решений, а также четкие процедуры возмещения возможного вреда, причиненного такими решениями.

Во-вторых, существует дефицит ответственности самих государственных органов в то время, как для хозяйствующих субъектов установлена административная ответственность по ст. 6.3.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), нормы, регулирующие ответственность уполномоченных органов власти за неправомерный отказ в регистрации, необоснованную задержку процедур или ненадлежащий контроль, в законодательство о генно-инженерной деятельности отсутствуют.

В-третьих, даже в рамках закрепительного режима наблюдается фрагментарность санкций. Так, действующий КоАП РФ не содержит, например, конкретных составов правонарушений за нарушение ключевых запретов на ввоз семян, установленных Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 358-ФЗ, что делает сами эти запреты менее эффективными.

Наконец, принцип гласности, также закрепленный в Федеральном законе от 5 июля 1996 г. № 86-ФЗ, на практике часто реализуется однобоко, поскольку информирование общества фокусируется преимущественно на потенциальных рисках и угрозах, в то время как объективные научные данные об оценке безопасности конкретных модификаций, их агрономических преимуществах и роли в решении глобальных продовольственных проблем остаются в тени. Право потребителя на достоверную информацию, включая данные о наличии ГМО, является ключевым элементом современного товарного оборота, а его нарушение подрывает основы доверия к рынку (Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»), что способствует формированию в общественном сознании не столько информированного, сколько предвзятого отношения к генетическим технологиям в целом,

затрудняя проведение взвешенной публичной дискуссии и принятие обоснованных политических решений. Проблема коммуникации между научным сообществом и обществом в сфере генетических технологий в сельском хозяйстве подробно исследована Дж. Хендрикс с соавторами [13], которые приходят к выводу, что отсутствие диалога и одностороннее информирование о рисках без разъяснения научных данных ведет к усилению недоверия и затрудняет принятие взвешенных регуляторных решений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет нам сформулировать ряд выводов, отражающих сущность и противоречия современного правового регулирования генетических технологий в селекции России. Во-первых, регулирование генетических технологий в селекции России претерпело радикальную трансформацию, а именно от режима, поддерживающего инновации, к превентивной модели, основанной на принципе предосторожности в его наиболее жесткой, запретительной форме. Во-вторых, сложившаяся система правовых принципов обладает внутренним дисбалансом, поскольку, ориентированная на охранительную функцию, она содержит мало механизмов для стимулирования исследований и внедрения разработок, что отмечается в научной литературе. В-третьих, мы выявили структурные пробелы законодательства, в частности дисбаланс в защите прав субъектов (в ущерб производителям), дефицит ответственности государственных органов, неполнота санкций и односторонняя реализация принципа гласности, ведущая к формированию в обществе предвзятого, а не информированного отношения к технологиям.

Таким образом, действующая нормативная база, обеспечивая биобезопасность в краткосрочной перспективе, создает долгосрочные риски для технологического развития агропромышленного комплекса. Необходимо не отменить принцип предосторожности, а сбалансировать его с началами научной обоснованности, стимулировать инновации и пропорциональность, что требует комплексной модернизации законодательства, что также особенно актуально в контексте появления новых технологий, таких как геномное редактирование. Как отмечают Р. Цай с соавторами [14], технологии *CRISPR/Cas* открывают возможности для создания растений без встраивания чужеродной ДНК, что требует пересмотра самого понятия ГМО и критериев его оценки, поскольку такие организмы не отличаются от полученных традиционной селекцией. Данный вывод согласуется с позицией академика М. П. Кирпичникова и А. М. Кудрявцева [15], которые, анализируя перспективы развития генетических технологий в России, подчеркивают необходимость смены концепции их правового регулирования и приведения законодательных норм в соответствие с современным уровнем развития науки, включая корректировку понятийного аппарата генно-инженерной деятельности. По их мнению, именно запретительные меры в законодательстве, вызванные настороженным отношением общества, привели к тому, что перспективные отечественные разработки остались в стенах лабораторий и не были использованы для повышения продуктивности сельского хозяйства. Только такой подход позволит гармонизировать цели безопасности, суверенитета и устойчивого развития агропромышленного комплекса России.

На основе проведенного исследования представляется целесообразным:

- 1) разработать механизмы защиты прав разработчиков генетических технологий, включая гарантии от необоснованных административных решений;
- 2) ввести в КоАП РФ конкретные составы правонарушений за нарушение запретов на ввоз семян ГМО;
- 3) установить ответственность государственных органов за неправомерные действия в сфере регистрации и контроля;

4) обеспечить сбалансированное информирование общества о генетических технологиях, включая как риски, так и научные данные об их безопасности и преимуществах.

Перспективным представляется изучение правового регулирования новых генетических технологий (*CRISPR/Cas*), требующих пересмотра самого понятия ГМО, а также сравнительно-правовой анализ подходов к регулированию геномного редактирования в странах ЕАЭС, БРИКС и Европейского Союза.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чуйко Н. А. Основные подходы к регулированию генетически модифицированных организмов в международной практике // Сибирский юридический вестник. 2011. № 1(52). С. 160—165.
2. Коняшин М. С. Эволюция законодательства в сфере регулирования института селекционных достижений // Новый юридический вестник. 2021. № 1(25). С. 22—28.
3. Рыженков А. Я. Принципы экологического права : моногр. М. : Юрлитинформ, 2018. 380 с.
4. Соколов А. Ю., Богатырева Н. В., Чумаков М. И., Гусев Ю. С. Состояние и перспективы правового регулирования применения геномных технологий в растениеводстве России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5(130). С. 44—56.
5. Воейкова Т. А., Журавлева О. А., Дебабов В. Г. Сравнительный анализ правового регулирования промышленного использования генно-инженерно-модифицированных микроорганизмов в США, Евросоюзе и Российской Федерации // Молекулярная генетика, микробиология и вирусология. 2020. Т. 38. № 2. С. 67—75. DOI: 10.17116/molgen20203802167.
6. Smyth S. J. The state of genetically modified crop regulation in Canada // GM Crops & Food. 2014. Vol. 5. Iss. 3 : Politics and GM crops. Pp. 195—203. DOI: 10.4161/21645698.2014.947843.
7. Позняковский В. М. Генетически модифицированные источники пищи: актуальность проблемы, технология создания, вопросы безопасности и контроля // Техника и технология пищевых производств. 2009. № 3(14). С. 58а—65.
8. Редникова Т. В. Правовое регулирование применения геномных технологий в сельском хозяйстве: эволюция подходов в зарубежном праве // Политика и общество. 2025. № 4. С. 21—34. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.4.76159.
9. Inshakova A. O., Otrasevskaya A. M., Solntsev A. M. International Legal Challenges to Biotechnological Products // Sustainable Development Risks and Risk Management. A Systemic View from the Positions of Economics and Law / ed. E. G. Popkova. Cham : Springer, 2023. Pp. 145—149. DOI: 10.1007/978-3-031-34256-1_26.
10. Новикова Р. Г. Правовое регулирование в области оборота генно-модифицированных организмов (ГМО) в России и зарубежных государствах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 32—66. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-32-66.
11. Анисимов А. П., Попова О. В. Правовое регулирование использования ГМО в сельском хозяйстве: дискуссионные вопросы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 3. С. 21—29.
12. Иншакова А. О., Тымчук Ю. А. Использование ГМО в сельском хозяйстве: поиск сбалансированного нормативного подхода в России и за рубежом // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 4. С. 27—33.
13. Hendricks J., Weary D. M., von Keyserlingk M. A. G. Expert Views on Communicating Genetic Technology Used in Agriculture // Food Ethics. 2024. Vol. 9. Iss. 2. Art. 17. DOI: 10.1007/s41055-024-00148-8.
14. CRISPR/Cas system-mediated transgene-free or DNA-free genome editing in plants / R. Cai, N. Chai, J. Zhang et al. // Theoretical and Applied Genetics. 2025. Vol. 138. Iss. 9. Art. 210. DOI: 10.1007/s00122-025-04990-0.
15. Кирпичников М. П., Кудрявцев А. М. Безопасное использование генетических технологий // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 5. С. 407—412.

REFERENCES

1. Chuyko N. A. Main approaches of the regulation of genetically modified organisms in the international practice. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian law herald*. 2011;1(52):160—165. (In Russ.)
2. Konyashin M. S. Evolution of legislation in the field of regulation of the institute of breeding achievements. *Novyi yuridicheskii vestnik*. 2021;1(25):22—28. (In Russ.)
3. Ryzhenkov A. Ya. Principles of Environmental Law. Monograph. Moscow, Yurlitinform, 2018. 380 p. (In Russ.)
4. Sokolov A. Yu., Bogatyreva N. V., Chumakov M. I., Gusev Yu. S. Legal regulation of genomic technologies application for crop production in Russia: current status and prospects. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii = Saratov State Law Academy Bulletin*. 2019;5(130):44—56. (In Russ.)
5. Voeikova TA, Zhuravliova OA, Debabov VG. Comparative analysis of legal regulation of industrial use of genetic-engineering-modified microorganisms in the United States, the European Union and Russian Federation. *Molekulyarnaya genetika, mikrobiologiya i virusologiya = Molecular Genetics, Microbiology and Virology*. 2020;38(2):67—75. (In Russ.) DOI: 10.17116/molgen20203802167.
6. Smyth S. J. The state of genetically modified crop regulation in Canada. *GM Crops & Food*. 2014;5(3):195—203. DOI: 10.4161/21645698.2014.947843.

7. Poznjakovsky V. M. Genetically modified sources of food: a problem urgency, technology of creation, safety issues and the control. *Tekhnika i tekhnologiya pishchevykh proizvodstv = Food Processing: Techniques and Technology*. 2009;3(14): 58a—65. (In Russ.)
8. Rednikova T. V. Legal regulation of the use of genomic technologies in agriculture: the evolution of approaches in foreign law. *Politika i obshchestvo = Politics and society*. 2025;4:21—34. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0684.2025.4.76159.
9. Inshakova A. O., Otrashhevskaya A. M., Solntsev A. M. International Legal Challenges to Biotechnological Products. *Sustainable Development Risks and Risk Management. A Systemic View from the Positions of Economics and Law*. E. G. Popkova (ed.). Cham, Springer, 2023. Pp. 145—149. DOI: 10.1007/978-3-031-34256-1_26.
10. Novikova R. G. Legal regulation in the field of genetically modified organisms (GMO) turnover in Russia and foreign countries. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*. 2021; 25(1):32—66. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-32-66.
11. Anisimov A. P., Popova O. V. GMOs in agriculture: legal regulation and discussion. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki = IKBFU's Vestnik. Series: Humanities and social science*. 2017;3:21—29. (In Russ.)
12. Inshakova A. O., Tymchuk Yu. A. The use of GMOs in agriculture: searching for a balanced regulatory approach in Russia and abroad. *Yuridicheskii vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta = Legal Bulletin of the Kuban State University*. 2025;4:27—33. (In Russ.)
13. Hendricks J., Weary D. M., von Keyserlingk M. A. G. Expert Views on Communicating Genetic Technology Used in Agriculture. *Food Ethics*. 2024;9(2):17. DOI: 10.1007/s41055-024-00148-8.
14. Cai R., Chai N., Zhang J. et al. CRISPR/Cas system-mediated transgene-free or DNA-free genome editing in plants. *Theoretical and Applied Genetics*. 2025;138(9):210. DOI: 10.1007/s00122-025-04990-0.
15. Kirpichnikov M. P., Kudryavtsev A. M. The safe use of genetic technologies. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk = Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2022;92(5):407—412. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья
УДК 342.951
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1561

Rostislav Dmitrievich Savelev
Research Intern of the Center for Research and Expertise
of the Faculty of Law,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
rostislav.saveliev@yandex.ru

Ростислав Дмитриевич Савельев
стажер-исследователь Центра исследований и экспертиз
Юридического факультета,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
rostislav.saveliev@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА РОТАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

5.1.2 — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Аннотация. В современной системе государственного управления институт ротации государственных гражданских служащих функционирует с 1 января 2013 г. — даты вступления в силу ст. 60¹ Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Последний раз институт ротации претерпевал изменения в 2023 г. в связи с внесением изменений, предусмотренных Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. № 645-ФЗ. Актуальность настоящей работы определяется тем, что существующий порядок ротации требует реформирования в целях реального достижения целей ротации, установленных законодательством.

В работе анализируются нормативные правовые акты, регламентирующие функционирование института ротации государственных гражданских служащих. Осуществлен сопоставительный анализ особенностей правового регулирования данного института применительно к военной и государственной службе иных видов. Ключевой акцент сделан на выявлении пробелов действующего механизма ротации гражданских служащих и изучению взглядов авторов научных трудов по модернизации института

ротации. Особое внимание уделяется вопросам предоставления государственных гарантий служащим при назначении на должность в порядке ротации в связи со сменой местности.

Проведенное исследование действующего законодательства об институте ротации государственных гражданских служащих и обзора научных трудов по данной проблематике позволили автору выработать ряд рекомендаций по модернизации законодательства. В частности, предлагается установить определенной срок замещения должности гражданской службы в порядке ротации, расширить объем государственных гарантий, предоставляемых гражданским служащим, назначенным в порядке ротации. Реализация данных предложений позволит повысить эффективность ротации гражданских служащих.

Ключевые слова: ротация, государственная гражданская служба, ротация государственных гражданских служащих, государственный гражданский служащий, гражданская служба, ротация гражданских служащих, гражданский служащий, механизмы ротации, государственные гарантии, противодействие коррупции

Финансирование: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Савельев Р. Д. Особенности правового регулирования института ротации государственных гражданских служащих // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 259—263. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1561.

Original article

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE ROTATION SYSTEM FOR STATE CIVIL SERVANTS

5.1.2 — Public law (state-legal) sciences

Abstract. In the modern system of public administration, the rotation system for state civil servants has been operating since January 01, 2013, the date of entry into force of Article 60¹ of Federal Law No. 79-FZ dated July 27, 2004 “On the State Civil Service of the Russian Federation”. The last time the institution of rotation underwent changes was in 2023 due to the introduction of amendments provided for by Federal Law No. 645-FZ dated December 29, 2022. The relevance of this work is determined by the fact that the existing rotation procedure requires reform in order to effectively achieve the goals of rotation established by law.

The paper analyzes the normative legal acts regulating the functioning of the rotation system for state civil servants. The author analyses the features of the legal regulation of this institution in relation to military and other types of public service. The key emphasis is placed on identifying gaps in the current mechanism of rotation of civil servants and studying the views of scholars on the modernization of the institute of rotation. Special attention is paid to the issues of providing state guarantees to employees when they are appointed to a position on a rotating basis due to a change of location.

The study of the existing legislation regarding the rotation system for state civil servants and the review of scientific papers on this issue allowed the author to develop a number of recommendations for the modernization of legislation. In particular, it is proposed to set a certain period of time for filling a civil service position on a rotating basis, and to expand the scope of state guarantees provided to civil

servants appointed on a rotating basis. The implementation of these proposals will improve the efficiency of the rotation of civil servants.

Keywords: rotation, state civil service, rotation of state civil servants, state civil servant, civil service, rotation of civil servants, civil servant, rotation mechanisms, state guarantees, anti-corruption

Financing: The article is based on research conducted using budget funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Savelev R. D. Features of the legal regulation of the rotation system for state civil servants. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):259—263. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1561.

Введение

Актуальность. Государство уделяет особое внимание повышению эффективности государственной гражданской службы и увеличению результативности ее деятельности. В значительной степени этому способствует механизм ротации.

Возникновение института ротации на гражданской службе непосредственно связано с ратификацией Конвенции ООН против коррупции 2003 г. Принятые Российской Федерацией международные обязательства потребовали приведения национального законодательства в соответствие с антикоррупционными стандартами, включая внедрение механизмов ротации. Реализация конвенционных предписаний нашла свое выражение в Федеральном законе от 6 декабря 2011 г. № 395-ФЗ, которым Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (далее — ФЗ № 79-ФЗ) был дополнен ст. 60¹, регламентирующей институт ротации. Данная статья определяет цели ротации, категории лиц, подлежащих ротации и порядок ее проведения.

Несмотря на наличие законодательной базы и методических рекомендаций Минтруда России, механизм ротации гражданских служащих по-прежнему полностью четко не урегулирован, имеет пробелы и сложности в реализации.

Изученность проблемы. Отдельные аспекты правового регулирования института ротации государственных гражданских служащих исследовали А. М. Бобров [1], Д. О. Ондар [2], Е. В. Матюгина [3], Д. В. Степанков [4]. Особое внимание практической реализации института ротации на государственной гражданской службе уделено в диссертации А. С. Мурашкиной [5].

В работе Н. М. Антошиной поднимается вопрос о внедрении ротационных механизмов с точки зрения формирования кадрового состава государственной гражданской службы [6].

М. А. Закиматов и Е. Е. Иванова [7], К. А. Лисовенко [8], Л. Л. Малкова и Д. О. Сизов [9] отмечают назревшую необходимость совершенствования правовой регламентации механизма ротации для пресечения коррупции и увеличения мотивации гражданских служащих, отвечающего современным тенденциям в государственном управлении и вызовам цифровой экономики.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью выделения пробелов института ротации государственных гражданских служащих и совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Цель исследования заключается в осуществлении анализа пробелов в механизме ротации государственных гражданских служащих и разработке научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование

регламентации института ротации государственных гражданских служащих. В качестве исследовательских задач определены: проведение сопоставительного анализа нормативной регламентации ротации на государственной гражданской, военной и государственной службе иных видов, а также формулирование концептуальных предложений по внесению изменений в текущее законодательство с целью устранения выявленных недостатков.

Научная новизна заключается в тщательном анализе пробелов правового регулирования института ротации государственных гражданских служащих, их описания и выработке конкретных предложений по их устранению за счет сформулированных рекомендаций.

Теоретическая значимость работы заключается в приращении научного знания о проблемных аспектах функционирования института ротации гражданских служащих посредством их комплексного анализа и систематизации. Результаты исследования открывают возможности для дальнейшего изучения.

Практическая значимость работы выражается в возможном применении сформулированных предложений по совершенствованию механизма ротации государственных гражданских служащих при подготовке проектов нормативно правовых актов об изменении законодательства о ротации государственных гражданских служащих.

Основная часть

Методология исследования включает в себя использование метода анализа, синтеза, систематизации, а также сравнительно-правового метода. Эмпирическую базу работы составляет национальное законодательство, а теоретическую — научные работы по теме исследования.

Результаты исследования. Ротация гражданских служащих квалифицируется как служебное назначение, реализуемое при соблюдении совокупности установленных критериев. К числу таковых относятся отнесение должности к утвержденному ротационному перечню, возможность осуществления назначения как в пределах того же федерального органа исполнительной власти или его территориального органа, так и при переходе в иной орган аналогичного уровня.

Ротация гражданских служащих, представляющая собой запланированное перемещение, не имеет целью поощрение, награждение или применение дисциплинарных взысканий, но при этом в контексте социальной мобильности может быть улучшением инфраструктурных условий в связи со сменой гражданским служащим населенного пункта или субъекта [10]. Определяющее значение при ротации придается соответствию кандидата квалификационным требованиям.

На данный момент легальное определение понятия ротации государственных гражданских служащих отсутствует. Законодатель ограничивается указанием на цели данного института, которыми выступают повышение эффективности гражданской службы и противодействие коррупции. Наряду с указанными целями ротация ориентирована на совершенствование профессиональных компетенций и рост квалификационного уровня гражданских служащих [11; 12]. Представляется целесообразным восполнить данный пробел путем включения в закон легальной дефиниции рассматриваемого понятия.

В ст. 60¹ ФЗ № 79-ФЗ не содержится указания на нормативно закреплённые критерии, при наличии которых иницируется процедура ротации. В юридической литературе отмечается, что решение данной проблемы видится в разработке научно обоснованных параметров с их последующим включением в текст закона [2, с. 154].

Представляется обоснованным, что ротация гражданских служащих должна осуществляться на основании следующих критериев:

- соответствие уровня квалификации гражданского служащего требованиям к профессиональным знаниям, умениям, наличие которых необходимо для назначения на должность гражданской службы в порядке ротации, с соблюдением требований к квалификации, установленных ст. 12 ФЗ № 79-ФЗ;

- наличие у гражданского служащего уровня профессионального образования, соответствующего установленным требованиям ст. 12 ФЗ № 79-ФЗ;

- соблюдение квалификационных требований, предъявляемых к стажу государственной службы либо стажу работы (службы) по специальности, требуемого для назначения на должность в порядке ротации, в соответствии с Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 16;

- предотвращение конфликта интересов в отношении гражданского служащего, подлежащего ротации, посредством недопущения его назначения на должность, замещение которой может создать предпосылки для конфликта интересов, что корреспондирует запретам, установленным ст. 16 ФЗ № 79-ФЗ.

Применительно к последнему критерию Г. Г. Михалева отмечает, что ротация государственных служащих способствует предотвращению конфликта интересов и указывает на необходимость уведомления нанятого о возникновении конфликта интересов [13].

Внедрение и последующее применение критериев в процессе ротации позволит выстроить прозрачный механизм назначения гражданских служащих, способствующий профессиональному росту и реализации трудового потенциала гражданских служащих [14].

Обращает на себя внимание и такой недостаток нормативной регламентации, как установление срока замещения должностей, предусматривающих ротацию, в диапазоне от трех до пяти лет. Продолжительность данного периода, а также его дифференцированный характер вызывают вопросы с точки зрения целесообразности и эффективности ротационных механизмов.

Отсутствие законодательно установленных критериев в ФЗ № 79-ФЗ и других нормативных актах для определения сроков замещения ротационных должностей гражданскими служащими ставит под сомнение возможность произвольного установления таких сроков, при этом возникает опасность широкой свободы установления должностными

лицами, ответственными за проведение кадровых перемещений, продолжительности замещения ротационной должности гражданским служащим. Существует вероятность, что данное положение может быть интерпретировано или использовано таким образом, что приведет к коррупционным проявлениям.

Решение задачи по обеспечению стабильности государственно-служебных отношений и комплексной защите интересов гражданских служащих, назначаемых в порядке ротации и их семей видится в законодательном закреплении точной продолжительности периода замещения соответствующих должностей.

Обращение к законодательству, регламентирующему правовой статус служащих государственной службы иных видов (на примере органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы и органов принудительного исполнения), свидетельствует о том, что предельный срок замещения должностей в рамках ротационных процедур унифицирован и равен шести годам.

Полагаем целесообразным закрепить в законодательстве единый шестилетний срок замещения должностей государственной службы, по которым предусмотрена ротация. Данное предложение корреспондирует требованию п. 1 ст. 3 ФЗ № 79-ФЗ о необходимости обеспечения единства правовых и организационных основ государственной службы, что предполагает нормативную фиксацию унифицированных подходов к ее организации.

Введение единого шестилетнего срока для замещения должностей, включенных в ротационный перечень, преследует цель унификации нормативных правовых актов, определяющих содержание служебных обязанностей и порядок прохождения государственной службы для различных категорий государственных служащих [5, с. 146].

В рамках реализации мер, направленных на защиту прав и законных интересов государственных служащих и их семей, законодатель уделяет особое внимание разработке правовых основ, регулирующих гарантии при назначении на должности в порядке ротации.

Положениями ч. 14 ст. 3 Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283-ФЗ предусмотрено предоставление в первоочередном порядке мест в общеобразовательных и дошкольных организациях по месту жительства, а также в летних оздоровительных лагерях (независимо от их формы собственности) детям сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в уголовно-исполнительной системе, органах принудительного исполнения, федеральной противопожарной службе и таможенных органах.

Анализ положений п. 6 ст. 10 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» позволяет выделить комплекс мер социальной поддержки, адресованных супругам военнослужащих. Им гарантируется приоритет при трудоустройстве в государственные органы и воинские части, при решении вопроса об оставлении на работе в указанных организациях в условиях сокращения штата, а также при направлении на профессиональное обучение или дополнительное профессиональное образование по очной форме с сохранением средней заработной платы на весь период обучения.

Помимо этого, п. 11 ст. 11 вышеупомянутого законодательного акта предусматривает возможность предоставления супругам военнослужащих отпуска по их желанию одновременно с отпуском военнослужащих.

Анализ законодательства о государственных гарантиях, предоставляемых военнослужащим и служащим иных видов, позволяет заключить, что для поименованных выше государственных служащих предусмотрено значительное количество государственных гарантий.

В данном контексте нельзя не учитывать, что гражданские служащие в отличие от служащих иных видов государственной службы имеют право на компенсацию затрат по найму (поднайму) жилого помещения, предоставляемую исключительно в случаях назначении на должность в ротационном порядке, требующей изменения места проживания [15].

Исходя из анализа действующего перечня государственных гарантий, предусмотренных для гражданских служащих в рамках ротации, логичным выглядит его дополнение нижеследующими позициями, имеющими своей целью повышение уровня социальной защиты как самих государственных служащих, так и членов их семей:

- обеспечение доступа членов семьи гражданского служащего к системе образовательных программ, включая обучение по основным профессиональным и дополнительным образовательным программам;
- закрепление за супругом (супругой) приоритетного порядка при приеме на работу в государственные органы и на преимущественное право при принятии решения об оставлении на работе в данных органах в связи с сокращением численности или штата работников;
- предоставление супругу (супруге) права на отпуск в период, совпадающий с отпуском гражданского служащего одинаковой продолжительности, при котором часть отпуска супруга (супруги), превышающая продолжительность ежегодного отпуска, предоставляется без сохранения заработной платы;
- обеспечение для детей преимущественного доступа к местам в дошкольных организациях и общеобразовательных образовательных по новому месту службы, а также в летних оздоровительных лагерях любой формы собственности [4, с. 92];
- включение (зачет) в стаж работы по специальности работоспособным членом семьи, у которых нет возможности осуществить трудоустройство по специальности на новом месте прохождения гражданской службы, периода работы на вакантном рабочем месте [4, с. 92].

Установление данных гарантий повысит мотивацию переезда направляемых государственных гражданских служащих и их семей в другой субъект Российской Федерации и позволит обеспечить достойное существование на новом месте службы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бобров А. М. Институт ротации государственных гражданских служащих // Административное право и процесс. 2023. № 5. С. 67—70.
2. Ондар Д. О. Оценка ротации кадров в организациях МЧС России (на примере Главного управления МЧС России по Республике Тыва) // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2024. № 2-1. С. 153—159.
3. Матюгина Е. В. Ротация государственных гражданских служащих // Законность и правопорядок. 2014. № 2(9). С. 30—32.
4. Степанков Д. В. Социальные барьеры внедрения механизма ротации на государственной гражданской службе и пути их преодоления // Социум и власть. 2014. № 1(45). С. 89—93.
5. Мурашкина А. С. Институт ротации государственных гражданских служащих : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. 249 с.
6. Антошина Н. М. Административно-правовые основы формирования кадрового состава государственной гражданской службы Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. 382 с.

Обращается внимание на проблему недостаточного размера суточных выплат, начисляемых за каждый день следования к новому месту службы. Согласно Постановлению Правительства РФ от 11 февраля 2025 г. № 140, величина указанных выплат составляет 100 руб. в сутки. Представляется, что столь незначительный размер компенсации при текущем уровне цен не соответствует реальным затратам, возникающим при переезде гражданского служащего и его семьи, и не позволяет в полной мере возместить понесенные им расходы. Размер суточных не индексировался с момента принятия Постановления Правительства РФ от 2 апреля 2003 г. № 187.

Предлагается увеличение размера суточных до уровня дохода, не подлежащего налогообложению в соответствии со ст. 217 Налогового кодекса РФ, выплачиваемого работнику в качестве возмещения расходов, связанных со служебной командировкой согласно ст. 168 Трудового кодекса РФ, т. е. не более 700 руб. за каждый день. Данное изменение будет отвечать принципу соразмерности и реальной компенсации расходов в связи с переездом на новое место службы.

Заключение

В результате проведенной работы автором выявлены и систематизированы пробелы, присущие современному состоянию института ротации на государственной гражданской службе и сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства, а именно:

1. Закрепить понятие ротации гражданских служащих в законодательстве.
2. Определить критерии, по которым должно приниматься решение о начале процедуры ротации гражданских служащих.
3. Ввести единый срок пребывания на должности, замещаемой в порядке ротации, для всех категорий гражданских служащих.
4. Увеличить перечень мер социальной поддержки для гражданских служащих, назначаемых на должности в ротационном порядке.
5. Повысить размер суточных, подлежащих выплате при переезде гражданского служащего к новому месту гражданской службы.

Таким образом, системная модернизация правового регулирования ротации, сопряженная с увеличением объема государственных гарантий, адресованных государственным служащим и членам их семей, будет способствовать полной реализации антикоррупционного потенциала данного института и обеспечивать рост результативности гражданской службы.

7. Закиматов М. А., Иванова Е. Е. Ротация в таможенных органах // Право и правосудие в современном мире : сб. науч. ст. молодых исследователей. СПб. : Астерион, 2024. С. 719—724.
8. Лисовенко К. А. Недостатки и проблемы развития карьеры государственных гражданских служащих // Глобальные научные тенденции: интеграция и инновации : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Симферополь : Ариал, 2025. Ч. 2. С. 387—396.
9. Малкова Л. Л., Сизов Д. О. Ротация на государственной службе: отдельные проблемы теории и практики // *Ius Publicum et Privatum*. 2024. № 4(28). С. 46—56. DOI: 10.46741/2713-2811.2024.28.4.005.
10. Рузаева Е. М. Понятие ротации кадров и ее место в системе государственной гражданской службы // *International Law Journal*. 2024. Т. 7. № 2. С. 39—44.
11. Дубровина Д. А. Правовое регулирование прохождения государственной службы // Наукograd: наука, производство, общество. 2025. № 1. Т. 3. С. 47—52.
12. Манежнова А. А., Коробов А. Г. Формирование и развитие кадрового резерва на государственной гражданской службе // Вестник науки. 2025. № 1(82). Т. 2. С. 694—700.
13. Михалева Г. Г. Актуальные вопросы, связанные с наличием конфликта интересов на государственной гражданской службе Российской // Аграрное и земельное право. 2024. № 6(234). С. 96—99.
14. Ламзин М. А. Административно-правовое регулирование прохождения государственной службы в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 12А. С. 200—211.
15. Карпов Э. С. Правовое регулирование денежной компенсации за наем (поднаем) жилого помещения государственным служащим // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 3(76). С. 67—77.

REFERENCES

1. Bobrov A. M. The institution of rotation of state civil servants. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*. 2023;5:67—70. (In Russ.)
2. Ondar D. O. Assessment of personnel rotation in organizations of the Ministry of Emergency Situations of Russia (on the example of the Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the Republic of Tyva). *GosReg: gosudarstvennoe regulirovanie obshchestvennykh otnoshenii*. 2024;2-1:153—159. (In Russ.)
3. Matyugina E. V. Rotation of state civil servants. *Zakonnost' i pravoporyadok*. 2014;2(9):30—32. (In Russ.)
4. Stepankov D. V. Social barriers of implementing rotation at civil service and ways of overcoming them. *Sotsium i vlast' = Society and power*. 2014;1(45):89—93. (In Russ.)
5. Murashkina A. S. The institution of rotation of civil servants. Diss. of the Cand. of Law. Nizhny Novgorod, 2021. 249 p. (In Russ.)
6. Antoshina N. M. Administrative and legal foundations for the formation of civil service personnel in the Russian Federation. Diss. of the Doct. of Law. Moscow, 2011. 382 p. (In Russ.)
7. Zakimatonov M. A., Ivanova E. E. Rotation in customs authorities. *Pravo i pravosudie v sovremennom mire = Law and justice in the modern world. Collection of scientific articles by young researchers*. Saint Petersburg, Asterion, 2024:719—724. (In Russ.)
8. Lisovenko K. A. Shortcomings and problems of career development of state civil servants. *Global'nye nauchnye tendentsii: integratsiya i innovatsii = Global scientific trends: integration and innovation. Collection of articles of the International scientific and practical conference*. Simferopol, Arial, 2025;2:387—396. (In Russ.)
9. Malkova L. L., Sizov D. O. Rotation in the civil service: some problems of theory and practice. *Ius Publicum et Privatum*. 2024;4(28):46—56. (In Russ.) DOI: 10.46741/2713-2811.2024.28.4.005.
10. Ruzayeva E. M. The concept of personnel rotation and its place in the public civil service system. *International Law Journal*. 2024;7(2):39—44. (In Russ.)
11. Dubrovina D. A. Legal regulation of civil service. *Naukograd: nauka, proizvodstvo, obshchestvo = Science City: science, production, society*. 2025;1-3:47—52. (In Russ.)
12. Manezhnova A. A., Korobov A. G. Formation and development of personnel reserve in state civil service. *Vestnik nauki*. 2025;1(82)-2:694—700. (In Russ.)
13. Mikhaleva G. G. Topical issues related to the existence of a conflict of interest in the civil service of the Russian Federation. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and land law*. 2024;6(234):96—99. (In Russ.)
14. Lamzin M. A. Administrative and Legal Regulation of the Civil Service in the Russian Federation. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2024;14(12A):200—211. (In Russ.)
15. Karpov E. S. Legal regulation of monetary compensation for rent (lease) of residential premises to civil servants. *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of Vladimir law institute*. 2025;3(76):67—77. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 12.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 12.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья
УДК 343.6
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1578

Ivan Ilyich Sinev
postgraduate of the Department of Criminal Law,
field of training 40.06.01 — Jurisprudence,
Lebedev Russian State
University of Justice
Moscow, Russian Federation
ivansinev2000@gmail.com

Иван Ильич Синёв
аспирант кафедры уголовного права,
направление подготовки 40.06.01 — Юриспруденция,
Российский государственный
университет правосудия им. В. М. Лебедева
Москва, Российская Федерация
ivansinev2000@gmail.com

СЕМЕЙНЫЕ ИСТЯЗАНИЯ В СИСТЕМЕ ДРУГИХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. Статья посвящена изучению семейных истязаний с точки зрения их общественной опасности в совокупности с другими преступлениями против личности, криминологической оценке истязаний как одного из видов семейно-бытового насилия, изучению криминологических рисков семейных истязаний с целью victimological защиты потерпевших от внутрисемейного насилия, выработке предложений по профилактике внутрисемейного насилия. В 75 % случаев в России от семейно-бытового насилия страдают женщины, в браке этот показатель возрастает до 91 %, в 2024 г. около 2 000 детей в России пострадали от насилия в семье. В целом в 2024 г. было расследовано более 21 000 преступлений против детей, среди них истязания составляют 0,5 %, т. е. на состав истязаний приходится 2,1 % всех преступлений, что является существенным показателем и подчеркивает актуальность изучения и разработки мер предупреждения побоев и истязаний, которые не разработаны до сегодняшнего дня в полной мере в диссертационных исследованиях. Более того самыми массовыми преступлениями в семейно-бытовой сфере стали побои и истязания. В последнее время в Российской Федерации в целом и в отдельных ее субъек-

тах в частности складывается сложная обстановка, обусловленная учащением обнаружения случаев внутрисемейного насилия. Структура преступлений в сфере семейного насилия показывает, что семейные истязания занимают значительную долю среди других видов насилия в семейно-бытовой сфере. Они часто связаны с такими преступлениями, как побои, угрозы убийством и причинение вреда здоровью различной степени тяжести. В общей криминальной статистике доля семейных истязаний может казаться относительно небольшой, однако их социальная значимость и негативное влияние на личность и общество крайне высоки, что требует особого внимания к данной категории преступлений. Важным направлением профилактики является внедрение образовательных программ, направленных на предотвращение насилия в семье, а также реабилитационных мер для агрессоров.

Ключевые слова: истязание, побои, криминологические проблемы, криминологические риски, семейно-бытовое насилие, физические и психические страдания, институт семьи, насильственные преступления, малолетние дети, семейное неблагополучие, victimological профилактика

Для цитирования: Синёв И. И. Семейные истязания в системе других насильственных преступлений против личности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 264—269. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1578.

Original article

FAMILY TORTURE IN THE SYSTEM OF OTHER VIOLENT CRIMES AGAINST THE PERSON

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. The article is devoted to the study of family torture in terms of its social danger in combination with other crimes against the person, criminological assessment of torture as one of the types of domestic violence, the study of the criminological risks of family torture in order to victimologically protect victims from domestic violence, and the development of proposals for the prevention of domestic violence. In 75% of cases in Russia, women suffer from domestic violence, and in marriages, this figure increases to 91%. In 2024, about 2,000 children in Russia suffered from domestic violence. In total, in 2024, more than 21,000 crimes against children were investigated, among them torture accounts for 0.5%, i.e. torture accounts for 2.1% of all crimes, which is a significant indicator and underlines the relevance of studying

and developing measures to prevent beatings and torture, which have not been fully developed to date. Moreover, beatings and torture have become the most widespread crimes in the family and household sphere. Recently, a difficult situation has been developing in the Russian Federation as a whole and in its regions in particular; due to the increased detection of cases of intra-family violence. The structure of crimes in the field of family violence shows that family torture occupies a significant share among other types of violence in the family and household sphere. They are often associated with crimes such as beatings, death threats, and injury to health of varying severity. In general criminal statistics, the proportion of family torture may seem relatively small, but its social significance and negative impact on individuals

and society are extremely high, which requires special attention to this category of crimes. An important area of prevention is the introduction of educational programs aimed at preventing domestic violence, as well as rehabilitation measures for aggressors.

For citation: Sinev I. I. Family torture in the system of other violent crimes against the person. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):264—269. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1578.

Введение

Актуальность исследования семейных истязаний подтверждается официальной статистикой МВД РФ, фиксирующей устойчивый рост случаев семейно-бытового насилия в последние годы. Эта тенденция свидетельствует о системном характере проблемы, требующей комплексного научного осмысления. Современная уголовно-правовая система демонстрирует недостаточную эффективность в профилактике семейных истязаний, что обусловлено фрагментарностью правового регулирования. Отсутствие четких критериев разграничения со смежными составами преступлений приводит к противоречивости в судебной практике.

Целесообразность разработки темы. Изучение криминологических проблем, связанных с совершением семейных истязаний, остается важным направлением в уголовно-правовой и криминологической науке, т. к. семейные истязания представляют собой самостоятельный вид насильственных преступлений против личности, что подтверждается их уникальными характеристиками: систематичностью, сочетанием физического и психологического насилия, а также особой уязвимостью жертв, обусловленной близкими отношениями.

Изученность проблемы. Проблемы, связанные с семейно-бытовым насилием, в своих работах неоднократно рассматривали И. Р. Шикун [1], Ю. Ф. Беспалов [2], М. И. Галюкова [3], Д. А. Кравцов [4], Н. Н. Давыдова [5], С. Д. Дерябин [6], Е. А. Жарких [7], Ю. Е. Пудовочкин [8], Е. Д. Булавин [9], В. Г. Вениаминов [10], А. В. Куянова [11], Д. В. Попов [12], В. С. Харламов [13], О. В. Артюшина [14], Р. А. Брунер [15]. Многие исследователи, проводя свой анализ, выявляли и общие для некоторых составов, в том числе и истязания, проблемы. Е. А. Жарких исследовала точки соприкосновения уголовно-правового и административно-правового рецидива. М. И. Галюкова рассматривала в своих работах криминологические аспекты семейно-бытового насилия, И. Р. Шикун рассматривала в своих работах актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насилия в семейно-бытовой сфере, Д. А. Кравцов затронул в своих научных трудах криминологические характеристики семейно-бытового насилия, виктимологические аспекты семейного насилия, проблемы и меры противодействия семейно-бытовому насилию в Российской Федерации. Ю. Е. Пудовочкин рассмотрел актуальные вопросы ответственности за преступления против несовершеннолетних в семейно-бытовой сфере, О. В. Артюшина затронула в своих научных работах проблемы квалификации побоев и истязаний.

Уголовно-правовые и криминологические аспекты ответственности за истязание были рассмотрены в диссертационных исследованиях С. Д. Дерябина, В. Г. Вениаминова, Е. Д. Булавина. Указанные исследования сохраняют свою научную значимость, однако до настоящего времени не были исследованы новеллы законодательства, касающиеся проблем квалификации семейных истязаний и отграничения их от смежных составов, не проведен практический анализ при-

Keywords: *torture, beatings, criminological problems, criminological risks, domestic violence, physical and mental suffering, family institution, violent crimes, young children, family problems, victimological prevention*

менения данных изменений, не исследованы современные криминологические проблемы, возникающие вследствие совершения истязания. Не были исследованы криминологические проблемы, возникающие вследствие совершения семейных истязаний, не определена в полной мере криминологическая природа семейных истязаний, не разработаны рекомендации по квалификации преступлений, сопряженных с истязанием.

Научная новизна исследования заключается в современном определении и понимании семейных истязаний как общественно опасного деяния с учетом проблем квалификации, возникающих в судебной практике при применении норм, регламентирующих уголовную ответственность за семейные истязания, определение криминологической природы семейно-бытового насилия.

В ходе исследования были использованы следующие **методы:** статистический метод — при анализе статистических данных, материалов правоприменительной практики; формально-логический и системный методы, которые позволили сформулировать научные концепции, направленные на изучение профилактики семейных истязаний, метод анализа применялся в ходе исследования правоприменительной практики по теме.

Цель исследования заключается в выявлении криминологических рисков семейных истязаний, определение семейных истязаний как отдельной категории преступления, формирование единообразной правоприменительной практики для профилактики данного вида преступлений.

Для достижения поставленной цели сформулирован ряд исследовательских **задач:**

1. Теоретическое определение признаков семейных истязаний в их уголовно-правовой специфике с целью оценки криминологических рисков семейно-бытового насилия.
2. Сравнительный анализ семейных истязаний с другими насильственными преступлениями, выявление системообразующих критериев разграничения составов с целью определения семейных истязаний как отдельной категории преступления и формирования единообразной правоприменительной практики.
3. Апробация мер профилактики семейно-бытового насилия, учитывающих социально-психологические аспекты семейного насилия, с целью виктимологической профилактики семейных истязаний.

Ключевая проблема исследования заключается в латентном характере семейных истязаний, обусловленном замкнутостью семейной среды. Специфика межличностных отношений между жертвой и агрессором осложняет процесс доказывания систематичности насилия.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении и оценке факторов, влияющих на совершение семейных истязаний, изучению причин, природы семейных истязаний.

Практическая значимость исследования направлена на разработку мер противодействия семейным истязаниям, а также практических рекомендаций с целью виктимологической профилактики данного вида преступления.

Основная часть

Семейно-бытовое насилие является серьезной уголовно-правовой и криминологической проблемой современного общества. В ст. 21 Конституции РФ говорится: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию», но к сожалению, данные принципы часто не соблюдаются, насилие имеет негативную тенденцию к распространению. По данным статистики МВД РФ за 2023—2024 гг., каждое восьмое преступление в стране — это насильственное преступление. Наиболее остро агрессия и жестокость проявляются в семье, хотя, казалось бы, здесь люди должны получать поддержку, любовь и заботу [1].

Главная проблема внутрисемейного насилия заключается в отсутствии превентивных мер, связанных с профилактикой и пресечением различных форм насилия на ранней стадии, всё это приводит к увеличению криминологических рисков внутрисемейного насилия. Следует отметить, что семья чаще всего рассматривается как частная сфера жизни человека, именно в семье закладываются основные социальные и культурные ценности, в ходе семейного воспитания формируется личность [2]. Насилие как форма воспитания, укоренившееся во многих семьях, оказывает негативное влияние на формирование личности ребенка. Более того, насилию довольно часто подвергаются женщины. Как указано в ст. 1 Декларации ООН «Об искоренении насилия в отношении женщин», под насилием рассматривается «любой акт насилия, совершаемый на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы как в общественной, так и в личной жизни». Насилие, как правило, осуществляется физическим, психическим и сексуальным путем [3]. Важным аспектом остается общественное восприятие проблемы истязаний. Исходя из современных моральных и нравственных установок, можно сделать вывод, что общество всё еще недостаточно осведомлено о реальных последствиях истязаний, с которыми сталкиваются жертвы. Более того, в некоторых семьях подобные методы используются в воспитательных целях. Этот аспект подчеркивает необходимость активной работы как правозащитных организаций, таки общества в целом для повышения осведомленности и понимания проблем, связанных с совершением истязаний.

Семейные истязания представляют собой специфический состав преступления в системе уголовного законодательства. Основу их юридического определения составляет ст. 117 Уголовного кодекса (далее — УК) РФ «Истязание», устанавливающая уголовную ответственность за причинение физических или психических страданий путем систематического нанесения побоев либо иных насильственных действий, если это не повлекло последствий, указанных в ст. 111 и 112 УК РФ. Особенностью данного состава является обязательное условие систематичности насильственных действий в рамках семейно-бытовых отношений, при этом истязание отличается от других насильственных преступлений характером и продолжительностью воздействия на потерпевшего. Если говорить про истязания в семейно-бытовой сфере, то наиболее часто обвиняемые совершают преступления, предусмотренные п. «а» (истязание, совершенное в отношении двух и более лиц), «в» (истязание, совершенное в отношении женщины, заведомо для виновного, находящегося в состоянии беременно-

сти), «г» (истязание, в отношении заведомо несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии или в материальной или иной зависимости от виновного), «д» (истязание, совершенное с особой жестокостью или мучениями для потерпевшего), «е» (истязание, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой) ч. 2 ст. 117 УК РФ. Данные составы истязаний чаще всего встречаются в правоприменительной практике, указанные преступления отличаются наибольшей общественной опасностью, а также высокими криминологическими рисками для наиболее уязвимых участников семейных правоотношений. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 117 УК РФ (истязание), также часто встречается в судебной практике. Как правило жертвами данного преступления являются женщины, которые становятся жертвами семейных конфликтов, которые приводят к проявлению актов насилия. Безусловно, женщины относятся к группе высокого криминологического риска, так же как дети и пожилые члены семьи, ввиду материальной зависимости от виновного. Также они не способны в силу своего физического развития оказать активное сопротивление агрессору.

Основным мотивом семейных истязаний выступает стремление агрессора к установлению власти и контроля над членами семьи, данный мотив проявляется в систематических действиях, направленных на подавление воли жертвы и подчинение ее своим интересам. При этом насилие часто служит средством психологической компенсации материальной и социальной неустроенности преступника. Пережитое в детстве насилие также является значимым фактором, когда агрессор копирует модели, наблюдаемые в родительской семье. В большинстве случаев агрессорами являются мужчины, а жертвами — женщины и дети. Возрастные особенности агрессоров варьируются, но часто охватывают период от 25 до 45—50 лет. Жертвы истязаний, в свою очередь, могут принадлежать к различным возрастным группам, включая несовершеннолетних и пожилых людей, что указывает на уязвимость зависимых членов семьи [4].

Отграничение семейных истязаний от смежных составов, таких как побои и причинение вреда здоровью, осуществляется по объективным и субъективным признакам. Ключевым критерием разграничения выступает систематичность причинения страданий, что не является обязательным для других насильственных преступлений. Объективная сторона истязания характеризуется многократностью насильственных актов, тогда как побои могут быть единичным деянием, субъективная сторона предполагает наличие умысла на причинение именно физических или психических страданий, а не просто телесных повреждений. Непосредственным объектом преступления семейных истязаний выступает нарушение неприкосновенности частной жизни и семейных устоев, данный объект охватывает как физическую неприкосновенность личности, так и психологическую безопасность в семейной среде. Особенностью данного преступления является то, что оно совершается в условиях доверительных отношений между членами семьи или лицами, ведущими совместное хозяйство. Это создает специфическую ситуацию повышенной уязвимости потерпевшего и усложняет защиту его прав.

Сложности правоприменения в контексте истязаний также требуют детального анализа, т. к. многие жертвы находятся под давлением, что затрудняет установление четкой связи между деянием и его последствиями.

Это подчеркивает неоднозначность терминологии и необходимость четких правовых определений истязания [5]. Неоднозначность определения включает в себя такие аспекты, как физические и психические страдания, которые могут быть трудно различимы на практике, поскольку между данными видами насилия существует достаточно тонкая грань.

Следует отметить, что истязания занимают значительную долю среди преступлений против личности и чаще всего из-за отсутствия превентивных мер перерастают в более тяжкие преступления, такие как причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ), убийство (ст. 105 УК РФ), покушение на убийство (ч. 3 ст. 30 ст. 105 УК РФ), доведение до самоубийства или покушения на самоубийство (ст. 110 УК РФ). Также имеют место случаи, когда помимо физического насилия в отношении несовершеннолетних применяется сексуальное насилие, уголовная ответственность за которое регламентирована ст. 131, 132, 135 УК РФ [6]. Всё это наносит непоправимый вред психическому и физическому здоровью потерпевших от внутрисемейного насилия. В связи с этим необходима разработка мер по предупреждению истязаний как преступления, связанного с внутрисемейным насилием. Наиболее серьезной остается проблема, связанная с насилием в отношении детей, которые находятся в материальной, моральной и в правовой зависимости от своих насильников [7].

Как справедливо отмечает Ю. Е. Пудовочкин, «прямая агрессивность родителей по отношению к ребенку, являясь крайней стадией семейного неблагополучия, перечеркивает саму возможность нормального нравственного формирования личности ребенка, подростка в семейной среде» [8, с. 217]. С мнением Ю. Е. Пудовочкина можно согласиться, поскольку насилие оказывает негативное воздействие на жизнь семьи, нарушаются нравственные и гуманистические основы семейного воспитания, нарушается психика ребенка.

Согласно исследованиям Центра социальной и судебной психиатрии им. Сербского, жестокое обращение в семье терпят в основном дети 6—7 лет; 60—70 % таких детей, постоянно избиваемых своими родителями, отчимами (мачехами), сожителями матери (отца), отстают в развитии, страдают различными физическими и психоэмоциональными расстройствами, что безусловно отражается на физическом и психическом состоянии несовершеннолетнего. По вине взрослых дети чаще всего становятся жертвами физического, сексуального и психоэмоционального насилия [9, с. 22—24]. Институт семьи оказывает непосредственное влияние на формирование личности ребенка и в большинстве случаев проблемы подростковой преступности чаще всего связаны именно с семейным неблагополучием, неправильным воспитанием в семье, а также насилием в отношении детей.

Помимо физического, психологического и сексуального насилия, следует также выделить экономическое насилие, поскольку несовершеннолетние и малолетние дети часто находятся в материальной зависимости от виновного и относятся к группе высокого риска с точки зрения преступного посягательства виновного на охраняемые уголовным законом интересы несовершеннолетних и малолетних детей. В связи с этим считаем целесообразным внесение поправок в ст. 63 УК РФ, а именно закрепить такое отягчающее обстоятельство, как «применение насилия в отношении близких лиц при совершении преступления» [10, с. 25—27].

Помимо сексуального насилия, сопряженного с физическим, в следственной и судебной практике содержится немало примеров именно физического и психологического насилия, которое часто приводит к тяжелым последствиям. Так Следственным комитетом РФ по Алтайскому краю было возбуждено уголовное дело в отношении 55-летней жительницы Советского района. Ей было предъявлено обвинение по п. «г» ч. 2 ст. 117 (истязание в отношении заведомо несовершеннолетнего), а также по п. «а» ч. 2 ст. 110 (доведение лица до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего) УК РФ. Обвиняемая совершила истязание в отношении двух малолетних лиц, причиняя им физические и психические страдания, вину признала и указала, что дети ее раздражали, и таким образом она выражала свое негодование, она была признана судом виновной по п. «г» ч. 2 ст. 117 и п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ, ей было назначено наказание в виде 8 лет и 6 месяцев лишения свободы в колонии общего режима.

Динамика зарегистрированных случаев семейных истязаний демонстрирует сложное взаимодействие с изменениями законодательства и уровнем общественного внимания к данной проблеме. Законодательные инициативы, направленные на ужесточение ответственности, часто приводят к временному росту регистрируемых случаев, это может быть связано как с реальным увеличением обращений, так и с улучшением механизмов выявления и фиксации преступлений. Повышенное общественное внимание, связанное с резонансными делами, связанными с семейно-бытовым насилием, также способствует росту осведомленности и готовности жертв обращаться за помощью в правоохранительные органы, однако, несмотря на видимые изменения в статистике, общая картина остается неоднозначной, долгосрочные тенденции могут указывать на постепенное снижение или стабилизацию числа зарегистрированных случаев, что не всегда отражает истинное положение дел. Важно учитывать, что статистические данные являются лишь частью общей картины, и их интерпретация требует комплексного подхода с учетом социальных, экономических и культурных факторов.

Структура преступлений в сфере семейного насилия показывает, что семейные истязания занимают значительную долю среди других видов насилия в семейно-бытовой сфере. Они часто связаны с такими преступлениями, как побои, угрозы убийством и причинение вреда здоровью различной степени тяжести. В общей криминальной статистике доля семейных истязаний может казаться относительно небольшой, однако их социальная значимость и негативное влияние на личность и общество крайне высоки, что требует особого внимания к данной категории преступлений.

Факторы латентности играют ключевую роль в недостоверности официальных статистических данных о семейных истязаниях. Социологические исследования показывают, что значительная часть случаев насилия в семье остается незарегистрированной. В ходе анализа правоприменительной практики выявлена необходимость дифференциации уголовной ответственности за семейные истязания посредством введения специального квалифицирующего признака в УК РФ — «истязание, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего родителем, усыновителем и иными законными представителями, отвечающими за воспитание несовершеннолетнего и его нравственное и психологическое развитие».

Такой подход позволит учитывать систематический характер насилия в семейно-бытовой сфере и специфику субъективного состава данных преступлений. Установление данного квалифицирующего признака обеспечит более точное отграничение семейных истязаний от смежных составов преступлений, таких как побои или причинение легкого вреда здоровью, что поспособствует объективной оценке общественной опасности деяния и назначению справедливого наказания.

Совершенствование уголовного законодательства выступает ключевым инструментом профилактики истязаний. Усиление санкций и четкая квалификация составов преступлений повышают эффективность правоприменения. Развитие системы социальных служб обеспечивает раннее выявление и предотвращение насилия в семьях. Создание межведомственных механизмов взаимодействия позволяет оперативно реагировать на сигналы о потенциальных случаях истязаний. Профилактическая работа включает регулярный мониторинг групп риска и обучение специалистов распознаванию скрытых форм насилия. Укрепление инфраструктуры кризисных центров расширяет возможности оказания своевременной помощи пострадавшим [11].

С учетом указанных обстоятельств необходимо пересмотреть и систематизировать нормы и принципы, за которыми должны следовать правоохранительные органы. Изучение международных стандартов, созданных с целью защиты личности от истязаний и других видов жестокого обращения, позволит не только улучшить качество правоприменения, но и снизить количество преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием. Совершенствование уголовной ответственности за истязания становится актуальной задачей, требующей комплексного подхода с учетом социальных изменений и правозащитных инициатив.

На основании примеров из следственной и судебной практики можно сказать, что внутрисемейное насилие является серьезной уголовно-правовой и криминологической проблемой современности, поскольку служит отправной точкой для совершения более тяжких преступлений, в связи с чем своевременная профилактика и изучение причин и условий совершения истязаний как одного из вида внутрисемейного насилия могут дать положительные результаты [12].

Выводы

С учетом данных обстоятельств целесообразно пересмотреть и систематизировать нормы и принципы, которым должны следовать правоохранительные органы. Изучение международных стандартов, созданных с целью защиты личности от истязаний и других видов жестокого обращения, позволит не только улучшить качество правоприменения, но и снизить количество преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием. Совершенствование законодательства, связанного с уголовной ответственностью за истязания, становится актуальной задачей, требующей комплексного подхода с учетом социальных изменений и правозащитных инициатив.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шикун И. Р. Актуальные проблемы уголовно-правовой охраны прав и свобод потерпевшего, находящегося в беспомощном состоянии, от насилия в семейно-бытовой сфере // Российский следователь. 2020. № 3. С. 48—51.
2. Беспалов Ю. Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1. С. 21—25.
3. Галюкова М. И. Криминологические аспекты семейно-бытового насилия // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 9(81). С. 30—34.

Целесообразным является внесение поправок в ст. 63 УК РФ, а именно закрепить такоеотягчающее обстоятельство, как «применение насилия в отношении близких лиц при совершении преступления» [13].

Целесообразно опубликование Верховным судом РФ разъяснений норм для единообразного применения судами норм уголовного законодательства при привлечении к уголовной ответственности лиц за истязания, а также разъяснений по поводу разграничения побоев и истязаний, определения понятия «систематическое нанесение побоев».

С целью профилактики преступлений, связанных с семейно-бытовым насилием, необходима разработка механизмов правовой защиты потерпевших от истязаний включая административные меры, такие как вынесение защитных предписаний, запрещающих преступнику приближаться к жертве, а также наложение административно-го ареста за нарушение таких предписаний [14].

С целью профилактики истязаний целесообразно:

- а) совершенствование механизмов раннего выявления лиц группы риска через системы мониторинга семейного неблагополучия;
- б) внедрение адресных программ психологической коррекции для лиц, склонных к совершению семейно-бытового насилия;
- в) обеспечение межведомственного взаимодействия правоохранительных органов и социальных служб путем создания единой базы данных жертв семейно-бытового насилия [15].

Заключение

С целью предотвращения развития уголовно-правовых и криминологических проблем, связанных с внутрисемейным насилием, следует внести изменения в уголовное законодательство Российской Федерации, регламентирующее уголовную ответственность за истязание несовершеннолетних и малолетних лиц, разрабатывать и планировать на государственном уровне мероприятия, направленные на укрепление семьи, улучшение в ней микроклимата, объединяя усилия органов государственной власти. Целесообразно также проведение специальных семинаров с сотрудниками органов внутренних дел для работы с семейно-бытовым насилием. Целесообразно принятие Федерального закона «О противодействии семейно-бытовому насилию», в котором были бы урегулированы основные моменты противодействия семейно-бытовому насилию. Истязания как социальное явление оказывают разрушительное воздействие не только на отдельных людей, но и на общество в целом, подрывая моральные основы, родственные связи и активность в социуме. Способы решения данной проблемы должны включать не только правовые подходы, но и образовательные инициативы, направленные на изменение восприятия насилия в обществе. Необходимы теоретические разработки, помогающие осознать глубинные причины насильственного поведения и методы его предотвращения.

4. Кравцов Д. А., Ульянова К. А. Криминологическая характеристика семейного насилия: виктимологические аспекты, проблемы и меры противодействия в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 22(469). С. 280—282.
5. Давыдова Н. Н. Принцип уважения чести и достоинства личности в российском уголовном судопроизводстве // Российский следователь. 2019. № 9. С. 22—25.
6. Дерябин С. Д. Криминологический анализ и проблемы предупреждения побоев и истязаний как преступлений против личности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. 24 с.
7. Жарких Е. А. Уголовно-правовой и административно-правовой рецидив: точки соприкосновения // Российский следователь. 2016. № 19. С. 23—26.
8. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних. СПб. : Юридический центр Пресс, 2002. 291 с.
9. Булавин Е. Д. Уголовная ответственность за истязание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2008. 29 с.
10. Вениаминов В. Г. Уголовная ответственность за побои и истязание : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 30 с.
11. Куянова А. В. Профилактика семейно-бытовых конфликтов, домашнего насилия и предупреждение преступлений, совершаемых на бытовой почве // Административное право и процесс. 2015. № 9. С. 52—56.
12. Попов Д. В. Общее и особенное в преступлениях против семьи и несовершеннолетних, совершаемых посредством насилия, в уголовном законодательстве России и стран Европейского Союза // Международное уголовное право и международная юстиция. 2018. № 1. С. 26—29.
13. Харламов В. С. Уголовно-правовая интерпретация виктимной стороны внутрисемейного насилия // Журнал российского права. 2016. № 4. С. 108—118. DOI: 10.12737/18694.
14. Артюшина О. В. Квалификация побоев как насилия, не опасного для жизни или здоровья // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 4. С. 141—152. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).141-152.
15. Брунер Р. А. Об административном запрете на приближение в сфере противодействия семейно-бытовому насилию // Современное право. 2018. № 7—8. С. 34—35.

REFERENCES

1. Shikula I. R. Relevant issues of criminal law protection of rights and freedoms of an aggrieved in a helpless condition due to violence in the family and domestic environment. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2020;3:48—51. (In Russ.)
2. Bupalov Yu. F. Family violence in the Russian Federation as a defect in the life and activities of a family and its members: a sociolegal aspect. *Notarius = Notary*. 2019;1:21—25. (In Russ.)
3. Galyukova M. I. Criminological aspects of domestic violence. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*. 2007;9(81):30—34. (In Russ.)
4. Kravtsov D. A., Ul'yanova K. A. Criminological characteristics of family violence: victimological aspects, problems and counteraction measures in the Russian Federation. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;22(469):280—282. (In Russ.)
5. Davydova N. N. The principle of respect for the person's honor and dignity in the Russian criminal proceedings. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2019;9:22—25. (In Russ.)
6. Deryabin S. D. Criminological analysis and problems of prevention of beatings and torture as crimes against the person. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Moscow, 1999. 24 p. (In Russ.)
7. Zharkikh E. A. Criminal and administrative legal repeated offense: things in common. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*. 2016;19:23—26. (In Russ.)
8. Pudovochkin Yu. E. Desponsibility for Crimes Against Minors under Russian Criminal Law. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2002. 291 p. (In Russ.)
9. Bulavin E. D. Criminal liability for torture. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Stavropol, 2008. 29 p. (In Russ.)
10. Veniaminov V. G. Criminal liability for beatings and torture. Abstract of diss. of the Cand. of Law. Saratov, 2005. 30 p. (In Russ.)
11. Kuyanov A. V. Prophylaxis of domestic family conflicts, domestic violence and prevention of family crimes. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*. 2015;9:52—56. (In Russ.)
12. Popov D. V. The similarities and differences in crimes of violence against family members and minors in the criminal laws of Russia and the countries of the European Union. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International criminal law and international justice*. 2018;1:26—29. (In Russ.)
13. Kharlamov V. S. Criminal law interpretation of victimization aspect of domestic violence. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*. 2016;4:108—118. (In Russ.) DOI: 10.12737/18694.
14. Artyushina O. V. Qualification of beatings as non-live-threatening [sic!] and non-health-threatening violence. *Pravoprime-nenie = Law Enforcement Review*. 2020;4(4):141—152. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(4).141-152.
15. Bruner R. A. Administrative restraining order in the sphere of counteraction to family and domestic violence revisited. *Sovremennoe pravo*. 2018;7—8:34—35. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 343.352
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1522

Alexey Alekseevich Trofimovich
Postgraduate of the Department of Theory of State and Law,
field of training
40.03.01 — Jurisprudence,
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
sigal602@mail.ru

Tatiana Pavlovna Butenko
Candidate of Law,
Head of the Department of Criminal Law,
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
butanya1979@yandex.ru

Алексей Алексеевич Трофимович
аспирант кафедры теории государства и права,
направление подготовки
40.03.01 — Юриспруденция
Амурский государственный университет
Благовещенск, Российская Федерация
sigal615@mail.ru

Татьяна Павловна Бутенко
канд. юрид. наук,
заведующий кафедрой уголовного права,
Амурский государственный университет
Благовещенск, Российская Федерация
butanya1979@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КОРРУПЦИИ КАК ЯВЛЕНИИ, ПОСЯГАЮЩЕМ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА, В XX—XXI вв.

5.1.4 — Уголовно-правовые науки

Аннотация. В статье на примере законодательства СССР и Российской Федерации проанализированы тенденции развития нормативных представлений о коррупции как угрозе национальной безопасности страны. Коррупция выступает социально-негативным явлением, традиционно присущим российской государственности, известным с древнейших времен. Несмотря на тот факт, что опасность коррупционных проявлений для безопасности государства, нормального функционирования его аппарата и защиты прав как общества в целом, так и отдельных его членов, осознавалась на протяжении всего исторического развития государства, соответствующие концептуальные положения на законодательном уровне долгое время не находили своего непосредственного закрепления.

Авторами определено, что в советскую эпоху законодательство термином «национальная безопасность» не оперировало, с определенной долей условности судить о формировании концепции влияния коррупции на национальную безопасность можно только начиная с 1960 г. В рамках стратегий (концепций) национальной безопасности Рос-

сийской Федерации коррупция непосредственно в качестве угрозы национальной безопасности была определена только в Стратегии национальной безопасности 2009 г. Несмотря на то, что ныне действующая Стратегия национальной безопасности непосредственно коррупцию в качестве угрозы национальной безопасности текстуально не называет, ее искоренение определено как национальный интерес государства и задача, разрешение которой имеет важность в контексте обеспечения национальной безопасности.

По итогу исследования сделан вывод о рациональности определения коррупции в рамках Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве угрозы национальной безопасности и соответствующем изменении законодательно определенного понятия коррупции.

Ключевые слова: коррупция, национальная безопасность, государственная безопасность, угроза национальной безопасности, интересы личности, интересы общества, интересы государства, коррупциогенный фактор, взяточничество, правоохранительный орган, государственный аппарат

Для цитирования: Трофимович А. А., Бутенко Т. П. Развитие представлений о коррупции как явлении, посягающем на национальную безопасность российского государства, в XX—XXI вв. // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 270—275. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1522.

Original article

THE EVOLUTION OF PERCEPTIONS OF CORRUPTION AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN STATE IN THE 20th-21st CENTURIES

5.1.4 — Criminal law sciences

Abstract. Using the example of the legislation of the USSR and the Russian Federation, the article analyzes the trends in the evolution of normative ideas about corruption as a threat to the national security of the country. Corruption is a socially negative phenomenon traditionally inherent in Russian statehood, known since ancient times. Despite the fact that

the danger of corruption for the security of the state, the normal functioning of its apparatus and the protection of the rights of both society as a whole and its individual members has been recognized throughout the historical development of the state, the relevant conceptual provisions at the legislative level have not been directly consolidated for a long time.

The authors point out that in the Soviet era, the legislation did not use the term “national security”, with a certain degree of conditionality, it is possible to talk about the formation of the concept of the impact of corruption on national security only since 1960. Within the framework of the National Security Strategies (Concepts) of the Russian Federation, corruption was identified directly as a threat to national security only in the National Security Strategy of 2009. Despite the fact that the current National Security Strategy does not directly name corruption as a threat to national security, its eradication is defined as a national

interest of the state and a task, the resolution of which is important in the context of ensuring national security.

Based on the results of the study, a conclusion is made about the rationality of defining corruption within the framework of the National Security Strategy of the Russian Federation as a threat to national security and a corresponding change in the legally defined concept of corruption.

Keywords: corruption, national security, state security, threat to national security, interests of the individual, interests of society, interests of the state, corruption-causing factor, bribery, law enforcement agency, state apparatus

For citation: Trofimovich A. A., Butenko T. P. The evolution of perceptions of corruption as a threat to the national security of the Russian state in the 20th-21st centuries. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):270—275. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1522.

Введение

Актуальность. Коррупция выступает как явление, традиционно присущее российскому государству практически с момента его образования, уровень коррупции на всех этапах становления российской государственности был чрезвычайно высоким. Неоспорим тот факт, что коррупционные проявления непосредственным образом сказываются на состоянии национальной безопасности (в контексте ее современного понимания как состояния защищенности прав и интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз). Коррупция наносит ущерб как интересам самого государства, так и интересам общества и отдельно взятой личности.

Изученность проблемы. Коррупция в научной литературе выступает как глубоко изученное социально-негативное явление. Роль коррупции в качестве угрозы национальной безопасности Российской Федерации исследовалась такими авторами, как, например, А. А. Тимофеева и М. Н. Еременко [1], О. В. Журкина [2], Е. В. Киреев [3], И. А. Терещенко [4], М. В. Шедий, И. Е. Соловьев, В. Г. Иванов [5], Р. Ф. Сатлыкова [6], Д. М. Якушев [7]. Пристальное внимание исследователи (например, М. В. Баранчикова и Ю. В. Кирюхина [8], А. С. Ганишина и А. С. Гусева [9], С. В. и Е. А. Егорышевы [10], Т. В. Филоненко [11] и др.) также уделяют характеристике общественной опасности коррупции, отмечая, как правило, возможность причинения данным явлением вреда интересам личности, общества, государства практически во всех сферах жизнедеятельности. При этом особой степенью общественной опасности, как верно отмечают А. С. Ганишина и А. С. Гусева [9], обладает именно коррупция в системе правоохранительных органов государства. При этом в контексте исторического развития механизма борьбы с коррупционными проявлениями, как отмечают В. С. Касьянов [12] и Н. Е. Богданов [13], политика современного российского государства наиболее эффективна, однако опыт СССР должен учитываться при формировании государственной антикоррупционной политики. Именно правовые механизмы, по мнению В. Д. Зорькина, максимально эффективны в вопросе системной борьбы с коррупцией [14].

Цель исследования заключается в разработке предложений по совершенствованию норм действующего законодательства с целью отражения повышенной степени важности борьбы с коррупцией в целях обеспечения национальной безопасности на основании анализа особенностей оценки отечественным законодателем роли коррупции как одной из угроз национальной безопасности страны в XX—XXI вв.

Задачи исследования:

1) выявление особенностей отражения в советском законодательстве роли коррупции как угрозы национальной (государственной) безопасности, в исследовании особенностей отражения в современном российском законодательстве роли коррупции как угрозы национальной безопасности;

2) разработка возможных способов отражения в российских актах стратегического планирования повышенной опасности коррупции в контексте обеспечения интересов личности, общества, государства.

Целесообразность разработки темы заключается в том, что, по нашему мнению, современный российский законодатель при формулировании Стратегий национальной безопасности Российской Федерации не уделит должного внимания коррупции как одной из важнейших внутренних угроз национальной безопасности и не наделил ее статусом таковой непосредственно (о том, что коррупция в современной России является угрозой национальной безопасности, в ныне действующей Стратегии национальной безопасности упоминается лишь косвенно).

Научная новизна исследования заключается в попытке комплексного анализа истории развития представлений о коррупции в качестве угрозы национальной безопасности в советскую эпоху и в современное время, а также в разработке предложений по совершенствованию концептуальных основ законодательной дефиниции понятия «коррупция».

Теоретическая значимость исследования заключается в выявлении концептуальных особенностей отражения на законодательном уровне роли коррупции как одной из угроз в механизме обеспечения национальной безопасности страны в период XX—XXI вв.

Практическая значимость исследования состоит в формулировании возможных способов отражения в российских актах стратегического планирования повышенной опасности коррупции в контексте обеспечения интересов личности, общества, государства.

Основная часть

Методология исследования. Проведенное исследование основывается на диалектико-материалистическом методе познания. В качестве специальных методов научного познания был применен исторический метод (анализируется история развития законодательной регламентации категории «национальная безопасность» с XX в. и до современных правовых норм); сравнительно-правовой метод (выявляются достоинства и недостатки прошлого и действующего законодательства).

Результаты исследования и их обсуждение. Еще в период Древнерусского государства после того, как коррупция перестала допускаться в качестве своеобразного обычая (речь здесь может идти о посулах, взятках, системе кормления), зарождаются истоки формирования антикоррупционной политики [3]. И, несмотря на тот факт, что изначально помимо социального осуждения коррупционное поведение никоим образом не наказывалось, а вся история российской государственности свидетельствует о маятникообразном развитии данного явления (от принятия эффективных мер противодействия коррупции, до ее расцвета и вновь начала борьбы с ней) в целом, к настоящему времени сформировалась достаточно прогрессивная и развитая система противодействия коррупции.

Например, И. А. Терещенко совершенно обоснованно констатирует, что высокий уровень коррупции в России деформирует общественное сознание, порождая критическое недоверие граждан к институтам публичной власти; снижает уровень инвестиционной привлекательности государства; негативно сказывается на роли государства в регулировании экономических и социальных процессов; в случае распространения в органах государственной власти (и в особенности в правоохранительных органах) снижает степень защищенности конституционных прав и свобод личности [4, с. 3]. М. В. Баранчикова и Ю. В. Кирюхина констатируют, что высокий уровень коррупции в государственном аппарате непосредственно подрывает доверие общества к публичным институтам, способствует развитию теневой экономики, что, в свою очередь, наносит существенный вред охраняемым общественным интересам [8]. Особую опасность представляет собой коррупционное поведение сотрудников правоохранительных органов, использующих широкий массив своих властных полномочий в целях, противоречащих интересам службы [9]. В современных условиях, по верному замечанию С. В. и Е. А. Егорышевых, коррупция институционализируется, что во многом способствует формированию коррупционной идеологии и повышает степень опасности рассматриваемого явления для безопасности общества и государства [10]. В целом, коррупция способна наносить ущерб абсолютно всем отношениям, складывающимся в обществе.

Анализируя процесс развития представлений о коррупции как угрозе национальной безопасности в XX в. можно, на наш взгляд, с определенной долей условности, в частности, в силу того, что сама категория «национальная безопасность» как безопасность государства, общества и личности от внутренних и внешних угроз, появилась в отечественной правовой системе только в 1997 г., когда была принята первая Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300) — в советскую эпоху речь шла только о государственной безопасности, которая преимущественным образом отражала официальную точку зрения военно-политического руководства страны в части приоритета интересов государства над интересами общества и личности. Однако, уже в XX в. на государственном уровне в полной мере осознавалось негативное влияние коррупции на нормальное функционирование государственного аппарата.

В советскую эпоху, как отмечают отдельные исследователи, понятия, целей и назначения государственной службы на нормативном уровне закреплено не было, при этом в научной литературе того времени государ-

ственная служба рассматривалась как выполнение служащим от имени государства его поручений, цель же службы определялась как достижение соответствующего результата, намеченного государством [12]. В целом, данное утверждение соответствовало действительности, поскольку, как известно, вся деятельность правоохранительных и иных государственных органов была подчинена господствующей идеологии и подконтрольна партийному руководству. При этом в рамках настоящего исследования нами не отождествляются понятия государственной и национальной безопасности — национальная безопасность как комплексная категория всегда органично сочетает в себе как интересы непосредственно государства, так и интересы общества и отдельно взятой личности, что в рассматриваемом случае имеет принципиально важное значение.

При этом всё советское уголовное законодательство делало акцент именно на защите интересов государства. Так, Уголовный кодекс РСФСР от 1922 г., согласно его преамбуле, был введен в действие в целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно опасных элементов. Задачей Уголовного кодекса РСФСР от 1922 г. была определена защита государства трудящихся от преступлений и общественно опасных элементов. Из текста Уголовного кодекса РСФСР от 1926 г. данные положения были исключены, однако и цели защиты прав личности в нем провозглашено не было. В Уголовном кодексе РСФСР от 1960 г. впервые в пределах советской эпохи было сделано упоминание о том, что уголовно-правовая политика государства имеет своей задачей не только защиту непосредственно государственных интересов, но также и защиту личности, прав и свобод граждан. И в связи с тем, что в каждом из вышеуказанных кодексов устанавливалась уголовная ответственность за взяточничество, коррупционные проявления с самого провозглашения советской власти рассматривались как угроза государственной безопасности, а с 1960 г. начали формироваться первые представления о коррупции как угрозе именно безопасности национальной, сочетающей в себе как интересы непосредственно государства, так и интересы отдельно взятой личности. В рассматриваемый исторический период антикоррупционные механизмы устанавливались не только в уголовном законодательстве, но и во многих нормативных актах иной отраслевой направленности, однако, везде фигурировал факт защиты рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка. При этом в советское время имели место достаточно громкие судебные разбирательства над коррупционерами (например, суд сразу над сорока двумя работниками судебной системы, обвиненных в коррупции, семнадцать из которых были приговорены к смертной казни).

Как уже было отмечено, в отечественной правовой системе категория национальной безопасности в правовое поле была внедрена в 1997 г. с принятием первой в Российской Федерации Концепции национальной безопасности. Как совершенно обоснованно отмечается исследователями, период с 1990 по 2008 г. характеризовался беспрецедентным распространением коррупции во всех сферах общественной жизни, данный период именуют наиболее коррумпированным за всю историю российского государства. Как было отмечено председателем Конституционного суда РФ

В. Д. Зорькиным, постсоветский период характеризовался вопиюще неправовым приватизационным распределением крупной собственности между субъектами, которые были в максимальной степени приближены к новым властным структурам и криминальной среде [14, с. 63].

В указанный период коррупция была распространена настолько, что фактически даже подбор кадров в органах власти и управления стал осуществляться на платной основе. При этом данный факт государством осознавался. Например, в 1992 г. Президентом РФ Б. Н. Ельциным был подписан Указ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», в соответствии с которым главой государства был сделан особый акцент не только на констатации факта чрезвычайно высокого уровня коррумпированности государственного аппарата, но и также определена общественная опасность такого состояния в стране. В указе определялось, что столь высокий уровень коррупции непременно влечет за собой ущемление конституционных прав личности в различных сферах общественных отношений, подрыв доверия общества к государственно-властным структурам, негативное влияние коррупции на динамику экономического развития страны и пр. В 1992 г. также была сформирована и начала свою деятельность Межведомственная комиссия Совета Безопасности РФ по борьбе с коррупцией.

При всех указанных обстоятельствах, в первой принятой в стране Концепции национальной безопасности ни коррупция, ни необходимость борьбы с нею не упоминались ни в качестве внутренней угрозы национальной безопасности, ни в качестве приоритетного направления деятельности государства. В данном акте стратегического планирования упоминалось о несовершенстве системы организации государственной власти, о сращивании отдельных элементов исполнительной и законодательной власти с криминальными структурами. Но непосредственно коррупция и необходимость системной борьбы с нею никакого отражения в данном акте не нашли.

Новая Концепция национальной безопасности была утверждена в 2000 г., которая также коррупцию в качестве угрозы национальной безопасности не определила, однако в качестве одной из задач в области обеспечения национальной безопасности стала фигурировать борьба с преступностью и коррупцией. Уже в Стратегии национальной безопасности, принятой в 2009 г., коррупция впервые была определена в качестве одного из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности. Также рассматриваемая Стратегия в качестве одного из главных направлений государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности выделяла предупреждение и борьбу с коррупцией. Снижение уровня коррупции стало определяться как фактор, способствующий обеспечению национальной безопасности в области повышения качества жизни граждан. Как видно, только к 2009 г. коррупция впервые была определена как одна из угроз национальной безопасности на нормативном уровне, несмотря на тот факт, что уже с 1990-х гг. коррумпированность российского государства и общества находилась на критически высоком уровне.

В 2021 г. была принята очередная, ныне действующая, Стратегия национальной безопасности, в рамках которой:

– искоренение коррупции было определено в качестве национального интереса Российской Федерации;

– предупреждение и пресечение преступлений коррупционной направленности было определено как одна из задач, реализация которой необходима для обеспечения государственной и общественной безопасности;

– снижение уровня коррупции в предпринимательской среде определено в качестве одной из задач обеспечения экономической безопасности государства;

– развитие международного сотрудничества в области противодействия коррупции определено в качестве одной из задач, реализация которой необходима для достижения целей внешней политики государства.

Таким образом, осуществление противодействия коррупции выступает как неотъемлемый фактор реализации многих стратегических национальных приоритетов. Как следует из ныне действующей Стратегии национальной безопасности, государство уделяет огромную роль борьбе с коррупционными проявлениями в контексте обеспечения различных видов безопасности, структурно объединенных в категорию безопасности национальной. Начиная с 2008 г. в стране проводится эффективная, комплексная и системная антикоррупционная политика, при этом, несмотря на существенное снижение уровня коррупционных явлений в стране, в сравнении с 1990—2008 гг. и более ранними историческими периодами, коррупционные проявления в современной России всё еще остаются на недопустимо высоком уровне. Особую опасность коррупции для обеспечения национальной безопасности страны обуславливает тот факт, что современные геополитические условия предоставляют злоумышленникам возможность на возмездной основе использовать весь потенциал своих властных полномочий в интересах недружественных государств и отдельных субъектов, интересы которых диаметрально противоположны интересам Российской Федерации. Более того, современная статистика свидетельствует о том, что для большей части государственных служащих и должностных лиц неотвратимость наступления уголовной ответственности за коррупционное преступление не является сдерживающим фактором.

Так, только за 2024 г., в соответствии со сводными данными о состоянии судимости в России Судебного департамента при Верховном суде РФ, за преступления коррупционной направленности было осуждено более 21 700 чел. (что в сравнении с 2023 г. показало небольшое снижение количества данного вида преступлений), притом что за первые семь месяцев 2025 г. количество официально зарегистрированных преступлений коррупционной направленности составило почти 18,5 тыс. (что на 20 % больше аналогичного периода годом ранее). При этом стоит учесть, что коррупционные преступления обладают чрезвычайно высокой латентностью, в связи с чем официальные статистические показатели не в полной мере отражают динамику данных преступлений [15].

Выводы

Несмотря на то, что ныне действующая Стратегия национальной безопасности системно не приводит перечня угроз национальной безопасности, они раскрываются в тексте всего акта, при этом непосредственно коррупция в качестве угрозы национальной безопасности текстуально не названа, хотя ее искоренение и определено как национальный интерес государства и задача, разрешение которой имеет важность в контексте обеспечения национальной безопасности. Столь серьезный характер рассматриваемой угрозы, широкий спектр общественных отношений,

вред которым наносят коррупционные явления, ее чрезвычайно широкая распространенность в современных условиях, на наш взгляд, в полной мере свидетельствуют о рациональности определения коррупции в рамках Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве угрозы национальной безопасности. В контексте уже длительного процесса формирования представлений (как научных, так и нормативных) относительно значимости коррупции в обеспечении национальной безопасности, данное решение видится вполне рациональным и давно требующим своего нормативного отражения.

При этом стоит согласиться и с исследователями, которые в целом считают актуальным вопрос о некотором видоизменении законодательно закрепленной дефиниции понятия коррупции в контексте обеспечения национальной

безопасности [2]. Как представляется, в данном аспекте рационально в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» конкретизировать понятие коррупции не просто посредством перечисления деяний, подпадающих под признаки коррупции, но и сущностно раскрыть понятие данного явления, которое, на наш взгляд, должно содержать в себе указание на то, что коррупция выступает одной из угроз национальной безопасности Российской Федерации.

Указанные выше концептуальные предложения обусловлены самой историей развития представлений о коррупции в контексте обеспечения национальной безопасности, их принятие способствует отражению объективно существующих тенденций и реалий в рассматриваемой сфере правоотношений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тимофеева А. А., Еременко М. Н. Коррупция в России как угроза национальной безопасности: историко-правовой аспект // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2023. № 2(37). С. 15—21.
2. Журкина О. В. Коррупция как угроза национальной безопасности // *Вопросы российского и международного права*. 2022. Т. 12. № 9А. С. 469—474.
3. Киреев Е. В. Коррупция в России как угроза ее национальной безопасности // *Экономика. Право. Общество*. 2020. Т. 5. № 2. С. 85—94.
4. Терещенко И. А. Коррупция как фактор угрозы национальной безопасности Российской Федерации: политологический анализ : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 230 с.
5. Шедий М. В., Соловьев И. Е., Иванов В. Г. Коррупция как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *Национальная безопасность и стратегическое планирование*. 2020. № 1(29). С. 5—8.
6. Сатлыкова Р. Ф. Коррупция как угроза национальной безопасности современности // *Вестник науки*. 2023. № 5(62). Т. 3. С. 437—443.
7. Якушев Д. М. Коррупция — угроза национальной безопасности РФ // *Научные высказывания*. 2024. № 17(64). С. 10—21.
8. Баранчикова М. В., Кирюхина Ю. В. Коррупция как угроза безопасности современному обществу: уголовно-правовой и социологический аспекты // *Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова*. 2024. № 2(99). С. 124—131.
9. Ганишина А. С., Гусева А. С. Коррупционное поведение сотрудников правоохранительных органов: теоретический анализ и проблемы // *Психология и педагогика служебной деятельности*. 2021. № 4. С. 34—38. DOI: 10.24412/2658-638X-2021-4-34-38.
10. Егорышев С. В., Егорышева Е. А. Коррупция: институциональные признаки, социальные детерминанты и последствия // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2021. Т. 21. № 2. С. 253—264. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-253-264.
11. Филоненко Т. В. Антикоррупционная политика России. Роль органов прокуратуры в ее формировании и реализации : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2020. 242 с.
12. Касьянов В. С. Коррупция и борьба с ней в советской России // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. 2014. № 4. С. 16—25.
13. Богданов Н. Е. Исторический анализ возникновения и распространения коррупции в России // *Вопросы российской юстиции*. 2023. № 24. С. 340—353.
14. Зорькин В. Д. *Право против хаоса : моногр.* М. : Норма, 2025. 536 с.
15. Судникова Н. Ю., Нестеренко В. В. Антикоррупционный комплаенс как инструмент противодействия коррупции // *Актуальные проблемы борьбы с коррупцией : материалы всерос. науч.-практ. конф. М. : Моск. акад. Следств. ком. им. А. Я. Сухарева*, 2024. С. 125—131.

REFERENCES

1. Timofeeva A. A., Yermenko M. N. Corruption in Russia as a threat to national security: historical and legal aspect. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal and Order: History, Theory, Practice*. 2023;2(37):15—21. (In Russ.)
2. Zhurkina O. V. Corruption as a threat to national security. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*. 2022;12(9A):469—474. (In Russ.)
3. Kireev E. V. Corruption in Russia as a threat to its national security. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo = Economics. Law. Society*. 2020;5(2):85—94. (In Russ.)
4. Tereshchenko I. A. Corruption as a threat to the national security of the Russian Federation: a political science analysis. Diss. of the Cand. of Law. Moscow, 2010. 230 p. (In Russ.)
5. Shedij M. V., Solovyov I. E., Ivanov V. G. Corruption as a threat to the national security of the Russian Federation. *Natsional'naya bezopasnost' i strategicheskoe planirovanie = National Security and Strategic Planning*. 2020;1:5—8. (In Russ.) DOI: 10.37468/2307-1400-2020-1-5-8.

6. Satlykova R. F. Corruption as a threat to national security of our time. *Vestnik nauki*. 2023;5(62)-3:437—443. (In Russ.)
7. Yakushev D. M. Corruption as a threat to the national security of the Russian Federation. *Nauchnye vyskazyvaniya*. 2024;17(64):10—21. (In Russ.)
8. Baranchikova M.V., Kiryukhina Yu.V. Corruption as a security threat to modern society: criminal law and sociological aspects. *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk'yanova = Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V. V. Lukyanov*. 2024;2(99):124—131. (In Russ.)
9. Ganishina I. S., Guseva A. S. Corrupt behavior of law enforcement officials: theoretical analysis of the problem. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel'nosti = Psychology and pedagogics in official activity*. 2021;4:34—38. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-638X-2021-4-34-38.
10. Egoryshev S. V., Egorysheva E. A. Corruption: institutional features, social determinants and consequences. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*. 2021;21(2):253—264. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-2-253-264.
11. Filonenko T. V. Russia's anti-corruption policy. The role of the Prosecutor's Office in its formation and implementation. Diss. of the Cand. of Law. Vladivostok, 2020. 242 p. (In Russ.)
12. Kasyanov V. S. Corruption and its control in Soviet Russia. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal management. Scholar notes*. 2014;4:16—25. (In Russ.)
13. Bogdanov N. Historical analysis of the emergence and spread of corruption in Russia. *Voprosy rossiiskoi yustitsii*. 2023;24:340—353. (In Russ.)
14. Zor'kin V. D. Law vs Chaos. Monograph. Moscow, Norma, 2025. 536 p. (In Russ.)
15. Sudnikova N. Yu., Nesterenko V. V. Anti-corruption compliance as a tool for combating corruption. *Aktual'nye problemy bor'by s korruptsiei = Topical issues in combating corruption. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Moscow, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation publ. 2024:125—131. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.11.2025; одобрена после рецензирования 12.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.
The article was submitted 25.11.2025; approved after reviewing 12.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

5.8. ПЕДАГОГИКА

5.8. PEDAGOGY

Научная статья

УДК 37.013.42

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1548

Elena Aleksandrovna Bayer

Doctor of Pedagogy, Professor,
Head of the Department of Social and Sports
Pedagogical Technologies,
Don State Technical University;
Director,
State social service institution of the Rostov region
“Azov Children’s Aid Center”
Rostov-on-Don, Russian Federation
elenabaier@list.ru

Maria Vasilyevna Zaluzhnaya

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Social and Sports
Pedagogical Technologies,
Don State Technical University;
Deputy Director for Scientific and Methodological Work,
State social service institution of the Rostov region
“Azov Children’s Aid Center”
Rostov-on-Don, Russian Federation
zaluzhnaya.mari@mail.ru

Galina Anatolyevna Molokhina

Candidate of Psychology,
Associate Professor of the Department of Social and Sports
Pedagogical Technologies,
Don State Technical University;
teacher-psychologist,
State social service institution of the Rostov region
“Azov Children’s Aid Center”
Rostov-on-Don, Russian Federation
molokhina@yandex.ru

Елена Александровна Байер

д-р пед. наук, профессор,
заведующий кафедрой «Социальные и спортивные
педагогические технологии»,
Донской государственный
технический университет;
директор,
ГКУСО РО «Азовский центр помощи детям»
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
elenabaier@list.ru

Мария Васильевна Залужная

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры «Социальные и спортивные
педагогические технологии»,
Донской государственный технический университет;
заместитель директора
по научно-методической работе,
ГКУСО РО «Азовский центр помощи детям»
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
zaluzhnaya.mari@mail.ru

Галина Анатольевна Молохина

канд. психол. наук,
доцент кафедры «Социальные и спортивные
педагогические технологии»,
Донской государственный
технический университет;
педагог-психолог,
ГКУСО РО «Азовский центр помощи детям»
Ростов-на-Дону, Российская Федерация
molokhina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ЭМПАТИИ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ У СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА С РАЗЛИЧНЫМИ ВОЗРАСТНЫМИ И СТАЖЕВЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Статья представляет собой эмпирическую рефлексию проблемы интеграции психолого-педагогических и личностных ресурсов специалистов, осуществляющих профессиональную деятельность в системе государственной поддержки детства. Фокус исследования сосредоточен на установлении особенностей педагогической эмпатии и жизнестойкости у специалистов в области социального сиротства с различными возрастными и стажевыми особенностями как профессионально важных качеств. В условиях хронического эмоционального напряжения и вторичной травматизации, присущих работе с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей,

замещающими родителями, выпускниками организаций для детей-сирот и приемных семей, данные конструкторы рассматриваются не как факультативные, а как императивные компоненты профессионального мастерства. Научная новизна работы состоит в рассмотрении педагогической эмпатии и жизнестойкости как профессионально важных качеств личности специалиста в системе государственной поддержки детства. Подтверждена необходимость развития такого качества личности, как жизнестойкость как внутреннего ресурса профессиональной деятельности специалистов в области социального сиротства. Установлены взаимосвязи возрастных и стажевых особенностей

педагогической эмпатии и жизнестойкости в контексте ресурсного подхода к профессиональной деятельности. Практическая значимость исследования заключается в создании и реализации целостной ресурсно-ориентированной модели поддержки профессиональной деятельности специалистов в области социального сиротства, как на этапе подготовки, так и в процессе профессиональной деятельности. Внедрение выводов исследования в практику будет способствовать не только сохранению психического здоровья, ресурсно-

сти, педагогической эффективности самих специалистов, но и, в конечном итоге, повышению эффективности функционирования всей системы государственной поддержки детства.

Ключевые слова: педагогическая эмпатия, жизнестойкость, нравственно-волевые качества, возраст, педагогический стаж, ресурсность, педагогическая эффективность, социальное сиротство, специалист социальной сферы, профессиональные качества, система государственной поддержки детства

Для цитирования: Байер Е. А., Залужная М. В., Молохина Г. А. Особенности педагогической эмпатии и жизнестойкости у специалистов в области социального сиротства с различными возрастными и стажевыми показателями // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 276—288. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1548.

Original article

FEATURES OF PEDAGOGICAL EMPATHY AND RESILIENCE AMONG SPECIALISTS IN THE FIELD OF SOCIAL ORPHANHOOD WITH DIFFERENT AGE AND SENIORITY INDICATORS

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article is an empirical reflection on the problem of integrating the psychological, pedagogical and personal resources of specialists engaged in professional activities in the system of state support for childhood. The research focuses on establishing the characteristics of pedagogical empathy and resilience among specialists in the field of social orphanhood with various age and seniority characteristics as professionally important qualities. In conditions of chronic emotional stress and secondary traumatization inherent in working with orphans and children left without parental care, substitute parents, graduates of organizations for orphans and foster families, these constructs are considered not as optional, but as imperative components of professional skills. The scientific novelty of the work consists in considering pedagogical empathy and resilience as professionally important qualities of a specialist's personality in the system of state support for childhood. The necessity to develop resilience as an internal resource of professional activity of specialists in the field of social

orphanhood is confirmed. The interrelationships of age and seniority characteristics of pedagogical empathy and resilience in the context of a resource-based approach to professional activity are established. The practical significance of the research lies in the creation and implementation of a holistic resource-based model for supporting the professional activities of specialists in the field of social orphanhood, both at the stage of training and in the process of professional activity. The implementation of the research findings into practice will contribute not only to the preservation of mental health, competence, and pedagogical effectiveness of the specialists themselves, but also, ultimately, to improving the effectiveness of the entire system of state support for childhood.

Keywords: pedagogical empathy, resilience, moral and volitional qualities, age, teaching experience, resourcefulness, pedagogical effectiveness, social orphanhood, specialist in the social sphere, professional qualities, the system of state support for childhood

For citation: Bayer E. A., Zaluzhnaya M. V., Molokhina G. A. Features of pedagogical empathy and resilience among specialists in the field of social orphanhood with different age and seniority indicators. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):276—288. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1548.

Введение

Актуальность исследования феномена эмпатии определяется обострением проблемы гуманизации общественных отношений в современном социуме. В контексте решения психолого-педагогических задач системы социального сиротства особую значимость приобретает изучение именно *педагогической эмпатии*, которую мы понимаем как профессионально значимое личностное свойство, выражающееся в способности к глубокому пониманию и сопереживанию эмоциональным состояниям ребенка. Для специалиста, работающего с детьми-сиротами, данное качество служит не только основой для формирования коммуникативной компетентности и развития профессионального самосознания, но и выступает ключевым фактором профилактики таких профессиональных деструкций, как утрата контакта с воспитанниками, эмоциональное выгорание и деформация профессиональной идентичности.

Вместе с тем эффективность и устойчивость деятельности в этой сложной сфере требуют целенаправленного развития способности специалистов выдерживать стрессовые ситуации, сохраняя внутреннюю сбалансированность.

В нашем исследовании *жизнестойкость* специалиста рассматривается как интегративная способность, позволяющая не только координировать профессиональные действия в интересах семьи и ребенка, но и выступать гарантом их долгосрочного благополучия, поскольку представляет собой личностное качество, подчеркивающее убеждения, мотивирующие специалиста преобразовывать стрессогенные жизненные события в новые возможности.

Историко-педагогический анализ подтверждает, что такие экзистенциальные качества педагога, как открытость, аутентичность и честность, сохраняют статус непреходящей ценности для любой образовательной системы. Потребность в уникальной, саморазвивающейся личности педагога, способной к глубокой эмпатии и обладающей

внутренней стойкостью, остается неизменно актуальной, особенно в сфере сопровождения детей, оставшихся без попечения родителей [1; 2].

Профессиональная деятельность с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, объективно характеризуется экстремальным уровнем психоэмоционального напряжения, что детерминирует высокие риски развития синдрома профессионального выгорания у специалистов. Данный риск усугубляется комплексной спецификой контингента воспитанников, значительная часть которых обладает опытом жизни в условиях семейной дисфункции, а в подростковом возрасте нередко имеет прямой опыт столкновения с такими деструктивными явлениями, как наркозависимость, криминальное поведение, коммерческая сексуальная эксплуатация. Следствием этого является критическое снижение способности к самостоятельному и ответственному построению жизненной траектории, что формирует объективную социальную потребность в их комплексном профессиональном сопровождении высококвалифицированными кадрами.

Изученность проблемы. В рамках современных научных парадигм как в отечественных, так и в зарубежных психолого-педагогических исследованиях эмпатия обособленно рассматривается в качестве фундаментальной детерминанты психологического благополучия личности и позитивного мироощущения. Структурно процесс эмпатического взаимодействия, согласно современным представлениям, реализуется через интеграцию трех взаимосвязанных компонентов эмпатии: аффективного, когнитивного и конативного. Универсальность данной трехкомпонентной модели подтверждается эмпирическими данными [3].

Генезис понятия «педагогическая эмпатия» восходит к началу XX в. и берет свое начало в философской традиции. Термин «эмпатия» (англ. *empathy*) был введен в научный оборот Э. Титченером в качестве перевода немецкого понятия *Einfühlung* («вчувствование»), обозначающего процесс глубокого эмоционально-смыслового проникновения в состояние другого человека.

В отечественной педагогике существенный теоретический вклад в концептуализацию данного феномена внес Ю. К. Бабанский (1989), который в рамках своей теории оптимизации учебно-воспитательного процесса идентифицировал эмпатию как ключевой компонент профессионального мастерства педагога, обеспечивающий эффективность педагогического взаимодействия [4].

В зарубежной научной парадигме значимым этапом в разработке концепции педагогической эмпатии стала модель, предложенная Дж. Иганом. Его подход акцентирует когнитивно-коммуникативный аспект, трактуя педагогическую эмпатию как системную способность учителя к точному пониманию внутреннего мира ученика и последующей вербальной и невербальной демонстрации этого понимания, что формирует основу построения отношений взаимного доверия в диаде «педагог — обучающийся» [5].

В современных исследованиях педагогическая эмпатия утвердилась в статусе профессионально важного качества, определяющего гуманистическую составляющую образовательного процесса. О. И. Ваганова и Н. В. Быстрова подчеркивают, что именно способность к сопереживанию и эмоциональной чуткости придает эмпатии собственно педагогическое звучание, поскольку выступает механизмом эффективного включения ребенка в пространство межличностных отношений и культурных смыслов. Авторы кон-

кретизируют сущностное отличие педагогической эмпатии от общепсихологической, заключающееся в целенаправленной ориентации на *педагогическое сопровождение*. По их мнению, она представляет собой осознанное «проникновение» во внутренний мир воспитанника с последующим осмыслением его актуального состояния и оказанием адресной помощи через адекватные педагогические средства и технологии [6]. Указанная позиция выделяет значимость развития данного качества для морально-нравственного становления будущих педагогов в системе профессионального образования.

В исследовании Н. С. Александровой и Ю. А. Баженовой эмпатия концептуализируется как интегративное структурное образование, компоненты которого детерминированы нравственной сферой личности. Ключевым научным положением в данном подходе выступает признание диалектической взаимосвязи эмоциональных и когнитивных психических процессов. Эта взаимосвязь, по мнению авторов, формирует базовый психологический механизм, выполняющий регуляторную функцию в поведении обеспечивающий способность личности к просоциальному содействию на основе прогнозирования динамики межличностной ситуации [7].

В продолжение исследования специфики педагогической эмпатии и ее отличия от общей эмпатии, на основе анализа научной литературы было сформулировано интегративное определение данного качества, как профессиональной способности педагога к систематической и рефлексивной демонстрации понимания внутреннего мира обучающегося в коммуникации и в практических действиях. Целью такой демонстрации является прогнозирование реакций воспитанника и осуществление педагогически целесообразного влияния на его поведение и развитие. Данная концепция находит свое отражение в работе А. В. Морозовой. Автор, проведя компаративный анализ трактовок эмпатии в отечественных и зарубежных источниках, определяет педагогическую эмпатию как одну из ключевых личностных характеристик учителя. Согласно ее позиции, она выражается именно в способности к последовательной вербализации и актуализации понимания внутреннего мира другого человека, направленной на прогнозирование и педагогически адекватную коррекцию его поведенческих паттернов [8].

В рамках научного дискурса обнаруживается и альтернативная исследовательская позиция, редуцирующая феномен педагогической эмпатии к ее аффективной составляющей, фактически отождествляя ее с эмоциональным всплеском. Эту точку зрения, в частности, фиксируют А. А. Бодалев и Т. Р. Каштанова и прямо указывают, что именно такой эмоциональный всплеск можно назвать педагогической эмпатией. Вместе с тем сами авторы отмечают, что данная трактовка остается периферийной и не получила достаточной теоретической проработки и эмпирического подтверждения в контексте педагогической науки и практики [9].

Смежный исследовательский фокус представлен в работе В. Н. Ослон с соавторами, посвященной анализу психологических ресурсов сотрудников организаций для детей-сирот. Авторы выявляют феномен *усталости от сострадания* — профессиональной деформации, возникающей вследствие длительной эмоциональной вовлеченности в помощь травмированным детям. В качестве ключевого вывода исследователи подчеркивают насущную необходимость разработки и внедрения адресных методик и инновационных программ, направленных на сохранение психологического здоровья кадров и профилактику профессионального выгорания в данной специфической сфере [10].

В контексте нашей проблематики мы обратились к исследованиям взаимосвязи эмпатии и синдрома эмоционального выгорания в сфере помогающих профессий Т. Д. Карягиной и С. Ю. Рошиной. Авторы подчеркивают, что эмпатия выступает профессионально важным качеством личности специалиста помогающего профиля, в своей работе они выделяют три позитивных эмпатических феномена, выполняющих ресурсную функцию: децентрацию, сопереживание и эмпатическую заботу. Важнейшим механизмом, связывающим эти феномены, выступает способность к рефлексивному пониманию себя через собственные эмоциональные переживания. Данная способность позволяет специалисту осуществлять психологическое переключение между фокусом на состоянии другого человека и фокусом на своем внутреннем опыте, что создает основу устойчивости и профилактики профессиональной деформации [11].

Способность личности конструктивно преодолевать кризисные ситуации традиционно соотносится с категорией жизнестойкости, что подчеркивает ее значимость для поддержания не только физического, но и психологического благополучия.

О. А. Березкина определяет жизнестойкость как интегративное личностное состояние. Согласно авторской концепции, оно является результатом целенаправленной активности индивида в процессе социального взаимодействия. Эта деятельность, предполагающая встречное влияние со стороны социума, выполняет развивающую и обогащающую функцию по отношению ко всем сферам психики. Таким образом, жизнестойкость формируется как внутренний «фундамент», который личность сознательно возводит, мобилизуя собственные энергетические, волевые и эмоциональные ресурсы [12].

В последние десятилетия термин «жизнестойкость» утвердился в междисциплинарном дискурсе психологии и педагогики. Его изучение характеризуется многоуровневым подходом, направленным на исследование структурных компонентов и условий развития данного качества. Как отмечает И. В. Ярошук, в научной и общественной среде наблюдается устойчивый рост интереса к данной проблематике. Вместе с тем в современном научном поле отсутствует единая, консолидированная позиция относительно природы и структуры феномена. Существующие теоретические разночтения и противоречия в трактовках отражают, в первую очередь, специфику анализа феномена на различных уровнях его проявления — от психофизиологических механизмов до экзистенциально-смысловых аспектов человеческого существования [13].

Э. Л. Быдтаева, осуществляя научный анализ субъектных качеств, детерминирующих успешную адаптацию личности и конструирование эффективных жизненных стратегий, акцентирует, что в условиях динамичных социальных трансформаций ключевую роль приобретает витальный интеллект — способность к осмысленной организации жизни, — в структуре которого жизнестойкость выступает в качестве базового психологического ресурса, обеспечивающего устойчивость и целостность личности [14].

В. Б. Шауфели в рамках исследования моделей профессионального благополучия указывает, что высокая вовлеченность представителей помогающих профессий в свою работу является значимым протективным фактором, способным снижать риск развития синдрома выгорания до 28 %. При этом, согласно его концепции,

снижение субъективного ощущения личностных достижений непосредственно коррелирует с пониженной оценкой собственной компетентности и успешности, что выступает одним из ключевых маркеров профессиональной дезадаптации [15].

Особый научный интерес представляет позиция, высказанная С. А. Михалкиной и К. С. Анисимовой в отношении взаимосвязи эмпатии и жизнестойкости студентов педагогического вуза, авторы приходят к неоднозначному выводу: между уровнем эмпатии и жизнестойкостью существует обратная зависимость, т. е. более высокие показатели эмпатии сопряжены с относительно низким уровнем жизнестойкости. Исследователи интерпретируют данный результат, предполагая, что выраженная эмпатия, проявляющаяся в высокой эмоциональной чувствительности и восприимчивости, может выступать фактором, истощающим внутренние психологические ресурсы личности, что, в свою очередь, ограничивает потенциал для поддержания и развития жизнестойкости [16].

Альтернативную научную позицию занимают М. М. Кашапов с соавторами, установившие, что эмпатия способна выступать ресурсным фактором жизнестойкости в контексте вузовской адаптации студентов. При этом они проводят важное структурное разграничение: ресурсный потенциал связывается преимущественно с конативным (поведенческим) компонентом эмпатии, в то время как ее эмоциональная составляющая, напротив, может оказывать редуцирующее воздействие на уровень жизнестойкости [17].

В диссертационном исследовании Т. В. Наливайко предпринята попытка смысловой концептуализации данного феномена, выявлена зависимость его проявлений от социально-психологических, возрастных, половых и статусных факторов. Жизнестойкость определяется как интегральная личностная характеристика, формирующаяся на основе природных индивидуальных свойств, но в решающей степени приобретающая свое содержание в социальном контексте. При этом структурные связи жизнестойкости с другими свойствами личности имеют выраженную половую специфику. У юношей жизнестойкость обнаруживает устойчивую корреляцию с системой смысложизненных ориентаций, включая целеполагание, восприятие процесса жизни, оценку результативности, локус контроля-Я и общий уровень осмысленности жизни, что объясняется доминированием рационального подхода, когда жизнестойкость опосредована когнитивными процессами смыслообразования. Для девушек подобная связь не является статистически значимой, поскольку в силу большей выраженности эмоциональной сферы, устойчивость вероятно связана с аффективным опытом проживания и преодоления трудных ситуаций, нежели с их рациональной рефлексией [18].

В результате проведенного теоретико-методологического анализа были сформулированы следующие ключевые аспекты противоречия современной системы подготовки и сопровождения кадров в сфере социального сиротства: между возрастающей общественной потребностью в специалистах, обладающих сформированной жизнестойкостью и развитой педагогической эмпатией как базой профессиональной надежности, и отсутствием в России целостной образовательной модели, целенаправленно формирующей данные качества на этапе профессиональной подготовки и в системе повышения квалификации.

Выявленные противоречия актуализируют **научную проблему**, заключающуюся в необходимости изучения особенностей педагогической эмпатии и жизнестойкости как ключевых профессионально-личностных ресурсов специалиста в системе социального сиротства в контексте различных возрастных и стажевых показателей.

Научная новизна исследования состоит в изучении особенностей педагогической эмпатии и жизнестойкости специалистов в области социального сиротства в контексте работы с детьми-сиротами и профилактики социального сиротства. Разработана модель профессиональной готовности специалиста в области социального сиротства на основе взаимосвязи педагогической эмпатии и жизнестойкости.

Цель исследования состоит в теоретическом обосновании и эмпирической верификации педагогической эмпатии и жизнестойкости у специалистов, работающих с детьми-сиротами с различными возрастными и стажевыми показателями, а также установлении структурно-динамических взаимосвязей между исследуемыми феноменами.

Задачи исследования: осуществить теоретический анализ исследований жизнестойкости и педагогической эмпатии в исследованиях отечественных и зарубежных авторов; разработать процедуру исследования и установить особенности жизнестойкости и педагогической эмпатии у специалистов в области социального сиротства с различным уровнем возрастных и стажевых показателей.

Организация и методы исследования. В соответствии с целью и задачами исследования проведен теоретический сравнительно-сопоставительный анализ отечественных и зарубежных научных трудов по проблематике эмпатии и жизнестойкости в профессиональной деятельности; психодиагностическое тестирование, направленное на оценку особенностей и уровня развития изучаемых качеств; математико-статистический анализ полученных эмпирических результатов.

Эмпирическое исследование проводилось в период с сентября 2024 г. по май 2025 г. на базе Азовского центра помощи детям. Выборку составили 60 специалистов (педагоги-психологи, социальные педагоги, воспитатели, педагоги дополнительного образования, руководители и их заместители) в возрасте от 20 до 64 лет. Для проведения сравнительного анализа выборка была структурирована на две группы: группа 1 ($n = 45$) — специалисты со стажем педагогической деятельности в сфере социального сиротства более 10 лет (средний возраст — 47 лет); группа 2 ($n = 15$) — специалисты со стажем менее 5 лет (средний возраст — 24 года). Категория испытуемых со стажем от 5 до 10 лет отсутствовала.

Методологическая основа исследования базируется на интеграции ключевых подходов к изучению профессионально значимых личностных ресурсов. Концепция жизнестойкости, фундаментально разработанная С. Мадди и Д. Кошбой (1994), рассматривается в адаптации к отечественному социально-педагогическому контексту (Е. А. Байер, 2023; Т. В. Наливайко, 2006). Феномен эмпатии проанализирован в эволюции научных представлений: от гуманистической психологии (К. Роджерс) до современных отечественных интерпретаций, включая ее педагогическое и социальное измерения (А. Н. Алехин, Е. А. Дубинина, 2018; Т. О. Юдина, 2017; М. А. Пономарева, 2009; В. Н. Ослон, М. А. Одинцова, Г. В. Семья и др., 2022).

Практическая значимость работы заключается в возможности прямого внедрения ее результатов в практику работы учреждений системы социального сиротства. Разработанный и апробированный диагностический комплекс может служить основой для создания модели оценки личностного потенциала как действующих специалистов, так и кандидатов при приеме на работу. Это позволит перейти от оценки исключительно формальных квалификационных требований к прогностическому отбору кадров, обладающих не только профессиональными компетенциями, но и внутренними психологическими ресурсами, необходимыми для сохранения эффективности и психического благополучия в условиях хронического профессионального стресса.

Основная часть

В нашем исследовании мы исходили предположения, что сформированная жизнестойкость обеспечивает специалисту основу эффективного и безопасного использования эмпатии, а именно:

- регуляцию эмоциональной вовлеченности: способность дозировать глубину погружения в травматический опыт ребенка, минимизируя риски вторичной травматизации и «выгорания от сострадания»;
- умение сохранять необходимую психологическую дистанцию и объективность, предотвращая подмену профессионального понимания эмоциональным слиянием с воспитанником;
- возможность актуализировать эмпатийный отклик и поддерживать качество взаимодействия даже в состоянии усталости или фрустрации.

Со своей стороны, развитая педагогическая эмпатия выполняет ресурсообразующую функцию для жизнестойкости специалиста, в том числе:

- *смыслообразование* — наполняет профессиональную деятельность экзистенциальным смыслом через сопричастность к судьбе ребенка, тем самым укрепляя ключевую установку жизнестойкости — вовлеченность;
- *расширение когнитивного контроля* — способствует формированию реалистичного ощущения контроля над сложными ситуациями благодаря глубокому, инсайтовому пониманию внутренней логики и мотивов поведения воспитанника.

Такая взаимосвязанность обеспечивает формирование уникальной профессиональной позиции, направленной не только на эффективное решение актуальных проблем семьи и детства, но и на непрерывный профессионально-личностный рост самого специалиста.

При дальнейшем анализе феномена жизнестойкости необходимо учитывать контекст масштабных политических и экономических трансформаций общества. Эти изменения порождают принципиально новые социальные требования к индивиду, определяющие успешность его интеграции в современные реалии. Современный человек должен быть психологически готов к преодолению экстремальных жизненных ситуаций и к последовательному, ежедневному решению задач на пути к достижению личностно значимых целей.

В этой связи возникает насущная потребность в целенаправленном формировании нравственно-волевого стержня личности. Его составляющими являются такие качества, как настойчивость, смелость, дисциплинированность, ответственность, целеустремленность,

самостоятельность, честность и установка на взаимопомощь. Формирование данного стержня создает основу автономности личности — способности полагаться на собственные силы и аккумулированные ресурсы (прежде всего образование и здоровье), что является фундаментом эффективной самореализации человека как жизнестойкой личности.

Ключевым результатом исследования является концепция сопровождения процесса преодоления трудностей, основанная на проектировании социокультурного жизненного пути субъектов образовательного процесса. Синергия педагогической эмпатии и сформированной жизнестойкости создает методологическую основу адресного сопровождения детей и семей, ориентированного на актуализацию их внутренних ресурсов.

Для оптимизации профессиональной деятельности в условиях муниципальных образований (малый город, сельское поселение) разработана интегративная модель, устанавливающая прямую корреляцию между компонентами педагогической эмпатии и жизнестойкости в контексте решения актуальных проблем семьи и детства. На представленной на рис. 1 схеме системообразующим элементом модели выступает интеграция ключевых компетенций, позволяющая специалисту осуществлять взвешенное, ситуационно-адекватное проектирование педагогических решений на основе личностно-ориентированного подхода.

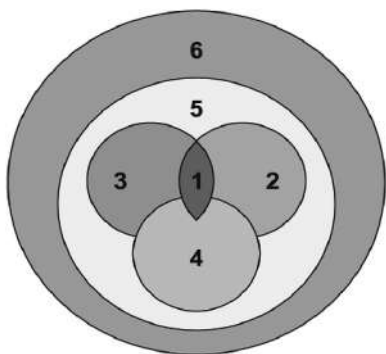

Рис. 1. Взаимосвязь жизнестойкости и педагогической эмпатии специалиста по решению жизненно важных проблем в условиях образовательного пространства муниципалитета

Представленная схема демонстрирует структурную сферу взаимосвязи жизнестойкости и педагогической эмпатии специалиста, направленную на разрешение жизненно важных проблем в образовательном пространстве муниципалитета. В нее интегрированы следующие ключевые элементы:

1. *Ядро взаимосвязи*: диалектическая взаимозависимость педагогической эмпатии и жизнестойкости специалиста.
2. *Компоненты эмпатии*: диагностируемые показатели педагогической эмпатии.
3. *Компоненты жизнестойкости*: диагностируемые показатели жизнестойкости.
4. *Ценностно-мотивационная основа*: нравственно-ценностный комплекс (педагогическая любовь к детям, нравственная целеустремленность, профессиональный патриотизм).
5. *Социальный контекст*: образовательное пространство организации.

6. *Институциональная поддержка*: семья как источник социальных и психологических ресурсов в условиях муниципалитета.

Ресурсный потенциал педагогической эмпатии актуализируется в проблемных ситуациях благодаря комплементарности ее эмоционального и когнитивного компонентов.

Жизнестойкость, понимаемая как «жизнеутвержденность», дополняет эту систему, обеспечивая психологическую устойчивость и надежность специалиста в сфере социального сиротства.

На основе данного теоретического обоснования разработана модель профессиональной готовности педагога. Ее реализация обеспечивается следующими механизмами-принципами:

1. Формирование автономного, критически мыслящего специалиста-универсала.
2. Становление целостного, рационального мировоззрения.
3. Организация реципрокного (взаимообогащающего) обмена ресурсами в системе «специалист — ребенок».
4. Развитие навыков рефлексивного самообучения и саморазвития в парадигме непрерывного образования.
5. Координация деятельности на основе жизнестойкости, включая управление эмоциями, коммуникативный баланс между эмпатией и устойчивостью, а также осознанный контроль над собственными профессиональными переживаниями.
6. Сформированная готовность к принятию этически взвешенных решений в интересах детей-сирот с учетом перспектив их будущего.

Таким образом, жизнестойкость выступает в роли энергетического ресурса и основы устойчивости, а педагогическая эмпатия — в качестве качественного носителя гуманистических образовательных ценностей в системе государственной поддержки детства.

Разработанная модель, структурные компоненты которой представлены на рис. 2, интегрирует эти элементы в единую систему профессиональной готовности.

Представленная модель, по нашему убеждению, устанавливает синергетическую взаимосвязь между эмоционально-чувственной сферой (эмпатией) и волевым ресурсом (жизнестойкостью) в рамках профессиональной деятельности с детьми в трудной жизненной ситуации и их семьями. Она описывает процесс взаимодействия, который основывается на естественной, подлинной коммуникации, взаимном понимании и глубоком восприятии всех участников, что является ключевым условием гармонизации их позиций и выработки единой стратегии сопровождения.

Результаты исследования. Гипотезы исследования основываются на предположениях о наличии возрастных различий в проявлении педагогической эмпатии и жизнестойкости у специалистов в сфере социального сиротства, обусловленных жизненным опытом и педагогическим стажем, и существовании значимых позитивных корреляций между уровнем жизнестойкости показателями педагогической эмпатии, возрастом и педагогическим стажем у специалистов.

Проведенная диагностика особенностей жизнестойкости и педагогической эмпатии специалистов в области социального сиротства показала, что существуют различия в группах специалистов с разным возрастом и стажем педагогической деятельности (см. табл.).

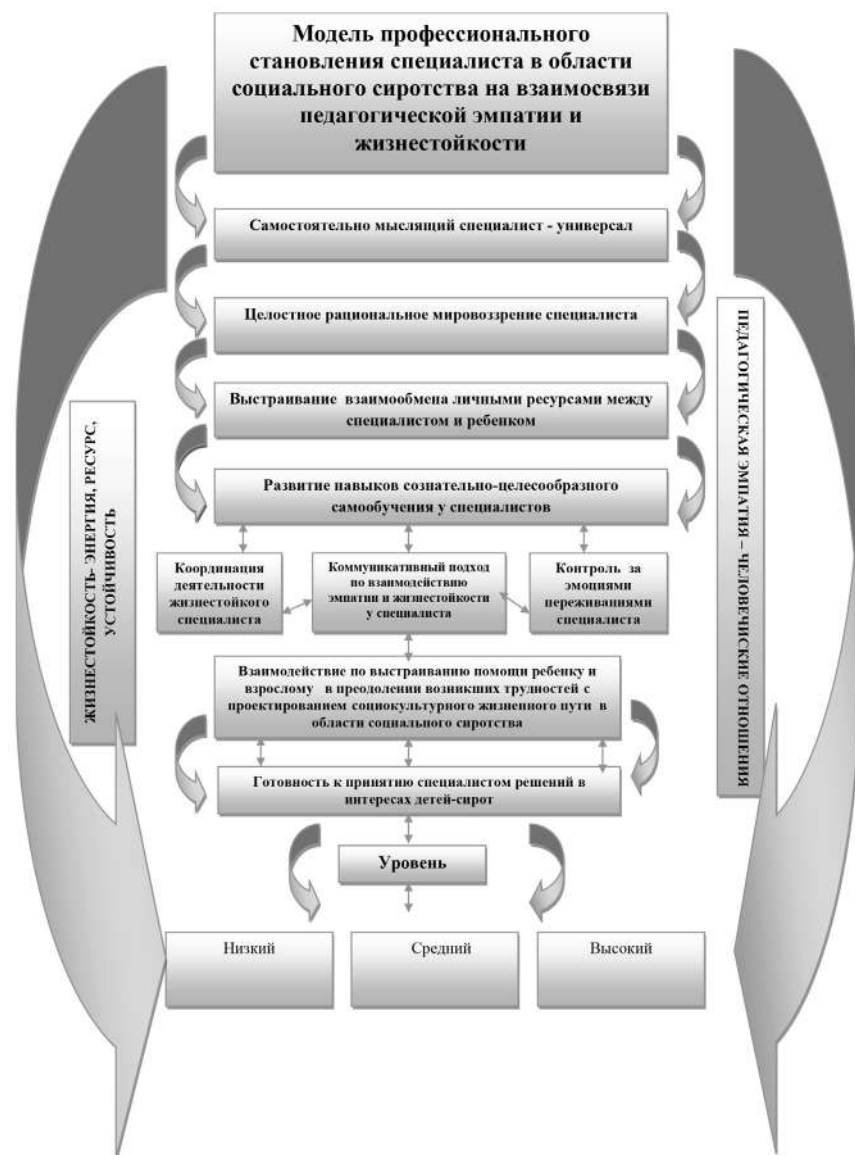

Рис. 2. Модель профессиональной готовности специалиста в области социального сиротства на основе взаимосвязи педагогической эмпатии и жизнестойкости

Статистически значимые различия диагностики педагогической эмпатии и жизнестойкости специалистов разных возрастных групп

Показатель	Группа	Среднее значение	Среднеквадратичное отклонение	Критерий Манна—Уитни	Значимость различий
Вовлеченность	1	26,67	3,46410	153,500**	0,002
	2	24,40	2,26148		
Принятие риска	1	14,47	2,08458	234,000	0,071
	2	15,47	0,99043		
Децентрация	1	29,87	29,8667	136,000**	0,001
	2	25,67	25,6667		
Шкала когнитивной эмпатии	1	57,16	57,1556	162,000**	0,003
	2	50,13	50,1333		
Проксимальная чувствительность	1	11,27	11,2667	243,500	0,094
	2	10,73	10,7333		
Эмоциональный канал	1	2,87	1,47093	238,500	0,083
	2	3,53	1,45733		
Идентификация	1	2,96	1,49173	197,500*	0,015
	2	4,07	1,70992		
Интерес	1	2,62	1,05073	238,000	0,073
	2	3	0,37796		
Понимание	1	2,96	1,14724	237,000	0,069
	2	2,47	0,51640		

Окончание табл.

Показатель	Группа	Среднее значение	Среднеквадратичное отклонение	Критерий Манна—Уитни	Значимость различий
Помощь	1	4,09	0,90006	219,500*	0,027
	2	3,6	0,73679		
Эматийность с животными	1	8,02	2,49079	177,000**	0,006
	2	5,87	1,92230		
Эмпатийность с престарелыми людьми	1	7,56	2,24171	139,500**	0,001
	2	5,2	1,78085		
Эмпатийность с детьми	1	9,98	2,98092	106,500**	0,000
	2	6,27	1,66762		
Шкала развитости эмпатийных тенденций	1	49,93	12,36270	186,000**	0,010
	2	41,20	4,93095		
Личностный дистресс	1	14,22	2,99157	183,000**	0,008
	2	16,73	3,43234		

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; курсивом выделены тенденции к значимости различий.

У специалистов со стажем статистически значимо выше уровень вовлеченности, по сравнению с молодыми специалистами ($p \leq 0,01$). У молодых специалистов незначительно выше уровень контроля и уровень принятия риска, относительно последнего, установлена статистическая тенденция к значимости различий ($p \leq 0,1$). В целом по уровню жизнестойкости значимых различий в группах нет. Все показатели в обеих группах находятся на среднем уровне с тенденцией к высокому.

На рис. 3 представлены результаты диагностики показателей жизнестойкости специалистов.

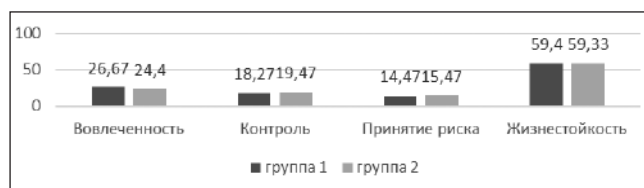

Рис. 3. Уровень жизнестойкости специалистов разных возрастных групп

Можно сказать, что специалисты старшей возрастной группы, обладающие большим опытом работы, более вовлечены в осуществляемую деятельность, по сравнению с молодыми специалистами, что выражается в большей погруженности в деятельность, эмоциональной связи с ней и готовностью прикладывать дополнительные усилия. В целом можно сказать, что представители обеих групп имеют средний уровень жизнестойкости с тенденцией к высокому, что помогает им справляться со стрессами, сопровождающими профессиональную деятельность в непростых условиях системы государственной поддержки детства.

Результаты диагностики уровня когнитивной и аффективной эмпатии специалистов разных возрастных групп указаны на рис. 4 и 5.

Рис. 4. Уровень когнитивной эмпатии специалистов разных возрастных групп

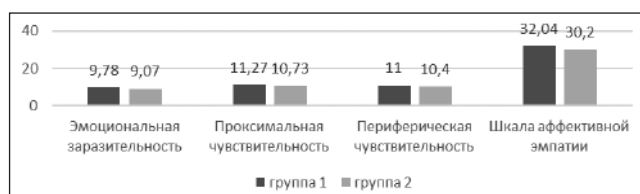

Рис. 5. Уровень аффективной эмпатии специалистов разных возрастных групп

Установлены значимые различия по шкале когнитивной эмпатии ($p \leq 0,01$), в старшей возрастной группе статистически значимо выше показатели децентрации ($p \leq 0,01$) и подстройки ($p \leq 0,05$). Специалисты с большим стажем трудовой деятельности в области социального сиротства склонны понимать, принимать и учитывать точку зрения других людей, их позицию и взгляды, обладают в полной мере способностью поставить себя на место другого человека, представив, что он чувствует, демонстрируют навыки фокусировки на обработке и понимании эмоций. Показатели по шкале когнитивной эмпатии в данной группе специалистов выше среднего значений.

По субшкале аффективной эмпатии статистически значимых различий не установлено. Мы видим средний уровень в обеих группах по шкале «эмоциональной заразительности», независимо от возраста и стажа педагогической деятельности специалисты, принявшие участие в нашем исследовании, демонстрируют способность «заражаться» чувствами и эмоциями других людей и зеркально отражает их. Показатели по субшкалам «проксимальная чувствительность» и «периферическая чувствительность» несколько выше в группе специалистов с более высоким стажем педагогической деятельности, но поскольку данные различия статистически незначимы, можно сказать, что представители обеих групп демонстрируют адекватную эмоциональную реакцию в момент наблюдения за людьми, их настроением и чувствами, причем как в ситуации общения с близкими, так и в ситуации общения с людьми, с которыми нет непосредственной связи.

В целом можно сказать, что в группе специалистов с большим педагогическим стажем уровень когнитивной эмпатии выше, чем уровень аффективной эмпатии, с возрастом уровень когнитивной эмпатии повышается, что, на наш взгляд, обусловлено педагогическим опытом.

Результаты диагностики эмпатических способностей представлены на рис. 6.

Рис. 6. Эмпатические способности специалистов разных возрастных групп

Рациональное в эмпатии в обеих группах снижено, что выражается в недостаточной сопричастности — слабостью внимания к другому, расстройстве восприятия реакций, состояний и свойств другого, фактически можно сказать, что снижена интенсивность аналитической переработки информации о другом, поступающей одновременно по разным сенсорным каналам. Статистически значимых различий по уровню рационального канала в группах не установлено.

Эмоциональный канал эмпатии сформирован в старшей группе педагогов на уровне ниже среднего, в младшей группе педагогов — на среднем уровне. В группе молодых педагогов с небольшим стажем работы, эмпатическая способность сопереживать, соучаствовать, проявлять эмоциональную отзывчивость несколько выше, чем в группе специалистов в области социального сиротства со стажем, но поскольку статистически это отражается только в тенденции к значимости различий, то говорить о статистически значимых различиях мы не можем.

Интуитивный канал эмпатии сформирован в обеих группах на низком уровне, что говорит о сложности видеть поведение партнеров и действовать в условиях дефицита исходной информации о них, опираясь на опыт, хранящийся в подсознании, что приводит к зависимости специалистов от оценочных стереотипов, снижая осмысленное восприятие партнеров. Статистически значимых различий в группах не установлено.

Эмпатийные установки, способствующие или препятствующие эмпатии, в обеих группах сформированы на среднем уровне, показатель статистически не значимо выше в группе молодых специалистов в сфере социального сиротства. Данный показатель свидетельствует о некоторой ограниченности диапазона эмоциональной отзывчивости и эмпатического восприятия специалистов, что может быть связано со стремлением абстрагироваться и спокойно относиться к переживаниям и проблемам окружающих. В случае со специалистами с большим стажем профессиональной деятельности в сфере социального сиротства это может свидетельствовать о профессиональных деформациях.

Проникающая способность эмпатии в обеих группах сформирована на среднем уровне, статистических различий в группах по данному показателю нет. Проникающая способность эмпатии является важным коммуникативным свойством человека, позволяющим создавать атмосферу открытости, доверительности, задушевности. В целом специалистам удается своим поведением и отношением к воспитанникам создавать благоприятную атмосферу в ситуации общения с детьми, способствующую информационно-энергетическому обмену. При этом, опять же возможно в силу профессиональных деформаций, обусловленных опытом, могут возникать в ситуациях взаимодействия напряженность, неестественность, подозрительность, которые будут препятствовать раскрытию и эмпатическому постижению партнера.

Идентификация выше в группе молодых специалистов ($p \leq 0,05$), что предположительно может быть связано с большей легкостью, подвижностью и гибкостью эмоций у молодых, в противовес более высокой эмоциональной стабильности зрелых людей. Также повышенный уровень идентификации может быть обусловлен способностью к подражанию, которое является составной частью продолжающегося профессионального обучения в начале освоения профессиональной деятельности.

В целом в выборке педагогов преобладает заниженный уровень эмпатии. Статистически значимые различия установлены по показателю «идентификация», тенденция к значимости различий наблюдается по показателю «эмоциональный канал эмпатии», по остальным показателям различия статистически незначимы. С возрастом и накоплением профессионального стажа снижается уровень эмоциональной эмпатии, что может быть обусловлено профессиональными деформациями либо профессиональным выгоранием.

Результаты диагностики индекса чувствительности к человеку представлены на рис. 7 и 8. Чувствительностью к человеку выражается в таких понятиях, как чуткость, внимательность к людям, доброжелательность и отзывчивость. Структура чувствительности к человеку состоит из таких компонентов, как интерес к человеку, эмпатия, понимание и помощь.

Рис. 7. Показатели чувствительности к человеку у специалистов разных возрастных групп

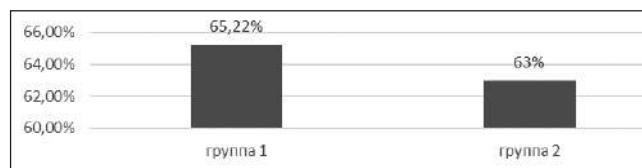

Рис. 8. Индекс чувствительности к человеку у специалистов разных возрастных групп

Проанализируем уровень сформированности чувствительности к человеку у специалистов в области социального сиротства. Показатель интереса к человеку в группах соответствует среднему значению, что свидетельствует о сформированной эмоционально окрашенной потребности в познании «другого». Статистически мы не можем говорить о значимости различий, а лишь о тенденции к значимости

различий в группах, в группе специалистов старшего возраста данный показатель несколько снижен ($p \leq 0,1$). Причиной снижения интереса к человеку у специалистов может быть проявление состояния апатии к внешнему миру, привыкание к фактам несправедливости, беззакония, насилия, следствие психологической защиты.

Эмпатия в обеих группах выражена на среднем уровне, значимых различий в группах нет. Специалисты проявляют способность входить в «резонанс» с другим человеком, эмоционально сочувствовать и сопереживать ему.

Показатели понимания на среднем уровне в группах специалистов. Значимых различий в группах не установлено, но фиксируется тенденция к значимости различий, результат несколько выше в группе специалистов с большим стажем педагогической деятельности. Понимание является операцией мышления, отвечающей за включение нового знания в прошлый опыт человека, в его сложившуюся систему представлений о мире. По сути это важный показатель, обуславливающий эффективность профессиональной деятельности специалистов в области социального сиротства, поскольку предполагает способность не только отображать эмоциональные и поведенческие особенности другого человека, но и видеть причины, лежащие в основе тех или иных личностных и поведенческих характеристик детей и взрослых, попавших в трудную жизненную ситуацию.

Показатель помощи на высоком уровне сформирован у специалистов старшей возрастной группы и на среднем уровне у молодых специалистов. Данные различия статистически значимы ($p \leq 0,05$). Проявления помогающего поведения обусловлены либо мотивами морального долга, либо мотивами морального сочувствия (Хекхаузен, 2003). Более распространенным видом помощи является забота о другом человеке, под которой понимается активность, направленная на содействие чьему-либо благо (Е. П. Ильин, 2013).

В большей степени в выборке специалистов проявляется такой компонент чувствительности к человеку, как способность оказывать помощь. На втором месте стоит эмпатия. Третью позицию занимают интерес к людям и понимание других. Проявить сочувствие и или оказать ему посильную помощь легче, чем понять его внутренний мир, мотивы поведения и поступков, намерения и планы.

Феномен чувствительности к человеку представляет собой способность выделять других людей в качестве значимых субъектов взаимодействия, делать их объектом своего внимания, не испытывая при этом к ним антипатий или безразличия.

В целом индекс чувствительности находится на достаточно высоком уровне в обеих группах. Для специалистов с высоким уровнем чувствительности окружающие люди становятся значимыми. Они стараются подмечать особенности их поведения и эмоциональных состояний, пытаются понять мотивы и причины поведения, стремятся выстраивать отношения на принципах сотрудничества. Высокая чувствительность к человеку проявляется также в том, что специалист в области сиротства не просто реагирует на состояние другого человека, а готов оказывать помощь и тогда, когда о ней просят и инициативно, подчиняясь своим внутренним побуждениям. Полученные процентные результаты свидетельствуют о возможности развития чувствительности к человеку в обеих группах.

Результаты диагностики эмпатийных тенденций представлена на рис. 9. По шкалам «эмпатийность с родителями», «эмпатийность с героями произведений» и «эмпатийность в межличностных отношениях» значимых различий в группах не установлено. По данным показателям характерен в среднем нормальный уровень эмпатийности.

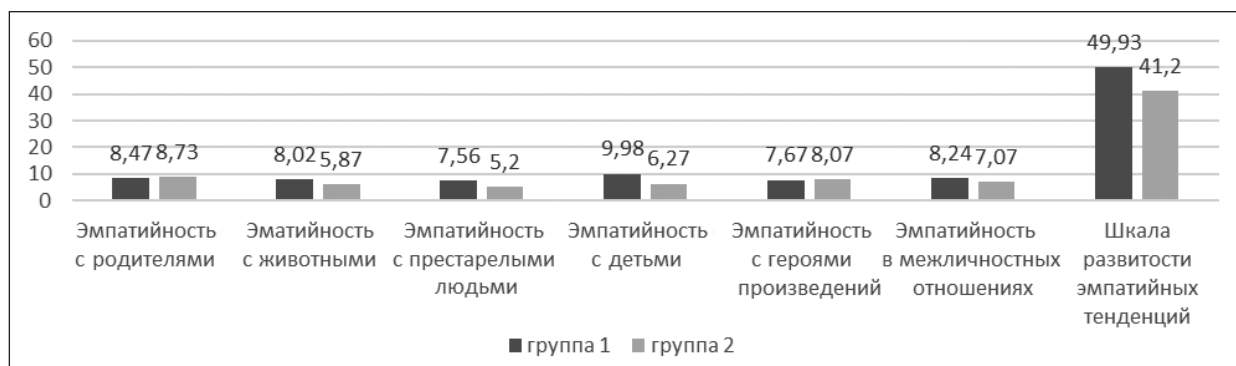

Рис. 9. Эмпатийные тенденции специалистов разных возрастных групп

Статистически значимые различия установлены по шкалам «эмпатийность с животными» ($p \leq 0,01$), «эмпатийность с престарелыми людьми» ($p \leq 0,01$), «эмпатийность с детьми» ($p \leq 0,01$) — данные показатели значительно выше в группе специалистов старшей возрастной группы. В группе молодых специалистов значительно снижена эмпатийность к престарелым людям и с животным.

Шкала развитости эмпатийных тенденций значительно выше в группе специалистов старшей возрастной группы ($p \leq 0,01$). В целом развитость эмпатических тенденций в обеих группах в пределах нормы. Для специалистов в области социального сиротства, участвовавших в нашем исследовании, не свойственна ни «толстокожесть», ни особая чувствительность, в межличностных отноше-

ниях они более склонны делать выводы о других людях по их поступкам, не доверяя исключительно своим личным впечатлениям, эмоциональные проявления в большинстве своем находятся под самоконтролем, что обусловлено спецификой работы и профессиональным опытом. В общении они проявляют внимательность к собеседникам, стараясь понять большее, чем сказано словами, но при излишнем излиянии чувств собеседника склонны терять терпение. Молодые специалисты затрудняются прогнозировать развитие отношений между людьми, что может являться следствием недостаточного опыта.

Результаты диагностики межличностного индекса реактивности специалистов разных возрастных групп представлены на рис. 10.

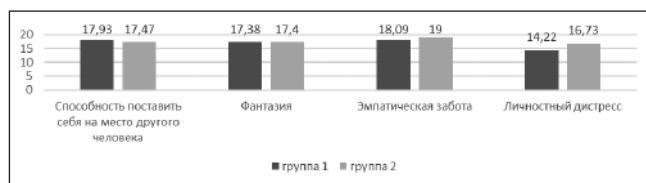

Рис. 10. Межличностный индекс реактивности специалистов разных возрастных групп

По всем шкалам методики в группах установлены средние значения, для специалистов обеих групп характерны тенденции: восприятия, понимания, учета, принятия в расчет точки зрения и опыта другого человека; воображаемому перенесению себя в чувства и действия других в воображаемых ситуациях; проявления симпатии, сочувствия к несчастьям других, жалости и желания помочь; появления тревоги и дискомфорта, возникающих в напряженном межличностном взаимодействии, при наблюдении переживаний других людей.

Статистически значимые различия установлены по шкале «личностный дистресс» ($p \leq 0,01$), в группе специалистов в области социального сиротства со стажем показатели этой шкалы значительно ниже, чем в группе молодых специалистов. Специалисты с большим профессиональным стажем меньше склонны к переживанию неприятных эмоциональных реакций, ориентированных на самого субъекта в ситуациях восприятия чужого эмоционального состояния, что на наш взгляд обусловлено накопленным опытом профессиональной деятельности и навыками дифференциации чувств, необходимыми в изучаемой сфере человеческого взаимодействия.

Далее для установления взаимосвязей между возрастом, педагогическим стажем в сфере социального сиротства, жизнестойкостью и педагогической эмпатией был проведен корреляционный анализ, который показал наличие ряда взаимосвязей возраста и педагогического стажа специалистов с жизнестойкостью и педагогической эмпатией, построены корреляционные плеяды (см. рис. 11).

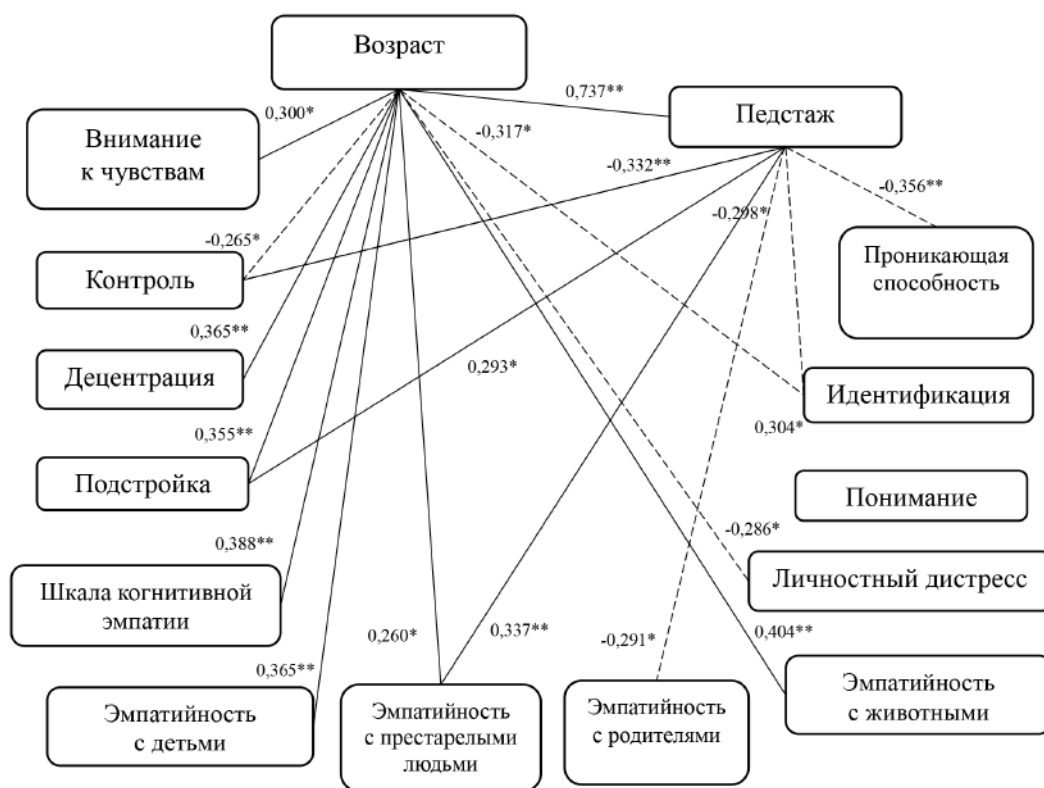

Рис. 11. Корреляционные плеяды возраста, стажа, жизнестойкости и эмпатических качеств

Возраст специалистов в области социального сиротства положительно коррелирует: с педагогическим стажем ($r = 0,737, p \leq 0,01$); вниманием к чувствам других ($r = 0,300, p \leq 0,05$); децентрацией ($r = 0,356, p \leq 0,01$), подстройкой ($r = 0,355, p \leq 0,01$), шкалой когнитивной эмпатии ($r = 0,388, p \leq 0,01$); эмпатийностью с животными ($r = 0,260, p \leq 0,05$), эмпатийностью с престарелыми людьми ($r = 0,404, p \leq 0,01$), эмпатийностью с детьми ($r = 0,365, p \leq 0,01$); пониманием ($r = 0,304, p \leq 0,05$). Возраст специалистов в области социального сиротства отрицательно коррелирует с показателем контроля ($r = -0,256, p \leq 0,05$), идентификацией ($r = -0,317, p \leq 0,01$) и личностным дистрессом ($r = -0,286, p \leq 0,05$). Педагогический стаж положительно коррелирует с возрастом ($r = 0,737, p \leq 0,01$), подстройкой ($r = 0,293, p \leq 0,05$), эмпатийностью с престарелыми людьми

($r = 0,337, p \leq 0,01$) и отрицательно коррелирует с контролем ($r = -0,332, p \leq 0,01$), проникающей способностью ($r = -0,356, p \leq 0,01$), идентификацией ($r = -0,298, p \leq 0,05$) и эмпатийностью с родителями ($r = -0,291, p \leq 0,05$).

С возрастом возрастает внимание к собственным чувствам и идентификация, т. е. растет стремление к рефлексии, развивается умение дифференцировать, принимать и свободно выражать свои чувства, а также умение понять другого на основе сопереживаний, постановки себя на место партнера. Чем выше возраст, тем выше показатель децентрации и подстройки, выражающиеся в способности индивида понимать, принимать и учитывать точку зрения других людей, их позицию и взгляды, понимать эмоции других. С возрастом растет уровень эмпатийности с престарелыми людьми, детьми и животными. Накопленный

педагогический опыт в сфере социального сиротства связан с развитой способностью невербальной и вербальной подстройки или бессознательной установки «настройки на одну волну» с другим человеком в ситуации взаимодействия.

Отрицательные корреляционные связи показывают, что чем выше возраст и педагогический стаж специалистов системы государственной поддержки детства, тем ниже показатели контроля и идентификации. С возрастом и наработкой стажа снижается убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, возможно, чем моложе специалист, тем выше у него уровень контроля из-за большей готовности к получению нового опыта. С возрастом у специалистов снижается уровень личностного эмпатического дистресса, что способствует предотвращению трансформации разделенных чувств другого в эмоциональное заражение, и позволяет использовать «энергию» разделенных переживаний для организации продуктивного взаимодействия с ребенком или взрослым, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Неоднозначны обратные взаимосвязи педагогического стажа с проникающей способностью и эмпатийностью с родителями. Проникающая способность в эмпатии рассматривается как важное коммуникативное свойство человека, позволяющее создавать атмосферу открытости, доверительности и задушевности. Участники межличностного взаимодействия своим поведением и отношением к партнерам способствуют/препятствуют информационно-энергетическому обмену. Расслабление партнера содействует эмпатии, а атмосфера напряженности, неестественности, подозрительности препятствует раскрытию и эмпатическому постижению. Чем дольше специалист работает в системе социального сиротства, тем ниже уровень проникающей способности и ниже уровень эмпатийности с родителями, возможно это обусловлено чрезмерными нагрузками, способствующими деперсонализации других людей, усталости от сочувствия, когда ежедневная работа связана с интенсивной переработкой/сдерживанием эмоций, а также вторичной травматизацией в ситуации регулярного столкновения с сильными негативными эмоциями детей и взрослых, человеческой болью и страданиями.

Заключение

Мы рассмотрели возрастные и стажевые особенности проявления жизнестойкости и педагогической эмпатии у специалистов в области социального сиротства. Установлена некоторая особенность, основной контингент специали-

стов, длительное время работающих в данной области — это работники старше 35 лет. Четвертую часть составляют специалисты в возрасте от 20 до 25 лет. Наблюдается дефицит специалистов промежуточной возрастной группы в возрасте от 25 до 35 лет, что является следствием низкого уровня заработной платы, сложных условий трудовой деятельности, сопряженной с высоким уровнем стресса и вторичной травматизации.

Неоднозначность и противоречивость полученных результатов показала, что явления жизнестойкости и педагогической эмпатии занимают важное место в исследовании профессиональных качеств специалистов системы государственной поддержки детства.

Следует отметить, что результаты нашего исследования ограничены размерами и спецификой выборки, а также валидностью используемых диагностических средств. Однако, не смотря на данные ограничения, можно сделать предварительные выводы и сформулировать направления дальнейших исследований.

При дальнейшем анализе феномена жизнестойкости необходимо учитывать контекст масштабных политических и экономических трансформаций общества. Эти изменения порождают принципиально новые социальные требования к индивиду, определяющие успешность его интеграции в современные реалии. Специалист в области социального сиротства должен быть психологически готов к преодолению экстремальных жизненных ситуаций и к последовательному, ежедневному решению задач на пути к достижению личностно значимых целей.

В этой связи возникает насущная потребность в целенаправленном формировании нравственно-волевого стержня личности. Его составляющими являются такие качества, как настойчивость, смелость, дисциплинированность, ответственность, целеустремленность, самостоятельность, честность и установка на взаимопомощь.

Формирование данного стержня создает основу автономности личности — способности полагаться на собственные силы и аккумулированные ресурсы (прежде всего образование и здоровье), что является фундаментом эффективной самореализации человека как жизнестойкой личности.

Рекомендовано в учреждениях системы государственной поддержки детства уделять внимание созданию условий для развития жизнестойкости и формирования педагогической эмпатии специалистов в области социального сиротства, поскольку это будет способствовать повышению их психологической ресурсности и педагогической эффективности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постигание педагогической реальности прошлого и настоящего в первой четверти XXI века : моногр. / под ред. Г. Б. Корнетова. М. : АСОУ, 2023. 190 с.
2. Полякова М. А. Историко-педагогический компонент в системе подготовки современного педагога // Инновационные проекты и программы в образовании. 2020. № 3. С. 47—52.
3. Кузьмина В. П. Теоретический аспект исследования эмпатии как актуальная проблема современной психологии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2007. № 17. С. 107—112.
4. Пономарева Е. Ю. Психолого-педагогические аспекты развития способности к эмпатии у будущих педагогов в контексте их профессионального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2019. Вып. 62. Ч. 1. С. 387—389.
5. Иган Дж. Базисная эмпатия как коммуникативный навык / пер. О. Исаковой, М. Глушенко // Журнал практической психологии и психоанализа. 2000. № 1. С. 14—18.
6. Ваганова О. И., Быстрова Н. В. Формирование педагогической эмпатии у бакалавров профессионального обучения // Концепт. 2015. № 6. С. 21—25.
7. Александрова Н. С., Баженова Ю. А. Эмпирическое исследование эмпатийных качеств младших школьников в условиях инклюзивного образования // Концепт. 2021. № 12. С. 104—120. DOI: 10.24412/2304-120X-2021-11084.
8. Морозова А. В. Формирование эмпатии будущих педагогов посредством филологического образования // Международный журнал экспериментального образования. 2020. № 11. С. 121—122.
9. Бодалев А. А. Психология о личности и общении : избр. тр. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2025. 687 с.

10. Психологические ресурсы работников организаций для детей-сирот с разным уровнем эмоционального интеллекта / В. Н. Ослон, М. А. Одинцова, Г. В. Семья и др. // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 6. С. 155—169. DOI: 10.17759/pse.2022270612.
11. Карягина Т. Д., Рощина С. Ю. Эмпатия и выгорание у представителей помогающих профессий // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 2. С. 30—42. DOI: 10.17759/jmfp.2023120203.
12. Березкина О. А. Актуализация и развитие жизнестойких качеств личности будущих специалистов : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 23 с.
13. Ярошук И. В. Психология жизнестойкости: обзор теоретических концепций, эмпирических исследований и методик диагностики // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2020. Т. 33. № 1. С. 50—60.
14. Быдтаева Э. Л., Джелиева З. Т., Зураева А. М. Жизнестойкость как базовый ресурс личности в изменяющихся современных реалиях жизни // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 2. DOI: 10.15862/73PSMN225.
15. Schaufeli W. B. What is engagement? // *Employee Engagement in Theory and Practice* / ed. by C. Truss, K. Alfes, R. Delbridge et al. London : Routledge, 2013. Pp. 15—35.
16. Михалкина С. А., Анисимова К. С. Исследование взаимосвязи эмпатии и жизнестойкости студентов педагогического вуза // Проблемы современного образования. 2022. Вып. 75. Ч. 2. С. 382—385.
17. Кашапов М. М., Смирнов А. А., Соловьева Е. В., Серафимович И. В. Эмпатия как ресурс жизнестойкости студентов при адаптации к вузу // Сибирский психологический журнал. 2022. № 86. С. 119—138. DOI: 10.17223/17267080/86/7.
18. Наливайко Т. В. Исследование жизнестойкости и ее связей со свойствами личности : дис. ... канд. психол. наук. Челябинск, 2006. 175 с.

REFERENCES

1. Comprehension of the pedagogical reality of the past and present in the first quarter of the 21st century. Monograph. G. B. Kornetov (ed.). Moscow, Academy of Social Management publ., 2023 190 p. (In Russ.)
2. Polyakova M. A. Education history as part of modern teacher training. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii = Innovative projects and programs in education*. 2020;3:47—52. (In Russ.)
3. Kuzmina V. P. Theoretical investigation aspect of empathy as an actual problem of modern psychology. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 2007;17:107—112. (In Russ.)
4. Ponomareva E. Yu. Psycho-pedagogical aspects of development of empathic ability in the future teachers in the context of their vocational education in high school. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2019;62(1):387—389. (In Russ.)
5. Eagan J. Basic empathy as a communicative skill. O. Isakova & M. Glushchenko (transl.). *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza*. 2000;1:14—18. (In Russ.)
6. Vaganova O., Bystrova N. Formation of pedagogical empathy of bachelors of professional education. *Kontsept = Concept*. 2015;6:21—25. (In Russ.)
7. Aleksandrova N. S., Bazhenova Yu. A. Empirical study of empathic qualities of primaryschool students in the context of inclusive education. *Kontsept = Concept*. 2021;12:104—120. (In Russ.) DOI: 10.24412/2304-120X-2021-11084.
8. Morozova A. V. The formation of empathy for future teachers through philological education. *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya = International journal of experimental education*. 2020;11:121—122. (In Russ.)
9. Bodalev A. A. Psychology of personality and communication. Selected works. Moscow, Moscow University publ., 2025. 687 p. (In Russ.)
10. Oslon V. N., Odintsova M. A., Semya G. V. et al. Psychological Resources of Employees of Organizations for Orphans with Different Levels of Emotional Intelligence. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2022;27(6):155—169. DOI: 10.17759/pse.2022270612.
11. Karyagina T. D., Roshchina S. Y. Empathy and Burnout in Helping Professionals. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*. 2023;12(2):30—42. (In Russ.). DOI: 10.17759/jmfp.2023120203.
12. Berezkina O. A. Actualization and development of resilient personality traits of future specialists. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Komsomolsk-on-Amur, 2006. 23 p. (In Russ.)
13. Yaroshchuk I. The psychology of hardiness: a review of theoretical concepts, empirical research and diagnostic techniques. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty*. 2020;33(1):50—60. (In Russ.)
14. Bydtaeva E. L., Dzhelieva Z. T., Zuraeva A. M. Resilience as a basic resource of personality in the changing modern realities of life. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(2). (In Russ.) DOI: 10.15862/73PSMN225.
15. Schaufeli W. B. What is engagement?. *Employee Engagement in Theory and Practice*. C. Truss, K. Alfes, R. Delbridge et al. (eds.). London, Routledge, 2013. Pp. 15—35.
16. Mikhalkina S. A., Anisimova K. S. The study of the relationship between empathy and resilience in students of a pedagogical university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2022;75(2):382—385. (In Russ.)
17. Kashapov M. M., Smirnov A. A., Solovyeva E. V., Serafimovich I. V. Empathy as a Resource of Students' Hardiness during University Adaptation. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian journal of psychology*. 2022;86:119—138. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/86/7.
18. Nalivaiko T. V. Research on resilience and its connections with personality traits. Diss. of the Cand. of Psychology. Chelyabinsk, 2006. 175 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.01.2026; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 09.01.2026; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья**УДК 372****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1526****Maria Evgenievna Gavrikova**postgraduate of the Department of Theory, Methods,
and Management of Preschool Education,
field of training

44.06.01 — Education and pedagogical sciences,

South Ural State

Humanitarian Pedagogical University

Chelyabinsk, Russian Federation

gavrikova_me@vk.com

Oksana Gennadievna Filippova

Doctor of Pedagogy,

Professor of the Department of Theory, Methods,
and Management of Preschool Education,

South Ural State

Humanitarian Pedagogical University

Chelyabinsk, Russian Federation

mishanovaog@cspu.ru

Marina Sergeevna Golub

Candidate of Pedagogy,

Head of the Department of Pedagogy
and Psychology of Childhood,

Kuban State University

Krasnodar, Russian Federation

marina_golub@list.ru

Мария Евгеньевна Гавриковааспирант кафедры теории, методики
и менеджмента дошкольного образования,
направление подготовки

44.06.01 — Образование и педагогические науки,

Южно-Уральский государственный

гуманитарно-педагогический университет

Челябинск, Российская Федерация

gavrikova_me@vk.com

Оксана Геннадьевна Филиппова

д-р пед. наук,

профессор кафедры теории, методики
и менеджмента дошкольного образования,

Южно-Уральский государственный

гуманитарно-педагогический университет

Челябинск, Российская Федерация

mishanovaog@cspu.ru

Марина Сергеевна Голубь

канд. пед. наук,

заведующий кафедрой педагогики
и психологии детства,

Кубанский государственный университет

Краснодар, Российская Федерация

marina_golub@list.ru

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования социальной ответственности у детей старшего дошкольного возраста в процессе трудовой деятельности. Исследователи обосновывают необходимость опоры на три взаимодополняющих методологических подхода: антропологический, ценностно-деятельностный и партисипативный. Антропологический подход ориентирован на признание ребенка целостной уникальной личностью и реализуется через принципы элективности, витагенности и культуросообразности. Ценностно-деятельностный подход акцентирует внимание на наполнении труда личностным смыслом, способствуя развитию осознанности, инициативности и субъективности. Партисипативный подход обеспечивает включение ребенка в совместную социально значимую практику на основе диалога, сотрудничества и равноправного участия в принятии решений, что выражается в принципах коммуникативного партнерства, синергетичности и фасилитации. В совокупности данные подходы образуют целостную педагогическую систему, направленную на развитие у дошкольников чувства причастности к коллективу, ответственности за общий результат и уважительного отношения к труду. Статья подчеркивает соответствие предложенной модели требованиям Федерального

государственного образовательного стандарта дошкольного образования и современным трендам гуманистического, инклюзивного и демократического воспитания. Представленные теоретические положения иллюстрируются конкретными педагогическими приемами, такими как рефлексивные беседы, «доска благодарностей», совместное составление правил дежурства, организация «Совета трудовых дел» и ведение индивидуальных «карт труда». Эти методы позволяют ребенку осознавать личный вклад в общее дело, развивать навыки сотрудничества, взаимопомощи, эмпатии, заботы о ближнем и уважения к труду других. Такой подход делает исследование не только научно обоснованным, но и практически значимым для педагогов и родителей, стремящихся воспитать социально ответственную, инициативную, заботливую, нравственно зрелую, активную, отзывчивую и доброжелательную личность уже в дошкольном возрасте.

Ключевые слова: социальная ответственность, трудовая деятельность, антропологический подход, ценностно-деятельностный подход, партисипативный подход, принцип элективности, принцип витагенности, принцип культуросообразности, принцип субъективности, принцип синергетичности, принцип фасилитации

Для цитирования: Гаврикова М. Е., Филиппова О. Г., Голубь М. С. Формирование социальной ответственности у детей старшего дошкольного возраста в трудовой деятельности: методологические подходы и педагогические принципы // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 289—295. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1526.

© Гаврикова М. Е., Филиппова О. Г., Голубь М. С., 2026

© Gavrikova M. E., Filippova O. G., Golub M. S., 2026

Original article

FORMATION OF SOCIAL RESPONSIBILITY IN OLDER PRESCHOOLERS THROUGH WORK: METHODOLOGICAL APPROACHES AND PEDAGOGICAL PRINCIPLES

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. *The article discusses the problem of developing social responsibility in older preschool children through work. The researchers argue that it is necessary to rely on three complementary methodological approaches: anthropological, value-activity, and participatory. The anthropological approach focuses on recognizing the child as a whole, unique individual and is implemented through the principles of electivity, vitality, and cultural appropriateness. The value-based activity approach focuses on infusing work with personal meaning, promoting the development of awareness, initiative, and subjectivity. The participatory approach ensures that children are involved in collaborative social practices through dialogue, cooperation, and equal participation in decision-making, which is reflected in the principles of communicative partnership, synergy, and facilitation. Together, these approaches form a comprehensive pedagogical system aimed at fostering a sense of community, responsibility for collective outcomes, and a respectful attitude towards work in preschoolers. The article emphasizes the compliance of the proposed model with the requirements*

of the Federal State Educational Standard for Preschool Education and modern trends in humanistic, inclusive, and democratic education. The presented theoretical concepts are illustrated by specific pedagogical techniques, such as reflective conversations, a “thank you board,” joint creation of rules for duty, organization of a “Council of Labor Affairs,” and individual “labor cards.” These methods allow children to understand their personal contribution to the common cause, develop skills of cooperation, mutual assistance, empathy, care for others, and respect for the work of others. This approach makes the study not only scientifically grounded, but also practically significant for educators and parents who seek to raise socially responsible, proactive, caring, morally mature, active, responsive, and benevolent individuals in preschool age.

Keywords: *social responsibility, work, anthropological approach, value-activity approach, participatory approach, principle of electivity, principle of vitality, principle of cultural appropriateness, principle of subjectivity, principle of synergy, principle of facilitation*

For citation: Gavrikova M. E., Filippova O. G., Golub M. S. Formation of social responsibility in older preschoolers through work: methodological approaches and pedagogical principles. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):289—295. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1526.

Введение

Актуальность. В современных условиях дошкольное образование всё более ориентируется не только на формирование когнитивных умений, но и на развитие личностных качеств ребенка, среди которых особое значение приобретает социальная ответственность — способность осознавать последствия своих действий для других людей и общества в целом, а также готовность нести за них ответственность. Данная тенденция прямо поддерживается нормативно-правовой базой российского образования: Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (утв. Приказом Минобрнауки России от 17 октября 2013 г. № 1155; далее — ФГОС ДО) акцентирует внимание на формировании у детей «гуманистических качеств личности», «уважительного отношения к труду» и «готовности к совместной деятельности». В свою очередь, Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закрепляет воспитание как неотъемлемую часть образовательной деятельности, направленную на «формирование у обучающихся гражданской идентичности, патриотизма, нравственных установок и социально ответственного поведения». Актуальность этой задачи дополнительно усиливается в рамках Национального проекта «Образование» (утв. Приказом Минпросвещения России от 20 мая 2021 г. № 262), где одним из приоритетов определено «воспитание подрастающего поколения на основе духовно-нравственных и патриотических ценностей». В этих условиях трудовая деятельность выступает не просто как средство овладения практическими навыками, но как ключевой педагогический ресурс формирования у детей дошкольного возраста чувства причаст-

ности к коллективу, заботы о других и ответственности за общий результат.

Особенно значим этот аспект в старшем дошкольном возрасте, когда завершается этап дошкольного детства и закладываются основы гражданской идентичности, морального сознания и социальной компетентности [1]. Однако педагогическая эффективность трудовой деятельности как средства формирования социальной ответственности во многом зависит от выбранных методологических подходов и реализуемых на их основе принципов взаимодействия взрослого и ребенка [2].

Исходя из обозначенных нормативных ориентиров и педагогической целесообразности были выделены три взаимодополняющих методологических подхода, наиболее полно отвечающих задаче формирования социальной ответственности у детей старшего дошкольного возраста средствами трудовой деятельности. Выбор антропологического, ценностно-деятельностного и партисипативного подходов обусловлен их способностью широко охватить процесс становления ответственности: от признания ребенка как уникальной личности — к наполнению его трудовых действий личностным смыслом — и далее к включению в совместную социально значимую практику. Эти подходы не только теоретически согласованы между собой, но и позволяют выстроить последовательную, этичную и эффективную педагогическую стратегию, соответствующую как современным научным представлениям о развитии детей дошкольного возраста, так и требованиям государственной образовательной политики.

Цель исследования — разработать и апробировать методику и педагогические условия эффективного формирования основ социальной ответственности у детей старшего дошкольного возраста в трудовой деятельности.

Задачи исследования включают в себя: анализ философской, психолого-педагогической и методической литературы для выявления историографии проблемы и уточнения ключевых понятий; обоснование концептуальных и методологических основ формирования социальной ответственности у детей старшего дошкольного возраста средствами трудовой деятельности; разработка структуры, содержания и педагогических условий эффективности соответствующей методики; создание авторской парциальной образовательной программы; ее апробация в условиях дошкольных образовательных организаций (далее — ДОО); а также экспериментальная проверка эффективности разработанного программно-методического обеспечения.

Целесообразность разработки темы обусловлена современными запросами общества и государства на воспитание социально активной, нравственной и ответственной личности. Требования ФГОС ДО, Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» и Национального проекта «Образование» прямо указывают на необходимость развития у детей гуманистических качеств, уважения к труду и готовности к совместной деятельности. Трудовая деятельность, будучи естественной и значимой для дошкольника, представляет собой наиболее продуктивное поле для решения этих задач, что и определяет актуальность данного исследования.

Новизна исследования состоит в разработке и внедрении программно-методического обеспечения формирования основ социальной ответственности у детей старшего дошкольного возраста в трудовой деятельности.

Теоретическая значимость исследования состоит в комплексном обосновании подходов и принципов (ценностно-личностный, партисипативный, проблемно-коммуникативный), обеспечивающих целостное понимание процесса формирования социальной ответственности как возрастно обусловленного и социально детерминированного феномена, развивающегося в контексте организованной трудовой деятельности.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при составлении авторских программ, разработке методических пособий и дидактических материалов, при создании спецкурсов, а также при повышении квалификации работников образовательной сферы, в практике работы педагогов ДОО, процессе профессиональной подготовки студентов в организациях высшего образования и системе повышения квалификации.

Изученность проблемы. Проблематика формирования социальной ответственности в дошкольном возрасте является предметом исследования многих отечественных и зарубежных ученых. В контексте антропологического подхода значительный вклад внесли труды Б. Т. Лихачева, К. Д. Ушинского и С. Л. Рубинштейна, раскрытые в трудах Т. Н. Любан [3] и заложившие основы понимания ребенка как целостной личности. Ценностные аспекты трудового воспитания глубоко раскрыты в работах В. А. Сухомлинского и Ш. А. Амонашвили [4], которые подчеркивали важность личностного смысла и инициативы в детской деятельности.

Теоретико-методологические основы становления ответственного поведения у дошкольников рассматриваются в исследованиях М. В. Крулехт и Н. Б. Антоновой [5].

Вопросы включения детей в совместную социально значимую практику через партисипативные технологии освещены в трудах Е.Ю. Никитиной [6] и О.Г. Филипповой [7].

Современные исследования продолжают разработку данной проблематики в новых ракурсах. Так, аспекты социального развития и становления субъектности дошкольника в деятельности изучаются в работах Т. И. Бабаевой, А. Г. Гогоберидзе, Л. С. Римашевской [8]. Вопросы формирования предпосылок гражданской идентичности и социальной компетентности, близких к понятию ответственности, отражены в исследованиях Н.А. Гавриловой [9], Е. А. Сорокоумовой и Н. Ю. Молоствовой [10] и др. Возможности проектной и волонтерской деятельности как инструментов социализации раскрываются в публикациях Н. В. Леонидовой и М. С. Шатовой [11].

В зарубежной педагогике и психологии, в работах Л. Кольберга, М. Хоффман, Р. Х. Шэффера, которые представил С. В. Молчанов [12], а также в современных исследованиях в рамках теории социального научения и позитивного воспитания, подчеркивается важность эмпатии, моральных суждений и просоциального поведения, формирующихся в раннем детстве в процессе взаимодействия со взрослыми и сверстниками. Однако в этих исследованиях трудовая деятельность редко выступает как целенаправленно организованное системное средство развития данных качеств в условиях ДОО.

Однако, несмотря на существенный научный задел, в современной науке и практике остаются недостаточно разработанными конкретные педагогические модели, интегрирующие потенциал антропологического (фокусирующегося на целостности личности), ценностно-деятельностного (подчеркивающего смысл труда) и партисипативного (обеспечивающего включенность в социальную практику) подходов в единую методическую систему. Данная система должна быть целенаправленно нацелена именно на формирование социальной ответственности (а не отдельных ее аспектов) и реализована через специально организованную трудовую деятельность детей старшего дошкольного возраста. Существующий дефицит определяет актуальность и новизну настоящего исследования.

Основная часть

Методология исследования. Идеи антропологического подхода, восходящие к работам И. Канта, И. Г. Песталотци, К. Д. Ушинского, С. Л. Рубинштейна, Б. Т. Лихачева [13] и др., предполагают глубокий анализ внутренних закономерностей и природных особенностей развития человека, начиная с раннего возраста. В рамках этого подхода педагогика ориентируется на ребенка как субъекта во всех его проявлениях — познавательных, эмоциональных, волевых и социальных. Такой взгляд предполагает целостное понимание человека, его развития и места в мире, что означает внимание не к «усредненному» ребенку, а к конкретной личности с ее уникальными потребностями, интересами и жизненным опытом. Именно в антропологической перспективе уже в дошкольном возрасте закладываются предпосылки гражданской идентичности: через опыт ответственного участия в жизни группы ребенок начинает понимать себя как часть общины, чьи действия влияют на благополучие других. Основополагающими принципами данного подхода выступают принцип элективности (предоставление ребенку

возможности выбора формы и содержания труда), принцип витagenности (опора на актуальный жизненный опыт ребенка) и принцип культуросообразности (соответствие содержания труда культурным традициям и ценностям ближайшего социального окружения). Эти принципы обеспечивают личностно значимый характер трудовой деятельности и создают необходимую базу для дальнейшего развития внутреннего мира ребенка.

Антропологический подход не остается лишь теоретической конструкцией — он органично воплощается в повседневной практике ДОО, где уважение к внутреннему миру ребенка становится основой педагогического взаимодействия. Реализация его ключевых принципов позволяет превратить трудовую деятельность из формального выполнения обязанностей в осмысленный, личностно значимый опыт.

Например, индивидуальные трудовые поручения на основе наблюдения за ребенком. Педагог замечает, что один ребенок с удовольствием ухаживает за растениями, другой — аккуратно расставляет посуду, третий — охотно помогает младшим. Вместо стандартного распределения дежурств педагог предлагает каждому выбрать или получить задание, соответствующее его склонностям и возможностям (принцип элективности).

Или прием «Мой трудовой маршрут» — карта индивидуальных достижений. Каждый ребенок ведет личную «карту труда», где отмечает, какие дела он выполнял на этой неделе (полил цветы, помог накрыть на стол, собрал игрушки после занятия). Это не сравнение с другими, а фиксация личного вклада (принцип витagenности).

Так же можно использовать трудовые традиции семьи в группе. Дети рассказывают, какие трудовые обязанности есть у них дома (например, помогать бабушке в огороде, ухаживать за домашними животными). На основе этих историй педагог организует аналогичные виды деятельности в детском саду, сохраняя культурные особенности семей (принцип культуросообразности).

Исходя из установки на личность как целостную, уникальную и активную сущность логически вытекает необходимость перехода к **ценностно-деятельностному подходу**. Если антропологический подход фокусируется на том, *кто* есть ребенок и *как* он развивается, то ценностно-деятельностный подход отвечает на вопрос, *ради чего* и *во имя каких смыслов* он действует. В трудах Ш. А. Амонашвили, В. А. Сухомлинского, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Е. А. Ямбурга и др. подчеркивается, что развитие личности невозможно без осмысления ценностей. В контексте трудовой деятельности этот подход проявляется в уважении к интересам, выбору и инициативе ребенка, превращая труд из внешней обязанности в осознанный и значимый поступок. Через дежурства, заботу о природе, участие в подготовке праздников или помощь младшим дошкольникам дети учатся ответственности, заботе, уважению к труду и к себе как его субъекту. Труд становится здесь не просто инструментом приобретения навыков, а пространством морального и личностного роста, где формируются самооценка, чувство гордости за результат и осознание своей причастности к общему делу. Главная суть подхода — не просто научить ребенка работать, а помочь ему почувствовать: «Я важен, я могу, я нужен». Ведущими принципами ценностно-деятельностного подхода являются принцип поддержки инициативы, принцип сознательности и активности и принцип субъективности. Эти принципы позволяют

ребенку не только выполнять действия, но и наполнять их личным смыслом, что является необходимым условием формирования подлинной социальной ответственности [14].

Именно через личное участие, рефлексию и осознание значимости своих действий у ребенка формируется внутренняя установка на ответственность и сопричастность. В этом контексте педагогическая задача состоит не столько в организации труда как такового, сколько в создании условий, в которых каждый поступок наполняется смыслом, а каждое действие становится возможностью для морального выбора и личностного самоутверждения. Например, в практике деятельности ДОО можно использовать следующие приемы работы. «Зачем мы это делаем?» — рефлексивные беседы перед и после труда. Перед тем как полить цветы, дети вместе с воспитателем обсуждают: «Почему важно ухаживать за растениями? Что будет, если этого не делать?». После выполнения — делятся впечатлениями: «Как я себя чувствовал? Что получилось? Кому я помог?» (принцип сознательности и активности).

«Доска благодарностей» за труд. В уголке группы размещается доска, куда дети могут прикрепить записку или рисунок с благодарностью однокласснику за помощь (например, «Спасибо, Лиза, что собрала все кубики!»). Это развивает уважение к труду других и осознание своей значимости (принцип поддержки инициативы и субъективности).

Проект «Наш уютный уголок». Дети совместно решают, как обустроить уголок природы или книжный уголок: выбирают растения, расставляют книги, делают поделки. Каждый понимает, что его вклад делает пространство лучше для всех, и гордится этим (реализация принципа субъективности).

Однако осмысление ценностей и личностное переживание труда не могут существовать в изоляции — они требуют социального контекста, диалога, совместного действия. Именно поэтому логическим продолжением ценностно-деятельностного подхода становится **партиципативный подход**, разрабатываемый в работах Е. В. Грош, И. В. Касьяновой, И. А. Кравченко, Е. Ю. Никитиной, О. Н. Перовой, Е. Б. Плохотнюк, М. В. Смирновой и др. Если в ценностно-деятельностном подходе акцент делается на внутреннем мире ребенка, то партиципативный подход «выводит» это переживание в сферу межличностных отношений, где ценности реализуются на основе совместных решений и действий. Данный подход предполагает взаимодействие педагогов, детей и родителей для выработки и реализации совместных решений трудовых задач. Он ориентирует всех участников образовательного процесса на совместную работу, основанную на диалогичности и взаимной ответственности. В этом контексте стиль взаимодействия выстраивается так, что взрослые и дети становятся равными собеседниками: ребенок может задавать любые вопросы, высказывать мнения, предлагать решения и участвовать в оценке результатов [15]. Это способствует развитию у дошкольников коммуникативной компетентности, умения договариваться, учитывать интересы других и нести ответственность за принятые решения. Ключевыми принципами партиципативного подхода выступают принцип коммуникативного партнерства и сотрудничества, принцип синергетичности и принцип фасилитации. Благодаря этим принципам трудовая деятельность превращается в совместный проект, где каждый участник чувствует свою значимость и ответственность за общий результат.

Таким образом, партисипативный подход переводит трудовую деятельность из сферы индивидуального исполнения в пространство совместного творчества и ответственности, где каждый — будь то ребенок, педагог или родитель — выступает не как пассивный исполнитель, а как активный соавтор образовательной среды. В этом процессе формируются не только практические навыки, но и важнейшие социальные умения: слушать, договариваться, учитывать мнение другого и нести ответственность за коллективное решение. Именно через такие совместные действия ценности заботы, уважения и ответственности перестают быть абстрактными понятиями и становятся частью повседневной жизни детского сообщества. В работе ДОО можно использовать прием совместного составления «Правил дежурства». Дети вместе с воспитателем обсуждают: кто и когда дежурит, какие обязанности входят в дежурство, как помочь, если кто-то заболел. Правила оформляются в виде схемы и вывешиваются в группе. Ребенок не просто выполняет указание, а участвует в создании норм (принцип коммуникативного партнерства).

«Совет трудовых дел» — еженедельные собрания. Раз в неделю проводится мини-собрание, где дети предлагают идеи: «Давайте сделаем кормушку для птиц», «Нужно помочь кухонным работникам собрать фрукты», «Можно устроить субботник во дворе». Голосованием выбирается одно дело, которое группа выполняет вместе (принцип синергетичности) [16].

Помощь ребенку в самостоятельном решении трудовых задач. Воспитатель не говорит: «Разложите игрушки по полкам», а спрашивает: «Что нужно сделать, чтобы в группе стало чисто и удобно всем? Как распределить работу?». Дети сами договариваются, кто за что отвечает, и контролируют выполнение (принцип фасилитации).

Таким образом, три указанных подхода образуют логически выстроенную цепочку: **антропологический подход** создает фундамент — признание ребенка как целостной личности; **ценностно-деятельностный подход** наполняет его внутренним смыслом — через осознание значимости своего труда; **партисипативный подход** выводит этот смысл в социальное пространство — через совместное действие и ответственность перед другими. Именно такая последовательность обеспечивает целостность педагогического процесса и позволяет рассматривать труд не как набор функций, а как средство формирования социально ответственной личности.

Результаты исследования и их обсуждение. Выбор именно этих подходов для данного исследования обусловлен их **методологической согласованностью** и **практической направленностью** в контексте формирования социальной ответственности у детей старшего дошкольного возраста. Антропологический подход соответствует гуманистической парадигме современного образования, ценностно-деятельностный — отвечает требованиям ФГОС ДО о формировании инициативности и самостоятельности, а партисипативный — отражает тренды инклюзивного и демократического воспитания, где ребенок признается полноценным участником образовательного процесса. В совокупности они позволяют не только теоретически обосновать, но и практически реализовать педагогическую систему, в которой трудовая деятельность становится живым, осмысленным и социально значимым опытом, формирующим у детей дошкольного возраста устойчивую установку на ответственность за себя и других.

В результате исследования были получены следующие краткие результаты:

- На основе анализа философской, психолого-педагогической и методической литературы уточнено содержание понятия «социальная ответственность дошкольника» как интегративного личностного качества, проявляющегося в осознании последствий своих действий для других и готовности нести за них ответственность в контексте совместной деятельности.

- Обоснована и разработана концептуальная модель, интегрирующая три взаимодополняющих методологических подхода: антропологический (признание уникальности ребенка), ценностно-деятельностный (наполнение труда личностным смыслом) и партисипативный (включение в совместную социальную практику). Данная интеграция обеспечивает целостность педагогического процесса.

- В рамках модели определены и раскрыты ключевые педагогические принципы (элективности, витагенности, культуросообразности, субъективности, синергетичности, фасилитации), реализация которых трансформирует трудовую деятельность из формального выполнения обязанностей в осмысленный социальный опыт.

- Предложен комплекс конкретных педагогических приемов и методов (рефлексивные беседы, «Совет трудовых дел», совместное создание правил, «карты труда», «доска благодарностей»), обеспечивающих практическую реализацию теоретических положений в условиях ДОО.

Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны:

- с разработкой и апробацией диагностического инструментария для оценки уровней сформированности социальной ответственности у дошкольников;

- исследованием специфики формирования социальной ответственности в различных видах трудовой деятельности (ручной труд, труд в природе, хозяйственно-бытовой);

- изучением возможностей цифровых технологий для фиксации и рефлексии детских достижений в трудовой деятельности;

- адаптацией предложенной модели для работы с детьми других возрастных групп (младший дошкольный возраст, младший школьный возраст) или в условиях инклюзивного образования.

Таким образом, исследование подтверждает, что специально организованная трудовая деятельность, построенная на интеграции антропологического, ценностно-деятельностного и партисипативного подходов, является эффективным средством формирования основ социально ответственного поведения у детей на этапе старшего дошкольного возраста.

Выводы

Формирование социальной ответственности у детей старшего дошкольного возраста выступает комплексной педагогической задачей, соответствующей приоритетам государственной образовательной политики. Научно обоснована эффективная педагогическая модель, интегрирующая три взаимодополняющих подхода: антропологический (признание целостности личности через принципы элективности, витагенности и культуросообразности), ценностно-деятельностный (наполнение труда личностным смыслом для развития осознанности и субъектности) и партисипативный (включение в совместную социальную практику на основе

равноправного диалога и сотрудничества). Данные подходы образуют логически выстроенную цепочку, обеспечивающую целостность педагогического процесса.

Практическая реализация модели обеспечивается через конкретные педагогические приемы (рефлексивные беседы, «Совет трудовых дел», «карты труда»), которые трансформируют трудовую деятельность из формально-го выполнения обязанностей в осмысленный социаль-

ный опыт. Это позволяет ребенку осознать личный вклад в общее дело, развить эмпатию, ответственность и уважение к труду других. Предложенный подход носит практико-ориентированный характер и предоставляет педагогам конкретный инструментарий для формирования социально ответственного поведения в соответствии с современными тенденциями гуманистического и демократического воспитания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фомина Д. А., Коробова Е. Е. Формирование гражданской идентичности дошкольников в процессе воспитания // Молодой ученый. 2019. № 17(255). С. 238—241.
2. Дотдаева М. Е., Удова О. В. Формирование ответственности у детей старшего дошкольного возраста в трудовой деятельности // Молодой ученый. 2022. № 13(408). С. 115—117.
3. Любан Т. Н. История и современность педагогической антропологии в России // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2011. № 1(20). С. 98—109.
4. Амонашвили Ш. А. Основы гуманной педагогики. Улыбка моя, где ты?. М. : Свет, 2017. 304 с.
5. Крулехт М. В., Антонова Н. Б. Воспитание ответственности и социально ответственного поведения в период дошкольного детства // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2022. № 1(1). С. 14—26.
6. Никитина Е. Ю. Партисипативный подход к проблеме подготовки будущего учителя // Образование и наука. 2002. № 3(15). С. 30—37.
7. Гаврикова М. Е., Филиппова О. Г. Оценка вовлеченности детей старшего дошкольного возраста к проявлению трудовой инициативы и активности в процессе формирования основ социально ответственной личности // Педагогическое образование. 2025. Т. 6. № 11. С. 6—14.
8. Римашевская Л. С., Атарова А. Н. Изучение субъектных проявлений ребенка в процессе взаимодействия со сверстниками и развития детской самостоятельности в исследованиях кафедры дошкольной педагогики Герценовского университета // Современное дошкольное образование. 2019. № 1. С. 58—69. DOI: 10.24411/1997-9657-2018-10040.
9. Гаврилова Н. А., Степнова А. Е. Патриотическое воспитание детей старшего дошкольного возраста в современной парадигме образования // Актуальные проблемы интеграции науки и образования в регионе : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Бузулук, 2025. С. 26—31.
10. Сорокоумова Е. А., Молостова Н. Ю., Шуваева Н. Ю. Формирование гражданской идентичности у детей дошкольного возраста // Педагогика и психология образования. 2020. № 3. С. 159—172. DOI: 10.31862/2500-297X-2020-3-159-172.
11. Леонидова Н. В., Шатова М. С., Зюбанова И. Н. Социальное развитие детей старшего дошкольного возраста посредством организации волонтерской деятельности в ДОО // Исследования молодых ученых : материалы LXIV Междунар. науч. конф. Казань : Молодой ученый, 2023. С. 41—45.
12. Молчанов С. В. Мораль справедливости и мораль заботы: зарубежные и отечественные подходы к моральному развитию // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 2. С. 59—72.
13. Лиховцева Т. И., Алехина Н. С., Сазонова Е. В. Применение антропологического подхода в практике современного образования // Молодой ученый. 2023. № 45(492). С. 103—105.
14. Мангазеева Т. Н. Социально-личностное развитие детей в условиях дошкольного учреждения // Аспекты и тенденции педагогической науки : материалы I Междунар. науч. конф. СПб. : Свое издательство, 2016. С. 60—63.
15. Трубайчук Л. В. Социально-коммуникативное развитие детей дошкольного возраста // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 85—91.
16. Емельянова С. И., Кадочникова Т. А., Сергеева И. В. Детский совет как средство развития социального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста // Интерактивная наука. 2021. № 6(61). С. 41—42. DOI: 10.21661/r-554575.

REFERENCES

1. Fomina D. A., Korobova E. E. Formation of civil identity of preschool children in the process of education. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2019;17(255):238—241. (In Russ.)
2. Dotdaeva M. E., Uдова O. V. Formation of responsibility in children of senior preschool age in labor activities. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2022;13(408):115—117. (In Russ.)
3. Liuban T. N. History and contemporary state of pedagogical anthropology in Russia. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya = St. Tikhon's university review. Series IV: Pedagogy. Psychology*. 2011;1(20):98—109. (In Russ.)
4. Amonashvili Sh. A. Fundamentals of Humane Pedagogy. My smile, where are you?. Moscow, Svet, 2017. 304 p. (In Russ.)
5. Krulekht M. V., Antonova N. B. Education of responsibility and socially responsible behavior during preschool childhood (to the formulation of the research problem). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta pedagogiki i psikhologii vysshego obrazovaniya = Bulletin of the St. Petersburg Research Institute of Pedagogy and Psychology of Higher Education*. 2022;1(1):14—26. (In Russ.)
6. Nikitina E. Yu. A participatory approach to the problem of training future teachers. *Obrazovanie i nauka*. 2002;3(15):30—37. (In Russ.)

7. Gavrikova M. E., Filippova O. G. Assessment of the engagement of older preschool children in working initiative and activity in the process of forming the foundations of a socially responsible personality. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2025;6(11):6—14. (In Russ.)
8. Rimashevsky L. S., Atarova A. N. The study of the child's personality in the process of communication with peers and the development of child independence. *Sovremennoe doshkol'noe obrazovanie = Preschool Education Today*. 2019;1: 58—69 (In Russ.). DOI: 10.24411/1997-9657-2018-10040.
9. Gavrilova N. A., Stepnova A. E. Patriotic education of children of senior preschool age in the modern paradigm of education. *Aktual'nye problemy integratsii nauki i obrazovaniya v regione = Topical issues of integration of science and education in the region. Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Buzuluk, 2025:26—31. (In Russ.)
10. Sorokoumova E. A., Molostova N. Yu., Shuvaeva N. Yu. Formation of civil identity in children of preschool age. *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Pedagogy and Psychology of Education*. 2020;3:159—172. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-297X-2020-3-159-172.
11. Leonidova N. V., Shatova M. S., Zyubanova I. N. Social development of older preschool children through volunteering in preschool educational organizations. *Issledovaniya molodykh uchenykh = Research by young scientists. Materials of the LXIV International scientific conference*. Kazan, Molodoi uchenyi, 2023:41—45. (In Russ.)
12. Molchanov S. V. Moral of justice and moral of care: foreign and domestic approaches to moral development. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = Lomonosov Psychology Journal*. 2011;2:59—72. (In Russ.)
13. Likhovtseva T. I., Alyokhina N. S., Sazonova E. V. Application of the anthropological approach in the practice of modern education. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;45(492):103—105. (In Russ.)
14. Mangazeeva T. N. Social and Personal development of children in a pre-school institution. *Aspekty i tendentsii pedagogicheskoi nauki = Aspects and Trends of Pedagogical science. Materials of the I International scientific conference*. Saint Petersburg, Svoe izdatel'stvo, 2016:60—63. (In Russ.)
15. Trubaychuk L. V. Socio-communicative development of preschoolers. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2015;6:85—91. (In Russ.)
16. Emelianova S. I., Kadochnikova T. A., Sergeeva I. V. Children's council as a means of developing social intelligence in children of senior preschool age. *Interaktivnaya nauka = Interactive science*. 2021;6(61):41—42. (In Russ.) DOI: 10.21661/r-554575.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 19.01.2026.
The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 796.966:796.015.852:159.922.8:316.613

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1524

Gennady Nikolaevich Germanov

Doctor of Pedagogy,
Honored Worker
of Physical Culture of the Russian Federation,
Professor of the Department of Pedagogy,
Russian University of Sports «GTSOLIFK»
Moscow, Russian Federation
genchay@mail.ru
gggermanov@mail.ru

Gao Yingqi

Postgraduate of the Department of Pedagogy,
scientific specialty
5.8.7 — Methodology and technology
of vocational education,
Russian University of Sports «GTSOLIFK»
Moscow, Russian Federation
gaoyingqi123@gmail.com

Геннадий Николаевич Германов

д-р пед. наук,
Заслуженный работник
физической культуры РФ,
профессор кафедры педагогики,
Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
Москва, Российская Федерация
genchay@mail.ru
gggermanov@mail.ru

Гао Инци

аспирант кафедры педагогики,
научная специальность
5.8.7 — Методология и технология
профессионального образования,
Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
Москва, Российская Федерация
gaoyingqi123@gmail.com

АГРЕССИЯ ТРЕНЕРА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ТРЕВОЖНОСТЬ И ПРЕДСОРЕВНОВАТЕЛЬНУЮ ГОТОВНОСТЬ ЮНЫХ ХОККЕИСТОВ КИТАЯ К ИГРАМ С ШАЙБОЙ НА ЛЬДУ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Исследование направлено на изучение вопросов, требующих комплексного знания, его актуальность обусловлена междисциплинарным характером, объединяющим подходы из разных научных областей.

В спорте неизбежны проявления агрессии, поскольку в его сути заложен конфликтный характер, что находит свое проявление в тренировочной деятельности и игровой соревновательной практике. Агрессия — доминирующий способ существования человека, чем более «цивилизованным» становится человечество, тем агрессивнее себя ведет, пишут психологи. Ряд из них не только оправдывает проявление агрессивности, но и считает ее необходимым условием активности личности. Учитывая неизбежность агрессивных проявлений в спорте, в тренировочной практике требуется соблюдение педагогических условий по минимизации отрицательных поступков на игровой ледовой площадке и проведение воспитательных мер. И не только это, важным становится процесс формирования позитивной коммуникации как между игроками, так и между тренером и подростками, а это — уже великое мастерство тренера. В силу

этого к тренерскому составу предъявляются особые требования в проявлении позитивной коммуникации в воспитательно-образовательном пространстве, соблюдении форм эмоционально-смыслового общения, психолингвистических основ речевой деятельности, соблюдении культурно-этических норм поведения, направленных на регуляцию психоэмоционального состояния спортсменов 11–12 лет в условиях соревнований, что требует формирования соответствующих специальных профессиональных компетенций как на этапе базового обучения в спортивных вузах, так и в процессе последующего самообразования и самоподготовки, участия в мастер-классах, при прохождении курсов повышения квалификации.

Ключевые слова: хоккей с шайбой на льду, юные хоккеисты, соревновательная деятельность, психологическая проблематика общения и коммуникации, эмоциональные процессы и состояния, агрессия, ситуативная тревога, личностная тревожность, физиогномика, контент-анализ речевой коммуникации, методы психологического исследования и средства психодиагностики, профессиональное мировоззрение, личностное развитие

Для цитирования: Германов Г. Н., Гао Инци. Агрессия тренера и ее влияние на тревожность и предсоревновательную готовность юных хоккеистов Китая к играм с шайбой на льду // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 296—308. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1524.

Original article

COACH'S AGGRESSION AND ITS IMPACT ON ANXIETY AND PRE-COMPETITIVE READINESS OF YOUNG CHINESE ICE HOCKEY PLAYERS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The research is aimed at studying issues that require comprehensive knowledge; its relevance is due to the interdisciplinary nature, combining approaches from different scientific fields.*

In sports, manifestations of aggression are inevitable, since it has a conflict character in its essence, which is manifested in training activities and game competitive practice. Aggression is the dominant way of human existence, the more «civilized» humanity becomes, the more aggressively it behaves, as psychologists believe. A number of them not only justify the manifestation of aggressiveness, but also consider it a necessary condition for personality activity. Given the inevitability of aggressive manifestations in sports, training practice requires educational measures and compliance with pedagogical conditions to minimize negative actions on the ice playground. Moreover, the process of forming positive communication between both players and between the coach and adolescents becomes important. And this is where the great skill of the coach mani-

fests itself. Due to this, special requirements are imposed on the coaching staff in terms of positive communication in the educational space, observance of forms of emotional-semantic communication, psycholinguistic foundations of speech activity, observance of cultural and ethical norms of behavior, aimed at regulating the psycho-emotional state of athletes 11-12 years old in the conditions of competition, which requires the formation of appropriate special professional competences as at the stage of basic training in sports universities, and in the process of subsequent self-education and self-training, participation in master classes, while taking advanced training courses.

Keywords: *ice hockey, young ice hockey players, competitive activities, psychological problems of communication and interpersonal interaction, emotional processes and states, aggression, situational anxiety, personal anxiety, physiognomy, content analysis of speech communication, methods of psychological research and psychodiagnostics, professional worldview, personal development*

For citation: Germanov G. N., Gao Yingqi. Coach's aggression and its impact on anxiety and pre-competitive readiness of young Chinese ice hockey players. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):296—308. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1524.

Введение

Актуальность. В психолого-педагогических теориях существует немало разных взглядов на то, что такое агрессия и как следует ее понимать [1—3]. Однако, несмотря на все их многообразие, преобладающим остается взгляд на агрессию как на опасное и деструктивное явление. Агрессивность в исследованиях в настоящий момент рассматривается преимущественно как разрушительная, дестабилизирующая эмоциональная сила, являющаяся источником глобальной угрозы для человека (З. Фрейд, 1910; А. Бандура, 1959, 1973, 1977; А. Басс, 1961, 1966, 1988; Л. Берковиц, 1962, 1993, 2001).

Зигмунд Фрейд (Sigmund Freud), рассматривая агрессию как проявление изначально присущих человеку инстинктов, утверждал, что лежащий в основе инстинкт саморазрушения, либо разрушения другого индивида (в случае направленного вектора вовне) нацелен против самобытности живого организма, и этой трагической альтернативы ему вряд ли удастся избежать [4; 5]. В его воззрениях агрессивность является присущей человеку от природы чертой поведения, требующей взрывообразного выхода. Фрейд рассматривал агрессивность скорее не как ответ на внешние стимулы, а как врожденное стремление, имеющее биологическую основу, которое всегда есть внутри нас. Чтобы избежать неконтролируемого насилия или саморазрушения, агрессивную энергию следует регулярно «сбрасывать» вовне. При этом внешние обстоятельства являются лишь поводом, приводящим к агрессивному поведению.

Леонард Берковиц (Leonard Berkowitz) определял агрессию как любую форму поведения, которая нацелена на то, чтобы причинить кому-то физический или психологический ущерб [6]. Он полагал, что наличие общего

агрессивного драйва истекает из причин неадекватных личных ограничений, в силу чего целью агрессивного поведения является освобождение от внешнего влияния, либо принуждение другого человека к интерактивному взаимодействию. Берковиц считал, что сдерживаемая человеком агрессия может быть репродуцирована в активных действиях, например, через занятия спортом или участие в соревнованиях, через приветствие и улыбку. Вместе с тем, контроль внутреннего побуждения к насилию может быть достигнут при использовании техник поведенческого тренинга.

Другая функциональная предназначенность агрессивности — конструктивный потенциал — рассматривается лишь на уровне гипотез и ограниченных наблюдений (К. Лоренц, 1963, 1966; Э. Фромм, 1973, 1977, 2004).

Конрад Лоренц (Konrad Lorenz) рассматривал агрессию как филогенетически сложившуюся инстинктивную программу поведения, выполняющую видосохраняющую функцию [7]. Агрессия расценивается им как биологически целесообразная форма поведения, имеет приспособительное, сохранное значение, способствует адаптации и выживанию. По Лоренцу, опасность агрессии заключена в ее инстинктивности, спонтанности и пониженном пороге запуска. Лоренц советует не подавлять накапливающуюся агрессию, а перенаправлять ее в социально приемлемые формы: спорт, творчество, юмор. Ученый подчеркивал важность механизмов разрядки агрессии, отмечал среди них сублимацию, модификацию и ритуализацию поведенческих проявлений. Как заявлял ученый, внешне спровоцированная агрессия реально может быть перенаправлена на источник раздражения, но не только, часто эта злость направляется на тех, кто слабее, или просто на вещи вокруг. Лоренц

полагал, что человеческая агрессивность может быть обуздана и ослаблена посредством развития и совершенствования когнитивных процессов, благодаря умению мыслить абстрактно, понимать моральные принципы, усваивать моральные нормы, которые, в свою очередь, формируют ответственное поведение.

При сравнении концепций Лоренца и Фрейда объединяющими положениями являются следующие тезисы: оба рассматривают агрессивность как неотъемлемую часть человеческой природы, это своего рода «встроенная» функция человека, которая, если ее не выпускать, накапливается как бомба замедленного действия, готовая взорваться; оба отмечают, что непреодолимые барьеры могут подлить масла в огонь этой агрессии; и, что важно, оба видят выход в «переработке» этой энергии через самопознание, самосовершенствование и сублимацию.

Эрих Фромм (Erich Seligmann Fromm) оспаривает распространенное утверждение, согласно которому агрессия у человека является врожденной, обусловленной филогенетическими факторами и инстинктами. Он отвергает идею о том, что деструктивное поведение неотъемлемо присуще человеческой природе и неизменно. Вместо этого Фромм полагает, что истоки человеческой деструктивности следует искать в историческом развитии, а не в биологической предопределенности [8]. Фромм, анализируя психологические исследования насилия и агрессии, выделил два основных, на первый взгляд, противоположных подхода. Первый, инстинктивистский, объясняет деструктивное поведение человека его врожденными, досознательными животными инстинктами. Второй, бихевиористский, напротив, видит корень деструктивности исключительно в социальном влиянии. Однако Фромм считает эти взгляды не взаимоисключающими, а скорее дополняющими друг друга, предлагая рассматривать их в рамках биосоциальной природы человека.

Познать причины и последствия человеческой агрессии с научной точки зрения стремились А. Бандура, Р. Бэрон [9], Э. Доннерстейн, Л. Эрон, Д. Фаррингтон, Р. Гин и Д. Зилманн и др.

В отечественной литературе вопросы агрессии (как формы поведения) и агрессивности (как личного свойства) изучались классиками психологии и педагогики — П. П. Блонским, Л. С. Выготским, Л. И. Божович, Г. М. Андреевой, А. А. Реаном [10], Е. П. Ильиным [11; 12], А. Налчаджаном [13] и др.

Вопросы агрессии в спортивной деятельности рассматривали Е. П. Ильин [11], В. К. Сафонов [14], В. Н. Смоленцева [15], С. Т. Аслаев [16] и др.

Ряд специалистов в спорте не только оправдывают проявление агрессивности, но и считают ее необходимым условием активной личности. Н. В. Луткова [17; 18] и А. А. Агишева [19] считают, что в реалиях спортивной состязательности в спорте высших достижений невозможно достичь высоких результатов без состояния внутренней агрессии и разных внешних форм ее проявлений. Таким образом, жесткие действия воспринимаются как вполне оправданные, представляя собой продуманный ход, призванный обеспечить доминирование над соперником, или используемые в ходе эффективного управления командой. Сущность агрессии раскрывается в следующих понятиях — «спортивная злость», «спортивный азарт»,

«боевое соперничество», «наступательный боевой дух» и иных подобных терминах [20; 21]. Агрессивное поведение может повышать приспособленность к деятельности.

Агрессия рассматривается в двух аспектах: как поведение и как личностное свойство [11]. Разграничение понятий «агрессия» (как акт или действие) и «агрессивность» (как личностное свойство) приводит к следующему заключению: не каждое проявление агрессивного поведения обусловлено наличием агрессивности как черты личности, и, в свою очередь, агрессивность как личностная характеристика не всегда находит выражение в явных агрессивных действиях.

Различают формы агрессии: физическая — вербальная, активная — пассивная, прямая — непрямая. Агрессивные действия, которые относятся к первому классу, совершаются намеренно и осознанно. Это происходит на самом высоком уровне, когда человек полностью контролирует себя и свои поступки. Второй класс агрессии представляют акты, соотносимые с уровнем действий. К третьему типу относятся агрессивные действия, вызванные крайним эмоциональным возбуждением субъектов. В результате глубокого аффекта, субъекты совершают агрессивные действия, полностью потеряв контроль над собой и не осознавая своих действий. При чрезмерной выраженности агрессивность может иметь негативные последствия.

Повышение эффективности соревновательной деятельности на основе коррекции агрессивных действий в игровых видах спорта анализировали С. Е. Татаржицкий [22]; в единоборствах — Н. Б. Кутергин [23], А. И. Ушников [24]. Когда команда проигрывает, тренер впадает в состояние импульсивного поведения, его негативные эмоции зашкаливают, и довольно часто, нападая на своих игроков, он не может предсказать эффект действия, принесут ли они пользу, улучшат ли положение, будут правильно поняты и исполнены? Здесь основу реактивности составляет эмоциональное возбуждение, поэтому такую форму поведения называют «эмоциональной» или «аффективной» агрессией. Например, формирование у будущих тренеров компетентности в профилактике и коррекции агрессии у спортсменов рассматривали С. О. Закаморный и В. Н. Смоленцева [25], индивидуально-типические особенности саморегуляции агрессивного поведения затрагивали М. Д. Гаралева и В. И. Моросанова [26], развитие навыков к контролю эмоций и управлению психоэмоциональным состоянием в условиях соревнований обсуждали А. А. Зайцев с соавторами [27]. И хотя отдельные исследователи изучали проблемы социальной и педагогической агрессии длительное время, глубокое и многоаспектное психологическое исследование этой проблемы в китайском спорте только начинается [28].

Цель исследования — выявить взаимосвязь между стилем общения тренера команды и уровнем эмоционально-тревожного состояния у юных хоккеистов. Дополнительно оценить влияние агрессивных коммуникативных практик со стороны тренера и игроков, применяемых в соревновательной среде, на спортивную результативность юных спортсменов. Для достижения указанной цели ставились **задачи**:

1) изучить психоэмоциональные реакции и состояние тревожности у хоккеистов 11—12 лет в процессе спортивно-тренировочной деятельности и в период участия в соревнованиях;

2) выявить стиль руководства тренера и формы его выраженности, частотность раздраженных злобных моментов, наличие агрессивных выпадов со стороны наставника спортивной команды, и то, как жесткие слова и неадекватные команды во время соревнований сказываются на результатах;

3) выявить наличие или отсутствие корреляции между агрессивным стилем руководства тренера, его указаниями, разбором игровых моментов, сопровождающихся надменным отношением с пренебрежением к некоторым игрокам и уровнем тревожности и эмоциональным состоянием у хоккеистов 11—12 лет;

4) определить стремление тренеров по хоккею к освоению профессиональных компетенций для регуляции психоэмоциональных состояний у юных хоккеистов в процессе спортивно-тренировочной деятельности и в период участия в соревнованиях и выявить мотивацию к самоподготовке.

Гипотеза проводимого исследования заключается в предположении, что гетероагрессия тренера влияет на ситуативную и личностную тревожность хоккеистов 11—12 лет и опосредованно отражается на результатах игровой деятельности. С другой стороны, повышенная предыгровая тревога у юных хоккеистов уменьшает предположенность к агрессии, а оптимальная агрессивность («спортивная злость», «спортивный азарт», «боевое соперничество») смягчает негативное влияние тревожности.

Изученность проблемы. Проблема тревоги является междисциплинарной проблемой. В рамках психолого-педагогических изысканий критически важно проводить разграничение между феноменами «тревога» и «тревожность». Тревога и тревожность — разные, но взаимозависимые понятия, изучать которые необходимо в совокупности для понимания их влияния на личность в реальной жизни. Различают ситуативную тревогу, проявляемую в текущих соревновательных ситуациях, то есть в данный момент. Согласно Ч. Спилбергеру [29], данное явление представляет собой временную, психофизическую реакцию, ее интенсивность варьирует с учетом значимости, напряженности, ранга соревнований. Выражается в ожидании спортсменом предстоящих соревнований и исчезает вместе с разрешением соревновательной ситуации. Состояние сопровождается субъективным дискомфортом, беспокойством, вегетативным возбуждением и напряжением. Наблюдается ухудшение концентрации внимания и координации движений. Результаты ситуативной тревоги позволяют оценить не только уровень текущего беспокойства спортсмена, но и определить, какова интенсивность воздействия внешних условий на его психофизиологию, насколько сильными и интенсивными являются формы эмоционально-речевого обращения тренера, и как психолингвистическая вербальность тренера в период состязаний влияет на результативность соревновательной деятельности.

Е. П. Ильин определяет тревогу как «эмоциональное состояние острого мучительного бессодержательного беспокойства, связываемого в сознании индивида с прогнозированием неудачи, опасности или же ожиданием чего-либо важного, значительного для человека в условиях неопределенности» [12, с. 191—193]. Таким образом, ученый рассматривает тревогу как отрицательно окрашенную эмоциональную реакцию на действительную или воображаемую опасную ситуацию; состояние внутреннего беспокойства, вызванное реальной либо мнимой угрозой; ожидание нега-

тивных событий, трудноопределимые предчувствия, переживания, обусловленные неясностью, неопределенностью, причем стимул или причина, порождающие тревогу, порой не объяснимы. В отличие от причин страха, причины тревоги обычно не осознаются, но она предотвращает участие человека в потенциально вредном поведении, или побуждает его к действиям по повышению вероятности благополучного исхода событий.

Наряду с этим эмоциональным состоянием выделяют личностную тревожность, которая проявляется неоднократно, часто, постоянно. Если мы рассматриваем тревогу как эмоциональную реакцию на ситуацию, то тревожность является типологической чертой личности, проявлением индивидуальности. Тревожность рассматривается как личностное образование, как норма, рефлексивный адаптационный механизм, либо как связанная со слабостью нервных процессов психосоматическое проявление, как признак наличия органических или функциональных нарушений личности. Однако по-прежнему невозможно сказать, это есть это заболевание или расстройство. Разграничение между хронической или постоянной тревожностью (общей склонностью к беспокойству) и временной или ситуативной тревожностью (тревогой) Ч. Спилбергер выразил в тесте на ситуативную тревожность [29].

У каждого человека есть свой идеальный или желаемый уровень тревожности, который называется полезной тревожностью, оказывающей на субъекта деятельности мобилизующее воздействие. У спортсменов тревожность во многом является индикатором нервно-психических состояний и физической готовности к соревновательной деятельности. Когда уровень тревожности превышает оптимальные для спортсмена пределы, она начинает наносить больше вреда, чем пользы. Активные спортсмены с высокой степенью тревожности на крупных соревнованиях также не могут полностью проявить свои способности и реализовать возможности, хотя и спортсмены с низкой тревожностью не показывают хороших результатов вследствие их недостаточной мотивированности [30—32].

Научные исследования указывают на сложную взаимосвязь между агрессивностью и тревожностью, где часто они проявляются как антагонистические личностные свойства [33; 34]. Согласно Фрейду, в условиях агрессивных ситуаций критически важно сохранять эмоциональную сдержанность, проявлять самообладание, научиться управлять своими эмоциональными реакциями. Фрейд, как и в последующем Лоренц, связывает снижение агрессивности с сублимацией (термин в психологии, который означает защитный механизм личности, позволяющий перенаправлять потенциально деструктивные импульсы и энергию в социально приемлемое и продуктивное русло), самопознанием и личностным самоусовершенствованием.

У людей агрессивность и тревожность могут существовать в различных комбинациях. Можно встретить людей, у которых одновременно высоки и агрессивность, и тревожность. Также есть те, кто проявляет высокую агрессивность, но при этом испытывает низкую тревожность. Наконец, встречаются и те, у кого низкая агрессивность сочетается как с низкой тревожностью, так и с высокой. Влияние сочетания агрессивности и тревожности на развитие неоднозначно. С одной стороны, исследования D. A. Walker с соавторами [35] показали,

что, когда агрессивность и тревожность присутствуют в умеренной степени вместе, это может быть даже полезнее для развития, чем если бы была сильной только агрессивность или только тревожность. В противоположность этому, результаты исследований А. Scarpa [36] указывают на то, что одновременное проявление агрессивности и тревожности ассоциируется с наиболее неблагоприятными исходами. Под поверхностью видимой связи агрессии и тревоги скрывается сложная паутина взаимовлияний. Агрессии и ее поведенческие проявления зависимы от уровня тревожности. Хроническая тревожность нередко приводит к ощущению бессилия и неспособности контролировать ситуацию, что, в свою очередь, может спровоцировать агрессивное поведение как защитный механизм, направленный на снижение внутреннего напряжения. Поэтому, у людей, которым свойственна тревожность, нередко наблюдаются вспышки агрессии. Можно констатировать, что взаимосвязь тревоги и агрессии двусторонняя: тревога может порождать агрессию, а агрессия, в свою очередь, может быть индикатором скрытой тревожности. Согласно гипотезе «взаимосвязанных подсистем», тревога и агрессия взаимодействуют друг с другом так, что окончательное влияние одной из систем на результирующее поведение зависит от активности другой системы, т. е. влияние одной системы на результирующее поведение тормозится другой системой. Как видим, вопрос о взаимосвязи агрессивности и тревожности является крайне важным и нуждается в углубленном исследовании со стороны ученых и психологов [37].

Тревога и агрессия переплетаются гораздо сложнее, чем кажется на первый взгляд. Агрессивность в сочетании с тревожностью у подростков проявляется по-разному: у мальчиков повышенный уровень тревоги блокирует негативное влияние агрессивного поведения и гнева, а у девочек — потенцирует негативное влияние враждебности. Тревожность отсылает к усиленной когнитивной обработке стимула, тогда как агрессивность — к аффективной реактивности с большим эмоциональным реагированием. Восприятие агрессивности другого зависит от собственной агрессивности. Повышенная самооценка агрессивности ассоциируется с более высокой оценкой агрессивности у окружающих, и наоборот. Понятно, что повышенная собственная агрессивность предрасполагает преувеличение враждебных намерений других людей. Агрессивные подростки больше других уверены, что агрессивность способствует повышению их оценки в окружающем пространстве и приводит к позитивному восприятию со стороны других подростков. С возрастом наше восприятие агрессивности других людей становится менее выраженным.

Научная новизна. Получены данные, указывающие, что результативность в соревновательной деятельности юных хоккеистов, во-многом, зависит от эмоционально-стилевых форм руководства игрой со стороны тренера, его указаний и рекомендаций в ходе состязания, формы общения и коммуникации в процессе тренировок, что было проанализировано с помощью контент-анализа речи. С другой стороны, ситуативная тревога и личностная тревожность, являющиеся итогом внешнего педагогического воздействия в подростковом коллективе, влияют на эмоционально-личностные устремления к достижению успеха и избеганию неудач, проявлению агрессии у юных игроков в хоккей.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности применения полученных результатов и принятых концептуальных решений в развитии теории и методики спортивной тренировки в спортивных играх, в частности в хоккее с шайбой на льду. Настоящее исследование значимо как с точки зрения развития теории, так и с позиций практического применения полученных знаний, где становление профессиональной идентичности и ценностей предусматривает выработку устойчивой системы профессиональных принципов и ориентиров, имеющих важное значение для совершенствования профессионализма в деятельности.

Практическая значимость исследования связана с уточнением методологии изучения основ общепсихологического и историко-психологического знания. Осуществлено переосмысление взглядов в области эмоционально-смысловой регуляции поведения личности тренера, описаны психологические проблемы общения и коммуникации, раскрыта психология переживания, тревожности, агрессии, что повлияло на изменение управленческих решений тренера в период соревновательной деятельности юных хоккеистов в контексте соблюдения позитивного стиля общения, оптимальной активности, личной саморегуляции.

Основная часть

Методы исследования. Методика исследования включала анализ соревновательной деятельности, видеоанализ игровых ситуаций, педагогическое наблюдение, психолого-педагогическое тестирование, выявление состояния оперативной тревожности и болезненных состояний тревоги у хоккеистов 10 — 12 лет с применением стандартных методик в психологических исследованиях, методы математической статистики. В проведенных исследованиях была задействована психолого-педагогическая методика — экспресс-диагностический опросник «Интегративный тест тревожности» (далее — ИИТ), разработанный в Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте им. В. М. Бехтерева [38]).

Результаты исследования. Проведен анализ соревновательной деятельности 11—12-летних хоккеистов 2012—2013 гг. рождения в играх с шайбой на льду в турнире *Beijing Allstar* 28 мая — 2 июня 2024 г. (Китай, Пекин). В соревнованиях приняли участие 14 команд. Победителем соревнования стала команда «Амур 2012-1», Россия, Хабаровск (1, здесь и далее в скобках обозначено занятое место). Команды — участницы соревнований: «Beijing Capitals 2012» (2), Китай, Пекин; «Beijing TUS 12 red» (3), Китай, Пекин; «Beijing Tiger Cubs» (4), Китай, Пекин; «Moscow Granite» (5), Россия, Москва; «Beijing TUS 12 orange» (6), Китай, Пекин; «Школа им. Руслана Салея» (7), Беларусь; «Zenith Ice» (8), Южная Корея; «Beijing Hockey Ass» (9), Китай, Пекин; «Beijing Capitals 2013» (10), Китай, Пекин; «Beijing 3A 2012» (11), Китай, Пекин; «Beijing 3A 2013» (12), Китай, Пекин; «Beijing ORG 12 Club» (13), Китай, Пекин; «Energy 2012» (14), Китай, Пекин. В предварительном групповом турнире каждая из команд по круговой системе сыграла по шесть матчей. В стыковых играх плей-офф команды сыграли еще по одной игре, а в финале в формате кросс-матча (первое место против четвертого и второе место против третьего) — по две игры, где финалисты боролись за чемпионство, а призеры — за третье место.

Личная статистика игроков «Амур-1» в международных соревнованиях *Beijing Allstar-2024* представлена в табл. 1.

Таблица 1

Личная статистика игроков «Амур-1» в турнире *Beiging Allstar-2024*

Амплуа	ФИ игрока	Номер	Рейтинг снайперов (шайбы)	Рейтинг ассистентов (передачи)	Рейтинг бомбардиров (гол + пас)
Нападающие	С. А-й	98	9	11	20
	Л. Г-н	90	11	8	19
	П. А-р	18	3	9	12
	Б. Д-л	87	6	5	11
	Ч. А-м	23	5	5	10
	М. В-й	11	4	5	9
	Б. И-я	54	2	3	5
	Ф. Б-н	78	1	4	5
	$X \pm m/1^x$		$5,1 \pm 1,2$	$6,3 \pm 1,0$	$11,4 \pm 2,0$
	$X \pm m/1^u$		$4,5 \pm 1,0$	$5,6 \pm 1,1$	$10,1 \pm 1,8$
Защитники	Б. М-м	14	3	3	6
	Р. С-н	28	1	4	5
	Л. П-н	80	2	1	3
	Т. В-в	15	0	3	3
	Ш. А-р	24	1	1	2
	С. И-я	45	1	0	1
	Ш. А-й	7	0	1	1
	$X \pm m/1^x$		$1,1 \pm 0,4$	$1,9 \pm 0,6$	$3,0 \pm 0,8$
	$X \pm m/1^u$		$0,9 \pm 0,3$	$1,4 \pm 0,5$	$2,3 \pm 0,7$
Вся команда	U_a		$U = 5,5, P < 0,01$	$U = 5,5, P < 0,01$	$U = 3,0, P < 0,01$
	$X \pm m/1^x$		$3,3 \pm 0,8$	$4,2 \pm 0,8$	$7,5 \pm 1,6$
	$X \pm m/1^u$		$5,4 \pm 1,3$	$7,0 \pm 1,3$	$12,4 \pm 2,3$

В исследовании в рамках педагогических наблюдений за поведением тренеров применялась физиогномика — способ определения эмоционального состояния личности человека, его коммуникации, общения и переживаний, агрессивности и состояния здоровья с учетом анализа внешних черт лица и его мимики в процессе руководства игровой деятельностью юных хоккеистов. В исследованиях А. В. Бочарова с соавторами [34] показано, что при распознавании эмоциональных выражений лиц, когда человек охвачен тревогой или склонен к агрессии, мир его эмоций окрашивается в более мрачные тона, и тогда даже нейтральные лица кажутся угрожающими. Тревожность и агрессивность делают выражение лица более враждебными. А. К. Юсупова [39] утверждает, что индивидуальный стиль общения личности (специалиста, тренера, наставника) возможно описать с помощью контент-анализа речи. Анализ стилей общения предоставляет важную информацию о психологическом состоянии тренера, индивидуальных личностных особенностях и характере выполняемой субъектом деятельности. В основу исследования легли теоретические взгляды и эмпирические данные Б. Ф. Ломова, связывающего речевое общение индивида с его значимыми поступками. При этом осуществлялась дифференциация формы общения наставников сообразно трехмерному функциональному признаку (по Ломову: информационно-коммуникативная, регуляционно-коммуникативная, аффективно-коммуникативная), что позволило в исследовании оценить практические намерения тренера в отношении юных хоккеистов по его речевым проявлениям в деятельности, выявить индивидуально-стилевые особенности общения личности наставника, охарактеризовать склонность к агрессивному поведению. Психологические характеристики индивидуального стиля общения личности, выявленные с помо-

щью педагогических наблюдений методом физиогномики и выполненного контент-анализа речи, могут дополнить результаты других методик оценки проявлений эмоционально-личностного поведения тренеров по хоккею.

Анализ данных табл. 2 и рис. 1 указывает на различия в профессиональных компетенциях, умениях и навыках управления командами у тренеров, представивших свои коллективы на соревнования *Beiging Allstar-2024*. Так, тренеры команд победителей и призеров в наименьшей степени прибегают к физической агрессии, им более характерны вербальные упрёки, укоры и осуждения, словесные неодобрения и порицания.

Так, наибольшие проявления прямой физической агрессии наблюдались у наставников команд аутсайдеров, которые наряду с их вербальной агрессией не только не организуют спортивно-тренировочный процесс, но еще в большей мере приводят к рассогласованию действий игроков, исполнению игровых действий по указке, перерастанию ситуативной тревоги «буду ли включен в игровой состав» в личностную тревожность «тем ли видом спорта занимаюсь». Тренеры команд, занявших 4—9-е места, очень часто применяли приемы косвенной вербальной агрессии. Игроки этих команд наиболее агрессивны (табл. 3).

В связи с выявленными различными формами руководства спортивно-тренировочной деятельностью хоккеистов 11—12 лет со стороны тренеров и наставников в соревнованиях и предсоревновательных тренировках турнира *Beiging Allstar-2024*, решалась задача: есть ли взаимосвязь между стилем общения тренера команды и уровнем эмоционально-тревожного состояния у юных хоккеистов и насколько воздействие агрессивных коммуникативных практик со стороны тренера и игроков, наблюдаемых в соревновательной среде, влияет на спортивную результативность юных спортсменов.

Таблица 2

**Проявление форм агрессии со стороны тренеров и наставников команд
в ходе соревновательной и тренировочной деятельности по отношению к юным хоккеистам
и тренерам других команд в турнире *Beiging Allstar-2024*, % от общего числа случаев**

Вид агрессивного поведения	Формы поведения	Рейтинг команд		
		Победитель и призеры (1—3-е места)	Рейтинговые команды (4—9-е места)	Команды-аутсайдеры (10—14-е места)
Склонность к прямой физической агрессии	Неадекватные реакции в физическом пространстве хоккеистов	14	38	74
	Прямое отстранение от игровой деятельности хоккеистов в состязании	22	26	46
Склонность к косвенной физической агрессии	Изоляция игроков от решения главных задач игрового взаимодействия	24	32	18
	Создание барьеров для самореализации игроков в игре или тренировке	12	24	22
Склонность к прямой вербальной агрессии	Словесное оскорбление или унижение в игре или тренировке	18	14	36
	Публичное осуждение игровых умений и навыков хоккеистов	30	26	48
Склонность к косвенной вербальной агрессии	Замалчивание и игнорирование успехов хоккеистов	44	38	32
	Отказ уделять внимание игроку при его обращении к тренеру	38	62	52

Примечание: метод исследования — контент-анализ речи и поступков тренеров по итогам педагогических наблюдений.

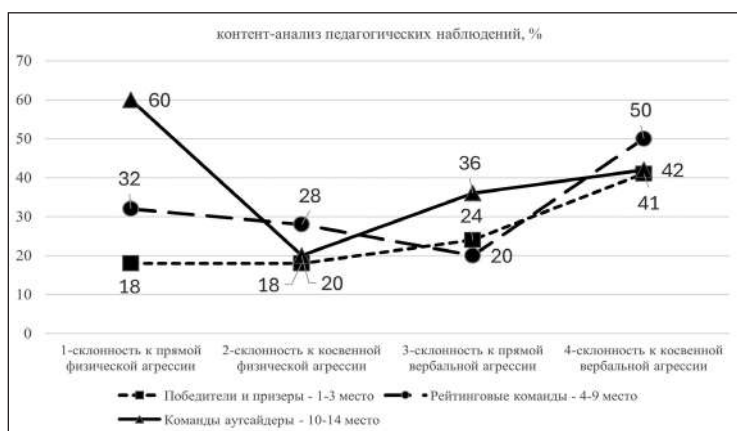

Рис. 1. Графическое представление форм агрессивного поведения тренеров и наставников команд в ходе в соревновательной и тренировочной деятельности по отношению к юным хоккеистам и тренерам других команд в турнире *Beiging Allstar-2024*

Таблица 3

**Проявления агрессивного поведения в соревновательной и тренировочной деятельности
у хоккеистов 11—12 лет в турнире *Beiging Allstar-2024*, кол-во раз ($\bar{X} \pm m$)**

Действия и поступки	Рейтинг команд					
	Победитель и призеры (1—3-е места)		Рейтинговые команды (4—9-е места)		Команды-аутсайдеры (10—14-е места)	
	1 ^{II}	1 ^X	1 ^{II}	1 ^X	1 ^{II}	1 ^X
Грубость к игрокам	3,1 ± 0,2	1,2 ± 0,09	6,3 ± 0,4	3,1 ± 0,3	3,5 ± 0,2	1,8 ± 0,2
Грубость к тренеру	0	0	1,0 ± 0,1	0,5 ± 0,06	0	0
Драка в игре	2,5 ± 0,2	1,0 ± 0,08	4,4 ± 0,3	2,2 ± 0,2	3,8 ± 0,3	1,9 ± 0,2
Драка в тренировке	4,0 ± 0,3	1,6 ± 0,2	5,5 ± 0,4	2,8 ± 0,3	3,2 ± 0,3	1,6 ± 0,2
Насилие к слабым	0	0	4,0 ± 0,4	2,0 ± 0,2	2,0 ± 0,1	1,0 ± 0,09
Сопrotивление насилию	1,0 ± 0,1	0,4 ± 0,05	2,0 ± 0,1	1,0 ± 0,1	1,0 ± 0,1	0,5 ± 0,05
Жестокость в игре	6,2 ± 0,4	2,5 ± 0,3	5,4 ± 0,4	2,7 ± 0,3	2,0 ± 0,2	1,0 ± 0,1
Жестокость в тренировке	5,8 ± 0,5	2,3 ± 0,3	4,8 ± 0,5	2,4 ± 0,2	4,0 ± 0,4	2,0 ± 0,2
Недисциплинированность	1,2 ± 0,1	0,5 ± 0,04	7,7 ± 0,5	3,9 ± 0,4	3,3 ± 0,3	1,7 ± 0,2
Несдержанность	0,8 ± 0,1	0,3 ± 0,01	5,4 ± 0,6	2,7 ± 0,3	1,0 ± 0,1	0,5 ± 0,05
Бесконтрольность ситуации	0,5 ± 0,1	0,2 ± 0,01	0,5 ± 0,1	0,2 ± 0,03	2,0 ± 0,2	1,0 ± 0,08
Необладание собой	0,7 ± 0,2	0,3 ± 0,01	0,8 ± 0,1	0,4 ± 0,03	1,6 ± 0,2	0,8 ± 0,06
Игровая беспомощность	0	0	0	0	4,2 ± 0,4	2,1 ± 0,2
Хладнокровие	2,2 ± 0,2	0,9 ± 0,07	1,2 ± 0,1	0,6 ± 0,05	0,4 ± 0,1	0,2 ± 0,01

Примечание: 1^{II} — в расчете на одну финальную (плей-офф) игру; 1^X — по отношению к одному хоккеисту за все игры кругового тура.

Как показывают результаты опросника ИТТ, где оценивались показатели тревоги — ситуационная шкала (СТ-С): в настоящий момент, сегодня, сейчас — и личностная шкала (СТ-Л): тревожность на протяжении относительно более длительного времени, как часто — показатели базовых шкал у детей 11—12 лет, занимающихся хоккеем, значительно ниже, чем у обычных детей. Так, в исследованиях А. П. Бизюка с соавторами [38] показано, что средний ориентировочный балл для юношей и молодых людей старше 15 лет, не занимающихся спортом, составляет $11,91 \pm 4,8$ балла (выборка в 540 чел.), для юношей 12—15 лет — $12,88 \pm 5,5$ (выборка в 520 чел.). Можно отметить выраженное однонаправленное снижение показателей ситуативной тревоги и личностной тревожности под влиянием внешних факторов, а в нашем случае экспериментальный фактор — это результативное участие в соревнованиях. В то же время, показатели тревоги зависимы от результативности соревновательной де-

ятельности. У хоккеистов 11—12 лет, ставших победителями и призерами этих соревнований, показатели тревоги наименьшие и статистически отличны от показателей игроков рейтинговых команд ($U_{1-2} = 68, P < 0,01$) и команд-аутсайдеров ($U_{1-3} = 72, P < 0,01$). Юные хоккеисты группы 1 в процессе турнира явно выглядели более спокойными, удовлетворенными, в эмоциях выражался восторг, радость, торжество, ликование в связи с победой в играх. Анализ эмоционального состояния юных хоккеистов групп 2 и 3 показывает, что в процессе тестирования во время состязаний наблюдалось большее недовольство, разочарование и раздражение у хоккеистов 11—12 лет, занявших в итоговой турнирной таблице место с 4-го по 9-е, но эти различия были зафиксированы только в абсолютных значениях и не имели значимых различий с юными игроками группы 3, занявших 10—14-е места. Статистически значимые различия оказались и в показателях личностной тревожности (табл. 4).

Таблица 4

Показатели ИТТ хоккеистов 11—12 лет, принявших участие в турнире *Beiging Allstar-2024*, баллы ($\bar{X} \pm m$)

Шкала	Рейтинг команд		
	Победитель и призеры (1—3-е места) ($N = 36$)	Рейтинговые команды (4—9-е места) ($N = 28$)	Команды-аутсайдеры (10—14-е места) ($N = 42$)
СТ-С	$10,1 \pm 0,9$ $U_{1-2} = 68, P < 0,01$	$13,3 \pm 1,3$ $U_{2-3} = 174, P > 0,05$	$12,9 \pm 1,1$ $U_{1-3} = 72, P < 0,01$
СТ-Л	$16,5 \pm 1,3$ $U_{1-2} = 56, P < 0,01$	$20,0 \pm 1,7$ $U_{2-3} = 196, P > 0,05$	$19,8 \pm 1,5$ $U_{1-3} = 52, P < 0,01$

Для более четкого понимания зависимости спортивной результативности хоккеистов 11—12 лет от проявляемой тревоги перед началом соревнований в связи с ожиданием успеха в соревнованиях, или проявлением долговременной психофизической тревожности, нами был проведено расширенное тестирование по методике ИТТ по всем его составляющим базовым и дополнительным шкалам у победителей международных соревнований *Beiging Allstar-2024* — хоккеистов 11—12 лет команды «Амур-1». В опроснике представлено по 15 утверждений в базовых шкалах. При анализе рассматривались пять дополнительных субшкал, раскрывающих эмоциональный дискомфорт (ЭД = 1 + 2 + 4 + 6), астенический (АСТ = 8 + 13 + 14) и фобический компоненты (ФОБ = 7 + 9 + 12), тревожную оценку перспективы (ОП = 3 + 5 + 15) и социальной защиты (СЗ = 10 + 11). В ответах предусматривается: отсутствие рассматриваемого признака — 0 баллов; слабая выраженность признака — 1 балл; умеренная выраженность признака — 2 балла; чрезвычайная выраженность признака — 3 балла. Оценка по базовым шкалам меньше 10—12 баллов соответствует низкому уровню тревожности, меньше 12—20 баллов соответствует нормальному уровню, оценка от 21—30 баллов свидетельствует о высоком уровне тревожности, более 30 баллов — о невротических реакциях. Средний ориентировочный балл для здоровых взрослых людей — 12—14 баллов. В табл. 4 приведены средние статистические данные.

Однако в предварительных расчетах, определяя корреляционную связь между результативностью хоккеистов 11—12 лет команды «Амур-1», победителя турнира *Beiging Allstar-2024*, мы не установили существенной зависимости между набранными очками (гол + пас) и показателями ситуативной тревоги и личностной тревожности у нападающих и защитников (по амплуа). Мы перегруппировали данные, положив в основу разделения на группы крите-

рий спортивной результативности. В группу А включены 6 чел. (результативность $\bar{X} \pm m = 15,5 \pm 1,9$), в группу Б — 9 чел. (результативность $\bar{X} \pm m = 3,4 \pm 0,63$), достоверность различий $P < 0,01$ (табл. 5).

Анализ данных субшкалы «СТ-С — ЭД» в составе параметров ситуативной тревоги показал, что в начале соревновательного турнира большее недовольство, агрессия и тревожное раздражение наблюдалось у нападающих, однако, несмотря на это, различия были зафиксированы только в абсолютных значениях и не имели достоверных различий с защитниками. К концу турнира, в связи с перегруппировкой, больший эмоциональный дискомфорт наблюдался у игроков, не показавших высокой результативности при достоверно значимых различиях ($\bar{X}_6 = 41,2 < \bar{X}_9 = 120,8$; $U = 4,5$; $P < 0,01$). Наибольший весомый вклад в факторную структуру данной субшкалы внесли весовые значения вопросов, которые были связаны с изучением эмоциональных расстройств, определяли снижение эмоционального фона, констатировали эмоциональную напряженность, возбуждение, ажитацию. Коэффициент корреляции между результативностью (гол + пас) и показателями эмоционального дискомфорта ситуативной тревоги $r_6 \text{ ЭД}_{\text{СТ-С}} = -0,700$; $r_9 \text{ ЭД}_{\text{СТ-С}} = -0,858$. Все остальные значения коэффициентов приведены в табл. 5.

Анализ данных субшкалы «СТ-С — АСТ» в составе параметров ситуативной тревоги показал высокое накопление факторных нагрузок у менее результативных хоккеистов, что характеризует явное снижение защитных функций к психической утомляемости, наличие слабости, вялости, усталости в связи с неэффективными игровыми действиями в поединках и менее удачными действиями в голевых ситуациях. Получены данные: $\bar{X}_6 = 46,3 < \bar{X}_9 = 134,2$; $U = 2,0$; $P < 0,01$, а также $r_6 \text{ АСТ}_{\text{СТ-С}} = -0,697$; $r_9 \text{ АСТ}_{\text{СТ-С}} = -0,812$.

Таблица 5

Факторные веса в дополнительных шкалах ИТТ у хоккеистов 11–12 лет команды «Амур-1», баллы ($X \pm \sigma$)

ФИ игрока	Номер	СТ-С					СТ-Л				
		ЭД	АСТ	ФОБ	ОП	СЗ	ЭД	АСТ	ФОБ	ОП	СЗ
С. А-й	98	25	30	0	37	57	25	59	0	31	57
Л. Г-н	90	24	41	0	32	43	24	30	28	31	57
П. А-р	18	49	29	29	31	86	25	61	29	32	43
Б. Д-л	87	49	58	28	65	57	24	58	28	37	100
Ч. А-м	23	27	61	0	74	86	53	90	28	63	114
М. В-й	11	73	59	29	92	114	98	100	28	65	143
$r_6 =$		–.700	–.697	–.175	–.765	–.767	–.602	–.756	–.669	–.725	–.717
Б. М-м	14	49	59	29	37	70	49	59	29	32	57
Б. И-я	54	73	61	56	84	85	49	60	56	100	100
Р. С-н	28	98	90	56	92	114	73	100	58	103	100
Ф. Б-н	78	49	100	85	100	129	53	120	66	133	100
Л. П-н	80	98	100	103	133	171	98	190	114	133	143
Т. В-в	15	200	219	209	170	171	174	219	188	170	200
Ш. А-р	24	171	160	209	236	171	198	189	172	236	243
С. И-я	45	174	160	131	200	200	171	200	111	236	243
Ш. А-й	7	175	259	131	200	300	171	200	111	224	243
$r_9 =$		–.858	–.812	–.720	–.935	–.897	–.900	–.882	–.705	–.939	–.969

Примечание: ЭД — эмоциональный дискомфорт; АСТ — астенический компонент тревожности; ФОБ — фобический компонент; ОП — тревожная оценка перспективы; СЗ — социальная защита. Примечание. В коэффициентах корреляции ноль опущен. При $n_1 = 6$, $n_2 = 9$ уровне значимости различий $\alpha = 95\%$, $U_{крит} = 12 \geq U_{эмп}$; уровне значимости различий $\alpha = 99\%$, $U_{крит} = 7 \geq U_{эмп}$.

Исследование факторных нагрузок субшкалы «СТ-С — ФОБ» в рамках оценки ситуативной тревоги выявило, что спортсмены с высокими достижениями не имели беспокойства или страхов, связанных с текущей соревновательной ситуацией. В отличие от них, юные хоккеисты с более низкими результатами, чей игровой опыт был менее успешным, а готовность к соревнованиям — менее оптимальной, испытывали определенные переживания, опасения и откровенную тревогу относительно исхода состязаний. Получены данные: $\bar{X}_6 = 18,8 < \bar{X}_9 = 112,1$; $U = 1$; $P < 0,01$, а также $r_6 \text{ ФОБ}_{СТ-С} = -0,175$; $r_9 \text{ ФОБ}_{СТ-С} = -0,720$.

Исследование факторных нагрузок субшкалы «СТ-С — ОП» в рамках оценки ситуативной тревоги выявило, что спортсмены, демонстрирующие высокие результаты, обладают лучшей психологической готовностью к соревнованиям. Это проявилось в отсутствии невротизма, связанного с участием в состязаниях, а также в минимизации беспокойства и агрессии во время игрового процесса. Подтверждением этому служат идентичные показатели по данной субшкале как до начала, так и после завершения турнира. В отличие от более успешных спортсменов, у хоккеистов с низкими результатами наблюдалось существенное нарастание уровня тревожности на протяжении всего турнира. В картине эмоционального фона испытуемых с пиком по данной шкале преобладают ощущения тревоги о будущем, озабоченности и эмоциональной чувствительности. Тревога, реализуемая через повышенную агрессивность, имела отрицательное влияние, в связи с тем, что юные хоккеисты неоправданно много заработали штрафного времени. Тем не менее, мы получили свидетельства о том, что завершение игрового турнира, отмеченное серией личных неудач у менее успешных юных спортсменов, привело к выраженным психологическим последствиям, включая неоправданные ожидания и фактическое отсутствие достижений. Получены данные: $\bar{X}_6 = 55,1 < \bar{X}_9 = 139,1$; $U = 5$; $P < 0,01$, а также $r_6 \text{ ОП}_{СТ-С} = -0,765$; $r_9 \text{ ОП}_{СТ-С} = -0,935$.

Анализ данных субшкалы «СТ-С — СЗ» в составе параметров ситуативной тревоги показал, что наблюдалась связь результативности игроков с проявлениями социальной тревожности, тревожных напряжений, когда юные хоккеисты испытывали трудности с одобрением в команде и пытались свои тревожные состояния и неуверенность связать с межличностными отношениями между игроками, с отношением тренера к своей личности. Получены данные: $\bar{X}_6 = 73,8 < \bar{X}_9 = 156,8$; $U = 6,5$; $P < 0,01$, а также $r_6 \text{ СЗ}_{СТ-С} = -0,767$; $r_9 \text{ СЗ}_{СТ-С} = -0,897$.

Анализ данных субшкалы «СТ-Л — ЭД» в составе параметров личностной тревожности зафиксировал эмоциональную устойчивость в соревновательный период у результативных спортсменов, тогда как у менее успешных юных хоккеистов наблюдалась эмоциональная нестабильность и психофизический дискомфорт. Тревожность у юных хоккеистов была обусловлена стремлением к спортивному участию в связи с отбором в команду и допуском к соревнованиям. В целом, психологические проблемы у юных хоккеистов негативно повлияли на их соревновательную эффективность и снизили мотивацию к тренировкам и участию в турнирах. Получены данные: $\bar{X}_6 = 41,5 < \bar{X}_9 = 115,1$; $U = 7$; $P < 0,01$, а также $r_6 \text{ ЭД}_{СТ-Л} = -0,602$; $r_9 \text{ ЭД}_{СТ-Л} = -0,900$.

Анализ данных субшкалы «СТ-Л — АСТ» в составе параметров личностной тревожности показал малое накопление факторных нагрузок у результативных спортсменов на протяжении соревновательного периода и значительный рост показателей у менее успешных юных хоккеистов. Полагаем, что тревожность вызвана неудачным соревновательным опытом. Сохранившаяся рефлексивная реакция на неудачи, к сожалению, программируется в сознании. Это отражается на работоспособности, утомлении, восстановлении. Наибольший весомый вклад в факторную структуру данной субшкалы внесли весовые значения вопросов, которые были связаны с ощущением усталости, утомительным состоянием и плохим сном. По итогам соревнований

спортсменам с неудовлетворительными результатами рекомендуется: с одной стороны, обратиться к спортивному психологу для коррекции психофизического состояния, освоить методы релаксации (прогрессивную мышечную психорегулирующую тренировку по Алексееву, дыхательные техники) и когнитивно-аффективные приемы для снятия стресса, а с другой стороны, повысить функциональную подготовленность в спортивных тренировках. Получены данные: $\bar{X}_6 = 66,3 < \bar{X}_9 = 148,6$; $U = 7$; $P < 0,01$, а также $r_6 \text{ АСТ}_{\text{СТ-Л}} = -0,756$; $r_9 \text{ АСТ}_{\text{СТ-Л}} = -0,882$.

По субшкале «СТ-Л — ФОБ» в составе параметров личностной тревожности у результативных спортсменов не произошло значимых изменений показателей в период соревнований. Наибольший весомый вклад в факторную структуру данной субшкалы внесли весовые значения вопросов, которые были связаны с оценкой уверенности, чувством принадлежности к решению значимых задач. Неуспешные спортсмены в период соревнований испытывали нарастающую неудовлетворенность результатами. У них наблюдались напряжение, снижение самооценки, автономии и Я-оценки, нередкими были фобии, связанные с деперсонализацией индивида. Получены данные: $\bar{X}_6 = 23,5 < \bar{X}_9 = 100,6$; $U = 0,5$; $P < 0,01$, а также $r_6 \text{ ФОБ}_{\text{СТ-Л}} = -0,669$; $r_9 \text{ ФОБ}_{\text{СТ-Л}} = -0,705$.

По субшкале «СТ-Л — ОП» в составе параметров личностной тревожности у успешных юных хоккеистов зафиксировано снижение итоговых показателей. Другая группа хоккеистов, напротив, демонстрировала озабоченность прошедшими соревнованиями, проявляла нервность и беспокойство о будущем. В связи с тем, что неясным остался вопрос вхождения в основной состав команды, у спортсменов завышенными оказались факторные веса в оценках тревожности, переживаний, эмоциональной чувствительности. Получены данные: $\bar{X}_6 = 43,2 < \bar{X}_9 = 151,9$; $U = 3,5$; $P < 0,01$, а также $r_6 \text{ ОП}_{\text{СТ-Л}} = -0,725$; $r_9 \text{ ОП}_{\text{СТ-Л}} = -0,939$.

Анализ факторных нагрузок субшкалы «СТ-С — СЗ» в рамках оценки личностной тревожности показал, что у успешных юных хоккеистов наблюдалась высокая устойчивость к отвлекающим и стрессовым факторам. В то же время менее результативные спортсмены были значительно более эмоционально восприимчивы к внешним раздражителям, таким как их рейтинг в команде, мнение тренера о их спортивном будущем, или реакция со стороны зрителей. Эта повышенная чувствительность часто мешала им сосредоточиться на игре, сбивала настрой и, как следствие, сказывалась на спортивных достижениях. Получены данные: $\bar{X}_6 = 85,7 < \bar{X}_9 = 158,8$; $U = 12$; $P < 0,05$, а также $r_6 \text{ СЗ}_{\text{СТ-Л}} = -0,717$; $r_9 \text{ СЗ}_{\text{СТ-Л}} = -0,969$.

Сделаем заключение о взаимозависимости спортивной результативности хоккеистов 11–12 лет с показателями основных и дополнительных субшкал ситуативной тревоги и личной тревожности: по большинству составляющих факторов наблюдается высокая и отрицательная зависимость игровых показателей от психоэмоционального состояния. Данные следует интерпретировать следующим образом: чем выше агрессивность, тревожность эмоциональная напряженность, возбуждение, ажитация игроков в состязаниях. Вместе с тем высокая психическая утомляемость, наличие слабости, вялости, усталости, а также активные переживания, опасения и высокая тревога относительно исхода состязаний, тем менее успешными с точки зрения забитых голов и совершенных результативных передач оказываются юные хоккеисты.

В методике определения ИТТ, несмотря на принятые различные факторные веса при оценке ответов на те или иные вопросы, предусмотрена сравнительная характеристика субшкал на основе перевода полученных баллов в станайны. На рис. 2 графически отображена психограмма результативных и менее успешных игроков с позиций оценивания ситуативной тревоги и личной тревожности в состоявшемся хоккейном турнире и в основной соревновательный период. Мы фиксируем значимые различия между игроками.

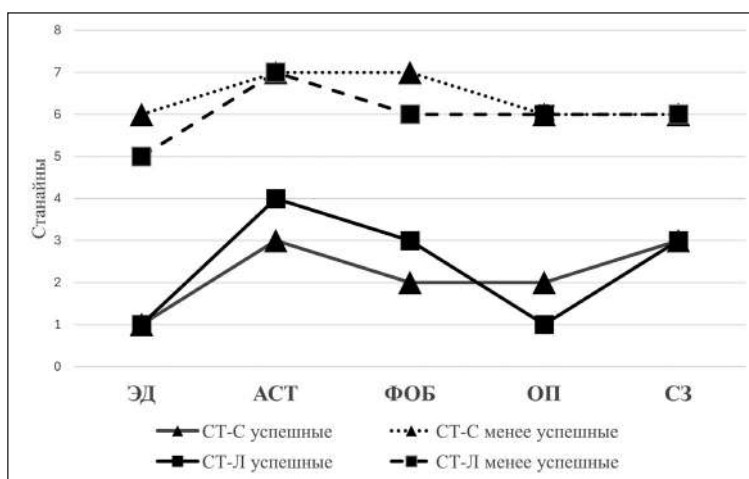

Рис. 2. Графическое представление различий между результативными и менее успешными юными хоккеистами при оценивании субшкал ситуативной тревоги и личной тревожности

Заключение и выводы

Исследования показывают, что физическая активность в игровых дисциплинах, таких как хоккей с шайбой на льду, снижает тревожность. Анализ результатов в играх турнира свидетельствует, что спортсмены, демонстрирующие более высокий уровень агрессивности по сравнению с уровнем тревожности, достигают лучших результатов

в состязаниях. Отмечается перспективность игроков с ярко выраженной «спортивной злостью», стремлением к доминированию. Представители первой пятерки в команде, являющиеся лидерами, отмечены более агрессивными, чем другие игроки команды, имеют меньшую тревожность. Выявлено, что накопление опыта агрессивных действий, подкрепленное успешными исходами в виде результативных

действий на игровой площадке, способствует снижению ситуативной тревоги и личной тревожности, которая принимает характер стимулирующего фактора.

Установлено, что агрессивная коммуникация тренеров в спортивно-тренировочном процессе является фактором формирования повышенной ситуативной тревоги игроков, перерастающей в состояние личной тревожности. Эта негативная сторона агрессивного поведения со стороны тренера — импульсивность и неуравновешенность, возбуждение и психозы, должна погашаться приемами самоконтроля, сдерживаться в процессе саморегуляции, исправляться посредством самосовершенствования. Наставникам необходимо уметь выстраивать эмоционально насыщенное взаимодействие, учитывать психологические аспекты речи и придерживаться этических норм коммуникации, чтобы помогать спортсменам справляться с негативными эмоциями во время соревнований. Самостоятельное улучшение себя

как специалиста, развитие навыков и работа над своим эмоциональным поведением в контексте соответствия профессии, личная ответственность за свой профессиональный статус, облик, овладение педагогическим мировоззрением, профессиональное саморазвитие, самообучение, самовоспитание, непрерывное освоение знаний, развитие компетенций и формирование соответствующих личностных черт — вот практический путь движения к мастерству ответственного и успешного тренера. В силу этого к тренерскому составу предъявляются особые требования к поведению, соблюдению форм эмоционально-смыслового общения, психолингвистических основ речевой деятельности, что требует формирования соответствующих специальных профессиональных компетенций как на этапе базового обучения в спортивных вузах, так и в процессе последующего самообразования и самоподготовки, участия в мастер-классах, при прохождении курсов повышения квалификации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю. М. Теория человеческой агрессии: почему жестоки люди : моногр. М. : Юнити : Закон и право, 2015. 312 с.
2. Гнатенко П. И. Психология агрессивности человека : моногр. Киев : Наукова думка, 2017. 171 с.
3. Дикова В. В. Феномен педагогической агрессии: теория и практика : моногр. Нижний Тагил, 2011. 166 с.
4. Фрейд З., Зиммель Г. Анатомия ненависти. Человек как враг. М. : Родина, 2023. 239 с.
5. Горохов С. А. Феномен агрессии в понимании К. Лоренца и З. Фрейда: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 147—151.
6. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль : лучший в мире учеб. по психологии агрессии. СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 510 с.
7. Лоренц К. Агрессия, или Так называемое зло. М. : АСТ, 2025. 352 с.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М. : АСТ, 2021. 734 с.
9. Бэрон Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб. : Питер пресс, 1999. 352 с.
10. Реан А. А. Агрессия и агрессивность личности. СПб., 1996. 39 с.
11. Ильин Е. П. Психология агрессивного поведения. СПб. : Питер, 2005. 368 с.
12. Ильин Е. П. Психология спорта. СПб. : Питер, 2020. 352 с.
13. Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб. : Питер, 2007. 736 с.
14. Сафонов В. К. Агрессия в спорте. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 159 с.
15. Смоленцева В. Н. Агрессия в спорте: профилактика и коррекция агрессивного поведения спортсменов : моногр. Омск : Изд-во СибГУФК, 2015. 147 с.
16. Аслаев С. Т., Аслаев Т. С., Огуречников Д. Г. Агрессия и агрессивность в спорте : моногр. Уфа : РИНЦ БГУ, 2018. 67 с.
17. Луткова Н. В., Макаров Ю. М. Детерминированность уровней агрессивности характерологическими особенностями личности юных спортсменов игроков 11—12 лет // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. № 6(160). С. 311—315.
18. Луткова Н. В., Макаров Ю. М. Взаимосвязь уровней агрессивности и состояния эмоциональной сферы юных спортсменов игроков 13—15 лет // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2019. № 1(167). С. 372—377.
19. Агишева А. А. Конструктивный потенциал тревожности и подходы к его пониманию // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 4. С. 42—62. DOI: 10.21702/rpj.2023.4.3.
20. Ениколопов С. Н., Кузнецова Ю. М., Чудова Н. В. Агрессия в обыденной жизни : моногр. М. : РОССПЭН, 2014. 492 с.
21. Априщенко Л. И. Влияние эмоций на спортивный результат // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты : сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей. Пермь : Сигитов Т. М., 2018. Вып. 26. С. 171—173.
22. Татаржицкий С. Е. Влияние агрессивности и конфликтности спортсменов на эффективность их соревновательной деятельности // Физическая культура, спорт и туризм на Дальнем Востоке России. Хабаровск, 2001. С. 179—181.
23. Кутергин Н. Б., Хаметова Р. И. Проблема юношеской агрессивности // Дискурс. 2017. № 7(9). С. 88—93.
24. Ушников А. И., Малофеев А. Ю. Коррекция поведения подростков с повышенным уровнем агрессии в процессе занятий спортом // Поволжский педагогический поиск. 2014. № 4(10). С. 139—140.
25. Закаморный С. О., Смоленцева В. Н. Методика формирования у будущих тренеров компетентности в профилактике и коррекции агрессии спортсменов // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2011. № 10(80). С. 105—108.
26. Гаралева М. Д., Моросанова В. И. Проявление саморегуляции в различных видах агрессивного поведения // Журнал прикладной психологии. 2004. № 6. С. 20—25.
27. Зайцев А. А., Луткова Н. В., Макаров Ю. М. Формирование способности тренера к саморегуляции эмоций во время баскетбольного матча // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2019. № 3(169). С. 420—425.

28. Гуанча Лю. Организационно-методические положения тренировочного процесса хоккеистов Китая на этапе спортивной специализации // Спортивные игры в физическом воспитании, рекреации и спорте : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. Смоленск, 2024. С. 68—70.
29. Спилбергер Ч. Концептуальные и методологические проблемы исследования тревоги // Тревога и тревожность : хрестоматия. М. : Per Se, 2008. С. 85—99.
30. Германов Г. Н., Юй Х. Ч., Якушева А. В. Изучение тревожности у спортсменов высокой квалификации различных групп видов спорта // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2023. № 2(216). С. 529—535.
31. Изучение структуры тревожности у профессиональных спортсменов / Е. А. Стаценко, Х. Варди, И. В. Глебова и др. // Спортивная медицина: наука и практика. 2018. Т. 8. № 2. С. 62—68. DOI: 10.17238/ISSN2223-2524.2018.2.62.
32. Уровень тревожности у спортсменов разного пола и разных видов спорта / Е. А. Стаценко, Х. Варди, И. В. Глебова и др. // Доктор.Ру. 2018. № 9(153). С. 55—58. DOI: 10.31550/1727-2378-2018-153-9-55-58.
33. Малютин О. П., Титова А. С., Мишурова А. А. Связь агрессивности школьников с уровнем личностной тревожности // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2(116). Ч. 2. С. 171—174 DOI: 10.23670/IRJ.2022.116.2.064.
34. Бочаров А. В., Слободская Е. Р., Рябиченко Т. И. Приспособленность подростков в различных сферах жизни: роль агрессивности и тревожности // Сибирский консилиум. 2007. № 8(63). С. 77—80.
35. Multiple exostosis (osteochondroma) and Wilms' tumour—A possible association / D. A. Walker, M. Dillon, G. Levitt et al. // Medical and Pediatric Oncology. 1992. Vol. 20. Iss. 4. Pp. 360—361. DOI: 10.1002/mpo.2950200421.
36. Scarpa A., Ollendick T. H. Community violence exposure in a young adult sample: III. Psychophysiology and victimization interact to affect risk for aggression // Journal of Community Psychology. 2003. Vol. 31. Iss. 4. Pp. 321—338. DOI: 10.1002/jcop.10058.
37. Горбунов Г. Д. Психопедагогика спорта. М. : Советский спорт, 2006. 294 с.
38. Бизюк А. П., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ) : метод. рекомендации. СПб. : Изд-во НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005. 23 с.
39. Kanas N., Gushin V., Yusupova A. Problems and possibilities of astronauts—Ground communication content analysis validity check // Acta Astronautica. 2008. Vol. 63. Iss. 7—10. Pp. 822—827. DOI: 10.1016/j.actastro.2008.01.007.

REFERENCES

1. Antonyan Yu. M. Theory of human aggression: why people are cruel. Monograph. Moscow, Yunity, Zakon i pravo, 2015. 312 p. (In Russ.)
2. Gnatenko P. I. Psychology of human aggressiveness. Monograph. Kyiv, Naukova Dumka, 2017. 171 p. (In Russ.)
3. Dikova V. V. Phenomenon of pedagogical aggression: theory and practice. Monograph. Nizhny Tagil, 2011. 166 p. (In Russ.)
4. Freud Z., Simmel G. Anatomy of Hate. Man as enemy. Moscow, Rodina, 2023. 239 p. (In Russ.)
5. Gorokhov S. A. The phenomenon of aggression in the understanding of K. Lorenz and Z. Freud: comparative analysis. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2020;4:147—151. (In Russ.)
6. Berkowitz L. Aggression: Causes, Consequences, and Control. The World's Best Textbook on the Psychology of Aggression. Saint Petersburg, Praim-EVROZNAK, 2007. 510 p. (In Russ.)
7. Lorenz K. Aggression, or The so-called evil. Moscow, AST, 2025. 352 p. (In Russ.)
8. Fromm E. Anatomy of human destructiveness. Moscow, AST, 2021. 734 p. (In Russ.)
9. Baron R., Richardson D. Aggression. Saint Petersburg, Piter Press, 1997. 411 p. (In Russ.)
10. Rean A. A. Aggression and aggressiveness of personality. Saint Petersburg, 1996. 39 p. (In Russ.)
11. Il'in E. P. Psychology of aggressive behavior. Saint Petersburg, Piter, 2005. 368 p. (In Russ.)
12. Il'in E. P. Psychology of sports. Saint Petersburg, Piter, 2020. 352 p. (In Russ.)
13. Nalchadzhyan A. Human aggressiveness. Saint Petersburg, Piter, 2007. 736 p. (In Russ.)
14. Safonov V. K. Aggression in sports. Saint Petersburg, St. Petersburg University publ., 2003. 159 p. (In Russ.)
15. Smolentseva V. N. Aggression in sports: prevention and correction of athletes' aggressive behavior. Monograph. Omsk, Siberian State University of Physical Culture and Sport publ., 2015. 147 p. (In Russ.)
16. Aslaev S. T., Aslaev T. S., Ogurechnikov D. G. Aggression and aggressiveness in sports. Monograph. Ufa, Bashkir State University publ., 2018. 67 p. (In Russ.)
17. Lutkova N. V., Makarov Yu. M. Determination of levels of aggression by characterological peculiarities of personality of young sportsmen of players 11-12 years. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2018;6(160):311—315. (In Russ.)
18. Lutkova N. V., Makarov Yu. M. Interrelation of levels of aggression and condition of emotional sphere of young sportsmen-players aged 13-15 years. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2019;1(167):372—377. (In Russ.)
19. Agisheva A. A. The Constructive Potential of Anxiety and Approaches to its Understanding. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*. 2023;20(4):42—62. DOI: 10.21702/rpj.2023.4.3.
20. Enikolopov S. N., Kuznetsova Yu. M., Chudova N. V. Aggression in everyday life. Monograph. Moscow, ROSSPEN, 2014. 492 p. (In Russ.)
21. Aprishchenko L. I. The influence of emotions on the sports result. *Razvitie sovremennoi nauki: teoreticheskie i prikladnye aspekty = Development of modern science: theoretical and applied aspects. Collection of scientific articles by students, undergraduates, postgraduates, young scientists and teachers*. Perm, T. M. Sigitov publ., 2018;26:171—173. (In Russ.)
22. Tatarzhitsky S. E. The influence of aggressiveness and conflict of athletes on the effectiveness of their competitive activities. *Fizicheskaya kul'tura, sport i turizm na Dal'nem Vostoke Rossii = Physical culture, sports and tourism in the Far East of Russia*. Khabarovsk, 2001:179—181. (In Russ.)

23. Kutergin N. B., Khametova R. I. The problem of younger aggression. *Diskurs = Discourse*. 2017;7(9):88—93. (In Russ.)
24. Ushnikov A. I., Malofeev A. Iu. Correcting behavior of teenagers with high levels of aggression in the process of playing sports. *Povolzhskii pedagogicheskii poisk = Volga Region pedagogical search*. 2014;4(10):139—140. (In Russ.)
25. Zakamorny S. O., Smolentseva V. N. Methods of forming among the future trainers the competence in prevention and correction of athlete's aggression. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2011;10(80):105—108. (In Russ.)
26. Garaleva M. D., Morosanova V. I. Manifestation of self-regulation in various types of aggressive behavior. *Zhurnal prikladnoi psikhologii*. 2004;6:20—25. (In Russ.)
27. Zaytsev A. A., Lutkova N. V., Makarov Yu. M. Formation of ability of the coach to self-control of emotions during the basketball match. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2019;3(169):420—425. (In Russ.)
28. Guanchao Lü Organizational and methodological provisions of the training process of Chinese hockey players at the stage of sports specialization. *Sportivnye igry v fizicheskom vospitanii, rekreatsii i sporte = Sport games in physical education, recreation and sports*, proceedings of the XVIII International Scientific and Practical Conference. Smolensk, 2024:68—70. (In Russ.)
29. Spielberger C. Conceptual and methodological problems of anxiety research. *Trevoga i trevozhnost' = Anxiety and anxiety. Reader*. Moscow, Per Se, 2008. Pp. 85—99. (In Russ.)
30. Germanov G. N., Yu H. Ch., Yakusheva A. V. Studying anxiety in athletes highly qualified different groups of sports. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2023;2(216):529—535. (In Russ.)
31. Statsenko Ya. A., Wardi H., Glebova I. V. et al. The study of the structure of anxiety in athletes. *Sportivnaya meditsina: nauka i praktika = Sports medicine: research and practice*. 2018;8(2):62—68. (In Russ.) DOI: 10.17238/ISSN2223-2524.2018.2.62.
32. Statsenko E. A., Vardi H., Glebova I. V. et al. Anxiety Level of Athletes Depending on the Type of Sport and Sex. *Doctor. Ru*. 2018;9(153):55—58. (In Russ.) DOI: 10.31550/1727-2378-2018-153-9-55-58.
33. Malyutina O. P., Titova A. S., Mishurova A. A. The relationship between the aggressiveness in schoolchildren and the level of trait anxiety. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2022;2(116)-2:171—174. (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2022.116.2.064.
34. Bocharov A. V., Slobodskaya E. R., Ryabichenko T. I. Fitness of adolescents in various spheres of life: the role of aggressiveness and anxiety. *Sibirskii konsilium*. 2007;8(63):77—80. (In Russ.)
35. Walker D. A., Dillon M., Levitt G. et al. Multiple exostosis (osteochondroma) and Wilms' tumour—A possible association. *Medical and Pediatric Oncology*. 1992;20(4):360—361. DOI: 10.1002/mpo.2950200421.
36. Scarpa A., Ollendick T. H. Community violence exposure in a young adult sample: III. Psychophysiology and victimization interact to affect risk for aggression. *Journal of Community Psychology*. 2003;31(4):321—338. DOI: 10.1002/jcop.10058.
37. Gorbunov G. D. Psychopedagogy of sports. Moscow, Sovetskii sport, 2006. 294 p. (In Russ.)
38. Bizyuk A. P., Vasserman L. I., Iovlev B. V. The Application of the Integrative Test of Anxiety. Methodic recommendations. Saint Petersburg, St. Petersburg Bekhterev Psychoneurological Research Institute Publ., 2005. 23 p. (In Russ.)
39. Kanas N., Gushin V., Yusupova A. Problems and possibilities of astronauts—Ground communication content analysis validity check. *Acta Astronautica*. 2008;63(7—10):822—827. DOI: 10.1016/j.actaastro.2008.01.007.

Статья поступила в редакцию 21.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 21.12.2025; approved after reviewing 10.01.2026; accepted for publication 12.01.2026.

Обзорная статья**УДК 796/799****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1502****Gerold Leonidovich Drandrov**

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Theory
and Methodology of Physical Culture and Sports,
Chuvash State
Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev
Cheboksary, Russian Federation
gerold49@mail.ru

Burama Kamara

Postgraduate of the Department of Theory
and Methodology of Physical Culture and Sports,
field of training
49.03.01 — Physical culture and sports,
Chuvash State
Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev
Cheboksary, Russian Federation
bouramaca1@gmail.com

Venali Alexandrovich Alexandrov

Postgraduate of the Department of Theory
and Methodology of Physical Culture and Sports,
field of training
49.03.01 — Physical culture and sports,
Chuvash State
Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev
Cheboksary, Russian Federation
venaliy098@mail.ru

Svetlana Gennadiyevna Konstantinova

Postgraduate of the Department of Theory
and Methodology of Physical Culture and Sports,
field of training
49.03.01 — Physical culture and sports
Chuvash State
Pedagogical University named after I. Ya. Yakovlev
Cheboksary, Russian Federation
s-konstantinova@mail.ru

Герольд Леонидович Драндров

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры теории
и методики физической культуры и спорта,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева
Чебоксары, Российская Федерация
gerold49@mail.ru

Бурама Камара

аспирант кафедры теории
и методики физической культуры и спорта,
направление подготовки
49.03.01 — Физическая культура и спорт,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева
Чебоксары, Российская Федерация
bouramaca1@gmail.com

Веналий Александрович Александров

аспирант кафедры теории
и методики физической культуры и спорта,
направление подготовки
49.03.01 — Физическая культура и спорт,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева
Чебоксары, Российская Федерация
venaliy098@mail.ru

Светлана Геннадьевна Константинова

аспирант кафедры теории
и методики физической культуры и спорта,
направление подготовки
49.03.01 — Физическая культура и спорт,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева
Чебоксары, Российская Федерация
s-konstantinova@mail.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА СПОРТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ**5.8.5 — Теория и методика спорта**

Аннотация. В работе ставится цель раскрыть качественное своеобразие сущности и содержания спортивной культуры младших школьников. Для достижения этой цели использовались материалы современных исследований отечественных и зарубежных ученых, представленные в монографиях и публикациях в рецензируемых научных журналах. Спортивная культура младших школьников рассматривается как интегральная личностная характеристика, определяющая их отношение к двигательной активности в виде физических упражнений, выполняемых в условиях соревнований. Ведущей для детей младшего школьного возраста постепенно становится учебная деятельность. Качественное своеобразие спортивной культуры младших школьников обусловлено возрастными особенностями развития мотивационной

сферы. У младших школьников доминируют эмоционально привлекательные внутренние процессуальные мотивы, реализуемые в физической активности и в общении: социализации, игровые, соревновательные, познавательные. Занятие спортом воспринимается детьми не как профессиональная деятельность и не как деятельность, направленная на достижение успеха в виде победы или высоких соревновательных результатов, а как способ организации физической активности, обеспечивающий гармоничное личностное развитие, укрепление здоровья, социализацию и насыщение игровых, познавательных и соревновательных мотивов. Наряду с этим младшие школьники пока не готовы к саморефлексии, не способны к отдаленному целеполаганию и планированию, испытывают трудности в произвольной регуляции деятельности. Сохраняются

склонность к фантазии, стремление к подражанию, интерес к коллективным играм. Усваиваемое младшими школьниками содержание спортивной культуры включает ценности (здоровье, дружба, честность и уважение к сопернику); знания о видах спорта, правилах, нормах спортивного поведения, пользе физической активности; навыки спортивного поведения, двигательные навыки; традиции, побуждающие и направляющие к физиче-

ской активности в формате спортивной деятельности. Поэтому формирование спортивной культуры в младшем школьном возрасте является значимым фактором эффективного использования образовательного потенциала спорта в личностном и физическом развитии детей.

Ключевые слова: младшие школьники, спортивная культура, личность, спорт, социализация, ценности, нормы, знания, навыки, традиции, паттерны поведения, здоровье

Для цитирования: Драндров Г. Л., Бурама Камара, Александров В. А., Константинова С. Г. Характеристика спортивной культуры младших школьников // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 309—315. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1502.

Review article

CHARACTERISTICS OF SPORTS CULTURE AMONG YOUNGER SCHOOLCHILDREN

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. The purpose of the work is to reveal the qualitative originality of the essence and content of the sports culture among younger schoolchildren. To achieve this goal, materials of modern studies of domestic and foreign scientists, presented in monographs, in publications in peer-reviewed scientific journals, were used. The sports culture of younger schoolchildren is considered as an integral personal characteristic that determines their attitude to physical activity in the form of physical exercises performed in competition conditions. Educational activity is gradually becoming the leading one for children of primary school age. The qualitative originality of the sports culture of younger schoolchildren is due to the age-related features of the development of the motivational sphere. Younger schoolchildren are dominated by emotionally attractive internal procedural motives, realized in physical activity and in communication: socialization, gaming, competitive, cognitive. Sports are perceived by children not as professional activity, not as activity aimed at achieving success in the form of victory or high competitive records, but as a way of organizing physical

activity, ensuring harmonious personal development, health promotion, socialization and saturation of gaming, cognitive and competitive motives. Along with this, younger schoolchildren are not yet ready for self-reflection; they are not capable of remote goal-setting and planning, and experience difficulties in arbitrary regulation of activities. The tendency to fantasy, the desire for imitation, and the interest in collective games remain. The content of sports culture absorbed by younger schoolchildren includes values (health, friendship, honesty and respect for the opponent); knowledge of sports, rules, norms of sports behavior; the benefits of physical activity; sports behavior skills, motor skills, as well as traditions that encourage and guide physical activity in the format of sports activities. Therefore, the formation of a sports culture in primary school age is a significant factor in the effective use of the educational potential of sports in the personal and physical development of children.

Keywords: younger schoolchildren, sports culture, personality, sports, socialization, values, norms, knowledge, skills, traditions, behavior patterns, health

For citation: Drandrov G. L., Burama Kamara, Alexandrov V. A., Konstantinova S. G. Characteristics of sports culture among younger schoolchildren. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):309—315. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1502.

Введение

Актуальность. Социальная и практическая значимость высокого уровня развития спортивной культуры личности обусловлена не только ее непосредственной связью с физическим развитием человека. Спортивная культура как результат и процесс присвоения личностью материальных и духовных ценностей современного спорта включает в свое содержание процесс и результаты формирования таких личностных качеств, как целеустремленность, настойчивость и упорство, уверенность в себе, стрессоустойчивость, стремление к достижению успеха и личностной самореализации, лидерских качеств и умение работать в команде. Эти качества становятся основой для успешной социализации и личностного развития человека. Спортивная культура также включает в себя аспекты здоровья как состояния физического, психического и социального благополучия. Комплексный подход к организации физической активности в формате спортивной деятельности рассматривается как ключевой фактор, способствующий профилактике заболеваний и укреплению здоровья.

В Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 г. в качестве одной из стратегических задач определено широкое вовлечение населения страны в занятия массовым спортом через формирование спортивной культуры личности. Это определяет необходимость уточнения сути и содержания этого феномена как целевого ориентира организации спортивной деятельности в младшем школьном возрасте.

Изученность проблемы. В понимании сущности спортивной культуры в настоящее время выделяются ценностный, деятельностный, функциональный, педагогический и интегративный подходы.

В соответствии с *ценностным подходом* Л. И. Лубышева [1] рассматривает спортивную культуру как систему ценностей, норм, традиций и практик спорта, которая присваивается личностью в процессе спортивной деятельности как формы культурной деятельности. Спортивная культура рассматривается автором как многоуровневая структура, состоящая из взаимосвязанных компонентов (когнитивного, аксиологического, праксеологического, мотивационного и др.).

Деятельностный подход связан с исследованием спортивной культуры как источника и результата спортивной деятельности. Г. Л. Драндров с соавторами [2] связывают сущность и содержание спортивной культуры с психологическими особенностями спорта как вида деятельности, проявляющимися в качественном своеобразии ее мотивов, знаний, умений и навыков, и достигаемых результатов: биологического, педагогического, психологического и социологического эффектов.

Педагогический подход предполагает рассмотрение спортивной культуры как цели результата образовательного процесса, где спорт выступает средством формирования личности.

О. В. Гаевская и А. В. Лотоненко [3] исследуют психологические механизмы воздействия мотивации и ценностных ориентаций на процессе интеграции спорта в личностное развитие человека, проявляющейся в уровне развития его спортивной культуры.

Ю. А. Фомин [4] раскрывает педагогические основы спортивной культуры как образовательного процесса, затрагивающего формирование познавательной, мотивационно-волевой, эмоционально-ценностной и нравственной сфер личности, имеющих непосредственное отношение к процессу и результатам спортивной деятельности и реализуемым социальным взаимодействиям.

О. С. Зданович [5] акцентирует внимание на месте и роли спортивной культуры в детско-юношеском спорте.

С. Ю. Баринев [6] рассматривает сущность спортивной культуры через призму ее влияния на формирование физической зрелости и нравственного воспитания молодежи. Автор считает, что занятия спортом развивают личные качества, такие как дисциплинированность, упорство, командный дух и уважение к сопернику.

А. С. Кузнецов с соавторами [7] также акцентируют внимание на связи между спортивной культурой и общим развитием личности, подчеркивая, что занятия спортом служат не только средством физического развития, но и важным фактором воспитания гражданских качеств и социальной ответственности.

Непосредственное активное участие в командах и соревнованиях способствует развитию лидерских качеств как важной составляющей содержания спортивной культуры личности, что было отмечено в работе Г. Н. Пашкова с соавторами [8]. Авторы рассматривают, как спорт развивает способность брать на себя ответственность, принимать решения и вести за собой других.

Ученые, которые придерживаются *интегративного* подхода к пониманию спортивной культуры, предлагают выделять культурно-исторический (традиции, символы и культурное наследие спорта), антропологический (человеческие аспекты: тело, дух, гармония), социокультурный (взаимодействие с обществом, включая гендер, класс и глобализацию) и философский (смысло-жизненные аспекты, поиск гармонии и самореализации) компоненты. В частности, А. А. Передельский и А. Ю. Горбачева [9] объединяют компоненты спортивной культуры, анализируя культурно-исторические и антропологические аспекты как единство тела, духа и общества.

И. М. Быховская [10] исследует социологические аспекты спортивной культуры как фактора социальной интеграции и конфликта, раскрывает роли спорта в формировании коллективной идентичности и преодолении социальных барьеров.

А. А. Передельский, И. В. Лескова, Л. Ю. Штольц [11] подчеркивают, что благодаря высокому уровню спортивной культуры спортсмены и спортивные команды могут

преодолевать культурные и социальные различия, объединяя людей из разных слоев общества. Авторы рассматривают спортивную культуру как фактор и как результат социальной интеграции соперничающих спортивных команд, поскольку позволяет преодолевать существующие между ними культурные и социальные различия.

Л. И. Лубышева [12] рассматривает спортивную культуру как целостное явление, объединяющее физическую, интеллектуальную и культурную составляющие. Автор подчеркивает, что спортивная культура включает в себя как индивидуальные, так и коллективные аспекты, а также влияет на социализацию личности.

Г. Н. Пашков [13] считает, что спортивная культура включает в себя аспекты здоровья и благополучия. Комплексный подход к занятиям спортом и физической активностью рассматривается как ключевой фактор, способствующий профилактике заболеваний и укреплению здоровья.

Зарубежные исследователи в качестве предмета исследования преимущественно рассматривали эмпирические и междисциплинарные культурно-контекстуальные аспекты содержания спортивной культуры личности, интегрируя глобальные и локальные перспективы. В частности, Дж. Ньюман с соавторами [14] выделяют в содержании спортивной культуры личности материалистические компоненты, включая телесные практики, технологии и экологические факторы. М. Силк [15] анализирует содержание спортивной культуры как совокупность компонентов власти, педагогики и идентичности, с акцентом на социальные нормы и ценности. Г. Джарви с соавторами [16] раскрывают содержание спортивной культуры через социокультурные компоненты, такие как глобализация, медиа и личностная идентичность.

Исследования зарубежных ученых спортивной культуры в связи с психологическими, социологическими, культурологическими закономерностями и механизмами его возникновения, развития и функционирования отражают тенденции в изучении спортивной культуры личности, подчеркивая ее роль и место в глобальных социальных процессах.

Таким образом, современные подходы к определению сущности и содержания спортивной культуры включают множество ключевых аспектов. Эти аспекты взаимосвязаны и характеризуют взаимодействие физической активности, социальной среды, личных ценностей и культурных норм, определяющее отношение человека к спорту.

Целесообразность исследования проблемы. Формирование спортивной культуры начинается с первых шагов ребенка в спорте. В большинстве видов спорта эти шаги приходится на младший школьный возраст, который является периодом начала интенсивного личностного развития. Соревновательные упражнения, выполняемые в условиях соперничества и сотрудничества, являются значимым фактором не только физического, но и личностного развития младших школьников.

В традиционной педагогической практике внимание детских тренеров, как правило, акцентируется на задачах спортивной подготовки. Поэтому развитие спортивной культуры осуществляется стихийным образом при воздействии неуправляемых факторов спортивной деятельности и общения.

В связи с этим высокий воспитательный потенциал занятий спортом используется недостаточно эффективно. Сложившаяся педагогическая ситуация обусловлена,

в частности, недостаточной научной разработанностью качественного своеобразия спортивной культуры у детей младшего школьного возраста. Это, в свою очередь, создает трудности психолого-педагогического сопровождения процесса формирования спортивной культуры у младших школьников.

Цель исследования — определить качественное своеобразие спортивной культуры детей младшего школьного возраста, занимающихся спортом.

С учетом этой цели определены две частные **задачи**:

1. Определить качественное своеобразие сущности спортивной культуры детей младшего школьного возраста, занимающихся спортом.

2. Раскрыть качественное своеобразие содержания спортивной культуры детей младшего школьного возраста, занимающихся спортом.

Достижение цели и решение задач исследования осуществляется на основе теоретического анализа, обобщения и систематизации материалов современных исследований отечественных и зарубежных ученых в предметной области исследуемой проблемы, представленных в монографиях, в публикациях в рецензируемых научных журналах. Получены научные результаты, которые обладают научной новизной.

Научная новизна результатов исследования состоит в следующем:

1. Установлено, что качественное своеобразие *сущности* спортивной культуры личности младших школьников заключается в доминировании эмоционально привлекательных внутренних процессуальных мотивов, реализуемых в физической активности и в общении: мотивы социализации, игровые, соревновательные и познавательные мотивы.

2. Определено качественное своеобразие *содержания* спортивной культуры младших школьников. Его специфическими элементами являются ценности (здоровье, дружба, честность и уважение к сопернику); знания о видах спорта, правилах, нормах спортивного поведения, пользе физической активности; навыки спортивного поведения; двигательные навыки; традиции, побуждающие и направляющие к физической активности в формате спортивной деятельности.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в дополнении теории и методики юношеского спорта теоретическими знаниями о качественном своеобразии сущности и содержания спортивной культуры младших школьников.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что ориентация детских тренеров на знания о качественном своеобразии спортивной культуры детей младшего школьного возраста позволит организовать спортивную деятельность с учетом направленности не только на достижения высоких соревновательных результатов, но и для усвоения ценностей современной спортивной культуры.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Для достижения цели исследования использовались материалы исследований отечественных ученых, опубликованных в виде научных статей в рецензируемых научных журналах. В качестве метода исследования применялся анализ и обобщение современных теоретических знаний о сущности и содержании спортивной культуры личности младших школьников.

Результаты исследования их обсуждение. Ю. К. Чернышенко с соавторами [17] анализируют качественное своеобразие спортивной культуры детей младшего школьного возраста как комплексной системы, включающей ценности, нормы, знания и навыки, ориентированные на игровые формы активности. Авторы подчеркивают, что в отличие от взрослых форм спорта, у младших школьников культура акцентирует внимание на эмоциональном развитии, социализации и профилактике гиподинамии через интеграцию спорта в повседневную жизнь. Приводятся эмпирические данные из наблюдений за школьными занятиями, которые показывают, как ценности (например, дружба и здоровье) формируются через подражание и игру, а нормы усваиваются добровольно. Особое внимание уделяется традициям, таким как школьные спортивные праздники, которые способствуют культурной идентификации.

В другой работе Ю. К. Чернышенко с соавторами [18] исследуют сущность спортивной культуры младших школьников как динамичной структуры, где ключевыми элементами являются навыки, поведенческие паттерны и традиции, адаптированные к возрастным особенностям. Авторы выделяют ее качественное отличие от подростковой культуры: акцент на удовольствии от движения, а не на результатах, что способствует гармоничному развитию. В статье анализируются результаты исследования, демонстрирующие, как знания о спорте (правила, польза) передаются через упрощенные формы (игры, сказки), а навыки развиваются постепенно с фокусом на эмоциональную поддержку. Особенность содержания подчеркивается в интеграции спорта с образованием, где традиции (например, национальные виды спорта) укрепляют социальные связи.

Е. А. Черняева [19] рассматривает качественное своеобразие спортивной культуры как системы ценностей и норм, ориентированной на игровую социализацию и здоровье младших школьников. Автор отличает ее от элитарных форм спорта взрослых, подчеркивая роль эмоций и подражания в формировании элементов: ценности (уважение к правилам через опыт), нормы (добровольное соблюдение в коллективных играх) и знания (базовые сведения об Олимпийских играх). На основе экспериментальных данных из школьных программ автор описывает поведенческие паттерны (позитивное отношение к проигрышу) и традиции (семейные спортивные ритуалы), способствующие культурной интеграции. Статья завершается анализом влияния на профилактику гиподинамии и рекомендации по методам обучения, адаптированным к детской психике.

Л. И. Лубышева [20] определяет спортивную культуру младших школьников как многокомпонентное явление, где сущность проявляется в гармоничном сочетании физического, эмоционального и социального развития через спорт. Качественное своеобразие заключается в приоритете игры над соревнованием, что отличает ее от культур взрослых спортсменов. Автор анализирует элементы: ценности (здоровье и дружба как основа), нормы (игровые правила для развития самоконтроля), знания (упрощенные о видах спорта), навыки (физические с акцентом на удовольствие) и традиции (школьные мероприятия для культурной преемственности). Л. И. Лубышева подчеркивает роль спортивной культуры в социализации и профилактике заболеваний, предлагая педагогические стратегии для интеграции спорта в образовательный процесс.

Г. Н. Пашков [21] акцентирует внимание на качественных особенностях содержания спортивной культуры младших школьников, выделяя ее как систему, ориентированную на развитие через игру и социализацию. В отличие от соревновательных моделей, в спортивной культуре детей доминируют эмоциональные ценности (уважение и эмпатия), добровольные нормы и упрощенные знания. Автор приводит результаты лонгитюдных исследований школьников, показывая формирование навыков (координация через развлечения) и поведенческих паттернов (подражание героям). Традиции интегрируются в повседневность для укрепления идентичности.

Обобщая материалы представленных выше научных исследований, можно заключить, что спортивная культура младших школьников качественно отличается следующими характеристиками:

- *Интеграция с игрой и развлечением.* Спорт воспринимается как продолжение детских игр, что способствует естественному вовлечению и предотвращает переутомление.

- *Ориентацией на здоровье и развитие.* Акцент на профилактике заболеваний, формировании правильной осанки, координации и физической подготовке, а не на спортивных достижениях. Это отражает приоритет сохранения здоровья над конкуренцией.

- *Социально-эмоциональный компонент.* Спорт способствует развитию дружбы, командного духа и эмпатии, помогая детям преодолевать стеснение и адаптироваться в коллективе. В отличие от взрослых, где спорт может быть источником стресса, здесь он строит позитивные эмоции.

- *Образовательный и культурный аспект.* Включает знакомство с историей спорта (например, Олимпийские игры), правилами и этикой, что формирует культурную грамотность и патриотизм.

- *Ценности.* Здоровье, дружба, честность и уважение к сопернику — эти ценности формируются через личный опыт и пример взрослых, без глубокого понимания абстрактных понятий, что делает их более эмоциональными и интуитивными.

- *Нормы.* Соблюдение правил игр, спортивное поведение (соблюдать требования *fair play*, помогать друг другу) — нормы спортивной культуры усваиваются через игровые ситуации, а не через строгие регламенты, что способствует их добровольному принятию.

- *Знания.* Базовые сведения о видах спорта, правилах, пользе физической активности — эти знания подаются в упрощенной, иллюстрированной форме (через сказки, мультфильмы), адаптированной к уровню мышления детей.

- *Навыки.* Физические (бег, прыжки, координация) и социальные (работа в команде, самоконтроль) навыки развиваются постепенно, с акцентом на удовольствие от процесса, а не на технику, что снижает риск травм и отказа от занятий.

- *Традиции.* Участие в школьных спортивных праздниках, знакомство с национальными видами спорта — традиции интегрируются в повседневную жизнь, делая спорт частью семейных и школьных ритуалов, что укрепляет культурную идентичность.

- *Поведенческие навыки (паттерны).* Активное участие, позитивное отношение к проигрышу — паттерны формируются через подражание героям (спортсменам, персонажам книг), с фокусом на эмоциональную поддержку, а не на критику.

Выводы

1. В понимании сущности спортивной культуры в настоящее время выделяются ценностный, деятельностный, функциональный, педагогический и интегративный подходы, рассматривающие ее через призму входящих в нее ценностей, через отношение к спортивной деятельности, как цель и результат образовательной деятельности, через выполняемые функции, через отношение к развитию тела и духа, личности и общества. Эти аспекты взаимосвязаны и характеризуют взаимодействие спорта, социальной среды, личных ценностей и культурных норм, определяющее отношение человека к спорту. С одной стороны, спортивная культура личности определяет отношение человека к спорту. С другой стороны, занятия спортом способствуют формированию таких элементов спортивной культуры, как моральные и этические ценности; умение работать в команде и лидерство; социальная интеграция; физическая активность и здоровый образ жизни; личностное развитие: дисциплина, целеустремленность, настойчивость, стремление к достижению успеха и т. п. Эти элементы, взаимодействуя между собой, становятся основой для успешной социализации, личностного и профессионального саморазвития личности. Активное внедрение принципов спортивной культуры в повседневную жизнь позволит каждому человеку не только повысить показатели физического развития, но и улучшить качество своей жизни в целом, стать гармонично развитой личностью.

2. Формирование спортивной культуры начинается с первых шагов ребенка в спорте. В традиционной педагогической практике внимание детских тренеров, как правило, акцентируется на задачах спортивной подготовки. В связи с этим высокий воспитательный потенциал занятий спортом используется недостаточно эффективно. Сложившаяся педагогическая ситуация обусловлена, в частности, недостаточной научной разработанностью качественного своеобразия спортивной культуры у детей младшего школьного возраста. Это, в свою очередь, создает трудности психолого-педагогического сопровождения процесса формирования спортивной культуры у младших школьников.

3. Анализ, обобщение и систематизация современных теоретических знаний о сущности и содержании спортивной культуры личности младших школьников позволяют сформулировать авторское понимание ее качественного своеобразия, наблюдаемого у детей младшего школьного возраста, занимающихся спортом.

Качественное своеобразие *сущности* спортивной культуры личности младших школьников заключается в доминировании эмоционально привлекательных внутренних процессуальных мотивов, реализуемых в физической активности и в общении: мотивы социализации, игровые, соревновательные и познавательные мотивы.

Качественное своеобразие *содержания* спортивной культуры младших школьников обусловлено особенностями ее элементов. К ним относятся: ценности (здоровье, дружба, честность и уважение к сопернику); знания о видах спорта, правилах, нормах спортивного поведения, пользе физической активности; навыки спортивного поведения; двигательные навыки; традиции, побуждающие и направляющие к физической активности в формате спортивной деятельности.

4. Высокий уровень спортивной культуры в младшем школьном возрасте является значимым фактором, побуждающим и направляющим детей к занятиям спортом.

Ориентация детских тренеров на знания о качественном своеобразии спортивной культуры детей младшего школьного возраста позволит организовать спортивную деятельность с учетом направленности не только на достижения высоких соревновательных результатов, но и на усвоение ценностей современной спортивной культуры.

5. Авторское понимание качественного своеобразия сущности и содержания спортивной культуры в младшем школьном возрасте является существенной теоретической предпосылкой разработки эффективного программного и содержательного обеспечения процесса ее формирования в процессе занятий спортом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лубышева Л. И. Развитие субъектности личности в контексте ценностей физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2023. № 8. С. 101.
2. Драндров Г. Л. Бурцев В. А., Бурцев Е. В. О соотношении физической и спортивной культуры личности // Научно-педагогические школы в сфере спорта и физического воспитания : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М. : РГУФКСМиТ. 2016. С. 96—100.
3. Гаевская О. В., Лотоненко А. В. Система соревновательной деятельности юных спортсменов // Центральный научный вестник. 2018. Т. 3. № 7. С. 27—29.
4. Фомин Ю. А. Спорт высших достижений: состояние, актуальные проблемы и перспективы развития: (социологический анализ) : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 1993. 37 с.
5. Зданович О. С. Формирование спортивной культуры личности на основе развития школьного спорта // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2011. № 6. С. 12—14.
6. Баринев С. Ю. Педагогические основы формирования спортивной культуры личности: моногр. М. : Анкил, 2009. 210 с.
7. Кузнецов А. С., Фетисов К. С., Сивцев Н. Н. Формирование спортивной культуры личности школьников в процессе физического воспитания // Педагогико-психологические и медико-биологические проблемы физической культуры и спорта. 2023. Т. 18. № 1. С. 118—123.
8. Пашков Г. Н., Чернышенко Ю. К., Баландин В. А. Сущностные характеристики понятия «спортивная культура» // Материалы Научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. Краснодар : КГУФКСТ, 2015. С. 191—192.
9. Передельский А. А., Горбачева А. Ю. Интегративная теория спорта в контексте понимания профессионального спорта // Теория и практика физической культуры. 2018. № 10. С. 104.
10. Быховская И. М. «Человек телесный» в социокультурном контексте раннесоветской эпохи: аксиология и социальные практики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 65—82.
11. Передельский А. А., Лескова И. В., Штольц Л. Ю. Физическая культура и спорт с позиций социальной динамики и статистики // Теория и практика физической культуры. 2021. № 12. С. 73.
12. Лубышева Л. И. Спортивная культура в школе. М. : Теория и практика физической культуры и спорта, 2006. 174 с.
13. Пашков Г. Н., Чернышенко К. Ю. Моделирование процесса формирования личностной спортивной культуры школьников 9—10 лет // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2015. № 9(127). С. 156—161.
14. Sport, Physical Culture, and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies / ed. by J. I. Newman, H. Thorpe, D. Andrews. Rutgers University Press, 2020. 370 p.
15. Silk M. The Cultural Politics of Post-9/11 American Sport: Power, Pedagogy and the Popular. New York : Routledge, 2013. 192 p. DOI: 10.4324/9780203154366.
16. Jarvie G., Thornton J., Mackie H. Sport, Culture and Society: An Introduction. 3rd ed. London : Routledge, 2017. 570 p. DOI: 10.4324/9781315688961.
17. Чернышенко Ю. К., Нихаенко Н. Н., Баландин В. А., Чернышенко К. Ю. Предпосылки разработки педагогической модели формирования спортивной культуры детей 6—7 лет // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2019. № 9(175). С. 323—327.
18. Чернышенко Ю. К., Ахметов С. М., Баландин В. А., Пашков Г. Н. Основные факторы формирования и развития компонентов личностной спортивной культуры школьников 9—10 лет // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. № 12(166). С. 279—283.
19. Черняева Е. А. «Спортивная культура» — стратегическое направление модернизации физического воспитания школьников // Теория и практика физической культуры. 2009. № 5. С. 62—64.
20. Лубышева Л. И. Педагогические условия формирования спортивной культуры личности в общеобразовательной школе // Теория и практика физической культуры. 2011. № 5. С. 36—41.
21. Пашков Г. Н. Алгоритм разработки индивидуальных образовательных траекторий развития личностной спортивной культуры младших школьников // Материалы Научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. Краснодар : КГУФКСТ, 2016. С. 225—227.

REFERENCES

1. Lubyшева L. I. Development of personality subjectivity in the context of physical culture values. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2023;8:101. (In Russ.)
2. Drandrov G. L. Burtsev V. A., Burtsev E. V. On the correlation of physical and sports culture of the individual. *Nauchno-pedagogicheskie shkoly v sfere sporta i fizicheskogo vospitaniya = Scientific and pedagogical schools in the field of sports and physical education. Proceedings of the I All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Moscow, Russian State University of Physical Education, Sport, Youth and Tourism publ., 2016:96—100. (In Russ.)

3. Gaevskaya O. V., Lotonenko A. V. The system of competitive activity of young athletes. *Tsentrāl'nyi nauchnyi vestnik = Central science bulletin*. 2018;3(7):27—29. (In Russ.)
4. Fomin Yu. A. High-performance sports: state, current problems and development prospects: (sociological analysis). Abstract of diss. of the Doct. of Sociology. Moscow, 1993. 37 p. (In Russ.)
5. Zdanovich O. S. Formation of personal sports culture based on development of school sport. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka*. 2011;6:12—14. (In Russ.)
6. Barinov S. Yu. Pedagogical bases of the formation of the sports culture of the personality. Monograph. Moscow, Ankil, 2009. 210 p. (In Russ.)
7. Kuznestov A. S., Fetisov K. S., Sivtsev N. N. Sports culture of schoolchildren's personality formation during physical education. *Pedagogiko-psikhologicheskie i mediko-biologicheskie problemy fizicheskoi kul'tury i sporta = Russian Journal of Physical Education and Sport*. 2023;18(1):118—123. (In Russ.)
8. Pashkov G. N., Chernyshenko Yu. K., Balandin V. A. Essential characteristics of the concept of sports culture. *Proceedings of the scientific and methodological conference of the Faculty of Physical Education, Sports, and Tourism of the Kuban State University of Physical Education, Sports, and Tourism*. Krasnodar, Kuban State University of Physical Education, Sports, and Tourism publ., 2015:191—192. (In Russ.)
9. Peredelsky A. A., Gorbacheva A. Y. Integrative theory of sports in context of interpretation of professional sports. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2018;10:104. (In Russ.)
10. Bykhovskaya I. M. "Homo Corporis" in the socio-cultural context of early Soviet era: axiology and social practices. *Vestnik RGGU. Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya» = RSUH / RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*. 2019;8:65—82. (In Russ.)
11. Peredelsky A.A., Leskova I.V., Stolz L.Y. Physical education and sports in context of social dynamics and statics. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2021;12:73. (In Russ.)
12. Lubyshva L. I. Sports culture at school. Moscow, Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury i sporta, 2006. 174 p. (In Russ.)
13. Pashkov G. N., Chernyshenko K. Yu. Modeling of the formation process for 9-10 years old schoolchildren personal sport culture. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2015;9(127):156—161. (In Russ.)
14. Sport, Physical Culture, and the Moving Body: Materialisms, Technologies, Ecologies. J. I. Newman, H. Thorpe, D. Andrews (eds.). Rutgers University Press, 2020. 370 p.
15. Silk M. The Cultural Politics of Post-9/11 American Sport: Power, Pedagogy and the Popular. New York, Routledge, 2013. 192 p. DOI: 10.4324/9780203154366.
16. Jarvie G., Thornton J., Mackie H. Sport, Culture and Society: An Introduction. 3rd ed. London, Routledge, 2017. 570 p. DOI: 10.4324/9781315688961.
17. Chernyshenko Yu. K., Nikhaenko N. N., Balandin V. A., Chernyshenko K. Yu. Prerequisites of pedagogical model development for 6-7 years children's sports culture formation. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2019;9(175): 323—327. (In Russ.)
18. Chernyshenko Yu. K., Akhmetov S. M., Balandin V. A., Pashkov G. N. Main factors of personal sports culture components formation and development of the 9-10 years old students. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2018;12(166): 279—283. (In Russ.)
19. Chernyaeva E. A. The subject of "Sports culture" as a strategic direction of modernization of physical education of senior schoolchildren. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2009;5:62—64. (In Russ.)
20. Lubyshva L. I. Pedagogical conditions of formation of personal sports culture at comprehensive school. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2011;5:36—41. (In Russ.)
21. Pashkov G. N. Algorithm for developing individual educational trajectories for the development of personal sports culture in primary school students. *Proceedings of the scientific and methodological conference of the Faculty of Physical Education, Sports, and Tourism of the Kuban State University of Physical Education, Sports, and Tourism*. Krasnodar, Kuban State University of Physical Education, Sports, and Tourism publ., 2016:225—227. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.11.2025; одобрена после рецензирования 07.12.2025; принята к публикации 08.12.2025.
The article was submitted 15.11.2025; approved after reviewing 07.12.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Обзорная статья**УДК 796/035****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1506****Gerold Leonidovich Drandrov**

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Theory
and Methodology of Physical Culture and Sports,
Chuvash I. Yakovlev State
Pedagogical University
Cheboksary, Russian Federation
gerold49@mail.ru

Dmitry Nikolaevich Syukiev

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Physical Culture,
Kalmyk State University
Elista, Russian Federation
syukiev.dima@mail.ru

Герольд Леонидович Драндров

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры теории
и методики физической культуры и спорта,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева
Чебоксары, Российская Федерация
gerold49@mail.ru

Дмитрий Николаевич Сюкиев

канд. пед. наук,
доцент кафедры физической культуры,
Калмыцкий государственный университет
Элиста, Российская Федерация
syukiev.dima@mail.ru

РАЗВИТИЕ ПОЗИТИВНОЙ Я-КОНЦЕПЦИИ У СПОРТСМЕНОВ С ПОРАЖЕНИЯМИ ОПОРНО-ДВИГАТЕЛЬНОГО АППАРАТА

5.8.6 — Оздоровительная и адаптивная физическая культура

Аннотация. В представленном в статье исследовании ставится цель определить особенности развития позитивной Я-концепции у спортсменов с поражениями опорно-двигательного аппарата (ПОДА). Материалами исследования выступают современные публикации отечественных и зарубежных ученых в исследуемой предметной области. Для достижения цели применяются методы теоретического анализа и обобщения современных знаний в исследуемой предметной области. Определены психологические закономерности развития позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА, а именно: включение лиц с ПОДА в спортивную деятельность способствуют повышению самооэффективности, социальной интеграции и снижению изоляции, развитию внутренней мотивации, коррекции образа тела через когнитивную реструктуризацию позитивного опыта, переживанию эмоционального благополучия через удовлетворение трех базовых потребностей: в автономии (ощущение свободы выбора и контроля над своей жизнью), в компетентности (переживание своей эффективности), в принадлежности (чувство принадлежности группе) — и обретению новых смыслов жизненных ориентаций, возникновению рисков негативного воздействия на развитие Я-концепции. Раскрыты психологические механизмы развития позитив-

ной Я-концепции у спортсменов с ПОДА: самопознание; самопринятие; самооценка и самооэффективность; саморегуляция; социальная идентичность; эмоционально-мотивационные механизмы. Показано, что развитие позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА осуществляется в последовательности от осознания своей уникальности к поиску ресурсов самоподтверждения, к личным достижениям, к повышению самооценки, развитию внутреннего контроля, к формированию позитивной Я-концепции. Выделены четыре взаимосвязанных направления (когнитивное, эмоционально-оценочное, регулятивное, социальное) развития позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА. Изучение качественного своеобразия образа Я у людей с ПОДА, занимающихся спортом, позволяет не только расширить научное понимание процессов их личностного развития, но и повысить эффективность программ психосоциальной реабилитации средствами спортивной деятельности.

Ключевые слова: адаптивный спорт, позитивная Я-концепция, развитие, спортсмены, поражения опорно-двигательного аппарата, психологические закономерности, психологические механизмы, самооценка, самооэффективность, самопознание, самопринятие, социальная идентичность

Для цитирования: Драндров Г. Л., Сюкиев Д. Н. Развитие позитивной Я-концепции у спортсменов с поражениями опорно-двигательного аппарата // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 316—322. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1506.

Original article

DEVELOPMENT OF A POSITIVE I-CONCEPT IN ATHLETES WITH MUSCULOSKELETAL DISORDERS

5.8.6 — Improving and adaptive physical culture

Abstract. The purpose of the study is to determine the features of the development of a positive self-concept in athletes with musculoskeletal disorders (MSDs). The study materials include

contemporary publications by Russian and foreign scientists in the subject area under study. To achieve the goal, methods of theoretical analysis and generalization of contemporary

knowledge in the subject area under study are used. The psychological patterns of the development of a positive self-concept in athletes with MSDs are identified: the inclusion of individuals with MSDs in sports activities contributes to: increased self-efficacy; social integration and reduced isolation; the development of internal motivation; the correction of body image through the cognitive restructuring of positive experiences; the experience of emotional well-being through the satisfaction of three basic needs: autonomy (the feeling of freedom of choice and control over one's life); competence (the experience of one's effectiveness); and belonging (the feeling of belonging to a group) and the acquisition of new life orientations. The psychological mechanisms of the development of a positive self-concept in athletes with MSDs are revealed: self-knowledge; self-acceptance; self-esteem and self-efficacy; self-regulation; social identity; emotional and motivational mechanisms. It is shown that the deve-

lopment of a positive self-concept in athletes with MSDs occurs in a sequence from the awareness of their uniqueness to the search for self-confirmation resources, to personal achievements, to increased self-esteem, to the development of internal control, and to the formation of a positive self-concept. Four interrelated areas (cognitive, emotional-evaluative, regulatory, and social) of development of a positive self-concept in athletes with MSDs are identified. The study of the qualitative uniqueness of the self-image in people with MSDs who are engaged in sports allows not only to expand the scientific understanding of their personal development processes, but also to increase the effectiveness of psychosocial rehabilitation programs through sports activities.

Keywords: adaptive sports, positive self-concept, development, athletes, musculoskeletal disorders, psychological patterns, psychological mechanisms, self-esteem, self-efficacy, self-knowledge, self-acceptance, social identity

For citation: Drandrov G. L., Syukiev D. N. Development of a positive I-concept in athletes with musculoskeletal disorders. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):316—322. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1506.

Введение

Актуальность. По определению Всемирной организации здравоохранения поражение опорно-двигательного аппарата (далее — ПОДА) представляет собой стойкое нарушение функций движения и координации, ограничивающее участие человека в обычной жизнедеятельности. Эти физические ограничения оказывают непосредственное влияние на психологическое состояние личности, особенно на процессы самопознания, самопринятия и жизненного самоопределения.

Ограничения в двигательном развитии, а порой и социальные барьеры, могут вызывать трудности с самопринятием, ощущением собственной полноценности, снижать уверенность в себе и позитивную самооценку.

В таких условиях значимую роль играет поиск ресурсов психологической поддержки и инструментов формирования позитивной самоидентичности.

По мнению С. П. Евсеева [1], А. Бандуры [2], Р. М. Райана и Э. Л. Деси [3], одним из эффективных средств является адаптивный спорт, который, с одной стороны, способствует физической реабилитации, а с другой — выполняет важную функцию социализации, открывая возможности для общения, самореализации, достижения успеха и признания со стороны общества.

Изученность проблемы. Образ Я (*self-image* или *self-concept*) у лиц с ПОДА развивается под влиянием физических ограничений, социальной среды и процессов реабилитации.

Е. Г. Павлова [4] отмечает, что лиц с ПОДА отличает *искаженное восприятие* своего тела. При появлении или осознании инвалидности личность неизбежно проходит через стадии психологической адаптации — от шокового отрицания и протеста к постепенному принятию. Эти стадии затрагивают когнитивный и аффективный уровни самосознания, формируя нередко искаженную Я-концепцию. Физические дефекты приводят к негативно-му восприятию собственного тела, снижению самооценки при сравнении со здоровыми людьми, которые видят его физические дефекты.

Для лиц с ПОДА типичны *противоречивые самоотношения*: с одной стороны, стремление к социальной норме, с другой — ощущение отличия от здоровых людей.

Такое внутреннее расщепление приводит к «раздвоению Я-образа»: реальный образ себя характеризуется заниженной самооценкой, а идеальный образ — гипертрофированными устремлениями компенсаторного характера.

Исследования Е. В. Коломийченко [5] показывают, что у людей с двигательными нарушениями часто наблюдается феномен «*защитного отрицания*», когда человек минимизирует восприятие собственной физической ограниченности, чтобы сохранить внутреннее равновесие. Это помогает пережить кризис самоидентичности, но в долгосрочной перспективе может препятствовать адекватному самопринятию.

Наличие физического дефекта не является прямым определяющим фактором низкой самооценки. Как подчеркивал К. Роджерс [6], самооценка формируется, прежде всего, под влиянием опыта, особенно опыта принятия и уважения со стороны других. Решающую роль играют не медицинские показатели, а социально-психологические условия, в которых человек живет и реализует себя.

Когнитивная составляющая Я-концепции связана с образом собственного тела, представлениями о его возможностях и ограничениях. Нарушения движений вызывают перестройку образа тела — основы базового самосознания. При этом в структуре самовосприятия могут появляться искажения: человек либо избыточно фиксируется на дефекте, либо, напротив, стремится его игнорировать.

Эмоциональный компонент Я-концепции у лиц с ПОДА часто страдает в первую очередь. Самопринятие выступает базовым условием личностной стабильности и внутренней свободы. Его наличие позволяет личности воспринимать физические ограничения не как препятствие, а как индивидуальную особенность. Это согласуется с концепцией безусловного принятия К. Роджерса [6], согласно которой истинное развитие возможно только при эмоциональном принятии человеком своего «Я» во всех проявлениях.

По данным В. В. Столина [7], низкий уровень самопринятия проявляется в склонности к самокритике, обостренной чувствительности к внешней оценке, трудностях в установлении доверительных отношений. Для этой категории людей характерно пониженное базовое самоуважение — результат длительного опыта негативных социальных сравнений и восприятия себя

как «отличного». Психологическая защита в виде изоляции или отказа от активности является следствием внутреннего конфликта между желанием равенства и признанием своей уникальности. С. А. Жданова [8] утверждает, что лица с ПОДА сталкиваются с дискриминацией, что формирует низкую самооценку, чувство отверженности и проблемы с социализацией. Это может привести к депрессии и тревоге.

Однако при наличии благоприятных внешних условий: поддерживающей семьи, позитивного окружения, включенности в спортивное или творческое сообщество — эмоционально-оценочный компонент Я-концепции способен формироваться гармонично. Так, исследования Н. А. Капчинского и С. В. Севодина [9], а также предыдущие работы авторов настоящей статьи [10] на выборке спортсменов с ограниченными возможностями здоровья показывают, что участие в спортивных мероприятиях способствует повышению уровня самоуважения.

Целесообразность исследования проблемы. Спорт является особым пространством самореализации, где личность постоянно сталкивается с необходимостью оценивать свои силы, принимать решения, стремиться к успеху и преодолевать неудачи. Эти процессы напрямую связаны с самосознанием и формированием Я-концепции. Спортивная деятельность создает условия для проявления активности, преодоления трудностей, раскрытия личностного потенциала и, как следствие, способствует формированию позитивного образа Я у лиц с ПОДА.

Изучение качественного своеобразия образа Я у людей с ПОДА, занимающихся спортом, позволяет не только расширить научное понимание процессов их личностного развития, но и повысить эффективность программ психосоциальной реабилитации средствами спортивной деятельности.

Цель исследования — определить особенности развития позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА.

Задачи исследования:

1. Определить психологические закономерности развития позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА.
2. Определить психологические механизмы, функционирование которых определяет развитие позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА.
3. Выделить возможные негативные последствия занятий лиц с ПОДА адаптивным спортом для развития позитивной Я-концепции.
4. Раскрыть этапы и направления развития позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА.

Научная новизна. Определены психологические закономерности и механизмы развития позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА, выделены существующие для них негативные риски занятий адаптивным спортом, раскрыты этапы и направления ее развития в процессе спортивной деятельности.

Теоретическая значимость. Результаты исследования расширяют и углубляют психолого-педагогические знания о качественном своеобразии содержания и процессов самопознания, самопринятия и самоопределения у лиц с ПОДА, психологических закономерностях и механизмах позитивного и негативного воздействия спортивной деятельности на эти процессы.

Практическая значимость. Понимание качественного своеобразия образа Я у людей с ПОДА, занимающихся спортом, позволяет повысить эффективность программ

психосоциальной реабилитации средствами спортивной деятельности, направленных на формирование позитивной самооценки, самоуважения, эмоционального самопринятия, уверенности в себе, смысловых ориентаций на саморазвитие и самореализацию, внутреннего контроля и социальной идентичности. Наряду с этим они позволяют избежать негативных последствий занятий адаптивным спортом на развитие Я-концепции у лиц с ПОДА.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Теоретической основой исследования выступают: теория самосознания личности (В. В. Столин); концепция самоэффективности (А. Бандура); теория самоопределения (Р. М. Райан и Э. Л. Деси); идеи гуманистической психологии (К. Роджерс); положения адаптивной физической культуры как средства социальной реабилитации личности (С. П. Евсеев и Е. А. Дьячкова). Материалами исследования выступают современные публикации отечественных и зарубежных ученых в исследуемой предметной области. Для достижения цели применяются методы теоретического анализа и обобщения современных знаний в исследуемой предметной области.

Результаты исследования и их обсуждение. По мнению С. П. Евсеева [1], адаптивный спорт представляет собой модифицированные виды спорта, адаптированные для людей с ограниченными возможностями, включая поражения опорно-двигательного аппарата (ПОДА). В наших предыдущих работах [11] подчеркивается, что адаптивные виды спорта играют ключевую роль в формировании позитивной Я-концепции — комплексного представления человека о себе, способствуют позитивному развитию образа Я, повышая самоэффективность, самооценку и уверенность.

Спортивная деятельность оказывает всестороннее воздействие на становление и развитие Я-концепции спортсменов с ПОДА, формируя у них целостное представление о себе как об активном, компетентном и социально значимом субъекте.

Анализ и обобщение научно-методической литературы позволяет выделить основные **психологические закономерности** воздействия спортивной деятельности и связанных с ее осуществлением отношений соперничества и сотрудничества на развития позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА.

1. *Занятия спортом через успехи и достижения приводят к повышению самоэффективности.* По мнению И. В. Савиной [12], ключевую роль в развитии позитивной Я-концепции играет положительный опыт успешного действия, позволяющий личности пережить чувство компетентности и внутреннего контроля. Именно такие переживания в концентрированном виде присутствуют в спортивной деятельности. Каждое достижение, преодоление трудности или личный рекорд актуализирует переживание «я могу» — центральный элемент самоэффективности. Участие в адаптивном спорте позволяет преодолевать физические барьеры, что усиливает веру в собственные способности (*self-efficacy*). Е. Н. и И. В. Михайловы [13] считают, что достижение успеха приводит к росту самооценки, снижая чувства беспомощности и депрессии. Положительно влияет на его стабилизацию развитый опыт физической активности и умение измерять успех личными достижениями,

а не внешними эталонами сравнения. Именно спорт создает возможность заново перестроить образ тела и воспринять его не как источник ограничений, а как инструмент самореализации.

А. Бандура [2] в своей теории самоэффективности указывает, что чувство компетентности и вера в собственные силы формируются преимущественно через личный опыт достижения успеха, а также через наблюдение за успешными действиями других (модельное подкрепление) и позитивную социальную поддержку. Именно эти факторы особенно ярко проявляются в спорте. Спортивная деятельность предлагает многочисленные ситуации, где личность может убедиться в эффективности своих действий. Каждое освоенное упражнение, соревнование, преодоленный барьер укрепляют внутреннюю уверенность. А. Бандура [2] отмечает, что самоэффективность прямо зависит от того, как человек оценивает собственные физические и функциональные ресурсы. Если внутренняя картина возможностей субъекта соответствует реальности и содержит установку на рост, когнитивный компонент Я-концепции остается целостным. Для людей с физическими ограничениями спорт становится особым средством психологической компенсации и самоутверждения.

Исследования Т. Н. Зерновой и Н. П. Носенко [14] и Ю. В. Амариаси с соавторами [15] показывают, что участие лиц с ПОДА в спортивных программах способствует росту самоуважения и снижению чувства ущербности. Во-первых, спортивная деятельность помогает изменить отношение к собственному телу: от восприятия его как источника ограничений к опыту владения и контроля. Во-вторых, формируется социальная идентичность «спортсмена», которая замещает роль «человека с инвалидностью». Это полностью перестраивает систему самооценок: теперь личность оценивает себя через результаты, дисциплину и упорство, а не через диагноз. В частности, по полученным нами ранее данным [11], у параспортсменов уровень самоуважения и внутреннего локуса контроля выше, чем у людей с аналогичными диагнозами, не вовлеченных в спорт. Авторы пришли к заключению, что высокий уровень самоэффективности тесно связан с устойчивой позитивной Я-концепцией, низким уровнем тревожности и большей готовностью к изменениям.

2. *Занятия спортом обеспечивают социальную интеграцию личности.* Спорт выполняет функцию социальной адаптации: в процессе тренировок и соревнований человек включается в систему межличностных отношений, учится сотрудничать, принимать ответственность, соблюдать дисциплину и доверять другим. Всё это создает условия для позитивного самоощущения и социальной идентичности. Исследования К. Шеррилл [16] подтверждают, что участие в адаптивных спортивных мероприятиях укрепляет чувство социального статуса и сопричастности. Спортсмены с ПОДА чаще демонстрируют стабильную самооценку, оптимизм и устойчивость к стрессам по сравнению с неспортсменами.

Спорт способствует формированию социальных связей, снижая стигматизацию и улучшая восприятие себя как части группы. А. С. Полубедова и Г. Б. Горская [17] подчеркивают, что групповые взаимодействия активируют зеркальные нейроны, укрепляя эмпатию и коллективную идентичности. Социальная среда играет решающую роль в становлении образа себя. Для людей с двигательными

нарушениями значимы: *семейное принятие* — наличие безусловной поддержки и реалистичных ожиданий родителей; *образовательная интеграция и досуговая среда* — совместное обучение и социальная активность повышают уровень уверенности и ощущение принадлежности к обществу; *доступность успешных ролевых моделей.*

Наблюдение за достижениями других людей с инвалидностью (в спорте, учебе, творчестве) формирует установку на возможность самореализации. «Фактор идентификации» является мощнейшим стимулом внутренней перестройки системы Я. Вовлеченность в сообщество спортсменов адаптивного спорта способствует тому, что Я-концепция перестает определяться диагнозом и начинает строиться вокруг достижений и социальных ролей.

Включенность в спортивные сообщества формирует устойчивое ощущение принадлежности, защищенности и признания. По наблюдениям Е. Н. и И. В. Михайловых [13], участие в команде или спортивной группе улучшает коммуникативные навыки, снижает уровень изоляции и способствует формированию позитивного образа себя. Социальная интеграция через спорт тем самым становится основой для формирования целостной, жизнеспособной Я-концепции, сочетающей осознание физических ограничений с чувством достоинства и уверенности.

3. *Занятия спортом создают условия для формирования внутренней мотивации и смыслов жизненных ориентаций личности.* Т. Н. Зернова и Н. П. Носенко [14] считают, что переход в процессе занятий адаптивным спортом от внешней мотивации (родительское давление) к внутренней (удовольствие от достижений) приводит к усилению автономии и повышению компетентности, усиливает автономию, компетентность и стремление к спортивному совершенствованию. У лиц с ПОДА нередко преобладает внешний локус контроля, т. е. склонность объяснять неудачи внешними обстоятельствами. Регулярная физическая активность и спортивная практика способствуют формированию внутреннего локуса контроля. Систематическое участие в соревнованиях повышает восприятие личной ответственности за успех и способствует развитию самоэффективности. Для лиц с ПОДА спорт становится моделью жизненной ситуации, где каждое достижение видимо, измеримо и зависит от собственных усилий. Постепенное накопление позитивного опыта приводит к реорганизации регулятивного уровня Я-концепции: формируется установка «я могу», вместо «мне помогают».

Адаптивные виды спорта, по мнению С. П. Евсеева [1], оказывают двойное влияние: с одной стороны, укрепляют волевую сферу через тренировочный процесс, а с другой — придают смысловую наполненность существованию, что стимулирует развитие внутренней мотивации и жизненной активности.

4. *Занятия адаптивным спортом помогают изменить отношение к собственному телу* от восприятия его как источника ограничений к опыту владения и контроля, переосмыслить физические ограничения, снижая дисморфофобию и повышая телесную самооценку. С. А. Жданова [8] считает, что основным психологическим механизмом выступает когнитивная реструктуризация через позитивный опыт.

5. *Участие в спортивной деятельности удовлетворяет,* по мнению Р. М. Райана и Э. Л. Деси [3] и Е. В. Коломийченко [5], *три базовые потребности личности,*

выделенные в теории самодетерминации: потребность в автономии (ощущение свободы выбора и контроля над своей жизнью); потребность в компетентности (переживание своей эффективности); потребность в сопричастности (чувство принадлежности группе). Для спортсменов с ПОДА реализация этих потребностей через спорт позволяет восстановить чувство личной значимости и смысла существования. Как отмечает Е. Г. Павлова [4], человек, «обретая телесную уверенность, вновь ощущает себя субъектом действия, а не объектом ухода».

Без адекватной психологической и социальной поддержки формирование Я-концепции у лиц с ПОДА может пойти по пути комплекса неполноценности (по А. Адлеру).

Исследователи выделяют определенные риски негативного воздействия занятий спортом на развитие Я-концепции у лиц с ПОДА. К основным негативным последствиям Е. В. Коломийченко [5], Н. А. Капчинский и С. В. Севодин [9], Е. Н. и И. В. Михайловы [13], И. В. Гайдамашко, И. В. Бабичев [18] относят:

- *социальную изоляцию и стигматизацию*: спорт может усиливать чувство «инаковости», если участники сталкиваются с дискриминацией или недостаточной инклюзией, что приводит к снижению самоуважения и избеганию социальных взаимодействий;
- *фрустрацию и разочарование от неудач*: необходимость соревнований и высоких стандартов может вызывать чувство некомпетентности, особенно если физические ограничения препятствуют достижению целей, снижая мотивацию и самооценку;
- *сравнение с другими и зависть*: участники могут сравнивать себя с более способными спортсменами (с инвалидностью или без), что вызывает комплекс неполноценности, проявляющийся в переживании своей социальной несостоятельности и избегании ответственности;
- *давление от тренеров и общества*: перфекционизм тренеров или ожидания семьи/общества могут создавать стресс, приводящий к выгоранию и снижению самоуважения;
- *потерю идентичности*: фокус на «спортивной» роли может маргинализировать другие аспекты личности, вызывая кризис идентичности и негативное самовосприятие.

Признаками формирования неблагоприятного Я-образа выступают: хроническое недовольство собой; отсутствие навыков саморефлексии; иждивенческая установка; психологическая закрытость и отгороженность от общества. Эти проявления приводят к снижению уровня самооценки, эмоциональной нестабильности и нарушениям коммуникации.

Наряду с этим, результаты приведенных выше исследований убеждают, что даже устойчивый негативный Я-образ поддается коррекции при педагогически обоснованном вовлечении индивида в целенаправленную физическую или спортивную деятельность, способствующую осознанию собственных возможностей.

Выделяются **психологические механизмы**, функционирование которых определяет эффективность реализации приведенных выше психологических закономерностей:

- самопознание, формирующее реалистическое осознание собственных возможностей через деятельность и телесный опыт;
- самопринятие, обеспечивающее эмоциональное равновесие и гармоничное отношение к собственным особенностям;

- самооценка и самоэффективность, укрепляющие уверенность в своих силах и формирующие внутренний локус контроля;

- саморегуляция, способствующая развитию волевой устойчивости и способности управлять поведением и эмоциями;

- социальная идентичность, основанная на ощущении принадлежности к спортивному сообществу, принятии и поддержке со стороны других;

- эмоционально-мотивационные механизмы, обеспечивающие внутреннюю мотивацию к деятельности, самосовершенствованию и достижению успеха.

Их совокупное действие приводит к перестройке образа Я в сторону интеграции, реалистичности и позитивного восприятия себя. Спорт становится контекстом, где личность открывает новые смыслы существования, ощущает внутренний рост и социальную востребованность.

Развитие позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА осуществляется в ряд последовательных **этапов**:

- 1) осознание своей уникальности и отличия от других → возникновение потребности в самоопределении;
- 2) поиск ресурсов самоподтверждения → включение в спорт;
- 3) появление личных достижений → рост самооценки и внутреннего контроля;
- 4) интеграция нового опыта → формирование устойчивой позитивной Я-концепции.

Выделяются четыре основных **направления** влияния адаптивного спорта на формирование позитивной Я-концепции у лиц с ПОДА:

1. *Когнитивное*: развитие реалистичной самооценки и осознанного восприятия собственных сил.
2. *Эмоционально-оценочное*: повышение самоуважения, уверенности, формирование опыта позитивных эмоций.
3. *Регулятивное*: управление поведением, развитие воли, самоорганизации, внутреннего локуса контроля.
4. *Социальное*: расширение круга общения, формирование статуса «спортсмена», интеграция в сообщество.

Заключение

1. Адаптивный спорт является эффективным ресурсом личностного развития. Психологические закономерности развития позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА проявляются в том, что включение лиц с ПОДА в спортивную деятельность способствует: повышению самоэффективности через успехи и достижения; социальной интеграции и снижению изоляции, переходу от внешней мотивации (родительское давление) к внутренней (удовольствие от достижений); коррекции образа тела через когнитивную реструктуризацию позитивного опыта; удовлетворению трех базовых потребности: в автономии (ощущение свободы выбора и контроля над своей жизнью); в компетентности (переживание своей эффективности); в сопричастности (чувство принадлежности группе); возникновению рисков негативного воздействия на развитие Я-концепции.

К возможным негативным последствиям занятий адаптивным спортом для лиц с ПОДА исследователи относят социальную изоляцию и стигматизацию; фрустрацию и разочарование от неудач: сравнение с другими и зависть; давление от тренеров и общества; потерю идентичности.

2. Определены психологические механизмы, функционирование которых определяет педагогическую эффективность психологических закономерностей развития

позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА: самопознание; самопринятие; самооценка и самооэффективность; саморегуляция; социальная идентичность; эмоционально-мотивационные механизмы.

3. Развитие позитивной Я-концепции у спортсменов с ПОДА осуществляется в ряд последовательных **этапов**: от осознания своей уникальности к поиску ресурсов само-

подтверждения, к личным достижениям, к повышению самооценки, развитию внутреннего контроля, к формированию позитивной Я-концепции. Влияние адаптивного спорта на формирование позитивной Я-концепции у лиц с ПОДА осуществляется во взаимосвязанных направлениях когнитивного, эмоционально оценочного, регулятивного и социального развития личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Евсеев С. П., Евсеева О. Э. Теоретические проблемы адаптивного спорта на современном этапе // Культура физическая и здоровье. 2015. № 4(55). С. 78—83.
2. Бандура А. Теория социального научения. СПб. : Евразия, 2000. 318 с.
3. Deci E., Ryan R. M. Self determination Theory and Motivation in Sport and Exercise. Champaign, IL : Human Kinetics, 2017. 312 p.
4. Павлова Е. Г. Формирование Я-концепции личности в контексте символической телесности // Социология профессора Г. П. Давидюка и современность : к 100-летию со дня рождения : материалы II Междунар. науч.-методол. междисциплинар. семинара. Минск, 2023. С. 113—117.
5. Коломийченко Е. В. Психологические аспекты формирования позитивного самоотношения в адаптивной физической культуре и спорте. Ростов н/Д. ; Таганрог : Юж. федер. ун-т, 2019. 91 с.
6. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М. : Прогресс : Универс, 1994. 479 с.
7. Столин В. В. Самосознание личности. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. 285 с.
8. Жданова С. А. Особенности самооценки детей инвалидов // Актуальные научные исследования: от теории к практике : материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. Нефтекамск : Мир науки, 2019. С. 176—182.
9. Капчинский Н. А. Севодин С. В. Занятия спортом для лиц с ограниченными возможностями здоровья // Вопросы педагогики. 2021. № 10-2. С. 132—136.
10. Драндров Г. Л., Сюкиев Д. Н., Каруев Б. Н. Особенности позитивной Я-концепции у спортсменов с поражениями опорно-двигательного аппарата // Современные наукоемкие технологии. 2022. № 10. Ч. 2. С. 281—286. DOI: 10.17513/snt.39382.
11. Драндров Г. Л., Сюкиев Д. Н., Румянцева Э. Р. Особенности влияния занятий спортом на формирование позитивной Я-концепции у спортсменов с ограниченными возможностями здоровья // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-8. С. 1840—1843.
12. Савина И. В. Развитие достижения успеха у лиц с ограниченными возможностями // Единое образовательное пространство как фактор формирования и воспитания личности : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и молодых ученых. Рязань : Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2020. С. 76—77.
13. Михайлова Е. Н., Михайлов И. В. Психолого-педагогические особенности Я-концепции лиц юношеского возраста с ограниченными возможностями здоровья // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 6. Ст. 264. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=28416>.
14. Зернова Т. Н., Носенко Н. П. Особенности развития Я-концепции у спортсменов подросткового возраста // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 2. DOI: 10.17513/spno.26216.
15. Изучение влияния спорта на характеристики самооценки глухих спортсменов детского и подросткового возраста / Ю. В. Амарияни, Н. О. Вербицкая, С. Н. Руденко и др. // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. 2022. № 6. С. 46—57. DOI: 10.47639/2074-4986_2022_6_46.
16. Sherrill C. Adapted Physical Activity, Recreation and Sport: Crossdisciplinary and Lifespan. Boston, Mass. : WCB/McGraw-Hill, 1998. xiv, 706 p.
17. Полубедова А. С., Горская Г. Б. Предикторы социально-психологической адаптации спортсменов с ограниченными возможностями здоровья // International Journal of Medicine and Psychology. 2023. Т. 6. № 8. С. 159—164.
18. Гайдамашко И. В., Бабичев И. В. Особенности конструктивной Я-концепции и условия ее формирования у юных спортсменов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 1(54). С. 6—13. DOI: 10.26456/vtspysped/2021.1.006.

REFERENCES

1. Evseev S. P., Evseeva O. E. Theoretical problems adaptivnogo sport at the present stage. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e = Physical culture and health*. 2015;4(55) 78—83. (In Russ.)
2. Bandura A. Social Learning Theory. Englewood Cliffs, NJ, Prentice-Hall, 1977. 247 p.
3. Deci E., Ryan R. M. Self determination Theory and Motivation in Sport and Exercise. Champaign, IL, Human Kinetics, 2017. 312 p.
4. Pavlova E. G. Formation of the self-concept of an individual in the context of symbolic corporeality. *Sotsiologiya professora G. P. Davidyuka i sovremennost' = Sociology of professor G. P. Davidyuk and modernity. To the 100th Anniversary of his birth. Materials of the II International scientific and methodological interdisciplinary seminar*. Minsk, 2023:113—117. (In Russ.)
5. Kolomiichenko E. V. Psychological aspects of the formation of positive self-attitude in adaptive physical culture and sports. *Rostov-on-Don, Taganrog, Southern Federal University publ.*, 2019. 91 p. (In Russ.)
6. Rogers C. R. On Becoming a Person: A Therapist's View of Psychotherapy. Boston, MA, Houghton Mifflin, 1961. 422 p.
7. Stolin V. V. Self-consciousness of a person. Moscow, Moscow University publ., 1983. 285 p. (In Russ.)

8. Zhdanova S. A. Features of self-esteem in disabled children. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya: ot teorii k praktike = Actual scientific research: from theory to practice. Materials of the International (correspondence) scientific and practical conference.* Neftekamsk, Mir nauki, 2019:176—182. (In Russ.)
9. Kapchinskii N. A. Sevodin S. V. Sports for persons with disabilities. *Voprosy pedagogiki*, 2021;10-2:132—136. (In Russ.)
10. Drandrov G. L., Syukiyev D. N., Karuyev B. N. Features of the positive self-concept in athletes with lesions of the musculoskeletal system. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2022;10-2:281—286. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.39382.
11. Drandrov G. L., Syukiyev D. N., Rumyantseva E. R. Features of influence of sports activities on formation positive Ya-kontseptsii [sic!] at athletes with the limited health opportunities. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental research*. 2014;9-8:1840—1843. (In Russ.)
12. Savina I. V. Developing success for people with disabilities. *Edinoe obrazovatel'noe prostranstvo kak faktor formirovaniya i vospitaniya lichnosti = The unified educational space as a factor of formation and education of personality. Materials of the XIV International scientific and practical conference of students, magistrants and young scientists.* Ryazan, S. A. Esenin Ryazan State University publ., 2020:76—77. (In Russ.)
13. Mikhaylova E. N., Mikhaylov I. V. Psychological-pedagogical peculiarities of I-concept of young people with reduced health opportunities. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2018;6:264. (In Russ.) URL: <https://science-education.ru/article/view?id=28416>.
14. Zernova T. N., Nosenko N. P. Features of self-concept in athletes adolescence. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2017;2. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.26216.
15. Amariani Yu. V., Verbitskaya N. O., Rudenko S. N. et al. Studying the impact of sports on deaf athletes' self-evaluation characteristics in their childhood and adolescence. *Vospitanie i obuchenie detei s narusheniyami razvitiya*. 2022;6:46—57. (In Russ.) DOI: 10.47639/2074-4986_2022_6_46.
16. Sherrill C. *Adapted Physical Activity, Recreation and Sport: Crossdisciplinary and Lifespan*. Boston, Mass, WCB/McGraw-Hill, 1998. xiv + 706 p.
17. Polubedova A. S., Gorskaya G. B. Predictors of socio-psychological adaptation in athletes with disabilities. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2023;6(8):159—164. (In Russ.)
18. Gaidamashko I. V., Babichev I. V. Features of the constructive self-concept and conditions for its formation in young athletes. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = Vestnik Tver state university. Series: Pedagogy and psychology*. 2021;1(54):6—13. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtpsyed/2021.1.006.

Статья поступила в редакцию 29.11.2025; одобрена после рецензирования 17.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.
The article was submitted 29.11.2025; approved after reviewing 17.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Научная статья**УДК 378.17****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1513****Larisa Mikhailovna Zakharova**

Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department of Preschool
and Primary General Education,
Ulyanovsk State
Pedagogical University
Ulyanovsk, Russian Federation
ulseagull@mail.ru

Elena Ivanovna Andrianova

Candidate of Pedagogy,
Professor of the Department of Preschool
and Primary General Education,
Ulyanovsk State
Pedagogical University
Ulyanovsk, Russian Federation
eleniva73@mail.ru

Лариса Михайловна Захарова

д-р пед. наук,
профессор кафедры дошкольного
и начального общего образования,
Ульяновский государственный
педагогический университет имени И. Н. Ульянова
Ульяновск, Российская Федерация
ulseagull@mail.ru

Елена Ивановна Андрианова

канд. пед. наук,
профессор кафедры дошкольного
и начального общего образования,
Ульяновский государственный
педагогический университет имени И. Н. Ульянова
Ульяновск, Российская Федерация
eleniva73@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ЦЕНТРА

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Профессиональная подготовка современных педагогов системы дошкольного образования требует большего внимания к их практической готовности, развитию интереса к инновационной деятельности. Этому во многом способствуют создаваемые при педагогических вузах научно-образовательные центры. В статье рассмотрен опыт работы научно-образовательного центра «У-Знайки», созданного при Ульяновском государственном педагогическом университете имени И. Н. Ульянова. Уточнено понятие «формирование профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования» с учетом включения в данный процесс потенциала научно-образовательного центра. Его потенциал связан с созданием условий для более тесного научно-методического взаимодействия преподавателей, студентов, педагогов-практиков; более раннего включения в реальную образовательную практику детского сада студентов, осмыслению студентами сущностной деятельности педагога в системе дошкольного образования, раскрывая перспективы личностного развития и профессионального роста.

Значимым показателем готовности к профессиональной деятельности является ценностная составляющая, связанная с осознанием ценности самого дет-

ства, пониманием роли постоянного развития, стремлением использовать инновационные подходы в создании условий для развития детей. Авторами предложены этапы включения студентов в деятельность научно-образовательного центра: эмоционально-ценностный, ценностно-функциональный, мотивационно-деятельностный, рефлексивно-творческий, — которые способствуют развитию основных показателей профессиональной готовности студентов. Представлены результаты анкетирования студентов, которые участвовали в работе научно-образовательного центра. Будущие педагоги считают деятельность центра важной для получения практического опыта работы с дошкольниками и получения эмоциональной удовлетворенности от общения с детьми.

Ключевые слова: научно-образовательный центр, профессиональная готовность, студенты, структурное подразделение, сетевое взаимодействие «вуз — детский сад», этапы формирования профессиональной готовности, ценностное отношение к детству, квазипрофессиональная деятельность, детский сад, дошкольное образование, результаты анкетирования, инновационная деятельность студентов

Для цитирования: Захарова Л. М., Андрианова Е. И. Формирование профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования в условиях научно-образовательного центра // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 323—329. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1513.

Original article

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL READINESS OF FUTURE PRESCHOOL TEACHERS IN THE CONDITIONS OF A SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL CENTER

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. *The professional development of modern pre-school teachers requires greater attention to their practical readiness and the development of an interest in innovative activities. This is largely facilitated by the scientific and educational centers (SECs) established at pedagogical universities. This article examines the experience of U-Znaiki SEC, established at Ulyanovsk State Pedagogical University. The concept of developing the professional readiness of future pre-school teachers is clarified, taking into account the inclusion of the SEC's potential in this process. Its potential lies in creating conditions for closer scientific and methodological interaction between teachers, students, and practicing teachers; earlier inclusion of students in real-life educational practices at the kindergarten; and students' understanding of the essential role of a teacher in the preschool education system, revealing prospects for personal development and professional growth.*

A significant indicator of readiness for professional work is the value component associated with awareness of the value of childhood itself, understanding of the role

of continuous development, and a desire to use innovative approaches in creating conditions for children's development. The authors propose stages for engaging students in the activities of the scientific and educational center: emotional-value, value-functional, motivational-activity, and reflective-creative, which contribute to the development of key indicators of students' professional readiness. The results of a survey of students who participated in the scientific and educational center during their university studies are presented. Future teachers consider the center's activities important for gaining practical experience working with preschoolers and emotional satisfaction from interacting with them.

Keywords: *scientific and educational center, professional readiness, students, structural unit, network interaction "university - kindergarten", stages of formation of professional readiness, value attitude to childhood, quasi-professional activity, kindergarten, preschool education, survey results, innovative activity of students*

For citation: Zakharova L. M., Andrianova E. I. Development of professional readiness of future preschool teachers in the conditions of a scientific and educational center. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026; 1(74):323—329. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1513.

Введение

Актуальность. Проблема подготовки педагогических кадров, умеющих работать с детьми с учетом новой социокультурной ситуацией развития, становится наиболее значимой в современной системе педагогического образования. В соответствии с профессиональным стандартом выпускники педагогических вузов должны обладать сформированными профессиональными компетенциями, которые позволяют бывшим студентам с первых дней быть активными участниками образовательного процесса. К современному выпускнику предъявляются требования как со стороны работодателей, которые ожидают не только хорошего владения знаниями молодыми специалистами, но и навыков практического решения реальных задач, так и со стороны родителей, продуктивное взаимодействие с которыми является неотъемлемой частью деятельности педагога [1], в т. ч. в условиях цифровой коммуникации [2].

Актуализация практико-ориентированной подготовки, модернизация высшего образования предполагает применение активных методов обучения, раннего включения студентов в образовательный процесс, в т. ч. на базе создаваемых при университетах научно-образовательных центров (далее — НОЦ) по профилю подготовки. Всё это определяет значимость рассматриваемой проблемы.

Изученность проблемы. Профессиональная готовность, как определяющая характеристика выпускников вуза, является предметом исследования многих ученых. Готовность рассматривалась исследователями на разных уровнях, с выделением личностной готовности, характеризующейся сформированностью качеств, необходимых для решения профессиональных задач в конкретной деятельности. Исследователи выделили основные критерии

и компоненты профессиональной готовности. Э. Ф. Зеер и А. А. Коновалов [3] изучали психологические аспекты и технологическую составляющую готовности к профессиональной деятельности. Г. Н. Жуков и Е. М. Дорожкин [4] провели анализ данного понятия в проведенных ранее исследованиях на уровне анализа различных компонентов готовности, самого процесса готовности студентов к различным видам педагогической деятельности. Т. В. Зацепина подчеркивала взаимосвязь учебной и самостоятельной деятельности в формировании готовности к педагогической деятельности [5]. Ю. О. Галушиной [6] были определены критерии и изучены уровни готовности к различным аспектам педагогической деятельности в дошкольной организации.

Исследования О. В. Артебякиной [7] и Н. В. Проворотовой [8] посвящены изучению профессиональной готовности выпускников к инновационной деятельности в образовательных организациях с выделением условий и компонентов данного вида готовности. Б. Е. Фишман [9] рассматривает НОЦ при университете более широко — в качестве фактора развития всего вуза, как способ интеграции научной и образовательной деятельности, позволяющий готовить научно-педагогические кадры. Роль НОЦ определяется разными учеными как важное условие готовности выпускников к инновационной деятельности. Виды НОЦ и условия их функционирования выделены в работе И. В. Бахлова и И. Г. Напалковой [10].

В то же время в исследовании Л. М. Захаровой и В. В. Черкашиной [11] отмечается, что вопросы подготовки будущих педагогов дошкольного образования чаще всего рассматриваются в контексте прохождения практик на базе прикрепленных дошкольных организаций,

входящих в структуру университета [11]. Н. В. Федина и В. П. Тигров [12] подчеркивают значимость сетевого взаимодействия «вуз — детский сад», которое дает возможность студентам осваивать образовательную программу с использованием ресурсов нескольких организаций.

Возникает вопрос: каковы возможности НОЦ, включающего детский сад, как структурного компонента педагогического вуза, в профессиональном развитии студентов, в развитии их мотивации, поддержания интереса к инновационной деятельности в образовательных организациях, какова его роль в поэтапном процессе формирования профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования. Что и определяет **цель** нашего исследования.

Задачи исследования:

1. Обосновать и выделить основные этапы развития профессиональной готовности студентов на базе НОЦ.
2. Представить результаты анкетирования студентов по определению роли НОЦ в развитии компонентов профессиональной готовности.
3. Определить потенциал НОЦ в формировании профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования.

Научная новизна представленного исследования заключается в том, что выделены этапы развития профессиональной готовности на базе НОЦ; уточнено понятие «формирование профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования» с учетом включения в данный процесс потенциала НОЦ, и понимаемого как поэтапное развитие основных показателей профессиональной готовности, систематизирующим критерием которого является ценностное отношение к детству, личностному и профессиональному росту, к педагогической деятельности.

Теоретическая значимость исследования связана с обоснованием роли НОЦ при педагогическом университете в развитии компонентов профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью использовать алгоритм формирования профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования в условиях сетевого взаимодействия «вуз — детский сад».

Основная часть

Изучение психолого-педагогической литературы позволяет рассматривать понятие «готовность» в качестве характеристики личности, личностного качества, характеризующегося сформированными компетенциями, как уровень личностной ориентации; как подготовленность к деятельности [4; 5].

Готовность формируется на основе осознания, понимания своих знаний, умений в области методической, психолого-педагогической деятельности с обучающимися, своих личностных возможностей к адаптации, в реагировании на меняющиеся условия, прогнозирования и проектирования. Готовность, в целом, характеризует активность личности к решению задач профессиональной деятельности.

В структуре профессиональной готовности педагога выделяют мотивационную, когнитивную, деятельностьную (операционную), личностную составляющие [13]. При этом мотивационный компонент готовности характеризует значимые мотивы выбора профессии педагога, когнитивный связан не только с наличием информации

о профессиональных условиях труда, возможности профессионального роста [14], но, что самое важное, со знанием современных подходов, технологий обучения и воспитания и результатов оценивания, понимания своих возможностей. Операционный компонент характеризует сформированность профессиональных умений и способность применять усвоенные психолого-педагогические знания в реальной образовательной среде, развитость коммуникативных, организаторских, конструктивных умений. Эмоциональность, отзывчивость, добросовестность раскрывают личностную составляющую профессиональной готовности педагога. Анализ научных исследований позволяет рассматривать профессиональную готовность с позиций психологического, личностного и функционального подходов, она во многом связана и с умением управлять инновационной деятельностью [14].

Профессиональная готовность будущих воспитателей раскрывается через систему сформированных у выпускников комплекса компетенций, позволяющих реализовывать трудовые действия педагога дошкольного образования в современных условиях, связанных с созданием единого образовательного пространства (реализация Ядра педагогического образования), характеризующиеся цифровизацией общества, вариативностью полей поликультурности.

Определяя критерии готовности студентов к профессиональной деятельности значимым показателем, на наш взгляд, является ценностная составляющая готовности, связанная:

- с осознанием ценности самого детства;
- пониманием роли постоянного личностного и профессионального развития;
- стремлением использовать инновационные подходы в создании условий для развития детей;
- готовностью решения педагогических задач образовательной практики дошкольных организаций, работающих в режиме инноваций.

Фактически сформированность выделенных ранее компонентов профессиональной готовности во многом определяется наличием этой составляющей, которая является направляющим, определяющим и регламентирующим фактором деятельности педагога.

Профессиональная готовность формируется в процессе обучения в вузе, она связана с освоением профессиональной программы, в результате чего происходит формирование компетенций, характеризующих уровень готовности выпускника к реализации трудовых функций педагога дошкольного образования. В то же время готовность не может ограничиваться лишь рамками учебного процесса, на ее развитие оказывают влияние как внутренние личностные факторы, так и внешние условия организации процесса обучения, к которым можно отнести и НОЦ, созданные при педагогических университетах.

НОЦ «У-Знайки» — это структурное подразделение Ульяновском государственном педагогическом университете имени И. Н. Ульянова (далее — УлГПУ), позволяющее объединить учебную, научную, профессиональную деятельность. Это форма интеграции образования, науки и производства в реализации практической направленности обучения в развитии профессиональной готовности студентов — будущих педагогов дошкольного образования. Субъектами НОЦ являются студенты, преподаватели, педагоги детского сада «У-Знайки», педагогический коллектив базовых кафедр.

Деятельность НОЦ значительно расширяет границы учебного процесса в университете, «помогая» в наполнении формирующихся профессиональных компетенций студентов — будущих педагогов дошкольного образования, раскрывая ценностные основы педагогической деятельности.

Профессиональные компетенции определяют степень развития личностных и сформированность профессиональных качеств будущих педагогов, позволяющих реализовывать педагогический процесс в дошкольной организации, создавать условия для развития ребенка на основе знания и владения современными педагогическими технологиями, способностью к рефлексивной деятельности, умением проектировать педагогический процесс с учетом конкретной ситуацией развития.

Профессиональное развитие студентов в формате НОЦ проходит постепенно: от первичного эмоционального погружения в реальный процесс общения с детьми и педагогами детского сада — к поиску методических находок в решении практических задач — к педагогическому творчеству. Включение потенциала НОЦ в образовательный процесс с целью развития профессиональной готовности позволило выделить несколько этапов в ее развитии, начиная с I курса обучения. При выделении этапов учитывались основные показатели профессиональной готовности:

1. На *эмоционально-ценностном этапе* происходит первоначальная ориентировка студентов в профессиональной деятельности воспитателя и формирование эмоционально-ценностного отношения к осваиваемой профессии, происходит осмысление ценностей педагогической деятельности: самооценности дошкольного детства, ценности гуманного отношения к детям, общественной ценности профессии педагога и т. п. На I и II курсах значительную часть учебного плана занимают дисциплины социально-гуманитарного, коммуникативно-цифрового, здоровьесберегающего модулей, поэтому чрезвычайно важно использовать ресурс НОЦ для общепрофессиональной и ранней предметно-методической подготовки.

Начиная с I курса перед студентами ставятся задачи интеграции общепедагогических знаний в реальный образовательный процесс НОЦ. При изучении дисциплины «История дошкольного образования» у обучающихся развиваются умения использовать опыт классиков педагогики в современной образовательной практике при создании современных дидактических материалов на основе идей прошлого с учетом современной социокультурной ситуации развития детей. Возникающее противоречие, на которое обращает внимание преподаватель, между созданными дидактическими материалами (задачами, на решение которых они направлены, содержанием, выполняемых характером действий) и возможностью применения в конкретном возрасте студенты пытаются разрешать при изучении курсов, связанных с проблемами проектирования предметной пространственной среды в разных возрастных группах и анализом игровых уголков в детском саду.

Самостоятельная разработка методических материалов для организации воспитательной среды, их апробация в ходе проведения совместных мероприятий с детьми вызывает яркие положительные эмоции и дальнейшее желание работать с ними, стимулирует к дальнейшему изучению дисциплин.

2. *Ценностно-функциональный этап* формирования профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования позволяет объединить теоретические знания нормативной базы, функционала педагогических работников дошкольной организации и практическое наблюдение за их реальным воплощением в процессе кратковременного/эпизодического включения студентов в педагогическую деятельность, когда студенты «отрабатывают» трудовые умения помощника воспитателя, воспитателей. В эти моменты происходит осмысление роли каждого специалиста в развитии, воспитании, образовании формирующейся личности, понимание ценностных основ деятельности всех и каждого. Включение студентов в качестве помощников воспитателей в процессе практик позволяет в полной мере обеспечить индивидуальный подход к обучению и воспитанию детей, организовать работу педагогов, исходя из личностного подхода к каждому ребенку.

НОЦ «У-Знайки», как структурное подразделение университета, позволяет строить процесс обучения студентов как квазипрофессиональную деятельность и целенаправленно формировать трудовые действия и профессиональную мотивацию за счет организации практических занятий, различных видов учебных и производственных практик. Это позволяет развивать разную степень самостоятельности в формировании трудовых действий [15].

3. *Мотивационно-деятельностный этап* характеризуется в большей степени развитием мотивов педагогической и личностной деятельности: добиться успеха, продвижения, заняться научной деятельностью, придумать новые методики, стать первоклассным специалистом, известным ученым и т. д. На этом этапе значительная роль принадлежит предметным дисциплинам, позволяющим студентам погрузиться в теорию дошкольной педагогики, познать специфику конкретных методик, развивать умения планирования и организации детей, проведения образовательных моментов. Ряд практических занятий проводится на базе НОЦ и предполагает активное включение студентов в образовательный процесс дошкольной организации. Студенты имеют возможность общаться с детьми, отрабатывать различные формы взаимодействия с детьми, организовывать различные виды детской деятельности (игровую, продуктивную, двигательную). Студенты не просто учатся выполнять трудовые действия, но и работают над решением конкретных практических задач жизнедеятельности детского сада. НОЦ, его воспитатели, методист предоставляют возможность студентам в демонстрации результатов своего обучения в работе с детьми и их родителями. В рамках Олимпиады по дошкольной педагогике (III—IV курс), проходящей на базе НОЦ, предусмотрен теоретический (тесты, решение кейсов) и практический этап (проведение занятий, и организация игровой деятельности, работы с родителями), позволяющие интегрировать теоретическую и практическую подготовку в рамках профессиональной программы подготовки педагогов дошкольного образования. Цели, задачи и содержание конкурсных заданий формируются с учетом Федеральной образовательной программы дошкольного образования и Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

НОЦ становится площадкой, на которой возможна организация практико-ориентированных форм текущего и итогового контроля, проводимых в формате досуговой, театральной, игровой деятельности, демозамена.

В рамках изучения дисциплины «Методическое сопровождение деятельности педагога в ДОО» студенты V курса вместе с педагогами НОЦ принимали участие в интерактивной игре «Профессия — педагог», которая актуализировала знания участников в области дошкольного образования и позволила познакомить студентов с современными формами методической работы в дошкольной организации. Для студентов результатом игры оказались не только новые знания, но и возможность совместного, профессионально ориентированного общения, возможность обсудить с практиками профессию воспитателя и ее перспективы.

4. *Рефлексивно-творческий этап* предполагает активное включение студентов в инновационную, научную деятельность. НОЦ «У-Знайки» является ресурсным центром распространения и трансляции инноваций и часто выступает инициатором различных конкурсов и выставок методических разработок среди педагогов дошкольного образования города и области. Проведение научно-практических семинаров, круглых столов на базе НОЦ с участием студентов является важным направлением профессиональной подготовки будущих специалистов дошкольного профиля. Основными задачами данных мероприятий являются обобщение и презентация опыта инновационных площадок, реализующих современные подходы в образовании дошкольников под руководством преподавателей кафедры дошкольного и начального общего образования УлГПУ в области социально-коммуникативного, эстетического, творческого, познавательного развития детей, а также поддержание интереса студентов к инновационной деятельности, становление профессиональной позиции будущих педагогов ДОО. На научно-методических семинарах подводятся итоги творческой деятельности студентов и педагогов.

НОЦ выступает как площадка для апробации современных методических материалов, оборудования и детских игрушек. С целью объединения усилий преподавателей, студентов и производителей детской продукции в 2024 г. было заключено соглашение об организации совместной деятельности УлГПУ и ООО «Полесье ДГ» в сфере модернизации продукции, связанной с досугом и развитием детей. Включение в творческую группу студентов старших курсов позволило не только разработать методические материалы (конспекты, рекомендации для педагогов и родителей) по использованию развивающих игрушек, игровых наборов, но и дать профессиональные советы производителям продукции по их дальнейшему совершенствованию. Разработанные авторские дидактические материалы были апробированы самими же авторами-студентами в работе с дошкольниками в ходе педагогических практик в НОЦ «У-Знайки». Опыт использования игрушек фабрики «Полесье» обсуждался на студенческих научных конференциях, на Выставке методических разработок.

Предложенная этапность включения студентов в деятельность НОЦ позволяет последовательно развивать основные компоненты профессиональной готовности будущих воспитателей, предоставляя студентам больше возможностей приложения своих умений и знаний.

В целях выявления роли НОЦ в развитии профессиональной готовности студентов и их заинтересованности в участии в инновационной деятельности было проведено анкетирование студентов старших курсов, обучающихся по профилю «Дошкольное образование». В анкетирование

приняли участие 49 студентов III—V курсов факультета педагогики и психологии УлГПУ. Студентам была предложена анкета смешанного типа. Содержание вопросов предусматривало выяснение отношения к проведению занятий разного вида на базе НОЦ, готовности совмещать учебу и работу в детском саду, возможного трудоустройства после окончания учебы в НОЦ, определение роли НОЦ при подготовке педагогов.

Результаты опроса показали, что почти половина опрошенных студентов III—V курсов (44,9 %) посещали в процессе учебы НОЦ при проведении практических занятий (22,4 %), при организации досуга детей (16,3 %), при прохождении практики (6,1 %). Почти третья часть респондентов (30,6 %) выразили желание совмещать работу в НОЦ с учебой в вузе (30,6 %), причем наибольший процент пришелся на IV курс (18,3 %). Среди мотивов студенты называли важность приобретения опыта работы, наличие зарплаты; нежелающие работать во время обучения опасались, что работа помешает учебе. Следует отметить, что среди студентов V курса есть уже работающие в НОЦ в качестве воспитателя (2 %). Половина студентов III и IV курсов (51,4 %) рассматривают НОЦ как вариант возможного трудоустройства после окончания учебы. В качестве причин были указаны тесная связь НОЦ с университетом, интерес к данной образовательной организации, желание взаимодействовать с коллективом, удобное местоположение, высокую зарплату воспитателей. Многие студенты (38,8 %) оценивают уровень организации образовательного процесса и предметно-развивающей среды НОЦ как соответствующий современным требованиям дошкольного образования.

Студенты высоко оценивают возможности НОЦ при подготовке педагогов, считают, что НОЦ дает возможность студентам «увидеть детей», получить необходимый практический опыт общения с детьми и проведения образовательной работы, познакомиться с работой дошкольной организации, увидеть организацию работы с дошкольниками «изнутри» до начала профессиональной деятельности и лучше к ней подготовиться, проверить на практике разработки и нововведения, развить творческие способности, провести качественно научно-исследовательскую работу в процессе написания курсовой и дипломной работы, участия в инновационных проектах.

Выводы

В структуре профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования, его компонентов систематизирующим критерием является ценностное отношение к детству, личностному и профессиональному росту, к самой педагогической деятельности.

Сравнительная диагностика компонентов профессиональной готовности студентов выпускных курсов, принимающих активное участие в работе НОЦ, показала, что у них значительно, по сравнению со студентами, не задействованными в работе НОЦ, повысился мотивационный и личностно-деятельностный показатель. Низкий уровень развития профессиональной готовности будущих педагогов дошкольного образования в экспериментальной группе не выявлен, в отличие от контрольной группы (14 %).

Потенциал НОЦ характеризуется тем, что он содействует ценностному осмыслению студентами сущностной деятельности педагога в системе дошкольного образования, раскрывая перспективы личностного развития и профессионального роста.

НОЦ расширяет границы учебного процесса возможностью включения обучающихся в реальный образовательный процесс дошкольной организации в более ранние сроки.

НОЦ создает условия для более тесного научно-методического взаимодействия преподавателей, студентов, педагогов-практиков. Он позволяет включать в исследовательскую деятельность студентов для решения практических задач.

Заключение

Таким образом, значительную роль в формировании основных показателей профессиональной готовности студентов к реализации образовательных и воспитательных задач в системе дошкольного образования играет развивающий потенциал НОЦ. Он предоставляет студентам под руководством педагогов детского сада и преподавателей университета возможность апробации освоенных теоретических позиций в области методик воспитания и обучения, применения системы ценностного отношения к детям, позволяет не только создавать

авторские методические материалы, но и транслировать свой пока незначительный опыт взаимодействия с детьми и их родителями. Кроме того, НОЦ помогает не только совершенствовать процесс профессиональной подготовки студентов, но и образовательный процесс в самой дошкольной организации, предоставляя возможность реализации индивидуального, средового и личностного подходов.

Изучение мнения студентов о возможностях НОЦ в подготовке к профессиональной деятельности показало, что будущие педагоги считают деятельность центра важной для получения практического опыта работы с дошкольниками и получения эмоциональной удовлетворенности от общения с детьми.

НОЦ «У-Знайки», являясь неотъемлемым компонентом непрерывной практической подготовки студентов, площадкой для апробации авторских материалов (студентов и преподавателей), базой для проведения прикладных научных исследований, позволяет целенаправленно формировать профессиональную готовность будущих воспитателей в процессе обучения в вузе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кочергина О. А. Подготовка будущих педагогов к работе с родителями в условиях современной школы // *KANT*. 2021. № 3(40). С. 229—233. DOI: 10.24923/2222-243X.2021-40.43.
2. Банникова Л. В., Морозова В. И. Подготовка будущих педагогов к осуществлению цифровой коммуникации с родителями учащихся // *Современные проблемы науки и образования*. 2023. № 6. DOI: 10.17513/spno.33218.
3. Зеер Э. Ф., Коновалов А. А. Профессиональное развитие педагогов: психологический портрет // *Образование и наука*. 2025. Т. 27. № 4. С. 149—174. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-4-149-174.
4. Жуков Г. Н., Дорожкин Е. М., Кубрушко П. Ф. Формирование готовности студентов к профессионально-педагогической деятельности мастера производственного обучения: Теоретико-методологический аспект : моногр. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 227 с.
5. Зацепина Т. В., Зацепин А. В., Козлова Л. С. Профессиональная готовность учителя к применению теоретических знаний в учебной деятельности // *Наука и Образование*. 2022. Т. 5. № 2. URL: <https://www.opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4757>.
6. Галушинская Ю. О. Определение критериев готовности педагога к проектированию образовательной среды по ранней профориентации дошкольников // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. Вып. 77. Ч. 2. С. 97—100.
7. Артебякина О. В. Формирование готовности к инновационной деятельности у педагогов профессионального образования // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 5-1(68). С. 192—195. DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-1-192-196.
8. Провоторова Н. В. Особенности профессиональной готовности будущих специалистов сферы государственного управления к инновационной деятельности // *Гуманитарные исследования Центральной России*. 2020. № 4(17). С. 54—62.
9. Фишман Б. Е. Научно-образовательный центр — инструмент развития университета // *Высшее образование в России*. 2015. № 3. С. 113—119.
10. Бахлов И. В., Напалкова И. Г. Научно-образовательные центры вузов: проблемы и перспективы развития в условиях модернизации высшего образования // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2011. № 1(13). С. 51—55.
11. Захарова Л. М., Черкашина В. В. Становление профессиональной позиции будущих воспитателей в практико-ориентированной образовательной среде вуза : моногр. Ульяновск : Качалин А. В., 2017. 84 с.
12. Федина Н. В., Тигров В. П., Ивакина Л. А. Сетевое взаимодействие «вуз — детский сад». Возможности и перспективы развития // *Дошкольное воспитание*. 2022. № 5. С. 2—7.
13. Дрянных Н. В., Лодкина Т. В. Трактовка понятия «профессиональная готовность» в контексте подготовки студентов вуза к будущей профессиональной деятельности // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2021. № 1(100). С. 180—195. DOI: 10.23859/1994-0637-2021-1-100-14.
14. Кокшенева Е. А. Формирование готовности студентов вуза к будущей профессиональной деятельности : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2010. 18 с.
15. Вахитова Г. Х. Квазипрофессиональная деятельность в подготовке будущих специалистов предшкольного образования // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 5(170). С. 64—66.

REFERENCES

1. Kochergina O. A. Preparing future teachers to work with parents in a modern school. *KANT*. 2021;3(40):229—233. (In Russ.) DOI: 10.24923/2222-243X.2021-40.43.

2. Bannikova L. V., Morozova V. I. Preparing future teachers for digital communication with parents of school children. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* = *Modern problems of science and education*. 2023;6. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.33218.
3. Zeer E.F., Konovalov A.A. Professional development of teachers: a psychological profile. *Obrazovanie i nauka* = *The Education and science journal*. 2025;27(4):149—174. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2025-4-149-174.
4. Zhukov G. N., Dorozhkin E. M., Kubrushko P. F. Developing students' readiness for professional and pedagogical work as vocational training instructors: Theoretical and methodological aspect. Monograph. Ekaterinburg, Russian State Vocational Pedagogical University publ., 2019. 227 p. (In Russ.)
5. Zatsepina T. V., Zatsepin A. V., Kozlova L. S. Professional readiness of the teacher to apply theoretical knowledge in educational activities. *Nauka i Obrazovanie*. 2022;5(2). (In Russ.) URL: <https://www.opusmgau.ru/index.php/see/article/view/4757>.
6. Galushchinskaya Yu. O. Determining the criteria for the readiness of a teacher to design the educational environment on early vocational guidance of preschool children. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* = *Problems of modern pedagogical education*. 2022;77(2):97—100. (In Russ.)
7. Artebyakina O. V. Formation of readiness for innovative activity among vocational education teachers. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* = *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2022;5-1(68):192—195. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2022-5-1-192-196.
8. Provotorova N. V. Specifics of professional readiness for innovation of future specialists in the field of public administration. *Gumanitarnye issledovaniya Tsentral'noi Rossii* = *Humanities researches of the Central Russia*. 2020;4(17):54—62. (In Russ.)
9. Fishman B. E. Research and education center as a mechanism for development of the university. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = *Higher Education in Russia*. 2015;3:113—119. (In Russ.)
10. Bahlov I. V., Napalkova I. G. The scientific-educational centres of the higher education institutions: problems and perspectives of development in the conditions of the higher education modernisation. *Gumanitarii: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniya* = *Humanitarian: actual problems of the humanities and education*. 2011;1(13):51—55. (In Russ.)
11. Zakharova L. M., Cherkashina V. V. Formation of the professional position of future educators in the practice-oriented educational environment of the university. Monograph. Ulyanovsk, Kachalin A. V. publ., 2017. 84 p. (In Russ.)
12. Fedina N. V., Tigrov V. P., Ivakina L. A. Network interaction “university - kindergarten” opportunities and prospects for development. *Doshkol'noe vospitanie*. 2022;5:2—7. (In Russ.)
13. Dryannykh N. V., Lodkina T. V. Interpretation of the concept of “professional readiness” in the context of training university students for future professional activities. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Cherepovets State University Bulletin*. 2021;1(100):180—195. (In Russ.) DOI: 10.23859/1994-0637-2021-1-100-14.
14. Koksheneva E. A. Developing university students' readiness for future professional activity. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Kemerovo, 2010. 18 p. (In Russ.)
15. Vakhitova G. Kh. Quasiprofessional activities in the training of future specialists of preschool education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2016;5(170):64—66. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.
The article was submitted 09.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья
УДК 37.091.3
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1532

Angelina Viktorovna Zolotareva
Doctor of Pedagogy, Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences, Professor,
Professor of the Department of Pedagogical Technologies,
Yaroslavl State
Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
Yaroslavl, Russian Federation
ang_gold@mail.ru

Natalia Vladimirovna Shlyakhtina
Head of the Center
for Continuous Professional Development
of Teachers,
Institute for the Development of Education
Yaroslavl, Russian Federation
nvshlyakhtina@mail.ru

Ангелина Викторовна Золотарева
д-р пед. наук, член-корреспондент
Российской академии образования, профессор,
профессор кафедры педагогических технологий,
Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского
Ярославль, Российская Федерация
ang_gold@mail.ru

Наталья Владимировна Шляхтина
руководитель центра непрерывного повышения
профессионального мастерства
педагогических работников,
Институт развития образования
Ярославль, Российская Федерация
nvshlyakhtina@mail.ru

ОЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ РУКОВОДИТЕЛЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ЭТАПЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. *Непрерывность профессионального развития управленческих кадров достигается через постоянное повышение квалификации руководителей на всех этапах непрерывного профессионального образования. Наиболее востребованной формой является целевая краткосрочная программа повышения квалификации, разработанная с учетом индивидуальных потребностей слушателей.*

Цель статьи — представить особенности и показать результаты применения диагностики профессиональных компетенций руководителя образовательной организации на этапе повышения его квалификации. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что содержание и формы курсов повышения квалификации способствуют развитию профессиональных компетенций руководителей и преодолению их дефицитарных зон, выявленных в процессе предварительной и итоговой диагностики. Реализация курсов повышения квалификации руководителей по вопросам разработки программы развития образовательной организации позволила повысить уровень следующих компонентов управленческих компетентностей: умение руководить развитием общеобразовательной организации с учетом правовых норм; организовывать разработку, корректировку и утверждение основных образовательных программ; руководить разработкой, актуализацией и утверждением локальных нормативных актов общеобразовательной организации; реализовывать социальное партнерство с местными и бизнес-сообществами, организациями культуры, досуга и спорта, другими образовательными организациями; проводить SWOT-анализ и самообследование обще-

образовательной организации, обеспечивать внутреннюю систему оценки ее качества; формировать положительный имидж образовательной организации. Работа в управленческих командах в процессе реализации курсов позволила развить умение руководить деятельностью по созданию условий социализации обучающихся и индивидуализации обучения; формировать и поддерживать организационную культуру общеобразовательной организации; содействовать деятельности общественных объединений обучающихся, работников общеобразовательной организации и др.

Научная новизна исследования состоит в обосновании организационно-педагогических условий, при которых диагностика профессиональных компетенций руководителя образовательной организации на этапе повышения квалификации становится элементом системы его непрерывного профессионального развития. Практическая значимость заключается в возможности использовать результаты исследования в практике профессионального развития руководителей образовательных организаций, а также организаций, реализующих программы дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: профессиональные компетентности, руководитель образовательной организации, диагностика, непрерывное профессиональное развитие, повышение квалификации, профессиональные дефициты, формальное образование, краткосрочная программа повышения квалификации, профессиональный стандарт, управленческие команды

Для цитирования: Золотарева А. В., Шляхтина Н. В. Оценка профессиональных компетенций руководителя образовательной организации на этапе повышения квалификации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 330—338. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1532.

Original article

ASSESSMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCES OF THE HEAD OF AN EDUCATIONAL ORGANIZATION AT THE STAGE OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. Continuity of professional growth of management staff is ensured by the constant improvement of leaders' skills at all stages of continuous professional education. The most popular form is a targeted short-term advanced training program developed taking into account the individual needs of students.

The article aims to outline the specifics and demonstrate the outcomes of assessing the professional competences of an educational organization's leader at the stage of advanced training. The results of the study indicate that the content and forms of advanced training courses contribute to the development of professional competences of managers and overcoming their deficiency areas identified in the process of preliminary and final diagnostics. The implementation of advanced training courses for managers on the design of a development program for an educational organization has made it possible to increase the level of such components of managerial competences as the ability to manage the development of a general education organization taking into account the legal norms; organize the development, adjustment and approval of basic educational programs; manage the development, updating and approval of local regulatory acts of a general education organization; implement social partnership with local and business communities, cultural, leisure and sports organizations, and other educational organizations; conduct a SWOT

analysis and self-assessment of a general education organization, provide an internal system for assessing its quality; create a positive image of the educational organization. Working in management teams during the implementation of the courses allowed developing the ability to manage activities to create conditions for the socialization of students and individualization of learning; form and maintain the organizational culture of a general education organization; promote the activities of public associations of students, employees of a general education organization, etc.

The scientific novelty of the study lies in the substantiation of the organizational and pedagogical conditions under which the diagnostics of the professional competences of the head of an educational organization at the stage of advanced training becomes an element of the system of his continuous professional development. The practical significance lies in the possibility of using the research results for professional development of heads of educational organizations, as well as organizations implementing additional professional education programs.

Keywords: professional competences, head of an educational organization, diagnostics, continuous professional development, professional development, professional deficits, formal education, short-term professional development program, professional standard, management teams

For citation: Zolotareva A. V., Shlyakhtina N. V. Assessment of professional competences of the head of an educational organization at the stage of professional development. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):330—338. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1532.

Введение

Актуальность. На современном социокультурном и экономическом этапе развития Российской Федерации перед системой образования поставлены новые ориентиры, определены ключевые государственные цели, реализация которых возложена на руководителей образовательных организаций. Поэтому особую актуальность приобретают задачи повышения их профессионального управленческого мастерства.

Непрерывность профессионального развития управленческих кадров достигается за счет интеграции формального, неформального и информального образования, направленных на постоянное повышение качества управленческих навыков руководителей на всех этапах их профессионального развития. Обеспечение преемственного развития профессионального мастерства управленческих кадров требует целенаправленного создания определенных организационно-педагогических условий. Одним из таких условий является проведение диагностических мероприятий для выявления потребностей и профессиональных дефицитов руководителей, которые станут ориентиром в построении программ их профессионального развития.

Изученность проблемы. В настоящее время можно отметить ряд актуальных вопросов, существующих в сфере непрерывного профессионального образования руководителей: от расхождения содержания курсов с актуальными задачами, стоящими перед системой образования, до снижения интереса к традиционному формальному дополнительному

профессиональному образованию (далее — ДПО) и увеличения популярности неформальных и информальных форм образования, описанные К. Н. Волченковой [1]. Различные аспекты повышения квалификации руководителей рассмотрены в работах ученых: А. А. Барабас [2] отмечает важность использования формы стажировок для директоров. Л. М. Кидина [3] предлагает использовать «модульно-накопительную систему организации курсов повышения квалификации». Опираясь на результаты анализа предпочтений управленческих кадров Н. В. Шляхтиной [4], можно констатировать, что наиболее востребованной формой является целевая краткосрочная программа повышения квалификации (далее — ППК), разработанная с учетом диагностики индивидуальных потребностей и дефицитов руководителей в развитии конкретной управленческой компетенции.

Вопросами места диагностики и оценки компетенций руководителей в системе непрерывного профессионального развития занимались Н. В. Алтыникова, И. Д. Борченко, М. В. Кускова, Н. В. Мотуренко, Т. Л. Маркова, А. А. Музавев и др. [5—9]. С. Н. Трубенкова [10] указывает на то, что эффективность повышения квалификации руководителей зависит от диагностики профессиональных затруднений руководителей общеобразовательных организаций, изучения персонифицированных потребностей руководящих кадров. С. Н. Мосеева [11] считает, что регулярная диагностика компетенций способствует непрерывному повышению профессионального мастерства педагогов и руководителей. В. В. Мантуленко [12] отмечает, что выбор ППК

часто делается случайно, без опоры на существующие потребности и дефициты. М. И. Коверова [13] приводит опыт г. Москвы, где в структуре подготовки и профессионального развития руководителей выделяют диагностику уровня сформированности управленческих компетенций и личностных качеств и самодиагностику с использованием «Портфолио директора школы».

Таким образом, в открытых источниках и научно-методической литературе представлен незначительный опыт разработки и реализации процедур оценки управленческих компетенций руководителя и использования результатов в повышении квалификации.

Целесообразность разработки темы. Результаты статистических исследований говорят о том, что наиболее востребованной формой профессионального развития педагогов и руководителей образовательных организаций остаются курсы повышения квалификации, которые обеспечивают внедрению новшеств в образовательную среду в соответствии с актуальной государственной образовательной политикой [14]. При этом всё большее внимание уделяется оценке профессиональных дефицитов работников системы образования, которая становится инструментом повышения эффективности профессионального развития педагогических и управленческих кадров и качества образования в целом [5].

Научная новизна, представленного исследования состоит в обосновании организационно-педагогических условий, при которых диагностика профессиональных компетенций руководителя образовательной организации на этапе повышения квалификации становится элементом системы его непрерывного профессионального развития.

Цель данной статьи — показать результаты исследования сформированности профессиональных компетенций руководителей на этапе повышения квалификации с использованием инструментов диагностики для отбора содержательного материала и форм организации процесса их профессионального развития.

Задачи исследования: изучить степень разработанности проблемы становления диагностики элементом системы непрерывного профессионального развития управленческих работников, оценки их профессиональных компетенций, отвечающих требованиям профессионального стандарта руководителя, обосновать выбор содержания и форм проведения программ повышения квалификации на основе результатов исследования.

Теоретическая значимость представлена описанием структуры и комплекса профессиональных компетенций руководителя, выявлением места диагностики в системе его повышения квалификации, апробацией организационно-педагогических условий включения диагностики в процесс разработки и реализации ППК. **Практическая значимость** исследования заключается в описании методов диагностики и повышения квалификации руководителя, представлении полученных результатов, которые могут представлять интерес для преподавателей в системе ДПО.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Необходимость развития профессионализма руководителей системы образования отмечена как в документах федерального уровня, так и в актуальных научных исследованиях. Согласно ч. 4 ст. 76 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» ППК призван

на улучшить или формировать новые профессиональные навыки, необходимые для работы, а также поднять уровень профессионализма в рамках имеющейся квалификации. Поиск новых путей подготовки управленческих кадров для образовательных организаций [15] становится стратегической задачей организации ДПО.

Современные научные исследования также указывают на важность непрерывного профессионального развития специалистов и определяют профессиональную диагностику как ключевой фактор развития образования и инструмент для его совершенствования. В исследованиях отечественных ученых диагностика понимается как «особый вид деятельности, представляющий собой установление и изучение признаков, характеризующих состояние и результаты процесса обучения, и позволяющий на этой основе прогнозировать возможные отклонения, определять пути их предупреждения, а также корректировать процесс обучения в целях повышения качества подготовки специалистов» [16, с. 109].

В программах ДПО любые общие компетенции должны обретать профессиональную направленность, проявляясь как сложные практические навыки или профессиональные компетенции. Следовательно, при определении результатов обучения целесообразно рассматривать профессиональные компетенции в качестве основных целей программ ДПО. Целью проведения диагностики на этапе повышения квалификации, например, челябинские исследователи определяют получение сравнимой информации относительно актуальных ключевых компетенций слушателей, необходимой и достаточной для анализа и оценки изменения их мотивационной готовности к совершенствованию профессиональных компетентностей [17]. Формальный подход к определению содержания программ ДПО в случае с руководителями образовательных организаций часто приводит к получению документа об образовании, а не повышению профессиональной компетентности [18].

Требования к содержанию и уровню профессиональных компетенций руководителя задает профессиональный стандарт «Руководитель образовательной организации (управление дошкольной образовательной организацией и общеобразовательной организацией)» [19] через детализацию обобщенных трудовых функций в виде профессиональных компетенций руководителя. Разработка модулей ППК на основе Профессионального стандарта широко используется в практике ДПО и описана в методиках разработки модулей ППК [20], а также рекомендована для обеспечения качества программ ДПО [21] на основе диагностики профессиональных дефицитов слушателей [22].

В исследованиях ярославских ученых обозначена проблема недостаточной разработанности оценивания профессиональных управленческих компетенций [23], описаны инструменты оценки и результаты оценивания предложенного комплекса профессиональных компетентностей руководителя [22]. Грамотный выбор контента, четко сформулированные вопросы и понимание ключевых методик работы с оценочными инструментами помогут увеличить интерес к обучению у управленцев и сформировать у них стремление к профессиональному росту [8]. При разработке как диагностического инструментария, так и последующей ППК нами был выбран модульный подход как независимое, логически законченное звено в системе развития профессиональных компетентностей руководителя образовательной организации [24].

Для успешного совершенствования профессиональных умений педагогических и управленческих кадров в контексте формального образования требуется адекватный подбор способов оценивания и диагностики [25]. В педагогическом опыте представлены практики использования инструментов оценивания для разработки и коррекции ППК. Причем в ходе оценочной процедуры устанавливается степень развития профессиональных компетентностей оцениваемого как в виде общего процентного показателя, так и в разбивке по отдельным группам компетенций. Алгоритм сопоставления результатов диагностики и сведений об участнике оценки позволяет сформировать список рекомендованных ППК, ориентированных на устранение выявленных дефицитов [26].

Наблюдается значительная неоднородность в качестве и структуре программ ДПО. В формальном сегменте ДПО явно прослеживаются два направления: одно сконцентрировано исключительно на предоставлении необходимых документов тем, кому требуется соответствие формальным требованиям в их профессиональной сфере, а другое — на приобретении актуальных навыков. Причем в большинстве случаев эти компетенции действительно востребованы руководителями в их ежедневной работе [27].

Методология исследования. Для исследования профессиональных компетенций руководителей образовательных организаций был разработан компетентностно-ориентированный тест. В основе теста — ситуативные задания на проверку владения руководителями образовательных организаций трудовыми функциями, заданными профессиональным стандартом «Руководитель образовательной организации». В структуру теста входят четыре блока кейс-заданий в соответствии с трудовыми функциями, профессиональный стандарт руководителя образовательной организации:

- блок 1: *Управление образовательной деятельностью образовательной организации*, содержит 25 кейс-заданий;

- блок 2: *Администрирование деятельности образовательной организации*, содержит 21 кейс-задание;

- блок 3: *Управление развитием образовательной организации*, содержит 15 кейс-заданий;

- блок 4: *Управление взаимодействием образовательной организации с участниками отношений в сфере образования и социальными партнерами*, содержит 13 кейс-заданий.

Тест размещен на цифровой платформе «ЭРАСКОП» (<https://v2.erascope.education/>), которая позволяет получать данные о результатах пройденного тестирования в личном кабинете участника. Всего в тесте представлено 74 кейс-задания, которые представляют собой описание проблемной управленческой ситуации и перечень пять вариантов ее решения (один — правильный, один — неправильный, три — частично правильных). Участник тестирования выбирает вариант, который считает наиболее правильным и получает за каждый ответ соответствующий выбору балл: 2 балла — правильный; 1 балл — частично правильный; 0 баллов — неправильный. По итогам тестирования респондент получает «обратную связь» в виде листа рекомендаций, в котором показано количество набранных баллов и диагностическое описание принятого им решения, с комментарием допущенных ошибок, выявленных профессиональных управленческих дефицитов и вариантов их разрешения, формируется цифровой след формирования и оценки профессиональных компетенций руководителя [28].

Обработка результатов диагностики осуществляется путем подсчета среднего арифметического по баллам, полученным респондентами по каждому кейс-заданию. По итогам тестирования делается вывод о низком, среднем или высоком уровне проявления профессиональных компетентностей каждым руководителем [29].

В исследовании профессиональных компетенций, представленных в данной статье, участвовали 59 чел. — участников курсов повышения квалификации руководителей образовательных организаций г. Якутска, в т. ч. директора (32,2 %), заместители директоров (66,2 %), руководители структурных подразделений (1,6 %) (табл. 1).

Таблица 1

Общая информация о респондентах

Тестирование	Общее количество участников	Категория респондентов		
		директора школ	заместители директоров	руководители структурных подразделений
Входное тестирование (замер 1)	59	19	39	1
Итоговое тестирование (замер 2)	48	16	31	1

Организация исследования включила в себя три этапа:

1. Входное тестирование (замер 1), выявление состояния профессиональных компетенций руководителей и профессиональных управленческих дефицитов.

2. Разработка и проведение ППК руководителей, направленной на устранение выявленных дефицитов.

3. Итоговое тестирование (замер 2), выявление динамики сформированности профессиональных компетентностей руководителей, анализ влияния курсов на ликвидацию профессиональных дефицитов.

Математическая обработка результатов тестирования позволяет выявить уровни владения трудовыми функциями (высокий; выше среднего; средний, ниже среднего; низкий) и определить профессиональные дефициты руководителей в соответствии с требованиями профессионального стандарта.

Результаты исследования. На первом этапе, основываясь на результатах первого измерения по группам управленческих компетенций, были сделаны ряд важных выводов.

Тематика заданий, по которым участники набрали высокие баллы, станет основой для запуска программ взаимодействия и обмена передовым управленческим опытом, а также для создания в регионе инновационных и стажировочных площадок при формировании региональных систем научно-методического обеспечения управленческих кадров. В эту тематику на основе оценки компетентностей целевой группы руководителей можно включить следующие умения: планирование, координация и контроль деятельности структурных подразделений образовательной организации; обеспечение реализации кадровой политики, подбор и расстановка кадров в соответствии

с уставом образовательного учреждения; руководство развитием образовательной организации с учетом норм законодательства Российской Федерации.

В нашем исследовании особое внимание уделяется заданиям, выполненным с низкими баллами, которые должны стать основой для разработки и реализации ППК и индивидуальных планов профессионального развития руководителей образовательных организаций.

Среди выявленных направлений обозначены следующие профессиональные дефициты руководителей:

- Умение планировать результаты реализации образовательных программ и осуществлять образовательную деятельность организации.
- Организация работы по самообследованию образовательной организации, внутришкольному контролю, обеспечению функционирования внутренней системы оценки качества образования и мониторингу образовательных результатов.
- Руководство разработкой, актуализацией и утверждением локальных нормативных актов образовательной организации.
- Формирование и поддержание организационной культуры учреждения.
- Управление реализацией программы развития образовательной организации, ее ресурсным обеспечением и координацией действий участников образовательных отношений.
- Определение потребностей, направлений и ожидаемых результатов взаимодействия с участниками образовательной сферы и социальными партнерами.

• Организация и координация социального партнерства с местными и бизнес-сообществами, организациями культуры, досуга и спорта, а также другими образовательными учреждениями в рамках реализации образовательных и развивающих программ и мероприятий.

• Содействие деятельности общественных объединений обучающихся, работников образовательной организации, родителей (законных представителей), проводимой в организации и не противоречащей законодательству Российской Федерации.

На втором этапе была разработана ППК руководителей по теме «Разработка программы развития школы (перехода школы в эффективный режим работы)». Целевая группа участников программы — управленческие команды (2—4 чел., директор, заместители директоров) общеобразовательных организаций (школ) г. Якутска.

Данная программа имеет комплексный характер и направлена на реализацию трудовых функций руководителя и совершенствование комплекса профессиональных компетенций в процессе разработки программы развития образовательной организации.

Трудоёмкость программы — 72 ч. Учебный план включил в себя модули, содержание, формы обучения и планируемые результаты которых представлены в табл. 2.

На третьем этапе, после завершения ППК, был проведен второй замер и обобщены результаты проявления профессиональных управленческих компетенций у руководителей образовательных организаций, которые представлены в табл. 3.

Таблица 2

**Учебный план курсов повышения квалификации по теме
«Разработка программы развития школы (перехода школы в эффективный режим работы)»**

Модуль	Содержание	Формы	Планируемый результат
1. Установочный модуль	Обзор нормативно-правовых актов в системе образования Российской Федерации; обзор понятий («качество образования», «качество управления», «качество преподавания», «качество образовательной среды и школьного климата», «программа развития» и др.), принципов и подходов к развитию школы в современных социально-экономических условиях	Лекция; анализ нормативно-правовых актов; презентация успешных программ развития школы; дискуссия, обмен мнениями	– Знание законодательства Российской Федерации в сфере образования; – способность осуществлять руководство развитием школы с учетом правовых норм законодательства Российской Федерации, социально-экономических условий субъекта Российской Федерации и муниципального образования
2. Аналитический модуль	Обзор видов анализа, критериев, показателей, инструментов анализа; структура и алгоритм проведения анализа эффективности деятельности школы; работа в управленческих командах; выполнение SWOT-анализа деятельности школы; мониторинг и контроль результатов развития школы	Лекция; практическое занятие; тренинг выполнения SWOT-анализа деятельности школы; практические занятия работы в командах по выполнению аналитической деятельности; обмен мнениями о мониторинге как типе управления	– Способность прогнозировать количественные и качественные параметры развития школы с учетом социально-экономических, социокультурных и этнокультурных аспектов среды; – готовность осуществлять контроль и оценку результативности и эффективности реализации программы развития школы
3. Целеполагание развития школы	Понятие цель, задачи; подходы к целеполаганию развития школы; декомпозиция и преемственность цели и задач развития школы; понятие и разработка карты возможных приоритетов развития школы	Лекция; тренинг формулирования целей и задач по приоритетам развития школы; дискуссия по результатам полученных знаний	– Готовность организовать взаимодействие с коллегиальными органами управления и участниками образовательных отношений в процессе целеполагания развития школы; – способность создавать условия для разработки, апробации и внедрения образовательных инициатив и инноваций

Модуль	Содержание	Формы	Планируемый результат
4. Форсайт-сессия. Определение стратегических направлений развития школы	Обзор стратегических направлений и современного комплекса мер по развитию школы; подходы к оценке долгосрочных перспективы развития школы	Форсайт-сессия; разработка предложений (комплекс мер по развитию) в концепцию и «дорожную карту» развития школы (по приоритетам развития)	– Способность определять и планировать стратегические направления (образовательное, организационно-хозяйственное и финансово-экономическое) развития школы с участием коллегиальных органов и участников образовательных отношений в соответствии с учредительными документами школы
5. Защита проектов программ развития школы	Публичная защита программ развития школ г. Якутска; работа экспертной группы; определение победителей	Обсуждение программ развития школ, представленных на защите	Готовность представлять публичную отчетность о состоянии и перспективах развития школы

Таблица 3

Сформированность управленческих компетенций в группе руководителей образовательных организаций, %

Компетенция	№ замера	Группы руководителей по уровням сформированности компетенций				
		низкий	ниже среднего	средний	выше среднего	высокий
Управление общеобразовательной деятельностью образовательной организации	1	0	0	23,7	39	37,3
	2	0	0	10,4	45,83	43,75
Администрирование деятельности образовательной организации	1	0	1,7	6,8	59,3	32,2
	2	0	0	0	25	75
Управление развитием образовательной организации	1	0	1,7	22	38,9	37,3
	2	0	0	14,8	31,9	53
Управление взаимодействием образовательной организации	1	0	0	40,7	33,9	25,4
	2	0	0	4,3	36,9	58,6

Анализ данных, представленных в табл. 3, демонстрирует рост высокого уровня формирования компетенций руководителей в различных областях:

- по компетенции «Управление общеобразовательной деятельностью» этот уровень поднялся с 37,3 до 43,75 %;
- по компетенции «Администрирование деятельности» — с 32,2 до 75 %;
- по компетенции «Управление развитием общеобразовательной организации» — с 37,3 до 53 %;
- по компетенции «Управление взаимодействием общеобразовательной организации» — с 25,4 до 58,6 %.

Результаты второго измерения также помогли определить, в каких областях наблюдается наибольший прирост умений, а в каких сохраняется уровень профессионального дефицита (ниже 1,4 балла). В частности, по компетенции «Управление общеобразовательной деятельностью» к высокому уровню поднялись следующие умения: организовывать разработку, корректировку и утверждение основных образовательных программ в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом основного общего образования (с 1,78 балла до 1,83); управлять деятельностью по реализации образовательных программ, в т. ч. в сетевой форме (с 1,64 до 1,85); руководить процессом создания условий для социализации обучающихся и индивидуализации обучения (с 1,69 до 1,81); а также организовывать работу по самообследованию общеобразовательной организации, внутреннему контролю и мониторингу образовательных результатов, подынявшись с среднего значения (1,22) до выше среднего (1,77).

В компетенции «Администрирование деятельности» после прохождения ППК был зафиксирован наиболее заметный прирост, особенно в умении руководить разработкой и актуализацией локальных нормативных актов (с 1,4 до 1,8) и формировать организационную культуру (с 1,6 до 1,85). Наимень-

шие баллы были получены в умениях по руководству административной, финансовой и хозяйственной деятельностью (1,4) и формированию отчетности с последующим анализом (1,68).

В компетенции «Управление развитием образовательной организации» наибольший прирост наблюдается в таких умениях, как руководство развитием с учетом правовых норм (с 1,64 до 1,85) и планирование образовательной, организационной и экономической деятельности (с 1,79 до 1,93). Уровень выше среднего также остается у умений по управлению программой развития и прогнозированию параметров развития (1,46 и 1,57 соответственно).

По компетенции «Управление взаимодействием» наиболее значительный рост показали умения по организации социального партнерства (с 1,35 до 1,76), формированию положительного имиджа образовательной организации (с 1,67 до 1,89) и содействию деятельности общественных объединений (с 1,0 до 1,6). Однако на среднем уровне остаются умения по обеспечению административно-организационной поддержки взаимодействия с родителями (1,6) и определению потребностей и ожидаемых результатов взаимодействия (1,65).

Выводы

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что, содержание и формы курсов повышения квалификации способствовали развитию профессиональных компетенций руководителей и преодолению их дефицитарных зон. Руководители повысили свою квалификацию в вопросах законодательства Российской Федерации в сфере образования, изучая комплекс нормативно-правовых актов системы образования.

Работа в управленческих командах и изучение методов развития образовательного учреждения в современных социально-экономических условиях способствовали

развитию навыков руководства процессом создания условий для социализации учащихся и индивидуализации обучения. Это включает в себя формирование и поддержание организационной культуры в общеобразовательном учреждении, а также содействие деятельности общественных объединений, состоящих из учащихся и сотрудников школы.

Анализ стратегических направлений и современных методов развития школы способствовал повышению квалификации управленцев в сфере организации социального партнерства с местным бизнесом, культурными учреждениями, организациями досуга и спорта, а также другими образовательными учреждениями для реализации образовательных и развивающих программ, мероприятий и событий. Проведение *SWOT*-анализа деятельности учреждения позволило улучшить способности руководства в области организации самообследования школы и обеспечения функционирования внутренней системы оценки качества образовательного процесса, а также формировать положительный имидж образовательной организации.

Однако в ППК были недостаточно проработаны вопросы мониторинга, контроля и оценки результатов развития школы с учетом социально-экономических, социокультурных

и этнокультурных аспектов школьной среды. Также остались без решения дефициты в компетенции управления взаимодействием, включая навыки координации работы педагогического коллектива, обеспечение административно-организационной поддержки взаимодействия сотрудников с родителями, а также определение потребностей, направлений и ожидаемых результатов взаимодействия с участниками образовательного процесса и социального партнерства.

В целом, материалы проведенного исследования могут представлять интерес для руководителей органов управления образованием, преподавателей программ ДПО, руководителей образовательных организаций на этапе повышения квалификации. При этом, особое внимание следует обратить на важность проведения диагностики профессиональных компетенций участников курсов для выявления профессиональных дефицитов, ориентации ППК на устранение этих дефицитов и оценки динамики результативности сформированности новых компетенций и устранения выявленных дефицитов. Такой подход позволит обеспечить эффективность непрерывного профессионального развития руководителей образовательных организаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Волченкова К. Н. Тренды развития дополнительного профессионального образования // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». 2024. Т. 16. № 1. С. 5—15. DOI: 10.14529/ped240101.
2. Барабас А. А. Принципы проектирования содержания программы стажировки педагогов и руководителей образовательных организаций как формы их дополнительного профессионального образования // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2025. № 1(62). С. 5—16. DOI: 10.24412/2076-8907-2025-162-5-16.
3. Кидина Л. М. Непрерывное образование руководителей образовательных организаций в системе дополнительного профессионального образования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4. С. 145—148. DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0058.
4. Шляхтина Н. В. Особенности выбора форм непрерывного развития в персонифицированной модели формирования управленческих компетенций руководителей общеобразовательных организаций // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2024. № 3(60). С. 130—143.
5. Алтыникова Н. В., Дорофеев А. В., Музаев А. А., Сагитов С. Т. Управление качеством педагогического образования на основе диагностики профессиональных дефицитов учителя: теоретико-методический аспект // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. № 1. С. 65—81. DOI: 10.17759/pse.2022270106.
6. Борченко И. Д., Дударева О. Б. Оценка качества образования слушателей при освоении дополнительных профессиональных программ // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2020. № 6(212). С. 126—133. DOI: 10.23951/1609-624X-2020-6-126-133.
7. Кускова М. В. Отбор организационно педагогических форм и методов обучения в системе дополнительного профессионального образования на диагностической основе // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2025. № 4(65). С. 18—27. DOI: 10.24412/2076-8907-2025-465-18-27.
8. Мотуренко Н. В., Фирсов Д. А. Нормативная оценка управленческих компетенций руководителя образовательной организации // Менеджмент в образовании: достижения, вызовы, перспективы : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2021. С. 78—84.
9. Маркова Т. Л. Входная и итоговая диагностика как средство повышения мотивации слушателей к эффективному обучению // Непрерывное образование педагогов: достижения, проблемы, перспективы : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Минск : Акад. последиплом. образования, 2024. С. 476—480.
10. Трубенкова С. Н. Процессная модель формирования маркетинговой компетентности руководителя общеобразовательной организации в формальном и неформальном образовании // Вестник Оренбургского государственного университета. 2024. № 1(241). С. 131—136. DOI: 10.25198/1814-6457-241-131.
11. Мосеева С. Н. Влияние диагностики на повышение икт компетенций педагогических работников и управленческих кадров // Вестник науки. 2024. № 11(80). Т. 2. С. 810—814.
12. Мантуленко В. В. Непрерывное образование: возможности и ограничения // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Образование. Педагогические науки». 2024. Т. 16. № 3. С. 39—51. DOI: 10.14529/ped240304.
13. Коверова М. И. Московский опыт поддержки профессионального роста руководителей образовательных организаций в сфере цифровых образовательных инноваций // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». 2022. Т. 16. № 2. С. 98—115. DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.2.06.
14. Кашаев А. А., Петренко А. А. Ведущие направления научно-методического сопровождения педагогических кадров в условиях дополнительного профессионального образования // Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 2(94). С. 149—156. DOI: 10.24158/spp.2022.2.21.

15. Головки А. А. Мыслить стратегически: к вопросу о подготовке руководителей образовательных организаций // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 1. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/91PDMN125.pdf>.
16. Фидарова К. К., Калабекова С. В., Журавлева Ю. И. Отдельные аспекты историографического анализа педагогической диагностики // Власть истории — История власти. 2024. Т. 10. № 5. С. 107—113.
17. Петрова И. Ю., Поликарпова Н. В. Определение изменения мотивационной готовности слушателей к совершенствованию профессиональных компетентностей в ходе освоения дополнительных профессиональных программ // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. 2019. № 1(6). С. 88—93.
18. Сафонцев С. А., Коновалова И. С. Репрезентативная экспертиза образовательных программ // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 3(22). С. 156—158.
19. Абрамовских Т. А. Обновление трудовых функций руководителя в условиях введения профессионального стандарта «Руководитель образовательной организации (управление дошкольной образовательной организацией и общеобразовательной организацией)» // Челябинский гуманитарий. 2022. № 4(61). С. 6—17. DOI: 10.47475/1999-5407-2022-10401.
20. Невмятулина Х. А., Графушин Р. В., Зерекидзе А. Д. Профессиональные стандарты для формирования компетенций в образовательных программах // Компетентность. 2022. № 4. С. 4—9. DOI: 10.24412/1993-8780-2022-4-04-09.
21. Мансурова С. Е., Расташанская Т. В., Табаровская К. А. О разработке программ повышения квалификации для работников образования с учетом профессиональных стандартов // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2019. № 4(41). С. 5—16.
22. Золотарева А. В., Шляхтина Н. В. Исследование профессиональных компетенций руководителя образовательной организации: инструменты и результаты // Ярославский педагогический вестник. 2024. № 1(136). С. 8—20.
23. Золотарева А. В., Байборонова Л. В., Груздев М. В., Харисова И. Г. Обеспечение единства федеральной системы научно-методического сопровождения профессионального развития педагогических кадров: возможности и риски // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 9. С. 12—43. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-9-12-43.
24. Бывшева М. В., Козлова З. Р. Модульный подход в развитии профессиональных компетенций педагогов и руководителей образовательных организаций // Традиции и инновации в педагогическом образовании : сб. науч. тр. Екатеринбург : Ур. гос. пед. ун-т, 2024. Вып. 8. Ч. 2. С. 253—257.
25. Портнов К. В., Портнова Н. Ю. Математические аспекты квалиметрии профессиональных знаний // Достижения науки и технологий (ДНИТ-IV-2025) : сб. науч. ст. по материалам IV Всерос. (нац.) науч. конф. Красноярск : Краснояр. краевой Дом науки и техники Рос. союза науч. и инженер. обществ. объедин., 2025. С. 179—184.
26. Бакач Е. В., Байдуганова А. Ю. Формирование индивидуального образовательного маршрута педагогических и руководящих работников Челябинской области в модуле «Организация дополнительного профессионального образования»: технологический аспект // Сборник трудов по проблемам дополнительного профессионального образования. М., 2024. № 47. С. 96—102.
27. Сабетова Т. В. Специфические черты дополнительного профессионального образования // Исследовательский потенциал современной науки в условиях цифровизации : материалы I Нац. науч.-практ. конф. Воронеж : Университетская книга, 2025. С. 102—106.
28. Буданова Д. С., Золотарев А. С. Интеграционная платформа онлайн-обучения для организаций, реализующих программы дополнительного профессионального образования // Образовательная панорама. 2020. № 2(14). С. 103—108.
29. Золотарева А. В., Мухамедьярова Н. А., Харисова И. Г. Исследование комплекса профессиональных компетенций педагога дополнительного образования: инструменты и результаты // Перспективы науки и образования. 2025. № 1. С. 665—691. DOI: 10.32744/pse.2025.1.43.

REFERENCES

1. Volchenkova K. N. Trends in the development of continuing professional education. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki» = Bulletin of the South Ural State University. Series "Education. Pedagogy"*. 2024;16(1):5—15. (In Russ.) DOI: 10.14529/ped240101.
2. Barabas A. A. Principles for designing the content of an internship program for teachers and heads of educational organizations as a form of their additional professional education. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov = Scientific support of a system of advanced training*. 2025;1(62):5—16. (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-8907-2025-162-5-16.
3. Kidina L. M. Lifelong education of leaders of educational organizations in the system of additional professional education. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2020;9(4):145—148. (In Russ.) DOI: 10.26140/anip-2020-0904-0058.
4. Shlyakhtina N. V. The features of selecting forms of continuous development in the personalized model of management competence formation of general educational organizations' heads. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov = Scientific support of a system of advanced training*. 2024;3(60):130—143. (In Russ.)
5. Altynikova N. V., Dorofeev A. V., Muzaev A. A., Sagitov S. T. Quality Management in Pedagogical Education based on the Diagnostics of Teachers'. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2022;27(1):65—81. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2022270106.
6. Borchenko I. D., Dudareva O. B. Assessment of the quality of education of listeners when developing additional vocational programs. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2020;6(212):126—133. (In Russ.) DOI: 10.23951/1609-624X-2020-6-126-133.
7. Kuskova M. V. Selecting organizational and pedagogical forms and methods of training in the system of supplementary professional education on a diagnostic basis. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov = Scientific support of a system of advanced training*. 2025;4(65):18—27 (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-8907-2025-465-18-27.

8. Moturenko N. V., Firsov D. A Normative assessment of managerial competencies of the head of an educational organization. *Menedzhment v obrazovanii: dostizheniya, vyzovy, perspektivy = Management in education: achievements, challenges, prospects. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Moscow, 2021:78—84. (In Russ.)
9. Markova T. L. Input and final diagnostics as a means of increasing students' motivation for effective training. *Nepreryvnoe obrazovanie pedagogov: dostizheniya, problemy, perspektivy = Continuing education of teachers: achievements, problems, prospects. Proceedings of the VI International scientific and practical conference*. Minsk, Academy of Postgraduate Education publ., 2024:476—480. (In Russ.)
10. Trubenkova S. N. Process model formation marketing competence of the head of a general educational organization in formal and non-formal education. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*. 2024;1(241):131—136. (In Russ.) DOI: 10.25198/1814-6457-241-131.
11. Moseeva S. N. Impact of diagnostics on improving ict competencies of teaching staff and management personnel. *Vestnik nauki*. 2024;11(80)-2:810—814. (In Russ.)
12. Mantulenko V. V. Continuous education: opportunities and limitations. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Obrazovanie. Pedagogicheskie nauki» = Bulletin of the South Ural State University. Series "Education. Pedagogy"*. 2024;16(3):39—51. (In Russ.) DOI: 10.14529/ped240304.
13. Koverova M. I. Moscow experience in supporting educational organizations leaders' professional growth and development in the field of digital educational innovations. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya» = MCU Journal of Pedagogy and Psychology*. 2022;16(2):98—115. (In Russ.) DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.2.06.
14. Kashae A. A., Petrenko A. A. The leading directions of scientific and methodological support of teaching staff in the conditions of additional professional education. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogics*. 2022;2(94):149—156. (In Russ.) DOI: 10.24158/sp.2022.2.21.
15. Golovko A. A. Thinking strategically: on the issue of training heads of educational organizations. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(1). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/91PDMN125.pdf>.
16. Fidarova K. K., Kalabekova S. V., Zhuravleva Y. I. Some aspects of the historiographical analysis of pedagogical diagnostics. *Vlast' istorii — istoriya vlasti = The power of history - the history of power*. 2024;10(5):107—113. (In Russ.)
17. Petrova I. Yu., Polikarpova N. V. Determination of changes in students' motivational readiness to improve professional competencies during the development of additional professional programs. *Nauchno-metodicheskoe obespechenie otsenki kachestva obrazovaniya = Scientific and methodical provision to assessment the education quality*. 2019;1(6):88—93. (In Russ.)
18. Safontsev S. A., Konovalova I. S. Representative examination of educational programs. *Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki = The Humanities and socio-economic sciences*. 2006;3(22):156—158. (In Russ.)
19. Abramovskikh T. A. Renewal of the labor functions of the manager under the conditions of the introduction of the professional standard "The Head of an educational organization (management of a preschool educational organization and a general educational organization)". *Chelyabinskij Gumanitarij*. 2022;4(61):6—17. (In Russ.) DOI: 10.47475/1999-5407-2022-10401.
20. Nevmyatullina Kh. A., Grafushin R. V., Zerekidze A. D. Professional standards for the educational programs' competencies formation. *Kompetentnost' = Competency (Russia)*. 2022;4:4—9. (In Russ.) DOI: 10.24412/1993-8780-2022-4-04-09.
21. Mansurova S. E., Rastashanskaya T. V., Tabarovskaya K. A. The development of advanced training programs for educators with regard to professional standards. *Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov = Scientific support of a system of advanced training*. 2019;4(41):5—16. (In Russ.)
22. Zolotareva A. V., Shlyakhtina N. V. Study of professional competencies of the head of an educational organization: tools and results. *Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2024;1(136):8—20. (In Russ.)
23. Zolotareva A. V., Bayborodova L. V., Gruzdev M. V., Kharisova I. G. Ensuring the unity of the federal system of scientific and methodological support for teacher professional development: Opportunities and risks. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2023;25(9):12—43. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2023-9-12-43.
24. Byvsheva M. V., Kozlova Z. R. A modular approach to the development of professional competencies of teachers and heads of educational organizations. *Traditsii i innovatsii v pedagogicheskom obrazovanii = Traditions and innovations in teacher education. Collection of scientific papers*. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University publ., 2024;8(2):253—257. (In Russ.)
25. Portnov K. V., Portnova N. Y. Mathematical aspects of qualimetry of professional knowledge. *Dostizheniya nauki i tekhnologii = Achievements of Science and Technology (DNIT-IV-2025). Collection of scientific articles based on the materials of the IV All-Russian (National) scientific conference*. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Regional House of Science and Technology of the Russian Union of Scientific and Engineering Public Associations publ., 2025:179—184. (In Russ.)
26. Bakach E. V., Baiduganova A. Yu. Formation of the individual educational route for pedagogical and managerial employees of the Chelyabinsk region in the module "Organization of additional professional education": technological aspect. *Collection of works on the problems of additional professional education*. Moscow, 2024;47:96—102. (In Russ.)
27. Sabetova T. V. Specific features of additional professional education. *Issledovatel'skii potentsial sovremennoi nauki v usloviyakh tsifrovizatsii = The research potential of modern science in the context of digitalization. Proceedings of the First National scientific and practical conference*. Voronezh, Universitetskaya kniga, 2025:102—106. (In Russ.)
28. Budanova D. S., Zolotarev A. S. Online Learning Integration Platform for Institutions Implementing Programs of Continuing Professional Education. *Obrazovatel'naya panorama*. 2020;2(14):103—108 (In Russ.)
29. Zolotareva A. V., Mukhamedyarova N. A., Kharisova I. G. Exploring a set of professional competencies of the supplementary education teacher: instruments and results. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2025;1:665—691. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2025.1.43.

Научная статья

УДК 377

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1560

Petr Petrovich Lang

Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure,
Samara State University of Economics
Samara, Russian Federation
petr.lang@mail.ru

Петр Петрович Ланг

д-р юрид. наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса,
Самарский государственный экономический университет
Самара, Российская Федерация
petr.lang@mail.ru

ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ (VR) И ДОПОЛНЕННОЙ РЕАЛЬНОСТИ (AR) В ФОРМИРОВАНИИ ПРАКТИЧЕСКИХ НАВЫКОВ У ОБУЧАЮЩИХСЯ: ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и ограничения использования технологий виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) в системе профессионального образования. Актуальность исследования обусловлена глубокими изменениями на рынке труда, вызванными цифровизацией, где особую ценность приобретает не столько объем теоретических знаний выпускника, сколько его способность уверенно действовать в реальных профессиональных ситуациях. Традиционная образовательная практика не всегда может обеспечить каждому обучающемуся достаточный опыт работы со сложным оборудованием или отработку действий в экстренных условиях. В этой связи иммерсивные технологии рассматриваются не просто как техническая «новинка», а как важный инструмент, способный восполнить ресурсные пробелы классической системы обучения. Автор анализирует сложившуюся в научной среде дискуссию, в которой сталкиваются позиции сторонников активного внедрения VR и AR и исследователей, указывающих на связанные с этим риски. Подчеркивается, что данные технологии обладают значительным дидактическим потенциалом, позволяя моделировать профессиональную среду, обеспечивать наглядность, безопасность и многократную повторяемость действий. Однако, как показывает практика, простое оснащение образовательных организаций современным оборудовани-

ем не гарантирует повышения качества подготовки специалистов. Центральной проблемой работы определено противоречие между высоким образовательным потенциалом иммерсивных технологий и недостаточной разработанностью целостных педагогических моделей, позволяющих системно интегрировать их в учебный процесс. Автор обосновывает позицию, что именно отсутствие продуманных методик и критериев эффективности приводит к фрагментарному и зачастую поверхностному использованию VR и AR, когда они применяются ради демонстрации инноваций, а не для достижения конкретных учебных целей. В качестве решения предлагается стратегия, основанная на приоритете педагогического проектирования над техническим оснащением. Ключевым принципом становится осознанная целесообразность: иммерсивные технологии следует применять только там, где они дают уникальное дидактическое преимущество (например, при моделировании опасных или редких ситуаций).

Ключевые слова: виртуальная реальность / VR, дополненная реальность / AR, профессиональное образование, практические навыки, иммерсивные технологии, дидактический потенциал, педагогическое проектирование, гибридное обучение, образовательные ограничения, моделирование профессиональных ситуаций, цифровизация образования, методика преподавания

Для цитирования: Ланг П. П. Технологии виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) в формировании практических навыков у обучающихся: дидактический потенциал и ограничения // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 339—346. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1560.

Original article

VIRTUAL REALITY (VR) AND AUGMENTED REALITY (AR) TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF PRACTICAL SKILLS AMONG STUDENTS: DIDACTIC POTENTIAL AND LIMITATIONS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The presented article examines the possibilities and limitations of using virtual reality (VR) and augmented reality (AR) technologies in the field of professional education. The relevance of the study is driven by the profound changes in the labor market caused by digitalization, where the value of a graduate is not so much in their theoretical knowledge, but rather in their ability to confidently act in real-life professional

situations. Traditional educational practices may not always provide students with sufficient experience in working with complex equipment or practicing emergency situations. In this context, immersive technologies are not just a technical novelty, but an important tool that can fill the resource gaps in the traditional learning system. The author analyzes the ongoing scientific debate, where proponents of the active implementation

of VR and AR technologies clash with researchers who highlight the associated risks. It is emphasized that these technologies have significant didactic potential, allowing for the simulation of professional environments, providing visual clarity, safety, and multiple repetitions of actions. However, as practice shows, simply providing educational institutions with modern equipment does not guarantee an improvement in the quality of professional training. The central issue of the study is the contradiction between the high educational potential of immersive technologies and the lack of well-developed pedagogical models that allow for their systematic integration into the learning process. The author argues that the absence of well-thought-out methods and performance criteria leads to the fragmented

and often superficial use of VR and AR, where they are employed for the sake of showcasing innovations rather than achieving specific educational goals. As a solution, the author proposes a strategy based on the prioritization of pedagogical design over technical equipment. The key principle is conscious expediency: immersive technologies should be used only where they provide a unique didactic advantage (for example, in simulating dangerous or rare situations).

Keywords: virtual reality / VR, augmented reality / AR, professional education, practical skills, immersive technologies, didactic potential, pedagogical design, hybrid learning, educational limitations, modeling of professional situations, digitalization of education, teaching methods

For citation: Lang P. P. Virtual reality (VR) and augmented reality (AR) technologies in the formation of practical skills among students: didactic potential and limitations. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):339—346. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1560.

Введение

Актуальность темы исследования определяется значительными трансформациями в профессиональной подготовке, вызванными цифровизацией. Сегодня от выпускника ожидается не столько объем теоретических знаний, сколько уверенное владение практически-ми навыками и умениями. Однако, классическая система обучения демонстрирует свою неполную адаптированность к этим запросам. Ее ресурсные и методические рамки, к сожалению, не всегда позволяют обеспечить каждому обучающемуся полноценный доступ к «реальному оборудованию или безопасную тренировку» в условиях, имитирующих экстренные ситуации. В этих условиях использование технологий виртуальной и дополненной реальности (далее также — *VR* и *AR* соответственно) представляются не просто «модным трендом», а необходимым эволюционным этапом, поскольку они формируют уникальную образовательную среду, где действие и его последствия могут быть многократно воспроизведены и детально проанализированы. По мнению автора, глубокое и критическое изучение образовательных возможностей вышеуказанных технологий, а также осознание их объективных границ становится исключительно важным направлением для современной педагогической науки и практики.

Как справедливо отмечает Г. Ф. Ручкина [1], трансформация рынка труда, обусловленная автоматизацией и возникновением новых профессий, требует существенной модернизации систем высшего и профессионального образования. В этой связи внедрение иммерсивных технологий (*VR/AR*) в профессиональную подготовку может рассматриваться как один из ключевых инструментов ответа на вызовы современности.

Изученность проблемы. В современной научной литературе вопрос о применении иммерсивных технологий в образовании занимает одно из центральных мест, однако единая позиция относительно их роли и эффективности до настоящего времени не сложилась, о чем свидетельствует напряженная дискуссия между сторонниками активного внедрения виртуальной и дополненной реальности и исследователями, указывающими на сопутствующие риски.

Значительный массив эмпирических исследований подтверждает дидактический потенциал рассматриваемых технологий. Так, результаты масштабного мета-анализа, выполненного Р. Бёддинг с соавторами [2], де-

монстрируют значимые положительные эффекты иммерсивных сред в отношении поведенческих, когнитивных и аффективных результатов обучения. К близким выводам приходят Б. Васич с соавторами [3], чье исследование показывает рост вовлеченности, креативности и учебной мотивации студентов при использовании виртуальной и дополненной реальности, а также подтверждает важность соответствующей подготовки преподавателей. Развитие практических навыков с помощью иммерсивных инструментов отмечают в своих работах А. Е. Баюров и О. А. Петрова [4] и А. А. Синегуб [5], подчеркивая способность данных технологий моделировать аутентичный профессиональный контекст. Исследовательский коллектив под руководством Р. Эфенди [6], апробировавший модель мобильного обучения на основе дополненной реальности, выявил положительное влияние такого подхода на развитие креативности и критического мышления, хотя и признал менее выраженный эффект в отношении коммуникативных навыков.

Вопросы системного внедрения иммерсивных технологий рассматриваются в работах Д. В. Гринченкова [7], который указывает на отсутствие унифицированных подходов к разработке контента и оценке эффективности как на основное препятствие для широкого распространения виртуальной и дополненной реальности. Дополнительные возможности иммерсивных сред, такие как персонализированная обратная связь, освещаются в трудах А. Ю. Уварова [8] и К. Б. Мухамадиевой [9].

Наряду с этим в научном дискурсе отчетливо звучат критические предостережения. А. С. Смирнов и Т. А. Аликовская [10] обращают внимание на опасность упрощения реальных профессиональных ситуаций в виртуальном пространстве, что может привести к формированию так называемого «симулякра компетентности». Проблема фрагментарности исследовательского ландшафта выявляется в анализе И. М. Б. Ариавана [11], который констатирует наличие существенных лагун в изучении «человеко-роботного» взаимодействия и социальной виртуальной реальности. Э. Хью-Ау и Дж. Ли [12] подчеркивают, что ключевым препятствием становится недостаточная методическая готовность преподавательского корпуса. Исследования и Х. Хан [13] и А. В. Алексеевой [14] показывают, что эффективность применения виртуальной реальности напрямую зависит от качества педагогического дизайна и продуманного методического сопровождения.

Особого внимания заслуживают работы, исследующие связь иммерсивного опыта с субъективным ощущением готовности к профессиональной деятельности. Коллектив авторов под руководством А. М. Идкхан [15] убедительно доказал, что именно активное и хорошо организованное взаимодействие с иммерсивными средами выступает значимым медиатором, трансформирующим позитивное отношение к технологиям в реальную уверенность в своей конкурентоспособности.

Целесообразность разработки темы. Необходимость обращения к заявленной теме продиктована существенным разрывом между активно развивающимся технологическим инструментарием и состоянием педагогического знания, призванного обеспечить его осмысленное применение. Наблюдаемая сегодня ситуация характеризуется парадоксом: дорогостоящее оборудование закупается образовательными организациями, однако его использование зачастую остается эпизодическим и не приводит к ожидаемому повышению качества подготовки специалистов. Причина видится в том, что технологический прогресс опережает разработку дидактических моделей, способных органично встроить иммерсивные среды в логику учебного процесса. Отсутствие четкого понимания того, в каких именно ситуациях виртуальная или дополненная реальность дают незаменимый образовательный эффект, а где их применение избыточно или даже вредно, приводит к нерациональному расходованию ресурсов и дискредитации самой идеи цифровой трансформации образования.

В этой связи особую значимость приобретает исследование, направленное не на восхваление технологических возможностей, а на поиск баланса между инновациями и педагогической целесообразностью, между виртуальным тренингом и реальным профессиональным опытом.

Цель настоящей работы заключается в теоретическом обосновании подходов к системной интеграции технологий виртуальной и дополненной реальности в процесс формирования практических навыков обучающихся, позволяющих реализовать дидактический потенциал иммерсивных сред при одновременном преодолении объективных ограничений их применения.

Для успешного разрешения обозначенной цели, автором был разработан следующий перечень **задач**:

- проанализировать существующие в научной литературе подходы к оценке дидактического потенциала технологий виртуальной и дополненной реальности в профессиональном образовании;
- выявить основные противоречия и нерешенные проблемы, препятствующие системному внедрению иммерсивных технологий в образовательный процесс;
- определить условия, при которых применение виртуальной и дополненной реальности обеспечивает уникальные дидактические преимущества по сравнению с традиционными средствами обучения;
- обосновать принципы педагогического проектирования, позволяющие интегрировать иммерсивные технологии в целостную структуру формирования практических навыков обучающихся;
- разработать концептуальные основания построения гибридных учебных сред, сочетающих виртуальные и реальные компоненты профессиональной подготовки.

Научная новизна исследования определяется смещением акцента с технологической составляющей на педагогическое проектирование как ключевое условие

эффективности иммерсивных технологий. В отличие от работ, рассматривающих виртуальную и дополненную реальность преимущественно как инновационные средства обучения, в настоящей статье обосновывается их подчиненная роль по отношению к образовательным целям. Новизна заключается также в разработке идеи гибридных учебных сред, в рамках которых сильные стороны иммерсивных технологий целенаправленно используются для отработки алгоритмических действий в безопасных условиях, тогда как формирование целостного профессионального опыта, включая способность действовать в ситуациях неопределенности, обеспечивается последующим погружением в реальный или максимально приближенный к реальности контекст. Такой подход позволяет преодолеть риск формирования у обучающихся поверхностной компетентности, ограниченной рамками виртуального пространства.

Теоретическая значимость результатов проведенного исследования состоит в развитии представлений о дидактических возможностях и границах применения иммерсивных технологий в профессиональном образовании. Сформулированный в работе принцип осознанной целесообразности вносит вклад в теорию педагогического проектирования, предлагая критерии отбора ситуаций, в которых применение виртуальной или дополненной реальности дает уникальный образовательный эффект, не достижимый иными средствами. Обоснование идеи гибридных учебных сред расширяет понимание того, каким образом могут сочетаться различные образовательные форматы для обеспечения целостности формируемого профессионального опыта. Выводы относительно необходимости учета психофизиологических факторов при регламентации учебной нагрузки в иммерсивных средах создают основу для междисциплинарных исследований на стыке педагогики, психологии и эргономики.

Практическая значимость результатов работы заключается в том, что ее основные положения могут служить методологической основой для принятия решений о внедрении иммерсивных технологий в деятельность конкретных образовательных организаций. Предложенный подход, ориентирующий на предварительное содержательно-методическое проектирование, позволяет избежать неэффективных затрат на оборудование, которое впоследствии не найдет системного применения. Рекомендации по созданию гибридных учебных сред могут быть использованы при разработке образовательных программ, сочетающих виртуальные тренажеры с традиционными формами практической подготовки. Выводы относительно необходимости пересмотра системы повышения квалификации преподавателей в части освоения ими компетенций педагогического дизайна имеют значение для организаций, занимающихся подготовкой и переподготовкой педагогических кадров.

Основная часть

Методология исследования. В основе настоящего исследования лежит комплекс теоретических методов, позволивших всесторонне рассмотреть проблему использования иммерсивных технологий в профессиональном образовании. Центральное место занимает метод анализа и синтеза, посредством которого были изучены и систематизированы позиции различных авторов относительно дидактических возможностей и ограничений виртуальной

и дополненной реальности. Применение сравнительного анализа дало возможность сопоставить аргументы сторонников активного внедрения иммерсивных технологий с доводами исследователей, указывающих на сопутствующие риски, что способствовало более объективной оценке сложившейся ситуации. Метод классификации и систематизации использовался для упорядочивания выявленных проблем, препятствующих эффективному использованию виртуальной и дополненной реальности, что позволило выделить среди них методологические, кадровые, психофизиологические и экономические аспекты.

Результаты исследования. На сегодняшний день, вопрос о роли виртуальной и дополненной реальности продолжает оставаться предметом активной дискуссии среди специалистов. В педагогическом сообществе наблюдается определенный разброс мнений, отражающий как энтузиазм, так и обоснованную осторожность.

Весьма показательными представляются результаты масштабного метаанализа, выполненного Р. Бёддинг с соавторами [2], которые обобщили данные пятидесяти трех исследований, посвященных применению смешанной реальности в профессиональном образовании и обучении. Ученые приходят к обнадеживающему выводу о том, что использование иммерсивных технологий обеспечивает статистически значимые положительные эффекты в отношении поведенческих, когнитивных и аффективных результатов обучения. Особого внимания заслуживает наблюдение авторов о том, что эффективность технологий остается сопоставимой даже при контроле содержания обучения, однако сравнительные исследования, непосредственно сопоставляющие различные иммерсивные подходы друг с другом, демонстрируют не столь однозначные результаты. Данное обстоятельство, по мнению исследователей, указывает на настоятельную необходимость более глубокого изучения того, как именно конкретные образовательные методики взаимодействуют с иммерсивными технологиями, поддерживая активное конструирование знаний обучающимися.

В русле эмпирической проверки эффективности иммерсивных технологий заслуживает внимания исследование Б. Васич с соавторами [3], проведенное на базе университетов Казахстана с участием более двухсот студентов. Авторы стремились оценить влияние виртуальной и дополненной реальности на развитие человеческого капитала в высшей школе. Полученные данные свидетельствуют о том, что применение данных технологий способствует заметному росту вовлеченности обучающихся в образовательный процесс, а также повышению их креативности и учебной мотивации. Студенты, принявшие участие в исследовании, оценили иммерсивные инструменты как действенное средство для овладения сложными практическими навыками и углубления понимания учебного материала. Не менее важным результатом стало подтверждение того, что преподаватели, прошедшие соответствующую подготовку, не только повышают свою квалификацию, но и способны обеспечить более высокое качество образовательного процесса при использовании *VR* и *AR*.

Сторонники активного внедрения иммерсивных инструментов, такие как А. Е. Баюров и О. А. Петрова [4] и А. А. Синегуб [5], убедительно аргументируют, что эти технологии обладают фундаментальным педагогическим достоинством — они способны моделировать профессиональный контекст высокой степени аутентичности.

Подобное погружение представляется им не просто техническим новшеством, а практическим воплощением современных образовательных систем, где знание формируется через действие в специально-смоделированных условиях. При таком подходе обучающийся не «пассивно» усваивает информацию, а активно конструирует свой профессиональный опыт, развивая операционные навыки и критическое мышление одновременно.

Развивая тему формирования компетенций, востребованных в современных экономических условиях, коллектив авторов под руководством Р. Эфенди [6] предложил и апробировал инновационную модель мобильного обучения на основе дополненной реальности, ориентированную на преодоление разрыва между уровнем подготовки обучающихся профессиональных учебных заведений и актуальными запросами промышленности. Применение строгих методов статистического моделирования позволило исследователям выявить дифференцированный характер влияния разработанной модели на различные составляющие подготовки. Было установлено, что использование *ARMOL* приводит к достоверному улучшению таких критически важных для специалиста будущего качеств, как креативность и критическое мышление. Вместе с тем авторы с научной добросовестностью отмечают, что эффект в отношении развития коммуникативных навыков и способности к коллаборации оказался менее выраженным, что указывает на необходимость дальнейшего совершенствования методик для комплексного формирования всех групп «навыков XXI века».

Значительное внимание исследователей в последние годы уделяется не только демонстрации преимуществ, но и систематизации возможных проблем и поиску путей их решения при внедрении иммерсивных технологий. В этой связи представляет интерес работа Д. В. Гринченкова с соавторами [7], которые на основе анализа современной научной литературы и обобщения практического опыта ведущих компаний предложили классификацию методов обучения с использованием *VR* и *AR*. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на очевидные достоинства иммерсивных сред, их широкое распространение сдерживается отсутствием унифицированных подходов к разработке учебного контента и оценке его эффективности. В качестве одного из перспективных решений исследователи предлагают концепцию модульной образовательной платформы, интегрирующей технологии виртуальной и дополненной реальности с адаптивными сценариями обучения, что, по их мнению, позволит преодолеть существующую фрагментарность и повысить педагогическую отдачу от использования дорогостоящего оборудования. Дополнительную ценность, согласно точке зрения А. Ю. Уварова [8] и К. Б. Мухамадиевой [9], придает способность систем на основе *VR* и *AR* предоставлять персонализированную и мгновенную обратную связь, что традиционно считается одним из ключевых факторов успешного обучения.

Однако было бы неверно игнорировать критические соображения, высказываемые другими исследователями. Так, А. С. Смирнов и Т. А. Аликовская [10] справедливо предостерегают от возможной абсолютизации технологических решений. Существует обоснованное опасение, что искусственно созданная, пусть и высокотехнологичная, среда может упростить или исказить многогранность реальных профессиональных ситуаций, где решающую

роль часто играют «неформализуемые» факторы. Следствием этого может стать формирование у будущего специалиста некоторого «симулякра компетентности» — уверенности в действиях внутри виртуального пространства, не подкрепленной адекватным опытом в условиях реальной неопределенности.

Критическое осмысление границ применимости иммерсивных технологий находит свое продолжение в работах, посвященных анализу исследовательского ландшафта в целом. Так, И. М. Б. Ариаван с соавторами [11] выполнили библиометрический анализ публикационной активности в области взаимодействия человека с метавселенными в контексте профессионального образования. Результаты проведенного исследования выявили не только устойчивый рост интереса к тематике виртуальной и дополненной реальности, но и обозначили существенные лакуны в существующем корпусе знаний. Авторы с сожалением констатируют, что такие перспективные направления, как человеко-роботное взаимодействие и социальная виртуальная реальность, остаются на периферии исследовательского внимания. Данное обстоятельство, по мнению ученых, ограничивает возможности для разработки целостных педагогических стратегий, которые могли бы в полной мере использовать потенциал иммерсивных сред для подготовки специалистов к работе в условиях цифровой экономики будущего.

Кроме того, как отмечают Э. Хью-Ау и Дж. Ли [12], блестящий технический потенциал инструмента сам по себе не гарантирует педагогического результата. Серьезным препятствием на пути эффективного внедрения становится недостаточная техническая грамотность части преподавательского корпуса, а главное — отсутствие у многих педагогов разработанных методик, которые бы органично встраивали иммерсивные технологии в целостный учебный процесс. Таким образом, технологический прорыв опережает методическое и кадровое обеспечение, создавая риск поверхностного и малоэффективного использования дорогостоящих систем.

Важным дополнением к дискуссии о готовности педагогов к использованию иммерсивных технологий служит исследовательская работа Х. Хан [13], согласно которой виртуальная реальность представляет собой многообещающий инструмент для развития педагогических компетенций, позволяя моделировать разнообразные профессиональные ситуации и предоставляя будущим учителям возможность безопасной практики. Вместе с тем автор подчеркивают, что эффективность использования *VR* напрямую зависит от качества педагогического дизайна виртуальных сред и их интеграции в общую структуру подготовки. Простое погружение в виртуальное пространство без продуманного методического сопровождения не гарантирует желаемого прироста в уровне профессиональной готовности, что актуализирует задачу подготовки самих преподавателей к роли разработчиков осмысленных учебных ситуаций.

Следует отметить, что главный вызов заключается не в констатации потенциальных возможностей или ограничений, а в поиске баланса. Необходимо определить такие образовательные принципы, которые позволили бы извлекать максимальную пользу из уникальных возможностей *VR* и *AR* для формирования навыков, при этом осознанно нивелируя присущие им риски за счет сочетания с другими, более традиционными, но проверенными формами профессиональной подготовки.

С одной стороны, аргументы в пользу технологий *VR* и *AR* выглядят весьма убедительно: они предлагают принципиально новый уровень наглядности и интерактивности, открывая доступ к практике в ситуациях, где реальное обучение сопряжено с риском или высокой стоимостью. Эмпирические данные постепенно накапливаются и в целом подтверждают эффективность таких инструментов для отработки определенных алгоритмических действий и процедур [14].

В контексте обсуждения влияния иммерсивного опыта на восприятие обучающимися своей будущей востребованности на рынке труда заслуживает внимания исследование, выполненное с применением модели объединения технологий и опыта [15]. Авторы этой работы на выборке из нескольких сотен учащихся профессиональных школ стремились выявить, каким образом виртуальный опыт опосредует связь между отношением к технологиям и ощущаемой трудоустраиваемостью. Ключевой вывод исследования состоит в том, что простое ожидание пользы от технологий или внешнее влияние оказываются недостаточными для формирования у студентов уверенности в своей готовности к профессиональной деятельности. Лишь непосредственное, активное и хорошо организованное взаимодействие с иммерсивными средами выступает тем значимым медиатором, который позволяет трансформировать позитивное отношение к технологиям в реальное ощущение своей конкурентоспособности. Данный результат убедительно подтверждает необходимость смещения фокуса с приобретения оборудования на проектирование содержательного виртуального опыта.

Однако, с другой стороны, становится ясно, что сам по себе технологический инструмент не является панацеей и не гарантирует достижения основных образовательных целей и задач. На практике его внедрение зачастую носит точечный и ситуативный характер, больше напоминая демонстрацию инновационных возможностей, нежели продуманный дидактический процесс. По мнению автора, причина этого кроется в недостаточной разработанности педагогических моделей, которые могли бы органично вписать виртуальные и дополненные миры в логику учебной программы, четко определив их место среди других методов обучения. Без такой методологической основы использование *VR* и *AR* остается «случайным», а их потенциал — нераскрытым.

Проблема усугубляется целым рядом нерешенных сопутствующих вопросов, которые выходят за рамки педагогической плоскости. Так, остаются открытыми вопросы о долгосрочном влиянии продолжительной работы в иммерсивных средах на когнитивные функции и эмоциональное состояние обучающихся, что требует серьезных междисциплинарных исследований. Экономический фактор также создает существенный барьер, делая массовое внедрение труднодостижимым для многих образовательных организаций. Все это приводит к формулировке центральной проблемы исследования: каким образом можно построить целостную и устойчивую систему применения технологий *VR* и *AR* в профессиональном образовании, которая позволила бы в полной мере реализовать их уникальные дидактические свойства, одновременно смягчая или полностью преодолевая текущие организационные, методические и психофизиологические ограничения. Решение этой проблемы, по мнению автора, представляется ключевым для перехода от экспериментального использования к системной и результативной педагогической практике.

Первоочередным шагом является смещение акцента с приобретения дорогостоящего оборудования на глубокое содержательно-методическое проектирование. Ключом к эффективности служит принцип осознанной целесобразности: иммерсивные технологии должны применяться не потому, что они современны, а исключительно в тех случаях, когда они предлагают уникальное и незаменимое дидактическое преимущество. Это может быть моделирование опасных условий, работа с дорогостоящим или редким оборудованием, визуализация недоступных человеческому восприятию процессов. Как следствие, внедрение должно начинаться с формулировки четких образовательных результатов, для достижения которых *VR* или *AR* является оптимальным, а не просто возможным инструментом.

Такой подход естественным образом требует детального проектирования учебных ситуаций. Так, виртуальный компонент не может быть «изолированным аттракционом», он должен стать органичным и логически необходимым этапом в цепи профессиональных действий обучающегося, напрямую связанным с последующей рефлексией и применением навыка в реальности. В этих условиях представляется особенно перспективной идея проектирования гибридных учебных сред. В них сильные стороны технологий — идеальная повторяемость, безопасность и точность обратной связи для отработки навыков и умений — комбинируются с богатством реального профессионального контекста. Последующие этапы обучения, такие как решение комплексных нестандартных задач, командное взаимодействие и коммуникация, целесообразно переносить в реальные или максимально приближенные к реальности условия. Подобная интеграция, по мнению автора, позволяет нивелировать существенный риск упрощения профессии, обеспечивая целостность формируемого опыта.

Важнейшим условием является также учет человеческого фактора. Для минимизации психофизиологического дискомфорта необходима научно-обоснованная регламентация продолжительности сеансов работы с иммерсивными средами, а также строгое соблюдение эргономических норм, что должно стать неотъемлемой частью методических рекомендаций. Одновременно должна быть кардинально пересмотрена система подготовки педагогических кадров. Преподавателю недостаточно лишь освоить интерфейс оборудования; ему требуется овладеть компетенциями «педагогического дизайнера», способного конструировать осмысленные учебные ситуации внутри виртуального пространства, а не просто сопровождать демонстрацию.

Наконец, для смягчения экономических ограничений необходима консолидация ресурсов. Перспективным направлением видится развитие сотрудничества между образовательными организациями и потенциальными работодателями. Совместная разработка, апробация и обмен качественным образовательным контентом позволят распределить затраты и повысить его практическую ценность. На начальных этапах внедрения рационально начинать с более доступных решений на базе мобильной дополненной реальности, которые, несмотря на меньшую иммерсивность, позволяют отработать базовые методические модели и подготовить почву для более комплексных проектов. Таким образом, путь решения лежит не в поиске единого технического средства, а в построении сбалансированной педагогической системы, где технологии *VR* и *AR* занимают строго обоснованное и методически подкрепленное место.

В завершение настоящего исследования отметим, что технологии виртуальной и дополненной реальности, безусловно, открывают новые горизонты для профессиональной подготовки, однако их потенциал не стоит абсолютизировать. Главное достоинство этих инструментов заключается в возможности моделирования профессиональных ситуаций высокой степени сложности или опасности в рамках контролируемого учебного пространства, что объективно невозможно при использовании большинства традиционных методов.

Тем не менее основным препятствием для их полноценного внедрения выступают не столько вопросы технического характера, сколько глубинные методологические дефициты. Так, отсутствие апробированных педагогических моделей, которые четко определяли бы место иммерсивных технологий в общей структуре формирования компетенций, приводит к их фрагментарному и часто поверхностному применению. В этом смысле ключевым условием успеха является переосмысление роли технологии: их использование должно рассматриваться не как самодостаточная цель, а как подчиненный элемент педагогического замысла, инструмент для решения конкретных образовательных целей и задач.

Перспективы дальнейшей работы, таким образом, лежат не в плоскости совершенствования технических характеристик устройств, а в области педагогики. Наиболее актуальными представляются исследования, направленные на выработку надежных критериев оценки эффективности подобных инструментов, изучение корреляции между виртуальным тренингом и качеством реальной профессиональной деятельности, а также создание адаптируемых методических рамок для проектирования содержания в различных отраслях профессионального образования. Лишь при таком подходе, по мнению автора, иммерсивные технологии смогут перейти из разряда экспериментальных инноваций в категорию эффективных элементов современной образовательной системы.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что технологии виртуальной и дополненной реальности действительно обладают значительным дидактическим потенциалом, способным обогатить практику профессионального образования. Их главное достоинство заключается в возможности моделирования таких учебных ситуаций, которые в силу опасности, высокой стоимости или редкости недоступны для отработки в реальных условиях. Однако, как показал анализ, наличие самого современного инструментария еще не гарантирует достижения образовательных результатов.

Основной вывод работы состоит в том, что главным препятствием на пути эффективного внедрения иммерсивных технологий выступает не столько их техническое несовершенство, сколько недостаточная разработанность педагогических моделей их применения. Наблюдаемая сегодня фрагментарность использования виртуальной и дополненной реальности является следствием методологического дефицита: отсутствия четкого понимания того, какое именно место эти средства должны занимать в целостной структуре формирования профессиональных компетенций.

В этой связи ключевым результатом исследования становится обоснование принципиально иного подхода к интеграции иммерсивных технологий в образовательный

процесс. Данный подход требует смещения акцента с оснащения оборудованием на предварительное содержательно-методическое проектирование, в рамках которого применение виртуальных сред рассматривается не как самоцель, а как педагогически целесообразный инструмент решения конкретных учебных задач. Важнейшим условием эффективности выступает принцип осознанной необходимости: иммерсивные технологии должны использоваться лишь в тех случаях, когда они дают уникальное дидактическое преимущество, не достижимое иными средствами.

Особого внимания заслуживает вывод о необходимости построения гибридных учебных сред, в которых виртуальные тренажеры органично сочетаются с традиционными формами практической подготовки. Только такая интеграция позволяет избежать риска формирования у обучающихся поверхностной компетентности, ограниченной

рамками искусственно созданного пространства, и обеспечить полноценный перенос отработанных навыков в реальную профессиональную деятельность.

Наконец, исследование показывает, что успешное внедрение рассматриваемых технологий требует комплексного учета целого ряда сопутствующих факторов. Среди них особое значение приобретают научно-обоснованная регламентация продолжительности работы в иммерсивных средах, подготовка педагогических кадров, владеющих не только техническими, но и проектировочными компетенциями, а также консолидация ресурсов образовательных организаций и работодателей для разработки качественного учебного контента. Лишь при соблюдении этих условий виртуальная и дополненная реальность смогут занять достойное место в арсенале современной педагогики, перейдя из разряда экспериментальных инноваций в категорию эффективных и востребованных образовательных инструментов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ручкина Г. Ф. Подготовка квалифицированных кадров как важнейшее условие обеспечения технологического суверенитета в Российской Федерации: правовые механизмы и стратегия развития высшего образования // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 6. С. 157—165. DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.157-165.
2. Bödding R., Schriek S. A., Maier G. W. A systematic review and meta-analysis of mixed reality in vocational education and training: examining behavioral, cognitive, and affective training outcomes and possible moderators // *Virtual Reality*. 2025. Vol. 29. Iss. 1. Art. 44. DOI: 10.1007/s10055-025-01118-z.
3. Vasic B., Kerimbayeva R., Sibagatova G., Kuznetsova Y. Digitalization in Professional Training in Universities Using VR/AR and HR Development // *Digital Transformation and Human Potential in the AI Era* / eds. K. Krastev, C. Rani, O. Ergunova et al. IGI Global Scientific Publishing, 2026. Pp. 121—150. DOI: 10.4018/979-8-3373-8612-6.ch005.
4. Баюров А. Е., Петрова О. А. Виртуальная реальность в образовании // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : сб. материалов V Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Дню космонавтики : в 3 т. Красноярск : СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2019. Т. 3. С. 632—635.
5. Синегуб А. А. Использование виртуальной реальности в образовании // *Научные исследования*. 2018. № 4(23). С. 34—35.
6. Efendi R., Ambiyar, Estuhono, Wulandari R. A. Bridging the Industry 4.0 Skills Gap: An Immersive Augmented Reality Mobile Learning Approach for Vocational Education // *International Journal of Interactive Mobile Technologies*. 2025. Vol. 19. No. 6. Pp. 60—74. DOI: 10.3991/ijim.v19i06.53825.
7. Гринченков Д. В., Профатило В. К., Колач Д. А., Романенко И. В. Технологии виртуальной и дополненной реальности в профессиональной подготовке: проблемы, решения и перспективы // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Технические науки*. 2025. № 2. С. 33—40. DOI: 10.17213/1560-3644-2025-2-33-40.
8. Уваров А. Ю. Технологии виртуальной реальности в образовании // *Наука и школа*. 2018. № 4. С. 108—117.
9. Мухамадиева К. Б. Дополненная и виртуальная реальность в образовании // *Образование и проблемы развития общества*. 2021. № 1(14). С. 68—75.
10. Технологии виртуальной реальности в образовательном процессе: перспективы и опасности / А. С. Смирнов, К. А. Фадеев, Т. А. Аликовская и др. // *Информатика и образование*. 2020. № 6. С. 4—16. DOI: 10.32517/0234-0453-2020-35-6-4-16.
11. Ariawan I. M. B., Abd Kadir S., Hadiana A., Mohd Lokman A. Human-Metaverse Interaction in TVET: Research Trends and Future Directions // *Journal of Technical Education and Training*. 2025. Vol. 17. No. 3. Pp. 134—149.
12. Hu-Au E., Lee J. J. Virtual reality in education: a tool for learning in the experience age // *International Journal of Innovation in Education*. 2018. Vol. 4. No. 4. Pp. 215—226. DOI: 10.1504/IJIE.2017.10012691.
13. Han X., Luo H., Wang Z., Zhang D. Using virtual reality for teacher education: a systematic review and meta-analysis of literature from 2014 to 2024 // *Frontiers in Virtual Reality*. 2025. Vol. 6. Art. 1620905. DOI: 10.3389/frvir.2025.1620905.
14. Алексеева А. В., Лапшина И. В. Виртуальная реальность в мире образования и обучения // *Гуманитарные и социальные науки*. 2024. № 1(102). С. 123—128.
15. Bridging virtual learning and workforce readiness: the mediating role of virtual experience in vocational education / A. M. Idkhan, F. R. Baharuddin, A. Aminuddin et al. // *Higher Education, Skills and Work-based Learning*. 2025. Vol. 15. No. 6. Pp. 1282—1301. DOI: 10.1108/HESWBL-02-2025-0067.

REFERENCES

1. Ruchkina G. F. Training Qualified Personnel as a Key Condition for Ensuring Technological Sovereignty in the Russian Federation: Legal Mechanisms and Higher Education Development Strategy. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. 2025;20(6):157—165. (In Russ.) DOI: 10.17803/1994-1471.2025.175.6.157-165.
2. Bödding R., Schriek S. A., Maier G. W. A systematic review and meta-analysis of mixed reality in vocational education and training: examining behavioral, cognitive, and affective training outcomes and possible moderators. *Virtual Reality*. 2025; 29(1):44. DOI: 10.1007/s10055-025-01118-z.

3. Vasic B., Kerimbayeva R., Sibagatova G., Kuznetsova Y. Digitalization in Professional Training in Universities Using VR/AR and HR Development. *Digital Transformation and Human Potential in the AI Era*. K. Krastev, C. Rani, O. Ergunova et al. (eds.). IGI Global Scientific Publishing, 2026. Pp. 121—150. DOI: 10.4018/979-8-3373-8612-6.ch005.
4. Bajurov A. E., Petrova O. A. Virtual reality in education. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики = Topical issue of aviation and cosmonautics. Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference dedicated to Cosmonautics Day*. Krasnoyarsk Reshetnev Siberian State University of Science and Technology publ., 2019;3:633—635. (In Russ.)
5. Sinogub A. A. The use of virtual reality in education. *Nauchnye issledovaniya*. 2018;4(23):34—35. (In Russ.)
6. Efendi R., Ambiyar, Estuhono, Wulandari R. A. Bridging the Industry 4.0 Skills Gap: An Immersive Augmented Reality Mobile Learning Approach for Vocational Education. *International Journal of Interactive Mobile Technologies*. 2025; 19(6):60—74. DOI: 10.3991/ijim.v19i06.53825.
7. Grinchenkov D. V., Profatilo V. K., Kolach D. A., Romanenko I. V. Virtual and augmented reality technologies in professional development: challenges, solutions and prospects. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Tekhnicheskie nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Technical Sciences*. 2025;2:33—40. (In Russ.). DOI: 10.17213/1560-3644-2025-2-33-40.
8. Uvarov A. Yu. Virtual reality technologies in education. *Nauka i shkola = Science and school*. 2018;4:108—117. (In Russ.)
9. Mukhamadiyeva K.B. Augmented and virtual reality in education. *Obrazovanie i problemy razvitiya obshchestva = Education and problems of development of society*. 2021;1(14):68—75. (In Russ.)
10. Smirnov A. S., Fadeev K. A., Alikovskaia T. A. et al. Virtual reality technologies in the educational process: Prospects and dangers. *Informatics and education*. 2020;6:4—16. (In Russ.) DOI: 10.32517/0234-0453-2020-35-6-4-16.
11. Ariawan I. M. B., Abd Kadir S., Hadiana A., Mohd Lokman A. Human-Metaverse Interaction in TVET: Research Trends and Future Directions. *Journal of Technical Education and Training*. 2025;17(3):134—149.
12. Hu-Au E., Lee J. J. Virtual reality in education: a tool for learning in the experience age. *International Journal of Innovation in Education*. 2018;4(4):215—226. DOI: 10.1504/IJIE.2017.10012691.
13. Han X., Luo H., Wang Z., Zhang D. Using virtual reality for teacher education: a systematic review and meta-analysis of literature from 2014 to 2024. *Frontiers in Virtual Reality*. 2025;6:1620905. DOI: 10.3389/frvir.2025.1620905.
14. Alekseeva A. V., Lapshina I. V. Virtual reality in the world of education and training. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and social sciences*. 2024;1(102):123—128. (In Russ.)
15. Idkhan A. M., Baharuddin F. R., Aminuddin A. et al. Bridging virtual learning and workforce readiness: the mediating role of virtual experience in vocational education. *Higher Education, Skills and Work-based Learning*. 2025;15(6):1282—1301. DOI: 10.1108/HESWBL-02-2025-0067.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 07.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 07.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 377
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1558

Petr Petrovich Lang
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Civil and Arbitration Procedure,
Samara State University of Economics
Samara, Russian Federation
petr.lang@mail.ru

Петр Петрович Ланг
д-р юрид. наук, доцент,
профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса,
Самарский государственный экономический университет
Самара, Российская Федерация
petr.lang@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ГИБРИДНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ: ОТ СИСТЕМНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ К ПЕДАГОГИЧЕСКИМ СЦЕНАРИЯМ КОЛЛАБОРАЦИИ С ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается проблема трансформации профессионального образования в условиях активного внедрения технологий искусственного интеллекта в различные сферы деятельности. Отмечается, что традиционная образовательная модель, ориентированная на подготовку специалистов к решению типовых задач, перестает отвечать требованиям времени. Сегодня искусственный интеллект является не просто инструментом, а своеобразным «партнером по интеллектуальной деятельности», что требует от будущего специалиста принципиально иных компетенций. Автор обосновывает необходимость перехода от логики использования искусственного интеллекта как средства к логике сотрудничества с ним, что приводит к формированию так называемого «гибридного интеллекта». Данное понятие подразумевает синергию человеческих качеств, таких как способность к творчеству, этической оценке и пониманию контекста, с возможностями вычислительных машин по обработке больших объемов информации. В работе выявляются ключевые противоречия современной образовательной системы, препятствующие этому переходу. Среди них — консервативность учебных (образовательных) программ, запаздывающих за технологическим прогрессом, преобладание инструментального взгляда на искусствен-

ный интеллект, а также отсутствие четких критериев для оценки эффективности совместной деятельности человека и интеллектуальных систем. Подчеркивается, что основная проблема кроется не в технической оснащенности, а в устоявшихся взглядах педагогов, нивелирующих возможности искусственного интеллекта в профессиональном образовании. В качестве решения предлагается разработка и внедрение новых педагогических сценариев. В статье описываются три типа таких сценариев. Первый основан на использовании искусственного интеллекта как когнитивного помощника, где акцент делается на умении грамотно ставить задачи. Второй предполагает моделирование ситуаций совместного принятия решений в условиях неопределенности. Третий, наиболее сложный, направлен на использование искусственного интеллекта как «зеркала» для рефлексии собственных мыслительных процессов. Делается вывод, что формирование «гибридного интеллекта» должно стать стратегической целью современного профессионального образования.

Ключевые слова: гибридный интеллект, профессиональное образование, искусственный интеллект, педагогические сценарии, коллаборация, метакогнитивные способности, трансформация образования, критическое мышление, этические аспекты, симуляции

Для цитирования: Ланг П. П. Формирование гибридного интеллекта в профессиональном образовании: от системных противоречий к педагогическим сценариям коллаборации с искусственным интеллектом // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 347—353. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1558.

Original article

FORMATION OF HYBRID INTELLIGENCE IN PROFESSIONAL EDUCATION: FROM SYSTEMIC CONTRADICTIONS TO PEDAGOGICAL SCENARIOS OF COLLABORATION WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article examines the problem of transforming professional education in the context of the active introduction of artificial intelligence technologies in various fields of activity. It is noted that the traditional educational model, which focuses on training specialists to solve typical problems, is no longer in line with the demands of the time. Today, artificial intelligence is not just a tool, but a kind

of “intellectual partner”, which requires fundamentally different competencies from future specialists. The author argues for the need to shift from the logic of using artificial intelligence as a means to the logic of collaborating with it, which leads to the formation of the so-called hybrid intelligence. This concept implies a synergy of human qualities, such as creativity, ethical evaluation, and understanding

of context, with the capabilities of computational machines to process large amounts of information. The article identifies key contradictions in the current educational system that hinder this transition. These include the conservatism of educational programs that lag behind technological progress, the prevalence of an instrumental view on artificial intelligence, and the lack of clear criteria for evaluating the effectiveness of human-machine collaboration. It is emphasized that the main problem lies not in the technical equipment, but in the established views of educators, which undermine the potential of artificial intelligence in professional education. As a solution, the article proposes the development and implementation of new pedagogical scenarios. The article

describes three types of such scenarios. The first scenario is based on using artificial intelligence as a cognitive assistant, where the focus is on the ability to set tasks correctly. The second scenario involves simulating situations of collaborative decision-making under uncertainty. The third, more complex scenario focuses on using artificial intelligence as a “mirror” for reflecting on one’s own thought processes. The article concludes that the formation of hybrid intelligence should be a strategic goal of modern professional education.

Keywords: hybrid intelligence, professional education, artificial intelligence, pedagogical scenarios, collaboration, meta-cognitive abilities, transformation of education, critical thinking, ethical aspects, simulations

For citation: Lang P. P. Formation of hybrid intelligence in professional education: from systemic contradictions to pedagogical scenarios of collaboration with artificial intelligence. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026; 1(74):347—353. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1558.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется стремительным проникновением технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) во все сферы профессиональной деятельности, что неизбежно влечет за собой глубокие изменения в характере труда и требованиях к специалистам. Традиционная система профессионального образования, ориентированная на подготовку кадров к решению преимущественно типовых задач, сталкивается с серьезным вызовом: ИИ перестает быть просто инструментом и начинает выступать в роли «интеллектуального партнера», способного брать на себя значительную часть когнитивных операций. В этих условиях особую значимость приобретает проблема формирования у будущих специалистов готовности к эффективному взаимодействию с «нечеловеческим интеллектом», что предполагает развитие не столько технических навыков, сколько метакогнитивных способностей, этического мышления и ответственности. В этой связи **актуальность** настоящего исследования обусловлена необходимостью осмысления тех глубинных трансформаций, которые должны произойти в профессиональном образовании, чтобы оно могло отвечать вызовам времени и готовить выпускников к продуктивной коллаборации в системе «человек — ИИ». Представляется, что без своевременного пересмотра целевых ориентиров и содержания подготовки существует риск утраты образовательной системой своей социальной значимости.

Изученность проблемы. Анализ научной литературы, посвященной внедрению ИИ в образование, свидетельствует о смещении исследовательского интереса от сугубо технологических аспектов к осмыслению его влияния на когнитивное развитие обучающихся. В работах А. Ж. Кинтоновой [1], а также в исследованиях Э. Бриньолфсона и Э. Макафи [2; 3] обосновывается точка зрения, согласно которой профессиональная успешность будущего специалиста определяется не столько техническими навыками работы с системами, сколько способностью грамотно формулировать для них задачи и критически оценивать полученные результаты. Данный подход развивается З. А. Шудуевой [4], подчеркивающей необходимость адаптации образовательных систем к новым технологическим реалиям.

Параллельно в научном дискурсе активно обсуждается педагогическая роль ИИ. Зарубежные исследователи, такие как Х. Кромптон [5; 6], М. Парвиз [7], Дж. П. Джи [8] и Э. Гибни [9], рассматривают его в широком спектре —

от инструмента персонализации обучения до интеллектуального оппонента. Однако, как отмечается, эти взгляды преимущественно укладываются в инструментальную парадигму, оставляя в тени вопрос о трансформации самого обучающегося. Восполнению этого пробела посвящены работы В. С. Ефимова и А. В. Лаптевой [10], вводящих понятие «гибридного субъекта» образовательного процесса. Значительный вклад в концептуализацию необходимых качеств будущего специалиста внесен М. М. Конколь [11] и Е. Д. Марьиной [12], чьи исследования метацифровой компетентности и распределенной когнитивной деятельности создают теоретическую базу для понимания синергии человека и интеллектуальных систем.

Вместе с тем ряд авторов акцентируют внимание на потенциальных рисках. Н. М. Романенко [13] предупреждает об опасности формирования интеллектуальной пассивности при неконтролируемом использовании человекоподобных интерфейсов. Ю. С. Апполонова [14] и С. В. Володенков [15] ставят вопросы экзистенциального и социально-политического характера, связанные с самоопределением человека в цифровой среде. В этой связи Е. Н. Скрипачева [16] и Н. Бостром [17] настаивают на приоритетном развитии «неалгоритмизируемых» человеческих способностей — креативности, этического и эмоционального интеллекта, а также долгосрочного прогнозирования. Практические аспекты применения ИИ, в частности для создания симуляций, рассматриваются в работе С. И. Дрейцер [18]. Совокупность представленных исследований демонстрирует переход научной мысли от вопросов внедрения технологий к более сложной проблеме сохранения и развития человеческого потенциала в условиях формирующегося симбиоза с ИИ.

Целесообразность разработки темы. Необходимость разработки темы формирования гибридного интеллекта в профессиональном образовании продиктована не только логикой развития научного знания, но и настоятельными запросами профессиональной практики. Рынок труда уже сегодня демонстрирует потребность в специалистах, способных не просто использовать ИИ как инструмент, но и выстраивать с ним продуктивное взаимодействие, делегируя «рутинные операции» и сохраняя за собой функции стратегического планирования, интерпретации результатов и принятия ответственных решений. Образовательная же система, отличаясь известной консервативностью, продолжает воспроизводить модели подготовки, ориентированные на решение типовых

задач, что порождает разрыв между формируемыми компетенциями и реальными требованиями профессиональной среды. Преодоление этого разрыва видится в фундаментальной трансформации образовательного процесса, в центре которой должно оказаться формирование готовности к коллаборации с ИИ. Разработка данной темы представляется своевременной и оправданной, поскольку позволяет не только осмыслить возникающие противоречия, но и наметить конкретные пути их разрешения через создание новых педагогических сценариев и изменение роли преподавателя.

Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование необходимости перехода профессионального образования к формированию гибридного интеллекта и разработка концептуальных основ педагогических сценариев, обеспечивающих подготовку будущих специалистов к эффективной коллаборации с ИИ.

Для достижения сформулированной цели автором был разработан следующий перечень научно-исследовательских задач:

- осуществить анализ современного состояния проблемы интеграции ИИ в профессиональное образование и выявить доминирующие подходы к ее решению, сложившиеся в зарубежной и отечественной научной литературе;
- рассмотреть системные противоречия, носящие институциональный характер и препятствующие переходу от инструментальной модели использования ИИ к «партнерской», а также определить их влияние на качество подготовки специалистов;
- обосновать необходимость формирования гибридного интеллекта как стратегического ориентира развития профессионального образования в условиях цифровой трансформации общества и технологического прогресса;
- охарактеризовать типы педагогических сценариев, позволяющих моделировать различные уровни взаимодействия человека и ИИ, включая интеллектуальное ассистирование, совместное принятие решений в условиях неопределенности и рефлексивную обратную связь;
- определить характер изменений, которые должны произойти в профессиональной позиции преподавателя, выступающего организатором сложного взаимодействия в системе «человек — ИИ», и обосновать необходимость его трансформации из «транслятора информации» в фасилитатора гибридной коллаборации.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем предлагается целостное обоснование перехода профессионального образования к формированию «гибридного интеллекта» как ответа на фундаментальные вызовы технологической трансформации. В отличие от работ, рассматривающих ИИ преимущественно в инструментальном ключе, автор акцентирует необходимость смены мировоззренческой парадигмы — от логики замены человека к логике синергии, где уникальные человеческие качества вступают во взаимодействие с возможностями машинного анализа. Новизной отличается и предложенная типология педагогических сценариев коллаборации, которые не просто описывают возможные способы использования ИИ в обучении, но моделируют саму архитектуру взаимодействия, способствуя развитию у обучающихся метакогнитивных способностей, критического мышления и ответственности. Особое значение имеет обоснование роли рефлексивных сценариев, в которых ИИ выступает как «когнитивное зеркало», позволяющее будущему специалисту осознать собственные мыслительные паттерны.

Теоретическая значимость результатов проведенного исследования состоит в развитии понятийного аппарата педагогической науки применительно к проблематике взаимодействия человека и ИИ. Введение и обоснование категории «гибридный интеллект» позволяет по-новому осмыслить целевые ориентиры профессионального образования, смещая акцент с передачи знаний и алгоритмов на формирование способности к распределенному мышлению и ответственному партнерству. Выявленные системные противоречия, укорененные в структуре современного образования, углубляют понимание тех барьеров, которые препятствуют адекватному ответу на технологические вызовы. Обоснование необходимости трансформации не только содержания, но и самой ментальной модели педагогов вносит вклад в развитие теории профессиональной подготовки преподавателей. Предложенная типология педагогических сценариев создает основу для дальнейших теоретических разработок в области профессионального образования.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они могут быть использованы при проектировании образовательных программ высшего и дополнительного профессионального образования, ориентированных на подготовку специалистов, способных эффективно взаимодействовать с ИИ. Описанные педагогические сценарии — от интеллектуального ассистирования до рефлексивной обратной связи — могут найти непосредственное применение в учебном процессе, способствуя формированию у обучающихся готовности к коллаборации с «нечеловеческим интеллектом». Выводы, касающиеся необходимости изменения роли преподавателя, значимы для организации системы повышения квалификации и профессиональной переподготовки педагогических кадров. Материалы исследования могут быть востребованы при разработке учебно-методических пособий, а также в практике преподавания дисциплин, связанных с проблематикой цифровой трансформации образования и использования ИИ в профессиональной деятельности.

Основная часть

Методология исследования. Методология настоящего исследования обусловлена сложностью и многогранностью самой проблемы формирования «гибридного интеллекта» в профессиональном образовании, которая находится на пересечении педагогики, философии, психологии и наук об ИИ. Автор исходит из того, что осмысление столь фундаментальных изменений в целевых ориентирах подготовки специалистов не может быть сведено к эмпирической фиксации отдельных фактов или к узкоинструментальному подходу, а требует обращения к широкому теоретическому контексту и выявлению глубинных закономерностей.

Существенное значение в методологическом арсенале автора занимает системный подход, применение которого дает возможность рассмотреть профессиональное образование не как изолированную сферу, а как сложноорганизованную систему, испытывающую воздействие множества факторов — технологических, социальных, культурных.

Нельзя не отметить и обращение автора к методу концептуального моделирования. Предлагая типологию педагогических сценариев, автор, по сути, создает модель возможных образовательных ситуаций, которые могут стать основой для проектирования реального учебного процесса. Эта модель не претендует на исчерпывающую полноту,

но задает важные ориентиры для педагогического проектирования, позволяя различать разные уровни и качество взаимодействия человека и ИИ.

Результаты исследования. Доминирующим вектором в современных исследованиях можно считать смещение акцента с технического освоения инструментов ИИ на развитие метакогнитивных способностей для работы с ним. Это находит отражение в трудах А. Ж. Кинтоновой [1], связывающей будущую профессиональную эффективность не с написанием кода, а с компетентным управлением запросами к системе и критической интерпретацией ее выводов. Подобный взгляд разделяется Э. Бриньолфсоном и Э. Макафи [2; 3], которые справедливо указывают, что технологический прорыв сам по себе не гарантирует прогресса без трансформации образовательных моделей и организационных структур. В этом же русле лежит позиция З. А. Шудуевой [4], аргументирующей необходимость принципиального перепроектирования образовательных систем на основе принципов взаимной адаптации человека и технологий.

Одновременно в научном сообществе активно дискутируется возможная педагогическая роль ИИ. Здесь спектр мнений весьма широк: от восприятия его как инструмента для персонализации (труды Х. Кромптон [5; 6] и М. Парвиза [7]) до признания за ним статуса интеллектуального оппонента или среды (исследования Дж. П. Джи [8] и Э. Гибни [9]). Однако, по мнению автора, данные подходы, при всей их практической ценности, зачастую остаются в рамках инструментально-функциональной парадигмы, поскольку рассматривают ИИ как внешний ресурс, оптимизирующий процесс, но недостаточно фокусируются на трансформации внутренней позиции самого обучающегося.

Именно этот антропологический дефицит пытаются преодолеть другие исследователи. Существенный вклад в осмысление данной проблематики вносят исследования последних лет, расширяющие концептуальные границы педагогической науки. Так, в работе В. С. Ефимова и А. В. Лаптевой [10] обосновывается необходимость разработки особой педагогики «гибридного интеллекта», в рамках которой субъектом образовательного процесса становится не столько сам обучающийся, сколько «гибридный» субъект, объединяющий человека и ИИ. Данный подход, безусловно, требует пересмотра традиционных представлений о целях и методах профессиональной подготовки, поскольку предполагает формирование у будущего специалиста способности выстраивать партнерские отношения с интеллектуальными системами, а не просто использовать их как инструмент.

Не менее значимой представляется теоретическая позиция М. М. Конколь [11] и Е. Д. Марьиной [12], предложивших методологическое обоснование системы метацифровой компетентности. Разработанные авторами принципы распределенной когнитивной деятельности, метакогнитивной рефлексии и этической ответственности создают концептуальную основу для понимания того, какие именно качества должен развивать в себе будущий специалист, чтобы его взаимодействие с ИИ было действительно продуктивным. Особую ценность представляет идея «расширенного метапознания», согласно которой когнитивные процессы человека могут быть усилены за счет целенаправленного обращения к аналитическим возможностям интеллектуальных систем при сохранении за человеком функций смыслообразования и этической оценки.

В этом контексте заслуживают внимания предостережения Н. М. Романенко [13], которая на материале анализа антропоморфных интерфейсов показывает риски неконтролируемой интеграции ИИ в образовательный процесс. Исследователь убедительно доказывает, что стихийное использование человекоподобных интерфейсов может привести к формированию у обучающихся интеллектуальной пассивности и утрате метакогнитивных навыков. В то же время предложенная модель педагогического проектирования, основанная на принципах сократического диалога и рефлексивного анализа, открывает пути для превращения ИИ из источника готовых ответов в средство развития критического мышления и способности к постановке задач.

Так, Ю. С. Апполонова [14] вводит крайне важное понятие цифровой экзистенциальной компетенции, подчеркивая, что взаимодействие с ИИ затрагивает основы самоопределения человека в цифровом мире. Данная идея перекликается с серьезными предостережениями С. В. Володенкова [15] о рисках эрозии человеческого сообщества и пассивного принятия алгоритмических решений. В данном контексте особую значимость приобретает позиция Е. Н. Скрипачевой [16], настаивающей на приоритете развития сугубо человеческих, неалгоритмизируемых способностей — креативности, этического мышления, эмоционального и социального интеллекта. К этому стоит добавить взгляд таких ученых, как Н. Бостром [17], который в своих работах об этике ИИ поднимает вопрос о формировании у будущих специалистов способности к системному и долгосрочному прогнозированию последствий внедрения автономных систем, что является необходимой компонентой «ответственного партнерства».

Таким образом, научный дискурс демонстрирует явный переход от вопросов «как внедрить» к более сложным проблемам: как изменить образовательную систему и какую человечность мы хотим сохранить и развить в условиях симбиоза с нечеловеческим разумом? Работы С. И. Дрейцер [18], предлагающие использовать ИИ для создания продвинутых симуляций, указывают на практический путь, но не снимают указанных философско-педагогических противоречий. Современная теория профессионального образования стоит перед необходимостью синтеза этих разноуровневых подходов — от дидактического проектирования до экзистенциальной педагогики — в целостную концепцию формирования субъекта, способного к осознанному и ответственному «со-творчеству» в системе гибридного интеллекта.

Теоретическое осмысление феномена гибридного интеллекта, сопоставленное с реальной педагогической практикой, позволяет выделить комплекс системных противоречий. К сожалению, данные противоречия носят не случайный, а институциональный характер, будучи укорененными в самой структуре современного профессионального образования.

Центральным из них выступает нарастающий диссонанс между динамикой развития технологий ИИ и линейной, консервативной логикой формирования содержания образовательных программ. Учебные планы, зачастую отстающие, продолжают ретранслировать устаревшую модель взаимодействия «пользователь-инструмент». В результате, даже при формальном включении соответствующих модулей, акцент смещается на владение конкретным программным интерфейсом, а не на развитие критической метакомпетенции — способности

к распределенному мышлению и ответственному партнерству с «нечеловеческим интеллектом». Формирование таких качеств, как интеллектуальное доверие, основанное на понимании ограничений системы, или навык этического анализа его предложений, по мнению автора, остается за пределами образовательного процесса.

Одновременно с этим педагогическая наука пока не предложила конкретных критериев для оценки успешности коллаборации человека и ИИ. Как измерить эффективность распределения задач или степень синергетического эффекта? Ситуация осложняется тем, что значительная часть преподавательского сообщества сама является продуктом «уходящей» образовательной системы. Дефицит личного опыта работы в логике гибридного интеллекта закономерно порождает дефицит соответствующих педагогических методик, создавая порочный круг воспроизводства «устаревших практик».

Таким образом, ключевой проблемой является не технологическая оснащенность, а устойчивая культурная установка, или ментальная модель. В образовательной среде продолжает доминировать инструменталистский взгляд, где ИИ рассматривается как «усложненный калькулятор». Партнерская же концепция, предполагающая диалог, совместное принятие решений в условиях неполноты данных и взаимную адаптацию, остается периферийной. Преодоление этого барьера, по мнению автора, требует не простой корректировки учебных планов, а целенаправленной «перепрошивки» профессионально-педагогического сознания, что является задачей не только дидактического, но и духовно-нравственного (культурного) порядка. Следует отметить, что без такого глубинного сдвига все усилия по интеграции ИИ в образование рискуют остаться поверхностной «имитацией инноваций», не приводящей к качественному преобразованию природы профессиональной подготовки.

В этой связи преодоление выявленных системных противоречий требует конструирования принципиально новых образовательных форматов. Ядром такой трансформации, по мнению автора, должно стать проектирование технологических сценариев обучения, которые не имитируют, а целенаправленно моделируют саму архитектуру коллаборации с ИИ. Такие сценарии призваны стать содержательным каркасом, вокруг которого будет «пересобирается» профессиональное образование, смещая акцент с усвоения информации на отработку моделей совместного интеллектуального действия.

Перспективным, но наиболее традиционным направлением является разработка сценариев, основанных на логике интеллектуального ассистирования. В данной модели ИИ позиционируется как «когнитивный усилитель», берущий на себя ресурсоемкие операции по обработке данных, генерации гипотез или моделированию систем. Однако дидактическая ценность здесь заключена не в самом факте использования инструмента, а в формировании у обучающегося сложной компетенции управления запросом. Речь идет о воспитании способности к точной разбивке проблемы на формализуемые элементы, последующей критической интерпретации вероятностного ответа системы и его синтеза с восприятием обучающегося. Следует отметить, что такой подход безусловно прагматичен и востребован, но рискует остаться в рамках парадигмы «слабого» гибридного интеллекта, где человек сохраняет за собой исключительную роль смыслообразующего центра.

Более глубокий уровень педагогического моделирования представлен сценариями совместного принятия решений в условиях эпистемической неопределенности. Это уже не иерархическая связь «ведущий — ассистент», а попытка смоделировать диалог между разнородными интеллектуальными системами. Задача обучающегося в таком сценарии — научиться проверять не столько результат, сколько внутреннюю логику ИИ, понимая принципы его работы в условиях недостаточности или противоречивости данных. Иными словами, обучающийся вынужден постоянно сопоставлять алгоритмическую рациональность системы с контекстуальной, этической и интуитивной рациональностью, принимая решение, за которое несет персональную ответственность. Именно такие сценарии, реализуемые через проблемно-ориентированные симуляции, по мнению автора, могут стать полигоном для отработки «сильного» гибридного интеллекта, где решение рождается в процессе взаимодействия.

Наиболее же сложным и перспективным направлением, по мнению автора, является создание сценариев, обеспечивающих рефлексивную обратную связь, в рамках которых ИИ выходит за рамки «решателя задач» или оппонента, приобретая функцию «когнитивного зеркала». Анализируя траекторию действий обучающегося, система способна выявлять и демонстрировать ему паттерны его мышления, «слепые пятна» и альтернативные пути рассуждения, неочевидные в момент принятия решения. Подобная обратная связь нацелена на развитие метапознания — ключевой способности к осознанной регуляции собственной познавательной деятельности. Без этой способности любое партнерство с ИИ превращается в механическое использование, лишенное потенциала для синергии.

В завершении настоящего исследования отметим, что формирование гибридного интеллекта является не дополнительным элементом, а основным вектором стратегической переориентации профессионального образования. Это ответ на фундаментальный вызов технологической трансформации, требующий смены мировоззренческой составляющей — от изоляции и конкуренции к проектированию синергетических связей между человеческим и ИИ. Теоретический фундамент для этого заложен в идеях, переосмысляющих технологию как равноправного участника интеллектуальной деятельности, а не пассивный инструмент.

На сегодняшний день, ключевым становится разработка и внедрение специальных образовательных сценариев, моделирующих разные уровни взаимодействия: от инструментального усиления до совместного принятия решений и глубинной рефлексии. Однако их эффективность будет полностью нивелирована без параллельной трансформации роли преподавателя, который должен стать фасилитатором гибридной коллаборации, способным не воспроизводить информацию, а выстраивать образовательные ситуации, в которых обучающийся учится распределять когнитивную нагрузку, проверять выводы системы и нести ответственность за совместно принятые решения.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что формирование гибридного интеллекта должно рассматриваться не как очередное направление модернизации профессионального образования, а как его стратегическая цель, обусловленная глубинной трансформацией самого характера профессиональной деятельности в условиях цифровой эпохи. Автор приходит к убеждению, что традиционная

модель подготовки специалистов, ориентированная на решение типовых задач и передачу фиксированного набора знаний, утрачивает свою состоятельность перед лицом стремительного развития технологий ИИ. На смену ей должна прийти образовательная парадигма, в центре которой оказывается способность человека к продуктивному партнерству с «нечеловеческим интеллектом», предполагающая не просто использование инструментов, а выстраивание синергетических связей, где уникальные человеческие качества дополняются возможностями машинного анализа.

В ходе теоретического анализа удалось выявить системные противоречия, препятствующие этому переходу. Наиболее существенным из них представляется не столько технологическое отставание образовательных программ, сколько устойчивая ментальная установка, рассматривающая ИИ исключительно как инструмент. Преодоление этого барьера требует не частных корректировок содержания обучения, а глубинной «перепрошивки» профессионально-педагогического сознания, что выводит проблему за рамки дидактики в область мировоззренческих и культурных изменений. Без такого фундаментального сдвига любые усилия по интеграции ИИ в образование рискуют остаться поверхностной имитацией инноваций.

Важнейшим результатом исследования становится обоснование трех типов педагогических сценариев, моделирующих различные уровни взаимодействия человека и ИИ. Каждый из них обладает собственным дидактическим потенциалом и ориентирован на развитие определенных качеств будущего специалиста. Сценарии интеллектуального ассистирования позволяют сформировать компетенцию управления запросом и критической интерпретации результатов, оставаясь, однако, в рамках парадигмы, где человек сохраняет за собой исключительную роль смыслообразующего центра. Сценарии совместного

принятия решений в условиях неопределенности выводят взаимодействие на принципиально иной уровень, приближая его к диалогу равноправных интеллектуальных систем и требуя от обучающегося способности сопоставлять алгоритмическую рациональность с контекстуальной и этической. Наиболее перспективными представляются сценарии рефлексивной обратной связи, где ИИ выступает как «когнитивное зеркало», способствуя развитию метапознания и осознанной регуляции собственной мыслительной деятельности. Именно эти сценарии создают условия для подлинной синергии, без которой гибридный интеллект остается лишь декларируемой целью.

Особого внимания заслуживает вывод о неизбежности трансформации роли преподавателя в новых условиях. Педагог перестает быть транслятором информации и превращается в фасилитатора сложного взаимодействия, организатора образовательных ситуаций, в которых обучающийся осваивает практики распределенного мышления, учится проверять выводы системы и принимать на себя ответственность за совместно принятые решения. Без осознания и принятия этой новой роли даже самые совершенные педагогические сценарии окажутся нереализованными.

Практические рекомендации, вытекающие из исследования, связаны с необходимостью целенаправленного проектирования образовательных программ, включающих описанные типы сценариев, а также с организацией системы повышения квалификации преподавателей, ориентированной на формирование у них готовности к работе в логике гибридного интеллекта. Дальнейшие исследования, по мнению автора, должны быть направлены на разработку конкретных методик реализации предложенных сценариев, а также на создание критериев оценки эффективности коллаборации человека и ИИ, что позволит перевести теоретические построения в плоскость реальной образовательной практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кинтонова А. Ж., Сулейменова Б. Б., Шанытбаева А. К. Искусственный интеллект в образовании // *Yessenov Science Journal*. 2024. № 3(48). С. 303—309.
2. Бриньолфсон Э., Макафи Э. Вторая эра машин: работа, прогресс и процветание в эпоху новейших технологий / пер. с англ. П. Миронова. М.: АСТ, 2017. 381 с.
3. Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машинная платформа, толпа: наше цифровое будущее / пер. с англ. А. Поникарова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 317 с.
4. Шудуева З. А., Миназова З. М., Харченко С. Б. Роль адаптивных образовательных технологий в персонализации обучения // *Проблемы современного педагогического образования*. 2024. Вып. 84. Ч. 1. С. 379—382.
5. Crompton H., Song D. The Potential of Artificial Intelligence in Higher Education // *Revista Virtual Universidad Católica Del Norte*. 2020. No. 62. Pp. 1—4. DOI: 10.35575/rvucn.n62a1.
6. Crompton H., Edmett A., Ichaporia N., Burke D. AI and English language teaching: Affordances and challenges // *British Journal of Educational Technology*. 2024. Vol. 55. Iss. 6. Pp. 2503—2529. DOI: 10.1111/bjet.13460.
7. Parviz M., Ghorbanpour A. Helen Crompton and Diane Burke: *Artificial Intelligence Applications in Higher Education: Theories, Ethics, and Case Studies for Universities* // *Human Affairs*. 2026. Vol. 36. No. 1. Pp. 168—172. DOI: 10.1515/humaff-2025-0059.
8. Gee J. P., Hayes E. R. *Language and Learning in the Digital Age*. 1st ed. London: Routledge, 2011. 168 p. DOI: 10.4324/9780203830918.
9. Gibney E. Google reveals secret test of AI bot to beat top Go players // *Nature*. 2017. Vol. 541. Iss. 7636. P. 142. DOI: 10.1038/nature.2017.21253.
10. Ефимов В. С., Лаптева А. В. Педагогика гибридного интеллекта – новый вызов управлению развитием университета // *Университетское управление: практика и анализ*. 2025. Т. 29. № 4. С. 34—43. DOI: 10.15826/umpra.2025.04.029.
11. Конколь М. М. Концепция метацифровой компетентности студентов университета: подходы к формированию : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2025. 466 с.
12. Конколь М. М., Марьяна Е. Д. Методологические основания системы метацифровой компетентности (на примере языкового образования) // *Образование и наука*. 2025. Т. 27. № 9. С. 9—29. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-9-9-29.
13. Романенко Н. М. Педагогический дизайн и педагогический дизайнер: развитие понятий // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 3(100). С. 325—327. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-3100-325-327.

14. Апполонова Ю. С. Экзистенциальные медиаисследования: новый взгляд на существование человека в цифровой среде // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2025. Т. 30. № 3. С. 644—654. DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-644-654.
15. Володенков С. В., Федорченко С. Н. Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере: обзор современных научных работ // Дискурс-Пи. 2024. Т. 21. № 2. С. 24—48. DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_24.
16. Скрипачева Е. Н. Взаимосвязь творческого мышления и эмоционального интеллекта // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. 2021. № 4. С. 75—84. DOI: 10.52470/2224669X_2021_4_75.
17. Bostrom N. Ethical Issues in Advanced Artificial Intelligence // *Machine Ethics and Robot Ethics* / ed. by W. Wallach, P. Asaro. London : Routledge, 2017. Pp. 69—75. DOI: 10.4324/9781003074991-7.
18. Дрейцер С. И. Использование технологий искусственного интеллекта при разработке учебных диалогов для обучения будущих педагогов с помощью онлайн-симуляций // Вестник МГПУ. Серия: Информатика и информатизация образования. 2024. № 2(68). С. 151—165. DOI: 10.25688/2072-9014.2024.68.2.13.

REFERENCES

1. Kintonova A. Zh., Suleimenova B. B., Shanytbaeva A. K. Artificial Intelligence in Education. *Yessenov Science Journal*. 2024;3(48):303—309. (In Russ.)
2. Brynjolfsson E., McAfee A. *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. New York, London, W. W. Norton, 2014. 306 p.
3. McAfee A., Brynjolfsson E. *Machine, platform, crowd: harnessing our digital future*. New York : W. W. Norton & Company, 2017. 402 p.
4. Shudueva Z. A., Minazova Z. M., Kharchenko S. B. The role of adaptive educational technologies in personalizing learning. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2024;84(1): 379—382. (In Russ.)
5. Crompton H., Song D. The Potential of Artificial Intelligence in Higher Education. *Revista Virtual Universidad Católica Del Norte*. 2020;62:1—4. DOI: 10.35575/rvucn.n62a1.
6. Crompton H., Edmett A., Ichaporia N., Burke D. AI and English language teaching: Affordances and challenges. *British Journal of Educational Technology*. 2024;55(6):2503—2529. DOI: 10.1111/bjet.13460.
7. Parviz M., Ghorbanpour A. Helen Crompton and Diane Burke: *Artificial Intelligence Applications in Higher Education: Theories, Ethics, and Case Studies for Universities*. *Human Affairs*. 2026;36(1):168—172. DOI: 10.1515/humaff-2025-0059.
8. Gee J. P., Hayes E. R. *Language and Learning in the Digital Age*. 1st ed. London, Routledge, 2011. 168 p. DOI: 10.4324/9780203830918.
9. Gibney E. Google reveals secret test of AI bot to beat top Go players. *Nature*. 2017;541(7636):142. DOI: 10.1038/nature.2017.21253.
10. Efimo V. S., Lapteva A. V. Pedagogy of Hybrid Intelligence as a New Challenge to Managing University Development. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2025;29(4):34—43. (In Russ.) DOI: 10.15826/umpa.2025.04.029.
11. Konkol' M. M. The concept of university students' meta-digital competence: approaches to formation. Diss. of the Doct. of Pedagogy. Moscow, 2025. 466 p. (In Russ.)
12. Konkol M. M., Marina E. D. Methodological foundations of the meta-digital competence system: a case study in language education. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2025;27(9):9—29. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2025-9-9-29.
13. Romanenko N. M. Educational design and educational designer: analysis and reflection. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2023;3(100):325—327. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2023-3100-325-327.
14. Appolonova Y. S. Existential Media Studies: A New Perspective on Human Existence in the Digital Environment. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika = RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*. 2025;30(3):644—654. (In Russ.) DOI: 10.22363/2312-9220-2025-30-3-644-654.
15. Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. Risks of Using Artificial Intelligence Algorithms in the Socio-Political Sphere: a Review of Contemporary Scientific Works. *Diskurs-Pi = Discourse-P*. 2024;21(2):24—48. (In Russ.) DOI: 10.17506/18179568_2024_21_2_24.
16. Skripacheva E. N. The relationship between creative thinking and emotional intelligence. *Vestnik Moskovskogo informatsionno-tehnologicheskogo universiteta — Moskovskogo arkhitekturno-stroitel'nogo instituta = Moscow information and technology university - Moscow architecture and construction institute review*. 2021;4:75—84. (In Russ.) DOI: 10.52470/2224669X_2021_4_75.
17. Bostrom N. Ethical Issues in Advanced Artificial Intelligence. *Machine Ethics and Robot Ethics*. W. Wallach & P. Asaro (eds.). London, Routledge, 2017. Pp. 69—75. DOI: 10.4324/9781003074991-7.
18. Dreytser S. I. Using artificial intelligence technologies in the development of educational dialogues for training future teachers using online simulations. *Vestnik MGPU. Seriya: Informatika i informatizatsiya obrazovaniya = MCU Journal of Informatics and Informatization of Education*. 2024;2(68):151—165. (In Russ.) DOI: 10.25688/2072-9014.2024.68.2.13.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 05.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 05.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 796.015.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1540

Roman Sergeevich Nagovitsyn

Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
 Professor of the Department of Social Sciences, Humanities,
 Pedagogical Sciences, and Natural Sciences,
 Tchaikovsky State
 Academy of Physical Culture and Sports
 Tchaikovsky, Russian Federation;
 Professor of the Department of Physical Culture
 and Biomedical Disciplines,
 Glazov State University of Engineering
 and Pedagogics named after V. G. Korolenko
 Glazov, Russian Federation;
 Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Physical Education,
 Gymnastics and Life Safety,
 Udmurt State University
 Izhevsk, Russian Federation
 gto18@mail.ru

Alexey Sergeevich Grechkin

Lecturer of the Department of Fire
 and Physical Training,
 Perm Institute
 of the Federal Penitentiary Service
 Perm, Russian Federation
 59gas@mail.ru

Роман Сергеевич Наговицын

д-р пед. наук, доцент,
 профессор кафедры социально-гуманитарных,
 педагогических и естественных наук,
 Чайковская государственная
 академия физической культуры и спорта
 Чайковский, Российская Федерация;
 профессор кафедры физической культуры
 и медико-биологических дисциплин,
 Глазовский государственный
 инженерно-педагогический университет им. В. Г. Короленко
 Глазов, Российская Федерация;
 профессор кафедры теории
 и методики физической культуры,
 гимнастики и безопасности жизнедеятельности,
 Удмуртский государственный университет
 Ижевск, Российская Федерация
 gto18@mail

Алексей Сергеевич Гречкин

преподаватель кафедры огневой
 и физической подготовки,
 Пермский институт
 Федеральной службы исполнения наказаний
 Пермь, Российская Федерация
 59gas@mail.ru

ChatGPT КАК ЦИФРОВОЙ ТРЕНЕР: ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННЫХ ПЛАНОВ И ОТЧЕТОВ В ПОДГОТОВКЕ ПАУЭРЛИФТЕРОВ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Статья посвящена оценке эффективности использования ChatGPT как «цифрового тренера» в подготовке пауэрлифтеров и обоснованию педагогической целесообразности персонализированных планов и отчетов, формируемых на основе данных спортсмена. Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении подходов к цифровому сопровождению силовой подготовки, где языковая модель рассматривается не только как генератор программ, но и как средство интерпретируемой обратной связи, объединяющее планирование микроциклов, разбор техники и соревновательную тактику при обязательной тренерской верификации. Практическая значимость работы состоит в разработке диагностической системы мониторинга спортивной результативности пауэрлифтеров по пяти показателям, пригодной для применения в студенческих командах и спортивных клубах. Экспериментальная часть выполнена на выборке из 25 студентов-пауэрлифтеров, которые в течение шести месяцев использовали ChatGPT для индивидуального сопровождения: еженедельная загрузка днев-

ника нагрузок, 1—2 видеозаписи ключевых подходов и получение отчетов с фазовым анализом ошибок, рекомендациями и планами. Эффективность оценивалась сравнением динамики показателей с предыдущим полугодием у тех же спортсменов и статистической проверкой различий. Получены улучшения по всем пяти индикаторам: прирост суммы троеборья увеличился с 2,4 до 4,8 %, снизилась вариативность суммарного результата на 4—5 соревнованиях, уменьшилась доля ошибочных заявок веса и технических незачетов, повысилась точность прогноза «планируемая сумма — фактическая сумма». Сформулированы условия эффективного и безопасного применения ChatGPT, такие как стандартизация видеосъемки, полнота тренировочных метаданных, контекст запросов, недельная тренерская верификация, и обозначены направления дальнейших исследований для их факторной проверки.

Ключевые слова: ChatGPT, генератор программ, искусственный интеллект, цифровой тренер, персонализированный план, отчет, пауэрлифтинг, студенты, мониторинг результативности, соревновательная тактика

Для цитирования: Наговицын Р. С., Гречкин А. С. ChatGPT как цифровой тренер: эффективность персонализированных планов и отчетов в подготовке пауэрлифтеров // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 354—358. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1540.

Original article

ChatGPT AS A DIGITAL COACH: THE EFFECTIVENESS OF PERSONALIZED PLANS AND REPORTS IN POWERLIFTER TRAINING

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract: *this article evaluates the effectiveness of using ChatGPT as a “digital coach” in powerlifting training and substantiates the pedagogical feasibility of personalized plans and reports generated based on athlete data. The theoretical significance of the study lies in refining approaches to digital support for strength training, where the language model is considered not only as a program generator but also as a means of interpretable feedback, integrating microcycle planning, technique analysis, and competition tactics with mandatory coaching verification. The practical significance of the study lies in the development of a diagnostic system for monitoring powerlifters’ athletic performance using five indicators, suitable for student teams and sports clubs. The experimental part was conducted on a sample of 25 student powerlifters who used ChatGPT for six months for individual support: weekly uploading a training log, making 1-2 video recordings of key sets, and recei-*

ving feedback with a phase analysis of errors, recommendations, and plans. Effectiveness was assessed by comparing the dynamics of indicators with the previous six months for the same athletes and statistically testing the differences. Improvements were obtained across all five indicators: the total triathlon result increased from 2.4% to 4.8%, the variability of the total result across 4-5 competitions decreased, the proportion of erroneous weight entries and technical failures decreased, and the accuracy of the “planned total - actual total” forecast increased. The conditions for the effective and safe use of ChatGPT such as standardized video recording, complete training metadata, query context, and weekly coaching verification are formulated, and directions for further research for their factorial validation are outlined.

Keywords: *ChatGPT, program generator, artificial intelligence, digital coach, personalized plan, feedback, powerlifting, students, performance monitoring, competition tactics*

For citation: Nagovitsyn R. S., Grechkin A. S. ChatGPT as a digital coach: the effectiveness of personalized plans and reports in powerlifter training. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):354—358. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1540.

Введение

Актуальность. Пауэрлифтинг относится к видам спорта, где спортивный результат тесно связан с точностью техники и корректного дозирования нагрузки, при этом в студенческих командах тренер часто ограничен временем для детального индивидуального сопровождения каждого спортсмена [1]. На фоне цифровой трансформации физической культуры и спорта возрастает интерес к инструментам искусственного интеллекта (далее — ИИ), включая большие языковые модели, которые способны формировать персонализированные планы, объяснять причины ошибок и выдавать рекомендации в диалоговом режиме [2; 3]. Российские исследования подчеркивают, что ИИ становится фактором перестройки управленческих и педагогических практик в спорте, однако одновременно усиливаются риски «непрозрачности» рекомендаций и разрыва между измерением и педагогической интерпретацией [2; 4].

Изученность проблемы. В отечественных работах, например И. Л. Димитрова, Е. П. и Д. С. Можаровых, А. А. Померанцева и А. А. Уполовневой, обозначены ключевые предпосылки внедрения «цифрового тренера» как необходимость адаптации отрасли к эпохе ИИ и оценка рисков и возможностей цифровизации [5; 6]. В исследовании Р. С. Наговицына и Р. Ш. Алимова показан педагогический потенциал *ChatGPT* для развития спортсменов как инструмента сопровождения и обратной связи [7]. Применительно к пауэрлифтингу в работе А. Б. Лукьянова продемонстрирована эффективность биомеханического контроля техники и значимость видеоаналитики как базы для объективной коррекции [1], Т. Н. Шутовой с соавторами отмечены изменения профессиональных треков и запрос на цифровые компетенции в отрасли «Физическая культура и спорт» [8].

В отдельных российских исследованиях показана роль цифровых коммуникаций и «геймификационных» механизмов в поддержке самостоятельных занятий студентов [9; 10], а также обоснована целесообразность ИИ для персонализиро-

ванных планов занятий со студентами [6]. В исследовании В. С. Куликова и А. И. Черной рассмотрено влияние информационно-цифрового пространства на формирование ценностей у спортсменов [11], а в работе М. М. Орловой детально представлены организационные аспекты формирования единой цифровой экосистемы в спорте [12].

Зарубежные исследования последних лет уточняют границы применимости *ChatGPT* как «генератора спортивных программ». Так, в исследовании Дж. Вашифа с соавторами показано, что модель способна предлагать периодизированные планы силовой подготовки, но часто требует экспертной доработки [13]. Экспертные оценки демонстрируют, что качество планов повышается при более детализированных вводных данных [14]. Также в исследовании А. Генч с соавторами выявлены статистически значимые различия между версиями *ChatGPT* по научной корректности и практической применимости программ [15]. При этом сохраняется дефицит работ, где *ChatGPT* рассматривается не только как «генератор плана», а как цифровой тренер, который регулярно формирует отчеты, корректирует микроциклы и проверяется по динамике спортивного результата у пауэрлифтеров-студентов.

Целесообразность разработки темы. Требуется эмпирически подтвердить, повышают ли персонализированные планы и отчеты *ChatGPT* спортивный результат в сумме троеборья и других индикаторов у студентов-пауэрлифтеров при сохранении роли тренера как верификатора и гаранта безопасности.

Цель исследования — оценить эффективность использования *ChatGPT* как цифрового тренера (персонализированные планы + отчеты) в подготовке пауэрлифтеров.

Задачи исследования:

1. Разработать диагностическую систему мониторинга спортивной результативности пауэрлифтеров.
2. Сравнить динамику спортивного результата при реализации *ChatGPT*.

3. Определить условия, при которых рекомендации *ChatGPT* наиболее результативны и безопасны.

Научная новизна. Впервые реализован экспериментальный анализ внедрения *ChatGPT* в подготовку пауэрлифтеров как персонализированного инструмента непрерывного сопровождения спортсменов, объединяющего планирование и интерпретируемую отчетность с оценкой эффекта по соревновательному результату.

Теоретическая значимость. Уточняется диагностическая система мониторинга спортивной результативности пауэрлифтеров при реализации соотношения объективной диагностики, интерпретируемой обратной связи и тренерской экспертизы.

Практическая значимость. Результаты могут быть использованы для внедрения регламента применения *ChatGPT* в студенческом пауэрлифтинге, а именно: шаблоны запросов, структура отчета, чек-лист безопасности и критерии контроля прогресса, в условиях спортивных клубов и вузов.

Основная часть

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научно-методические публикации по цифровизации спорта, педагогической индивидуализации силовой подготовки и применению ИИ в тренировочном сопровождении, а также видеозаписи выполнения приседа, жима лежа и становой тяги пауэрлифтерами-студентами. В качестве средств

применялись: сервис *ChatGPT* (<https://chatgpt.com>) с доступом к *GPT-5 Plus* и функциями компьютерного зрения; камера смартфона (видеосъемка сбоку и под углом 45° , ≥ 60 кадров в секунду); олимпийская штанга 20 кг, диски и силовая рама; электронные напольные весы для контроля массы тела. Использованы методы теоретического анализа, структурно-функционального моделирования, экспертных оценок, педагогического эксперимента и χ^2 Пирсона ($p < 0,05$).

Результаты исследования. В течение 6 месяцев 25 студентов-пауэрлифтеров использовали *ChatGPT* как «цифрового тренера» для индивидуального сопровождения подготовки. Еженедельно спортсмены загружали в чат дневник нагрузок (веса, подходы/повторения, *RPE*, самочувствие, сон), 1—2 раза в неделю — видео ключевых подходов приседа, жима и тяги (съемка сбоку / 45°) для фазового разбора техники и типовых ошибок. На основе этих данных *ChatGPT* формировал персонализированные микроциклы (3—6 недель), корректировал объем и интенсивность с учетом восстановления, подбирал вспомогательные упражнения под «слабые звенья» и готовил соревновательный блок: попытки, разминка, тайминг выхода. Каждый спортсмен за период наблюдения выступил на 4—5 соревнованиях. Сравнение с предыдущим полугодием у тех же спортсменов без *ChatGPT*-сопровождения выполнено по диагностической системе мониторинга спортивной результативности пауэрлифтеров по пяти показателям (см. рис.).

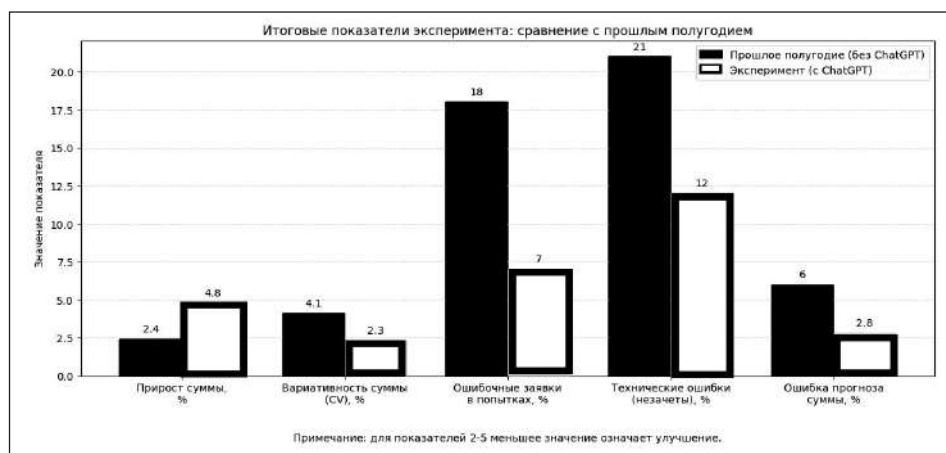

Рис. Результаты экспериментального исследования в сравнении с прошлым полугодием (для всех показателей, кроме первого, меньшее значение означает улучшение)

1. Общая сумма троеборья (присед + жим + тяга): прошлое полугодие — динамика в среднем по группе +2,4 %, а в экспериментальный период с *ChatGPT* на +4,8 % ($\chi^2 = 6,72$ при $p < 0,05$). Особенность показателя заключается в том, что сумма интегрирует силовой прогресс и устойчивость техники во всех трех упражнениях, поэтому отражает не только «силу», но и качество подготовки в целом. Обоснование позитивного результата можно объяснить тем, что в отличие от прошлого периода, планы стали более адресными: объем и интенсивность подбирались под текущую переносимость — по физической активности и самочувствию, а технические ошибки устранялись быстрее за счет регулярного видеоразбора и конкретных корректировок: подсказки, темп, паузы, замены вспомогательных упражнений. В результате уменьшилось число «провальных» тренировок и выросло качество рабочих повторений, что ускорило накопление адаптаций.

2. Стабильность выступлений на соревнованиях — вариативность суммы на 4—5 соревнованиях. Коэффициент вариации суммы снизился с 4,1 % в прошлом полу-

годии до 2,3 % в экспериментальный период с *ChatGPT* ($\chi^2 = 7,11$ при $p < 0,05$). Стабильность показывает, насколько спортсмен способен воспроизводить результат в разных условиях: переезд, стресс, различия помоста и судейство), т. е. отражает управляемость подготовки и соревновательной готовности. *ChatGPT* структурировал предсоревновательные недели (разгрузка, контроль интенсивности, приоритет сна/восстановления), а также задавал четкие сценарии разминки и выхода на помост. Это снизило «разброс» формы между стартами и уменьшило влияние случайных факторов, поэтому суммы стали более ровными.

3. Безошибочность заявок веса в попытках — рациональность выбора попыток. Доля «ошибочных» заявок, слишком рискованных или несоответствующих текущей форме, снизилась с 18 до 7 % ($\chi^2 = 10,34$ при $p < 0,01$), а доля успешных заявок выросла с 82 до 94 % ($\chi^2 = 6,07$ при $p < 0,05$). Это ключевой индикатор соревновательной тактики, т. к. даже сильный спортсмен теряет сумму из-за неверного выбора веса или «прыжков» по нему.

В прошлом периоде решения спортсменами часто принимались интуитивно и эмоционально. С *ChatGPT* спортсмены делали заявки по алгоритму: опирались на тренд рабочих весов, результативность последних тяжелых подходов, самочувствие и цель старта в контексте результата, рейтинга или разряда. Четкие правила выбора попыток уменьшили долю неоправданного риска и повысили вероятность «закрепить сумму» уже первыми подходами.

4. Доля технических ошибок на помосте, а именно: незачеты, «красные огни» по технике и командам — снизилась с 21 до 12 % на попытку ($\chi^2 = 10,87$ при $p < 0,01$). Данный показатель отражает соревновательную «чистоту» техники и дисциплину выполнения команд, то есть напрямую влияет на сохранение попыток и итоговую сумму даже при неизменной силе. Выявленная положительная динамика *ChatGPT* объясняется тем, что чат использовался как инструмент «чек-листов»: спортсмены получали короткие правила под конкретные ошибки, например глубина в приседе, пауза в жиме, фиксация в тяге, команды судей, и закрепляли их на тренировках. Регулярный разбор видео позволил «поймать» ошибки, которые тренер не всегда успевал заметить у всей группы, и перевести коррекцию в системную форму.

5. Точность прогноза в системе «планируемая сумма → фактическая сумма» (ошибка прогноза в прогнозах). Итоговая средняя абсолютная ошибка прогноза уменьшилась с 6,0 до 2,8 % ($\chi^2 = 12,56$ при $p < 0,01$). Данный индикатор характеризует качество планирования и саморегуляции, в частности насколько реальная готовность совпадает с ожиданиями, и насколько адекватно выбираются цели и попытки. В экспериментальный период с *ChatGPT* прогноз строился не «от желания», а от данных: динамика рабочих весов, признаки утомления, успешность контрольных подходов, переносимость объема. Это уменьшило завышенные ожидания и помогло точнее подбирать соревновательный план под текущую форму, что, в свою очередь, повышало и стабильность, и итоговую сумму.

На основе анализа эксперимента можно сформулировать условия эффективного и безопасного применения: стандартизация видеосъемки, а именно ракурсы, частота кадров, стабильность кадра; регулярность предоставления тренировочных метаданных, таких как уровень физической активности, сон и самочувствие; наличие в запросах в *ChatGPT* контекста, в частности квалификация, весовая категория, цели микроцикла, ограничения по здоровью; обязательная недельная верификация тренером ключевых решений:

изменение объема и интенсивности, выбор тяжелых попыток, корректировка техники при болевых сигналах. Вместе с тем эти условия нуждаются в дальнейшем исследовании по определении величины эффекта, т. к. в дизайне исследования не проводилось целенаправленное варьирование параметров взаимодействия с *ChatGPT*, например, частота обращений, структура промптов, качество видео, доля тренерского контроля, и не оценивались показатели безопасности в расширенном виде: частота болевых эпизодов, признаки перегрузки, «красные флаги» техники.

Заключение

Таким образом, в работе проведено сравнительное сопоставление динамики за шестимесячный период применения *ChatGPT* с предыдущим полугодием у тех же 25 студентов-пауэрлифтеров. Полученные данные свидетельствуют о более выраженном приросте суммы и улучшении качества соревновательного поведения при использовании *ChatGPT*-сопровождения: результаты стали стабильнее, снизилась доля ошибочных заявок веса и технических ошибок, а прогнозирование итоговой суммы стало точнее. В целом более высокий прирост по сравнению с прошлым периодом объясняется тем, что *ChatGPT* обеспечил постоянную интерпретируемую обратную связь, ускорил коррекцию техники и сделал планирование нагрузки и попыток более доказательным и менее случайным, сохранив при этом роль тренера как верификатора безопасности и корректности решений. В совокупности это подтверждает педагогическую целесообразность применения *ChatGPT* как цифрового тренера в индивидуальной подготовке пауэрлифтеров при сохранении роли тренера как эксперта-верификатора.

Перспективы дальнейших исследований предполагают: построение факторного эксперимента, где будут сравниваться режимы использования *ChatGPT* (например, 1, 3 или 5 обращений в неделю, с видео или без видео, с тренерской верификацией и без нее); расширение мониторинга за счет объективных маркеров переносимости нагрузки, таких как вариабельность частоты сердечных сокращений, показатели восстановления, скорость штанги; разработку протокола «безопасных рекомендаций» *ChatGPT* с чек-листом ограничений и критериями запрета на повышение интенсивности. Реализация этих направлений позволит полноценно сформировать практический регламент внедрения *ChatGPT* в подготовку студентов-пауэрлифтеров.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукьянов А. Б. Управление тренировочным процессом в пауэрлифтинге с использованием информационных технологий // Вестник ВЭГУ. 2016. № 5(85). С. 176—181.
2. Богомолов Г. В., Ерошкина С. Б., Фураев В. А. Цифровизация предоставления статистических данных сферы физической культуры и спорта // Теория и практика физической культуры. 2021. № 1. С. 14—16.
3. Наговицын Р. С., Гибадуллин И. Г., Бацина О. Н., Мокрушина И. А. Прогнозирование соревновательной результативности юных спортсменов на основе технологии искусственного интеллекта // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 27—30.
4. Михайлова Е. Я., Саакян А. О. Применение элементов искусственного интеллекта для оценки эффективности тренировочного и игрового процессов в хоккее // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2025. № 10(248). С. 66—73. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-10-66-73.
5. Димитров И. Л., Можаров Е. П., Можарова Д. С. Цифровая трансформация спорта в России: технологии и перспективы // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2025. № 6(244). С. 50—57. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-6-50-57.
6. Померанцев А. А., Уполовнева А. А. Искусственный интеллект в спорте и физической культуре: тренды, угрозы и адаптация к новой реальности // Человек. Спорт. Медицина. 2024. Т. 24. № S2. С. 137—144.
7. Наговицын Р. С., Алимов Р. Ш. Педагогический потенциал чата GPT для профессионально-личностного развития спортсменов // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2024. № 5(231). С. 271—274.

8. Шутова Т. Н., Носов С. М., Шутов И. Д., Андрушевский А. Т. Разработка нейросетевых алгоритмов определения состояния сердечно-сосудистой системы студентов в планировании занятий физической культурой // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2025. № 6(244). С. 115—121. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-115-121.
9. Наговицын Р. С., Гречкин А. С. Структурно-функциональная модель диагностического этапа совершенствования физической подготовки курсантов на основе информационных технологий // Стратегия совершенствования физического воспитания, спорта и адаптивной физической культуры в системе образования : сб. материалов Регион. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Брянск : Брян. гос. ун-т им. акад. И. Г. Петровского, 2025. С. 336—340.
10. Цифровые технологии и геймификация в организации самостоятельных занятий физической активностью студентов / Ч. В. Тарыма, А. Ю. Осипов, М. Д. Кудрявцев и др. // Теория и практика физической культуры. 2024. № 3. С. 69—71.
11. Куликов В. С., Черная А. И. Влияние информационно-цифрового пространства на формирование ценностей у спортсменов из числа спортивного резерва с признаками девиантного поведения // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2025. № 4(242). С. 275—280. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-4-275-280.
12. Орлова М. М. Цифровая трансформация в сфере физической культуры и спорта: на пути к созданию единой цифровой экосистемы организации // Экономика и управление в спорте. 2024. Т. 4. № 3. С. 199—210. DOI: 10.18334/sport.4.3.121718.
13. Artificial intelligence in sport: Exploring the potential of using ChatGPT in resistance training prescription / J. A. Washif, J. Pagaduan, C. James et al. // Biology of Sport. 2024. Vol. 41. No. 2. Pp. 209—220. DOI: 10.5114/biol sport.2024.132987.
14. ChatGPT Generated Training Plans for Runners are not Rated Optimal by Coaching Experts, but Increase in Quality with Additional Input Information / P. Düking, B. Sperlich, L. Voigt et al. // Journal of Sports Science and Medicine. 2024. Vol. 23. Iss. 1. Pp. 56—72. DOI: 10.52082/jssm.2024.56.
15. Comparative evaluation of ChatGPT versions in training program design: scientific approach, accuracy, and practical applicability / A. Genç, G. Aydın, M. Kasap et al. // BMC Sports Science, Medicine and Rehabilitation. 2026. Vol. 18. Art. 19. DOI: 10.1186/s13102-025-01409-7.

REFERENCES

1. Lukyanov A. B. Management of training process in powerlifting using information technology. *Vestnik VEGU*. 2016;5(85):176—181. (In Russ.)
2. Bogomolov G. V., Eroshkina S. B., Furaev V. A. Digitalization of statistical reporting in physical education and sports sector. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2021;1:14—16. (In Russ.)
3. Nagovitsyn R. S., Gibadullin I. G., Batsina O. N., Mokrushina I. A. Forecasting the competitive performance of young athletes based on artificial intelligence technology. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2023;2:24—27.
4. Mihaylova E., Saakyan A. Application of artificial intelligence elements for assessing the effectiveness of training and game processes in hockey. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2025;10(248):66—73. (In Russ.) DOI: 10.5930/1994-4683-2025-10-66-73.
5. Dimitrov I., Mozharov E., Mozharova D. Digital transformation of sports in Russia: technologies and prospects. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2025;6(244):50—57. (In Russ.) DOI: 10.5930/1994-4683-2025-6-50-57.
6. Pomerantsev A. A., Upolovneva A. A. Artificial intelligence in sports and physical education: trends, threats and adaptation to the new reality. *Chelovek. Sport. Meditsina = Human. Sport. Medicine*. 2024;24(S2):137—144. (In Russ.)
7. Nagovitsyn R. S., Alimov R. Sh. Pedagogical potential of GPT chat [sic!] for professional and personal development of athletes. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2024;5(231):271—274. (In Russ.)
8. Shutova T., Nosov S., Shutov I., Andrushevsky A. Development of neural network algorithms for assessing the cardiovascular system state of students in planning physical education classes. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2025;6(244):115—121. (In Russ.) DOI: 10.5930/1994-4683-2025-115-121.
9. Nagovitsyn R. S., Grechkin A. S. A structural and functional model for the diagnostic phase of improving cadets' physical training using information technologies. *Strategiya sovershenstvovaniya fizicheskogo vospitaniya, sporta i adaptivnoi fizicheskoi kul'tury v sisteme obrazovaniya = Strategy of improvement of physical education, sports and adaptive physical culture in the educational system. Collection of materials of the regional scientific and practical conference with international participation*. Bryansk, Bryansk State University named after Academician I. G. Petrovsky publ., 2025:336—340. (In Russ.)
10. Taryma C. V., Osipov A. Yu., Kudryavtsev M. D. et al. Digital technologies and gamification in the organization of independent physical activity students. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury = Theory and practice of physical culture*. 2024;3:69—71. (In Russ.)
11. Kulikov V. S., Chernaya A. The influence of the information-digital space on the formation of values among athletes from the sports reserve with signs of deviant behavior. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2025;4(242):275—280. (In Russ.) DOI: 10.5930/1994-4683-2025-4-275-280.
12. Orlova M. M. Digital transformation in physical education and sports: towards a single digital ecosystem of the organisation. *Ekonomika i upravlenie v sporte = Economics and management in sports*. 2024;4(3):199—210. (In Russ.) DOI: 10.18334/sport.4.3.121718.
13. Washif J. A., Pagaduan J., James C. et al. Artificial intelligence in sport: Exploring the potential of using ChatGPT in resistance training prescription. *Biology of Sport*. 2024;41(2):209—220. DOI: 10.5114/biol sport.2024.132987.
14. Düking P., Sperlich B., Voigt L. et al. ChatGPT Generated Training Plans for Runners are not Rated Optimal by Coaching Experts, but Increase in Quality with Additional Input Information. *Journal of Sports Science and Medicine*. 2024;23(1):56—72. DOI: 10.52082/jssm.2024.56.
15. Genç A., Aydın G., Kasap M. et al. Comparative evaluation of ChatGPT versions in training program design: scientific approach, accuracy, and practical applicability. *BMC Sports Science, Medicine and Rehabilitation*. 2026;18:19. DOI: 10.1186/s13102-025-01409-7.

Статья поступила в редакцию 03.01.2026; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 03.01.2026; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Научная статья**УДК 378.17****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1509****Marina Vasilyevna Panichkina**

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Biological
and Geographical Education and Health-Saving Disciplines,
A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch)
of the Rostov State University of Economics
Taganrog, Russian Federation
panichkina@inbox.ru

Марина Васильевна Паничкина

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры биолого-географического образования
и здоровьесберегающих дисциплин,
Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета
Таганрог, Российская Федерация
panichkina@inbox.ru

Vladimir Vasilyevich Podberезny

Doctor of Veterinary, Professor,
Head of the Department of Biological and Geographical Education
and Health-Saving Disciplines,
A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch)
of the Rostov State University of Economics
Taganrog, Russian Federation
podberes@mail.ru

Владимир Васильевич Подберезный

д-р ветеринар. наук, профессор,
заведующий кафедрой биолого-географического образования
и здоровьесберегающих дисциплин,
Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета
Таганрог, Российская Федерация
podberes@mail.ru

Rimma Viktorovna Zarubina

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Biological
and Geographical Education and Health-Saving Disciplines,
A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch)
of the Rostov State University of Economics
Taganrog, Russian Federation
r.zarubina@yandex.ru

Римма Викторовна Зарубина

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры биолого-географического образования
и здоровьесберегающих дисциплин,
Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета
Таганрог, Российская Федерация
r.zarubina@yandex.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПОТРЕБНОСТИ В ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Статья посвящена проблеме профессионально-личностного становления студентов педагогических специальностей, формированию и развитию их ценностных ориентаций в процессе обучения в вузе. Установка на приоритетность гуманистических ценностей приобретает особую актуальность в условиях реализации компетентного подхода к подготовке педагогических кадров, определяющего комплекс атрибутов профессионального профиля современного педагога, среди которых готовность к здоровьесберегающей деятельности, обеспечивающей охрану жизни и здоровья обучающихся, одна из важнейших. Кроме того, профессиональная работоспособность и эффективность педагогической деятельности, связанной с высокой интенсивностью темпа работы, напряженностью психических и физических возможностей, зависит, в том числе, от уровня сформированности навыков повышения адаптационных резервов организма, стрессоустойчивости, восстановления внутренних ресурсов, опирающихся на знание основ здоровья и здорового образа жизни. Следовательно, в процессе профессионального становления будущих педагогов необходимо создать условия для актуализации потребности в здоровьесберегающей деятельности, сущность которой отражается в этапах: осознание противоречия между наличными возможностями и объективной необходимостью

в здоровьесберегающей деятельности в контексте условий будущей профессиональной деятельности; формирование потребности в совершенствовании собственной здоровьесберегающей компетентности; преобразование этой потребности в актуальную здоровьесберегающую деятельность.

Представленное в статье исследование позволило предложить авторскую трактовку ключевых понятий «актуализация потребности в здоровьесберегающей деятельности» и «здоровьесберегающая компетентность студента педагогического вуза»; изучить содержательную сущность, определить структуру, этапы и условия процесса осознания потребности в личностном и профессиональном росте за счет совершенствования компетенций здоровьесбережения, и преобразования этой потребности в здоровьесберегающую деятельность.

Ключевые слова: актуализация потребности, здоровьесберегающая деятельность, здоровьеразвивающая деятельность, профессиональное становление педагога, здоровьесберегающая компетентность, здоровьесберегающая деятельность педагога, здоровьесберегающее поведение, здоровьесберегающее сопровождение образовательного процесса, педагогическое образование, студенческий контингент, педагогический вуз, компоненты здоровьесберегающей компетентности

Для цитирования: Паничкина М. В., Подберезный В. В., Зарубина Р. В. Актуализация потребности в здоровьесберегающей деятельности студентов педагогических специальностей // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 359—364. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1509.

Original article

ACTUALIZATION OF THE NEED FOR HEALTH-SAVING ACTIVITIES AMONG STUDENTS OF PEDAGOGICAL SPECIALTIES

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. *The article is devoted to the problem of professional and personal development of students of pedagogical specialties, the formation and development of their value orientations in the process of studying at the university. Prioritizing humanistic values is becoming particularly relevant in the context of the implementation of a competence-based approach to teacher training, which defines a set of attributes of a modern teacher's professional profile, including readiness for health-saving activities that protect the life and health of students. In addition, the professional efficiency and effectiveness of teaching activities associated with high-intensity work, mental and physical exertion depend, among other things, on the level of formation of skills to increase the adaptive reserves of the body, stress resistance, restoration of internal resources based on knowledge of the basics of health and a healthy lifestyle. Consequently, in the process of professional development of future teachers, it is necessary to create conditions for actualizing the need for health-saving activities, the essence of which is reflected in the following stages: aware-*

ness of the contradiction between available opportunities and the objective need for health-saving activities in the context of future professional activities; formation of the need to improve their own health-saving competence; transformation of this need into relevant health-saving activities.

The research presented in the article allowed us to propose the author's interpretation of such key concepts as actualization of the need for health-saving activities and health-saving competence of a student of a pedagogical university; to study the substantive essence, determine the structure, stages and conditions of the process of realizing and transforming the need for personal and professional growth by transforming health-saving competences into health-saving activities.

Keywords: *actualization of needs, health-saving activity, health-improving activity, professional development of a teacher, health-saving competence, health-saving activity of a teacher, health-saving behavior, health-saving support of the educational process, pedagogical education, student body, pedagogical university, components of the health-saving competence*

For citation: Panichkina M. V., Podberезny V. V., Zarubina R. V. Actualization of the need for health-saving activities among students of pedagogical specialties. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):359—364. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1509.

Введение

Актуальность исследования подтверждается государственными приоритетами в области образования. Запрос общества на сохранение и укрепление физического, психического и духовно-нравственного здоровья подрастающего поколения, как социальной группы, формирующей экономическую и социально-демографическую перспективу государства, обусловлен сохранением негативных тенденций в состоянии здоровья молодежи, распространением в молодежной среде здоровьеразрушающих форм поведения, сопряженных с низкой престижностью здоровья и недостаточным осознанием его ценности. В этих условиях особую роль приобретает готовность и способность педагога, являющегося для подрастающего поколения транслятором знаний и ценностных установок, квалифицированно осуществлять деятельность, направленную на формирование осознанного здоровьесберегающего поведения, профилактику донозологических отклонений в состоянии соматического и психического здоровья обучающихся, и своевременную их коррекцию. В связи с тем, что эффективность психолого-педагогического и здоровьесберегающего сопровождения образовательного процесса находится в прямой зависимости от подготовленности педагогов к подобной деятельности и осознания ими собственной позиции, становление будущего педагога зависит от условий для актуализации его потребности в саморазвитии, в т. ч. за счет совершенствования здоровьесберегающей компетенции как в личностном, так и в профессиональном плане.

Изученность проблемы. Методологическую и теоретическую основу исследования составили научные положения, связанные с необходимостью постоянного саморазвития, повышения уровня профессиональной компетентности, в т. ч. здоровьесберегающей, отраженные в работах Н. Г. Аникеевой, Н. П. Абаскаловой, Р. И. Айзмана, П. К. Анохина, Э. Н. Вайнера, Г. К. Зайцева, В. Н. Ирхина, Э. М. Казина, В. В. Колбанова, Б. П. Невзорова, Н. Т. Рыловой, А. И. Федорова и др. В данной статье в качестве обоснования значимости изучения условий актуализации потребности в здоровьесберегающей деятельности студентов — будущих педагогов послужили исследования: Ю. В. Лукашина, В. Ю. Абрамовой, А. Г. Бермус — о проблемах формирования здоровьесберегающей компетентности студентов педагогических специальностей в процессе их обучения [1—3]; А. В. Кузнецова, И. А. Мамакиной, Е. В. Грязновой, И. А. и А. И. Треушниковых, Г. Н. Рогановой, в которых раскрывается сущностно-содержательная характеристика здоровьесберегающей компетентности и обосновывается ее структура [4; 5]; Л. Ю. Ванштейн, Е. В. Декиной, Т. И. Куликовой, Н. П. Абаскаловой — об аспектах, в т. ч. психолого-педагогических, саморазвития личности будущего педагога, формирования у него активной жизненной позиции, ориентированной на здоровый образ жизни [6—8]; В. В. Подберезного, М. Р. Арпентьевой, М. В. Паничкиной, Р. В. Зарубиной, где становление здоровьесберегающей компетентности студентов педагогического вуза видится авторами в преодолении проблем экологизации образовательного пространства, гармоничного

взаимодействия человека и окружающей среды [9—11]. Пути реализации здоровьесберегающих технологий в контексте цифровизации различного уровня образовательных организаций рассмотрены в трудах Н. А. Мелешковой, В. Б. Валькова, Е. В. Мамаева, Е. Л. Суханова, Э. Р. Антоновой, А. Г. Маджуги и др. [12—14]. Авторская методика оценки физического и психического здоровья и безопасности участников образовательного процесса представлена в работах Р. И. Айзмана [15; 16].

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью определения условий, актуализирующих потребность будущих педагогов в непрерывном саморазвитии здоровьесберегающей компетентности.

Цель исследования состоит в определении условий и этапов процесса актуализации потребности будущих педагогов в непрерывном самосовершенствовании профессиональных и личностных качеств, посредством преобразования компетенций здоровьесбережения в актуальную здоровьесберегающую деятельность.

Задачи исследования: уточнить понятийно-категориальный аппарат исследования; определить этапы процесса актуализации потребности в профессиональном осуществлении здоровьесберегающей деятельности будущих педагогов и педагогические условия, способствующие формированию требуемого уровня здоровьесберегающей компетентности.

Научная новизна исследования заключается в авторской трактовке ключевых понятий исследования; определении содержательной сущности, этапов и педагогических условий эффективности процесса актуализации потребности будущих педагогов в личностном и профессиональном росте, посредством совершенствования здоровьесберегающей компетентности.

Теоретическая значимость исследования состоит в углублении научных представлений о процессе актуализации потребностей студентов педагогического вуза в личностном и профессиональном росте, в т. ч. за счет совершенствования компетенций здоровьесбережения. В работе уточняется понятийно-категориальный аппарат в области педагогики и методики профессионального образования: предложены авторские трактовки понятий «актуализация потребности в здоровьесберегающей деятельности будущих педагогов» и «здоровьесберегающая компетентность студента педагогического вуза»; определены педагогические условия, способствующие формированию требуемого уровня здоровьесберегающей компетентности; установлены этапы процесса актуализации потребности в профессиональном осуществлении здоровьесберегающей деятельности будущих педагогов.

Практическая значимость определяется возможностью применения полученных результатов при организации образовательного процесса в педагогических вузах.

Основная часть

Анализ проблемы формирования и развития здоровьесберегающей компетентности выявил многоаспектность этого понятия, что требует его категориальной определенности для студенческого контингента педагогических вузов.

Исходя из общего понимания здоровьесбережения авторами большинства проанализированных публикаций, под здоровьесберегающей компетентностью студента педагогического вуза, как профессионально значимого свойства, нами понимается интегративная характеристика готовности и способности будущего педагога к здоровьесбережению

в повседневной жизни и в профессиональной деятельности, включающая инвариантные профессиональные здоровьесберегающие знания, умения и навыки здоровьесберегающей направленности и ценностно-смысловые ориентации на здоровый образ жизни, позволяющие проводить компетентную педагогическую ориентационно-профилактическую деятельность. Следовательно, в процессе профессионального становления будущих педагогов необходимо создать условия для актуализации потребности студентов в здоровьесберегающей деятельности. Под актуализацией потребности будущих педагогов в здоровьесберегающей деятельности в настоящем исследовании понимается процесс осознания и преобразования потребности будущего педагога в непрерывном саморазвитии профессиональных и личностных качеств, посредством преобразования компетенций здоровьесбережения в актуальную здоровьесберегающую деятельность.

Анализ общих тенденций процесса профессионального становления будущих педагогов, в т. ч. здоровьесберегающей компетентности, проводился на базе Таганрогского педагогического института. Эмпирические данные, представленные в статье, были собраны в рамках исследования, в котором приняли участие около 100 студентов I и V курсов таких профилей обучения по направлению подготовки «Педагогическое образование», как «Биология и безопасность жизнедеятельности», «Биология и география», «Иностранный язык», «Психология и социальная педагогика», «Экономика и управление организацией», что дало возможность оценить трансформацию становления здоровьесберегающей компетентности студентов различных профилей на начало и конец обучения в вузе. Необходимость выборки I и V курсов определялась тем, что она позволила получить репрезентативный срез ценностных ориентаций и установок студенческой аудитории в динамике, что обусловлено как этапами преобразования потребности будущих педагогов в совершенствовании здоровьесберегающей компетентности в здоровьесберегающую деятельность, так и жизненным и профессиональным опытом.

Результаты исследования. Изучение становления здоровьесберегающей компетентности студентов демонстрирует последовательность введения будущих педагогов в деятельность по здоровьесбережению через совокупность взаимосвязанных элементов организации процесса обучения и воспитания, направленных на повышение готовности студентов к здоровьесберегающему аспекту будущей профессиональной деятельности.

На первом, ценностно-ориентационном этапе, проводится исследование ценностных ориентаций студентов. Для выявления ценности здоровья, степени его значимости, был использован стандартизированный опросник, с помощью которого студентами самостоятельно было проведено ранжирование различных жизненных ценностей, в соответствии со степенью значимости в их личной системе приоритетов.

Результаты анкетирования студентов первых курсов дали основание для вывода об отношении студентов к такой жизненной категории как здоровье и здоровый образ жизни. Так, в качестве основных жизненных ориентиров студентами I курса выбраны материальные и семейные ценности. Ценности здоровья и здоровый образ жизни хотя и присутствовали, но значительно уступали по популярности.

В процессе исследования исходного состояния компетенций здоровьесбережения, было выявлено, что ориентационный этап характеризуется слабым интересом студентов различных профилей подготовки к получению

и расширению здоровьесберегающих знаний, низким уровнем актуализации потребности развития компетенций здоровьесбережения и пониманием целесообразности их получения для самосовершенствования и профессионального становления.

Несмотря на то, что субъективно оценивают себя как «здоровые» только 28 % юношей и 25 % девушек от всех студентов-респондентов I курса, лишь 33 % от числа опрошенных стараются реализовать принципы здорового образа жизни, сделав их повседневной нормой.

Уровень сформированности компонентов здоровьесберегающей компетентности на этом этапе является низким (по Лукашину) [1].

На следующем этапе раннего профессионального развития и становления здоровьесберегающей компетентности происходит развитие мотивационной и когнитивной ее составляющей, приходит осознание противоречия между наличными возможностями и объективной необходимостью в здоровьесберегающей деятельности в контексте атрибутов профессионального профиля современного педагога.

Формирование интереса к вопросам здоровьесбережения и зарождение самомотивации, как постижение ценности здоровья и необходимости ведения здорового образа в течение всей жизни, осуществляется в рамках дисциплин «Основы медицинских знаний и здорового образа жизни», «Возрастная анатомия, физиология и гигиена», «Основы педиатрии и гигиены детей дошкольного возраста» и других дисциплин, реализуемых преподавателями кафедры биолого-географического образования и здоровьесберегающих дисциплин Таганрогского педагогического института. Указанные дисциплины закладывают основу знаний о здоровьесбережении, на основании которых на последующих курсах осуществляется развитие здоровьесберегающих компетенций в рамках психолого-педагогических, общепрофессиональных и специальных дисциплин и формируется потребность в их совершенствовании.

Следует отметить, что в качестве важнейшего педагогического условия актуализации потребности студентов в здоровьесберегающей деятельности нами выдвигается требование по наличию базового биологического образования и ведению научной деятельности по профилю читаемых дисциплин. Становление компетенций здоровьесбережения студентов в ортобиотическом и валеологическом аспектах требует от преподавателя не только высокого уровня фундаментальной подготовки в области естественнонаучного образования, но и способности к метапредметной интеграции знаний естественнонаучных и психолого-педагогических дисциплин, через расширение представлений студентов о морфофизиологических особенностях человеческого организма с учетом возрастных, индивидуально-типологических и иных особенностей, раскрытие общности фундаментальных понятий, законов и методов исследований, роли физических и химических процессов в жизнедеятельности живых организмов, пересмотру содержания учебного материала с учетом новейших достижений науки. Отсутствие необходимой специальной подготовки преподавателей при решении задачи повышения эффективности педагогической ориентации студентов на здоровьесберегающую деятельность неприемлемо.

Дальнейшее углубление профессиональной направленности содержания дисциплин естественнонаучного цикла и валеологизация содержания психолого-педагогических дисциплин способствовали качественным изменениям

в мотивационной и когнитивной сфере студентов, росту познавательной активности в области здоровьесбережения, формированию потребности вести здоровый и активный образ жизни для самосовершенствования и самореализации. Решению данной задачи способствовало включение в практические работы моделирующих ситуаций, предельно приближенных к реальным, что обеспечивало накопление студентами валеологического опыта и готовности к проявлению здоровьесберегающей компетентности.

Прохождение различных видов практик содействовало отработке полученных практических умений и приобретению первичного опыта здоровьесбережения в условиях, имитирующих будущую профессиональную деятельность.

Разнообразная внеаудиторная работа, ориентированная на становление здоровьесберегающего самосознания, развитие установок здорового образа жизни, в виде проблемных семинаров, психофизических тренингов, деловых игр, с применением метода проектов, мозгового штурма, кейс-метода и др., представляет значительный резерв для совершенствования и дальнейшего развития компонентов здоровьесберегающей компетентности будущих педагогов.

Степень сформированности компонентов здоровьесберегающей компетентности на этом этапе соответствует процессуальному уровню (по Лукашину) [1].

Третий, практико-деятельностный этап становления здоровьесберегающей компетентности, соответствует IV—V курсам обучения и характеризуется развитием междисциплинарных валеологических знаний, наличием комплекса умений и опыта их применения, позволяющих самостоятельно решать возникающие задачи по сохранению и укреплению собственного здоровья и здоровья всех участников образовательного процесса, их включению во все виды осуществляемой педагогической деятельности. Реализацией системно-деятельностного подхода обеспечивается целостность теоретической и практической здоровьесберегающей деятельности в аудиторной, внеаудиторной и внеучебной работе студентов.

Самостоятельная разработка индивидуальных программ оздоровления, ежедневный контроль собственной двигательной активности, водного режима, составление комплексов упражнений для улучшения мозгового кровообращения, для снятия утомления, профилактики нарушения осанки, зрения, для снятия симптомов, вызванных гипокинезией на уроках и др., выполняемые на практических занятиях, а также привлечение студентов к работе конференций, семинаров-митапов и участие в других мероприятиях здоровьесберегающей направленности содействовали овладению средствами и технологиями здоровьесбережения.

Подготовка и проведение студентами-волонтерами образовательных интенсивов «Профилактика психоэмоционального переутомления», «Технологии здоровьесберегающей речевой деятельности педагога» способствовали снижению у студентов негативных проявлений эмоционально-волевой и поведенческой сфер во время экзаменационных сессий, а знания технологий управления голосом при длительной речевой деятельности, необходимо для решения вопросов, связанных с формированием навыков здоровьесберегающего голосового поведения будущих педагогов.

С целью определения уровня сформированности здоровьесберегающей компетентности студентам V курса была предложена анкета, вопросы которой отражают мотивационный, когнитивный и деятельностный ее компоненты.

Так, степень сформированности мотивационного компонента устанавливалась по развитию мотивации к здоровьесбережению и актуализации потребности в нем, по ответам на вопросы о системе норм и требований к здоровому образу жизни, мотивах физического саморазвития, самореализации, достижения успеха в будущей профессиональной деятельности и др.

Анализ результатов диагностики ценностных ориентаций студентов V курсов позволил сделать вывод о сформированности у респондентов убеждений в приоритетной ценности здоровья и здорового образа жизни в ряду человеческих ценностей, что обусловлено как этапами становления здоровьесберегающей компетентности студентов в образовательной среде вуза, так и жизненным и профессиональным опытом.

Сформированность когнитивного компонента определялась по ответам на вопросы, направленные на выявление знаний студентов о возрастных особенностях и работоспособности обучающихся школьного возраста, предупреждения их переутомления, принципах организации здоровьесберегающего образовательного процесса, наиболее эффективных методах оздоровительной деятельности, профилактике донозологических отклонений в состоянии соматического и психического здоровья обучающихся, и своевременной их коррекции.

Уровень сформированности деятельностного компонента устанавливался по наличию у студентов умений и опыта внедрения в собственную практическую деятельность: умений анализировать педагогическую ситуацию; умений мобилизации волевых ресурсов по устранению негативных норм поведения обучающихся; умений находить контакт с воспитанниками; наблюдать за состоянием их соматического и психического здоровья, умений проводить оценку физического развития (анализ антропометрических данных: пульс, артериальное давление, частота дыхательных движений и др.); владение основами профилактики профессиональной деформации и синдрома эмоционального выгорания и др.

Степень сформированности компонентов здоровьесберегающей компетентности на практико-деятельностном этапе профессионального становления будущих педагогов

соответствует рефлексивному уровню (по Лукашину) [1], что свидетельствует о преобразовании потребности студентов в личностном и профессиональном совершенствовании посредством развития компетенций здоровьесбережения, в актуальную здоровьесберегающую деятельность.

Заключение, выводы

Процесс актуализации потребности в здоровьесберегающей деятельности будущих педагогов сопряжен со становлением здоровьесберегающей компетентности студентов.

Представленное исследование позволяет раскрыть ключевые тенденции преобразования ценностных ориентаций студентов педагогического вуза в части отношения к здоровью и здоровому образу жизни, а также их трансформацию средствами современной педагогики, что сопровождается формированием профессионально и личностно значимых качеств студентов, и проявляется в дальнейшем совершенствовании здоровьесберегающего самосознания будущих педагогов, осмысления ими накопленного багажа практических знаний и умений здоровьесберегающей профессиональной педагогической деятельности, анализе и коррекции собственных действий с позиций здорового образа жизни.

Сущность процесса актуализации отражается в этапах:

- осознания противоречия между наличными возможностями и объективной необходимостью в здоровьесберегающей деятельности в контексте условий будущей профессиональной деятельности;
- формирования потребности к совершенствованию собственной здоровьесберегающей компетентности;
- преобразования этой потребности в актуальную здоровьесберегающую деятельность.

Полученные результаты позволили сделать вывод об общих тенденциях в области сохранения и укрепления здоровья в студенческой среде, а также об изменении представлений о здоровьесберегающей деятельности в процессе становления профессиональной компетентности студентов.

Результаты исследования позволили внести соответствующие коррективы в рабочие программы дисциплин естественнонаучного цикла и психолого-педагогических дисциплин, педагогической и научно-исследовательских практик, научно-исследовательской работы студентов вуза.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лукашин Ю. В. Здоровьесберегающая компетенция как составляющая профессиональной подготовки студентов педагогического вуза // Интеграция образования. 2009. № 4(57). С. 102—106.
2. Абрамова В. Ю., Елизарова И. С., Рзаева Г. И. Аспекты методической подготовки бакалавров педагогического образования к воспитательной работе в области безопасности жизнедеятельности // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6(109). С. 8—12. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-6109-8-12.
3. Бермус А. Г. Проблемы и перспективы исследований здоровьесбережения в образовательной среде вуза: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 1. С. 1—12. DOI: 10.30853/ped20220221.
4. Кузнецов А. В., Мамакина И. А. Формирование здоровьесберегающей компетентности как методологическая стратегия прикладной физической подготовки в вузе // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2020. № 6. С. 49—55.
5. Грязнова Е. В., Треушников И. А., Треушников А. И., Роганова Г. Н. Здоровьесбережение как предмет исследования педагогических наук: к вопросу об актуальных аспектах исследования // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 2. С. 282—285. DOI: 10.26140/anip-2020-0902-0065.
6. Ванштейн Л. Ю. Психолого-педагогический потенциал педагогов к реализации здоровьесберегающей работы в ДОУ // Казанский педагогический журнал. 2020. № 1(138). С. 205—209.
7. Декина Е. В., Куликова Т. И. Модель формирования готовности студентов педагогического вуза к сохранению и укреплению здоровья // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 101—112. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-101-112.
8. Абаскалова Н. П. Формирование компетенций в области здоровьесбережения в профессиональном образовании на уровне бакалавриата и магистратуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 3. С. 489—495.

9. Паничкина М. В., Подберезный В. В. Трансформация механизмов взаимодействия образовательных пространств: экосистемный подход // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 2. DOI: 10.17513/spno.34032.
10. Подберезный В. В., Арпентьева М. Р., Паничкина М. В. Экологический подход в образовании: проблемы и ракурсы исследования : научн. моногр. Калуга : Стрельцов И. А., 2023. 100 с.
11. Подберезный В. В., Паничкина М. В., Зарубина Р. В. Роль образовательных экосистем в развитии территории их локализации // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 5. DOI: 10.17513/spno.32017.
12. Мелешкова Н. А., Вальков В. Б., Мамаев Е. В., Суханов Е. Л. Реализация здоровьесберегающих технологий в условиях цифровизации высшего образования // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 9(211). С. 211—223.
13. Антонова Э. Р. Методологические подходы и условия создания здоровьесберегающей среды в педагогическом колледже // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 6. С. 7—17. DOI: 10.25588/CSPU.2020.74.27.001.
14. Маджуга А. Г. Концептуальные основы проектирования системы здоровьесберегающего образования в современных социокультурных условиях // Культура физическая и здоровье. 2008. № 1(15). С. 59—63.
15. Айзман Р. И. Современные представления о здоровье и критерии его оценки // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 9. С. 85—90.
16. Айзман Р. И. Здоровье участников образовательного процесса как критерий эффективности здоровьесберегающей деятельности в системе образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2015. № 5(26). С. 72—82.

REFERENCES

1. Lukashin Y. V. Health caring competence as a component of professional training of students enrolled with a teachers' training institute. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of education*. 2009;4(57):102—106. (In Russ.)
2. Abramova V. Yu., Elizarova I. S., Rzaeva G. I. Methodological support for the development of health-saving competence among students of a pedagogical university. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2024;6(109):8—12. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2024-6109-8-12.
3. Bermus A. G. Issues and Research Perspectives of Health Protection in the University Educational Environment: A Theoretical Review. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2023;8(1):1—12. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20220221.
4. Kuznetsov A. V., Mamakina I. A. Formation of health-saving competence as a methodological strategy of applied physical training at the university. *Ekonomicheskie i humanitarnye issledovaniya regionov = Economical and humanitarical researches of the regions*. 2020;6:49—55. (In Russ.)
5. Gryaznova E. V., Treushnikov I. A., Treushnikov A. I., Roganova G. N. Health saving as a subject of research of pedagogical sciences: to the question of actual aspects of research. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2020;9(2):282—285. (In Russ.) DOI: 10.26140/anip-2020-0902-0065.
6. Vanshtein L. Readiness of pedagogical staff for implementation health-saving work in a pre-school educational institution. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. 2020;1(138):205—209. (In Russ.)
7. Dekina Ye., Kulikova T. Model of forming pedagogical university students' readiness to preserving and strengthening health. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki = Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences*. 2020;2:101—112. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-101-112.
8. Abaskalova N. P. Formation of the competences in the area of health care in vocational education at the undergraduate and graduate levels. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Belgorod state university scientific bulletin. Humanities*. 2018;37(3):489—495. (In Russ.)
9. Panichkina M. V., Podbereznyy V. V. Transformation of the mechanisms of interaction of educational spaces: an ecosystem approach. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2025;2. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.34032.
10. Podbereznyy V. V., Arpent'eva M. R., Panichkina M. V. Ecological approach in education: problems and perspectives of research. Scientific monograph. Kaluga, Strel'tsov I. A. publ., 2023. 100 p. (In Russ.)
11. Panichkina M. V., Podbereznyy V. V., Zarubina R. V. The role of educational ecosystems in the development of the territory of their localization. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2022;5. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.32017.
12. Meleshkova N. A., Valkov V. B., Mamaev E. V., Sukhanov E. L. Implementation of health-saving technologies in the conditions of digitalization of higher education. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2022;9:211—223. (In Russ.)
13. Antonova E. R. Methodological approaches and conditions for creating a health-saving environment in a pedagogical college. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo humanitarно-pedagogicheskogo universiteta = The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*. 2019;6:7—17. (In Russ.) DOI: 10.25588/CSPU.2020.74.27.001.
14. Madzhuga A. G. Conceptual foundations of designing a health-saving education system in modern socio-cultural conditions. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e = Physical culture and health*. 2008;1(15):59—63. (In Russ.)
15. Aizman R. I. Modern representations about health and criteria of its estimation. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian pedagogical journal*. 2012;9:85—90. (In Russ.)
16. Aizman R. I. Health and safety of participants of educational process is a criterion of health-saving activity efficacy at the educational system. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2015;5(26):72—82. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.11.2025; одобрена после рецензирования 21.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.
The article was submitted 29.11.2025; approved after reviewing 21.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Научная статья**УДК 37.02****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1498****Oleg Viktorovich Petunin**

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Pedagogy and Psychology
of the Institute of Education,
Kemerovo State University
Kemerovo, Russian Federation
petunnin@yandex.ru

Valery Anatolyevich Ryabov

Candidate of Geography, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Physical Education,
Natural Sciences and Environmental Management
of the Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute,
Kemerovo State University
Novokuznetsk, Russian Federation
val27@yandex.ru

Tatyana Nikolaevna Semenkova

Doctor of Pedagogy, Associate Professor,
Director,
Gymnasium No. 42
Kemerovo, Russian Federation
gimnasium_42@mail.ru

Олег Викторович Петунин

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры педагогики и психологии
Института образования,
Кемеровский государственный университет
Кемерово, Российская Федерация
petunnin@yandex.ru

Валерий Анатольевич Рябов

канд. геогр. наук, доцент,
декан факультета физической культуры,
естествознания и природопользования
Кузбасского гуманитарно-педагогического института,
Кемеровский государственный университет
Новокузнецк Российская Федерация
val27@yandex.ru

Татьяна Николаевна Семенкова

д-р пед. наук, доцент,
директор,
Гимназия № 42
Кемерово, Российская Федерация
gimnasium_42@mail.ru

РЕШЕНИЕ КОНТЕКСТНЫХ ЗАДАЧ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЙ ГРАМОТНОСТИ ШКОЛЬНИКОВ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Важным результатом образовательного процесса в современной школе является сформированность естественнонаучной грамотности обучающихся, которая понимается нами как способность человека использовать приобретаемые в течение жизни знания и умения для решения широкого круга реальных жизненных практических задач.

Целью статьи является теоретическое обоснование, разработка и апробация решения школьниками контекстных задач как способа формирования их естественнонаучной грамотности. Вопросы формирования функциональной грамотности в российском образовании стали активно разрабатываться в начале 2000-х гг. Одним из важнейших видов функциональной грамотности личности является естественнонаучная грамотность как способность человека понимать и применять научные знания и методы для осмысления природных явлений, его готовность интересоваться естественнонаучными идеями и активно участвовать в жизни общества по вопросам, связанным с естественными науками. Одним из способов формирования естественнонаучной грамотности является решение школьниками контекстных задач, в содержании которых рассматривается практико-ориентированная ситуация, в которой

четко прослеживается связь с жизненным опытом учащегося. Но она требует решения с опорой на предметные знания.

В статье предлагаются алгоритмы разработки и решения контекстных задач. Также авторы представляют результаты педагогического эксперимента по формированию естественнонаучной грамотности школьников посредством решения ими контекстных задач. Контекстные задачи, предлагаемые для решения школьникам, были разработаны и собраны авторами в сборник. Педагогические результаты, получаемые при решении школьниками контекстных задач, практически совпадают с показателями сформированности естественнонаучной грамотности, что доказывает результативность их применения в образовательном процессе.

Ключевые слова: функциональная грамотность, естественнонаучная грамотность, компоненты естественнонаучной грамотности, средства и способы формирования естественнонаучной грамотности, контекстное обучение, контекстные задачи, алгоритм составления контекстных задач, алгоритм решения контекстных задач, эксперимент по формированию естественнонаучной грамотности школьников, уровни сформированности естественнонаучной грамотности

Для цитирования: Петунин О. В., Рябов В. А., Семенкова Т. Н. Решение контекстных задач как способ формирования естественнонаучной грамотности школьников // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 365—370. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1498.

Original article

SOLVING CONTEXTUAL PROBLEMS AS A WAY TO DEVELOPE SCIENTIFIC LITERACY IN SCHOOLCHILDREN

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. *An important outcome of the educational process in modern schools is the development of students' scientific literacy, which we understand as a person's ability to use the knowledge and skills acquired throughout life to solve a wide range of real-life practical problems.*

The purpose of article is to theoretically substantiate, develop, and test the solution of contextual problems by schoolchildren as a means of developing their scientific literacy. The development of functional literacy in Russian education began to be actively explored in the early 2000s. One of the most important types of functional literacy is scientific literacy, defined as a person's ability to understand and apply scientific knowledge and methods to understand natural phenomena, their willingness to be interested in scientific ideas, and to actively participate in social life on issues related to the natural sciences. One way to develop scientific literacy is for schoolchildren to solve contextual problems, which examine a specific life

situation related to the student's sociocultural experience and require the mandatory use of existing subject knowledge.

The article proposes algorithms for creating and solving contextual problems. The authors also present the outcomes of an educational experiment aimed at developing schoolchildren's scientific literacy through solving contextual problems. The contextual problems proposed for schoolchildren to solve were created and compiled by the authors. The pedagogical results obtained by students solving contextual problems are virtually identical to those measured in the development of scientific literacy, demonstrating the effectiveness of their use in the educational process.

Keywords: *functional literacy, scientific literacy, components of scientific literacy, means and methods of developing scientific literacy, contextual learning, contextual tasks, algorithm for creating contextual tasks, algorithm for solving contextual tasks, experiment on developing scientific literacy in schoolchildren, levels of scientific literacy development*

For citation: Petunin O. V., Ryabov V. A., Semenkova T. N. Solving contextual problems as a way to develop scientific literacy in schoolchildren. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):365—370. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1498.

Введение

Актуальность. Согласно требованиям федеральных государственных образовательных стандартов всех уровней общего образования (2021; 2022) важнейшей задачей современной школы является формирование функциональной грамотности учащихся. Фундаментальность и подчас излишняя формализация содержания общеобразовательных программ при небольшом количестве учебных часов, выделенных учебным планом на изучение того или иного предмета, часто не дает педагогам возможности обратиться к вопросам применения на практике приобретенных школьниками знаний. Французский прозаик и философ Альбер Камю говорил: «Школа готовит нас к жизни в мире, которого не существует» (<https://stihi.ru/diary/gloria4/2016-02-13>). Решение проблемы практического применения знаний напрямую связано с формированием функциональной грамотности школьников.

Изученность проблемы. «Первопроходцами» в изучении функциональной грамотности в России на протяжении 1980-90 гг. являлись С. Г. Вершловский, Б. С. Гершунский, А. А. Леонтьев, М. Д. Матюшкина, Л. М. Перминова. Они рассматривали терминологические характеристики, формы и виды функциональной грамотности (общая грамотность; информационная; компьютерная; коммуникативная и др.).

Общие вопросы формирования функциональной грамотности, а также обеспечение данного процесса при изучении различных предметов на разных уровнях общего образования рассматривались в работах ряда современных ученых.

Так, В. В. Николина рассматривала особенности функциональной грамотности учащихся в современную эпоху и ее основные модели, а также предложила условия ее формирования у учащихся. В. В. Николина подчеркивает важность применения международного опыта в процессе развития навыков функциональной грамотности школьников [1].

В работах Д. П. Нестеренко представлены конкретные варианты выстраивания образовательных курсов и отдельных учебных заданий: отражение реальных жизненных ситуаций в заданиях; обогащение предметных задач материалами, направленными на формирование функциональной грамотности; использование знаний из нескольких смежных предметных областей и др. [2].

Н. В. Максимова занималась исследованием различных способов формирования функциональной грамотности применительно к разным дидактическим системам [3].

В. А. Чернышева отмечает, что геймификация и персонализация образовательного процесса могут сыграть важную роль в формировании универсальных учебных действий школьников, имеющих важное значение в развитии естественнонаучной грамотности [4].

И. Г. Шилкина рассматривает важную роль методических материалов в формировании естественнонаучной грамотности учащихся. Она предлагает разработки методических материалов по астрономии [5].

Различным аспектам формирования естественнонаучной грамотности школьников в последние годы был посвящен ряд исследований. Так, исследования Л. А. Баишевой и Ю. Ю. Гавронской выявляют проблемы формирования функциональной естественнонаучной грамотности школьников и предлагают варианты организации этого процесса в школе с опорой на накопленный международный и отечественный опыт [6; 7].

А. П. Бугаева и О. Г. Кротова предлагают в качестве средства формирования естественнонаучной грамотности школьников региональные исследовательские работы краеведческой (региональной) тематики [8].

С. Г. Рубахина анализирует подходы, методы и задания, направленные на развитие естественнонаучной грамотности в системе дополнительного образования, а Ю. С. Сайко

рассматривает возможность формирования естественнонаучной грамотности школьников в музейном образовательном пространстве. Данный автор предлагает осуществлять реализацию музейных образовательных программ естественнонаучного профиля на основе интегративного подхода [9; 10].

Исследования Н. Н. Каляпиной и Д. С. Ямшиковой посвящены формированию естественнонаучной грамотности школьников при обучении химии [11; 12]. В работах Р. В. Осина предложена методика формирования естественнонаучной грамотности учащихся при изучении организма человека в рамках школьного предмета «Биология» (8 класс) [13; 14].

О. П. Михеева и С. С. Лоренц акцентируют внимание на необходимости перехода от усвоения большого объема знаний к развитию аналитических и критических навыков учащихся, предлагая использовать для формирования естественнонаучной грамотности школьников искусственный интеллект [15].

В ряде работ последних лет рассматриваются вопросы диагностики уровней сформированности естественнонаучной грамотности школьников и разработке соответствующих заданий. Например, А. С. Воловоденко приводит примеры заданий для оценки естественнонаучной грамотности школьников, которые сконструированы в соответствии с обучением школьников безопасному поведению [16; 17].

Таким образом, за последние годы проблема формирования естественнонаучной грамотности находилась в поле зрения многих ученых и педагогов-практиков.

Целесообразность разработки темы. Актуализация вопросов формирования функциональной грамотности школьников связана с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». В рамках выполнения указа Министерством просвещения РФ был разработан проект «Мониторинг формирования функциональной грамотности». Данный проект нацеливал исследовательское педагогическое сообщество на дальнейший поиск результативных способов формирования естественнонаучной грамотности школьников [18].

Целью исследования заключается в выявлении теоретических предпосылок, разработка по алгоритму и апробация решения контекстных задач как способа формирования естественнонаучной грамотности школьников.

Для достижения цели исследования решаются следующие **задачи**:

- 1) выявить теоретические предпосылки проблемы решения контекстных заданий как способа формирования естественнонаучной грамотности школьников;
- 2) сформулировать согласно разработанному алгоритму тексты контекстных задач;
- 3) апробировать решение контекстных задач как способа формирования естественнонаучной грамотности школьников.

Научная новизна исследования связана с расширением терминологического аппарата, разработкой практико-ориентированных алгоритмов, связанных с составлением и решением контекстных задач как важнейшего средства формирования естественнонаучной грамотности при обучении школьников биологии.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научно-педагогических взглядов на вопросы функциональной грамотности учащихся, использования в образовательном процессе контекстных задач, в доказательстве результативности их решения как способа формирования естественнонаучной грамотности школьников.

Практическая значимость результатов исследования заключается в разработке алгоритмов составления и порядка решения контекстных задач, а также исследовательских подходов к организации педагогического эксперимента, направленного на формирование естественнонаучной грамотности учащихся общеобразовательных школ. Педагогические результаты, получаемые при решении школьниками контекстных задач, практически совпадают с показателями сформированности естественнонаучной грамотности, что доказывает результативность их применения в образовательном процессе организаций общего образования.

Методология исследования базируется на тесной связи теории и практики, т. е. изучение практико-ориентированных проблем педагогики и образования не может быть ограничено лишь сферой теоретического осмысления, при этом необходимо учитывать тесное взаимодействие теоретической и практических сфер научно-педагогического познания.

Основная часть

Функциональная грамотность понимается нами как способность человека использовать приобретаемые в течение жизни знания и умения для решения широкого круга реальных жизненных практических задач.

Одним из видов функциональной грамотности личности выступает *естественнонаучная грамотность*, которая проявляется в способности человека использовать естественнонаучные знания для выделения в жизненных ситуациях проблем, которые могут быть исследованы и решены с помощью научных методов, для получения выводов, основанных на наблюдениях и экспериментах (см.: [7; 9; 12; 14] и др.).

Компонентами естественнонаучной грамотности выступают:

- понимание и интерпретация основных научных концепций, законов и принципов биологии, химии, физики, физической географии, экологии и др.;
- знание и понимание ключевых научных категорий, методов и этапов научного исследования и др.;
- умения применять научные знания к разрешению жизненных ситуаций и принимать научно аргументированные решения на основе данных науки и др.;
- сочетание знаний, умений, навыков и способностей критического мышления, связанных с естественными науками и др. (см.: [6; 8; 11; 13] и др.).

Основную нагрузку при формировании естественнонаучной грамотности школьников несут предметы, связанные с изучением основ наук о природе: физики, биологии, химии, географии. Также развитие этого вида функциональной грамотности происходит во внеурочной деятельности соответствующей направленности и через внеклассные мероприятия (события) со школьниками.

В качестве *средств и способов формирования естественнонаучной грамотности* школьников различные авторы предлагают технологии и методы активного обучения (проблемное обучение, контекстное обучение, технология развития критического мышления, исследовательская и проектная деятельность, дискуссии, диспуты и др.), информационно-коммуникационные технологии и цифровые средства обучения (современные образовательные платформы и виртуальные лаборатории и др.) и т. д.

Изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов. Разработчиком концепции контекстного обучения является русский психолог и педагог А. А. Вербицкий,

который представил ее в 1991 г. как технологию обучения студентов. Суть технологии А. А. Вербицкий изложил в монографии «Активное обучение в высшей школе: контекстный подход» [19].

Данная технология предполагает последовательное моделирование в процессе учебной деятельности студента его будущей профессиональной деятельности.

Использование данной технологии в практике общего образования требует адаптации. Реализация технологии контекстного обучения в студенческой и школьной аудитории зависит от контекста. В случае со обучающимися профессиональных образовательных организаций — это будущая профессиональная деятельности студентов, в случае с учащимися общеобразовательных организаций таким контекстом является социально-практическая деятельность школьников. Контекстное обучение школьников — это технология моделирования в образовательном процессе различных аспектов жизни и деятельности человека, предполагающая преобразование учебно-познавательной деятельности учащегося в социально-практическую в процессе формирования знаний, умений и навыков.

Остановимся на одном из способов формирования естественнонаучной грамотности школьников — решении контекстных задач, являющихся одним из средств реализации технологии контекстного обучения.

Под *контекстной задачей* мы понимаем задание, в содержании которого конкретная стандартная (или нестандартная) жизненная ситуация, имеющая связь с социокультурным опытом учащегося и требующая решения с обязательным использованием имеющихся предметных знаний.

Контекстные задачи имеют ряд особенностей:

- содержат вопросы и проблемы, с которыми ученик сталкивается в повседневной жизни, литературных или исторических источниках;
- могут быть представлены в виде иллюстраций (таблиц, фотографий, графиков, схем, рисунков);
- имеют несколько вопросов к одному текстуальному фрагменту.

Алгоритм разработки контекстной задачи для формирования естественнонаучной грамотности школьников включает ряд последовательных действий (этапов).

1. Определить тему предстоящего урока и подумать, что в этой теме школьникам уже знакомо, а что будет изучено вновь.
2. Продумать личностную значимость новых знаний, которые приобретут учащиеся на уроке. Дать ответы на вопросы: почему важно приобретение этих знаний, какой интерес они могут представлять для школьников.
3. Сформулировать ответы на представленные выше вопросы обобщенно, в виде личностно-значимой проблемы.
4. Предложить жизненную ситуацию, анализируя которую или действуя в рамках которой учащиеся смогут осознать и четко сформулировать проблему.
5. Составить текст задачи — описание ситуации (условие контекстной задачи). Условие может содержать небольшой текст (фрагмент), информацию в виде таблицы, диаграммы и т. д.
6. Сформулировать задания, требующие анализа ситуации или осуществления соответствующих действий.
7. Оценить качество полученной контекстной задачи с двух позиций: способствует ли она встрече с проблемой, соответствующей программной теме урока, и содержит ли задача ориентиры для получения учащимися ответа на вопрос о личностной значимости новых знаний.

За задачу может быть поставлено 1 или 2 балла. При этом за первое задание (наиболее простое) максимальный балл — 1; за второе и третье — 2 балла. Допускается при частичном выполнении задания выставление промежуточного результата в 1 балл. Учитель имеет возможность привычно оценивать выполненное учеником задание по пятибалльной шкале.

Важно, чтобы подход к оцениванию решения контекстной задачи не носил формальный характер. Каждая задача должна сопровождаться образцом ответа на каждый вопрос и пояснительной запиской, в которой указаны функция задания в формировании естественнонаучной грамотности.

Остановимся на **алгоритме решения контекстных задач**:

1. *Анализ текста задачи.* Школьник изучает текст, выделяет нужную информацию для решения.
2. *Поиск способа решения.* Учащийся определяет, из какого раздела физики, биологии, химии, экологии, экологии он может извлечь требуемые знания, чтобы решить проблему.
3. *Составление плана решения.* Школьник выстраивает способ решения задания через анализ имеющейся информации, опираясь на результаты его анализа.
4. *Реализация разработанного плана.* Учащийся решает задачу, используя выбранный метод.
5. *Анализ предлагаемого решения.* Учащийся интерпретирует результат решения, формулируя ответы на поставленные в задании вопросы.

Важно помнить о том, что контекстные задачи не имеют эталона «правильности», предполагают множество вариантов ответов.

При проведении исследования влияния на формирование естественнонаучной грамотности школьников на уроках биологии использования в образовательном процессе контекстных задач мы пользовались *разработанными и собранными в сборник заданиями*. Данный сборник был издан в 2020 г. Кузбасским региональным институтом повышения квалификации и переподготовки работников образования.

Педагогический эксперимент по формированию естественнонаучной грамотности учащихся 10 и 11 классов проводился в 2024/25 учебном году в МАОУ «Гимназия № 42» г. Кемерово. В эксперименте участвовали учащиеся классов физико-математического и социально-гуманитарного профилей в количестве 104 чел. Обучение школьников биологии в этих классах осуществлялось по 1 часу в неделю. На каждом из уроков биологии в классе фронтально или индивидуально решалась одна контекстная задача, связанная с темой, изучаемой на уроке. Всего было в каждом классе решено более 30 контекстных задач.

Педагогическое измерение уровня сформированности естественнонаучной грамотности учащихся 10 и 11 классов проводилось в начале (констатирующий этап) и в конце учебного года (контрольный этап). Для оценивания уровня сформированности естественнонаучной грамотности школьников мы использовали *три критерия*: научное объяснение явлений; применение методов естественно-научного исследования; интерпретация данных и использование научных доказательств для получения выводов.

Каждому школьнику как на констатирующем, так и на контрольном этапе было предложено для решения три контекстных задачи. За каждую из них учащиеся могли максимально получить по 5 баллов. Максимальный балл за все три задачи был равен 15. В исследовании нами было

выделено *три уровня* сформированности естественно-научной грамотности школьников: низкий (менее 7 баллов), допустимый (7—11 баллов) и высокий (12—15 баллов).

Результаты исследования о влиянии контекстных задач на формирование естественнонаучной грамотности школьников приведены в таблице.

Результаты влияния решения школьниками контекстных задач на формирование естественнонаучной грамотности

Уровень сформированности естественнонаучной грамотности школьников	10 класс, чел.		11 класс, чел.	
	начало учебного года	окончание учебного года	начало учебного года	окончание учебного года
Низкий	24	6	17	2
Допустимый	28	29	21	11
Высокий	5	22	9	34

Из представленных данных видно, что систематическое использование на уроках биологии контекстных задач положительно повлияло на формирование естественнонаучной грамотности школьников. Количество учащихся 10 классов с низким уровнем сформированности естественнонаучной грамотности уменьшилось в 4 раза, а с высоким уровнем выросло более чем в 4 раза. А количество учащихся 11 классов с низким уровнем сформированности естественнонаучной грамотности уменьшилось более чем в 8 раз, а с высоким уровнем выросло почти в 4 раза. Это позволяет сделать вывод о том, что систематическое решение школьниками на уроках контекстных задач положительно влияет на уровень сформированности у них естественнонаучной грамотности.

Выводы

Таким образом, контекстные задачи способствуют формированию естественнонаучной грамотности школьников, потому что создают условия, приближен-

ные к реальным ситуациям применения знаний и умений и способствуют проявлению у учащихся соответствующих показателей: задачи мотивируют учащихся мыслить критически, анализировать, сравнивать, экспериментировать, применять знания в незнакомой ситуации, искать новые решения или способы действий. «Педагогические дивиденды», получаемые при решении школьниками контекстных задач практически совпадают с показателями сформированности естественнонаучной грамотности.

Дальнейшие перспективы развития темы формирования естественнонаучной грамотности школьников посредством решения контекстных задач связаны с созданием и внедрением в образовательный процесс гимназии контекстных задач по физике и математике, а также детализации критериально-оценочного аппарата сформированности естественнонаучной грамотности учащихся.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Николина В. В. Развитие функциональной грамотности обучающихся в образовательном процессе // Нижегородское образование. 2021. № 1. С. 4—13.
2. Нестеренко Д. П. Подходы к развитию функциональной грамотности // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2022. № 5. С. 3—9.
3. Максимова Н. В. Функциональная грамотность и развитие речевой культуры студента : учеб.-метод. пособие. Новосибирск : НГТИ, 2023. 130 с.
4. Чернышева В. А. Роль геймификации и персонализации в развитии функциональной грамотности учащихся на уроках географии // Управление качеством образования: теория и практика эффективного администрирования. 2022. № 5. С. 77—82.
5. Шилкина И. Г. Развитие функциональной грамотности школьников в ходе обучения астрономии // Сибирский учитель. 2023. № 4(149). С. 34—40.
6. Баишева Л. А. Формирование естественнонаучной грамотности школьников // Народное образование Якутии. 2023. № 2(127). С. 16—17.
7. Гавронская Ю. Ю., Ямщикова Д. С. Формирование функциональной естественнонаучной грамотности школьников // Педагогика. 2021. Т. 85. № 1. С. 48—54.
8. Бугаева А. П., Кротова О. Г. Формирование естественнонаучной грамотности младших школьников посредством региональных исследовательских работ // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5(90). С. 109—112. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-590-109-112.
9. Рубахина С. Г. Формирование естественнонаучной грамотности в дополнительном образовании школьников // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 3, Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1. С. 105—111.
10. Сайко Ю. С. Формирование естественнонаучной грамотности школьников в музейном образовательном пространстве // Физика в школе. 2021. № 6. С. 50—56. DOI: 10.47639/0130-5522_2021_6_50.
11. Калялина Н. Н. Формирование естественнонаучной функциональной грамотности школьников при обучении химии в основной школе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2020. № 2. С. 51—54.
12. Ямщикова Д. С. Интегративные контекстные задания как средство формирования естественнонаучной грамотности при обучении химии в основной школе : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2024. 221 с.

13. Осинин Р. В. Учебные задания для формирования естественнонаучной грамотности школьников при изучении биологического материала // Научное мнение. 2023. № 12. С. 124—128. DOI: 10.25807/22224378_2023_12_124.
14. Осинин Р. В. Формирование естественнонаучной грамотности у обучающихся при изучении организма человека : дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2025. 197 с.
15. Михеева О. П., Лоренц С. С. Использование искусственного интеллекта в процессе формирования естественнонаучной грамотности младших школьников // Вопросы педагогики. 2025. № 8-2. С. 27—31.
16. Мингазова Г. Г., Вологодская О. В. Диагностика уровня развития естественнонаучной грамотности школьника // Мир педагогики и психологии. 2023. № 5(82). С. 32—40.
17. Воловоденко А. С. Конструирование заданий по естественнонаучной грамотности при обучении школьников безопасному поведению // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. 2021. № 10-2. С. 31—35. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.10-2.05.
18. Ковалева Г. С., Колачев Н. И. Функциональность проекта «Мониторинг формирования функциональной грамотности обучающихся» // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. Т. 2. № 1(90). С. 9—32. DOI: 10.24412/2224-0772-2023-90-9-32.
19. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход. М. : Высшая школа, 1991. 207 с.

REFERENCES

1. Nikolina V. V. Functional literacy development of students in the educational process. *Nizhegorodskoe obrazovanie = Education in Nizhny Novgorod*. 2021;1:4—13. (In Russ.)
2. Nesterenko D. P. Approaches to the development of functional literacy. *Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika effektivnogo administrirovaniya*. 2022;5:3—9. (In Russ.)
3. Maksimova N. V. Functional literacy and the development of a student's speech culture. Educational and methodical manual. Novosibirsk, Novosibirsk State Theater Institute publ., 2023. 130 p. (In Russ.)
4. Chernysheva V. A. The role of gamification and personalization in the development of functional literacy among students in geography lessons. *Upravlenie kachestvom obrazovaniya: teoriya i praktika effektivnogo administrirovaniya*. 2022; 5:77—82. (In Russ.)
5. Shilkina I. G. Development of functional literacy in the study of astronomy. *Sibirskii uchitel' = Siberian Teacher*. 2023;4(149):34—40. (In Russ.)
6. Baisheva L. Formation of natural science literacy of schoolchildren. *Narodnoe obrazovanie Yakutii*. 2023;2(127):16—17. (In Russ.)
7. Gavronskaya Yu. Y., Yamshchikova D. S. Formation of functional natural science literacy of schoolchildren. *Pedagogika = Pedagogics*. 2021;85(1):48—54. (In Russ.)
8. Bugaeva A. P., Krotova O. G. Formation of natural science literacy of younger schoolchildren through regional research works. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2021;5(90):109—112. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2021-590-109-112.
9. Rubakhina S. G. Formation of natural science literacy in additional education of schoolchildren. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya No. 3, Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2023; 1:105—111. (In Russ.)
10. Saiko Yu. S. Formation of natural science literacy of schoolchildren in the museum educational space. *Fizika v shkole*. 2021;6:50—56. (In Russ.) DOI: 10.47639/0130-5522_2021_6_50.
11. Calalina N. N. Formation of natural and scientific functional literacy of students when teaching chemistry at basic school. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki = Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities*. 2020;2:51—54. (In Russ.)
12. Yamshchikova D. S. Integrative contextual tasks as a means of forming natural science literacy in chemistry teaching at secondary schools. Diss. of the Cand. of Pedagogy. Saint Petersburg, 2024. 221 p. (In Russ.)
13. Osinin R. V. Training tasks for the formation of natural science literacy of schoolchildren studying biological material. *Nauchnoe mnenie*. 2023;12:124—128. (In Russ.) DOI: 10.25807/22224378_2023_12_124.
14. Osinin R. V. Formation of natural science literacy in students when studying the human body. Diss. of the Cand. of Pedagogy. Chelyabinsk, 2025. 197 p. (In Russ.)
15. Mikheeva O. P., Lorents S. S. The use of artificial intelligence in the process of forming the natural science literacy of primary school students. *Voprosy pedagogiki*. 2025;8-2:27—31. (In Russ.)
16. Mingazova G. G., Vologodskaya O. V. Diagnostics of the level of development of natural science literacy of a student [sic!]. *Mir pedagogiki i psikhologii*. 2023;5 (82):32—40. (In Russ.)
17. Volovodenko A. S. Design of tasks on natural science literacy when teaching schoolchildren safe behavior. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Gumanitarnye nauki = Modern Science: actual problems of theory and practice. Humanities*. 2021;10-2:31—35. (In Russ.) DOI: 10.37882/2223-2982.2021.10-2.05.
18. Kovaleva G. S., Kolachev N. I. Functionality of the project “Monitoring the formation of functional literacy of students”. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika = Domestic and Foreign Pedagogy*. 2023;2-1(90):9—32. (In Russ.) DOI: 10.24412/2224-0772-2023-90-9-32.
19. Verbitskii A. A. Active learning in higher education: a contextual approach. Moscow, Vysshaya shkola, 1991. 207 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 10.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 08.12.2025.
The article was submitted 10.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 378
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1533

Alla Vadimovna Pryalukhina
 Doctor of Psychology,
 Associate Professor of the Department of Applied Psychology,
 Emperor Alexander I
 St. Petersburg State
 Transport University
 Saint Petersburg, Russian Federation
 prialuchina@mail.ru

Anastasia Andreevna Romanova
 Master's student of the Department of Applied Psychology,
 field of training
 37.04.01 — Psychology,
 Emperor Alexander I
 St. Petersburg State
 Transport University
 Saint Petersburg, Russian Federation
 romanova_nasty_2003@mail.ru

Алла Вадимовна Прялухина
 д-р психол. наук,
 доцент кафедры «Прикладная психология»,
 Петербургский государственный
 университет путей сообщения
 Императора Александра I
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 prialuchina@mail.ru

Анастасия Андреевна Романова
 магистрант кафедры «Прикладная психология»,
 направление подготовки
 37.04.01 — Психология,
 Петербургский государственный
 университет путей сообщения
 Императора Александра I
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 romanova_nasty_2003@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА ТОЛЕРАНТНОСТИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕДАГОГИКЕ И ПСИХОЛОГИИ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье рассмотрены психолого-педагогические подходы к формированию толерантности с учетом создания стабильного современного общества, принятия и уважения многообразия культур, самовыражения и способов проявления индивидуальности. Авторы раскрывают понятие толерантности в психолого-педагогической науке как сложного социально-нравственного качества, обеспечивающего уважительное принятие индивидуальности партнера по общению и взаимодействию. Рассмотрен педагогический подход, сущность которого заключается в воспитании, который базируется на субъект-субъектном взаимодействии, уважении к личности, уважении к культурному многообразию, принятию других, на создании толерантной среды, способствуя адаптации обучающегося в современном социуме. Описаны ключевые задачи педагогики толерантности, способствующие развитию критического мышления, информационной грамотности, поведенческих компетенций, воспитанию эмпатии и межкультурной восприимчивости. Педагогический подход задает социальный заказ и создает практический контекст для реализации знаний о психологических механизмах толерантности. Проведен анализ психологического подхода к пониманию толерантности: как устойчивой личностной черты (диспозиционный), как сложного когнитивно-аффективного процесса (процессуальный), как компонента социального познания, включающего социальную категоризацию и атрибуцию, и как процесса развития в рамках психологии жизненного пути. Подчеркивается много-

компонентная структура толерантности, включающая когнитивный, аффективный, поведенческий аспекты, которые описывают, как человек воспринимает и реагирует на неопределенные ситуации, как к ним относится, как адаптируется.

Приводится фрагмент тренинговой программы для студентов, направленной на формирование уважения к многообразию культур, развитие эмпатии и навыков конструктивного взаимодействия. Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении нейрокогнитивных механизмов толерантности, разработке комплексных тренинговых программ, направленных на развитие навыков толерантного общения, принятие различий других людей, управление эмоциями, а также в исследовании специфики толерантности в условиях цифровой среды, способствующей развитию способности уважительно взаимодействовать в виртуальных мирах.

По результатам работы делается вывод о необходимости интегративного подхода к изучению проблемы толерантности, предполагающий обучающимся активное принятие различных этнических, религиозных, социальных групп, где толерантность выступает необходимым условием уникальности общества, обеспечивая выживание смешанных сообществ, их свобод и прав.

Ключевые слова: толерантность, психолого-педагогический подход, индивидуальность, многообразие культур, воспитание, принятие других, эмпатия, социокультурное пространство, личностная черта, социальное познание, жизненный путь, тренинговая программа

Для цитирования: Прялухина А. В., Романова А. А. К вопросу об исследовании феномена толерантности в отечественной педагогике и психологии // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 371—379. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1533.

Original article

ON THE STUDY OF THE PHENOMENON OF TOLERANCE
IN DOMESTIC PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. *Considering the creation of a stable modern society, acceptance and respect for cultural diversity, self-expression, and individuality, this article examines psychological and pedagogical approaches to fostering tolerance. The authors define tolerance in psychological and pedagogical science as a complex social and moral quality that ensures respectful acceptance of the individuality of communication and interaction partners. This article examines a pedagogical approach, the essence of which lies in education based on subject-to-subject interaction, respect for the individual, respect for cultural diversity, and acceptance of others. It also explores the creation of a tolerant environment, facilitating students' adaptation to modern society. Key objectives of tolerance pedagogy are described, promoting the development of critical thinking, information literacy, behavioral competences, empathy, and intercultural sensitivity. This pedagogical approach sets a social imperative and creates a practical context for the implementation of knowledge about the psychological mechanisms of tolerance. This article analyzes psychological approaches to understanding tolerance: as a stable personality trait (dispositional), as a complex cognitive-affective process (procedural), as a component of social cognition, including social categorization and attribution, and as a developmental process in the context of life path psy-*

chology. The multicomponent structure of tolerance is emphasized, encompassing cognitive, affective, and behavioral aspects that describe how individuals perceive and respond to uncertain situations, how they relate to them, and how they adapt.

A fragment of a training program for students is presented, aimed at fostering respect for cultural diversity, developing empathy, and constructive interaction skills. Prospects for further research are seen in the study of the neurocognitive mechanisms of tolerance, the development of comprehensive training programs aimed at developing tolerant communication skills, accepting differences in others, and managing emotions, as well as in exploring the specifics of tolerance in the digital environment.

The results of the work lead to the conclusion that an integrated approach to the study of the problem of tolerance is necessary, which encourages students to actively accept various ethnic, religious, and social groups, where tolerance is a necessary condition for preserving the uniqueness of society, ensuring the survival of mixed communities, their freedoms and rights.

Keywords: *tolerance, psychological and pedagogical approach, individuality, cultural diversity, education, acceptance of others, empathy, sociocultural space, personality trait, social cognition, life path, training program*

For citation: Pryalukhina A. V., Romanova A. A. On the study of the phenomenon of tolerance in domestic pedagogy and psychology. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):371—379. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1533.

Введение

Актуальность феномена толерантности в педагогике и психологии обусловлена необходимостью развития у молодого поколения способности понимать и принимать других людей, их мнения, ценности, убеждения, даже если они отличаются от собственных, формирования умения регулировать свое поведение. Толерантность создает основу для открытого, доверительного общения и эмпатии, т. к. она способствует снятию психологических барьеров и снижению стресса, вызванного межличностными конфликтами, что позволяет человеку лучше понимать и принимать различия в мышлении, менталитете других людей и позитивно относиться к ним.

В научных источниках понятие «толерантность» характеризуется как терпимость к иным мировоззрениям, точкам зрения и проявляется в разных предметных сферах, жизненных ситуациях. Так, Ж. В. Богатырева и Д. Н. Гоечко выделяют виды толерантности: политическая, бытовая, педагогическая, административная, религиозная, этническая, культурная, научная и др. [1]. Вместе с тем за этим внешним, поведенческим проявлением скрывается сложный и многогранный педагогический и психологический феномен, требующий глубокого научного осмысления.

В современной педагогике толерантность рассматривается как терпимость к различиям между группами людей в национальных культурах, интеллектуальных особенностях, физической активности и равных возможностях при получении образования для всех граждан. В психологии понятие

«толерантность» — это процесс саморегуляции состояний и реакций в ситуации столкновения с инаковостью, неопределенностью или фрустрирующими факторами.

Толерантность, по мнению Х. Л. Нальгиевой, направлена на воспитание у обучающихся ответственности за свои поступки, способности регулировать собственное поведение, контролировать свои эмоции, произвольно определять позицию в ответ на действия партнера, осознавать свою индивидуальность, неповторимость, тем самым сохранять культурную идентичность и жить в гармонии с собой и с другими [2]. Поэтому исследование феномена толерантности в педагогике и психологии охватывает не только научные подходы к определению понятия, но и разработку технологий формирования через практические приемы.

Изученность проблемы. На основе проведенного обзора проблемы изучения толерантности, мы предприняли попытку дифференцировать данный феномен по двум аспектам: педагогическому, фокусирующемуся на образовательных методах и процессах формирования толерантного поведения и психологическому — на характеристиках личности, связанных с толерантным отношением.

По мнению М. А. Широковой, толерантность с педагогической точки зрения рассматривается как способность человека принимать своего партнера по общению таким, какой он есть, а с точки зрения психологии, толерантность раскрывается как способность человека противостоять неблагоприятным воздействиям, успешно выдерживать их [3].

И. Ванг и Д. Ма определяют педагогическую толерантность как гуманистическое качество преподавателя, проявляющееся в терпимости, понимании и уважении к ученику, в признании его индивидуальности и дифференциации в обучении [4]. Во многих публикациях подчеркивается значимость воспитания толерантности молодежи как необходимого условия успешной социализации, развития терпимости, уважения к культурным, религиозным и социальным различиям. Так, Д. В. Горбунова, У. А. Казакова, О. Ю. Макарова указывают, что толерантность как адаптивно-регулятивный механизм и как основа социальной сплоченности выступает связующим звеном между личной и социальной сферой жизни человека [5]. А. Батыралиев, Д. А. Ташматова, Ж. Д. Абдуллаева указывают, что компетентностный подход ориентирует образование на формирование толерантности обучающихся и смещает акцент с пассивного усвоения знаний о разнообразии культур на практическое освоение навыков уважительного взаимодействия, учитывая индивидуальные особенности ребенка, его этнопсихологические черты культуры, тем самым формируя способность личности эффективно функционировать в различных социальных группах [6].

В психологии толерантность к неопределенности исследуется во многих работах. Например, В. И. Долговой, О. А. Кондратьевой, П. М. Масловой толерантность к неопределенности рассматривается как когнитивно-личностная характеристика, выступающая эффективной копинг-стратегией в стрессовых ситуациях [7].

Толерантность как черта тесно связана с психологической устойчивостью, т. е. способностью успешно адаптироваться к стрессу и невзгодам. По мнению Д. А. Леонтьева, толерантная личность обладает внутренними ресурсами, позволяющими ей переносить состояние неопределенности и дискомфорта, не прибегая к интолерантным реакциям — агрессии, избеганию или отрицанию [8].

Таким образом, толерантность в педагогике и психологии представляется как активная нравственная позиция и психологическая готовность принимать и понимать других людей формируемая через воспитание, основанная на уважении прав другого человека, эмпатии и открытом диалоге.

В педагогике и психологии формирование толерантности у обучающихся является ключевой задачей, поскольку она направлена на воспитание культуры принятия, уважение о «чужих» группах, развитие гармоничной личности. Реализация этой задачи учит принимать различия, понимать другие точки зрения, развивать эмпатию, взаимодействовать с разными людьми для преодоления стереотипов и предрассудков. С этой целью разрабатываются средства, способствующие развитию самосознания, нахождению компромиссов и обогащению чужого опыта.

Так, Д. В. Воротников [9] описал методы формирования межкультурной толерантности у студентов; А. Н. Аверин, О. В. Солодянкина, Г. Е. Соловьев представили программу тренинга формирования коммуникативной толерантности [10]; Н. А. Асташова, С. К. Бондырева, О. Л. Жук описали систему диалогового образовательного пространства, создающую среду для активного взаимодействия, обмена знаниями и формирования у студентов поликультурной компетентности [11].

Целесообразность разработки темы. Анализ научных источников показал достаточную теоретическую оснащенность феномена толерантности в психологии и педагогике. С позиции психологии изучение пробле-

мы толерантности позволяет рассматривать ее через призму личностных характеристик. С точки зрения педагогического подхода толерантность изучается как один из компонентов воспитания, формирующий способность и готовность к конструктивному взаимодействию, уважению культурных различий, чужого мнения. Однако преподавателю необходимо сочетать знания педагогических методов воспитания толерантности с психологическими механизмами формирования личности, эмпатии, принятия другого. Поэтому важен интегративный подход к изучению проблемы толерантности, объединяющий психологические, педагогические аспекты, при этом используя современные инновационные технологии тренингов толерантности.

Научная новизна. Показано, что с точки зрения педагогического подхода толерантность представляет активную позицию педагога и ключевое условие, обеспечивающее основу для безопасного сосуществования и способствующее развитию обучающегося. В рамках психологического подхода толерантность определяется как относительно устойчивая характеристика личности, включающая терпимость к различиям во мнениях, поведении, способности принимать неопределенность, не осуждая и не пытаясь изменить другого, и как психологическое свойство личности, которое сочетает в себе стремление к самоизменению, устойчивости к стрессу, где человек не боится новизны, переосмысливает стратегии решения проблем. Сопоставление психолого-педагогических подходов к изучению толерантности необходимо для комплексного понимания данного феномена.

Цель исследования — систематизация и анализ основных психолого-педагогических подходов к пониманию толерантности как конструкта в современной педагогике и психологии.

Задачи исследования:

1. Провести теоретический обзор изучения проблемы толерантности в контексте педагогического подхода.
2. Проанализировать психологические подходы к изучению проблемы толерантности с позиции личностной черты, динамического процесса, социального познания, сохранения психологического равновесия.
3. Разработать программу тренинга формирования толерантности.

Теоретическая значимость исследования толерантности в психологии и педагогике заключается в углублении понимания ее многогранного понятия. Работа обращается к анализу понятия «толерантность», задач ее формирования, создания условий для мирного сосуществования человека, для разработки и использования методов и способов, формирующих понимание и принятие других людей, их мнений и культурных различий.

Практическая значимость состоит в том, что материалы статьи можно использовать в контексте образования и воспитания, создания безопасной среды для гармоничного развития личности, обеспечивая психологический комфорт, социальную адаптацию, развитие способности к конструктивному диалогу.

Основная часть

Методологическая база изучения характеризуется наличием психолого-педагогического подхода к пониманию толерантности, позволяющим разработать программу тренинга, направленную на конструктивное взаимодействие.

Педагогический подход: толерантность как цель воспитания и образования. Прежде чем рассматривать психологические механизмы толерантности, необходимо обозначить ее место в педагогической системе. Д. Ма педагогическими условиями воспитания толерантности у студентов считает создание толерантного пространства в вузе, в котором уважают национальности, этносы, религии, поощряется диалог и уважение к различиям посредством межкультурного взаимодействия, где участники развивают взаимопонимание, когнитивную гибкость, таким образом формируя общечеловеческие ценности [12]. По мнению О. Д. Коломенской, развитие толерантности студентов зависит от социальных институтов системы образования, в которой преподаватель играет ключевую роль, создавая атмосферу взаимного уважения, умения слушать, разбираться в сложных проблемах, поддерживать друг друга [13]. Базовой основой квалификации педагогической толерантности является эмпатия. Как считает С. Д. Тычинский, эмпатия выражается между субъектами образовательного процесса в доверительном общении, понимании другого, в способности принимать людей с иным менталитетом, образом жизни, что служит основой для эффективной педагогической деятельности [14].

Таким образом, толерантность с точки зрения педагогического подхода определяет нормы поведения в образовательном процессе и создает условия обучающимся для свободного выражения своего мнения.

Вопросы развития толерантности у будущих педагогов для их эффективной деятельности освещаются в работе И. Ванг и Д. Ма [4]. Авторы отмечают, что преподаватели, обладающие педагогической толерантностью, создают доверительную атмосферу, в которой студенты не боятся высказывать идеи, свои взгляды, совершать ошибки в своих исследованиях, что способствует развитию креативности, инициативности, саморазвитию и адаптации к изменениям, достижению успеха.

Важнейшими механизмами социокультурного формирования толерантности, оказывающими влияние на процесс межэтнического взаимодействия, по мнению О. А. Филипповой и Т. Н. Боярчук, выступают одновременная противоречивость осознанной идентификации и обособления «Я» и «Другого»; эмпатия (заинтересованность внутренним миром других); понимание (соотнесение Я-образа с образами Я-других); признание (видеть в другом человеке носителя других ценностей); принятие (положительное отношение к отличным от себя людям) [15; 16].

Формирование профессиональной толерантности студентов начинается с первого курса средствами обучения, межличностного взаимодействия и эмоционально-ценностного отношения к различным культурам и группам, начиная с понимания себя и своего народа. Ключевыми факторами развития данных компетенций выступают внутренние качества студентов: ценность человека, понимание себя и других, сопереживание, коммуникабельность, что важно для развития личностных качеств, успешной профессиональной деятельности и социальной адаптации [5].

Таким образом, толерантность является ключевым принципом гуманистической педагогики, обеспечивающим позитивную, принимающую среду для всех участников образовательного процесса — способность педагога проявлять доброту, терпение, уважение, доверие к обучающемуся, а также отсутствие неприязни, злобы, обид и бестактности.

Ключевыми задачами педагогики толерантности, согласно исследованиям последних лет, являются:

1. *Формирование критического мышления и информационной грамотности.* Современный акцент сместился с простого информирования о разнообразии на развитие способности противостоять дезинформации и манипулятивным технологиям через цифровые платформы. Это включает в себя не только анализ механизмов конструирования «образа врага» в информационном пространстве, но и технологии стратегии вдумчивого восприятия информации, включающие активное вовлечение (задавать вопросы, связывать уже с известным), выделение ключевых моментов, доступ к достоверным источникам и толерантных установок. Исследования, подобные работе Ф. Р. Прилуцкого подчеркивают, что в цифровую эпоху именно критическое мышление становится главным барьером против ксенофобии и радикализации молодежи [17].

2. *Воспитание эмпатии и межкультурной восприимчивости.* Н. В. Струнина и А. А. Садовов отмечают, что данное направление сегодня базируется на формировании установок толерантного сознания, миролюбия, проявления терпимости и уважения к представителям других культур, осознании собственной культурной идентичности [18].

3. *Развитие поведенческих компетенций для действия в ситуации различий.* Для действия в ситуации различий необходимы компетенции, связанные с эмпатией, межкультурной осведомленностью, эффективной коммуникацией, адаптивностью, помогающие понимать, уважать различные точки зрения. Как отмечают А. В. Казаков, В. А. и Е. Н. Банины, именно технологии социализации позволяют осмыслить элементы родной и чужой культуры [19].

Современные педагогические стратегии и вызовы включают в себя:

1. *Использование технологий погружения:* О. Ю. Голубева предлагает применять тренинг духовно-нравственного развития, формирующий ценности, эмпатию, патриотизм через групповое взаимодействие, отработку навыков общения, развитие взаимопонимания, позволяющий участникам осознать себя, свои отношения к другой культуре, усвоить базовые национальные ценности и нормы поведения [20].

2. *Создание инклюзивной образовательной среды:* это не просто физическая доступность, а культура образовательной организации, основанная на принципах уважения к разнообразию, где ценятся разные точки зрения, а конфликты разрешаются через диалог. Важным элементом, как отмечают Л. А. Бутова, Д. Ю. Лунева, Ю. В. Гоас, является объединение действий родителей, учителей, врачей, воспитателей и других специалистов для создания внимательной и заботливой среды для детей с ограниченными возможностями здоровья с целью гармоничного развития и раскрытия потенциала [21].

3. *Вызов цифровизации:* современная педагогика сталкивается с парадоксом: цифровая среда, с одной стороны, предоставляет доступ к информации о других культурах, а с другой — способствует созданию «информационных пузырей» и поляризации. Ответом становится целенаправленное обучение цифровой грамотности и гражданственности, которое включает в себя и этику взаимодействия в сети [22].

Таким образом, современный педагогический подход фокусируется на понимании толерантности, ее роли в процессе обучения и воспитания, на создании условий,

где обучающиеся могут свободно выражать свое мнение, уважать и понимать культурные нормы, традиции, отличных от своих, что является ключевым элементом межкультурной компетентности.

Ряд психологов активно исследуют психологическую толерантность к неопределенности, которая смещается с социально-эмоциональной сферы на когнитивно-личностную через саморегуляцию, работу с тревогой и переосмысления стратегий решения проблем.

Диспозиционный подход: толерантность как личностная черта. В рамках диспозиционного подхода толерантность рассматривается как относительно устойчивая характеристика личности, предопределяющая склонность индивида терпимо реагировать на неблагоприятные или дискомфортные ситуации, мнения и поведение других людей.

Современные исследования фокусируются на выявлении коррелятов и предикторов толерантности в структуре личности. Например, Н. Ю. Кресова в структуре личностной составляющей ситуаций педагогических затруднений определила, что параметр «толерантность к неопределенности» связан с фактором времени, и сочетается с «ориентацией на время», способствует открытым отношениям в виде честности, взаимного уважения, а интолерантность связана с закрытым типом коммуникации без возможности обратной связи или диалога, избегания близкого общения [23].

Н. И. Исаева и С. И. Мамонтова, проведя обзор научных работ, посвященных изучению связи толерантности к неопределенности и креативности, установили, что многие исследователи рассматривают толерантность к неопределенности как значимую черту творческой личности, и которая находится в определенных связях с самостоятельностью, гибкостью, склонностью к риску, любознательностью [24].

Таким образом, толерантность к неопределенности — это психологическое свойство личности, которое заключается в стремлении человека к изменениям, новизне, оригинальности, способности действовать.

Сильной стороной диспозиционного подхода является его операционализация и измеримость: разработан ряд валидных и надежных опросников для диагностики общего уровня толерантности личности. Однако его ограничение заключается в определенном статичном взгляде на феномен, недооценке ситуационных и процессуальных факторов, влияющих на проявление толерантности в конкретных условиях.

Когнитивно-аффективный подход исследования толерантности. Данный подход рассматривает толерантность не как статичную черту, а как динамический процесс, разворачивающийся в конкретной ситуации взаимодействия с «Другим». Понимание структуры, которая опосредует реакцию индивида на стимул, вызывающий дискомфорт или несогласие, позволяет специалистам рассматривать их как некий сплав когнитивного, аффективного компонента и когнитивной гибкости.

Когнитивный компонент включает [25]:

1. **Толерантность к неопределенности** — это когнитивная предрасположенность, характеризующаяся склонностью воспринимать неопределенные ситуации как источники стресса и реагировать на них негативно. Индивиды с низкой толерантностью к неопределенности стремятся к ясности, структуре и однозначным

ответам, что делает их менее терпимыми к двусмысленным мнениям, культурным различиям и сложным проблемам, не имеющим однозначного решения. Это качество является ключевым предиктором предрассудков и интолерантных установок.

2. **Когнитивная гибкость** — способность переключаться между разными мыслями к новым требованиям, она обеспечивает человеку рассматривать ситуацию с точки зрения другого, не отказываясь при этом от собственной позиции. Толерантная личность обладает более сложной и дифференцированной системой конструкторов, позволяющей ей воспринимать мир не в черно-белых тонах.

Аффективный компонент. Способность к сопереживанию и пониманию эмоционального состояния другого человека является мощным сдерживающим фактором для интолерантных реакций. Аффективная и когнитивная эмпатия работают совместно, снижая уровень межличностной угрозы и облегчая процесс принятия.

Подход к изучению проблемы толерантности с позиции социального познания. Этот подход акцентирует внимание на том, как люди воспринимают, интерпретируют и оценивают социальную информацию о «чужих» группах. Толерантность рассматривается как результат специфических процессов социальной категоризации и атрибуции. Ключевым понятием в этом контексте является теория социальной идентичности. Так, А. В. Микляева и П. В. Румянцева отмечают, что индивиды стремятся к позитивной социальной идентичности, которую получают через сравнение своей группы с другими группами в пользу своей [26].

Подход психологии жизненного пути как способность человека сохранять психологическое равновесие и адекватно реагировать на вызовы. Данный подход рассматривает толерантность как динамическое качество, которое развивается и трансформируется на протяжении всей жизни человека под влиянием личностных особенностей, индивидуального опыта человека, его взаимодействия с другими:

- **Ранний опыт и привязанность.** Стиль детско-родительских отношений закладывает основы толерантности. Надежная привязанность, формирующаяся в условиях чуткого и отзывчивого отношения родителей, создает у ребенка базовое доверие к миру и чувство безопасности. Это, в свою очередь, служит фундаментом для принятия непохожих других в будущем. Ненадежная привязанность может порождать тревогу и избегание, что является почвой для интолерантности [27].

- **Социализация и ценности.** Усвоение толерантных ценностей происходит в процессе социализации, прежде всего в семье и образовательной среде. Как отмечал Л. С. Выготский, высшие психические функции, к которым можно отнести и толерантность, формируются в процессе интериоризации культурных и социальных норм.

- **Кризисы и личностный рост.** Периоды жизненных кризисов могут как усилить интолерантность (как защитную реакцию), так и стать катализатором для развития более толерантного мировоззрения. Столкновение с собственными ограничениями, переживание потерь или глубокий самоанализ могут способствовать развитию эмпатии, принятию многогранности человеческого опыта, что соответствует представлениям об личностном росте в гуманистической психологии [28].

Современные исследования показывают, что толерантность может колебаться в зависимости от социального контекста, значимых жизненных событий и рефлексивной работы личности над собой.

Результаты исследования. Анализ психолого-педагогических исследований к проблеме изучения толерантности дает возможность выделить два основных научных подхода: педагогический и психологический. Педагогический подход фокусируется на воспитании и формировании качеств личности через образовательный процесс, направленный на эмоционально-ценностные отношения к различным культурам и группам, начиная с понимания себя, своего народа и взаимовлияния культур, с создания в образовательном процессе условий для свободного выражения своего мнения, атмосферы взаимного уважения, умения слушать, поддерживать друг друга. В педагогике толерантность связывается с формированием критического мышления и информационной грамотностью, с воспитанием эмпатии и межкультурной восприимчивостью. Психологический подход изучает толерантность как диспозиционную личностную черту, как результат специфических процессов социальной категоризации и атрибуции, динамическое качество, которое развивается и трансформируется на протяжении всей жизни человека. Толерантность в психологии изучается как комплексное образование, включающее такие компоненты как когнитивный (знания, установки), эмоциональный (принятие и сопереживание) и поведенческий (действия и самоконтроль). Такая структура обеспечивает уважительное отношение, принятие и правильное понимание многообразия культур, ценностей и взглядов других, способность сохранять устойчивость к стрессу и неопределенности, способствуя эффективному взаимодействию.

На основе интегративного понимания толерантности, объединяющего рассмотренные выше подходы, была разработана тренинговая программа для студентов, направленная на формирование уважения к многообразию культур, развитие эмпатии и навыков конструктивного взаимодействия. Ее цель — развитие компонентов толерантности (когнитивного, аффективного, поведенческого) через систему интерактивных упражнений. *Целевая аудитория:* студенты вузов (18—25 лет). *Формат:* 6 групповых сессий по 2 ч.

Основные модули программы:

• Сессия 1: *Знакомство с собой и другими. Что такое толерантность?*

Цель: создание безопасной групповой атмосферы, осознание собственных установок и стереотипов.

Упражнения: «Интервью в парах», «Ассоциации со словом толерантность», дискуссия на основе видеоклипов, иллюстрирующих интолерантное поведение.

• Сессия 2: *Мир в оттенках серого: развиваем когнитивную гибкость.*

Цель: развитие толерантности к неопределенности и навыков критического мышления.

Упражнения: «Черно-белые суждения» (анализ ситуаций, не имеющих однозначного решения), «Опровергни стереотип» (работа в группах по поиску контраргументов распространенным предрассудкам), техники деконструкции новостных заголовков.

• Сессия 3: *Чувства другого: эмпатия как основа диалога.*

Цель: развитие эмпатических способностей (как когнитивных, так и аффективных).

Упражнения: «Отзеркаливание эмоций», ролевая игра «Мир наоборот» (исполнение роли представителя стигматизированной группы), анализ художественных произведений/фильмов с позиции разных персонажей.

• Сессия 4: *За границами ярлыков: работа с социальными категориями.*

Цель: осознание процессов социальной категоризации и формирование навыков декатегоризации.

Упражнения: «Социограмма» (визуализация множественности групповых принадлежностей каждого участника), «Шкала стереотипов» (оценка степени согласия с различными стереотипными утверждениями и их обсуждение), техника «Я — не только...» (акцентирование множественных идентичностей).

• Сессия 5: *Искусство диалога: конструктивное общение в условиях различий.*

Цель: развитие поведенческих навыков ведения трудно-го разговора и управления конфликтом.

Упражнения: «Активное слушание» в парах на спорные темы, техника «Я-высказывания» в ситуации конфликта, ролевая игра «Сложный разговор» с последующим анализом.

• Сессия 6: *Мой личный мост: интеграция опыта и планы на будущее.*

Цель: рефлексия полученного опыта, закрепление навыков и планирование их применения в жизни.

Упражнения: коллаж «Карта моего роста», разработка личного «Кодекса толерантности», групповая дискуссия «Как я могу использовать эти знания?».

Ожидаемые результаты: участники программы повысят уровень толерантности к неопределенности, разовьют эмпатию и когнитивную гибкость, приобретут практические навыки конструктивного межличностного и межгруппового взаимодействия.

Заключение, выводы

На основе приведенного обзора научных источников можно утверждать, толерантность часто дифференцируют по двум ключевым аспектам: педагогическому подходу, который трактует толерантность как воспитываемое качество терпимости и уважения к многообразию мнений, ценностей и убеждений других людей и принятию культурных различий; психологическому подходу, который рассматривает толерантность как свойство личности, устойчивость к неопределенности, сочетая стремление к самоизменению, устойчивости к стрессу, где человек не боится новизны, переосмысливает стратегии решения проблем.

Условиями воспитания толерантности у обучающихся, базирующихся на основе принципов взаимного уважения, принятия разнообразия, диалога и приоритета общего результата над личными амбициями, служит создание толерантного пространства в учебной организации, где каждый участник образовательного процесса чувствует себя защищенным, не сомневается в своих силах, не видит угрозы в отличиях других людей, у него появляется потребность в самовыражении.

Основными задачами педагогики служат формирование толерантности, развитие критического мышления, информационной грамотности, поведенческих компетенций, воспитание эмпатии и межкультурной восприимчивости, способствующие принятию других взглядов и культур, обеспечению уважительного сосуществования, тем самым формируя готовность к адаптации к неопределенности в культурно разнообразной среде.

Современная психология рассматривает толерантность не только как эмоциональную терпимость к «другому», но и как когнитивно-личностный конструкт, характеризующийся способностью человека перерабатывать неопределенность, принимать сложные задачи, справляться с трудностями, стрессом, воспринимать мир не в черно-белых тонах. Толерантность с позиции психологического подхода подразумевает гармонию личности в многообразии, осознании своей индивидуальности и сохранении или переосмыслении собственной культурной идентичности при общении с другими.

Толерантность представляет совокупность научных психологических подходов и включает в себя следующие трактовки:

- *Диспозиционный подход* рассматривает толерантность как личностную черту, связанную с психологической устойчивостью, успешной адаптацией к стрессам, травмирующим событиям в сложных и быстро меняющихся условиях.

- *Процессуальный (когнитивно-аффективный) подход* рассматривает толерантность не как статичную черту личности, а как динамический процесс, фокусирующийся на способности человека адаптироваться к фрустрирующим ситуациям.

- *Подход с позиции социального познания* рассматривает толерантность как результат взаимной интерпретации и оценивания социальной информации о «чужих» группах.

- *Подход психологии жизненного пути* рассматривает толерантность как динамическое качество, которое развивается и меняется на протяжении всей жизни человека посредством построения продуктивных взаимоотношений, тем самым развивая способность адаптироваться к новым социальным и культурным условиям.

На основе теоретического анализа разработана тренинговая программа формирования толерантности, направленная на развитие эмпатии и когнитивной гибкости, конструктивного межличностного и межгруппового взаимодействия.

Перспективы дальнейших исследований видятся в изучении нейрокогнитивных основ толерантности, разработке комплексных тренинговых программ, направленных на конструктивное взаимодействие между людьми через развитие навыков терпимого общения и принятия других людей, а также в исследовании специфики толерантности в условиях цифровой среды, где процессы социальной категоризации и дегуманизации приобретают новые формы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богатырева Ж. В., Гоечко Д. Н. К вопросу о толерантности и ее видах // Наука. Техника. Технологии (политехнический вестник). 2022. № 2. С. 192—195.
2. Нальгиева Х. Л. Идея толерантности в школе и педагогической мысли // Инновационные процессы в современной науке : материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. Нефтекамск : Мир науки, 2019. С. 458—461.
3. Широкова М. А. Роль педагогической толерантности в профессиональной культуре преподавателя // Актуальная культура. 2023. № 1. URL: <https://journal.asu.ru/cc/article/view/12994>.
4. Ванг И., Ма Д. Воспитание педагогической толерантности в студентов университета: формирование будущих наставников в образовательных учреждениях // Вестник Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына. 2024. № 2(118). С. 12—29.
5. Горбунова Д. В., Казакова У. А., Макарова О. Ю. Становление идеи толерантности в отечественной педагогике // Управление устойчивым развитием. 2023. № 5(48). С. 83—87.
6. Батыралиев А., Ташматова Д. А., Абдуллаева Ж. Д. Сущность процесса воспитания, толерантность и компетентностный подход в обучении // Бюллетень науки и практики. 2022. Т. 8. № 1. С. 225—229. DOI: 10.33619/2414-2948/74/32.
7. Долгова В. И., Кондратьева О. А., Маслова П. М. Исследование взаимосвязи толерантности к неопределенности и копинг-стратегий у студентов факультета психологии // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 6(172). С. 260—291. DOI: 10.25588/6993.2022.48.13.013.
8. Леонтьев Д. А. Личностный потенциал: структура и диагностика. М. : Смысл, 2011. 680 с.
9. Воротников Д. В. Методы формирования межкультурной толерантности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 9-1(84). С. 63—65. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-9-1-63-65.
10. Аверин А. Н., Солодянкина О. В., Соловьев Г. Е. Формирование коммуникативной толерантности у студентов направления подготовки «Социальная работа» // Концепт. 2022. № 11. С. 1—15. DOI: 10.24412/2304-120X-2022-11076.
11. Астахова Н. А., Бондырева С. К., Жук О. Л. Ресурсы диалогового образовательного пространства как основа организации поликультурного образования // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 3. С. 29—49. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-3-29-49.
12. Ма Д. Особенности педагогических условий воспитания толерантности у студентов гуманитарных факультетов // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. 2024. № 5(60). С. 23—28.
13. Коломенская О. Д. Педагогические пути развития толерантности у курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в процессе профессионального обучения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2(60). С. 131—134.
14. Тычинский С. Д. Современные подходы к рассмотрению феномена толерантности // Вестник науки. 2019. № 6(15). Т. 4. С. 105—118.
15. Филиппова О. А. Формирование социально-культурной толерантности: лингвокультурологические аспекты // Современные технологии обучения иностранному языку: теоретические и прикладные вопросы лингвообразования : сб. науч. ст. Кемерово : КузГТУ, 2021. С. 185—191. DOI: 10.26730/language.2021.185-191.

16. Боярчук, Т. Н. Социокультурное конструирование толерантности: механизмы и принципы реализации // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2023. № 2. С. 105—111. DOI: 10.52928/2070-1640-2023-40-2-105-111.
17. Прилуцкий Ф. Р. Формирование антиэкстремистского сознания как технология профилактики политического экстремизма среди молодежи // Наукосфера. 2025. № 3(1). С. 123—129. DOI: 10.5281/zenodo.15039628.
18. Струнина Н. В., Садовов А. А. Формирование межкультурной толерантности молодежи как тенденция развития современного образования // Язык как основа современного межкультурного взаимодействия : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Изд-во ПензГТУ, 2020. С. 384—390.
19. Казаков А. В., Банин В. А., Банина Е. Н. Технология социализации личности студента в поликультурном пространстве вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2018. Вып. 60. Ч. 4. С. 190—193.
20. Голубева О. Ю. Духовно-нравственное развитие личности в социокультурном пространстве средствами психологического тренинга // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4. № 4. С. 58—64.
21. Бутова Л. А., Лунева Д. Ю., Гоас Ю. В. Формирование толерантного отношения к детям с ограниченными возможностями здоровья как одно из условий успешного развития потенциала личности // Тенденции развития образования: педагог, образовательная организация, общество — 2025 : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары : Среда, 2025. С. 361—366.
22. Николаев М. В. Использование возможностей информационных технологий в гражданском воспитании личности // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Т. 13. № 2. С. 78—85. DOI: 10.47370/2078-1024-2021-13-2-78-85.
23. Кресола Н. Ю. Толерантность к неопределенности в структуре личностной составляющей ситуации педагогических затруднений // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2021. № 4(58). С. 117—125. DOI: 10.25146/1995-0861-2021-58-4-309.
24. Исаева Н. И., Мамонтова С. И. Толерантность к неопределенности и креативность: обзор зарубежных корреляционных исследований // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 69-5. С. 102—109. DOI: 10.18411/lj-01-2021-196.
25. Волкова Л. В. Профессионально-личностное саморазвитие : учеб. пособие. М. : РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина, 2022. 150 с.
26. Микляева А. В., Румянцев П. В. Теория социальной идентичности как источник современных практико-ориентированных психологических исследований: зарубежный опыт // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. Т. 6. № 2. С. 110—114.
27. Цыганенко И. С., Галацан Т. А. Влияние детской привязанности на устойчивость психики к стрессовым и травматическим ситуациям // Интеллектуальные ресурсы — региональному развитию : по материалам Всерос. оч. науч.-практ. конф. молодых ученых, преподавателей вузов, специалистов, аспирантов, студентов. Ростов н/Д. : Юж. ун-т (ИУБиП), 2025. № 2. С. 829—836.
28. Скиртач И. А., Похомова В. А. Особенности проявления смысложизненного кризиса у лиц молодого возраста // Национальный психологический журнал. 2024. Т. 19. № 2. С. 11—22. DOI: 10.11621/npj.2024.0201.

REFERENCES

1. Bogatyryova Zh. V., Goenko D. N. On tolerance and its types. *Nauka. Tekhnika. Tekhnologii (politekhnikeskii vestnik) = Science. Engineering. Technology (polytechnical bulletin)*. 2022;2:192—195. (In Russ.)
2. Nal'gieva Kh. L. The idea of tolerance in school and pedagogical thought. *Innovatsionnye protsessy v sovremennoi nauke = Innovative processes in modern science. Proceedings of the International (correspondence) scientific and practical conference*. Neftekamsk, Mir nauki, 2019:458—461. (In Russ.)
3. Shirokova M. A. The role of pedagogical tolerance in the professional culture of the teacher. *Aktual'naya kul'tura = Current Culture*. 2023;1. (In Russ.) URL: <https://journal.asu.ru/cc/article/view/12994>.
4. Wang Y., Ma Ju. Education of pedagogical tolerance among university students: formation of future mentors in educational institutions. *Kyrgyz Negizdoochy Zh. Balasagyn atyndagy Kyrgyz uluttuk universiteti = National University Jusup Balasagyn*. 2024;2(118):12—29. (In Russ.)
5. Gorbunova D. V., Kazakova U. A., Makarova O. Yu. Development of the tolerance idea in Russian pedagogy. *Upravlenie ustoychivym razvitiem = Managing sustainable development*. 2023;5(48):83—87. (In Russ.)
6. Batyraliev A., Tashmatova D., Abdullaeva Zh. Essence of upbringing process and the competence approach in training. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*. 2022;8(1):225—229. (In Russ.) DOI: 10.33619/2414-2948/74/32
7. Dolgova V. I., Kondrat'yeva O. A., Maslova P. M. Study of the relationship between tolerance for uncertainty and coping strategies among students of the faculty of psychology. *Vestnik Yuzhno-Ura'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta = Herald South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin*. 2022;6(172):260—291. (In Russ.) DOI: 10.25588/6993.2022.48.13.013.
8. Leont'ev D. A. Personality potential: structure and diagnostics. Moscow, Smysl, 2011. 680 p. (In Russ.)
9. Vorotnikov D. V. Methods for forming intercultural tolerance. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023;9-1(84):63—65. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2023-9-1-63-65.
10. Averin A. N., Solodyankina O. V., Solovyov G. E. Formation of communicative tolerance among students who major in "Social work". *Kontsept = Concept*. 2022;11:1—15. (In Russ.) DOI: 10.24412/2304-120X-2022-11076.

11. Astashova N. A., Bondyрева S. K., Zhuk O. L. Resources of interactive educational space as a basis for the organisation of multicultural education. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2019;21(3):29—49. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2019-3-29-49.
12. Ma D. Features of pedagogical conditions for fostering tolerance in students of humanities faculties. *Rossiiskaya nauka i obrazovanie segodnya: problemy i perspektivy*. 2024;5(60):23—28. (In Russ.)
13. Kolomenskaya O. D. Pedagogical ways of developing tolerance among cadets of educational organizations of the Ministry of the Interior of Russia in the process of vocational training. *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Kaliningrad branch of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2020;2(60):131—134. (In Russ.)
14. Tychinskii S. D. Modern approaches to considering the phenomenon of tolerance. *Vestnik nauki*. 2019;6(15)-4: 105—118. (In Russ.)
15. Filippova O. A. Formation of social-cultural tolerance: linguo-culturological aspects. *Sovremennye tekhnologii obucheniya inostrannomu yazyku: teoreticheskie i prikladnye voprosy lingvooobrazovaniya = Modern technologies of teaching a foreign language: theoretical and applied issues of linguistic education. Collection of scientific articles*. Kemerovo, Kuzbass State Technical University publ., 2021:185—191. (In Russ.) DOI: 10.26730/language.2021.185-191.
16. Boyarchuk T. Sociocultural construction of tolerance: mechanisms and principles of implementation. *Vestnik Polatskaga dzharzhaynaga yuniversiteta. Seryya E. Pedagogichnyya navuki = Vestnik of Polotsk State University. Part E. Pedagogic Sciences*. 2023;2:105—111. (In Russ.) DOI: 10.52928/2070-1640-2023-40-2-105-111.
17. Prilutskiy F. R. Formation of anti-extremist consciousness as a technology for preventing political extremism among young people. *Naukosfera*. 2025;3-1:123—129. (In Russ.) DOI: 10.5281/zenodo.15039628.
18. Strunina N. V., Sadovov A. A. Fostering intercultural tolerance among youth as a tendency in modern education. *Yazyk kak osnova sovremennogo mezhkul'turnogo vzaimodeistviya = Language as the basis of modern intercultural interaction. Proceedings of the VI International scientific and practical conference*. Penza, Penza State Technological University publ., 2020: 384—390. (In Russ.)
19. Kazakov A. V., Banin V. A., Banina E. N. Technologies of student's socialization in the multicultural environment of the university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2018;60(4):190—193. (In Russ.)
20. Golubeva O. Yu. Spiritual and moral development of the personality in sociocultural space means of the psychological training. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2018;4(4): 58—64. (In Russ.)
21. Butova L. A., Luneva D. Yu., Goas Yu. V. Fostering tolerant attitude towards children with disabilities as one of the conditions for the successful development of personality potential. *Tendentsii razvitiya obrazovaniya: pedagog, obrazovatel'naya organizatsiya, obshchestvo — 2025 = Trends in the development of education: teacher, educational organization, society — 2025. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Cheboksary, Sreda, 2025:361—366. (In Russ.)
22. Nikolaev M. V. Using the potential of information technologies in a personality's civic education. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta = Bulletin of Maikop State Technological University*. 2021;13(2):78—85. (In Russ.) DOI: 10.47370/2078-1024-2021-13-2-78-85.
23. Kresova N. Yu. Tolerance for ambiguity in the structure of the personal component of situations related with pedagogical problems. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev*. 2021;4(58):117—125. (In Russ.) DOI: 10.25146/1995-0861-2021-58-4-309.
24. Isaeva N. I., Mamontova S. I. Tolerance of uncertainty and creativity: a review of foreign correlation studies. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2021;69(5):102—109. (In Russ.) DOI: 10.18411/lj-01-2021-196.
25. Volkova L. V. Professional and personal self-development. Textbook. Moscow, Gubkin Russian State University of Oil and Gas publ., 2022. 150 p. (In Russ.)
26. Miklyaeva A. V., Rumyantseva P. V. Social identity theory as a base for modern practically oriented psychological research: international experience. *Azimut nauchnykh issledovanii: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2017;6(2):110—114. (In Russ.)
27. Tsyganenko I. S., Galatsan T. A. The impact of childhood attachment on psychological resilience to stress and trauma. *Intellektual'nye resursy — regional'nomu razvitiyu = Intellectual resources for regional development. Based on the materials of the All-Russian full-time scientific and practical conference of young scientists, university teachers, specialists, postgraduates and students*. Rostov-on-Don, Southern University (IMBL) publ., 2025;2:829—836. (In Russ.)
28. Skirtach I. A., Pakhomova V. A. Manifestation of Life Meaning Crisis at Youth. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal = National Psychological Journal*. 2024;19(2):11—22. (In Russ.) DOI: 10.11621/npj.2024.0201.

Статья поступила в редакцию 05.01.2026; одобрена после рецензирования 24.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 05.01.2026; approved after reviewing 24.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Научная статья

УДК: 376.5

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1565

Diana Rustamovna Sabirova

Candidate of Pedagogy, Professor,
Dean of Higher School of Foreign Languages
and Translation Studies,
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
dianasab@mail.ru

Farida Finsurovna Shigapova

Senior Lecturer of the Department of Theory
and Practice of Translation,
Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russian Federation
faridash.81@mail.ru

Диана Рустамовна Сабирова

д-р пед. наук, профессор,
декан Высшей школы иностранных языков
и перевода,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
dianasab@mail.ru

Фарида Финсуровна Шигапова

старший преподаватель кафедры теории
и практики перевода,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
faridash.81@mail.ru

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ МЕТОДИКЕ ПОДГОТОВКИ ОДАРЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ К ОЛИМПИАДЕ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (ИЗ ОПЫТА КАЗАНСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА)

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Формирование, воспитание и обучение талантливейшей молодежи, способной стать частью локомотива непростого процесса преобразований, готовой принимать полноценное участие в разработке глобальной интеллектуальной, социокультурной и экономической повестки, является одной из приоритетных задач современного российского общества. В научных исследованиях последних десятилетий постулируется тезис о важности выявления одаренных в области иностранных языков молодых людей, способных включиться в этот процесс.

В статье раскрываются особенности подготовки студентов, обучающихся по направлению «Лингвистика» (профиль «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур») к работе с лингвистически одаренными обучающимися в процессе подготовки к олимпиаде по иностранному языку.

Для достижения цели исследования был применен анализ психолого-педагогических исследований; актуализация, систематизация и обобщение передового опыта профессиональной подготовки студентов по направлению «Лингвистика». Материалами для исследования послужили пакеты олимпиадных кейсов по иностранному языку. Предметная олимпиада

по иностранному языку считается наиболее популярной формой и средством развития лингвистически одаренных обучающихся. Подготовка студентов-лингвистов, обучающихся по профилю «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» и ориентированных на работу с одаренными учащимися, подразумевает актуализацию содержания существующих и внедрение новых дисциплин, пересмотр форм и методов обучения, связанных с повышенными требованиями, предъявляемыми к студентам языковых направлений, готовых к реализации партнерства «школа — вуз».

В статье представлен анализ авторских заданий Межрегиональной предметной олимпиады Казанского федерального университета по английскому языку сезонов 2020 и 2025 гг., разработанных коллективом преподавателей и студентов-лингвистов Высшей школы иностранных языков и перевода Казанского федерального университета.

Ключевые слова: студент-лингвист, обучающиеся, лингвистическая одаренность, интеллектуальные испытания, иностранные языки, олимпиада, профессиональная подготовка, партнерство «школа — вуз», научно-методическое сопровождение, языковая компетенция

Для цитирования: Сабирова Д. Р., Шигапова Ф. Ф. Обучение студентов-лингвистов методике подготовки одаренных школьников к олимпиаде по иностранному языку (из опыта Казанского федерального университета) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 380—385. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1565.

Original article

TRAINING LINGUISTICS STUDENTS TO PREPARE GIFTED PUPILS FOR FOREIGN LANGUAGE OLYMPIADS (THE CASE STUDY OF KAZAN FEDERAL UNIVERSITY)

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. Development, education, and training of young people capable of becoming a part of the complex transformation process and ready to fully participate in shaping the global intellectual, cultural, and economic agenda is a priority of con-

temporary Russian society. Research over recent decades has argued the importance of selecting young people demonstrating strong aptitude for learning foreign languages who can contribute to this process.

The paper elucidates the specifics of preparing students majoring in Linguistics (specialization: Theory and Methods of Teaching Foreign Languages and Cultures) to work with linguistically gifted pupils while training them for a Foreign Language Olympiad.

To achieve the aims of the study the analysis of psychological and pedagogical research was employed, as well as the updating, selection, systematization and synthesis of best practices in professional foreign language training for Linguistics students. The empirical base comprised collections of Olympiad case materials in foreign languages.

The subject-specific Foreign Language Olympiad is the most popular and rapidly expanding form for developing linguistically gifted learners. Professional training of Linguistics students majoring in Theory and Methods of Teaching Foreign Languages and Cultures involves updating

the content of existing courses and curricula together with introducing new courses. Moreover, it is required to revise the formats and teaching methods in order to meet the heightened demands placed on students majoring in language programs who will be working with gifted students within a school-university partnership.

This article presents an analysis of the authors' assignments for the Interregional Subject Olympiad in English organized by Kazan Federal University in 2020 and 2025. The tasks are developed by a team of faculty members and Linguistics students from the Higher School of Foreign Languages and Translation Studies of Kazan Federal University.

Keywords: *Linguistics student, students, linguistic giftedness, intellectual competitions, foreign languages, Olympiad, professional training, school-university partnership, scientific and methodological support, language competence*

For citation: Sabirova D. R., Shigapova F. F. Training linguistics students to prepare gifted pupils for foreign language olympiads (the case study of Kazan Federal University). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):380—385. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1565.

Введение

Актуальность. Развитие одаренности обучающихся в области иностранных языков представляет собой междисциплинарную область исследования, опирающуюся на когнитивную психологию, психолингвистику, теории одаренности и современную методику преподавания иностранных языков. В научной традиции принято рассматривать одаренность в области иностранных языков или лингвистическую одаренность как сочетание врожденных и приобретенных языковых способностей, обеспечивающих высокую скорость усвоения закономерностей функционирования языка (как родного, так и иностранного), чувствительность к речевым формам и их манипуляциям, автоматизированность операций речепроизводства, высокий уровень языковой догадки и т. д.

Изученность проблемы. Большинство исследователей придерживается мнения, что лингвистическая одаренность несет в себе не только знание языка, но и аналитическое мышление, когнитивную гибкость, способность к интерпретации информации, развитие метаязыковое сознание и т. д. Основатель научной школы «Психология одаренности и творчества», профессор А. И. Савенков задает общий вектор научным исследованиям по данной тематике: от истории изучения одаренности, основных современных концепций одаренности до организационно-педагогических основ обучения одаренных детей [1]. Так, вопросу становления одаренности как способности к творчеству посвящено лонгитюдное исследование профессора Д. Б. Богоявленской, С. Л. Артеменкова и Е. С. Жуковой, в котором авторы посредством методики «Креативное поле» совершили попытку выявить способность одаренной личности к развитию деятельности по своей инициативе [2]. В Рабочей концепции одаренности, разработанной по заказу Министерства образования РФ в рамках федеральной целевой программы «Одаренные дети», представлена теоретическая база для многоаспектных исследований вопроса одаренности: определение, виды, признаки, методика выявления и т. д. (https://narfu.ru/school/deti_konchep.pdf). Научные изыскания М. Б. Богус посвящены структурно-функциональному анализу сущности и технологий выявления именно лингвистической одаренности [3]; Е. Ю. Лысых посвятила свои работы проблеме развития познавательных и лингвистических способностей

у студентов неязыковых вузов [4]; Л. А. Абрамова исследует вопросы профориентации участников олимпиад школьников в их дальнейшем образовании [5]; компоненты и признаки языковой одаренности исследуют М. Ю. Агалакова и А. О. Лучинина [6]; вопросам организации работы с лингвистически одаренными детьми в системе электронного образования посвящена статья профессоров В. В. Сальниковой, З. С. Ахматьяновой, Н. С. Белобородовой [7]; базовым профессиональным компетенциям, входящим в состав профессиональной компетентности языкового педагога посвящены исследования П. И. Касаткина, А. П. Гулова, А. А. Коренева [8—10]. О приоритетных направлениях развития языковой политики, задающих вектор деятельности образовательных учреждений, и практической реализации поставленных государством целей в программах подготовки специалистов языкового профиля пишет Р. Р. Ханипова [11]. Профессиональные характеристики учителя иностранного языка (глубокое знание особенностей одаренных детей; условия работы с ними; проявление одаренности; личностные качества учителя, его педагогический стиль; характер общения с родителями и др.), работающего с одаренными детьми, как в условиях основного, так и в условиях дополнительного образования, стали предметом изучения В. Н. Карташовой и Л. Н. Щербатых [12; 13].

Целесообразность разработки темы исследования. В указанном контексте ученые склонны наполнять новым лейтмотивом содержание подготовки специалистов языкового профиля, профессионально-ориентированных на работу с такой группой обучающихся. Описывая характеристики профессиональной компетенции языкового педагога, выраженные в форме компетенций выпускника лингводидактического профиля, профессор П. И. Касаткин, А. П. Гулов, А. А. Коренев выделяют следующие базовые профессиональные компетенции: общепедагогическая, методическая (лингвометодическая), коммуникативная, научно-исследовательская, управленческая, самообразовательная [8]. В представляемом исследовании остановимся на формировании методической (лингвометодической) компетенции студентов-лингвистов, которая рассматривается как основная в процессе непосредственной преподавательской (учебной) деятельности студентов языкового профиля на этапе подготовки школьников к олимпиадам

по английскому языку. Обращение внимания к данному аспекту подготовки студентов-лингвистов обусловлено осмыслением важности обеспечения практико-ориентированного характера обучения языковых педагогов.

Цель исследования — раскрыть особенности обучения студентов-лингвистов (профиль «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур») методике подготовки лингвистически одаренных школьников к олимпиадным испытаниям по английскому языку.

Достижение цели обусловлено решением ряда **задач**:

- систематизировать научные подходы к определению понятия «одаренность», в том числе «лингвистическая одаренность»;
- раскрыть особенности научно-методического сопровождения одаренных обучающихся в области иностранных языков;
- обосновать систему поддержки одаренных обучающихся в партнерстве «школа — вуз».

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к формированию лингвометодической компетенции студентов-лингвистов в процессе подготовки одаренных обучающихся к олимпиадам по иностранному языку. Предпринята попытка систематизировать формы и методы работы с одаренными школьниками с позиции обеспечения целостности их научно-методического сопровождения.

Теоретическая значимость. На основе комплексного и системного подходов разработано научно-методическое сопровождение одаренных в области иностранных языков обучающихся, реализуемое в партнерстве «школа — вуз». Предложенная модель научно-методического сопровождения с акцентом на содержательный блок уточняет теоретико-методологические основы формирования профессиональной компетентности студентов-лингвистов в процессе поддержки, сопровождения и развития лингвистически одаренных обучающихся.

Практическая значимость. Формирование лингвометодической компетенции студентов-лингвистов при работе с лингвистически одаренными обучающимися посредством разработанного научно-методического сопровождения обеспечивает эффективное осуществление педагогической деятельности, способствует повышению качества освоения иностранного языка на продвинутом уровне. Разработанные комплексы олимпиадных заданий и методическое руководство по их применению могут быть использованы в практике учебно-тренировочных программ и курсов для олимпиадников, при проектировании программ подготовки и повышения квалификации языковых педагогов.

Основная часть

Современная методика преподавания иностранных языков выдвигает в качестве локомотива процесса развития одаренности в области иностранного языка у обучающихся как школ, так и высших учебных заведений, подготовку и формирование их готовности к участию в интеллектуальных состязаниях, что становится не только формой преодоления дефицитов учебных умений в школьном и вузовском процессе иноязычного образования, но и обеспечивает гибкость процесса освоения иностранного языка.

Это маркирует новые задачи перед педагогическим сообществом в аспекте расширения партнерства «школа — вуз», развития и совершенствования системы интеллектуальных испытаний в предметных областях. Согласимся

с мнением Р. Р. Ханиповой, что актуализация набора компетенций специалистов языкового профиля, поддержка лучших проектов в условиях коллаборации вузов и школ позволяет создавать передовые центры развития высшего профессионального иноязычного образования [11].

Система подготовки обучающихся к интеллектуальным испытаниям акцентирует необходимость отхода от исключительно репродуктивных форм обучения в пользу развития аналитического, критического и интерпретирующего мышления. Кроме того, вовлечение обучающихся в интеллектуальные состязания по иностранным языкам различных форматов (олимпиады, творческие конкурсы, научно-исследовательские конкурсы, лингвистические турниры и т. д.) открывает неожиданные профориентационные возможности в контексте реализации потенциала обучающегося и формирует личностную образовательную траекторию в области иностранного языка.

Методология исследования. В исследовании использовались **методы**: *теоретические* (контент-анализ, синтез, обобщение научной психолого-педагогической литературы по теме исследования, комплектов олимпиадных заданий по английскому языку, которые были апробированы в течение 2015—2025 гг.); *эмпирические* (кейс-метод, описание, наблюдение). Материалом для исследования послужили комплекты заданий, составленных студентами направления «Лингвистика» профиля «Теория и методика преподавания иностранных языков и культур» по подготовке лингвистически одаренных обучающихся в рамках реализации партнерства «школа — вуз».

В данной статье представлен анализ авторских заданий по английскому языку для олимпиадного сезона 2020 и 2025 гг., разработанных коллективом преподавателей и студентов направления «Лингвистика» Высшей школы иностранных языков и перевода Казанского (Приволжского) федерального университета (далее — КФУ) — активных участников студенческого движения «Олимпиадник» совместно с Республиканским олимпиадным центром при Министерстве образования и науки Республики Татарстан. Разработанная авторами система реализуется профессорско-преподавательским составом и студентами-лингвистами при работе с обучающимися школ, гимназий, лицеев Республики Татарстан. Оговоримся, что большинство студентов сами являются победителями и призерами олимпиад по английскому языку различных уровней (муниципальный, региональный заключительный этапы Всероссийской олимпиады школьников, Межрегиональной предметной олимпиады КФУ по предмету «Иностранный язык», Республиканская олимпиада «Путь к Олимпу» и др.).

Результаты исследования и их обсуждение. Разработанная и внедренная в Республике Татарстан модель научно-методического сопровождения лингвистически одаренных обучающихся в условиях подготовки к олимпиадам по английскому языку, представляет собой комплекс целевого, методологического, содержательного, организационно-технологического и оценочно-результативного блоков [14]. В данной работе остановимся подробнее на реализации содержательного блока.

Мы разделяем точку зрения профессора А. П. Гулова, что призеры и победители олимпиад, работают со школьниками, делятся своим опытом и знаниями. При этом студентам удается знакомить школьников с основами олимпиадной подготовки, что в целом благотворно влияет на развитие образовательной траектории учеников [15].

Научно-методическое сопровождение подготовки студентов-лингвистов к работе с будущими олимпиадниками проводится в несколько этапов:

1. **Теоретический этап.** В рамках образовательной программы студентам предлагаются курсы: «Организация работы с одаренными школьниками», «Технологии подготовки к международным экзаменам», «Психология и диагностика детской одаренности», «Основы современной лингводидактической тестологии». Данный подготовительный этап сопровождается написанием рефератов, курсовых работ, которые студенты выполняют для осмысления и обобщения имеющихся научных изысканий ученых-теоретиков [16].

2. **Технологический этап.** Студентам поручено составление «Портфолио», в котором студенты фиксируют находки, инсайты, проводят самостоятельный анализ собственных олимпиадных ошибок, отмечают прогнозируемые трудности при работе со школьниками, ориентированными на предметную область «Лингвистика». Мы согласны с мнением Л. Н. Щербатых, которая утверждает, что «учитель иностранных языков, работающий с лингвистически одаренными детьми, должен иметь солидную теоретическую лингвистическую базу, включающую знание самого языка и его теории, культуры страны изучаемого языка» [12, с. 35]. Всё это находит отражение в «Портфолио».

3. **Основной этап.** На этой стадии происходит постановка индивидуальных целей студентами, проводятся коллективные разборы работ победителей и призеров, анализируются материалы прошедших олимпиад, олимпиад-пробников (*Past Papers, Mock Olympiad Papers, Pre-Testing Papers*). При использовании такого подхода преподаватель курса либо руководитель студенческого научно-методического кружка ставят цель научить студентов аналитически разбирать реальные олимпиадные задания, формулировать цель задания и критерии оценки. Студенты должны понять лингвометодическую структуру заданий, научиться формулировать подсказки участникам.

4. **Внедренческий этап.** Студентам предлагается разработать кейс на один вид олимпиадной рубрики + ключи + чек-лист тестирования. Обязательное требование: протестировать задание на одnogруппниках, собрать и проанализировать их отзывы. Оцениванию подлежало каждое задание, ориентированное на формирование лингвометодической компетенции. В схожей ситуации симуляции профессиональной педагогической деятельности, в которой один из студентов играл роль учителя или преподавателя (в зависимости от выбранного заранее студентом уровня обучения), а остальные студенты получали заранее типичные роли обучающихся, адаптированные ими для определенного возраста и уровня владения языком, А. А. Корнев полагается на ролевую игру *Microteaching* как один из наиболее действенных приемов [10]. Аналитический отчет об итогах выполнения задания, игры вносится в «Портфолио».

Совершенно очевидно, что олимпиадные задания должны включать задачи на решение не просто нестандартных грамматических и лексических явлений, но и обнаруживать междисциплинарные связи и элементы лингвистического открытия, что, в конечном итоге, становится действенным инструментарием формирования продвинутых языковых компетенций. Построение таких заданий должно основываться на ясности инструкций, соответствии предмету оценивания, иметь адекватный уровень сложности и реле-

вантные подходы к объективному оцениванию. Примером ясных инструкций, не допускающих двойного толкования, могут служить следующие формулировки заданий: «*Write your answer*», «*IN CAPITAL LETTERS*», «*separate answer sheet*», «*1 point for each correct answer*».

Примером задачи на понимание лингвистических конструкций или стилистических приемов является задание на разбор отрывков из текстов классической и современной литературы. Задание на определение и выявление стилистических средств (*alliteration, metonymy, inversion, foregrounding*) было предложено участникам Межрегиональной предметной олимпиады КФУ в 2024/25 учебном году:

Task 1. What stylistic devices are used in the given sentences? The options are given in the box. There are some extra ones that you do not need. Write your answers IN CAPITAL LETTERS on the separate answer sheet. You will earn 1 point for each correct answer. Please, be careful with spelling.

<i>euphemism</i>	<i>metonymy</i>	<i>litotes</i>
<i>personification</i>	<i>antonomasia</i>	<i>onomatopoeia</i>
<i>simile</i>	<i>metaphor</i>	<i>alliteration</i>
<i>oxymoron</i>	<i>allusion</i>	<i>hyperbole</i>

1) *The arrows sizzled and sizzled before hitting their targets.*

2) *The words were leaping off the page.*

3) *Hollywood has been releasing a surprising amount of sci-fi movies lately.*

Задание направлено на проверку знаний по распознаванию базовых стилистических фигур. При выполнении этого задания необходимо критическое мышление, т. к. при наличии лишних вариантов участники должны уметь выбрать нужный стилистический прием из ряда предложенных. В ходе подготовки обучающихся к подобного рода заданиям тренеры олимпиадных курсов, учителя, как правило, выходят за рамки учебника, включают в программу элементы аналитической лингвистики, тексты повышенной сложности — то, что не всегда возможно на рядовом уроке иностранного языка. Приведем пример олимпиадного задания. В части письменного тура *Writing* (написание эссе/рассказа/сказки/притчи и т. д.) участникам было предложено нестандартное задание:

Write a life story of the tree (you may choose any tree that grows in your or any other country). Describe the tree in two different seasons. Describe its life when it was a young sapling. Describe two events that the tree witnessed. Describe the tree when it was about to meet its end. Give a title to your story. Write 180-300 words.

Данная олимпиадная задача отличается нестандартностью, поскольку для ее решения недостаточно шаблонное применение алгоритма написания рассказа, требуется нестандартное мышление, умение применять имеющиеся знания в новой ситуации и находить нетривиальные решения. При этом участники должны продемонстрировать грамотное и уместное употребление грамматических и синтаксических структур в соответствии с коммуникативной задачей. Задание представляет собой сложный конструкт, сочетающий в себе необходимость учета нескольких компонентов предполагаемого рассказа: описание самого дерева (требуется осуществить выбор дерева, прорастающего в той или иной стране, что, в свою очередь, подразумевает знание флоры и фауны территорий; уметь описывать несколько презентаций дерева в сравнении,

т. е. с использованием сравнительных форм прилагательных); описание разных этапов жизни дерева (использование соответствующих грамматических форм; развитие ситуации с описанием дерева в разные времена года; предполагается использование разнообразных грамматических явлений — *Passive Voice, Complex Object, Conditionals, Gerund, Comparatives* и др.); описание значимых событий в жизни дерева (период, когда оно было росточком, деревцем и взрослым деревом). Это задание несет явный экзистенциальный смысл, т. к. раскрытие происходит из глубоко рефлексивной философской позиции — формирование дерева как индивида происходит через определение своего собственного, конкретного человеческого бытия. Оценка поступков дерева предлагалась участниками — авторами лучших работ с точки зрения осознания ответственности за свои действия, которое может нести человек, а в нашем случае — дерево. Принципы построения олимпиадных заданий обеспечивают комплексную проверку ключевых языковых компетенций. Использование аутентичных материалов, сложных и нетривиальных заданий стимулирует развитие критического мышления и лексико-грамматической осведомленности участников.

Одной из форм организации системы научно-методического сопровождения лингвистически одаренных обучающихся в процессе подготовки к олимпиадным испытаниям в области иностранных языков являются учебно-тренировочные сборы, проводимые на базе школ, олимпиадных центров, ресурсных центров по работе с одаренными обучающимися, органов образования и т. д. Ресурсы системы дополнительного образования позволяют подробно работать над сложными заданиями, например: разбирать текст по уровням сложности, предлагая собственные, авторские варианты трактовки; анализировать речь героев, прогнози-

руя их дальнейшее речевое поведение, развитие; вести подготовку к нестандартным олимпиадным заданиям; решать лингвистические задачи, широко используя когнитивные методы «вживания» и «придумывания» ситуации, создание «новых» на основе «проигранных» сценариев; проводить интегрированные занятия по иностранному языку, направленные на формирование языковых умений и навыков и т. д. [13; 14].

Заключение

Одаренность обучающихся в области иностранных языков становится серьезным конкурентным ресурсом личности. Современные образовательные системы находятся в поиске одаренных обучающихся, чье высокое интеллектуальное развитие станет не только личностным багажом, но и обеспечит конкурентоспособность в условиях новых общественно-экономических вызовов.

Интеллектуальные испытания по иностранным языкам с их нестандартными заданиями превращают изучение и совершенствование иностранного языка в процесс постоянного интеллектуального творчества. Научно-методическое сопровождение системы развития лингвистической одаренности школьников при участии студентов языкового профиля подготовки играет важную роль в формировании их профессиональной компетенции, с одной стороны (они выступают в роли наставников, помощников тренера, тренера-стажера, передавая свой собственный опыт участника олимпиад, тем самым обеспечивая лингвометодическое сопровождение), и формировании устойчивой мотивации школьников к наращиванию своего лингвистического потенциала, с другой, т. к. личный пример студентов оказывается «реальным» провайдером, обладающим эвристическим потенциалом для современного школьника.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савенков А. И. Развитие детской одаренности в условиях образования : дис. ... д-ра психол. наук. М., 2002. 345 с.
2. Богоявленская Д. Б., Артеменков С. Л., Жукова Е. С. Лонгитюдное исследование становления одаренности // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 3. С. 122—137. DOI: 10.17759/exppsy.2021140309.
3. Богус М. Б. Лингвистическая одаренность: структурно-функциональный анализ сущности и технологий выявления // Современные наукоемкие технологии. 2023. № 11. С. 93—97. DOI: 10.17513/snt.39826.
4. Лысых Е. Ю. Развитие познавательных и лингвистических способностей у студентов неязыкового вуза : дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2002. 179 с.
5. Абрамова Л. А. Повышение роли профориентации участников олимпиад школьников в их дальнейшем образовании и профессиональном самоопределении // Высшее образование сегодня. 2019. № 10. С. 47—51. DOI: 10.25586/RNU.NET.19.10.P.47.
6. Агалакова М. Ю., Лучинина А. О. Языковая одаренность как разновидность специальной одаренности учащихся // Концепт. 2017. Т. 29. С. 290—296. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770864.htm> (дата обращения: 19.01.2026).
7. Белобородова Н. С., Сальникова В. В., Ахматьянова З. С. Организация работы с лингвистически одаренными детьми в системе электронного образования: экспериментальное исследование // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2018. № 1. С. 18—28. DOI: 10.25588/CSPU.2018.01.02.
8. Корнев А. А., Гулов А. П., Касаткин П. И. Представление основных видов профессиональной деятельности языкового педагога в компетенциях выпускников лингводидактических профилей подготовки // Концепт. 2025. № 5. С. 71—91. DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11081.
9. Гулов А. П. Универсальные компетенции как основа успешного участия во Всероссийской олимпиаде школьников по английскому языку // Научное мнение. 2022. № 3. С. 87—95. DOI: 10.25807/22224378_2022_3_87.
10. Корнев А. А. Стратегический подход к профессионально-коммуникативной подготовке студентов лингводидактических профилей // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2025. Т. 23. № 4. С. 114—136.
11. Ханипова Р. Р., Сабирова Д. Р. История развития высшего профессионального языкового образования в России // Педагогическое образование. 2022. Т. 3. № 12. С. 135—140.
12. Щербатых Л. Н. Профессиограмма учителя иностранных языков, работающего с лингвистически одаренными детьми // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 3: Педагогика. Психология. Образовательные ресурсы и технологии. 2012. № 1. С. 32—35.

13. Карташова В. Н., Щербатых Л. Н. Педагогические условия работы с лингвистически одаренными школьниками в системе дополнительного иноязычного образования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Педагогика и психология. 2017. Т. 14. № 1. С. 99—109. DOI: 10.22363/2313-1683-2017-14-1-99-109.

14. Шигапова Ф. Ф. Методическое сопровождение лингвистически одаренных обучающихся в условиях внеурочной деятельности // Казанский лингвистический журнал. 2025. Т. 8. № 4. С. 491—499.

15. Гулов А. П. Модель подготовки к предметным олимпиадам в городе Москве // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки. 2022. № 49(68). С. 16—29.

16. Шигапова Ф. Ф. Опыт конструирования олимпиадных заданий по английскому языку (на материале межрегиональной олимпиады КФУ) // Казанская наука. 2025. № 11. С. 203—206.

REFERENCES

1. Savenkov A. I. Development of children's giftedness in the educational context. Diss. of the Doct. of Psychology. Moscow, 2002. 345 p. (In Russ.)

2. Bogoyavlenskaya D. B., Artemenkov S. L., Joukova E. S. Longitudinal Study on the Development of Giftedness. *Eksperimental'naya psikhologiya = Experimental Psychology (Russia)*. 2021;14(3):122—137. (In Russ.) DOI: 10.17759/exppsy.2021140309.

3. Bogus M. B. Linguistic giftedness: structural and functional analysis of the essence and technologies of identification. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2023;11:93—97. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.39826.

4. Lysykh E. Yu. Development of cognitive and linguistic abilities in students of non-linguistic higher education institutions. Diss. of the Cand. of Psychology. Stavropol, 2002. 179 p. (In Russ.)

5. Abramova L. A. Enhancing the role of career guidance for contestants of school olympiads in their tertiary education and professional self-determination. *Vyshee obrazovanie segodnya = Higher Education Today*. 2019;10:47—51. (In Russ.)

6. Agalakova M. Yu., Luchina A. O. Linguistic giftedness as a type of special talent of students. *Kontsept = Concept*. 2017;29:290—296. (In Russ.). URL: <http://e-koncept.ru/2017/770864.htm> (accessed: 19.01.2026).

7. Beloborodova N. S., Salnikova V. V., Akhmatjanova Z. S. Organization of work with linguistically gifted children in the system of e-learning: experimental study. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Herald of Chelyabinsk State Pedagogical University*. 2018;1:18—27. (In Russ.) DOI: 10.25588/CSPU.2018.01.02.

8. Korenev A. A., Gulov A. P., Kasatkin P. I. Representation of the main professional activities of a language teacher within the competences of graduates from language teacher education programs. *Kontsept = Concept*. 2025;5:71—91. (In Russ.) DOI: 10.24412/2304-120X-2025-11081.

9. Gulov A. P. Universal competencies as a basis for successful participation in the All-Russian olympiad of schoolchildren in English. *Nauchnoe mnenie*. 2022;3:87—95. (In Russ.) DOI: 10.25807/22224378_2022_3_87.

10. Korenev A. A. Strategic approach to professional and communicative training of language teachers. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2025;23(4): 114—136. (In Russ.)

11. Khanipova R. R., Sabirova D. R. The history of higher language education development in Russia. *Pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogical Education*. 2022;3(12):135—140. (In Russ.)

12. Shcherbatykh L. N. Professiogram of the teacher of foreign languages working with linguistically exceptional children. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. Seriya 3: Pedagogika. Psikhologiya. Obrazovatel'nye resursy i tekhnologii = Moscow Witte University Bulletin. Series 3: Pedagogics. Psychology. Educational resources and technologies*. 2012;1:32—35. (In Russ.)

13. Kartashova V. N., Shcherbatykh L. N. Pedagogical conditions of working with linguistically gifted school students in the system of additional foreign language education. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Pedagogika i psikhologiya = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2017;14(1):99—109. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-1683-2017-14-1-99-109.

14. Shigapova F. F. Linguistically Gifted: Methodological Guidance in Extracurricular Activities. *Kazanskii lingvisticheskii zhurnal = Kazan Linguistic Journal*. 2025;8(4):491—499. (In Russ.)

15. Gulov A. P. Model of preparation for subject olympiads in the City of Moscow. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaya Grigor'evicha Stoletovykh. Seriya: Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki = Bulletin of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs. Series: Pedagogical and Psychological Sciences*. 2022;49(68):16—29. (In Russ.)

16. Shigapova F. F. On designing English language olympiad tests (based on the KFU interregional olympiad). *Kazanskaya nauka = Kazan Science*. 2025;11:203—206. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 29.01.2026; одобрена после рецензирования 11.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 29.01.2026; approved after reviewing 11.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья
УДК.796.8
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1497

Galina Vladimirovna Safonova

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Physical Culture
and Sports,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
safonova.gv@dvfu.ru

Olga Viktorovna Shakirova

Doctor of Medicine,
Professor of the Department of Physical Culture and Sports,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
shakirova.ov@dvfu.ru

Tatyana Viktorovna Stebliy

Candidate of Pedagogy
Associate Professor of the Department of Physical Culture
and Sports,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
stebliy.tv@dvfu.ru

Aleksander Petrovich Palchenko

Associate Professor of the Department of Physical Culture
and Sports,
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
palchenko.ap@dvfu.ru

Галина Владимировна Сафонова

канд. пед. наук,
доцент Департамента физической культуры
и спорта,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация
safonova.gv@dvfu.ru

Ольга Викторовна Шакирова

д-р мед. наук,
профессор Департамента физической культуры и спорта,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация
shakirova.ov@dvfu.ru

Татьяна Викторовна Стеблій

канд. пед. наук,
доцент Департамента физической культуры
и спорта,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация
stebliy.tv@dvfu.ru

Александр Петрович Пальченко

доцент Департамента физической культуры
и спорта,
Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Российская Федерация
palchenko.ap@dvfu.ru

СОСТОЯНИЕ РАЗВИТИЯ ЛЕГКОЙ АТЛЕТИКИ В РОССИИ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ПОПУЛЯРИЗАЦИИ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Легкая атлетика по праву занимает значительную часть школьной программы по физическому воспитанию, поскольку имеет универсальные характеристики, ведь бег, прыжки, метания и спортивная ходьба являются основными двигательными функциями человека. Любой стране важно развивать легкую атлетику для получения высокого места сборной в общекомандном зачете и поддержания спортивного статуса страны на мировой арене. К сожалению, в России легкая атлетика уступает в развитии и популярности другим спортивным державам из-за неэффективных механизмов продвижения и популяризации. Предполагается, что путем усовершенствования этих механизмов, в т. ч. с заимствованием зарубежного опыта, можно заметно улучшить состояние развития легкой атлетики в России. В ходе исследования были проанализированы механизмы развития и популяризации легкой атлетики в России, изучены причины упадка интереса к этому виду спорта и факторы, влияющие на развитие и рост популярности спорта, проведен поиск новых путей

развития легкой атлетики среди широкой аудитории. Авторами были проанализированы документы Всероссийской федерации легкой атлетики, содержащие актуальную информацию о количестве спортивных сооружений, общем числе занимающихся и тренеров, а также проведенное анкетирование высококвалифицированных отечественных специалистов в сфере легкой атлетики. В результате исследования были выявлены проблемы, препятствующие развитию легкоатлетического спорта в России, предложены способы и рекомендации для решения данных проблем. На основе проведенного исследования авторами были предложены направления улучшения развития и популяризации легкой атлетики в Российской Федерации, носящие рекомендательный характер.

Ключевые слова: легкая атлетика, механизмы популяризации, механизмы развития, Всероссийская федерация легкой атлетики, имиджевые потери, спортивный статус, допинговый кризис, спонсорство, мировая модель, спортивная инфраструктура

Для цитирования: Сафонова Г. В., Шакирова О. В., Стеблій Т. В., Пальченко А. П. Состояние развития легкой атлетики в России и механизмы ее популяризации // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 386—393. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1497.

Original article

THE STATE OF DEVELOPMENT OF ATHLETICS IN RUSSIA
AND MECHANISMS FOR ITS POPULARIZATION

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. *Athletics rightfully occupies a significant part of the school's physical education program, since it has universal characteristics, because running, jumping, throwing and race walking are the main motor functions of a person. It is important for any country to develop athletics to gain a high place for the national team in sport events and maintain the country's sporting status in the global arena. Unfortunately, in Russia, athletics is inferior in development and popularity to other sports powers due to ineffective promotion and popularization mechanisms. It is assumed that by improving these mechanisms, including with the borrowing of foreign experience, it is possible to significantly improve the state of development of athletics in Russia. In the study, the mechanisms for the development and popularization of athletics in Russia are analyzed, the reasons for the decline in interest in this sport and factors affecting the development and growth*

of the popularity of sports are studied, and new ways of developing athletics among a wide audience are searched. The authors analyzed the documents of the All-Russian Athletics Federation, containing up-to-date information on the number of sports facilities, the total number of students and coaches, and also conducted a survey of highly qualified domestic specialists in the field of athletics. As a result, the problems that impede the development of athletics in Russia are identified; methods and recommendations are proposed to solve these problems. Based on the study, the authors propose areas for improving the development and popularization of athletics in the Russian Federation, which are advisory in nature.

Keywords: *athletics, popularization mechanisms, development mechanisms, All-Russian Athletics Federation, image losses, sports status, doping crisis, sponsorship, world model, sports infrastructure*

For citation: Safonova G. V., Shakirova O. V., Steblyi T. V., Palchenko A. P. The state of development of athletics in Russia and mechanisms for its popularization. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):386—393. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1497.

Введение

Актуальность. Российская легкая атлетика переживает сложный период, характеризующийся снижением результатов спортсменов, проблемами с допингом и международными санкциями. Этот кризис затрагивает многие аспекты спорта, включая подготовку молодых талантов, финансирование, инфраструктуру и отношение общественности [1; 2]. Одной из главных причин кризиса является проблема допинга. Скандалы, связанные с употреблением запрещенных веществ, привели к отстранению многих российских спортсменов от участия в крупных международных соревнованиях. Это негативно сказалось на мотивации и уверенности спортсменов, а также снизило интерес зрителей к соревнованиям. Финансирование легкой атлетики в России остается недостаточным.

Государственные субсидии часто распределяются неравномерно, а частные инвестиции ограничены. Отсутствие стабильного финансирования затрудняет развитие инфраструктуры, проведение соревнований и привлечение талантливых тренеров. Подготовка тренерских кадров также оставляет желать лучшего. Многие тренеры используют устаревшие методики тренировок, что снижает эффективность подготовки спортсменов. Отсутствие современных методик и технологий препятствует достижению высоких результатов [3; 4].

Еще одной проблемой является отток талантливых спортсменов за границу. Статусные и перспективные спортсмены уезжают в другие страны, где условия для тренировок и карьерного роста лучше. Это создает дефицит квалифицированных кадров внутри страны и ухудшает общий уровень конкуренции. Кризис легкой атлетики имеет серьезные последствия для российского спорта. Во-первых, снижается престиж страны на международной арене. Российские спортсмены теряют доверие болельщиков и спонсоров. Во-вторых, падает мотивация молодежи заниматься спортом. Молодые таланты видят, что путь к успеху в легкой атлетике труден и полон препятствий, что приводит к снижению интереса к этому виду спорта [5—7].

Изученность проблемы. Кризис легкой атлетики в России требует немедленных действий. Только совместными усилиями государства, спортивных организаций и общественности можно преодолеть этот кризис и вернуть российскому спорту прежнюю славу и уважение. Легкая атлетика является самым массовым видом спорта, поэтому на различных турнирах, в т. ч. олимпиадах и чемпионатах мира, в этом спорте разыгрывается наибольшее число комплектов наград. Существенная роль в этом принадлежит государству, обеспечивающему бесплатный доступ для занятий детям в системе спортивных школ, а также присутствие легкой атлетики в образовательных программах общеобразовательных школ, средних профессиональных и высших учебных заведений России. Легкоатлетические упражнения являются фундаментальными в совершенствовании физических качеств в любом виде спорта [8; 9]. Эти факторы, наряду с демократичной стоимостью занятий, являются основными причинами популярности легкой атлетики в России, особенно среди детей и молодежи.

К сожалению, в России развитие легкой атлетики заметно уступает лидирующим мировым державам из-за различных внутренних и международных факторов. При этом к международным факторам можно отнести отстранение Всероссийской федерации легкой атлетики (далее — ВФЛА) в 2015 г. от членства в Международной ассоциации легкоатлетических федераций, вследствие чего российские спортсмены не могут представлять страну на международной арене под своим флагом, а к внутренним факторам — слабую мотивацию молодого поколения заниматься этим видом спорта из-за отсутствия дальнейших спортивных перспектив, проблем с инфраструктурой и ежегодно снижающейся численности занимающихся [10—12].

В СССР зрители очень любили легкую атлетику, на соревнованиях различного уровня не было свободных мест на трибунах. Сегодня даже на главных стартах сезона большинством болельщиков являются тренеры, спортсмены,

их родственники и знакомые, специально приехавшие на эти соревнования. Механизмы популяризации легкой атлетики в России устарели либо отсутствуют вовсе, поэтому представляется целесообразным изучить мировые модели продвижения и популяризации спорта и, по возможности, адаптировать их к российским реалиям [13–15]. По мнению главы ВФЛА Петра Фрадкова, озвученном 7 января 2025 г.: «В приоритете остается наше возвращение на международную арену. Это важно для всех нас, это большая мотивация, это, соответственно, понимание нашими спортсменами своих возможностей» (<https://tass.ru/sport/22832711>). При этом он считает, что легкая атлетика должна преобразиться как внешне, так и внутренне, она должна отвечать запросам сегодняшнего дня и, в первую очередь, быть интересной для детей.

Научная новизна заключается в исследовании механизмов развития и популяризации легкой атлетики в России. В частности, анализируются причины упадка интереса к этому виду спорта и факторы, влияющие на развитие и рост популярности спорта в России, а также поиск новых путей развития легкой атлетики среди широкой аудитории. В результате исследования выявлены проблемы, препятствующие развитию легкоатлетического спорта в России, а также предложены способы и рекомендации для решения данных проблем, что является важным вкладом в решение проблемы развития спортивной инфраструктуры России.

Целью исследования стала оценка состояния развития российской легкой атлетики, разработка рекомендаций по его улучшению, а также изучение мировых моделей продвижения и популяризации спорта и попытка их адаптации для развития легкой атлетики в России. Цель определила необходимость решения следующих **задач**:

1. Провести анализ научно-методической литературы о современном состоянии развития и популяризации легкой атлетики в России.

2. Оценить состояние продвижения и популяризации легкоатлетического спорта в России, а также определить основные механизмы их совершенствования.

3. Разработать рекомендации для усовершенствования продвижения и популяризации легкой атлетики в России.

Теоретическая значимость работы заключается в выявлении механизмов продвижения и популяризации легкой атлетики и обосновании их актуальности для развития данного вида спорта в целом.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью их применения для совершенствования действующей модели развития и популяризации легкоатлетического спорта в стране путем улучшения следующих показателей:

- вовлеченность в спорт;
- финансирование;
- реконструкции спортивных объектов легкой атлетики;
- трансляция легкоатлетических мероприятий;
- модели популяризации.

Основная часть

Методология исследования. На основе проведенного анализа научно-методической литературы нами были определены основные проблемы, решение которых будет способствовать развитию и популяризации российской легкой атлетики:

- 1) выход из допингового кризиса;
- 2) восстановление ВФЛА;
- 3) привлечение спонсоров;
- 4) регулярное освещение спортивных мероприятий по легкой атлетике в средствах массовой информации;
- 5) создание необходимой инфраструктуры в различных городах России.

Стоит отметить, что первый и второй пункты связаны друг с другом, поскольку ВФЛА была отстранена из-за допингового скандала. Российское антидопинговое агентство (РУСАДА) функционирует в режиме санкций с ноября 2015 г., когда Всемирное антидопинговое агентство (*WADA*) лишило организацию статуса соответствия из-за многочисленных допинговых нарушений. При этом российское агентство продолжает выплачивать ежегодные взносы в *WADA* с надеждой на дальнейшее восстановление, которое представляется проблематичным, в т. ч. по политическим причинам. Несмотря на то, что 23 марта 2023 г. ВФЛА была восстановлена, российским атлетам по-прежнему запрещено выступать на главных международных стартах. Учитывая сложную ситуацию, основными целями ВФЛА, на наш взгляд, должны являться:

- воспитание нулевой терпимости к допингу путем формирования отрицательного отношения к нарушению антидопинговых правил и антидопинговому законодательству;
- снижение количества нарушений антидопинговых правил;
- восстановление доверия к российской легкой атлетике на международном уровне.

Для получения данных о количестве спонсоров, нами были изучены крупнейшие легкоатлетические соревнования, проводимые в стране за период с 2010 по 2023 г. (табл. 1).

Таблица 1

Количество постоянных спонсоров ВФЛА

Год	Количество	Основные спонсоры
2010	14	<i>Nike, Coca-Cola, Mondo, Asics</i> , Магnum, Газпром
2011	15	<i>Nike, Coca-Cola, Mondo</i> , Магnum, Мерафон, <i>Mizuno</i>
2012	14	<i>Nike, Coca-Cola, Mondo</i> , Магnum, <i>Mizuno</i>
2013	14	<i>Nike, Mondo</i> , Магnum, <i>Mizuno</i>
2014	12	<i>Nike</i> , ЕВРОИнвест, Polyton, <i>Fifa, RM</i>
2015	9	<i>Nike</i> , ЮТВ, «Эластомер», <i>STRIDE</i>
2016	8	<i>Nike</i> , «Акконд», «Голицын», ЮТВ
2017	7	<i>Nike, Vi Terra, UBS</i> , «Эластомер», «Русское радио»
2018	8	<i>Nike</i> , Роснефть, Россетти, Р-спорт, МАТЧ
2019	7	<i>Nike</i> , «Чемпионат», МАТЧ, ТАСС, ОАО «РЖД»
2020	5	ОАО «РЖД», «Чемпионат», Министерство спорта Российской Федерации
2021	6	ОАО «РЖД», <i>TASSAY, EAT and TRAIN</i>
2022	5	Промсвязьбанк, ОАО «РЖД», АНО «Московский спорт»
2023	5	Промсвязьбанк, ОАО «РЖД», АНО «Московский спорт»

Представленная в табл. 1 информация была получена по данным официального сайта ВФЛА (<https://rusathletics.info/>), а также при просмотре трансляций соревнований, где реклама спонсоров находилась на плакатах и белых тендерах внутри стадионов и манежей. Стоит отметить, что уменьшение количества спонсоров произошло в 2014—2015 гг., когда из нашей страны ушли почти все иностранные компании. На это же время приходится допинговый скандал. В настоящее время основными постоянными спонсорами российской легкой атлетики являются ОАО «РЖД», Министерство спорта РФ, АНО «Московский спорт» и Промсвязьбанк, т. е. партнеров крайне мало для такой крупной спортивной федерации.

Для получения информации об уровне вовлеченности зрителей в интернет-трансляции был проведен анализ просмотров главных российских легкоатлетических стартов — зимнего и летнего чемпионатов страны — на сайтах сети «Интернет» (табл. 2). По причине того, что проведение чемпионата страны ежегодно занимает различное количество дней, нами был выбран для проведения анализа самый просматриваемый день соревнований.

Таблица 2

Наибольшее количество просмотров зимнего и летнего чемпионатов страны по легкой атлетике, тыс.

Год	Количество просмотров	
	Зима	Лето
2017	22	11
2018	25	18
2019	28	18
2020	31	37
2021	29	38
2022	38	42

С 2017 по 2022 г. наблюдался значительный рост просмотров трансляций главных стартов страны, особенно это заметно в 2020 г., возможно, причиной стала пандемия, когда большое количество человек находились дома и имели больше свободного времени, чем обычно. Таким образом, ежегодное увеличение ВФЛА бюджета на интернет-трансляции стало достаточно успешным инструментом популяризации. Предполагается, что после внедрения и транслирования на главных спортивных каналах страны таких крупных мероприятий, как «Неделя легкой атлетики» и финал серии «Королева спорта», количество заинтересованных зрителей увеличится.

Нами были проанализированы документы ВФЛА, размещенные на официальном сайте организации и содержащие актуальную информацию о количестве спортивных сооружений, общем числе занимающихся и тренеров. Выяснилось, что в настоящее время в России насчитывается примерно 1 500 учреждений, осуществляющих спортивную подготовку по легкой атлетике, 97 329 занимающихся и 7 400 тренеров, в числе которых 317 заслуженных. Таким образом, около 7,0 % спортивных учреждений России развивают легкую атлетику, а количество спортсменов и тренеров составляет примерно 9,0 % от общего числа, т. е. каждый одиннадцатый спортсмен в России — легкоатлет, каждый десятый тренер — по легкой атлетике. Статистические данные свидетельствуют, что в России имеется более 400 легкоатлетических стадионов и более 120 манежей. К сожалению, спортивные сооружения распределены неравномерно, и большинство их сконцентрированы в крупных городах.

Для проведения официальных международных соревнований в России имеются всего несколько стадионов, отвечающих соответствующим требованиям: в Жуковском Московской области, Екатеринбурге, Москве, Казани и Чебоксарах. Многие стадионы нестандартных размеров, морально устарели, не имеют оборудования, трибун, требуют капитального ремонта и проблематичны даже для проведения тренировочного процесса. Легкоатлетические манежи, так же как и стадионы, расположены в крупных городах. Это стандартный манеж ЦСКА в Москве, где в последние годы проводятся чемпионаты России в помещении и турнир «Русская зима», а также три 400-метровых манежа — в Казани, Саранске и Йошкар-Оле. По статистике, в России один манеж приходится на 12 организаций, занимающихся подготовкой легкоатлетов. Этого явно недостаточно, поскольку на большей территории России в течение 8—9 месяцев стоит холодная погода и лежит снег. Практически отсутствуют поля для длинных метаний стандартных размеров.

На наш взгляд, легкоатлетические манежи должны быть построены там, где мало других спортивных и культурных объектов, но достаточно большая плотность населения. В каждом городе, население которого составляет более одного миллиона жителей, должен иметься стандартный сертифицированный легкоатлетический стадион. Целесообразным представляется проведение конкурса среди территорий, который поможет определить, где нужнее всего спортивные объекты. На первом этапе возможны реконструкция и модернизация уже имеющихся в России стадионов, насыщение их легкоатлетическим оборудованием, но в перспективе следует задуматься о строительстве легкоатлетических комплексов, включающих стандартные стадион и манеж, поле для длинных метаний, залы силовой подготовки и фитнеса, восстановительный комплекс, блок питания и гостиницу либо комнаты отдыха для спортсменов и тренеров.

Для получения наглядной картины того, каким специалисты видят развитие легкой атлетики в России, было проведено анкетирование, в котором приняли участие 179 чел. из разных регионов России, 12,9 % из них были тренеры, а остальные 87,1 % — спортсмены. При этом 35,0 % опрошенных имели звание мастера спорта России, 39,0 % — кандидата в мастера спорта, 23,0 % — 1-й взрослый разряд.

Респондентам было необходимо оценить условия тренировочного процесса по пятибалльной шкале в зимнее и летнее время года. Половина опрошиваемых поставили оценку «неудовлетворительно» для зимнего периода (средняя оценка 2,5 балла), что подтверждает недостаток хороших манежей. В некоторых городах спортсмены тренируются в длинных коридорах спорткомплексов с резиновым покрытием или в спортзалах. Что касается летнего графика, то в целом отзывы об условиях тренировок были удовлетворительными, средняя оценка составила 3,3 балла. В городах России стадионы с покрытием из резины есть в каждом городе, население которого больше 50 тыс. чел., но качество дорожки оставляет желать лучшего. Так, средний балл оценки качества дорожки в манеже составил 2,7 баллов, качества покрытия на стадионе — 2,4. Наличие и качество спортивного инвентаря, необходимого для тренировочного процесса, оценивались в среднем на 3,3 балла. Кадровая обеспеченность тренировочного процесса была в среднем оценена на 3,7 балла, и проблемы, связанные с отсутствием тренеров, отметили лишь 12,9 % опрошенных, скорее всего, жители

небольших городов. Нас интересовало, считают ли родители легкоатлетический спорт перспективным для своих детей. Как утверждают 80,0 % опрошенных, в спортивные группы активно приходят дети в возрасте до 12—13 лет.

Важными для привлечения зрителей являются формат и зрелищность проведения соревнований, а также наличие трансляций. Выяснилось, что, в среднем, расписание и формат соревнований всероссийского уровня, опрошенные оценивают на 3,7 баллов, а количество недовольных форматом не превышает 6,5 %. При этом две трети опрошенных (67,7 %) утверждали, что вовлечены в просмотр соревнований вне зависимости от того, кто на них выступает. Опрошенные выдвинули следующие предложения по трансформации трансляций спортивных соревнований:

- замена телеведущих, комментирующих телетрансляции на протяжении более 20 лет;
- уделение большего внимания техническим видам легкой атлетики, а не только беговым;
- занятие всего программного времени показами выступлений спортсменов без длительных пауз;
- добавление музыкального сопровождения.

Кризис последних лет, связанный с временным отстранением ВФЛА от членства в *World Athletics*, сопутствующие ему имиджевые потери российского спорта, вообще, и легкой атлетики в частности оказали негативное влияние на популярность данного вида спорта, подтверждением чему стало ежегодное уменьшение количества занимающихся (табл. 3).

Таблица 3

Динамика квалификационного уровня занимающихся в период с 2016 по 2022 г., чел.

Год	Всего	Квалификационный уровень			
		Кандидат в мастера спорта	Мастер спорта	Мастер спорта международного класса	Заслуженный мастер спорта
2016	104 526	932	198	39	5
2017	102 381	935	128	24	4
2018	99 500	1 102	168	25	0
2019	100 787	969	114	9	0
2020	97 589	957	88	11	0
2021	98 673	1 318	193	20	0
2022	97 329	1 189	118	27	0

Отсутствие международных стартов привело к тому, что звание заслуженного мастера спорта не присваивалось с 2017 г. Кроме того, по причине пандемии результаты спортсменов значительно снизились, что подтверждается числом полученных званий мастера спорта и мастера спорта международного класса.

С каждым годом растет конкуренция между различными видами спорта за человеческие и материальные ресурсы. При этом развитие современных цифровых технологий предоставляет множество возможностей для развития и популяризации легкой атлетики. В данной сфере ведется деятельность по следующим направлениям:

1. *Интернет-трансляции соревнований.* Так, в 2021 г. ВФЛА были организованы пять интернет-трансляций крупных спортивных соревнований по легкой атлетике: «Русская зима», первенство России среди юниоров до 23 лет, зимний и летний чемпионаты России, чемпионат России по марафону. В общей сумме трансляции набрали более 643 000 просмотров.

2. *Освещение работы ВФЛА, региональных федераций, спортивных мероприятий, тренировочных и иных активностей сборных команд России по легкой атлетике на официальном сайте федерации и на страницах социальных сетей* («ВКонтакте», *Rutube*). Официальный сайт ВФЛА освещает все значимые легкоатлетические события, происходящие в России и за рубежом, при этом большое внимание уделяется антидопинговой культуре. На сайте есть специальные разделы «Горячая линия», «Сообщения о допинге» и «Проверь лекарство». Популярностью пользуются рубрики «Новости региона», «Молодым везде у нас дорога» и «Дневники межсезонки». В период подготовки к отчетно-выборным конференциям в открытый доступ выкладываются программы и анкеты кандидатов на выборные должности. В официальных группах в социальных сетях открыты видеорубрики «60 секунд со звездой» и «Вопросы по антидопингу», в сторис выкладываются фото и видео соревнований, поздравления спортсменов и тренеров.

3. *Взаимодействие с рабочей группой, занимающейся разработкой и запуском Единой информационно-аналитической системы ВФЛА.* Система предназначена для обеспечения электронного и автоматизации бумажного документооборота спортивных федераций различного уровня, спортивных школ и клубов, спортивных отделов муниципальных управлений, региональных министерств, центров спортивной подготовки и т. п. Соответственно, данные, внесенные одним пользователем, могут быть использованы всеми имеющими к ним доступ в соответствии со своими правами в системе.

Модели развития и популяризации профессионального спорта в разных странах довольно сильно отличаются между собой. В качестве основных моделей возьмем американскую и европейскую и сравним их с российской по следующим основным параметрам:

- принцип проведения соревнований;
- менеджмент;
- правовые основы;
- отношение государства;
- особенности финансирования;
- формы владения профессиональными командами;
- система отбора спортсменов для профессионального спорта;
- степень интернационализации спорта.

Помимо них, есть второстепенные параметры:

- посещаемость соревнований;
- социальная защищенность спортсменов;
- роль и место телевидения в поддержке спорта;
- место профессионального спорта в системе общественных ценностей, классификации спортсменов и размере их вознаграждения.

Однако эти параметры менее важны и их довольно сложно сравнивать, поскольку в открытых источниках — на сайтах *World Athletics* (<https://www.worldathletics.org/>) и *European Athletics* (<https://www.european-athletics.com/>) — недостаточно информации.

Финансирование профессиональных клубов, как в США, так и в Европе, осуществляется в основном за счет доходов, получаемых непосредственно от спортивной деятельности. При этом европейские клубы в финансовом плане в большей степени зависят от государственной поддержки на местном уровне, и не все команды способны полностью окупать расходы за счет только спортивной деятельности и тем более приносить прибыль владельцам. Продажа билетов является за рубежом основным источником доходов, что нетипично для отечественного спорта, где в легкой атлетике платный вход всего на два самых зрелищных турнира в году: фестиваль прыжков с шестом и битва полов по прыжкам в высоту. Вторым источником по значимости для зарубежных команд являются средства, полученные от продажи прав на телепередачу. Лиги заключают договоры с телевидением и распределяют полученные доходы между командами, которые, в свою очередь, сохраняют за собой право на контракт с региональными телестанциями. Спонсорство нехарактерно для американского спорта, но играет существенную роль в Европе. Лицензирование в бюджетах американских клубов, в отличие от европейских, достигает всего нескольких процентов, хотя абсолютные цифры по этой статье превышают доходы многих европейских и, конечно же, отечественных клубов. Важной особенностью спорта в Европе является финансовая помощь муниципальных советов, что во многом напоминает существующую

систему финансирования клубов в России. Таким образом, проведенный анализ показал, глубокие отличия складывающейся в России модели профессионального спорта от существующей в США и, в несколько меньшей степени, от европейской модели.

В отдельных странах встречаются другие модификации. Государственная поддержка сделала возможным развитие профессионального футбола в Нигерии и Китае. В Нигерии в 1990 г. по инициативе государства было зарегистрировано 30 профессиональных команд, владельцами которых стали как частные лица, так и государственные организации. Командам были предоставлены экономические льготы, касающиеся арендной платы за пользование стадионами, налоговых сборов, получения земельных участков для строительства стадионов, разрешений на занятия коммерческой деятельностью. Это дало результаты: в 1996 г. сборная Нигерии стала олимпийским чемпионом и уверенно вошла в число лидеров мирового футбола. В Китае акцент был сделан на развитие отдельных видов спорта с целью превращения их в профессиональные. В ходе реформ была поставлена задача создания механизма управления, который соответствовал бы, с одной стороны, статусу и роли спорта в китайском обществе, с другой — роли рынка в системе современного профессионального спорта. В 1994 г. в Китае была организована профессиональная лига из 12 команд, спонсором которой, по инициативе властей, стала американская табачная компания *Marlboro*, получившая льготные условия для бизнеса в стране.

Результаты исследования. Нами была разработана создана модель развития российского легкоатлетического спорта с использованием трех основных характеристик иностранных моделей развития и популяризации (табл. 4).

Таблица 4

Модель развития российского легкоатлетического спорта с заимствованием американской и европейской моделей

Характеристики	Российская модель	Американская модель	Европейская модель	Разработанная модель
Принцип проведения соревнований	Спортивно-ротационный принцип проведения соревнований	Акцент на зрелищность и экономические интересы	Не рассматривалось	Спортивное соперничество продолжает занимать ведущую роль, но для привлечения зрителей добавляется больше стартов с акцентом на зрелищность
Отношение государства	Способствует развитию через федеральные и местные структуры	Льготы по аренде, налогообложению, поддержка политиков	Не рассматривалось	Помимо развития через федеральные и местные структуры, добавляются льготы, в т. ч. по налогообложению
Финансирование	Спорт не окупает расходов, велика роль бюджетных ассигнований	Не рассматривалось	Большое количество средств спонсоров	Привлечение спонсорских средств с целью повышения доходов

Первая характеристика касается принципа проведения соревнований. Американская модель показала, что зритель заинтересован в просмотре и даже готов купить трансляцию, если, помимо соревнований, там будет элемент шоу. В российском легкоатлетическом спорте начиная с 2022 г. проводится «Неделя легкой атлетики», сопровождающаяся ярким представлением участников, которые в разных образах въезжают на подиум под звуки барабана и салюты. На такие старты привлекается большое число звезд. Например, в 2023 г. были приглашены комментатор Д. Губерниев, певица

О. Бузова, фигуристки К. Валиева и О. Трусова. Организаторы устроили звездный забег, который привлёк зрителей, и данный старт стал самым просматриваемым в 2023 г. по телеканалу «Матч ТВ» из всех легкоатлетических событий. Проект был удостоен приза премии *Sport Business Awards* в категории «Прорыв года».

Вторая характеристика касается отношения государства к легкоатлетическому спорту. Предполагается, что, если бы государство оказывало больше поддержки легкоатлетическому спорту (например, льготы по налогообложению и аренде), ему было бы проще существовать и развиваться.

Третья характеристика касается финансирования и предполагает, что, если количество средств, поступающих от спонсоров, будет приближено к количеству бюджета, исходящего от государства, то станет существенной поддержкой в развитии легкоатлетического спорта. Стоит отметить, что, после ухода с российского рынка ряда зарубежных спортивных компаний, на их место пришли отечественные (*NORDSKI*, *DEMIX* и *JOMA*), которые для продвижения своей продукции подписали контракты с выдающимися легкоатлетами.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ статистических форм отчетности и результатов анкетирования позволил сформулировать основные направления развития и популяризации легкой атлетики в России:

1. *Выход из антидопингового кризиса.* Несмотря на восстановление в членстве, ВФЛА необходимо тщательно следить за строгим соблюдением антидопинговых правил, проводить обучающие семинары и программы «За чистый спорт».

2. *Поиск новых спонсоров и партнеров.* По причине допингового скандала, пандемии и политических событий последних лет ВФЛА потеряла больше половины своих спонсоров, что продолжает сказываться на бюджете.

3. *Качественное изменение трансляций по легкой атлетике, связанное с решением трех основных проблем.* Первая — это недостаточно профессиональные

комментаторы, постоянно допускающие ошибки. Вторая — неэффективное использование свободного времени и показ лишь определенных видов легкой атлетики, которые могут быть неинтересны обычному зрителю. Решением данной проблемы может стать показ только старта и финиша длинных видов, что практикуется в иностранных трансляциях. Третья проблема заключается в том, что, при показе одновременно большого количества видов зритель теряется, и его заинтересованность резко снижается. Решением для большего вовлечения зрителя в трансляцию может стать онлайн-показ места и результата спортсмена, а также постоянное напоминание, кто и на каком месте находится после совершенной попытки.

4. *Реконструкция и создание новых манежей и стадионов.* На сайте ВФЛА есть соответствующие документы с информацией о планах строительства спортивных сооружений, но практически все они в городах-миллионниках. Профессиональным спортсменам, у которых условия тренировок в родных городах являются неблагоприятными, приходится ездить на сборы туда, где созданы все условия для тренировок и восстановления, но оставшимся спортсменам, а их значительное большинство, приходится тренироваться в таких условиях, где прогрессировать намного сложнее.

5. *Заимствование из зарубежных систем популяризации характеристик, касающихся принципа проведения соревнований, отношения государства и финансирования.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Вигриянова Ю. О., Подойникова В. Ю. Анализ организационных основ системы подготовки российских легкоатлетов и перспективные направления ее совершенствования // *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии* : сб. ст. по материалам LXI междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2016. № 2(59). С. 42—46.
- Воронина В. Т. О развитии легкой атлетики в России // *Карельский научный журнал*. 2017. Т. 6. № 4. С. 345—348.
- Абдуллаев Д. С. Легкая атлетика — королева спорта // *Молодой ученый*. 2018. № 27(213). С. 178—179.
- Барсуков С. В., Долуда Б. А. Легкая атлетика как всемирный вид спорта // *Инновационные преобразования в сфере физической культуры, спорта и туризма* : материалы XXIV Всерос. науч.-практ. конф. Ростов н/Д. : РГЭУ (РИНХ), 2021. С. 12—15.
- Ерохина О. А. Методика краткосрочного прогнозирования результатов и достижений легкоатлетов России на международных соревнованиях : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2014. 24 с.
- Мальцева Т. С., Завалишина С. Ю., Медведев И. Н. Влияние регулярных легкоатлетических тренировок на микрорегуляторные особенности эритроцитов в первом зрелом возрасте при развивающихся артериальной гипертензии или абдоминальным ожирением // *Ульяновский медико-биологический журнал*. 2016. № 1. С. 118—126.
- Скрынник Я. Л. Влияние физической культуры и спорта на работоспособность обучающихся в высшем учебном заведении // *Гуманитарный научный вестник*. 2017. № 1. С. 31—34.
- Волкова А. Н. Педагогическая технология популяризации олимпийских видов спорта, не пользующихся интересом у подростков : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2018. 27 с.
- Судариков А. А., Сударикова И. А. Кризис легкой атлетики в России // *Культура физическая и здоровье*. 2020. № 4(76). С. 197—199. DOI: 10.47438/1999-3455_2020_4_197.
- Цацулин А. Н., Цацулин Б. А. Как отечественной легкой атлетике преодолеть затяжной кризис? // *Управленческое консультирование*. 2022. № 6. С. 127—145. DOI: 10.22394/1726-1139-2022-6-127-145.
- Камалов А. А. Легкая атлетика как вид спорта // *Научный лидер*. 2023. № 3(101). С. 197—198.
- Камалов А. А. Причины популярности легкой атлетики среди населения // *Научный лидер*. 2023. № 3(101). С. 207—208.
- Кушнаренко М. С., Северин Н. Н. Легкая атлетика — королева спорта // *Актуальные вопросы совершенствования физической культуры и спорта* : материалы межвуз. науч.-практ. конф. СПб. : С.-Петерб. ун-т ГПС МЧС России, 2021. С. 106—109.
- Домрачева Е. Ю., Озеров И. Н., Северин Н. Н., Тарасенко А. А. Популяризация легкой атлетики в Российской Федерации // *Глобальный научный потенциал*. 2021. № 7(124). С. 77—79.
- Воробьев Н. С. Проблемы современной легкой атлетики // *Совершенствование системы физического воспитания, спортивной тренировки, туризма, психологического сопровождения и оздоровления различных категорий населения* : материалы XX Юбил. междунар. науч.-практ. конф. Сургут : СурГУ, 2022. С. 135—140.

REFERENCES

1. Vigriyanova J., Podoinikova V. Analysis of the organizational basis of the system training of Russian athletes and future directions its improvement. *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii = Personality, family and society: issues of pedagogy and psychology. Collection of articles based on the materials of the LXI International scientific and practical conference*. Novosibirsk, SibAK, 2016;2(59):42—46. (In Russ.)
2. Voronina V. T. The development of athletics in Russia. *Karel'skii nauchnyi zhurnal = Karelian scientific journal*. 2017;6(4):345—348. (In Russ.)
3. Abdullaev D. S. Athletics is the queen of sports. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2018;27(213):178—179. (In Russ.)
4. Barsukov S. V., Doluda B. A. Athletics as a world sport. *Innovatsionnye preobrazovaniya v sfere fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma = Innovative transformations in the field of physical culture, sports and tourism. Proceedings of the XXIV All-Russian scientific and practical conference*. Rostov-on-Don, Rostov State University of Economics publ., 2021:12—15. (In Russ.)
5. Erokhina O. A. Methodology for short-term forecasting of the results and achievements of Russian athletes at international competitions. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Volgograd, 2014. 24 p. (In Russ.)
6. Maltseva T. S., Zavalishina S. Yu., Medvedev I. N. Effect of regular exercise athletics microbiological features red blood cells in the first mature agein developing hypertension or abdominal obesity. *Ul'yanovskii mediko-biologicheskii zhurnal = Ulyanovsk medico-biological journal*. 2016;1:118—126. (In Russ.)
7. Skrynnik Y. L. Effect of physical training and sports on the performance of students in higher education. *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*. 2017;1:31—34. (In Russ.)
8. Volkova A. N. Pedagogical technology for popularizing Olympic sports that are not of interest to adolescents. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Volgograd, 2018. 27 p. (In Russ.)
9. Sudarikov A. A., Sudarikova I. A. Athletics crisis in Russia. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e = Physical culture and health*. 2020;4(76):197—199. (In Russ.) DOI: 10.47438/1999-3455_2020_4_197.
10. Tsatsulin A. N., Tsatsulin B. A. How Can Domestic Athletics Overcome a Protracted Crisis?. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Administrative Consulting*. 2022;(6):127—145. (In Russ.) DOI: 10.22394/1726-1139-2022-6-127-145.
11. Kamalov A. A. Athletics as a sport. *Nauchnyi lider*. 2023;3(101):197—198. (In Russ.)
12. Kamalov A. A. Reasons for the popularity of light and athletics [sic!] among the population. *Nauchnyi lider*. 2023;3(101):207—208. (In Russ.)
13. Kushnarenko M. S., Severin N. N. Athletics - Queen of Sports. *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya fizicheskoi kul'tury i sporta = Actual issues of improving physical culture and sports. Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia publ., 2021: 106—109. (In Russ.)
14. Domracheva E. Yu., Ozerov I. N., Severin N. N., Tarasenko A. A. Popularization of athletics in the Russian Federation. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global scientific potential*. 2021;7(124):77—79. (In Russ.)
15. Vorob'ev N. S. Problems of modern athletics. *Sovershenstvovanie sistemy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoi trenirovki, turizma, psikhologicheskogo soprovozhdeniya i ozdorovleniya razlichnykh kategorii naseleniya = Improving the system of physical education, sports training, tourism, psychological support and rehabilitation of various categories of the population. Proceedings of the XX Anniversary International scientific and practical conference*. Surgut, Surgut State University publ., 2022: 135—140. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.11.2025; одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 08.12.2025.
The article was submitted 07.11.2025; approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 378.046.4
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1503

Natalia Viktorovna Uvarina
Doctor of Pedagogy,
Professor of the Department of Training
for Vocational Teachers
and Subject Methods,
South Ural State
Humanitarian and Pedagogical University
Chelyabinsk, Russian Federation
unv@cspu.ru

Dilara Radikovna Shaikhutdinova
Senior Lecturer
of the Department of Economics,
Accounting and Finance,
Surgut State University
Surgut, Russian Federation
shaihutdinova_dr@surgu.ru

Наталья Викторовна Уварина
д-р пед. наук,
профессор кафедры подготовки
педагогов профессионального обучения
и предметных методик,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Челябинск, Российская Федерация
unv@cspu.ru

Дилара Радиковна Шайхутдинова
старший преподаватель
кафедры экономики,
учета и финансов,
Сургутский государственный университет
Сургут, Российская Федерация
shaihutdinova_dr@surgu.ru

ГЕНЕЗИС ДЕФИНИЦИИ «ЦИФРОВАЯ КУЛЬТУРА ПЕДАГОГА» В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИИ ДЕТЕРМИНИРУЮЩИХ КАТЕГОРИЙ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Представлен историографический анализ генезиса дефиниции «цифровая культура педагога» в контексте технологической трансформации российского образования (1980—2025 гг.) и эволюции детерминирующих категорий для выявления сущностных характеристик концепта. Методологию составили историко-генетический и сравнительно-сопоставительный анализ понятийных конструктов, что позволило исследовать преемственность и детерминацию между последовательно сменяющимися концептами. Выявлены три этапа эволюции дефиниции, синхронизированные со сменами технологических парадигм (компьютеризация, информатизация, цифровизация). «Цифровая культура педагога» определена как метакатегория, сформировавшаяся в результате нелинейного процесса содержательного расширения и синтеза четырех ключевых детерминирующих категорий: «компьютерная грамотность», «информационная грамотность», «информационная культура» и «цифровая грамотность». Установлены факторы семантической волатильности: технологический детерминизм, изменения нормативно-правовой базы и социокультурные вызовы.

Научная новизна заключается в разработке оригинальной периодизации и систематизации эволюции концепта, связанной с этапами технологического развития россий-

ского образования за период с 1980 по 2025 г., и выявлении факторов семантической волатильности.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что эволюция концепта отражает общую логику перехода от инструментального владения технологиями к ценностно-смысловой интеграции цифровых практик в профессиональную педагогическую культуру. Данный вывод имеет ключевое значение для проектирования современных программ профессионального развития педагогов. Исследование создает теоретический фундамент для преодоления методологических противоречий и разработки моделей формирования цифровой культуры педагога в системе дополнительного профессионального образования. Это будет способствовать достижению качественно нового уровня готовности педагогических кадров к эффективной деятельности в условиях постоянно развивающейся цифровой образовательной среды.

Ключевые слова: информационная грамотность педагога, компьютерная грамотность педагога, информационная культура педагога, цифровая грамотность педагога, цифровая культура педагога, генезис дефиниции «цифровая культура педагога», компьютеризация, информатизация, цифровизация, технологическая трансформация образования

Для цитирования: Уварина Н. В., Шайхутдинова Д. Р. Генезис дефиниции «цифровая культура педагога» в контексте эволюции детерминирующих категорий // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 394—402. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1503.

Original article

GENESIS OF THE DEFINITION OF THE TEACHER'S DIGITAL CULTURE
IN THE CONTEXT OF THE EVOLUTION OF ITS DETERMINING CATEGORIES

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *The paper presents a historiographical analysis of the genesis of the definition of the teacher's digital culture within the context of the technological transformation of Russian education (1980-2025) and the evolution of its determining categories, aiming to identify the core characteristics of the concept. The methodology comprised historical-genetic and comparative analysis of conceptual constructs, which enabled the examination of continuity and interdependence between successively evolving concepts. Three stages in the definition's evolution are identified and synchronized with shifts in technological paradigms (computerization, informatization, and digitalization). The teacher's digital culture is defined as a metacategory formed through a non-linear process of substantive expansion and synthesis of four key determining categories: computer literacy, information literacy, information culture, and digital literacy. Factors of semantic volatility are established: technological determinism, changes in the regulatory framework, and socio-cultural challenges.*

The scientific novelty lies in developing an original periodization and systematization of the concept's evolution, linked

to the stages of technological development in Russian education from 1980 to 2025, and in identifying the factors of its semantic volatility.

The conducted analysis confirms that the evolution of the concept reflects a general logic of transition from instrumental mastery of technologies to the value-semantic integration of digital practices into professional pedagogical culture. This conclusion is crucial for designing modern programs for teachers' professional development. The research creates a theoretical foundation for overcoming methodological contradictions and creating models to develop digital culture among educators within the framework of additional professional education. This will contribute to achieving a qualitatively new level of readiness among teaching staff for effective activity within the continuously evolving digital educational environment.

Keywords: *teacher's information literacy, teacher's computer literacy, teacher's information culture, teacher's digital literacy, teacher's digital culture, genesis of the definition of the teacher's digital culture, computerization, informatization, digitalization, technological transformation of education*

For citation: Uvarina N. V., Shaikhutdinova D. R. Genesis of the definition of the teacher's digital culture in the context of the evolution of its determining categories. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74): 394—402. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1503.

Введение

Актуальность исследования обусловлена интенсивной цифровой трансформацией системы образования, которая выражает общественный и государственный запрос на формирование у педагога качественно нового уровня профессиональной культуры, выходящей за узкие рамки инструментального владения цифровыми технологиями. Однако формирование ее целостного научного представления осложнено понятийной поливариативностью и отсутствием консенсуса в педагогическом сообществе относительно соотношения и разграничения дефиниций «цифровая культура педагога», «цифровая грамотность», «информационная культура» и смежных с ними концептов. Ключевые проблемы, вытекающие из этой поливариативности дефиниций, включают:

1) терминологическую неоднозначность, затрудняющую выработку единых критериев оценки и формирования цифровой культуры педагогов;

2) теоретико-методологическую неопределенность, препятствующую проектированию адекватных образовательных программ для формирования цифровой культуры педагогов в условиях изменчивости цифровой образовательной среды.

Изученность проблемы. Истоки отечественных исследований концептов «компьютерной» и «информационной» грамотности педагогов лежат в основе трудов таких авторов, как Л. Н. Аксенова [1], Р. В. Бочкова [2], Н. Л. Гварамадзе [3], Н. И. Гендина [4], И. А. Давыдова [5], А. П. Ершов [6].

Концептуализация и формирование методологических основ исследования «информационной культуры педагога» осуществлены В. Р. Аветисяном [7], Н. И. Гендиной [8], Т. П. Зайченко [9], С. М. Конюшенко [10], М. В. Корниловой [11].

В современной научной среде исследования проблематика формирования цифровой культуры педагога развиваются в контексте осмысления более широкого феномена цифровой трансформации образования (Т. А. Аймалетдинов, Л. Р. Баймуратова, О. А. Зайцева, Г. Р. Имаева, Л. В. Спиридонова [12], И. В. Дворецкая, А. Ю. Уваров, В. В. Вихрев [13], М. П. Лапчик [14], А. В. Леденева [15], А. Ф. Якунин [16] и др.). Вектор исследования процесса формирования цифровой культуры будущего педагога представлен в исследовании Е. В. Гнатышиной [17].

Цель исследования заключается в выявлении и теоретическом обосновании генезиса дефиниции «цифровая культура педагога» посредством историографического анализа эволюции детерминирующих категорий.

Задачи исследования:

1) выделить и охарактеризовать этапы генезиса дефиниции «цифровая культура педагога» в контексте технологической трансформации российского образования за 1980—2025 гг.;

2) провести последовательный анализ эволюции ключевых детерминированных категорий («компьютерная грамотность», «информационная грамотность», «информационная культура», «цифровая грамотность», «цифровая культура»);

3) определить внешние факторы, обусловившие семантическую волатильность и парадигмальные сдвиги в исследуемом понятийном поле.

Целесообразность разработки темы. Существующая семантическая волатильность затрудняет разработку эффективных моделей формирования данной компетенции в системе профессионального педагогического образования. В этой связи проведение историко-педагогического анализа генезиса и трансформации ключевых категорий представляется не только теоретически значимым, но и практически необходимым для преодоления методологических противоречий и построения непротиворечивой концепции цифровой культуры современного педагога.

Научная новизна. В результате исследования установлены и теоретически обоснованы следующие положения, раскрывающие генезис дефиниции «цифровая культура педагога»:

1. Установлена и научно обоснована оригинальная трехэтапная периодизация (1980—2000, 2000—2012, 2012—2025 гг.) эволюции понятия, синхронизированная со сменами технологических парадигм российского образования (компьютеризация, информатизация, цифровизация). Данная периодизация выявлена как ключевой структурный принцип семантической трансформации концепта.

2. Раскрыта и теоретически доказана нелинейная логика генезиса, при которой «цифровая культура педагога» формируется как процесс содержательного расширения и синтеза детерминирующих категорий. Впервые установлено, что данное понятие является метакатегорией, возникшей в результате интеграции четырех последовательно развивавшихся концептов: «компьютерная грамотность», «информационная грамотность», «информационная культура» и «цифровая грамотность».

3. Выявлен и систематизирован комплекс ранее не описанных в единстве внешних факторов, обусловивших семантическую волатильность и парадигмальные сдвиги в исследуемом понятийном поле: технологический детерминизм (развитие информационно-компьютерных технологий, интернета, нейросетей и др.), динамика нормативно-правовой базы и конкретные социокультурные вызовы (пандемия *COVID-19*, национализация цифрового образовательного контура).

Теоретическая значимость. Систематизация эволюции концепта как нелинейного процесса содержательного расширения и синтеза детерминирующих категорий (от «компьютерной грамотности» к «цифровой культуре»), что формирует теоретико-методологический фундамент для исследования цифровой культуры педагога.

Практическая значимость. Результаты создают основу для преодоления методологических противоречий и разработки конкретных моделей формирования цифровой культуры педагога в системе дополнительного профессионального образования, адекватных вызовам цифровой трансформации.

Основная часть

Методология исследования. Методологическую основу исследования составили системный, контекстный, аксиологический подходы, а также методы историко-педагогического исследования, включая историко-генетический анализ и сравнительно-сопоставительный анализ понятийных конструктов. Последовательность исследования включала: систематизацию и критический

анализ источников; выявление хронологических рамок этапов через соотнесение с технологическими парадигмами (компьютеризация, информатизация, цифровизация); сравнительный анализ содержательного наполнения детерминирующих категорий на каждом этапе; синтез полученных данных и визуализацию выявленных закономерностей эволюции понятия. Выбор методов исследования обоснован необходимостью преодоления семантической волатильности через прослеживание генетических связей между последовательно сменяющимися концептами в их исторической динамике и социокультурном контексте.

Результаты исследования и их обсуждение. Разработка периодизации проблемы формирования цифровой культуры педагогов требует учета семантической волатильности в исторической динамике. Категория «цифровая культура» представляет собой результат эволюционного преобразования и содержательно-го расширения концептов «информационная грамотность», «компьютерная грамотность», «информационная культура», «цифровая грамотность». Такое изменение обусловлено последовательной сменой этапов технологического развития системы образования: компьютеризация — информатизация — цифровизация.

Возникновение феномена «информационная культура», по мнению Е. В. Гнатышиной, имеет глубокие исторические корни, уходящие в эпоху первобытного существования человека. Она утверждает, что начало его формирования связано с качественным изменением восприятия сигналов окружающей среды человеком: переходом от инстинктивного реагирования, характерного для животного мира, к осознанному восприятию и обработке информации, характерному человеческому сознанию. Дальнейшее развитие произошло из-за изменений в процессе передачи информации — устная форма стала дополнена письменной [17, с. 30].

Первоначально информационная культура базировалась преимущественно на коммуникативной культуре, предполагающей обмен информацией и вербальное взаимодействие субъектов в обществе.

Увеличение объемов информации, зафиксированной в письменной форме, активизировало качественные изменения информационного пространства, выразившиеся в формировании комплекса взаимосвязанных информационных процессов таких как поиск, сбор, хранение, передача и обработка. Это в свою очередь породило необходимость разработки новой — документационной формы фиксации информации, обеспечивающей ее структурированное использование. На этом этапе компонентный состав информационной культуры обогатился новым элементом — культурой взаимодействия с документами, включающим такие аспекты, как извлечение, кодирование и сохранение информации, документографический поиск [17, с. 31].

Однако лишь со следующим масштабным переломом в развитии информационного пространства, связанным с интенсификацией роста научных знаний, с появлением новых средств коммуникации: телефон, радио, телевидение — в научном сообществе начал зарождаться интерес к влиянию информации на личность человека.

Поэтому далее историографический анализ дефиниции «цифровая культура педагогов» будет проведен в следующей хронологической последовательности с учетом этапов технологического развития системы образования в России:

1. Начальный этап осмысления проблемных полей «компьютерная грамотность педагога», «информационная грамотность педагога», «информационная культура» (1980-е — 2000 г.; период «компьютеризации образования»).

2. Концептуализация и формирование методологических основ исследования «информационной культуры педагога» (2000 — 2012 гг.; период «информатизации образования»).

3. Трансформация парадигмы «информационная культура педагога» в «цифровую культуру педагога» (2012—2025 гг.; период «цифровизации образования»).

Формирование дефиниции «цифровая культура педагога» представляет собой поэтапный процесс эволюции взаимосвязанных категорий, детерминированных технологическим развитием системы образования, которое визуализировано на рисунке.

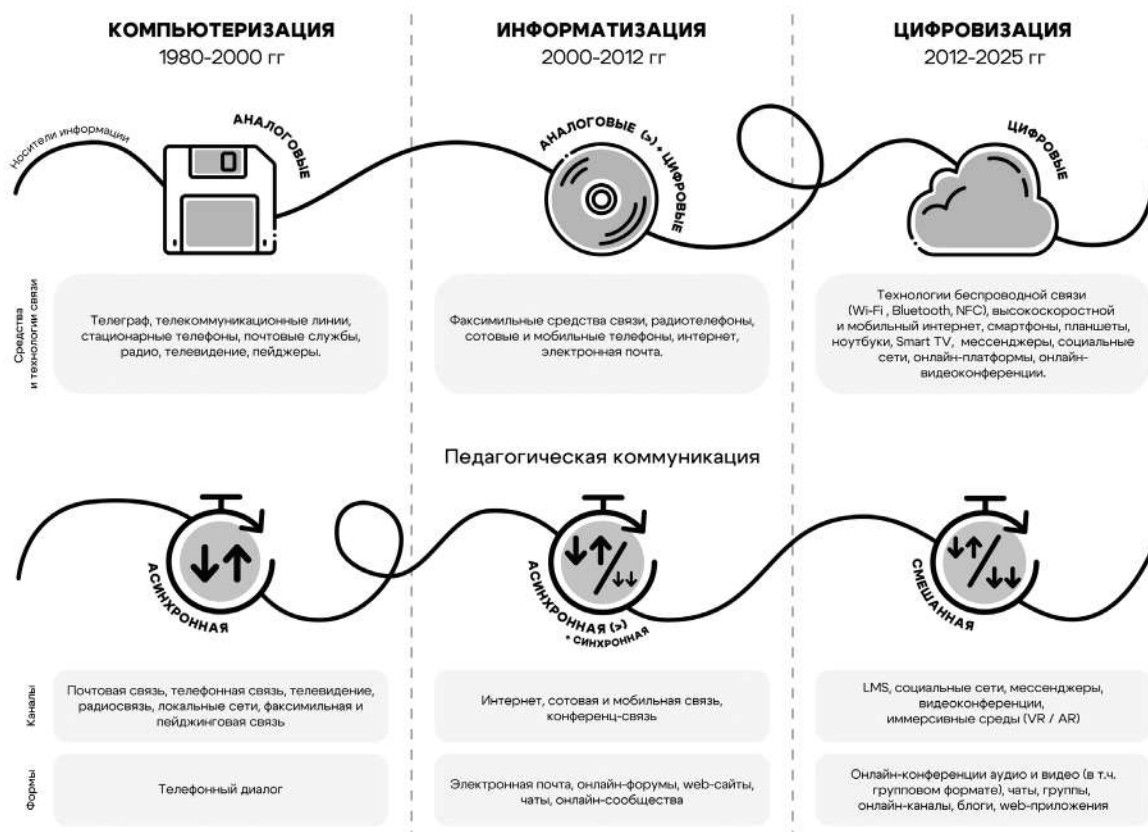

Рис. Трансформация технологического ландшафта образования в России (1980—2025 гг.): эволюция технических возможностей и педагогической коммуникации (сост. авторами)

Перейдем к подробной характеристике каждого этапа.

Первый этап («компьютеризация образования») — период начала осмысления проблемных полей «компьютерная грамотность педагога», «информационная грамотность педагога» и «информационная культура педагога» (1980-е — 2000 г.). В этот период потребность в компьютерной и информационной грамотности, а затем и в информационной культуре педагогов возникает как естественный ответ на ускоренный темп накопления и распространения научных знаний, существенные изменения в технологическом развитии системы образования.

Научно-теоретическое осмысление процесса внедрения компьютерных технологий в образовательный процесс привело к появлению категории «компьютерная грамотность», которая также стала применяться к профессиональной деятельности педагога.

Впервые термин «компьютерная грамотность» был применен в СССР в конце 1970-х — начале 1980-х гг. Первым о необходимости освоения педагогами базовыми навыками работы с ЭВМ заявил в 1981 г. А. П. Ершов [6], что заложило основу для последующего осмысления данного понятия. Первоначально данный термин предпола-

гал минимальные навыки практической работы педагога с базовым функционалом ЭВМ для решения профессиональных задач, понимание базовых идей информатики и значимости компьютерных технологий в развитии общества [17, с. 37].

В этот период персональные компьютеры и вычислительные машины находились в распоряжении немногих специализированных вузов и научных центров, только небольшая группа педагогов имела доступ к ним. Поэтому в общественном сознании и педагогической среде только начал формироваться запрос на приобретение педагогами компьютерной грамотности, причем направленность данного запроса касалась исключительно той небольшой категории педагогов, которой предстояло преподавать новый учебный предмет — «Основы информатики и вычислительной техники».

Далее на фоне изменения подходов к пониманию роли и места информации в обществе (в т. ч. в связи с инициированным принятием в СССР в 1989 г. Концепции информатизации общества) в содержании категории «компьютерная грамотность педагога» появился новый аспект — навыки работы с информацией.

Перемещение акцента с технических навыков владения компьютерными технологиями на информационные находит отражение в переходе к понятию «информационная грамотность педагога».

Зарождение и концептуализация термина «информационная грамотность» связаны со сферой библиотечного дела. Первое упоминание термина «информационной грамотность» в отечественном научном обороте в 1970-х гг. относится к трудам российских исследователей библиографической науки и чтения, таких как Л. Н. Аксенова [1] (1976 г.) и И. А. Давыдова (1978 г.) [5], которые посвятили свои исследования проблемам ориентации читателей в информационной среде.

Применение термина «информационная грамотность» в сфере образования началось с его введения при национальной реформе высшего образования США в 1977 году для улучшения качества образования (*Standards for the Development of Library Programs in Higher Education*). Свое происхождение и дальнейшее распространение в США термин также получил из библиографического дела. Ключевой вклад в популяризацию термина внесла Американская библиотечная ассоциация (*American Library Association, ALA*), предложившая трактовку, согласно которой информационно грамотным признается человек, способный эффективно выявлять, располагать, оценивать и применять информацию в различных жизненных и профессиональных ситуациях [4].

Таким образом, ранняя версия дефиниции (1970—1980-е гг.) «информационная грамотность педагога» сохраняла преемственность с библиотечно-библиографическим контекстом ее возникновения и отражала изменения парадигмы образования в условиях нарастающей информатизации общества. Она была сфокусирована на умениях педагога ориентироваться в потоке информации, включая поиск, отбор, обработку данных, а также использование традиционных систем каталогизации и библиографирования.

До начала 1990-х гг. термины «компьютерная грамотность педагога» и «информационная грамотность педагога» развиваются параллельно.

С середины 1990-х гг. началось активное взаимопроникновение и синтез концептов «компьютерной» и «информационной» грамотности педагога. Они начинают рассматриваться как взаимодополняющие и неразрывно связанные.

Так, в диссертации 1992 г. Н. Л. Гварамадзе в состав основных компонентов компьютерной грамотности педагогов включены информационные умения [3], предполагающие умения поиска, анализа, хранения и применения информации.

Понятие «информационная грамотность педагога», пришедшее из библиотечной сферы, оказалось невозможно реализовать в новых условиях без технологической основы. Поэтому в ее содержание стали включать понимание принципов работы компьютерных технологий, умение использовать их и программное обеспечение как инструмент для решения информационных задач (создание, хранение, передача, обработка информации).

Синтез понятий и внимание к ним целого ряда гуманитарных и технических наук: кибернетики, информатики, семиотики, документалистики, философии, логики, культурологии, лингвистики и др. [4] — логически привели к появлению более широкого и фундаментального понятия — «информационная культура».

Относительно к педагогу этот термин начал активно использоваться с конца 1990-х гг. и означал качественно новый уровень осмысления его роли в информационном обществе.

Если концепт «компьютерная грамотность» давала инструментарий, а «информационная грамотность» — алгоритмы работы с информацией, то «информационная культура педагога» интегрировала их и дополнилась ценностно-мировоззренческим компонентом (ценностные ориентации, принципы, нормы взаимодействия педагога с информацией, современными компьютерными технологиями и каналами коммуникации). В таком ракурсе термин «информационная культура педагога» рассмотрен Р. В. Бочковой [2].

Данный период развития педагогической науки характеризуется активным ростом исследований проблем информационной культуры личности, среди которых ключевое значение имели концепции личностно ориентированного, проблемно-развивающего и проектно-деятельностного подходов. Однако рассмотрение в качестве компонента профессиональных качеств педагога, хоть и обсуждалось, но еще не подвергалось системному анализу, что актуализировало необходимость выхода на новый уровень методологического осмысления данной категории [17, с. 41].

Второй этап («информатизация образования») обозначим как период концептуализации и формирования методологических основ исследования «информационной культуры педагога» (2000—2012 гг.).

Начало 2000-х гг. ознаменовалось интенсивным проникновением новых компьютерных и информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ) в повседневную жизнь российского общества, что оказало существенное влияние на трансформацию образовательной системы. Массовое распространение факсимильной связи, радиотелефонов, сотовых и мобильных устройств, а также интернета и электронной почты создало предпосылки для кардинального изменения технологического ландшафта образования.

В этих условиях феномен информационной культуры педагога приобретает особую научную значимость и становится ключевым объектом в педагогической науке. Данный концепт проходит этап активного теоретического оформления, что проявляется в формировании системы базовых подходов к пониманию его содержательной структуры, разработке методологических основ его формирования (Е. В. Данильчук, С. М. Конюшенко, Н. В. Молоткова, А. В. Шаблов и др.), в т. ч. в условиях дополнительного профессионального образования (М. В. Корнилова, Д. Н. Монахов, И. В. Шевердин, Е. В. Хмара и др.).

При этом структурное содержание термина «информационная грамотность педагога» дополняется за счет технического обновления образовательной среды и синтеза со смежными понятиями («информационно-коммуникативная компетентность», «информационно-педагогическая компетентность», «медиаграмотность») следующим образом:

1) под влиянием концепта информационно-коммуникативной компетентности технологический компонент дополнился навыками работы с базовым функционалом новых ИКТ и стандартными офисными программами [7] (таких, как текстовые редакторы, электронные таблицы и презентации), использованием сетевых технологий (интернет-браузеры, электронные почтовые сервисы, форумы и чаты и др.) и навыками электронного дистанционного взаимодействия с субъектами образовательного процесса;

2) с началом интеграции с концептом информационно-педагогической компетентности направленность операционно-деятельностного компонента сместилась с решения профессиональных информационных задач (поиск и обработка информации) на проектирование электронных образовательных ресурсов, применение ИКТ для решения конкретных педагогических задач (мотивации, объяснения, контроля, организации групповой деятельности, дистанционного обучения) и целенаправленное формирование информационной культуры обучающихся [10];

3) медиаграмотность привнесла в операционно-деятельностный компонент поиск, критический анализ и оценку информации, получаемой из различных медиаисточников (не только текстовых, но и аудиовизуальных), понимание механизмов использования и адаптации медиaproдукции к учебному процессу, а также способность использовать медиасредства для создания собственного образовательного контента [8];

4) новообразованием в структуре стало появление рефлексивного компонента, который обеспечивает осмысление, критический анализ и регуляцию процесса формирования собственной информационной культуры педагога [11].

Таким образом, к 2012 г. понятие «информационная культура педагога» в российских педагогических исследованиях трансформировалось из узкотехнологического в интегративную категорию, синтезирующую в себе операционно-технические навыки, коммуникативные способности, проектно-педагогические умения и критическо-рефлексивную позицию по отношению к информационной среде. Это содержание стало рассматриваться как важный компонент общей профессионально-педагогической культуры. Подтверждением сказанного можно считать то, что в Федеральных государственных образовательных стандартах второго поколения для начального общего образования (2009 г.), основного общего образования (2010 г.) и среднего общего образования (2012 г.) впервые закрепляются требования к информационно-образовательной среде и информационно-коммуникационной компетентности педагога как необходимого условия реализации образовательных программ.

На третьем этапе под влиянием глобальных процессов и эволюции социокультурных факторов технического процесса наблюдается трансформация парадигмы «информационная культура педагога» в «цифровую культуру педагога» («цифровизация образования») (2012—2025 гг.).

С 2012 г. технические и технологические возможности образования расширяются, материально-техническое оснащение образовательных организаций и участников образовательного процесса позволяют формировать цифровую образовательную среду. Средства и технологии связи становятся более мобильными, беспроводными, высокоскоростными, развиваются возможности для удаленного полимодального (одновременное использование различных коммуникативных элементов, таких как устная и письменная речь, разнообразные способы визуализации информации, а также оперативного создания и передачи видео- и аудиоконтента) профессионального взаимодействия: мессенджеры, онлайн-платформы, онлайн-видео-конференции и др.

Несмотря на интенсивное развитие материально-технического оснащения образовательной организации, она постепенно утрачивает статус единственного источника создания цифровых условий. Ее роль трансформируется в направлении обеспечения базовой инфраструктуры

(например, скоростной *Wi-Fi*, мультимедийное оборудование, доступ к определенному программному обеспечению). Ключевым фактором становится эффективная интеграция личных электронных и цифровых устройств обучающихся, что позволяет нивелировать проблему ресурсных ограничений и перейти к персонализированной модели обучения.

Начиная с 2012 г. в Российской Федерации процесс цифровизации образования начинает обретать правовую основу и стратегические ориентиры.

Указанные особенности периода привели обусловили парадигмальный сдвиг в осмыслении понятийного поля исследуемой проблемы.

Начиная с 2010 г. педагогическое сообщество в содержании дефиниции «информационная культура» стало исследовать такие характеристики, как рефлексивно-аналитический компонент собственной готовности к эффективному информационному потреблению, безопасной, этичной и эффективной цифровой коммуникации, потребность в постоянной актуализации собственных компетенций в этой области [9].

К середине 2010-х гг. в педагогическом дискурсе появилась категория «цифровая грамотность педагога», заимствованная из зарубежных исследований. Первоначально ее трактовка в трудах Е. К. Хеннер [14], А. Ю. Уварова и И. В. Дворецкой [13] применялась как совокупность практических навыков и умений, необходимых педагогу для решения профессиональных задач с использованием цифровых технологий.

Затем, к 2016 г., у российских педагогов стала формироваться профессиональная идентичность «цифрового педагога», интегрирующая традиционные педагогические ценности с новыми ценностями цифрового общества: открытостью, гибкостью, сетевой коллаборацией, инновационностью и непрерывным саморазвитием [14, с. 125]. В исследованиях М. П. Лапчика, М. И. Рагулиной, Е. К. Хеннер [14], А. Ф. Якунина [16] «цифровая грамотность педагогов» приобретает дидактико-методическое содержание.

Начиная с 2020 г. осмысление опыта экстренного массового перехода на удаленный формат онлайн-обучения в период пандемии *COVID-19* и реализации национального проекта «Образование» подтвердили, что даже развитая цифровая грамотность не эквивалентна способности к эффективной профессиональной деятельности педагога в цифровой среде. Это привело к формированию более интегративного и широкого понятия — «цифровая культура педагога».

В содержание категории «цифровая культура педагога», помимо интегрированных концептов «информационная культура педагога» и «цифровая грамотность педагога», вошли ценностно-смысловые ориентиры информационного взаимодействия в цифровой среде [17], компонент критического анализа цифровой среды (способности оценивать достоверность информации, искать, анализировать и выбирать цифровые ресурсы и инструменты для их интеграции в свою профессиональную деятельность), цифровая беглость (позволяющая быстро цифровые технологии цифровая гигиена и безопасность [12], основы правовой грамотности в цифровой среде [14].

Последующая с 2022 г. по настоящее время итерация развития цифровой образовательной среды (характеризующаяся внешними ограничениями на доступность зарубежных цифровых инструментов и сервисов, курсом государства на импортозамещение и «национализацию» цифрового

образовательного контура, а также стремительным развитием нейросетевых инструментов [15]) актуализирует поиск более глубоких ценностно-смысловых оснований для обогащения категории «цифровая культура педагога».

В результате проведенного исследования была подтверждена рабочая гипотеза, согласно которой генезис дефиниции «цифровая культура педагога» представляет собой не линейную смену терминов, а детерминированный технологическим развитием образования процесс

содержательного расширения и качественного преобразования концептов, характеризующийся семантической волатильностью. В развитие идей Е. В. Гнатышиной [17] о глубоких исторических корнях информационной культуры, уходящих в антропогенез, нами установлено, что эволюция категории в XX—XXI вв. прошла три четко выраженных этапа, синхронизированных со сменой технологических парадигм российского образования, как представлено в таблице.

Эволюция детерминирующих категорий в рамках смены технологических парадигм развития российского образования

Этап	Доминирующая категория и ее содержательная эволюция	Характер взаимодействия понятий и динамика концепта
1. Компьютеризация (1980-е — 2000 г.)	«Компьютерная грамотность педагога» → «Информационная грамотность педагога» → «Информационная культура педагога» Содержание эволюционировало от инструментально-технического (навыки работы с ЭВМ, понимание основ информатики) к информационно-алгоритмическому (умения поиска, оценки, обработки информации), а затем к интеграции первых двух аспектов с ценностно-мировоззренческим компонентом (нормы, принципы взаимодействия с информацией и технологиями)	Параллельное развитие, конвергенция и последующий синтез. Изначально концепты «компьютерная грамотность» и «информационная грамотность» развиваются независимо в разных дискурсивных полях (техническом и библиотечно-информационном). К середине 1990-х гг. начинается их конвергенция: в содержание «компьютерной грамотности» включается информационный аспект. Дальнейший их синтез приводит к возникновению более широкого понятия «информационная культура педагога»
2. Информатизация (2000 — 2012 гг.)	«Информационная культура педагога» (концептуализация и расширение) Категория трансформируется в интегративную, включающую: 1) технологический компонент (ИКТ, офисные и сетевые технологии); 2) проектно-педагогический компонент (создание электронных ресурсов, решение педагогических задач с помощью ИКТ); 3) коммуникативно-критический компонент; 4) рефлексивный компонент	Интеграция смежных понятий («информационно-коммуникативная компетентность», «медиаграмотность», «информационно-педагогическая компетентность») в структуре «информационной культуры». Взаимодействие приводит к формированию целостного, методологически оформленного концепта, акцентирующего не только умения, но и педагогическую целесообразность и рефлекссию
3. Цифровизация (2012 г. — наст. время)	«Цифровая грамотность педагога» → «Цифровая культура педагога» Содержание эволюционирует от прагматично-компетентностного набора навыков для работы в цифровой среде к целостной аксиологической системе. «Цифровая культура» интегрирует предыдущие концепты, дополняя их: 1) ценностно-смысловыми ориентирами (открытость, коллаборация, этика); 2) компонентом критического анализа цифровой среды; 3) аспектами цифровой гигиены, безопасности и правовой грамотности; 4) готовностью к работе с нейросетевыми инструментами	Интеграция и формирование метакатегории. Возникает новый концепт «цифровая грамотность», который первоначально существует параллельно и частично пересекается с «информационной культурой». Под влиянием социокультурных вызовов происходит интеграция «цифровой грамотности» и «информационной культуры» в более высокоуровневую категорию «цифровая культура». «Цифровая культура» выступает как метакатегория, интегрирующая все предыдущие

Примечание: сост. авторами.

Следовательно, генезис дефиниции «цифровая культура педагога» представляет собой нелинейный, детерминированный технологическим развитием и социокультурным контекстом процесс. Его логика заключается в последовательном расширении семантического поля (от инструментария → к алгоритмам → к ценностям) и взаимодействию понятий (от параллельного развития в разных дискурсивных полях → к конвергенции → к синтезу → к интеграции). Каждый этап задает новую доминирующую категорию, которая не отрицает, а развивает содержание предыдущих, обуславливая семантическую волатильность и обогащение концепта «цифровая культура педагога».

Выводы

Проведенное исследование позволило решить поставленные задачи и достичь цель, что нашло отражение в следующих выводах. В ходе решения первой задачи были выделены и охарактеризованы этапы генезиса дефиниции «цифровая культура педагога» в контексте технологической трансформации российского образования

(компьютеризация — 1980—2000 гг., информатизация — 2000—2012 гг., цифровизация — 2012—2025 гг.), где каждый этап вносил качественные изменения в содержание концепта. Реализуя вторую задачу был проведен последовательный анализ эволюции детерминирующих категорий, который показал, что «цифровая культура» является результатом содержательного расширения предшествующих понятий — от инструментальной «компьютерной грамотности» и «цифровой грамотности» через операционно-алгоритмическую «информационную грамотность» и ценностно-мировоззренческую «информационную культуру». Решение третьей задачи позволило определить ключевые внешние факторы семантической волатильности и парадигмальных сдвигов в исследуемом понятийном поле: технологический детерминизм (развитие компьютерных, информационно-коммуникативных и цифровых технологий, интернета, нейросетевых инструментов и др.), изменение нормативно-правовой базы и стратегических ориентиров государства (Концепция информатизации, федеральные государственные образовательные

стандарты, нацпроект «Образование» и др.) и социокультурные вызовы (пандемия COVID-19, импортозамещение цифровых сервисов и технологий).

Значимость результатов исследования заключается в том, что они создают теоретический фундамент для разработки концепции формирования цифровой культуры педагога в условиях новых вызовов цифровой образовательной среде — импортозамещения и развития нейросетевых технологий.

Результаты исследования дополняют существующий научный контекст, предлагая системное видение генезиса понятия «цифровая культура педагога» как нелинейного, детерминированного процесса, раскрывая преемственность и механизмы трансформации его дефиниции.

В качестве перспективных направлений дальнейших исследований можно обозначить:

1) разработку диагностического инструментария для оценки уровня сформированности цифровой культуры педагога с учетом компонентного состава;

2) изучение влияния нейросетевых технологий и искусственного интеллекта на трансформацию ценностно-смысловых оснований и профессиональных практик педагога, требующее переосмысления этических и дидактических аспектов его цифровой культуры;

3) разработку конкретных методик и моделей формирования цифровой культуры педагога в системе дополнительного профессионального образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аксенова Л. Н. Формирование основ библиотечно-библиографической грамотности у будущих учителей // Советская педагогика. 1976. № 5. С. 52—58.
2. Бочкова Р. В. Формирование информационной культуры учителя в системе непрерывного педагогического образования // Интеграция образования. 1996. № 4. С. 27—29.
3. Гварамадзе Н. Л. Формирование компьютерной грамотности учителей общеобразовательных предметов в процессе методической работы в школе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 1992. 16 с.
4. Гендина Н. И. Информационная грамотность и информационная культура личности: Международный и российский подходы к решению проблемы // Открытое образование. 2007. № 5. С. 58—69.
5. Давыдова И. А. Библиографическая подготовка студентов педагогических вузов : дис. ... канд. пед. наук. Л., 1978. 184 с.
6. Ершов А. П. Программирование — вторая грамотность // Проблемы информатики. 2015. № 4(29). С. 71—85.
7. Аветисян В. Р. Отечественный опыт в становлении цифровой образовательной среды в 1980—1990 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 4. С. 108—112. DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-91-108-113.
8. Гендина Н. И. Проблема интеграции информационной и медиаграмотности: Международный опыт и российские реалии // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19. Ч. I. С. 54—71.
9. Зайченко Т. П. Информационная культура педагога // Universum: Вестник Герценовского университета. 2012. № 2. С. 210—211.
10. Конюшенко С. М. Формирование информационной культуры педагога в системе непрерывного профессионального образования : дис. ... д-ра пед. наук. Ярославль, 2005. 408 с.
11. Корнилова М. В. Формирование информационной культуры учителя в системе повышения квалификации : дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2003. 185 с.
12. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе / Т. А. Аймалетдинов, Л. Р. Баймуратова, О. А. Зайцева и др. М. : Изд-во НАФИ, 2019. 84 с.
13. Дворецкая И. В., Уваров А. Ю., Вихрев В. В. Модели обновления общего образования в развивающейся цифровой среде : аннотир. библиогр. М. : ТОРУС ПРЕСС, 2020. 122 с.
14. Современные проблемы информатизации образования : моногр. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. П. Лапчик. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2017. 404 с.
15. Леденева А. В., Аскадуллина Н. Н., Сафаргалиев Э. Р. Трансформация педагогического процесса в аспекте цифровизации образования // Вестник Оренбургского государственного университета. 2025. № 2(246). С. 43—50.
16. Якунин А. Ф. Информационно-коммуникационные технологии и цифровая грамотность педагога // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 1. С. 468—471.
17. Гнатышина Е. В. Ценностно-смысловые ориентиры формирования цифровой культуры будущего педагога : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Грозный, 2019. 46 с.

REFERENCES

1. Aksenova L. N. Formation of the basics of library and bibliographic literacy in future teachers. *Sovetskaya pedagogika*. 1976;5:52—58. (In Russ.)
2. Bochkova R. V. Formation of a teacher's information culture in the system of continuing pedagogical education. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of education*. 1996;4:27—29. (In Russ.)
3. Gvaramadze N. L. Formation of computer literacy of general education subject teachers in the process of methodological work at school. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Saint Petersburg, 1992. 16 p. (In Russ.)
4. Gendina N.I. Information literacy and personal information culture: international and Russian approaches to solving the problem. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2007;5:58—69. (In Russ.)
5. Davydova I. A. Bibliographic training of students of pedagogical universities. Diss. of the Cand. of Pedagogy. Leningrad, 1978. 184 p. (In Russ.)
6. Ershov A. P. Programming — the second literacy. *Problemy informatiki = Problems in informatics*. 2015;4(29): 71—85. (In Russ.)

7. Avetisyan V. R. National experience in the formation of the digital educational environment in 1980-1990. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki = Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*. 2023;25(4): 108—112. (In Russ.) DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-91-108-113.
8. Gendina N. I. The problem of integration of information literacy and media literacy: international experience and Russian reality. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Vestnik of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2012;19(1):54—71. (In Russ.)
9. Zaichenko T. P. Information culture of a teacher. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta = Universum: Bulletin of the Herzen University*. 2012;2:210—211. (In Russ.)
10. Konyushenko S. M. Formation of a teacher's information culture in the system of continuing professional education. Diss. of the Doct. of Pedagogy. Yaroslavl, 2005. 408 p. (In Russ.)
11. Kornilova M. V. Formation of a teacher's information culture in the system of professional development. Diss. of the Cand. of Pedagogy. Kemerovo, 2003. 185 p. (In Russ.)
12. Aimaletdinov T. A., Baimuratova L. R., Zaitseva O. A. et al. Digital literacy of Russian teachers. Readiness to use digital technologies in the educational process. Moscow, NAFI publ., 2019. 84 p. (In Russ.)
13. Dvoretzkaya I. V., Uvarov A. Yu., Vikhrev V. V. Models of general education renewal in a developing digital environment. Annotated bibliography. Moscow, TORUS PRESS, 2020. 122 p. (In Russ.)
14. Modern problems of informatization of education. Monograph. M. P. Lapchik (coord. & ed.). Omsk, Omsk State Pedagogical University publ., 2017. 404 p. (In Russ.)
15. Ledeneva A. V., Aschadullina N. N., Safargaliev E. R. Transformation of the pedagogical process in the education digitalization aspect. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg State University*. 2025;2(246): 43—50. (In Russ.)
16. Yakunin A. F. Information and communication technologies and digital literacy of a teacher. *Vestnik Taganrogskogo instituta imeni A. P. Chekhova*. 2016;1:468—471. (In Russ.)
17. Gnatyshina E. V. Value and semantic guidelines for the formation of a future teacher's digital culture. Abstract of diss. of the Doct. of Pedagogy. Grozny, 2019. 46 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.11.2025; одобрена после рецензирования 21.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.
The article was submitted 30.11.2025; approved after reviewing 21.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Научная статья
УДК 37.091.33:81'243-053.2
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1551

Yuri Rafaelovich Herrera Pavon

Assistant of the Department of Romance Languages
and Linguodidactics,
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
yuriherrera@work@gmail.com

Galina Viktorovna Sorokovykh

Doctor of Pedagogy, Professor,
Professor of the Department of Linguodidactics
and Methods of Teaching Foreign Languages,
State University of Education
Moscow, Russian Federation
sorokovykh@mail.ru

Nenyuk Eugenia Abramovna

Senior Lecturer at the Department of English
and Professional Communication,
Financial University
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
janna_tev@hotmail.com

Юрий Рафаэлович Эррера Павон

ассистент кафедры романских языков
и лингводидактики,
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
yuriherrera@work@gmail.com

Галина Викторовна Сороковых

д-р пед. наук, профессор,
профессор кафедры лингводидактики
и методики обучения иностранным языкам,
Государственный университет просвещения
Москва, Российская Федерация
sorokovykh@mail.ru

Евгения Абрамовна Ненюк

старший преподаватель кафедры английского языка
и профессиональной коммуникации,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация
janna_tev@hotmail.com

ОПИСАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ ГРАЖДАН ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ НА ОСНОВЕ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В статье представлено научное описание структурно-функциональной модели обучения английскому языку детей граждан зарубежных стран во втором классе общеобразовательной школы. Рассматриваются педагогические и лингводидактические условия формирования элементарной иноязычной коммуникативной компетенции у младших школьников-инофонов в поликультурной образовательной среде. Актуальность исследования обусловлена усилением миграционных процессов в современном мире, что ведет к значительному увеличению числа обучающихся с иноязычным фоном в российских школах. Данная ситуация обуславливает необходимость разработки системных психолого-педагогических и методических решений, органично сочетающих задачи языкового развития с процессами социокультурной адаптации и личностного становления ребенка, который часто оказывается в ситуации «двойного» включения в новую языковую среду. В теоретической части работы раскрываются концептуальные положения коммуникативно-прагматического подхода в их взаимосвязи с личностно-ориентированным и субъектно-деятельностным подходами обучения. Обосновывается, что именно синтез этих подходов позволяет выстроить обучение с учетом индивидуальных особенностей, потребностей и культурного опыта каждого ребенка-инофона. Далее подробно описывается структура разработанной модели, включающая нормативно-целевой, теоретико-методологический,

содержательный и оценочно-рефлексивный блоки, которые находятся в тесной взаимосвязи и обеспечивают целостность педагогического процесса. Особое внимание уделяется включению прагматического компонента в содержание обучения, обеспечивающего формирование способности соотносить языковые средства с конкретной коммуникативной задачей, адресатом и социокультурным контекстом, что является основой для успешной реальной коммуникации. Разработанная модель ориентирована на поэтапное развитие речевых умений во всех видах речевой деятельности (аудировании, говорении, чтении и письме) и создание психологически комфортной образовательной среды, способствующей снижению стресса и повышению мотивации к изучению языка. Предложенные теоретические положения и практические рекомендации могут быть использованы в практике начального и дополнительного образования при работе с детьми граждан зарубежных стран, а также послужить основой для дальнейших исследований в области поликультурного образования и методики преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: коммуникативно-прагматический подход, дети граждан зарубежных стран, дети-инофоны, начальная школа, иноязычная коммуникативная компетенция, прагматическая компетенция, поликультурная адаптация, дополнительное образование, методическая модель, персонализация обучения, лингводидактика, билингвальная поддержка

Для цитирования: Эррера Павон Ю. Р., Сороковых Г. В., Ненюк Е. А. Описание методической модели обучения детей граждан зарубежных стран иностранному языку на основе коммуникативно-прагматического подхода // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 403—410. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1551.

Original article

DESCRIPTION OF THE METHODOLOGICAL MODEL OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE TO CHILDREN OF CITIZENS OF FOREIGN COUNTRIES BASED ON A COMMUNICATIVE-PRAGMATIC APPROACH

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. *The article presents a scientific description of the structural and functional model of teaching English to children of citizens of foreign countries in the second grade of secondary school. The pedagogical and linguodidactic conditions for the formation of elementary foreign language communicative competence among younger foreign-speaking schoolchildren in a multicultural educational environment are considered. The relevance of the study is due to the intensification of migration processes in the modern world, which leads to a significant increase in the number of students with a foreign language background in Russian schools. This situation necessitates the development of systemic psychological, pedagogical and methodological solutions that organically combine the tasks of language development with the processes of socio-cultural adaptation and personal development of a child who often finds himself in a situation of “double” inclusion in a new language environment. In the theoretical part of the work, the conceptual provisions of the communicative-pragmatic approach are revealed in their interrelation with personality-oriented and subject-activity learning approaches. It is proved that it is the synthesis of these approaches that makes it possible to build education taking into account the individual characteristics, needs and cultural experience of each foreign-speaking child. The following describes in detail*

the structure of the developed model, which includes normative-target, theoretical-methodological, substantive and evaluative-reflective blocks that are closely interrelated and ensure the integrity of the pedagogical process. Special attention is paid to the inclusion of a pragmatic component in the learning content, which ensures the formation of the ability to correlate linguistic means with a specific communicative task, addressee and socio-cultural context, which is the basis for successful real communication. The developed model focuses on the gradual development of speech skills in all types of speech activity (listening, speaking, reading and writing) and the creation of a psychologically comfortable educational environment that helps reduce stress and increase motivation to learn a language. The proposed theoretical provisions and practical recommendations can be used in the practice of primary and additional education when working with children of citizens of foreign countries, as well as serve as a basis for further research in the field of multicultural education and methods of teaching foreign languages.

Keywords: *communicative and pragmatic approach, children of foreign citizens, foreign-speaking children, primary school, foreign language communicative competence, pragmatic competence, multicultural adaptation, additional education, methodological model, personalization of learning, linguodidactics, bilingual support*

For citation: Herrera Pavon Yu. R., Sorokovykh G. V., Nenyuk E. A. Description of the methodological model of teaching foreign language to children of citizens of foreign countries based on a communicative-pragmatic approach. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):403—410. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1551.

Введение

Актуальность. Современные миграционные процессы оказывают существенное влияние на российскую образовательную систему. Увеличение числа детей граждан зарубежных стран в общеобразовательных организациях актуализирует проблему их языковой подготовки и социокультурной интеграции. Иностранный язык в данном контексте выступает не только учебной дисциплиной, но и инструментом социализации, формирования межкультурной компетентности и вторичной языковой личности. Язык выступает не только средством передачи информации, но и инструментом культурной репрезентации [1], что особенно значимо в работе с детьми граждан зарубежных стран, находящихся в ситуации межкультурного взаимодействия.

Рост числа детей граждан зарубежных стран в российских школах обостряет необходимость разработки научно обоснованных моделей их языковой и социокультурной интеграции в условиях начального образования. Начальная школа является критически значимым этапом, поскольку именно в возрасте 7—8 лет формируются базовые когнитивные механизмы, коммуникативные стратегии и основы межкультурного взаимодействия. Недостаточная разработанность методических решений, ориентированных одновременно на требования федеральных государственных образовательных стандартов (далее — ФГОС) и особенности детей граждан зарубежных стран, обуславли-

ет потребность в системной модели обучения английскому языку, сочетающей адаптационный, коммуникативный и прагматический компоненты.

Изученность проблемы. В исследованиях последних лет всё больше акцентируется внимание на специфике языковой адаптации детей граждан зарубежных стран, особенностях формирования их коммуникативной и социокультурной компетенции, а также на необходимости интеграции языкового образования с задачами социальной адаптации. В. Л. Колычева рассматривает трансформации целей и содержания иноязычного образования в условиях полиэтнической образовательной среды и подчеркивает необходимость учета лингвокультурного фона обучающихся и разработки адаптивных методических моделей [2].

Проблема педагогического сопровождения детей с миграционным опытом в контексте реализации обновленных ФГОС раскрывается в исследовании А. Р. Джигоевой, где обосновывается значимость коммуникативно-деятельностного подхода и принципа культуросообразности [3]. В публикации С. О. Парфеновой анализируются механизмы формирования речевой деятельности у младших детей граждан зарубежных стран, а также условия развития их прагматической компетенции в ситуациях межкультурного взаимодействия [4]. В работе А. В. Гусева с соавторами внимание сосредоточено на проблеме интеграции языкового и социокультурного компонентов обучения как фактора успешной социализации обучающихся из числа детей

граждан зарубежных стран. Их исследование также посвящено вопросам организации образовательной среды, обеспечивающей поддержку билингвального развития и формирование позитивной этнокультурной идентичности [5].

Современные исследования в области методики обучения иностранным языкам демонстрируют устойчивый интерес к коммуникативно ориентированным технологиям, аксиологическим основаниям лингводидактики и когнитивным аспектам языкового развития младших школьников. В публикациях последних лет данные направления получают системное и концептуально выверенное освещение. Методический потенциал сторителлинга как средства формирования коммуникативной компетенции раскрывается в работах Т. И. Жарковой [6] и А. С. Чернышевой [7]. Авторы рассматривают сторителлинг как структурный элемент коммуникативного подхода, обеспечивающий развитие речемыслительной активности, снижение тревожности и формирование устойчивой мотивации к иноязычному общению. Данный подход представляется особенно значимым в обучении младших школьников, включая детей граждан зарубежных стран, для которых создание психологически безопасной речевой среды является ключевым условием успешной адаптации.

Ценностные основания современного иноязычного образования получают развитие в статье Н. Д. Гальсковой и Н. Л. Орешковой, где обосновывается аксиологическая направленность лингводидактики [8]. Авторы подчеркивают необходимость формирования личности обучающегося как субъекта межкультурного взаимодействия, способного к рефлексии и диалогу культур. Представленные положения значимы для проектирования программ обучения детей граждан зарубежных стран, поскольку ориентируют образовательный процесс не только на языковой результат, но и на включение учащегося в ценностное пространство принимающего общества.

Проблематика билингвизма и его влияния на регуляторные функции рассматривается в обзорной статье А. А. Твардовской, В. Ф. Габдулхакова и Н. Н. Новик [9], где подчеркивается неоднозначность влияния двуязычной среды на когнитивное развитие ребенка и необходимость педагогической поддержки в условиях полилингвального пространства. Авторы демонстрируют комплексный интерес к коммуникативным технологиям, аксиологическим основаниям обучения, когнитивным особенностям младших школьников и проблематике билингвизма.

Несмотря на значительное количество публикаций, в научном дискурсе сохраняется потребность в уточнении методических механизмов реализации дополнительных общеразвивающих программ по иностранному языку, ориентированных именно на младших школьников-инофонов с различным уровнем языковой подготовки. Недостаточно систематизированы вопросы сопряжения коммуникативно-прагматического подхода с задачами поликультурной адаптации и интеграции обучающихся в рамках дополнительного образования.

Целесообразность разработки темы. Разработка многоуровневой методической модели представляется оправданной в условиях увеличения доли обучающихся с миграционным опытом и необходимости обеспечения равного доступа к качественному образованию. Отсутствие системных решений приводит к фрагментарности педагогической практики, что снижает эффективность интеграционных процессов.

Цель исследования — обосновать и сформировать практическую модель обучения английскому языку детей граждан зарубежных стран с учетом их лингвокультурных, когнитивных и психологических особенностей.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

1. Проанализировать современное состояние научной разработанности проблемы обучения иностранному языку детей граждан зарубежных стран в начальной школе.
2. Определить теоретические основания построения дополнительной общеразвивающей программы по английскому языку с учетом принципов коммуникативно-деятельностного и прагматического подходов.
3. Разработать структурно-содержательную модель программы, включающую систему упражнений и коммуникативных заданий, ориентированных на развитие речевых умений в типичных ситуациях межкультурного общения.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании модели реализации дополнительной общеразвивающей программы по английскому языку для детей граждан зарубежных стран, ориентированной на формирование иноязычного говорения в условиях поликультурной образовательной среды начальной школы.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении и развитии положений коммуникативно-прагматического подхода применительно к обучению английскому языку детей граждан зарубежных стран в условиях начальной школы. В работе обоснована необходимость интеграции нормативных требований ФГОС, психолого-педагогических закономерностей возрастного развития и принципов межкультурного взаимодействия в единую структурированную методическую модель. Исследование расширяет представления о специфике формирования иноязычной коммуникативной компетенции у детей граждан зарубежных стран, для которых процесс освоения иностранного языка протекает в условиях одновременной адаптации к новой языковой и социокультурной среде. Уточнены структурные компоненты модели обучения, включающие адаптированное содержание, этапность формирования речевых навыков, критериально-ориентированную систему оценивания и механизмы поддержания эмоционально благоприятного образовательного пространства. Теоретически значимым является также системное описание взаимосвязи когнитивного, коммуникативного и социокультурного развития младших школьников в условиях поликультурного класса. Предложенная модель демонстрирует возможность синтеза педагогического проектирования и современных подходов к обучению иностранному языку, что способствует развитию методики преподавания иностранного языка в условиях миграционной вариативности контингента.

Практическая значимость исследования определяется возможностью внедрения разработанной многоуровневой методической модели в образовательный процесс начальной школы. Представленные структурные компоненты модели могут быть использованы при проектировании рабочих программ по английскому языку во 2 классе с учетом контингента обучающихся из числа детей граждан зарубежных стран. Материалы исследования позволяют адаптировать содержание обучения к уровню языковой подготовки и культурному опыту обучающихся; выстроить поэтапную систему формирования коммуникативных навыков; внедрить прозрачную и объективную систему оценивания образовательных достижений; создать эмоционально комфортную

образовательную среду, способствующую снижению тревожности и повышению учебной мотивации; обеспечить баланс между академическими требованиями и задачами социокультурной интеграции. Результаты могут быть использованы в практике учителей иностранного языка, в системе повышения квалификации педагогических кадров, а также при разработке адаптационных программ для детей граждан. Кроме того, модель может служить основой для дальнейшего проектирования методических решений в поликультурной образовательной среде.

Основная часть

Методы и материалы исследования. Методология исследования основана на интеграции коммуникативно-прагматического, личностно-ориентированного и субъектно-деятельностного подходов. В работе использованы теоретические методы анализа и синтеза научной литературы и моделирование предложенной технологии.

Социокультурная адаптация детей-мигрантов в образовательной организации, по мнению М. Е. Ушаковой, обеспечивается через создание развивающей среды, ориентированной на принятие культурного разнообразия и поддержку языкового развития в условиях новой образовательной системы [10]. Для того чтобы смоделировать процесс обучения говорению у детей граждан зарубежных стран в условиях дифференцированной и поликультурной образовательной среды, представляется необходимым рассмотреть методологические и теоретические основы данного процесса.

В качестве методологической базы рассматриваются личностно-ориентированный и субъектно-деятельностный подходы, обеспечивающие реализацию коммуникативно-прагматического обучения иностранному языку в условиях поликультурной среды. Личностно-ориентированный подход, акцентирует внимание на развитии мотивации и индивидуальных учебных потребностей каждого учащегося, позволяя учитывать культурный фон и прежний языковой опыт обучающихся [11]. Образовательный процесс в таком контексте опирается также на идеи субъектно-деятельностного взаимодействия [12].

В основе предложенной модели лежит система индивидуального учебного сопровождения, опирающаяся на принципы дифференциации, адаптивности и гуманизации образовательного процесса. Система позволяет учитывать индивидуальные когнитивные, эмоциональные и культурно-языковые особенности каждого учащегося, создавая условия для полноценного развития его потенциала, а также возможность предоставлять ученику право выбора, разнообразие и доступность учебно-дидактических материалов, вариативность образовательной траектории. Инклюзивный подход к интеграции детей граждан зарубежных стран также предполагает не только академическую поддержку, но и формирование у обучающихся чувства психологической безопасности и принадлежности к школьному сообществу, что является важным фактором успешной адаптации [13].

Процесс интеграции детей граждан зарубежных стран в принимающее общество рассматривается как многоуровневый феномен, включающий образовательный, социокультурный и воспитательный аспекты, требующие системной педагогической поддержки [14]. При соблюдении указанных педагогических условий, основанных на интеграции личностно-ориентированного и субъектно-деятельностного, персонализированного и коммуникатив-

но когнитивного подходов, полагаем, что возможно создать обучающую среду, оптимально объединяющую тенденции как интеграции, так и дифференциации, посредством применения коммуникативно-прагматического подхода. Такой подход позволяет активизировать языковое взаимодействие, ориентированное на реальное использование иностранного языка в повседневном общении, а также учитывать культурно-языковые особенности каждого учащегося.

Анализ современных исследований в области педагогики, лингвистики, психолингвистики и лингводидактики показывает необходимость использования стратегий, синтезирующих когнитивный, лингвистический и социокультурный компоненты обучения в процессе развития иноязычной коммуникативной компетенции у детей иностранных граждан, особенно в поликультурном образовательном контексте. Основоположающим моментом в этом отношении является необходимость адаптации педагогического процесса к особенностям данной категории учащихся, для которых язык обучения функционирует не только как средство обучения, но и как проводник интеграции в новую социокультурную среду.

На начальном этапе образовательной траектории перед детьми граждан зарубежных стран встает комплекс задач, связанных с анализом речевого потока на отдельные смысловые единицы, определением его прагматической нагрузки и освоением коммуникативных тактик, выбираемых ситуативно. Этот процесс включает в себя не только усвоение лексико-грамматических моделей, но и развитие металингвистической рефлексии, позволяющей интерпретировать имплицитные смыслы, культурные коннотации и невербальные сигналы в процессе межкультурного взаимодействия.

Обучение детей граждан зарубежных стран характеризуется необходимостью преодоления языковой интерференции, формирования базовой языковой компетенции и одновременной социализации в новой культурной среде [15]. Важным условием является интериоризация лексики: слово должно стать частью психического опыта через систему упражнений, а не механическое заучивание. Предложенная модель, базируясь на коммуникативно-прагматическом подходе, реализует принцип природосообразности, учитывая возрастные особенности младших школьников и обеспечивая поэтапное формирование иноязычной речевой деятельности.

Основное внимание уделяется тому, чтобы каждый обучающийся имел возможность не только осваивать учебный материал, но и применять его в условиях близких к реальным жизненным ситуациям. Для этого педагогическая практика активно использует технологии ситуационного моделирования и ролевых игр, которые, в совокупности с индивидуальным учебным маршрутом, формируют языковое пространство, ориентированное на практическое использование языка.

Также очень важно, чтобы учащиеся получали удовольствие и дальнейший эмоциональный интерес к занятиям. Качественные взаимоотношения между преподавателем и учащимися, а также между самими учащимися, которые формируют мотивацию и успеваемость становятся инструментами, влияющими на успешное приобретение навыка. В классах с благоприятным социальным климатом учащиеся с большей вероятностью будут прилагать усилия, и обращаться за помощью к учителю, что создает подходящую атмосферу сотрудничества на занятиях [16].

Результаты исследования и их обсуждение. Результатом нашего обсуждения стала разработка структурно-функциональной модели, основанной на коммуникативно-прагматическом подходе и организованная в виде следующих взаимосвязанных блоков.

Нормативно-целевой блок методической модели обучения английскому языку детей граждан зарубежных стран во втором классе представляет собой системообразующее основание, задающее вектор и стратегическую направленность всей педагогической конструкции.

Для нашего исследования основными стратегическими целями преподавания иностранного языка на начальной ступени образования являются:

- формирование элементарной иноязычной коммуникативной компетенции, понимаемой как способность и готовность младшего школьника вступать в речевое взаимодействие на иностранном языке в пределах ограниченного круга повседневных ситуаций, охватывающего все четыре вида речевой деятельности — аудирование, говорение, чтение и письмо;

- воспитание личностных качеств, таких как уважение к иной культуре, толерантность, открытость к диалогу, эмпатия и готовность к взаимодействию с представителями других культур, что особенно значимо в поликультурной среде современной школы;

- мотивирование обучающихся к дальнейшему изучению иностранного языка, к расширению коммуникативного опыта и овладению средствами межкультурного общения [17].

Теоретико-методологический блок представляет собой концептуальную основу разрабатываемой модели обучения английскому языку детей граждан зарубежных стран во втором классе и раскрывает ее научную сущность, дидактическую направленность и методологическую валидность.

Основанием модели выступает коммуникативно-прагматический подход. Согласно положениям данного подхода, обучение иностранному языку должно быть направлено не просто на усвоение языковых форм и структур, но прежде всего на формирование у учащихся способности и готовности использовать язык в реальных речевых ситуациях, обусловленных конкретными целями, условиями, участниками и средствами коммуникации. Это предполагает доминирование практико-ориентированной направленности содержания, наличие ситуационной обусловленности учебных заданий, широкое использование аутентичных речевых моделей и активное вовлечение обучающихся в речевую деятельность. Учащийся в этом контексте выступает не объектом, а субъектом образовательного процесса, а сам процесс становится не трансляцией знаний, а совместной деятельностью по их освоению, преобразованию и применению.

Данный подход реализуется в модели через функцию личностно-деятельностной ориентации, предполагающей включение обучающегося в активную речевую деятельность, самостоятельный поиск смысла, осознание целей и способов достижения результата, а также развитие универсальных учебных действий. Особое внимание уделяется условиям психологического комфорта, положительной мотивации и преодоления коммуникативного барьера у детей граждан зарубежных стран.

Структура теоретико-методологического блока уточняется через систему взаимосвязанных компонентов, отражающих разные уровни организации содержания и процесса обучения.

Лингвистический компонент определяет отбор языкового и речевого материала, исходя из потребностей общения, коммуникативных ситуаций и социолингвистического контекста. Он включает:

- 1) фонетический минимум (освоение звуков, ударений, интонационных моделей);

- 2) лексический минимум (словарный запас по тематическим блокам, достаточный для выражения базовых коммуникативных намерений);

- 3) грамматический минимум (основные грамматические структуры, обеспечивающие построение типовых фраз и предложений).

Также в рамках лингвистического компонента выделяется речевой материал, представленный: типовыми предложениями и фразами, диалогами-образцами, образцами монологических высказываний, средствами формирования самоконтроля, самоанализа и самокоррекции на начальном этапе обучения. Таким образом, лингвистический компонент обеспечивает формирование функциональной языковой базы, позволяющей использовать изучаемый материал в учебно-коммуникативных целях.

Целью **психологического компонента** является формирование у обучающихся устойчивой способности пользоваться изучаемым языком в целях общения, а также развитие положительной установки к учебной деятельности. Особое значение придается:

- 1) организации активной самостоятельной деятельности учащихся в процессе освоения материала;

- 2) созданию условий для интеграции языковых навыков в когнитивную сферу учащегося;

- 3) снижению уровня тревожности, особенно у детей граждан зарубежных стран, испытывающих адаптационные трудности.

Психологический компонент служит внутренним регулятором образовательного процесса, обеспечивая включенность, активность, эмоциональное принятие языка как средства самовыражения.

Методологический компонент направлен на формирование у младших школьников учебной самостоятельности, овладение стратегиями и приемами учения. Он включает:

- 1) обучение рациональному использованию учебных пособий (учебника, рабочей тетради, грамматического справочника);

- 2) формирование навыков работы со словарем и звукозаписью;

- 3) развитие учебных стратегий и самообучающих механизмов.

Целью методологического компонента является развитие самостоятельного учебного труда, что особенно важно в долгосрочной перспективе, — овладение иностранным языком на том уровне, который необходим для полноценного речевого взаимодействия после многолетнего изучения в школе.

Третий, **содержательный (программно-тематический) блок**, конкретизирует учебный материал и тематику уроков на основе адаптированной программы для второго класса, выделяя прагматические минимумы для детей граждан зарубежных стран, а также определяет структуру и содержание учебного материала, адаптированного под потребности младших школьников. На данном этапе закладываются универсальные учебные действия, способствует развитию коммуникативных, когнитивных и адаптивных ресурсов ребёнка. Особый акцент

на актуальные для детей граждан зарубежных стран темы и социокультурную направленность обеспечивает успешную интеграцию в школьную среду и укрепление мотивации к обучению.

Технологический блок методической модели определяет конкретные пути реализации целей и задач, заложенных в нормативно-целевом и содержательном компонентах. Он раскрывает организационно-методические аспекты построения учебного процесса и описывает совокупность педагогических технологий, методов и приемов, направленных на достижение запланированных образовательных, развивающих и воспитательных результатов, с учетом специфики целевой аудитории — детей граждан зарубежных стран, обучающихся во втором классе.

Вышеописанный блок включает в себя описание прагматических задач, формулируемых для каждого учебного занятия, что отражает ориентацию модели на реализацию коммуникативно-прагматического подхода. В основе проектирования каждого урока лежит не абстрактное овладение языковыми единицами, а решение конкретных коммуникативных задач: умение представиться, рассказать о семье, спросить о любимом животном, выразить предпочтения, сделать комплимент, пригласить к игре и т. д. Тем самым реализуется ситуативно-деятельностная организация речевого материала, обеспечивающая его усвоение в условиях, максимально приближенных к реальному речевому взаимодействию.

Важным направлением данного блока является реализация развивающих и воспитательных целей, среди которых можно выделить развитие речемыслительной активности, формирование навыков сотрудничества, эмоциональной отзывчивости, толерантности и интереса к иной культуре. Для детей граждан зарубежных стран особенно значимо создание комфортной психологической среды, снижающей тревожность и формирующей позитивную установку на овладение новым языком.

Технологический блок обеспечивает операционализацию целей модели, реализует ее методологические установки и выступает в качестве связующего звена между теорией и практикой. Через сочетание игровых, театрализованных и коммуникативных форм организации процесса, опоры на наглядность и смену видов речевой и когнитивной деятельности обеспечивается высокая степень включенности учащихся в процесс, повышается эффективность усвоения языкового материала и достигается устойчивое развитие элементарной иноязычной коммуникативной компетенции в условиях поликультурной образовательной среды.

Критериально-оценочный блок методической модели представляет собой компонент, обеспечивающий обратную связь в образовательном процессе и выполняющий диагностическую, коррекционно-развивающую и мотивационную функции. Он направлен на объективную фиксацию уровня сформированности у обучающихся планируемых образовательных результатов — как предметных, так и метапредметных, личностных и социокультурных — в соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования (далее — ФГОС НОО) и спецификой обучения детей-инофонов.

Данный блок разрабатывается с учетом адаптационного периода детей граждан зарубежных стран, находящихся в ситуации билингвизма или начального языкового погружения. Поэтому система оценки носит формирующий

и гибкий характер, позволяя не только фиксировать результаты, но и направлять педагогическую деятельность, своевременно вносить изменения в содержание, методы и темп обучения, учитывать индивидуальные траектории освоения материала.

Оценка осуществляется по каждому из четырех видов речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение, письмо, — а также по параметру социокультурной адаптированности. Для каждого направления разработаны практикоориентированные, достижимые критерии, соотнесенные с возрастными, психолингвистическими и социокультурными особенностями обучающихся.

Критериально-оценочный блок органически связывает цели, содержание и технологии с реальными результатами обучения. Он позволяет учитывать разнообразие языковых стартов и адаптационных траекторий обучающихся, формирует устойчивую мотивацию и ориентирует педагогическую деятельность на развитие коммуникативных умений, а не на проверку формального знания языковых единиц.

Результативный блок методической модели обучения английскому языку детей граждан зарубежных стран во втором классе представляет собой обобщающую компоненту, фиксирующую ожидаемые образовательные, личностные и социокультурные результаты, к которым должен привести реализуемый процесс обучения. Данный блок не только демонстрирует целостность и внутреннюю согласованность модели, но и подтверждает ее соответствие стратегическим установкам ФГОС НОО, в частности его требованиям к предметным, метапредметным и личностным результатам, а также специфическим потребностям детей граждан зарубежных стран. Ключевым показателем эффективности модели является формирование элементарной иноязычной коммуникативной компетенции в четырех видах речевой деятельности — аудировании, говорении, чтении и письме. Указанная компетенция рассматривается в соответствии с ФГОС НОО как интегративный результат, включающий речевые, языковые, компенсаторные, социокультурные и учебно-познавательные умения и навыки, обеспечивающие готовность младшего школьника к устному и письменному общению в пределах изученных тем.

Требования ФГОС НОО к формированию иноязычной коммуникативной компетенции предполагают овладение учащимися способностью осуществлять речевое взаимодействие с учетом цели, адресата и условий коммуникации. Данные положения соотносятся с положениями коммуникативно-прагматического подхода, представленного в работах Цао Юйпин, где подчеркивается, что обучение иностранному языку должно обеспечивать развитие умения интерпретировать интенциональную структуру высказывания и учитывать прагматические параметры речевой ситуации [18]. Следовательно, реализация требований ФГОС НОО объективно предполагает включение прагматического компонента в содержание обучения на начальном этапе.

Выводы

В исследовании разработана и обоснована модель реализации дополнительной общеразвивающей программы по английскому языку для детей граждан зарубежных стран, направленная на формирование иноязычного говорения в условиях поликультурной образовательной среды. Определены теоретические основания программы, ее структурные компоненты и критерии оценки

сформированности речевых умений. Полученные данные подтверждают эффективность системной организации обучения, обеспечивающей развитие коммуникативных навыков и снижение речевых затруднений у обучающихся.

Сочетание коммуникативно-деятельностного и прагматического подходов способствует не только овладению языковыми средствами, но и созданию благоприятного эмо-

ционального климата в классе [19], снижению тревожности и формированию позитивной учебной мотивации. Это особенно значимо для детей граждан зарубежных стран.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение возрастных границ программы и совершенствование диагностических инструментов оценки речевого развития обучающихся.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эррера Павон Ю. Р. Особенности использования коммуникативно-прагматического подхода в обучении младших школьников иностранному языку // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2025. Вып. 4(857). С. 93—98.
2. Колычева В. Л. Дети-мигранты в контингенте общеобразовательных учреждений города Мурманска: статистика и практика обучения // Обучение языкам в полиэтнической среде региона : сб. науч. ст. по итогам Всерос. с междунар. участием науч.-практ. семинара. М. : Русайнс, 2023. С. 168—171.
3. Джioева А. Р., Джioева Ф. Х. Место и роль обучения языкам в поликультурном образовании и воспитании школьников // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 6(97). С. 119—122. DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-119-122.
4. Парфенова С. О., Семенова Л. А., Василенко Е. Д. Особенности формирования межкультурной коммуникативной компетенции младших школьников во внеурочной проектной деятельности при использовании аутентичных материалов // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. № 2. С. 185—189. DOI: 10.30853/pedagogy.2020.2.10.
5. Интеграция детей-инофонов в российское образовательное пространство: лингвистическая и социокультурная адаптация / А. В. Гусев, Е. И. Хачикян, О. В. Масленникова и др. // Современное педагогическое образование. 2022. № 6. С. 298—304.
6. Жаркова Т. И. Использование метода «Storyline» на уроке французского языка неязыкового вуза // Иностранные языки в школе. 2022. № 4. С. 74—81.
7. Чернышева А. С. Сторителлинг как часть коммуникативного подхода при обучении английскому языку младших школьников // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2023. Т. 15. № 2. С. 142—149. DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-2/142-149.
8. Гальскова Н. Д., Орешкова Н. Л. Аксиологическая лингводидактика в системе профессионального лингвистического образования // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 30. № 3. С. 610—620. DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-3-610-620.
9. Твардовская А. А., Габдулхаков В. Ф., Новик Н. Н. Билингвизм и регуляторные функции у дошкольников: обзор исследований // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 164. Кн. 1—2. С. 87—100. DOI: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.87-100.
10. Ушакова М. Е. Педагогические условия социокультурной адаптации детей-мигрантов в дошкольной образовательной организации : дис. ... канд. пед. наук. М., 2018. 256 с
11. Ижденева И. В. Личностно-ориентированный подход в современном образовательном пространстве // Интерактивная наука. 2021. № 8(63). С. 21—22. DOI: 10.21661/г-554781.
12. Сороковых Г. В. Субъектно-деятельностный подход в лингвистической подготовке студентов неязыковых вузов : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Курск, 2004. 43 с
13. Хухлаев О. В., Чибисова М. Ю., Шеманов А. А. Инклюзивный подход к интеграции детей мигрантов в образовании // Психологическая наука и образование. 2015. Т. 20. № 1. С. 15—27. DOI: 10.17759/pse.2015200103.
14. Шевченко Т. Ю. Интеграция детей из семей иноэтничных мигрантов в российское общество: теория и практика : дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2014. 212 с
15. Хома А. В. Особенности обучения русскому языку детей-мигрантов // Всероссийский сборник статей и публикаций института развития образования, повышения квалификации и переподготовки. URL: <https://ropkip.ru/publication/397486>.
16. Гопало А. В. Основные проблемы в преподавании иностранного языка в современной школе 2024 года в условиях ФГОС // Молодой ученый. 2024. № 18(517). С. 393—397.
17. Калинина М. С., Остринская Н. Н., Эстерман М. А. Содержание обучения иностранным языкам в контексте реализации ФГОС // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1(34). С. 94—102.
18. Цао Юйпин, Чжу Цзинсун. Проблемы прагмалингвистики: коммуникативно-прагматический подход : моногр. Екатеринбург : Копимаркет, 2015. 157 с.
19. Ненюк Е. А. Эмоциональный климат в классе как основа обучения иностранному языку // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3 (106). С. 263—266. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-263-266.

REFERENCES

1. Herrera Pavon Y. R. Features of Using the Communicative and Pragmatic Approaches in Teaching Foreign Languages to Primary School Children. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* = *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*. 2025;4(857):93—98. (In Russ.)
2. Kolychева V. L. Migrant children in the Murmansk schools: statistics and educational practice. *Obuchenie yazykam v polietnicheskoi srede regiona* = *Language teaching in the multiethnic environment of the region. Collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical seminar with international participation*. Moscow, Rusains, 2023:168—171. (In Russ.)

3. Dzhioeva A. R., Dzhioeva F. Kh. The place and role of language teaching in multicultural education of schoolchildren. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2022;6(97):119—122. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2022-697-119-122.
4. Parfenova S. O., Semenova L. A., Vasilenko E. D. Specificity of Forming Junior Pupils' Crosscultural Communicative Competence in Extracurricular Project Activity with the Use of Authentic Materials. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2020;5(2):185—189. (In Russ.) DOI: 10.30853/pedagogy.2020.2.10.
5. Gusev A. V., Khachikyan E. I., Maslennikova O. V. et al. Integration of foreign - speaking children into the russian educational environment: linguistic and socio-cultural adaptation. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2022;6:298—304. (In Russ.)
6. Zharkova T. I. Using the 'Storyline' method in a french lesson at a non-linguistic university. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2022;4:74—81. (In Russ.)
7. Chernysheva A. S. Storytelling as part of a communicative approach in teaching English to young learners. *Territoriya novykh vozmozhnostei. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta = The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*. 2023;15(2):142—149. (In Russ.) DOI: 10.24866/VVSU/2949-1258/2023-2/142-149
8. Galskova N. D., Oreshkova N. L. Axiological linguadidactics in the system of professional linguistic education. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2025;30(3):610—620. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-0201-2025-30-3-610-620.
9. Tvardovskaya A. A., Gabdulkhakov V. F., Novik N. N. Bilingualism and executive functions in preschoolers: A review of the research progress. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki = Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*. 2022;164(1—2):87—100. (In Russ.) DOI: 10.26907/2541-7738.2022.1-2.87-100.
10. Ushakova M. E. Pedagogical conditions of socio-cultural adaptation of migrant children in preschool educational organizations. Diss. of the Cand. of Pedagogy. Moscow, 2018. 256 p. (In Russ.)
11. Izhdeneva I. V. Personality-oriented approach in the modern educational space. *Interaktivnaya nauka = Interactive science*. 2021;8(63):21—22. (In Russ.) DOI: 10.21661/r-554781.
12. Sorokovikh G. V. The subject-activity approach in the linguistic training of students of non-linguistic universities. Abstract of diss. of the Doct. of Pedagogy. Kursk, 2004. 43 p. (In Russ.)
13. Khukhlaev O. E., Chibisova M. Y., Shemanov A. Yu. Inclusive Approach to the Integration of Migrant Children in Education. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2015;20(1):15—27. (In Russ.) DOI: 10.17759/pse.2015200103.
14. Shevchenko T. Yu. Integration of children from families of non-ethnic migrants into Russian society: theory and practice. Diss. of the Cand. of Sociology. Saint Petersburg, 2014. 212 p. (In Russ.)
15. Khoma A. V. Features of teaching Russian to migrant children. *All-Russian collection of articles and publications of the Institute for the Development of Education, Advanced Training and Retraining*. (In Russ.) URL: <https://ropkip.ru/publication/397486>.
16. Gopalo A. V. The main problems in teaching a foreign language in a modern school in 2024 in the context of the Federal State Educational Standard. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2024;18(517):393—397. (In Russ.)
17. Kalinina M. S., Ostrinskaya N. N., Esterman M. A. The content of learning foreign languages in the context of the implementation of the federal state educational standard. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2019;1(34):94—102. (In Russ.)
18. Cao Yuping, Zhu Jinsong. Problems of pragmalinguistics: a communicative and pragmatic approach. Monograph. Ekaterinburg, Kopimarket, 2015. 157 p. (In Russ.)
19. Nenyuk E. A. Emotional environment in the classroom as a basis for a foreign language learning. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2024;3(106):263—266. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2024-3106-263-266.

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 03.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 03.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 004.89
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1507

Nadezhda Aleksandrovna Antonova
Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Foreign Languages Department No. 2,
I. N. Ulianov Chuvash
State University
Cheboksary, Russian Federation
nejda@rambler.ru

Denis Andreevich Drandrov
postgraduate of the Department of Theory
and Methodology of Physical Culture and Sports,
field of training
5.8.7 — Methodology and technology
of vocational education,
Chuvash I. Yakovlev State
Pedagogical University
Cheboksary, Russian Federation
drandrov2013@mail.ru

Надежда Александровна Антонова
канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков № 2,
Чувашский государственный
университет имени И. Н. Ульянова
Чебоксары, Российская Федерация
nejda@rambler.ru

Денис Андреевич Драндров
аспирант кафедры теории
и методики физической культуры и спорта,
направление подготовки
5.8.7 — Методология и технология
профессионального образования,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева
Чебоксары, Российская Федерация
drandrov2013@mail.ru

СУЩНОСТНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЯ «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В работе рассматриваются история возникновения и становления искусственного интеллекта (ИИ) в России и за рубежом, анализируются и систематизируются подходы отечественных и зарубежных ученых к пониманию феномена ИИ, отмечается их значительное разнообразие и отсутствие однозначного и общепринятого понимания его сущности и содержания. Отмечается значимость преодоления терминологической неопределенности данного понятия для успешного решения технологических, правовых, этических аспектов его применения и преодоления возможных негативных последствий. В работе приведено сформулированное на основе обзора научно-методической литературы понимание сущности ИИ как цифровой технологии, реализуемой с помощью компьютерного устройства с соответствующим программным обеспечением, которое способно осуществлять интеллектуальные процессы и самостоятельно принимать решения при взаимодействии с окружающей средой, адаптироваться к ее изменениям и совершенствоваться. Содержание ИИ составляют способы его функционирования,

которые различаются по функциональным возможностям (узкий, общий и сверхразумный) и решаемым задачам (машинное обучение, глубокое обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение и робототехника).

Знания о качественном своеобразии сущности и содержания ИИ являются теоретической основой дальнейших научных исследований, направленных на его развитие, совершенствование и внедрение, позволяют определить его роль и место в различных сферах жизни современного общества, сформулировать правовые и этические нормы его применения, предвидеть возможные негативные последствия его применения, использовать его в качестве инструмента повышения эффективности профессиональной деятельности в различных сферах жизни современного общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект / ИИ, сущность, содержание, законодательное регулирование, технологическое обеспечение, перспективы развития, различные подходы, интеллектуальные системы, технологии ИИ, преимущества, недостатки, цифровое образование

Для цитирования: Антонова Н. А., Драндров Д. А. Сущностно-содержательная характеристика понятия «искусственный интеллект» // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 411—416. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1507.

Original article

ESSENTIAL AND CONTENT CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. This paper examines the history of the emergence and development of AI in Russia and abroad, analyzing and systematizing the approaches of domestic and international scholars

to understanding the phenomenon of artificial intelligence, noting their significant diversity and the lack of a clear and generally accepted understanding of its essence and content. It emphasizes

the importance of overcoming the terminological ambiguity of this concept for successfully addressing the technological, legal, and ethical aspects of its application and overcoming potential negative consequences. Based on a review of scientific and methodological literature, the paper presents an understanding of AI as a digital technology implemented using a computer device with appropriate software, capable of performing intelligent processes and independently making decisions when interacting with the environment, adapting to changes in it, and continuously improving. AI consists of its operating methods, which vary in their functional capabilities (narrow, general, and superintelligent) and the tasks they solve (machine learning, deep learning, natural language processing, computer vision, and robotics).

Knowledge of the qualitative uniqueness of the essence and content of AI provides the theoretical basis for further scientific research aimed at its development, improvement, and implementation. It allows us to determine its role and place in various spheres of modern society, formulate legal and ethical standards for its application, anticipate possible negative consequences, and utilize it as a tool for improving the effectiveness of professional activity in various spheres of modern society.

Keywords: artificial intelligence / AI, essence, content, legislative regulation, technological support, development prospects, various approaches, intelligent systems, AI technologies, advantages, disadvantages, digital education

For citation: Antonova N. A., Drandrov D. A. Essential and content characteristics of the concept of artificial intelligence. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):411—416. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1507.

Введение

Актуальность. Развитие искусственного интеллекта (*artificial intelligence*; далее — ИИ) имеет далеко идущие последствия, выходящие за рамки технологий и затрагивающие экономику, политику, общество и этику. Действия российского правительства для продвижения ИИ и правового регулирования его применения обеспечивают соблюдение правового баланса между защитой прав граждан и интересами бизнеса, определяют юридическую ответственность за решения, принимаемые ИИ, гарантируют информационную безопасность и защиту конфиденциальных данных, справедливое распределения выгод от внедрения новых технологий. В связи с быстрым развитием и стремительным внедрением ИИ во все сферы человеческой деятельности возникает острая необходимость в научно обоснованном определении его сущности и содержания и создании на этой основе государственного правового регулирования его применения, обеспечивающего соблюдение прав и интересов как отдельных лиц, так и организаций и даже целых государств.

Изученность проблемы. В России ИИ стал активно внедряться с началом нового столетия, чему способствовали государственные программы и инициативы его разработчиков. Российскими учеными предлагаются различные подходы к пониманию качественного своеобразия его природы и содержания. Поэтому И. Р. Бегиев, Э. Ю. Латыпова и Д. В. Кирпичников говорят о необходимости точного, однозначного и общепризнанного определения ИИ [1, с. 83]. Это выступает, по мнению В. Н. Синельниковой и О. В. Ревинского необходимой предпосылкой его рассмотрения со стороны правовых аспектов его применения в различных сферах жизни современного общества [2, с. 21]. На этот аспект обращают внимание Е. А. Ерахтина, В. А. Тирранен [3, с. 39], И. С. Шиткина и Д. О. Бирюкова [4, с. 11]. М. Г. Щербаков [5, с. 81] исследует возникающие в связи с использованием ИИ правовые проблемы. Д. А. Тюрина и С. В. Пальмов [6, с. 159], Б. С. Горячкин и М. А. Китов [7, с. 338], Н. В. Морозова, А. А. Балов, Н. Р. Микелба, А. К. Мамчурев [8, с. 93] акцентируют внимание на ключевых достижениях в области ИИ. М. В. Четвергова и А. В. Рябов [9, с. 27], З. А. Насурова, А. А. Халидов, А. С. Лугуева [10, с. 113] в своих исследованиях рассматривают перспективы развития и проблемы внедрения, связанные с ИИ. В. Н. Ручкин и В. А. Фулин [11] в своей работе особый акцент делают на изучении внутренней содержательной технологической стороны этого феномена.

Они рассматривают внутренние механизмы его функционирования. Л. С. Болотова [12] и Т. М. Смоликова [13] также в качестве предмета своих научных изысканий выделяют используемые в ИИ различные модели и технологии. П. М. Морхат в своей работе проводит критической анализ представленных в научной литературе определений ИИ, выделяет и анализирует существующие технические, правовые и этические аспекты его внедрения и применения в жизни современного общества [14, с. 31].

По мнению И. А. Каляева, преодоление терминологической неопределенности понятия ИИ является необходимым условием определения перспективных направлений его развития [15, с. 12]. Однако до сих пор сохраняются дискуссионные моменты относительно определения сущности и содержания ИИ, а также стратегий его развития.

Целесообразность разработки темы. Понимание сути и содержания ИИ позволит определить его роль и место в жизни как современного общества, так и каждой личности; сформировать основу для юридического регулирования правил его использования в различных сферах жизни современного общества — образовании, здравоохранении, экономике, промышленности, науке, культуре и т. п., для профилактики возможных негативных последствий его применения, для определения перспективных направлений его развития и областей его эффективного применения.

Научная новизна результатов исследования:

1. Сформулировано определение ИИ как цифровой технологии, реализуемой с помощью компьютерного устройства с соответствующим программным обеспечением, которое способно осуществлять интеллектуальные процессы и самостоятельно принимать решения при взаимодействии с окружающей средой, адаптироваться к ее изменениям и совершенствоваться.

2. Содержание ИИ составляют способы его функционирования, которые различаются по функциональным возможностям (узкий, общий и сверхразумный) и решаемым задачам (машинное обучение, глубокое обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение и робототехника).

Цель исследования — определение сущности и содержания искусственного интеллекта.

Задачи исследования:

1. Выявить существенные признаки феномена ИИ и сформулировать на этой основе авторское понимание сущности данного понятия.

2. Рассмотреть способы функционирования ИИ с учетом их функциональных возможностей и решаемых задач и определить на этой основе его содержание.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его материалы расширяют и дополняют теорию методик профессионального образования знаниями о качественном своеобразии сущности и содержании ИИ как действенного инструмента повышения эффективности профессиональной деятельности в различных сферах жизни современного общества. Результаты исследования являются теоретической основой дальнейших научных исследований, направленных на его развитие и совершенствование.

Практическая значимость результатов исследования состоит в том, что понимание сути и содержания ИИ позволит определить его роль и место в различных сферах жизни современного общества, сформулировать правовые и этические нормы его применения, снизить возможные негативные последствия его применения, определить перспективные направления его развития и области его эффективного применения.

Основная часть

Методология исследования. Для достижения цели исследования используются положения законодательных и нормативных правовых актов, регулирующих развитие и применение ИИ в различных сферах жизни общества и государства, материалы научных исследований ученых в предметной области «искусственный интеллект».

Результаты и обсуждение исследования. Искусственный интеллект совершил переход из области фантастики и мечтаний к статусу надежного рабочего инструмента, прочно укоренившегося в самых разных отраслях нашей жизни. Появление такой модели, как *GPT-4*, разработанной американской компанией *OpenAI*, и динамично развивающихся российских разработок в области ИИ [*Яндекс*, *GigaChat* (Сбер), *Kandinsky* (Сбер), *Imagine* (Сбер), *NeuroHub* и др.] подстегнуло конкуренцию между ведущими компаниями в попытках создать более эффективные технологические решения в области ИИ.

Термин «искусственный интеллект» появился в 1956 г., когда американский ученый Джон Маккартни провел конференцию в Дармутском колледже. Становление ИИ в России началось в середине XX в., в период с 1950 по 1960 г.

История отечественных исследований в области ИИ богата и многогранна, и включает несколько качественно различающихся по решаемым задачам *этапов развития*. Начало исследований в сфере ИИ приходится на 1950-е гг., когда материалы научных изысканий Александра Берга и Алексея Ляпунова открыли дорогу дальнейшим исследованиям. В эти годы в Московском государственном университете усилиями Евгения Лазарева, Владимира Тихомирова и Виктора Колодина были созданы первые *экспертные системы*.

В 1960-е гг. наблюдался прогресс в области исследования *распознавания образов*. Институт кибернетики Академии наук под предводительством Виктора Глушкова занимался автоматизацией геометрических характеристик объектов, созданием инновационных подходов в области машинного зрения.

Следующее десятилетие (1960—1970-е гг.) было периодом формирования теоретических и технологических основ *интеллектуального управления* сложными системами. В 1970-х гг. проводились исследовательские работы по разработке интеллектуальных систем.

Следующее десятилетие (1970—1980-е гг.) можно охарактеризовать как прогресс непосредственно в сфере *искусственного интеллекта*. Немаловажную роль в этом период сыграли Михаил Тепляков и Леонид Жук. В этот период была продемонстрирована шахматная программа «Каиса», которую разработал Михаил Ботвинник.

В 1990-е гг. в развитии ИИ наблюдается существенный регресс. Российские ученые, которые занимались разработками в области ИИ, устремились на Запад.

И только в 2000-х гг. начинается бурное развитие ИИ. В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг. (утв. Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203) технология ИИ определена как одно из *приоритетных направлений* развития цифровой экономики.

В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется федеральный проект «Искусственный интеллект» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р). Его основная цель заключается во *внедрении ИИ* в различные сферы жизни российского общества, включая систему образования.

Федеральным законом от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ были внесены существенные поправки в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике», предусматривающие меры поддержки разработок в сфере ИИ и предоставляющие научному сообществу широкие возможности для исследований и экспериментов.

В июне 2021 г. Министерством науки и высшего образования РФ был издан приказ № 863н, который установил правила выделения грантов российским организациям для финансирования разработок проектов в области ИИ.

Постановление Правительства РФ от 21 мая 2021 г. № 767 направлено на предоставление субсидий федерального бюджета на поддержку некоммерческой организацией «Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий» создания пилотных технологических проектов ИИ и их апробации в приоритетных отраслях.

Т. М. Смоликова подчеркивает, что «особый интерес использования робототехники и ИИ специалисты видят в образовании. Образование через всю жизнь, или многоконтекстное непрерывное обучение, — требование современности» [13, с. 123].

В настоящее время отсутствует однозначное понимание сущности ИИ. Это наблюдается в толковании данного феномена у различных авторов.

В частности, М. Г. Щербаков определяет ИИ как «*человекоподобную систему* имитирующую деятельность человека» [5, с. 80].

Как видно из приведенных выше определений, качественное своеобразие ИИ видится в функциональных возможностях созданного технического устройства, в сравнении с интеллектуальными возможностями живого человека.

Наблюдается разнообразие в подходах отечественных ученых в толковании сущности ИИ.

В. Н. Синельникова и О. В. Ревинский под ИИ понимают «*компьютерную программу*, созданную человеком и способную создавать новую информацию» [2, с. 21].

И. Р. Бегишев, Э. Ю. Латыпова и Д. В. Кирпичников предлагают рассматривать ИИ как «*автономную интеллектуальную систему*, обладающую способностями к осознанно-волевому поведению, самообучению и самоконтролю» [1, с. 86].

В. Н. Ручкин и В. А. Фулин идентифицируют ИИ как «*совокупность мета-процедур представления знаний, рассуждений, поиска актуальной информации, имитирующих деятельность человека*» [11, с. 132].

Л. С. Болотова определяет ИИ как «*искусственную систему, способную имитировать интеллект человека, то есть способность получать, обрабатывать, хранить информацию и знания и выполнять над таковыми разные действия, совокупно называемые мышлением*» [12, с. 437].

И. С. Шиткина и Д. О. Бирюков определяют ИИ как результат интеллектуальной деятельности человека, выраженный в придании способности созданным человеком объектам материального мира осуществлять функции, деятельность, свойственные человеческому интеллекту [4, с. 7].

Е. А. Ерахтина и В. А. Тирранен полагают, что ИИ — «это *свойство интеллектуальных систем* (в том числе компьютерных программ, включая нейросети) выполнять функции и решать задачи, в том числе специально не оговоренные в системе изначально, обучаться и адаптировать свое поведение под конкретные условия, а также принимать решения, исходя из этих условий и поставленных целей» [3, с. 38].

И. А. Каляев сформулировал такое определение ИИ: «это *свойство искусственных систем* решать интеллектуальные задачи, для которых отсутствует алгоритм решения» [15, с. 11].

П. М. Морхат предлагает определять ИИ как «полностью или частично автономную самоорганизующуюся (самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программную виртуальную (*virtual*) или киберфизическую (*cyberphysical*), в том числе биокibernетическую (*biocybernetic*), систему (юнит), наделенную / обладающую определенным автором перечнем возможностей и способностей» [14, с. 28].

Зарубежные исследователи, такие как Фрэнк Чен и Джереми Ачин, определяют ИИ как:

– «*компьютерную систему, способную выполнять задачи, требующие человеческого интеллекта*» (<https://technologymagazine.com/video/datarobot-ai-experience6>);

– «*набор алгоритмов, которые пытаются имитировать человеческий интеллект*» (<https://mixpanel.com/blog/frank-chen-ai-andreessen-horowitz/>).

Обобщая вышеприведенные подходы к определению сущности ИИ, можно заключить, что они не различаются в определении его родовой принадлежности: все исследователи сходятся в том, что рассматривают ИИ как продукт общечеловеческой культуры, созданный человеком, как техническое устройство.

Различия наблюдаются при выделении существенных признаков, которые отличают эти технические устройства. Общей основой функционирования этих устройств являются *цифровые технологии*, которые необходимы для их функционирования.

Об этом косвенно говорится во всех приведенных выше вариантах определения ИИ. Все выделяемые авторами технические устройства, а именно: компьютеры, компьютерные программы, компьютерные устройства, интеллектуальные системы, искусственные системы, совокупность мета-процедур значимости, наборы алгоритмов — интуитивно предполагают, что основой их функционирования являются цифровые технологии, которые реализуются при взаимодействии с внешним миром с помощью компьютерного устройства и соответствующего программного обеспечения.

Обратим внимание на качественное своеобразие ИИ, отличающего его от других компьютерных устройств, созданных человеком. Сравнительный анализ приведенных выше определений сущности ИИ говорит о том, что в большинстве определений при выделении существенных признаков ИИ указывается моделирование *интеллектуальных функций человека* (мышление, рассуждение, принятие решений). Во многих определениях отмечается *способность ИИ к обучению, саморазвитию и самосовершенствованию* через усвоение опыта решения нетривиальных задач, для которых отсутствует алгоритм решения.

Следующим существенным признаком ИИ, выделяемым многими авторами, является *автономность и самостоятельность* принимаемых решений и выбора действий при их реализации.

Интерактивность и рефлексивность как существенные признаки ИИ характеризуют его способности к взаимодействию с окружающей средой и оперативному самостоятельному реагированию на ее изменения.

С учетом выделяемых в настоящее время родового и существенных признаков ИИ нами сформулировано его рабочее определение как *цифровой технологии, реализуемой с помощью компьютерного устройства с соответствующим программным обеспечением, которое способно осуществлять интеллектуальные процессы и самостоятельно принимать решения при взаимодействии с окружающей средой, адаптироваться к ее изменениям и совершенствоваться*.

Это определение совпадает с первым опубликованным в России официальным определением ИИ на законодательном уровне.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. (утв. Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490) определяет ИИ как «...комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений» (пп. «а» п. 5).

В настоящее время существует несколько способов **классификации ИИ**. С учетом *функциональных возможностей* выделяются:

• **Узкий ИИ (Narrow AI)** — наиболее распространенная форма ИИ, которая может выполнять только *конкретные, четко определенные задачи*, например распознавать лица, отвечать на вопросы голосовых помощников. Примеры: Siri, «Алиса», «Салют» от Сбера, «Маруся» и т. д.

• **Общий ИИ (General AI)** — это ИИ, который способен решать *любые задачи*, которые под силу человеку, способен к обучению и рассуждению. На данный момент такой тип ИИ существует лишь в теории. Однако создание такого ИИ стало бы прорывом в области технологий.

• **Сверхразумный ИИ (Super AI)** — данный тип ИИ превосходит теоретически человеческий интеллект, включает *творческое мышление и эмоциональное восприятие*. Его разработка вызывает серьезные опасения и связана с этическими рисками, включая потенциальную угрозу для человечества.

С учетом решаемых задач выделяются:

- **Машинное обучение (Machine Learning)** — позволяет системам ИИ *учиться* на основе данных, не требуя от человека описание каждого шага.

- **Глубокое обучение (Deep learning)** — обладает способностью решать сложные задачи, недоступные для автоматизации и эффективно работать с *большими объемами данных*. Примеры: компьютерное зрение, игровые технологии и развлечения, медицина, голосовые и финансовые технологии. Обычно, когда используется термин «глубокое обучение», имеют в виду глубокие искусственные нейронные сети, и несколько реже — глубокое обучение с подкреплением.

- **Обработка естественного языка (NLP)** — это область ИИ, направленная на *взаимодействие компьютеров с человеческим языком*. Благодаря этим технологиям могут осмысливать, обрабатывать и создавать тексты на человеческом языке. Это делает процесс общения похожим на живую речь. Как отмечают Д. А. Тюрина и С. В. Пальмов, такое общение «...используется для создания систем голосового управления, таких как *Siri* и *Alexa*, для транскрибирования речи в текст, для управления процессами производства в промышленности, для улучшения качества обслуживания клиентов в контакт-центрах, для облегчения взаимодействия между людьми разных языков, а также для многих других задач» [6, с. 161].

- **Компьютерное зрение (Computer Vision)** — область ИИ, которая позволяет машинам «видеть», распознавать объекты и осмысливать информацию. Примеры: распознавание объектов, жестов, движений, медицинская диагностика, виртуальная реальность. Б. С. Горячкин и М. А. Китов отмечают, что «компьютерное зрение — быстро растущая область исследований, уже трансформирующая многие индустрии, а также повседневную жизнь человека» [7, с. 340].

- **Робототехника** — область ИИ, которая занимается созданием, производством и управлением роботами, которые способны выполнять *механические задачи* как на производстве, так и в домашних условиях. Примеры: автомобильная, пищевая, фармацевтическая промышленность, медицина, безопасность, оборона, космос, домашние помощники, детские игрушки, образовательные устройства.

Н. В. Морозова, А. А. Балов, Н. Р. Микелба, А. К. Мамчуев полагают, что «роботы с человекоподобной интеллектуальностью могут выполнять сложные задачи, которые ранее требовали человеческого вмешательства» [8, с. 90].

По мнению М. В. Четверговой и А. В. Рябова, «технологий ИИ роботы станут еще более способными и смогут выполнять задачи, которые в настоящее время не под силу человеку» [9, с. 28].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бегишев И. Р., Латыпова Э. Ю., Кирпичников Д. В. Искусственный интеллект как правовая категория: доктринальный подход к разработке дефиниции // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С. 79—91. DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.1.79-91.
2. Синельникова В. Н., Ревинский О. В. Права на результаты искусственного интеллекта // Копирайт. 2017. № 4. С. 17—27.
3. Ерахтина Е. А., Тирранен В. А. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: проблемы квалификации и расследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 2(35). С. 36—41. DOI: 10.51980/2542-1735_2019_2_36.
4. Шиткина И. С., Бирюкова Д. О. Искусственный интеллект: правовые аспекты. Часть 1 // Право и экономика. 2023. № 11(429). С. 5—14.

З. А. Насурова, А. А. Халидов, А. С. Лугуева считают, что «искусственный интеллект несет в себе огромный потенциал для улучшения качества жизни и ускорения прогресса, но требует осознанного и ответственного подхода» [10, с. 112].

Обобщая приведенные выше материалы исследований, можно утверждать, что содержание ИИ в настоящее время составляют способы его функционирования, которые различаются по функциональным возможностям (узкий, общий и сверхразумный) и решаемым задачам (машинное обучение, глубокое обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение и робототехника).

Выводы

Искусственный интеллект, как понятие, появился в середине прошлого столетия, когда исследователи начали задумываться о создании систем, которые способны имитировать человеческий разум. В России вопросы ИИ приобрели особую актуальность только в последние годы, когда государство стало проявлять инициативу, направленную на развитие и внедрение технологий ИИ в различные сферы жизни российского общества, предпринимать шаги по его законодательному регулированию.

В настоящее время отсутствует однозначное понимание сущности ИИ, что служит препятствием для развития и внедрения технологий ИИ. Анализ и обобщение научно-методической литературы в исследуемой нами предметной области позволил сформулировать авторское понимание сущности ИИ как цифровой технологии, реализуемой с помощью компьютерного устройства с соответствующим программным обеспечением, которое способно осуществлять интеллектуальные процессы и самостоятельно принимать решения при взаимодействии с окружающей средой, адаптироваться к ее изменениям и совершенствоваться. Содержание ИИ составляют способы его функционирования, которые различаются по функциональным возможностям (узкий, общий и сверхразумный) и решаемым задачам (машинное обучение, глубокое обучение, обработка естественного языка, компьютерное зрение и робототехника).

Знания о качественном своеобразии сущности и содержании ИИ являются теоретической основой дальнейших научных исследований, направленных на его развитие и совершенствование, внедрение, позволяют определить его роль и место в различных сферах жизни современного общества, сформулировать правовые и этические нормы его применения, предвидеть возможные негативные последствия его применения, использовать его в качестве инструмента повышения эффективности профессиональной деятельности в различных сферах жизни современного общества.

5. Щербаков М. Г. Проблемы правового регулирования трансформации правового статуса искусственного интеллекта: постановка проблемы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 3. С. 73—82.
6. Тюрина Д. А., Пальмов С. В. Применение нейронных сетей в обработке естественного языка // Журнал прикладных исследований. 2023. № 7. С. 158—162.
7. Горячкин Б. С., Китов М. А. Компьютерное зрение // E-Scio. 2020. № 9(48). С. 317—345.
8. Морозова Н. В., Балов А. А., Микелба Н. Р., Мамчуев А. К. Искусственный интеллект: Стремление к технологиям завтрашнего дня // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 101. Ч. 4. С. 91—93. DOI: 10.18411/trnio-09-2023-179.
9. Четвергова М. В., Рябов А. В. Искусственный интеллект: перспективы развития и проблемы внедрения // Современные информационные технологии : сб. науч. ст. Пенза, 2023. Вып. 37. С. 26—29.
10. Насурова З. А., Халидов А. А., Лугуева А. С. Искусственный интеллект: современные применения и перспективы развития // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 2. Т. 9. С. 110—115. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.09.014.
11. Ручкин В. Н., Фулин В. А. Универсальный искусственный интеллект и экспертные системы. СПб. : БХВ-Петербург, 2009. 240 с.
12. Болотова Л. С. Системы искусственного интеллекта: модели и технологии, основанные на знаниях. М. : Финансы и статистика, 2012. 664 с.
13. Смоликова Т. М. Эволюция робототехники и искусственного интеллекта: вызовы и прогнозы // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2020. № 15. С. 121—125.
14. Морхат П. М. К вопросу об определении понятия искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2017. № 12(156). С. 25—32.
15. Каляев И. А. Искусственный интеллект: Камо грядеши? // Экономические стратегии. 2019. Т. 21. № 5. С. 6—15.

REFERENCES

1. Begishev I. R., Latypova E. Yu., Kirpichnikov D. V. Artificial intelligence as a legal category: doctrinal approach to formulating a definition. *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*. 2020;14(1): 79—91. (In Russ.) DOI: 10.21202/1993-047X.14.2020.1.79-91.
2. Sinelnikova V. N., Revinskiy O. V. Rights to the results of artificial intellect. *Kopirait = Copyright*. 2017;4: 17—27. (In Russ.)
3. Erakhtina E. A., Tirranen V. A. Crimes made with the use of artificial intelligence: problems of qualification and investigation. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia*. 2019;2(35): 36—41. (In Russ.) DOI: 10.51980/2542-1735_2019_2_36.
4. Shitkina I. S., Biryukova D. O. Artificial intelligence: legal aspects. Part 1. *Pravo i ekonomika*. 2023;11(429): 5—14. (In Russ.)
5. Sherbakov M. G. Problems of legal regulation of the transformation of the legal status of artificial intelligence: problem statement. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 2019;5(3):73—82. (In Russ.)
6. Tyurina D. A., Palmov S. V. Application of neural networks in natural language processing. *Zhurnal prikladnykh issledovaniy = Journal of Applied research*. 2023;7:158—162. (In Russ.)
7. Goryachkin B. S., Kitov M. A. Computer vision. *E-Scio*. 2020;9(48):317—345. (In Russ.)
8. Morozova N. V., Balov A. A., Mikelba N. R., Mamchuev A. K. Artificial intelligence: striving for the technologies of tomorrow. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*. 2023;101(4):91—93. (In Russ.) DOI 10.18411/trnio-09-2023-179.
9. Chetvergova M. V., Ryabov A. V. Artificial intelligence: development prospects and problems of implementation. *Sovremennye informatsionnye tekhnologii = Contemporary information technologies. Collection of scientific articles*. Penza, 2023;37: 26—29. (In Russ.)
10. Nasurova Z. A., Khalidov A. A., Luguyeva A. S. Artificial intelligence: modern applications and development prospects. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2025;2-9:110—115. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.02.09.014.
11. Ruchkin V. N., Fulin V. A. Universal artificial intelligence and expert systems. Saint Petersburg, BKhV-Petersburg, 2009. 240 p. (In Russ.)
12. Bolotova L. S. Artificial intelligence systems: knowledge-based models and technologies. Moscow, Finansy i statistika, 2012. 664 p. (In Russ.)
13. Smolikova T. The evolution of robotics and artificial intelligence: challenges and predictions. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya E. Pedagogicheskie nauki = Vestnik of Polotsk State University. Part E. Pedagogic Sciences*. 2020;15:121—125. (In Russ.)
14. Morkhat P. M. On the definition of the concept of artificial intelligence. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: the theory and practice*. 2017;12(156):25—32. (In Russ.)
15. Kalyaev I. A. Artificial Intelligence: Whither Goest Thou?. *Ekonomicheskie strategii = Economic strategies*. 2019;21(5): 6—15. (In Russ.) DOI: 10.33917/es-5.163.2019.6-15.

Статья поступила в редакцию 30.11.2025; одобрена после рецензирования 16.12.2025; принята к публикации 22.12.2025.
The article was submitted 30.11.2025; approved after reviewing 16.12.2025; accepted for publication 22.12.2025.

Научная статья
УДК 378.14
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1537

Sergey Aleksandrovich Asanov
Senior Lecturer of the Department of Information
and Automated Production Systems,
T. F. Gorbachev Kuzbass State
Technical University
Kemerovo, Russian Federation
kemnayka2023@mail.ru

Galina Vasilievna Akimenko
Candidate of History, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Clinical Psychology,
Kemerovo State
Medical University
Kemerovo, Russian Federation
linical_ps@mail.ru

Сергей Александрович Асанов
старший преподаватель кафедры информационных
и автоматизированных производственных систем,
Кузбасский государственный
технический университет им. Т. Ф. Горбачева
Кемерово, Российская Федерация
kemnayka2023@mail.ru

Галина Васильевна Акименко
канд. ист. наук, доцент,
доцент кафедры клинической психологии,
Кемеровский государственный
медицинский университет
Кемерово, Российская Федерация
linical_ps@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ТЕХНИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К РАЗВИТИЮ КОМПЕТЕНЦИЙ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Актуальность проблемы социального взаимодействия в техническом образовании определяется фундаментальными изменениями в характере инженерной деятельности и вызовами цифровой трансформации. Развитие компетенций социального взаимодействия перестало быть дополнительной опцией и становится неотъемлемым компонентом качественной профессиональной подготовки.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании модели развития компетенций социального взаимодействия у студентов технических специальностей в процессе совместной деятельности в рамках образовательного процесса. В работе использовались системный и комплексный подходы для анализа тенденций развития компетенций в области социального взаимодействия в высшем образовании. Для обеспечения полноты и всесторонности исследования был применен метод контент-анализа научных публикаций, методической литературы и нормативных документов.

Научная новизна исследования заключается в углубленном анализе и уточнении теоретических положений,

раскрывающих феномен компетентности социального взаимодействия в рамках технического образования. Исследование позволило уточнить понятие «компетенция социального взаимодействия». Был проанализирован комплекс педагогических условий ее формирования и факторов, определяющих эффективность коммуникационных процессов в учебных группах. Установлено, что формирование социального взаимодействия студентов является не только педагогической стратегией, но и ключевым направлением в современном образовательном процессе. Результаты исследования имеют практическую значимость, поскольку их можно интегрировать в современные образовательные программы и методики, что будет способствовать формированию профессиональных навыков будущих инженеров.

Ключевые слова: социальное взаимодействие, компетенции, компетентность, технический университет, коллаборативное обучение, социальные навыки, педагогический дизайн, педагогические тактики, командная работа, совместная учебная деятельность

Для цитирования: Асанов С. А., Акименко Г. В. Социальное взаимодействие в техническом образовании: педагогические подходы к развитию компетенций // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 417—423. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1537.

Original article

SOCIAL INTERACTION IN TECHNICAL EDUCATION: PEDAGOGICAL APPROACHES TO COMPETENCY DEVELOPMENT

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The relevance of social interaction in engineering education is determined by fundamental changes in the nature of engineering activities and the challenges of digital transformation. Developing social interaction competencies has ceased to be an additional option and is becoming an integral component of high-quality professional training.

The aim of this study is to theoretically substantiate a model for developing social interaction competencies in engineering students through collaborative activities within the educational process. This study utilizes a systematic and comprehensive approach to analyze trends in the development of social interaction competencies in higher education. To ensure

the completeness and comprehensiveness of the study, a content analysis of scientific publications, methodological literature, and regulatory documents is used.

The scientific novelty of the study lies in its in-depth analysis and clarification of theoretical propositions that explain the phenomenon of social interaction competence in technical education. The study allowed us to clarify the concept of social interaction competency. A set of pedagogical conditions for its development and factors determining the effectiveness of communication processes in study groups were analyzed. It was

established that fostering social interaction among students is not only a pedagogical strategy but also a key focus in the modern educational process. The results of this study have practical significance because they can be integrated into modern educational programs and methods, thereby facilitating the development of professional skills in future engineers.

Keywords: *social interaction, competencies, competence, technical university, collaborative learning, social skills, pedagogical design, pedagogical tactics, teamwork, joint learning activities*

For citation: Asanov S. A., Akimenko G. V. Social interaction in technical education: pedagogical approaches to competency development. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):417—423. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1537.

Введение

Актуальность формирования компетентности социального взаимодействия в техническом образовании обусловлена прямым запросом современного общества. В настоящее время данная компетенция выходит за рамки традиционных представлений о коммуникабельности, становясь основополагающим фактором в подготовке целостного, адаптивного специалиста. Как следствие, развитие социальных компетенций является требованием нормативных актов и федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования. Особое значение придается командной работе и самостоятельности будущих специалистов.

Вместе с тем эмпирические исследования свидетельствуют о том, что современные студенты испытывают затруднения во взаимодействии, сотрудничестве и разрешении конфликтов [1].

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе сущности компетенций «социального взаимодействия», выявлении ключевой роли академического сотрудничества в их формировании.

Цель данного исследования заключается в определении направления оптимизации процесса формирования компетентности социального взаимодействия студентов технического вуза в рамках академического процесса.

Задачи исследования: провести анализ педагогической литературы для уточнения понятий «социальное взаимодействие в образовательном контексте» и «компетенции социального взаимодействия»; выявить и охарактеризовать педагогические подходы для развития социального взаимодействия в техническом вузе.

Теоретическая значимость исследования. В рамках проведенного анализа были выявлены новые аспекты и закономерности, которые способствуют более полному пониманию механизмов и факторов, влияющих на развитие компетенций социального взаимодействия у студентов технического университета.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в педагогической деятельности для оптимизации формирования компетенции социального взаимодействия студентов в процессе обучения в вузе. Это позволяет расширить методологический инструментарий в области педагогики высшего образования.

Степень изученности проблемы. Теоретический анализ, проведенный Е. В. Коваленко, показывает эволюцию понимания социального взаимодействия от простого элемента общества до сложного процесса, конструирующего социальную реальность [2].

Проблема социального взаимодействия в контексте образовательного процесса в высшем учебном заведении опирается на солидный теоретический фундамент, включающий социально-конструктивистскую парадигму Л. С. Выготского [3], Дж. Дьюи [4], а также компетентностный подход, разработанный А. В. Хуторским [5] и И. А. Зимней [6].

В рамках современных исследований профессионального образования особое внимание уделяется формированию социально-коммуникативной компетентности у студентов технических вузов. Так, значимость и различные аспекты формирования компетентности социального взаимодействия в процессе обучения в техническом университете рассмотрены в работах В. В. Макаровой [7], Л. Д. Варламовой и М. Н. Толстяковой [8; 9], З. Н. Тазиевой [10], Н. В. Ковчиной и В. В. Игнатовой [11] и др.

Исследование О. Н. Родиной и О. А. Селивановой посвящено анализу формирования у студентов технических вузов способности к социальной и профессиональной адаптации. Авторы подчеркивают важность создания условий для развития у обучающихся социально-профессиональных компетенций. В этом контексте компетентность определяется как интегративное качество, объединяющее профессиональные знания и умения с эффективным социальным взаимодействием [12].

Подходы А. А. Вербицкого и Н. В. Кузьминой заложили теоретический фундамент для перехода от «обучения знаниям» к «обучению деятельности», сделав акцент на организацию образовательного процесса через социум. Социальное взаимодействие в их трактовке — это темообразующий принцип современного технического образования, без которого невозможно формирование полноценного, востребованного на рынке инженера, способного к коллективной работе, коммуникации и ответственному принятию решений [13].

М. В. Долматов раскрыл суть понятия компетенции социального взаимодействия. По его мнению, это «психическое образование индивида, которое проявляется в социальной реальности и направлено на эффективное осуществление процесса социального взаимодействия для решения задач соответствующего типа деятельности» [14].

В то же время Н. М. Кодинцева определяет «компетентность социального взаимодействия» как интегративное интеллектуальное качество психики, включающее использование социальных знаний, умений и личностных ресурсов. С точки зрения автора компетенция социального взаимодействия состоит из трех компонентов: интеллектуального, мотивационно-личностного и поведенческого [15].

В работах Т. Л. Марковой в рамках анализа проблемы компетенции социального взаимодействия в современной образовательной среде вуза сделан вывод о необходимости разработки критериев оценки эффективности взаимодействия [16].

Исследования Л. И. Найденовой и Е. В. Щаниной посвящены анализу влияния цифровизации на академическое взаимодействие между преподавателями и студентами вуза. В рамках проведенного анализа авторы выявили ключевые детерминанты, определяющие эффективность этого взаимодействия, включая технологические, образовательные, организационные и коммуникационные аспекты [17].

В целом проблема социального взаимодействия в техническом образовании теоретически осознана и признана критически важной. В отечественной литературе проблема социального взаимодействия в техническом образовании изучается системно и междисциплинарно — на стыке педагогики, психологии, социологии и конкретных технических методик. Наблюдается разрыв между пониманием, что нужно делать, и детальным знанием, как именно это делать и как измерять результат в конкретном учебном контексте технического университета. В современной литературе акцент сместился с простого «умения общаться» на сложные модели формирования профессиональной коммуникативной и кооперативной компетентности как неотъемлемой части инженерного мышления XXI в.

В настоящее время существует широкий спектр педагогических подходов, доказавших свою эффективность в развитии ключевых компетенций (командная работа, коммуникация, системное мышление). Однако практико-методический и диагностический уровни проблемы изучены недостаточно. Можно констатировать — проблема формирования компетенции социального взаимодействия в техническом образовании перешла от стадии накопления теоретических знаний к стадии прикладного поиска решений.

Основная часть

Методология исследования. В качестве методологической основы исследования был избран системный и комплексный подходы к изучению тенденций формирования компетентности социального взаимодействия в системе высшего образования. Так же были применены методы структурного и тематического нарративного анализа текстов, относящихся к научным источникам, научно-методической литературе и нормативной документации.

Результаты исследования. Компетенция социального взаимодействия представляет собой интегративное свойство индивида, обеспечивающее его эффективное функционирование в обществе.

В теории обучения феномен «социальное взаимодействие» представляет собой фундаментальный системообразующий принцип, радикально трансформирующий сам процесс научения. Этот целенаправленно структурированный процесс совместной деятельности, основанный на диалоге, кооперации и рефлексии, способствует не только обмену информацией, но и активному конструированию новых знаний, навыков и когнитивных стратегий [18].

В современном высшем образовании развитие социального взаимодействия студентов стало стратегической необходимостью. Данная тенденция особенно значима для технических университетов, выпускающих специалистов, которым предстоит работать в междисциплинарных командах над сложными инженерными и технологическими задачами.

Коллаборативное обучение представляет собой педагогическую парадигму, ориентированную на активное взаимодействие обучающихся и педагогов в процессе освоения учебного материала. Сторонники коллаборативного обучения, основанного на принципах социального конструктивизма, утверждают, что образование невозможно без взаимодействия участников. В отличие от традиционных методов, где знания передаются от преподавателя к студентам, в данном подходе упор делается на активное обучение, что особенно важно для технического образования.

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования 3++ всё больше внимания уделяют формированию не только предметных знаний, но и «мягких навыков», в числе которых сотрудничество, коммуникация, критическое мышление и адаптивность занимают центральное место. По данным исследований *LinkedIn Learning* (социальная сеть *LinkedIn* внесена Роскомнадзором в Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных, доступ к ней на территории Российской Федерации заблокирован. — *Примеч. ред.*), именно эти навыки работодатели чаще всего ищут у выпускников вузов в 2020-х гг. [19]. В этой связи для педагогов разработка и внедрение эффективных педагогических тактик, направленных на развитие социального взаимодействия студентов, становится одной из первоочередных задач.

Современные педагогические исследования рассматривают коллаборативное обучение как комплексное явление, включающее несколько взаимосвязанных, хотя и концептуально различных методов [1; 4; 10].

Так, кооперативное обучение отличается высокой степенью структурированности: участники группы четко распределяют роли и задачи, что позволяет им эффективно достигать общей цели через координацию усилий. В то же время коллаборативное обучение делает акцент на автономии и саморегуляции студентов [19]. В рамках общей задачи они самостоятельно выбирают стратегии и методы ее решения. Оба подхода имеют свои особенности и могут быть успешно интегрированы в академический процесс в зависимости от конкретных педагогических целей и контекста использования.

Одной из основополагающих теоретических моделей, объясняющих эффективность групповых взаимодействий, является концепция позитивной взаимозависимости. В этой парадигме сотрудничество продуктивно, при условии, что участники осознают важность личного вклада в общий успех. Это стимулирует взаимную ответственность и просоциальное поведение. Данная концепция приобретает особую значимость в контексте технического образования, где необходимо комплексное взаимодействие различных профессиональных компетенций для решения комплексных задач [9; 13].

Комплексный анализ образовательного процесса позволяет выявить несколько базовых компонентов, обеспечивающих эффективное социальное взаимодействие в учебной среде: когнитивное, социальное и педагогическое присутствие, — каждый из которых играет важную роль в формировании качественного образовательного опыта. Исследования показали, что студенты технических вузов, обучающиеся в группах, демонстрируют значительно более высокий уровень концептуального понимания материала по сравнению с их коллегами, занимающимися индивидуально. Этот вывод подтверждается анализом результатов тестирования и наблюдений за академической активностью студентов. Групповое обучение способствует более глубокому

усвоению теоретических основ и практических навыков, что обусловлено взаимным обменом знаниями и опытом между участниками образовательного процесса [2; 14]. Коллаборативные группы отличаются высокой степенью самоорганизации и умением управлять учебными процессами. В таких командах студенты берут на себя ответствен-

ность как за собственные, так и за общие результаты, что помогает им развивать профессиональную автономию — важное качество для будущих технических специалистов.

Исследования в области высшего образования выявили ряд факторов, существенно влияющих на эффективность социального взаимодействия в учебных группах (табл. 1).

Таблица 1

Факторы эффективности социального взаимодействия в учебных группах

Категория	Факторы	Влияние на социальное взаимодействие	Использование в техническом образовании
Первичные (дизайн)	Размер группы (3—5 чел.)	Обеспечивает содержательное взаимодействие	Применимо для проектных работ в Кузбасском государственном техническом университете
	Сложные, открытые задачи	Стимулируют глубокое взаимодействие и креативность	Соответствует инженерным задачам
	Гетерогенность группы	Обогащает перспективы и подходы	Важно для междисциплинарных проектов
Вторичные (процесс)	Положительная взаимозависимость	Формирует взаимную ответственность	Ключевой фактор для командной работы
	Индивидуальная подотчетность	Предотвращает эффект «безбилетников»	Обеспечивает равный вклад всех членов группы
	Поощрительное взаимодействие	Создает поддерживающую среду	Способствует психологической безопасности

Примечание: составлено авторами.

Важным элементом инновационного образовательного процесса является изменение роли преподавателя — от транслятора знаний к фасилитатору, который направляет дискуссию, помогает студентам синтезировать новые гипотезы.

Тип учебных заданий существенно влияет на качество социальных взаимодействий: сложные, открытые, комплексные задачи, требующие от студентов создания нового и оригинального продукта, стимулируют более тесное сотрудничество. Для технического университета это означает, что проектные задания, имитирующие реальные инженерные проблемы, будут более эффективны для формирования компетенции социального взаимодействия, чем теоретические или тест-контроль.

Также установлено, что гетерогенные группы, объединяющие студентов с разными способностями и стилями работы, демонстрируют более высокие результаты в решении творческих задач. Однако при этом важно обеспечить равное участие всех членов группы.

В практике современного высшего образования разработаны и апробированы различные конкретные методы, способствующие развитию социального взаимодействия. В частности, следует отметить проблемно-ориентированное обучение, которое представляет собой методологиче-

ский подход, предполагающий коллективную работу студентов в малых группах над решением комплексных задач в течение продолжительного отрезка времени. Например, «Мозаика» — дидактический метод групповой работы, разработанный в 1971 г. американским психологом Эллиотом Аронсоном, предполагает, предполагает, что задача, стоящая перед учебной группой будет разбита на части, которые студенты изучают отдельно, затем обмениваются знаниями для формирования общего ответа. Метод эффективен при изучении сложных тем через интегративный и междисциплинарный синтез.

Метод «Думай — объединяйся — делись» включает три этапа: индивидуальное размышление над задачей, обсуждение в парах и представление выводов группе. Он развивает навыки аргументации и слушания, а также позволяет всем членам группы принимать активное участие в занятии [16].

Для эффективного онлайн-взаимодействия важна технологическая инфраструктура. Исследования в области образовательных технологий выделяют четыре категории инструментов: социальные сети, инструменты организации и обмена знаниями, текстовые инструменты, каждый из которых решает определенные академические задачи и может быть выбран в зависимости от педагогических целей (табл. 2).

Таблица 2

Технологические инструменты для развития социального взаимодействия

Категория инструментов	Примеры	Образовательные возможности	Применение в техническом образовании
Социальные сетевые	<i>Flipgrid, Padlet</i>	Видеообсуждения, коллективные доски	Презентации проектов, обсуждение технических решений
Организации знаний	<i>Diigo, Miro</i>	Коллективный сбор ресурсов, ментальные карты	Исследовательские проекты, проектирование систем
Текстовые	<i>Google Docs, Etherpad</i>	Совместное редактирование документов	Написание технических отчетов, документации
Управления проектами	<i>Trello, Asana</i>	Планирование задач, отслеживание прогресса	Организация групповых проектов, распределение ролей

Примечание: составлено авторами.

Результаты исследований подтверждают, что внедрение данных технологий способствует повышению вовлеченности студентов, проявляющейся как в поведенческих, так и в эмоциональных аспектах [1; 4; 11; 12].

Средства управления и обмена знаниями играют ключевую роль в социальном взаимодействии, так как они систематизируют информацию, создают учебные материалы и обеспечивают согласованную работу над проектами. В контексте современных образовательных технологий, вики-платформы представляют собой инновационный инструмент для совместного редактирования контента, обеспечивая тем самым динамичное и интерактивное взаимодействие участников образовательного процесса.

Системы управления ссылками, такие как *Diigo*, играют ключевую роль в организации и систематизации веб-ресурсов, что способствует более эффективному обмену информацией. Эти инструменты являются неотъемлемыми компонентами онлайн-коллаборативного обучения, которое, в свою очередь, соответствует принципам конструктивизма в педагогике.

В настоящее время внедрение коллаборативных подходов в образовании сдерживается из-за опасений обучающихся стать заложником ситуации, когда их индивидуальная оценка зависит от вклада других, включая тех, кто не прилагает усилий. Это главный демотиватор для активных студентов.

Одной из ключевых проблем в современной образовательной практике является недостаточная компетентность преподавателей в вопросах организации эффективной групповой работы. Нередко педагоги формально делят студентов на группы, не обеспечивая условий для продуктивного взаимодействия между ними. Вследствие этого формируются «псевдо-учебные группы», которые лишь номинально выполняют поставленные задачи. Данная проблема особенно актуальна в технических вузах, где значительная часть преподавательского состава имеет профильное техническое образование, но не всегда обладает достаточной педагогической подготовкой.

В процессе разработки методологических подходов к формированию у студентов технических специальностей навыков социального взаимодействия необходимо принимать во внимание специфику их профессиональной подготовки. Сложность инженерных задач, характеризующаяся строгими критериями и требованием однозначности решений, может приводить к когнитивному диссонансу между необходимостью достижения высокой степени определенности и потребностью в гибкости мышления, способной учитывать множественные перспективы. В данном контексте развитие навыков социального взаимодействия приобретает первостепенное значение, поскольку современные инженерные проекты реализуются в рамках междисциплинарных команд, где ключевую роль играет интеграция различных профессиональных компетенций и способность к эффективной коммуникации.

На основе анализа теоретических основ и практических аспектов коллаборативного обучения можно предложить конкретные рекомендации для эффективного развития социальных навыков у студентов Кузбасского государственного технического университета.

На наш взгляд, важно:

- Периодически организовывать встречи с преподавателями для обсуждения методов совместной работы, разработки групповых проектов и оценки индивидуального участия студентов, учитывая специфику разных дисциплин и уровней подготовки.

- Разработать методические рекомендации для технических направлений с примерами инженерных задач, советами по формированию команд и инструментами для мониторинга, включая примеры из практики Кузбасса.

- Обеспечить условия для физического и виртуального взаимодействия, доступные студентам в любое время.

Для углубленного понимания динамики социального взаимодействия в техническом университете ресурсного региона необходимо продолжить детальное исследование разнообразных педагогических стратегий, направленных на развитие социальных компетенций в техническом образовании. Сравнительный анализ позволит выявить наиболее эффективные методы формирования конкретных компетенций, а также определить, как их результативность зависит от специфики дисциплины и уровня подготовки обучающихся. Кроме того, важно изучить факторы, способствующие или препятствующие успешной интеграции коллаборативных подходов в образовательный процесс.

Особый интерес представляет анализ влияния методов коллаборативного обучения на формирование таких ключевых компетенций, как командная работа, критическое мышление и коммуникативные навыки. В контексте современных реалий, владение ими является определяющим фактором успешной профессиональной деятельности.

Заключение

Формирование социального взаимодействия студентов представляет собой не только педагогическую стратегию, но и фундаментальное направление в образовательном процессе, нацеленное на подготовку высококвалифицированных специалистов, способных адаптироваться к вызовам современной экономики, а также инициировать инновационные процессы в условиях динамически изменяющейся социальной и профессиональной среды.

Развитие социального взаимодействия студентов представляет собой комплексную педагогическую задачу, требующую системного подхода и учета множества факторов.

Теория коллаборативного обучения является фундаментальной концепцией в области педагогики, которая активно применяется в вузах, включая технические университеты. Применение коллаборативного подхода в обучении способствует развитию критического мышления, коммуникативных навыков и профессиональных компетенций у студентов, что является ключевым аспектом подготовки высококвалифицированных специалистов в технических областях.

Таким образом, ключевая задача вуза — превратить образовательную среду в платформу для целенаправленного развития опыта социального взаимодействия, что является основой для подготовки компетентных специалистов.

В дальнейшем для успешного внедрения коллаборативных методов важны:

- грамотный педагогический дизайн, учитывающий эффективность групповой работы;
- подготовка преподавателей к организации и поддержке групповых процессов;
- технологическая инфраструктура, поддерживающая различные форматы взаимодействия;
- сотрудничество с промышленными партнерами для реалистичности учебных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Родина О. Н. Феномен «компетенция социального взаимодействия студентов»: сущность, структура и содержание // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. Вып. 2. С. 148—152. DOI: 10.30853/pedagogy.2020.2.3.
2. Коваленко Е. В. Формирование опыта социального взаимодействия будущего специалиста в вузе: методологические предпосылки исследования // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2017. № 12-2. С. 352—356.
3. Макарова В. В. Формирование компетентности социального взаимодействия будущих менеджеров в сфере технологических инноваций : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Белгород, 2022. 23 с.
4. Дьюи Дж. Демократия и образование. М. : Педагогика-пресс, 2000. 382 с.
5. Хуторской А. В. Методология инновационной практики в образовании : моногр. М. : Ридеро, 2021. 162 с.
6. Зимняя И. А. Компетенция и компетентность в контексте компетентностного подхода в образовании // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2013. № 4(4). С. 16—31.
7. Сергеева М. Г., Макарова В. В. Формирование и развитие компетентности социального взаимодействия у студентов в высшем учебном заведении // Казанский педагогический журнал. 2019. № 1(132). С. 81—84.
8. Варламова Л. Д., Толстякова М. Н. Педагогические условия формирования личности будущих инженеров в современном техническом вузе (педагогический опыт) : моногр. М. : Мир науки, 2020. 100 с.
9. Варламова Л. Д., Толстякова М. Н. Опыт научной кружковой работы для формирования профессионально-личностных компетенций будущих инженеров // Мир науки. 2017. Т. 5. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/73PDMN617.pdf>.
10. Тазиева З. Н. Современные подходы к проектированию модели формирования компетентности социального взаимодействия // Евразийский Союз Ученых. 2019. № 6(63). С. 37—39.
11. Ковчина Н. В., Игнатова В. В. Компетентностные основания социального взаимодействия в профессиональной сфере // Современные наукоемкие технологии. 2020. № 5. С. 185—189. DOI: 10.17513/snt.38054.
12. Селиванова О. А., Родина О. Н. Формирование компетентности социального взаимодействия студентов технического вуза в учебной деятельности // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanities. 2016. Т. 2. № 3. С. 182—192. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-182-192.
13. Исследования гуманитарных систем. Вып. 1 Теория педагогической системы Н. В. Кузьминой: генезис и следствия / под ред. В. П. Бедерхановой ; сост. А. А. Остапенко. Краснодар : Парабеллум, 2013. 90 с.
14. Долматов М. В. Универсальная компетенция социального взаимодействия в подготовке студентов высшей технической школы // Аллея науки. 2018. № 4(20). Т. 5. С. 899-902.
15. Кодинцева Н. М. Развитие компетентности социального взаимодействия студентов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 9(53). С. 76—79.
16. Маркова Т. Л. Проблемы социального взаимодействия в современной образовательной среде вуза // Высшее образование в российских регионах: вызовы XXI века : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2018. С. 268—272.
17. Найденова Л. И., Щанина Е. В. Социальные взаимодействия в системе высшего образования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24. Вып. 1. С. 23—29. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-1-23-29.
18. Otegui X., Curione K. Active Learning, Community Engagement, and Soft Skills Development: Insights from Four Engineering Courses // International Journal of Engineering Pedagogy. 2025. Vol. 15. No. 4. Pp. 76—100. DOI: 10.3991/ijep.v15i4.52275.
19. Landrum R. E., Brakke K., McCarthy M. A. The pedagogical power of storytelling // Scholarship of Teaching and Learning in Psychology. 2019. Vol. 5. No. 3. Pp. 247—253. DOI: 10.1037/stl0000152.

REFERENCES

1. Rodina O. N. Students' Social Interaction Competence: Essence, Structure and Content. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2020;5(2):148—152. (In Russ.) DOI: 10.30853/pedagogy.2020.2.3.
2. Kovalenko E. V. Formation of social counteraction experience in a future specialist at a hei: methodological prerequisites of research. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy = International journal of applied and fundamental research*. 2017;12-2:352—356. (In Russ.)
3. Makarova V. V. Formation of social interaction competence of future managers in the sphere of technological innovations. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Belgorod, 2022. 23 p. (In Russ.)
4. Dewey J. *Democracy and Education: An Introduction to the Philosophy of Education*. New York, The Macmillan Company, 1916. xii + 434 p.
5. Khutorskoi A. V. *Methodology of innovative practice in education*. Monograph. Moscow, Ridero, 2021. 162 p. (In Russ.)
6. Zimnaya I. Competence and competency in the context of competency-based approach in education. *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoi lingvistiki*. 2013;4(4):16—31. (In Russ.)
7. Sergeeva M., Makarova V. Formation and development of competence of social interaction among students in a higher educational institution. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal = Kazan pedagogical journal*. 2019;1(132):81—84. (In Russ.)
8. Varlamova L. D., Tolstyakova M. N. Pedagogical conditions for the formation of the personality of future engineers in a modern technical university (pedagogical experience). Monograph. Moscow, Mir nauki, 2020. 100 p. (In Russ.)
9. Varlamova L. D., Tolstyakova M. N. Experience of scientific student circles for forming professional-personal competences of future engineers. *Mir nauki = World of Science*. 2017;5(6). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/73PDMN617.pdf>.
10. Tazieva Z. N. Modern approaches to designing a model of the formation of competence of social interaction. *Evrasiiskii Soyuz Uchenykh = Eurasian Union of Scientists*. 2019;6(63):37—39. (In Russ.)

11. Kovchina N. V., Ignatova V. V. Competence bases of social interaction in the professional sphere. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2020;5:185—189. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.38054
12. Selivanova O. A., Rodina O. N. Forming student's social interaction competence in academic activity in technical university. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates = Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2016;2(3):182—192. (In Russ.) DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-3-182-192.
13. Research in Humanitarian Systems. Iss. 1. Theory of N. V. Kuzmina's Pedagogical System: Genesis and Consequences. V. P. Bederkhanova (ed.), A. A. Ostapenko (comp.). Krasnodar, Parabellum, 2013. 90 p. (In Russ.)
14. Dolmatov M. V. Universal competence of social interaction in the training of students of higher technical schools. *Alleya nauki*. 2018;4(20)-5:899—902. (In Russ.)
15. Kodintseva N. M. Development of students' competence of social interaction. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2007;9(53):76—79. (In Russ.)
16. Markova T. L. Problems of social interaction in the modern educational environment of a university. *Vyshee obrazovanie v rossiiskikh regionakh: vyzovy XXI veka = Higher education in Russian regions: challenges of the 21st century. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, 2018:268—272. (In Russ.)
17. Naydenova L. I., Shchanina E. V. Social interactions in the higher education system in the context of informatization of society. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2024;24(1):23—29. (In Russ.) DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-1-23-29.
18. Otegui X., Curione K. Active Learning, Community Engagement, and Soft Skills Development: Insights from Four Engineering Courses. *International Journal of Engineering Pedagogy*. 2025;15(4):76—100. DOI: 10.3991/ijep.v15i4.52275.
19. Landrum R. E., Brakke K., McCarthy M. A. The pedagogical power of storytelling. *Scholarship of Teaching and Learning in Psychology*. 2019;5(3):247—253. DOI: 10.1037/stl0000152.

Статья поступила в редакцию 05.01.2026; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 05.01.2026; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Научная статья
УДК 796.412.24
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1543

Vera Valeryevna Borisova
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Physical Culture,
 Tula State
 Lev Tolstoy Pedagogical University
 Tula, Russian Federation
 borisovav5@rambler.ru

Nikita Andreevich Kuznetsov
 Postgraduate of the Department of Theory
 and Methodology of Physical Culture,
 field of training
 5.8.5 — Theory and methodology of sports,
 Tula State
 Lev Tolstoy Pedagogical University
 Tula, Russian Federation
 nickita.kuznetzoff2014@yandex.ru

Alexandra Alexandrovna Suprun
 Candidate of Pedagogy,
 Associate Professor of the Department of Theory
 and Methodology of Rhythmic Gymnastics and Sports Dance,
 Lesgaft National State
 University of Physical Education,
 Sports and Health
 Saint Petersburg, Russian Federation
 aleksandrass@mail.ru

Вера Валерьевна Борисова
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории
 и методики физической культуры,
 Тульский государственный
 педагогический университет им. Л. Н. Толстого
 Тула, Российская Федерация
 borisovav5@rambler.ru

Никита Андреевич Кузнецов
 аспирант кафедры теории
 и методики физической культуры,
 направление подготовки
 5.8.5 — Теория и методика спорта,
 Тульский государственный
 педагогический университет им. Л. Н. Толстого
 Тула, Российская Федерация
 nickita.kuznetzoff2014@yandex.ru

Александра Александровна Супрун
 канд. пед. наук,
 доцент кафедры теории и методики
 художественной гимнастики и спортивных танцев,
 Национальный государственный
 Университет физической культуры, спорта
 и здоровья имени П. Ф. Лесгафта
 Санкт-Петербург, Российская Федерация
 aleksandrass@mail.ru

ОБОСНОВАНИЕ РАЗРАБОТКИ КОНТРОЛЬНЫХ УПРАЖНЕНИЙ ДЛЯ ОЦЕНКИ ДВИГАТЕЛЬНОГО РИТМА ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СОТРУДНИЧЕСТВ С ПРЕДМЕТОМ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКЕ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. Исследование посвящено актуальной проблеме объективной оценки двигательного ритма у гимнасток, выступающих в групповых упражнениях. Необходимость в таких инструментах продиктована современными требованиями правил соревнований, усложняющимися с каждым олимпийским циклом, что особенно заметно по акценту на последовательное выполнение одинаковых действий с равными интервалами в элементах «сотрудничества» (СС) без высоких или дальних бросков, вводимому в 2025—2028 гг.

Цель работы — разработка и модификация тестов, позволяющих эффективно контролировать уровень развития двигательного ритма, как педагогические средства этапного контроля, который напрямую влияет на техническое мастерство и качество выполнения указанных элементов. В ходе исследования были проанализированы соревновательные программы лучших гимнасток мира (Олимпийские игры 2024, Чемпионат Мира и России 2025—2026, Кубок сильнейших 2025), что позволило выявить наиболее распространенные типы «сотрудничеств» (СС), характерные ритмические структуры и ошибки. На основе этого анализа и адаптации

существующих методик разработана батарея из пяти стандартизированных тестов, включающих: измерение «чувства темпа» с предметом; воспроизведение заданного ритма; оценку способности к силовому дифференцированию и точности передачи предмета; оценку точности манипулирования в пространстве; оценку точности скорости реакции.

Статистическая проверка (корреляционный анализ, проверка надежности) подтвердила аутентичность и надежность разработанных тестов, показав их высокую корреляцию с точностью воспроизведения временных интервалов и общим ритмом в СС. Результаты тестирования 67 гимнасток (16—18 лет, мастера спорта) позволили установить границы нормативов для определения уровня их подготовки, что является ценным педагогическим инструментом для планирования тренировочного процесса и повышения качества выступлений.

Ключевые слова: художественная гимнастика, групповые упражнения, двигательный ритм, тестирование, сотрудничество, чувство темпа, чувство ритма, синхронность, точность движений, педагогические средства, этапный контроль

Для цитирования: Борисова В. В., Кузнецов Н. А., Супрун А. А. Обоснование разработки контрольных упражнений для оценки двигательного ритма при выполнении сотрудничества с предметом в художественной гимнастике // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 424—430. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1543.

Original article

JUSTIFICATION OF THE DESIGN OF CONTROL EXERCISES FOR ASSESSING MOTOR RHYTHM WHEN PERFORMING COLLABORATIONS WITH APPARATUS IN RHYTHMIC GYMNASTICS

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. *This research addresses the pressing issue of objectively assessing motor rhythm in gymnasts performing group exercises. The necessity for such tools is dictated by modern competition rules, which are becoming increasingly complex with each Olympic cycle, particularly evident in the emphasis on consistent execution of identical actions with equal intervals in collaborations without high or long throws, introduced for the 2025-2028 period.*

The study's goal is to develop and modify tests that effectively monitor the level of motor rhythm development, serving as pedagogical tools for stage-by-stage control, directly influencing technical mastery and the quality of executing these elements. During the research, competitive programs of the world's top gymnasts (2024 Olympic Games, 2025-2026 World and Russian Championships, 2025 Strongest Cup) were analyzed to identify common types of collaborations, characteristic rhythmic structures, and errors. Based on this analysis and adaptation of existing

methodologies, a set of five standardized tests was developed, including: measuring sense of tempo with apparatus; reproducing a given rhythm; assessing the ability for force differentiation and accuracy of apparatus transfer; evaluating precision in spatial manipulation; and measuring reaction speed accuracy.

Statistical validation (correlation analysis, reliability testing) confirmed the authenticity and reliability of the developed tests, showing a strong correlation with the accuracy of interval reproduction and overall rhythm in collaborations. The results of testing 67 gymnasts (aged 16-18, Masters of Sport) allowed for the establishment of normative ranges to determine their training level, providing a valuable pedagogical tool for planning the training process and enhancing performance quality.

Keywords: *rhythmic gymnastics, group exercises, motor rhythm, testing, collaboration, sense of tempo, sense of rhythm, synchronicity, movement accuracy, pedagogical tools, stage-by-stage control*

For citation: Borisova V. V., Kuznetsov N. A., Suprun A. A. Justification of the design of control exercises for assessing motor rhythm when performing collaborations with apparatus in rhythmic gymnastics. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):424—430. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1543.

Введение

Актуальность. Изучив правила вида спорта «Художественная гимнастика» (утв. приказом Минспорта России от 25 декабря 2024 г. № 1330), можно обнаружить, что новый соревновательный период 2025—2028 гг. вводит весьма интересное требование. Теперь в элементах «сотрудничества» типа СС гимнастики должны последовательно выполнять одинаковые действия, причем интервалы между этими действиями должны быть абсолютно равными. Это значит, что простое взаимодействие между спортсменками уже недостаточно. Важно поддерживать четкий ритм и действовать синхронно на протяжении всего элемента. Особенностью является то, что в рамках этих «сотрудничеств» не предполагается выполнение высоких или дальних бросков, что еще сильнее акцентирует внимание на контроле над каждым движением и точности его выполнения. Нарушение заданного ритма или выполнение действий с неравными интервалами приведет к снижению оценки.

Анализируя изменения в оценке «сотрудничества» без броска, становится ясно: требования усложняются, а акцент все больше смещается на синхронность, ритмичность и общее техническое мастерство. Раньше, возможно, больше внимания уделялось самому количеству выполненных базовых взаимодействий. Теперь на первый план выходит качество того, как эти взаимодействия сочетаются с общим уровнем мастерства и насколько оригинально они исполнены. Введение обязательного требования равных интервалов для периода 2025—2028 гг. — это новый серьезный вызов как для спортсменок, так и для их тренеров. Теперь им придется уделять особое внимание развитию чувства ритма и оттачиванию синхронизации движений.

Исходя из всего этого, становится очевидно, что акцент, который делается в олимпийском цикле 2025—2028 гг. на равных интервалах между действиями в «сотрудничестве»

без броска, — это не просто формальное требование. Это отражение стремления поднять уровень двигательного ритма спортсменок на новую высоту. Поэтому данная работа над разработкой и усовершенствованием тестов для оценки этого показателя у гимнасток, выступающих в групповых упражнениях, как педагогических инструментов для этапного контроля, представляется не только актуальной, но и очень нужной.

Изученность проблемы. Представленный анализ литературных источников позволяет сделать вывод о тесной и многогранной взаимосвязи между двигательным ритмом и совершенствованием сотрудничества в групповых упражнениях, особенно в контексте художественной гимнастики. Научные изыскания демонстрируют, что формирование и развитие чувства ритма являются фундаментальными аспектами моторного интеллекта спортсмена. Двигательная ритмичность, как закономерное распределение мышечных усилий во времени и пространстве, выступает основой для эффективной координации движений.

Особое внимание уделяется индивидуальному двигательному ритму в видах спорта, требующих высокой степени его освоения, как отмечают Р. В. Самигуллин и Л. Д. Назаренко [1]. Чувство ритма, признаваемое одним из первых координационных качеств, формируется на ранних этапах развития, до 6 лет, как подчеркивает Л. С. Яковлева, значимость его целенаправленного развития с детства [2]. Взаимодействие «симметрия — асимметрия» и ритма также рассматривается К. Д. Чермитом с соавторами как важный компонент в оценке двигательных навыков [3].

В контексте художественной гимнастики, музыкально-двигательная и композиционная подготовка, включающая артистизм, темп и ритм музыки, оказывают, по мнению Ю. В. Коричко с соавторами, существенное влияние на оценку выступлений [4]. Сложность групповых упражнений, по мнению Е. Н. Медведевой, Д. В. Артюх и А. С. Мальневой,

напрямую коррелирует с уровнем сотрудничества между гимнастками и их координационной выносливостью [5]. При этом, как показывают исследования, успешность взаимодействия в команде определяется не только моторными, но и психофизиологическими факторами. Так, работа Е. Н. Медведевой, Я. В. Голуб, Е. В. Агеева, А. А. Баряева [6] подтверждает, что команды с опытом совместной деятельности демонстрируют лучшее время зрительно-моторной реакции и более высокую эффективность при совместном ведении объекта, что непосредственно влияет на качество выполнения соревновательных упражнений. Этот аспект синхронизации действий партнеров тесно связан с формированием общего двигательного ритма. Важность ритмической организации движений для овладения спортивной техникой подчеркивается в исследованиях за пределами гимнастики. Например, Ф. Жао и Д. Гу [7] раскрывают роль специальных ритмо-темповых упражнений в формировании оптимального паттерна защитных действий баскетболистов, что указывает на универсальность принципа ритмической организации двигательных навыков. Аналогично в работе Р. М. Невзорова [8] по полиатлону показано, как развитие чувства ритма и темпа в смежных дисциплинах (бег, стрельба) способствует совершенствованию техники плавания, подчеркивая значимость межвидового переноса ритмических структур.

В контексте художественной гимнастики современные требования, отмеченные Д. В. Артюх [9], к постоянному увеличению плотности и разнообразия движений предметами в групповых упражнениях, а также рост сбавок за ошибки, делают задачу совершенствования координации и ритма в условиях сотрудничества особенно острой. Повышение сложности программ, в т. ч. за счет элементов группы риска, на что указывают К. О. Бачкур и Н. С. Панина [10], требует от спортсменок не только индивидуального технического мастерства, но и безупречной синхронизации в команде. Для развития соответствующих способностей, в частности координационных, в тренировочный процесс активно внедряются инновационные методики, такие как нейрогимнастика, применение которой для спортсменок групповых упражнений обосновывает В. В. Ивашина [11] как средство, способствующее улучшению межполушарного взаимодействия и, как следствие, качества управления движениями.

Исследования последних правил соревнований, в частности, разработанных на период олимпийского цикла 2025—2028 гг., демонстрируют четкую тенденцию к акцентированию внимания на равных временных интервалах между действиями в сотрудничестве, особенно в тех видах взаимодействиях, где не предусмотрены броски предмета. Это требование выходит за рамки формальной регламентации; оно является индикатором стремления к совершенствованию двигательного ритма спортсменок в условиях тесного межпартнерского взаимодействия.

Данная взаимосвязь подтверждается разработками методик, направленных на совершенствование как освоения двигательного ритма, так и обучения «сотрудничеству», включая специализированные методики для динамических вращений, разработанные А. В. Титовой [12] и сотрудничеств с бросками, предложенные Ж. С. Артемьевой и Т. В. Сизовой [13]. Важным аспектом становится также разработка контрольных упражнений для объективной оценки двигательного ритма в процессе выполнения сотрудничества с предметом в художественной гимнастике. Исследования Л. А. Коноваловой [14; 15] наглядно демонстрируют необходимость разработки таких тестов для контроля специфической предметной координации в условиях заданного темпоритма.

Таким образом, разработка и внедрение методик, направленных на одновременное освоение двигательного ритма и совершенствование навыков сотрудничества, а также создание валидных контрольных упражнений для оценки этих аспектов, являются крайне актуальными и востребованными задачами для повышения уровня подготовки гимнасток, выступающих в групповых упражнениях, и обеспечения соблюдения современных требований соревновательных правил.

Целесообразность разработки данной темы обусловлена необходимостью объективной оценки двигательного ритма, что позволит определить уровень мастерства гимнасток в групповых упражнениях, выявить сильные и слабые стороны, на основе чего планировать тренировочный процесс. Контрольные упражнения позволяют отслеживать динамику развития двигательного ритма у гимнасток, оценивать эффективность применяемых средств и методов подготовки, вносить коррективы в тренировочный план.

Цель исследования — разработать и модифицировать тесты для оценки уровня развития двигательного ритма гимнасток как педагогические средства этапного контроля в художественной гимнастике.

Задачи исследования:

1. Разработать и модифицировать тесты для оценки уровня развития двигательного ритма гимнасток как педагогические средства этапного контроля технического выполнения элементов сотрудничества в художественной гимнастике.
2. Предоставить объективный инструмент для оценки уровня развития двигательного ритма при выполнении элементов сотрудничества в групповых упражнениях художественной гимнастики, что позволит оптимизировать тренировочный процесс и повысить качество подготовки спортсменок.

Научная новизна. Изучение средств развития двигательного ритма позволило определить типы упражнений, наиболее эффективные для оценки и совершенствования этого качества у гимнасток. Анализ видеозаписей выступлений лучших гимнасток мира на Олимпийских играх (2024), Чемпионате Мира и России (2025—2026), Кубке сильнейших (2025) позволил выявить наиболее распространенные «сотрудничества типа СС», характерные ритмические структуры и ошибки, возникающие при выполнении упражнений. Выявление вариативности «сотрудничества типа СС». Адаптация существующих тестов, направленных на оценку профессионально важных качеств в физической культуре, позволила разработать объективные и стандартизированные критерии оценки двигательного ритма в контексте художественной гимнастики.

Теоретическая значимость исследования: результаты исследования вносят вклад в теорию и методику художественной гимнастики, расширяя представления о двигательном ритме движений гимнасток, определяющего временную точность выполнения «сотрудничества типа СС» посредством предмета между гимнастками в групповых упражнениях художественной гимнастики.

Практическая значимость исследования: основная цель разработанных контрольных упражнений — предоставить объективный инструмент для оценки уровня развития двигательного ритма при выполнении двигательных взаимодействий посредством предмета между гимнастками в групповых упражнениях художественной гимнастики, что позволит оптимизировать тренировочный процесс и повысить качество подготовки спортсменок.

Основная часть

Методология исследования. Педагогическое тестирование 67 гимнасток г. Тулы и Санкт-Петербурга в возрасте 16—18 лет, выступающих по программе мастера спорта. На основе анализа соревновательных программ групповых упражнений Олимпийских игр (2024), Чемпионата Мира и России (2025—2026), Кубка сильнейших (2025) ($n = 44$) были отобраны типичные двигательные взаимодействия посредством предмета между гимнастками, которые встречались в 50 % случаях в соревновательных программах гимнасток, а именно: отбив мяча и обруча спиной партнеру, передача ленты способом эшапе партнеру, передача булавы с помощью другой булавы за спиной партнеру. Отобранные типы двигательных взаимодействий были записаны на камеру *Apple iPhone 16* (основная камера — 48 Мп, минимальная диафрагма $f/1.6$, эквивалентное фокусное расстояние — 26 мм, оптическая стабилизация; сверхширокоугольная камера — на 12 Мп, минимальная диафрагма $f/2.2$, эквивалентное фокусное расстояние — 13 мм; фронтальная камера — также на 12 Мп). Видеоанализ выполнения двигательных взаимодействий посредством предмета между гимнастками с использованием программы *Kinovea* позволил с точностью до 1 мс определить временной интервал выполнения двигательного задания между тремя последовательными передачами предмета. С помощью формулы $T = [(M - P) / M] \times 100 \%$, где T — точность M — модель; P — реальный результат, была определена точность воспроизведения интервала работы предметом третьей гимнасткой.

На основе анализа литературы была произведена адаптация существующих тестов, направленных на оценку профессионально важных качеств в физической культуре, что позволило разработать объективные и стандартизированные критерии оценки двигательного ритма в контексте художественной гимнастики:

- 1) чувство темпа (коэффициент);
- 2) чувство ритма (с);
- 3) способность к силовому дифференцированию и точности передачи мяча:
 - а) отбив мяча (баллы);
 - б) отбивание теннисных мячей руками за 10 секунд (баллы);
- 4) точность манипулирования в пространстве:
 - а) жонглирование в паре (баллы);
 - б) индивидуально — жонглирование теннисными мячами (с);
- 5) точность скорости реакции (баллы).

Результаты исследования. Была разработана батарея тестов для оценки двигательного ритма в контексте художественной гимнастики, которая включает пять контрольных упражнений:

- Измерения «чувства темпа», с предметом. Гимнастка выполняет базовые элементы с различным предметом (вращение булавы, отбив мяча, вращение обруча, круги лентой) в двух режимах: максимально возможном темпе и вдвое медленнее (в максимально возможном темпе в течение 10 секунд; половинный темп (75 уд/мин): гимнастка выполняет те же элементы, стараясь сохранить темп вдвое медленнее, в течение 10 секунд). Рассчитывается коэффициент: $K = (\text{количество повторений во втором задании}) / (\text{количество повторений в первом задании})$.

- Контрольное упражнение — воспроизведение заданного ритма ударов мяча о пол, вращения скакалки, вращения булавы, обруча, ленты [применялся *Metronome Online — Free BPM Metronome* (<https://metronome-online.com/>), ритм 130 уд/мин].

- Контрольное упражнение для оценки способности к силовому дифференцированию и точности передачи предмета:

- а) две гимнастки стоят спиной друг к другу: одна гимнастка выполняет перекал мяча с кистей рук на затылок за спиной и отбивает мяч затылком партнерше, вторая должна поймать мяч (баллы);

- б) отбивание теннисных мячей руками за 10 секунд.

- Точность манипулирования в пространстве:

- а) жонглирование в паре (баллы);

- б) индивидуально — жонглирование теннисными мячами (с).

- Точность скорости реакции (баллы).

Проведена статистическая проверка разработанных тестов на аутентичность (табл. 1). Корреляционный анализ показал, что разработанных три теста информативны в отношении оценки двигательного ритма, определяющих точности воспроизведения временного интервала выполнения гимнасток при выполнении сотрудничества без броска предмета.

Таблица 1

Аутентичность тестов, коррелирующих с точностью воспроизведения двигательного ритма, % ($n = 67$)

Точность воспроизведения двигательного ритма, %	Сотрудничества типа СС				
	Отбив мяча спиной партнеру	Отбив обруча спиной партнеру	Передача булавы броском другой булавы за спиной	Эшапе лентой	
1	K_1	0,25	—	—	—
	K_2	0,58	—	—	—
	K_3	—	–0,69	—	—
	K_4	—	–0,57	—	—
	K_5	—	—	0,00	—
	K_6	—	—	–0,11	—
	K_7	—	—	—	–0,62
	K_8	—	—	—	–0,01
2	с	0,06	–0,5	0,23	–0,28
	баллы	0,1	0,54	–0,14	0,09
3	А) баллы	0,12	–0,35	0,24	0,13
	Б) баллы	–0,31	0,07	–0,38	0,13
4	А) баллы	–0,25	–0,27	–0,22	0,25
	Б) с	–0,28	0,01	0,49	–0,21
5	баллы	–0,01	0,2	–0,11	0,06

Примечание: 1 — чувство темпа (коэффициент); 2 — чувство ритма (с); 3 — способность к силовому дифференцированию и точности передачи мяча: а) отбив мяча (баллы); б) отбивание теннисных мячей руками за 10 секунд (баллы); 4 — точность манипулирования в пространстве: а) жонглирование в паре (баллы); б) индивидуально — жонглирование теннисными мячами (с); 5) точность скорости реакции (баллы); б — баллы; с — секунды; K_1 — перекал мяча по спине и рукам; K_2 — перекал мяча по рукам и груди; K_3 — вращение обруча; K_4 — бросок обруча; K_5 — вращение булавы; K_6 — жонглирование булавами; K_7 — эшапе лентой; K_8 — круг лентой.

Тест «чувство темпа» (измерение K_2 — перекал мяча по рукам и груди) демонстрирует высокую положительную корреляцию (0,58) с точностью воспроизведения двигательного ритма при отбиве мяча спиной партнеру (K_1), что подтверждает его аутентичность для оценки способности к дифференцированию темпа в данном типе взаимодействий. Тест «точность манипулирования в пространстве» (индивидуальное жонглирование теннисными мячами, измеряемое в секундах) показывает сильную положительную корреляцию (0,49) с передачей булавы броском другой булавой за спи-

ной (K_3), что свидетельствует о его значимости для оценки точности и контроля при выполнении сложных передач. Тест «чувство ритма» (измерение K_7 — эшапе лентой) демонстрирует высокую отрицательную корреляцию (–0,62) с общей точностью воспроизведения двигательного ритма, что указывает на его значимость для оценки способности к поддержанию ритма в специфических движениях с лентой.

Критерием надежности результатов тестирования стало то, что разница между показателями первой и второй попытки оказалась статистически незначительной (табл. 2).

Таблица 2

Оценка надежности разработанных тестов ($n = 67$)

Тесты		Попытка 1 $M \pm m$	Попытка 2 $M \pm m$	P
Чувство темпа (коэффициент)	Перекал мяча по спине и рукам	$1,05 \pm 0,04$	$1,09 \pm 0,06$	$> 0,05$
	Перекал мяча по рукам и груди	$1,06 \pm 0,03$	$1,09 \pm 0,08$	$> 0,05$
	Вращение обруча	$0,59 \pm 0,01$	$0,61 \pm 0,03$	$> 0,05$
	Бросок обруча	$0,70 \pm 0,02$	$0,80 \pm 0,03$	$> 0,05$
	Вращение булавы	$0,58 \pm 0,01$	$0,55 \pm 0,02$	$> 0,05$
	Жонглирование булавами	$1,08 \pm 0,09$	$1,11 \pm 0,06$	$> 0,05$
	Эшапе лентой	$1,09 \pm 0,06$	$1,08 \pm 0,07$	$> 0,05$
	Круг лентой	$0,62 \pm 0,02$	$0,64 \pm 0,03$	$> 0,05$
Чувство ритма (с)		$1,48 \pm 0,17$	$1,41 \pm 0,21$	$> 0,05$
Точность манипулирования в пространстве	Индивидуально — жонглирование теннисными мячами (с)	$4,04 \pm 0,08$	$3,99 \pm 0,07$	$> 0,05$

Статистическая проверка результатов действительно подтверждает, что в проведенных тестах не выявлено статистически значимых различий ($p > 0,05$). Это указывает на то, что результаты тестирования последовательны и стабильны, что является важным аспектом надежности. Таким образом, можно сделать вывод, что тесты демонстрируют высокую степень надежности и могут быть использованы для дальнейшего анализа или оценки.

На основе результатов проведенных тестов были установлены границы нормативов для исследуемых параметров с применением перцентильных шкал. Высокий уровень соответствует значению $\geq M + \delta$, средний — $M \pm 0,5\delta$, а низкий — $\leq X - \delta$. Эти нормативы можно найти в табл. 3. Указанные показатели были рассчитаны для гимнасток, которые переходят на этап высшего спортивного мастерства или зачисляются на него.

Таблица 3

Нормативы трехуровневой оценки двигательного ритма гимнасток на этапах совершенствования спортивного мастерства ($n = 67$)

Тесты		Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
Чувство темпа (коэффициент)	Перекал мяча по спине и рукам	$\leq 0,92$	$0,99—1,12$	$\geq 1,18$
	Перекал мяча по рукам и груди	$\leq 0,94$	$1,00—1,12$	$\geq 1,18$
	Вращение обруча	$\leq 0,55$	$0,57—0,59$	$\geq 0,63$
	Бросок обруча	$\leq 0,64$	$0,57—0,73$	$\geq 0,76$
	Вращение булавы	$\leq 0,56$	$0,67—1,10$	$\geq 0,60$
	Жонглирование булавами	$\leq 0,75$	$0,92—1,25$	$\geq 1,41$
	Эшапе лентой	$\leq 0,85$	$0,97—1,21$	$\geq 1,33$
	Круг лентой	$\leq 0,61$	$0,62—0,62$	$\geq 0,63$
Чувство ритма (с)		$\leq 0,19$	$0,84—2,125$	$\geq 2,77$
Точность манипулирования в пространстве	Индивидуально — жонглирование теннисными мячами (с)	$\leq 3,39$	$3,72—4,37$	$\geq 4,69$

Заключение

Вывод о разработке батареи аутентичных тестов, включая три контрольных упражнения с различными предметами, служит важным шагом в оценке уровня сформированности двигательного ритма у взрослых гимнасток. Учитывая, что двигательный ритм является ключевым аспектом в гимнастике, предложенные нормативы могут стать надежной основой для оценки и мониторинга этого навыка. Нормативы, разделенные на критерии высокого, среднего и низкого уровня, позволяют тренерам и специалистам

в области физической культуры более точно определять уровень развития двигательного ритма у гимнасток, а также разрабатывать индивидуализированные тренировочные программы. Это, в свою очередь, может способствовать улучшению спортивных результатов и повышению общей эффективности тренировочного процесса. Важно также учитывать возможность дальнейших исследований для проверки и уточнения предложенных нормативов, а также их применения в различных условиях и у разных групп спортсменок.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Самигуллин Р. В., Назаренко Л. Д. Формирование двигательного ритма в гиревом спорте как фактор повышения технического мастерства // Актуальные проблемы физической культуры и спорта : материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2019. С. 231—238.
2. Яковлева Л. С. Чувство ритма у детей 6 лет // Лучшая студенческая статья 2022 : сб. ст. XLVII Междунар. науч.-исследоват. конкурса. Пенза : Наука и Просвещение, 2022. С. 205—207.
3. Оценки уровня владения человеком двигательными действиями методом бинарной оппозиции «симметрия — асимметрия» / К. Д. Чермит, А. Г. Заболотный, Р. Д. Хунагов и др. // Физическая культура, спорт — наука и практика. 2022. № 2. С. 76—82.
4. Некоторые аспекты составления соревновательной композиции в технико-эстетических видах спорта / Ю. В. Коричко, А. А. Коричко, Э. Р. Кучкильдин и др. // Оригинальные исследования. 2024. Т. 14. № 6. С. 161—165.
5. Медведева Е. Н., Артюх Д. В., Мальнева А. С. Индивидуализация развития координационной выносливости высококвалифицированных спортсменов в групповых упражнениях художественной гимнастики // Состояние, проблемы и пути совершенствования спортивной и оздоровительной тренировки в гимнастике, танцевальном спорте и фитнесе : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань : Поволж. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2024. С. 181—184.
6. Медведева Е. Н., Голуб Я. В., Агеев Е. В., Баряев А. А. Характеристика компонентов психофизиологической совместимости спортсменов групповых упражнений художественной гимнастики // Теория и практика физической культуры. 2025. № 12. С. 11—13.
7. Жао Ф., Гу Д. Интегрированная тренировка темпоритма и технической подготовки в баскетболе // Геймификация. 2025. № 4(4). С. 16—23.
8. Невзоров Р. М. Интеграция упражнений из других видов спорта для совершенствования техники плавания в полиатлоне // World of Science : сб. ст. XV Междунар. науч.-практ. конф. Пенза : Наука и Просвещение, 2025. С. 233—235.
9. Артюх Д. В. К проблеме повышения качества исполнения соревновательных программ групповых упражнений художественной гимнастики // Научные исследования и разработки в спорте : вестн. аспирантуры и докторантуры. СПб. : Нац. гос. ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 2025. Вып. 33. С. 22—26.
10. Бачкур К. О., Панина Н. С. Элементы группы риска в групповых упражнениях художественной гимнастики // Физическая культура и спорт: научный взгляд студенческой молодежи : материалы межрегион. студенч. науч.-практ. конф. Ставрополь : Сев.-Кавказ. федер. ун-т, 2024. С. 131—136.
11. Ивашина В. В. Нейрогимнастика как средство развития координации в групповых упражнениях спортсменов учебно-тренировочного этапа в художественной гимнастике // Актуальные проблемы и тенденции развития гимнастики, современного фитнеса и танцевального спорта : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. М. : Рос. ун-т спорта «ГЦОЛИФК», 2025. С. 199—203.
12. Титова А. В. Исследование надежности выполнения сотrudничеств в групповых упражнениях художественной гимнастики // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. № 12. С. 107—113. DOI: 10.24412/2305-8404-2021-12-107-113.
13. Артемьева Ж. С., Сизова Т. В. Пути повышения надежности исполнения сотrudничеств повышенной сложности в групповых упражнениях художественной гимнастики // Физическая культура и спорт: актуальные тенденции, проблемы и пути их решения : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. СПб. : Петерб. гос. ун-т путей сообщения Императора Александра I, 2022. С. 140—143.
14. Коновалова Л. А. Средства педагогического контроля за уровнем развития специфической предметной координации в художественной гимнастике // Наука и спорт: современные тенденции. 2024. Т. 12. № S2. С. 118—125. DOI: 10.36028/2308-8826-2024-12-S2-118-125.
15. Коновалова Л. А. Педагогический контроль в художественной гимнастике // Состояние, проблемы и пути совершенствования спортивной и оздоровительной тренировки в гимнастике, танцевальном спорте и фитнесе : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Казань : Поволж. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2024. С. 158—160.

REFERENCES

1. Samigullin R. V., Nazarenko L. D. Formation of motor rhythm in kettlebell lifting as a factor in improving technical skills. *Aktual'nye problemy fizicheskoi kul'tury i sporta = Actual problems of physical culture and sports. Proceedings of the IX International scientific and practical conference*. Cheboksary, Chuvash State Pedagogical University publ., 2019: 231—238. (In Russ.)
2. Yakovleva L. S. Sense of rhythm in children 6 years old. *Luchshaya studenteskaya stat'ya 2022 = The best student article 2022. Collection of articles of the XLVII International scientific research competition*. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2022: 205—207. (In Russ.)
3. Chermit K., Zabolotny A., Hunagov R. et al. Assessment of the level of a person's mastery of motor actions by the method of binary opposition "symmetry-asymmetry". *Fizicheskaya kul'tura, sport — nauka i praktika = Physical education, sport — science and practice*. 2022;2:76—82. (In Russ.)
4. Korichko Yu. V., Korichko A. A., Kuchkildin E. R. et al. Some aspects of compilation competitive composition in technical and aesthetic sports. *Original'nye issledovaniya*. 2024;14(6):161—165. (In Russ.)

5. Medvedeva E. N., Artyukh D. V., Malineva A. S. Individualization of the development of coordination endurance of highly qualified athletes in group exercises of rhythmic gymnastics. *Sostoyanie, problemy i puti sovershenstvovaniya sportivnoi i ozdorovitel'noi trenirovki v gimnastike, tantseval'nom sporte i fitnese* = *The state, problems and ways to improve sports and wellness training in gymnastics, dance sports and fitness. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Kazan, Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism publ., 2024:181—184. (In Russ.)
6. Medvedeva E. N., Golub Ya. V., Ageev E. V., Baryaev A. A. Characteristics of psychophysiological compatibility components in female athletes performing group exercises in artistic gymnastics. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* = *Theory and practice of physical culture*. 2025;12:11—13. (In Russ.)
7. Zhao F., Gu D. Integrated training of tempo and technical training in basketball. *Geimifikatsiya* = *Gamification*. 2025;4(4):16—23. (In Russ.)
8. Nevzorov R. M. Integration of exercises from other sports to improve swimming technique in polyathlon athletes. *World of Science. Collection of Articles of the XV International scientific and practical conference*. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2025:233—235. (In Russ.)
9. Artyukh D. V. On the issue of improving the quality of performing competitive programs in group rhythmic gymnastics exercises. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki v sporte* = *Scientific research and development in sports. Bulletin of postgraduate and doctoral studies*. Saint Petersburg, Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health publ., 2025;33:22—26. (In Russ.)
10. Bachkur K. O., Panina N. S. Elements of risk groups in group exercises in rhythmic gymnastics. *Fizicheskaya kul'tura i sport: nauchnyi vzglyad studencheskoi molodezhi* = *Physical culture and sport: a scientific perspective of student youth. Materials of the interregional student scientific and practical conference*. Stavropol, North-Caucasus Federal University publ., 2024: 131—136. (In Russ.)
11. Ivashina V. V. Neurogymnastics as a means of developing coordination in group exercises of athletes the training stage in rhythmic gymnastics. *Aktual'nye problemy i tendentsii razvitiya gimnastiki, sovremennogo fitnessa i tantseval'nogo sporta* = *Current issues and trends in the development of gymnastics, modern fitness and dance sports. Materials of the VII All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Moscow, Russian University of Sport «GTSOLIFK» publ., 2025:199—203. (In Russ.)
12. Titova A. V. Special endurance of gymnasts performing in group exercises. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport* = *News of the Tula state university. Physical culture. Sport*. 2021;12:107—113. (In Russ.) DOI: 10.24412/2305-8404-2021-12-107-113.
13. Artemyeva Zh. S., Sizova T. V. Ways to increase the reliability of performing exercises of increased complexity in group exercises of rhythmic gymnastics. *Fizicheskaya kul'tura i sport: aktual'nye tendentsii, problemy i puti ikh resheniya* = *Physical culture and sport: current trends, problems and ways to solve them. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Saint Petersburg, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University publ., 2022:140—143. (In Russ.)
14. Konovalova L. A. Means of pedagogical control over the level of development of specific apparatus coordination in rhythmic gymnastics. *Nauka i sport: sovremennye tendentsii* = *Science and sport: current trends*. 2024;12(S2):118—125. (In Russ.) DOI: 10.36028/2308-8826-2024-12-S2-118-125.
15. Konovalova L. A. Pedagogical control in rhythmic gymnastics. *Sostoyanie, problemy i puti sovershenstvovaniya sportivnoi i ozdorovitel'noi trenirovki v gimnastike, tantseval'nom sporte i fitnese* = *The state, problems and ways to improve sports and wellness training in gymnastics, dance sports and fitness. Proceedings of the IV All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Kazan, Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism publ., 2024: 158—160. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 26.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 12.01.2026; approved after reviewing 26.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 378.016:528.9:004.9
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1579

Elena Anatolevna Gadzhieva
Candidate of Geography, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Natural Science,
Geography and Tourism,
Pushkin Leningrad State University
Pushkin, Russian Federation
e.gadzhieva@lengu.ru

Елена Анатольевна Гаджиева
канд. геогр. наук, доцент,
декан факультета естествознания, географии и туризма,
Ленинградский государственный
университет им. А. С. Пушкина
Пушкин, Российская Федерация
e.gadzhieva@lengu.ru

ИНТЕГРАТИВНАЯ ТЕОРИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ И КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ДЛЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье представлено теоретическое обоснование интегративной теории профессиональной визуализации информации как метаметодической основы подготовки кадров для туристской индустрии. Исследование базируется на синтезе картографического метода познания пространства, психолого-педагогических теорий развития пространственного мышления (И. С. Якиманская, П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина) и современных достижений инфографики и геоинформационных технологий. Раскрыта сущность языка графикации как инструмента профессиональной коммуникации, обоснована полипредметность картографического метода и его применимость для изучения пространственно распределенных явлений в различных сферах, включая туризм. Особое внимание уделено применению теории в подготовке бакалавров по направлению «Туризм». Выявлены профессиональные задачи специалистов отрасли, требующие визуальной компетенции: от анализа туристско-рекреационного потенциала территории и проектирования маршрутов до разработки картографического сопровождения турпродукта и презентационных материалов для туристов. Описана структура теории, включающая фундаментально-методологический (картографический метод познания), психолого-педагогический (теории развития мышления, нейродидактика) и технологический (ГИС, инфографика, цифровые сервисы) компоненты. Представлена уровневая

модель освоения языка графикации, включающая сенсорно-перцептивный, аналитический, синтетический и творческий уровни, а также поэтапная методика формирования визуальной компетенции, состоящая из диагностико-мотивационного, теоретико-ориентирующего, репродуктивно-деятельностного, продуктивно-творческого и рефлексивно-оценочного этапов. Приведены результаты многолетней экспериментальной работы, подтвердившие положительное влияние предложенной методики на развитие пространственного мышления (прирост показателей на 27—35 %), качество выполнения профессиональных заданий (прирост на 31—42 %), уровень творческого мышления (прирост на 23—28 %) и мотивации студентов (прирост на 18—22 %). Обсуждены перспективы развития теории в условиях цифровой трансформации образования, включая использование интерактивных карт, технологий виртуальной и дополненной реальности. Сделан вывод о соответствии предложенной теории требованиям информационного общества и ее значимости для повышения качества подготовки специалистов сферы туризма.

Ключевые слова: интегративная теория, профессиональная визуализация, картографическая подготовка, туристское образование, язык графикации, пространственное мышление, ГИС-технологии, метаметодика, визуальная компетенция, профессиональные задачи туризма, инфографика, цифровая трансформация образования

Для цитирования: Гаджиева Е. А. Интегративная теория профессиональной визуализации информации и картографической подготовки будущих специалистов для сферы туризма // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 431—438. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1579.

Original article

INTEGRATIVE THEORY OF PROFESSIONAL VISUALIZATION OF INFORMATION AND CARTOGRAPHIC TRAINING OF FUTURE SPECIALISTS IN THE TOURISM INDUSTRY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article presents a theoretical justification of the integrative theory of professional information visualization as a meta-methodological basis for training personnel for the tourism industry. The research is based on the synthesis of the cartographic method of cognition of space, psychological and pedagogical theories of the development of spatial

thinking (I. S. Yakimanskaya, P. Ya. Galperin, N. F. Talyzina) and modern achievements of infographics and geoinformation technologies. The essence of the graphing language as a professional communication tool is revealed, the poly-subjectivity of the cartographic method and its applicability to the study of spatially distributed phenomena in various fields, including

tourism, is substantiated. Special attention is paid to the application of theory in the preparation of bachelor's degrees in the field of tourism. The professional tasks of industry specialists requiring visual competence are identified: from analyzing the tourist and recreational potential of the territory and designing routes to developing cartographic support for tourist products and presentation materials for tourists. The structure of the theory is described, which includes fundamental methodological (cartographic method of cognition), psychological and pedagogical (theories of the development of thinking, neurodidactics) and technological (GIS, infographics, digital services) components. A level-based model of graphification language acquisition is presented, including sensory-perceptual, analytical, synthetic and creative levels, as well as a step-by-step methodology for the formation of visual competence, consisting of diagnostic-motivational, theoretical-orientation, reproductive-activity, productive-creative and reflexive-evaluative stages. The results of many

years of experimental work are presented, confirming the positive impact of the proposed methodology on the development of spatial thinking (an increase in indicators by 27-35%), the quality of professional assignments (an increase by 31-42%), the level of creative thinking (an increase by 23-28%) and student motivation (an increase by 18-22%). The prospects for the development of theory in the context of digital transformation of education, including the use of interactive maps, virtual and augmented reality technologies, are discussed. The conclusion is made about the compliance of the proposed theory with the requirements of the information society and its importance for improving the quality of training of specialists in the field of tourism.

Keywords: integrative theory, professional visualization, cartographic training, tourism education, language of graphification, spatial thinking, GIS technologies, metamethodology, visual competence, professional tourism tasks, infographics, digital transformation of education

For citation: Gadzhieva E. A. Integrative theory of professional visualization of information and cartographic training of future specialists in the tourism industry. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):431—438. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1579.

Введение

Актуальность. Современный этап развития общества, определяемый как информационный или постиндустриальный, характеризуется беспрецедентным ростом объемов информации и усложнением способов ее передачи и обработки. В этих условиях система высшего профессионального образования сталкивается с необходимостью поиска новых методологических подходов, способных обеспечить не просто трансляцию знаний, но и формирование у будущих специалистов универсальных компетенций по работе с информацией, ее критическому осмыслению и эффективному представлению.

Особую значимость эта проблема приобретает при подготовке кадров для сферы туризма — динамично развивающейся отрасли, по своей сути ориентированной на работу с пространственно распределенной информацией. Туристское пространство объединяет природные, историко-культурные, социально-экономические компоненты, требует их системного анализа и наглядного представления как для профессионалов (туроператоров, менеджеров, экскурсоводов), так и для конечных потребителей — туристов.

Изученность проблемы. Проблема использования наглядности в обучении имеет глубокие исторические корни. Труды Я. А. Коменского и К. Д. Ушинского, а в последующем — И. Я. Лернера и М. И. Махмутова заложили фундамент понимания роли чувственного восприятия в процессе познания. Однако современная дидактика проводит принципиальное различие между понятиями «наглядность» и «визуализация». Если наглядное пособие выполняет преимущественно иллюстративную функцию, предлагая готовый образ, то визуализация представляет собой активный процесс мыслительной деятельности, результатом которого становится создание ментального образа, способного к последующему развертыванию и использованию для решения профессиональных задач.

В современных условиях проблема визуализации получает новое осмысление в трудах М. А. Чошанова [1], изучающего роль визуального мышления и грамотности в инженерном образовании, а также в работах В. И. Блинова [2], посвященных дидактической концепции цифрового про-

фессионального образования, где визуализация выступает ключевым инструментом работы с информацией. Исследования Т. А. Баймишева, И. С. Курмаева, Ю. В. Чернова [3] конкретизируют специфику использования средств визуализации в образовательном процессе, подчеркивая их роль в понимании и анализе информации. Значительный вклад в понимание психологических механизмов визуализации внесла теория поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина и Н. Ф. Талызиной. Исследования Н. Г. Салминой, посвященные использованию знаковых систем в обучении, показали, что знак и символ выступают не просто заместителями объектов, но инструментами мышления [4]. В этом контексте язык географической карты с его развитой системой условных знаков представляет собой одну из наиболее совершенных знаковых систем, созданных человечеством для описания и анализа пространства.

Сущностное значение для нашего исследования имеют труды И. В. Добрынина, посвященные развитию пространственного мышления [5]. Современные аспекты формирования пространственного мышления у студентов с использованием геоинформационных технологий рассматриваются в работах Т. С. Комиссаровой [6; 7], которая вводит понятие интеллектуально-графической деятельности и пространственно-графических проблемных заданий как средства профессиональной подготовки. Пространственное мышление, являясь разновидностью образного мышления, позволяет оперировать пространственными характеристиками объектов — формой, величиной, взаимным расположением, что составляет основу профессиональной компетентности специалистов, работающих с пространственно распределенной информацией. Современные нейropsихологические исследования подтверждают важность гармоничного развития обоих полушарий головного мозга [8, с. 87].

Фундаментальной наукой, изучающей отражение и исследование пространственных систем посредством графического моделирования, является картография. А. Ф. Асланикашвили в своей концепции метакартографии определяет ее как метатеорию [9]. Развитие

картографического метода в исследованиях Д. С. Логинова открыло новые грани понимания карты — не просто как модели местности, но как активного средства научного поиска и выявления скрытых закономерностей [10]. К. К. Марков характеризовал картографический метод как общенаучный [11], а Н. Н. Баранский — как «язык географии» [12]. В современной научной литературе обосновывается тезис о полипредметности или метапредметности картографического метода. Применительно к сфере туризма теоретические и прикладные аспекты картографирования разрабатываются Т. В. Верещакой с соавторами [13], предлагающими классификации туристских карт и методики их создания. Вопросы интеграции картографических знаний и ГИС-технологий в подготовку специалистов, работающих с территориальными системами, поднимаются в коллективных трудах (см., напр.: [14]), что напрямую перекликается с задачами туристского образования. В развитие этих идей А. И. Тютькова, исследуя междисциплинарный подход, создает теоретическую базу для конструирования интегративных методов обучения [15].

Целесообразность разработки темы. Как справедливо отмечают классики педагогической психологии, процесс обучения должен быть направлен на взаимодействие внешнего и внутреннего планов деятельности [16]. Одним из наиболее перспективных инструментов, обеспечивающих такое взаимодействие, выступает визуализация учебной информации, понимаемая не как простая иллюстративность, а как механизм свертывания мыслительных содержаний в наглядный образ, который затем может служить опорой для адекватных мыслительных и практических действий [17]. Интеграция картографического метода познания, психолого-педагогических теорий и современных технологий визуализации в единую теорию позволяет создать метаметодическую основу для подготовки специалистов, способных эффективно работать с пространственно распределенной информацией в сфере туризма.

Научная новизна исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании интегративной теории профессиональной визуализации информации как метаметодической основы подготовки кадров для туризма. Новизна состоит во введении и раскрытии понятия «язык графикации» в контексте профессионального образования, а также в создании структурно-уровневой модели его освоения, интегрирующей фундаментальный картографический метод познания, психолого-педагогические теории развития мышления и современные технологические достижения (ГИС, инфографика).

Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование интегративной теории профессиональной визуализации информации и демонстрация ее практической реализации в системе подготовки будущих специалистов для сферы туризма. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) провести междисциплинарный анализ теоретических предпосылок формирования визуальной компетенции;
- 2) определить структуру интегративной теории и раскрыть сущность языка графикации;
- 3) выявить спектр профессиональных задач специалистов туристской отрасли, требующих визуальной компетенции;
- 4) разработать и экспериментально апробировать уровневую модель и поэтапную методику формирования визуальной компетенции у бакалавров по направлению «Туризм».

Теоретическая значимость работы заключается в расширении понятийного аппарата методологии профессионального образования за счет обоснования категорий «профессиональная визуализация информации» и «язык графикации». Исследование вносит вклад в развитие теорий пространственного и образного мышления применительно к профессиональной подготовке, а также углубляет представление о метапредметных возможностях картографического метода. **Практическая значимость** состоит в разработке и внедрении диагностического инструментария и методики формирования визуальной компетенции, что подтверждено результатами многолетней экспериментальной работы и положительной динамикой качества профессиональной подготовки студентов.

Основная часть

Центральным понятием предлагаемой интегративной теории выступает графикация. Если литерация изучает связь между буквой и звуком, а нумерация — между числом и количеством, то графикация призвана устанавливать связь между графемой (знаком, символом, изображением) и понятием, смысловым содержанием, профессиональным знанием. Освоение этого языка составляет сущность современной визуальной грамотности специалиста.

Визуальная грамотность понимается нами как интегративное качество личности, включающее: способность «читать» и интерпретировать визуальные высказывания (карты, схемы, диаграммы, инфографику); умение создавать собственные графические модели профессиональных объектов и процессов; готовность использовать визуальный язык как средство профессиональной коммуникации.

Исследования А. М. Коршунова и В. В. Мантатова об активности субъекта при взаимодействии с познавательным образом и знаком [18] получают сегодня новое звучание в контексте цифровой трансформации образования и профессиональной деятельности. Создание графического образа — всегда активный мыслительный процесс, включающий анализ, синтез, абстрагирование и конкретизацию. Это позволяет будущему специалисту не просто запомнить информацию, но понять глубинные связи и закономерности изучаемого объекта или явления.

Обобщая изложенные выше теоретические положения, мы определяем интегративную теорию профессиональной визуализации информации как систему научных знаний о закономерностях преобразования профессионально значимой информации в графические образы и использования этих образов в познавательной и практической деятельности специалиста.

Структура интегративной теории включает три взаимосвязанных компонента:

- **Фундаментально-методологический компонент** базируется на картографическом методе познания пространства. Как подчеркивают современные исследователи, «картографический метод обучения характерен тем, что позволяет визуализировать как собственно географическое, так и любое моделируемое пространство, исследовать его пространственные структурные закономерности» [12, с. 5]. Это положение приобретает особую значимость для туристского образования, поскольку объектом профессиональной деятельности выступает туристско-рекреационное пространство во всем его многообразии.

• *Психолого-педагогический компонент* опирается на теории развития пространственного и образного мышления, поэтапного формирования умственных действий, нейродидактики. Ключевым здесь выступает положение о том, что «символический образный язык географической карты способствует формированию абстрактного представления о прообразе, реально существующем в действительности и представленном в модельном, уменьшенном графическом образе — посреднике между реальным объектом и его исследователем» [6, с. 339].

• *Технологический компонент* включает современные средства и методы инфографики, геоинформационных систем (ГИС), цифровых картографических сервисов. В условиях цифровой трансформации туристской отрасли этот компонент приобретает особую актуальность, обеспечивая соответствие профессиональной подготовки современным технологическим реалиям.

Освоение языка графикации в системе профессионального образования должно строиться как последовательный процесс, включающий несколько уровней:

1. *Сенсорно-перцептивный уровень*: развитие способности к целостному восприятию графических образов, их различению и опознанию. На этом этапе студент учится «читать» карты, схемы, диаграммы, извлекать из них профессионально значимую информацию.

2. *Аналитический уровень*: формирование умений анализировать графические модели, выявлять структуру и взаимосвязи элементов, интерпретировать условные обозначения. Студент осваивает язык карты как знаковую систему.

3. *Синтетический уровень*: развитие способности создавать собственные графические высказывания, преобразовывать вербальную информацию в визуальную, моделировать профессиональные объекты и процессы. На этом этапе студент овладевает активным использованием языка графикации.

4. *Творческий уровень*: формирование готовности к самостоятельному конструированию новых визуальных форм, отражающих результаты профессионального творчества и исследований.

Как отмечают современные исследователи, «ключевая роль в таком случае принадлежит современным средствам наглядности, ведь смысл восприятия информации заключается в ее дальнейшем понимании, анализе и применении в личностной и профессиональной деятельности. Одним из таких средств, позволяющим преобразовывать огромные массивы информации в адекватные для человеческого восприятия графические образы, является визуализация» [19, с. 36]. Благодаря структурно-логическим схемам материал усваивается иначе: элементы содержания выстраиваются не линейно, а в виде системы, где видны логические переходы и преемственность между блоками/модулями. Такая подача задействует механизмы долговременной памяти, которая устроена по принципу сети и держится на ассоциациях.

На основе проведенного теоретического анализа мы выделяем следующие принципы реализации интегративной теории профессиональной визуализации в подготовке будущих специалистов:

• *Принцип фундаментальности* предполагает опору на теоретические положения картографической науки, психологии восприятия и педагогики при разработке методик обучения визуализации.

• *Принцип интегративности* реализуется через междисциплинарный характер визуальной компетенции, ее формирование в контексте изучения различных дисциплин профессионального цикла.

• *Принцип деятельностного подхода* означает включение студентов в активную деятельность по созданию и интерпретации графических моделей, соответствующих реальным профессиональным задачам.

• *Принцип технологичности* предполагает использование современных цифровых инструментов визуализации (ГИС, онлайн-картографические сервисы, программы для создания инфографики) в учебном процессе.

• *Принцип творческой направленности* ориентирует на развитие способности к самостоятельному поиску оригинальных визуальных решений профессиональных задач.

Туристская картография в настоящее время оформляется как самостоятельное научно-прикладное направление, имеющее свои объект, предмет и методы исследования. Коллективом авторов в сборнике «Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования» предложена классификация карт для туризма, охватывающая уровни, основные направления картографирования, формы представления карт [13].

Анализ содержания туристской картографии как учебной дисциплины позволяет выделить следующие основные разделы:

- теоретические основы картографии и их приложение к туристской сфере;
- типология туристских карт и сферы их применения;
- методика разработки туристских картосхем и атласов;
- использование ГИС-технологий в туристском проектировании;
- картографическое обеспечение экскурсионной деятельности;
- современные цифровые картографические сервисы в работе туроператора.

Исследования А. Н. Саввиной и коллег подчеркивают важность интеграции картографических знаний и ГИС-технологий в подготовку специалистов, работающих с территориальными системами [14]. Как отмечают исследователи, «ГИС рассматривается как комплекс программных решений, реализующих геоинформационные технологии в различных сферах деятельности» [17, с. 33]. В контексте туристского образования это означает необходимость формирования у студентов не только традиционной картографической компетенции, но и навыков работы с современными геоинформационными системами.

Анализ профессиональной деятельности специалистов туристской отрасли позволяет выделить широкий спектр задач, решение которых требует сформированной визуальной компетенции:

- На уровне туроператорской деятельности:
 - анализ туристско-рекреационного потенциала территории на основе картографических материалов;
 - проектирование туристских маршрутов с использованием картографической основы;
 - создание картосхем для информационных буклетов и путеводителей;
 - визуализация программ обслуживания для презентации клиентам.
- На уровне экскурсионной деятельности:
 - разработка нитки маршрута с учетом логики показа объектов;
 - создание картосхем экскурсионных маршрутов;
 - использование картографического материала в тексте экскурсии;
 - ориентирование в пространстве при проведении экскурсии.

- На уровне управления туристской деятельности:
 - анализ туристских потоков с использованием картографических методов;
 - картографирование туристской инфраструктуры;
 - разработка стратегий территориального развития туризма;
 - кластерный анализ туристских территорий.

Современные исследования подтверждают, что «профессиональной задачей туроператора является создание турпродукта, «сердцевину» которого составляет выбор места прибытия и активно-познавательный отдых в его пространстве, состоящий из тура, экскурсий, маршрутов и подобной деятельности. Основная область применения интеллектуально-графических умений этой группой специалистов – камеральное картографическое проектирование» [12, с. 9].

Опираясь на многолетний опыт преподавательской деятельности и результаты педагогических экспериментов, мы предлагаем следующую методику формирования визуальной компетенции будущих специалистов туризма:

1. **Диагностико-мотивационный этап.** На данном этапе осуществляется оценка исходного уровня пространственного мышления и визуальной грамотности студентов, формируется понимание значимости картографических знаний для будущей профессиональной деятельности. Используются методы входного тестирования, проблемные ситуации, демонстрирующие роль визуализации в туризме.

2. **Теоретико-ориентирующий этап.** Студенты осваивают теоретические основы картографии, семиотики, теории визуализации. Изучаются классификация карт, способы картографического изображения, правила разработки картосхем. Особое внимание уделяется туристской картографии как прикладному направлению.

3. **Репродуктивно-деятельностный этап.** На этом этапе студенты выполняют задания по чтению и анализу готовых картографических материалов. Они учатся извлекать профессионально значимую информацию из топографических и тематических карт, выявлять пространственные закономерности размещения туристских ресурсов, анализировать существующие туристские картосхемы.

4. **Продуктивно-творческий этап.** Студенты самостоятельно разрабатывают картографические материалы для решения профессиональных задач: создают картосхемы туристских маршрутов, разрабатывают карты туристских ресурсов территории, проектируют инфографику для презентации турпродукта. Как отмечается в современных исследованиях, картографическое моделирование туристических и экологических объектов является важной составляющей практической подготовки, позволяющей формировать профессиональные компетентности студентов. Как подчеркивают И. М. Яковенко и Е. А. Позаченюк: «Картографический метод выступает одним из ведущих в рекреационно-географических исследованиях, являясь не только приемом визуализации, но и полноценным средством научного поиска» [20, с. 620].

5. **Рефлексивно-оценочный этап.** Осуществляется анализ созданных студентами графических работ, их обсуждение и оценка, выявление трудностей и перспектив дальнейшего совершенствования визуальной компетенции.

Методология исследования. Экспериментальная работа по внедрению разработанной интегративной теории осуществлялась на протяжении ряда лет на факультете естествознания, географии и туризма, на «кафедре туризма,

гостеприимства и сферы обслуживания» в Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина и других вузах. В исследовании приняли участие студенты бакалавриата, обучающиеся по направлению «Туризм».

В процессе исследования использовались следующие методы:

- теоретический анализ научной литературы;
- педагогическое наблюдение;
- анкетирование и тестирование студентов;
- анализ продуктов учебной деятельности (картосхем, проектов, презентаций);
- педагогический эксперимент;
- статистическая обработка результатов.

Для диагностики уровня пространственного мышления применялись тесты И. С. Якиманской, для оценки творческого мышления — методики Е. П. Торренса. Оценка качества выполнения профессионально-ориентированных заданий проводилась по критериям, разработанным автором на основе анализа требований Федерального государственного образовательного стандарта и профессиональных стандартов в сфере туризма. Мотивация к профессиональной деятельности изучалась с помощью анкетирования.

Результаты исследования. Результаты педагогического эксперимента показали, что студенты экспериментальных групп, обучавшиеся с использованием разработанной методики, продемонстрировали значимо более высокие показатели по сравнению с контрольными группами:

- По уровню сформированности пространственного мышления (прирост показателей на 27—35 % по тестам И. С. Якиманской). Студенты стали лучше ориентироваться в картографическом материале, быстрее выявлять пространственные закономерности, успешнее решать задачи на пространственное моделирование. Обучающиеся контрольных групп чаще представляли информацию в виде разрозненных текстовых описаний и таблиц, а из экспериментальных групп предпочитали представлять те же данные в картографической и инфографической форме, что свидетельствует о качественно ином уровне пространственного мышления.

- По качеству выполнения профессионально-ориентированных заданий (прирост показателей на 31—42 %). Разработанные студентами экспериментальных групп картосхемы маршрутов отличались большей продуманностью, соответствием логике показа объектов, эстетичностью оформления.

- По уровню развития творческого мышления (прирост показателей на 23—28 % по методикам Е. П. Торренса). Студенты предлагали более оригинальные решения при разработке концепций туров, нестандартные подходы к визуализации информации, креативные идеи по использованию картографического материала в экскурсионной деятельности.

- По мотивации к профессиональной деятельности (прирост показателей на 18—22 %). Студенты экспериментальных групп проявляли больший интерес к изучению специальных дисциплин, активнее участвовали в проектной деятельности, представляли в курсовых и выпускных квалификационных работах значительную часть информации в картографической форме. Их успешное участие в профессиональных олимпиадах и конкурсах стало логичным итогом личностно-профессиональной заинтересованности, подтвердив, что информационно-картографический подход не только учит, но и воспитывает увлеченного профессионала.

Особую эффективность продемонстрировали проблемные задания пространственно-графического типа, концепция которых была разработана с опорой на фундаментальные труды П. Я. Гальперина, Е. Н. Кабановой-Меллер, И. С. Якиманской и исследователей современности [21]. Такие задания, требующие самостоятельного создания графического образа на основе анализа вербальной информации, активизируют мыслительную деятельность, способствуют развитию творческого потенциала будущих специалистов.

Заключение

Проведенное теоретико-экспериментальное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Интегративная теория профессиональной визуализации информации представляет собой научно обоснованную систему знаний, объединяющую фундаментальный картографический метод познания пространства, психолого-педагогические теории развития пространственного мышления и современные технологические достижения в области инфографики и геоинформатики.

Центральным понятием теории выступает язык графикации, освоение которого составляет сущность визуальной грамотности современного специалиста. Формирование этого языка в образовательном процессе должно строиться как последовательное движение от сенсорно-перцептивно-го уровня к творческому.

Картографическая подготовка будущих специалистов туризма, реализуемая на основе разработанной теории, обеспечивает формирование профессиональных компетенций, необходимых для решения широкого спектра задач: от анализа туристско-рекреационного потенциала территории до создания картографического обеспечения турпродукта.

Результаты педагогического эксперимента подтвердили эффективность предложенной методики: студенты экспериментальных групп продемонстрировали значимо более высокие показатели сформированности пространственного

мышления, качества выполнения профессионально-ориентированных заданий, уровня развития творческого мышления и мотивации к профессиональной деятельности.

Цифровая трансформация туристической сферы, активное внедрение геоинформационных систем и технологий виртуальной и дополненной реальности формируют принципиально новые возможности для реализации визуальной компетенции специалистов. В этих условиях геоинформационные технологии становятся одним из ключевых инновационных инструментов, определяющих вектор развития отечественного географического и туристского образования.

Дальнейшее развитие интегративной теории мы связываем с исследованием следующих направлений:

- *Цифровая дидактика визуализации* — разработка методик использования в образовательном процессе современных цифровых инструментов (интерактивных карт, ГИС-сервисов, технологий виртуальной реальности) для формирования визуальной компетенции.
- *Нейродидактические аспекты визуализации* — изучение мозговых механизмов восприятия и создания графических образов для оптимизации процесса обучения языку графикации.
- *Профессиографический анализ визуальной компетенции* — выявление специфики требований к визуальной грамотности специалистов различных профилей внутри туристской отрасли (туроператоры, экскурсоводы, менеджеры, специалисты по территориальному планированию).
- *Международный опыт подготовки кадров в области туристской картографии* — сравнительный анализ образовательных систем и адаптация эффективных практик к российским условиям.

Таким образом, интегративная теория профессиональной визуализации информации и картографической подготовки открывает новые возможности для повышения качества образования будущих специалистов сферы туризма, обеспечивая соответствие их компетенций современным требованиям информационного общества и цифровой экономики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чошанов М. А. Инженерия обучающихся технологий. 3-е изд. М. : Лаборатория знаний, 2020. 242 с.
2. Блинов В. И., Сергеев И. С. Цифровые технологии профессионального саморазвития педагога в системе дополнительного профессионального образования // *Дополнительное профессиональное образование в стране и мире*. 2023. № 1(61). С. 29—40.
3. Баймишева Т. А., Курмаева И. С., Чернова Ю. В. Применение средств визуализации информации в образовательном процессе // *Актуальные вопросы экономики и агробизнеса : XVI Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию со дня рождения Заслуж. экономиста РФ, Заслуж. работника сел. хоз-ва РФ, Заслуж. ученого Брян. обл., акад. Академии народов мира «Элита», д-ра экон. наук, проф. Евгения Павловича Чиркова* : с. тр. Брянск : Брян. ГАУ, 2025. С. 369—373.
4. Салмина Н. Г., Джулакян У. Л., Звонова Е. В. Организация учебной деятельности студентов-медиков на практических занятиях в условиях дистанционного обучения // *Психология обучения*. 2020. № 5. С. 78—87.
5. Добрынина И. В. Об информационных технологиях в развитии пространственного мышления // *Педагогическая информатика*. 2025. № 2. С. 191—196.
6. Gadzhieva E., Komissarova T. Intellectual-graphic visualization of information as an integrative teaching method // *Society. Integration. Education : Proceedings of the International Scientific Conference*. Rezekne: Rezekne Academy of Technologies, 2019. Vol. IV : Sports and Health, Art and Design. Pp. 334—345. DOI: 10.17770/sie2019vol4.3748.
7. Комиссарова Т. С., Скворцов А. В. Пространственно-графический тип проблемных заданий при профессиональной подготовке специалистов — психолого-педагогические подходы // *Академическая наука — проблемы и достижения : материалы V междунар. науч.-практ. конф. North Charleston, SC, USA : CreateSpace*, 2014. Т. 1. С. 33—37.
8. Блейк С., Пейп С., Чошанов М. А. Использование достижений нейрпсихологии в педагогике США // *Педагогика*. 2004. № 5. С. 85—90.
9. Асланикашвили А. Ф. Метакартография: Основные проблемы. Тбилиси ; Мецниереба, 1974. 125 с.

10. Логинов Д. С. Модели взаимодействия картографического и геоинформационного обеспечения // Геоинформатика. 2025. № 4. С. 90—102.
11. Марков К. К. Палеогеография и новейшие отложения : избр. тр. / отв. ред. А. Ф. Трешников М. : Наука, 1986. 280 с.
12. Баранский Н. Н. Исторический обзор учебников географии: (1876—1934). М. : Географгиз, 1954. 503 с.
13. Теория и практика картографического обеспечения туризма / Т. В. Верещака, Н. А. Билибина, Н. М. Биктимирова и др. // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования : материалы XVI Междунар. науч.-практ. конф. Химки : Университетская книга, 2021. С. 116—133.
14. География и краеведение в Якутии и сопредельных территориях Сибири и Дальнего Востока : материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Якут. Автоном. Совет. Социалист. Респ. (ЯАССР) / редкол.: Л. С. Пахомова, А. Н. Саввинова, О. М. Кривошапкина, Т. П. Трофимова. Якутск : Издат. дом СВФУ, 2022. 294 с.
15. Тютюкова И. А., Иванова М. Е., Яковлюк С. М. Метадисциплинарный подход к подготовке педагога будущего в условиях современных традиционных ценностей: от образовательной практики к педагогической теории // Проблемы современного педагогического образования. 2025. Вып. 86. Ч. 1. С. 371—373.
16. Голубчиков Ю. Н. Туристско-краеведческие приемы обучения и исцеления // Психологические основы формирования духовно-патриотических ценностей современной молодежи России : сб. науч. тр. I Междунар. науч.-практ. конф. М. : Энциклопедист-Максимум, 2023. С. 30—36.
17. Некозырева М. В., Шарова И. С. Подходы к обучению картографии и геоинформатике в школах // Каспийский научный журнал. 2025. № 1(6). С. 32—39.
18. Коршунов А. М., Мантатов В. В. Теория отражения и эвристическая роль знаков. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1974. 214 с.
19. Шаршов И. А., Бубнов И. Ю. Специфика использования визуализации в образовательном процессе вуза // Гаудеамус. 2022. Т. 21. № 2. С. 35—41. DOI: 10.20310/1810-231X-2022-21-2-35-41.
20. Яковенко И. М., Позаченюк Е. А. Картографические подходы к отражению туристско-рекреационного ресурсного потенциала побережья Азовского моря // Региональные геосистемы. 2025. Т. 49. № 3. С. 618—632.
21. Романкина М. Ю., Коробов А. А. Исследовательские способности обучающихся в системе естественнонаучного дополнительного образования // Наука и Образование. 2025. Т. 8. № 1. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/7429>.

REFERENCES

1. Choshanov M. A. Engineering of educational technologies. 3rd ed. Moscow, Laboratoriya znaniy, 2020. 242 p. (In Russ.)
2. Blinov V. I., Sergeev I. S. Digital technologies of professional self-development of a teacher in the system of additional professional education. *Dopolnit'noe professional'noe obrazovanie v strane i mire = Vocational education and training in Russia and abroad*. 2023;1(61):29—40. (In Russ.)
3. Baimisheva T. A., Kurmaeva I. S., Chernova Y. V. Application of information visualization tools in the educational process. *Aktual'nye voprosy ekonomiki i agrobiznesa = Topical issues of economics and agribusiness. XVI International scientific and practical conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of Honored Economist of the Russian Federation, Honored Worker of Agriculture of the Russian Federation, Honored Scientist of the Bryansk region, Academician of the Academy of the Peoples of the World "Elite", Doctor of Economics, Professor Evgeny Pavlovich Chirkov. Proceedings*. Bryansk, Bryansk State Agrarian University publ., 2025:369—373. (In Russ.)
4. Salmina N. G., Dzhulakyan U. L., Zvonova E. V. Organization of educational activities of medical students in practical classes in the context of distance learning. *Psikhologiya obucheniya*. 2020;5:78—87. (In Russ.)
5. Dobry'nina I. V. On information technologies in the development of spatial thinking. *Pedagogicheskaya informatika = Pedagogical Informatics*. 2025;2:191—196. (In Russ.)
6. Gadzhieva E., Komissarova T. Intellectual-graphic visualization of information as an integrative teaching method. *Society. Integration. Education : Proceedings of the International Scientific Conference*. Rezekne, Rezekne Academy of Technologies, 2019;4:334—345. DOI: 10.17770/sie2019vol4.3748.
7. Komissarova T. S., Skvortsov A. V. Spatial and graphical type of problematic tasks in professional training of specialists — psychological and pedagogical approaches. *Akademicheskaya nauka — problemy i dostizheniya = Academic science — problems and achievements. Proceedings of the V International scientific and practical conference*. North Charleston, SC, USA, CreateSpace, 2014;1:33—37. (In Russ.)
8. Blake S., Pape S., Tchoshanov M. Applying neuropsychology to pedagogy. *Pedagogika = Pedagogics*. 2004;5:85—90. (In Russ.)
9. Aslanikashvili A. F. Metacartography: The main problems. Tbilisi, Metsniereba, 1974. 125 p. (In Russ.)
10. Loginov D. S. Interaction models of cartographic and geoinformation support. *Geoinformatika = Geoinformatics*. 2025;4:90—102. (In Russ.)
11. Markov K. K. Paleogeography and the latest deposits. Selected works. A.F. Treshnikov (ed.). Moscow, Nauka, 1986. 280 p. (In Russ.)
12. Baransky N. N. Historical review of geography textbooks: (1876-1934). Moscow, State Publishing House of Geographical Literature, 1954. 503 p. (In Russ.)
13. Vereshchaka T. V., Bilibina N. A., Biktimirova N. M. et al. Theory and practice of cartographic support for tourism. *Turizm i rekreatsiya: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya = Tourism and recreation: fundamental and applied research. Proceedings of the XVI International scientific and practical conference*. —Khimki, Universitetskaya kniga, 2021:116—133. (In Russ.)

14. *Geografiya i kraevedenie v Yakutii i sopredel'nykh territoriyakh Sibiri i Dal'nego Vostoka = Geography and local history in Yakutia and adjacent territories of Siberia and the Far East. Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Yakut Autonomous Soviet Socialist Republic (YaASSR)*. L. S. Pakhomova, A. N. Savvinova, O. M. Krivoschapkina, T. P. Trofimova (eds.). Yakutsk, Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov publ., 2022. 294 p. (In Russ.)
15. Tyutkova I. A., Ivanova M. E., Yakovlyuk S. M. Metadisciplinary approach to training the teacher of the future in the context of modern traditional values: from educational practice to pedagogical theory. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2025;86(1):371—373. (In Russ.)
16. Golubchikov Yu. N. Tourist-local lore methods of teaching and healing. *Psikhologicheskie osnovy formirovaniya dukhovno-patrioticheskikh tsennostei sovremennoi molodezhi Rossii = Psychological foundations of the formation of spiritual and patriotic values of modern youth of Russia. Proceedings of the First International scientific and practical conference*. Moscow, Entsiklopedist-Maksimum, 2023:30—36. (In Russ.)
17. Nekozyreva M. V., Sharova I. S. Approaches to teaching cartography and geoinformatics in schools. *Kaspiiskii nauchnyi zhurnal = Caspian scientific journal*. 2025;1(6):32—39. (In Russ.)
18. Korshunov A. M., Mantatov V. V. Theory of reflection and the heuristic role of signs. Moscow, Moscow University publ., 1974. 214 p. (In Russ.)
19. Sharshov I. A., Bubnov I. Yu. Visualization in the educational process at the university. *Gaudeamus*. 2022;21(2): 35—41. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-231X-2022-21-2-35-41.
20. Yakovenko I. M., Pozachenyuk E. A. Cartographic Approaches to Reflecting the Tourist and Recreational Resource Potential of the Azov Sea Coast. *Regional'nye geosistemy = Regional Geosystems*. 2025;49(3):618—632. (In Russ.) DOI: 10.52575/2712-7443-2025-49-3-618-632.
21. Romankina M. Yu., Korobov A. A. Research abilities of students in the system of natural science additional education. *Nauka i Obrazovanie*. 2025;8(1). (In Russ.) URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/7429>.

Статья поступила в редакцию 26.01.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 26.01.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья**УДК 372.854****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1501****Elena Anatolievna Zvonareva**

Candidate of Chemistry,
Associate Professor of the Department of Chemistry,
Voronezh State
Pedagogical University
Voronezh, Russian Federation
zvolena@yandex.ru

Yulia Sergeevna Korobova

Chemistry Teacher,
Zemskaya Gymnasium
Balashikha, Russian Federation
rhvsk.yu@yandex.ru

Marina Ivanovna Zhukova

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Chemistry,
Voronezh State
Pedagogical University
Voronezh, Russian Federation
marina.zhukova1961@yandex.ru

Елена Анатольевна Звонарева

канд. хим. наук,
доцент кафедры химии,
Воронежский государственный
педагогический университет
Воронеж, Российская Федерация
zvolena@yandex.ru

Юлия Сергеевна Коробова

учитель химии,
Земская гимназия
Балашиха, Российская Федерация
rhvsk.yu@yandex.ru

Марина Ивановна Жукова

канд. пед. наук,
доцент кафедры химии,
Воронежский государственный
педагогический университет
Воронеж, Российская Федерация
marina.zhukova1961@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ В. Ф. БАЗАРНОГО НА УРОКАХ ХИМИИ СРЕДИ УЧАЩИХСЯ ОСНОВОЙ ШКОЛЫ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Статья посвящена исследованию эффективности педагогической технологии В. Ф. Базарного применительно к химическому образованию в старших классах общеобразовательного учреждения. Авторами изложена сущность модели здоровьесберегающей педагогики, описаны особенности внедрения и результативность технологии на уроках химии. В статье представлены теоретико-методологические и практические основы режима сенсорной свободы и психомоторного раскрепощения, проанализированы входные и контрольные показатели успеваемости гимназистов, психоэмоциональное состояние учащихся в период проведения педагогического эксперимента и эффективность методики с точки зрения особенностей химического образовательного пространства. Авторами отмечена необходимость реализации систематического и комплексного подхода к развитию здоровья обучающихся, основывающегося на мониторинге медицинских показателей здоровья старшеклассников, анализе их ментального состояния и контроле качества усвоения предметного материала.

В работе обозначены конкретные принципы реализации учебного процесса по химии, способствующие укреплению здоровья гимназистов, развитию уровня их физической активности, критического мышления

и мысленных образов. Реализованное исследование позволило выявить позитивные изменения в мотивации, уровне здоровья детей и качестве усвоения учебного материала по предмету «Химия». Настоящая работа служит методологическим базисом для формирования здоровьесберегающего учебно-воспитательного пространства образовательных учреждений и созданию условий для профилактики и упреждения факторов риска, способствующих возникновению подростковых заболеваний.

Статья предназначена для широкого диапазона читателей, выражающих интерес к укреплению и развитию здоровья подрастающего поколения, в т. ч. для практикующих педагогов, административного состава образовательных учреждений, организаторов учебно-воспитательного пространства, классных руководителей, методистов, родителей.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии, образовательный процесс, химическое образование, режим сенсорной свободы, методика В. Ф. Базарного, профилактическая оздоровительная методика, офтальмотренажер, групповая форма обучения, раздельно-параллельное обучение, метод свободных ассоциаций, когнитивные функции

Для цитирования: Звонарева Е. А., Коробова Ю. С., Жукова М. И. Реализация системы В. Ф. Базарного на уроках химии среди учащихся основной школы // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 439—444. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1501.

Original article

THE IMPLEMENTATION OF V. F. BAZARNY'S SYSTEM IN CHEMISTRY LESSONS AMONG SECONDARY SCHOOL STUDENTS

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. Article is devoted to the study of the effectiveness of V. F. Bazarny's pedagogical technology in relation to chemical education in high school. The authors outline the essence of the health-saving pedagogy model; describe the features of the introduction and effectiveness of technology in chemistry lessons. The article presents the theoretical, methodological and practical foundations of the "Sensory freedom and psychomotor emancipation" regime, analyzes the input and control indicators of high school students' academic performance, the psycho-emotional state of students during the pedagogical experiment and the effectiveness of the methodology in terms of the characteristics of the chemical educational space. The authors noted the need to implement a systematic and integrated approach to the improvement of students' health, based on monitoring the medical health indicators of high school students, analyzing their mental state and quality control of the assimilation of subject material.

In this paper, specific principles of the implementation of the educational process in chemistry are outlined, contributing to the improvement of the health of high school students,

the development of their level of physical activity, critical thinking and mental images. The implemented study revealed positive changes in the motivation, health level of children and the quality of assimilation of educational material on the subject of chemistry. This work serves as a methodological basis for the formation of a health-saving educational space in educational institutions and the creation of conditions for the prevention and elimination of risk factors contributing to the occurrence of adolescent diseases.

The article is intended for a wide range of readers who express interest in strengthening and developing the health of the younger generation, including practicing teachers, administrative staff of educational institutions, organizers of educational space, classroom teachers, methodologists, parents.

Keywords: health-saving technologies, educational process, chemistry education, sensory freedom mode, V. F. Bazarny's methodology, preventive health method, ophthalmic simulator, group training, separate-parallel training, free association method, cognitive functions

For citation: Zvonareva E. A., Korobova Yu. S., Zhukova M. I. The implementation of V. F. Bazarny's system in chemistry lessons among secondary school students. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):439—444. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1501.

Введение

Актуальность. Состояние здоровья подрастающего поколения считается главным критерием благополучия социума и страны, который не только отражает текущую ситуацию, но и дает прогноз на будущее.

Согласно Уставу Всемирной организации здравоохранения «здоровье — это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней или физических дефектов».

Здоровый образ жизни — это активная человеческая деятельность, направленная на сохранение и укрепление его здоровья. В большинстве случаев здоровье ребенка закладывается в период обучения в школе, поэтому целесообразно применение здоровьесберегающих образовательных технологий. Они помогают не только сохранить здоровье детей, но и способствуют всестороннему развитию и повышению качества образования.

Согласно статистическим данным Всемирной организации здравоохранения на 13 октября 2025 г., процент молодых людей в возрасте 11 лет, которые сообщали об одном часе физической активности от умеренной до высокой интенсивности (*MIPA*) в день, составляет: у девушек — 18 %, у юношей — 26 %. Несмотря на популяризацию здорового образа жизни и развития мотивации к спорту у детей, за последние 10 лет количество подростков, поддерживающих высокий уровень физической активности, не увеличилось. Таким образом, перед педагогическим сообществом встает новая задача — создание условий для формирования здоровьеразвивающего образовательного пространства.

Изученность проблемы. Одной из актуальных и действенных методик развития здоровья учащихся является технология, созданная академиком Российской академии

наук, доктором медицинских наук Владимиром Филипповичем Базарным. Профилактическая оздоровительная методика обучения В. Ф. Базарного [1; 2] посвящена обучению в режиме сенсорной свободы и психомоторного раскрепощения, квинтэссенцией которой является воспитание здоровых, развитых не только духовно, но и физически школьников.

Применение здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях на основе методики сенсорной свободы отражается в исследованиях следующих педагогов:

- внедрение методики обучения В. Ф. Базарного в дошкольных учреждениях изучалось Е. Л. Кольцовой [3], Ю. В. Коноваленко [4], И. В. Веретенниковым [5];

- И. С. Пермякова [6] и О. Г. Дивина [7] утверждали, что система В. Ф. Базарного уникальна, проста, доступна, комплексна, и базируется на принципах природосообразности и точном знании физиологии детского организма;

- практические организационно-психологические трудности в реализации здоровьесберегающих технологий по методике В. Ф. Базарного в сельской местности описывались О. А. Вахрамеевой [8];

- в работе А. В. Винева [9] рассматривалось применение методики обучения В. Ф. Базарного в общеобразовательной школе и характеризовался механизм ее использования в инклюзивном образовании;

- О. П. Андрианова [10], Л. Л. Зырянова [11], Е. Н. Гудкова [12], Е. А. Балакирева [13] применяли технологию В. Ф. Базарного в начальной школе, благодаря чему повышались эффективность профилактики психофизиологического переутомления и сохранения здоровья учащихся, что положительно сказалось на уровне успеваемости и эффективности учебного процесса;

– мониторинг применения системы В. Ф. Базарного в МАОУ «Земская гимназия», проведенный одним из авторов настоящей статьи [14], лег в основу начального этапа исследования;

– Е. В. Гусева [15] уделила особое внимание применению методики В. Ф. Базарного в специальной коррекционной школе.

Целесообразность разработки темы. Поскольку почти все современные исследования посвящены применению методики В. Ф. Базарного на этапах дошкольного и начального образования, то возникает необходимость в разработке методических материалов при изучении предметов на старшей ступени общего образования.

Цель исследования — повысить эффективность качества обучения гимназистов основной и старшей школы по предмету «Химия» за счет внедрения технологии В. Ф. Базарного.

Поставленная цель предопределила необходимость решения следующих **задач**:

- изучить теоретические аспекты и методологическую основу технологии В. Ф. Базарного;
- реализовать образовательный процесс по химии в режиме сенсорной свободы;
- доказать эффективность использования системы В. Ф. Базарного на уроках химии с точки зрения динамики психологического благополучия подростков.

Научная новизна. Данное исследование обосновывает внедрение технологии В. Ф. Базарного в образовательное пространство по химии, предлагает конкретные педагогические приемы, основанные на этой системе, и подтверждает их эффективность.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке методики проведения уроков химии и подборе заданий, основываясь на технологии сенсорной свободы и психомоторного раскрепощения, способствующей сохранению и укреплению здоровья школьников.

Практическая значимость результатов исследования. В настоящей работе производится анализ применения технологии В. Ф. Базарного и ее результативности в ходе внедрения в образовательный процесс по химии. Следует отметить, что преподавание химии является специфическим и имеет несколько особенностей: проведение практических и исследовательских работ, взаимодействие с реагентами и соблюдение особых правил техники безопасности, необходимость использования специальной лабораторной мебели на уроках.

Основная часть

Материалы и методы исследования. В экспериментальную группу вошли учащиеся 9 и 10 классов МАОУ «Земская гимназия» г. о. Балашиха.

Экспериментальный этап педагогического эксперимента осуществлялся в течение 2023/24 и 2024/25 учебных лет и включал: анализ научной литературы, входную и контрольную диагностику уровня здоровья, учебной мотивации, когнитивных способностей, анкетирование, опрос, наблюдение за учебным процессом, а также количественную и качественную оценку результатов итоговых контрольных работ.

Результаты исследования и их обсуждение. Основная задача технологии В. Ф. Базарного [1] приводится в действии в ходе использования следующих инструментов:

- 1) повышение уровня двигательной активности учащегося на уроках;
- 2) внедрение в образовательный процесс зрительной гимнастики;
- 3) расширение арсенала творческих мысленных образов.

Обучение в режиме сенсорной свободы В. Ф. Базарного основано на положении, что процесс обучения и воспитания должен основываться на специфике физического и психического развития школьника, соответствующая естественным особенностям роста и развития организма. Уникальность обучения в режиме сенсорной свободы заключается в нескольких аспектах.

Во-первых, в ходе образовательного процесса применяется изменчивость подвижных поз — первую часть урока учащийся проводит, сидя за партой, вторую часть — стоя за конторкой. Парта-конторка представляет собой индивидуальный рабочий стол, за которым учащийся располагается стоя [2]. Конторка служит:

- для поддержания здорового положения спины и профилактики заболеваний позвоночника;
- создания условий для интенсивности внимания;
- мобилизации интеллектуальной деятельности;
- снятия общего напряжения и чувства скованности, характерных для позы «сидя»;
- избавления от скованности и зажатости, присущей малоподвижному образу жизни.

Во-вторых, учебный кабинет оснащен офтальмотренажером — специализированной разметкой, располагающейся на потолке. Тренинг зрения выполняется учащимися в середине урока специализированного звонка. Согласно работе И. В. Веретенникова [5], в зрительную гимнастику входят разнообразные движения: сверху вниз, слева направо и в обратном направлении, круговые движения глазами малого и большого диаметра. Офтальмотренажеры, по мнению Е. А. Балакиревой [13], способствуют формированию мышечно-телесной и зрительной координации, а также повышают уровень внимания и скорость реакции, снижают зрительное утомление. Зрительная гимнастика сопровождается телесной зарядкой, например, выполняя круговые движения глазами, учащиеся сопровождают это круговыми движениями тазом, таким образом, проводится комплексная зарядка.

Третьим шагом системы В. Ф. Базарного является спланированное перемещение по классной комнате. Педагог заранее оснащает классную комнату различными зонами с заданиями по темам, в ходе урока реализуется выполнение заданий в групповой форме.

Четвертый аспект, вызывающий дискуссии в педагогическом и родительском сообществах, — раздельно-параллельное обучение мальчиков и девочек. Согласно материалам Центра здорового образования В. Ф. Базарного, в 1960-е гг. примерно 30 % девушек, окончивших школу, имели высокий уровень здоровья. На данный момент численность снизилась до 6 %. Следует отметить, что 75 % учащихся женского пола имеют какое-либо хроническое заболевание. Специалисты Центра здорового образования настаивают, что виной отрицательной динамики является смешанное обучение. Их выводы разделяют и зарубежные коллеги. Например, семейный врач и специалист психиатрии Л. Сакс, основатель Национальной ассоциации за раздельное обучение в США, подчеркивает, что мальчики и девочки имеют различную реакцию на стресс, их речь и эмоции

регулируются разными сферами мозга. Согласно данным Сакса, различие в психолого-физиологических особенностях девушек и юношей указывает на необходимость внедрения специализированной образовательной программы.

Пятым аспектом служит использование перьевого письма. Систематическая работа перьевой ручкой обеспечивает профилактику признаков туннельного синдрома запястья и снижает уровень скованности в руке после долгого использования ручки [14].

Положительное влияние внедрения обозначенных аспектов в образовательный процесс подтверждается исследованиями Центра здорового образования В. Ф. Базарного. В настоящее время в Российской Федерации функционирует несколько образовательных учреждений, полностью перешедших на систему сенсорной свободы, в т. ч. МАОУ «Земская гимназия» г. о. Балашиха, являющаяся базой настоящего исследования.

Настоящий педагогический эксперимент реализовывался на протяжении двух лет. Экспериментальной группой настоящего исследования стали учащиеся 9 и 10 классов в количестве 147 чел. В ходе эксперимента реализовывался образовательный процесс по предмету «Химия» с внедрением системы В. Ф. Базарного в адаптированном к кабинету химии виде.

Для оценки качества восприятия химического знания применялись два подхода:

1. Коллективная методика анализа понимания предметного материала («Химический диктант»). Данная модель является традиционной и позволяет установить степень знания химической терминологии и формул.

2. Адаптированный опрос («Метод свободных ассоциаций») 3. Фрейда. Настоящий метод позволил проанализировать степень развития когнитивных функций, умножить мотивацию к изучению предмета, понизить нагрузку на зрение и опорно-двигательный аппарат.

Преподавание химии в режиме сенсорной свободы осуществлялось по следующим принципам:

1. Учащиеся на уроках химии занимаются, сидя за специализированными лабораторными столами, парты-конторки не используются в образовательном процессе, в связи с требованиями правил техники безопасности. Для компенсации недостаточного уровня физической активности, учащиеся в кабинете химии выполняют зарядку не один, а два раза за урок. Первая зарядка — через 15 мин после начала занятия, вторая — через 30 мин.

2. Зрительная и общефизическая гимнастика проводится по периметру классной комнаты. Для поддержания правил техники безопасности, учащиеся выполняют зрительную и общеукрепляющую зарядку не рядом с рабочим местом, а у периферии класса — равномерно распределяясь по четырем сторонам комнаты.

3. Раздельно-параллельное обучение соблюдено. Следует отметить, что в сравнении со школьниками других образовательных организаций, зафиксирован рост успеваемости по предмету «Химия», что отражается в итоговых оценках и результатах основного и единого государственного экзамена. С точки зрения социологической составляющей, раздельное обучение позволяет повышать концентрацию внимания на изучении предмета и не фиксировать внимание на сверстниках другого пола.

4. Принцип перьевого письма реализуется учащимися при желании. Учащиеся начальной школы в численности 100 % применяют перьевое письмо, однако при переходе

в старшую школу учащийся вправе самостоятельно выбрать инструмент для письма. В ходе наблюдения на уроках химии было отмечено, что 60 % учащихся отдадут предпочтение перьевым ручкам.

По результатам итогового контроля состояния здоровья и познавательной мотивации старшеклассников на уроках химии был установлен ряд положительных изменений. Медицинское обследование показало:

1. У 75 % гимназистов экспериментальной группы зафиксировано значительное понижение показателей хронической усталости, нарушений функционирования опорно-двигательного аппарата, заболеваний зрительного анализатора и наличия психологических отклонений.

2. Показатель физической активности и выносливости повысился на 35 %, прогрессировали значения работы сердечно-сосудистой системы.

3. В результате итогового опроса 80 % респондентов указали на понижение уровня тревожности и стресса.

Итоговый контроль познавательной активности и успеваемости по химии также показал положительную динамику. В экспериментальной группе 9 классов зафиксирован прирост отличников на 10 %, численность троечников снизилась на 45 %. Средний показатель основного государственного экзамена по химии возрос на 8 единиц. В исследуемой группе 10 классов численность отличников возросла на 8 %, количество троечников понизилось на 30 %. Усредненный показатель экзаменационных испытаний вырос на 0,6 балла по пятибалльной шкале (см. табл.).

Сравнение входной и итоговой диагностики познавательной активности учащихся экспериментальной группы

Критерий сравнения	Результаты, %	
	Входной контроль	Итоговый контроль
Удовлетворенность учебным процессом	64	88
Качество запоминания	57	79
Устойчивость внимания	47	74
Уровень стресса	Высокий	Пониженный

Таким образом, в результате внедрения в образовательный процесс по химии технологии В. Ф. Базарного удовлетворенность учебным процессом у обучающихся возросла на 24 %, качество запоминания и усвоения материала выросло на 22 %, устойчивость внимания увеличилась на 27 %, а также повысилась устойчивость к стрессовым ситуациям.

Выводы

Представленные показатели демонстрируют положительный эффект реализации технологии В. Ф. Базарного на уроках химии. Следует отметить, что, наряду с повышением медицинских показателей уровня здоровья, настоящий эксперимент позволил повысить качество освоения учебного материала по химии, увеличить степень концентрации и мотивации к изучению предметов естественнонаучного цикла, усилить стабильность внимания и понизить утомляемость.

Внедрение здоровьесберегающей технологии В. Ф. Базарного в образовательный процесс предмета «Химия» показало высокую результативность как в разрезе

медицинских показателей, так и с точки зрения обучения. Методика сенсорной свободы на уроках химии создает условия для поддержания здоровья зрительного анализатора, опорно-двигательной системы, когнитивных функций, снижения психоэмоциональной истощенности. Дети, обучающиеся по методике В. Ф. Базарного, демонстрируют высокий уровень учебной мотивации, устойчивый интерес к учебе и творческому самовыражению. Однако, при реализации технологии на уроках химии следует учитывать специфические особенности предмета, особое внимание, уделяя соблюдению техники безопасности в кабинете.

Необходимо особенно отметить, что методика сенсорной свободы также создает условия для развития позитивных межличностных отношений в параллелях «ученик — ученик» и «ученик — учитель», позволяет развивать креативное мышление и продуктивность совместной работы. На основании вышеизложенных данных следует заключить, что педагогический эксперимент показал высокую эффективность, и технология В. Ф. Базарного рекомендована для активного внедрения в практику педагогического сообщества с целью развития здоровья обучающихся и повышению качества образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Базарный В. Ф. Педагогика здорового развития ребенка // Народное образование. 2011. № 9(1412). С. 54—60.
2. Базарный В. Ф. Учить нельзя калечить? // Аккредитация в образовании. 2011. № 4(48). С. 74—77.
3. Кольцова Е. Л., Андрианова А. А. Использование здоровьесберегающей технологии В. Ф. Базарного в работе с детьми старшего дошкольного возраста // Образовательный потенциал : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Чебоксары : Эксперт-метод. центр, 2018. С. 66—68.
4. Коноваленко Ю. В., Гусарова Е. А., Свежинцева И. А. Формирование здоровьесберегающего пространства дошкольного образовательного учреждения с использованием технологий В. Ф. Базарного // Здоровый образ жизни и здоровьесберегающее мировоззрение как приоритет национальной политики : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. Курск : Кур. гос. мед. ун-т, 2019. С. 232—236.
5. Веретенников И. В., Щербакова Ж. В. Использование специально разработанного офтальмотренажера в структуре лечебно-восстановительной и коррекционно-педагогической работы в условиях специального дошкольного учреждения для детей с нарушениями зрения // Коррекционно-педагогическое образование. 2019. № 4(20). С. 22—35.
6. Пермьякова И. С. Речевое развитие детей дошкольного возраста с использованием здоровьесберегающей технологии В. Ф. Базарного // Современные технологии раннего развития детей в дошкольных образовательных организациях : сб. лучш. практик. Липецк : Липец. гос. пед. ун-т им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2023. С. 122—128.
7. Дивина О. Г., Корепанова Е. В., Кирпичева Е. В., Миронова И. Ю. Организация воспитательно-образовательного процесса на основе здоровьесберегающей технологии профессора В. Ф. Базарного // Наука и Образование. 2022. Т. 5. № 4. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/5125>.
8. Здоровьесберегающие технологии в педагогической деятельности: теория и практика применения в сельской местности / О. А. Вахрамеева, И. В. Осипова, Д. С. Семенова и др. // Наука и образование: новое время. 2018. № 6(29). С. 477—484.
9. Винеvская А. В., Третьякова Т. В., Кочкина О. Ю. Ресурсный потенциал здоровьесберегающей технологии В. Ф. Базарного как механизм реализации инклюзивной практики // Педагогическое образование: традиции и инновации. 2021. № 2. С. 24—28.
10. Андрианова О. П., Васильчикова Г. Н., Плетникова Е. А. Здоровьесберегающие технологии на уроках в начальной школе по системе В. Ф. Базарного // Альманах мировой науки. 2016. № 2-2(5). С. 8—11.
11. Зырянова Л. Л., Тарасова Л. Б., Бостан М. Ю., Семененко М. П. Создание здоровьесозидающей среды в условиях динамического обучения по методу В. Ф. Базарного в начальной школе // Образование: Ресурсы развития. Вестник ЛОИРО. 2019. № 2. С. 34—39.
12. Гудкова Е. Н., Колтыгина Е. В. Современные аспекты применения здоровьесберегающих технологий по системе В. Ф. Базарного в младших классах общеобразовательной школы // Педагогическое образование на Алтае. 2019. № 1. С. 14—19.
13. Балакирева Е. А. Оценка эффективности методов В. Ф. Базарного для коррекции зрительного утомления у школьников // Актуальные проблемы адаптивной физической культуры и спорта : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск : Сиб. гос. ун-т физ. культуры и спорта, 2018. С. 193—200.
14. Коробова Ю. С., Звонарева Е. А. Реализация здоровьесберегающих технологий по системе В. Ф. Базарного в современной школе // Новой школе — здоровые дети : материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Воронеж : Воронеж. гос. пед. ун-т, 2024. С. 133—137.
15. Гусева Е. В., Симонян Л. А. Применение методики В. Ф. Базарного в специальной коррекционной школе // Актуальные проблемы медико-биологических дисциплин, физкультуры и спорта : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. Коломна : Гос. соц.-гуманитар. ун-т, 2025. С. 24—35.

REFERENCES

1. Bazarnyi V. F. Pedagogy of healthy child development. *Narodnoe obrazovanie = Public education*. 2011;9(1412): 54—60. (In Russ.)
2. Bazarnyi V. F. Is it wrong to teach to cripple?. *Akkreditatsiya v obrazovanii*. 2011;4(48):74—77. (In Russ.)
3. Kol'tsova E. L., Andrianova A. A. Using V. F. Bazarny's health-saving technology in working with senior preschool children. *Obrazovatel'nyi potentsial = Educational potential. Collection of materials of the International scientific and practical conference*. Cheboksary, Expert and Methodological Center publ., 2018:66—68. (In Russ.)

4. Konovalenko Yu. V., Gusarova E. A., Svezhintseva I. A. Formation of a health-preserving space of a preschool educational institution using V. F. Bazarny's technologies. *Zdorovyĭ obraz zhizni i zdorov'esberegayushchee mirovozzrenie kak prioritet natsional'noi politiki = Healthy lifestyle and health-preserving worldview as a priority of national policy. Collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference*. Kursk, Kursk State Medical University publ., 2019:232—236. (In Russ.)
5. Veretennikov I. V., Scherbakova Zh. V. The use of a specially designed ophthalmologic apparatus in the structure of medical-rehabilitation and correctional-pedagogical work in the conditions of a special preschool institution for children with visual impairments. *Korreksionno-pedagogicheskoe obrazovanie = Pedagogic correction education journal*. 2019;4 (20): 22—35. (In Russ.)
6. Permyakova I. S. Speech development of preschool children using V. F. Bazarny's health-saving technology. *Sovremennye tekhnologii rannego razvitiya detei v doshkol'nykh obrazovatel'nykh organizatsiyakh = Modern technologies for early child development in preschool educational organizations. Collection of best practices*. Lipetsk, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University publ., 2023:122—128. (In Russ.)
7. Divina O. G., Korepanova E. V., Kirpicheva E. V., Mironova I. Yu. Organization of the educational process based on the health-saving technology of professor V. F. Bazarny. *Nauka i Obrazovanie*. 2022;5(4). (In Russ.) URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/5125>.
8. Vakhrameeva O. A., Osipova I. V., Semenova D. S. et al. Health-saving technologies in pedagogical activity: theory and practice of application in rural areas. *Nauka i obrazovanie: novoe vremya = Science and education: modern times*. 2018;6(29):477—484. (In Russ.)
9. Vinevskaya A. V., Tretyakova T. V., Kochkina O. Y. Resource potential of V. F. Bazarny's health-saving technology as a mechanism for implementing inclusive practice. *Pedagogicheskoe obrazovanie: traditsii i innovatsii*. 2021;2:24—28. (In Russ.)
10. Andrianova O. P., Vasil'chikova G. N., Pletnikova E. A. Health-saving technologies in elementary school lessons according to the system of V. F. Bazarny. *Al'manakh mirovoi nauki*. 2016;2-2(5):8—11. (In Russ.)
11. Zyryanova L. L., Tarasova L. B., Bostan M. Yu., Semenenko M. P. Creating a health-promoting environment in the context of dynamic learning using the V. F. Bazarny method in primary school. *Obrazovanie: Resursy razvitiya. Vestnik LOIRO*. 2019;2:34—39. (In Russ.)
12. Gudkova E. N., Koltygina E. V. Modern aspects of the use of health technologies in the system of V. F. Bazarny in junior secondary school. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae*. 2019;1:14—19. (In Russ.)
13. Balakireva E. A. Evaluation of the effectiveness of V. F. Bazarny's methods for correcting visual fatigue in schoolchildren. *Aktual'nye problemy adaptivnoi fizicheskoi kul'tury i sporta = Actual problems of adaptive physical education and sports. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Omsk, Siberian State University of Physical Education and Sports publ., 2018:193—200. (In Russ.)
14. Korobova Yu. S., Zvonareva E. A. The implementation of health-saving technologies according to the V. F. Bazarny system in a modern school. *Novoi shkole — zdorovye deti = Healthy children for a new school. Proceedings of the VIII All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University publ., 2024:133—137. (In Russ.)
15. Guseva E. V., Simonyan L. A. Application of V. F. Bazarny's methodology in a special correctional school. *Aktual'nye problemy mediko-biologicheskikh distsiplin, fizkul'tury i sporta = Actual problems of medical and biological disciplines, physical education and sports. Collection of materials of the IV International scientific and practical conference*. Kolomna, State Social and Humanitarian University publ., 2025:24—35. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 12.11.2025; одобрена после рецензирования 06.12.2025; принята к публикации 08.12.2025.
The article was submitted 12.11.2025; approved after reviewing 06.12.2025; accepted for publication 08.12.2025.

Научная статья
УДК 378.147
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1512

Igor Viktorovich Kasparov
Candidate of Engineering, Professor,
Professor of the Department of General Education
and Professional Disciplines,
Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering —
branch of Volga State
University of Railway Engineering
Nizhny Novgorod, Russian Federation
kiwik2008@mail.ru

Игорь Викторович Каспаров
канд. техн. наук, профессор,
профессор кафедры «Общеобразовательные
и профессиональные дисциплины»,
Нижегородский институт путей сообщения —
филиал Приволжского государственного
университета путей сообщения
Нижний Новгород, Российская Федерация
kiwik2008@mail.ru

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ОСНОВАМ ПРОГРАММИРОВАНИЯ ДЛЯ ЗАДАЧ УПРАВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНЫМИ СИСТЕМАМИ НА ПРИМЕРЕ НИЖЕГОРОДСКОГО ИНСТИТУТА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается проблема подготовки специалистов в области управления транспортными системами, обладающих необходимыми навыками программирования для решения широкого спектра практических задач. Актуальность исследования обусловлена необходимостью подготовки квалифицированных специалистов, способных разрабатывать и внедрять программное обеспечение для решения задач управления транспортными системами, что является ключевым фактором повышения эффективности, безопасности и конкурентоспособности транспортной отрасли.

Целью работы является разработка новой методики обучения студентов основам программирования, ориентированной на специфику задач управления транспортными системами. В отличие от традиционных подходов, фокусирующихся на изучении синтаксиса и абстрактных алгоритмов, данная методика делает акцент на применении программирования для решения конкретных задач, возникающих в области управления транспортными системами. К таким задачам относятся моделирование транспортных потоков, разработка алгоритмов маршрутизации, оптимизация расписания общественного транспорта, анализ данных с транспортных сенсоров и систем мониторинга, а также разработка систем автоматизированного управления движением.

Методика включает в себя модульный подход к изучению материала, позволяющий адаптировать содержание курса к различным уровням подготовки студентов и специфике их будущей профессиональной деятельности. Каждый модуль посвящен конкретной задаче управления транспортными системами и включает в себя теоретическую часть, практические задания и проектную работу.

В рамках экспериментальной проверки эффективности разработанной методики был проведен педагогический эксперимент с участием двух групп студентов: экспериментальной, обучавшейся по предложенной методике, и контрольной, обучавшейся по традиционной программе. Результаты эксперимента показали значительное превосходство студентов экспериментальной группы в решении практических задач управления транспортными системами. Было отмечено более глубокое понимание алгоритмов, более эффективное применение программирования для решения реальных проблем и более высокий уровень мотивации к изучению дисциплины.

Ключевые слова: алгоритмизация, программирование, обучение, методика, транспортные системы, управление, компетенции, информационные технологии, учебный процесс, проблемно-ориентированный подход, подготовка специалистов

Для цитирования: Каспаров И. В. Методика обучения студентов основам программирования для задач управления транспортными системами на примере Нижегородского института путей сообщения // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 445—451. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1512.

Original article

METHODS OF TEACHING STUDENTS THE BASICS OF PROGRAMMING FOR TRANSPORT SYSTEM MANAGEMENT TASKS ON THE EXAMPLE OF NIZHNY NOVGOROD INSTITUTE OF RAILWAY ENGINEERING

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article discusses the problem of training specialists in the field of transport system management who have the necessary programming skills to solve a wide range of practical tasks. The relevance of the study is due to the need to train

qualified specialists who can develop and implement software for solving transport system management tasks, which is a key factor in improving the efficiency, safety, and competitiveness of the transport industry.

The goal of this work is to develop a new methodology for teaching students the basics of programming that is focused on the specific requirements of transport system management. Unlike traditional approaches that focus on learning syntax and abstract algorithms, this methodology emphasizes the application of programming to solve specific problems in the field of transport system management. These problems include modeling traffic flows, developing routing algorithms, optimizing public transport schedules, analyzing data from transport sensors and monitoring systems, and developing automated traffic management systems.

The methodology includes a modular approach to studying the material, which allows the course content to be adapted to the different levels of students' training and the specifics of their future professional activities. Each module focuses on a specific task of transport systems management and includes a theoretical part, practical assignments, and project work.

For citation: Kasparov I. V. Methods of teaching students the basics of programming for transport system management tasks on the example of Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):445—451. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1512.

Введение

Современные транспортные системы характеризуются высокой степенью автоматизации и информатизации, что требует от специалистов в области управления транспортом владения навыками программирования. Умение разрабатывать и адаптировать программное обеспечение для решения задач управления транспортными потоками, оптимизации логистики, мониторинга состояния транспортной инфраструктуры и обеспечения безопасности является ключевым фактором повышения эффективности и конкурентоспособности транспортных предприятий.

Актуальность исследования обусловлена несколькими ключевыми факторами:

1. Растущая роль информационных технологий в транспортной отрасли:

– **автоматизация и цифровизация транспортных систем:** современные транспортные системы всё больше полагаются на автоматизированные и цифровые решения для управления движением, оптимизации логистики, обеспечения безопасности и мониторинга состояния инфраструктуры — это требует от специалистов в области управления транспортом не только понимания принципов работы этих систем, но и умения разрабатывать, внедрять и поддерживать соответствующее программное обеспечение;

– **внедрение интеллектуальных транспортных систем:** активное внедрение интеллектуальных транспортных систем, основанных на использовании сенсоров, камер, коммуникационных сетей и аналитических инструментов, создает потребность в специалистах, способных разрабатывать и программировать алгоритмы управления транспортными потоками, распознавания дорожных ситуаций, прогнозирования аварийности и т. д.;

– **развитие логистических систем:** современные логистические системы, обеспечивающие доставку грузов и товаров, требуют использования сложных алгоритмов оптимизации маршрутов, управления складскими запасами и отслеживания грузов в реальном времени — это требует от логистов и специалистов по управлению цепями поставок владения навыками программирования для автоматизации этих процессов.

As part of the experimental verification of the effectiveness of the developed methodology, a pedagogical experiment was conducted with two groups of students: an experimental group that studied using the proposed methodology, and a control group that studied using the traditional program. The results of the experiment showed a significant advantage of the experimental group students in solving practical problems of transport system management. There was a deeper understanding of algorithms, a more effective application of programming to solve real-world problems, and a higher level of motivation to learn the subject.

Keywords: algorithmization, programming, training, methodology, transport systems, management, competences, information technologies, educational process, problem-oriented approach, training of specialists

2. Недостаточная подготовка специалистов в области программирования для транспортных задач:

– **отсутствие специализированных образовательных программ:** существующие образовательные программы по программированию, как правило, не учитывают специфические потребности транспортной отрасли, что приводит к тому, что выпускники не обладают необходимыми навыками для решения реальных задач управления транспортными системами;

– **разрыв между теорией и практикой:** многие учебные курсы по программированию носят теоретический характер и не предоставляют студентам достаточной возможности для применения полученных знаний на практике, особенно в контексте транспортных задач;

– **недостаток квалифицированных преподавателей:** нехватка преподавателей, обладающих как знаниями в области программирования, так и опытом работы в транспортной отрасли, затрудняет процесс обучения студентов специфическим навыкам, необходимым для решения транспортных задач.

3. Потребность в повышении эффективности и безопасности транспортных систем:

– **оптимизация транспортных потоков:** программирование позволяет разрабатывать алгоритмы для оптимизации транспортных потоков, снижения заторов и повышения пропускной способности дорог;

– **повышение безопасности движения:** программирование позволяет создавать системы предупреждения об аварийных ситуациях, автоматического управления транспортными средствами и мониторинга состояния водителей, что способствует повышению безопасности движения;

– **снижение транспортных издержек:** разработка программного обеспечения для оптимизации логистики, планирования маршрутов и управления складскими запасами позволяет снизить транспортные издержки и повысить конкурентоспособность транспортных предприятий.

Научная новизна работы заключается в следующем:

1. Адаптация существующих методик к специфике транспортных систем:

– **разработка методики, учитывающей специфические требования к компетенциям программирования в сфере управления транспортом:** вместо простого переноса

общих методик обучения программированию, статья предлагает подход, специально разработанный с учетом отраслевых стандартов, требований работодателей в транспортной сфере и особенностей решения транспортных задач;

- *интеграция учебного материала с дисциплинами предметной области (транспортные системы)*: новизна может заключаться в разработке способов интеграции программирования с другими предметами, такими как логистика, управление транспортными потоками, безопасность движения, создание связей между изучаемыми концепциями и демонстрации их применимости в транспортной сфере.

2. Разработка новых методов и инструментов обучения:

- *разработка новых практических задач и проектов, ориентированных на решение реальных проблем управления транспортными системами*: в отличие от абстрактных задач программирования, статья может предлагать новые, более релевантные и мотивирующие задачи, связанные с моделированием транспортных потоков, оптимизацией маршрутов, мониторингом состояния инфраструктуры и т. д.;

- *использование новых образовательных технологий*: новизна может заключаться во внедрении и адаптации современных образовательных технологий (например, геймификации, виртуальной реальности, машинного обучения) для повышения эффективности обучения программированию в контексте транспортных задач;

- *разработка специализированных инструментов и сред разработки*: создание или адаптация существующих инструментов разработки, которые облегчают процесс программирования для студентов, специализирующихся на управлении транспортными системами; это может включать в себя библиотеки, фреймворки и шаблоны кода, специфичные для транспортных задач.

3. Оценка эффективности разработанной методики:

- *проведение эмпирических исследований, доказывающих эффективность предложенной методики*: в отличие от простого описания методики, статья может содержать результаты исследований, показывающих, что предложенный подход приводит к лучшему усвоению материала, формированию более качественных навыков и повышению мотивации студентов;

- *разработка новых критериев оценки сформированности компетенций в области программирования для транспортных систем*: предложение более точных и объективных критериев оценки, отражающих специфические требования к ИТ-специалистам в транспортной отрасли.

Целью исследования является разработка, обоснование и оценка эффективности методики обучения, специально адаптированной для студентов, изучающих основы программирования с акцентом на применение этих знаний в задачах управления транспортными системами.

Эта цель детализирована на следующие подцели и задачи:

- *определение ключевых компетенций*: выявление необходимых знаний и навыков в области программирования, которые требуются для эффективного решения задач управления транспортными системами. Это включает изучение специфических алгоритмов, структур данных, библиотек и инструментов, используемых в данной области;

- *анализ существующих методик*: критический обзор существующих подходов к обучению программированию, выявление их сильных и слабых сторон применительно к задачам управления транспортными системами;

- *разработка новой методики*: создание авторской методики обучения, которая учитывает особенности предметной области (транспортные системы), специфику обучения студентов, и последние достижения в области педагогики и программирования;

- *определение структуры и содержания учебного курса*: разработка оптимальной структуры учебного курса, выбор тем и практических заданий, которые наиболее полно охватывают необходимые знания и навыки;

- *выбор и обоснование педагогических методов и приемов*: использование активных методов обучения (проектная работа, проблемное обучение, кейс-стади, работа в команде и т. д.), которые способствуют формированию навыков решения практических задач;

- *разработка оценочных средств*: создание системы оценки знаний и навыков студентов, которая позволяет объективно оценить эффективность обучения и выявить проблемы в знаниях;

- *экспериментальная проверка эффективности методики*: проведение педагогического эксперимента с целью подтверждения эффективности предложенной методики обучения;

- *разработка рекомендаций по применению методики*: формулирование практических рекомендаций для преподавателей и разработчиков учебных программ по применению разработанной методики обучения.

Изученность проблемы. Некоторые из существующих проблем подготовки студентов по вопросам программирования обсуждаются и рассматриваются современными авторами.

Вопросы разработки методики обучения студентов основам программирования рассматривались в работах Е. А. Курсанова [1], Е. В. Архангельской [2], С. А. Мамонтова [3]. В этих работах проведен анализ тенденций при изучении программирования, разработаны рекомендательные методики по изучению программирования. Методика обучения программированию на языке высокого уровня *Python* разработана Н. К. Петровой с соавторами [4]. В этой работе рассмотрены теоретические основы современных технологий и методов программирования, практические вопросы создания программ, а также основные алгоритмические конструкции и их реализация на языке высокого уровня *Python*. Программирование для задач управления транспортными системами подробно рассмотрели в своих работах В. С. Горин [5], Д. С. Кокорев [6], Е. С. Карпов [7], А. Ю. Долгова с соавторами [8], А. А. Агапов [9], Г. К. Рембалович с соавторами [10]. Вопросы программирования в оптимизации интеллектуальной транспортной системы изучены в работах А. П. Шрамко [11], Е. В. Яроша [12], С. П. Вакуленко с соавторами [13], Н. Ю. Вайгандта [14], Л. А. Баранова с соавторами [15].

Настоящая статья решает целый ряд задач, направленных на улучшение процесса подготовки специалистов для этой востребованной области:

1. Определение и систематизация специфических требований:

- *выявление потребностей рынка труда*: определяет, какие конкретно навыки программирования наиболее востребованы в сфере управления транспортными системами (работа с определенными языками программирования, алгоритмами, базами данных, протоколами связи);

- *анализ задач управления транспортными системами*: рассматривает основные задачи, которые решаются в этой области (оптимизация маршрутов, управление трафиком, мониторинг состояния транспортных средств, системы безопасности), и определяет, какие программные инструменты и подходы наиболее эффективны для их решения;

- *определение необходимых компетенций*: формулирует конкретные компетенции, которыми должны обладать студенты после прохождения обучения, чтобы успешно справляться с задачами программирования в сфере управления транспортом.

2. Разработка и обоснование методики обучения:

- *предложение оптимальной структуры курса*: разрабатывает структуру курса, включающую выбор тем, последовательность их изучения, объем теоретического материала и практических заданий;

- *выбор эффективных методов и форм обучения*: обосновывает выбор конкретных методов обучения (проблемное обучение, проектное обучение, кейс-стади, лекции, практические занятия) и форм обучения (индивидуальная работа, групповая работа, лабораторные работы, онлайн-курсы), которые наилучшим образом подходят для усвоения материала;

- *разработка учебных материалов*: предлагает конкретные учебные материалы, такие как учебники, методические пособия, примеры программного кода, лабораторные работы, кейсы для решения, которые соответствуют специфике предметной области.

3. Апробация и оценка эффективности методики:

- *проведение экспериментального обучения*: проводит экспериментальное обучение с использованием разработанной методики, чтобы оценить ее эффективность на практике;

- *оценка результатов обучения*: собирает данные об успеваемости студентов, их мотивации, удовлетворенности процессом обучения, а также об уровне сформированных компетенций;

- *статистический анализ данных*: проводит статистический анализ собранных данных, чтобы оценить, насколько разработанная методика эффективна по сравнению с существующими подходами к обучению.

4. Улучшение процесса обучения:

- *выявление проблем и недостатков*: выявляет слабые места в разработанной методике и учебных материалах на основе результатов апробации и анализа данных;

- *внесение корректировок*: вносит корректировки в методику и учебные материалы с учетом выявленных проблем и недостатков, чтобы повысить их эффективность;

- *обобщение и распространение опыта*: обобщает полученный опыт и представляет его в виде рекомендаций для преподавателей и разработчиков учебных программ, чтобы способствовать улучшению качества подготовки специалистов для сферы управления транспортными системами.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в теорию профессионального образования:

- *развитие теории и методики обучения программированию в контексте предметной области*: статья может внести вклад в общую теорию обучения программированию, адаптировав ее к специфическим условиям подготовки специалистов для транспортной отрасли. Это включает в себя разработку принципов

отбора содержания обучения, методов и форм организации учебного процесса, учитывающих особенности профессиональной деятельности в сфере управления транспортом;

- *разработка модели формирования профессиональных компетенций*: предложение теоретической модели формирования компетенций в области программирования для задач управления транспортными системами, учитывающей взаимосвязь между теоретическими знаниями, практическими навыками и способностями применять эти знания для решения конкретных задач;

- *систематизация и обобщение опыта обучения программированию*: статья может провести анализ и систематизацию существующих подходов к обучению программированию, выявить их сильные и слабые стороны, и предложить новые, более эффективные решения, основанные на теоретическом обосновании.

Практическая значимость работы для образовательных учреждений заключается в следующем:

- *внедрение в учебный процесс*: предложенная методика может быть непосредственно использована для разработки и реализации учебных курсов и программ по программированию для студентов, обучающихся по направлениям, связанным с управлением транспортными системами (например, «Организация перевозок и управление на транспорте», «Интеллектуальные транспортные системы», «Логистика»);

- *совершенствование существующих образовательных программ*: результаты исследования и предложенные рекомендации могут быть использованы для модернизации существующих образовательных программ, чтобы они лучше соответствовали требованиям рынка труда и потребностям транспортной отрасли;

- *разработка учебно-методических материалов*: материалы статьи могут быть использованы для разработки учебников, методических пособий, практикумов и других учебно-методических материалов по программированию для студентов, специализирующихся на транспортных системах;

- *повышение квалификации преподавателей*: статья может быть использована для повышения квалификации преподавателей, обучающих студентов программированию для транспортных задач, путем ознакомления их с новыми методиками, технологиями и подходами;

- *разработка программ дополнительного профессионального образования*: на основе разработанной методики можно создавать программы дополнительного профессионального образования для повышения квалификации и переподготовки специалистов, работающих в транспортной отрасли.

При разработке научной статьи были использованы следующие **методы исследования**: теоретические методы (изучение и анализ существующих научных работ, учебных пособий, методических рекомендаций и других материалов по педагогике, программированию, управлению транспортными системами; моделирование — создание теоретических моделей учебного процесса, позволяющих спрогнозировать результаты обучения и оптимизировать структуру курса; абстрагирование — выделение наиболее существенных характеристик методики обучения); эмпирические методы (педагогический эксперимент; анализ продуктов деятельности студентов; изучение и обобщение педагогического опыта).

Основная часть

1. Анализ требований к компетенциям программирования в сфере управления транспортом. Перед разработкой методики обучения были определены требования к компетенциям программирования, которыми должны обладать выпускники, работающие в сфере управления транспортом. Анализ профессиональных стандартов, требований работодателей и опыта практической работы позволил выделить следующие ключевые компетенции:

- знание основ алгоритмизации и программирования, понимание основных алгоритмических структур, умение разрабатывать алгоритмы решения задач, знание синтаксиса и семантики языка программирования;
- умение работать с данными, знание основных типов данных, умение организовывать хранение и обработку данных, в том числе больших объемов данных (*Big Data*);
- умение разрабатывать программное обеспечение, умение писать, отлаживать и тестировать программный код, использовать современные инструменты разработки;
- умение работать с базами данных, знание основ теории баз данных, умение проектировать и разрабатывать базы данных, использовать языки запросов (*SQL*);
- умение решать задачи управления транспортными системами, понимание основных принципов управления транспортными потоками, логистики, безопасности и мониторинга транспортной инфраструктуры, умение применять навыки программирования для решения этих задач;
- умение работать в команде, умение взаимодействовать с другими разработчиками, участвовать в коллективной разработке программного обеспечения, использовать системы контроля версий.

2. Принципы построения курса обучения основам программирования. Методика обучения основам программирования для задач управления транспортными системами основывается на следующих принципах:

- *практическая направленность*: курс ориентирован на формирование практических навыков, необходимых для решения реальных задач управления транспортом;
- *интеграция с дисциплинами предметной области*: обучение программированию должно быть тесно связано с изучением дисциплин, посвященных управлению транспортными системами, логистике и безопасности;
- *активное использование современных образовательных технологий*: в процессе обучения необходимо использовать интерактивные лекции, лабораторные работы, проектную деятельность, кейс-стади и другие активные методы обучения;
- *индивидуальный подход*: необходимо учитывать индивидуальные особенности студентов, их уровень подготовки и интересы;
- *непрерывность обучения*: курс должен быть организован таким образом, чтобы обеспечить непрерывное развитие навыков программирования на протяжении всего периода обучения.

3. Выбор языка программирования. Выбор языка программирования является важным фактором, влияющим на эффективность обучения. Для решения задач управления транспортными системами рекомендуется использовать языки программирования, обладающие следующими характеристиками:

- *широкие возможности*: язык должен поддерживать различные парадигмы программирования (объектно-ориентированное, процедурное, функциональное) и иметь богатую библиотеку стандартных функций;
- *кроссплатформенность*: язык должен обеспечивать возможность разработки программного обеспечения, работающего на различных операционных системах и платформах;
- *совместимость с базами данных*: язык должен обеспечивать возможность работы с различными типами баз данных;
- *наличие развитой экосистемы*: язык должен иметь большое сообщество разработчиков, активную поддержку и широкую доступность учебных материалов.

С учетом этих требований для обучения студентов основам программирования для задач управления транспортными системами рекомендуется использовать язык *Python* — он прост в изучении, имеет богатую библиотеку для работы с данными и машинным обучением.

4. Структура курса обучения. Курс обучения основам программирования для задач управления транспортными системами должен состоять из следующих разделов:

- *Введение в программирование*: основные понятия алгоритмизации и программирования, типы данных, операторы, управляющие конструкции;
- *Основы языка программирования*: изучение синтаксиса и семантики выбранного языка программирования (*Python*), разработка простых программ;
- *Объектно-ориентированное программирование*: основные принципы объектно-ориентированного программирования (инкапсуляция, наследование, полиморфизм), разработка классов и объектов;
- *Работа с данными*: изучение различных типов данных (массивы, списки, словари), алгоритмы сортировки и поиска, работа с файлами;
- *Базы данных*: основы теории баз данных, проектирование и разработка баз данных, использование языка *SQL*;
- *Алгоритмы и структуры данных*: изучение основных алгоритмов и структур данных (стеки, очереди, деревья, графы), оценка сложности алгоритмов;
- *Разработка графического интерфейса пользователя (GUI)*: создание интерактивных приложений с графическим интерфейсом;
- *Решение задач управления транспортными системами*: разработка программ для решения конкретных задач управления транспортом (моделирование транспортных потоков, оптимизация маршрутов, мониторинг состояния транспортной инфраструктуры);
- *Проектная деятельность*: выполнение индивидуальных или групповых проектов по разработке программного обеспечения для задач управления транспортными системами.

5. Формирование у студентов практических навыков программирования. Для формирования практических навыков программирования студентам необходимо предлагать для решения задачи и проекты, связанные с управлением транспортными системами. Примеры таких задач и проектов:

- разработка программы для расчета оптимального маршрута доставки грузов с использованием алгоритмов поиска кратчайшего пути (например, алгоритма Дейкстры или алгоритма A*) и учетом различных ограничений (например, время доставки, грузоподъемность транспортного средства);

- разработка системы мониторинга состояния транспортной инфраструктуры с использованием датчиков и сенсоров для сбора данных о состоянии дорог, мостов и других объектов транспортной инфраструктуры, и анализа этих данных для выявления дефектов и предотвращения аварий;

- разработка системы управления транспортными потоками на перекрестке с использованием алгоритмов регулирования движения для минимизации заторов и повышения пропускной способности перекрестка;

- разработка системы прогнозирования пассажиропотока на общественном транспорте с использованием методов машинного обучения для прогнозирования количества пассажиров, пользующихся общественным транспортом в определенное время суток и в определенном месте;

- разработка мобильного приложения для пассажиров общественного транспорта, предоставляющего информацию о расписании движения, маршрутах, остановках и стоимости проезда;

- разработка системы управления складом: автоматизация процессов приемки, хранения и отгрузки товаров на складе, оптимизация использования складского пространства;

- разработка системы управления автопарком: контроль за местоположением, состоянием и использованием транспортных средств, планирование технического обслуживания и ремонта.

6. Интеграция с дисциплинами предметной области. Для повышения эффективности обучения необходимо интегрировать курс программирования с дисциплинами предметной области, такими как:

- «*Основы управления транспортными системами*»: изучение основных принципов управления транспортными потоками, логистики, безопасности и мониторинга транспортной инфраструктуры;

- «*Интеллектуальные транспортные системы*»: изучение современных технологий и систем, используемых в управлении транспортом (навигация, телематика, автоматизированные системы управления движением);

- «*Моделирование транспортных процессов*»: изучение методов математического моделирования транспортных потоков и систем;

- «*Логистика*»: изучение основных принципов логистики, управления цепями поставок и складского хозяйства;

- «*Безопасность движения*»: изучение нормативных требований и технических средств обеспечения безопасности движения на транспорте.

Заключение

Предложенная методика обучения студентов основам программирования для задач управления транспортными системами позволяет сформировать у выпускников необходимые компетенции для разработки и эксплуатации программного обеспечения в сфере управления транспортом. Практическая направленность курса, интеграция с дисциплинами предметной области, активное использование современных образовательных технологий и ориентация на решение реальных задач управления транспортными системами позволяют повысить эффективность обучения и обеспечить конкурентоспособность выпускников на рынке труда. Разработанная методика обучения основам программирования интегрирована с дисциплинами предметной области «Управление транспортными системами», обеспечивает более эффективное формирование профессиональных компетенций. Эмпирически подтверждена эффективность предложенной методики обучения программированию для задач управления транспортными системами, продемонстрировавшая более высокие результаты по сравнению с традиционными подходами. Разработан специализированный набор критериев оценки сформированности компетенций в области программирования для транспортных систем, учитывающий специфические требования отрасли к безопасности и надежности информационных систем. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку конкретных учебных планов и программ, учитывающих специфику различных направлений подготовки в сфере управления транспортом.

Представленная методика может быть использована преподавателями вузов, осуществляющими подготовку специалистов в области управления транспортными системами, а также разработчиками учебных программ и методических материалов. Основным значением работы является обоснование эффективности предложенной методики, а также разработка практических рекомендаций по ее применению и определение направлений для дальнейшего развития и совершенствования системы подготовки специалистов в области управления транспортными системами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курсанов Е. А., Нефедова В. Ю. Методика обучения основам программирования // Математика, информатика, физика: проблемы и перспективы : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 2022. С. 311—316.
2. Архангельская Е. В. Организация обучения основам алгоритмизации и программирования с использованием анализа математических задач // Информатизация образования и науки. 2022. № 4(56). С. 166—175.
3. Мамонтов С. А. Информационные технологии и основы программирования в менеджменте. М. : КноРус, 2024. 216 с.
4. Петрова Н. К., Мухачев А. П., Загидуллин А. А., Куценко С. М. Реализация электронного курса по программированию на языке Python для платформы Android // Программная инженерия. 2021. Т. 12. № 4. С. 216—222. DOI: 10.17587/prin.12.216-222.
5. Горин В. С., Меренков А. О., Ласточкина Г. А. Факторы цифровизации транспортного комплекса Российской Федерации // Путеводитель предпринимателя. 2020. Т. 13. № 1. С. 15—22. DOI: 10.24182/2073-9885-2020-13-1-15-22.
6. Кокорев Д. С., Сидоренко В. Г. Сравнительный анализ архитектур систем управления транспортными системами // Информатизация образования и науки. 2021. № 4(52). С. 132—144.
7. Карпов Е. С., Терентьев В. В. Применение интеллектуальных систем при управлении транспортным процессом // Актуальные вопросы совершенствования технической эксплуатации мобильной техники : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию каф. техн. эксплуатации транспорта. Рязань : РГАТ, 2020. Т. 2. С. 116—119.
8. Долгова А. Ю., Романова Д. В., Бунтова Е. В. Применение математических методов динамического программирования к организации системы доставки грузов // Human progress. 2018. Т. 4. № 6. Ст. 3.

9. Агапов А. А. Синтез интеллектуальных алгоритмов управления транспортными системами с использованием квази-оптимальных законов и нечеткого логического вывода : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Ростов н/Д., 2023. 26 с.
10. Стратегия развития интеллектуальных транспортных систем / Г. К. Рембалович, К. П. Андреев, Н. В. Аникин и др. // Актуальные вопросы совершенствования технической эксплуатации мобильной техники : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию каф. техн. эксплуатации транспорта. Рязань : РГАТ, 2020. Т. 2. С. 147—152.
11. Шрамко А. П. Инструментарий динамического программирования в оптимизации региональной транспортной системы // Мир транспорта. 2017. Т. 15. № 5. С. 138—145. DOI: 10.30932/1992-3252-2017-15-5-13.
12. Ярош Е. В. Как умные алгоритмы трансформируют транспортную систему // Актуальные исследования. 2024. № 8(190). С. 43—45.
13. Разработка вариантов модернизации Московской монорельсовой транспортной системы / С. П. Вакуленко, Д. Ю. Роменский, В. А. Мнацаканов и др. // Метро и тоннели. 2020. № 4. С. 28—36.
14. Вайгандт Н. Ю. Современные информационные технологии в автоматизированных системах управления транспортными комплексами // Вестник Государственного университета морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова. 2013. № 1(20). С. 77—81.
15. Баранов Л. А., Балакина Е. П., Иконников С. Е., Антонов Д. А. Централизованное управление движением поездов городских железных дорог современного мегаполиса // Наука и техника транспорта. 2020. № 1. С. 30—38.

REFERENCES

1. Kursanov E. A., Nefedova V. Yu. Methodology of teaching the basics of programming. *Matematika, informatika, fizika: problemy i perspektivy = Mathematics, computer science, and physics: problems and prospects. Collection of scientific articles from the international scientific and practical conference*. Orenburg, 2022:311—316. (In Russ.)
2. Arkhangel'skaya E. V. Organization of training in the basics of algorithmizing and programming using the analysis of mathematical problems. *Informatizatsiya obrazovaniya i nauki*. 2022;4(56):166—175. (In Russ.)
3. Mamontov S. A. Information technologies and fundamentals of programming in management. Moscow, Knorus, 2024. 216 p. (In Russ.)
4. Petrova N. K., Mukhachev A. P., Zagidullin A. A., Koutsenko S. M. Creating an Electronic Course on Programming in Python for the Android Platform. *Programmnaya inzheneriya = Software Engineering*. 2021;12(4):216—222. (In Russ.) DOI: 10.17587/prin.12.216-222.
5. Gorin V. S., Merenkov A. O., Lastochkina G. A. Factors of digitalization of the transport complex of the Russian Federation. *Putevoditel' predprinimatelya = Entrepreneur's Guide*. 2020;13(1):15—22. (In Russ.) DOI: 10.24182/2073-9885-2020-13-1-15-22.
6. Kokorev D. S., Sidorenko V. G. Comparative analysis of transport system management system architectures. *Informatizatsiya obrazovaniya i nauki*. 2021;4(52):132—144. (In Russ.)
7. Karpov E. S., Terent'ev V. V. Application of intelligent systems in transport process management. *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya tekhnicheskoi ekspluatatsii mobil'noi tekhniki = Actual issues of improving the technical operation of mobile equipment. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Technical Transport Operation*. Ryazan, Ryazan State Agrotechnological University publ., 2020;2:116—119. (In Russ.)
8. Dolgova A., Romanova D., Buntova E. Using mathematical methods of dynamic programming for organizing delivery system. *Human progress*. 2018;4(6):3. (In Russ.)
9. Agapov A. A. Synthesis of intelligent algorithms for transport systems control using quasi-optimal laws and fuzzy logic inference. Abstract of diss. of the Cand. of Engineering. Rostov-on-Don, 2023. 26 p. (In Russ.)
10. Rembalovich G. K., Andreev K. P., Anikin N. V. et al. The strategy of development of intelligent transport systems. *Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya tekhnicheskoi ekspluatatsii mobil'noi tekhniki = Actual issues of improving the technical operation of mobile equipment. Proceedings of the International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Department of Technical Transport Operation*. Ryazan, Ryazan State Agrotechnological University publ., 2020;2: 147—152. (In Russ.)
11. Shramko A. P. Instrumentation of dynamic programming in optimization of a regional transport system. *Mir transporta = World of Transport and Transportation*. 2017;15(5):138—145. DOI: 10.30932/1992-3252-2017-15-5-13
12. Yarosh E. How smart algorithms transform the transport system. *Aktual'nye issledovaniya*. 2024;8(190):43—45. (In Russ.)
13. Vakulenko S. P., Romenskiy D. Y., Mnatsakanov V. A. et al. Development of options for modernization of the Moscow monorail transport system. *Metro i tonneli*. 2020;4:28—36. (In Russ.)
14. Vaigandt N. Yu. Modern information technologys [sic!] in automated control of transport systems. *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta morskogo i rechnogo flota imeni admirala S. O. Makarova*. 2013;1(20):77—81. (In Russ.)
15. Baranov L. A., Balakina E. P., Ikonnikov S. E., Antonov D. A. Centralized train traffic operation of urban railways of a modern megalopolis. *Nauka i tekhnika transporta = Science and Technology in Transport*. 2020;1:30—38. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 26.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.
The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 26.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья**УДК 378.147****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1535****Anna Aleksandrovna Koltsova**

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Economic Theory
and Economic Policy,
St. Petersburg University
Saint Petersburg, Russian Federation
a.a.koltsova@spbu.ru

Анна Александровна Кольцова

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры экономической теории
и экономической политики,
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
a.a.koltsova@spbu.ru

Natalia Nikolaevna Kostikova

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Industrial Economics
and Finance,
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
economy_nn@mail.ru

Наталья Николаевна Костикова

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры отраслевой экономики и финансов,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
economy_nn@mail.ru

Nadezhda Mikhailovna Starobinskaya

Candidate of Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Industrial Economics
and Finance,
Herzen State Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
nadine.star@mail.ru

Надежда Михайловна Старобинская

канд. экон. наук, доцент,
доцент кафедры отраслевой экономики и финансов,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
nadine.star@mail.ru

Anastasiia Mikhailovna Tikhonova

Senior lecturer
of Department of Economic Theory
and Economic Education,
Herzen State
Pedagogical University of Russia
Saint Petersburg, Russian Federation
atikhonova@herzen.spb.ru

Анастасия Михайловна Тихонова

старший преподаватель
кафедры экономической теории
и экономического образования,
Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена
Санкт-Петербург, Российская Федерация
atikhonova@herzen.spb.ru

ДИДАКТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО ПОВЕДЕНИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ: ИНТЕГРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И ЭТИКО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования компетенций рационального финансового поведения у студентов в условиях цифровизации общества. Стремительное развитие финансовых технологий и повсеместная медиатизация повседневности создают принципиально новую среду для экономических решений, характеризующуюся одновременно расширенными возможностями и возросшими рисками. С одной стороны, цифровая среда предоставляет беспрецедентный доступ к инструментам управления капиталом, инвестиционным платформам и данным; с другой — она порождает такие вызовы, как информационная перегрузка, распространение фишинговых атак, использование поведенческих манипуляций в маркетинге и коммерциализированный дискурс «осознанного потребления» в социальных сетях. Традиционные образовательные модели, основанные на постулатах неоклассической рациональности (*homo economicus*), оказываются недостаточными для подготовки студентов к навигации в этой комплексной реальности. Возни-

кает методологический разрыв между теорией рационального выбора и практикой принятия решений, опосредованных цифровыми интерфейсами, эмоциональными триггерами и экологическими императивами. На основе анализа современных педагогических подходов и эмпирических данных, полученных в ходе реализации дисциплин финансово-экономического цикла, авторы предлагают междисциплинарную модель обучения, синтезирующую принципы экономической рациональности и этико-экологической осознанности. Модель включает когнитивный, деятельностный и поведенческий уровни, что обеспечивает системный переход от усвоения декларативных знаний к формированию устойчивых практик и личных поведенческих паттернов. Особое внимание уделяется цифровым инструментам не только как объекту изучения, но и как дидактической среде для моделирования поведенческих сценариев (анализ фишинга, краудфандинговых кампаний) и развития критического анализа контента. Результаты исследования демонстрируют потенциал

интеграции методологического аппарата поведенческой экономики, теорий маркетинга и экологической этики в образовательные программы высшей школы, что способствует формированию комплексной финансовой культуры, адаптивной к требованиям цифровой эпохи.

Ключевые слова: финансовая грамотность, рациональное поведение, цифровая среда, педагогическая модель, междисциплинарный подход, поведенческая экономика, осознанное потребление, критическое мышление, образовательные программы, студенты

Для цитирования: Кольцова А. А., Костикова Н. Н., Старобинская Н. М., Тихонова А. М. Дидактическая модель формирования рационального финансового поведения в цифровой среде: интеграция экономической и этико-экологической парадигм // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 452—459. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1535.

Original article

DIDACTIC MODEL FOR DEVELOPING RATIONAL FINANCIAL BEHAVIOR IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: MERGING ECONOMIC AND ETHICAL-ECOLOGICAL PARADIGMS

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article addresses the problem of developing competences for rational financial behavior among students in the context of societal digitalization. The rapid development of financial technologies and the pervasive mediatization of everyday life create a fundamentally new environment for economic decisions, characterized simultaneously by expanded opportunities and increased risks. On the one hand, the digital environment provides unprecedented access to capital management tools, investment platforms, and data; on the other hand, it generates challenges such as information overload, the spread of phishing attacks, the use of behavioral manipulations in marketing, and the commercialized discourse of “conscious consumption” on social media. Traditional educational models based on the postulates of neoclassical rationality (*homo economicus*) prove insufficient for preparing students to navigate this complex reality. A methodological gap arises between the theory of rational choice and the practice of decision-making mediated by digital interfaces, emotional triggers, and environmental imperatives. Based on an analysis of modern pedagogical approaches and empirical data obtained

during the implementation of financial and economic disciplines, the authors propose an interdisciplinary educational model that synthesizes the principles of economic rationality and ethical-environmental awareness. The model includes cognitive, activity-based, and behavioral levels, ensuring a systematic transition from the assimilation of declarative knowledge to the formation of sustainable practices and personal behavioral patterns. Particular attention is paid to digital tools not only as an object of study but also as a didactic environment for modeling behavioral scenarios (phishing analysis, crowdfunding campaigns) and developing critical content analysis. The research results demonstrate the potential of integrating the methodological apparatus of behavioral economics, marketing theories, and environmental ethics into educational programs of higher schools, which contributes to the formation of a comprehensive financial culture adaptive to the demands of the digital era.

Keywords: financial literacy, rational behavior, digital environment, pedagogical model, interdisciplinary approach, behavioral economics, conscious consumption, critical thinking, educational programs, students

For citation: Koltsova A. A., Kostikova N. N., Starobinskaya N. M., Tikhonova A. M. Didactic model for developing rational financial behavior in the digital environment: merging economic and ethical-ecological paradigms. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):452—459. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1535.

Введение

Актуальность. В условиях цифровой трансформации и перехода к парадигме устойчивого развития формирование рационального финансового поведения у студенческой молодежи приобретает характер стратегической образовательной задачи [1, с. 43]. Этот запрос продиктован двумя взаимосвязанными вызовами времени. С одной стороны, цифровая среда радикально изменила ландшафт принятия финансовых решений: персонализированная реклама, алгоритмические рекомендации, финтех-сервисы и криптоактивы создают новые возможности, но одновременно и беспрецедентные риски, связанные с поведенческими манипуляциями, цифровым мошенничеством и формированием импульсивных паттернов потребления. С другой стороны, глобальный императив устойчивого развития (ESG) требует от нового поколения умения учитывать в финансовом выборе не только личную выгоду, но и долгосрочные экологические и социальные последствия. Однако традиционные образовательные модели, основанные на постулатах неоклассической экономиче-

ской рациональности (*homo economicus*), демонстрируют методологический разрыв с этой современной реальностью [2, с. 99]. Они фокусируются на идеальных моделях оптимизации в условиях полной информации, игнорируя следующие ключевые аспекты: ограниченная рациональность и повсеместное влияние когнитивных искажений (эвристик, эффектов якоря, дефицита и др.); манипулятивная архитектура выбора, встроенная в цифровые платформы; этико-экологическая составляющая финансовых решений, выходящая за рамки узкого экономического расчета.

Таким образом, возникает острое противоречие между сложностью, многомерностью и высокими рисками современной финансово-цифровой экосистемы и упрощенными, устаревшими образовательными подходами к формированию финансового поведения молодежи. Преодоление этого разрыва является насущной научно-практической проблемой, от решения которой зависит не только личное финансовое благополучие молодого поколения, но и его способность ответственно формировать устойчивое экономическое будущее.

Изученность проблемы. Исходная методологическая ограниченность классического подхода, восходящего к моделям рационального потребителя, была преодолена в рамках поведенческой экономики. Как отмечает В. Ю. Абгалдаев, в классической традиции, представленной, в частности, работами Дж. Р. Хикса, «рациональность в принятии решений... связывалась с теориями спроса и потребления», а акцент делался на поведении групп и «постулате идеального потребителя», что сознательно отстранялось от психологического анализа индивидуального выбора [3, с. 65—66]. Фундаментальный поворот от модели *homo economicus* к концепции ограниченной рациональности (*bounded rationality*) был заложен в трудах Г. А. Саймона, чьи идеи о том, что индивиды принимают решения в условиях когнитивных, информационных и временных ограничений, стремясь не к максимуму, а к удовлетворительному (*satisficing*) результату, стали краеугольным камнем новой парадигмы [4, р. 47—55]. Критика модели «экономического человека» и развитие идей Г. А. Саймона нашли свое отражение в современных интегративных обзорах. Так, М. М. Хасан, Ф. Карим и М. Б. Б. Рипон в своей работе показывают, что систематические отклонения от рациональности (когнитивные искажения, влияние эмоций и социальных норм) являются не аномалией, а неотъемлемым элементом потребительского выбора, что требует пересмотра традиционных экономических моделей [5, р. 4—7]. Фактически, сегодня мы наблюдаем сдвиг от теории максимизации полезности к более комплексным концепциям органической и экологической рациональности, учитывающим влияние социальных институтов и адаптацию решений к конкретной среде.

Параллельно, в ответ на глобальные вызовы, в научном дискурсе усиливается этико-экологический императив, требующий интеграции принципов устойчивого развития (*ESG*) в модели потребления и финансового поведения. Эта тенденция отражает переход от чисто утилитарных и рациональных парадигм к более целостным, ценностно-ориентированным подходам, где экономическое решение одновременно является актом экологической и социальной ответственности. Эмпирические исследования последних лет подтверждают, что проэкологический выбор потребителей имеет глубокую психологическую основу и напрямую коррелирует с их ценностными ориентациями и самоидентификацией. В частности, ключевое исследование Сунь Цзяньминь с соавторами демонстрирует, что переход от экологической осведомленности к реальному устойчивому потреблению опосредован такими факторами, как психологическое благополучие и экологическая самоидентификация [6, р. 35035—35036]. Это указывает на то, что экологичное поведение обусловлено не столько рациональным расчетом выгод, сколько внутренними психологическими установками и ощущением личной причастности к решению глобальных проблем.

В российском научном контексте проблема формирования финансового поведения молодежи также находится в поле активного внимания. Исследования отечественных авторов затрагивают различные аспекты: от диагностики уровня финансовой грамотности и выявления типичных поведенческих паттернов у студентов неэкономических специальностей (работы В. В. Алтуниной, Д. В. Кашпарова, Н. Ю. Лукьяновой [7, с. 55—60]) до анализа педагогических технологий формирования финансовой грамотности в вузе (исследование З. С. Мусаевой [8, с. 103—104]). При этом,

как отмечается в работах, посвященных более широкому контексту финансового поведения населения, сохраняются системные вызовы. В. А. Антропов и А. А. Гусев подчеркивают слабое использование современных психологических моделей и механизмов поведенческой экономики при анализе и регулировании экономического поведения в условиях структурных изменений [9, с. 77]. Многие работы носят фрагментарный характер, фокусируясь либо на традиционных экономических знаниях, либо на отдельных психологических факторах. Комплексных междисциплинарных моделей, которые бы целостно интегрировали инструментарий поведенческой экономики, цифровую гигиену и этико-экологическую рамку для целей образования, предлагается недостаточно. При этом, как показано в посвященном поведенческой экономике исследовании М. С. Спектора и Х. Зайдлер, «предпочтения меняются в зависимости от контекста выбора и... эти изменения предпочтений обусловлены нерелевантными результатами, но только если эти нерелевантные результаты проистекают из соответствующих вариантов» [10, с. 117]. Это указывает на необходимость учета контекстуальных и когнитивных искажений при проектировании образовательных моделей. Одно временно, в философском осмыслении рациональности Романов П. А. подчеркивает, что «знание... в принципе не может существовать в “чистом виде”, а только во взаимодействии с другими формами отражения» [11, с. 38], что обосновывает важность интеграции не только когнитивных, но и ценностных, этических компонентов в образовательные программы. Таким образом, сохраняется значительный теоретический и методический пробел, восполнение которого является целью настоящего исследования.

Целесообразность и научная новизна. Современная цифровая среда формирует парадоксальные условия для финансового поведения. С одной стороны, она открывает беспрецедентные возможности для управления финансами, инвестирования и предпринимательства. С другой — она же порождает и усиливает системные угрозы рациональности: перенасыщенность выбора, культуру импульсивных онлайн-покупок, использование поведенческих паттернов в маркетинге и рекламе, а также зависимость от контента и мнений в социальных сетях [12]. Эти вызовы особенно остры для молодежи, чья финансовая социализация происходит в цифровом пространстве. В ответ на них возникает потребность в новой образовательной парадигме, которая бы не просто транслировала знания о финансах, но и формировала иммунитет к цифровым манипуляциям, интегрируя финансовую грамотность с критическим мышлением и осознанной ответственностью. Научная новизна данного исследования заключается в преодолении узких рамок классической модели экономического человека. Предлагаемый подход осуществляет синтез принципов экономической рациональности, инструментов поведенческой экономики, этики потребления и практик цифровой гигиены. Результатом этого синтеза становится целостная дидактическая модель, направленная на формирование не ситуативных знаний, а устойчивых личностных компетенций для ответственного финансового выбора в цифровом контексте.

Цель исследования — разработка, теоретическое обоснование и эмпирическая верификация междисциплинарной дидактической модели формирования рационального и ответственного финансового поведения студентов, адаптированной к специфическим рискам и возможностям цифровой среды.

Для достижения поставленной цели были последовательно решены следующие **задачи**:

- Критически проанализировать ограничения классической теории рационального поведения потребителя в условиях цифровой экономики.
- Выявить и систематизировать ключевые поведенческие, когнитивные и цифровые риски, влияющие на финансовые решения молодежи.
- Разработать структуру, содержание и методическое обеспечение трехкомпонентной дидактической модели (когнитивный, деятельностный, рефлексивно-оценочный модули).

Теоретическая значимость работы заключается в развитии концепции финансового образования за счет междисциплинарной интеграции. В исследовании системно объединены положения поведенческой экономики, раскрывающие природу иррациональных решений; ценностно-смысловые основания этико-экологической парадигмы; и принципы педагогического дизайна, ориентированного на цифровую среду. Это позволяет переосмыслить процесс формирования финансового поведения как переход от усвоения информации к выработке комплексной личностной стратегии.

Практическая значимость определяется наличием конкретного, готового к применению педагогического инструментария. Разработанная трехмодульная дидактическая модель с четкими целями, методами и эволюцией роли преподавателя предоставляет образовательным учреждениям (вузам, колледжам, центрам дополнительного образования) структурированную программу действий. Ее внедрение направлено на формирование у обучающихся реальных навыков критической навигации в цифровой экономической среде, противодействия манипулятивным практикам и принятия решений, сбалансированных по критериям экономической эффективности, социальной этичности и экологической ответственности.

Основная часть

Настоящее исследование направлено на разработку дидактической модели формирования рационального финансового поведения, адекватной вызовам цифровой среды и интегрирующей принципы экономической эффективности, и этико-экологической ответственности. Модель создавалась на основе синтеза теоретического анализа, многолетнего педагогического опыта авторов в преподавании дисциплин финансово-экономического цикла (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный университет) и данных эмпирической диагностики целевой аудитории.

Методология исследования. Методологическую основу работы составил междисциплинарный подход, объединяющий инструменты экономики, поведенческих наук, педагогики и концепции устойчивого развития. Процесс разработки модели включал два ключевых этапа:

1. *Эмпирическая диагностика и анализ барьеров.* Для выявления актуальных проблем и запросов обучающихся был проведен анкетный опрос студентов ($N = 99$). Опрос предварительно имел текстовый стимул — фрагмент научной статьи М. Ю. Погудовой и Я. А. Семенович-Слабкович. В тексте выделены ключевые черты информационной экономики: рост транзакционных издержек, увеличение доли нематериальных благ, распространение опытных товаров, ускоренное моральное устаревание [13, с. 96].

Студентам предлагалось представить рассуждения о рациональности и иррациональности в условиях цифрового потребления. Анкета содержала открытые и полужакрытые вопросы, направленные на самооценку финансовой рациональности и идентификацию факторов, препятствующих принятию взвешенных решений. Качественный контент-анализ развернутых ответов позволил выявить не только стихийно осознаваемые трудности, но и глубинные ценностные конфликты в поведении потребителей.

2. *Педагогическое моделирование и синтез.* На основе полученных эмпирических данных и системного обзора современных вызовов цифровой финансовой среды была спроектирована трехкомпонентная дидактическая система. Модель была построена с учетом ключевых педагогических принципов: постепенного перехода от теории к практике и устойчивым навыкам; полного погружения в контекст цифровой среды; и глубокой интеграции экономических, этических и экологических аспектов в единую систему оценки.

Результаты исследования. В рамках проведенного активирования студентов I курса, обучающихся не по экономическому профилю, выявлен комплекс барьеров рационального финансового поведения в цифровой среде. Анализ ответов респондентов подтвердил высокую осознанность студентами ограничений собственной рациональности — 98 % опрошенных ответили отрицательно на вопрос о возможности быть полностью рациональным потребителем в современных условиях. Категоризация стихийно названных факторов позволила структурировать их в три группы:

- *Внешние манипулятивные факторы:* доминирующее влияние «маркетинговых уловок» (отметили 49,5 % респондентов) и «богатства ассортимента» (46,5 % упоминаний), что свидетельствует о явном давлении рекламы, алгоритмов персональных рекомендаций и проблеме выбора.

- *Внутренние психологические ограничения:* ключевая роль «импульсивных желаний» (отметили 64,6 % респондентов), а также «лени» (34,3 %) и «дефицита времени» (41,4 %), ведущих к упрощению решений и эмоциональным покупкам.

- *Дефицит компетенций:* значимость «низкого уровня финансовой грамотности» (22,2 % упоминаний) и «асимметрии информации» (21,2 % упоминаний), особенно в отношении сложных цифровых финансовых продуктов.

Важно, что в ответах спонтанно упоминались концепции поведенческой экономики и социологии потребления: например, эффект Веблена (статусное потребление), эффект *FOMO* (страх упустить выгоду), паралич выбора, стадное поведение (*Herding Effect*) и другие когнитивные искажения. Это указывает на готовность аудитории к системному освоению данной проблематики, а также на наличие у студентов начального понятийного аппарата для анализа собственного потребительского поведения.

Таким образом, результаты опроса не только подтверждают наличие обозначенных барьеров, но и демонстрируют, что студенты неэкономических направлений способны рефлексивно оценивать влияние цифровой среды на свои финансовые решения.

Полученные нами данные о барьерах рационального поведения студентов (влияние маркетинга, импульсивность, дефицит компетенций) не только коррелируют с общероссийскими трендами роста самооценки финансовой грамотности и распространения мобильного банкинга, выявленными в «Мониторинге финансовой (без)грамотности в России» Всероссийского центра изучения общественного

мнения (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/finansovaja-bezgramotnost-v-rossii-monitoring>), но и раскрывают внутреннее противоречие этого прогресса. Внешняя цифровая вовлеченность и повысившаяся субъективная оценка могут создавать иллюзию компетентности, маскируя сохранение глубинных когнитивных искажений и уязвимости к манипуляциям. Однако эти же данные служат основой для проектирования целенаправленного образовательного воздействия. Выявленная структура барьеров — внешних (манипулятивные факторы), внутренних (психологические ограничения) и компетентностных — задает четкие векторы для педагогической стратегии. Тот факт, что студенты, осознавая давление маркетинга и власть импульсов, при этом спонтанно оперируют понятиями поведенческой экономики, указывает на существующую «зону ближайшего развития». Это означает, что аудитория внутренне готова перейти от интуитивного понимания проблем к их системному анализу и выработке осознанных практик, что и является центральной задачей предлагаемой трехуровневой дидактической модели, направленной на формирование глубокой, рефлексивной осознанности.

Таким образом, задача обучения трансформируется из простой передачи знаний в проектирование многоуровневой среды для преодоления конкретных барьеров. Каждый из трех выявленных блоков проблем находит свое отражение в структуре предлагаемой дидактической модели:

- *Когнитивный модуль* выявляет дефицит компетенций и внешние манипуляции, формируя понятийный аппарат для их распознавания.
- *Деятельностный модуль* противостоит внешним манипулятивным факторам и внутренней склонности к упрощению решений, отрабатывая конкретные алгоритмы безопасного и рационального поведения.
- *Рефлексивно-оценочный модуль* направлен на работу с внутренними психологическими ограничениями, переводя импульсивность и пассивность в осознанную личную стратегию.

Последовательное прохождение модулей модели направлено на формирование следующего комплекса навыков (индикаторов достижения компетенции УК-9/10 «Способен принимать обоснованные экономические решения в различных областях жизнедеятельности»):

1. *На когнитивном уровне:* способность идентифицировать и анализировать ключевые экономические концепции, когнитивные искажения и манипулятивные технологии, используемые в цифровом маркетинге и коммуникации.
2. *На деятельностном уровне:* умение применять алгоритмы цифровой безопасности, проводить комплексный анализ реальных финансовых кейсов (краудфандинг, экологические инициативы) и принимать обоснованные решения, сбалансированные по экономическим, этическим и экологическим критериям.
3. *На рефлексивно-оценочном уровне:* содействие формированию и возможная корректировка устойчивых поведенческих привычек к финансовой и цифровой саморефлексии, выработка системы персональных правил поведения и целостной, осознанной личной финансовой стратегии, демонстрирующей интеграцию всех освоенных принципов.

Данная предлагаемая модель, основанная на активных и практико-ориентированных методах, является прямым ответом на выявленные в академической среде системные проблемы. Как отмечает Д. А. Жилук, различный уровень финансовой грамотности обучающихся препятствует

эффективной реализации универсальной компетенции, а для успешного формирования финансовой культуры у студентов необходимы именно активные методы обучения, проектная и состязательная деятельность, что полностью согласуется с логикой наших когнитивного, деятельностного и рефлексивно-оценочного модулей [14]. Актуальность такого подхода в условиях цифровой среды подтверждается исследованиями. Так, Н. Г. Иванова указывает, что привить финансовую культуру можно посредством применения так называемых активных методов обучения, в череде которых медиа играют немаловажную роль [15, с. 66], что напрямую соотносится с контекстом наших практико-ориентированных заданий. Кроме того, этот подход подтверждается и согласуется с опытом практической реализации компетенции УК-9/10 в рамках подготовки бакалавров педагогического образования. Введение дисциплины «Финансово-экономический практикум» позволило адаптировать содержание обучения к специфике будущей профессиональной деятельности педагогов, включив в курс вопросы экономики образования и финансовой грамотности учителя [16, с. 56].

Ключевым условием эффективности когнитивного модуля является четкое терминологическое разделение между рациональностью как инструментальным расчетом и осознанностью как ценностно-ориентированной практикой. Однако в образовательном контексте недостаточно трактовать осознанность лишь как индивидуальную метакогнитивную рефлекссию. С позиции парадигмы устойчивого развития, осознанность необходимо понимать расширенно — как способность воспринимать и учитывать в принятии решений их системное влияние, включая социальные последствия, экологический след и долгосрочные эффекты для будущих поколений. Если рациональность фокусируется на оптимальном достижении личных целей в условиях ограничений, то осознанность в контексте устойчивого развития предполагает ответственность за последствия выбора за пределами личной полезности.

Эмпирические данные подтверждают, что в общественном сознании уже формируется запрос на подобное расширенное понимание осознанности, однако оно часто проявляется в форме социально-ориентированных, а не сугубо экологических практик. Согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения 2022 г. «Старым вещам — новую жизнь!» (<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/starym-vesham-novuju-zhizn>), посвященному вторичному потреблению, основным мотивом для дачи вещам «второй жизни» у россиян является альтруистическая цель — помощь нуждающимся (45 %), тогда как забота об экологии выступает в качестве причины лишь для 13 % респондентов. При этом инфраструктурные условия для реализации осознанного потребления остаются недостаточными: только 22 % опрошенных отмечают наличие в своем населенном пункте специальных пунктов приема одежды, что также согласуется с выводами указанного исследования.

Эти данные указывают на важный контекст для формирования компетенции: переход от индивидуальной рациональности к системной осознанности требует не только развития личных ценностных установок, но и понимания институциональных и инфраструктурных условий, которые позволяют или ограничивают реализацию ответственных решений на практике. Именно эта восходящая траектория — от осознания барьеров через овладение инструментарием к формированию личной этико-экономической позиции — и легла в основу разработанной трехкомпонентной модели, представленной в таблице.

Структура и содержание трехкомпонентной дидактической модели

Модуль	Ключевая цель	Теоретическая основа	Конкретные примеры заданий и педагогические инструменты
Когнитивный	Сформировать системный понятийный аппарат для анализа финансового поведения в цифровой среде	Экономическая теория: концепции рациональности (Г. Саймон). Поведенческая экономика: когнитивные искажения (эффект якоря, дефицита). Этика/экология: парадигма устойчивого развития (ESG)	1. Анализ фишингового письма (уровень 1): студенты изучают имитацию письма от портала «Госуслуги» и должны найти не менее пяти теоретических признаков мошенничества (анализ домена отправителя, панические формулировки, грамматические ошибки). 2. Деконструкция рекламы: выбрать рекламу финансового продукта, выявить скрытые посылы и «переснять» ее, обнажив манипулятивные механизмы
Деятельностный (практико-ориентированный)	Выработать навыки безопасного поведения и алгоритмы многокритериального принятия решений в цифровой среде	Финансово-экономический практикум: бюджетирование, оценка альтернативной стоимости. Поведенческая экономика: анализ применения эвристик в реальных кейсах (краудфандинг). Цифровая гигиена: протоколы кибербезопасности. Устойчивое развитие: количественная оценка экоследа	1. Алгоритм действий при фишинге (уровень 2): студенты отрабатывают пошаговый протокол: 1) осознанное торможение реакции; 2) самостоятельная проверка через официальные каналы; 3) создание цифрового артефакта (скриншот с разметкой угроз); 4) написание официальной жалобы. 2. Анализ краудфандинговой платформы: на примере <i>Planeta.ru</i> студенты находят неудачный проект и в совместной онлайн-таблице проводят комплексный анализ его жизнеспособности, бюджета и ошибок в использовании поведенческих эффектов (эффект обладания, обратный отсчет). 3. Решение интегративных кейсов и задач: а) расчет бонусов и экологического эффекта от сдачи одежды в проект «Не просто вещь» — <i>Ecoplatform</i> ; б) анализ годовой экономии и сбережения ресурсов от сдачи алюминиевых банок через фандомат
Рефлексивно-оценочный	Сформировать личную финансово-этическую стратегию	Теория рефлексии и метакогнитивные стратегии. Коучинг: методы постановки личных целей. Проектная деятельность	1. Рефлексивный дневник (уровень 3): после кейса с фишингом студенты отвечают на вопросы: Какие эмоции вызвало письмо? Какой признак мошенничества вы раньше упускали? Как цифровая среда влияет на вашу бдительность? 2. Проектирование «Персонального кодекса цифровой гигиены»: разработка индивидуальных правил, например: «Правило 24 часов для онлайн-покупок», «Обязательная проверка ESG-рейтинга перед инвестицией», «Лимит на спонтанные траты». 3. Итоговое проектное портфолио: создание и защита личной финансовой стратегии, синтезирующей рациональный расчет, цифровую безопасность и этико-экологические приоритеты

Эффективность модели обеспечивается динамическим изменением педагогической позиции преподавателя в соответствии с логикой каждого модуля:

- На когнитивном этапе преподаватель выступает как эксперт, основной задачей которого является представление, структурирование и разъяснение междисциплинарного теоретического знания, а также формирование четких понятийных рамок.

- На деятельностном этапе роль смещается к позиции тренера и разработчика кейсов. Преподаватель организует практическую работу, моделирует сложные ситуации из цифровой среды, обеспечивает оперативную обратную связь и курирует использование студентами цифровых инструментов (онлайн-таблицы, симуляторы).

- На рефлексивно-оценочном этапе преподаватель становится рефлексивным помощником (коучем). Его ключевая функция — фасилитация процессов глубокого самоанализа, поддержка студентов в формулировке личных ценностей, целей и индивидуальных правил, а также сопровождение проектной деятельности по созданию персональной стратегии.

Таким образом, результатом исследования является целостная дидактическая система, интегрирующая диагностику запроса, теоретическое обоснование и практический инструментарий для формирования новой финансовой культуры, адаптивной к вызовам цифрового мира и ответственной перед обществом и природой.

Выводы

Предложенная дидактическая модель представляет собой конкретный педагогический инструмент для реализации задач формирования финансовой культуры в контексте образовательной и воспитательной молодежной политики. Она преодолевает ограниченность традиционных подходов за счет:

- междисциплинарного синтеза, объединяющего экономику, психологию, маркетинг, этику и экологию;
- активного использования цифровой среды не как угрозы, а как дидактического пространства для моделирования реальных поведенческих сценариев;
- четкого разделения и последующего синтеза концепций экономической рациональности и этико-экологической осознанности, что позволяет сформировать как инструментальные, так и ценностные компетенции.

Модель направлена на формирование у студента не просто знаний, а поведенческого иммунитета к манипуляциям цифровой экономики и ценностного компаса для навигации в сложном мире, где рациональное решение — это решение, выгодное в широком смысле: для личности, общества и планеты в долгосрочной перспективе. Следующим практическим шагом является разработка детальных учебно-методических комплексов на основе данной модели и их интеграция в программы высшего и среднего профессионального образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Петросян Д. С., Степанов Р. В., Боташева Л. С. Рациональное финансовое поведение и снижение финансового фетишизма как условие обеспечения финансовой безопасности // Вестник Государственного социально-гуманитарного университета. 2023. № 3(51). С. 38—46.
2. Винникова И. С. Видяйкина П. М., Лунина В. О. Формирование стратегии рационального финансового поведения молодежи // Проблемы современного педагогического образования. 2024. Вып. 83. Ч. 3. С. 99—102.
3. Абгалдаев В. Ю. Идеальный потребитель в трудах Дж. Р. Хикса // Экономика и современный менеджмент: теория и практика : сб. ст. по матер. XXXIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск : СибАК, 2014. С. 61—67.
4. Models of a Man : Essays in Memory of Herbert A. Simon / Ed. by M. Augier, J. G. March. Cambridge, MA ; London, England : The MIT Press. 2004. xiv, 553 p.
5. Hasan M. M., Karim F., Ripon M. B. Behavioral Economics and Consumer Decision-Making: An Integrative Review // Business & Social Sciences. 2025. Vol. 3. No. 1. Pp. 1—8. DOI: 10.25163/business.3110228.
6. Sun J., Sarfraz M., Ozturk I. Eco-consciousness to eco-consumption: unraveling the drivers of sustainable consumption behavior under the mediated-moderated Model // Environmental Science and Pollution Research. 2024. Vol. 31. Iss. 24. Pp. 35018—35037. DOI: 10.1007/s11356-024-33560-y.
7. Алтунина В. В., Кашпаров Д. В., Лукьянова Н. Ю. Изучение финансовой грамотности студентов неэкономических специальностей вуза // Перспективы науки и образования. 2023. № 2(62). С. 50—65. DOI: 10.32744/pse.2023.2.3.
8. Мусаева З. С. Технология формирования финансовой грамотности студентов в высшей школе // Управление образованием: теория и практика. 2025. Т. 15. № 8-1. С. 101—109.
9. Антропов В. А., Гусев А. А. Методологические принципы регулирования экономического поведения населения в условиях структурных изменений // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2025. № 1(181). С. 74—80. DOI: 10.34773/EU.2025.1.13.
10. Спектор М.С., Зайдлер Х. Нарушения экономической рациональности из-за неактуальности информации при обучении в принятии решений на основе опыта / пер. с англ. М. Ю. Белецкая // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2022. Т. 14. № 3. С. 100—126. DOI: 10.38050/2078-3809-2022-14-3-100-126.
11. Романов П. А. Рациональность как метидальность // Вестник Вятского государственного университета. 2021. № 3. С. 33—40. DOI: 10.25730/VSU.7606.21.031.
12. Кольцова А. А., Старобинская Н. М. Рациональность в цифровом потреблении // Управление бизнесом в цифровой экономике : сб. тез. выступлений Четвертой междунар. конф. СПб. : С.-Петерб. гос. ун-т промышл. технологий и дизайна, 2021. С. 143—149.
13. Погудаева М. Ю., Семенова-Слабкович Я. А. Особенности поведения потребителя в условиях информационной экономики // Экономический журнал. 2012. № 4(28). С. 96—104.
14. Жилюк Д. А. Развитие финансовой культуры в студенческой среде // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 3(147). С. 166—170.
15. Иванова Н. Г. Финансовая культура в цифровом мире // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6(138). С. 63—67.
16. Костинова Н. Н., Рубцова О. Л., Тихонова А. М. Формирование компетенции УК-9 в подготовке бакалавров педагогического образования // Менеджмент XXI века: формирование суверенной системы образования Российской Федерации : материалы XXII междунар. науч.-практ. конф. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2024. С. 53—57.

REFERENCES

1. Petrosyan D. S., Stepanov R. V., Botasheva L. S. Rational financial behaviour and reducing financial fetishism as a condition for ensuring financial security. *Vestnik Gosudarstvennogo sotsial'no-gumanitarnogo universiteta = Herald State University of Humanities and Social Studies*. 2023;3(51):38—46. (In Russ.)
2. Vinnikova I. S., Vidyaykina P. M., Lunina V. O. Formation of a strategy for rational financial behavior of youth. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2024;83(3):99—102. (In Russ.)
3. Abgaldaev V. Ideal consumer in works of J. R. Hicks. *Ekonomika i sovremennyyi menedzhment: teoriya i praktika = Economics and modern management: theory and practice. Collected articles on the proceedings of the XXXIII International scientific and practical conference*. Novosibirsk, SibAK, 2014:61—67. (In Russ.)
4. Models of a Man. Essays in Memory of Herbert A. Simon. M. Augier, J. G. March (eds.). Cambridge, MA; London, England, The MIT Press. 2004. xiv + 553 p.
5. Hasan M. M., Karim F., Ripon M. B. Behavioral Economics and Consumer Decision-Making: An Integrative Review. *Business & Social Sciences*. 2025;3(1):1—8. DOI: 10.25163/business.3110228.
6. Sun J., Sarfraz M., Ozturk I. Eco-consciousness to eco-consumption: unraveling the drivers of sustainable consumption behavior under the mediated-moderated Model. *Environmental Science and Pollution Research*. 2024;31(24):35018—35037. DOI: 10.1007/s11356-024-33560-y.
7. Altunina V. V., Kashparov D. V., Lukyanova N. Yu. Studying financial literacy of university students of non-economic specialties. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2023;2(62):50—65. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2023.2.3.
8. Musayeva Z. S. Technology for the formation of financial literacy of students in higher education. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2025;15(8-1):101—109 (In Russ.)

9. Antropov V. A., Gusev A. A. Methodological principles of regulating the economic behavior of the population in the context of structural changes. *Ekonomika i upravlenie: nauchno-prakticheskii zhurnal = Economics and Management: Scientific and Practical Journal*. 2025;1(181):74—80. (In Russ.) DOI: 10.34773/EU.2025.1.13.
10. Spektor M. S., Seidler H. Violations of economic rationality due to irrelevant information during learning in decision from experience. *Judgment and Decision Making*. 2022;17(2):425—448 DOI: 10.1017/S1930297500009177.
11. Romanov P. A. Rationality as a metiality. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta = Herald of Vyatka State University*. 2021;3:33—40 (In Russ.) DOI: 10.25730/VSU.7606.21.031.
12. Koltsova A., Starobinskaya N. Rationality in digital consumption. *Upravlenie biznesom v tsifrovoi ekonomike = Business management in the digital economy. Collection of abstracts of the Fourth International conference*. Saint Petersburg, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design publ., 2021:143—149. (In Russ.)
13. Pogudaeva M., Semenova-Slabkovich Ya. The characteristics of consumer behaviour in the context of informational economy. *Ekonomicheskii zhurnal = Economic journal*. 2012;4(28):96—104 (In Russ.)
14. Zhilyuk D. A. Development of financial culture among students. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2024;3(147):166—170. (In Russ.)
15. Ivanova N. G. Financial culture in a digital world. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*. 2022;6(138):63—67. (In Russ.)
16. Kostikova N. N., Rubcova O. L., Tikhonova A. M. Forming the universal competence UC-9 in preparation of bachelor's degree of pedagogical education. *Menedzhment XXI veka: formirovanie suverennoi sistemy obrazovaniya Rossiiskoi Federatsii = Management of the XXI century: formation of the sovereign system of education of the Russian Federation. Materials of the XXII International scientific and practical conference*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia publ., 2024:53—57. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 08.01.2026; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 08.01.2026; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Научная статья**УДК 378.147****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1530****Oksana Vyacheslavovna Krasnova**

Candidate of Economics,

Associate Professor of the Department of Economics
and Management of Health Care and Pharmacy,
Saratov State

Medical University named after V. I. Razumovsky

Saratov, Russian Federation

krasnovaov760831@mail.ru

Оксана Вячеславовна Краснова

канд. экон. наук,

доцент кафедры экономики
и управления здравоохранением и фармацией,
Саратовский государственный

медицинский университет имени В. И. Разумовского

Саратов, Российская Федерация

krasnovaov760831@mail.ru

Natalia Aleksandrovna Efremova

Candidate of Economics,

Associate Professor of the Department of Economics
and Management of Health Care and Pharmacy,
Saratov State

Medical University named after V. I. Razumovsky

Saratov, Russian Federation

raiznali@mail.ru

Наталья Александровна Ефремова

канд. экон. наук,

доцент кафедры экономики
и управления здравоохранением и фармацией,
Саратовский государственный

медицинский университет имени В. И. Разумовского

Саратов, Российская Федерация

raiznali@mail.ru

Natalia Eduardovna Chumachenko

Candidate of Economics,

Associate Professor of the Department of Economics
and Management of Health Care and Pharmacy,
Saratov State

Medical University named after V. I. Razumovsky

Saratov, Russian Federation

nataliechum@yandex.ru

Наталья Эдуардовна Чумаченко

канд. экон. наук,

доцент кафедры экономики
и управления здравоохранением и фармацией,
Саратовский государственный

медицинский университет имени В. И. Разумовского

Саратов, Российская Федерация

nataliechum@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ШКОЛЫ РАЗВИТИЯ
ИННОВАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ****5.8.7 — Методология и технология профессионального образования**

Аннотация. Одной из стратегических задач высших учебных заведений в настоящий момент является формирование у обучающихся компетенций, которые дадут возможность выпускнику стать высокопрофессиональным специалистом, активно участвующим в создании новых технологий и инновационных продуктов. Данная стратегическая задача предполагает структурирование образовательной и научной деятельности высших учебных заведений. Актуальность исследования связана с тем, что организации высшего образования являются структурами, которые по своему функционалу должны осуществлять научную деятельность. В этой деятельности участвуют как преподаватели высшей школы, так и обучающиеся. Поэтому существует необходимость проведения таких мероприятий в вузе, которые активизировали бы процесс генерации инновационных идей и дальнейшее воплощение их в инновационные проекты, продукты и услуги на базе организаций высшей школы вне зависимости от профиля подготовки будущих специалистов. Указанные мероприятия должны носить регулярный и управляемый характер, что предполагает создание проектно-ориентированных структур в вузах.

В качестве теоретической основы исследования послужили научные публикации, описывающие развитие в отечественных вузах. Представлено авторское определение понятия «инновационная деятельность в высшем образовании», описаны ее характерные особенности, классификация. Рассматривается новый способ организации инновационной деятельности в вузе, который будет формировать у обучающихся определенные профессиональные компетенции, творческие способности и развивать молодежное предпринимательство. Этот способ представлен как форма студенческого инновационного образования, идей создания школы развития инновационного образования. Также описана логическая схема реализации идеи школы на базе вуза. Перечислены возможные результаты реализации школы развития инновационного образования в вузе.

Ключевые слова: инновационное образование, инновационная деятельность, школа развития инновационного образования, инновационный проект, человеческий капитал, студенческая наука, молодежное предпринимательство, проектно-ориентированное обучение, управление проектами, профессиональные компетенции

Для цитирования: Краснова О. В., Ефремова Н. А., Чумаченко Н. Э. К вопросу о создании школы развития инновационного образования в вузе // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 460—469. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1530.

Original article

ON THE ISSUE OF CREATING A SCHOOL FOR THE DEVELOPMENT OF INNOVATIVE EDUCATION AT UNIVERSITY

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *At the moment, one of the strategic tasks facing higher education institutions is to develop students' competences that will enable graduates to become highly professional specialists who are actively involved in the creation of new technologies and innovative products. The highlighted strategic task implies structuring the educational and scientific activities of higher education institutions. The relevance of the research is related to the fact that higher education organizations are structures that, according to their functionality, should carry out scientific activities. Both high school teachers and students participate in this activity. Therefore, there is a need to hold such events at the university that would activate the process of generating innovative ideas and further converting them into innovative projects, products and services provided by higher education institutions, regardless of the profile of future specialists. These activities should be regular and manageable, which implies the creation of project-oriented structures in universities. The theoretical basis of the research was a scope*

of scientific publications describing the development in Russian universities. The author's definition of the concept of innovative activity in higher education is presented; its characteristic features and classification are described. A new way of organizing innovation activities at university is considered, which will form students' specific professional competences, creative abilities and develop youth entrepreneurship. This method is presented as a form of student innovative education, ideas for creating a school for the development of innovative education, and also describes a logical scheme for implementing the idea of a school on the basis of a university. The possible results of the implementation of a school for the development of innovative education at university are listed.

Keywords: *innovative education, innovative activity, school for the development of innovative education, innovative project, human capital, student science, youth entrepreneurship, project-oriented learning, project management, professional competences*

For citation: Krasnova O. V., Efremova N. A., Chumachenko N. E. On the issue of creating a school for the development of innovative education at university. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):460—469. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1530.

Введение

Актуальность. В начале XXI в. основные развитые страны ориентировали свои экономики на постиндустриальный формат, при котором огромную роль играют уровень образования населения и технологическое развитие страны. Главным ресурсом постиндустриального общества является человеческий капитал, формируемый системами образования и науки, а также профессиональным развитием.

В каждой стране имеются свои особенности в системах образования и науки, что приводит к уникальности их симбиозов в каждом конкретном случае. Соединение академического знания и прикладной исследовательской работы повышает значимость человеческого капитала, развивает творческие способности населения, дает возможность увеличения числа инновационных разработок. Основным субъектом в проведении научно-исследовательских работ становятся высшие учебные заведения, которые активно взаимодействуют с организациями реального сектора экономики. Научные исследования, проводимые на базе высших учебных заведений, дают толчок развития различных отраслей и сфер экономики. В условиях развития отечественного импортозамещения это становится особенно актуальным.

Следовательно, одной из стратегических задач высших учебных заведений в настоящий момент является формирование у обучающихся компетенций, которые дадут выпускнику возможность стать высокопрофессиональным специалистом, активно участвующим в создании новых технологий и инновационных продуктов. Выделенная стратегическая задача предполагает структурирование образовательной и научной деятельности высших учебных заведений. Совершенствование организационной структуры должно быть ориентировано на повышение эффек-

тивности научной деятельности, способствующей оптимальному формированию профессиональных компетенций обучающихся.

Изученность проблемы. В качестве основы формирования теоретической базы и обоснования предлагаемой ниже проектно-ориентированной структуры была использована научная литература следующих авторов. Э. Р. Хайруллина, А. В. Фахрутдинова, А. С. и А. И. Насретдиновы [1] предложили концепцию обновления формы и технологий подготовки конкурентоспособных кадров в вузе. Д. В. Круглов и В. Е. Ляшенко [2] исследовали формирование экосистемы образования. С. А. и Н. В. Вабищевичи [3] рассмотрели научно-исследовательскую работу студентов как инновационную составляющую образовательного процесса. Е. М. Разинкина, Л. В. Панкова, Е. А. Зима [4] описали сквозную систему вовлечения студентов в проектную деятельность для совершенствования качества образования. Е. А. Макаренко [5] предложил конструирование проектно-деятельностной образовательной среды университета. Т. И. Анисимова, О. В. Шатунова, Ф. М. Сабирова [6] описали использование STEAM-образования для формирования проектной среды в вузе. А. С. Бочковар, В. Н. Тарасенко, А. Б. Оришев [7] изучили развитие студенческих научных обществ и их значение для развития студенческой науки в вузе. И. Э. Вильданов [8] описал особенности эффективной креативной среды научно-образовательных пространств. А. Г. Лычагина [9] сформулировала сущность инновационной проектной деятельности в контексте профессиональной подготовки специалистов. М. Н. Конягина и А. А. Дочкина [10] представили инновационное развитие экономики через внедрение предпринимательского образования в вузах. С. Н. Глаголев, Н. И. Алтынник, М. А. Игнатов охарактеризовали развитие инновационного образования

в вузе [11]. Д. В. Гергерт и Д. Г. Артемьев [12] описали практику внедрения проектно-ориентированного обучения в вузе. А. Ю. Панычев, О. Д. Покровская, М. А. Дроздова [13] предложили создание и развитие Школы инженерного предпринимательства.

Также были проанализированы данные статистических сборников «Индикаторы науки: 2025» [14], «Индикаторы образования: 2025» [15], подготовленных сотрудниками Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (далее — НИУ ВШЭ), и информационного бюллетеня «Вузовская наука: барьеры и перспективы», подготовленного Е. А. Стрельцовой, А. А. Репиной и А. В. Нестеренко [16].

Целесообразность разработки темы исследования связана с тем, что организации высшего образования являются структурами, которые по своему функционалу должны осуществлять научную деятельность наравне и в связи с образовательной деятельностью. В научной деятельности участвуют как преподаватели высшей школы, так и обучающиеся. Поэтому существует необходимость проведения таких мероприятий в вузе, которые активизировали бы процесс генерации инновационных идей и дальнейшее воплощение их в инновационные проекты, продукты и услуги на базе организаций высшей школы вне зависимости от профиля подготовки будущих специалистов. Указанные мероприятия должны носить регулярный и управляемый характер, что предполагает создание проектно-ориентированных структур в вузах.

Цель исследования — создание школы развития инновационного образования в вузе.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) изучить и систематизировать научные подходы к формированию у обучающихся знаний, умений и навыков для дальнейшего участия в научной деятельности вуза;
- 2) провести анализ привлекательности карьеры в сфере науки и показателей научно-исследовательской деятельности обучающихся и выпускников вузов;
- 3) предложить новую проектно-ориентированную структуру в организациях высшего образования (школу развития инновационного образования в вузе), формирующую профессиональные компетенции в области научной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в обосновании создания проектно-ориентированной структуры в вузе — школы развития инновационного образования — для формирования у обучающихся знаний, умений и навыков проектной деятельности, с целью проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок на базе организации высшего образования.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке проектно-ориентированных подходов к формированию профессиональных компетенции в области научной деятельности обучающихся вуза и определению инновационного образования в высшей школе.

Практическая значимость результатов исследования заключается в создании новой проектно-ориентированной структуры в организациях высшего образования (школы развития инновационного образования в вузе), способной формировать профессиональные компетенции в области научной деятельности.

Основная часть

Методы и материалы. В качестве теоретической основы исследования послужили научные публикации, описывающие развитие научно-исследовательской деятельности и значение проектно-ориентированных структур в высшей школе. Статистический метод позволил определить тенденции в развитии инновационного образования в отечественных вузах.

Изменения в системе высшего образования обоснованы геополитической трансформацией в мире и появлению новых потребностей отечественного рынка труда, который предполагает наличие у выпускников вузов соответствующие компетенции и сформированное инновационное мышление, позволяющее гибко вырабатывать новые решения и адаптировать инновационные разработки к запросам российского рынка товаров и услуг. Эти запросы выражаются в том, что работодатели повышают требования к текущим и опережающим компетенциям выпускника для трансформации предметно-центрированного обучения к технологиям личностно-ориентированного обучения [1]. Э. Р. Хайруллина, А. В. Фахрутдинова, А. С. и А. И. Насретдиновы рекомендуют осуществлять построение образовательного процесса с привлечением активных методов выполнения студентами научных или практических задач. Обучение на собственном опыте, в ходе самостоятельной деятельности, при выполнении индивидуальных проектов позволит дополнить академическое образование готовностью выпускника к будущей работе [1].

Последнее утверждение невозможно без создания определенной научно-образовательной экосистемы вуза, способствующих развитию инноваций.

По мнению Д. В. Круглова и В. Е. Ляшенко, жизнеспособность образовательных экосистем зависит от развития внешней сети организаций, обеспечивающих синергетический эффект через интеграцию комплементарных компетенций, знаний и ресурсов [2].

Особое значение при этом приобретают вопросы внедрения научно-исследовательской работы студентов. Она является полноценным действенным методом и формой обучения студентов и магистрантов, позволяющим применять самые современные инновационные подходы, направленные на непрерывное совершенствование учебно-воспитательного процесса, внедрение практико-ориентированного и междисциплинарного методов обучения и иных современных педагогических методик и технологий, способствующих формированию компетентных в своей профессиональной области специалистов [3].

Одним из важных подходов в системе высшего образования является использование проектного подхода при формировании профессиональных компетенций обучающихся, крайне востребованных на рынке труда.

По мнению Е. М. Разинкиной, Л. В. Панковой, Е. А. Зимы, внедрение проектной деятельности в основной образовательный процесс позволит повысить мотивацию обучающихся и улучшить образовательные результаты выпускников [4].

По мнению Е. А. Макаренко, отличительной особенностью современного проектно-ориентированного подхода является интеграция учебной, проектной и исследовательской деятельности. Такой синтез позволяет развивать не только профессиональные навыки, но и исследовательские компетенции [5].

В настоящее время отечественными и зарубежными исследователями предлагаются различные проектно-ориентированные структуры, способствующие развитию

научно-исследовательских способностей и формированию соответствующих знаний, умений и навыков на базе организаций высшего образования.

Т. И. Анисимова, О. В. Шатунова, Ф. М. Сабирова утверждают, что преподаватели, использующие принципы системы *STEAM*-образования (англ. *science* — «наука», *technology* — «технология», *engineering* — «инжиниринг», *arts* — «искусства», *mathematics* — «математика») могут реализовывать программы обучения на основе проектов. Авторы считают, что создание и развитие междисциплинарных научно-образовательных «творческих пространств» в формате научно-образовательных центров, приоритетно ориентированных на создание среды для эффективной междисциплинарной проектной работы школьников, обучающихся и аспирантов над заказами, инициированными реальным промышленным сектором [6].

А. С. Бочковар, В. Н. Тарасенко, А. Б. Оришев описывают генезис развития студенческих научных обществ в нашей стране и определяют эти структуры как особую форму организации взаимодействия обучающейся молодежи, занятой наукой, научно-исследовательской работой, научным творчеством [7].

И. Э. Вильданов считает, что проектирование научно-образовательных центров (далее — НОЦ) должно осуществляться на базе таких принципов, как связность функциональных зон, гибкость и управляемость материального и технологического оборудования, возможности их усовершенствования. Связность функциональных зон достигается через различные формы и методы обучения, практические, лабораторные, игровые занятия, исследовательские работы мозговой штурм и т. д., которые протекают как взаимообусловленные и дополняющие друг друга процессы. Автор считает, что креативные пространства НОЦ раздвигают возможности познания исследования и проектирования как учебного, так и профессионально-технологического назначения [8].

У. Тирни и М. Лэндфорд, изучая концепцию инноваций в высшем образовании через отличия от понятий «творчество», «новаторство» и «предпринимательство», указали, что колледжи и университеты являются инновационными, когда (а) творческие способности человека стимулируются посредством взаимодействия, (б) могут быть созданы новые продукты и процессы, и (с) может быть реализован творческий продукт или процесс [17].

А. Г. Лычагина считает, что инновационная проектная деятельность носит дуалистический характер, т. е., с одной стороны подразумевается взаимодействие педагогов и обучающихся в образовательном процессе («педагогический компонент») для формирования профессиональных компетенций, а с другой стороны — создание инновационных решений, которые в дальнейшем могут быть внедрены, и становятся «экономическим компонентом» [9]. Последнее говорит о возможности получения экономического эффекта от создания новаций, созданных в процессе проектирования и реализации креативной идеи на базе образовательного учреждения.

М. Н. Конягина и А. А. Дочкина считают, что инновационное развитие экономики возможно через внедрение предпринимательского образования в вузах. Для этого они предлагают создавать университетские бизнес-инкубаторы, способствующие формированию соответствующий профессиональных компетенций и созданию инновационного продукта [10].

Развитие инновационного технологического образования на примере Белгородского государственного технологического университета имени В. Г. Шухова рассмотрели С. Н. Глаголев, Н. И. Алтынник, М. А. Игнатов. На базе указанного вуза обучающиеся имеют возможность развивать свои образовательные траектории по модели «2 + 2 + 2». Это позволяет им получать дополнительные компетенции за счет изучения определенных элективных и факультативных дисциплины и модули. Это также формирует образовательную экосистему и реализует проектный подход по соответствующим направлениям на базе лабораторий и инжинирингового центра вуза. На базе указанных структур создаются инициативные и индустриальные проекты. Созданы три новые высокотехнологичные образовательные площадки, обеспечивающие поддержку задач инженерного проектирования, проектной деятельности, возможность проведения мероприятий образовательной, исследовательской и творческой направленности. Изменилась научно-исследовательская политика вуза, в которой основными направлениями изменений стали поддержка молодых ученых, продвижение в сторону глобализации успешных научных школ, развитие докторантуры и аспирантуры, рост публикационной активности, научное волонтерство и наставничество, внедрение проектного финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и внедрение результатов научно-исследовательской деятельности в образовательный процесс [11].

Д. В. Гергерт и Д. Г. Артемьев считают, что университету в образовательном процессе необходимо перейти от подхода, основанного на содержании, к подходу, основанному на навыках. Поэтому авторы предлагают на базе вуза создать офис управления проектами (как «держателя» знаний) для реализации целенаправленной стратегии по поддержке управления проектами. С помощью офиса будет осуществлять обмен знаниями между студенческими командами, разрабатывающими проекты. Таким образом, создание офиса подходит для академического мира и учебных проектов, где генерация и распространение знаний имеют первостепенное значение [12].

По мнению А. Ю. Панычева, О. Д. Покровской, М. А. Дроздовой, одним из форматов обеспечения конкурентоспособности современного высшего образования является развитие собственной научно-образовательной экосистемы, которая основана на новом формате сотрудничества в рамках консорциума, новых моделях обучения инженерному предпринимательству и реализации комплекса стратегических проектов по внедрению уникальных прикладных разработок в реальный бизнес Индустрии 4.0. Авторы считают, что для взаимодействия между инноваторами и реальным сектором экономики необходимо создать соответствующую образовательно-инфраструктурную среду в учебных заведениях — центров инженерного предпринимательства, являющихся точками роста инновационной активности [13].

Всё вышесказанное позволяет нам сформулировать понятие инновационной деятельности в высшем образовании, под которой следует понимать деятельность, направленную на реализацию комплекса социально-экономических, организационных, технологических и прочих мероприятий, с целью создания перспективных разработок образовательных организаций высшей школы благодаря человеческому капиталу преподавателей-ученых, и внедрения результатов научной работы в деятельность высшего учебного заведения или любой заинтересованной организации.

Результатом внедрения таких разработок является активизация способности к научной деятельности обучающихся и формирование профессиональных компетенций. Указанные инновации должны иметь возможность дальнейшей коммерциализации на рынке образовательных и прочих услуг.

Инновационная деятельность (инновации) в высшем образовании имеет традиционную декомпозицию в зависимости от специализации на ряд подгрупп: инновации в социальном образовании, инновации в юридическом образовании, инновации в медицинском образовании и пр. Отличия между указанными формами образования заключаются в применении определенного типа человеческого капитала (социальный, медицинский, юридический и пр.), различной материальной базы, рынков сбыта инновационной продукции и пр.

Классификация инноваций в высшем образовании подразделяется таким же образом, как и инноваций в других сферах деятельности: по источникам инноваций; по авторству инноваций; по новизне; по масштабам их внедрения; по объектам образования.

Главная проблема развития инноваций в высшем образовании — это спорадическое развитие, оно нестабильно, случайно, стихийно, непостоянно. Поэтому процесс развития инноваций в высшем образовании должен быть управляемым. Управление инновациями в высшем образовании, как в любой системе управления, характеризуется наличием определенных управленческих действий: «планирование—организация—руководство—контроль».

Проводя мониторинг результатов научно-исследовательской деятельности образовательных организаций высшего образования, Минобрнауки России выделяет показатели публикационной активности, объема и доходов от научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и результатам интеллектуальной деятельности, возрастной структуры и количества защитивших кандидатские и докторские диссертации научно-педагогических

работников, общей численности аспирантов, ординаторов, ассистентов-стажеров, количества полученных научных грантов, количества бизнес-инкубаторов, технопарков, центров коллективного пользования научным оборудованием, количества диссертационных советов и пр. Однако студенческая наука не входит в указанные показатели, но именно она влияет на решение выпускников заниматься в дальнейшем научной деятельностью и строить карьеру в указанной сфере.

Часто побуждающим мотивом для обучающихся заняться научной деятельностью является желание угодить родителям, которые хотят видеть своего ребенка исследователем. Согласно исследованиям НИУ ВШЭ, представленным в статистическом сборнике «Индикаторы науки: 2025» [14], многие родители были бы рады, если бы их ребенок стал научным работником, исследователем, а именно 51 % родителей, имеющих сына, и 48 % — имеющих дочь (рис. 1).

Весьма интересен результат опроса граждан в возрасте 18—65 лет, который показывает, что только 1 % респондентов стал ученым, 5 % — хотели бы, 6 % — раньше хотели, а сейчас уже нет. Но куда более удручающими являются показатели тех, кто никогда не хотел заниматься исследованиями — 85 % (рис. 2).

Согласно опросу руководителей подразделений вузов в рамках Мониторинга экономики образования [16], проведенному в 2022 г. исследователями НИУ ВШЭ, источниками кадров для подразделений вузов в основном являются их выпускники и аспиранты (рис. 3), что обосновано тем, что вузовская среда уже знакома им, и они видят возможности карьерного роста в вузе.

Особенностью научных подразделений вузов является то, что они готовы больше платить обучающимся за проведение научно-исследовательских работ (рис. 4), чем научно-образовательные или образовательные подразделения, что, скорее всего, обоснованно тем, что объем таких работ весьма ограничен в них.

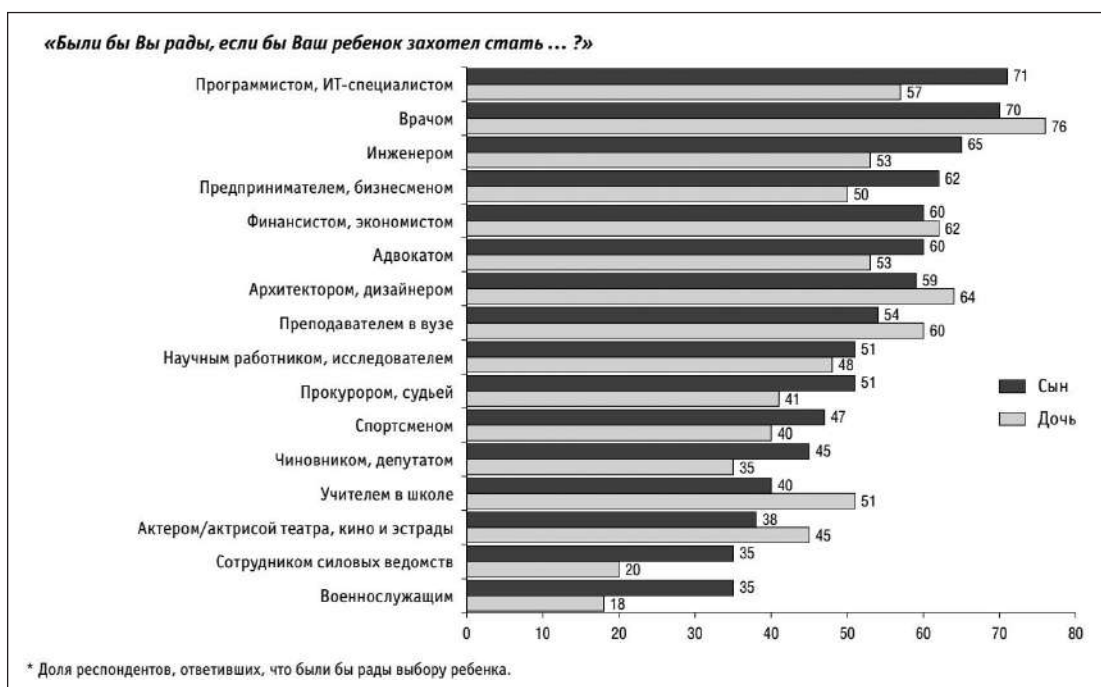

Рис. 1. Привлекательность карьеры в сфере науки на фоне других профессий в 2023 г. (в процентах от численности опрошенных в возрасте 18—65 лет) [14, с. 331]

Рис. 2. Личный интерес к работе в науке в 2023 г. (в процентах от численности опрошенных в возрасте 18—65 лет) [14, с. 332]

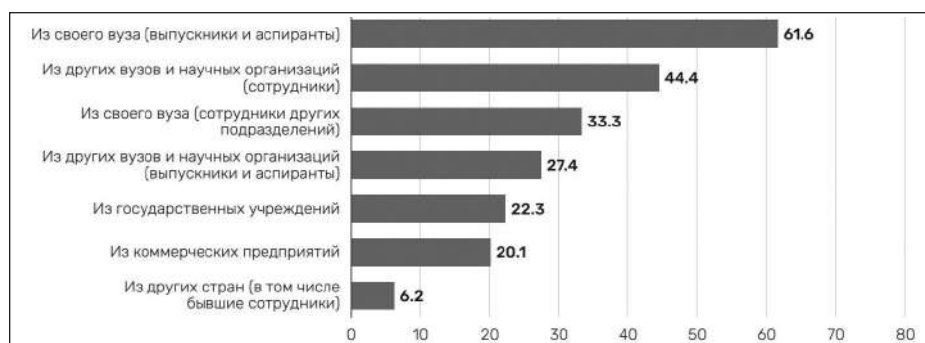

Рис. 3. Источники кадров для подразделений вузов (в процентах от числа опрошенных подразделений, занимавшихся научной деятельностью, нанимавших новых сотрудников за последние два года; сумма больше 100 %, поскольку вопрос допускал выбор нескольких вариантов ответа) [16, с. 12]

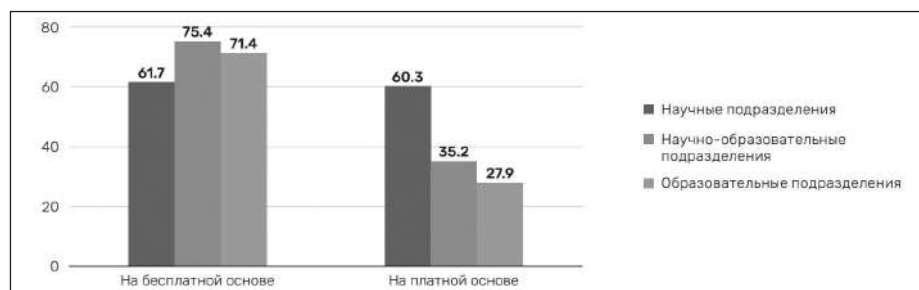

Рис. 4. Удельный вес подразделений вузов, привлекавших к научной работе обучающихся и аспирантов на платной и бесплатной основе, по видам подразделений (в процентах от числа опрошенных подразделений вузов соответствующего вида) [16, с. 13]

Если сравнивать динамику количества персонала, занятого исследованиями и разработками по типам организаций с 2000 по 2023 г., представленную в статистическом сборнике «Индикаторы науки: 2025» [14], то характерна особенность сокращения указанных показателей в научно-исследовательских организациях (в 2000 г. — 718 434 чел. и в 2023 г. — 366 076 чел.) и увеличения их в образовательных организациях высшего образования (в 2000 г. — 31 110 чел. и в 2023 г. — 66 613 чел.).

Согласно показателям, представленным в статистическом сборнике «Индикаторы науки: 2025» [14], количество персонала, занятого исследованиями и разработками, с 2000 по 2023 г. несколько снизилось, по уровням образования: в высшем образовании — с 530 649 до 515 965 чел.; в среднем профессиональном образовании — с 144 503 до 85 085 чел.; на прочих уровнях — с 212 577 до 69 564 чел. Причин сложившейся ситуации может быть много: низкий уровень оплаты труда научно-педагогического персонала, отсутствие спроса на научно-исследовательские разработки в определенных отраслях и сферах деятельности, отсутствие финансирования на необходимую исследовательскую материально-техническую базу и пр.

По половозрастным характеристикам исследователей в секторе высшего образования, по данным 2021—2023 гг., основную долю составляют лица до 29 лет включительно, большинство из которых мужчины (в 2021 г. — 4 180 чел., в 2022 г. — 4 534 чел., в 2023 г. — 4 774 чел.), женщин, в среднем, в 1,3 раза меньше (в 2021 г. — 3 165 чел., в 2022 г. — 3 378 чел., в 2023 г. — 3 606 чел.). Это объясняется честолюбивыми планами молодых людей построить свою карьеру, а девушки более заинтересованы в создании семьи в указанный период жизни.

Удельный вес принятых выпускников вузов на работу в организации сектора высшего образования в качестве исследователей с 2021 по 2023 г. имеет отрицательную динамику (в 2021 г. — 36,2 %, в 2022 г. — 21,2 %, в 2023 г. — 20,5 %). Кроме того, удельный вес выпускников, в численности персонала, занятого исследованиями и разработками, в качестве исследователей также имеет отрицательную динамику (в 2021 г. — 6,9 %, в 2022 г. — 4,3 %, в 2023 г. — 3,9 %). Вероятная причина отрицательной динамики заключается в постоянном сокращении рабочих мест в вузах.

Согласно показателям, представленным в статистическом сборнике «Индикаторы образования: 2025» [15], структура численности принятых на обучение по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре, программам ординатуры, программам ассистентуры-стажировки и на подготовку научных кадров в докторантуре показывает, что выпускники специалитета и магистратуры на протяжении всего исследуемого периода (2002—2023 гг.) чаще поступали на указанные виды послевузовской подготовки (рис. 5). Это указывает на желание большинства выпускников, заинтересованных в научной карьере, сразу после окончания вуза заниматься научной деятельностью.

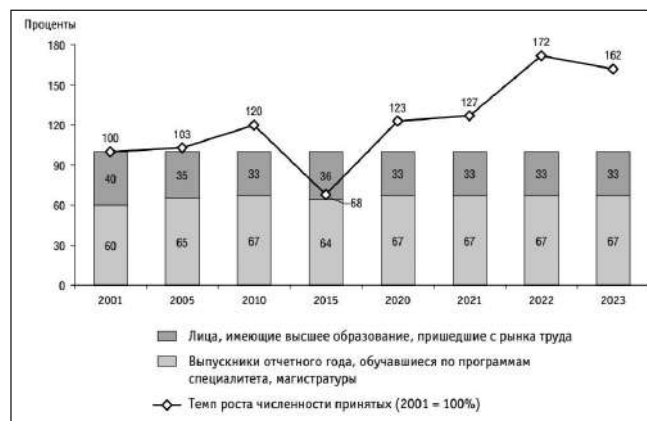

Рис. 5. Структура численности принятых на обучение по программам подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре, программам ординатуры, программам ассистентуры-стажировки и на подготовку научных кадров в докторантуре [15, с. 56]

Однако весьма скромны показатели выбравших научную стезю выпускников вузов, если рассматривать структуру их численности, обучавшихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры. Процент выбравших будущую научную подготовку в аспирантуре, по программам ординатуры и ассистентуры-стажировки с 2001 по 2023 г. изменился незначительно — с 4 до 6 % (рис. 6).

Рис. 6. Структура численности выпускников, обучавшихся по программам бакалавриата, специалитета, магистратуры [15, с. 55]

Проведенный анализ статистических данных показал разнонаправленные результаты состояния отношения к научной деятельности в вузе. Для изменения ситуации и вовлечения обучающихся вузов в научную деятельность необходимо систематизировать процесс управления сту-

денческой науки, с помощью проектно-ориентированных структур. Их создание предполагает проведение научных мероприятий в гибридной форме, вместе с образовательным процессом. В итоге, это будет способствовать формированию профессиональных компетенций и развитию креативных способностей у обучающихся, а в дальнейшем и созданию ими новаций и появлению желания продолжить научные исследования в вузе после окончания обучения программ высшего образования.

В этом аспекте необходимо в каждом вузе сформировать центры управления и контроля инновационной деятельностью для обучающихся вузов, в которых могли бы планировать мероприятия по внедрению, развитию и реализации инновационных программ и проектов и могли контролировать их результаты.

Отсутствие координации сложной системой управления инновационным процессом быстро приведет к его угасанию. Следовательно, существует задача структурирования управленческой деятельности по развитию инноваций в высшем образовании в любом вузе, независимо от его профилезации.

Результаты исследования и их обсуждение. Большинство молодых людей после окончания школы продолжают свое обучение в высших образовательных учреждениях с весьма мощной инновационной составляющей. Последнее предполагает наличие в высшей школе профессионалов, обладающих обширными знаниями как в профессиональной области, так и в инновационной деятельности. Следовательно, кроме традиционной подготовки, необходимо использовать новые способы подготовки кадров, развивающие творческий и проектно-ориентированный подходы в обучении.

Для повышения уровня высшего образования и воспитания специалистов нового поколения рекомендуется трансформировать обычный объем компетенций, приобретаемых в образовательных учреждениях высшего образования различного профиля, в новую форму, описанную ниже, которая позволит получить знания, умения и навыки нестандартным способом. Кроме того, это позволит изменить отношение обучающихся к научным исследованиям, что поднимет статус студенческой науки на новый качественный уровень.

В большинстве классических, технических и социально-экономических вузах страны выработалась определенная организационная структура управления, что предполагает структурирование деятельности, исходя из выполняемого учебного и научного функционала, который, в свою очередь, и определяет дальнейшее развитие учебной и инновационной деятельности.

Предлагается реализовать как форму студенческого инновационного образования в вузе идею создания школы развития инновационного образования (далее — РИО). При ее создании и функционировании должны участвовать все структурные подразделения вуза.

Суть функционирования школы РИО заключается в формировании творческих проектных групп, объединенных общей идеей, для работы над реальными востребованными проектами по различным направлениям. Такой новый способ организации инновационной деятельности в вузе будет формировать у обучающихся определенные профессиональные компетенции, творческие способности и развивать молодежное предпринимательство.

На рис. 7 представлена предлагаемая логическая схема реализации идеи школы РИО в вузе.

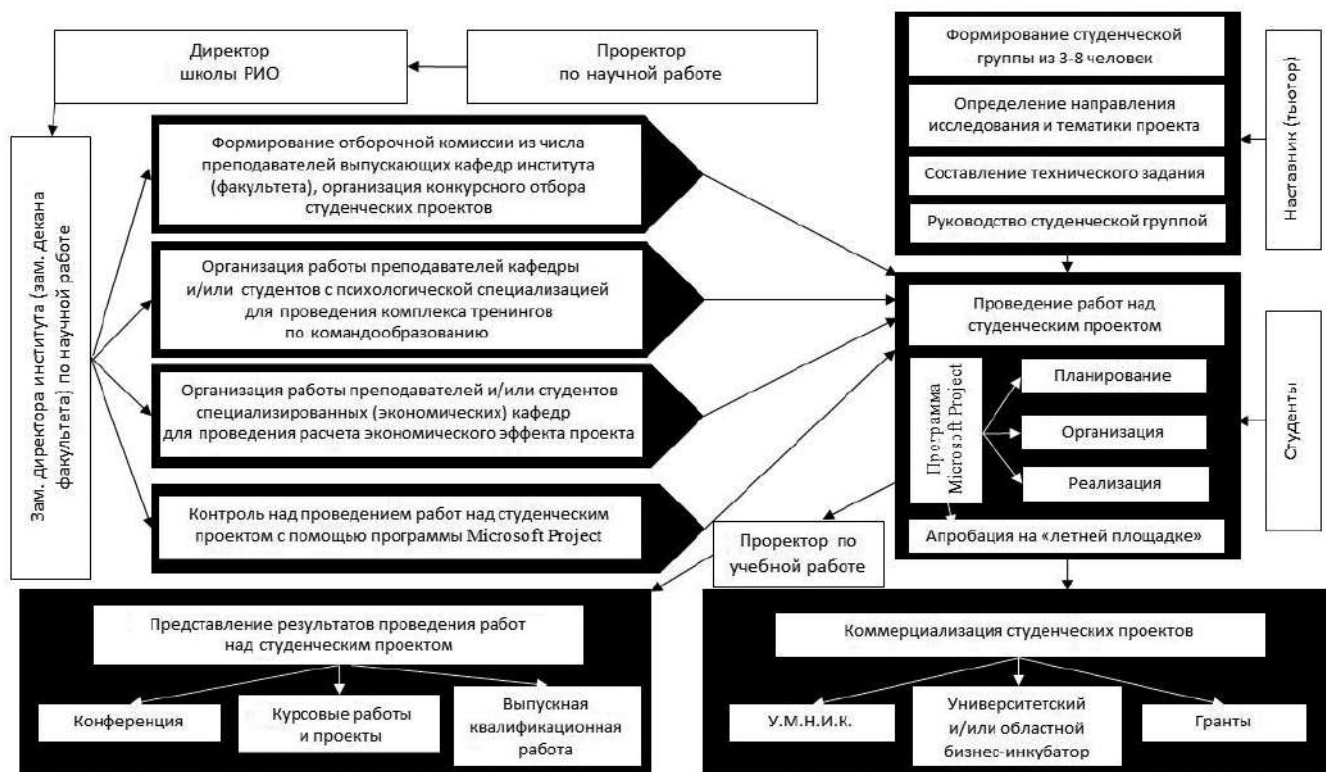

Рис. 7. Логическая схема реализации идеи школы РИО в вузе

Общее управление осуществляет директор школы РИО, который подчиняется непосредственно проректору по научной работе.

Первым этапом создания проектных групп из 3—8 чел. в рамках институтов или факультетов является проведение в сентябре-октябре текущего учебного года конкурсного отбора (кастинга) среди обучающихся — очников II—III курсов бакалавриата или II—IV курсов специалитета и I курсов магистратуры или ординатуры. Подбор обучающихся в группы и руководство группами осуществляют наставники (тьюторы) — преподаватели выпускающих кафедр институтов или факультетов. Они определяют научное направление (проблему) работы группы и тематику будущего проекта совместно с ребятами.

Организует процесс отбора и формирования отборочных комиссий из числа преподавателей выпускающих кафедр институтов или факультетов, а также далее курирует все последующие этапы функционирования школы РИО заместители директоров институтов или заместители деканов факультетов по научной работе.

На втором этапе, после отбора, наставники составляют техническое задание (далее — ТЗ) проекта (срок исполнения — октябрь-ноябрь текущего учебного года).

Во время подготовки ТЗ обучающиеся участвуют в комплексе тренингов по командообразованию (обучение технологии организации работы команды; определение собственной роли в команде; системный анализ выработки командных решений и пр.). Организуют и проводят указанные тренинги преподаватели кафедры с психологической специализацией и соответствующим базовым образованием, а также лица, обучающиеся на направлении «Психология», если таковые имеются в вузе.

Третий этап предполагает осуществление мероприятий по проведению работ над проектами, которые рекомендуется проводить с ноября по август текущего учебного года. Проведение этого этапа согласовывается с учебной частью вуза.

Для проведения грамотной проектной работы рекомендуется на I—II курсах включить в учебные планы вуза дисциплину «Управление проектами», хотя бы в качестве факультативной дисциплины, с обязательным изучением на практических занятиях программы *Microsoft Project*, с помощью которой можно осуществлять планирование, организацию, реализацию и контроль над процессами работы по проектам на уровнях директоратов институтов (зам. деканов по научной работе) и ректората.

Кроме того, рекомендуется в процессе обучения обучающихся-бакалавров и обучающихся-специалистов очной формы предусмотреть один день в неделю в течение всех семестров для проведения проектной работы. Для обучающихся-магистров таким днем можно считать день научно-исследовательской работы.

Необходимо отметить, таким образом, важность получения будущими специалистами навыков предпринимательской деятельности. Выпускники вузов должны обладать такими знаниями и умениями, которые позволили бы им в дальнейшем создавать собственные проекты, от идеи до их воплощения в жизнь в виде наукоемкого бизнеса или производства.

Кроме того, можно было бы для каждого проекта формировать команду обучающихся из 2—3 чел. под руководством одного преподавателя экономической кафедры для расчета экономической эффективности проектов.

Часть работ по проведению экспериментов или апробации проведенных исследований в рамках проектов можно было бы проводить в качестве «летних площадок» школы РИО, во время проведения летних практик, на базе профильных организаций — баз практик, в филиалах кафедр или лабораторий вуза.

После окончания проведения работ над проектами, в период последующего учебного года, обучающиеся вместе со своими наставниками представляют свои работы для участия в программе У.М.Н.И.К., различных грантах

и ярмарке идей, а также презентуют их представителям областного бизнес-инкубатора для дальнейшей коммерциализации.

Результаты описанного выше студенческого инновационного образования могут быть представлены на конференциях различного уровня, в научно-исследовательских работах обучающихся, в виде экспериментального образца инновационного продукта и пр. Наиболее желаемым результатом такого образования будут являться заключение договорных отношений с предприятиями или открытие малого инновационного предприятия на базе вуза.

Кроме того, указанные выше результаты должны быть внедрены в учебный процесс и представлены в виде курсовых проектов, работ и выпускных квалификационных работах. Курировать этот процесс должен проректор по учебной работе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хайруллина Э. Р., Фахрутдинова А. В., Насретдинова А. С., Насретдинов А. И. Концепция обновления формы и технологий подготовки конкурентоспособных кадров в вузе // Преподаватель XXI век. 2023. № 4. Ч. 1. С. 47—58. DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-47-58.
2. Круглов Д. В., Ляшенко В. Е. Проектирование построения бизнес-процессов в интегрированной образовательной-корпоративной экосистеме // Финансовые рынки и банки. 2025. № 2. С. 81—87.
3. Вабищевич С. А., Вабищевич Н. В. Научно-исследовательская работа студентов как инновационная составляющая образовательного процесса // Высшая школа: проблемы и перспективы : сб. материалов XV Междунар. науч.-метод. конф. Минск : Республик. ин-т высш. шк., 2021. С. 183—186.
4. Разинкина Е. М., Панкова Л. В., Зима Е. А. Сквозная система вовлечения студентов в проектную деятельность как инструмент обеспечения качества образования // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27. № 1. С. 42—49. DOI: 10.15826/umpra.2023.01.005.
5. Макаренко Е. А. Конструирование проектно-деятельностной образовательной среды университета: от теоретической концептуализации к институциональной инсталляции // Экономика и управление: проблемы, решения. 2025. № 6. Т. 9. С. 216—224. DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.025.
6. Анисимова Т. И., Шатунова О. В., Сабирова Ф. М. STEAM-образование как инновационная технология для Индустрии 4.0 // Научный диалог. 2018. № 11. С. 322—332. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-322-332.
7. Бочковар А. С., Тарасенко В. Н., Оришев А. Б. Студенческие научные общества как особая форма организации взаимодействия обучающейся молодежи // Бизнес и дизайн ревю. 2021. № 3(23). URL: <https://obe.ru/journal/vypusk-2021-g-3-23-sentyabr/bochkovar-a-s-tarasenko-v-n-orishev-a-b-studencheskie-nauchnye-obshhestva-kak-osobaya-forma-organizatsii-vzaimodejstviya-obuchayushhejsya-molodezhi/>.
8. Вильданов И. Э. Особенности эффективной креативной среды научно-образовательных пространств в аспекте методологии и технологии профессионально-личностного развития // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 1(66). С. 475—481. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.66.926.
9. Лычагина А. Г. Инновационная проектная деятельность как вид проектной деятельности в контексте профессиональной подготовки будущих учителей технологии // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 1(66). С. 469—474. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.66.921.
10. Конягина М. Н., Дочкина А. А. К инновационному развитию экономики через внедрение предпринимательского образования в вузах // Архитектура университетского образования: построение единого пространства знаний : сб. тр. IV Нац. науч.-метод. конф. с междунар. участием. СПб. : С.-Петерб. гос. экон. ун-т, 2020. Ч. 1. С. 296—306.
11. Глаголев С. Н., Алтынник Н. И., Игнатов М. А. Инновационное технологическое образование в вузе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2023. № 4. С. 7—11.
12. Гергерт Д. В., Артемьев Д. Г. Практика внедрения проектно-ориентированного обучения в вузе // Университетское управление: практика и анализ. 2019. Т. 23. № 4. С. 116—131. DOI: 10.15826/umpra.2019.04.033.
13. Паньчев А. Ю., Покровская О. Д., Дроздова М. А. Создание и развитие Школы инженерного предпринимательства: опыт отраслевого университета // Бюллетень результатов научных исследований. 2022. Вып. 2. С. 7—33. DOI: 10.20295/2223-9987-2022-2-7-33.
14. Индикаторы науки: 2025 : стат. сб. / редкол.: Н. Ю. Анисимов, И. В. Васильев, Л. М. Гохберг, Я. И. Кузьминов. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 396 с.
15. Индикаторы образования: 2025 : стат. сб. / редкол.: Н. Ю. Анисимов, Д. В. Афанасьев, И. В. Васильев и др. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 452 с.
16. Стрельцова Е. А., Репина А. А., Нестеренко А. В. Вузовская наука: барьеры и перспективы : информац. бюл. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 32 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2740-5.
17. Tierney W. G., Lanford M. Conceptualizing Innovation in Higher Education // Higher Education: Handbook of Theory and Research. Cham : Springer, 2016. Vol. 31 / ed. M. Paulsen. Pp. 1—40. DOI: 10.1007/978-3-319-26829-3_1.

Выводы

Результатами существования школы РИО будут:

- создание актуальных проблемно-ориентированных инновационных проектов;
- обмен опытом научно-исследовательской работы между обучающимися различных направлений на научных конференциях;
- возможность коммерциализации разработок обучающихся;
- развитие студенческой науки и молодежного предпринимательства;
- развитие проектно-ориентированного обучения в вузе.

Представленная для создания школы развития инновационного образования будет способствовать созданию процесса структурирования учебной и инновационной деятельности в стенах вуза, и продвигать отечественную науку на новый, более высокий уровень.

REFERENCES

1. Khairullina E. R., Fakhrutdinova A. V., Nasretidinova A. S., Nasretidinov A. I. Concept of Updating the Form and Technology of Training Competitive Personnel. *Prepodavatel XXI vek*. 2023;4-1:47—58. (In Russ.) DOI: 10.31862/2073-9613-2023-4-47-58.
2. Kruglov D. V., Lyashenko V. E. Designing business process architecture in an integrated educational-corporate ecosystem. *Finansovye rynki i banki = Financial markets and banks*. 2025;2:81—87. (In Russ.)
3. Vabishchevich S. A., Vabishchevich N. V. Students' research work as an innovative component of the educational process. *Vysshaya shkola: problemy i perspektivy = Higher education: problems and prospects. Collection of materials of the XV International scientific and methodological conference*. Minsk, Republican Institute of Higher Education publ., 2021:183—186. (In Russ.)
4. Razinkina E.M., Pankova L.V., Zima E.A. End-to-End System of Engaging Students in Project Activities as a Tool to Ensure Education Quality. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2023;27(1): 42—49. (In Russ.) DOI: 10.15826/umpa.2023.01.005.
5. Makarenko E. A. Constructing a project-based educational environment at the university: from theoretical conceptualization to institutional implementation. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya*. 2025;6-9:216—224. (In Russ.) DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2025.06.09.025.
6. Anisimova T. I., Shatunova O. V., Sabirova F. M. STEAM-Education as Innovative Technology for Industry 4.0. *Nauchnyi dialog*. 2018;11:322—332. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2018-11-322-332.
7. Bochkov A. S., Tarasenko V. N., Orishev A. B. Student scientific communities as a special form of organization of interaction of student youth. *Biznes i dizain revyu*. 2021;3(23). (In Russ.) URL: <https://obe.ru/journal/vypusk-2021-g-3-23-sentyabr/boc-hkovar-a-s-tarasenko-v-n-orishev-a-b-studencheskie-nauchnye-obshchestva-kak-osobaya-forma-organizatsii-vzaimodejstviya-obuchayushhejsya-molodezhi/>.
8. Vildanov I. E. Features of the effectiveness of the creative environment of scientific and educational spaces in the aspect of methodology and technology of professional and personal development. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2024;1(66):475—481. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2024.66.926.
9. Lychagina A. G. Innovative project activity as a type of project activity in the context of professional training of future technology teachers. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2024;1(66):469—474. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2024.66.921.
10. Koniagina M. N., Dochkina A. A. To innovative economic development through the entrepreneurial education implementation in higher education institutions. *Arkhitektura universitetskogo obrazovaniya: postroenie edinogo prostranstva znanii = Architecture of university education: building a unified knowledge space. Proceedings of the IV National scientific and methodological conference with international participation*. Saint Petersburg, St. Petersburg State University of Economics, 2020;1: 296—306. (In Russ.)
11. Glagolev S. N., Altynnik N. I., Ignatov M. A. Innovative technological education at the university. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of higher education*. 2023;4:7—11. (In Russ.)
12. Gergert D. V., Artemyev D. G. Practical Implementation of Project-Based Learning at the University. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2019;23(4):116—131. (In Russ.) DOI: 10.15826/umpa.2019.04.033.
13. Panychev A. Yu., Pokrovskaya O. D., Drozdova M. A. Creation and Development of Engineering Entrepreneurship School: Industry University Experience. *Byulleten' rezul'tatov nauchnykh issledovaniy = Bulletin of scientific research results*. 2022;2: 7—33. (In Russ.) DOI: 10.20295/2223-9987-2022-2-7-33.
14. Science and Technology Indicators in the Russian Federation: 2025. Data Book. N. Anisimov, I. Vasilev, L. Gokhberg, Ya. Kuzminov (eds.). Moscow, HSE ISSEK publ., 2025. 396 p. (In Russ.)
15. Indicators of Education in the Russian Federation: 2025. Data Book. N. Anisimov, D. Afanasyev, I. Vasilev et al. (eds.). Moscow, HSE ISSEK publ., 2025. 452 p. (In Russ.)
16. Strel'tsova E. A., Repina A. A., Nesterenko A. V. University science: barriers and prospects. Newsletter. Moscow, HSE University publ., 2022. 32 p. (In Russ.) DOI: 10.17323/978-5-7598-2740-5.
17. Tierney W. G., Lanford M. Conceptualizing Innovation in Higher Education. *Higher Education: Handbook of Theory and Research*. Vol. 31. M. Paulsen (ed.). Cham, Springer, 2016. Pp. 1—40. DOI: 10.1007/978-3-319-26829-3_1.

Статья поступила в редакцию 23.12.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 19.01.2026.
The article was submitted 23.12.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья

УДК 796.412.24

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1539

Victoria Nikolaevna Markhakshinova

Senior lecturer of the Department of Theory
and Methodology of Gymnastics,
Russian University of Sport «GTSOLIFK»
Moscow, Russian Federation
mvn170@mail.ru

Alexandra Alexandrovna Suprun

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methodology of Rhythmic Gymnastics and Sports Dance,
Lesgaft National State
University of Physical Education,
Sports and Health
Saint Petersburg, Russian Federation
aleksandrass@mail.ru

Vera Valeryevna Borisova

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theory
and Methodology of Physical Culture,
Tula State
Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russian Federation
borisovav5@rambler.ru

Виктория Николаевна Мархакшинова

старший преподаватель кафедры теории
и методики художественной гимнастики,
Российский университет спорта «ГЦОЛИФК»
Москва, Российская Федерация
mvn170@mail.ru

Александра Александровна Супрун

канд. пед. наук,
доцент кафедры теории и методики
художественной гимнастики и спортивных танцев,
Национальный государственный
Университет физической культуры спорта
и здоровья имени П. Ф. Лесгафта
Санкт-Петербург, Российская Федерация
aleksandrass@mail.ru

Вера Валерьевна Борисова

канд. пед. наук,
доцент кафедры теории
и методики физической культуры,
Тульский государственный
педагогический университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Российская Федерация
borisovav5@rambler.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИКИ ВЫПОЛНЕНИЯ ЭЛЕМЕНТА «БУМЕРАНГ» С ЛЕНТОЙ В СИНЕРГИИ С ПОВОРОТОМ «ПАССЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГИМНАСТИКЕ

5.8.5 — Теория и методика спорта

Аннотация. В рамках представленного в статье исследования было проведено всестороннее изучение техники выполнения элемента «бумеранг» с лентой, в частности в синергии с поворотом «пассе». Целью работы являлась оптимизация данного элемента через анализ его кинематических параметров. Современные правила соревнований, действующие с 2025 по 2028 г., оценивают «бумеранг» с лентой по различным критериям, включая исполнение по полу (0,3 балла) и в воздухе (0,4 балла). В художественной гимнастике, где каждый элемент требует безупречного исполнения, особого внимания заслуживает комплексное выполнение, в частности сочетание «бумеранга» с лентой и поворота «пассе». Такая синергия представляет собой сложную задачу, требующую от спортсменки не только отточенной координации и точного чувствования времени, но и глубокого понимания законов движения ленты. Для достижения этой цели в рамках исследования был проведен детальный анализ кинематических параметров элемента. С помощью программы Kinevea, широко используемой для видеонализа, были измерены такие ключевые характеристики, как угол броска ленты (определяет начальное направление движения предмета), время полета

до наивысшей точки (характеризует продолжительность фазы подъема ленты), начальная скорость (задает энергию, с которой лента покидает руку спортсменки), высота полета (максимальная вертикальная амплитуда траектории ленты), дальность (горизонтальное расстояние, преодолеваемое лентой).

На основе проведенного анализа разработаны практические рекомендации по совершенствованию техники: варьирование угла броска в зависимости от скорости и требуемой высоты, фокусировка на увеличении времени полета для достижения большей высоты, совершенствование техники броска для достижения баланса между скоростью и углом, а также учет некинематических факторов, таких как артистизм и соответствие музыке. Исследование подтверждает, что оптимизация синергии «бумеранга» и поворота «пассе» требует комплексного подхода, предполагающего не только физическую подготовку, но и точный расчет траектории.

Ключевые слова: художественная гимнастика, лента, бумеранг, поворот «пассе», кинематические параметры, корреляционный анализ, физическая подготовка, техника исполнения, соревновательная программа, видеонализ, экспертная оценка, оптимизация техники

Для цитирования: Мархакшинова В. Н., Супрун А. А., Борисова В. В. Совершенствование техники выполнения элемента «бумеранг» с лентой в синергии с поворотом «пассе» в художественной гимнастике // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 470—476. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1539.

Original article

IMPROVING EXECUTION TECHNIQUE OF A BOOMERANG WITH A RIBBON
IN SYNERGY WITH A PASSÉ TURN IN RHYTHMIC GYMNASTICS

5.8.5 — Theory and methodology of sports

Abstract. *As part of this study, a comprehensive examination of the technique of performing a boomerang with a ribbon was conducted, particularly in synergy with a passé turn. The goal of this work was to optimize this element by analyzing its kinematic parameters. The current competition rules, which are valid from 2025 to 2028, evaluate a boomerang with a ribbon based on various criteria, including performance on the floor (0.3 points) and in the air (0.4 points). In rhythmic gymnastics, where each element requires impeccable execution, special attention should be given to the complex execution, particularly the combination of a boomerang with a ribbon and a passé turn. This synergy presents a challenging task that requires not only precise coordination and timing, but also a deep understanding of the laws of ribbon movement. To achieve this goal, a detailed analysis of the element's kinematic parameters was conducted. Using the Kinovea program, which is widely used for video analysis, the following key characteristics were measured: the angle of the ribbon's throw, which determines the initial direction of the object's movement; the time it takes to reach its highest*

point, which characterizes the duration of the ribbon's upward phase; the initial velocity, which sets the energy with which the ribbon leaves the athlete's hand; the height of the ribbon's flight, which represents the maximum vertical amplitude of the ribbon's trajectory; and the distance traveled by the ribbon. Based on the analysis, practical recommendations for improving the technique have been developed: varying the throw angle depending on the speed and required height, focusing on increasing the flight time to achieve greater height, improving the throw technique to achieve a balance between speed and angle, and considering non-kinematic factors such as artistry and musicality. The study confirms that optimizing the synergy between a boomerang and a passé turn requires a comprehensive approach that involves not only physical training, but also precise trajectory calculations and execution.

Keywords: *rhythmic gymnastics, ribbon, boomerang, passé turn, kinematic parameters, correlation analysis, physical conditioning, execution technique, competition program, video analysis, expert evaluation, technique optimization*

For citation: Markhakshinova V. N., Suprun A. A., Borisova V. V. Improving execution technique of a boomerang with a ribbon in synergy with a passé turn in rhythmic gymnastics. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026; 1(74):470—476. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1539.

Введение

Актуальность. Художественная гимнастика — это вид спорта, требующий от спортсменок не только высокой физической подготовки и артистизма, но и безупречного владения предметами. Одним из наиболее зрелищных и сложных элементов, выполняемых с лентой, является «бумеранг». Согласно правилам соревнований 2025—2028 гг. сложность «бумеранга» с лентой, выполняемого по полу в сочетании с элементом тела и дополнительными критериями, оценивается в 0,3 балла, а в воздухе — 0,4 балла. Количество таких элементов в соревновательных программах гимнасток высокого уровня, выступающих на Чемпионате Мира в 2025 г. и Чемпионате Санкт-Петербурга в 2026 г., достигало 3—5, что составляет значительную часть технической работы с предметом (от 18 до 25 %, $n = 56$). Наряду с другими сложными элементами, такими как спирали, «бумеранг» ленты требует высокой координации. В связи с этим актуален поиск путей оптимизации техники выполнения элемента «бумеранг» в художественной гимнастике. Освоение техники выполнения «бумеранга» лентой, например в синергии с поворотом «пассе» с броском движением назад (без зрительного контроля), будет способствовать освоению его и при выполнении профилирующих элементов [поворота свободная нога вперед, выпрямленная в горизонтальном положении; передний шпагат с помощью или без помощи; передний шпагат с наклоном туловища назад в горизонталь (180°)].

Изученность проблемы. Проведенный анализ научной литературы показывает, что тема совершенствования техники выполнения элементов с лентой в художественной гимнастике, в частности элемента «бумеранг», достаточно изучена, однако имеет свои нюансы и остается актуальной. Начальная точка исследования часто сво-

дится к необходимости оптимизации процесса освоения и совершенствования техники, особенно «элементов мастерства». Как показывают М. О. Мисникова, Е. Н. Медведева, И. В. Кивихарью [1], существует потребность в практико-ориентированных подходах, учитывающих сложность элементов и способствующих повышению общего качества и технической ценности упражнений с лентой. Однако само исполнение с лентой представляет собой одну из наиболее сложных дисциплин, о чем свидетельствуют работы В. Н. Надольской [2] и А. В. Виноградовой [3]. Гимнастки часто получают наименьшие оценки, что обусловлено высокой частотой ошибок. Это связано как со сложностью координации и исполнения «элементов трудности», так и с недостаточной надежностью выполнения, особенно бросковых действий на нестандартные расстояния. Для возрастных групп, переходящих на более высокие программы, лента становится одним из основных, но при этом самым ненадежным предметом.

Детальный анализ ошибок, проведенный Г. Н. Пшеничниковой, А. Д. Селезневой, Н. Г. Печеневской [4], а также Е. Д. Бернатовичюте и Е. А. Поздеевой [5], выявляет их типовой характер. К наиболее распространенным относятся: конец ленты на полу, нарушение техники рисунка и зацепление ленты за часть тела. Что крайне важно, эти ошибки напрямую связываются с причинами, кроющимися в физической подготовленности спортсменок: низкой амплитудой движений в суставах, выполнением движений на низкой скорости, слабым развитием силы мышц плечевого пояса и недостаточной подвижностью в плечевых и локтевых суставах.

Статья С. А. Ожигановой [6] подчеркивает важность изучения координационного профиля для успешного освоения «бумеранга». Исследование определяет веду-

щие координационные способности, обуславливающие формирование этого навыка. Это говорит об осознании необходимости систематического подхода к обучению, основанного на развитии конкретных физических качеств. Работа И. В. Кивихарью [7] акцентирует внимание на слабом уровне развития двигательной памяти как причине ошибок при выполнении элементов с лентой, в т. ч. «бумеранга». Исследование также выявляет, что ошибки часто связаны с темпо-ритмическими способностями, пространственной ориентацией и контролем движений. Статья А. А. Супрун, Е. Н. Медведевой, Н. Ю. Власовой, В. В. Борисовой [8] углубляет эту тему, проводя биомеханический анализ темпоритмической структуры элементов, включая «бумеранг», и предлагая рекомендации по музыкальному сопровождению. Это указывает на понимание того, что не только механическое выполнение, но и гармоничное соединение движений с музыкой играет ключевую роль.

Исследование М. С. Егоровой [9] фокусируется на компаративном анализе бросковых движений с разными предметами, что косвенно затрагивает понимание общих принципов выполнения бросков. Статья В. Д. Будниковой и Л. Т. Миннахметовой [10] анализирует структуру динамических элементов с вращениями, в т. ч. бросков без зрительного контроля. Вывод о надежности такого способа броска (30,77 %) говорит о признании его как актуального и широко используемого в соревновательной практике. Работа Г. Н. Пшеничниковой и А. Д. Селезневой [11] выявляет недостаточный уровень точности бросков ленты и пространственной точности движений руками, особенно у левой руки. В рамках исследования разработаны средства для совершенствования этих аспектов. Это подчеркивает важность развития не только силы, но и точности движений.

Статья Е. Н. Медведевой, А. А. Супрун, А. В. Гугулян [12] с использованием электромиографии анализирует мышечную активность при бросках, что дает понимание биомеханических основ выполнения элементов. Исследование Е. Н. Медведевой с соавторами [13] выявляет, что ловле уделяется большее значение с точки зрения оценки движений, и угловые характеристики играют важную роль, особенно в ловле ленты. П. Н. Никишина [14] детализирует фазы броска, акцентируя внимание на наращивании кинетической энергии и передаче импульса, что является фундаментальным для формирования траектории полета предмета. Статья Ж. С. Артемьевой [15] указывает на возможность повышения надежности исполнения и соревновательной результативности за счет формирования вариативности техники исполнения в усложненных условиях.

Низкое качество исполнения и высокая частота ошибок при работе с лентой являются системными и многоаспектными проблемами. Особую значимость приобретают не только совершенствование «элементов мастерства» и базовых бросков как основы всего упражнения, но и повышение надежности исполнения, особенно в условиях, отличающихся от привычных. Идентификация конкретных ошибок и установление их связи с недостаточной физической подготовленностью (сила, амплитуда, скорость) служат основой для разработки более эффективных методик.

Следовательно, исследование, фокусируясь на кинематических параметрах «бумеранга» в сочетании с поворотом «пассе», не только расширяет понимание биомеханики

элемента, но и напрямую отвечает на выявленные проблемы. Мы обосновываем необходимость работы над надежностью бросковых действий и устранением распространенных ошибок, таких как положение ленты на полу или потеря предмета, косвенно указывая на их связь с недостаточной амплитудой и скоростью движений. Выявленные корреляции открывают путь к разработке более точных и эффективных упражнений, нацеленных на устранение указанных физических дефицитов и, как следствие, на улучшение качества исполнения упражнений с лентой.

Целесообразность разработки темы исследования обусловлена необходимостью выявления и систематизации наиболее эффективных способов оптимизации техники выполнения «бумеранга» лентой в синергии с профилирующим поворотом «пассе», а знание кинематических параметров движений будет способствовать этому процессу. Предварительный анализ соревновательных программ высококвалифицированных гимнасток, выступающих на Чемпионате Мира, показал наличие ограничения вариативности выполнения рассматриваемого элемента; большого количества ошибок, допускаемых гимнастками при выполнении бумеранга лентой, особенно в координационной связи с поворотами.

Цель исследования — совершенствование техники выполнения «бумеранга» лентой движением назад (без зрительного контроля) в синергии с поворотом «пассе» на основе учета кинематических параметров движений.

Задачи исследования:

1. Уточнить и детализировать кинематические параметры движений, обеспечивающие рациональное выполнение «бумеранга» лентой в синергии с поворотом «пассе», с учетом выявленных корреляционных взаимосвязей (оптимальные значения угла, скорости и времени полета).
2. Разработать практические рекомендации и средства, направленные на оптимизацию соотношения ключевых кинематических параметров (угла броска, времени полета и начальной скорости), с целью повышения эффективности выполнения элемента.

Научная новизна. Выявлены и количественно оценены корреляционные взаимосвязи между кинематическими параметрами, определяющими успешное выполнение элемента «бумеранг» с лентой в синергии с поворотом «пассе». Разработаны практические рекомендации и средства, основанные на оптимизации соотношения кинематических параметров и включающая упражнения на развитие силы, координации и артистизма.

Теоретическая значимость исследования: результаты исследования вносят вклад в теорию и методику художественной гимнастики, расширяя представления о кинематических параметрах движений, обеспечивающих рациональный способ выполнения бумеранга лентой в синергии с поворотом «пассе» в художественной гимнастике.

Практическая значимость исследования: предложены конкретные практические рекомендации для тренеров и гимнасток, направленные на оптимизацию угла броска, времени полета, начальной скорости и других кинематических параметров. Включены упражнения с утяжеленными лентами, усложнение упражнения.

Основная часть

Методология исследования. Первоначальный этап исследования включал в себя количественный анализ и анализ вариативности выполнения «бумеранга» лентой

в соревновательной программе гимнасток высокого уровня. Всего было проанализировано 56 упражнений Чемпионата Мира (2025 г.) и Чемпионата Санкт-Петербурга (2026 г.). Следующий этап исследования включал в себя видеосъемку выполнения элемента «бумеранг» с лентой в сочетании с поворотом «пассе». Полученные видеоматериалы были подвергнуты детальному анализу с помощью специализированного программного обеспечения *Kinovea*. Данная программа позволила точно измерить следующие кинематические параметры:

- угол выпуска ленты относительно горизонтальной плоскости в момент броска ($^\circ$) — этот параметр дает представление о начальном направлении движения ленты и его соответствии оптимальной траектории;

- время достижения лентой наивысшей точки траектории (секунды) — данная величина является индикатором начальной вертикальной скорости и общего времени полета объекта.

На основе данных, полученных в результате видеонализа, с применением формул классической механики были рассчитаны ключевые физические характеристики полета ленты:

- начальная скорость (V_0 , м/с) — определяет силу броска и потенциал для достижения определенной высоты и дальности;

- высота полета (h , м) — результирующая вертикальной составляющей начальной скорости и скорости в высшей точке, показывающая максимальную амплитуду вертикального движения;

- дальность полета (L , м) — общая горизонтальная дистанция, преодолеваемая лентой, напрямую зависящая от горизонтальной составляющей начальной скорости;

- скорость полета в конце траектории (V , м/с) — позволяет оценить, насколько эффективно сохраняется кинетическая энергия ленты по ходу движения.

Экспертная оценка техники выполнения элемента «бумеранг» с лентой в синергии с поворотом «пассе» проводилась группой судей всероссийской категории (четыре эксперта). Экспертам были представлены видеоматериалы выполнения элемента, они давали оценку по заранее разработанной системе критериев, учитывающей как технические аспекты выполнения самого «бумеранга» (правильность формы, амплитуда, чистота ловли), так и его интеграцию с поворотом «пассе» (синхронность, контроль движения, плавность перехода).

Последовательное применение данных методов позволило получить комплексную картину как объективных физических характеристик движения ленты, так и субъективной экспертной оценки техники ее исполнения, что явилось основой для дальнейшего анализа и разработки рекомендаций по оптимизации техники выполнения элемента «бумеранг» с лентой в синергии с поворотом «пассе» в художественной гимнастике.

Результаты исследования. Анализ кинематических параметров для совершенствования техники выполнения элемента «бумеранг» с лентой в синергии с поворотом «пассе» в художественной гимнастике выявил различной степени корреляционных взаимосвязей (см. табл.).

Корреляционные взаимосвязи между кинематическими параметрами, обеспечивающими рациональный способ выполнения бумеранга лентой в синергии с поворотом «пассе» в художественной гимнастике ($N = 20$)

Показатели	Экспертная оценка (баллы)	Угол ($^\circ$)	t (с)	Угол (рад)	V_0 (м/с)	h (м)	L (м)	V (м/с)
Экспертная оценка (баллы)	1							
Угол ($^\circ$)	-0,09	1						
t (с)	0,25	0,56	1					
Угол (рад)	-0,09	1	0,56	1				
V_0 (м/с)	-0,05	-0,51	-0,42	-0,51	1			
h (м)	0,35	-0,07	0,81	-0,07	-0,07	1		
L (м)	0,11	0,44	0,13	0,44	-0,35	0,31	1	
V (м/с)	-0,05	-0,51	-0,42	-0,51	1	-0,07	-0,35	1

Примечание: угол ($^\circ$) — угол, под которым лента была выпущена относительно горизонтальной плоскости в момент броска; t (с) — время, которое требуется ленте, чтобы достичь наивысшей точки своей траектории; угол (рад) — значение угла броска; V_0 (м/с) — начальная скорость ленты в момент выпуска; h (м) — максимальная высота, на которую поднимется лента во время полета; L (м) — дальность полета ленты, т. е. расстояние, которое лента пролетит по горизонтали от точки выпуска до точки приземления; V (м/с) — скорость ленты в момент наивысшей точки своей траектории.

Так, существует умеренная положительная корреляция между углом броска и временем полета лентой, необходимым для достижения лентой наивысшей точки ее траектории ($r = 0,56$), что указывает на то, что чем больше угол броска, тем больше времени требуется ленте для достижения максимальной высоты. Это важно для синхронизации элемента с поворотом «пассе». Необходимо найти оптимальный угол, при котором время полета ленты достаточно для выполнения поворота без потери контроля над лентой.

Обнаружена сильная положительная корреляция ($r = 0,81$) между временем, которое лента проводит в полете, поднимаясь к своей верхней точке, и непосредственно высотой этого подъема. Это означает, что чем дольше лен-

та находится в воздухе, тем выше она взлетает. Такая высокая траектория ленты не только повышает зрелищность элемента, но и создает условия для более сложных вариаций, например, выполнения акцентированного поворота.

Выявлена отрицательная корреляция ($r = -0,51$) между начальной скоростью ленты и углом броска. Эта зависимость указывает на необходимость достижения баланса между этими двумя параметрами. Для достижения желаемой дальности или высоты полета при заданном угле броска, требуется соответствующая начальная скорость. Например, увеличение угла может потребовать снижения начальной скорости, чтобы лента не вылетала за пределы нужной траектории, и наоборот.

Для оптимизации угла броска и времени полета рекомендуется тренировать варьирование угла броска в зависимости от скорости ленты и требуемой высоты полета. Это предполагает выполнение бросков «бумеранг» с заданным временем полета, контролируемым секундомером; серии бросков с постепенным увеличением угла, отслеживая время полета и высоту; постоянную обратную связь от тренера или видеонализ для оценки соответствия траектории ленты и времени полета запланированному повороту. Для достижения оптимальной высоты полета рекомендуется сфокусироваться на увеличении времени полета ленты для достижения большей высоты при выполнении элемента. В связи с чем можно выполнять «бумеранг» лентой с акцентом на максимальную высоту полета; использовать облегченных лент для увеличения времени и высоты полета на этапе обучения; комплексы упражнений на развитие силы и координации, направленные на увеличение начальной скорости и контроль угла броска.

Баланс между скоростью и углом броска достигается посредством совершенствования техники броска, учитывая взаимосвязь между скоростью ленты и углом броска для достижения необходимой дальности и высоты полета. Выполнение серии бросков с различными сочетаниями угла и скорости, оценивая их влияние на дальность и высоту полета ленты будет способствовать достижению данного баланса. Также использование видеонализа для оценки техники броска и корректировки движения руки и корпуса и средств для развития чувства баланса и координации для точного контроля силы и угла броска позволит совершенствовать технику выполнения «бумеранга» лентой в синергии с поворотом «пассе».

Необходимо учитывать не только кинематические параметры, но и другие факторы, влияющие на оценку элемента, такие как артистизм, выразительность и соответствие музыки. В связи с этим рекомендуется выполнение элемента «бумеранг» с поворотом под музыку, обращая внимание на ритм и выразительность движений; выполнять видеонализ выступления с акцентом на соответствие движений и музыки, а также на общую эстетику и впечатление от выполнения элемента. Можно использовать утяжеленные ленты, усложнение упражнение.

Исходя из проведенного исследования были разработаны общие рекомендации для совершенствования техники выполнения элемента «бумеранг» с лентой в синергии

с поворотом «пассе» в художественной гимнастике: использование видеонализа для точной оценки техники выполнения элемента и выявления слабых мест; работа с тренером для получения обратной связи и корректировки техники; необходимо уделять внимание развитию силы, гибкости, координации и равновесия; практиковать элемент «бумеранг» с поворотом в различных комбинациях и соединениях, чтобы развить чувство ритма и импровизации.

Успешное исполнение элемента «бумеранг» с лентой в синергии с поворотом «пассе» достигается не за счет максимизации отдельных кинематических показателей, а благодаря их оптимальному сочетанию. Анализируя взаимосвязи между такими параметрами, как угол броска, начальная скорость, время полета и высота, можно сформулировать конкретные рекомендации для улучшения техники.

Заключение

Данное исследование, направленное на совершенствование техники выполнения комплексного элемента «бумеранг» с лентой и поворотом «пассе», подчеркивает важность анализа кинематических параметров для оптимизации исполнения. Интеграция движения ленты с поворотом спортсменки требует высокой координации и точности. Использование видеонализа с программой *Kinovea* позволило измерить и оценить ключевые параметры (угол броска, время полета, скорость, высота, дальность), выявив существенные взаимосвязи.

Исследование подтверждает, что для достижения высокого уровня мастерства в данном элементе необходимо стремиться не к максимальным значениям отдельных показателей, а к их гармоничному сочетанию. Такое сочетание позволяет не только технически безупречно выполнить сложный элемент, но и органично вписать его в общую хореографию выступления. Полученные выводы напрямую влияют на тренировочный процесс, позволяя более целенаправленно работать над техникой, устранять недостатки и повышать общее качество исполнения.

Следуя этим рекомендациям, гимнастки смогут значительно улучшить свою технику выполнения элемента «бумеранг» с лентой в синергии с поворотом «пассе», что в свою очередь приведет к росту оценок и повышению конкурентоспособности на соревнованиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мисникова М. О., Медведева Е. Н., Кивихарью И. В. Совершенствование техники фундаментальных движений с лентой на «элементах мастерства» в художественной гимнастике // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2021. № 5(195). С. 252—256.
2. Надольская В. Н. Вариативность фундаментальной работы лентой на элементах «Трудности предмета» в художественной гимнастике // Научные исследования и разработки в спорте : вестн. аспирантуры и докторантуры. СПб. : Нац. гос. Ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 2025. Вып. 33. С. 72—78.
3. Виноградова А. В. Факторы, влияющие на надежность бросковых действий с лентой в художественной гимнастике // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с междунар. участием : в 3 т. Казань : Поволж. гос. акад. физ. культуры, спорта и туризма, 2019. Т. 2. С. 369—371.
4. Пшеничникова Г. Н., Селезнева А. Д., Печеневская Н. Г. Проблема совершенствования упражнений с лентой у мастеров спорта в художественной гимнастике // OlymPlus. Гуманитарная версия. 2017. № 1(4). С. 27—31.
5. Бернатовичюте Е. Д., Поздеева Е. А. Типичные ошибки в технике исполнения движений с лентой у КМС в художественной гимнастике // Образовательная система: время перемен : сб. науч. тр. Казань : СитИвент, 2019. С. 173—177.
6. Ожиганова А. С. Формирование базовых навыков выполнения «бумеранга» лентой в художественной гимнастике в соответствии с координационным профилем упражнений // Научные исследования и разработки в спорте : вестн. аспирантуры и докторантуры. СПб. : Нац. гос. Ун-т физ. культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, 2024. Вып. 32. С. 32—36.

7. Кивихарью И. В. современное состояние и способы развития двигательной памяти для повышения качества выполнения технических элементов с лентой в художественной гимнастике // Психология человека и общества. 2024. № 5(69). С. 22—28.
8. Супрун А. А., Медведева Е. Н., Власова Н. Ю., Борисова В. В. Биомеханический анализ темпоритмической структуры движений предмета в художественной гимнастике: от теории к практике (с рекомендациями по музыкальному сопровождению) // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 2(71). С. 426—433. DOI: 10.25683/VOLBI.2025.71.1296.
9. Егорова М. С. Компаративный анализ выполнения бросков с обручем и лентой на элементах «трудности предмета» // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2024. № 10(236). С. 157—160.
10. Будникова В. Д., Миннахметова Л. Т. Анализ динамических элементов с вращением у высококвалифицированных гимнасток // Проблемы и перспективы физического воспитания, спортивной тренировки и адаптивной физической культуры : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : в 2 т. Казань : Поволж. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2025. Т. 1. С. 165—169.
11. Пшеничникова Г. Н., Селезнева А. Д. Средства совершенствования упражнений с лентой в художественной гимнастике у спортсменок высших разрядов // Международные спортивные игры «Дети Азии» — фактор продвижения идей Олимпизма и подготовки спортивного резерва : материалы междунар. науч. конф., посвящ. 20-летию I Междунар. спорт. игр «Дети Азии» и 120-летию Олимп. движения в стране. Якутск : Чурапч. гос. ин-т физ. культуры и спорта, 2016. С. 461—463.
12. Медведева Е. Н., Супрун А. А., Гугулян А. В. Качество работы неприоритетной рукой при выполнении бросковых действий предмета как фактор композиционного совершенства соревновательной программы группового упражнения в художественной гимнастике // Физическая культура и спорт в образовательном пространстве: инновации и перспективы развития : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена, 2020. Т. 1. С. 322—329.
13. Факторы сложности сохранения равновесия с броском предмета в художественной гимнастике / Е. Н. Медведева, Р. Н. Терехина, Е. С. Крючек и др. // Вестник спортивной науки. 2019. № 5. С. 16—20.
14. Никишина П. Н. Сравнительный анализ бросковых действий способом махом со скакалкой и лентой // Актуальные проблемы теории и практики физической культуры, спорта и туризма : материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, магистрантов и студентов с междунар. участием, прошедшей в рамках Десятилетия науки и технологий : в 3 т. Казань : Поволж. гос. ун-т физ. культуры, спорта и туризма, 2023. Т. 2. С. 496—497.
15. Артемьева Ж. С. Совершенствование техники упражнения с лентой у высококвалифицированных спортсменок в художественной гимнастике // Омские научные чтения : материалы VI Всерос. науч. конф. : в 2 ч. Омск : Ом. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, 2024. Ч. 2. С. 691—697.

REFERENCES

1. Misnikova M. O., Medvedeva E. N., Kiviharyu I. V. Improvement of fundamental movement technique with ribbon on the “elements of excellence” in rhythmic gymnastics. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2021;5(195): 252—256. (In Russ.)
2. Nadolskaya V. N. Variability of fundamental tape work on the elements of “Subject difficulties” in rhythmic gymnastics. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki v sporte = Scientific research and development in sports. Bulletin of postgraduate and doctoral studies*. Saint Petersburg, Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health publ., 2025; 33:72—78. (In Russ.)
3. Vinogradova A. V. Factors influencing the reliability of throws with a ribbon in rhythmic gymnastics. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma = Actual problems of theory and practice of physical culture, sports and tourism. Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical conference of young scientists, graduate students, undergraduates and students with international participation*. Kazan, Volga Region State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism publ., 2019;2:369—371. (In Russ.)
4. Pshenichnikova G. N., Selezneva A. D., Pechenevskaya N. G. Problem of improving ribbon routines for masters of sports in rhythmic gymnastics. *OlymPlus. Gumanitarnaya versiya = OlymPlus. Humanitarian version*. 2017;1(4):27—31. (In Russ.)
5. Bernatavichyute E. D., Pozdeeva E. A. Typical mistakes in the technique of performing movements with a KMS ribbon in rhythmic gymnastics. *Obrazovatel'naya sistema: vremya peremen = Educational system: time of change. Collection of scientific papers*. Kazan, SitIvent, 2019:173—177. (In Russ.)
6. Ozhiganova A. S. Formation of basic skills of performing a “boomerang” with a ribbon in rhythmic gymnastics in accordance with the coordination profile of exercises. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki v sporte = Scientific research and development in sports. Bulletin of postgraduate and doctoral studies*. Saint Petersburg, Lesgaft National State University of Physical Education, Sports and Health publ., 2024;32:32—36. (In Russ.)
7. Kivikharyu I. V. the current state and ways of developing motor memory to improve the quality of performing technical elements with a ribbon in rhythmic gymnastics. *Psikhologiya cheloveka i obshchestva = Psychology of human and society*. 2024;5(69):22—28. (In Russ.)
8. Suprun A. A., Medvedeva E. N., Vlasova N. Yu., Borisova V. V. Biomechanical analysis of the tempo-rhythmic structure of movements of the apparatus in rhythmic gymnastics: from theory to practice (with recommendations on musical accompaniment). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2025;2(71):426—433. (In Russ.) DOI 10.25683/VOLBI.2025.71.1296.
9. Egorova M. S. Comparative analysis of the execution of throws with a hoop and a ribbon on the “difficulty of the apparatus” elements. *Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*. 2024;10(236):157—160. (In Russ.)

10. Budnikova V. D., Minnakhmetova L. T. Analysis of dynamic elements with rotation in highly qualified gymnasts. *Problemy i perspektivy fizicheskogo vospitaniya, sportivnoi trenirovki i adaptivnoi fizicheskoi kul'tury* = *Problems and prospects of physical education, sports training and adaptive physical culture. Proceedings of the VI All-Russian Scientific and practical conference with international participation*. Kazan, Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism publ., 2025;1:165—169. (In Russ.)
11. Pshenichnikova G. N., Seleznyova A. D. Methods for improving ribbon routines for higher-class female rhythmic gymnasts. *Mezhdunarodnye sportivnye igry «Deti Azii» — faktor prodvizheniya idei Olimpizma i podgotovki sportivnogo rezerva* = *International sports games “Children of Asia” as a factor of promotion the ideas of Olympism and preparation of the sports reserve. Materials of international scientific conference devoted to the 20th anniversary of the I International sports games “Children of Asia” and 120th anniversary of Olympism movement in Russia*. Yakutsk, Churapcha State Institute of Physical Education and Sports publ., 2016:461—463. (In Russ.)
12. Medvedeva E. N., Suprun A. A., Gugulyan A. V. The quality of work with a non-priority hand when performing throws of apparatus as a factor of compositional perfection of a competitive group exercise program in rhythmic gymnastics. *Fizicheskaya kul'tura i sport v obrazovatel'nom prostranstve: innovatsii i perspektivy razvitiya* = *Physical culture and sport in the educational space: innovations and development prospects. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia publ., 2020;1:322—329. (In Russ.)
13. Medvedeva E. N., Terekhina R. N., Kryuchek E. S. et al. Complexity factors of conservation of equilibrium with a throw of the object in rhythmic gymnastics. *Vestnik sportivnoi nauki* = *Sports science bulletin*. 2019;5:16—20. (In Russ.)
14. Nikishina P. N. Comparative analysis of throws with a swing with a rope and a ribbon. *Aktual'nye problemy teorii i praktiki fizicheskoi kul'tury, sporta i turizma* = *Actual problems of theory and practice of physical culture, sports and tourism. Proceedings of the XI All-Russian scientific and practical conference of young scientists, graduate students, undergraduates and students with international participation, held within the framework of the Decade of Science and technologies*. Kazan, Volga Region State University of Physical Culture, Sports and Tourism publ., 2023;2:496—497. (In Russ.)
15. Artemeva Zh. S. Improving the technique of ribbon exercises for highly qualified female athletes in rhythmic gymnastics. *Omskie nauchnye chteniya* = *Omsk scientific readings. Proceedings of the VI All-Russian scientific conference*. Omsk, Dostoevsky Omsk State University publ., 2024;2:691—697. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 06.01.2026; одобрена после рецензирования 24.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 06.01.2026; approved after reviewing 24.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Научная статья

УДК 372.881.1

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1536

Elizaveta Antonovna MikhailovaMaster's Student of the Chinese Language Department,
field of training44.03.01 — Pedagogical education,
profile “Chinese Language Teacher”,
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
yelizaveta_mikhaylova_2002@bk.ru**Oksana Leonidovna Anisova**Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Chinese Language Department
of the Institute of Foreign Languages,
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
AnisovaOL@mgpu.ru**Елизавета Антоновна Михайлова**магистрант кафедры китайского языка,
направление подготовки44.03.01 — Педагогическое образование,
профиль «Учитель китайского языка»,
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
yelizaveta_mikhaylova_2002@bk.ru**Оксана Леонидовна Анисова**канд. пед. наук,
доцент кафедры китайского языка
Института иностранных языков,
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
AnisovaOL@mgpu.ru**ДИДАКТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КИТАЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ
В РАЗВИТИИ АУДИТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ ЯЗЫКОВОГО ВУЗА**

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Статья посвящена исследованию дидактического потенциала китайских социальных сетей как инструмента развития аудитивной компетенции студентов языковых вузов. Предметом изучения выступают ведущие национальные платформы: Bilibili, Xiaohongshu и Douyin. Цель работы заключается в выявлении, систематизации и сравнительном анализе их образовательных возможностей для теоретического обоснования интеграции в учебный процесс. Исследование базируется на гипотезе о том, что данные платформы, обладая типологическим разнообразием, формируют комплементарную аутентичную среду, способствующую целостному развитию аудитивных навыков. Методологическую основу составили сравнительный анализ и систематизация, осуществляемые с помощью авторской системы критериев, оценивающих лингвистические, содержательные, технико-функциональные и прагматические аспекты контента применительно к компонентам аудитивной компетенции (когнитивному, операциональному, личностному). В результате исследования выявлены и сопоставлены уникальные дидактические профили каждой платформы. Установлено, что Bilibili наиболее эффективна

для развития умений восприятия развернутой монологической речи, Xiaohongshu — для понимания прагматических высказываний в оценочно-рекомендательном регистре, а Douyin — для распознавания спонтанной диалогической речи и сленга. Определены ключевые риски и ограничения, связанные с использованием неподготовленного контента, и предложены методические принципы их минимизации. Полученные результаты имеют практическую значимость для совершенствования методики преподавания китайского языка в высшей школе и могут быть использованы для разработки учебных заданий и интеграции аутентичных цифровых ресурсов в аудиторную и самостоятельную работу. Ограничением исследования является необходимость дальнейшей эмпирической апробации предлагаемых принципов. Перспективным видится создание учебно-методических комплексов на основе контента исследуемых платформ для различных уровней языковой подготовки.

Ключевые слова: дидактический потенциал, социальная сеть, аудитивная компетенция, китайский язык, обучение аудированию, Bilibili, Xiaohongshu, Douyin, аутентичные материалы, цифровые образовательные ресурсы

Для цитирования: Михайлова Е. А., Анисова О. Л. Дидактический потенциал китайских социальных сетей в развитии аудитивной компетенции студентов языкового вуза // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 477—484. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1536.

Original article**DIDACTIC POTENTIAL OF CHINESE SOCIAL NETWORKS
IN DEVELOPING AUDITIVE COMPETENCE AMONG LINGUISTIC UNIVERSITY STUDENTS**

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The article is devoted to the study of the didactic potential of Chinese social networks as a tool for developing auditive competence in linguistic university students.

The subject of the study is the leading national platforms: Bilibili, Xiaohongshu, and Douyin. The aim of the work is to identify, systematize, and comparatively analyze their

educational capabilities to provide a theoretical basis for integration into the educational process. The research is based on the hypothesis that these platforms, having typological diversity, form a complementary authentic environment that contributes to the holistic development of auditive skills. The methodological basis consists of comparative analysis and systematization, carried out using an author's system of criteria that assesses linguistic, content-related, technical-functional, and pragmatic aspects of content in relation to the components of auditive competence (cognitive, operational, personal). As a result of the study, the unique didactic profiles of each platform are identified and compared. It is established that Bilibili is most effective for developing skills in perceiving extended monologue speech, Xiaohongshu — for understanding pragmatic utterances in an evaluative-recommendatory register, and Douyin — for recog-

nizing spontaneous dialogical speech and slang. Key risks and limitations associated with the use of unadapted content are identified, and methodological principles for their minimization are proposed. The obtained results have practical significance for improving the methodology of teaching Chinese in higher education and can be used to develop teaching assignments and integrate authentic digital resources into classroom and independent work. A limitation of the study is the need for further empirical testing of the proposed principles. A promising direction is the creation of teaching materials based on the content of the studied platforms for various levels of language proficiency.

Keywords: didactic potential, social network, auditive competence, Chinese language, teaching listening, Bilibili, Xiaohongshu, Douyin, authentic materials, digital educational resources

For citation: Mikhailova E. A., Anisova O. L. Didactic potential of Chinese social networks in developing auditive competence among linguistic university students. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):477—484. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1536.

Введение

Актуальность. Развитие иноязычной аудитивной компетенции представляет собой одну из наиболее сложных задач в лингводидактике. Данное утверждение особенно актуально для китайского языка, специфика которого — тональная система и высокий темп спонтанной речи. В связи с этим исследователи отмечают, что эффективное освоение иностранного языка предполагает дополнение активных занятий пассивным изучением, под которым понимается произвольное получение и актуализация языкового материала через погружение в аутентичный контент [1].

В соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (2022) студенты должны приобрести соответствующую группу компетенций, одной из которой является осуществление деловой коммуникации в устной и письменной формах на иностранном языке (УК-4). Однако анализ учебных пособий, которые используют при обучении китайскому языку в российских вузах, показал, что на данный момент в современных учебниках для студентов уделено недостаточное внимание материалам, направленным на развитие иноязычной аудитивной компетенции. На наш взгляд, восполнить данный методический пробел возможно за счет целенаправленного использования аутентичных материалов, не создававшихся для обучения, но объективно содержащих необходимый языковой материал.

Как отмечают Е. В. и Ю. В. Мещеряковы, длительная и систематическая работа с аутентичными ресурсами позволяет сформировать аудитивную компетенцию, адаптируя обучаемого к естественным параметрам иноязычной речи: темпу, интонации, акцентам [2]. В условиях современной цифровой трансформации социальные медиа, созданные носителями языка для повседневной коммуникации, формируют уникальную и неисчерпаемую базу аутентичных материалов.

Вместе с тем цифровизация образования представляет собой противоречивый процесс, характеризующийся разнонаправленными тенденциями. С одной стороны, она несет риски прагматизации, стандартизации и смещения акцен-

та с творческого познания на инструктивное обучение. С другой стороны, как отмечает В. А. Гончарова, именно в цифровой среде возникают новые возможности для индивидуализации, доступа к глобальным ресурсам и формирования субъектности обучающегося [3]. В этом контексте изучение дидактического потенциала аутентичных китайских социальных сетей представляет собой попытку реализовать позитивный вектор цифровизации, направленный на создание персонализированной и мотивирующей образовательной среды.

Перед преподавателями китайского языка российских вузов приобретает особую значимость поиск эффективных средств в контексте профессиональной подготовки учителей. Как отмечается в исследовании О. А. Малых и В. А. Курдюмова, существующая система сталкивается с дефицитом педагогических кадров, а идеальный портрет учителя предполагает не только глубокое знание языка, но и владение современными, в т. ч. цифровыми, методами, способность поддерживать автономию обучающихся и обеспечивать их аутентичными материалами [4]. В этом свете подробный анализ популярных социальных сетей в Китае и выявление возможностей их использования для развития аудитивной компетенции будущих специалистов китайского языка представляется актуальной задачей, направленной на оснащение преподавателей и студентов конкретным инструментом для работы с живой, актуальной речью и реализации личностно-ориентированного подхода.

Изученность проблемы. Теоретические основы формирования иноязычной аудитивной компетенции подробно разработаны в отечественной методике. Данный вопрос рассматривается в фундаментальных трудах Е. В. и Ю. В. Мещеряковых [2], С. И. Прокопьевой [5], Д. Тохировой [6], Е. Б. Быстрой [7]. Вместе с тем исследователи констатируют методический пробел, связанный с дефицитом современных аутентичных материалов для развития аудирования, особенно в контексте специфики китайского языка, что отмечено в работах Ж. Б. Голосовой [8], С. А. Капсаргиной [9].

В современной науке рассматривается целенаправленное использование цифровых аутентичных ресурсов, не создававшихся для обучения, но объективно содержащих

необходимый языковой материал. Эффективность такого подхода находит отражение в исследованиях Е. А. Солянка [10], Б. Сюй [11], А. С. Исаева [12], Н. И. Липляниной [13], П. Е. Скок [14], С. В. Паниной [15], посвященных интеграции цифровых платформ в лингводидактику. Тем не менее, несмотря на значительное количество работ, посвященных общему потенциалу цифровых инструментов, дидактические возможности именно национальных китайских социальных сетей (*Bilibili*, *Xiaohongshu*, *Douyin*) для развития аудитивной компетенции студентов исследованы в недостаточной мере.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью преодоления существующего методического разрыва между стремительной цифровизацией коммуникативного пространства Китая и традиционными подходами к обучению аудированию в российской высшей школе. Системный анализ и структурирование дидактических возможностей китайских цифровых платформ позволят обосновать целесообразность внедрения необразовательных онлайн-платформ в образовательную среду с целью развития аудитивной компетенции у студентов.

Научная новизна заключается в разработке оригинальной сопоставительной типологии дидактических профилей популярных китайских цифровых платформ (*Bilibili*, *Xiaohongshu*, *Douyin*), а также в выявлении их возможностей целенаправленно развивать когнитивный, операциональный и личностный компоненты аудитивной компетенции. Данный подход позволит дополнить теоретические положения о профессиональной языковой подготовки будущих специалистов китайского языка.

Цель исследования заключается в выявлении, систематизации и сравнении дидактических возможностей китайских социальных сетей как образовательных ресурсов для теоретического обоснования их использования в развитии аудитивной компетенции студентов.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи**:

1. Выявить и проанализировать ключевые жанрово-лингвистические особенности контента ведущих китайских социальных сетей *Bilibili*, *Xiaohongshu*, *Douyin*, значимые для обучения аудированию.
2. Определить и сравнить дидактические возможности каждой из анализируемых платформ для развития различных аспектов аудитивной компетенции.
3. Оценить практические ограничения и риски, связанные с использованием данных платформ в академическом контексте языкового вуза.
4. Систематизировать и обобщить выявленные возможности для формулирования практических рекомендаций по их интеграции в учебный процесс.

Теоретическая значимость исследования заключается в структурировании и углублении научных представлений о феномене социальных сетей как лингводидактического ресурса, направленного на развитие аудитивной компетенции студентов.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания китайского языка в рамках совершенствования методики развития аудитивной компетенции студентов-лингвистов на основе аутентичных материалов социальных сетей.

Основная часть

Предлагаемый подход к интеграции социальных сетей в учебный процесс согласуется с современным взглядом на эффективное образование как на синергию традиционных педагогических методов и цифровых инструментов [16]. В данном случае аутентичный контент платформ становится не заменой учебнику, а мощным дополнением, обогащающим традиционные форматы работы над аудированием. Разрешение противоречия между богатством аутентичных материалов в социальных сетях и отсутствием методики их использования требует научного осмысления опоры на теоретическое понятие «дидактический потенциал». Поскольку это понятие не имеет устоявшегося определения, вслед за Ю. Б. Костяковой и А. А. Андрияновым мы понимаем под ним совокупность методов, средств и форм обучения, отбираемых и конструируемых с целью достижения конкретных образовательных результатов в соответствии с принципами современного образования (открытость, вариативность, диалогичность и др.) [17]. В рамках данного исследования дидактический потенциал социальных сетей рассматривается применительно к достижению конкретной образовательной цели — развитию иноязычной аудитивной компетенции. С. И. Прокöpfeва трактует иноязычную аудитивную компетенцию как готовность воспринимать иноязычную речь и способность понимать содержание аутентичных сообщений в контексте поставленных учебных задач [5]. Это определение подчеркивает прагматическую сущность компетенции: ее формирование неразрывно связано с работой над аутентичными материалами, имеющими конкретную коммуникативную цель.

В современных условиях именно цифровые платформы становятся основным источником языкового контента, отражающего живую, актуальную речь. Для реализации данной дидактической цели необходим осмысленный выбор конкретных ресурсов. Аудирование как вид речевой деятельности представляет собой не пассивный, а активный и сложный процесс. Акт слушания включает комплекс аффективных, когнитивных и поведенческих процессов. Формирование аудитивной компетенции, таким образом, требует развития не только операциональных умений (слышать и декодировать речь), но и личностного компонента (мотивации, готовности) и когнитивных стратегий (антиципации, выделения смысловых блоков). Таким образом, для анализа были выбраны три ведущие китайские платформы: *Xiaohongshu*, *Bilibili* и *Douyin*. Выбор данных онлайн-ресурсов в качестве объекта анализа обусловлен не только их доминирующим положением в цифровом пространстве Китая, но и их принципиальной типологической разнородностью. Каждая из платформ представляет собой уникальную коммуникативную экосистему с преобладающими форматами контента, что в совокупности позволяет охватить ключевые регистры современной китайской речи. С лингвистической точки зрения, аутентичный пользовательский контент в цифровой среде обладает рядом отличительных черт. Если для письменных блогов характерно сознательное использование разговорного стиля, экспрессивной лексики и эллиптических конструкций [10], то в видеоблогах и коротких клипах эти черты усугубляются за счет паралингвистических средств (интонация, темп, жесты) и приобретают первостепенное значение

для понимания спонтанной речи, что представляет особую ценность для тренировки аудирования. Именно эти особенности формируют уникальный лингвистический профиль каждой из анализируемых платформ.

Онлайн-площадка *Bilibili* (рис. 1) занимает особое место в медийной экосистеме Китая, позиционируясь не просто как видеохостинг, а как социальная сеть для молодежи, преимущественно поколения Z. Изначально созданная в 2009 г. как нишевая платформа для любителей аниме и манги (отсюда и название, отсылающее к японскому термину *bilibili*), она эволюционировала в одну из самых влиятельных площадок для длинного, тематически сфокусированного видеоконтента. Ключевой особенностью платформы *Bilibili* является ее ориентация на формирование сообществ вокруг глубокого и качественного контента. В отличие от платформ с акцентом на ультракороткие ролики, здесь преобладают форматы средней и большой длительности: подробные обзоры (на технику, игры, фильмы), образовательные лекции и видеоуроки, научно-популярные объяснения, документальные расследования и др.

Рис. 1. Онлайн-площадка *Bilibili*

Платформа *Xiaohongshu*, также известная как *RedNote* (рис. 2), представляет собой один из ключевых цифровых ресурсов современного Китая. Согласно анализу Н. И. Липляниной, изначально созданная в 2013 г. как платформа для обмена опытом зарубежного шопинга, за десятилетие она трансформировалась в многофункциональное пространство, где пользователи активно делятся практическими знаниями, личным опытом и рекомендациями в формате т. н. *Notes* — визуально ориентированных публикаций, сочетающих текст, изображения и видео [13]. В отличие от платформ, где доминирует развлекательный короткий видеоконтент, *Xiaohongshu* позиционируется как сообщество, построенное на обмене полезной и структурированной информацией. Это отражается в широком спектре тем — от подробных рецептов и обзоров косметики до советов по образованию и путешествиям. Такая ориентация на пользовательский контент, нацелена на решение конкретных жизненных задач и формирует уникальную лингвистическую среду. В коммуникации преобладает оценочная, рекомендательная и описательная речь. Это делает платформу идеальным ресурсом для наблюдения за тем, как носители языка аргументируют свою точку зрения, выражают предпочтения и дают советы в неформальном, но структурированном контексте.

Рис. 2. Платформа *Xiaohongshu*

Платформа *Douyin* (рис. 3), известная на международном рынке как *TikTok*, входит в число наиболее популярных социальных сетей Китая, занимая устойчивую позицию в первой «десятке» рейтингов [12]. Ее ключевая специализация — создание и распространение коротких видеороликов. Аудиторию платформы составляют преимущественно молодые пользователи, которые выступают не только как потребители, но и как активные создатели контента, чему способствует интуитивно понятный интерфейс и богатый набор встроенных инструментов для монтажа и наложения спецэффектов. С методической точки зрения, дидактический потенциал *Douyin* заключается в уникальной лингвистической среде, которую формирует ее контент. Видеоролики на платформе представляют собой образцы спонтанной, эмоционально окрашенной, диалогической речи, насыщенной актуальным сленгом, культурными отсылками и невербальными компонентами коммуникации (жесты, интонация, визуальные эффекты). Важным методическим фактором является алгоритмическая природа платформы, которая, адаптируя контент под интересы пользователя, позволяет выстраивать персонализированную траекторию аудитивной практики, постепенно повышая сложность и разнообразие воспринимаемых речевых образцов.

Рис. 3. Платформа *Douyin*

Для системного и сопоставимого анализа дидактического потенциала выбранных платформ (*Bilibili*, *Xiaohongshu*, *Douyin*) в контексте развития аудитивной компетенции необходимо универсальная система критериев, которая позволяет исследовать каждую платформу по единой схеме, фокусируясь на ключевых параметрах, непосредственно влияющих на процесс обучения аудированию. Понимание аудитивной компетенции как комплексного образования, вслед за Е. Б. Быстрой с соавторами, предполагает выделение в ее структуре трех взаимосвязанных компонентов: когнитивного, (включает знание способов организации устной речи (монолог, диалог), социокультурных особенностей лингвокультурного сообщества и законов построения дискурса), операционального (предполагает владение умениями осуществлять аудирование с глобальным, детальным и выборочным пониманием, а также использовать стратегии и тактики устного дискурса) и личностного (выражается в готовности и способности к саморазвитию, самообразованию и самооценке в процессе овладения языком). Эффективное развитие каждого из этих компонентов в современной образовательной среде напрямую связано с использованием аутентичных материалов, обладающих культурологической, ситуативной и информационной достоверностью [7]. В качестве инструментария анализа были разработаны и обоснованы четыре интегральных критерия, охватывающих лингвистические, содержатель-

ные, технологические и мотивационные аспекты взаимодействия с контентом. Каждый критерий направлен на оценку потенциала платформы для развития одного или нескольких структурных компонентов аудитивной компетенции.

1. *Лингвистический критерий* оценивает потенциал для формирования когнитивного и операционального компонентов через анализ речевых особенностей.

2. *Жанрово-содержательный критерий* позволяет оценить вклад в когнитивный компонент через тематику и в операциональный через разнообразие форматов.

3. *Технико-функциональный критерий* определяет возможности для развития операционального компонента и поддержки личностного компонента за счет инструментов автономной работы.

4. *Прагматический критерий* оценивает потенциал для развития личностного компонента через вовлеченность и актуальность контента.

Результаты исследования. На основании представленных теоретических положений и оценочного инструментария осуществим сравнительный анализ дидактических профилей выбранных платформ (см. табл.). Цель анализа — выявление специфики и потенциала каждой цифровой среды для развития компонентов аудитивной компетенции (когнитивного, операционального, личностного) в соответствии с заданными критериями.

Сравнительный анализ дидактических профилей

Критерий анализа	<i>Bilibili</i>	<i>Xiaohongshu</i>	<i>Douyin</i>
Лингвистический	Длинная монологическая речь, умеренный/быстрый темп, сложная и специальная лексика	Краткий монолог-описание/диалог, умеренный темп, оценочная и бытовая лексика	Спонтанный диалог, очень быстрый темп, разговорный сленг, эллиптические конструкции
Жанрово-содержательный	Лекции, обзоры, документалистика, стримы. Темы: наука, культура, технологии, хобби	Обзоры, рекомендации, лайфстайл-блоги. Темы: красота, путешествия, еда, шопинг	Ультракороткие клипы, скетчи, челленджи, тренды. Темы: юмор, танцы, повседневная жизнь, мемы
Технико-функциональный	Субтитры, регулировка скорости, пауза, система наложенных комментариев	Субтитры, пауза, встроенный перевод, тематические коллекции	Субтитры (часто автоматические), пауза, простое редактирование, алгоритмическая лента
Прагматический	Моделирует ситуации академического/экспертного общения. Высокая вовлеченность через сообщество	Моделирует ситуации совета, рекомендации, обмена опытом. Высокая мотивация через личную пользу	Моделирует ситуации спонтанного повседневного общения. Высокая вовлеченность через развлечение и тренды

Исходя из проведенного анализа, дидактический потенциал *Bilibili* направлен преимущественно на развитие когнитивного и операционального компонентов аудитивной компетенции. Контент платформы обеспечивает формирование знаний о структурах публичной монологической речи и профессиональной лексики, а также способствует выработке умений воспринимать, анализировать и критически осмысливать развернутые информационные сообщения. *Bilibili* моделирует аутентичную среду для подготовки студентов к профессиональной коммуникации и восприятию сложной речи.

Основная образовательная ценность *Xiaohongshu* состоит в развитии тех же компонентов, но в ином коммуникативном регистре. Платформа, насыщенная оценочными высказываниями и стратегиями убеждения, расширяет знания студентов о функционировании языка в реальных прагматических ситуациях (например, как дать совет, выразить мнение, повлиять на выбор). Одновременно она формирует конкретные аудитивные умения: распознавать на слух интенции говорящего, отделять факты от оценок и критически анализировать аргументацию в рамках знакомых бытовых и социокультурных тем.

Ключевой дидактический потенциал *Douyin*, в свою очередь, заключается в преимущественном развитии операционального компонента через погружение в среду спонтанной речи. Платформа целенаправленно формирует умения, необходимые для понимания естественного диалога: быстрое декодирование смысла на основе контекста, распознавание интонационных моделей и невербальных сигналов, а также языковую догадку. Опосредованно контент *Douyin* обогащает и когнитивный компонент, знакомя студентов с живыми формами современного разговорного языка, его сленгом и культурными референциями.

Выявленный дидактический потенциал платформ носит комплементарный характер, что открывает возможности для их интеграции в единую систему обучения аудированию. Однако его практическая реализация в учебном процессе вуза требует учета ряда объективных ограничений и разработки соответствующих методических принципов:

1. Содержательные и лингвокультурные риски:

- *Неотфильтрованность и непроверяемость контента.* На всех платформах присутствует пользовательский контент, который может содержать фактические ошибки,

субъективные мнения, подаваемые как истина, или непроверенные данные. Это требует от преподавателя тщательного предварительного отбора материалов.

- *Наличие нестандартной лексики и сленга.* Особенно это характерно для *Douyin* и молодежного сегмента *Xiaohongshu*, где широко используется актуальный сленг, интернет-мемы и эллиптическая речь. Без должного комментария это может привести к формированию неточных языковых представлений.

- *Культурный и идеологический контекст.* Контент создается в реалиях китайского цифрового пространства с его специфической системой ценностей, нормами общения и политикой модерации. Это может вызвать культурный шок или недопонимание у студентов, не знакомых с этими особенностями.

2. Методические и дидактические риски:

- *Отсутствие градуирования сложности.* В отличие от учебников, контент в социальных сетях не адаптирован по уровням владения языком. На одной платформе могут соседствовать простой бытовой диалог и сложная научная лекция (*Bilibili*), что затрудняет систематическое дозирование материала.

- *Дефицит готовых учебных материалов.* Преподавателю приходится самостоятельно разрабатывать задания, упражнения и методические рекомендации к каждому выбранному видеоролику, что требует значительных временных затрат.

- *Риск превращения в пассивное потребление.* Без четко поставленной учебной задачи работа с увлекательным контентом может скатиться к развлекательному просмотру, не способствующему рефлексии и развитию конкретных аудитивных умений.

3. Технические и организационные ограничения:

- *Зависимость от доступа и интернет-соединения.* Работа предполагает стабильный доступ к платформам, которые могут быть ограничены или иметь нестабильную работу за пределами Китая.

- *Влияние алгоритмов рекомендаций.* Персонализированные ленты (особенно в *Douyin* и *Xiaohongshu*) могут уводить студента от учебного задания в сторону развлекательного контента, снижая фокус и эффективность самостоятельной работы.

- *Вопросы авторского права и этики использования.* Неясность правового статуса скачивания и использования пользовательского контента в образовательных целях требует от преподавателя соблюдения этических норм (например, цитирование источника, использование в закрытых учебных группах).

Для минимизации описанных рисков и максимальной реализации дидактического потенциала интеграция контента *Bilibili*, *Xiaohongshu* и *Douyin* должна основываться на ряде методических принципов, разработка которых осуществлялась в русле деятельностного и компетентностного подходов. Они направлены на превращение стихийного медиаконтента в управляемый учебный ресурс для осмысленной деятельности, ориентированной на формирование конкретных компонентов аудитивной компетенции.

1. Принцип комплементарности. Платформы не должны рассматриваться как взаимозаменяемые ресурсы или использоваться хаотично. Их необходимо задействовать системно, с учетом их уникального профиля, для комплексного развития разных аспектов аудитив-

ной компетенции. Например, *Bilibili* может стать основой для аудиторной работы над пониманием монолога, *Xiaohongshu* — для отработки прагматики в ходе семинарских обсуждений, а *Douyin* — для мотивационных домашних заданий на распознавание спонтанной речи.

2. Принцип соответствия. Выбор конкретной платформы, формата контента и учебного задания должен жестко детерминироваться конкретной дидактической целью в рамках развития когнитивного, операционального или личностного компонента компетенции. Этот принцип требует от преподавателя четкого ответа на вопросы: *Для развития какого умения выбран этот ролик? Какой компонент компетенции он затрагивает?*

3. Принцип управляемой автономии. Работа с аутентичным контентом в социальных сетях должна способствовать развитию самостоятельности студента, но не оставлять его один на один со стихией неадаптированной информации. Это достигается за счет пошаговых инструкций, четких критериев отбора контента студентом и рефлексивных заданий (например, ведение цифрового дневника, где студент анализирует просмотренные материалы, фиксирует новые слова и стратегии понимания).

Опираясь на сформулированные принципы, можно предложить следующие практические рекомендации по интеграции контента платформ в учебный процесс:

1. *Стратегическое планирование использования платформ на основе принципа комплементарности.* Для формирования целостной системы аудитивной практики рекомендуется выстраивать работу по уровням: *Bilibili* использовать для аудиторной работы над пониманием развернутой монологической речи, *Xiaohongshu* — для семинарских занятий по анализу прагматических высказываний, а *Douyin* — для мотивационных домашних заданий на распознавание спонтанного диалога.

2. *Критериальный отбор учебного контента в соответствии с принципом соответствия.* При выборе конкретных материалов преподавателю следует руководствоваться не только тематикой, но и дидактическими задачами. Например, для развития когнитивного компонента на *Bilibili* необходимо отбирать ролики с четкой структурой (введение, аргументы, вывод), а для развития операционального компонента на *Douyin* — короткие диалоги с выраженной интонационной и невербальной составляющей.

3. *Разработка инструментов управляемой автономии студентов.* Для реализации принципа управляемой автономии необходимы конкретные шаблоны и инструкции. Эффективными могут стать:

а) чек-лист для самостоятельного отбора контента студентом (с критериями длительности, темпа, наличия субтитров);

б) рефлексивный цифровой дневник для фиксации просмотренных материалов, новых лексических единиц и использованных стратегий понимания;

в) шаблоны для парного обсуждения сложных моментов услышанного.

Заключение

Проведенное исследование позволило теоретически обосновать и систематизировать дидактический потенциал ведущих китайских социальных сетей как инновационного ресурса для развития аудитивной компетенции.

В результате выявлены и сопоставлены уникальные лингводидактические профили платформ *Bilibili*, *Xiaohongshu* и *Douyin*, определены их комплементарные возможности для формирования когнитивного, операционального и личностного компонентов аудирования. Анализ, проведенный с помощью авторской системы критериев, показал, что *Bilibili* наиболее эффективна для работы с развернутой монологической речью, *Xiaohongshu* — с оценочно-рекомендательными высказываниями, а *Douyin* — со спонтанным диалогом и сленгом. На основе выявленных рисков, связанных с использованием неподготовленного контента, разработаны

методические принципы интеграции (комплементарности, соответствия, управляемой автономии) и конкретные практические рекомендации по их реализации в учебном процессе языкового вуза. Полученные результаты имеют практическую значимость, предоставляя преподавателям структурированный инструментарий для обогащения курса китайского языка аутентичными материалами и создания мотивирующей цифровой образовательной среды. Перспективой дальнейшей работы видится разработка и эмпирическая апробация учебно-методических комплексов на основе контента исследуемых платформ для различных уровней подготовки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мирзиева Л. Р., Шайхутдинова Е. Н., Ан Д. М. О пассивном освоении китайского языка через обращение к интересам учащегося // *Современные востоковедческие исследования*. 2022. Т. 4. № 2. С. 40—53. DOI: 10.24412/2686-9675-2-2022-40-53.
2. Мещерякова Е. В., Мещерякова Ю. В. Развитие аудитивной компетенции с использованием информационно-коммуникативных технологий // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2016. № 3. С. 79—87.
3. Гончарова В. А. Тенденции современного образования: от проблем к возможностям // *Проблемы современного образования*. 2021. № 5. С. 101—115. DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-101-115.
4. Курдюмов В. А., Малых О. А. Профессиональный портрет учителя китайского языка // *Иностранные языки в школе*. 2020. № 8. С. 49—53.
5. Прокопьева С. И. Иноязычная аудитивная компетенция как дидактическая категория обучения иностранному языку // *Здоровье и образование в XXI веке*. 2017. Т. 19. № 11. С. 55—57.
6. Hayitova D., Tokhirova D. Instructional Strategies to Teach Listening // *Academic Research in Educational Sciences*. 2022. Vol. 3. Iss. 1. Pp. 726—730. DOI: 10.24412/2181-1385-2022-1-726-730.
7. Формирование аудитивной компетенции студентов, изучающих иностранный язык, посредством аутентичных материалов / Е. Б. Быстрай, Л. А. Белова, О. Н. Власенко и др. // *Перспективы науки и образования*. 2019. № 5(41). С. 243—261. DOI: 10.32744/pse.2019.5.18.
8. Голосова Ж. Б. Развитие навыков аудирования у обучающихся старших классов средствами аутентичных материалов // *Современное педагогическое образование*. 2023. № 1. С. 48—51.
9. Капсаргина С. А., Мартынова О. В. Обучение аудированию с применением аутентичных материалов на занятиях иностранного языка в неязыковом вузе // *Азимут научных исследований: педагогика и психология*. 2024. Т. 13. № 4. С. 86—89.
10. Солянка Е. А. Личный блог как средство обиходно-бытовой коммуникации на китайском языке: дидактический потенциал // *Обучение китайскому языку и культуре: прошлое, настоящее, будущее : сб. науч. ст. М. : Языки народов мира*, 2022. С. 100—105.
11. Сюй Б., Петрова М. Г. Лингводидактическая модель смарт-обучения студентов-бакалавров китайскому языку в условиях цифровой образовательной платформы // *KANT*. 2024. № 1(50). С. 306—312.
12. Исаев А. С. Новые медиа и социальные сети КНР // *Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура*. 2019—2021 : моногр. / гл. ред. К. В. Бабаев. М. : ИДВ РАН, 2022. С. 192—205.
13. Липлянина Н. И. Платформа Xiaohongshu как ресурс для изучения китайского языка // *Мировая экономика и бизнес-администрирование : XXI междунар. науч.-практ. семинар : сб. материалов и докл. Минск : Четыре четверти*, 2025. С. 196—198.
14. Скок П. Е. Использование интернет-ресурсов при обучении аудированию // *Актуальные проблемы педагогики и образования : сб. науч. ст. междунар. науч.-практ. конф. Брянск : РИО БГУ : Полиграм-Плюс*, 2021. С. 295—299.
15. Панина С. В., Алексеева Е. Е. Обучение китайскому языку в вузе посредством цифровых инструментов // *Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия «Педагогика. Психология. Философия»*. 2022. № 3(27). С. 21—29.
16. Suleimanova O. A. Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices // *Training, Language and Culture*. 2020. Vol. 4. Iss. 4. Pp. 39—50. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-39-50.
17. Костякова Ю. Б., Андриянов А. А. К вопросу об определении понятия «дидактический потенциал» // *Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*. 2022. № 3(41). С. 43—46.

REFERENCES

1. Mirzieva L. R., Shaikhutdinova E. N., An D. M. Passive learning of Chinese through appeal to the interests of the learner. *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya = Modern oriental studies*. 2022;4(2):40—53. (In Russ.) DOI: 10.24412/2686-9675-2-2022-40-53.
2. Meshcheryakova E. V., Meshcheryakova Yu. V. Information communicative technologies in auditive competence development. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki = PNRPU linguistics and pedagogy bulletin*. 2016; 3:79—87. (In Russ.)
3. Goncharova V. A. Trends in modern education: from challenges to opportunities. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 2021;5:101—115. (In Russ.) DOI: 10.31862/2218-8711-2021-5-101-115.

4. Kurdyumov V. A., Malykh O. A. Professional portrait of a Chinese language teacher. *Inostrannye yazyki v shkole*. 2020;8:49—53. (In Russ.)
5. Prokopenko S. I. Auditive competency as a didactic category of teaching foreign language. *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke = Health and Education Millennium*. 2017;19(11):55—57. (In Russ.)
6. Hayitova D., Tokhirova D. Instructional Strategies to Teach Listening. *Academic Research in Educational Sciences*. 2022;3(1):726—730. DOI: 10.24412/2181-1385-2022-1-726-730.
7. Bystray E. B., Belova L. A., Vlasenko O. N. et al. Formation of the auditive competence of students studying a foreign language through authentic materials. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2019;5(41):243—261. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2019.5.18.
8. Golosova Zh. B. Development of listening skills in high school students by means of authentic materials. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie = Modern pedagogical education*. 2023;1:48—51. (In Russ.)
9. Kapsargina S. A., Martynova O. V. Teaching listening using authentic materials in foreign language classes at a non-linguistic university. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2024;13(4):85—89. (In Russ.)
10. Solyanko E. A. A personal blog as a means of everyday communication in Chinese: didactic potential. *Obuchenie kitaiskomu yazyku i kul'ture: proshloe, nastoyashchee, budushchee = Teaching Chinese language and culture: past, present, future. Collection of scientific articles*. Moscow, Yazyki narodov mira, 2022:100—105. (In Russ.)
11. Xu B., Petrova M. G. Linguodidactic model of smart learning for undergraduate students in Chinese language on a digital educational platform. *KANT*. 2024;1(50):306—312. (In Russ.)
12. Isaev A. S. New media and social media platforms of China. Babaev K. V. (ed.). *Kitaiskaya Narodnaya Respublika: politika, ekonomika, kul'tura. 2019—2021 = People's Republic of China: Politics, Economy, Culture. 2019-2021. Monograph*. Moscow, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences publ., 2022. Pp. 192—205. (In Russ.)
13. Liplyanina N. I. Xiaohongshu platform as a resource for learning Chinese. *Mirovaya ekonomika i biznes-administririvanie = World economy and business administration. XXI International scientific and practical seminar. Collection of materials and reports*. Minsk, Chetyre chetverti, 2025:196—198. (In Russ.)
14. Skok P. E. Use of Internet resources in teaching listening. *Aktual'nye problemy pedagogiki i obrazovaniya = Actual problems of pedagogy and education. Collection of scientific articles of the International scientific-practical conference*. Bryansk, Bryansk State University publ., Poligram-Plyus, 2021:295—299. (In Russ.)
15. Panina S. V., Alekseeva E. E. Teaching Chinese language in universities through digital instruments. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M. K. Ammosova. Seriya «Pedagogika. Psikhologiya. Filosofiya» = Vestnik of North-Eastern Federal University. Pedagogics. Psychology. Philosophy*. 2022;3(27):21—29. (In Russ.)
16. Suleimanova O. A. Towards synergetic combination of traditional and innovative digital teaching and research practices. *Training, Language and Culture*. 2020;4(4):39—50. DOI: 10.22363/2521-442X-2020-4-4-39-50.
17. Kostyakova Yu. B., Andriyanov A. A. To the question of the definition of the concept “didactic potential”. *Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. F. Katanova*. 2022;3(41):43—46. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 09.01.2026; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 09.01.2026; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Рецензия на книгу**УДК 378.09****DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1520****Andrei Aleksandrovich Popkov**

Candidate of Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Management
and Innovation,
National Research
Moscow State University
of Civil Engineering
Moscow, Russian Federation
PopkovAA@mgsu.ru

Андрей Александрович Попков

канд. пед. наук, доцент,
доцент кафедры менеджмента
и инноваций,
Национальный исследовательский
Московский государственный
строительный университет
Москва, Российская Федерация
PopkovAA@mgsu.ru

ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ И ИТОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ ЗНАНИЙ, УМЕНИЙ И НАВЫКОВ КАК НЕОБХОДИМЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОЦЕССА ПОДГОТОВКИ ДЕФЕКТОЛОГА ДЛЯ РАБОТЫ С ДЕТЬМИ С ЗПР

(рец. на: **Оценочные материалы для проведения процедуры проверки знаний, умений и навыков
учителя-дефектолога для работы с детьми с ЗПР : учеб.-метод. пособие / Е. А. Лапп, Д. С. Вержиковская,
Н. А. Елисеева, Е. О. Кочеткова, Е. В. Резанова. Бердянск ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2025. 139 с.)**

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. Представлена рецензия на учебно-методическое пособие «Оценочные материалы для проведения процедуры проверки знаний, умений и навыков учителя-дефектолога для работы с детьми с ЗПР». В пособии представлено краткое содержание профильных дисциплин для подготовки учителей-дефектологов для работы с детьми с задержкой психического развития, тесты по основным темам, профессиональные задачи. По своей сути главы и параграфы пособия представляют предложения по структурированию профильного содержания.

Представленные в пособии варианты практических профессиональных задач могут рассматриваться как средство формирования не только компетенций, но и трудовых действий учителя-дефектолога. Наличие в пособии ответов на тесты позволяет студентам использовать данный материал для подготовки к занятиям и проведения контрольно-оценочных процедур. Преподаватели могут использовать их для составления проверочных заданий, в т. ч. в электронном виде.

Авторским коллективом делается заключение, что использование предлагаемого педагогического инструментария в процессе подготовки профильных кадров обеспечит формирование у студентов и слушателей необходимых знаний и умений по работе с детьми с темповыми нарушениями психического развития.

Пособие подготовлено для разработчиков основных профессиональных образовательных программ по направлениям 44.03.03 «Специальное дефектологическое образование», 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование», 44.03.01 «Педагогическое образование» и может быть рекомендовано для использования в системе дополнительного профессионального образования.

Ключевые слова: дефектолог, дети с задержкой психического развития, контроль знаний, умений и навыков, методическая подготовка, подготовка кадров, профессиональная задача, профильное содержание

Для цитирования: Попков А. А. Промежуточный и итоговый контроль знаний, умений и навыков как необходимый компонент процесса подготовки дефектолога для работы с детьми с ЗПР (рец. на: Оценочные материалы для проведения процедуры проверки знаний, умений и навыков учителя-дефектолога для работы с детьми с ЗПР : учеб.-метод. пособие / Е. А. Лапп, Д. С. Вержиковская, Н. А. Елисеева, Е. О. Кочеткова, Е. В. Резанова. Бердянск ; Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2025. 139 с.) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 485—489. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1520.

Book review

INTERMEDIATE AND FINAL CONTROL OF KNOWLEDGE, SKILLS, AND ABILITIES AS AN ESSENTIAL COMPONENT OF THE PROCESS OF TRAINING A SPEECH THERAPIST TO WORK WITH CHILDREN WITH MENTAL RETARDATION

(Review on: Lapp E. A., Verzhikovskaya D. S., Eliseeva N. A., Kochetkova E. O., Rezanova E. V. Assessment materials for conducting the testing of knowledge, skills and abilities of a teacher-defectologist to work with children with mental retardation. Educational and methodical manual. Berdyansk, Volgograd, Volgograd State University publ., 2025. 139 p.)

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. *This article provides a review of the educational and methodical manual "Assessment materials for conducting the testing of knowledge, skills and abilities of a teacher-defectologist to work with children with mental retardation" The manual provides a brief summary of the specialized disciplines for training defectologists to work with children with mental retardation, as well as tests on the main topics and professional tasks In essence, the chapters and sections of the manual provide suggestions for structuring the specialized content.*

The practical professional tasks presented in the manual can be considered as a means of developing not only competences, but also the work activities of a teacher-defectologist. The presence of test answers in the manual allows students to use this material for preparation for classes and conduct-

ing control and evaluation procedures. Teachers can use them to create test assignments, including in electronic form.

The author's team concludes that the use of the proposed pedagogical tools in the process of training specialized personnel will ensure that students and trainees acquire the necessary knowledge and skills to work with children with mental retardation.

The manual has been prepared for developers of basic professional educational programs in the fields of 44.03.03 "Special Defectological Education", 44.03.02 "Psychological and Pedagogical Education", and 44.03.01 "Pedagogical Education". It can be recommended for use in the system of additional professional education.

Keywords: *defectologist, children with mental retardation, control of knowledge, skills, and abilities, methodological training, personnel training, professional task, specialized content*

For citation: Popkov A. A. Intermediate and final control of knowledge, skills, and abilities as an essential component of the process of training a speech therapist to work with children with mental retardation (Review on: Lapp E. A., Verzhikovskaya D. S., Eliseeva N. A., Kochetkova E. O., Rezanova E. V. Assessment materials for conducting the testing of knowledge, skills and abilities of a teacher-defectologist to work with children with mental retardation. Educational and methodical manual. Berdyansk, Volgograd, Volgograd State University publ., 2025. 139 p.). *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):485—489. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1520.

В настоящее время обновляется содержание профессиональной подготовки педагогов-дефектологов в педагогическом вузе на уровне бакалавриата. Это обусловлено новыми глобальными вызовами современности к педагогическому образованию в целом, и, конкретно, интенсивным развитием специального дефектологического образования [1—4]. Особое внимание к подготовке дефектологическим кадрам обусловлено ростом количества детей с ограниченными возможностями здоровья, значимую группу среди которых составляют дети с задержкой психического развития (далее — ЗПР). Данный вариант дизонтогенеза рассматривается как нарушение нормального темпа психического развития, при котором отдельные психические функции (память, внимание, мышление, эмоционально-волевая сфера) отстают в своем развитии от принятых психологических норм для данного возраста [5; 6].

Общими для детей с ЗПР является сниженная познавательная активность и недостаточность социальных способностей, что приводит к необходимости реализации коррекционно-развивающих стратегий обучения. При обучении детей с ЗПР требуется разработка индивидуальных образовательных маршрутов [7]. Это может быть реализовано лишь при наличии качественного психолого-педагогического сопровождения обучающихся с ЗПР со стороны учителей-дефектологов, специальных психологов, логопедов и иных специалистов.

В 2010 г. в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего образования выделен профиль «Образование детей с ЗПР», в 2023 г. внедрен в практику

Профессиональный стандарт «Педагог-дефектолог», что требует организации подготовки специалистов с учетом профильной обобщенной трудовой функции, но в полной мере подготовка учителей-дефектологов по данному профилю не ведется, лишь отдельные курсы включаются в профили по направлению «Специальное дефектологическое образование».

Как подчеркивают исследователи [8], для организации психолого-педагогического сопровождения детей с темповыми нарушениями развития специалисты должны знать психологические особенности детей данной группы, уметь выявлять общие и индивидуально типологические особенности детей с ЗПР. С этих позиций многие исследователи выполняют изучение особенностей детей (О. В. Заширинская, Л. С. Медникова, Е. М. Груздева, Л. Э. Семенова, Н. П. Шашкина и др.) и определяют условия их оптимально комфортного сопровождения (И. М. Ломоносова, О. В. Суродина, Б. Б. Тлекова и др.).

В теории и практике подготовки кадров находим результаты научных исследований о важности формирования у детей с ЗПР социальных отношений (А. К. Махова и др.), развития интеграционного потенциала детей с ЗПР в продуктивной деятельности (О. А. Денисова, Т. В. Гудина, И. А. Букина, О. Л. Леханова, А. В. Селина и др.), становления адаптационных возможностей детей (О. В. Корпусева и др.) и их социализации (Е. В. Самойленко и др.) и т. д. Обращает на себя внимание в трудах исследователей описание психолого-педагогических возможностей детей с темповыми нарушениями развития в разных образовательных

средах (Д. С. Бобкова, М. М. Глебова, И. А. Конева, Ю. А. Королева и др.) и оценка результатов образовательных достижений детей с ЗПР [9; 10].

При этом, как отмечают Е. А. Лапп, Е. В. Шипилова, С. Г. Ярикова и др., не менее важную (а возможно, и более значительную) роль выполняет подготовленность специалистов к методической работе с детьми с ЗПР и схожими состояниями [11]. Исследований, посвященных описанию условий обучения и воспитания детей данной категории разного возраста, гораздо меньше: методика организации проектной деятельности по темам предметного обучения (А. Н. Мерзлякова, Н. А. Тужилова и др.), формирование слоговой структуры слова (Т. А. Леванова), организация коррекционной ритмики (Р. Г. Шашкина), формирование коммуникативных умений у детей (Н. С. Усанина, Р. Ю. Тихомирова и др.) и др.

В настоящее время ведется разработка программ подготовки дефектологов, в т. ч. для работы с детьми с ЗПР [12]. Авторами предлагаются разные модели внедрения нового содержания в учебный процесс [13–15].

Вопрос проектирования профильного содержания, а тем более оценки эффективности его освоения студентами, остается недостаточно проработанным. В этом ключе актуальность рецензируемого пособия видится в том, что его содержание закрывает дефициты по оцениванию формируемых профильных компетенций учителя-дефектолога.

Проблема, на решение которой направлено рецензируемое учебно-методическое пособие, формулируется следующим образом: отсутствие в практике подготовки специалистов по коррекционной работе с детьми с ЗПР комплексного инструмента оценки знаний, умений и навыков приводит к трудностям организации процесса контроля и корректировки осваиваемого содержания. Уникальность настоящего учебного пособия заключается в том, что его содержание помогает преподавателям в организации контроля и формировании фонда оценочных средств, а также создает для будущих дефектологов среду осуществления самопроверки при освоении необходимых знаний и умений по сопровождению детей с ЗПР.

В учебно-методическом пособии на основе авторской концепции Е. А. Лапп по отбору профильного содержания подготовки учителя-дефектолога, сопровождающего детей с ЗПР, представлена примерная структура модульного содержания подготовки такого специалиста. Обратим внимание, что разработчики содержания учебно-методического пособия опираются на модель функционального диагноза (И. А. Коробейников), учитывают современные подходы к пониманию задержки психического развития как особого варианта онтогенеза и условиям предупреждения и коррекции данного состояния в разных образовательных средах.

Заслуживает внимания структура и логика подачи материала в учебно-методическом пособии. По своей сути главы и параграфы пособия представляют собой предложения по структурированию профильного содержания руководителем авторского коллектива.

Раздел «Основы нейрофизиологии и высшей нервной деятельности детей и подростков с ЗПР» раскрывает современное представление о нейропсихологических основах развития психики ребенка с темповыми и иными нарушениями развития, и физиологические механизмы нарушений психических функций при ЗПР. Обратим внимание, что в данном разделе авторами разработаны профессио-

нальные задачи, направленные не столько на репродукцию имеющихся у студентов знаний, сколько на умение привлечь дополнительную информацию из смежных курсов для решения поставленной проблемы.

Раздел «Психология детей и подростков с ЗПР» включает два модуля. Один описывает классификации, типологии и этиопатогенез ЗПР; второй раскрывает особенности психического развития детей и подростков с ЗПР. Раздел «Педагогические системы образования детей (лиц) с ЗПР» презентует в логике дидактических единиц содержания варианты организации образования детей данной группы. Тесты данного раздела помогут студентам, как нам видится, в проверке знаний, а задачи последовательно будут формировать умения решать аналитические, проблемные и мыслительные задачи.

Раздел «Теория и практика воспитания детей с ЗПР» кратко ориентирует разработчиков содержания учебных программ или студентов в тематике данного раздела: «Педагогика и психология семейного воспитания детей с ЗПР», «Методическое обеспечение деятельности классного руководителя обучающихся с ЗПР», «Технологии воспитания детей с ЗПР», «Технология организации внеурочной деятельности младших школьников с ЗПР», «Организация дополнительного образования детей с ЗПР», «Технологии профориентационной работы с детьми и подростками с ЗПР». Отметим, что предлагаемые разработчиками к освоению и оценке материалы соотносятся авторами с ключевыми нормативно-правовыми документами современного начального и основного общего образования и трендами специального и инклюзивного образования. Для разработчиков программных материалов и преподавателей курсов важно, что элементы содержания раздела учитывают Концепцию развития личности ребенка в семье [16], Программу воспитания и социализации обучающихся, профориентационные проекты, в т. ч. в рамках федерального проекта «Успех каждого ребенка» национального проекта «Образование», и др.

Следует отметить раздел «Методики начального образования с коррекционно-развивающими технологиями в работе с обучающимися с ЗПР», который видится нам уникальным: краткое содержание ранее нигде не было представлено в отношении детей с ЗПР. Раздел включает несколько модулей в соответствии с предметным наполнением образования детей с ЗПР: «Методика преподавания русского языка с коррекционно-развивающими технологиями», «Методика преподавания математики с коррекционно-развивающими технологиями», «Организация учебной деятельности школьников с ЗПР на уроках учебного предмета “Окружающий мир”», «Методика преподавания литературного чтения младшим школьникам с ЗПР», «Педагогические условия обучения иностранному языку младших школьников с ЗПР», «Организация учебной деятельности младших школьников с ЗПР на уроках учебного предмета “Изобразительное искусство”», «Организация учебной деятельности младших школьников с ЗПР на уроках учебного предмета “Технология”», «Формирование универсальных учебных действий у школьников с ЗПР», «Технология оценки качества начального общего образования обучающихся с ЗПР».

Данный раздел интересен для разработчиков образовательных программ, на наш взгляд, тем, что очерчивает примерное содержание методической подготовки специалистов, работающих с младшими школьниками с ЗПР.

Вопросы тестов и примерные профессиональные задачи обеспечивают формирование общепрофессиональных компетенций в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования по направлению 44.03.03 «Специальное дефектологическое образование»: ОПК-2, ОПК-6, ОПК-7, ОПК-8 и др. полагаем, что предлагаемые авторами кейсы могут включаться не только в практические занятия со студентами, но и рекомендоваться для проверки способов решения во время педагогической практики студентов.

Разделы «Технологии коррекционно-развивающей работы с детьми с ЗПР» и «Проектирование коррекционно-развивающей среды в образовательных учреждениях» содержат единицы содержания по различным теоретическим вопросам и раскрывают практические аспекты организации помощи детям с ЗПР.

Данная часть пособия структурирована в соответствии с федеральной адаптированной образовательной программой для детей данной категории. Потому хочется отметить выделение отдельно модулей «Логопедическая работа с детьми с ЗПР», «Организация психокоррекционных занятий с детьми и подростками с ЗП» и «Преодоление специфических учебных трудностей школьников с ЗПР. Особенности построения и содержания курса «Психокоррекционные занятия (дефектологические)». Предлагаемые студентам задачи этого раздела ориентированы на их самостоятельность и полученные знания и умения на предшествующих этапах обучения.

Как уже отмечалось, предлагаемые авторами учебно-методического пособия элементы содержания становятся ключевыми элементами при составлении тестов и практических профессиональных задач. По каждому модулю авторами предлагаются примеры тестов с выбором правильного ответа. Укажем, что наличие в пособии ответов на тесты, позволяет студентам использовать данный материал для подготовки к занятиям и проведению контрольно-оценочных процедур. Преподаватели могут использовать их для составления проверочных заданий, в т. ч. в электронном виде.

Презентация в пособии вариантов практических профессиональных задач могут рассматриваться как средство формирования не только компетенций, но и трудовых действий учителя-дефектолога.

Практическое значение учебно-методического пособия коллектива авторов заключается в возможности применения предлагаемых материалов в качестве основы для составления модульных программ в структуре основных профессиональных образовательных программ подготовки специалистов коррекционной практики (логопедов, дефектологов, специальных психологов и др.).

Предположим также, что предлагаемый авторами составителями ресурс может быть использован для решения практических проблем организации подготовки специалистов, сопровождающих детей с ЗПР и при создании других учебных пособий, баз данных, научно-практических публикаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алмазова А. А., Микляева Н. В. Концепция подготовки кадров к управлению ресурсами дошкольной группы как основа межотраслевой двухпрофильной программы бакалавриата // Наука и школа. 2021. № 5. С. 131—137.
2. Построение новых программ подготовки педагогов-дефектологов в едином образовательном пространстве российской высшей школы (на основе «Ядра дефектологического образования») / А. А. Алмазова, К. Б. Вовненко, А. В. Кроткова и др. // Педагогика и психология образования. 2024. № 3. С. 92—110.
3. Рябова Н. В. Профессиональный стандарт «Педагог-дефектолог» как инструмент развития специального (дефектологического) образования / Гуманитарные науки и образование. 2024. Т. 15. № 3. С. 91—96.
4. Алмазова А. А. Современные подходы к подготовке логопедов: научные исследования и профессиональные вызовы // Дефектология. 2025. № 5. С. 67—79.
5. Проявления тревожности у учащихся младшего школьного возраста с задержкой психического развития в условиях социальной депривации / С. А. Дмитриева, Н. Ю. Верхотурова, Е. А. Сигида и др. // Специальное образование. 2020. № 2(58). С. 32—41. DOI: 10.26170/sp20-02-03.
6. Сидловская О. П. Особенности половой идентификации у детей с ЗПР старшего дошкольного возраста // International Journal of Medicine and Psychology. 2020. Т. 3. № 3. С. 98—102.
7. Кузьмичева Т. В., Афонькина Ю. А., Морозова Д. А. Проектирование психолого-педагогических инструментов индивидуализации в инклюзивном образовании : моногр. СПб. : Скифия-принт, 2022. 80 с.
8. Бабкина Н. В., Коробейников И. А. Психологическое сопровождение ребенка с задержкой психического развития : моногр. М. : Наука, 2020. 213 с.
9. Бабкина Н. В., Вильдшанская А. Д., Пономарева Л. М. Инструментарий для оценки значимых параметров школьной адаптации детей с задержкой психического развития на начальном этапе обучения // Консультативная психология и психотерапия. 2023. Т. 31. № 4. С. 10—30. DOI: 10.17759/cpp.2023310401.
10. Шумилова Е. А., Кузма Л. П., Макуха Л. С. Использование цифровой программы мониторинга образовательных достижений для выявления типологических различий обучающихся с легкими формами интеллектуальной недостаточности // Перспективы науки и образования. 2023. № 3(63). С. 422—438. DOI: 10.32744/pse.2023.3.25.
11. Лапп Е. А., Шипилова Е. В. Проблемы и возможности подготовки специалистов для работы с детьми с задержкой психического развития в системе высшего образования // Образование и саморазвитие. 2022. Т. 17. № 4. С. 199—217. DOI: 10.26907/esd.17.4.15.
12. Лапп Е. А. Проект модульной программы подготовки учителя-дефектолога (бакалавра) для работы с детьми с задержкой психического развития // Дефектология. 2021. № 3. С. 61—73.
13. Лапп Е. А. Навигационная карта как инструмент проектирования содержания подготовки дефектологов для работы с детьми с задержкой психического развития // Дефектология. 2023. № 6. С. 57—66.
14. Лапп Е. А. Использование электронного систематизатора в работе с родителями дошкольников с задержкой психического развития // Современные наукоемкие технологии. 2024. № 5. Ч. 1. С. 167—172. DOI: 10.17513/snt.40023.

15. Лапп Е. А., Петривная О. В., Резанова Е. В. Опыт проектирования образовательной программы двухпрофильного бакалавриата «Дошкольное образование. Коррекционная педагогика» с учетом региональных требований // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 4(69). С. 413—418. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.69.1145.

16. Васильева О. Ю., Басюк В. С., Иванова С. В., Степанов П. В. О разработке Концепции семейного воспитания // Ценности и смыслы. 2024. № 6(94). С. 28—44. DOI: 10.24412/2071-6427-2024-6-28-44.

REFERENCES

1. Almazova A. A., Miklyaeva N. V. The concept of personnel training for the management of preschool group resources as the basis of the intersectoral two-profile Bachelor's degree program. *Nauka i shkola = Science and School*. 2021; 5:131—137. (In Russ.)
2. Almazova A. A., Vovnenko K. B., Krotkova A. V. et al. Design of new training programs for special education teacher in the unified educational space of the Russian higher school (based on the “Core of Defectological Education”). *Pedagogika i psikhologiya obrazovaniya = Pedagogy and Psychology of Education*. 2024;3:92—110. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-297X-2024-3-92-110.
3. Ryabova N. V. Professional standard “Teacher-defectologist” as a tool for the development of special (defectological) education. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie = The Humanities and Education*. 2024;15(3):91—96. (In Russ.)
4. Almazova A. A. Modern approaches to the training of speech therapists: scientific research and professional challenges. *Defektologiya = Defectology*. 2025;5:67—79. (In Russ.)
5. Dmitrieva S. A., Verkhoturova N. Yu., Sigida E. A. et al. Manifestation of anxiety in junior school children with disorders of psychological development under the conditions of social deprivation. *Spetsial'noe obrazovanie = Special education*. 2020;2(58):32—41. (In Russ.) DOI: 10.26170/sp20-02-03.
6. Sidlovskaya O. P. Features of sexual identification of children with mental retardation of senior preschool age. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2020;3(3):98—102. (In Russ.)
7. Kuz'micheva T. V., Afon'kina Yu. A., Morozova D. A. Designing psychological and pedagogical tools for individualization in inclusive education. Monograph. Saint Petersburg, Skifiya-Print, 2022. 80 p. (In Russ.)
8. Babkina N. V., Korobeinikov I. A. Psychological support for children with mental developmental delay. Monograph. Moscow, Nauka, 2020. 213 p. (In Russ.)
9. Babkina N. V., Vilshanskaya A. D., Ponomareva L. M. Toolkit for Assessment of Significant Parameters of School Adaptation of Students with Learning Disabilities at the Primary School Environment. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya = Counseling Psychology and Psychotherapy*. 2023;31(4):10—30. (In Russ.) DOI: 10.17759/cpp.2023310401.
10. Shumilova E. A., Kuzma L. P., Makukha L. S. Using a digital program for monitoring educational achievements to identify typological differences of students with mild intellectual disability. *Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education*. 2023;3(63):422—438. (In Russ.) DOI: 10.32744/pse.2023.3.25.
11. Lapp E. A., Shipilova E. V. Problems and Opportunities for Training Specialists for Working with Children with Mental Retardation in the Higher Education System. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self-Development*. 2022;17(4):199—217. (In Russ.) DOI: 10.26907/esd.17.4.15.
12. Lapp E. A. Project of modular training program of special education teacher (bachelor's degree) to work with children with mental development delay. *Defektologiya = Defectology*. 2021;3:61—73. (In Russ.)
13. Lapp E. A. Navigation map as a design tool for the content of training of special needs teachers for work with children with mental impairments. *Defektologiya = Defectology*. 2023;6:57—66. (In Russ.)
14. Lapp E. A. The use of an electronic systemizer in working with parents of preschoolers with mental retardation. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2024;5-1:167—172. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.40023.
15. Lapp E. A., Petrivnaya O. V., Rezanova E. V. Experience in designing an educational program for the double major bachelor's degree “Preschool Education. Correctional Pedagogy” taking into account regional requirements. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2024;4(69):413—418. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2024.69.1145.
16. Vasilyeva O. Yu., Basyuk V. S., Ivanova S. V., Stepanov P. V. On the development of the Concept of Family Education. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*. 2024;6(94):28—44. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6427-2024-6-28-44.

Статья поступила в редакцию 16.01.2026. Принята к публикации 26.01.2026

The article was submitted 16.01.2026. Accepted for publication 26.01.2026.

Научная статья
УДК 378.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1534

Irina Georgievna Stotyka
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Musical
and Choreographic Education,
Melitopol State University
Melitopol, Russian Federation
irina_stotyka@mail.ru

Aleksandr Viktorovich Stotyka
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Musical
and Choreographic Education,
Melitopol State University
Melitopol, Russian Federation
stotyka@mail.ru

Yaroslava Viktorovna Sopina
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Musical
and Choreographic Education,
Melitopol State University
Melitopol, Russian Federation
jaroslava_sopina@mail.ru

Eleonora Anatolyevna Vlasenko
Senior Lecturer of the Department of Musical
and Choreographic Education,
Melitopol State University
Melitopol, Russian Federation
simfonia-2065@yandex.ru

Ирина Георгиевна Стотыка
канд. пед. наук,
доцент кафедры музыкального
и хореографического образования,
Мелитопольский государственный университет
Мелитополь, Российская Федерация
irina_stotyka@mail.ru

Александр Викторович Стотыка
канд. пед. наук,
доцент кафедры музыкального
и хореографического образования,
Мелитопольский государственный университет
Мелитополь, Российская Федерация
stotyka@mail.ru

Ярослава Викторовна Сопина
канд. пед. наук,
доцент кафедры музыкального
и хореографического образования,
Мелитопольский государственный университет
Мелитополь, Российская Федерация
jaroslava_sopina@mail.ru

Элеонора Анатольевна Власенко
старший преподаватель кафедры музыкального
и хореографического образования,
Мелитопольский государственный университет
Мелитополь, Российская Федерация
simfonia-2065@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ МУЗЫКИ В ПРОЦЕССЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ПОДГОТОВКИ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Статья посвящена формированию эстетической культуры будущего учителя музыки в условиях инструментально-исполнительской подготовки, что приобретает особую актуальность на фоне обновления федерального государственного образовательного стандарта и цифровизации художественного образования. При этом анализ современных работ показывает неполноту раскрытия в них эстетического компонента подготовки, что подчеркивает необходимость более глубокого и системного изучения. Цель исследования — определить педагогические условия, методы и последовательность этапов, способствующие формированию эстетической культуры будущего учителя музыки в процессе его инструментально-исполнительской подготовки. Материалом исследования послужили современные научные публикации, федеральные стандарты, учебные программы и статистические данные Минобрнауки России и ВЦИОМ, а в качестве методов были использованы теоретический и сравнительный анализ, изучение нормативных документов и интерпретация статистики.

В работе раскрыто содержание эстетической культуры будущего учителя музыки, показаны ее основные компоненты и особенности формирования в рамках исполнительской подготовки. Проанализированы педагогические условия,

свойства образовательной среды, методы и технологии, влияющие на развитие ценностных, когнитивных, эмоционально-чувственных и творческих аспектов эстетической культуры. Выявлены основные трудности: отсутствие целостной методической базы и слабая представленность эстетического компонента в учебном процессе. В качестве решения предложена поэтапная модель формирования эстетической культуры и включение эстетических критериев в систему оценки подготовки педагога-музыканта.

Эффективное развитие эстетической культуры будущего учителя музыки требует продуманной поэтапной исполнительской подготовки и художественно наполненной образовательной среды, а предложенная модель и рекомендации могут быть практически применены при обновлении учебных программ, совершенствовании исполнительской подготовки и системе оценки профессиональных результатов.

Ключевые слова: эстетическая культура, инструментально-исполнительская подготовка, учитель, музыка, музыкально-педагогическое образование, художественно-эстетическое развитие, педагогические условия, федеральный государственный образовательный стандарт / ФГОС, образовательная среда, критерии

Для цитирования: Стотыка И. Г., Стотыка А. В., Сопина Я. В., Власенко Э. А. Формирование эстетической культуры будущего учителя музыки в процессе инструментально-исполнительской подготовки // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 490—495. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1534.

Original article

DEVELOPMENT OF AESTHETIC CULTURE AMONG FUTURE MUSIC TEACHERS WITHIN INSTRUMENTAL PERFORMANCE TRAINING

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. *The article examines the development of aesthetic culture among future music teachers within instrumental performance training, which has become particularly relevant amid the renewal of federal educational standards and the digitalization of arts education. An analysis of contemporary studies shows that the aesthetic component of teacher training remains insufficiently explored, highlighting the need for a deeper and more systematic investigation. The research is based on modern scholarly publications, federal educational standards, academic programs, and statistical data from the Ministry of Science and Higher Education of Russia and VCIOM. The methodological framework includes theoretical and comparative analysis, examination of regulatory documents, and interpretation of statistical data.*

The paper outlines the essence of future music teachers' aesthetic culture, identifies its core components, and describes the specifics of its development within performance training. It analyses pedagogical conditions, characteristics of the educational environment, and methods and technolo-

gies that support the development of value-based, cognitive, emotional-sensory, and creative aspects of aesthetic culture. The study reveals key challenges, including the lack of a comprehensive methodological framework and the insufficient representation of aesthetic components in the educational process. A step-by-step model for developing aesthetic culture and the integration of aesthetic criteria into the evaluation system of teacher training are proposed as potential solutions.

Effective development of aesthetic culture among future music teachers requires a well-designed, step-by-step performance training process and an aesthetically rich educational environment. The proposed model and recommendations can be practically applied in updating curricula, improving performance training, and enhancing the system of evaluating professional outcomes.

Keywords: *aesthetic culture, instrumental performance training, teacher, music, musical and pedagogical education, artistic and aesthetic development, pedagogical conditions, Federal State Educational Standard, educational environment, criteria*

For citation: Stotyka I. G., Stotyka A. V., Sopina Y. V., Vlasenko E. A. Development of aesthetic culture among future music teachers within instrumental performance training. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):490—495. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1534.

Введение

Актуальность исследования обусловлена современными условиями обновления Федеральных государственных образовательных стандартов и активной цифровизации художественного образования, которые предъявляют повышенные требования к личности и профессиональной подготовке будущего учителя музыки. В этих условиях особое значение приобретает формирование эстетической культуры педагога, способного не только передавать музыкальные знания и исполнительские навыки, но и транслировать устойчивые эстетические ценности, формировать художественный вкус и эмоционально-ценностное отношение к музыкальному искусству. Инструментально-исполнительская подготовка выступает важнейшим компонентом профессионального становления учителя музыки, поскольку создает условия для интеграции теоретических знаний, эмоционального переживания и практического художественного опыта, что делает ее значимым ресурсом формирования эстетической культуры будущего педагога.

Изученность проблемы. Проблема профессиональной подготовки будущего учителя музыки достаточно широко представлена в современных педагогических исследованиях. Так, в работах С. А. Томчук [1] раскрываются вопросы формирования профессионально-педагогической компетентности будущего учителя музыки, в структуре которой эстетическая составляющая рассматривается как часть общего комплекса культурных и творческих компетенций. Исследования Г. З. Дайновой, Г. Р. Камалиевой и Д. М. Яппаровой [2] акцентируют внимание на педагогических условиях здоровьесберегающей исполнительской под-

готовки, подчеркивая значимость оптимальной организации исполнительской деятельности, однако эстетический аспект в них представлен опосредованно. Работы Т. М. Гулевич и В. И. Мемеля [3], а также Н. Н. Самохиной и А. В. Божок [4] и З. Алиевой и М. Ю. Кучеренко [5] непосредственно обращены к проблеме музыкально-эстетической культуры, раскрывая ее сущностные характеристики, однако преимущественно в контексте отдельных исполнительских специальностей или на уровне понятийно-терминологического анализа.

В ряде исследований эстетическая культура будущего учителя музыки рассматривается в смежных аспектах профессиональной подготовки. Так, Г. Г. Бейсембаева [6] изучает формирование музыкально-эстетической культуры в системе дополнительного образования, В. Л. Сигова, И. А. Кокина и О. Б. Пьянкова [7] подчеркивают значение внеучебной концертной практики для личностно-профессионального саморазвития педагога-музыканта, а Н. В. Алексеенко и У. В. Конопатская [8] анализируют формирование сценической культуры как важного компонента профессионализма. Существенный вклад в осмысление исполнительского компонента подготовки вносят работы С. С. Кенжебаевой [9], А. Б. Нижниковой [10], Л. В. Санжеевой и С. Тан [11], Н. П. Нарожной [12], Т. М. Бектурова, А. Узакбай Улы [13], а также исследования зарубежных авторов (В. Черкасов [14], Shuo Li с соавторами [15]), в которых подчеркивается роль инструментально-исполнительской деятельности в развитии художественного мышления и эстетического восприятия. Вместе с тем анализ научных источников показывает, что проблема формирования эстетической культуры будущего учителя музыки как целостного, многокомпонентного личностно-профессионального

образования именно в процессе инструментально-исполнительской подготовки до настоящего времени не получила достаточного системного и методически выстроенного освещения.

Целесообразность обращения к данной теме обусловлена необходимостью теоретического осмысления и методического обоснования процесса формирования эстетической культуры будущего учителя музыки именно в условиях инструментально-исполнительской подготовки. Несмотря на наличие исследований, затрагивающих отдельные аспекты профессионального и эстетического развития музыканта-педагога, отсутствует целостный подход, раскрывающий педагогические условия, методы и этапы формирования эстетической культуры как интегративного качества личности будущего учителя музыки.

Научная новизна исследования заключается в обосновании процесса формирования эстетической культуры будущего учителя музыки как целостного педагогического явления, реализуемого в ходе инструментально-исполнительской подготовки. В работе уточняется содержание понятия «эстетическая культура будущего учителя музыки», выявляются педагогические условия и последовательность этапов ее формирования, а также акцентируется роль инструментально-исполнительской деятельности как ведущего средства развития эстетических ценностей, художественного мышления и исполнительской рефлексии.

Цель исследования — определить педагогические условия, методы и этапы, способствующие эффективному формированию эстетической культуры будущего учителя музыки в процессе инструментально-исполнительской подготовки.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих **задач**:

- 1) проанализировать теоретические подходы к понятию эстетической культуры в контексте профессиональной подготовки учителя музыки;
- 2) выявить особенности формирования эстетической культуры будущего учителя музыки в процессе инструментально-исполнительской подготовки;
- 3) определить педагогические условия и методы, способствующие развитию эстетической культуры в исполнительской деятельности студентов;
- 4) обосновать последовательность этапов формирования эстетической культуры будущего учителя музыки.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений о формировании эстетической культуры будущего учителя музыки, уточнении ее структуры и содержания в контексте инструментально-исполнительской подготовки.

Практическая значимость состоит в возможности использования полученных выводов и рекомендаций в образовательном процессе педагогических вузов, при разработке учебных программ и методических материалов по дисциплинам инструментально-исполнительского цикла, а также в практике подготовки будущих учителей музыки.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Материалом исследования послужили современные публикации по музыкально-педагогическому образованию, федеральные стандарты и рабочие программы по направлению «Музыка», а также статистические данные НИУ ВШЭ, Минобрнауки России и ВЦИОМ за 2021—2024 гг. Дополнительно был изучен реальный опыт организации инструментально-исполнительской подготовки в музыкально-педагогических вузах.

В ходе работы применялись такие методы, как теоретический анализ и обобщение научной литературы, контент-анализ нормативных документов, сопоставление образовательных программ, моделирование процесса формирования эстетической культуры, а также интерпретация статистических материалов, что позволило выявить основные тенденции в сфере подготовки будущих учителей музыки и определить актуальность изучаемой проблемы.

Результаты исследования и их обсуждение. В современных исследованиях эстетическая культура будущего учителя музыки понимается как целостное личностное качество, позволяющее не только воспринимать и эмоционально переживать музыку, но и создавать собственные художественные смыслы. Ее структура включает четыре основных компонента, каждый из которых отвечает за свой аспект профессионального становления.

Так ценностный компонент отражает индивидуальные эстетические ориентиры и уровень сформированного художественного вкуса. Когнитивный компонент связан с владением знаниями о музыкальном искусстве, стилях и основных педагогических подходах. Эмоционально-чувственный компонент отвечает за глубину музыкальной чувствительности, способность тонко воспринимать и эмоционально переживать произведения. Наконец, творческо-деятельностный компонент проявляется в умении интерпретировать музыку, в исполнительской практике и педагогическом творчестве, позволяя перенести эстетические представления в реальную профессиональную деятельность.

Отсюда становится очевидным, что ключевым фактором в формировании эстетической культуры будущего учителя музыки является та образовательная среда, в которой развивается его подготовка. Под педагогическими условиями в современных исследованиях понимают специально организованную художественно-образовательную среду, соответствующую требованиям ФГОС 44.03.01 и ОПОП «Музыка» и направленную на развитие музыкально-эстетического восприятия, художественного вкуса и творческого потенциала студентов.

Такая среда включает работу с художественно значимым репертуаром, сочетание индивидуальных и ансамблевых форм исполнительства, регулярную концертную деятельность и различные рефлексивные практики, что обеспечивает развитие всех компонентов эстетической культуры. Она формируется не только через учебные курсы, но и через внеаудиторные творческие проекты, участие студентов в культурной жизни региона и систему мастер-классов, которые способствуют росту профессиональной самостоятельности и ответственности за исполнительский результат.

Следующий аспект, требующий анализа, касается методического инструментария, с помощью которого развивается эстетическая культура будущего педагога. Методы и технологии формирования эстетических ценностей в инструментально-исполнительской подготовке будущего учителя музыки сегодня понимаются как сочетание интерпретационного анализа, обсуждения музыкальных произведений в диалоговой форме, творческих заданий — таких как импровизация, сравнение различных стиливых решений, создание собственных интерпретаций — и регулярной эстетической рефлексии. Теоретические модели подчеркивают необходимость поэтапной работы над музыкальным произведением: от формирования слухового представления и стиливого анализа до сценического исполнения и последующего осмысления, причем на каждом этапе фиксируются такие эстетические параметры, как выразительность, стиливое соответствие и художественная цельность.

Именно поэтому большое значение приобретают методы, развивающие способность студента анализировать и переосмысливать собственные художественные решения. Творческие и рефлексивные методы, включая совместное обсуждение интерпретаций, ведение «дневника исполнителя» и самооценку по эстетическим критериям, эффективно способствуют формированию устойчивых эстетических ориентаций студентов.

Всё более заметную роль играют цифровые технологии — аудио- и видеозапись исполнения, онлайн-концерты, использование электронных образовательных ресурсов, — которые расширяют художественный опыт студента и обновляют формат взаимодействия «преподаватель — студент — публика», тем самым поддерживая развитие всех компонентов эстетической культуры будущего учителя музыки (табл. 1).

Таблица 1

Структурно-функциональная модель формирования эстетической культуры будущего учителя музыки

Блок модели	Содержание и функции	Ключевые механизмы и технологии	Ожидаемые результаты (эстетические показатели)
Целевой	Определяет ориентацию подготовки на развитие ценностно-эстетической позиции будущего педагога в соответствии с ФГОС и профстандартом	Формулирование целей, связанных с эстетическим развитием; включение эстетических компетенций в результаты обучения	Сформированная ценностная направленность на художественное воспитание школьников
Содержательный	Отбор репертуара, интеграция теории, интерпретационного анализа, творческих и рефлексивных заданий	Анализ художественного произведения; стиль, образ, техника; творческие задания и проектная деятельность	Развитие художественного вкуса, когнитивно-эстетических знаний, интерпретационного мышления
Организационно-технологический	Организация учебной и внеучебной музыкально-исполнительской деятельности	Индивидуальные и ансамблевые занятия; концертная практика; мастер-классы; использование цифровых технологий (аудио- и видеозапись, онлайн-концерты)	Эмоциональная отзывчивость, сценическая культура, творческая активность, эстетическая рефлексия
Результативно-оценочный	Фиксация уровней развития эстетической культуры по структурным компонентам	Диагностические задания, самооценка, анализ исполнения, портфолио исполнителя	Уровень сформированности ценностного, когнитивного, эмоционально-чувственного и деятельностного компонентов эстетической культуры

Переходя от описания методов к структуре процесса, важно выделить ключевые этапы формирования эстетической культуры будущего учителя музыки (табл. 2). Этот процесс развивается последовательно: от появления ценностного отношения к музыке и первых эстетических ориентиров — к пониманию образного и стиливого содержания произведений, затем к их практическому исполнению

и, наконец, к рефлексии над собственными интерпретационными решениями. Такая последовательность позволяет студенту осваивать не только технику исполнения, но и углубленно воспринимать художественный смысл музыки, связывая ценностные, когнитивные, эмоционально-чувственные и творческие компоненты эстетической культуры в единое целое.

Таблица 2

Этапы реализации модели формирования эстетической культуры будущего учителя музыки

Этап	Содержание этапа	Цель и функции
1. Мотивационно-ценностный	Формирование интереса к музыкальному искусству; ценностное осмысление роли эстетики в профессии учителя музыки	Пробуждение эстетической мотивации, развитие художественных интересов
2. Аналитико-интерпретационный	Образно-смысловой и стилиевой анализ произведений; понимание традиций интерпретации	Развитие эстетического мышления, художественного вкуса, когнитивного опыта
3. Практико-исполнительский	Техническая проработка; работа над выразительностью; сценическая реализация; творческие задания (импровизация, стилизация)	Развитие исполнительского мастерства и эмоционально-чувственного восприятия
4. Рефлексивно-оценочный	Самоанализ исполнения; экспертная оценка; ведение дневника исполнителя; формирование эстетических критериев оценки	Закрепление эстетической рефлексии, развитие способности к самооценке по художественным параметрам

Официальные российские статистические данные последних трех лет косвенно подтверждают значимость и востребованность поэтапного подхода к формированию эстетической культуры будущего учителя музыки в условиях инструментально-исполнительской подготовки. По сведениям аналитического доклада «Образование в цифрах: 2025» НИУ ВШЭ, численность студентов в российских вузах в 2024 г. увеличилась на 9,6 % по сравнению с 2021 г., что говорит о расширяющейся аудитории обучающихся и растущем интересе к профессиональным образовательным программам, включая музыкаль-

но-педагогические направления. Отчет Минобрнауки России (2024) фиксирует рост удовлетворенности условиями обучения — с 60 до 64 % за год, что свидетельствует об улучшении образовательной среды, необходимой для реализации мотивационно-ценностного и практико-исполнительского этапов подготовки. Кроме того, данные за 2023/24 учебный год показывают, что российские вузы обучают студентов из 161 страны, что создает культурно разнообразную среду и способствует расширению эстетического опыта, важного для интерпретационной и исполнительской практики будущего учителя музыки.

Следовательно, возникает необходимость в четких критериях, которые позволяют фиксировать уровень таких эстетических изменений. Критерии, показатели и результаты развития эстетической культуры будущего учителя музыки понимаются как взаимосвязанные характеристики, которые позволяют судить о том, насколько студент умеет осмысливать музыкальный материал, проявлять творческое мышление и отражать свой опыт в рефлексии. Обычно выделяют три основные группы критериев. Первая — эстетическая компетентность, включающая знания о музыке, владение творческими умениями и способность применять их в практике. Вторая — умение оценивать эстетические явления, что связано с уровнем эстетического идеала, сформированностью художественного вкуса и навыком аргументированно анализировать произведения. Третья — уровни развития эстетической культуры, которые показывают, как студент переходит от элементарных исполнительских навыков к самостоятельному и творческому использованию эстетических принципов в своей будущей педагогической работе. В совокупности эти критерии отражают путь профессионального становления: от появления мотивации и первых основ эстетического восприятия — к умению глубоко, критически и осмысленно относиться к собственному исполнению и педагогическим действиям. Такой подход помогает увидеть развитие всех компонентов эстетической культуры будущего учителя музыки.

Эмпирические данные подтверждают эту тенденцию, демонстрируя реальные запросы общества. Данные мониторинга ВЦИОМ показывают, что для большинства россиян высшее образование остается прежде всего инструментом профессионального становления: 26 % респондентов связывают его с получением специальных знаний, а 38 % — с возможностью успешного трудоустройства, что подчеркивает высокий запрос на качественную подготовку будущих специалистов, включая сферу художественно-эстетического образования. При этом лишь 7 % рассматривают высшее образование как путь к культурному развитию, что указывает на заниженную значимость эстетического компонента в массовом восприятии и подчеркивает необходимость его целенаправленного формирования в профессиональных образовательных программах.

В контексте подготовки будущего учителя музыки такая статистика подтверждает, что инструментально-исполнительская подготовка должна обеспечивать не только техническую сформированность, но и развитие ценностной, художественно-эстетической и интерпретационной культуры, поскольку именно эти аспекты слабо осознаются обществом, но являются ключевыми для профессиональной деятельности педагога-музыканта.

В результате, совокупность представленных данных позволяет выделить ряд значимых проблем, влияющих на формирование эстетической культуры будущего учителя музыки. Прежде всего заметна общественная недооцененность эстетического и культурного содержания высшего

образования: лишь 7 % респондентов воспринимают вуз как пространство культурного развития. Доминирование утилитарных мотивов — стремления к трудоустройству и профессиональной выгоде — ведет к снижению внимания к ценностно-эстетическому компоненту в музыкально-педагогической подготовке. Кроме того, в массовом сознании отсутствует ясное понимание эстетической культуры как самостоятельного профессионального результата, а в системах мониторинга качества образования почти не фиксируются художественно-эстетические компетенции. Наблюдается и другой разрыв: общественный запрос на повышение профессиональных компетенций растет, тогда как оценка эстетических показателей подготовки будущих учителей музыки остается несистемной. Всё это подчеркивает актуальность разработки целостных педагогических моделей и четких критериев, ориентированных на полноценное развитие эстетической культуры в процессе инструментально-исполнительской подготовки.

Для преодоления выявленных проблем необходимо целенаправленно усиливать эстетическую составляющую подготовки будущих учителей музыки. Одной из ключевых задач является включение эстетических показателей — таких как художественный вкус, интерпретационная зрелость и способность к эстетической рефлексии — в системы оценки качества образования. Важно расширить роль инструментально-исполнительской практики, увеличив объем концертной деятельности, мастер-классов, творческих проектов и форм рефлексивного анализа собственных интерпретаций. Необходимо также развивать профессиональную подготовку преподавателей в области эстетического воспитания, интерпретации и художественной педагогики, а на общественном уровне — усиливать продвижение ценности художественно-педагогических профессий. В совокупности эти меры позволяют укрепить эстетическую культуру как один из центральных результатов подготовки будущего учителя музыки.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что формирование эстетической культуры будущего учителя музыки является многокомпонентным процессом, зависящим от содержания исполнительской подготовки, характера образовательной среды и используемых педагогических методов. Развитие эстетической культуры напрямую связано с реальной исполнительской практикой, интерпретационной работой и регулярной рефлексией студента. Несмотря на доказанную эффективность поэтапной модели подготовки, остаются нерешенными проблемы общественной недооценки эстетического компонента образования, разрозненности требований и отсутствия системной диагностики художественно-эстетических результатов. В этих условиях особую значимость приобретают усиление исполнительской практики, создание творчески насыщенной образовательной среды и включение эстетических критериев в оценку профессиональной подготовки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Томчук С. А. Формирование профессионально-педагогической компетентности будущего учителя музыки в вузе // Проблемы современного педагогического образования. 2022. Вып. 77. Ч. 2. С. 362—364.
2. Дайнова Г. З., Камалиева Г. Р., Яппарова Д. М. Педагогические условия здоровьесберегающей исполнительской подготовки учителей музыки в педагогическом вузе // Педагогический журнал Башкортостана. 2023. № 2(100). С. 66—77.
3. Гулевич Т. М., Мемей В. И. Формирование музыкально-эстетической культуры студента-тромбониста // Проблемы современного педагогического образования. 2022. Вып. 74. Ч. 1. С. 75—78.
4. Самохина Н. Н., Божок А. В. Формирование музыкально-эстетической культуры будущих учителей музыки: к проблеме определения дефиниции // Вестник педагогических наук. 2025. № 11. С. 353—359.
5. Алиева З., Кучеренко М. Ю. Формирование исполнительской культуры обучающихся — будущих учителей музыки средствами крымскотатарской хоровой музыки // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2(87). С. 49—51. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-49-51.

6. Бейсембаева Г. Г. Формирование музыкально-эстетической культуры учащихся в условиях дополнительного образования // Педагогическое искусство. 2022. № 1. С. 178—185.
7. Сигова В. Л., Кокина И. А., Пьянкова О. Б. Внеучебная концертная практика как фактор личностно-профессионального саморазвития будущего педагога-музыканта // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30. № 1. С. 98—105. DOI: 10.34216/2073-1426-2024-30-1-98-105.
8. Алексеенко Н. В., Конопацкая У. В. Формирование сценической культуры будущих учителей музыки // Проблемы современного педагогического образования. 2025. Вып. 87. Ч. 2. С. 6—10.
9. Кенжебаева С. С. Теоретическая модель формирования музыкально-исполнительской компетентности будущего учителя музыки // Inter education & global study. 2025. Т. 3. Вып. 4(1). С. 301—309.
10. Нижникова А. Б. Совершенствование музыкально-исполнительской подготовки будущих учителей музыки в учреждениях высшего образования // Вестник БарГУ. Серия: Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки. 2020. № 8. С. 34—38.
11. Санжеева Л. В., Тан С. Метод интермодальных ассоциаций в музыкальном образовании студентов педагогических вузов // Человеческий капитал. 2020. № 5(137). С. 153—158.
12. Нарожная Н. П. Особенности формирования эстетической культуры будущего учителя музыки в системе высшего образования // Современная культура и образование: история, традиции, новации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Луганск : Луг. гос. пед. ун-т, 2025. С. 134—140.
13. Бектуров Т. М., Узакбай Улы А. Эстетические идеалы будущего учителя музыки и их значение в музыкальном образовании // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. 2025. № 1—2. С. 270—276.
14. Черкасов В. Ф. Формування музично-естетичної культури майбутніх учителів музичного мистецтва засобами фестивального руху // Наукові записки. Серія: Педагогічні науки. 2021. № 1(192). С. 26—31. DOI: 10.36550/2415-7988-2021-1-192-26-31.
15. Li S., Yang Y., Peng Y., Zhan Y. Quality Education and the Reform of Ethnic Instrumental Music Teaching in Basic Music Education // Cultura. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology. 2024. Vol. 21. No. 1. Pp. 67—79.

REFERENCES

1. Tomchuk S. A. Formation of professional and pedagogical competence of the future music teacher at the university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2022;77(2):362—364. (In Russ.)
2. Dainova G. Z., Kamaliyeva G. R., Yapparova D. M. Pedagogical conditions for health-saving performance training of music teachers in a pedagogical university. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana = Pedagogical journal of Bashkortostan*. 2023;2(100):66—77. (In Russ.)
3. Gulevich T. M., Memey V. I. Formation of musical and aesthetic culture student - trombonist. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2022;74-1:75—78. (In Russ.)
4. Samokhina N. N., Bozhok A. V. Formation of musical and aesthetic culture of future music teachers: on the problem of defining a definition. *Vestnik pedagogicheskikh nauk = Bulletin of Pedagogical Sciences*. 2025;11:353—359. (In Russ.)
5. Alieva Z., Kucherenko M. Yu. Formation of the performance culture of students – future music teachers by means of the Crimean Tatar choral music. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2021;2(87):49—51. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2021-287-49-51.
6. Beisembayeva G. G. Formation of musical and aesthetic culture of students in conditions of additional education. *Pedagogicheskoe iskusstvo = Pedagogical art*. 2022;1:178—185. (In Russ.)
7. Sigova V. L., Kokina I. A., Pyankova O. B. Extracurricular concert practice as a factor of personal and professional self-development of the future teacher-musician. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2024;30(1):98—105. (In Russ.) DOI: 10.34216/2073-1426-2024-30-1-98-105.
8. Alekseenko N. V., Konopatskaya U. V. Formation of the stage culture of future music teachers. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2025;87(2):6—10. (In Russ.)
9. Kenjebayeva S. S. Theoretical model of formation of musical-performing competence of a future music teacher. *Inter education & global study*. 2025;3(4-1):301—309. (In Russ.)
10. Nizhnikova A. B. Improvement of music-performance training of future music teachers in institutions of higher education. *Vestnik BarGU. Seriya: Pedagogicheskie nauki. Psikhologicheskie nauki. Filologicheskie nauki*. 2020;8:34—38. (In Russ.)
11. Sanzheeva L. V., Tang S. Method of intermodal associations in musical education of students of pedagogical universities. *Chelovecheskii kapital = Human capital*. 2020;5(137):153—158. (In Russ.)
12. Narozhnaia N. P. Features of aesthetic culture development among future music teachers in higher education system. *Sovremennaya kul'tura i obrazovanie: istoriya, traditsii, novatsii = Modern culture and education: history, traditions, innovations. Materials of the All-Russian scientific and practical conference*. Lugansk, Lugansk State Pedagogical University publ., 2025:134—140. (In Russ.)
13. Bekturov T. M., Uzakhbai Ulu A. Aesthetic ideals of the future music teacher and their importance in music education. *I. Arabaev Atyndagy Kyrgyz mamlekettik universitetinin zharchysy = Bulletin Kyrgyz State University named after I. Arabaev*. 2025;1—2:270—276. (In Russ.)
14. Cherkasov V. Formation of musical and aesthetic culture of future teachers of musical art by means of the festival movement. *Naukovi zapiski. Seriya: Pedagogichni nauki = Academic Notes. Series: Pedagogical Sciences*. 2021;1(192):26—31. (In Ukrainian) DOI: 10.36550/2415-7988-2021-1-192-26-31.
15. Li S., Yang Y., Peng Y., Zhan Y. Quality Education and the Reform of Ethnic Instrumental Music Teaching in Basic Music Education. *Cultura. International Journal of Philosophy of Culture and Axiology*. 2024;21(1):67—79.

Статья поступила в редакцию 07.01.2026; одобрена после рецензирования 25.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 07.01.2026; approved after reviewing 25.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

УДК 316.346.32

Научная статья

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1544

Elena Vasilyevna Fedorova

Candidate of Pedagogy,
Professor of the Department of Pedagogy
and Psychological and Pedagogical Education,
Melitopol State University
Melitopol, Russian Federation
helenafedorova1961@mail.ru

Nikolay Panteleevich Fedorov

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Theology,
Melitopol State University
Melitopol, Russian Federation
nikolayfedorov2026@mail.ru

Lidiya Nikolaevna Priladysheva

Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Pedagogy
and Psychological and Pedagogical Education,
Melitopol State University
Melitopol, Russian Federation
lpriladysheva@mail.ru

Елена Васильевна Федорова

канд. пед. наук,
профессор кафедры педагогики
и психолого-педагогического образования,
Мелитопольский государственный университет
Мелитополь, Российская Федерация
helenafedorova1961@mail.ru

Николай Пантелеевич Федоров

канд. пед. наук,
доцент кафедры теологии,
Мелитопольский государственный университет
Мелитополь, Российская Федерация
nikolayfedorov2026@mail.ru

Лидия Николаевна Приладышева

канд. пед. наук,
доцент кафедры педагогики
и психолого-педагогического образования,
Мелитопольский государственный университет
Мелитополь, Российская Федерация
lpriladysheva@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ СТУДЕНТОВ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ИХ ВКЛЮЧЕННОСТИ В ОБЩЕСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЗАПОРОЖСКОЙ ОБЛАСТИ)

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье рассмотрена социальная активность студенческой молодежи как показатель ее включенности в общественную жизнь региона. Актуальность исследования обусловлена процессами интеграции образовательного и социального пространства Запорожской области, в рамках которых возрастает значение молодежи как ресурса социальной интеграции и регионального развития. Целью исследования является анализ социальной активности студентов как индикатора их включенности в общественную жизнь Запорожской области. Методологическую основу исследования составили анализ отечественных научных работ по проблематике социальной активности молодежи, нормативных правовых документов в сфере молодежной политики, а также результаты социологического опроса студентов одного из университетов региона. Эмпирическое исследование проведено методом анкетирования; в опросе приняли участие 50 студентов программ бакалавриата и магистратуры.

Результаты исследования показали, что социальная активность студентов характеризуется преобладанием средних уровней вовлеченности и реализуется пре-

имущественно в формах волонтерской и проектной деятельности, институционально поддерживаемых образовательной и молодежной средой. Выявлены факторы, ограничивающие переход от эпизодических форм участия к устойчивым моделям социальной активности. Кроме того, полученные данные свидетельствуют о наличии взаимосвязи между уровнем социальной активности студентов и показателями их социальной интеграции.

В заключение сделан вывод о том, что социальная активность студенческой молодежи Запорожской области носит развивающийся характер и отражает положительную динамику ее включенности в общественную жизнь региона. Полученные результаты могут быть использованы в качестве аналитической основы при рассмотрении вопросов совершенствования региональных программ молодежной политики и развития механизмов поддержки социальной активности студентов.

Ключевые слова: социальная активность, студенческая молодежь, общественная жизнь, социальная включенность, молодежная политика, региональное развитие, Запорожская область, волонтерство, опрос, интеграция

Для цитирования: Федорова Е. В., Федоров Н. П., Приладышева Л. Н. Социальная активность студентов как показатель их включенности в общественную жизнь региона (на примере Запорожской области) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 496—503. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1544.

Original article

STUDENTS' SOCIAL ACTIVITY AS AN INDICATOR OF THEIR INVOLVEMENT IN THE SOCIAL LIFE OF THE REGION (USING THE EXAMPLE OF THE ZAPOROZHYE REGION)

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. *The article examines the social activity of students as an indicator of their involvement in the social life of the region. The relevance of the research is determined by the processes of integration of the educational and social space of the Zaporozhye region, within which the importance of youth as a resource of social integration and regional development is increasing. The purpose of the study is to analyze the social activity of students as an indicator of their involvement in the social life of the Zaporozhye region. The methodological basis of the study was the analysis of domestic scientific papers on the social activity of youth, regulatory documents in the field of youth policy, as well as the results of a sociological survey of students from one of the universities in the region. The empirical study was conducted using a questionnaire method; 50 undergraduate and graduate students participated in the survey.*

The results of the study showed that students' social activity is characterized by a predominance of average levels

of engagement and is implemented mainly in the forms of volunteer and project activities, institutionally supported by the educational and youth environment. The factors limiting the transition from episodic forms of participation to sustainable models of social activity are identified. In addition, the data obtained indicate that there is a relationship between the level of social activity of students and indicators of their social integration.

It is concluded that the social activity of the student youth of the Zaporozhye region is developing and reflects the positive dynamics of its involvement in the public life of the region. The results obtained can be used as an analytical basis for considering issues of improving regional youth policy programs and developing mechanisms to support students' social activity.

Keywords: *social activity, student youth, social life, social inclusion, youth policy, regional development, Zaporozhye region, volunteerism, survey, integration*

For citation: Fedorova E. V., Fedorov N. P., Priladysheva L. N. Students' social activity as an indicator of their involvement in the social life of the region (using the example of the Zaporozhye region). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):496—503. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1544.

Введение

Актуальность. В условиях современных социальных трансформаций социальная активность студенческой молодежи рассматривается как один из ключевых индикаторов ее вовлеченности в общественную жизнь, уровня социальной ответственности и степени интеграции в социальные и политические процессы. Студенчество, находясь на этапе профессионального, гражданского и ценностного становления, представляет собой социальную группу, наиболее чувствительную к институциональным изменениям и реформированию общественных институтов.

Особую актуальность проблема социальной активности молодежи приобретает в регионах, находящихся в стадии социально-образовательной трансформации, в т. ч. в Запорожской области, интегрирующейся в федеральное социальное и образовательное пространство Российской Федерации. Реализация государственной молодежной политики, развитие воспитательной инфраструктуры и нормативно-правовое закрепление приоритетов работы с молодежью создают новые условия для формирования и проявления социальной активности студентов [1; 2]. Вместе с тем данные процессы сопровождаются неоднородностью форм и уровней вовлеченности молодежи, что актуализирует необходимость их научного осмысления.

Изученность проблемы. Проблема социальной активности молодежи получила широкое освещение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. Теоретико-методологические основы анализа социальной активности личности и социальной группы, ее структуры, функций и механизмов формирования представлены в работах Р. М. Шамяниной, рассматривающей социальную активность как многоуровневый социально-психологический феномен [1]. Существенный

вклад в изучение психолого-педагогических условий формирования социальной активности студентов внес М. Е. Лавров [2].

Взаимосвязь социальной активности молодежи с социальной ответственностью, ценностными ориентациями и практиками общественного участия рассматривается в исследованиях Е. Ю. Костиной и Н. А. Орловой [3]. Социально-политические установки и формы общественной активности студенческой молодежи, а также региональные различия в уровнях и направлениях социальной активности анализируются в работах М. С. Филь и Н. В. Щербачевой [4], а также в исследованиях А. А. Вилкова, посвященных анализу идеологических предпочтений молодежи и конструированию образа желаемого будущего [5]. Факторы, ограничивающие проявления социальной активности молодежи, включая снижение мотивации к общественному участию и распространение установок социальной апатии, рассматриваются М. Ю. Виноградовым и А. А. Сусловой [6].

Роль образовательной среды и воспитательных механизмов в формировании социальной активности студентов раскрыта в трудах Н. А. и В. В. Молодых и С. С. Кирсановой [7]. Подходы к диагностике социальной активности студенческой молодежи представлены в работах А. А. Дубининой [8]. Значительное внимание уделяется анализу волонтерской деятельности как фактора формирования социальной активности студентов [9; 10], а также практикам общественного участия молодежи в рамках деятельности молодежных и общественных объединений [11; 12].

Зарубежный опыт исследования социальной активности студенческой молодежи представлен в работах И. Юлдашова [13; 14], а также М. Я. Са, рассматривающих академическую и социальную вовлеченность студентов как фактор устойчивости образовательных траекторий и социальной интеграции молодежи [15].

Научная новизна исследования заключается в уточнении и дополнении представлений о социальной активности студенческой молодежи в условиях трансформации регионального социально-образовательного пространства. В работе рассматриваются особенности проявления социальной активности студентов Запорожской области с учетом региональной специфики и институциональных изменений, а также систематизируются факторы, влияющие на уровень и характер социальной активности студенческой молодежи в современных условиях. Полученные результаты расширяют эмпирическое поле исследований социальной активности молодежи в новых регионах Российской Федерации.

Целесообразность разработки темы исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа социальной активности студенческой молодежи Запорожской области в условиях трансформации регионального социально-образовательного пространства. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении социальной активности студентов как интегративного показателя их общественной вовлеченности с учетом региональной специфики, а также в выявлении факторов, определяющих особенности проявления социальной активности в новых институциональных условиях.

Целью исследования является выявление и обоснование социальной активности студенческой молодежи как показателя ее включенности в общественную жизнь Запорожской области в условиях трансформации регионального социально-образовательного пространства.

Для достижения поставленной цели в статье предполагается решение следующих **задач**:

- выявить основные формы социальной активности студенческой молодежи Запорожской области;
- определить уровень и характер социальной активности студентов как показатель их включенности в общественную жизнь региона;
- установить факторы, влияющие на формирование и проявление социальной активности студенческой молодежи в региональном контексте;
- обосновать роль образовательной среды и мер молодежной политики в развитии социальной активности студентов.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении представлений о социальной активности студенческой молодежи как многомерном социальном феномене, связанном с процессами гражданского становления и социальной интеграции.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных выводов при разработке и реализации программ молодежной политики, воспитательных и образовательных практик, направленных на повышение социальной активности студентов в регионе.

Основная часть

Материалы и методы исследования. Методологической основой исследования послужил аналитический подход, ориентированный на комплексное рассмотрение социальной активности студенческой молодежи как показателя ее включенности в общественную жизнь региона. В работе использовались методы анализа и обобщения, сопоставления теоретических положений и эмпирических данных, а также интерпретации социологической информации.

Эмпирическую базу исследования составили результаты социологического опроса студентов образовательного учреждения Запорожской области, проведенного методом анкетирования. В опросе приняли участие 50 студентов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры. Полученные данные использовались для анализа уровня социальной активности студентов, форм их общественного участия и факторов, влияющих на включенность в социальные практики.

В качестве теоретико-методологической базы были использованы труды отечественных исследователей, посвященные проблематике социальной активности молодежи, гражданской идентичности и молодежной политики. Дополнительным источником эмпирического и контекстуального анализа послужили материалы официальных интернет-ресурсов, электронных средств массовой информации и интернет-изданий, отражающие практики реализации молодежных инициатив и форм социальной активности студентов в Запорожской области. Использование данных источников позволило уточнить региональный контекст исследования и соотнести результаты опроса с актуальными социальными процессами.

Результаты исследования и их обсуждения. В научных исследованиях социальная активность рассматривается как сложное и многомерное социальное явление, отражающее степень включенности личности или социальной группы в общественные процессы. В наиболее общем виде она проявляется в готовности и способности субъекта участвовать в социально значимых практиках, взаимодействовать с общественными институтами и реализовывать ценностные ориентации в форме конкретных действий [3; 5]. При этом социальная активность трактуется как многоаспектное явление, включающее мотивационно-ценностные основания, процессы социализации и институционально оформленные формы общественного и гражданского участия. В контексте изучения студенческой молодежи данная проблематика приобретает особую значимость, поскольку именно в период обучения формируются устойчивые модели общественного поведения, гражданской ответственности и социальной идентичности, что обуславливает необходимость комплексного анализа социальной активности студентов с учетом как личностных, так и социально-институциональных факторов.

Систематизация основных теоретических подходов к анализу социальной активности студенческой молодежи позволяет выявить ключевые интерпретации данного понятия и определить аналитические акценты, используемые в современных исследованиях. Обобщение данных подходов представлено в табл. 1.

Обобщение теоретических подходов позволяет рассматривать социальную активность студентов как многомерный показатель их общественной включенности. В обобщенном виде логика исследования и взаимосвязь ключевых аналитических элементов представлены на рисунке.

Формирование социальной активности студенческой молодежи Запорожской области осуществляется в условиях поэтапной интеграции региональной системы образования в федеральное образовательное пространство, сопровождающейся институциональными изменениями в сфере воспитательной и молодежной политики. Данные процессы направлены на укрепление ценностных ориентиров, развитие гражданской идентичности и создание условий для включенности молодежи в общественную жизнь региона.

Таблица 1

Теоретические подходы к анализу социальной активности студенческой молодежи

Авторы	Научный подход	Ключевая интерпретация социальной активности	Аналитический акцент
Р. М. Шамянов	Социально-психологический	Социальная активность как система мотиваций, ценностей и идентичности	Личностные и групповые основания активности
М. Е. Лавров	Психолого-педагогический	Социальная активность как фактор социализации и личностного развития	Образовательная среда
А. А. Дубинина	Социологический	Социальная активность как структурированная совокупность социальных практик	Уровни, формы и устойчивость участия
М. С. Филь, Н. В. Щербакова	Социально-политический	Социальная активность как форма гражданского и общественно-политического поведения	Гражданская включенность

Рис. Социальная активность студентов
как индикатор их включенности в общественную жизнь региона

В образовательных организациях области реализуются единые воспитательные модули, ориентированные на формирование духовно-нравственных и гражданских ценностей. Внеурочные занятия, в т. ч. в формате «Разговоров о важном», выступают не только элементом воспитательной работы, но и важным фактором формирования предпосылок социальной активности, способствующим вовлечению обучающихся в общественно значимые формы взаимодействия [4]. Масштаб и регулярность подобных мероприятий создают основу для расширения практик коллективного участия и постепенного формирования устойчивых моделей социальной вовлеченности.

Существенное значение для развития социальной активности имеет участие молодежи в общероссийских и региональных общественно-патриотических инициативах, а также развитие механизмов ученического и студенческого самоуправления. Вовлеченность студентов в данные практики формирует опыт социального участия, связанный с осмыслением гражданской ответственности, исторической памяти и общественной значимости совместных действий. Функционирование музеев воинской славы, проведение уроков мужества, участие в кадетских и юнармейских объединениях, а также реализация проектов, ориентированных на коллективную и проектную деятельность, формируют социальную среду, в рамках которой закрепляются навыки ответственности, инициативности и группового взаимодействия [4].

Наряду с развитием воспитательной составляющей образования в регионе последовательно формируется инфраструктура поддержки молодежных инициатив. Открытие современных молодежных центров и реализация программ финансовой поддержки социально значимых проектов расширяют институциональные возможности для проявления социальной активности студентов и способствуют росту их включенности в общественную жизнь региона [10]. Дополнительным фактором расширения социальной вовлеченности выступает участие студентов в образовательных и социально-ориентированных проектах. Так, в рамках программы «Университетские смены» в Запорожской области участие приняли около тысячи обучающихся, что свидетельствует о востребованности форматов, ориентированных на образовательную и социальную интеграцию молодежи [11]. Студенты региона также принимают участие в волонтерских и общественных акциях, включая инициативы патриотической и социальной направленности, формируя опыт коллективного участия и социальной ответственности [12].

Отдельного внимания заслуживают практико-ориентированные проекты, направленные на профессиональное и социальное самоопределение студенческой молодежи. Реализация молодежных инициатив, ориентированных на развитие профессиональных компетенций и расширение социальных связей, отражает тенденцию к активному включению студентов в процессы социального и экономического

развития региона [14]. Участие студентов в производственных практиках и межрегиональных образовательных программах способствует укреплению профессиональной идентичности и социальной интеграции молодежи [14].

Таким образом, развитие социальной активности студенческой молодежи Запорожской области определяется комплексом институциональных, образовательных и социально-организационных факторов, которые создают благоприятные условия для постепенной интеграции молодежи в общественную жизнь региона.

В целях эмпирической проверки теоретических положений статьи был проведен социологический опрос студентов образовательного учреждения Запорожской области, направленный на выявление уровня их социальной активности и степени включенности в общественную жизнь региона. В исследовании приняли участие 50 студентов, обучающихся по программам бакалавриата и магистратуры. Полученные данные позволили выявить основные формы социальной активности студенческой молодежи, а также факторы, влияющие на характер и интенсивность участия студентов в общественных и социальных практиках.

Обобщенные результаты опроса были систематизированы по ключевым аналитическим показателям. Социально-демографическая характеристика респондентов представлена в табл. 2.

Таблица 2

Социально-демографическая характеристика выборки

Показатель	Категория	Доля, %
Пол	Женщины	56
	Мужчины	44
Возраст	17—19 лет	38
	20—22 года	47
	23—24 года	15
Уровень обучения	Бакалавриат	82
	Магистратура	18

Представленная социально-демографическая характеристика респондентов позволяет рассматривать полученные эмпирические данные в контексте анализа социальной активности студентов на различных этапах профессиональной и личностной социализации. Сочетание обучающихся программ бакалавриата и магистратуры создает возможность выявления общих тенденций и особенностей включенности студентов в общественную жизнь региона. Дальнейший анализ сосредоточен на рассмотрении уровня социальной активности, форм общественного участия, ограничивающих факторов и показателей социальной включенности студентов, обобщенные результаты которого представлены в табл. 3.

Таблица 3

Социальная активность студентов как показатель их включенности в общественную жизнь региона

Аналитический блок	Показатель	Категория/значение	Доля респондентов, %
Уровень активности	Интенсивность участия	Высокий	29
		Средний	45
		Низкий	18
		Отсутствует	8
Формы активности	Участие в практиках	Волонтерская деятельность	32
		Образовательные и проектные инициативы	43
		Общественные акции	17
		Социально-политическая активность	8
Факторы ограничения	Барьеры участия	Недостаток времени	44
		Низкая информированность	32
		Отсутствие интереса	17
		Недоверие к институтам	7
Показатели включенности	Социальные эффекты	Чувство социальной принадлежности	34
		Гражданская ответственность	35
		Социальная интеграция	31

Результаты социологического опроса, обобщенные в табл. 3, позволяют охарактеризовать социальную активность студентов Запорожской области как процесс, находящийся в стадии постепенного формирования и институционального закрепления. Полученные данные свидетельствуют о том, что в студенческой среде преобладает средний уровень социальной активности (45 %), что отражает тенденцию к вовлечению молодежи в общественную жизнь преимущественно в эпизодических и проектно-ориентированных формах. Данная модель участия может рассматриваться как переходная, создающая основу для дальнейшего расширения и устойчивости социальных практик.

Доля студентов с высоким уровнем социальной активности (29 %) указывает на наличие в регионе сформировавшейся группы молодежи, ориентированной на регуляр-

ное участие в общественной и волонтерской деятельности. Наличие такой группы является значимым показателем позитивных изменений в сфере молодежной политики и свидетельствует о росте потенциала студенческой молодежи как активного субъекта общественной жизни. При этом сравнительно небольшая доля студентов с низким или отсутствующим уровнем активности позволяет говорить не о социальной пассивности, а о различиях в темпах включения молодежи в общественные процессы.

Структура форм социальной активности демонстрирует устойчивый интерес студентов к социально значимым и институционально поддерживаемым практикам, прежде всего волонтерской деятельности и участию в образовательных и проектных инициативах. Расширение данных форм участия способствует формированию навыков

социальной ответственности и коллективного взаимодействия, а также создает условия для постепенного перехода от разовых форм участия к более устойчивым моделям социальной активности. Анализ факторов, ограничивающих социальную активность, показывает, что основные барьеры носят организационный и информационный характер. Преобладание таких факторов, как высокая учебная нагрузка и недостаточная информированность, свидетельствует не о снижении мотивации, а о необходимости дальнейшего совершенствования механизмов вовлечения студентов и развития каналов коммуникации. Отмечаемые ценностные ограничения носят умеренный характер и не препятствуют формированию позитивной динамики социальной активности.

Показатели включенности студентов в общественную жизнь региона подтверждают наличие положительных интеграционных процессов. Более половины респондентов демонстрируют выраженное чувство социальной принадлежности и социальной интеграции, что указывает на формирование устойчивых связей между студенческой молодежью и региональным социальным пространством. При этом уровень гражданской ответственности развивается поступательно, отражая этапность формирования гражданской идентичности в студенческой среде.

В целом полученные результаты позволяют охарактеризовать социальную активность студентов Запорожской области как развивающийся и положительно направленный процесс, отражающий постепенное включение молодежи в общественную жизнь региона и расширение спектра социальных практик участия.

Интерпретация полученных данных может быть дополнена их сопоставлением с результатами сравнительных исследований студенческой молодежи различных регионов Российской Федерации. Так, в работе М. С. Филь и Н. В. Щербаковой [4], посвященной анализу социально-политического поведения студенческой молодежи Москвы и Запорожской области, показано, что для студентов столичного региона характерна выраженная дистанцированность от общественно-политических процессов при одновременной ориентации на индивидуальные стратегии самореализации.

В отличие от этого, студенты Запорожской области демонстрируют более высокую значимость коллективных и социально ориентированных форм участия, что обусловлено особенностями регионального социального контекста и опытом проживания в условиях институциональной трансформации. Указанные выводы соотносятся с результатами настоящего исследования и позволяют рассматривать выявленные уровни социальной активности студентов как отражение специфики регионального социального пространства.

На основе проведенного анализа представляется возможным сформулировать ряд рекомендаций, направленных на дальнейшее развитие социальной активности студенческой молодежи Запорожской области и повышение уровня ее включенности в общественную жизнь региона:

Рекомендуется усилить роль образовательных организаций высшего образования как ключевых институтов формирования устойчивых форм социальной активности студентов. Развитие долгосрочных волонтерских и проектных программ на базе вузов, предполагающих регулярное участие студентов, может способствовать переходу от эпизодических форм социальной активности к более стабиль-

ным моделям общественного участия. Эффективность данной меры может быть оценена через рост доли студентов, систематически участвующих в социальных и общественных проектах.

Важным направлением является развитие инфраструктуры поддержки молодежных инициатив на уровне региональных молодежных центров и профильных структур молодежной политики. Создание условий для реализации студенческих социальных проектов, включая консультационную, организационную и информационную поддержку, будет способствовать расширению спектра форм социальной активности и вовлечению студентов с изначально средним уровнем активности. Показателями результативности могут выступать увеличение числа реализованных молодежных проектов и расширение круга вовлеченных участников.

Рекомендуется улучшить механизмы информационного сопровождения молодежных инициатив на уровне региональных органов, ответственных за реализацию государственной молодежной политики. Повышение доступности и прозрачности информации о возможностях участия в социальных и общественных практиках может снизить барьеры вовлеченности, связанные с недостаточной информированностью студентов. Эффективность данных мер может быть зафиксирована через рост осведомленности студентов о региональных молодежных программах и инициативах.

Перспективным направлением является развитие форм студенческого самоуправления и проектной активности, ориентированных на формирование у студентов навыков ответственности, инициативности и коллективного взаимодействия. Поддержка данных форм активности со стороны образовательных организаций и региональных структур молодежной политики способствует укреплению гражданской идентичности и формированию устойчивых моделей социальной включенности, что может быть отражено в росте показателей социальной принадлежности и гражданской ответственности студентов.

Таким образом, согласование воспитательных, образовательных и социальных инициатив позволяет создать целостную среду, в рамках которой социальная активность студентов будет выступать не разовой практикой, а устойчивым показателем их включенности в общественную жизнь региона.

Заключение

Проведенное исследование позволило рассмотреть социальную активность студентов как показатель их включенности в общественную жизнь Запорожской области в условиях поэтапной интеграции регионального образовательного и социального пространства. Анализ теоретических подходов и эмпирических данных показал, что социальная активность студенческой молодежи формируется под воздействием институциональных и ценностных факторов и носит развивающийся характер.

Результаты социологического опроса свидетельствуют о преобладании средних уровней социальной активности, что отражает наличие интереса студентов к общественному участию при сохранении преимущественно эпизодического характера вовлеченности. Наиболее распространенными формами социальной активности выступают волонтерские и проектно-ориентированные практики, реализуемые в рамках институционально поддерживаемых инициатив.

Выявленные ограничивающие факторы указывают на необходимость дальнейшего укрепления устойчивых форм социальной вовлеченности и расширения возможностей регулярного общественного участия студентов.

В целом полученные результаты позволяют сделать вывод о положительной динамике социальной активности студенческой молодежи и ее постепенной интеграции в общественную жизнь региона. Социальная активность

студентов может рассматриваться как значимый ресурс социальной интеграции и регионального развития, а также как ориентир для совершенствования молодежной политики. Перспективы дальнейших исследований связаны с углубленным анализом мотивационных механизмов социальной активности, расширением эмпирической базы и сравнительным изучением практик общественного участия студентов в различных региональных контекстах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шамионов Р. М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15. № 4. С. 379—394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.
2. Лавров М. Е. Социальная активность студентов как психолого-педагогический феномен: анализ теоретических подходов // Социально-политические исследования. 2021. № 1(10). С. 113—123. DOI: 10.20323/2658-428X-2021-1-10-113-123.
3. Костина Е. Ю., Орлова Н. А. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 1. С. 129—143. DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778.
4. Филь М. С., Щербакова Н. В. Акценты социально-политического поведения в студенческой среде: сравнительный анализ мнений молодежи Москвы и Запорожской области // Власть. 2023. Т. 31. № 5. С. 199—209. DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9818.
5. Вилков А. А. Идеологические предпочтения молодежи как фактор представлений о желаемом будущем России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 71—78. DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-1-71-78.
6. Виноградов М. Ю., Суслова А. А. Феномен социальной апатии и его актуальность в современной России // Политика. 2022. № 4(107). С. 123—145. DOI: 10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145.
7. Молодыхенко Н. А., Молодыхенко В. В., Кирсанова С. С. Формирование духовно-нравственных ценностей молодежи в новых регионах России // Образование и саморазвитие. 2025. Т. 20. № 4. С. 119—133. DOI: 10.26907/esd.20.4.09.
8. Дубинина А. А. Социальная активность студенческой молодежи: содержание, структура, критерии диагностики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2025. № 1(70). С. 239—246. DOI: 10.26456/vtspysped/2025.1.239.
9. Карапунарлы М. Я., Прокофьева О. Н. Особенности формирования социальной активности студентов вуза в процессе волонтерской деятельности // Вестник Калужского университета. 2021. № 1(50). С. 135—137.
10. Певная М. В., Тарасова А. Н., Телепаева Д. Ф., Черникова-Бука М. Волонтерская деятельность учащейся молодежи: социальная значимость и основания мотивированного отказа // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 10. С. 200—230. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-10-200-230.
11. Язынина Н. Л., Жарова О. Ю. Формирование социальной активности студентов ФГБОУ ВО «СГУС» в деятельности общественных молодежных объединений // Культура физическая и здоровье. 2025. № 2(94). С. 194—198.
12. Вашумирская Д. В. Роль социальной активности студентов в рамках университетской жизни // Северо-Кавказский психологический вестник. 2023. Т. 21. № 2. С. 60—68.
13. Yuldashev I. A. Formation of social activity of students as the basis for the implementation of the human factor // European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences. 2019. Vol. 7. No. 7. Pp. 46—50.
14. Yuldashov I. The significance of increasing youth social activity in forming civil society // Research Focus. 2022. Vol. 1. No. 1. Pp. 144—151.
15. Sá M. J. Student Academic and Social Engagement in the Life of the Academy—A Lever for Retention and Persistence in Higher Education // Education Sciences. 2023. Vol. 13. Iss. 3. Art. 269. DOI: 10.3390/educsci13030269.

REFERENCES

1. Shamionov R. M. Social activity of personality and groups: definition, structure and mechanisms. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2018;15(4): 379—394. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.
2. Lavrov M. E. Social activity of students as a psychological and pedagogical phenomenon: analysis of theoretical approaches. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya = Social and political researches*. 2021;1(10):113—123. (In Russ.) DOI: 10.20323/2658-428X-2021-1-10-113-123.
3. Kostina E. Yu., Orlova N. A. Social activity and social responsibility in the ideas and practices of modern youth. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022;13(1):129—143. (In Russ.) DOI: 10.19181/vis.2022.13.1.778.
4. Fil' M. S., Shcherbakova N. V. Accents of Socio-political Behavior in the Student Environment: a Comparative Analysis of the Opinions of Young People in Moscow and the Zaporozhye Region. *Vlast' = The Authority*. 2023;31(5):199—209. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v31i5.9818.
5. Vilkov A. A. Ideological preferences of youth as a factor of perceptions of the desired future of Russia. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya = Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2023;23(1):71—78. (In Russ.) DOI: 10.18500/1818-9601-2023-23-1-71-78.
6. Vinogradov M. Yu., Suslova A. A. The phenomenon of social apathy and its relevance in modern Russia. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz = Politeia*. 2022;4(107):123—145. (In Russ.) DOI: 10.30570/2078-5089-2022-107-4-123-145.

7. Molodychenko N., Molodychenko V., Kirsanova S. Formation of Spiritual and Moral Values of Youth in New Regions of Russia. *Obrazovanie i samorazvitie = Education and Self-Development*. 2025;20(4):119—133. (In Russ.) DOI: 10.26907/esd.20.4.09.
8. Dubinina A. A. Students' social activity: content, structure, diagnostic criteria. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 2025;1(70):239—246. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtsped/2025.1.239.
9. Karapunary M. Ya., Prokofieva O. N. Features of formation of university students' social activity in process of volunteer activity. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta*. 2021;1(50):135—137. (In Russ.)
10. Pevnaya M. V., Tarasova A. N., Telepaeva D. F., Cernicova-Bucă M. Volunteering of students: Social meaning and basis of motivated refusal. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2022;24(10):200—230. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2022-10-200-230.
11. Yazynina N. L., Zharova O. Yu. Formation of social activity of students of Smolensk State University of Sport in the activities of public youth associations. *Kul'tura fizicheskaya i zdorov'e = Physical culture and health*. 2025;2(94):194—198. (In Russ.)
12. Vashumirskaya D. V. The role of social activity of students in the framework of university life. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik*. 2023;21(2):60—68. (In Russ.)
13. Yuldashev I. A. Formation of social activity of students as the basis for the implementation of the human factor. *European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences*. 2019;7(7):46—50.
14. Yuldashov I. The significance of increasing youth social activity in forming civil society. *Research Focus*. 2022;1(1):144—151.
15. Sá M. J. Student Academic and Social Engagement in the Life of the Academy—A Lever for Retention and Persistence in Higher Education. *Education Sciences*. 2023;13(3):269. DOI: 10.3390/educsci13030269.

Статья поступила в редакцию 11.01.2026; одобрена после рецензирования 29.01.2026; принята к публикации 02.02.2026.
The article was submitted 11.01.2026; approved after reviewing 29.01.2026; accepted for publication 02.02.2026.

Научная статья
УДК 377.091.5:005.585(470+571)
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1552

Tatiana Evgenievna Finogeeva
Candidate of Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Production Technologies
and Vocational Education,
Lugansk State Pedagogical University
Lugansk, Russian Federation
finogeevat@list.ru

Татьяна Евгеньевна Финогеева
канд. пед. наук,
доцент кафедры технологий производства
и профессионального образования,
Луганский государственный педагогический университет
Луганск, Российская Федерация
finogeevat@list.ru

ЦЕЛИ ТРУДОВОГО ОБУЧЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье выполнен историко-педагогический анализ проблемы целей трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в., методологически основанный на системном и историко-хронологическом подходах. Актуальность обозначенной в статье проблемы обоснована возрождением интереса государства и общества к трудовому обучению школьников. Анализ массива научных источников показал наличие достаточного объема исследований теоретического и практического характера по проблеме трудового обучения школьников. При этом было выявлено, что вопрос трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в. остается малоизученным.

Цель статьи заключается в выявлении и теоретическом обосновании концептуальных основ механизма целеполагания в трудовом обучении школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в. Выявлено, что в рассматриваемый нами исторический период трудовое обучение школьников осуществлялось в трех формах: на уроках труда, во внеурочное время и в форме общественно-полезного труда. Теоретическое изучение целей трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в. дало основание утверждать, что цели трудового обучения школьников советской России первой трети XX в. формулировались учеными и педагогами в трех векторах: общеобразовательного, идеологического и всестороннего развития личности ребенка. Рассмотр-

ен прогностический потенциал исторического опыта трудового обучения школьников советской России первой трети XX в.

Научная значимость заключается в том, что впервые выполнен анализ целей трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в., сформулированы направления усовершенствования трудового обучения школьников на современном этапе через призму исторического опыта советской России первой трети XX в. Расширены представления о целях трудового обучения школьников в советской России первой трети XX в., выявлены механизмы целеполагания в трудовом обучении школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в., выполнено системное историко-педагогическое исследование массива первоисточников, которое позволяет обозначить позитивный опыт советской России первой трети XX в. в организации трудового обучения школьников. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных результатов при усовершенствовании концептуальных основ трудового обучения школьников на современном этапе. Кроме того, представленные фактологические данные могут быть использованы в научной и учебной деятельности педагогов и студентов.

Ключевые слова: образовательная парадигма, цель, единая трудовая школа, народное образование, трудовое обучение, культура труда, урок труда, формы трудового обучения, социалистическая школа, школа фабрично-заводского ученичества

Финансирование: исследование проводилось в рамках научной темы 1025022800066-6-5.3.1-5.3.1 «Ретроинновация феномена трудовое воспитание в российском школьном образовании» (VGEA-2026-0008).

Для цитирования: Финогеева Т. Е. Цели трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в. // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 504—511. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1552.

Original article

THE AIMS OF LABOR TRAINING FOR SCHOOLCHILDREN IN THE EDUCATIONAL PARADIGM OF SOVIET RUSSIA IN THE FIRST THIRD OF THE 20th CENTURY

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. This article presents a historical and pedagogical analysis of the goals of schoolchildren's vocational training within the educational paradigm of Soviet Russia in the first

third of the 20th century. The analysis is methodologically based on a systemic and historical-chronological approach. The relevance of the problem outlined in the article is justified

by the renewed interest of the state and society in schoolchildren's vocational training. An analysis of a range of scientific sources revealed the existence of a sufficient volume of theoretical and practical research on the issue of schoolchildren's vocational training. However, it was revealed that the issue of schoolchildren's vocational training within the educational paradigm of Soviet Russia in the first third of the 20th century remains understudied.

The aim of this article is to identify and theoretically substantiate the conceptual foundations of the goal-setting mechanism for schoolchildren's vocational training within the educational paradigm of Soviet Russia in the first third of the 20th century. It is revealed that during the historical period under consideration, schoolchildren's vocational training was carried out in three forms: during vocational classes, outside of school hours, and through socially useful work. A theoretical study of the objectives of schoolchildren's vocational training within the educational paradigm of Soviet Russia in the first third of the 20th century has provided grounds for asserting that the objectives of schoolchildren's vocational training in Soviet Russia in the first third of the 20th century were formulated by scholars and educators in three vectors: general educational, ideological, and comprehensive development of the child's personality. The prognostic potential of the historical experience of schoolchildren's vocational training in Soviet Russia in the first third of the 20th century is examined.

Funding: The study was conducted as part of the scientific topic 1025022800066-6-5.3.1-5.3.1 “Retroinnovation of the Labor Education Phenomenon in Russian School Education” (VGEA-2026-0008).

For citation: Finogeeva T. E. The aims of labor training for schoolchildren in the educational paradigm of Soviet Russia in the first third of the 20th century. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):504—511. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1552.

Введение

Актуальность. В приветствии к участникам и гостям Всероссийского педагогического съезда 19 августа 2025 г. Президент РФ отметил, что «отечественная педагогика всегда, во все времена отличалась многогранным, разносторонним подходом, поэтому в наших совместных планах на перспективу нужно обязательно учитывать лучшие традиции дореволюционной, советской и уже современной российской школы». Ранее, выступая с посланием к Федеральному Собранию 29 февраля 2024 г., Президент РФ отметил важность того, «чтобы сегодняшние подростки стали профессионалами своего дела, готовыми трудиться в экономике XXI века».

При этом, помимо проблем, определяющих трудности в выборе выпускников школ профессиональной траектории («социально-экономическая неопределенность будущего», отсутствие прозрачных методов осуществления прогноза потребности в определенных специальностях, низкая инициативность работодателей в вопросах подготовки молодых кадров [1, с. 177]), остается нерешенной проблема низкой мотивации школьников к труду в целом и будущей профессиональной деятельности в частности.

Мы согласны с Н. Н. Лавровым и А. С. Лавреновым, что именно трудовое обучение школьников играет важную роль в реализации единой модели профессиональной ориентации и его сущностной особенностью является «нацеленность на освоение самых передовых методов и технологий в научно-технологической сфере» [2, с. 108].

Несмотря на принятие ряда нормативных правовых актов, предполагающих актуализацию проблемы трудового обучения школьников (федеральные законы от 4 авгу-

The scientific significance of the study lies in the fact that for the first time, the objectives of schoolchildren's vocational training within the educational paradigm of Soviet Russia in the first third of the 20th century have been identified, and directions for improving schoolchildren's vocational training in the present stage have been formulated through the prism of the historical experience of Soviet Russia in the first third of the 20th century. Theoretical significance of the study: expanded understanding of the objectives of schoolchildren's vocational training in Soviet Russia in the first third of the 20th century; identified mechanisms for goal-setting in schoolchildren's vocational training within the educational paradigm of Soviet Russia in the first third of the 20th century; A systematic historical and pedagogical study of a body of primary sources was conducted, which allows us to identify the positive experience of Soviet Russia in organizing vocational training for schoolchildren during the first third of the 20th century. The practical significance of this study lies in the potential application of the obtained results in improving the conceptual foundations of vocational training for schoolchildren today. Furthermore, the factual data presented in the article can be used in the research and educational activities of teachers and students.

Keywords: educational paradigm, goal, unified labor school, public education, labor training, labor culture, labor lesson, forms of labor training, socialist school, factory apprenticeship school

ста 2023 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» и от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”»), нерешенным остается вопрос создания концептуально инновационной системы трудового обучения российских школьников, которая соответствовала бы отечественной образовательной парадигме.

При этом концептуальные основы системы инновационной системы трудового обучения современных школьников должны опираться на исторический опыт.

Изученность проблемы. Цели трудового обучения школьников в изучаемый нами исторический период рассматривал ряд педагогов и ученых: А. В. Луначарский, П. П. Блонский, М. М. Пистак, А. Г. Калашников, А. П. Шохин, И. А. Кан, Н. К. Крупская, В. Я. Струминский, Н. Е. Румянцев, Л. Д. Синицкий, В. Н. Шульгин, А. Е. Штейнберг и др. Так, А. В. Луначарский сформулировал цели трудового обучения через призму основных принципов единой трудовой школы [3], М. М. Пистраком описаны цели и задачи трудового обучения в мастерских неполной средней школы [4], А. Г. Калашников при определении целей трудового обучения школьников проводил исторические параллели с дореволюционной школой [5].

Трудовое обучение школьников советской России изучено и современными учеными [6—16]. Так, Г. А. Казанцевой и А. А. Карпуковой исследована теория и практика трудового обучения школьников в 1920-х гг. [6]. Д. В. Качаловым и И. В. Шалашовой описаны основные направления развития трудового обучения в 1920—1930-х гг. [7].

П. В. Васильевым выполнено сравнение содержания трудового обучения в единой трудовой школе с дореволюционной школой [8]. А. В. Котельниковым и Н. П. Сенченковым изучены вопросы организации единой трудовой школы [9]. Я. П. Криво отмечает, что «максимальное сближение процесса обучения с трудовой деятельностью» было основной целью единой трудовой школы в 1920-х гг. [10, с. 49]. В статье А. А. Кальсиной изучен региональный аспект реформирования единой трудовой школы в 1918—1923 гг. (на примере Пермской губернии) [11]. С. В. Солдаткиной выполнен анализ государственной стратегии становления единой трудовой школы [12]. В статьях А. А. Кальсиной [11], П. С. Ястребова [13], Ю. А. Яхутль [14], Е. К. Шабалиной [15] и М. В. Соловьяновой [16] изучены региональные аспекты становления и развития единой трудовой школы 1918—1923 гг. Несмотря на представленные исследования, проблема трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в. остается малоизученной.

Целесообразность разработки темы обусловлена наличием в современном российском обществе противоречия между острой потребностью государства в квалифицированных рабочих кадрах и недостаточным уровнем сформированности у выпускников школы трудовой мотивации. Одним из путей решения данного противоречия является организация в общеобразовательных учреждениях системной и планомерной работы по формированию у школьников любви к труду, уважения к человеку труда и стремления к профессиональной трудовой самореализации. При этом именно трудовое (технологическое) обучение имеет огромный потенциал в трудовом обучении и воспитании подрастающего поколения. Обновление концептуальных основ трудового обучения школьников на современном этапе невозможно без учета исторического опыта организации трудового обучения, в т. ч. положительного опыта советской России первой трети XX в.

Научная значимость исследования:

- впервые осуществлен анализ целей трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в.;
- предложены пути усовершенствования трудового обучения школьников на современном этапе через призму исторического опыта советской России первой трети XX в.

Цель нашего исследования заключается в выявлении и теоретическом обосновании концептуальных основ механизма целеполагания в трудовом обучении школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в.

Задачи исследования:

1. Провести историко-теоретический анализ исследований и работ отечественных ученых, изучавших процесс организации трудового обучения школьников в советской России первой трети XX в., обобщить основные результаты и продукты их исследований.
2. Раскрыть особенности постановки целей трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в.
3. Сформулировать перспективные направления развития трудового обучения школьников в условиях современной образовательной парадигмы.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении представлений о целях трудового обучения школьников в советской России первой трети XX в.; выяв-

лении механизмов целеполагания в трудовом обучении школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в. Наряду с этим осуществлен историко-педагогический анализ массива первоисточников, который позволяет обозначить позитивный опыт советской России первой трети XX в. в организации трудового обучения школьников.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения полученных результатов при усовершенствовании концептуальных основ трудового обучения школьников на современном этапе. Представленные в статье фактологические данные могут быть использованы в научной и учебной деятельности педагогов и студентов (подготовка лекций, семинаров, факультативов, рефератов и т. п.).

Основная часть

Методология, материалы и методы исследования.

Материалом исследования явились первоисточники первой трети XX в. (постреволюционный период) и научные изыскания современных исследователей. В качестве методического базиса нашего исследования выступили системный анализ научной литературы, посвященной трудовому обучению школьников в советской России первой трети XX в., изучение документов (эмпирический метод исследования), сравнение и обобщение результатов исследований. Методологической основой выступили историко-хронологический подход (исследование генезиса целей трудового обучения школьников в его исторической ретроспективе) и системный подход (для изучения целей трудового обучения школьников как компонента педагогической системы).

Результаты исследования. Следует отметить, что в основе образовательной парадигмы советской России первой трети XX в. были принципы единой системы обучения школьников и всеобщего бесплатного образования.

При рассмотрении целей трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в. мы опирались на трактовку дефиниции «педагогические цели», рассмотренную нами ранее [17].

Выполнив системный анализ научных изысканий по вопросу целей трудового обучения школьников в первой трети XX в., мы выделили три основных вектора:

1) трактовка цели трудового обучения школьников с общеобразовательной позиции (А. В. Луначарский, П. П. Блонский, М. М. Пистрак, А. Г. Калашников, А. П. Шохин, И. А. Кан, Н. К. Крупская, В. Я. Струминский, И. И. Векслер и др.);

2) трактовка цели трудового обучения школьников с идеологической позиции (Н. Е. Румянцев, П. П. Блонский, Л. Д. Синицкий, М. М. Пистрак, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, В. Н. Шульгин, А. П. Шохин, А. Е. Шейнберг, З. И. Лилина, Н. К. Крупская);

3) трактовка цели трудового обучения школьников с позиции всестороннего развития личности ребенка (Н. Н. Иорданский, И. П. Тутышкин, М. М. Пистрак, Н. К. Крупская, В. В. Смиренномудренский, Л. Березов и др.).

Говоря об основной цели трудовой школы, А. В. Луначарский писал, что необходимо научить школьников «само-му труду», а не обучать через труд [18, с. 78].

По мнению П. П. Блонского, одного из основоположника советской педологии, «цель трудового воспитания — развитие в ребенке умения создавать из вещей и явлений природы предметы, полезные для человечества» [18, с. 78].

В книге «Трудовая школа» (1921 г.) П. П. Блонский писал, что цель трудовой школы «не ремесленничество, но общее трудовое развитие» [19, с. 2].

Заведующий Московским отделом профтехобразования (с 1919 г.) А. Г. Калашников так определял конечную цель трудовой школы: «...подготовить граждан» к миссии реализации «производительного, коллективно организованного и общественно необходимого труда» [18, с. 42]. Проводя сравнение с дореволюционной школой, А. Г. Калашников указывает на то, что цели советской трудовой школы должны быть шире и охватывать не только технические, но и экономические, социологические и идеологические представления о жизни общества.

Один из организаторов профессионально-технического и политехнического образования в СССР А. П. Шохин сформулировал цель сельской школы крестьянской молодежи, которая должна быть призвана «переплести» теорию и практику сельского хозяйства в области сельского хозяйства [18, с. 142].

Сотрудник естественно-математического подотдела отдела реформы школы (1918—1920 гг.) И. А. Кан, говоря о цели подготовки старшекласников, писал, что им необходимо дать знания о наиболее значимых «технических отраслей труда» [20, с. 43].

По мнению автора статьи «Комсомол, школа и кооперация» Н. Бодрого (1925 г.), трудовая школа «должна вооружить ученика тем знанием, с которым он, на другой же день, как только покинет школьную скамью, сможет стать полезным членом пролетарского общества» [21, с. 14].

В докладе Н. К. Крупской «Система народного образования в РСФСР» (1923 г.) представлены цели трудовой школы на каждой первой и второй ступенях трудовой школы [22, с. 29]. При этом докладчик акцентировала, что трудовая школа «...должна учить организации труда, а не только трудолюбию» [22, с. 30].

Описывая опыт детской колонии «Школа жизни» (с. Конищево Моршанского уезда Тамбовской губернии), авторы сборника статей и материалов «Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми» (1926 г.) писали, что данная колония была создана как «общественно-культурный центр деревни, где дети, путем непосредственного участия в общей работе учреждения, вырабатывают навыки в трудовой и общественной работе» [23, с. 29].

В издании «Народная единая трудовая школа» (1918 г.) отрицалась ремесленническая цель трудовой школы и декларировалась необходимость «политехнического образования» [24, с. 12].

В труде «Вторая ступень советской трудовой школы» (1929 г.) основной целью трудовой школы первой ступени обозначается формирование умения «справляться с наиболее ходовыми материалами нашего окружения» [25, с. 279].

Вторая позиция в отношении трактовки целей и задач трудового обучения школьников на советском этапе отражена в «Тезисах о самоуправлении, принятых Научно-педагогической секцией ГУСа» (1923 г.). Так, основной целью трудовой школы называлось воспитание «стойкого борца за идеалы рабочего класса» и «умелого строителя коммунистического общества» [26, с. 148—149].

Заведующий лаборатории экспериментальной педагогики при Соляном городке в Петрограде Н. Е. Румянцев писал о новых целях единой трудовой школы: подготовка «воспитание будущих граждан, способных сознатель-

но разбираться в вопросах о том, что нужно и полезно для государства, умеющих жертвовать своими личными и узкопартийными, классовыми интересами для блага целого» [27, с. 4—5].

П. П. Блонский критиковал мнение, что деревенские ребята уже знают основы земледелия и хозяйства, указывая на то, что трудовая школа учит деревенского ребенка «...трудиться, как человека, живущего в культурно-трудовом коллективе... зачеркивает не существительное «труд», но прилагательные «архаический, слепой, индивидуалистический»» [19, с. 134].

По мнению В. И. Ленина, трудовая школа была призвана формировать из молодежи «участников борьбы за освобождение от эксплуататоров», формировать у них «коммунистические взгляды» [28, с. 326].

Приверженец педагогических идей, направленных на формирование нового типа личности — «улучшенного человека-революционера», Л. Д. Троцкий указывал на основную цель подготовки молодежи в условиях социалистического строительства: научить думать о личных интересах через призму общественной: «сегодня тщательно пришивать советскую пуговицу, а завтра бесстрашно умирать под знаменем коммунизма» [18, с. 64].

Заместитель заведующего отделом реформы школ Народного комиссариата просвещения (1918—1922 гг.) В. Н. Шульгин формулирует идеи трудовой советской школы («подготовка хорошего рабочего»), сравнивая ее с дореволюционной (подготовка командиров над рабочими) [18, с. 65].

Формулируя цели школы фабрично-заводского ученичества, лидер комсомольского движения 1920-х гг. А. П. Шохин говорил об удовлетворении потребностей в «активных, творческих строителях рабоче-крестьянской России» [18, с. 111].

Советский историк А. Е. Шейнберг описывал глобальную цель школ фабрично-заводского ученичества: подготовка достаточного количества рабочих, которые будут способны выполнить миссию «переоборудования и нового строительства на современный технический и организационно-производственный лад фабрик и заводов» [18, с. 117].

Заведующая Петроградским ГубОНО и руководитель Отдела социального воспитания (1924—1926 гг.) З. И. Лилина так говорила о цели трудовой школы: «мы хотим создать граждан коммунистического общества, проникнутых любовью к труду и духом общественности» [29, с. 49].

По мнению Н. К. Крупской, трудовая школа политехнического характера должна дать ученикам сведения о «хозяйстве страны в целом» и о его главных отраслях [30, с. 11].

Ряд педагогов и общественных деятелей советского этапа рассматривали цели и задачи трудового обучения школьников с позиции всестороннего развития личности ребенка.

Например, руководитель Главного управления социального воспитания Наркомпроса РСФСР (1921—1922 гг.) Н. Н. Иорданский видел такую цель трудовой школы: «...через труд в правильном его применении вести школьника к познанию и овладению природой, к активному участию в жизни близких ему и всего человечества... и к увеличению культурных ценностей в жизни человека» [31, с. 20]. Интересна позиция педагога в части конечного результата обучения в трудовой школе, которая должна «...дать школьнику деятельное представление об экономических основах жизни, т.-е. то, что мы называем «бытовым марксизмом» или «выявлением марксизма в быту» [31, с. 35].

Учитель в еврейской частной средней школе Я. Ландау, еврейской школе по развитию научных и художественных знаний, Рижской городской русской средней школы И. П. Тутышкин так описывал цель трудовой школы: «...путем постепенного осложнения этих задач, поднять ребенка над материей, вдохнуть в него творчество» [32, с. 159].

Важным элементом трудового обучения являлась профессиональная ориентация. Так, описывая учебный процесс в опытно-показательной школе-коммуне им. П. Н. Лепешинского М. М. Пистрак писал о достижении одной из целей трудовой школы: «организованно вести ребят в окружающую общественную среду» [4, с. 88].

Н. К. Крупская называла основное отличие социалистической школы — изменение цели «...полное всестороннее развитие учащегося, она не должна подавлять его индивидуальности, а лишь помогать ей формироваться» [18, с. 27]. Сравнивая цели дореволюционной и советской школы, педагог отмечала, что цели первой заключаются в подавлении личности учеников, в «затемнении их сознания», а советская школа ставит целью «расцвету личности каждого ребенка» [18, с. 73].

По мнению Л. Березова, в результате у выпускника трудовой школы должно быть сформировано как «общее культурное развитие», так и «агрономическое образование» и «знание правильных форм землепользования и землеустройства» [33, с. 147].

Заключение

Таким образом, анализ цели трудового обучения школьников в образовательной парадигме советской России первой трети XX в. позволяет нам говорить, что в трудах ученых и педагогов цели трудового обучения школьников на советском этапе рассматривались в трех направлениях: с общеобразовательной позиции, с идеологической позиции, с позиции всестороннего развития личности ребенка.

Следует сказать о прогностическом потенциале исторического опыта трудового обучения в советской России первой трети XX в.

В частности, не теряет актуальности профилизация трудового обучения в школе, ознакомление школьников с региональным производственным сектором. Так, по поручению Президента РФ (Перечень поручений по итогам рабочей поездки 5 марта 2024 г. в Ставропольский край № 757) в восьми регионах страны стартовал пилотный проект Минсельхоза России «Агротехнологические классы», а к 2030 г. планируется создать 18 тыс. агроклассов. В данном направлении осуществляется и взаимодействие в системе «школа — вуз». Например, с 17 по 19 октября 2025 г. на базе Вятского государственного агротехнического университета был организован форум сельской молодежи для школьников агротехклассов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мельник А. Д., Судакова А. Е., Антонова Н. Л. Выбор стартовой профессиональной траектории: эффект несоответствия работы и образования // Образование и наука. 2024 Т. 26. № 8. С. 174—206. DOI: 10.17853/1994-5639-2024-8-174-205.
2. Лавров Н. Н., Лавренев А. С. Роль технологического образования в реализации программ профессиональной ориентации школьников на выбор профессий в сфере высоких технологий // Актуальные вопросы и тенденции развития предметной области «Труд (Технология)»: сб. материалов X Всерос. науч.-практ. конф. СПб: Научное издание, 2025. С. 106—110.
3. Луначарский А. В. Основные принципы Единой Трудовой Школы. (От Государственной Комиссии по просвещению) // Народная единая трудовая школа / под ред. Н. В. Севастьянова. Пенза: Пензен. уезд. отд. нар. образования, 1918. Вып. 1. С. 9—24.

В современных условиях применим также исторический опыт профессиональной ориентации школьников на уроках труда (технологии). Выступая на стратегической сессии «Технологическое лидерство: индустриальный прорыв» на международной промышленной выставке «Иннопром» 8 июля 2025 г. Председатель Правительства РФ назвал кадровый прогноз до 2030 г.: 2,2 млн чел. Одним из способов преодоления проблемы кадрового голода является профессиональная ориентация школьников. Согласно Письму Минпросвещения России от 21 июня 2024 г. № 01-09/419 «О направлении методического письма по учебному предмету “Труд (технология)”» содержание учебного предмета «Труд (технология)» предусматривает изучение темы «Мир профессий». Также в 2025 г. продолжает реализовываться проект «Билет в будущее», предполагающий оказание помощи школьникам в выборе жизненного пути, проведение профориентационных уроков «Моя Россия — новые горизонты» [Письмо Минпросвещения России от 1 июня 2023 г. № АБ-2324/05 «О внедрении Единой модели профессиональной ориентации», Письмо Минпросвещения России от 25 апреля 2023 г. № ДГ-808/05 «О направлении информации» (вместе с «Методическими рекомендациями по реализации проекта “Билет в будущее” по профессиональной ориентации обучающихся 6—11 классов образовательных организаций Российской Федерации, реализующих образовательные программы основного общего и среднего общего образования», утв. Фондом Гуманитарных Проектов 19 апреля 2023 г.)]. Эффективной формой профессиональной ориентации школьников являются экскурсии на предприятия региона. Так, в октябре 2025 г. школьники г. Луганска в рамках Всероссийской акции «Неделя без турникетов» посетили ряд машиностроительных мероприятий города (ООО «ЛУГАМАШ», ООО «Лугцентрокуз им. С. С. Монятовского», ООО «АВТОМОТОЗАПЧАСТЬ», ООО «ЛЗТА Маршал», ООО «ОДК-Сервис Луганск» и ООО «ЛУГАСТАЛЬ»). Также в октябре 2025 г. школьники Луганской Народной Республики посетили предприятия топливно-энергетического комплекса региона: «Луганскгаз», поверхностный комплекс шахты «Белореченская», ремонтно-механические заводы г. Антрацита и г. Свердловска.

В Государственной Думе в первом чтении принят законопроект, согласно которому школьники, не сдавшие ГИА после 9 класса, смогут получить рабочую профессию. Первые шаги на этом пути уже есть. Так, в 2025 г. на базе Центра опережающей профессиональной подготовки Свердловской области реализуется пилотный региональный проект по профессиональному обучению несовершеннолетних (15 профессий). В 2025 г. продолжил реализовываться федеральный проект для старшеклассников «Код будущего», позволяющий бесплатно осваивать курсы по робототехнике и программированию. В г. Москве реализуется городской проект «Профессиональное обучение без границ» для учащихся 9 и 10 предпрофильных классов (79 профессий).

4. Пистрак М. М. Вопросы самоуправления в трудовой школе // От самоорганизации к самоуправлению : хрестомат. сб. / под редакцией Н. Н. Иорданского. Л. : Тип. «Красной газеты» им. Володарского, 1926. С. 74—92.
5. Калашников А. Г. Об элементарном и систематическом изложении // Настольная книга для работника просвещения трудовой школы. Оренбург : Киргосиздат, 1923. Вып. 3 : Практический комментарий к разработке программ-минимумов. С. 45—47.
6. Казанцева Г. А., Карпукова А. А. Единая трудовая школа: теория и практика 20-х гг. XX в. // Школа будущего. 2020. № 4. С. 274—283.
7. Качалов Д. В., Шалашова И. В. Трудовое обучение в советской педагогике и школе 20—30-х гг. XX в. // Известия Уральского государственного университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2009. Т. 67. № 3. С. 203—207.
8. Васильев П. В. Проблема содержания образования в первые годы строительства единой трудовой школы в России // Инновационные процессы развития образования: опыт и перспективы : сб. ст. Сыктывкар : Сыктывкар. гос. ун-т им. Питирима Сорокина, 2022. С. 39—42.
9. Котельников А. В., Сенченков Н. П. На тернистых путях к новой школе: к вопросу об организации единой трудовой школы // Человек и образование. 2019. № 3(60). С. 133—138.
10. Кривко Я. П. О преподавании геометрии в единой трудовой школе в 20-х годах XX века // Донецкие чтения 2022: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности : материалы VII Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Донец. нац. ун-та. Донецк : Донец. нац. ун-т, 2022. Т. 6. Ч. 3. С. 49—51.
11. Кальсина А. А. Реформа единой трудовой школы и ее реализация в Пермской губернии в 1918—1923 гг. // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность : материалы междунар. науч. конф. СПб. : Ленингр. гос. ун-т им. А. С. Пушкина, 2020. Т. 2. С. 234—240.
12. Солдаткина С. В. Становление единой трудовой школы в советские годы // Вестник науки. 2024. № 3(72). Т. 3. С. 298—304.
13. Ястребов П. С. Трудовое воспитание в единой трудовой школе Вотской губернии // Национальное единство и региональное многообразие историко-педагогических интерпретаций прошлого и настоящего в развитии педагогической науки, системы образования и семьи : сб. науч. тр. Междунар. научн.-практ. конф. — XXXVII сес. Науч. совета по проблемам истории образования и пед. науки при от-нии философии образования и теорет. педагогики РАО. Калуга : Волгогр. гос. акад. последиплом. образования, 2024. С. 637—641.
14. Яхутль Ю. А. Единая трудовая школа и монополия государства в народном образовании (на примере Кубано-Черноморской области 1920—1924 гг.) // Современная научная мысль. 2024. № 3. С. 95—103. DOI: 10.24412/2308-264X-2024-3-95-103.
15. Шабалина Е. К. Журнал «Трудовая школа» Пермского УОНО как источник по изучению реализации идеи единой трудовой школы в 1918 г. // Документ в современном обществе: место и роль в формировании бюрократических систем управления : материалы XVIII Всерос. студенч. науч.-практ. конф. Екатеринбург : Ур. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2025. С. 454—457.
16. Соловьянова М. В. Становление единой трудовой школы в России в 1918—1922 годы (по материалам Государственного архива Курской области) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2021. Т. 11. № 5. С. 274—282. DOI: 10.21869/2223-1501-2021-11-5-274-282.
17. Финогеева Т. Е. Цели трудового обучения школьников в Российской империи конца XIX — начала XX вв. // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2025. № 1(185). С. 236—258. DOI: 10.25588/CSPU.2025.185.1.013.
18. Советская производственно-трудовая школа : пед. хрестоматия. Изд. 3-е / сост. В. Вейкшан, С. Ривес ; под ред. А. Г. Калашникова. М. : Работник просвещения, 1925. Т. 1. 176 с.
19. Блонский П. П. Трудовая школа. Владивосток : Изд. Дальневост. краевого союза земств и городов («Далькрай-земгор»), 1921. 299 с.
20. Кан И. А. Производительный труд в Советской школе. М. : Гос. изд-во, 1919. 79 с.
21. Бодрый Н. Комсомол, школа и кооперация // Кооперация и школа : сб. ст. М. : Центросоюз, 1925. С. 14—19.
22. Крупская Н. К. Система народного образования в РСФСР // Сибирский педагогический журнал. 1923. Кн. 4—5. С. 27—37.
23. Беспризорные в трудовых коммунах. Практика работы с трудными детьми : сб. ст. и материалов / под ред. В. Л. Швейцера и С. М. Шабалова. М. : Главсоцвос НКП, 1926. 215 с.
24. Народная единая трудовая школа / под ред. Н. В. Севастьянова. Пенза : Пензен. уезд. отд. нар. образования, 1918. Вып. 1. 50 с.
25. Вторая ступень советской трудовой школы: Организация. Содержание. Методы : сб. / под. ред. И. Векслера и Р. Харитоновой. М. ; Л. : Главсоцвос НКП РСФСР, 1929. 476 с.
26. Тезисы о самоуправлении, принятые Научно-педагогической секцией ГУСа // Советская производственно-трудовая школа : пед. хрестоматия. Изд. 3-е / сост. В. Вейкшан, С. Ривес ; под ред. А. Г. Калашникова. М. : Работник просвещения, 1925. Т. 1. С. 148—150.
27. Румянцев Н. Е. Новые задачи народной трудовой школы. Саратов : Светлый путь, 1917. 32 с.
28. Ленин В. И. Соч. / под ред. В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. Т. XVI : 1912—1913. 820 с.
29. Лилина З. И. Социально-трудовое воспитание: Итог четырехлетней работы с Октябрьской революции 1917 г. до октября 1921 г. Петербург : Гос. изд-во, 1921. 180 с.

30. Крупская Н. Проблема коммунистического воспитания // Настольная книга для работника просвещения трудовой школы. Оренбург : Киргосиздат, 1922. Вып. 1 : Принципы и методы работы. С. 20—26.
31. Иорданский Н. Н. Массовая трудовая школа. М. : Работник просвещения, 1923. 64 с.
32. Тутышкин И. П. Трудовая школа: Психологическое обоснование. Лейпциг : Тип. Б. Г. Тейбнера, 1923. 173 с.
33. Березов Л. Задачи и содержание школы крестьянской молодежи // Советская производственно-трудовая школа : пед. хрестоматия. Изд. 3-е / сост. В. Вейкшан, С. Ривес ; под ред. А. Г. Калашникова. М. : Работник просвещения, 1925. Т. 1. С. 146—147.

REFERENCES

1. A. D., Sudakova A. E., Antonova N. L. Choosing a starting professional trajectory: job-education mismatch effect. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2024;26(8):174—206. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2024-8-174-205.
2. Lavrov N. N., Lavrenov A. S. Prospects for the application of vr-technologies in the training of teachers of technological education. *Aktual'nye voprosy i tendentsii razvitiya predmetnoi oblasti «Trud (Tekhnologiya)» = Current issues and trends in the development of the subject area "Labor (Technology)". Collection of materials of the 10th All-Russian scientific and practical conference*. Saint Petersburg, Naukoemkie tekhnologii, 2025:106—110. (In Russ.)
3. Lunacharsky A. V. Basic principles of the Unified Labor School. (From the State Commission for education). *Narodnaya edinaya trudovaya shkola = National Unified Labor School*. N. V. Sevast'yanov (ed.). Penza, Penza District Department of Public Education publ., 1918. Iss. 1. Pp. 9—24. (In Russ.)
4. Pistrak M. M. Issues of self-government in a labor school. *Ot samoorganizatsii k samoupravleniyu = From self-organization to self-management*. Textbook collection. N. N. Iordansky (ed.). Leningrad, Printing house of Krasnaya Gazeta named after Volodarsky, 1926. Pp. 74—92. (In Russ.)
5. Kalashnikov A. G. On elementary and systematic presentation. *Nastol'naya kniga dlya rabotnika prosveshcheniya trudovoi shkoly = Desk book for a labor school educator*. Orenburg, Kirgiz State Publishing House, 1923. Iss. 3 : Practical commentary on the development of minimum programs. Pp. 45—47. (In Russ.)
6. Kazantseva G. A., Karpukova A. A. Unified labor school: theory and practice of the 20s of the XX century. *Shkola budushchego = The School of the Future*. 2020;4:274—283. (In Russ.)
7. Kachalov D. V., Shalashova I. V. The ground for basic tendencies of the labour education development in the retrospective analyses of Soviet pedagogics and school theory and practice in the 20ies-30ies of the 20th century. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Izvestia Ural State university journal. Series 1, Issues in education, science and culture*. 2009;67(3):203—207. (In Russ.)
8. Vasil'ev P. V. The problem of educational content in the first years of the construction of a unified labor school in Russia. *Innovatsionnye protsessy razvitiya obrazovaniya: opyt i perspektivy = Innovative processes of education development: experience and prospects. Collection of articles*. Syktyvkar, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University publ., 2022:39—42. (In Russ.)
9. Kotelnikov A. V., Senchenkov N. P. On a thorny path to a new school: on the issue of organization of unified labor school. *Chelovek i obrazovanie = Man and education*. 2019;3(60):133—138. (In Russ.)
10. Krivko Ya. P. On teaching geometry in the unified labor school in the 1920 years XX century. *Donetskie chteniya 2022: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti = Donetsk readings 2022: education, science, innovation, culture, and contemporary challenges. Materials of the VII International Scientific Conference dedicated to the 85th anniversary of Donetsk National University*. Donetsk, Donetsk National University publ., 2022;6(3):49—51. (In Russ.)
11. Kal'sina A. A. The reform of the unified labor school and its implementation in the Perm Province in 1918-1923 years. *Reformy v povsednevnoi zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' = Reforms in the daily lives of the Russian Population: history and modernity. Materials of the International scientific conference*. Saint Petersburg, Pushkin Leningrad State University publ., 2020;2:234—240. (In Russ.)
12. Soldatkina S. V. Formation of unified labor school in Soviet years. *Vestnik nauki*. 2024;3(72)-3:298—304. (In Russ.)
13. Yastrebov P. S. Labor education in the unified labor school of the Votsk Province. *Natsional'noe edinstvo i regional'noe mnogoobrazie istoriko-pedagogicheskikh interpretatsii proshlogo i nastoyashchego v razvitii pedagogicheskoi nauki, sistemy obrazovaniya i sem'i = National unity and regional diversity of historical and pedagogical interpretations of the past and present in the development of pedagogical science, the education system, and the family. Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference – XXVII session of the Scientific Council on the history of education and pedagogical science at the Department of Philosophy of Education and Theoretical Pedagogy of the Russian Academy of Education*. Kaluga, Volgograd State Academy of Postgraduate Education publ., 2024:637—641. (In Russ.)
14. Yakhtul' Yu. A. The unified labor school and the monopoly of the state in public education (on the example of the Kuban-Black Sea Region 1920-1924). *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern scientific thought*. 2024;3:95—103. (In Russ.) DOI: 10.24412/2308-264X-2024-3-95-103.
15. Shabalina E. K. The Labor School Journal of the Perm Regional Department of Education as a source for studying the implementation of the idea of a unified labor school in 1918. *Dokument v sovremennoy obshchestve: mesto i rol' v formirovaniy byurokraticheskikh sistem upravleniya = The document in modern society: its place and role in the formation of bureaucratic management systems. Materials of the XVIII All-Russian student scientific and practical conference*. Yekaterinburg, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin publ., 2025:454—457. (In Russ.)
16. Solovyayanova M. V. The Formation of a Unified Labor School in Russia 1918–1922 (Based on the Materials of the State Archive of the Kursk Region). *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2021;11(5):274—282. (In Russ.) DOI: 10.21869/2223-1501-2021-11-5-274-282.

17. Finogeeva T. E. The goals of labor education of schoolchildren in the Russian Empire of the late XIX-early XX centuries. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta* = *The Herald of South-Ural state Humanities-Pedagogical University*. 2025;1(185):236—258. (In Russ.) DOI: 10.25588/CSPU.2025.185.1.013.
18. Sovetskaya proizvodstvenno-trudovaya shkola = Soviet industrial and labor school. Pedagogical anthology. 3rd ed. V. Veikshan & S. Rives (comps.). A. G. Kalashnikov (ed.). Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, 1925. Vol. 1. 176 p. (In Russ.)
19. Blonsky P. P. Labor school. Vladivostok, Far Eastern Regional Union of Zemstvos and Cities (Dalkrayzemgor) publ., 1921. 299 p. (In Russ.)
20. Kan I. A. Productive labor in the Soviet school. Moscow, State Publishing House, 1919. 79 p. (In Russ.)
21. Bodryi N. Komsomol, school, and cooperation. *Kooperatsiya i shkola* = *Cooperation and school. Collection of articles*. Moscow, Tsentosouz, 1925. Pp. 14—19. (In Russ.)
22. Krupskaya N. K. The system of public education in the RSFSR. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. 1923;4—5: 27—37. (In Russ.)
23. Besprizornye v trudovykh kommunakh. Praktika raboty s trudnymi de't'mi = Street children in labor communes. Practice of working with difficult children. Collection of articles and materials. V. L. Shveitser & S. M. Shabalov (eds.). Moscow, Department of Social and Legal Protection of Minors of the People's Commissariat of Education of the RSFSR publ., 1926. 215 p. (In Russ.)
24. Narodnaya edinaya trudovaya shkola = People's unified labor school. N. V. Sevast'yanov (ed.). Penza, Penza District Department of Public Education publ., 1918. Iss. 1. 50 p. (In Russ.)
25. Vtoraya stupen' sovetskoi trudovoi shkoly: Organizatsiya. Soderzhanie. Metody = The Second Stage of the Soviet Labor School: Organization. Content. Methods. Collection. I. Veksler & R. Kharitonov (eds.). Moscow, Leningrad, Department of Social and Legal Protection of Minors of the People's Commissariat of Education publ., 1929. 476 p. (In Russ.)
26. Theses on self-government adopted by the Scientific and Pedagogical Section State Academic Council Soviet. *Sovetskaya proizvodstvenno-trudovaya shkola* = *Soviet industrial and labor school. Pedagogical anthology*. 3rd ed. V. Veikshan & S. Rives (comps.). A. G. Kalashnikov (ed.). Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, 1925. Vol. 1. Pp. 148—150. (In Russ.)
27. Rumyantsev N. E. New tasks of the people's labor school. Saratov, Svetlyi put', 1917. 32 p. (In Russ.)
28. Lenin V. I. Works. V. V. Adoratsky, V. M. Molotov, M. A. Savel'ev (eds.). Moscow, Publishing House of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, 1935. Vol. XVI : 1912-1913. 820 p. (In Russ.)
29. Lilina Z. I. Social and labor education: The Results of four years of work from the October Revolution of 1917 to October 1921. Petersburg, State Publishing House, 1921. 180 p. (In Russ.)
30. Krupskaya N. The problem of communist education. *Nastol'naya kniga dlya rabotnika prosveshcheniya trudovoi shkoly* = *Desk book for a labor school educator*. Orenburg, Kirgiz State Publishing House, 1922. Iss. 1 : Principles and methods of work. Pp. 20—26. (In Russ.)
31. Iordansky N. N. Mass labor school. Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, 1923. 64 p. (In Russ.)
32. Tutyshkin I. P. Labor school: Psychological justification. Leipzig, B. G. Teibner' Printing House, 1923. 173 p. (In Russ.)
33. Berezov L. Tasks and content of the school for peasant youth. *Sovetskaya proizvodstvenno-trudovaya shkola* = *Soviet industrial and labor school. Pedagogical anthology*. 3rd ed. V. Veikshan & S. Rives (comps.). A. G. Kalashnikov (ed.). Moscow, Rabotnik prosveshcheniya, 1925. Vol. 1. Pp. 146—147. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.01.2026; одобрена после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 22.01.2026; approved after reviewing 04.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья

УДК 371

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1496

Vyacheslav Anatolyevich Bykov

Postgraduate of the Department of Educational Technologies
of Lifelong Learningof the Institute of Lifelong Learning,
field of training5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy
and education,

Moscow City University

Moscow, Russian Federation

Magnus.dk@yandex.ru

Вячеслав Анатольевич Быков

аспирант кафедры педагогических технологий
непрерывного образованияИнститута непрерывного образования,
направление подготовки5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики
и образования,

Московский городской педагогический университет

Москва, Российская Федерация

Magnus.dk@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ ГРАМОТНОСТЬ УЧАЩИХСЯ В ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ ДЕТЕЙ:
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ**

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Предметом работы является исследование и разработка критериального аппарата для оценки социальной грамотности учащихся как динамической способности, формирующейся и проявляющейся непосредственно в практиках совместной деятельности в системе дополнительного образования детей (ДОД). Особое внимание уделено преодолению противоречия между теоретическими моделями социальной грамотности и отсутствием инструментов ее оценивания, соответствующих сущностным характеристикам неформальной, практико-ориентированной среды ДОД. Главной целью исследования выступает разработка и теоретическое обоснование такого критериального аппарата, укорененного в логике жизнедеятельности ДОД. Для этого в работе применяется адаптированная методика исследования урока, ориентированная на фокусированное наблюдение за поведением учащихся в естественных ситуациях выбора, кооперации и диалога. Особенностью проделанного исследования является интеграция теоретических подходов к исследованию социальной грамотности с методом наблюдения, что позволяет перейти от оценки формальных знаний к анализу реальных социальных действий. В результате был предложен и апробирован критериальный аппарат,

включающий три взаимосвязанных компонента: инструментальный (контекстуальное применение знаний), регуляторно-ориентационный (аргументированность ценностного выбора) и действенно-результативный (координация и проактивность). Апробация в объединениях по интересам («Школа робототехники и конструирования», «Школа БПЛА») подтвердила валидность аппарата и его способность фиксировать качественные поведенческие изменения, не улавливаемые стандартизированными тестами. Следует подчеркнуть практическую значимость работы: разработанный инструментарий готов к применению педагогами ДОД для мониторинга личностных результатов и проектирования образовательной среды, целенаправленно формирующей социальную грамотность. Это обеспечивает переход от диагностики знаний к оцениванию способности к социальному действию в реальных ситуациях взаимодействия.

Ключевые слова: социальная грамотность, дополнительное образование детей, функциональная грамотность, социальные навыки, социальная компетентность, критерии оценивания социальной грамотности, социализация учащихся, социальные практики, социальная зрелость, социальная ответственность

Для цитирования: Быков В. А. Социальная грамотность учащихся в дополнительном образовании детей: особенности формирования и критерии оценки // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 512—517. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1496.

Original article

**SOCIAL LITERACY OF STUDENTS IN THE ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN:
FEATURES OF FORMATION AND EVALUATION CRITERIA**

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The subject of this work is the study and development of a criteria framework for assessing students' social literacy as a dynamic ability that is formed and manifested directly in the practices of joint activities within the system of additional education for children (AEC). Particular attention is paid to resolving the contradiction between

theoretical models of social literacy and the lack of assessment tools that correspond to the essential characteristics of the informal, practice-oriented AEC environment. The main goal of the study is to develop and theoretically substantiate such a criteria framework, embedded in the logic of AEC activities. To achieve this, the work employs an adapted lesson

study methodology, focused on structured observation of student behavior in natural situations of choice, cooperation, and dialogue. A distinctive feature of the conducted research is the integration of theoretical approaches to studying social literacy with the observation method, enabling a shift from assessing formal knowledge to analyzing real social actions. As a result, a criteria framework is proposed and tested, comprising three interconnected components: instrumental (contextual application of knowledge), regulatory-orientational (reasoned value-based choice), and action-resultative (coordination and proactivity). Testing in interest-based groups ("Robotics and Engineering School," "UAV School") confirmed

the validity of the framework and its ability to capture qualitative behavioral changes that are not detected by standardized tests. It is important to emphasize the practical significance of the work: the developed toolkit is ready for use by AEC teachers to monitor personal development outcomes and to design an educational environment that purposefully fosters social literacy. This facilitates a shift from diagnosing knowledge to assessing the capacity for social action in real-life interaction situations.

Keywords: social literacy, additional education for children, functional literacy, social skills, social competence, criteria for assessing social literacy, student socialization, social practices, social maturity, social responsibility

For citation: Bykov V. A. Social literacy of students in the additional education of children: features of formation and evaluation criteria. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):512—517. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1496.

Введение

Актуальность исследования проблемы формирования социальной грамотности учащихся обусловлена комплексом социокультурных вызовов, среди которых ключевое место занимает цифровая трансформация детства. Как показывают исследования, современные дети, будучи «рожденными цифровыми», с первых лет жизни погружены в гибридную реальность, где стираются границы между онлайн- и офлайн-пространством [1]. Это порождает новые риски, связанные с гиперподключенностью — чрезмерным использованием цифровых технологий и зависимостью от них [2]. В связи с этим можно отметить фрагментарное восприятие социальных норм, усвоение социальных ролей, что создает затруднения для их успешной социализации [3]. Актуальность проблемы также подтверждается официальными документами. Национальный проект «Молодежь и дети», рассчитанный до 2030 г., направлен на воспитание социально ответственной личности. Концепция развития дополнительного образования детей до 2030 г. актуализировала необходимость создания условий позитивной социализации и развития на всех ступенях образования функциональной грамотности учащихся, интегративным (связующим) компонентом которой является социальная грамотность.

Изученность проблемы. Проведенный анализ научной литературы позволяет утверждать, что в проблематике темы сформировалось несколько ключевых направлений. Во-первых, активно ведутся работы по теоретическому осмыслению и структурированию понятия социальной грамотности. Так, в исследованиях обобщаются различные подходы и предлагаются многокомпонентные модели социальной грамотности, включающие личностный, деятельностный, рефлексивный, а также когнитивный, ценностный, мотивационный и эмоционально-волевой аспекты. Эти работы выполняют важную функцию систематизации, но, как правило, остаются в плоскости теоретического анализа. При этом авторы: О. Е. Сироткин, О. С. Куницкая, Е. К. Погодина, Е. В. Гришкевич, В. А. Макарова, Г. В. Копченков — справедливо указывают на сохраняющуюся неоднозначность трактовок и отмечают в числе перспективных задач разработку диагностического инструментария, что напрямую соотносится с проблемным полем нашего исследования [4—6].

Во-вторых, существуют практико-ориентированные разработки, транслирующие теорию в педагогическую практику. К ним можно отнести модели и программы формирования социальной грамотности, например во внеуроч-

ной деятельности младших школьников [7]. Однако данные разработки фокусируются преимущественно на контексте общего (формального или внеурочного) образования, который принципиально отличается от логики жизнедеятельности дополнительного образования детей (далее — ДОД) как самоценной неформальной среды. Это подчеркивает необходимость контекстуализации теоретических моделей и оценочных практик применительно к специфике ДОД.

В-третьих, результаты анализа литературы позволили выявить методы оценки (опросники, тесты), ориентированных на диагностику знаний и декларативных установок, что характерно для стандартизированных образовательных систем [8]. Подобных методов, однако, может быть недостаточно для оценивания динамической, контекстно-зависимой социальной грамотности, формирующейся и проявляющейся в практиках неформального взаимодействия и творческого сотрудничества, что характерно для ДОД. В этом же ключе Б. А. Кузьмицкая, работающая с особыми образовательными потребностями, демонстрирует валидность методов наблюдения за реальным поведением в естественных ситуациях как способа уловить качественное своеобразие социальной грамотности [9]. Данный подход подтверждает правомерность выбора метода фокусированного наблюдения в качестве основы для предлагаемого критериального аппарата. Можно констатировать, что, несмотря на развитый понятийный аппарат и наличие моделей формирования социальной грамотности в смежных образовательных контекстах [10; 11], проблема оценки данного феномена в специфической среде ДОД, обладающей уникальным социализирующим потенциалом, остается нерешенной. Существующий разрыв между теоретическими моделями и отсутствием инструментария, использующего особенности неформальной, деятельностной сущности ДОД, определяет научную нишу настоящего исследования.

Целесообразность разработки темы обосновывается тем, что проблема формирования социальной грамотности в дополнительном образовании детей остается малоизученной. Справедливо отметить, что вопросы формирования социальной грамотности рассматривают в контексте внеурочной деятельности, но внеурочная деятельность является принципиально другим компонентом образования и не тождественна дополнительному образованию детей [12]. Дополнительное образование детей приобретает особую значимость как среда, обладающая уникальным социализирующим потенциалом. Эта особенность непосредственно связана с механизмом деятельностного опосредования и социальных практик, создающим условия

для конструктивного разрешения конфликтов и развития диалогичности через практическое освоение социальных ролей. Не будет преувеличением сказать, что ДОД реализует механизм рефлексивной саморегуляции и самопроектирования учащихся, обеспечивая переход от реактивного к проактивному социальному поведению и способствуя формированию социальной грамотности, где учащийся становится созидающим субъектом социальных отношений. Процесс социализации учащихся в ДОД характеризуется условиями неформальности, самостоятельности, творческого сотрудничества, которые подчеркивают субъектный характер взаимодействий, усиливая у детей чувство взрослости, что является приоритетным запросом детей, которые посещают объединения по интересам [13].

В ходе исследования нами было выявлено следующее **противоречие**: при наличии теоретических разработок, раскрывающих сущность социальной грамотности, и признании уникального потенциала ДОД отсутствует инструментарий ее оценки, адекватный специфике этой образовательной среды.

Проблема исследования заключается в следующем вопросе: каковы критерии оценивания социальной грамотности в дополнительном образовании детей?

Цель исследования — теоретически обосновать и разработать критериальный аппарат для оценки социальной грамотности, укорененный в логике жизнедеятельности ДОД и опирающийся на методы, адекватные его неформальной природе.

Задачи исследования:

1. Проанализировать и критически осмыслить существующие подходы к определению и оценке социальной грамотности.
2. Раскрыть сущность социальной грамотности через призму качественной определенности ДОД (неформальность, самостоятельность, творческое сотрудничество, межличностное общение, свободный выбор).
3. Теоретически обосновать и разработать критериальный аппарат оценки социальной грамотности учащихся в условиях ДОД.
4. Апробировать предложенный критериальный аппарат на практике в объединениях дополнительного образования детей.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

- Социальная грамотность впервые раскрывается как динамическая способность, формирующаяся и проявляющаяся непосредственно в практиках ДОД, а не как предзаданный норматив для усвоения.
- Предложен новый критериальный аппарат оценки.
- Адаптирован и применен для оценки социальной грамотности метод исследования урока, что позволяет перейти от констатации знаний к анализу реального поведения в естественной образовательной среде.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии концепции социальной грамотности в контексте специфики ДОД. Интеграция положений различных теоретических подходов в единый оценочный конструкт вносит вклад в теорию оценки личностных образовательных результатов в неформальном образовании.

Практическая значимость определяется тем, что разработанный критериальный аппарат и методика оценки готовы к применению педагогами ДОД. Их использование позволяет перейти от оценки формальных знаний к диагно-

стике способности учащихся к социальному действию в реальных ситуациях, а также задает ориентиры для проектирования образовательной среды, целенаправленно формирующей социальную грамотность.

Основная часть

Методология исследования. В рамках нашего подхода социальная грамотность в контексте ДОД — это способность решать социальные проблемы в изменяющихся условиях и осуществлять осознанные действия, основанные на усвоенных знаниях, принятых ценностях и отработанных умениях, которая формируется и проявляется непосредственно в практиках неформального взаимодействия, самостоятельности и творческого сотрудничества.

Это означает, что компоненты социальной грамотности наполняются содержанием, задаваемым средой ДОД:

- знания приобретают характер не абстрактной информации, а контекстуального и инструментального ресурса, который ребенок добывает и применяет для реализации собственного замысла, возникшего в ситуации свободного выбора;
- ценности формируются не через декларации, а через практику ответственного поступка в условиях самостоятельности, где последствия выбора становятся очевидными и личностно значимыми;
- умения отрабатываются как кооперативные действия, необходимые для достижения общего продукта в творческом сотрудничестве, где успех зависит от способности договариваться, учитывать мнение другого и импровизировать.

Для оценивания социальной грамотности учащихся как динамического, контекстно-зависимого феномена, неприменимы формализованные методы тестирования. Синтез идей О. Н. Деминой [14], Ю. Н. Корешниковой [15], Т. В. Бойко [16] позволил нам адаптировать метод исследования урока, ориентированный на наблюдение за процессом деятельности учащихся в естественных условиях, позволяя оценивать качественные проявления социальной грамотности. Предлагаемый алгоритм оценки:

1. **Выбор целевой группы.** Педагогическим коллективом (объединением) выбирается 3—5 учащихся, репрезентативно отражающих состав группы (с разным уровнем исходной активности, мотивации, социального опыта).
2. **Планирование учебной ситуации.** Педагог проектирует занятие (проектная мастерская, ролевая игра, дискуссия), целенаправленно создавая условия для проявления социальной грамотности через:
 - ситуацию выбора — выбор учащимися темы (проекта, дискуссии, игры), своей роли на занятии, способа решения задачи;
 - задачу, требующую кооперации (создание общего продукта);
 - неформальное взаимодействие (нерегламентированное обсуждение, мозговой штурм).
3. **Фокусированное наблюдение.** Коллеги педагога фиксируют проявления социальной грамотности у целевых учащихся, используя разработанный критериальный аппарат. Фокус — на действиях и высказываниях учащихся.
4. **Рефлексивное интервью.** После занятия проводится краткое (5—7 мин) интервью с целевыми учащимися для выявления их собственной рефлексии относительно принятых решений, возникших трудностей и способов их преодоления.

5. *Аналитическая сессия.* Команда наблюдателей совместно с педагогом анализирует собранные данные, отвечая на вопросы: Что из запланированного удалось увидеть? Какие неожиданные проявления социальной грамотности были зафиксированы? Что в организации среды способствовало или препятствовало ее проявлению?

Данный критериальный аппарат основан на понимании социальной грамотности, формирующейся и проявляющейся в специфической среде ДОД, и опирается на соответствующие ей методы фокусированного наблюдения:

1. Инструментальный компонент социальной грамотности: контекстуальная адекватность знаний и умений. В контексте ДОД это означает, что знания и умения ценны не сами по себе, а как личностно значимый инструмент для полноценного включения в совместную деятельность объединения по интересам. В соответствии с этим компонентом оценивается способность учащегося запрашивать, отбирать и применять социальные знания (нормативные, коммуникативные, правовые) как практический инструмент для решения задач, возникающих в ходе реализации собственного замысла или группового проекта. Индикаторы для оценивания в наблюдении:

- *Инициативный запрос информации:* учащийся самостоятельно идентифицирует дефицит знаний («Нам нужно узнать о правилах безопасности, чтобы реализовать проект») и активно ищет способы его восполнения.

- *Адекватность применения:* продемонстрированные знания уместно встраиваются в деятельность и используются для разрешения конкретной ситуации (например, использование техник модерации для налаживания дискуссии или апелляция к регламенту для структурирования спора).

- *Интеграция знаний:* учащийся связывает знания из разных областей (например, экологические нормы с экономическими расчетами) для комплексного решения проектной задачи.

2. Регуляторно-ориентационная основа: аргументированность и последовательность ценностного выбора. Оценивается способность формулировать и отстаивать свою позицию, демонстрируя осознание лежащих в ее основе ценностей и готовность нести ответственность за последствия своего выбора в групповом взаимодействии. Ключевые индикаторы для наблюдения:

- *Качество аргументации:* учащийся в дискуссии объясняет свою точку зрения, апеллируя к этическим нормам, интересам команды или общественным ценностям («Это решение справедливее, потому что...»), «Мы несем ответственность перед партнерами, поэтому...»), а не к личным предпочтениям.

- *Рефлексия ценностных конфликтов:* учащийся распознаёт и озвучивает моральные дилеммы, возникающие в групповой работе («С одной стороны, мы хотим победы, а с другой — нам важно соблюдать честные правила»).

- *Соответствие действий декларируемым принципам:* наблюдается согласованность между словами (например, о ответственности) и реальными поступками (добровольно берет на себя сложную часть работы, понимая ее важность для общего дела).

3. Действенно-результативная основа: качество координации и проактивности в кооперативной деятельности. Оценивается способность осуществлять социально-значимые действия, ведущие к реальному результату, через кооперацию, инициативу и конструктивное преодоление препятствий. Ключевые индикаторы для наблюдения:

- *Конструктивная реакция на препятствия:* вместо пассивности или конфронтации, учащийся предлагает новые идеи, перераспределяет ресурсы или ищет альтернативные пути для преодоления трудностей.

- *Реализация инициатив:* учащийся выдвигает и воплощает предложения, выходящие за рамки исходного задания, улучшающие процесс или конечный продукт.

- *Эффективность в координации:* учащийся демонстрирует способность договариваться, распределять роли, учитывать мнения других членов команды для достижения общей цели.

- *Участие в разрешении конфликтов:* учащийся использует переговоры, медиацию или поиск компромисса для снятия напряженности в группе, ориентируясь на общий результат.

Результаты исследования. Апробация предложенного критериального аппарата была проведена в рамках исследовательского проекта на базе нескольких объединений дополнительного образования детей Центра дополнительного образования ГОУ ВО МО «Государственный социально-гуманитарный университет» — «Школа робототехники и конструирования» (40 учащихся) и «Школа БПЛА» (35 учащихся). В качестве метода исследования использовался адаптированный протокол исследования урока. В течение учебного года (занятия 2 раза в неделю с октября по май 2022, 2023, 2024 гг.) педагогическая команда, включающая 7 студентов-волонтеров и 4 педагогов, осуществляла фокусированное наблюдение за целевыми группами учащихся (по 9, 10, 15 чел. в группе, регулярно посещавших занятия, представляющих разный уровень исходной активности).

На занятиях создавались проблемно-ситуационные условия, инициирующие проявление социальной грамотности:

- *ситуации свободного выбора:* учащимся предлагалось самостоятельно определить тему проекта, распределить роли в команде или выбрать стратегию решения общей задачи;

- *ситуации совместного творчества:* задачи формулировались как необходимость создания общего продукта (технического устройства, проекта по улучшению городской среды, проекта по улучшению школьной среды), требующего кооперации;

- *ситуации диалогического взаимодействия:* в процесс занятия включались дискуссии, мозговые штурмы и публичные защиты проектных идей, где требовалось аргументировать свою позицию.

Данные фиксировались с помощью протоколов наблюдения, составленных на основе предложенных критериев и индикаторов, а также кратких интервью с учащимися. В результате их интерпретации мы зафиксировали следующее:

1. Наблюдения подтвердили тезис о ситуативной природе знаний в ДОД. Например, необходимость согласовать установку созданного устройства привела к активному поиску и применению знаний о нормах безопасности и административных процедурах. Это является эмпирическим подтверждением принципа «периферийного участия», когда освоение социальных знаний происходит через включение в реальную практику сообщества.

2. Ситуации выбора и диалога оказались ключевыми для формирования и проявления этой основы. Было зафиксировано, что учащиеся, которые в дискуссиях переходили от аргументов типа «мне так нравится» к формулировкам,

апеллирующим к справедливости, интересам команды или общественной пользе, демонстрировали и более высокую степень ответственности за свои последующие действия.

3. Наиболее отчетливые проявления социальной грамотности были связаны с преодолением групповых кризисов (нехватка ресурсов, конфликт идей, внешние препятствия). Учащиеся, сочетавшие в себе признаки всех трех компонентов социальной грамотности, в среднем реже впадали в пассивность, предлагали новые решения, брали на себя координацию или инициировали переговоры. Важно, что эта проактивность была направлена не на личный успех, а на достижение общего результата, что свидетельствует о сформированности именно кооперативных моделей поведения. Навыки разрешения конфликтов проявлялись не в абстрактных ролевых играх, а в реальных ситуациях при работе над проектом, ошибка непосредственно влияла на достижение группового результата.

Обсуждение результатов. Проведенная апробация позволяет сделать ряд выводов, значимых для теории и практики ДОД:

- *Подтверждение того, что особенности ДОД (неформальность, самостоятельность и пр.) являются существенными факторами формирования социальной грамотности.* Они создают «естественный эксперимент», в котором знание, ценность и действие неразрывно связаны. Социальная грамотность в ДОД — это не сумма усвоенных элементов, а качественные проявления личности в реальной деятельности.

- *Валидность критериального аппарата.* Предложенные критерии, основанные на наблюдении за реальными поведенческими проявлениями, показали свою работоспособность и адекватность неформальной среде. Они позволяют уловить именно те качественные изменения, которые не фиксируются стандартизированными тестами: переход от пассивного знания к активному поиску, от эгоцентричной позиции к учету позиций окружающих, от реактивности к проактивности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие / Г. У. Солдатова, Е. И. Рассказова, А. Е. Вишнева и др. М., 2022. 356 с.
2. Синенко М. А., Игнатович С. С. Цифровая среда и ее влияние на социальную ситуацию развития детей и подростков // Педагогика: история, перспективы. 2022. Т. 5. № 3. С. 64—71.
3. Лебедева О. В., Повshedная Ф. В. Социально-психологический портрет современного школьника // Вестник Мининского университета. 2022. Т. 10. № 3. Ст. 15. DOI: 10.26795/2307-1281-2022-10-3-15.
4. Сироткин О. Е. Содержание понятия «социальная грамотность» в педагогической теории и практике // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16. № 1. С. 82—89. /DOI: 10.47370/2078-1024-2024-16-1-82-89.
5. Куницкая О. С., Погодина Е. К., Гришкевич Е. В. Социальная грамотность как интегративный компонент функциональной грамотности обучающихся // Народная асвета. 2022. № 6. С. 3—5.
6. Макарова В. А., Копченков Г. В. Теоретические аспекты рассмотрения понятия «социальная грамотность» // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2025. Т. 8. № 1. С. 46—51.
7. Борщевская А. Ю., Карпова С. И. Формирование социальной грамотности младших школьников во внеурочной деятельности // Гаудеамус. 2022. Т. 21. № 4. С. 96—104. DOI: 10.20310/1810-231X-2022-21-4-96-104.
8. Петровская Е. В. Социальная грамотность студентов как социально-педагогическая проблема // Условия успешной социализации детей и молодежи: перспективные исследования будущих педагогов-психологов, социальных педагогов и социальных работников : материалы Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Минск : БГПУ, 2023. Ч. 2. С. 82—88.
9. Кузьмицкая Б. А. Особенности социальной грамотности как базового личностного образования у детей с нарушениями зрения младшего школьного возраста // Молодые исследователи за устойчивое развитие : сб. ст. II Междунар. науч.-исслед. конкурса. Петрозаводск : Новая наука, 2023. С. 102—112.
10. Молокова А. В. Особенности формирования социальной грамотности младших школьников в информационно-образовательной среде // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. № 3(200). С. 18—26. DOI: 10.23951/1609-624X-2019-3-18-26.
11. Масюкова О. Н., Маркушевская Е. А., Михайленко Н. А. Формирование социальной грамотности младших школьников в интерактивном пространстве образовательной среды // Вестник ВИЭПП. 2023. № 1. С. 35—39.

- *Педагогический потенциал критериев.* Критерии задают четкие ориентиры для педагогического проектирования. Задача педагога смещается с «передачи знаний о социальном» к созданию ситуаций, в которых возникает запрос на эти знания, необходимость ценностного выбора и потребность в кооперативном действии. Технология исследования урока, в свою очередь, становится мощным инструментом не только оценки, но и профессионального развития самого педагога, переводя его из позиции контролера в позицию исследователя детских инициатив.

Заключение

Проведенное исследование позволило теоретически обосновать и апробировать модель оценки социальной грамотности, укорененную в специфике дополнительного образования детей. Доказано, что сущность социальной грамотности наиболее полно раскрывается через ее операционализацию в контексте таких характеристик ДОД, как неформальность, самостоятельность, творческое сотрудничество, межличностное общение и свободный выбор.

Разработанный критериальный аппарат, интегрирующий положения теорий ситуативного обучения, диалога и самоэффективности, переводит понятие социальной грамотности в плоскость наблюдаемых поведенческих индикаторов. Это открывает возможности для содержательного мониторинга личностных образовательных результатов в ДОД, выходящих за рамки предметных знаний и умений.

Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении практики применения данного аппарата в объединениях различной направленности, а также в разработке на его основе конкретных методических рекомендаций для педагогов дополнительного образования по проектированию воспитывающей среды, целенаправленно формирующей социальную грамотность учащихся.

12. Фаламеева Е. В. Педагогическое обеспечение формирования социальной грамотности школьников во внеурочной деятельности // Социально-политические исследования. 2023. № 3(20). С. 164—179.
13. Гончарова О. В., Иванова И. В., Рожков М. И. Дополнительное образование как пространство самореализации детей // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2025. Т. 31. № 1. С. 5—15. DOI: 10.34216/2073-1426-2025-31-1-5-15.
14. Демина О. Н. Технология «Исследование урока» при формировании функциональной грамотности // Непрерывное образование педагогов: достижения, проблемы, перспективы : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. Минск : Акад. последиплом. образования, 2024. С. 233—238.
15. Корешникова Ю. Н., Чернобай Е. В. Школа будущего: путь к самообучающейся организации // Образовательная политика. 2024. № 1(97). С. 64—76.
16. Бойко Т. В. Педагогический подход Lesson study как ресурс расширения сотрудничества между учителями // Академический вестник. 2022. № 4(58). С. 22—25.

REFERENCES

1. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Vishneva A. E. et al. Born digital: family context and cognitive development. Moscow, 2022. 356 p. (In Russ.)
2. Sinenko M. A., Ignatovich S. S. The digital environment and its impact on the social situation of child and adolescent development. *Pedagogika: istoriya, perspektivy = Pedagogy: history, prospects*. 2022;5(3):64—71. (In Russ.) DOI: 10.17748/2686-9969-2022-5-3-64-71.
3. Lebedeva O. V., Povshednaya F. V. Socio-psychological portrait of a modern schoolchild. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2022;10(3):15. (In Russ.) DOI 10.26795/2307-1281-2022-10-3-15.
4. Sirotkin O. E. The content of the «social literacy» concept in pedagogical theory and practice. *Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2024;1:82—89. (In Russ.) DOI: 10.47370/2078-1024-2024-16-1-82-89.
5. Kunitskaya O. S., Pogodina E. K., Grishkevich E. V. Social literacy as an integrative component of students' functional literacy. *Narodnaya asveta*. 2022;6:3—5. (In Russ.)
6. Makarova V. A., Kopchenov G. V. Theoretical aspects of “social literacy” concept consideration. *Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Seriya I. Psikhologicheskie nauki. Pedagogicheskie nauki*. 2025;8(1):46—51. (In Russ.)
7. Borshchevskaya A. Yu., Karpova S. I. Social literacy formation among younger schoolchildren in extracurricular activities. *Gaudeamus*. 2022;21(4):96—104. (In Russ.) DOI: 10.20310/1810-231X-2022-21-4-96-104.
8. Petrovskaya E. V. Social literacy of students as a socio-pedagogical problem. *Usloviya uspeshnoi sotsializatsii detei i molodezhi: perspektivnye issledovaniya budushchikh pedagogov-psikhologov, sotsial'nykh pedagogov i sotsial'nykh rabotnikov = Conditions for successful socialization of children and youth: promising research of future educational psychologists, social educators and social workers. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Minsk, Belarusian State Pedagogical University publ., 2023;2:82—88. (In Russ.)
9. Kuzmitskaya B. A. Features of social literacy as a basic personal education in children with visual impairments primary school age. *Molodye issledovateli za ustoichivoe razvitie = Young researchers for sustainable development. Collection of articles of the II International research competition*. Petrozavodsk, Novaya nauka, 2023:102—112. (In Russ.)
10. Molokova A. V. Features of younger students' social literacy formation in the information and educational environment. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2019;3(200):18—26. (In Russ.) DOI: 10.23951/1609-624X-2019-3-18-26.
11. Masyukova O. N., Markushevskaya E. A., Mikhaylenko N. A. Formation of social literacy of younger schoolchildren in the interactive space of the educational environment. *Vestnik VIEPP*. 2023;1:35—39. (In Russ.)
12. Falameeva E. V. Pedagogical support for the formation of schoolchildren's social literacy in extracurricular activities. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya = Social and political researches*. 2023;3(20):164—179. (In Russ.)
13. Goncharova O. V., Ivanova I. V., Rozhkov M. I. Additional education as a space for children's self-realization. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics*. 2025;31(1):5—15 (In Russ.) DOI: 10.34216/2073-1426-2025-31-1-5-15.
14. Demina O. N. Technology “lesson study” in the formation of functional literacy. *Nepreryvnoe obrazovanie pedagogov: dostizheniya, problemy, perspektivy = Continuous education of teachers: achievements, problems, prospects. Proceedings of the VI International scientific and practical conference*. Minsk, Academy of Postgraduate Education publ., 2024: 233—238. (In Russ.)
15. Koreshnikova Yu. N., Chernobay E. V. School of the future: the path to a self-learning organization, important aspects and recommendations. *Obrazovatel'naya politika = Educational Policy*. 2024;1(97):64—76. (In Russ.)
16. Boyko T. V. The pedagogical approach ‘Lesson study’ as a resource to expand cooperation between teachers within the framework of the target mentoring model. *Akademicheskii vestnik = Academic Bulletin*. 2022;4(58):22—25. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 22.11.2025; одобрена после рецензирования 11.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.
The article was submitted 22.11.2025; approved after reviewing 11.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.

Научная статья
УДК 37(091):001.89
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1566

Vladimir Dmitrievich Volkov
Military postgraduate student of Professor and Doctoral Candidate
at the Scientific Research Center,
field of training
44.07.01 — Education and pedagogical sciences,
Military Order of Zhukov Academy
of the National Guard Troops
of the Russian Federation
Saint Petersburg, Russian Federation
volkov6688@mail.ru

Владимир Дмитриевич Волков
адъюнкт адъюнктуры и докторантуры
научно-исследовательского центра,
направление подготовки
44.07.01 — Образование и педагогические науки,
Военная ордена Жукова академия
войск национальной гвардии
Российской Федерации
Санкт-Петербург, Российская Федерация
volkov6688@mail.ru

ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В ВОЙСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ДИССЕРТАЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье представлена структурированная хронология развития педагогической мысли во внутренних войсках и Росгвардии с середины XX в. до настоящего времени (1959—2025 гг.). Особое внимание уделено роли известных педагогов, оказавших существенное влияние на развитие педагогической науки в войсках.

Цель статьи заключается в определении критериев и обосновании периодизации развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации во второй половине XX — начале XXI в. (на примере диссертационных исследований). Предметом исследования выступает периодизация развития диссертационных исследований по педагогике в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Научная новизна состоит в применении двух критериев для осуществления периодизации. В качестве оснований выступают как макрополитические и организационные преобразования в стране и войсках (смена государственного строя, реорганизация ведомства), так и изменения в педагогическом знании как результата проведения диссертационных исследований. Статья предназначена прежде всего для специалистов в области истории педагогики.

В процессе исследования было проанализировано 340 диссертационных исследований, посвященных педагогическим проблемам в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Использовались эмпирические (анализ архивных документов, индивидуальные беседы с участниками событий) и теоретические (хронологический, сравнительно-исторический) методы.

Результаты свидетельствуют, что представленная периодизация является важным инструментом для исторического анализа и понимания развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Они имеют особую практическую значимость для осмысления истории развития научных исследований по педагогике, проведенных во внутренних войсках и Росгвардии.

Ключевые слова: потенциал педагогической науки, цивилизационный подход, основания для периодизации, периодизация, периоды и этапы, история развития педагогической науки, диссертационные исследования, внутренние войска, войска национальной гвардии Российской Федерации, концепция

Для цитирования: Волков В. Д. Периодизация развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации (на примере диссертационных исследований) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 518—524. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1566.

Original article

PERIODIZATION OF THE DEVELOPMENT OF PEDAGOGICAL SCIENCE IN THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION (ON THE EXAMPLE OF DISSERTATION RESEARCH)

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. This article presents a structured chronology of the development of pedagogical thought in the Internal Troops and the Rosguard from the mid-20th century to the present time (1959-2025). Special attention is given to the role of renowned educators who have significantly influenced the development of pedagogical science in the military.

The purpose of this article is to define and substantiate the periodization of the development of pedagogical science in the National Guard Troops of the Russian Federation in the second half of the 20th century and the early 21st century (based on dissertation research). The subject of the study is the periodization of the development of dissertation research in pedagogy

in the National Guard Troops of the Russian Federation. The scientific novelty lies in the application of two periodization criteria. This study takes into account both macropolitical and organizational transformations in the country and the military (changes of the state system, departmental reorganizations), as well as changes in pedagogical knowledge as a result of dissertation research. The article is primarily intended for specialists in the field of the history of pedagogy of the law enforcement forces.

In the course of the study, 340 dissertations and abstracts on pedagogical issues in the National Guard Troops of the Russian Federation were analyzed. Empirical methods (analysis of archival documents and individual interviews with participants in the events) and theoretical methods (chronological and comparative historical methods) were used.

For citation: Volkov V. D. Periodization of the development of pedagogical science in the National Guard Troops of the Russian Federation (on the example of dissertation research). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74): 518—524. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1566.

Введение

Актуальность. Руководство страны уделяет особое внимание развитию научной сферы. Ярким тому подтверждением служит Десятилетие науки и технологий, стартовавшее 25 апреля 2022 г. Оно свидетельствует о приоритетном значении науки для государства. В полной мере это относится к педагогической науке. Для историко-педагогических исследований одним из наиболее значимых результатов выступает периодизация накопленного знания. Без нее невозможно понять основные историко-педагогические механизмы развития процессов обучения и воспитания в войсках национальной гвардии.

Изученность проблемы. Вопросами периодизации в истории педагогики занимались И. А. Алехин [1], А. Н. Джуринский [2], В. И. и Л. В. Смирновы [3], А. П. и Т. Г. Шарухины [4]. Вместе с тем эти вопросы рассматривались в общем контексте историко-педагогических исследований. Наиболее фундаментальная работа, посвященная становлению и развитию диссертационных исследований по педагогике это докторская диссертация Н. И. Загузова [5]. В ней он выделяет периодизацию педагогических исследований докторского уровня с 1937 до 1997 г. по социокультурным и историческим критериям, а также по характеру изменения качественной и количественной характеристики диссертаций.

Проблемы исторического анализа и периодизации развития диссертационных исследований не менее актуальны для других наук. Так, С. С. Алексанин, В. И. Евдокимов и В. Ю. Рыбников проводят подробный анализ диссертационных работ, защищенных в советах при Всероссийском центре экстренной и радиационной медицины им. А. М. Никифорова МЧС России с 1998 по 2013 г. [6], М. А. Пискунов на основе периодизации защит диссертаций по специальности 4.3.4 «Технологии, машины и оборудование для лесного хозяйства и переработки древесины», проводил их систематизацию [7], К. С. Дивисенко и Б. Е. Винер осуществили периодизацию советской и постсоветской этнологии на материалах тематики диссертаций с 1934 по 2016 г. [8], в 2014 г. В. С. Пряжеин изучал вопросы периодизации в диссертационных исследованиях по специальностям 07.00.02 «Отечественная история» и 07.00.09 «Историкография, источниковедение и методы исторического исследования» [9].

The results demonstrate that the presented periodization is an important tool for historical analysis and understanding the development of pedagogical science in the National Guard Troops of the Russian Federation. They have particular practical significance for comprehending the history of the development of dissertation research on pedagogy conducted in the Internal Troops and the Rosguard.

Keywords: *the potential of pedagogical science, civilizational approach, basis for periodization, periodization, periods and stages, history of the development of pedagogical science, dissertation research, Internal Troops, National Guard Troops of the Russian Federation, concept*

Целесообразность разработки темы. Многолетний

опыт проведения педагогических исследований во внутренних войсках и Росгвардии обобщает богатейший арсенал знаний, который можно и нужно использовать для совершенствования системы профессиональной подготовки военнослужащих. Особенно сейчас, когда идет становление служебно-боевой педагогики Росгвардии [10]. Однако, современные представления историко-педагогического знания не соответствуют потребностям образовательного процесса в военных образовательных организациях высшего образования Росгвардии. Причиной тому выступает отсутствие системного анализа и обобщения накопленного историко-педагогического опыта, несмотря на значительный объем диссертационных исследований, проведенных с середины XX столетия и посвященных изучению процессов обучения и воспитания военнослужащих Росгвардии (внутренних войск). Поэтому проведение глубокого и всестороннего исторического анализа диссертаций позволило бы выявить общие тенденции, определить наиболее эффективные пути организации обучения и воспитания военнослужащих, а также идентифицировать пробелы и недостатки в существующей системе анализа историко-педагогического опыта.

Новизна исследования. Автор делает попытку осуществить периодизацию развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации на основании обоснованных критериев. В качестве оснований для периодизации выступают:

1. Изменения в общественном устройстве и организации войск (определяются сменой государственной формации и изменениями организационно-штатной структуры войск).
2. Изменения в научных знаниях (определяются проведением диссертационных исследований, посвященных педагогическим проблемам с учетом специфики служебно-боевой деятельности внутренних войск и Росгвардии).

Данные критерии позволяют разобраться в области истории развития педагогической науки, основываясь на причинно-следственных связях между важными событиями в жизни войск или государства и влиянию этих исторических событий на эволюцию педагогического знания в войсках.

Благодаря им исследование позволяет точно определить и подробно описать периоды развития педагогической мысли в войсках национальной гвардии Российской Федерации, используя диссертационные работы как основной источник информации. Иными словами, исследование

помогает разобраться в хронологии событий и проследить эволюцию педагогической науки во внутренних войсках и Росгвардии, выделив ключевые периоды и этапы ее развития. Суть новаторства заключается в выделении периодов и этапов развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации посредством применения обоснованных критериев.

Цель исследования заключается в обосновании периодизации развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации во второй половине XX — начале XXI в. (на примере диссертационных исследований). Для достижения цели предполагалось решить следующие **задачи**:

- 1) обосновать критерии периодизации;
- 2) выявить периоды и этапы развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Теоретическая значимость. Исследование обогащает историю педагогики систематизированным знанием о периодизации проводимых диссертационных исследований в сфере жизнедеятельности внутренних войск и войск национальной гвардии, представляя структурированную хронологию развития педагогической мысли в данной сфере с середины XX в. до настоящего времени (1959—2025 гг.) на основе обоснованных критериев.

Практическая значимость работы заключается в том, что предложенная автором периодизация служит удобным и надежным инструментом для исследователей, изучающих историю развития педагогического знания в войсках национальной гвардии Российской Федерации. Она может использоваться для ориентации в сложном историческом контексте педагогической науки войск, а также при изучении обширного материала педагогических исследований, проведенных во внутренних войсках и Росгвардии.

Методология. По мнению А. П. и Т. Г. Шарухиных, особое место в результатах исследования историко-педагогического знания, касающегося войск национальной гвардии Российской Федерации, занимает периодизация его развития, которая заключается в выделении ключевых поворотных моментов, позволяющих разделить качество педагогического знания на различных временных отрезках, выделить в них общие черты и создать картину единой линии развития. Базисным основанием периодизации историко-педагогического прошлого войск может выступать смена научно-педагогических парадигм, определявших внутреннюю логику и путь развития педагогики Росгвардии. Это означает, что правомерным будет искать и внутренние механизмы развития, как основания для периодизации, и внешние социокультурные условия [11].

Автор разделяет данные взгляды на подход к исследованию развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации. В основу периодизации педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации был положен цивилизационный подход. Также в исследовании использовались эмпирические (анализ архивных документов, индивидуальные беседы с участниками событий) и теоретические (хронологический, сравнительно-исторический) методы.

Основная часть

В истории развития педагогической науки войск национальной гвардии Российской Федерации можно выделить два периода: советский и российский. Они обусловле-

ны государственным строем нашей страны, его влиянием на строительство войск и как следствие на развитие педагогической науки во внутренних войсках и Росгвардии.

Советскому периоду предшествовал острый рост потребности в проведении самостоятельных диссертационных исследований посвященных педагогическим проблемам внутренних войск.

Предпосылки становления и развития педагогической науки во внутренних войсках МВД СССР берут свое начало с 1959 г., с создания кафедры военной педагогики и психологии в Военно-политической академии имени В. И. Ленина Министерства обороны СССР. Собственно, с этого года и начинается проведение системных исследований по военной педагогике. До этого педагогические диссертации на войсковую тематику носили разрозненный и единичный характер.

У истоков этого стоял Александр Васильевич Барабанщиков. Именно он был первым начальником кафедры [12] и по праву считается родоначальником научного этапа развития военной педагогики. В советском периоде развития педагогической науки 90 % ученых, защитивших свои диссертации проходили обучение или защиту в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Несомненно, научная школа Александра Васильевича Барабанщикова оказала колоссальное влияние на становление и развитие педагогической науки во внутренних войсках МВД СССР.

При рассмотрении данного этапа важно учитывать, что с 1 сентября 1939 г. и до 21 марта 1989 г. внутренние войска входили в состав Вооруженных сил СССР и к ним была применима часть педагогических исследований, проводимых в Министерстве обороны СССР. Таких актуальных для служебно-боевой деятельности внутренних войск исследований с 1960 по 1976 г. в Министерстве обороны было проведено сорок шесть.

Одной из основных причин отсутствия самостоятельных диссертационных исследований по педагогике во внутренних войсках МВД СССР была постоянная реорганизация войск и Министерства внутренних дел в целом, начиная со второй половины XX века. Такая реорганизация не всегда проводилась продуманно и эффективно. Так, в 1960 г. было упразднено МВД СССР, а его функции были переданы министерствам внутренних дел союзных республик. Затем в 1962 г. они были преобразованы в республиканские министерства охраны общественного порядка. В результате этих действий внутренние войска оказались децентрализованы, остались без единой системы управления. В данных условиях ни о каком проведении самостоятельных диссертационных исследования не могло быть и речи. Такое положение дел продолжалось до 1966 г. В этом году было создано Министерство охраны общественного порядка СССР. А в 1968 г. вернулось прежнее название Министерство внутренних дел СССР. Стоит отметить, что в 1968 г. внутренним войскам была возвращена единая войсковая структура: дивизия, бригад, полк и т. д., — которая была утрачена еще в 1951 г. [13]. В войсках вводится единая система боевой подготовки. Они начинают насыщаться новыми видами боевой техники и жить по единым с Министерством обороны требованиям боевых и общевоинских уставов Вооруженных Сил СССР.

Возвращение войскам централизованного управления поспособствовало созданию высших военных учебных заведений в войсках. Началось всё с реорганизации Ленинградской военно-политической школы в Высшее

политическое училище МВД СССР, благодаря чему с 1969 г. началась подготовка офицеров с высшим образованием, а уже к концу 1975 г. все военные училища ВВ МВД СССР были преобразованы в высшие военные учебные заведения. Кроме того, в данный отрезок времени объявляется, что в СССР построено общенародное государство. Всё это не могло не отразиться на резком росте потребности в проведении самостоятельных диссертационных исследований во внутренних войсках.

Советский период развития педагогической науки берет свое начало с 1977 г. Причиной тому послужила успешная защита первой диссертации, посвященной педагогическим проблемам внутренних войск МВД СССР. Особое место занимает тот факт, что эта работа была выполнена первым начальником Высшего политического училища МВД СССР, ветераном Великой Отечественной войны генерал-майором Иваном Андреевичем Орловым.

Иван Андреевич понимал, что успех деятельности офицера внутренних войск МВД СССР как руководителя, военного педагога и воспитателя находится в прямой зависимости от уровня развития его педагогического мастерства. В связи с этим, при его непосредственном участии в середине 1970-х гг. в ВПУ МВД СССР создается кафедра педагогики и психологии [14], которая в дальнейшем станет мощным центром развития педагогической науки во внутренних войсках. Именно на этой кафедре под научным руководством доктора педагогических наук, профессора Якова Яковлевича Юрченко завершает свою диссертацию И. А. Орлов. И уже 23 декабря 1977 г. защищает ее в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова, став первым кандидатом педагогических наук, чье исследование было связано и непосредственно предназначено для внутренних войск МВД СССР.

Примечательно, что первым оппонентом на защите диссертации у генерал-майора Орлова И. А. выступал доктор педагогических наук, профессор Слепов Владимир Яковлевич, который окажет колоссальное влияние на развитие педагогической науки во внутренних войсках МВД России и в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

Заслуживает внимания тот факт, что вместе с Иваном Андреевичем в 1972 г. начинает свою кандидатскую диссертацию Валерий Иванович Хальзов, посвятив исследование формированию у курсантов педагогической подготовленности к деятельности политработника подразделения внутренних войск. В 1979 г. проходит ее защита в Военно-политической академии имени В. И. Ленина. Эти диссертации открыли путь началу широких педагогических исследований во внутренних войсках.

В ходе дальнейшего развития войск и вузов с 1980 по 1991 г. перед исследователями возникло множество проблем, вызванных военно-технической революцией, ускорением социально-экономического развития страны, обострением проблем межнациональных отношений, ослабление идейно-политической подготовки и др.

Накануне распада СССР 11 декабря 1991 г. В. И. Хальзов защищает в Санкт-Петербургском государственном университете первую во внутренних войсках докторскую диссертацию, посвященную педагогическим основам повышения эффективности учебно-воспитательной деятельности офицера подразделения внутренних войск. Эта диссертация стала и последним проведенным диссертационным исследованием, завершившим развитие педагогической науки в советском периоде.

Всего в советском периоде было проведено одиннадцать диссертационных исследований, десять из них были кандидатского уровня. Все они проводились по научной специальности 13.00.01 «Теория и история педагогики (военная проблематика)». По областям применения: 36 % исследований было посвящено войсковой тематике и 64 % тематике военных образовательных организаций высшего образования. По общепедагогическим проблемам диссертационные исследования советского периода были посвящены: проблемам воспитания 45,5 %, проблемам профессиональной подготовки 45,5 %, проблемам обучения 9 %.

В 1991 г. развитие педагогики внутренних войск МВД СССР завершилось защитой докторской диссертацией, посвященной проблеме организации процесса воспитания военнослужащих внутренних войск (В. И. Хальзов). Полученные научные результаты послужили добротной основой для дальнейшего развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации и повышению эффективности воспитательного процесса в воинских частях и подразделениях.

Массовые беспорядки в Орджоникидзе в 1981 г., события в Алма-Ате в декабре 1986 г., Карабахский конфликт в 1988 г., Сухумские волнения в 1989 г., Тбилисские события в 1989 г. — это только некоторые события, с которыми пришлось столкнуться внутренним войскам накануне распада СССР. Центробежные националистические тенденции, обострившиеся в этот период времени, стали одной из множества причин распада Советского Союза, который произошел с принятием 26 декабря 1991 г. Декларации Совета Республик Верховного Совета СССР в связи с созданием Содружества Независимых Государств, после чего Советский Союз прекратил свое существование, как геополитическая реальность.

С 1992 г. после распада Советского Союза берет свое начало российский период развития педагогической науки. Он состоит из двух этапов: этапа развития педагогической науки во внутренних войсках МВД России и этапа развития педагогической науки в Росгвардии.

Этап развития педагогической науки во внутренних войсках МВД России берет свое начало с апреля 1992 г., когда в Гуманитарной академии Вооруженных Сил состоялась защита кандидатской диссертации Соловьева Сергея Михайловича. Она была посвящена очень актуальной проблеме социального характера — воспитанию военнослужащих, которые до призыва на военную службу во внутренние войска участвовали в неформальных объединениях молодежи.

Стоит отметить, что для Российской Федерации и, в том числе, для внутренних войск МВД России 1990-е гг. стали настоящим испытанием — проверкой на прочность. Войска столкнулись с целым рядом проблем: политический кризис в октябре 1993 г.; нестабильная социально-экономическая обстановка (задержка денежного довольствия до полугода и т. д.); вооруженный конфликт в Чеченской Республике и последовавшие за ним контртеррористические операции на территории Северо-Кавказского региона, взрывной рост преступности, захлестнувший страну, острая нехватка подготовленных кадров, вызванная массовым оттоком подготовленных офицеров в бывшие республики СССР и др. Кроме того, со сменой государственной формации в войсках возникли чисто педагогические проблемы, связанные с отменой идеологии, изменением идеалов и ценностных ориентиров.

Перечисленные факторы, несомненно, стали катализатором развития педагогической науки во внутренних войсках МВД России, которая находилась в начале своего пути. В период с 1992 по 2016 г. было защищено подавляющее большинство диссертаций — 214, что составляет 72,8 % от общего количества защищенных диссертаций (всего 294 диссертации).

Анализ работ по научным специальностям дает следующую картину: абсолютное большинство (130 работ) выполнено по специальности 13.00.01, второе место занимает специальность 13.00.08 (73 работы), далее следует 13.00.04 (6 работ) и 13.00.02 (5 работ).

В тематическом разрезе большинство исследований было связано с деятельностью военных образовательных организаций высшего образования (72,5 %). 24 % были посвящены войсковой проблематике, 3 % посвящено историческим аспектам, и лишь 0,5 % освещали вопросы кадетского образования. Содержательный анализ показывает, что основное внимание на данном этапе развития педагогической науки уделялось проблемам воспитания (43 %) и профессиональной подготовки (26 %). Вопросы обучения рассматривались в 19 % диссертаций, педагогическому обеспечению служебно-боевой деятельности посвящено 6 %, а история педагогики и проблемы развития получили по 3 %.

Проведение данных диссертационных в значительной части связано с именем Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Заслуженного работника высшей школы Российской Федерации, доктора педагогических наук, профессора, ветерана Великой Отечественной войны, полковника в отставке Владимира Яковлевича Слепова. В сентябре 1991 г. В. Я. Слепов окончательно переходит на работу в Высшее политическое училище МВД СССР (в дальнейшем Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России) [15] и сразу же начинает активную работу по повышению научного потенциала данного учебного заведения.

Стоит отметить, что у Владимира Яковлевича станет самый высокий показатель защитившихся учеников среди всех научных руководителей во внутренних войсках и Росгвардии. Одними из первых во внутренних войсках МВД России защитились именно его ученики. Все эти исследования в полной мере отвечали вызовам, стоящим перед педагогической наукой 90-х годов, и внесли значительный вклад в подготовку кадров для внутренних войск МВД России.

С момента избрания президентом В. В. Путина обстановка в стране начинает стабилизироваться. Завершаются активные боевые действия Чеченской Республике, восстанавливается контроль федерального центра на территории Чечни, однако режим контртеррористической операции сохраняется до 2009 г. На этом этапе начинает активно работать приобретающая всё более четкие очертания научная школа В. Я. Слепова, в которой наиболее активную роль играли Анатолий Петрович и Татьяна Геннадьевна Шарухины. В 2002 г. Т. Г. Шарухина защищает первую в российском периоде и вторую по счету во внутренних войсках докторскую диссертацию, посвященную проблеме управления развитием педагогического творчества преподавателей. Следом за ней под ее руководством и руководством Анатолия Петровича защищают кандидатские диссертации несколько преподавателей кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского

военного института внутренних войск МВД России. Ученики Анатолия Петровича и сегодня продолжают развивать его педагогические идеи [16].

В 2007 г. В. В. Путин выступил на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. Оно стало поворотным моментом в российской внешней политике. Она рассматривалась как послание России Западу: страна не намерена принимать подчиненную роль в международных делах. В 2008 г. Россия принимает участие в урегулировании грузинско-осетинского конфликта. Возвращает Крым в 2014 г. Все эти события в той или иной мере оказали влияние на проведение диссертационных исследований во внутренних войсках МВД России. Также значимым событием для педагогической науки внутренних войск является открытие 1 октября 2010 г., первого диссертационного совета по педагогике Д 203.037.01. Идея его создания принадлежала доктору педагогических наук, профессору В. Я. Слепову [17].

На данном этапе развития педагогической науки внутренних войск МВД России, в этом диссертационном совете было защищено 59 диссертаций, посвященных педагогическим проблемам во внутренних войсках.

Все исследования были направлены на повышение качества образовательного процесса в военных институтах и совершенствование учебно-воспитательного процесса в воинских частях и подразделениях внутренних войск МВД России, что было крайне актуальным с учетом складывающейся на тот момент общественно-политической обстановки в стране и мире.

5 апреля 2016 г. на основе внутренних войск МВД России был учрежден новый орган исполнительной власти — Федеральная служба войск национальной гвардии Российской Федерации. В результате этого преобразования произошли изменения в составе и организации войск, а также были определены новые задачи. Для их выполнения введена полицейская составляющая, что также является существенным изменением для войск. Все эти нововведения поставили перед педагогической наукой актуальные вопросы, связанные с подготовкой кадров для Росгвардии.

Непосредственно сам этап развития педагогической науки в Росгвардии начинается с 2017 г. Первыми свои диссертации защитили 7 июля 2017 г. Ю. В. Юдин и С. Ю. Овсянников в Военном университете Министерства обороны Российской Федерации.

К 2026 г. общее количество защищенных диссертаций достигло 69, что составляет 23,5 % от всех педагогических диссертаций в войсках. Распределение по научным специальностям выглядит следующим образом: основная масса приходится на специальности 13.00.08 (23 работы) и 5.8.7 (23 работы), далее следует 13.00.01 (16 работ), 6 работ выполнено по специальностям 13.00.02 и 5.8.1 (по 3 работы в каждой) и одна работа по специальности 13.00.04.

Тематически доминируют исследования, ориентированные на решение педагогических проблем, возникающих в военных образовательных организациях высшего образования (64 %), треть диссертаций (33 %) касается непосредственно войсковой практики, по 1,5 % занимают вопросы кадетского образования и исторические аспекты.

Что же касается общепедагогических проблем, то почти половина исследований (48 %) сфокусирована на вопросах воспитания, пятая часть (20 %) — на вопросах обучения,

17 % посвящено профессиональной подготовке, 12 % — педагогическому обеспечению, и по 1,5 % приходится на историю педагогики и проблемы развития.

Однако, не смотря на активное проведение диссертационных исследований, не на все актуальные вопросы, стоящие перед педагогической наукой войск национальной гвардии Российской Федерации сейчас даны ответы. Так перспективными направлениями исследований являются вопросы: учебно-воспитательного процесса с сотрудниками; педагогические проблемы обучения, воспитания и боевого применения мобилизованных военнослужащих и военнослужащих, не проходивших военную службу до подписания контракта, направляемых для выполнения служебно-боевых задач в зону специальной военной операции. Все эти, безусловно, актуальные вопросы требуют полноценных диссертационных исследований, которые на сегодняшний день вообще отсутствуют.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алехин И. А. Развитие теории и практики военного образования в России XVIII — начала XX века : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2004. 636 с.
2. Джуринский А. Н. К вопросу периодизации истории педагогики // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации : сб. науч. тр. междунар. науч.-практ. конф. М. : Изд-во Моск. пед. гос. ун-та, 2019. С. 20—35.
3. Смирнов В. И., Смирнова Л. В. Основания периодизации в историко-педагогическом исследовании // Историко-педагогический журнал. 2012. № 3. С. 33—42
4. Шарухин А. П., Шарухина Т. Г. История образования: периодизация и тенденции развития // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 2(78). С. 229—233.
5. Загузов Н. И. Становление и развитие квалификационных научных работ по педагогике в России: (1934—1997 гг.) : дис. ... д-ра. пед. наук. М., 1998. 339 с.
6. Алексанин С. С., Евдокимов В. И., Рыбников В. Ю. Анализ диссертационных работ, защищенных в диссертационных советах при Всероссийском центре экстренной и радиационной медицины имени А.М. Никифорова МЧС России (1998—2013 гг.). СПб. : Политехника сервис, 2014. 254 с.
7. Пискунов М. А. Систематизация массива диссертаций по отдельной научной специальности на основе периодизации защит и контент-анализа названий. (Часть 1) // Научные и технические библиотеки. 2023. № 5. С. 39—57. DOI: 10.33186/1027-3689-2023-5-39-57.
8. Дивисенко К. С., Винер Б. Е. Периодизация советской и постсоветской этнологии на материалах тематики диссертаций (1934—2016) // Мир России. 2021. Т. 30. № 4. С. 156—187.
9. Прядеин В. С. О некоторых дискуссионных методологических (научно-исследовательских) вопросах исторических исследований // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. : XII Всерос. науч. конф., посвящ. 90-летию Заслуж. деятеля науки России, д-ра ист. наук, проф. Александра Васильевича Бакунина : материалы : в 2 т. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2014. Т. 1. С. 134—143.
10. Шарухин А. П., Шимко С. Ю. Педагогическое обеспечение эффективного выполнения военнослужащими (сотрудниками) возложенных на них задач или зачем нужна служебно боевая педагогика // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2021. № 3(16). С. 35—38.
11. Шарухин А. П., Шарухина Т. Г. Методологические основания исследования истории педагогики Росгвардии // Вестник НЦБЖД. 2022. № 3(53). С. 51—58.
12. Волков В. Д., Шарухин А. П. Патриархи педагогической науки Росгвардии: А.В. Барабанщиков, В.Я. Слепов // Академический вестник войск национальной гвардии Российской Федерации. 2025. № 1. С. 56—63.
13. Лысенков С. Г., Олейник С. А. Реформирование внутренних войск МВД СССР в середине XX века // Защита и безопасность. 2011. № 1(56). С. 7—9.
14. Кузнецов Д. Е. Кафедра военной педагогики академии войск национальной гвардии: от истоков создания к современному положению // Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Ученый, Наставник : к 100-летию со дня рождения В. Я. Слепова : материалы Межведомств. науч. конф. с междунар. участием. СПб. : Изд-во Воен. ордена Жукова акад. войск нац. гвардии, 2025. С. 243—248.
15. Кузнецов Д. Е. Научная дискуссия с одним из основателей военной педагогики Росгвардии : к 100-летию юбилею Слепова Владимира Яковлевича и в честь 80-летия победы в Великой Отечественной войне. СПб. : Воен. ордена Жукова акад. войск нац. гвардии Рос. Федерации. 2025. 160 с.
16. Бабичев А. М. Жизненный путь и педагогическое наследие профессора А. П. Шарухина (к 70-летию): служение Отечеству, науке и образованию // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 1(163). DOI: 10.60797/IRJ.2026.163.48.
17. Кузнецов Д. Е. Предпосылки и создание первого в истории войск национальной гвардии Российской Федерации диссертационного совета по педагогике Д 203.037.01 // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. 2024. № 3(21). С. 73—86.

Выводы

Резюмируя изложенное, следует отметить, что предложенная автором периодизация, является важным инструментом для глубокого исторического анализа и понимания развития педагогической науки в Росгвардии. Она основывается на причинно-следственных связях в жизни как войск, так и государства в целом и развитием педагогической науки в Росгвардии, помогая проследить, каким образом данные исторические события оказывали на нее влияние. Полученные результаты имеют практическую значимость для осмысления истории развития диссертационных исследований по педагогике, проведенных в войсках национальной гвардии Российской Федерации.

При проведении анализа периодов развития педагогической науки в войсках национальной гвардии Российской Федерации были установлены перспективные направления дальнейших диссертационных исследований, крайне актуальные на сегодняшний день.

REFERENCES

1. Alekhin I. A. The development of the theory and practice of military education in Russia of the XVIII — early XX century. Diss. of the Doct. of Pedagogy. Moscow, 2004. 636 p. (In Russ.)
2. Dzhurinskiy A. N. On the Issue of periodization of the history of pedagogy. *Istochniki issledovaniya o pedagogicheskom proshlom: interpretatsiya problem i problemy interpretatsii = Sources of research on the pedagogical past: interpretation of problems and problems of interpretation. Collection of scientific papers of the International scientific and practical conference.* Moscow, Moscow State Pedagogical University publ., 2019:20—35. (In Russ.)
3. Smirnov V. I., Smirnova L. V. Basis of period of division in historical pedagogical studies. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal.* 2012;3:33—42. (In Russ.)
4. Sharukhin A. P., Sharukhina T. G. History of education: periodization and development trends. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the Saint-Petersburg university of the MIA of Russia.* 2018;2(78):229—233. (In Russ.)
5. Zaguzov N. I. Formation and development of qualification research papers in pedagogy in Russia: (1934–1997). Diss. of the Doct. of Pedagogy. Moscow, 1998. 339 p. (In Russ.)
6. Aleksanin S. S., Evdokimov V. I., Rybnikov V. Yu. Analysis of dissertations defended in the Dissertation Councils at the All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine named after A.M. Nikiforov of the Ministry of Emergency Situations of Russia (1998–2013). Saint Petersburg, Politehnika Servis, 2014. 254 p. (In Russ.)
7. Piskunov M. A. Systematizing the array of dissertations in individual discipline based on chronologizing of Ph.D. defenses and title content-analysis. (Part 1). *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki = Scientific and Technical Libraries.* 2023;5:39—57. (In Russ.) DOI: 10.33186/1027-3689-2023-5-39-57.
8. Divisenko K., Wiener B. The Periodization of Soviet and Post-Soviet Ethnology Based on Dissertation Topics (1934–2016). *Mir Rossii = Universe of Russia.* 2021;30(4):156—187. (In Russ.) DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-4-156-187.
9. Priadein V. S. About some discussion of the methodological (scientific) matters of historical research. *Ural industrial'nyi. Bakuninskie chteniya: Industrial'naya modernizatsiya Urala v XVIII—XXI vv. = Industrial Ural. Bakunin Readings: Industrial modernization of the Urals in the 18th-21st centuries. The 12th All-Russian Scientific Conference Dedicated to the 90th Anniversary of Alexander Vasilyevich Bakunin, Honored Scientist of Russia, Doctor of Historical Sciences, Professor. Proceedings.* Ekaterinburg, UMTs UPI, 2014;1:134—143. (In Russ.)
10. Sharukhin A. P., Shimko S. Yu. Pedagogical support for the effective performance by military personnel (employees) assigned to them or why do we need service and combat pedagogy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voisk natsional'noi gvardii.* 2021;3(16):35—38. (In Russ.)
11. Sharukhin A. P., Sharukhina T. G. Methodological grounds for studying the Rosgvardia pedagogy history. *Vestnik NTsBZhD.* 2022;3:51—58. (In Russ.)
12. Volkov V. D., Sharukhin A. P. Aleksandr V. Barabanshchikov and Vladimir Ya. Slepov are the patriarchs of Rosgvardia pedagogical science. *Akademicheskii vestnik voisk natsional'noi gvardii Rossiiskoi Federatsii.* 2025;1:56—63. (In Russ.)
13. Lysenkov S. G. Oleinik S. A. Reforming the internal troops of the USSR Ministry of Internal Affairs in the mid-20th century. *Zashchita i bezopasnost' = Protection and Security.* 2011;1(56):7—9. (In Russ.)
14. Kuznetsov D. E. Department of Military Pedagogy of the Academy of the National Guard Troops: from origins to the current situation. *Vladimir Yakovlevich Slepov: Uchitel', Uchenyi, Nastavnik = Vladimir Yakovlevich Slepov: Teacher, Scientist, Mentor. On the 100th Anniversary of V. Ya. Slepov's Birth. Materials of the interdepartmental scientific conference with international participation.* Saint Petersburg, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard publ., 2025: 243—248. (In Russ.)
15. Kuznetsov D. E. Scientific discussion with one of the founders of the National Guard's military pedagogy. On the 100th Anniversary of Vladimir Yakovlevich Slepov and in Honor of the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War. Saint Petersburg, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation publ., 2025. 160 p. (In Russ.)
16. Babichev A. M. The life and pedagogical legacy of Professor A. P. Sharukhin (on his 70th birthday): service to the Fatherland, science, and education. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal.* 2026;1(163). (In Russ.) DOI: 10.60797/IRJ.2026.163.48.
17. Kuznetsov D. E. Prerequisites and establishment of the first Dissertation council on Pedagogy D 203.037.01 in the history of the National Guard Troops of the Russian Federation. *Voенно-pravovye i gumanitarnye nauki Sibiri = Military-Legal and Humanitarian Sciences of Siberia.* 2024;3(21):73—86. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 14.02.2026; принята к публикации 16.02.2026.
The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 14.02.2026; accepted for publication 16.02.2026.

Научная статья
УДК 37.013:378
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1556

Anna Petrovna Devyatkina
Senior Lecturer of the Department of Bioecology
and Technosphere Safety,
Buzuluk Humanitarian
and Technological Institute (branch)
of the Orenburg State University
Buzuluk, Russian Federation
annadevyat919855@mail.ru

Анна Петровна Девяткина
старший преподаватель кафедры биоэкологии
и техносферной безопасности,
Бузулукский
гуманитарно-технологический институт (филиал)
Оренбургского государственного университета
Бузулук, Российская Федерация
annadevyat919855@mail.ru

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ БЕЗОПАСНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗА В ФОКУСЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕДАГОГИКИ (2020—2025 гг.)

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье проведен сопоставительный анализ экспериментальных данных об актуальном феномене культуры безопасного поведения (КБП) студентов вуза, представленных в отечественных и зарубежных исследованиях и опыте автора статьи 2020—2025 гг. Научная новизна исследования заключается в установлении растущего разрыва между компонентами феномена и обосновании социальных практик студентов в качестве средства его преодоления. Цель исследования заключается в повышении эффективности формирования КБП студентов вуза. Обосновано выделение нового периода исследования феномена КБП (2020—2025 гг.). Определена специфика периода, обусловленная воздействиями быстро меняющегося мира. Представлены экспериментальные данные педагогов отечественных вузов, опыт автора, зарубежные исследования (Бангладеш, Испания, Индия, Малайзия, США, Тайвань) различных видов проблем по теме. Указаны педагогические причины — дисбалансы компонентов КБП вследствие несо-

вершенства образовательного процесса и неподготовленности студентов. Выявлены профессионально-личностные последствия — неустойчивость КБП студентов порождает риски и опасности поведения. Выделены результативные направления формирования КБП студентов вуза. Рекомендована апробированная автором комплексная программа формирования КБП студента вуза на основе сквозной многоступенчатой социальной практики безопасного поведения. Сделан вывод о потенциале социальных практик, выступающих медиатором (посредником) между знаниями, мотивацией и реальным безопасным поведением.

Ключевые слова: экспериментальное исследование, культура безопасного поведения, безопасность жизнедеятельности, компонента культуры, студент вуза, сопоставительный анализ, дисбаланс компонентов, классификация средств формирования, социальные практики, комплексная программа формирования культуры безопасного поведения студента вуза

Для цитирования: Девяткина А. П. Экспериментальные исследования культуры безопасного поведения студентов вуза в фокусе отечественной и зарубежной педагогики (2020—2025 гг.) // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 525—531. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1556.

Original article

EXPERIMENTAL RESEARCH ON THE CULTURE OF SAFE BEHAVIOR AMONG UNIVERSITY STUDENTS IN THE FOCUS OF DOMESTIC AND FOREIGN PEDAGOGY (2020-2025)

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article provides a comparative analysis of experimental data on the current phenomenon of the culture of safe behavior (hereinafter CSB) among university students, presented in the works of domestic and foreign researchers and the author's experience in the period 2020-2025. The scientific novelty of the study lies in identifying a growing gap between the components of the phenomenon and substantiating students' social practices as a means of overcoming it. The aim of the study is to increase the effectiveness of forming a culture of safe behavior among university students. The main content of the study justifies the allocation of a new period for the study of the phenomenon of CSB (2020-2025). The specific features

of this period, conditioned by the impacts of a rapidly changing world, are identified. Experimental data from teachers at Russian universities, the author's experience, and international studies (in Bangladesh, Great Britain, India, China, Malaysia, and the USA) on various imbalances in the components of university students' CSB are presented. The causes of these imbalances are identified—deficiencies in the educational process and students' lack of preparation. The consequences are identified – the instability of students' CSB leads to risky and dangerous behavior. References are provided to statistics on injuries, accidents, and incidents involving university students. Effective areas for developing university students' CSB are classified.

A comprehensive program for forming student's CSB, tested by the author and based on an end-to-end multi-stage social practice of safe behavior, is recommending. A conclusion is drawn about the potential of social practices acting as a mediator between knowledge, motivation, and actual safe behavior.

For citation: Devyatkina A. P. Experimental research on the culture of safe behavior among university students in the focus of domestic and foreign pedagogy (2020-2025). *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):525—531. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1556.

Введение

Актуальность. Безопасность является приоритетной ценностью личности и находится на вершине его базовых потребностей [1]. Формирование культуры безопасного поведения (далее — КБП) современной личности проходит в условиях общества риска [2]. Процесс начинается с первых жизненных опытов и протекает как самостоятельно, так и непрерывно в процессе обучения [3] и трудовой деятельности [4]. В профессиональном образовании этот процесс становится наиболее насыщенным и многоаспектным, обусловленным новыми статусами студента вуза, будущего профессионала, будущего субъекта профессионального социума, составляет обязательную часть социального становления личности. Общий вектор исследований устанавливает Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273 «Об образовании в Российской Федерации», ст. 48 которого предписывает: «Педагоги обязаны сформировать у обучающихся культуру безопасного поведения...» — что актуализирует исследования КБП студента вуза.

Изученность проблемы. Исследование данного феномена в педагогике продвигается поэтапно под влиянием глобальных событий рискогенного свойства. Собственно, термин «безопасное поведение» возник в связи с необходимостью обучать детей поведению на транспорте и дорогах городской агломерации (мегаполисов). Затем понятие закрепляется в исследованиях отдаленных последствий масштабной аварии на Чернобыльской атомной электростанции и других техногенных катастроф. Следующим посылом становится внедрение информатизации и цифровизации в сферу образования. Вследствие большого объема новых исследований по данной тематике для их научного оформления возникает концепция «Педагогика безопасности» [5]. В вузовской практике дефиниция «культура безопасного поведения» содержательно смешивается с понятием «безопасность жизнедеятельности». Причиной тому является «рискоориентированная» модернизация в вузах обязательной дисциплины «Безопасность жизнедеятельности».

В вузах были предложены и реализованы меры педагогической поддержки и сопровождения формирования КБП студентов как в контексте культуры безопасности жизнедеятельности (например, исследование Л. Н. Гориной [6], Л. А. Моссоулина [7], И. А. Голубева [8]), личной безопасности (например, О. В. Писарь [9]), так и именно безопасного поведения (например, Н. А. Плешкова [10], И. В. Грошева [11]).

В результате продолжительных теоретических и эмпирических изысканий в период с 2000 по 2019 г. были разработаны общие подходы к пониманию КБП студента. В педагогической работе Л. А. Акимовой были выделены отличия КБП и культуры безопасного образа жизни [12]. В работе исследователей из Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена было

Keywords: *experimental research, culture of safe behavior, life safety, component of culture, university student, comparative analysis, imbalance of components, classification of means of formation, social practices, comprehensive program for forming the culture of safe behavior among university students*

установлено, что «ключевыми аспектами (характеристиками) базовой компетенции безопасного поведения являются: осознание потенциальных опасностей, умения оценивать риски, соблюдение правил безопасности, принятие ответственных решений в опасных ситуациях, готовность к действиям в опасных, чрезвычайных ситуациях и их преодолению, самоконтроль и дисциплина» [13, с. 150]. В работе К. В. Планкина [14] культура безопасности личности представлена как интегративное трехкомпонентное личностное качества, которое характеризует устойчивую мотивацию к безопасному поведению, компетенции безопасности для осознанного принятия решений в условиях неопределенности и активные поведенческие установки как часть повседневного поведения. В социологических и педагогических исследованиях были установлены кардинальные отличия содержания компонентов культуры для различных возрастных категорий и страт (детей, подростков, студенчества, рабочей молодежи, специалистов различных профилей). В концепции федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования введена универсальная компетенция «Безопасность жизнедеятельности»: «Способен создавать и поддерживать в повседневной жизни и в профессиональной деятельности безопасные условия жизнедеятельности для сохранения природной среды, обеспечения устойчивого развития общества, в том числе при угрозе и возникновении чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов», — которая по содержанию своему предполагает именно поведенческие приоритеты субъекта обучения.

Период пандемии COVID-19 стал поворотным в исследовании КБП студентов [15]. Глобальное влияние оказал быстроменяющийся мир [16]. Мир на границе XX и XXI вв. в «исторически сжатый срок» прожил переходные состояния *SPOD*, *VUCA*, *BANI*, *SHIVA*, *TACI*-миров. Резко активизировалось развитие информационного общества. Закрепилась характеристика «сетевой личности» студента [17] и определились новые виды социальных практик дистанционной и гибридной коммуникации.

Изменения геополитической, экономической ситуации, специальной военной операцией 2022 г. также вызвали трансформацию КБП студентов. В подготовке специалистов возникли определенные проблемы с изменением содержания образования и внедрением таких влиятельных социальных позиций как государственная независимость и безопасность, технологический суверенитет, импортозамещения, учет политических и экономических санкций, технологический приоритет.

На этом социально напряженном фоне сильное влияние на поведенческие паттерны студентов оказали цифровизация, роботизация труда и жизнедеятельности, частые климатические и экологические катастрофы, всплеск кибермошеничества, полиэтнические конфликты и другие факторы. В результате в последнее пятилетие формируется новый тип КБП студентов на основе возникающих социальных

практик готовности к военной угрозе, кибергигиены, психологической устойчивости, сетевой коммуникации, правовой грамотности, климатической осознанности. Студенты стали не просто объектами заботы, а субъектами безопасности, вынужденными самостоятельно оценивать риски в быстро меняющемся мире. Таким образом, в 2020—2025 гг. возникла необходимость новых экспериментальных исследований условий формирования КБП студентов вузов для определения актуального состояния вопроса и раскрытия незадействованных потенциалов и ресурсов высшей школы для ее успешного формирования.

Научная новизна представленного в статье исследования заключается в установлении растущего разрыва между компонентами культуры безопасного поведения студента вуза и обосновании социальных практик студентов в качестве средства его преодоления.

Целью статьи выступает повышение эффективности формирования КБП студентов вуза.

Задачи исследования:

1) провести сопоставительный анализ состояния КБП студентов вуза по данным отечественных, зарубежных исследователей и личных исследований автора в 2020—2025 гг.;

2) выявить результативные направления повышения эффективности формирования КБП и значимость социальных практик;

3) дать общие рекомендации по использованию результатов исследования в отечественных вузах.

Теоретическая значимость статьи состоит в том, что ее материалы могут стать отправной точкой для расширения функционала теории социальных практик в педагогике безопасности на основе создания моделей и алгоритмов разработки комплексных программ формирования КБП студентов в социальных практиках.

Практическая значимость состоит в том, что статья может послужить аналитическим материалом и практическим руководством в развитии программно-методического обеспечения процессов формирования КБП студентов как системного образования в профессионально-личностном развитии студента вуза.

Методы исследования представлены сопоставительным анализом научных публикаций об экспериментальных исследованиях проблем КБП студентов вуза и путях ее решения.

Основная часть

В отечественных педагогических исследованиях выделим характерный эксперимент по формированию одной из составляющих данной культуры — культуры техносферной безопасности. В 2020—2022 гг. А. Н. Попцовым совместно с И. Г. Долининой [18] на базе Пермского национального исследовательского политехнического университета (240 респондентов) установлено, что более половины студентов (53,57 %) демонстрируют низкий уровень культуры техносферной безопасности в констатирующем эксперименте, несмотря на изучение курса «Безопасность жизнедеятельности» в вузе. В формирующем эксперименте отмечены позитивные изменения в условиях технологизации, индивидуализации и усиления междисциплинарных связей в заданиях на развитие естественнонаучного мышления. Высокого уровня сформированности достигли 42,9 % студентов экспериментальных групп, а низкого — только 21,43 %. Причем в дальнейших срезах высокого уровня достигли уже 82,14 % студентов.

В других отечественных экспериментальных исследованиях этого периода также подтверждается тот факт, что формирование КБП в рамках одной дисциплины «Безопасность жизнедеятельности» недостаточно эффективно. В экспериментах педагогов вузов Екатеринбурга доказана результативность ситуационных заданий и задач в контексте безопасности, практики по оценке экологической безопасности местности проживания, состояния микроклимата и комфортности помещения обучения, качества традиционных продуктов питания [19].

В этой связи интересна экспериментальная разработка М. А. Кулебяевым компьютерной системы обучения «Культура информационной безопасности студентов технических вузов в цифровой образовательной среде». При внедрении в учебный процесс Приволжского института (филиала) Московского автомобильно-дорожного Государственного технического университета (г. Чебоксары) доказано, что для формирования КБП недостаточно сформированных теоретических знаний и технических навыков. Проблемы возникают «...в плоскости поведенческих привычек и глубоко укорененных ценностных установок» [20, с. 8].

Исследование аксиологической составляющей культуры безопасности поведения студентов проведено в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарева (г. Саранск). В эксперименте анализировались внутренние и внешние мотивы студентов в безопасном поведении. Установлено, что 50,0 % студентов имеют низкий уровень ценностных ориентаций в данной области, 34,6 % базовый и только 15,4 % — высокий [21, с. 62]. Для коррекции ситуации предлагается использование специализированных ценностно-ориентированных практических заданий. Отметим, что сопоставление результатов экспериментов указывает на недостаточность развития только одного компонента культуры, дисбаланс сформированности компонентов приводит к неустойчивому безопасному поведению.

Зарубежные исследования в области КБП студентов имеют различные научные и экспериментальные приоритеты.

Терминологически «культура безопасного поведения» близка в различных переводах к понятию «культуре безопасности». Основой изучения этого феномена за рубежом стала «теория запланированного поведения» [22]. Теория успешна в рекламе, продажах, маркетинге, СМИ, широко внедрена и в вузовскую практику для прогнозирования и формирования учебной мотивации студентов.

В контексте тематики данной статьи теория была использована при изучении безопасности в лабораториях Малайзии [23] как одной из самых рискованных сред обучения. Позиция авторов подтверждена примерами трагедий в лабораториях Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе (США), Пекинском университете транспорта (Китай), Техниона Израильского технологического института, Университете Кента (Великобритания). Аналогичное исследование в Тайване показало, что 49 % лабораторных аварий обусловлены несоблюдением студентами правил безопасности. В исследовании на основе теории запланированного поведения был проведен анкетный опрос (21 пункт) 1 295 студентов химического инженерии в пяти государственных университетах Малайзии. Среди случаев опасного поведения наиболее частыми являются: 27 % студентов не проводят оценку рисков перед началом работы; 50 % не используют информацию по безопасности при планировании экспериментов; 65 % не надевают перчатки при проведении опасных опытов. По результатам выделены

три аспекта низкой КБП студентов в лабораториях университетов: нехватка знаний, слабая мотивация к безопасному поведению и, как центральная проблема, низкая приверженность безопасности. Наибольший интерес представляет вывод авторов: приверженность безопасности (*Safety Commitment*) является медиатором (посредником) между знаниями, мотивацией и реальным поведением: в первую очередь формируются знания, затем приверженность, затем мотивация, и только в конце этой последовательности формируется безопасное поведение на практиках. Мощным средством формирования выступает личный пример преподавателя, большое значение имеет опережающая подготовка на основе теории запланированного поведения, интервенции (тренинги, семинары, дискуссии, инструктажи). Одним из важных регуляторов безопасного поведения, по мнению авторов, выступают визуализация — памятки, плакаты и визуальные подсказки, напоминающие о правилах безопасности как можно чаще [23].

Теория Айзенка нашла применение в исследованиях безопасного поведения студентов Албании и Канады в киберпространстве [24]. Проблемные зоны во многом аналогичны отечественным. Например, повторное использование простых паролей; некритичное принятие запросов в друзья от незнакомцев; игнорирование настроек безопасности браузера; чувство небезопасности у четверти пользователей. Для отечественных вузов считаем результативными социальные практики создания кибер-дружин и включение их активистов в студенческое самоуправление, использование «серьезных игр» (*VR/AR*), рискованных ситуаций с участием неопытных и подготовленных пользователей и обсуждением ошибок.

Несколько иной подход, аналогичный отечественным исследованиям компонентов КБП студентов, использован в Бангладеш [25]. Феномен КБП рассматривается как многокомпонентная конструкция. Ученые анализировали убеждения в необходимости безопасного поведения, его ценность и восприятие, знания о безопасности, и собственно отношение к ней. В Бангладеш внимание к проблеме привлек тот факт, что в 2023 г. возросла доля аварийных ситуаций и несчастных случаев, в которых пострадали студенты. Выявлена тревожная тенденция снижения уровня безопасности студентов, проживающих в кампусах. Для достоверного анализа проблемы авторы выполнили сложную выборку из 1 676 студентов различных университетов и колледжей страны. Выявлены «слепые зоны» и лакуны сформированности КБП: фатализм и недооценка превентивного поведения (опасность воспринимается как воля бога и неизбежность); критический низкий уровень знаний правил эвакуации и поведения в чрезвычайных ситуациях; социальные барьеры и недооценка важности коллективной безопасности, нежелание обсуждать опыт преодоления опасностей в своей среде из-за боязни неприятия; опасные рутинные привычки (разговоры во время спусков по лестнице, оставления зарядных устройств включенными, игнорирования указателей движения и др.). Исследование настоятельно призывает к внедрению программ обучения безопасности во всех учебных заведениях высшего образования в Бангладеш, включая частые тренинги по безопасности, лекции и упражнения социального опыта [25].

Проект *DIGCOMP* (Испания, Индия) [26] исследовал КБП студентов в части сложных цифровых компетенций, интегрирующих защиту устройств, персональных данных, здоровья и окружающей среды. Было установлено, что в испанских вузах несмотря на глубокие знания в сфере интернет-коммуникаций и защиты персональной информации, в реальной практике бытует непоследовательность

и неустойчивость применения сетевого этикета, слабая приверженность безопасному поведению в сети. Более сложный вариант — в индийском эксперименте. Сталкиваясь с массовой киберугрозой, студенты получают крайне мало информации о них как в школе, так и в университете.

Социально-практическая направленность зарубежных исследований межкультурных аспектов КБП связана с теорией межгруппового контакта Гордона Оллпорта (подробный анализ см. в: [27]).

Принципы теории определили экспериментальные работы по комфорту мультиэтнических групп студентов. Исследование выполнено на основе междисциплинарного анализа, опросов и монографических характеристик респондентов [28]. Исследование представлено на основе анонимного онлайн-опроса (39 пунктов, факторный анализ, 8 блоков) среди 4 531 студента крупнейшего частного университета в провинции Шэньси (Китай). Сопоставительный анализ статистики различных видов происшествий в университетах России, США, Китая, Омана определил характерные структурные компоненты феномена КБП студентов: знания о безопасности (*Safety Knowledge*); интерактивное безопасное поведение (*Interaction Safety Behavior*); безопасное поведение на дороге (*Traffic Safety Behavior*); безопасное поведение в кампусе (*Campus Safety Behavior*). Предложены и обоснованы ряд социальных практик (*social practices*). Такие социальные практики становятся частью поведенческих стратегий, формируют социальную позицию, определяют ценностные доминанты безопасного поведения в мультикультурной среде вуза, кампуса, общежития, добровольного студенческого объединения: объединение на основе общей цели (*shared purpose*); сознательное структурирование взаимодействий (*interaction structuring*) посредством ротации состава рабочих групп; ротация руководящих должностей (*rotating leadership*) для поддержания равного статуса, а также активное предотвращение замкнутых групп (*discouraging cliques*) и культивирование товарищества (*fellowship*). Выявлено, что студенты недостаточно осведомлены о правилах безопасности, но хорошо соблюдают правила дорожного движения. Корреляционные связи между уровнем сформированности этих компонентов стали основанием для рекомендаций результативных социальных практик.

Выделим, например, социальные практики превентивной оценки культуры безопасности поведения абитуриентов вуза, ее повторяемость и ежегодную обновляемость. Для конкретных студентов необходимо применять особые методы повышения культуры безопасного поведения. Например, для студентов мужского пола использовать привлекательные игровые и соревновательные форматы. Учитывая, что наличие водительских прав значительно повышает культуру безопасности, предлагается активнее интегрировать изучение правил дорожного движения в образовательные программы для всех студентов. Отметим также, что социальная практика смешанных по специальностям сообществ (*Major-Mixed communities*) способствуют формированию лучших убеждений и практик безопасности, чем сообщества, сфокусированные только на учебе (например, подготовка к экзаменам) за счет междисциплинарного обмена опытом в области безопасности.

Результаты исследования. Учитывая результаты проведенного анализа отечественных и зарубежных исследований, автором статьи был проведен эксперимент по оценке уровня сформированности КБП студенчества с участием 312 студентов, представляющих 8 направлений подготовки, на базе филиала Оренбургского государственного университета (г. Бузулук) с использованием стандартизированных методик

и авторского анкетного материала. Установлено, что 41,9 % студентов имеют пассивную поведенческую установку; только 34 % правильно описали действия при обнаружении подозрительного предмета, 28,1 % — меры кибергигиены, 31 % — основы первой помощи; фактическое участие в мероприятиях по безопасности отметили только 25 % студентов, хотя 73 % выразили готовность участвовать при условии удобного времени, практической направленности и наличия поощрения. Анализ полученных результатов выявил структурный разрыв между ценностями, знаниями и практикой безопасного поведения. Автором была реализована и апробирована Комплексная программа формирования КБП студентов: интерактивное обучение, участие в социальных практиках и стимулирование вовлеченности [29]. Программа имела сквозной курсовой характер, в ней последовательно участвовали студенты всех курсов. По результатам апробации возможно рекомендовать к внедрению в отечественных вузах ряд социальных практик, признанных результативными за рубежом: визуализация и распространение информации о безопасном поведении и рисках его несоблюдения (проект «Календарь безопасности»), студенческие квесты по кибергигиене, волонтерские акции по обучению первокурсников основам цифровой безопасности, командные хакатоны по разработке приложений для предупреждения мошенничества, а также просветительские компании в социальных сетях. Хорошо зарекомендовали себя кибер-челленджи «Безопасный пароль», «Неделя осознанного интернета», «Неделя безопасности».

Второй этап комплексной программы включал профильно-ориентированные практики безопасного поведения, направленные на освоение норм и правил безопасности в профессиональной деятельности: социальная практика в студенческих отрядах; содействие населению в правовой кибербезопасности, вовлечение в городские проекты благоустройства и экологии «Экскурсионный Бузулукский Бор», «Безопасный Бузулук», отработка каналов оповещения и инфокоммуникаций в чрезвычайных ситуациях.

На третьем этапе формирование КБП студенты выходили за пределы личного и профессионального аспектов и приступали к выполнению социальных обязательств, беря на себя ответственность за безопасность других. Типичными социальными практиками выступали патриотические и волонтерские инициативы, социальная активность, участие в волонтерских штабах и координационных центрах, оказание помощи участникам специальной военной операции на территории Украины или участие в массовых мероприятиях по безопасности. Опытные волонтеры стремятся передать

опыт другим, становятся активными участниками трансляции КБП, способствуют формированию безопасной среды для окружающих. Статистика результатов эксперимента в его формирующей фазе и контрольных срезах свидетельствует о росте уровня сформированности культуры безопасного поведения по всем компонентам, незначительности их дисбалансов и несущественных разрывов в их проявлениях.

Выводы

В статье с целью поиска путей и средств повышения эффективности формирования КБП студентов вуза решены задачи сопоставительного анализа состояния КБП студентов вуза по публикациям экспериментальных исследований отечественных, зарубежных исследователей и личных исследований автора 2020—2025 гг. Данный период обоснован как новый и специфический для феномена КБП студентов вуза. Специфика обусловлена воздействиями быстроменяющегося мира на процесс профессионально-личностного развития студента. Представленные экспериментальные данные педагогов отечественных вузов (Санкт-Петербург, Пермь, Екатеринбург, Саранск, Чебоксары), опыт автора (Оренбург, Бузулук), зарубежные исследования (Бангладеш, Великобритания, Испания, Индия, Малайзия, США, Тайвань) свидетельствуют об актуальности проблемы неустойчивости КБП студентов вуза. Педагогические причины заключаются в дисбалансах формирования компонентов КБП вследствие несовершенства образовательного процесса и неподготовленности студентов.

Профессионально-личностные последствия заключаются в неустойчивости КБП студентов, которая порождает риски и опасности их поведения. В мире растет статистика травм, аварий и происшествий с участием вузовской молодежи. Результативные направления формирования КБП студентов вуза включают усиление междисциплинарных связей всех дисциплин и практик вуза с учебными курсами, аналогичными отечественной обязательной дисциплине Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования «Безопасность жизнедеятельности». При отсутствии таковых в ряде стран, исследователи рекомендуют обязательную интеграцию в учебные планы вузов. Среди различных средств выделяется ведущая роль социальных практик. Апробация автором статьи комплексной программы формирования КБП студентов на основе сквозной многоуровневой социальной практики безопасного поведения была успешной.

Сделан вывод о потенциале социальных практик, выступающих медиатором (посредником) между знаниями, мотивацией и реальным безопасным поведением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Маслоу А. Г. Мотивация и личность. 3-е изд. М. : Питер, 2003. 351 с.
2. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. М. : Прогресс-традиция, 2000. 381 с.
3. Станкевич П. В., Купцова С. А., Абрамова В. Ю. Компоненты базовой компетенции безопасного поведения специалиста образования // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 4 (113). С. 104—107. DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-104-107.
4. Юдина А. И., Григорьева А. В. Педагогические условия развития мотивации безопасного поведения молодых специалистов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 6(116). С. 107—113. DOI: 10.24412/1997-0803-2023-6116-107-113.
5. Гафнер В. В. Педагогика безопасности: предпосылки возникновения нового научного направления в педагогике // Комплексная безопасность объектов и субъектов социальной сферы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Челябинск : Дитрих, 2011. С. 94—102.
6. Горина Л. Н. Многоуровневая педагогическая система формирования культуры безопасности жизнедеятельности человека на основе изо- и гомоморфизма : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тольятти, 2002. 40 с.
7. Моссоулина Л. А. Методика проектирования содержания и технология формирования культуры безопасности жизнедеятельности: на примере специалистов нефтетехнологического профиля : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2002. 24 с.

8. Голубева И. А. Учебно-игровая деятельность как средство формирования культуры безопасности жизнедеятельности у студентов вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ставрополь, 2011. 21 с.
9. Писарь О. В. Формирование личной безопасности студентов на основе компетентного подхода : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Казань, 2009. 37 с.
10. Плешкова Н. А. Педагогическая технология формирования безопасного поведения в экстремальных ситуациях у будущих специалистов технического профиля // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14. № 3. С. 104—107.
11. Грошева И. В. Становление безопасного поведения будущего инженера : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Чита, 2015. 25 с.
12. Акимов Л. А. Педагогическая концепция становления культуры безопасного образа жизни будущего учителя : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Оренбург, 2020. 42 с.
13. Станкевич П. В., Волков Э. В., Спицына Т. А., Абрамова В. Ю. Структурно-содержательная модель базовой компетенции безопасного поведения в системе уровневого образования // Казанская наука. 2025. № 4. С. 148—151.
14. Планкин К. В. Основные структурные компоненты культуры безопасности личности // Проблемы современного педагогического образования. 2017. Вып. 54. Ч. 7. С. 103—110.
15. Васюра С. А., Никитина О. В. Переживание витальной угрозы в условиях пандемии COVID-19 и его взаимосвязь с личностными свойствами студентов // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 5(45). С. 169—179. DOI: 10.23951/2307-6127-2022-5-169-179.
16. Лысенко Н. Е., Сахаровская К. Д. Саморегуляция студенческой молодежи в период пандемии COVID-19 // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2022. Т. 10. № 2. С. 156—166. DOI: 10.23888/humJ2022102156-166.
17. Ахayan A. A. О некоторых понятиях в связи с исследованиями межличностного сетевого образовательного взаимодействия // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2020. № 12. Ст. 2900. URL: <http://emissia.org/offline/2020/2900.htm>.
18. Попцов А. Н., Долинина И. Г. Культура техносферной безопасности как основа образовательного процесса в политехнических вузах // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 1(115). С. 103—108. DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.090.
19. Харина Г. В., Анахов С. В., Алешина Л. В., Мирошникова Е. Г. Проблема формирования культуры безопасности студентов профессионально-педагогического вуза // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 2. DOI: 10.17513/spno.34031.
20. Кулебаев М. А. Культура информационной безопасности студентов технического вуза: диагностический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 4. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/29PDMN425.pdf>.
21. Афонина Е. Е., Майдокина Л. Г., Рузайкина Н. Н. Изучение уровня сформированности ценностных ориентаций в области безопасности жизнедеятельности у студентов факультета физической культуры // Глобальный научный потенциал. 2025. № 8(173). С. 59—63.
22. Ajzen I. The theory of planned behavior: Frequently asked questions // Human Behavior and Emerging Technologies. 2020. Vol. 2. Iss. 4 : Theorizing Technology and Behavior: Looking Back and Looking Forward to Advance the Field. Pp. 314—324. DOI: 10.1002/hbe2.195.
23. Abdullah K. H., Abd Aziz F. S. Safety Behaviour in the Laboratory among University Students // The Journal of Behavioral Science. 2020. Vol. 15. Iss. 3. Pp. 51—65.
24. Ferhataj A., Memaj F., Sahatcija R., Ora A. Strengthening cybersecurity education for university students: bridging vulnerabilities and promoting proactive digital safety practices // Millenium - Journal of Education, Technologies, and Health. 2025. No. 2(27). Art. e41111. DOI: 10.29352/mill0227.41111.
25. Students' safety culture at tertiary level academic institutes in Bangladesh: A cross-sectional study / A. H. M. Ahsan, M. K. Hasan, M. H. Rumi et al. // Heliyon. 2024. Vol. 10. Iss. 22. Art. e40155. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e40155.
26. Guillén-Gámez F. D., Tomczyk Ł., Ruiz-Palmero J., Connolly C. Digital Security in Educational Contexts: Digital Competence and Challenges for Good Practice // Computers in the Schools. 2024. Vol. 41. Iss. 3 : Digital security in educational contexts: digital competence and challenges for good practice. Pp. 257—262. DOI: 10.1080/07380569.2024.2390319.
27. Варшавер Е. А. Теория контакта: обзор // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 5. С. 183—214. DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13.
28. Bernstein R. S., Salipante P. Intercultural Comfort through Social Practices: Exploring Conditions for Cultural Learning // Frontiers in Education. 2017. Vol. 2. Art. 31. DOI: 10.3389/educ.2017.00031.
29. Девяткина А. П. К вопросу исследования культуры безопасного поведения студентов вуза // Вестник Оренбургского государственного университета. 2025. № 4(248). С. 95—102.

REFERENCES

1. Maslow A. H. Motivation and personality. 3rd ed. New York, Harper and Row, 1987. xli + 293 p.
2. Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne [Risk Society: Towards Another Modernity]. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1986. 391 p. (In German)
3. Stankevich P. V., Kuptsova S. A., Abramova V. Yu. Components of the basic competence of safe behavior education specialist. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education. 2025;4(113):104—107. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2025-4113-104-107. (In Russ.)
4. Yudina A. I., Grigorieva A. V. Pedagogical conditions for the development of motivation for safe behavior of young professionals. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv = Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2023;6(116):107—113. (In Russ.) DOI: 10.24412/1997-0803-2023-6116-107-113.

5. Gafner V. V. Safety pedagogy: prerequisites for the emergence of a new scientific direction in pedagogy. *Kompleksnaya bezopasnost' ob'ektov i sub'ektov sotsial'noi sfery = Integrated safety of objects and subjects of the social sphere. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Chelyabinsk, Ditrkh, 2011:94—102. (In Russ.)
6. Gorina L. N. Multi-level pedagogical system for developing a culture of life safety based on iso- and homomorphism. Abstract of diss. of the Doct. of Pedagogy. Togliatti, 2002. 40 p. (In Russ.)
7. Mossoulina L. A. Methodology for designing the content and technology for developing a culture of life safety: using the example of specialists in the oil technology profile. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Togliatti, 2002. 24 p. (In Russ.)
8. Golubeva I. A. Educational and gaming activities as a means of forming a culture of life safety among university students. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Stavropol, 2011. 21 p. (In Russ.)
9. Pisar' O. V. Formation of personal safety of students based on the competence-based approach. Abstract of diss. of the Doct. of Pedagogy. Kazan, 2009. 37 p. (In Russ.)
10. Pleshkova N. A. Pedagogical technology of forming safe behavior in extreme situations among future technical specialists. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsial'naya rabota. Yuvenologiya. Sotsiokinetika = Vestnik of Nekrasov Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*. 2008;14(3):104—107. (In Russ.)
11. Grosheva I. V. Formation of safe behavior among future engineers. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Chita, 2015. 25 p. (In Russ.)
12. Akimova L. A. Pedagogical concept of the formation of a safe lifestyle culture among future teachers. Abstract of diss. of the Doct. of Pedagogy. Orenburg, 2020. 42 p. (In Russ.)
13. Stankevich P.V., Volkov E.V., Spitsyna T.A., Abramova V.Yu. Structural and content model of basic competence of safe behavior in the system of level education. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*. 2025;4:148—151. (In Russ.)
14. Plankin K. V. Main structural components of culture of safety of the personality. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya / Problems of modern pedagogical education*. 2017;54(7):103—110. (In Russ.)
15. Vasyura S.A., Nikitina O.V. Experience of a vital threat in the COVID-19 pandemic and its correlation with the personality traits of students. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2022;5(45):169—179. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6127-2022-5-169-179.
16. Lysenko N. E., Sakharovskaya K. D. Self-regulation of student youth during the COVID-19 pandemic. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptatsiya, razvitiye = Personality in a changing world: health, adaptation, development*. 2022;10(2):156—166. (In Russ.) DOI: 10.23888/humJ2022102156-166.
17. Akhayan A. A. On some concepts in connection with studies of interpersonal network educational interaction. *Pis'ma v Emissiya. Offlain = The Emissia. Offline Letters*. 2020;12:2900. (In Russ.) URL: <http://emissia.org/offline/2020/2900.htm>.
18. Poptsov A. N., Dolinina I. G. Technosphere safety culture as a basis of educational process in polytechnic universities. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2022;1(115):103—108. (In Russ.) DOI: 10.23670/IRJ.2022.115.1.090.
19. Kharina G. V., Anakhov S. V., Aleshina L. V., Miroshnikova E. G. The problem of forming a safety culture for students of a vocational pedagogical university. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2025;2. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.34031.
20. Kulebyaev M. A. Information security culture of students at technical universities: diagnostic aspect. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(4). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/29PDMN425.pdf>.
21. Afonina E. E., Maidokina L. G., Ruzaikina N. N. A study of the development of life safety value orientations in students of the faculty of physical education. *Global'nyi nauchnyi potentsial = Global scientific potential*. 2025;8(173):59—63. (In Russ.)
22. Ajzen I. The Theory of Planned Behavior: Frequently Asked Questions. *Human Behavior and Emerging Technologies*. 2020;2(4):314—324. DOI: 10.1002/hbe2.195.
23. Abdullah K. H., Abd Aziz F. S. Safety Behavior in the Laboratory among University Students. *The Journal of Behavioral Science*. 2020;15(3):51—65.
24. Ferhataj A., Memaj F., Sahatcija R., Ora A. Strengthening cybersecurity education for university students: bridging vulnerabilities and promoting proactive digital safety practices. *Millenium - Journal of Education, Technologies, and Health*. 2025;2(27):e41111. DOI: 10.29352/mill0227.41111.
25. Ahsan A. H. M., Hasan M. K., Rumi M. H. et al. Students' safety culture at tertiary level academic institutes in Bangladesh: A cross-sectional study. *Heliyon*. 2024;10(22):e40155. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e40155.
26. Guillén-Gámez F. D., Tomczyk Ł., Ruiz-Palmero J., Connolly C. Digital Security in Educational Contexts: Digital Competence and Challenges for Good Practice. *Computers in the Schools*. 2024;41(3):257—262. DOI: 10.1080/07380569.2024.2390319.
27. Varshaver E. A. Contact theory: Review. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2015;5:183—214. (In Russ.) DOI: 10.14515/monitoring.2015.5.13.
28. Bernstein R. S., Salipante P. Intercultural Comfort through Social Practices: Exploring Conditions for Cultural Learning. *Frontiers in Education*. 2017;2:31. DOI: 10.3389/educ.2017.00031.
29. Devyatkina A. P. To the question of studying the culture of safe behavior of university students. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta = Vestnik of the Orenburg state university*. 2025;4(248):95—102. (In Russ.)

Научная статья

УДК 378

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1528

Tatiana Victorovna Ermolova

senior teacher

of the Department of English
and Professional Communication,
Financial University

under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

tvermolova@fa.ru

Татьяна Викторовна Ермолова

старший преподаватель

кафедры английского языка

и профессиональной коммуникации,

Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

tvermolova@fa.ru

Irina Vladlenovna Firsova

teacher of the Department of English

and Professional Communication,
Financial University

under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

ivfirsova@fa.ru

Ирина Владленовна Фирсова

преподаватель кафедры английского языка

и профессиональной коммуникации,

Финансовый университет

при Правительстве Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

ivfirsova@fa.ru

**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ МОТИВАЦИИ НА ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ**

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Цифровизация в сфере высшего образования открывает широкие возможности для улучшения и совершенствования методов обучения иностранным языкам. Статья посвящена комплексному анализу возможностей применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) при обучении иностранному (английскому) языку в высшей школе. Отмечается усиление роли ИИ как эффективного средства обучения, которое влияет на различные компоненты системы языкового образования. Авторы рассматривают отдельные средства и технологии применения ИИ, которые могут повысить мотивацию и вовлеченность студентов на занятиях по иностранному языку. Подробно описываются этапы работы с некоторыми ресурсами и платформами для формирования различных видов речевых навыков. Перечисляются основные преимущества и методы работы с образовательными платформами для достижения целей обучения и формирования профессиональной иноязычной компетенции. Авторы выделяют некоторые недостатки интеграции ИИ в образовательный процесс, с которыми можно столкнуться на практических занятиях. Показаны конкретные примеры внедрения технологий ИИ для формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Описываются способы использования языковых платформ для повышения

мотивации к изучению иностранному языку, предложены варианты организации учебного процесса при изучении дисциплин «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной сфере» в неязыковом вузе. Значительное внимание уделяется анализу наиболее эффективных приемов для усвоения профессиональной лексики и терминологии с применением технологий искусственного интеллекта (ИИ). Проведенный обзор современных средств и рассмотрение наиболее эффективных языковых платформ подтверждают необходимость использования технологий ИИ для оптимизации и эффективности языкового обучения. Подчеркивается важность сохранения баланса между цифровыми средствами и традиционными формами работы и взаимодействия с обучающимися в образовательной среде. Сделан вывод о том, что применение данных технологий способствует как формированию всех видов речевых навыков, так и моделированию персонализированного подхода в обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: технологии искусственного интеллекта, образовательная платформа, повышение мотивации, вовлеченность студентов, геймификация, цифровизация, интенсификация процесса обучения, профессиональная компетенция, речевые навыки, нейросеть, профессиональная лексика, термин

Для цитирования: Ермолова Т. В., Фирсова И. В. Применение технологий искусственного интеллекта для повышения мотивации на практических занятиях по иностранному языку в высшей школе // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 532—537. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1528.

Original article

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES TO INCREASE MOTIVATION IN PRACTICAL FOREIGN LANGUAGE CLASSES IN HIGHER EDUCATION

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. Digitalization in the field of higher education opens up wide opportunities for developing and improving methods of teaching foreign languages. This article is devoted to a comprehensive analysis of the possibilities of using artificial intelligence (AI) technologies in teaching a foreign language (English) in higher school. There is a growing role of AI as an effective learning tool that affects various components of the language education system. The authors consider separate AI tools and technologies that can increase students' motivation and engagement in foreign language classes. The stages of working with some resources and platforms for developing various types of speech skills are described in detail. The main advantages and methods of working with educational platforms for achieving learning goals and the formation of professional foreign language competence are listed. The authors highlight some disadvantages of integrating AI into the educational process that can be encountered in practical classes. Specific examples of the introduction of AI technologies for the formation of foreign language communicative competence are shown. The article describes the ways of using language platforms

to increase motivation to learn a foreign language, and suggests options for organizing the educational process of mastering the disciplines "Foreign language" and "Foreign language in the professional field" in a non-linguistic university. Considerable attention is paid to the analysis of the most effective techniques for mastering professional vocabulary and terminology using artificial intelligence (AI) technologies. The review of modern tools and consideration of the most effective language platforms confirm the need to use AI technologies to optimize and make language learning more effective. The importance of maintaining a balance between digital means and traditional forms of work and interaction with students in an educational environment is emphasized. It is concluded that the use of these technologies contributes both to the formation of all types of speech skills and to the modeling of a personalized approach to teaching foreign languages.

Keywords: artificial intelligence technologies, educational platform, motivation increase, engagement of students, gamification, digitalization, intensification of the learning process, professional competence, language skills, neural network, professional vocabulary, term

For citation: Ermolova T. V., Firsova I. V. The use of artificial intelligence technologies to increase motivation in practical foreign language classes in higher education. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = Business. Education. Law. 2026;1(74):532—537. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1528.

Введение

Современное высшее образование ставит перед собой комплексную задачу формирования профессиональной компетенции в контексте цифровизации. Искусственный интеллект (далее — ИИ) и применение отдельных генеративных технологий по созданию контента сегодня широко применимы в разных сферах и областях науки. Сфера высшего образования является одним из направлений реализации и использования отдельных технологий ИИ. Возможности цифровых инструментов создают дополнительную методологическую и практическую базу релевантного современным тенденциям образовательного контента.

Актуальность данного исследования обоснована стремительно растущим использованием технологий ИИ во всех сферах, в т. ч. в образовательной среде. Обзор отдельных средств применения ИИ преподавателем как фактора повышения мотивации у студентов приобретает высокую актуальность.

Изученность проблемы. Современные технологии, которые широко известны как ИИ, прошли долгий путь эволюции — от рассуждений в работах Платона, Аристотеля и Сократа до современных установок и новейших инструментов.

Древнегреческое понятие «логос» (всеобщий закон, разум) как основу развития и стремления к созданию единого смысла в своей работе рассматривают В. И. Антоненко и А. В. Панявин [1]. Дальнейшие этапы развития концепции ИИ связаны с именами Р. Луллия и Г. Лейбница как ученых, работающих над созданием единого языка науки и методов познания представлены в работе Л. Н. Ясницкого [2].

Ч. Бэббедже и Дж. Буля как создателей аналитических машин и основ систем двоичного вычисления представляет в своей статье Н. Ю. Ключева [3].

Понятие ИИ и история его возникновения прошли через длительный этап трансформации, конкретизации и оформления в современную практику использования.

Вопросам использования технологии ИИ в сфере высшего образования посвящены работы зарубежных авторов — Ф. Тахиру [4], О. Завацкого-Рихтера [5].

Рядом авторов, например Ю. Е. Вальковой [6] и О. П. Чекмаревым и Е. В. Коваленко [7], представлены конкретные технологии ИИ, применяемые на практике, но в отдельных случаях и для конкретных целей.

С. Г. Давыдов, Н. Н. Матвеева, Н. В. Адемукова, А. А. Вичканова производят эмпирический анализ открытых источников и экспертных интервью в контексте применения технологий ИИ в высшем учебном заведении, обозначая перспективы дальнейшего развития и возникающие риски [8].

Однако именно в начале XX в. понятие ИИ начало фигурировать в науке уже в более привычном смысле. Начало было положено с изобретением цифрового компьютера в 1940-х гг., что связано с такими именами, как У. С. Маккалл и У. Г. Питтс-мл. Однако родоначальниками понятия ИИ корректнее считать М. Мински и Дж. Маккарти.

В последние годы всё больше ученых, специалистов и исследователей из разных областей наук ставят своей задачей изучение ИИ в сфере образования. П. М. Лукичевым и О. П. Чекмаревым подробно рассматриваются разнообразные аспекты применения технологий ИИ, их риски, цели и преимущества [9].

Т. В. Букина отмечает недостаточный уровень ИИ-грамотности у педагогов, что актуализирует вопрос обучения использованию отдельных методик [10].

Л. В. Константинова с соавторами приходят к выводу, что внедрение технологий ИИ хоть и будет сопряжено с определенными трудностями социального и технического характера, но будет способствовать прогрессу в сфере образования. Дополнительное использование в частности генеративных технологий ИИ в образовательной среде приведет к повышению качества человеческого капитала [11].

С. Е. Шишов обозначает, что интеграция технологий ИИ в систему высшего образования необходима, т. к. способствует возможностям адаптационного обучения, а именно освоения учебного материала в соответствии с индивидуальными темпами отдельного студента. С точки зрения автора, таким образом предлагается множество возможностей для педагога и повышается вовлеченность студентов [12].

Научная новизна данного исследования заключается в том, что на данный момент использование технологий ИИ в контексте обучения в высшей школе недостаточно изучено и имеет неоднозначный характер. В ходе исследования авторы описывают и обозначают конкретную специфику использования отдельных платформ для повышения академической успеваемости аудитории и мотивационного компонента. В статье приводятся наиболее эффективные средства и приемы для усвоения профессиональной лексики и терминологии с использованием технологий ИИ на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе.

Целесообразность разработки темы связана с интенсификацией процесса обучения иностранным языкам и необходимостью использовать наиболее эффективные методы организации учебного процесса в неязыковом вузе как для развития профессиональной иноязычной компетенции обучающихся, так и для повышения мотивации к обучению.

Целью данной статьи является выявление отдельных конкретных методик искусственного интеллекта, способствующих наиболее эффективному формированию иноязычной коммуникативной компетенции и повышающих интерес к учебному материалу у студентов на занятиях по иностранному языку в вузе.

Задачи исследования:

- изучение и обобщение теоретических и практических принципов применения технологий ИИ на занятиях по иностранному языку в вузе;
- определение преимуществ и возможностей отдельных технологий ИИ для повышения качества освоения материала и повышения мотивации к учебному процессу;
- описание этапов работы с различными платформами и ресурсами для формирования различных речевых навыков;
- аргументация и обоснование потенциала различных приемов и методов в рамках технологии ИИ на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе.

Теоретическая значимость исследования состоит в систематизации отдельных методик ИИ релевантных к применению в образовательной среде высшего учебного заведения.

Практическая значимость данного исследования состоит в описании отдельных приемов технологий ИИ и обозначения специфики их использования для дальнейшего применения педагогами высшей школы. Использо-

вание данного подхода как дополнительного педагогического инструмента выступает фактором стимуляции вовлеченности в работу с материалом и улучшения академических результатов у учащихся вузов.

Методология исследования. В данной работе применяется теоретический подход к изучению и систематизации уже имеющихся исследований в контексте использования искусственного интеллекта в образовательной среде. Эмпирическое исследование было направлено на обзор и анализ конкретных методов применения технологий ИИ на занятиях по иностранному языку в вузе.

Основная часть

Темпы развития и повсеместность применения отдельных алгоритмов работы ИИ свидетельствуют о необходимости его освоения и использования в высшей школе [13].

Высшие учебные заведения — институты комплексной интеллектуальной нагрузки и профессиональной направленности — требуют высокой степени вовлеченности и точности в академической работе. Как технология современная и высокоэффективная, ИИ вызывает интерес у студентов.

Использование технологий ИИ в современной высшей школе можно обозначить как явление твердо укоренившееся, но неоднозначное. В последние пару лет тенденция к увеличению масштабов применения ИИ становится очевидной. Однако встает вопрос о верном механизме ассимиляции данной современной технологии в образовательную среду и этико-правовой составляющей. Также могут возникать опасения по поводу недобросовестного использования личных данных пользователей нейросетями, утечки данных и других уязвимостей цифровых инструментов. Педагогическое взаимодействие студентов и преподавателей постепенно снижается вместе с уровнем эмоционального воздействия на обучающихся [14–17].

Специфика работы нейронных сетей представляет собой широкий спектр возможностей для актуализации различного рода запросов, начиная с поиска информации и заканчивая созданием абсолютно нового контента. Это удобный инструмент, позволяющий совершать базовые операции работы с данными, а также осуществлять проектную деятельность. Умелое использование ИИ существенно сокращает время на выполнение задачи и повышает потенциал. Однако следует помнить, что это лишь инструмент, который может быть использован для помощи в достижении академической задачи — но не само решение. Именно эта этическая составляющая очень важна в контексте применения нейросетей.

Появление новых технологий и методов связано не только с преимуществами для преподавателей и студентов, но и с определенными рисками и возможными трудностями. Использование технологий ИИ может вызывать этические вопросы в силу того, что становится все сложнее оценить вклад самого студента в определенных видах работ, таких как деловое письмо, резюме, эссе, грамматические упражнения.

Семинары по дисциплинам «Иностранный язык» и «Иностранный язык в профессиональной сфере» в высшей школе ставят своей задачей развитие и отработку навыков речи, письма, аудирования и чтения с использованием профессиональной терминологии. Эффективность освоения и усвоения материала — область пересечения методологии и мотивации, сочетания отдельных педагогических приемов

и психолого-социальных факторов. Задействование нейросетей, как одного из инструментов повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка выступает целеполагающим элементом.

Образовательные платформы на основе ИИ способны сделать процесс обучения персонализированным и эффективным. По мнению А. Миллс и Л. Гудлад [18], ИИ позволяет преподавателю тратить меньше времени на проверку письменных заданий, а студенты, в свою очередь, получают мгновенную обратную связь. Если говорить о ключевых навыках, которые можно улучшить при изучении иностранного языка, то они включают аудирование, говорение, чтение и письмо.

Одним из наиболее эффективных инструментов для освоения лексики является платформа *Quizlet*, при помощи которой можно создать интерактивный учебный материал. Возможности данной платформы разнообразны. Чтобы начать работу, потребуется регистрация пользователя в качестве преподавателя или студента. Суть данного сервиса состоит в создании карточек на определенную тему, которые можно использовать в процессе запоминания активной лексики или изучаемого материала. Рассмотрим некоторые режимы обучения, которые будут полезны преподавателям иностранного при работе с терминами и профессиональной лексикой.

Самым простым и понятным является режим «Карточки». На каждой карточке содержатся активные слова или фразы на одной стороне и перевод на обратной стороне. Вместо перевода студентам может быть предложен вариант определений на иностранном языке. Данный режим подходит для запоминания новой лексики, а также для понимания терминов иностранного языка из определенной профессиональной области.

В режиме «Заучивание» студентам будет предложено задание на множественный выбор, где необходимо выбрать единственно правильный вариант перевода или определения к слову.

В режиме «Live» может быть организована игра, в которой студенты делятся на команды и в режиме реального времени соревнуются в переводе изученной лексики с родного языка на иностранный язык и наоборот. Данный формат подходит для проверки изученного материала по пройденной теме.

Режим правописания способствует развитию навыков аудирования и письма. Студенту предлагается прослушать и написать слово или фразу. Данный формат дает возможность изучать специальную иноязычную терминологию, сортировать слова и фразы по степени сложности, а также отработать правильное произношение.

Рассмотрим интернет-платформу, которая способствует интенсификации процесса обучения иностранному языку. Интерактивная платформа *Wayground* является конструктором викторин и уроков с применением искусственного интеллекта. Данная платформа позволяет не только вовлечь студента в учебный процесс, но и дает возможность мгновенно в режиме реального времени получать информацию об успеваемости студентов. На занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе данный сервис будет служить эффективным инструментом проверки знаний студентов, а также закрепления пройденного материала. Адаптировать материал под конкретную группу можно при помощи таких заданий, как множественный выбор, верно/неверно, заполнение пропусков, сопоставление, перетаскивание и др.

Все виды заданий и вопросов могут включать аудио-или видеоматериалы, при этом преподаватель может установить таймер для ответа на каждый вопрос в зависимости от степени сложности.

Данная платформа является отличным примером использования цифровой геймификации в образовательном процессе. Одним из преимуществ *Wayground* является возможность прохождения теста или викторины в своем темпе, при этом у каждого участника формируется свой вариант и порядок представления вопросов на мобильном устройстве или на компьютере. Обучаясь с *Wayground*, текущий контроль успеваемости студентов может проходить в игровой форме, что вызывает большой интерес со стороны обучающихся. При выполнении разнообразных заданий студенты могут самостоятельно получать информацию о своем прогрессе, анализируя свои ошибки. Студенты становятся более независимыми и уверенными при выполнении заданий.

Преподаватель может использовать в учебном процессе уже имеющиеся викторины, для этого необходимо ввести название темы в поисковой строке на сайте онлайн-платформы *Wayground*. Для создания собственной викторины или теста необходимо ввести название, область знаний и уровень обучающихся. Далее заполняется форма, в которую можно включить задания на множественный выбор, верно/неверно, заполнение пропусков. Задания могут быть составлены в текстовом формате, а также могут содержать видеофрагмент или изображение. К вопросам можно давать четыре варианта ответов на выбор или больше, при этом количество правильных ответов тоже не ограничено. После того как вопрос сохранен, следует установить время для выполнения каждого задания в зависимости от степени сложности. И последним шагом будет сохранение викторины, после чего автоматически будет сформирована ссылка или код на нее.

Выводы

Анализ различных инструментов и конкретных платформ при обучении иностранным языкам позволяет сделать следующие выводы:

- использование технологий искусственного интеллекта представляет собой эффективное мотивирующее средство;
- технологии ИИ на занятиях по иностранному языку в вузе дают большое количество преимуществ и возможностей преподавателю, они повышают не только заинтересованность и вовлеченность студента, но и являются эффективным инструментом для формирования языковых навыков.

Заключение

В рамках данной статьи был проведен анализ наиболее эффективных инструментов при обучении иностранному языку в неязыковом вузе, а также представлен ряд преимуществ использования различных образовательных платформ.

Перечисленные интернет-платформы позволят преподавателю создавать и моделировать учебные материалы и задания текущего контроля успеваемости в соответствии с уровнем определенной группы, т. е. помогут персонализировать учебный процесс. Более того, посредством использования технологии ИИ возможно автоматизировать процесс проверки и оценивания различных заданий и тестов,

что несомненно облегчает работу преподавателя, а студенты в свою очередь получают мгновенную обратную связь о своих результатах.

Геймификация на основе ИИ способствует как активному усвоению лексики и грамматики по пройденным темам, так и повышению долгосрочной мотивации студентов

к изучению иностранного языка в вузе. Игры и викторины характеризуются практической полезностью. Они могут быть использованы на всех этапах обучения и направлены на развитие навыков, как командной работы, так и самостоятельности при формировании навыков профессиональной иноязычной компетенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антоненко В. И., Панявин А. В. Искусственный интеллект как социальный феномен // Социально-гуманитарные технологии. 2018. № 4(8). С. 3—9.
2. Ясницкий Л. Н. Интеллектуальные системы. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2016. 221 с.
3. Ключева Н. Ю. Влияние идеи г. Лейбница на развитие компьютерных наук и исследования в области искусственного интеллекта // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017. № 4. С. 79—92.
4. Tahiru F. AI in Education: A Systematic Literature Review // Journal of Cases on Information Technology. 2021. Vol. 23. Iss. 1. Pp. 1—20. DOI: 10.4018/JCIT.2021010101.
5. Zawacki-Richter O., Marin V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators? // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2019. Vol. 16. Art. 39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.
6. Валькова Ю. Е. Использование искусственного интеллекта на занятиях по иностранному языку в вузе // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2025. Т. 23. № 1. С. 137—151.
7. Educational Innovation in the Digitalization of Agroindustry / O. P. Chekmarev, E. V. Kovalenko, I. G. Sudorgina et al. // The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems / ed. A. V. Bogoviz. Cham: Springer, 2021. Vol. 1. Pp. 257—265. (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 205). DOI: 10.1007/978-3-030-73097-0_30.
8. Давыдов С. Г., Матвеева Н. Н., Адемукова Н. В., Вичканова А. А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28. № 3. С. 32—44. DOI: 10.15826/umpa.2024.03.023.
9. Лукичев П. М., Чекмарев О. П. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 485—502. DOI: 10.18334/vinec.13.1.117223.
10. Букина Т. В. Искусственный интеллект в образовании: современное состояние и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 1. С. 76—82. DOI: 10.24158/spp.2025.1.9.
11. Генеративный искусственный интеллект в образовании: дискуссии и прогнозы / Л. В. Константинова, В. В. Ворожихин, А. М. Петров и др. // Открытое образование. 2023. Т. 27. № 2. С. 36—48. DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48.
12. Шишов С. Е. Трансформация целей образования в цифровую эпоху «искусственного интеллекта» // Ценности и смыслы. 2025. № 4(98). С. 31—43. DOI: 10.24412/2071-6427-2025-4-31-43.
13. Иванченко И. С. Оценка перспектив применения искусственного интеллекта в системе высшего образования // Science for Education Today. 2023. Т. 13. № 4. С. 170—194. DOI: 10.15293/2658-6762.2304.08.
14. Ивахненко Е. Н., Никольский В. С. ChatGPT в высшем образовании и науке: угроза или ценный ресурс? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 4. С. 9—22. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22.
15. Капустина Л. В., Ермакова Ю. Д., Калужная Т. В. ChatGPT и образование: вечное противостояние или возможное сотрудничество? // Концепт. 2023. № 10. С. 119—132. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11099.
16. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. ChatGPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 6. С. 19—37. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37.
17. Шефиева Э. Ш., Исаева Т. Е. Использование искусственного интеллекта в образовательном процессе высших учебных заведений (на примере обучения иностранным языкам) // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 10. С. 73—80. DOI: 10.24158/spp.2020.10.15.
18. Mills A., Goodlad L. M. E. Adapting College Writing for the Age of Large Language Models such as ChatGPT: Some Next Steps for Educators // Guest Forum. Updated April 17, 2023. URL: <https://criticalai.org/2023/01/17/critical-ai-adapting-college-writing-for-the-age-of-large-language-models-such-as-chatgpt-some-next-steps-for-educators/>.

REFERENCES

1. Antonenko V. I., Panyavin A. V. Artificial intelligence as a social phenomenon. *Sotsial'no-gumanitarnye tekhnologii = Social and Humanitarian Technologies*. 2018;4(8):3—9. (In Russ.)
2. Yasnitskii L. N. Intellectual systems. Moscow, BINOM. Laboratoriya znaniy, 2016. 221 p. (In Russ.)
3. Klyueva N. Yu. The influence of G. Leibniz's idea on the development of computer science and artificial intelligence. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*. 2017;4:79—92. (In Russ.)
4. Tahiru F. AI in Education: A Systematic Literature Review. *Journal of Cases on Information Technology*. 2021;23(1):1—20. DOI: 10.4018/JCIT.2021010101.
5. Zawacki-Richter O., Marin V. I., Bond M., Gouverneur F. Systematic review of research on artificial intelligence applications in higher education – where are the educators?. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*. 2019.;16:39. DOI: 10.1186/s41239-019-0171-0.
6. Valkova J. E. The use of artificial intelligence in foreign language classes at higher education institution. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 20. Pedagogicheskoe obrazovanie = Lomonosov Pedagogical Education Journal*. 2025;23(1): 137—151. (In Russ.)

7. Chekmarev O. P., Kovalenko E. V., Sudorgina I. G. et al. Educational Innovation in the Digitalization of Agroindustry. *The Challenge of Sustainability in Agricultural Systems*. A. V. Bogoviz (ed.). Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 205. Cham, Springer, 2021. Vol. 1. Pp. 257—265. DOI: 10.1007/978-3-030-73097-0_30.
8. Davydov S. G., Matveeva N. N., Ademukova N. V., Vechkanova A. A. Artificial Intelligence in Russian Higher Education: Current State and Development Prospects. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. 2024;28(3):32—44. (In Russ.) DOI: 10.15826/umpa.2024.03.023.
9. Lukichyov P. M., Chekmarev O. P. Artificial intelligence in higher education. *Voprosy innovatsionnoi ekonomiki = Russian Journal of Innovation Economics*. 2023;13(1):485—502. (In Russ.) DOI: 10.18334/vinec.13.1.117223.
10. Bukina T. V. Artificial Intelligence in Education: Current State and Development Prospects. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2025;1:76—83. (In Russ.) DOI: 10.24158/spp.2025.1.9.
11. Konstantinova L. V., Vorozhikhin V. V., Petrov A. M. et al. Generative Artificial Intelligence in Education: Discussions and Forecasts. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2023;27(2):36—48. (In Russ.) DOI: 10.21686/1818-4243-2023-2-36-48.
12. Shishov S. E. Transformation of higher educational goals in the digital age of “artificial intelligence”. *Tsennosti i smysly = Values and Meanings*. 2025;4(98):31—43. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-6427-2025-4-31-43.
13. Ivanchenko I. S. Assessing the prospects for using artificial intelligence in higher education system. *Science for Education Today*. 2023;13(4):170—194. (In Russ.) DOI: 10.15293/2658-6762.2304.08.
14. Ivakhnenko E. N., Nikolskiy V. S. ChatGPT in Higher Education and Science: a Threat or a Valuable Resource?. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2023;32(4):9—22. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-4-9-22.
15. Kapustina L. V., Ermakova Yu. D., Kalyuzhnaya T. V. ChatGPT and education: eternal confrontation or possible cooperation? *Kontsept = Concept*. 2023;10:119—132. (In Russ.) DOI: 10.24412/2304-120X-2023-11099.
16. Rezaev A. V., Tregubova N. D. ChatGPT and AI in the Universities: An Introduction to the Near Future. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2023;32(6):19—37. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-6-19-37.
17. Shefieva E. Sh., Isaeva T. E. The use of artificial intelligence in the educational process of higher educational institutions (on the example of foreign languages teaching). *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2020;10:73—80. (In Russ.) DOI: 10.24158/spp.2020.10.15.
18. Mills A., Goodlad L. M. E. Adapting College Writing for the Age of Large Language Models such as ChatGPT: Some Next Steps for Educators. *Guest Forum*, Updated April 17, 2023. URL: <https://criticalai.org/2023/01/17/critical-ai-adapting-college-writing-for-the-age-of-large-language-models-such-as-chatgpt-some-next-steps-for-educators/>.

Статья поступила в редакцию 30.12.2025; одобрена после рецензирования 17.01.2026; принята к публикации 19.01.2026.
The article was submitted 30.12.2025; approved after reviewing 17.01.2026; accepted for publication 19.01.2026.

Научная статья
УДК 37.091.31-059.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1573

Iryna Vladimirovna Zharskaya
Senior Lecturer (applicant)
of the Department of Music and Pedagogical Education,
field of training
5.8.1 — General pedagogy,
history of pedagogy and education,
Belarusian State
Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Republic of Belarus
zharskayai@inbox.ru

Ирина Владимировна Жарская
старший преподаватель (соискатель)
кафедры музыкально-педагогического образования,
направление подготовки
5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Белорусский государственный
педагогический университет имени Максима Танка
Минск, Республика Беларусь
zharskayai@inbox.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. Статья посвящена проблеме адаптивного обучения как самостоятельной структурной единице в системе гуманитарного научного знания. Методологической основой исследования стал синергетический подход, обеспечивающий новый взгляд на адаптивное обучение, характеризующееся нелинейностью, многовариантностью, альтернативностью путей развития (эволюции), стохастичностью. Автор обосновывает, что в процессе вокальной подготовки будущего педагога-музыканта адаптивное обучение проходит этапы диалектики-синергетики, что свидетельствует об устойчивости изменения процесса обучения и его переходе в новое состояние, например в состояние совершенствования и развития. Рассматривая «адаптивное обучение» как педагогическую систему, опираясь на логику исследования, осуществлена попытка использовать педагогический менеджмент как механизм, инструмент, усиливающий методологический аспект образовательного процесса и обеспечивающий управление этим процессом. При анализе проблем адаптации были выявлены и сформулированы характеристики, которыми она должна обладать, уточнены ее особенности и факторы, влияющие с точки зрения вокальной педагогики на процесс адаптивного обучения, представляющий собой метасистему, агрегирующую опыт развития разных

подсистем — вокальных школ, имеющих общую синергетическую платформу, — объединяющихся адаптивным обучением на основе самоорганизации накопленного вокально-педагогического опыта в пространственно-временном континууме. Анализ проведенных исследований позволяет выделить следующие компоненты адаптивного обучения: целесообразность, ценностность, обоснованность, персонализацию, мотивационность, целостность, вариативность, цикличность, релевантность, наставничество и согласованное взаимодействие всех перечисленных компонентов адаптивного обучения.

Теоретико-методологические аспекты адаптивного обучения, представленные в материалах статьи, являются обоснованием актуальности внедрения разработанной технологии педагогического менеджмента в процесс профессиональной подготовки будущего педагога-музыканта как одной из адаптивных стратегий в системе передового научного опыта.

Ключевые слова: современная педагогическая система, музыкальная педагогика, адаптивное обучение, синергетический подход, педагогический менеджмент, факторы процесса адаптации, технологии вокального обучения, вокальная школа, вокальная подготовка, педагог-музыкант, характеристики адаптивной образовательной системы

Для цитирования: Жарская И. В. Теоретико-методологические аспекты адаптивного обучения // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 538—545. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1573.

Original article

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF ADAPTIVE LEARNING

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. This article examines adaptive learning as an independent structural unit within the humanities. The methodological basis of the study is a synergetic approach, providing a new perspective on adaptive learning, characterized by nonlinearity, multivariance, alternative development paths (evolution), and stochasticity. The author argues that during the vocal training of future music teachers, adaptive learning goes through stages of dialectic and synergetic, demonstrating the sustainability of learning process

change and its transition to a new state, such as improvement and development. Considering adaptive learning as a pedagogical system, based on the logic of the research, an attempt was made to utilize pedagogical management as a mechanism and tool that enhances the methodological aspect of the educational process and ensures its management. In analyzing the problems of adaptation, the characteristics it should possess were identified and formulated, its features and factors influencing the adaptive learning process,

from the perspective of vocal pedagogy, were clarified. This process represents a metasystem aggregating the development experience of various subsystems – vocal schools sharing a common synergistic platform – and united by adaptive learning based on self-organization of accumulated vocal and pedagogical experience in a spatio-temporal continuum. Analysis of the conducted research allows us to identify the following components of adaptive learning: appropriateness, value, validity, personalization, motivation, integrity, variability, cyclicity, relevance, mentoring, and coordinated interaction of all of these adaptive learning components.

For citation: Zharskaya I. V. Theoretical and methodological aspects of adaptive learning. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):538—545. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1573.

Введение

Актуальность работы обусловлена существующей потребностью адаптивного обучения в процессе подготовки выпускников учреждений высшего образования в области педагогики музыкального искусства. Важным требованием современного общества к специалисту любой сферы деятельности является не зафиксированный у него объем приобретенных знаний, умений и навыков, которые с течением времени имеют свойство терять актуальность, а аксиологическая направленность способности специалиста обновлять, трансформировать, модифицировать и эффективно применять сформированные компетенции при самостоятельном решении задач своей профессиональной деятельности, что и предлагается осуществить, опираясь на технологию педагогического менеджмента, которая будет разрешать существующие в высшем музыкально-педагогическом образовании противоречия: невозможность преподавателя быть равновеликим исполнителем во всех (самых популярных) стилях исполнительства, хотя готовность к преподаванию во всех этих направлениях у него должна быть сформирована; вокальная подготовка в учреждениях образования не предусматривает обучение специфике работы по этим направлениям, что сказывается на качестве выпускаемого специалиста. Особо следует отметить противоречие, связанное с недостаточным уровнем владения специфическими для музыкального образования информационно-коммуникационными технологиями, т. к. современные программы подготовки педагогов-музыкантов не обеспечивают в должной мере это направление. Преодоление этих противоречий может способствовать совершенствованию вокальной подготовки специалистов для всех типов учреждений, обеспечивающих музыкальное образование новым поколениям граждан любой страны.

Изученность проблемы. Проблеме адаптивного обучения посвящено много научных исследований и методических работ, однако многообразие подходов и практик по организации процесса адаптивного обучения не дают представления об этом феномене как самостоятельной системе в структуре научно-теоретического знания. В данной статье рассматриваются теоретико-методологические обоснования (аспекты) адаптивного обучения в процессе вокальной подготовки будущего педагога-музыканта.

Анализ научной литературы свидетельствует о том, что возникновение и развитие адаптивного обучения сегодня необходимо рассматривать с *синергетической позиции* как открытую гуманитарную (педагогическую) систему, имеющую признаки современной междисциплинарной естественнонаучной теории самоорганизации [1—6].

The theoretical and methodological aspects of adaptive learning presented in the article substantiate the relevance of introducing the pedagogical management technology we developed into the process of professional training of future music teachers as one of adaptive strategies in the system of advanced scientific experience.

Keywords: modern pedagogical systems, music pedagogy, adaptive learning, synergetic approach, pedagogical management, factors of the adaptation process, vocal teaching technologies, vocal school, vocal training, teacher-musician, characteristics of the adaptive educational system

Концептуально педагогические системы в контексте синергетического подхода рассматривали С. П. Капица, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий [7], Т. А. Каплунович [8], В. Н. Корчагин [4], Е. Н. Князева [9], О. Н. Астафьев и Г. Ю. Ризниченко [10], В. И. Писаренко [11], В. М. Курейчик [12] и др.

Педагогические процессы в образовании на основе синергетического подхода исследовали И. А. Евин [13], И. Ю. Новикова [3] и др.; в музыкально-педагогическом образовании — Л. Г. Лобова [14], Е. С. Полякова [15; 16], Г. И. Грушко [17], Т. М. Шамсутдинова [18], О. А. Калимуллина [5], И. Б. Горбунова, Н. В. Михуткина [6]; в вокальной педагогике — О. В. Семенова [19].

«Внедрение адаптивного обучения в вузе базируется на эффективном использовании в образовательном процессе педагогических технологий в рамках профессиональной подготовки будущего педагога» [1, с. 53].

Проблеме адаптивного обучения посвящены работы Н. В. Вершининой, С. А. Бабиной, С. И. Люгзаевой [1], К. С. Каримовой [20], М. В. Самофаловой [21], Д. А. Кравченко, И. А. Блескиной, Е. Н. Каляевой, Е. А. Земляковой, Д. Ф. Аббакумова [2], Е. В. Елисеевой, С. Н. Злобиной, О. С. Денисовой [22; 23], К. А. Вилковой и Д. В. Лебедева [24], В. А. Бычкова и В. А. Патока [25], Ли Цинь [26], И. А. Кречетова [27] и др.

Многочисленные исследования показывают, что адаптивное обучение рассматривается с различных сторон: как *система обучения* (Л. В. Вилкова и Д. В. Лебедев [24, с. 9], В. А. Бычков и В. А. Патока [25, с. 93]); как *модель обучения* (И. А. Кречетов [27], О. С. Денисова и Е. В. Елисеева [23, с. 345]); как *процесс и технология обучения* (Д. А. Кравченко, И. А. Блескина, Е. Н. Каляева, Е. А. Землякова, Д. Ф. Аббакумов [2, с. 35]); как *метод обучения* (К. С. Каримова [20, с. 211]); как *образовательная среда* (Ли Цинь [26]); как *метод подачи информационного материала* (Г. Паск [28]); но чаще как *технология* (Н. В. Вершинина, С. А. Бабина, С. И. Люгзаева [1, с. 54], М. В. Самофалова [21, с. 341], С. Н. Елисеева и К. А. Злобина [22, с. 123] и др.).

По Г. Паску, адаптивное обучение — это обучение, ход которого оперативно, непрерывно подстраивается к индивидуальным особенностям процесса усвоения информации [28].

Использование адаптивного обучения в гуманитарных науках на данный момент ограничено, поэтому эффективность адаптивного обучения для разных дисциплин мало изучена [2, с. 42].

Единого подхода к понятию (к дефиниции) «адаптивное обучение» в системе высшего образования нет.

Адаптивное обучение «представляет собой с акмеологических позиций процесс и результат системных преобразований личности профессионала» [15, с. 283], направленный на становление будущего педагога-музыканта.

На современном этапе проблема адаптивного обучения изучена преимущественно в культурном и средовом аспектах (см.: [25; 26; 29; 30] и др.), а также с позиции адаптации контента (содержания) обучения [6; 22; 23; 25; 29]. Можно констатировать, что широко освещены вопросы по созданию условий для адаптации [19; 26; 30], а непосредственно организация процесса адаптации обучающихся представляется весьма разнообразно в виде моделей, методик, технологий и др.

Рассматривая адаптивное обучение в музыкальной педагогике, элементы технологичности прослеживались еще в педагогических системах Б. Л. Яворского, В. Н. и С. Т. Шацких, К. Орфа, Д. Б. Кабалевского, теории резонансного пения В. П. Морозова («Искусство резонансного пения»), методике развития голоса Л. В. Дмитриева («Основы вокальной методики»), вокально-хоровых школах «советского периода» Д. Е. Огороднова, В. В. Емельянова, Г. П. Стуловой и др.

Целесообразность разработки темы. Сохранение актуальных, исторически сложившихся вокальных школ и многообразии методик обучения пению, требуют обновления (расширения) с точки зрения систематизации подходов к обучению в целом. Теоретико-методологические аспекты адаптивного обучения, представленные в материалах статьи, являются обоснованием для внедрения разработанной нами технологии педагогического менеджмента в процесс профессиональной подготовки будущего педагога-музыканта как одной из адаптивных стратегий в системе передового научного опыта.

Цель исследования — выявить и обосновать теоретико-методологические позиции адаптивного обучения как системы подготовки будущего педагога-музыканта в учреждении высшего образования. Для реализации поставленной цели необходимо было решить следующие задачи: проанализировать изученность адаптивного обучения как предмета исследования; обосновать теоретико-методологические подходы к адаптивному обучению в вокальной подготовке будущего специалиста с позиции синергетики и диалектики; проанализировать исторически сложившиеся вокальные школы как базис практической реализации адаптивного обучения в учреждении высшего образования; сформулировать сущностные характеристики адаптивного обучения вокалу.

Научная новизна. Теоретически выявлены и практически обобщены тенденции адаптивного обучения в музыкальной педагогике, что позволило впервые обосновать методологическое значение феномена адаптивного обучения как сложной самоорганизующейся метасистемы в контексте синергетического подхода. Сравнительный анализ функционирования системы адаптивного обучения с позиции синергетики и диалектики позволил выделить взаимопроникающие и взаимообусловленные способы воздействия на эту систему и дополнить уже известные структурные элементы адаптивной образовательной системы новыми компонентами.

Теоретическая значимость. В исследовании определены факторы, оказывающие влияние на процесс адаптации будущих педагогов-музыкантов (студентов) и сформулированы характеристики данного феномена. Предложен новый

подход к вокальному обучению, базирующийся на сохранении актуальных, исторически сложившихся вокальных школ и многообразии методик обучения пению, требующих обновления с точки зрения систематизации в контексте адаптивного обучения.

Практическая значимость. Внедрение адаптивного обучения средствами технологии педагогического менеджмента в процесс подготовки педагога-музыканта через обновление содержания программ по учебным дисциплинам («Вокал», «Исполнительский практикум», «Дирижерско-хоровая и вокальная подготовка», «Методика музыкального воспитания», «Методика преподавания вокала и дирижирования», «Вокальный ансамбль» и др.). Внедрение технологии педагогического менеджмента как одной из адаптивных стратегий музыкального обучения гарантирует качество подготовки специалиста к предстоящей профессиональной деятельности.

Основная часть

Экономические, социальные, технологические и культурные условия, в которых обучающийся находится как объект процесса адаптации, оказывают непосредственное влияние на формирование системы адаптации, которая под воздействием различных факторов должна быть динамичной, эффективной и актуальной.

Построение новой системы обучения пению посредством обязательного исследования, изучения и освоения основных направлений вокального исполнительства (академическое, народное, эстрадное) с опорой на доминирующее(-ие) позволяет выстроить такую гибкую персонализированную модель адаптивного обучения, которая формирует готовность к профессиональной деятельности и обеспечивает задел для конкурентоспособности будущего специалиста на рынке труда.

Методология исследования. По мнению В. Н. Корчагина, именно системно-синергетическая философия является методологической основой педагогики, а «любая социальная система, в том числе и педагогическая, — это синергетическая совокупность элементов, между которыми существует синергетическое взаимодействие» [4, с. 102].

Процессы управления педагогическими (образовательными) системами в условиях изменяемой парадигмы образования свидетельствуют о широком диапазоне методологических подходов. Выделяют: системный, функциональный, кибернетический, личностно-деятельностный, ситуационный, ценностный и синергетический подходы [31, с. 121].

В вокальной подготовке будущего педагога-музыканта через призму адаптивного обучения как сложной самоорганизующейся системы (*синергетический подход*) возникают зоны притяжения (аттракторы), т. е. точки притяжения в самой этой системе, но могут возникать и новые аттракторы, которые представляют собой элементы будущей трансформации системы. Неопределенное количество возникающих аттракторов изначально может не показывать направление будущего развития системы, но при возникновении флуктуаций часть аттракторов функционирует более интенсивно, обеспечивая диссипативность существующей системы. Все адаптивное обучение как мобильная система, приспосабливающаяся к каждому обучающемуся, будет трансформироваться для него в направлении одной из моделей обучения, т. е. возникающие аттракторы показывают какое из направлений вокального обучения у студента является ведущим, доминирующим, приоритетным.

Рассматривая методологическое содержание определений «адаптивное обучение», можно констатировать, что отсутствует единый общепринятый подход к рассматриваемому понятию, соответственно и его содержание у разных авторов отличается по объему: от подстраивания к индивидуальному процессу усвоения информации до глобальной системы, функционирующей для достижения педагогических целей. Приведем примеры разнообъемных определений понятия «адаптивное обучение».

Адаптивное обучение — это обучение, ход которого оперативно, непрерывно подстраивается к индивидуальным особенностям студентов [2, с. 34].

Адаптивное обучение как педагогическая система имеет объект управления, направлена на достижение педагогических целей, выполняет образовательную функцию и характеризуется стабильным функционированием, устойчивостью, изменчивостью, эффективностью и результативностью [31, с. 127].

Наша позиция предполагает еще более расширенное методологическое значение исследуемого феномена: обозначая переход от функционирования к управлению процессом обучения и рассматривая уже не педагогическую систему, а метасистему, организующую опыт развития разных подсистем — вокальных школ, которые имеют общую синергетическую платформу и интегрируются педагогическим менеджментом на основе накопленного вокально-педагогического опыта. Такой инновационный подход позволяет предъявить логику исследования адаптивного обучения, используя педагогический менеджмент, усиливающий методологический аспект в отношении организации образовательного процесса и управления этим процессом.

Педагогический менеджмент — комплекс принципов, методов, организационных форм и технологических приемов управления образовательным процессом, направленный на повышение его эффективности [31, с. 292].

Результаты исследования. Непрерывное развитие во всех сферах жизни общества, включая науку, технологии, экономику, культуру, социальные отношения, начиная с 1960-х гг. по настоящее время обуславливает возникновение и развитие адаптивного обучения как потребности,

удовлетворяющей запрос общества и представленный профессиональным стандартом подготовки специалиста любой сферы.

Влияние на процесс адаптации будущих педагогов-музыкантов оказывают факторы, которые можно классифицировать по трем категориям: **макрофакторы** (административно-территориальное и социально-экономическое устройство, образовательная политика государства, культурная дистанция между странами, социальное и финансовое благополучие и др.), **мезофакторы** (академические изменения: введение новых образовательных стандартов, развитие цифровой образовательной среды, изменение системы оценивания и др.; уровень владения языком обучения; базовый уровень профильной (музыкальной) подготовки до поступления в университет; отношения среди молодежи в студенческом коллективе и др.) и **персональные характеристики**, которые относятся к категории **микрофакторов** (пол, возраст, характер, темперамент, уровень мотивации к обучению и др.) [32].

Построение системы адаптивного обучения должно базироваться на основе обобщенной модели личности профессионала, обусловленной полиморфной многослойной структурой личностных качеств учителя музыки [15, с. 285], и, опираясь на «принципы культурного разнообразия и поликультурного взаимодействия, содействовать наращиванию творческого потенциала общества» [16, с. 6] на микро-, мезо- и макроуровне.

Вокальная подготовка педагога-музыканта в контексте адаптивного обучения характеризуется нелинейностью: многовариантностью, альтернативностью путей развития (эволюции), стохастичностью, а также при прохождении через этапы диалектики/синергетики свидетельствует об устойчивости изменения процесса обучения и его переходе в новое состояние, например в состояние совершенствования и развития. Функционирование системы в устойчивом состоянии в период диалектического развития, возникновение флуктуаций и переход в диссипативное состояние, подводящее к точке би-/полифуркации, в синергетическом периоде возвращает процесс вокального обучения к диалектическому состоянию на новом витке развития (см. рис.).

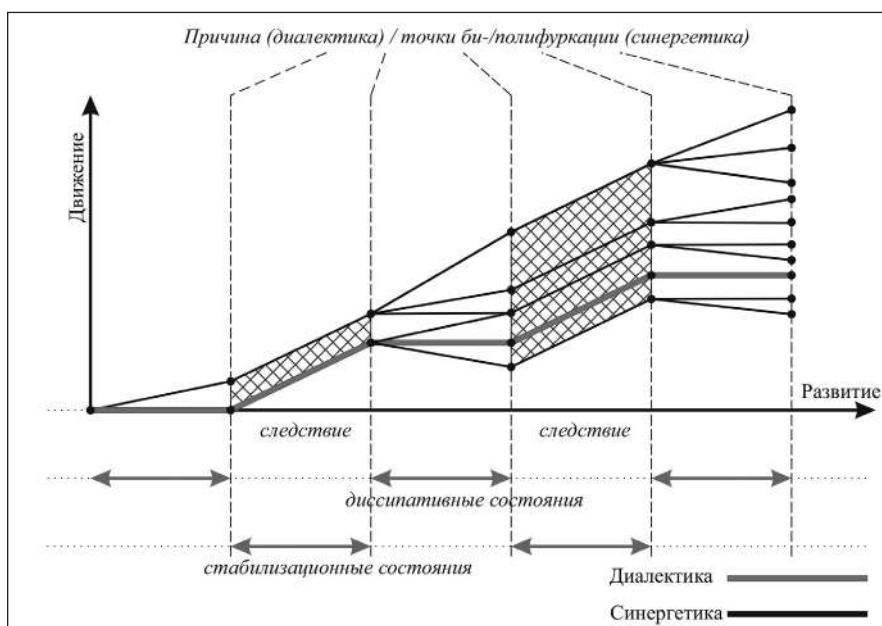

Рис. Адаптивное обучение в диалектике и синергетике

Приводить систему адаптивного обучения к би-/поли-фуркации в процессе вокальной подготовки будущих педагогов-музыкантов можно тремя взаимопроникающими и взаимообусловленными способами:

Корректируя характеристики самой среды адаптивного обучения (*в средовом и культурологическом аспекте*). В процессе вокальной подготовки расширение диапазона (репертуара) изучаемых музыкальных произведений, отражающих культурное многообразие в обществе, побуждает студента к нарративному и критическому мышлению, учит анализировать культурный контекст, позволяет эффективно взаимодействовать с представителями разных культур. Посредством изучения народной песни происходит не только сохранение песенной традиции и передача культурного наследия из поколения в поколение, осуществляется трансляция культурных смыслов, воспитывается понимание своей роли в обществе и формируется понимание своей индивидуальности, самобытности и идентичности, что является важным этапом в развитии будущего педагога-музыканта.

Изменяя воздействие на систему вокальной подготовки обновлением репертуарной политики.

Определяя в педагогической коммуникации персонализированный подход к обучению каждого студента.

В целом, ученые выделяют три основные *модели адаптивного обучения: модель студента, модель контента и модель обучения* [2, с. 38].

По нашему мнению, адаптивное обучение в музыкальном педагогическом образовании должно предопределять индивидуальную образовательную траекторию в процессе вокальной подготовки педагога-музыканта посредством внедрения современных технологий, например, *Технологии педагогического менеджмента* как объекта имплементации, включенного в образовательный процесс в условиях современной гуманитарной образовательной парадигмы [29, с. 151].

Технологичность также характерна для существующих долговременно вокальных школ.

Становление русской вокальной школы связано с именем М. И. Глинки. Познакомившись со школами европейских мастеров, он разработал свой метод развития голоса, где «синтез православного певческого искусства, народной песенности и мелоса *bel canto* дал жизнь явлению русской музыки, которое можно образно назвать русским *bel canto*» [33, с. 89]. Так, в разные годы в центральных консерваториях страны творили итальянские преподаватели вокала — яркие представители искусства *bel canto*: Камилло Эверарди, Умберто Мазетти, Каролина Ферни-Джиральдони, Маттиа Баттистини, Этторе Гандольфи, обладавшие значительным опытом выступлений на мировой оперной сцене [34, с. 49]. Вследствие этого на постсоветском пространстве формируется сообщество педагогов-единомышленников, которые адаптировали школу *bel canto* и тем самым вносят свой личный вклад в развитие академической (классической) школы пения. Приведем один из примеров.

Метод развития и воспитания голоса Тамары Николаевны Нижниковой, народной артистки СССР, профессора Белорусской Академии музыки, опирается на методику оперного пения Умберто Мазетти (конец XIX в.), переданную ей в период обучения в Московской консерватории профессором М. В. Владимировой (XX в.). Метод Т. Н. Нижниковой опирается на опыт предшествующих поколений педагогов-вокалистов и преемственность внутри национальных школ и между ними [35].

Сегодня через учеников и последователей Т. Н. Нижниковой (Т. Н. Цыбульская, Е. Г. Бунделева, Е. В. Шведова, Н. А. Душинская, А. Б. Нижникова, Т. В. Сернова, Е. А. Шевчик и др.) сохраняются и развиваются базовые каноны *bel canto* в педагогической традиции белорусской академической вокальной школы.

Приведенный пример, позволяет проанализировать лишь одну ветвь на пути развития школы *bel canto*, демонстрирует ее значимость и масштаб в ареале распространения, подтверждает устойчивое изменение (трансформацию) процесса вокальной подготовки и подчеркивает его нелинейность, актуальность и технологичность.

Анализ становления и развития национальных вокальных школ (академических) в историческом аспекте, позволяет выделить характерные черты в методиках обучения пению с позиций выдающихся педагогов и исполнителей [36]. Но по единым критериям невозможно выделить одну универсальную методику обучения пению. Определение и выбор вокальных методик для преподавания как правило формируется через освоение этих методик с помощью изучения контекстного репертуара, который по историческим сложившимся правилам в стилистическом и жанровом диапазоне предопределяет культуру исполнения (например, вокальные произведения Г. Ф. Генделя, Ф. Шуберта, Ш. Гуно, С. В. Рахманинова и т. д.).

Современные эстрадные вокальные школы непрерывно развиваются и весьма востребованы как среди профессионалов, так и среди любителей музыки. Безусловно, есть примеры вокальных школ, которые прошли испытание временем, актуальны и используются в современных программах вокального обучения, например система *Estill Voice Training (EVT)* Джо Эстил (1970-е гг.) [37], методика *Complete Vocal Technique* Кэтрин Садолин (середина 1990-х гг., Дания) [37; 38].

Сегодня, суть адаптивного обучения в контексте вокальной подготовки будущего педагога-музыканта заключается в построении новой системы обучения пению посредством изучения и освоения трех актуальных вокальных направлений: академического, народного и эстрадного с опорой на приоритетное как доминирующее(-ие) в каждом конкретном случае. Эта позиция лежит в основе, разработанной нами технологии — «технологии педагогического менеджмента».

В музыкальной педагогике на уровне высшего педагогического образования адаптивное обучение рассматривается нами как формирующаяся и развивающаяся (динамическая, эволюционирующая) система. Суть построения системы адаптивного обучения в гибкости предлагаемой *модели адаптации*, которая учитывает, что и как нужно изменять. Вокальное обучение студентов выстраивается с помощью персонализированной модели адаптивного обучения, основанной, в том числе, на *синергетическом, личностно-ориентированном и ситуационно-деятельностном подходе*.

Традиционно возникновение любого нового феномена обусловлено требованиями времени и социума. Как правило, адаптивное обучение зарождается как необходимость приспособления к уже существующим условиям. Мы считаем, что его надо рассматривать как упреждающий стратегический шаг, максимально предвосхищающий возможные варианты требований к компетентности и подготовке педагога-музыканта. Необходимо подготовить будущего специалиста к вызовам времени и потребностям социума так, чтобы он был способен ориентироваться в действительной профессиональной деятельности, смог быть эффективным и успешно развиваться в профессии.

Анализ проведенных исследований позволяет нам, опираясь на структурные элементы понятия адаптивное образование, предложенные М. В. Самофаловой [21, с. 343], сгенерировать и выделить в контексте вокальной подготовки будущего педагога-музыканта следующие компоненты адаптивного обучения (характеристики адаптивной образовательной системы):

- *целесообразность* применения в каждом конкретном случае;
- *ценностность* в значении превращения полученных знаний в смыслы для профессионального роста личности педагога;
- *обоснованность* возникновения и использования (внедрения);
- *персонализация* индивидуальной траектории обучения;
- *мотивационность* как фундамент самореализации;
- *целостность* по отношению к личности обучающегося, к образовательному процессу при инвариантности адаптивности;
- *вариативность* содержания образовательных программ;
- *цикличность* с опорой на диагностику в отношении определения каждого последующего шага или коррекции индивидуальной траектории в обучении;

- *релевантность* как степень соответствия содержания образовательной программы потребностям социума;
- *наставничество* как система адаптации и профессионального развития;
- *согласованное взаимодействие всех компонентов адаптивного обучения.*

Заключение

В статье проанализированы теоретико-методологические подходы к предмету исследования — адаптивному обучению, представляющему собой *метасистему*, организующую (агрегирующую) опыт развития разных подсистем — исторически сложившихся вокальных школ, имеющих общую синергетическую платформу. Посредством технологии педагогического менеджмента вокальные школы интегрируются адаптивным обучением как пример самоорганизации накопленного вокально-педагогического опыта в пространственно-временном континууме. В результате исследования сформулированы компоненты (характеристики) адаптивного обучения, позволяющие внедрить инновационную педагогическую систему в учреждении высшего образования, и подчеркивают ее актуальность и доминирующие позиции в профессиональной подготовке будущего педагога-музыканта на современном этапе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Вершинина Н. В., Бабина С. А., Люгзаева С. И. Подготовка будущего учителя начальных классов к использованию современных педагогических технологий в условиях адаптивного обучения // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12. № 4. С. 51—58.
2. Персонализация в образовании: от программируемого к адаптивному обучению / Д. А. Кравченко, И. А. Блескина, Е. Н. Каляева и др. // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9. № 3. С. 34—46. DOI: 10.17759/jmfp.2020090303.
3. Новикова И. Ю. Синергетический подход в образовательном процессе // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2019. Т. 11. № 4. С. 61—66.
4. Корчагин В. Н. Системно-синергетическая философия как методологическая основа педагогики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 2. С. 99—103.
5. Калимуллина О. А. Современные детерминанты музыкальной педагогики: синергетический подход // Антропологическая дидактика и воспитание. 2024. Т. 7. № 6. С. 86—108.
6. Горбунова И. Б., Михуткина Н. В. Синергетический подход в электронном музыкальном творчестве и образовании // Искусствоведение. 2024. № 4. С. 29—46.
7. Капица С. П., Курдюмов С. П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего. 3-е изд. М.: УРСС, 2003. 288 с.
8. Каплунович Т. А. Парадигма самоорганизации в экспериментальном моделировании системы повышения квалификации педагогов : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2003. 397 с.
9. Князева Е. Н. Идеи русского космизма и синергетика // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. М.: Междунар. центр Рерихов, 2007. Т. 1. С. 228—255.
10. Синергетическая парадигма. Синергетика образования / под ред. О. Н. Астафьева, Г. Ю. Ризниченко. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 594 с.
11. Писаренко В. И. Синергетические идеи в педагогике // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 10(135). С. 111—119.
12. Курейчик В. М., Писаренко В. И. Синергетические принципы в моделировании педагогических систем // Открытое образование. 2013. № 6. С. 16—23.
13. Евин И. А. Синергетика искусства. М.: Лада, 1993. 171 с.
14. Лобова Л. Г. Синергетика музыкальной педагогики. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2002. 136 с.
15. Полякова Е. С. Педагогические закономерности становления и развития личностно-профессиональных качеств учителя музыки : моногр. Минск: ИВЦ Минфина, 2009. 542 с.
16. Полякова Е. С., Ковалев А. И., Иванова М. В. Методологические основы художественно-эстетического образования в условиях трансформационных процессов // Адукацыя і выхаванне. 2021. № 10. С. 6—12.
17. Грушко Г. И. Синергетика в современном музыкальном образовании и педагогике: осмысление проблемы // Развитие современного образования: теория, методика и практика. 2015. № 3(5). С. 15—20.
18. Шамсутдинова Т. М. Формирование индивидуальной образовательной траектории в адаптивных системах управления // Открытое образование. 2021. Т. 25. № 6. С. 36—44. DOI: 10.21686/1818-4243-2021-6-36-44.
19. Семенова О. В. Системно-синергетический подход в вокальном образовании как диалог «двух культур» // Межкультурное взаимодействие в современном музыкально-образовательном пространстве : материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. М.: МГИК, 2015. С. 187—191.

20. Каримова К. С. Адаптивное обучение в преподавании английского: индивидуализированный подход к каждому студенту // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. № 4(68). С. 211—218.
21. Самофалова М. В. Адаптивное обучение как новая образовательная технология // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 341—346. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-83-6-341-347.
22. Елисеева Е. В., Злобина С. Н. Адаптивное электронное обучение как высокоуровневая технология организации профессиональной подготовки студентов в вузе // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 1. С. 123—127.
23. Денисова О. С., Елисеева Е. В. Адаптивная система обучения в контексте современных вызовов образования // Эпоха науки. 2025. № 42. С. 345—352.
24. Вилкова К. А., Лебедев Д. В. Адаптивное обучение в высшем образовании: за и против. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 36 с.
25. Бычков В. А., Патока В. А. Адаптивное обучение в цифровую эпоху: интеграция искусственного интеллекта и педагогических методик // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13. № 11-1. С. 92—100. DOI: 10.25726/b4207-5897-9970-g.
26. Ли Цинь. Методика обеспечения адаптации китайских студентов к музыкально-образовательному процессу в учреждениях высшего образования Беларуси : моногр. Минск : Ковчег, 2026. 186 с.
27. Кречетов И. А. Модели, алгоритмы и инструментальные средства адаптивного обучения : дис. ... канд. техн. наук. Томск, 2021. 150 с.
28. Паск Г. Обучение как процесс создания системы управления // Кибернетика и проблемы обучения : сб. пер. / ред. и предисл. А. И. Берга ; вступ. ст. А. Н. Захарова и А. М. Матюшкина. М. : Прогресс, 1970. С. 25—85.
29. Жарская И. В. Адаптивное обучение как средство совершенствования вокальной подготовки иностранных студентов БГПУ // Межкультурная коммуникация в едином образовательном пространстве: проблемы и перспективы : сб. науч. тр. Рязань, 2025. С. 150—155.
30. Гейнце Л. А. Адаптивное обучение педагогических работников как эффективный ресурс их профессионально-личностного развития на рабочем месте // Наука. Управление. Образование. РФ. 2023. № 2(10). С. 50—59.
31. Систематика терминологического аппарата педагогической науки в условиях парадигмальных изменений как фактор обновления содержания педагогического образования : моногр. / под науч. ред. А. В. Торховой, О. Б. Даутовой. Минск, 2019. 308 с.
32. Ширкова Н. Н., Марченко А. А., Иванова Г. П. Социокультурная адаптация иностранных студентов: проблемы и пути решения // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 5. С. 12—15. DOI: 10.34823/SGZ.2022.5.518908.
33. Сладкопеев Р. В. Становление вокальных школ в Западной Европе и в России. М. : Моск. пед. гос. ун-т, 2015. 108 с.
34. Цибудеева Н. Ц. Значение итальянской вокальной педагогики в формировании младокультурных певческих направлений // Вестник Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств. 2014. № 2(7). С. 47—50.
35. Сернова Т. В. Тамара Нижникова : моногр. Минск : Мэджик, 2012. 175 с.
36. Лой И. В. Национальные вокальные школы: сравнительный анализ // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2022. № 22-4. С. 137—150.
37. Семенченко Е. В. Методики формирования певческого голоса «Estill voice training» и «Complete vocal Technique»: опыт сравнительного анализа // Вестник науки и образования. 2024. № 1-2(144). С. 84—90.
38. Зубова Р. А. Методические особенности и инновационный подход в обучении вокалу по методике Кэтрин Садолин «Complete Vocal Technique (CVT)» // Проблемы музыкальной науки. 2022. № 3. С. 163—175.

REFERENCES

1. Vershinina N. V., Babina S. A., Lyugzaeva S. I. A future primary school teacher training for the use of modern pedagogical technologies in the conditions of adaptive teaching. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie = The Humanities and education*. 2021;12(4):51—58. (In Russ.)
2. Kravchenko D. A., Bleskina I. A., Kalyaeva E. N. et al. Personalization in education: from programmed to adaptive learning. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*. 2020;9(3):34—46. (In Russ.) DOI: 10.17759/jmfp.2020090303.
3. Novikova I. Yu. Synergetic approach in educational process. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt = Contemporary Higher Education: Innovative Aspects*. 2019;11(4):61—66. (In Russ.)
4. Korchagin V. N. System-synergy philosophy as the methodological basis of pedagogy. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika = Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2014;14(2):99—103. (In Russ.)
5. Kalimullina O. A. Modern determinants of music pedagogy: a synergetic approach. *Antropologicheskaya didaktika i vospitanie = Anthropological didactics and upbringing*. 2024;7(6):86—108. (In Russ.)
6. Gorbunova I. B., Mikhutkina N. V. A synergetic approach in electronic music creative work and education. *Iskusstvo-vedenie = Art Criticism*. 2024;4:29—46. (In Russ.)
7. Kapitsa S. P., Kurdyumov S. P., Malinetsky G. G. Synergetics and forecasts of the Future. 3rd ed. Moscow, URSS, 2003. 288 p. (In Russ.)
8. Kaplunovich T. A. Self-organization paradigm in experimental modeling of the teachers' advanced training system. Diss. of the Doct. of Pedagogy. Moscow, 2003. 397 p. (In Russ.)
9. Knyazeva E. N. Ideas of Russian Cosmism and Synergetics. *Transactions of the United Scientific Center for Problems of Cosmic Thinking*. Moscow, The International Center of the Roerichs publ., 2007. Vol. 1. Pp. 228—255. (In Russ.)
10. Synergetic Paradigm. Synergetics of Education. O. N. Astaf'ev, G. Yu. Riznichenko (eds.). Moscow, Progress-Traditsiya, 2007. 594 p. (In Russ.)

11. Pisarenko V. I. Synergetic ideas in pedagogics. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki = Izvestiya SFedU. Engineering sciences*. 2012;10(135):111—119. (In Russ.)
12. Kureychik V. M., Pisarenko V. I. Synergetic ideas in pedagogical systems simulation. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2013;6:16—23. (In Russ.)
13. Evin I. A. Synergetics of Art. Moscow, Lada, 1993. 171 p. (In Russ.)
14. Lobova L. G. Synergetics of Musical Pedagogy. Voronezh, Voronezh State Pedagogical University publ., 2002. 136 p. (In Russ.)
15. Polyakova E. S. Pedagogical patterns of formation and development of personal and professional qualities of a music teacher. Monograph. Minsk, Information and Technical Center of the Ministry of Finance publ., 2009. 542 p. (In Russ.)
16. Polyakova E. S., Kovalev A. I., Ivanova M. V. Methodological foundations of artistic and aesthetic education in the context of transformation processes. *Adukatsyya i vykhavanne*. 2021;10:6—12. (In Russ.)
17. Grushko G. I. Synergetics in modern music education and pedagogy: understanding the problem. *Razvitie sovremennogo obrazovaniya: teoriya, metodika i praktika*. 2015;3(5):15—20. (In Russ.)
18. Shamsutdinova T. M. Formation of Individual Educational Trajectory in Adaptive Learning Management Systems. *Otkrytoe obrazovanie = Open Education*. 2021;25(6):36—44. (In Russ.) DOI: 10.21686/1818-4243-2021-6-36-44.
19. Semenova O. V. A systemic-synergetic approach in vocal education as a dialogue of “two cultures”. *Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie v sovremennom muzykal'no-obrazovatel'nom prostranstve = Intercultural interaction in the modern music and educational space. Proceedings of the XII International scientific and practical conference*. Moscow, Moscow State Institute of Culture publ., 2015:187—191. (In Russ.)
20. Karimova K. S. Adaptive learning in English teaching: an individualized approach to each student. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific Notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University*. 2023;4(68):211—218. (In Russ.)
21. Samophalova M. V. Adaptive learning as a new educational technology. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and social sciences*. 2020;6:341—346. (In Russ.) DOI: 10.18522/2070-1403-2020-83-6-341-347.
22. Eliseeva E. V., Zlobina S. N. Adaptive e-learning as a high-level technology for organizing professional training of students at a university. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*. 2011;1:123—127. (In Russ.)
23. Denisova O. S., Eliseeva E. V. Adaptive learning system in the context of modern educational challenges. *Epokha nauki*. 2025;42:345—352. (In Russ.)
24. Vilkova K. A., Lebedev D. V. Adaptive learning in higher education: pros and cons. Moscow, HSE University publ., 2020. 36 p. (In Russ.)
25. Bychkov V. A., Patoka V. A. Adaptive learning in the digital age: integration of artificial intelligence and pedagogical techniques. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2023;13(11-1):92—100. (In Russ.) DOI: 10.25726/b4207-5897-9970-g.
26. Li Qin. The methodology of ensuring the adaptation of Chinese students to the musical and educational process in institutions of higher education in Belarus. Monograph. Minsk, Kovcheg, 2026. 186 p. (In Russ.)
27. Krechetov I. A. Models, algorithms and tools for adaptive learning. Diss. of the Cand. of Engineering. Tomsk, 2021. 150 p. (In Russ.)
28. Pask G. Training as a process of creating a control system. *Cybernetics and problems of learning. Collected translations*. A. I. Berg (ed. & foreword). A. N. Zakharov & A. M. Matyushkin (foreword). Moscow, Progress, 1970. Pp. 25—85. (In Russ.)
29. Zharskaya I. V. Adaptive training as a means of improving the vocal training of foreign students of BSPU. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v edinom obrazovatel'nom prostranstve: problemy i perspektivy = Intercultural communication in a single educational space: problems and prospects. Collection of scientific papers*. Ryazan, 2025:150—155. (In Russ.)
30. Geintse L. A. Adaptive learning as an effective resource for training teachers in the workplace. *Nauka. Upravlenie. Obrazovanie. RF*. 2023;2(10):50—59. (In Russ.)
31. Systematics of the terminological apparatus of pedagogical science in the context of paradigmatic changes as a factor in updating the content of pedagogical education. Monograph. A. V. Torkhova & O. B. Dautova (eds.). Minsk, 2019. 308 p. (In Russ.)
32. Shirkova N. N., Marchenko A. A., Ivanova G. P. Sociocultural adaptation of foreign students: problems and some solutions. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2022;5:12—15. (In Russ.) DOI: 10.34823/SGZ.2022.5.518908.
33. Sladkovevets R. V. Formation of vocal schools in Western Europe and in Russia. Moscow, Moscow Pedagogical State University publ., 2015. 108 p. (In Russ.)
34. Tsibudeeva N. Ts. The importance of Italian pedagogic for forming young cultural vocal schools. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi gosudarstvennoi akademii kul'tury i iskusstv*. 2014;2(7):47—50. (In Russ.)
35. Sernova T. V. Tamara Nizhnikova. Monograph. Minsk, Medzhik, 2012. 175 p. (In Russ.)
36. Loy I. National vocal schools: a comparative analysis. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshei shkoly. Istoricheskie i psikhologo-pedagogicheskie nauki*. 2022;22-4:137—150. (In Russ.)
37. Semenchenko E. V. Methods of formation of the singing voice “Estill voice training” and “Complete vocal technique”: the experience of comparative analysis. *Vestnik nauki i obrazovaniya*. 2024;1-2(144):84—90. (In Russ.)
38. Zubova R. A. Methodological Peculiarities and Innovative Approach to Teaching Vocal Art According to Kathrine Sado-lin's Method “Complete Vocal Technic (CVT)”. *Problemy muzykal'noi nauki = Music Scholarship*. 2022;3:163—175. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 22.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 22.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 37.013
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1559

Anastasia Gennadyevna Zyablova
adjunct student of the Faculty 3
(training of scientific and scientific-pedagogical personnel)
at the Department of Psychology, Pedagogy,
and Organization of Human Resources Work,
research specialty
5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education,
Academy of Management
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Moscow, Russian Federation
a.zyablovaa@mail.ru

Анастасия Геннадьевна Зяблова
адъюнкт 3 факультета
(подготовки научных и научно-педагогических кадров)
при кафедре психологии, педагогики
и организации работы с кадрами,
научная специальность
5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Академия управления МВД России
Москва, Российская Федерация
a.zyablovaa@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД — ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В настоящее время преступность несовершеннолетних сохраняется на высоком уровне, о чем свидетельствует официальная статистика и громкие правонарушения. Причины мотивации совершения преступлений несовершеннолетних кроются как в неблагополучной семейной обстановке, так и в неблагоприятной социальной среде. Современные ученые отмечают, что решение проблемы преступности несовершеннолетних будет реальным при условии целенаправленного воспитательного воздействия на их ценностную сферу. В статье рассматривается аксиологический подход как методологическая основа профилактики асоциального поведения несовершеннолетних. Обосновывается, что эффективность профилактической работы непосредственно связана с формированием у несовершеннолетних ценностных установок на просоциальное поведение. Цель исследования заключается в выявлении сущностных характеристик аксиологического подхода и обосновании его ведущей роли в профилактике асоциального поведения несовершеннолетних. Автор связывает становление просоциального поведения с развитием ценностной сферы несовершеннолетних,

уделяя особое внимание формированию и развитию ценностных установок на семью, дружбу, труд, учение, здоровый образ жизни, гражданственность и патриотизм. Автор подчеркивает, что развитие позитивных ценностных установок выступает эффективным средством профилактики асоциального поведения несовершеннолетних. Аксиологический подход в педагогической профилактике направлен на формирование у несовершеннолетних ценностных установок на просоциальное поведение, которые становятся внутренним регулятором поведения и снижают зависимость от внешних запретов. Указанный подход, лежащий в основе профилактики асоциального поведения, способствует формированию у несовершеннолетних ценностных установок, что помогает им обрести смысл жизни, и, как правило, снижает риск их вовлечения в криминальные сообщества.

Ключевые слова: асоциальное поведение, несовершеннолетние, аксиологический подход, педагогическая профилактика, ценностная установка, просоциальное поведение, несовершеннолетние с асоциальным поведением, принципы профилактики, программа профилактики, воспитание

Для цитирования: Зяблова А. Г. Аксиологический подход — основополагающий в педагогической профилактике асоциального поведения несовершеннолетних // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 546—550. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1559.

Original article

THE AXIOLOGICAL APPROACH AS A BASIS FOR PEDAGOGICAL PREVENTION OF ANTISOCIAL BEHAVIOR OF MINORS

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. Juvenile delinquency remains high, as evidenced by official statistics and high-profile crimes. The motivations for juvenile crime stem from both dysfunctional family and social environments. Contemporary scholars note that the problem of juvenile delinquency can be effectively addressed through targeted educational interventions that address their value system. This article examines the axiological approach as a methodological basis for preventing antisocial behavior in minors.

It is argued that the effectiveness of preventive efforts is directly linked to the development of prosocial value orientations in minors. The aim of the study is to identify the essential characteristics of the axiological approach and substantiate its leading role in preventing antisocial behavior of minors. The author links the development of prosocial behavior to the development of values in minors, focusing on the formation and development of values related to family, friendship, work, education, healthy

lifestyle, citizenship, and patriotism. The author emphasizes that the development of positive values is an effective means of preventing antisocial behavior of minors. The axiological approach to pedagogical prevention aims to develop prosocial value systems in minors, which become internal regulators of behavior and reduce dependence on external prohibitions. This approach, which underlies the prevention of antisocial

behavior, promotes the development of values in minors, which helps them find meaning in life and, as a rule, reduces the risk of their involvement in criminal organizations.

Keywords: *antisocial behavior, minors, axiological approach, pedagogical prevention, value system, prosocial behavior, minors with antisocial behavior, prevention principles, prevention program, education*

For citation: Zyablova A. G. The axiological approach as a basis for pedagogical prevention of antisocial behavior of minors. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):546—550. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1559.

Введение

Актуальность. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних представляет собой одно из ведущих направлений всей борьбы с преступностью. Их эффективное предупреждение является существенным условием охраны нравственного здоровья подрастающего поколения. Мотивация совершения правонарушений несовершеннолетними кроется как в неблагополучной семейной обстановке, так и в складывающейся неблагополучной среде. Исследования целого ряда современных ученых педагогов и психологов показывают, что изменение представленной ситуации будет реальным при условии воспитательного влияния на ценностную сферу несовершеннолетних, в том числе формирования у них ценностных установок, которые, в свою очередь, станут основой их просоциального поведения.

Изученность проблемы. Проблемы, связанные с профилактикой асоциального поведения несовершеннолетних, нашли отражение в зарубежной и отечественной научной литературе. Изучение девиантного поведения несовершеннолетних проводили педагоги и психологи — С. А. Беличева [1], А. Б. Белинская [2], И. В. Горохова [3], М. А. Ерофеева [4], В. А. Кудин [5], И. В. Ульянова [6], И. В. Чечикова [7] и др.

Разработкой системы профилактики и коррекции социальной педагогики девиантного поведения несовершеннолетних занимались Л. В. Мардахаев [8], М. В. Шакурова [9] и др.

Проведением исследований в области психологической науки и педагогической аксиологии занимались В. А. Сластенин, Г. И. Чижакова, Д. Н. Узнадзе [10], И. С. Склиренко [11], Л. П. Гирфанова [12], Е. В. Москвина [13], Н. Д. Никандров [14] и др.

Целесообразность разработки темы исследования обусловлена тремя ключевыми факторами:

- **Социальный фактор**, требующий поиска новых педагогических стратегий, способных формировать внутренние поведенческие регуляторы у несовершеннолетних исходя из того, что в государстве сохраняется высокий уровень правонарушений среди несовершеннолетних, соответственно традиционные меры профилактики становятся недостаточно эффективными.

- **Научно-педагогически фактор**, связанный с возникновением противоречия между признанием значимости ценностной сферы личности в предотвращении девиаций и отсутствием целостного теоретического обоснования реализации аксиологического подхода применительно к профилактике асоциального поведения несовершеннолетних.

- **Практический фактор**, предполагающий научно-обоснованное и эмпирически подтвержденное методическое обеспечение профилактики асоциального поведения несовершеннолетних для заинтересованных лиц.

Цель исследования заключается в выявлении сущностных характеристик аксиологического подхода и обоснование его ведущей роли в профилактике асоциального поведения несовершеннолетних. Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**:

- рассмотреть аксиологический подход как основополагающий в профилактике асоциального поведения несовершеннолетних с учетом характерных принципов;

- уточнить понятие «ценностная установка несовершеннолетних на просоциальное поведение», определить структуру и содержание ценностных установок несовершеннолетних, выступающих фактором профилактики асоциального поведения, с выделением их компонентов;

- выявить принципы профилактики, основанные на аксиологическом подходе, используемые в деятельности социальных педагогов и инспекторов ПДН.

Научная новизна. В рамках аксиологического подхода нами уточнено используемое в исследовании понятие «ценностная установка на просоциальное поведение». Выявлены и содержательно охарактеризованы сущностные характеристики аксиологического подхода как ведущего в профилактике асоциального поведения несовершеннолетних.

Теоретическая значимость исследования. Разработаны теоретико-методологические основания реализации аксиологического подхода в системе педагогической профилактики асоциального поведения несовершеннолетних. Теоретически обоснованы ценностные установки несовершеннолетних, значимые для профилактики асоциального поведения. Систематизированы принципы реализации аксиологического подхода в профилактической деятельности.

Практическая значимость исследования. Выявленные принципы и предложенные направления работы могут быть использованы в деятельности социальных педагогов, психологов, инспекторов ПДН, педагогов образовательных организаций и других субъектов профилактики для разработки конкретных программ, методик и мероприятий, направленных на формирование просоциальных ценностных установок у несовершеннолетних.

Основная часть

Методология исследования. Для достижения цели исследования, реализации поставленных задач проводилась работа с использованием следующих групп методов. Теоретические методы: изучение философской, психологической, педагогической, научно-методической и учебной литературы, нормативно-правовых документов; анализ и синтез; сравнение и обобщение. Эмпирические методы: наблюдение; беседа; изучение передового опыта и его обобщение; педагогический эксперимент; изучение продуктов деятельности несовершеннолетних.

Теоретико-методологическую основу исследования составляет аксиологический подход, выступающий ведущим и определяющим рассмотрение ценностных установок как ядра личности и ключевого фактора регуляции поведения.

Результаты исследования. Педагогические исследование аксиологического подхода нашло свое отражение в научных работах Л. П. Гирфановой, Н. Д. Никандрова, В. А. Сластенина, Г. И. Чижаковой, М. В. Шакуровой и др., в той или иной степени, касающихся несовершеннолетних.

Аксиологический подход, как один из составляющих методологической основы педагогики, где ценности выступают ядром образовательного процесса, изучал Н. Д. Никандров. По его мнению, кризис современного образования связан с утратой ценностных ориентиров. Идеи Н. Д. Никандрова помогают осмыслить роль ценностей в воспитании молодого поколения и служат ориентиром для разработки новых педагогических стратегий.

Аксиологический подход, с позиции В. А. Сластенина и Г. И. Чижаковой, признаёт ценности гуманистической основой образования. Они подчеркивают тот факт, что личность обучающегося является высшей ценностью, а значит, образовательный процесс должен строиться на уважении его индивидуальных особенностей, среди которых уровень развития психических процессов, способности к обучению, интересы и склонности. Исходя из этого, авторы педагогической аксиологии считают, что эффективность образования повышается, если оно проектирует систему духовно-нравственных ценностей, формирующих гармонично развитую личность молодого человека, определяя саму педагогическую цель ценностью.

Исследованиями профилактики отклоняющегося поведения несовершеннолетних, в аспекте аксиологического подхода, занимались Е. В. Звягина, Е. В. Москвина, И. В. Чечикова и др.

Так, Е. В. Москвина рассматривает аксиологический подход применительно к организации профилактики неконструктивного рискованного поведения подростков, что позволяет рассматривать данный процесс через призму ценностных ориентаций и установок личности самого подростка и принятых обществом.

В рамках аксиологического подхода уточним и определим основные понятия нашего исследования, среди которых на первом месте стоит понятие «ценностная установка несовершеннолетних на просоциальное поведение». Кроме него, понятия «несовершеннолетние с асоциальным поведением», и «профилактика асоциального поведения несовершеннолетних».

Понятие установки исследовал известный грузинский психолог советского периода Д. Н. Узнадзе, основатель психологической школы установки. Установка, согласно его теории, предполагает состояние готовности субъекта к определенной активности, которое возникает под влиянием потребностей и ситуации.

Категорию социальной установки изучали философы и социологи, такие как У. Томас и Ф. Значецкий [15], К. Д. Давыдова и др. Сам термин «социальная установка», или «аттитюд», ввели в обиход в начале XX в. польские ученые У. Томас и Ф. Значецкий во время исследования процесса адаптации польских эмигрантов в США и Европе, а именно отношения индивида к ценностям группы.

Категорию «ценностная установка» использовали в своих исследованиях педагоги В. А. Ермоленко, И. С. Складенко, И. В. Чечикова, Ф. А. Якупов и др.

Итак, с учетом сказанного, аксиологический подход позволяет нам определить ценностную установку несовершеннолетних на просоциальное поведение как состояние их готовности к просоциальному поведению, предполагающему личностное развитие в разных сферах жизнедеятельности (семья, дружба, учение, труд, здоровый образ жизни, гражданственность и патриотизм), являющееся значимой характеристикой личности.

Социальная педагогика (Л. В. Мардахаев, А. В. Мудрик, М. В. Шакурова и др.) рассматривает профилактику асоциального поведения как сложную, многоуровневую систему, функционирующую в соответствии с определенными принципами.

Рассмотрим основные принципы профилактики асоциального поведения с учетом аксиологического подхода: принцип системности, принцип опоры на положительные качества личности несовершеннолетнего, принцип взаимодействия с несовершеннолетними и между собой всех субъектов профилактики:

1. *Принцип системности*, который позволяет воспринимать профилактическую работу как совокупность ее элементов и допускает целостное взаимосвязанное влияние на личность несовершеннолетнего, учитывающее социальные, педагогические, психологические и ценностные аспекты. С позиции аксиологического подхода, этот принцип приобретает особое значение, поскольку асоциальное поведение связано с деформацией ценностной сферы личности.

2. *Принцип опоры на положительные качества личности несовершеннолетнего.* В рамках аксиологического подхода личность несовершеннолетнего признается главной ценностью профилактической деятельности. Исходя из этого, уважительные и доверительные отношения с несовершеннолетним — залог эффективной профилактической работы, направленной на формирование у них позитивных ценностных установок. Опираясь на их положительные качества личности и устремления в профилактической работе, например такие, как самостоятельность, стремление к первенству, к самореализации, способность к сопереживанию своим, желание испытать новые впечатления, жажда приключений, романтизм, происходит усиление и развитие конкретного качества. Это позволяет предупредить асоциальные действия, так как несовершеннолетний начинает испытывать удовлетворение от хороших поступков и уверенность в своих силах, достигая успехов в новых для него формах социально одобряемого поведения. Итак, принцип опоры на положительные качества личности несовершеннолетних способствует формированию устойчивой системы ценностных установок на просоциальное поведение, а значит, и эффективной профилактике их отклоняющегося поведения.

3. *Принцип взаимодействия с несовершеннолетними и между собой всех субъектов профилактики.* С позиции аксиологического подхода подразумевается взаимодействие социальных педагогов, инспекторов по делам несовершеннолетних, педагогов образовательных организаций, родителей или законных представителей и др., в целях формирования у несовершеннолетних устойчивых ценностных установок, способствующих просоциальному поведению. Таким образом, взаимодействие всех субъектов профилактики, построенное на аксиологическом подходе, помогает несовершеннолетним не только избегать асоциальных проявлений в поведении, но и обеспечивает необходимые условия для гармоничного становления личности в целом.

Основные принципы профилактики асоциального поведения с учетом аксиологического подхода образуют основу профилактической деятельности, определяют логику взаимодействия с несовершеннолетними, намечают конкретные мероприятия на различных этапах реализации содержания педагогической профилактики, способствуя одновременно созданию благоприятной среды для развития личности. Применение указанных принципов помогает предупреждать асоциальное поведение, формировать ценностные установки на просоциальное поведение, а также создавать условия для успешной социализации несовершеннолетних.

Заключение

Всё вышесказанное позволяет обосновать аксиологический подход как ведущий подход в профилактике асоциального поведения несовершеннолетних исходя из следующих аргументов:

1. Анализ аксиологического подхода, используемого в педагогике вообще и в педагогической профилактике, в частности, подтверждает эффективность изменений, происходящих в личности несовершеннолетних с асоциальным поведением за счет отбора специфического педагогического содержания и реализующего его инструментария.
2. Аксиологический подход позволил произвести уточнение понятия «ценностная установка несовершеннолетних на просоциальное поведение», что способствует

осуществлению более точному тактическому и стратегическому планированию педагогической профилактики асоциального поведения несовершеннолетних.

3. Аксиологический подход позволяет нацелить педагогическую профилактику на формирование у несовершеннолетних ценностных установок (цель профилактики — ценностные установки на просоциальное поведение), которые создают внутренний поведенческий регулятор, уменьшая при этом уровень зависимости от внешних запретов.

4. Аксиологический подход усиливает выявленные принципы педагогической профилактики асоциального поведения несовершеннолетних благодаря ее ценностным основаниям, сосредоточенным в ней нравственным идеям.

Перспективным направлением исследования становится разработка системы профилактики асоциального поведения несовершеннолетних на основе аксиологического подхода.

Аксиологический подход, лежащий в основе профилактики асоциального поведения, способствует формированию ценностных установок на учение, труд, дружбу, семью, здоровый образ жизни, гражданственность и патриотизм, что заполняет экзистенциальный вакуум, происходит обретение смысла жизни несовершеннолетними, соответственно снижения уровня их вовлечения в криминальные субкультуры, деструктивные сообщества и зависимого поведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беличева С. А. Основы превентивной психологии. М. : Ред.-изд. центр консорциума «Социальное здоровье России», 1994. 221 с.
2. Белинская А. Б. Диагностика и социально-педагогическое сопровождение акцентуированных подростков // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2011. № 4. С. 49—69.
3. Горохова И. В., Безкровная И. В. Смысложизненные ориентации как фактор профилактики делинквентного поведения в подростковом возрасте // Педагогическое образование и наука. 2018. № 1. С. 137—141.
4. Ерофеева М. А., Клейберг Ю. А. Позиционирование семьи: девиантологическое обоснование конструкта // Актуальные проблемы преподавания в начальной школе : Киришские чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Саратов : Саратовский источник, 2016. С. 126—134.
5. Кудин В. А., Гутман М. Ю. Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних: исторический опыт правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4(72). С. 14—30.
6. Ульянова И. В., Свиарева О. В. Особенности педагогического сопровождения обучающихся в контексте различных педагогических подходов // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 4. URL: <https://science-education.ru/article/view?id=20857> (дата обращения: 20.12.2025).
7. Чечикова И. В. Отклоняющееся поведение подростка, как условие постановки на учет в ПДН // Международный журнал психологии и педагогики служебной деятельности. 2020. № 3. С. 138—142.
8. Мардахаев Л. В. Педагогическое мастерство социального педагога, его сущность и содержание // ЦИТИСЭ. 2020. № 2(24). С. 58—70. DOI: 10.15350/2409-7616.2020.2.06.
9. Шакурова М. В. Социальное партнерство как приоритетная форма взаимодействия школы и семьи в отечественной системе образования // Современное детство: психолого-педагогическая поддержка семьи и развитие образования : материалы I Всерос. науч.-практ. конф. М. : Ин-т изучения детства, семьи и воспитания Рос. акад. образования, 2018. Т. 1. С. 103—111.
10. Узнадзе Д. Н. Психология установки. СПб. : Питер, 2001. 416 с.
11. Складенко И. С., Чечикова И. В. Педагогическое сопровождение подростков, состоящих на учете в полиции // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 2. С. 156—164. DOI: 10.24412/2658-638X-2022-2-156-164.
12. Гирфанова Л. П., Хабибова Н. Е. Профилактика девиантного поведения: аксиологический подход // Ценностные приоритеты образования в XXI веке: Образование как социокультурный феномен. Художественно-эстетическое образование и воспитание в XXI веке : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Луганск : Книта, 2022. С. 99—104.
13. Москвина Е. В. Ценностные основания профилактики неконструктивного рискованного поведения подростков // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 4. С. 395—401. DOI: 10.30853/ped20250048.
14. Никандров Н. Д. Проблема ценностей в российском обществе и цели воспитания // Школа. 1999. № 4. С. 6—9.
15. Ганжа А. О. К истории создания работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» // Социологические исследования. 2007. № 7(279). С. 115—121.

REFERENCES

1. Belicheva S. A. Fundamentals of preventive psychology. Moscow, “Sotsial’noe zdorov’e Rossii” Consortium publ., 1994. 224 p. (In Russ.)
2. Belinskaya A. B. Diagnostics and socio-pedagogical support of accentuated adolescents. *Vestnik psikhosotsial’noi i korrektsionno-reabilitatsionnoi raboty*. 2011;4:49—69. (In Russ.)
3. Gorokhova I. V., Bezkravnaya I. V. Life-like orientations as a factor in preventing delinquent behavior in adolescence. *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka = Pedagogical education and science*. 2018;1:137—141. (In Russ.)
4. Erofeeva M. A., Kleiberg Y. A. Parent position: deviantological justification construct. *Aktual’nye problemy prepodavaniya v nachal’noi shkole = Actual problems of teaching in primary school. Kiryushkin Readings. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference*. Saratov, Saratovskii istochnik, 2016:126—134. (In Russ.)
5. Kudin V. A., Gutman M. Yu. Prevention of neglect and juvenile crime: the historical experience of legal regulation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of the Saint-Petersburg university of the MIA of Russia*. 2016;4(72):14—30. (In Russ.)
6. Ulyanova I. V., Svyntseva O. V. The essence of pedagogical support of students in the context of different pedagogical. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2015;4. (In Russ.) URL: <https://science-education.ru/article/view?id=20857> (accessed: 20.12.2025).
7. Chechikova I. V. Deviant behavior of a teenager as a condition for registration in the PDN [sic!]. *Mezhdunarodnyi zhurnal psikhologii i pedagogiki sluzhebnoi deyatel’nosti = International Journal Psychology and Pedagogics in Official Activity*. 2020;3:138—142. (In Russ.)
8. Mardakhaev L. Pedagogical skill of social teacher, its essence and content. *CITISE*. 2020;2(24):58—70. (In Russ.) DOI: 10.15350/2409-7616.2020.2.06.
9. Shakurova M. V. Social partnership as a priority form of interaction between school and family in the domestic education system. *Sovremennoe detstvo: psikhologo-pedagogicheskaya podderzhka sem’i i razvitie obrazovaniya = Modern childhood: psychological and pedagogical support for the family and the development of education. Proceedings of the 1st All-Russian scientific and practical conference*. Moscow, Institute of Study of Childhood, Family and Education of the Russian Academy of Education publ., 2018;1:103—111. (In Russ.)
10. Uznadze D. N. Psychology of attitude. Saint Petersburg, Piter, 2001. 416 p. (In Russ.)
11. Sklyarenko I. S., Chechikova I. V. Pedagogical support of teenagers registered with the police. *Psikhologiya i pedagogika sluzhebnoi deyatel’nosti = Psychology and pedagogics in official activity*. 2022;2:156—164. (In Russ.) DOI: 10.24412/2658-638X-2022-2-156-164.
12. Girfanova L. P., Khabibova N. E. Prevention of deviant behavior: an axiological approach. *Tsennostnye priority obrazovaniya v XXI veke: Obrazovanie kak sotsiokul’turnyi fenomen. Khudozhestvenno-esteticheskoe obrazovanie i vospitanie v XXI veke = Value priorities of education in the 21st century: Education as a socio-cultural phenomenon. Artistic and aesthetic education and upbringing in the 21st century. Materials of the International scientific and practical conference*. Lugansk, Knita, 2022:99—104. (In Russ.)
13. Moskvina E. V. Value foundations of preventing non-constructive risk-taking behavior in adolescents. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. 2025;10(4):395—401. (In Russ.) DOI: 10.30853/ped20250048.
14. Nikandrov N. D. The problem of values in Russian society and the goals of education. *Shkola*. 1999;4:6—9. (In Russ.)
15. Ganzha A. O. On the history of Thomas/Znanietsky’s “Polish peasant in Europe and America”. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological studies*. 2007;7(279):115—121. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 06.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 19.01.2026; approved after reviewing 06.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья

УДК 811:34

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1575

Ekaterina Sergeevna Kolesnik

Senior Lecturer of the Department of General Humanitarian
and Socio-Economic Disciplines,
Crimean Law Institution (branch)
of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Simferopol, Russian Federation
ekaterinakolesnik258@gmail.com

Anastasia Vitalyevna Bezrodnaya

2nd year student of the Law Faculty,
field of training
40.05.04 — Judicial and Prosecutor's Activity,
Crimean Law Institution (branch)
of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation
Simferopol, Russian Federation
nastya.bezrodnaya.07@bk.ru

Екатерина Сергеевна Колесник

старший преподаватель кафедры общегуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации
Симферополь, Российская Федерация
ekaterinakolesnik258@gmail.com

Анастасия Витальевна Безродная

студент II курса юридического факультета,
направление подготовки
40.05.04 — Судебная и прокурорская деятельность,
Крымский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации
Симферополь, Российская Федерация
nastya.bezrodnaya.07@bk.ru

ПРИМЕНЕНИЕ ИГРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В условиях глобализации юридической практики возрастает потребность в специалистах, владеющих профессиональной межкультурной коммуникацией. Цель представленного в статье исследования заключается в теоретическом обосновании и практической апробации системы игровых технологий, направленных на повышение эффективности обучения иностранному языку студентов юридических специальностей. Научная новизна исследования состоит в конкретизации понятия «игровые технологии в юридическом иноязычном образовании» и в разработке и экспериментальной проверке эффективности иноязычных профессионально ориентированных игр, которые применяются в ходе практических занятий по иностранному языку у будущих прокурорских работников. В статье подтверждается, что применение гибких форм обучения позволяет адаптировать методику под различные профили права и уровни подготовки. Внедрение игровых форм обучения повышает мотивацию и вовлеченность студентов, способствует прочному усвоению юридической лексики и концепций на иностранном языке, развивает коммуникативные навыки, аргументацию и командную работу, улучшает способность

применять правовые нормы в межкультурном контексте. Авторы приходят к выводу, что разработанный комплекс профессионально ориентированных игр способствует преодолению трудностей у студентов, с которыми они сталкиваются в ходе изучения иностранного языка, повышению уровня иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции, внутренней мотивации и эффективному усвоению профессионального материала. Значительное внимание в работе уделяется практическому применению результатов: предложенный комплекс профессионально ориентированных игр может быть непосредственно внедрен в образовательный процесс юридических вузов, использован при разработке учебных изданий, методических рекомендаций, а также в системе повышения квалификации преподавателей иностранного языка в сфере юриспруденции.

Ключевые слова: игровые технологии, иностранный язык, юриспруденция, образовательный процесс, высшая школа, профессиональная коммуникативная компетенция, мотивация студентов, преодоление трудностей при изучении иностранного языка, юридический английский, иноязычная подготовка юристов

Для цитирования: Колесник Е. С., Безродная А. В. Применение игровых технологий на занятиях по иностранному языку в сфере юриспруденции в высшей школе // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 551—556. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1575.

Original article

USE OF GAME-BASED TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES IN JURISPRUDENCE HIGHER EDUCATION

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. In the context of the globalization of legal practice, there is an increasing demand for specialists proficient in professional intercultural communication. The aim of this study is to

theoretically substantiate and practically test a system of gaming technologies designed to enhance the effectiveness of foreign language education for students in legal disciplines. The scientific

novelty lies in specifying the concept of game-based technologies in legal foreign language education and in the development and experimental verification of the effectiveness of foreign language professionally-oriented games used during practical foreign language classes for future prosecutors. The article confirms that the application of flexible teaching methods allows for the adaptation of techniques to various areas of law and levels of preparedness. The introduction of game-based forms of education enhances student motivation and engagement, facilitates the solid acquisition of legal vocabulary and concepts in a foreign language, develops communication skills, argumentation, and teamwork, and improves the ability to apply legal norms in an intercultural context. The authors conclude that the developed set of professionally-oriented games helps students overcome difficulties in learn-

ing a foreign language, enhances their level of foreign language professional communicative competence, internal motivation, and effective mastery of professional material. Considerable attention in this work is given to the practical application of the results: the proposed set of professionally-oriented games can be directly integrated into the educational process of law universities, used in the development of educational publications, methodological recommendations, and in the system of professional development for foreign language instructors in the field of jurisprudence.

Keywords: *game-based technologies, foreign language, jurisprudence, educational process, higher education, professional communicative competence, student's motivation, overcoming difficulties in learning a foreign language, legal English, foreign language training for lawyers*

For citation: Kolesnik E. S., Bezrodnaya A. V. Use of game-based technologies in teaching foreign languages in jurisprudence higher education. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):551—556. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1575.

Введение

Современная система высшего образования ставит перед преподавателями иностранного языка в профессиональной сфере задачи не только в усвоении лексики и грамматики, но и в формировании иноязычных практико-ориентированных компетенций. В условиях глобализации юридической практики растет спрос на специалистов, обладающих умением осуществлять профессиональную межкультурную коммуникацию. Соответственно, **актуальность** темы обусловлена потребностью рынка труда в юридически грамотных специалистах и необходимостью активизации учебного процесса за счет вовлечения студентов в практико-ориентированную деятельность.

Изученность проблемы. В профессионально ориентированном обучении важна мотивация и осознание обучающимися важности профессионального иноязычного общения для будущей профессиональной деятельности.

Анализ современных научных работ демонстрирует, что Е. А. Курченкова [1] рассматривает особенности мотивации студентов университета к изучению иностранного языка и факторы, которые ее определяют. Автор выделяет внутреннюю и внешнюю мотивацию, а также предлагает методы, которые могут способствовать развитию положительной мотивации. Потенциал игровых технологий как средство повышения мотивации студентов к изучению иностранного языка в вузе исследовал Н. У. Амирхажи-ев [2] и пришел к выводу, что при проектировании игровых упражнений необходимо обеспечивать их направленность на комплексную активизацию познавательных, коммуникативных и личностных мотивов студентов.

Вопросы компетентного подхода в системе высшего образования, а также интерактивные формы обучения, в частности проектно-ориентированные технологии, нашли свое отражение в работах А. А. Сиротовой [3], П. В. Самылова [4], О. А. Шередекиной [5]

В своих исследованиях отечественные (С. В. Кудряшова [6], А. Ш. Габдуллина и А. В. Рубцова [7], Н. Иванова [8]) и зарубежные исследователи (П. Кабрера-Солано [9], К. М. Л. Де ла Круз, О. В. Т. Гебера, С. Дж. Н. Копайя [10]), выявляя подходы реализации игровых технологий и анализируя их эффективность, эмпирически доказали положительные результаты применения геймификации в процессе обучения студентов иностранному языку.

Однако вопрос адаптации игровых технологий к юридическому курсу (разработка игр для конкретных направлений подготовки) в современной компетентностной парадигме высшего образования требует систематизации.

Целесообразность разработки темы обусловлена необходимостью перехода от пассивного накопления лексического запаса к формированию устойчивых профессионально-коммуникативных компетенций. Игровой метод является одним из способов моделирования квазипрофессиональной деятельности учебно-воспитательного процесса, что отвечает требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и практической апробации системы игровых упражнений и симуляций, направленных на повышение эффективности обучения иностранному языку студентов юридических специальностей.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие исследовательские **задачи**: изучить теоретико-методологические основы применения игровых технологий в обучении иностранным языкам; проанализировать специфику учебных потребностей студентов-юристов в изучении английского языка; разработать комплекс игровых упражнений, направленных на развитие профессиональных компетенций будущих юристов; экспериментально проверить эффективность предложенных игровых технологий.

Методологию исследования составили теоретический (анализ научных трудов отечественных и зарубежных исследователей, методы обобщения, статистический и понятийный анализ) и эмпирический (включенное наблюдение, статистический метод обработки данных) методы.

Научная новизна исследования заключается в конкретизации понятия «игровые технологии в юридическом иноязычном образовании» как системно организованном наборе педагогических методов и цифровых/нецифровых игровых форм обучения, направленных на формирование и развитие профессионально-юридической языковой компетенции учащихся в процессе освоения иностранного языка и в разработке и апробации иноязычных профессионально ориентированных игр, которые применяются в учебной деятельности студентов, обучающихся по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность».

Теоретическая значимость. Результаты исследования расширяют научно-методические представления о реализации интерактивного подхода для студентов неязыковых специальностей в высшей школе. Теоретически обоснован синтез лингвистического и правового компонентов в рамках игрового моделирования, что вносит вклад в теорию и методику профессионального образования.

Практическая значимость. Разработанный комплекс игровых заданий возможно непосредственно внедрить в учебный процесс юридических вузов. Материалы исследования могут быть использованы при составлении рабочих программ, учебных пособий и методических указаний по иностранному языку для студентов-юристов, а также на курсах повышения квалификации преподавателей.

Основная часть

Современное образование в сфере юриспруденции требует не только глубокого понимания правовых норм и принципов, но и владения иностранными языками, которые становятся неотъемлемым инструментом профессиональной деятельности востребованного юриста. В условиях глобализации и усиления международного сотрудничества, юристы все чаще сталкиваются с необходимостью работы с международными правовыми документами, взаимодействия с зарубежными коллегами, а также участия в международных мероприятиях. В связи с этим владение иностранным языком в сфере юриспруденции приобретает особую значимость, становясь важным компонентом профессиональной подготовки будущих юристов [11].

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции в сфере юриспруденции, обеспечивающей готовность будущих специалистов к эффективному профессиональному взаимодействию на международной арене, является основной целью изучения иностранного языка юристами.

Образовательные цели курса иностранного языка для юристов концентрируются вокруг трех основных компонентов. Первый компонент — лексический — заключается в построении устойчивого запаса профессиональной терминологии. Второй, коммуникативный, направлен на отработку речевых умений, необходимых в практической юридической деятельности. Третий, аналитический, компонент фокусируется на формировании навыков работы с оригинальными правовыми текстами, требующими комплексного применения знаний языка и права [8].

Ключевым вызовом в образовательном процессе, по нашему мнению, служит вопрос учебной мотивации. Традиционные методы обучения часто не обеспечивают достаточного уровня вовлеченности и психологической готовности к иноязычному общению.

Со студентами Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, обучающимися по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность», было проведено анкетирование, составленное на основе теста-опросника Т. Д. Дубовицкой «Выявление направленности и уровня развития внутренней мотивации учебной деятельности обучающихся» [1]. Согласно его результатам (см. табл.), подавляющее количество студентов имеет средний или совсем низкий уровень мотивации учебной деятельности по изучению иностранного языка. Соответственно, большинство студентов заинтересовано в изучении иностранного языка, в приобретении важных профессиональных компетенций, которые помогут им в дальнейшем успешно осуществлять служебную деятельность.

Уровни развития внутренней мотивации учебной деятельности респондентов (N = 52)

Вид мотивации	Уровень	Значение	
		N	%
Внутренняя	Высокий	20	38,5
	Средний	17	32,7
	Всего	37	71,2
Внешняя	Средний	8	15,4
	Низкий	7	13,4
	Всего	15	28,8

Также существует ряд трудностей, с которыми сталкиваются обучающиеся при изучении иностранного языка в сфере юриспруденции, их можно разделить на три вида:

- лингвистические трудности;
- психологические трудности;
- организационные и методические проблемы.

К лингвистическим трудностям мы можем отнести сложную терминологию. В юридическом английском языке достаточно много узкоспециализированных терминов, которые не имеют прямого аналога в русском языке. В эту же группу трудностей относятся сложные грамматические конструкции, которые могут быть непривычны для студентов; отличия значений терминов в общем языке и в правовом контексте.

К психологическим трудностям можно отнести страх обучающегося допустить ошибку в устной и письменной речи; недостаточный уровень мотивации.

И, наконец, организационные и методические проблемы — они могут включать в себя трудности моделирования реальных профессиональных ситуаций в аудитории. К таким трудностям относятся разный уровень владения языком и юридических знаний обучающихся [12].

Именно игровые технологии позволяют повысить уровень внутренней мотивации и снизить показатель внешней мотивации среди студентов, преодолеть вышеперечисленные трудности и трансформировать учебный процесс, создавая условия для интеграционных процессов, среди которых особое значение приобретает взаимосвязь профессиональной и иноязычной подготовки.

Дидактический потенциал игровых методик многогранен. Прежде всего, они моделируют условия, приближенные к реальным профессиональным сценариям, позволяя будущим юристам апробировать теоретические знания [13]. Так, деловые игры, воссоздающие судебные заседания или общение с клиентами, выступление в качестве обвинителя, способствуют отработке навыков спонтанной речи и построения убедительной аргументации. Помимо этого, подобные форматы неизбежно требуют активного диалога между участниками, тем самым совершенствуя их коммуникативную компетенцию. Наконец, игровая составляющая помогает снять психологический барьер и снизить тревожность, что крайне важно при усвоении сложной терминологии и синтаксических конструкций правового поля [6].

Таким образом, внедрение игровых элементов продиктовано запросом на развитие ключевых профессиональных качеств: командного взаимодействия, творческого подхода к решению задач и оперативности в принятии решений. Эти компетенции приобретают все большую значимость в современной юридической отрасли, где успех определяется не только блестящей эрудицией, но и высоким уровнем социального интеллекта [9].

Согласно педагогическому толковому словарю, игра — это вид деятельности в условных ситуациях, ориентированный на воспроизведение и усвоение накопленного опыта, фиксированного в социально закреплённых способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры.

Немаловажно то, что данная форма деятельности направлена, в нашем случае, на усвоение лексического и грамматического материала, преодоление психологических барьеров через создание безопасной и мотивирующей среды, лингвистических сложностей через контекстуальное и осмысленное использование языка, решение организационно-методических задач через моделирование реальной практики, гибкость и формирование комплексных профессиональных компетенций. Именно поэтому очень важно применять на практических занятиях игровые технологии [10]. Под «игровой технологией» понимается совокупность методологических приемов, организационных форм и технических средств, используемых для активизации познавательной активности учащихся посредством игрового моделирования реальных ситуаций профессиональной деятельности. Также необходимо дать определение понятию «игровые технологии в юридическом иноязычном образовании» как системно организованный набор педагогических методов и цифровых/нецифровых игровых форм обучения, направленных на формирование и развитие профессионально-юридической языковой компетенции учащихся в процессе освоения иностранного языка.

Внедрение таких элементов, как головоломки, тематические квесты, профессионально-ориентированные игры вовлекают студентов в учебный процесс, снижают стресс и страх перед ошибками, позволяют смоделировать реальные жизненные ситуации и преодолевать барьеры в общении, развивать навыки коммуникации [14].

Обучающие игры можно разделить на две группы: языковые (фонетические, лексические, грамматические, орфографические) и коммуникативные (ролевые, творческие) [7].

Рассмотрим некоторые иноязычные профессионально ориентированные игры, внедрённые в учебный процесс в ходе изучения дисциплины «Иностранный язык» по специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность»:

- настольная игра «Судебная монополия»;
- кроссворд «Преступления и преступники»;
- интерактивная игра “The Legal Game” («Правовая игра»);
- квест по станциям «Государственное устройство Российской Федерации, Великобритании и США»;
- викторина «Ложные друзья переводчика в юридическом английском языке»;
- анализ юридических кейсов (*Case Studies*);
- ролевая игра «Расследование преступления».

Настольная игра «Судебная монополия» была разработана на основе известной экономической игры «Монополия» и позволяет обучающимся закрепить знания, полученные о судебных системах Российской Федерации, Англии и США, а также развить логическое мышление в решении юридических вопросов. На игральном поле располагаются вместо названий улиц (предприятий, магазинов) суды, относящиеся к судебным системам вышеперечисленных стран. Попадая на определенный суд,

игрок(и) вытягивают карточку с его названием, где им предлагается ответить на вопрос о функциях суда, категориях дел, которые они рассматривают и т. д. Карточки «Шанс» содержат задания с переводом слов/предложений, игру «Объясни понятие».

Кроссворд «Преступление и наказание» представляет собой интерактивное лексическое упражнение, направленное на закрепление тематической лексики, совершенствование навыков перевода в игровой форме.

Интерактивная игра “The Legal Game” представляет собой презентацию с гиперссылками, при нажатии на которые, студенты видят вопросы того или иного уровня. Командам предлагаются задания трех уровней сложности по четырем темам. Студенты делятся на две команды и по очереди выбирают тему и количество очков. Первый уровень представляет собой перевод лексических единиц, на втором уровне студентам необходимо дать развернутые ответы на вопросы о содержании изученных источников права; третий уровень содержит предложения, которые необходимо перевести с русского языка на английский.

Квест по станциям «Государственное устройство Российской Федерации, Великобритании и США» разработан с целью повторения материала по вышеуказанной теме и совершенствования всех видов речевой деятельности. Перед прохождением станций, студенты делятся на две команды, выбирают капитана и определяются с названием.

Студентам необходимо пройти пять станций: «Факты», «Сопоставь и опиши», «Правда или ложь», «Аудирование», «Объясни». Рассмотрим задания каждой станции:

1. **Станция «Факты»:** в конверте лежат картинки, связанные с культурой, политикой Российской Федерации, США и Великобритании. Задача студентов — правильно распределить картинки в соответствии со странами и на английском описать их письменно или устно.

2. **Станция «Сопоставь и опиши»:** студентам понадобятся листы А4, клей и карточки с названием государственных учреждений и ветвей власти. Капитаны выбирают конверты с заданием: из карточек необходимо составить схему государственного устройства двух стран (США или Великобритании и Российской Федерации), описать органы, которые осуществляют законодательную, исполнительную и судебную власти.

3. **Станция «Правда или ложь»:** участникам раздаются карточки, на которых указано десять утверждений о ветвях власти, о государственном устройстве, партиях и источниках права. Задача студентов — определить, верны ли эти утверждения и исправить неверные.

4. **Станция «Аудирование»:** участники дважды прослушивают аудиозапись по теме и выполняют предложенные задания (клоуз-тест, ответы на вопросы, выявление ошибок в представленной расшифровке текста).

5. **Станция «Объясни»:** один участник от команды должен выбрать карточку со словом или словосочетанием на английском языке и показать его при помощи мимики, жестов и движений. Команды называют понятие на английском.

Викторина «Ложные друзья переводчика в юридическом английском» является отличным инструментом для изучения/повторения слов в английском языке, которые имеют двойное значение [4]. В целом изучение «ложных друзей переводчика» формирует у обучающихся профессиональную языковую осторожность. Рассмотрим несколько примеров:

Слово	General English	Legal English
fine	хорошо	штраф
custody	забота, присмотр	опека над детьми; содержание под стражей
party	вечеринка	сторона
breach	брешь (например, в стене)	нарушение (условий договора)
settlement	поселение	урегулирование спора, мировое соглашение

Если обучающийся не распознаёт эти различия, он может исказить смысл переведенного текста или предложения, приняв правовой термин за бытовое слово.

Анализ юридических кейсов на английском языке (Case Studies). Данная игра объединяет разбор реальных или моделируемых правовых ситуаций из уголовного или гражданского права с коммуникативной практикой на иностранном языке. Студентам необходимо изучить материалы кейса, дать правовую оценку и определить наказание за совершенные деяния. В некоторых случаях студентам может быть предложено по материалам кейса подготовить защиту и письменные заключения на английском, по итогам которых выбирается победившая сторона и дается версия решения на языке оригинала [5].

В процессе *ролевой игры «Расследование преступления»* студентам, работая в парах или небольших группах, необходимо представить, что в доме, где проходит вечеринка, совершено преступление, и их задача — собрать о нем информацию, разыграв интервью с помощью следующих фраз:

Policemen (possible questions)	Witnesses (possible answers)
What were you doing last night?	It was dark, cloudy and raining.
What the weather was like?	Talking, dancing, taking photos and eating.
Did you notice something interesting that night?	I was talking to my colleagues and some new acquaintances.
What was the time?	Loud voices and screams from outside.
What were you and your friend wearing?	I saw two men running through the garden when a ladder fell in the next house.
Where were you at 11 pm?	There were a lot of snacks and cocktails.
What did you eat and drink at the party?	I was wearing my red dress and my friend was wearing a T-shirt and jeans.
What did you see when you heard the noise?	It was about 10-11 pm.

Полицейские и свидетели могут задавать дополнительные вопросы и сообщать новую информацию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Курченкова Е. А. Внутренняя и внешняя мотивация к изучению иностранного языка у студентов неязыковых направлений обучения университета // *Artium Magister*. 2024. Т. 24. № 2. С. 14—18.
2. Амирхажиев Н. У., Усманов Т. И. Игровые технологии как средство повышения мотивации студентов к изучению иностранных языков в вузе // *Управление образованием*. 2024. № 5-1. С. 67—75. DOI: 10.25726/k8718-6400-6878-i.
3. Сиротова А. А. Формирование интегрированной предметно-языковой компетентности обучающихся образовательных организаций высшего образования (на примере неязыковых направлений подготовки) : дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2021. 204 с.
4. Самылов П. В. Развитие профессиональных компетенций и интерактивная образовательная технология // *Человеческий капитал*. 2012. № 9(45). С. 94—99.
5. Шередекина О. А. Формирование прагматической компетенции у студентов юридических направлений подготовки на основе кейс-технологии (английский язык) : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2024. 234 с.
6. Кудряшова С. В. Использование игр при обучении юридическому иностранному языку // *Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации : материалы докл. XIII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Саратов : Саратовский источник, 2021. С. 277—282.

Данная игра развивает навыки профессиональной коммуникации, критическое мышление и аналитические способности. Студентам необходимо выстраивать логические цепочки, анализировать имеющиеся факты и выдвигать версии, что полностью соответствует междисциплинарному подходу изучения иностранного языка [15].

Выводы

Применение игровых технологий на занятиях по иностранному языку для юристов — это перспективное направление, которое повышает качество обучения и готовит студентов к реальным профессиональным вызовам. Соответственно, должны быть созданы педагогические условия для применения игровых технологий в рамках формирования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции.

Анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей позволил сформулировать понятие «игровые технологии в юридическом иноязычном образовании» как системно организованный набор педагогических методов и цифровых/нецифровых игровых форм обучения, направленных на формирование и развитие профессионально-юридической языковой компетенции учащихся в процессе освоения иностранного языка.

Была проанализирована специфика учебных потребностей студентов-юристов в изучении английского языка и в соответствии с ними был разработан и экспериментально проверен комплекс профессионально ориентированных игр для студентов специальности 40.05.04 «Судебная и прокурорская деятельность».

Полученные результаты исследования в ходе анкетирования среди студентов, мониторинга оценивания их успеваемости, мотивации, позволяют сделать вывод об эффективности применения разработанных игр. Интеграция игровых технологий в учебный процесс в сочетании с традиционными методами позволяет создать интерактивную образовательную среду, способствующую преодолению основных трудностей студентов (сложность изучения терминологии, психологический барьер и недостаток мотивации), развитию критического мышления, языковой и профессиональной компетентности будущих специалистов, умения аргументировать и работать в команде [3].

Дальнейшие исследования в данной сфере могут быть направлены на разработку специализированных игровых модулей для различных отраслей права и анализ их долгосрочной эффективности.

7. Габдуллина А. Ш., Рубцова А. В. Геймификация в контексте современного иноязычного обучения студентов-бакалавров в высших школах // *Современные наукоемкие технологии*. 2023. № 11 С. 98—103. DOI: 10.17513/snt.39827.
8. Ivanova N. Role Play Technology In The Future Lawyers' Professional Training // *Man, Society, Communication : Selected, peer reviewed papers from the International Scientific and Practical Conference*. European Publisher, 2021. Pp. 146—153. (European Proceedings of Social and Behavioural Sciences; vol. 108). DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.18.
9. Cabrera-Solano P. Game-Based Learning in Higher Education: The Pedagogical Effect of Genially Games in English as a Foreign Language Instruction // *International Journal of Educational Methodology*. 2022. Vol. 8. Iss. 4. Pp. 719—729. DOI: 10.12973/ijem.8.4.719.
10. De La Cruz K. M. L., Gebera O. W. T., Copaja S. J. N. Application of Gamification in Higher Education in the Teaching of English as a Foreign Language // *Perspectives and Trends in Education and Technology : Selected Papers from ICITED 2021* / eds. A. Mesquita, A. Abreu, J. V. Carvalho. Singapore : Springer, 2022. Pp. 323—341. (Smart Innovation, Systems and Technologies; vol. 256). DOI: 10.1007/978-981-16-5063-5_27.
11. Агошкова А. В., Чикилева Л. С., Агальцова Д. В. Иностранные языки в высшей школе: новая реальность : моногр. / под науч. ред. М. В. Мельничук, О. А. Калугиной. М. : Прометей, 2022. 368 с.
12. Колесник Е. С. Учебные трудности различной сложности в овладении английским языком студентами неязыковых специальностей // *Педагогическое искусство*. 2025. № 1. С. 55—59.
13. Гузикова В. В., Походзей Г. В. Обучение английскому юридическому языку в свете инновационных интерактивных технологий в неязыковом вузе // *Педагогическое образование в России*. 2024. № 6. С. 191—201.
14. Буравлев И. А. Инновационные методы преподавания английского языка специального назначения в техническом вузе // *Национальная ассоциация ученых*. 2021. № 63. Ч. 4. С. 21—23.
15. Козлова М. Н. К вопросу об использовании ролевой игры при обучении профессиональной коммуникации на иностранном языке студентов юридического факультета // *Мир науки, культуры, образования*. 2023. № 3(100). С. 257—259. DOI: 10.24412/1991-5497-2023-3100-257-259.

REFERENCES

1. Kurchenkova E. A. Internal and external motivation for studying a foreign language in non-linguistic students of university. *Artium Magister*. 2024;24(2):14—18. (In Russ.)
2. Amirkhazhiev N. U., Usmanov T. I. Gaming technologies as a means of increasing students' motivation to study foreign languages at the university. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2024; 5-1:67—75. (In Russ.) DOI: 10.25726/k8718-6400-6878-i.
3. Sirotova A. A. Formation of integrated subject-language competence of university students (on the example of non-linguistic areas of training). Diss. of the Cand. of Pedagogy. Saratov, 2021. 204 p. (In Russ.)
4. Samylov P. V. Development of professional competencies and interactive educational technology. *Chelovecheskii capital = Human capital*. 2012;9(45):94—99. (In Russ.)
5. Sheredekina O. A. Formation of pragmatic competence among law students based on case technology (English). Diss. of the Cand. of Pedagogy. Saint Petersburg, 2024. 234 p. (In Russ.)
6. Kudryashova S. V. Use of games in teaching legal foreign language. *Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii = Foreign languages in the context of intercultural communication. Proceedings of the XIII All-Russian scientific and practical conference with international participation*. Saratov, Saratovskii istochnik, 2021:277—282. (In Russ.)
7. Gabdullina A. Sh., Rubtsova A. V. Gamification in the context of modern foreign languages education of bachelor students at universities. *Sovremennye naukoemkie tekhnologii = Modern high technologies*. 2023;11:98—103. (In Russ.) DOI: 10.17513/snt.39827.
8. Ivanova N. Role Play Technology In The Future Lawyers' Professional Training. *Man, Society, Communication. Selected, peer reviewed papers from the International Scientific and Practical Conference*. European Proceedings of Social and Behavioural Sciences; vol. 108. European Publisher, 2021:146—153. DOI: 10.15405/epsbs.2021.05.02.18.
9. Cabrera-Solano P. Game-Based Learning in Higher Education: The Pedagogical Effect of Genially Games in English as a Foreign Language Instruction. *International Journal of Educational Methodology*. 2022;8(4):719—729. DOI: 10.12973/ijem.8.4.719.
10. De La Cruz K. M. L., Gebera O. W. T., Copaja S. J. N. Application of Gamification in Higher Education in the Teaching of English as a Foreign Language. *Perspectives and Trends in Education and Technology. Selected Papers from ICITED 2021*. A. Mesquita, A. Abreu, J. V. Carvalho (eds.). Smart Innovation, Systems and Technologies; vol. 256. Singapore, Springer, 2022:323—341. DOI: 10.1007/978-981-16-5063-5_27.
11. Agoshkova A. V., Chikileva L. S., Agal'tsova D. V. Foreign languages in higher education: a new reality. Monograph. M. V. Mel' nichuk, O. A. Kalugina (eds.). Moscow, Prometei, 2022. 368 p. (In Russ.)
12. Kolesnik E. S. Learning difficulties of varying complexity in mastering English by students of non-linguistic specialties. *Pedagogicheskoe iskustvo*. 2025;1:55—59. (In Russ.)
13. Guzikova V. V., Pokhodzey G. V. Teaching English legal language in the light of innovative interactive technologies in a non-linguistic university. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Pedagogical education in Russia*. 2024;6:191—201. (In Russ.)
14. Buravlev I. Innovative methods of teaching English for specialized purposes at the technical university. *Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh*. 2021;63-4:21—23. (In Russ.)
15. Kozlova M. N. On the issue of role playing in teaching professional foreign language at law faculty. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2023;3(100):257—259. (In Russ.) DOI: 10.24412/1991-5497-2023-3100-257-259.

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 24.02.2026.
The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 24.02.2026.

Научная статья
УДК 371
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1555

Natalia Nikolaevna Kostikova
Director,
School of Contemporary Arts,
Moscow, Russian Federation;
Applicant at the Institute of Pedagogy,
Scientific specialty
5.8.1 — General pedagogy,
history of pedagogy and education,
St. Petersburg University
Saint Petersburg, Russian Federation
verbena44@mail.ru

Наталья Николаевна Костикова
директор,
АНО «Школа актуального искусств»
Москва, Российская Федерация;
соискатель Института педагогики,
научная специальность
5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
verbena44@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, выявляющие несоответствие целей и содержания образовательных программ учреждений предпрофессионального художественного образования запросам современного общества. Работа над этим несоответствием позволила вскрыть ряд важных нивелиров, маскирующих проблемные места в системе художественного образования. Например, по общепринятым убеждениям, школы искусств развивают творческие способности, однако в рамках исследования было установлено, что это не совсем так.

В работе приведены результаты диагностики состояния начального и среднего художественного образования, выявлены ключевые и связующие элементы системы, влияющие на развитие и актуальность художественного образования России. С опорой на полученные результаты исследования, представлена разработка практических мероприятий по совершенствованию системы художественного образования в контексте его приведения в состояние, удовлетворяющее актуальные личностные и общественные запросы.

Методологической основой исследования служат, в первую очередь, труды о развитии творческих способностей А. А. Мелика-Пашиева, теория художественного воспитания А. В. Бакушинского, учение Л. С. Выготского

о развитии творчества и воображения, а также фундаментальное исследование А. А. Аузана о культурной основе российской экономики и ее специфике.

Методической базой исследования стал документальный анализ данных и исследований по теме художественного образования и креативной экономике, экспертный опрос и глубинное интервью директоров российских художественных школ. В качестве экспертов выступили директор и руководители ведущих художественных школ Москвы (МАХУ, МЦХШ при РАХ, Детская школа искусств им. А. Д. Кившенко), Санкт-Петербурга (Художественный лицей им. Иогансона), Нижнего Новгорода (ДХШ № 1), Красноярск (Художественная школа им. Поздеева), Ивана (Центральная ДХШ, Ивановское художественное училище, Юрьевская школа искусств), Луганск (Детская художественная школа).

Ключевые слова: художественное образование, творческие способности, развитие креативности, креативная экономика, креативные индустрии, образование школьников, изобразительное искусство, изобразительное творчество, кадры для креативных индустрий, творческий продукт, система художественного образования, цифровизация

Для цитирования: Костикова Н. Н. Художественное образование школьников через призму развития креативности // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 557—566. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1555.

Original article

ART EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN THROUGH THE PRISM OF CREATIVITY DEVELOPMENT

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. The article presents the results of a study that reveals the discrepancy between the goals and content of educational programs in pre-professional art education institutions and the needs of modern society. Addressing this discrepancy helped reveal several key factors that conceal issues within the art education system. For example, it is commonly believed that art schools develop creative abilities. However, the study has shown that this is not entirely true.

The paper presents the results of diagnostics of the state of primary and secondary art education, identifies the key and connecting elements of the system that influence the development and relevance of art education in Russia. Based on the research results obtained, the development of practical measures to improve the art education system in the context of bringing it into a state that satisfies current personal and social needs is presented.

The methodological basis of the research is, first of all, the works on the development of creative abilities by A. A. Melik-Pashaev, the theory of artistic education by A. V. Bakushinsky, the teachings of L. S. Vygotsky on the development of creativity and imagination, as well as A. A. Auzan's fundamental research on the cultural basis of the Russian economy and its specifics.

The methodological basis of this study was a documentary analysis of data and research on the topic of art education and the creative economy, an expert survey and an in-depth interview with directors of Russian art schools. The experts were the directors and heads of the leading art schools

in Moscow (Moscow Academic Art College, Moscow Central Art School under the Russian Academy of Arts, Children's Art School named after A. D. Kishenko), Saint Petersburg (Art Lyceum named after Johanson), Nizhny Novgorod (Art School No. 1), Krasnoyarsk (Art School named after Pozdeev), Ivanovo (Central Art School, Ivanovo Art College, Yurevets School of Art), Lugansk (Children's Art School).

Keywords: *art education, creativity, creativity development, creative economy, creative industries, education of schoolchildren, fine arts, fine art, personnel for creative industries, creative product, art education system, digitalization*

For citation: Kostikova N. N. Art education of schoolchildren through the prism of creativity development. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):557—566. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1555.

Введение

Актуальность. Нерешенность вопроса о трансформации и модернизации системы художественного образования, болезненные дискуссии о которой ведутся в профессиональных кругах последние несколько лет, диктует необходимость сведения в единое поле разных подходов и точек зрения по этой проблеме. Вместе с тем отсутствие единого, утвержденного на законодательном уровне определения термина «художественное образование» задает довольно широкую область изучения. В зависимости от подхода, термин «художественное образование» может включать в себя как традиционные институты трехступенчатой системы, так и явления, выходящие за ее пределы, например, систему подготовки кадров для креативных индустрий и развитие творческих способностей школьников.

Отсутствие в современной системе образования ориентации на запросы развивающихся сфер общественной деятельности в купе с непроработанностью вопроса социальной защиты выпускников художественных учреждений заставляет многих ярких молодых художников выбирать местом своей реализации другие страны, что приводит к существенной утечке творческих кадров [1, с. 5].

После выхода в 2000-х гг. первых переведенных книг американских авторов: «Креативная экономика» Джона Хокинса и «Креативный класс» Ричарда Флориды — в России массово заговорили об понятиях «креативная экономика» и «креативные индустрии», наметилась устойчивая тенденция возрастающего спроса на творческие, креативные навыки. Креативные индустрии с каждым годом отвоевывают всё большее пространство у традиционного промышленного производства. Эра индустриализации замещается эрой креативных индустрий, массовой разработкой и выводом на рынок новых креативных продуктов.

Интенсивное развитие видов экономической деятельности, требующих креативности, обуславливает потребность в творческих кадрах. Традиционно считается, что творческие навыки развиваются в школах искусств, прежде всего в художественных школах и на занятиях изобразительным творчеством. Однако, проведенное нами исследование художественных школ России (Москва, Санкт-Петербург, Красноярск, Иваново, Нижний Новгород) показывает, что это далеко не так. Современные художественные школы не развивают креативность, а занимаются лишь наращиванием художественного мастерства. Что же касается подлинного творчества и креативности, то, вопреки всеобщему ожиданию, в силу ряда факторов, рассмотренных нами в исследовании, эти навыки в художественных школах России не воспитываются.

Изученность проблемы. Фактически все исследования, посвященные анализу состояния современного художественного образования, фиксируют противоречия между традицией и современностью, несоответствие художественного образования запросам времени и общества (см.: [2—5] и др.), однако каждый по-разному смотрит на методы решения этого вопроса и подходит к выбору объекта исследования.

Не актуализированные связи художественного образования с вопросами социально-экономического развития страны привели к проблеме обесценивающего отношения общества и властей к данной сфере. Разные аспекты этого вопроса рассматриваются в работах Н. Ф. Ломовой [1], И. А. Королевой [2], А. О. Гетманенко [4], А. А. Мелик-Пашаева [6].

В то же время проведенное Мэй Цитун сравнительное исследование художественного образования в России и Китае показывает, что недостаток творческого мышления и воображения у выпускников художественных учреждений — серьезная проблема для инновационного развития страны [7].

Вопросы раскрытия творческого потенциала и развитие креативности учащихся через занятие искусством изучаются отечественным профессиональным сообществом довольно широко и имеют свою историю [6; 8—10]. Условия развития творческой личности в системе отечественного образования рассматриваются в работах М. С. Бережной [11], Л. Ю. Кругловой [12], В. А. Кудрань [13], Б. А. Кутузова [14], Я. А. Пономарева [15], Б. М. Кедрова [16], А. М. Матюшкина [17]. Развитие креативности через проектную деятельность школ искусств изучают в своих трудах А. Ю. Кривцова и Н. Ю. Перевышина [18], Н. Г. и М. Ю. Мерзаловы [19; 20], Н. И. Натус [21].

Методологическую основу исследования составили работы отечественных ученых, в которых поднимается проблема содержательного наполнения терминов «творчество», «творческие способности» и «художественное творчество», а именно: Л. С. Выготского [22], А. В. Бакушинского [23], А. А. Мелик-Пашаева [8].

Разные аспекты подготовки художественных кадров для креативной экономики рассмотрены в работах А. А. Аузана [24], Е. В. Зеленцовой и Н. В. Гладких [25], В. С. Лузана [26].

Целесообразность разработки темы. Данному исследованию предшествовало два совершенно разных события, значимость каждого из которых для дальнейшей работы нам представляется крайне высокой.

Первое: в 2020 г. автор статьи обратился в одну из ведущих школ Москвы с запросом на методики, которые развивают творческое мышление. Каково же было удивление автора, когда один из ведущих педагогов и экспертов школы, не разобравшись, кто к кому пришел за творчеством, с восторгом вскрикнул: «Да, нам очень нужно развитие креативности! Учащиеся совершенно не умеют думать вне образцов и шаблонов!»

Второе: спустя некоторое время после первого события, автору исследования посчастливилось познакомиться с многолетней фундаментальной работой декана и профессора экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова А. А. Аузана, результаты которой изложены в книге «Культурный код экономики» и свидетельствуют о колоссальном влиянии культурных факторов на экономический рост, а также аргументируют важность развития креативности в России. Анализируя сильные и слабые стороны российской экономики в исторической перспективе, Аузан отмечает, что в силу культурных особенностей россиянам слабо удается массовое производство, но хорошо — уникальные, штучные вещи, сервис, креативная экономика [24, с. 57].

Очевидно совпадение национальных склонностей с общемировым трендом на креативную экономику, о котором уже довольно много написано иностранными (Д. Хезмондаш, Ж. Дюмазье) и отечественными учеными (Е. В. Зеленцов, Н. В. Гладких, В. С. Лузаном и др.). Это обуславливает значимость воспитания и культивирование креативных, творческих навыков, развитие которых традиционно возлагается на школы искусств и учреждения художественного образования. Однако, проведенное нами исследование показало, что мало кто из современных художественных школ ставит своей генеральной задачей развитие креативности, творческого мышления и авторской позиции у учащихся. Более того, даже те, кто изначально ставил перед своим учебным заведением именно такую задачу, впоследствии вынуждены были от нее отказаться, в силу полного отсутствия профессиональных кадров, способных работать в этом направлении.

Более детальный анализ полученной нами информации дал довольно ясную и понятную картину состояния младшей и средней ступени художественной школы, исторически сложившихся причин ее индифферентности к креативности, перспектив и, в большей степени ограничений, приведших к кризису существующей системы, несмотря на сохранность высокого уровня художественного мастерства.

Цель исследования заключается в представлении обоснованной системы мероприятий по модернизации системы начального и среднего художественного образования, удовлетворяющее актуальные личностные, общественные и общегосударственные запросы на креативное мышление и творческие компетенции.

Задачи исследования:

- диагностировать состояние начального и среднего художественного образования и выявить ключевые, а также связующие элементы, влияющие на его развитие и актуальность;

- обосновать значимость развития креативных навыков и творческого мышления в рамках начального и среднего образования в области искусства;

- уточнить понятие «творческие способности», обратить внимание на последствия смешения и подмены содержания термина изобразительными навыками и художественным мастерством;

- с опорой на полученные результаты исследования, разработать систему практических мер по совершенствованию системы художественного образования, учитывающую растущий запрос на развитие креативности и творческого мышления.

Научная новизна исследования заключается в выявлении зон развития и обосновании вектора модернизации системы художественного образования, движение по которому принесет наиболее значимые результаты как для самой системы, так и для социально-экономического самочувствия всей страны.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в выявлении деструктивных явлений и барьеров, стоящих на пути развития начального и среднего художественного образования; уточнении и детализации такого ключевого для художественного образования понятия как творческие способности, содержание которого было сознательно или неосознанно упрощено, редуцировано до определений, отражающих мастерство художника.

Практическая значимость исследования состоит в разработке мер по совершенствованию системы художественного образования начальной и средней ступени в контексте мировых и отечественных тенденций социально-экономического развития общества и творческой личности, в частности.

Основная часть

Методы и материалы исследования. В ноябре—декабре 2025 г. Институтом педагогики Санкт-Петербургского государственного университета было проведено 10 экспертных интервью с лидерами и экспертами современного художественного образования. В качестве экспертов выступили директор и руководители ведущих художественных школ Москвы (Московское академическое художественное училище, Московская центральная художественная школа при Российской академии художеств, Детская школа искусств им. А. Д. Кившенко), Санкт-Петербурга (Художественный лицей им. Иогансона), Нижнего Новгорода (Детская художественная школа № 1), Красноярска (Художественная школа им. Поздеева), Иванова (Центральная детская художественная школа, Ивановское художественное училище, Юрьевская школа искусств), Луганска (Детская художественная школа).

Последующая обработка полученных данных проводилась в несколько этапов:

1. Оцифровка ответов и сведение их в общую таблицу *Excel*.
2. Проведение качественного контент-анализа, выявление общих тем, категорий, паттернов и уникальных кейсов.
3. Визуализация и количественная оценка данных.
4. Интерпретация, выдвижение гипотез для последующего более глубокого изучения.
5. Формулирование выводов и рекомендаций.

Основная группа респондентов (40 %) оказалась в возрасте 45—55 лет, 30 % — 60—70 лет, 2 чел. (20 %) — в возрасте 30—40 лет, один директор школы — до 30 лет. 60 % опрошенных оказались женского пола, 40 % — мужского. Если же брать в расчет только высшую административную должность директора и не учитывать руководителей подразделений, то распределение получится в пропорции 50/50: по четверо и мужчин, и женщин.

Любопытна и достойна внимания, на наш взгляд, корреляция ответов в зависимости от численности населения городов, в которых расположена школа. Оказалось,

что самый глубокий критический анализ проведен в региональных центрах, численность населения в которых превышает миллион человек, но не добирает до столичных показателей. Так, в Нижнем Новгороде (1 198 245 жителей) и Красноярске (1 256 204 жителей) директора школ представили самую развернутую аналитическую картину, в которой не только дали ответ на проблемные вопросы, но и отразили причины кризисных явлений, а также потенциальные направления их решения. И, напротив, почти нулевой уровень критики в малом городе Юрьевце Ивановской области с населением менее 7 тыс. жите-

лей (рис. 1). В этом городе директор Детской школы искусств оказался единственным из опрошенных респондентов, который считает, что с художественным образованием в нашей стране всё хорошо и уровень навыков выпускников художественных школ и вузов довольно высок. Вероятно, это отражает представление директора провинциальной школы о горизонте дальнейшего развития художественных навыков, который для малого города представляется вполне достаточным. Для таких школ поступление в столичный художественный вуз представляется заветной, достойной и достаточной целью.

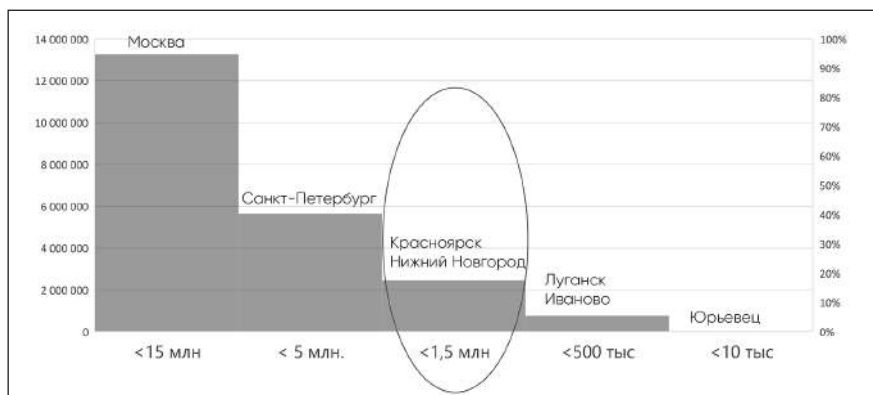

Рис. 1. Распределение респондентов по локациям детской художественной школы и численности населения

Важно отметить, что все вопросы в экспертном интервью носили открытый характер и не предполагали готовых вариантов ответа. Каждый респондент отвечал так, как понял вопрос и как последний отозвался через призму его профессионального и личного опыта.

Результаты исследования и их обсуждение. Основная проблема, которую отметили почти все опрошенные эксперты — упадок интереса к художественному образованию и общее падение уровня художественной подготовки обучающихся. 90 % опрошенных согласились, что ситуация с художественным образованием в России требует решения/улучшения/выхода из кризиса. Общая картина ответов этой группы выглядит приблизительно так: «Есть проблемы, но фундаментальное академическое образование, по-прежнему у руля»; «Если в вузах подготовка профессиональных художников поставлена хорошо, то на уровне школ и училищ всё очень плохо: нет стабильного процесса, но есть методическая разрозненность и разорганованность»; «Конечно, классическая методика обучения важна и нужна, она является основой и фундаментом для приобретения знаний, умений и навыков, даже для тех, кто в будущем собирается работать только в цифровом формате».

При этом 30 % опрошенных не видят реальной стратегии, благодаря которой художественное образование можно вывести из кризиса. 20 % считают, что ситуация разрешится посредством технологизации образовательного процесса, введения в программу освоения учащимися цифровых и технологических навыков, в т. ч. 3D, VR (AR), искусственный интеллект (далее — ИИ) с функциями генерации изображений. 20 % респондентов из городов-миллионников (Нижний Новгород и Красноярск) считают, что системе художественного образования необходима кардинальная перестройка. При этом вектора перестройки эксперты отметили разные. Так, директор Детской художественной школы № 1 г. Нижнего Новгорода Владимир Григорьевич Колесников из наиболее серьезных ошибок, требующих обязательного исправления, называет следующие:

1. Ограничения по возрасту для художественного образования на законодательном уровне. По закону, возраст для поступления в художественную школу 10—12 лет. Если ребенок на 1—2 года опоздал, он уже не может учиться на программе художественной школы. На законодательном уровне семиклассник уже не может поступить в художественную школу. Но в 10 лет в профессиональном направлении учить его еще рано, невозможно. Для академического художественного образования самый золотой возраст 6—7 класс (12—14 лет). Кроме того, совершенно игнорируется тот факт, что развитие идет у всех по-разному, не линейно. Талант и стремление к изобразительному творчеству может проявиться не к 10—12 годам, а несколько позже.

2. Почти полностью разрушена система взаимодействия общего и художественного образования. Два направления не участвуют в усилении друг друга, скорее, напротив. Уроки музыки и ИЗО в школе находятся на крайне низком уровне. ИЗО преподают не выпускники художественных вузов и училищ, а кто придется.

3. Образовательная политика современного общества, руководствуясь исключительно прагматическими задачами и упрощая процессы для сокращения издержек, к сожалению, ведет скорее к утрате творческих способностей.

4. К свободе творчества учащийся художественной школы подходит лишь на высшей ступени. Средняя и начальная ступень предполагают освоение художественной грамотности и оттачивание изобразительных навыков.

Руководитель «Новой художественной школы им. Андрея Поздеева» г. Красноярска Светлана Валерьевна Тетерина разделяет мнение эксперта из Нижнего Новгорода о системных ошибках в художественном образовании, которые мешают развитию творческой самобытности и самостоятельности учащихся, но вектор решения проблемы видит в другом направлении.

Старая академическая система, считает С. В. Тетерина, уже не привлекательна для широкой аудитории. «У большинства из тех, кто в нее попадает она виртуозно отбивает желание брать в руки кисть после завершения обучения. А из тех, кто в ней остался, она готовит исключительно ремесленников, идеально владеющих техникой, но совершенно не готовых к диалогу с актуальным художественным контекстом. Между школой и реальным миром современного искусства возникает пропасть, которую выпускникам приходится преодолевать самостоятельно, часто ценой большого стресса и разочарования».

Описывая основные организационные ошибки, эксперт из Красноярска выделяет следующие:

1. Многолетние программы (5 и более лет) очень затянуты, для большинства задач художественного образования такое количество часов избыточно, учащиеся теряют интерес к обучению. Требуется либо сокращение длительности большинства программ, либо введение в образовательный процесс новых техник, материалов и инструментов.

2. Отдельная проблема — критерии оценки успешности художественных школ. Экзамены в художественные вузы задают программу подготовки в художественной школе. Школа завязаны именно на них, на поступление в вуз. Но для того, чтобы поступить в вуз не обязательно быть творческим и талантливым. Достаточно быть усердным и точно знать, какая система оценивания в вузе, и ей соответствовать.

3. Дефицит кадров, способных успешно решать творческие художественные задачи и обучать этому учащихся. Субъектность в художественном образовании — явление совершенно непривычное и непроявленное, между тем без этой качественной характеристики не может быть и речи о создании образовательной среды, способствующей раскрытию и развитию творческих способностей.

Дефицит квалифицированных кадров и площадок их подготовки сегодня так серьезен, что заставляет менять стратегию и тактику развития школы. Художественная школа им. Поздеева в Красноярске попробовала главной задачей поставить творческую самостоятельность и субъектность, но столкнулась с полным отсутствием в городе педагогов, способных решать эту задачу. В результате администраторы школы были вынуждены откатывать на более привычный уровень цели ближайшего развития, а идею творческой самостоятельности просто удерживать как ориентир на дальнюю перспективу. Печальный опыт Красноярской художественной школы с выпускниками педагогических вузов заставил их отказаться от педагогов вовсе. Сегодня в школе им. Поздеева работают художники-практики, закончившие высшие художественные учреждения. Глубинное интервью с экспертами показало, что это распространенное явление, а значит, и тревожный звонок для педагогического сообщества, указывающий на явные проблемы в подготовке кадров преподавания изобразительного искусства и профессиональное несоответствие выпускников графических факультетов педагогических вузов запросам и ожиданиям основных акторов художественного образования. Что именно не так в системе подготовки кадров для преподавания дисциплины ИЗО еще предстоит выяснить путем многовекторных исследований.

То, что существующая образовательная система ведет скорее к утрате творческих способностей — проблема не столь очевидная для большинства экспертов, но наиболее болезненная для тех, кто ее выделил. Только двое из де-

сяти экспертов видят эту проблему. Основная причина такой близорукости, на наш взгляд, связана с путаницей в понятии «творческие способности», под которыми в художественных школах понимается, как правило мастерство, ремесленничество. Кроме того, директора школ, глубоко погруженные в операционные вопросы, зачастую не имеют возможности вырваться из узкого поля видения, ограниченного сложившейся системой и посмотреть на систему и процессы со стороны. Площадок, на которых управленцы художественного образования могли бы обсуждать фундаментальные, смысловые и верхнеуровневые процессы в сфере художественного образования на сегодняшний день нет, поэтому каждое учреждение движется, как правило, по инерции и в ситуации «слабой видимости».

О разнотечии в понимании и наполнении термина «творческие способности» говорит и тот факт, что почти половина экспертов (40 %) считает именно их развитие главной задачей художественного образования. При этом «готовить к жизни в мире, где креативность и инновации становятся всё более важными» как педагогическую задачу выделило только 20 % экспертов (рис. 2). Очевидно, требуется ревизия терминологического аппарата педагогики искусства и уточнение понятий, разработка и утверждение общего для всех педагогов ИЗО глоссария и толкового словаря терминов.

Рис. 2. Представления респондентов о том, какие педагогические задачи решает образование в области изобразительного искусства

Отсутствие в повестке художественных школ фокуса на развитие креативности и творчества в смысле привнесения чего-то принципиально нового, говорит оценка экспертами идеи синтеза искусств. Известно, что развитие креативности и истинного новаторства предполагает образовательную среду с широким полем возможностей. Реализация в художественной школе концепции синтеза искусств способна такую среду предоставить, причем эффективнее других методов. Но только 30 % респондентов рассматривают синтез искусств как ресурс для художественной школы (рис. 3). 40 % экспертов считают, что синтез искусств не нужен, он отвлекает от занятий чистым изобразительным искусством и приводит к дилетантству. Оставшиеся 30 % респондентов по этой же причине относятся к синтезу искусств с осторожностью. Вот, например, одна из распространенных точек зрения: «Чаше всего результаты этого синтеза неожиданны и непредсказуемы, что не подходит профессиональному обучению, где есть четкие цели и задачи, ожидаемый результат. Если обучение изобразительному искусству носит общеразвивающий характер (хобби, арт-терапия и т. д.) — тогда синтез искусств имеет смысл, если профессиональный — нет».

Рис. 3. Отношение респондентов к идее синтеза искусств как принципа, применение которого даст лучшие результаты обучения в художественной школе

Однако нельзя не брать во внимание наличие/отсутствие и качество такого опыта у художественных школ. И здесь возможны разные варианты, которые требуют более глубокого изучения при следующих исследованиях: полное отсутствие такого опыта и его боязнь, наличие негативного опыта, наличие неудачного и нерепрезентативного опыта и т. д. Нельзя не брать во внимание, что и сам термин синтез искусств может подразумевать разное наполнение и формы реализации. Так или иначе, само обнаружение лакун и зон, требующих изучения, в очередной раз ставит вопрос о нехватке исследований в области обучения изобразительным искусствам и критическом дефиците внимания к этой области на сегодняшний день.

Абсолютное большинство экспертов (60 %) считают главной педагогической задачей художественной школы — «развитие гармонично развитой личности, способной выражать свой внутренний мир посредством изобразительного искусства и быть востребованной миром». Такая размытая формулировка, с одной стороны, позволяет выразить многоаспектность педагогического воздействия, с другой стороны, позволяет завуалировать за ней обычные уроки ИЗО. Очевидно, что раскрытие этого вопроса требует также более тщательных последующих исследований.

Несколько неожиданной и удивляющей своим здравым смыслом выглядит формулировка главной педагогической задачи, сформулированная экспертом из Красноярска С. В. Тетериной: «Я бы формулировала главную педагогическую задачу образования в области изобразительного искусства — не подготовить профессионального художника, а вырастить профессионального зрителя через развитие визуального мышления, авторской позиции, воображения, восприятия и наблюдательности, насмотренности, в принципе эстетического сознания». В разных вариациях, но подобного взгляда придерживается 40 % респондентов (рис. 3). При этом, с точки зрения профессиональной подготовки, «студентов важно учить главному: формулировать концепции, работать с современными медиа, понимать законы арт-рынка и кураторские практики», считает директор Красноярской школы. При кодировании и обработке эта формулировка была отнесена к третьей по популярности категории ответов. Остальные ответы на вопрос: «Каковы, на ваш взгляд, главные задачи современного предпрофессионального образования в области изобразительного искусства?» — распределились следующим образом:

1. Научить азам художественной грамотности, общее развитие личности, повышающее ее конкурентность в широком спектре профессий — 40 %.

2. Поиск и раскрытие талантливых детей, их профессиональное самоопределение, а также направление в профессиональное художественное образование — 50 %.

3. Воспитать человека, который способен к оригинальному творческому мышлению и самовыражению, эстетически и культурно эрудирован, активен в культурной и художественной жизни — 40 %.

4. Возвращение в практику работы школ классического академического, основанного на реалистических методах обучения, подходах к организации учебного процесса — 10 %.

На вопрос: «Какие формы художественного образования являются самыми эффективными сегодня?» — эксперты продемонстрировали приверженность старой академической системе. 80 % руководителей художественных школ считают самыми эффективными академическую базу и исключительно очные формы обучения в малых группах, когда есть непосредственный контакт преподавателя с учеником и достаточно времени на индивидуальный подход.

Подходы Баухаус и классической школы, преломленные через новые технологии; цифровое искусство, новые медиа, иммерсивные и интерактивные форматы, обучение через контекст назвали 20 % экспертов: «Эффективность художественного образования сегодня — это баланс между фундаментальными навыками, актуальными технологиями, развитием авторского голоса и умением существовать в современном культурном контексте. С другой стороны, это баланс между развитием ребенка и ростом профессиональных навыков».

Ответы на данный вопрос, как и на вопрос о формах художественного образования, актуальных в будущем, диагностировали еще одну проблему: скудное, неразвитое представление о формах художественного образования, отсутствие доступных операционных знаний об их возможных вариантах. Иногда этот вопрос вызывал прямое предложение к переформатированию и ответу на другой вопрос: «тут терминология видимо другая должна быть. Возможно, про виды специальностей. Тогда будут актуальны специальности, связанные с цифровой сферой и ИИ...» Это вполне может указывать на отсутствие единого терминологического аппарата и развитой теоретической базы функционирования художественных школ и детских школ искусств, которая могла бы стать основой и инструментарием для эффективной работы педагогического сообщества и управленческих кадров по развитию и усовершенствованию системы художественного образования России.

Относительно ожиданий дальнейших путей развития художественного образования эксперты, в подавляющем большинстве считают, что традиционные академические формы останутся основой системы, при этом будут развиваться формы, связанные с цифровой сферой, иммерсивностью, ИИ, ориентированные на быстрый результат (рис. 4). Как единичные прозвучали мнения об уходящей в прошлое жесткой иерархической системе «мастер-ученик» и радикальной смене положения дополнительного и общего образования. Последнюю сформулировал директор Нижегородской художественной школы В. Г. Колесников, и на ней, в виду особой смелой точки зрения, хочется немного остановиться и процитировать: «Убежден в том, что рано или поздно, общее образование перейдет на место подчиненного, а всё перейдет в систему дополнительного образования. Для этого необходимо сделать несколько серьезных и сложных шагов, а самое главное — распознать, к чему данный ребенок, человек способен и расположен.

Деление на техническое и гуманитарное образование при этом явно недостаточны. Но если мы не научимся это делать, то будет много поломанных судеб. Если человек найдет свое место, это будет счастье не только для него, но и для всей России».

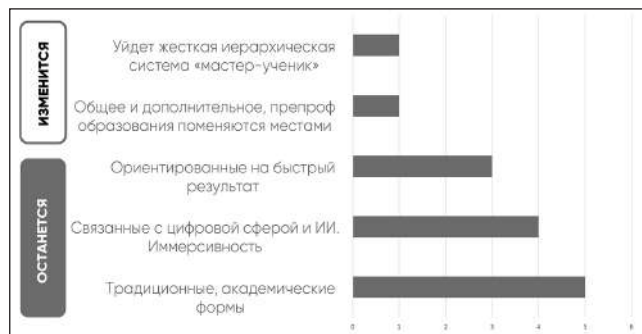

Рис. 4. Оценка респондентами того, какие формы художественного образования будут развиваться в будущем, а какие — уйдут в прошлое

Важным историческим фактором, обуславливающим кризис актуальности традиционного художественного образования, является его безусловная ориентация на станковую живопись. Триумф станковой живописи случился более 400 лет назад благодаря творениям целой плеяды великих мастеров Возрождения. С тех пор многое поменялось. Первый серьезный удар по станковой живописи был нанесен изобретением фотоаппарата, второй — авангардистами и выходом искусства за рамки двухмерного пространства. Последние десятилетия породили в мировом искусстве целый букет направлений пространственного искусства: ленд-арт, паблик-арт, инсталляции, VR, AR, фиджитал-арт и т. д., которые активно осваиваются индустриями, но как показало исследование, они пока не нашли должного отклика в учебных программах художественных учреждений. Причем, чем дальше к периферии, тем хуже выглядит ситуация.

Директор нижегородской художественной школы В. Г. Колесников в ходе глубинного интервью отметил, что исторически в России сложилась трехступенчатая система художественного образования, которая предполагает творчество и свободу проявления лишь на ступени высшей школы. До этого несколько лет учащийся художественной школы должен отрабатывать навыки и нарабатывать мастерство: копировать образцы, изображать гипсовые слепки, натуру, изучать композицию, живопись и рисунок и т. д. Не сложно понять, что вследствие годами отработанного навыка копирования и интерпретации известных образцов к высшей ступени учащийся чаще всего подходит неспособным к авторскому творчеству, потому что творческое и креативное мышление — тоже навык, который требует внимания и наработки.

Выводы

Труды экспертов в области экономики, креативных индустрий говорят о том, что запрос к современному образованию в области изобразительного искусства значительно превосходит потребность в обучении академическому рисованию и включают в себя развитие креативности, творческой самостоятельности; цифровой, технической и технологической грамотности и культурной эрудиции. Вопросы расширения инструментария и подходов к изобразитель-

ному искусству не только как к техническому мастерству, но и как к сложному интеллектуально-мыслительному творчеству становятся критически важными для развития художественного образования и российской экономики. А значит, «реформаторский маятник, заставляющий с устойчивой периодичностью возвращаться к одним и тем же проблемам на качественно новых этапах развития» [5, с. 279] должен остановиться в позиции, отражающей традиции научной школы А. В. Бакушинского, А. А. Мелика-Пашаева, Л. С. Выготского и их последователей. Эта позиция отношения к ребенку как к личности, способной к творческой деятельности в художественных образах на основе эстетического восприятия окружающей действительности [27]. С этой позиции умение и навыки рисования выполняют служебную функцию, а главная «творческая задача», стоящая перед художником, совсем не в том, чтобы воспроизводить объекты как таковые, а в том, чтобы с максимальной силой и полнотой выразить идейно-эмоциональное содержание произведения [8, с. 32]. Таким образом, можно сформулировать определение термина «творческие способности» относительно области изобразительного искусства, как способности выражать в художественных образах идейно-эмоциональное содержание на основе эстетического восприятия окружающей действительности и изобразительных знаний, умений и навыков.

Систематизируя полученные результаты опроса экспертов и анализ научных работ по теме исследования, сформулируем выявленные нами проблемы современной системы художественного образования:

1. Разрыв художественного образования с потребностями общества, рынка, отсутствие взаимосвязи с актуальным художественным контентом, отсутствие знакомства с актуальными трендами.
2. Инертность и крайний консерватизм системы художественного образования.
3. Примитивность существующей системы критериев оценивания деятельности художественных школ. Главный критерий успешности художественной школы — поступление в вуз, но этот единственный принятый в обществе критерий не служит развитию художественной школы, скорее, наоборот, тормозит создание в ней богатой среды, необходимой для воспитания креативности и творческой субъектности.
4. Отсутствие релевантного и утвержденного педагогическим сообществом лингвистического и понятийного аппарата. Требуется уточнение и разведение десятков понятий. Например, что такое творческие способности применительно к изобразительному искусству? Является ли умение рисовать творческой способностью уже само по себе или это только умение, одно из ряда умений? Есть ли разница (и в чем она состоит) между креативностью и творческими способностями и т. д.
5. Жесткие возрастные ограничения для получения художественного образования, закрепленные на законодательном уровне, отрезают возможность обучения и творческой реализации в области изобразительного искусства подростков и людей более старшего возраста.
6. Дефицит актуальных исследований в области обучения изобразительным искусствам и отсутствие внимания к этой области.
7. Отсутствие эффективной системы подготовки и развития профессиональных кадров преподавания изобразительного искусства.

8. Отсутствие платформы/площадки для обмена профессиональным опытом и современной теоретической базы о функционировании художественных школ и детских школ искусств, которая могла бы стать инструментарием для эффективной работы педагогического сообщества и управленческих кадров по развитию и усовершенствованию системы художественного образования России.

Заключение

В результате проведенной работы нам удалось:

1. На основе анализа исследовательских трудов, а также экспертного опроса и глубинного интервью директоров художественных школ выявить корневые, системные проблемы художественного образования начальной и средней ступени, существенным образом влияющие на развитие сферы.

2. Сформулировать определение термина «творческие способности», наиболее полно отражающее его содержание и позволяющее усовершенствовать образовательный процесс в художественных школах и детских школах искусств за счет нового фокуса внимания. Новая педагогическая оптика подразумевает развитие творческих способностей как процесс развертывание трех ипостасей, в которых выступает учащийся во время образовательного процесса в художественной школе:

- 1) зрителя — ориентация на восприятие;
- 2) исполнителя — ориентация на овладение техникой исполнения;
- 3) творца — приоритет творческого компонента (как в смысле создания нового, так и индивидуальной исполнительской интерпретации произведений) [4, с. 153].

Причем первая (зритель) и вторая (исполнитель) являются служебными, обслуживающими третью (творца).

3. Разработать систему мер, направленную на модернизацию существующей системы художественного образования России с целью удовлетворения запроса государства и общества на развитие креативности и творческих компетенций, а именно:

- Проработать и пересобрать смысловую, миссионерскую основу художественного образования, включить в нее ценности новаций, творческого поиска, широкой культурной эрудиции и национальных изобразительных традиций. По отношению к искусству необходимо перейти от позиции как «искусно сделанного» (требующему наращивание исключительно изобразительных навыков) к пониманию искусства как эстетически выраженного содержания, где «искусно сделанный» будет лишь средством, но не самоцелью. С таким подходом раскрывается более широкое поле педагогического воздействия, образовательного и воспитательного ресурса. Ожидаем также, что эта мера позволит сдвинуть отношение общественности к художественному образованию от статуса необязательного к важному, незаменимому ресурсу роста личностного и общественного социально-экономического.

- Развивать теоретическую и исследовательскую базу художественных школ и детских школ искусств. Запуск широкого спектра исследований эффективности тех или иных форм развития креативности в детской школе искусств: разработка обширной системы сбора и анализа данных.

- Разрабатывать параллельно основательным, многолетним, более короткие форматы программ-специалитетов: элективы, погружения, наставничество, практику в учреждениях креативных индустрий и др.

- Более тесно взаимодействовать с бизнесом, индустриями, вузами, а не только с учреждениями Министерства культуры. Необходимо создавать богатую развивающую среду не только за счет расширения художественных приемов и практик, но и за счет развития сети партнеров и стейкхолдеров.

- Смело, интенсивно и повсеместно вводить в инструментарий художественных школ цифровые инструменты, в т. ч. с *VR, AR, XR*, ИИ и иммерсивные технологии. Расширять перечень осваиваемых техник, материалов, инструментов и оборудования.

- Снять возрастные ограничения или поднять возрастной порог для поступления в художественную школу хотя бы до 14—15 лет.

- Пересмотреть систему оценивания художественных навыков, введение в критерии оценки креативности и творческой самостоятельности.

- Расширение представления учащихся художественных школ о широком спектре траекторий развития художественных навыков не только в традиционные виды деятельности художников, но и профессиональную подготовку для креативных индустрий, современных медиа и *art & science* направлений.

- Диверсифицировать подготовку художников: на свободных (изящные искусства), цифровых (медиа- и фиджитал-художников), мастеров для сферы креативных индустрий. И если с первым направлением дело сегодня обстоит более-менее неплохо, то второе и третье направление надо разрабатывать практически с нуля.

- Разработать методику трансфера знаний, умений и навыков, позволяющих осуществлять перенос ЗИНов из сферы художественного образования в индустриальный контекст и в обратном направлении.

- Популяризировать в школах искусств ценности креативности творческой самостоятельности.

- Выявить проблемные места в программе подготовки преподавателей ИЗО в педагогических вузах, приводящие к профессиональной несостоятельности выпускников графических факультетов.

- Нарращивать методическую и методологическую базу педагогики искусства, расширять инструментарий педагогов изобразительного искусства, вводить новые подходы, форматы обучения; создать понятный и безопасный алгоритм введения инициатив и новаций в образовательную деятельность.

- Искать и готовить кадры не только в педагогических вузах и действующих художественных школах, но и в рядах практиков, деятелей из области креативных индустрий, перенимать их подходы и методики, переводить их в педагогический инструментарий и внедрять в систему подготовки педагогических кадров в области художественного образования.

- Создать платформу для подготовки педагогов, владеющими методами и инструментами развития креативности и творческой самостоятельности учащихся, для обмена практиками и опытом между профессиональным сообществом.

Следующим важным этапом исследовательской работы представляется широкий анализ отечественных и зарубежных источников и методических материалов по развитию креативности посредством практик изобразительного творчества, представляющих ценность для педагогической науки с последующим критическим отбором, переработкой, адаптацией и введением в образовательный процесс.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ломова Н. Ф. Художественное образование России: проблемы и тенденции развития в современном мире // Научные труды. 2012. Вып. 22. С. 3—12.
2. Королева И. А. Проблемы подготовки учителей по предметной области «Искусство» в свете реализации концепции художественного образования в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. 2024. Т. 24. Вып. 3. С. 348—352. DOI: 10.18500/1819-7671-2024-24-3-348-352.
3. Петренко С. Д. Современное художественное образование: «актуальные ориентиры» или традиция? // Художественный музей. 2016. № 2(24). URL: <https://www.nsartmuseum.ru/journal/id/159> (дата обращения: 02.12.2025).
4. Гетманенко А. О. Художественное образование как механизм социализации и инкультурации в современной России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 2(883). С. 150—155.
5. Гавриляченко С. А. Очерк истории реформ «академического» художественного образования в России // История художественного образования в России / редкол.: Е. П. Костина, О. А. Пашина, Е. И. Струтинская, А. А. Ушкарев. СПб.: Композитор, 2007. Вып. I—II. С. 240—300.
6. Мелик-Пашаев А. А. О состоянии и возможностях художественного образования. Аналитическая записка // Искусство в школе. 2008. № 1. С. 4—9.
7. Мэй Ц. Общие и специфические направления художественного образования в школах России и Китая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 8-2. С. 41—45.
8. Мелик-Пашаев А. А. Педагогика искусства и творческие способности. М.: Знание, 1981. 96 с.
9. Беккерман П. Б., Давыдова А. А., Беккерман Т. Е. Профессионально-творческий рост учащейся молодежи на занятиях искусством: возможности и необходимость // Наука и Школа. 2019. № 3. С. 195—202.
10. Рогозянский М. Э. О целеполагании и принципах работы научно-творческой лаборатории кафедры экранных искусств и фотомастерства ОГИИК // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 93—96.
11. Бережная М. С. Условия развития творческой личности в образовательной практике // Современные представления о творческом развитии личности в свете гуманистической парадигмы образования: сб. науч. тр. М.: ИХО РАО, 2010. С. 39—63.
12. Круглова Л. Ю. Формирование творческой самостоятельности подростков в учреждениях дополнительного образования детей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 1997. 24 с.
13. Кудрань В. А. Развитие креативности подростков средствами информационных технологий в условиях клубной общности: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2021. 22 с.
14. Кутузов Б. А. Педагогическое стимулирование творческой самореализации старшеклассников: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Смоленск, 2005. 24 с.
15. Творчество в современном мире: человек, общество, технологии: материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Я. А. Пономарева / под общ. ред. Д. В. Ушакова, И. Ю. Владимирова, А. А. Медынцева. М.: Ин-т психологии РАН, 2020. URL: https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_44312497.pdf (дата обращения: 02.12.2025).
16. Кедров Б. М. О творчестве в науке и технике. М.: Молодая гвардия, 1987. 192 с.
17. Матюшкин А. Н. Проблемные ситуации в мышлении и обучении. М.: Педагогика, 1972. 168 с.
18. Кривцова А. Ю., Перевышина Н. Ю. Концепция как проект инновационного развития детской школы искусств // Проектная деятельность как модель образовательного пространства детских школ искусств: материалы межрегион. оч. науч.-практ. конф. Екатеринбург; Новоуральск, 2019. С. 29—39.
19. Мерзлов Н. Г. Реализация целей государственной культурной политики в малых городах с использованием технологий социокультурного менеджмента // Проектная деятельность как модель образовательного пространства детских школ искусств: материалы межрегион. оч. науч.-практ. конф. Екатеринбург; Новоуральск, 2019. С. 40—49.
20. Мерзлова М. Ю. Проектная деятельность как основа модернизации системы дополнительного образования // Проектная деятельность как модель образовательного пространства детских школ искусств: материалы межрегион. оч. науч.-практ. конф. Екатеринбург; Новоуральск, 2019. С. 14—18.
21. Натус Н. И. Формирование проектной культуры студентов-дизайнеров колледжа в условиях модернизации среднего профессионального образования: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Великий Новгород, 2020. 24 с.
22. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. М.: Перспектива, 2020. 125 с.
23. Бакушинский А. В. Художественное творчество и воспитание. М.: Культура и просвещение, 1922. 66 с.
24. Аузан А. А. Культурные коды экономики. Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: АСТ, 2022. 160 с.
25. Зеленцова Е. Гладких Н. Творческие индустрии: теории и практики. М.: T8 RUGRAM, 2022. 210 с.
26. Лузан В. С. Роль профильного образования в сфере культуры и искусства в реализации государственной культурной политики // Концепт. 2016. Т. 15. С. 1011—1015.
27. Фомина Н. Н. Художественно-творческое развитие детей по А. В. Бакушинскому // Изобразительное искусство в школе. 2012. № 5. С. 36—46.

REFERENCES

1. Lomova N. F. Art Education in Russia: Problems and Trends of Development in the Contemporary World. *Nauchnye trudy = Scientific papers*. 2012;22:3—12. (In Russ.)
2. Koroleva I. A. Problems of teacher training in the subject area “Art” in the light of the implementation of the Concept of art education in the Russian Federation. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya = Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2024;24(3):348—352. (In Russ.) DOI: 10.18500/1819-7671-2024-24-3-348-352.

3. Petrenko S. D. Contemporary art education: “current guidelines” or tradition?. *Khudozhestvennyi muzei = The Art Museum magazine*. 2016;2(24). (In Russ.) URL: <https://www.nsartmuseum.ru/journal/id/159> (accessed: 02.12.2025).
4. Getmanenko A. O. Art education as a mechanism of socialization and inculturation in modern Russia. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2024;2(883):150—155. (In Russ.)
5. Gavrilachenko S. A. An essay on the history of the reforms of “academic” art education in Russia. *Istoriya khudozhestvennogo obrazovaniya v Rossii = History of Art education in Russia*. E. P. Kostin, O. A. Pashina, E. I. Strutinskaya, A. A. Ushkarov (eds.). Saint Petersburg, Kompozitor, 2007. Iss. I—II. Pp. 240—300. (In Russ.)
6. Melik-Pashaev A. A. On the state and possibilities of art education. Analytical note. *Iskusstvo v shkole = Art in school*. 2008;1:4—9. (In Russ.)
7. Mei Q. General and specific directions of art education in schools in Russia and China. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki = Modern Science: actual problems of theory and practice. Series “Humanities”*. 2025;8-2:41—45. (In Russ.)
8. Melik-Pashaev A. A. Pedagogy of art and creative abilities. Moscow, Znanie, 1981. 96 p. (In Russ.)
9. Bekkerman P. B., Davydova A. A., Bekkerman T. E. Professional and creative growth of students in art classes: possibilities and the need. *Nauka i Shkola = Science and School*. 2019;3:195—202. (In Russ.)
10. Rogozyansky M. E. Formation of professional and meaning of life reference points of the studying youth means of audio-visual arts in the conditions of scientific and creative laboratory. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta = The Bryansk State University Herald*. 2015;2:93—96. (In Russ.)
11. Berezhnaya M. S. Conditions for the development of a creative personality in educational practice. *Sovremennye predstavleniya o tvorchestvom razvitií lichnosti v svete gumanisticheskoi paradigmy obrazovaniya = Modern ideas about the creative development of personality in the light of the humanistic paradigm of education. Collection of scientific papers*. Moscow, Institute of Art Education of the Russian Academy of Education publ., 2010:39—63. (In Russ.)
12. Kruglova L. Yu. Formation of creative independence in adolescents at additional education institutions for children. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Chelyabinsk, 1997. 24 p. (In Russ.)
13. Kudran' V. A. Development of creativity of teenagers by means of information technologies in conditions of club community. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Saint Petersburg, 2021. 22 p. (In Russ.)
14. Kutuzov B. A. Pedagogical stimulation of creative self-realization of high school students. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Smolensk, 2005. 24 p. (In Russ.)
15. *Tvorchestvo v sovremennom mire: chelovek, obshchestvo, tekhnologii = Creativity in the modern world: man, society, technology. Materials of the All-Russian Scientific Conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of Ya. A. Ponomarev*. D. V. Ushakov, I. Yu. Vladimirov, A. A. Medyntsev (eds.). Moscow, Institute of Psychology of the RAS publ., 2020. (In Russ.) URL: https://lib.ipran.ru/upload/papers/paper_44312497.pdf (accessed: 02.12.2025).
16. Kedrov B. M. On creativity in science and technology. Moscow, Molodaya gvardiya, 1987. 192 p. (In Russ.)
17. Matyushkin A. N. Problematic situations in thinking and learning, Moscow, Pedagogika, 1972. 168 p. (In Russ.)
18. Krivtsova A. Yu., Perevyshina N. Yu. Concept as a project for innovative development of children's school of arts. *Proektnaya deyatel'nost' kak model' obrazovatel'nogo prostranstva detskikh shkol iskusstv = Project activity as a model of the educational space of children's art schools. Materials of the interregional full-time scientific and practical conference*. Ekaterinburg, Novouralsk, 2019:29—39. (In Russ.)
19. Merzlov N. G. Realization of objectives of state cultural policy in small cities using technologies of socio-cultural management. *Proektnaya deyatel'nost' kak model' obrazovatel'nogo prostranstva detskikh shkol iskusstv = Project activity as a model of the educational space of children's art schools. Materials of the interregional full-time scientific and practical conference*. Ekaterinburg, Novouralsk, 2019:40—49. (In Russ.)
20. Merzlova M. Yu. Project activity as the basis for modernization of the system of additional education. *Proektnaya deyatel'nost' kak model' obrazovatel'nogo prostranstva detskikh shkol iskusstv = Project activity as a model of the educational space of children's art schools. Materials of the interregional full-time scientific and practical conference*. Ekaterinburg, Novouralsk, 2019:14—18. (In Russ.)
21. Natus N. I. Formation of the design culture among college design students in the context of modernization of secondary vocational education. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Veliky Novgorod, 2020. 24 p. (In Russ.)
22. Vygotsky L. S. Imagination and creativity in childhood. Moscow, Perspektiva, 2020. 125 p. (In Russ.)
23. Bakushinsky A. V. Artistic creativity and education. Moscow, Kul'tura i prosveshchenie, 1922. 66 p. (In Russ.)
24. Auzan A. A. Cultural codes of economics. How values influence competition, democracy, and the welfare of the people. Moscow, AST, 2022. 160 p. (In Russ.)
25. Zelensova E. Gladkikh N. Creative industries: theories and practices. Moscow, T8 RUGRAM, 2022. 210 p. (In Russ.)
26. Luzan V. S. The role of specialized education in the field of culture and art in the implementation of state cultural policy. *Kontsept = Concept*. 2016;15:1011—1015. (In Russ.)
27. Fomina N. N. Artistic and creative development of children according to A. V. Bakushinsky. *Izobrazitel'noye iskusstvo v shkole = Fine Arts at School*. 2012;5:36—46. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 23.01.2026; одобрена после рецензирования 04.02.2026; принята к публикации 09.02.2026.
The article was submitted 23.01.2026; approved after reviewing 04.02.2026; accepted for publication 09.02.2026.

Научная статья
УДК 372.881.1
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1511

Li Siyao

Postgraduate of the Department of Linguistics
and Foreign Language Teaching Methods,
field of training
5.8.2 — Theory and methodology of training and education
(foreign languages),
State University of Education
Moscow, Russian Federation
1658682962@qq.com

Ли Сяю

аспирант кафедры лингводидактики
и методики обучения иностранным языкам,
направление подготовки
5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания
(иностраннные языки),
Государственный университет просвещения
Москва, Российская Федерация
1658682962@qq.com

ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ С УЧЕТОМ ЯЗЫКОВЫХ И КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ КИТАЯ И РОССИИ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В статье исследуются приемы преподавания современной китайской литературы в российских вузах с учетом лингвистических особенностей и культурных различий между Китаем и Россией. Сначала были проанализированы несколько критериев отбора художественных текстов в качестве учебных материалов. Тексты, подходящие для преподавания чтения китайской литературы, должны соответствовать требованиям доступности, современности и обладать информационным потенциалом, который позволяет проводить их сравнение с русскими текстами. На основе обзора литературы и анализа конкретных примеров из практики обучения выделяются три важнейших приема: перевод культурных особенностей, упрощение текста и межкультурное сравнение. В теоретической части статьи рассматриваются последние достижения российских ученых в области межкультурного образования и преподавания китайского языка, подчеркивается их руководящее значение для понимания китайско-российско-го литературного обмена. В практической части на основе

опытного обучения мы выделили последовательность работы с текстом: введение — интенсивное чтение — обсуждение — результат — оценка, — подходящую для студентов факультета китайского языка лингвистического вуза. Для проверки эффективности последовательности работы с текстом и приемов обучения чтению был организован контрольный педагогический эксперимент, результаты которого оказались положительными. Также представлен пример педагогического кейса на материале чтения произведения Лу Синя «Дневник сумасшедшего». По итогам проделанной работы сделан вывод о том, что данные приемы не только развивают у студентов умения межкультурного понимания текста, но и улучшают их литературно-критические навыки и языковые возможности.

Ключевые слова: китайский язык, китайская литература, художественный текст, обучение китайскому языку, межкультурное обучение, перевод культурных особенностей, упрощение текста, межкультурное сравнение, приемы обучения чтению, чтение на китайском языке

Для цитирования: Ли Сяю. Приемы обучения чтению современной китайской литературы с учетом языковых и культурных различий Китая и России // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 567—573. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1511.

Original article

METHODS OF TEACHING READING MODERN CHINESE LITERATURE, TAKING INTO ACCOUNT THE LINGUISTIC AND CULTURAL DIFFERENCES BETWEEN CHINA AND RUSSIA

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. This article explores the methods of teaching modern Chinese literature in Russian universities, taking into account linguistic features and cultural differences between China and Russia. First, we analyzed several criteria for selecting fiction texts as teaching materials. Texts suitable for teaching reading Chinese literature must meet the requirements of accessibility, modernity and have information potential that allows them to be compared with Russian texts. Based on a literature review and analysis of specific examples from teaching practice, the three most important methods are highlighted: translation of cultural characteristics, text simplification and cross-cultural

comparison. The theoretical part of the article reviews the latest achievements of Russian scientists in the field of intercultural education and teaching Chinese, and emphasizes their guiding significance for understanding Chinese-Russian literary exchange. In the practical part, based on experiential learning, we came up with a sequence of steps while working with the text: introduction — intensive reading — discussion — result — assessment, suitable for students of the Chinese language faculty of a linguistic university. To check the effectiveness of this sequence of working with the text and techniques of teaching reading, we organized a control pedagogical experiment, the results of which were

positive. An example of a pedagogical case based on reading Lu Xin's "Diary of a Madman" is also presented. In the end, we can conclude that these techniques not only develop students' intercultural understanding of the text, but also improve their literary and critical skills and language capabilities.

For citation: Li Siyao. Methods of teaching reading modern Chinese literature, taking into account the linguistic and cultural differences between China and Russia. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* = *Business. Education. Law*. 2026;1(74):567—573. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1511.

Введение

Актуальность. В последние годы образовательные обмены между Китаем и Россией становятся всё более частыми, а обучение китайскому языку в российских вузах демонстрирует тенденцию быстрого развития. Одновременно с этим эффективная интеграция литературного чтения в систему обучения китайскому языку стала важной темой в области межкультурного образования. Из-за лингвистических и культурных особенностей художественного текста российские студенты часто сталкиваются с трудностями в понимании современных китайских литературных произведений. Однако проблема понимания данного текста выходит за рамки его лексической и грамматической сложности и обусловлена глубинными культурными пластами китайского народа, которые существенным образом отличаются от российской культуры [1]. В этой связи разработка эффективных приемов обучения чтению современной китайской литературы с учетом указанных различий приобретает особую актуальность для совершенствования межкультурного образовательного процесса.

Изученность проблемы. Российские ученые традиционно проявляют большой интерес к исследованиям в областях межкультурного обучения китайскому языку и понимания художественного текста как культурного феномена. Так, А. А. Корякина подчеркивает важность декодирования культурных контекстов в межкультурной коммуникации [2]. Многие ученые (Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышева, Ю. Найда, Я. И. Рецкер, А. Д. Швейцер и др.) исследуют проблемы, связанные с переводом художественного текста. Так, Е. Ю. Андреева утверждает, что перевод художественного текста должен быть творческим, направленным на передачу «литературных особенностей оригинала» [3]. А. В. Белова утверждает, что процесс художественного перевода предполагает воспроизведение на языке перевода вторичного текста, который должен оказывать аналогичное оригинальному «художественно-эстетическое воздействие на реципиента» [4]. Поэтому межкультурное обучение должно не только передавать смысл текста, но и интерпретировать встроенные в него культурные метафоры. Многие ученые (А. А. Новоселова, В. А. Маслова, Е. Стоянова, В. Н. Телия, Э. Р. Хамитова, Е. Е. Юрков) изучают культурную коннотацию, лежащую в основе метафоры. А. А. Оганисян сравнивает сходства и различия в использовании метафоры на китайском и русском языках и анализирует лежащие в их основе культурные корни [5]. В. В. Аббасова отметила, что метафоры, возникающие в социокультурной среде, отражают характеристики тех областей деятельности, к которым они относятся, социокультурные метафоры формируют структуру базовых понятий, входящих в мировоззрение людей [6]. В связи с этим Л. В. Павлова и Ю. Л. Вторушина предлага-

Keywords: *Chinese language, Chinese literature, fiction text, teaching Chinese language, cross-cultural learning, translation of cultural characteristics, text simplification, cross-cultural comparison, methods of teaching reading, reading in Chinese*

ют усилить критическое мышление студентов посредством межкультурного сравнения, тем самым помогая им наладить связи между литературой их родного и иностранного языков [7]. В российских исследованиях основной упор делается на «сравнительное исследование» и «обучение лексике, насыщенной культурным контекстом», которые трактуются как основные подходы к развитию у обучающихся способности к межкультурному пониманию текста.

Что касается китайских ученых, то они в основном сосредоточены на разработке учебников и обосновании методик обучения чтению на китайском языке. Ли Мин в основном изучал, как проводить языковое обучение в классах китайского языка с помощью межкультурных методов, и подчеркивает важность таких приемов, как сравнительный анализ и ролевые игры, для формирования межкультурных компетенций у студентов [8]. Ван Вэй сосредоточился на сравнительном анализе нескольких учебников по чтению китайского языка, указал на их недостатки и на этой основе предложил принципы выбора текстов для чтения [9]. Но при этом наблюдается слабое внимание с их стороны к специфике восприятия и понимания художественного текста российскими студентами [8; 9].

Целесообразность разработки темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, китайская литература, являясь важным носителем национальной культуры, содержит в себе множество культурных образцов и смысловых систем, изучение которых необходимо для формирования полноценного межкультурного диалога. Во-вторых, существующие методики обучения чтению китайской литературы часто не учитывают специфику восприятия российских студентов, что снижает эффективность образовательного процесса. В-третьих, развитие приемов обучения, адаптированных к языковым и культурным особенностям обеих стран, способствует повышению интереса студентов к изучению китайского языка и культуры, а также формированию у них устойчивых языковых и межкультурных компетенций. Таким образом, разработка данной темы является необходимой для решения практических задач современного межкультурного образования и совершенствования методики обучения иностранным языкам.

Новизна данной статьи заключается в том, что была разработана эффективная последовательность хода занятия в обучении чтению китайских художественных текстов, в который были включены такие приемы обучения, как перевод культурных особенностей, упрощение текста, межкультурное сравнение, чтобы преподавать художественные тексты более глубоко с межкультурной точки зрения, чтобы помочь студентам понять и интерпретировать тексты путем анализа культурных метафор в тексте и других средств. Эта последовательность работы с текстом была экспериментально проверена и может широко применяться в преподавании чтения художественных текстов на иностранном языке.

Цель настоящего исследования — определить приемы обучения чтению художественного текста, использование которых может улучшить понимание российскими студентами его содержания и развить у них критическое мышление, а также разработать методическую модель обучения с учетом языковых и культурных различий Китая и России.

Основными субъектами исследования являются студенты, изучающие китайский язык в российских вузах; объектом — процесс обучения чтению современной художественной литературы Китая.

Для достижения указанной цели решаются следующие **задачи**:

1. Обосновать инновационные приемы обучения чтению современной китайской литературы с учетом языковых и культурных различий.
2. Разработать методическую модель обучения чтения, включающую последовательность работы с текстом и конкретные упражнения.
3. Проверить эффективность предлагаемых приемов и методической модели посредством педагогического эксперимента.
4. Предложить рекомендации по использованию разработанной методики в практике обучения китайскому языку в российских вузах.

Теоретическое значение проведенного исследования заключается в обогащении теории межкультурного образования и методики обучения иностранным языкам новыми знаниями о взаимодействии языковых и культурных факторов при обучении чтению художественных текстов. Исследование дополняет научные представления о роли культурных различий в образовательном процессе и предлагает новые подходы к формированию методических моделей обучения.

Практическое значение работы связано с предлагаемыми конкретными рекомендациями, упражнениями и методической последовательностью работы с текстом, которые могут быть использованы преподавателями китайского языка в российских вузах. Данные материалы позволяют повысить эффективность обучения чтению современной китайской литературы, улучшить понимание студентами содержания текстов, а также развить у них критическое мышление и способность к межкультурному сравнению. Кроме того, результаты исследования могут быть использованы для разработки новых учебных пособий и программ обучения.

Основная часть

Методологическая база настоящего исследования формируется на системном сочетании теоретических и эмпирических методов, которые обеспечивают научность и объективность исследования, а также доказывают практическую применимость полученных результатов. Выбор данных методов обусловлен спецификой исследования — изучением процесса обучения чтению современной китайской литературы у российских студентов с учетом языковых и культурных различий, что требует как теоретического обоснования, так и практической проверки.

В теоретической части исследования используется метод межкультурного анализа и обзора научной литературы. Межкультурный подход выбран как ключевой, поскольку он позволяет рассматривать литературное чтение не только как языковой процесс, но и как акт межкультурной коммуникации, что соответствует целям исследования — выявлению влияния культурных и языковых различий на понимание текста.

Для практической проверки эффективности разработанных методик были выбраны методы педагогического эксперимента и опытного обучения — данные методы наиболее адекватны исследованию образовательных процессов в реальных условиях. Выбор такого дизайна эксперимента обусловлен необходимостью четкой демонстрации влияния новых методик на качество обучения.

Результаты исследования. Отбор текстов для чтения — это важный шаг на пути к успешному обучению китайскому языку. Отбор китайских художественных текстов должен учитывать три важных критерия: доступность, современность и наличие информации, обеспечивающей возможность их сравнения с русскими текстами.

Критерий доступности означает отбор художественных текстов различной сложности для студентов с разным уровнем владения китайским языком. Например, «Дневник сумасшедшего» Лу Синя с его простой лексикой и небольшим объемом подходит для студентов с уровнем владения языком *HSK4*. При необходимости сложные в языковом отношении или большие по объему тексты могут быть сокращены или адаптированы с учетом реальных читательских способностей и возможностей студента.

Современность подразумевает, что культурный контент текста не должен быть чрезмерно удаленным от современной жизни. Тексты должны позволять студентам приобретать знания об истории Китая, развитии культуры, а также способность понимать через художественный текст социальные и культурные реалии разных эпох. Поэтому при отборе текстов следует обращать внимание на исторический период, в котором происходит действие, поскольку анахроничные культурные элементы могут затруднять студентам понимание текста и снижать их интерес к чтению. В качестве примера можем привести книгу Чи Цзицзяна «Правый берег реки Эргун» («额尔古纳右岸»), которая содержит подробное описание культурных и религиозных верований кочевых народов Северо-Восточного Китая, а также показывает столкновение традиционного образа жизни и современной цивилизации, что делает целесообразным ее выбор для чтения российскими студентами [10]. А такие произведения, как «Пыль осела» («尘埃落定») (автор Алай), хотя и описывают образ жизни этнических меньшинств и имеют сильный культурный подтекст, не должны использоваться в качестве учебных материалов [11]. Это связано с тем, что описанная в них феодальная система тибетского народа кхам представляет собой устаревшую институцию XVIII в., которая уже давно не имеет отношения к современному китайскому обществу. В результате студентам будет сложно понять мировоззрение главного героя и ценности, которые передает текст.

Сопоставление культурных артефактов и явлений как прием обучения также имеет первостепенное значение: если студент затрудняется понять культурные символы в китайских текстах, он должен иметь возможность найти соответствующие русские термины в русских литературных произведениях или русском языке. Сопоставление русских и китайских произведений одного и того же периода позволяет устанавливать общность и различия в социально-историческом контексте и мировоззрении. Например, книгу «Жизнь» Мо Яня можно читать параллельно с романом «Воскресение» Л. Н. Толстого, а «Дневник сумасшедшего» Лу Синя можно сравнить с «Преступлением и наказанием» Ф. М. Достоевского [12; 13].

После отбора текстов преподаватель должен разработать серию учебных заданий, при этом их выполнение рекомендуется проводить в следующей последовательности работы с текстом: введение — интенсивное чтение — обсуждение — результат — оценка. Это обусловлено тем, что литературные произведения не только служат для формирования и совершенствования языковых навыков и речевых умений студентов, но и вносят существенный вклад в их межкультурное образование. Особую роль в этом призван сыграть этап интенсивного чтения, на котором осуществляется анализ развития сюжета текста и творческого замысла автора. На данном этапе у студентов развиваются умения критического понимания читаемого, повышается их уровень иноязычного чтения, расширяется лингвистический и культурный кругозор.

На этапе введения преподаватель может использовать отрывки из фильмов или литературные цитаты для активации культурного контекста. В эпоху искусственного интеллекта в этом могут быть полезны такие цифровые инструменты, как *DeepSeek* и *ChatGPT*. Они позволяют педагогу создавать изображения, аудиовизуальные материалы и другие ресурсы, соответствующие содержанию текстов. Например, в процессе чтения книги «Правый берег реки Эргун» («额尔古纳右岸») целесообразно показывать фотографии и видеоролики живописных пейзажей региона Эргун, с изображением национальной одежды и кухни местных этнических меньшинств, местных шаманских обрядов. Это помогает студенту сформировать у себя базовое культурное понимание текста, облегчая последующий процесс чтения.

На этапе интенсивного чтения преподаватель должен сотрудничать со студентами, чтобы осуществить перевод культурных особенностей и упрощение художественного текста. Перевод культурных особенностей предполагает сравнение и интерпретацию культурных концепций, заложенных в китайских текстах, с аналогичными концепциями в русском языке, что способствует пониманию и принятию студентами особенностей китайской культуры [8]. В тексте также содержатся важные метафоры. Эти ключевые метафоры являются основой для того, чтобы студенты могли понимать и интерпретировать художественный текст, потому что осмысление одной ключевой метафоры обычно способствует пониманию ряда связанных слов и формированию целостного семантического поля.

Например, в «Дневнике сумасшедшего» Лу Синя ключевая метафора — «людоедство» [12]. Она символизирует угнетение народа феодальной системой. Благодаря пониманию этой метафоры студенты легче усваивают связанные с ней такие метафоры, как «кусание», «гиена». Эта метафора не существует изолированно. Она формирует целую лексико-грамматическую сеть, благодаря которой абстрактное понятие «конфуцианская этика» становится понятным и ощутимым для читателя через ряд конкретных, жутких слов, встречаемых в тексте. Поэтому на этапе интенсивного чтения детальный и глубокий анализ ключевых метафор в тексте помогает студентам сформировать более полное и глубокое его понимание.

Упрощение художественного текста подразумевает сохранение текста фундаментального культурного значения при одновременном устранении в нем сложных культурных выражений [14]. Это может способствовать снижению сложности текста путем перевода ряда культурных кодов в простые выражения, а также объяснения терминов с помощью широко используемых фраз.

После интенсивного чтения преподаватель должен направить студентов на обсуждение сюжета, прибегая при этом к сравнительному чтению китайских и русских художественных текстов. В этом случае они имеют возможность оценить различия или сходства в выражениях китайских и русских авторов, а также социально-исторический контекст, лежащий в основе этих выражений. Например, в ходе работы над произведениями «Дневник сумасшедшего» и «Преступление и наказание» предлагается сосредоточиться на сравнении трех ключевых аспектов: 1) чувства вины, которую испытывают герои произведений; 2) техники авторского повествования; 3) путей искупления совершенного преступления.

Так, сравнение чувства вины у героев названных выше книг показывает следующее. Если у героя китайского произведения это чувство возникает не из-за конкретного преступления, а из-за осознания своей роли в большой «людоедской» системе, то у Раскольникова из романа «Преступление и наказание» оно конкретное и физиологическое, возникшее после убийства двух человек. В первом случае анализируемое чувство вины является абстрактным, историческим и коллективным, направленным против всей порочной социальной системы. Во втором — оно проявляется в виде сильного психологического и физиологического стресса, реакции совести на провал «теории сверхчеловека» главного героя.

Сравнение техники повествования показывает, что автор китайского произведения использует фрагментарные, скачущие, символические записи дневника для построения внутреннего мира героя. Например, «прекрасный лунный свет» символизирует пробуждение и свет, «старая книга с записями» — застывшие феодальные устои и историю. Такая техника не преследует логической последовательности, а через наложение образов и ассоциации создает шоковый эффект.

В свою очередь автор романа «Преступление и наказание» использует «диалектический монолог» как средство глубокого анализа внутреннего мира героя. Раскольников переключается между самосомнением («Я знал, что не смогу вынести»), самоопределением («Почему я всё еще мучаю себя?») и гневом на воображаемых обвинителей. Эта техника детально показывает читателю сложное психологическое состояние героя в процессе принятия им важных решений.

Что касается сравнения путей искупления, то они тоже разные. Путь искупления в «Дневнике сумасшедшего» направлен на внешний мир и будущее. Завершение произведения — призыв «Спасите детей...» — это призыв к социальной реформе и освобождению нового поколения от «людоедской» культуры. Искушение здесь социальное и просветительское, его цель — изменение отношений между людьми и создание мира «настоящих людей». Путь искупления Раскольникова внутренний, личный и духовный, достигаемый через раскаяние, страдания и религию [15]. После признания в преступлении он находит утешение в любви Сони и в вере в Бога, как описано в тексте: «Любовь оживила их; в одном сердце скрывались бесконечные источники жизни для другого... Под подушкой его лежало Евангелие — та самая книга, из которой она читала ему о воскрешении Лазаря».

После сопоставительного этапа студентам могут быть предложены различные ролевые игры, литературные переписки и ведение культурных дневников, позволяющих

в свое совокупности на практике применить полученные знания, приобретенные языковые навыки и речевые умения, что в итоге способствует формированию и совершенствованию лингвистических и межкультурных компетенций студентов.

Последним этапом работы с художественным текстом на китайском языке является оценка, включающая в себя тестирование и итоговую оценку понимания учащимися содержания текста. Примерами могут служить межкультурные сравнительные эссе и презентации в классе.

Чтобы подтвердить эффективность хода занятия в последовательности «введение — интенсивное чтение — обсуждение — результат — оценка» и вышеупомянутых приемов обучения чтению китайской литературы нами был проведен эксперимент на факультете китайского языка Государственного университета просвещения. Эксперимент длился три месяца, в общей сложности 36 учебных часов, в течение которых было прочитано десять специально отобранных текстов. Эксперимент включал контрольную и экспериментальную группы. Контрольная группа использовала традиционные методы обучения, а экспериментальная — исследование — результат — оценка — и приемы (перевод культурных особенностей; упрощение текста; межкультурное сравнение) для обучения чтению художественных текстов. В начале и в конце эксперимента были проведены тесты для подтверждения результатов. Эти тесты включали чтение художественного отрывка и ответы на соответствующие вопросы.

Результаты тестирования перед экспериментом показали, что контрольная группа набрала в среднем 80,6 балла, а экспериментальная группа — 60,5 балла, что свидетельствует о более слабом владении китайским языком и недостаточном уровне развития навыков и умений чтения у студентов экспериментальной группы по сравнению с контрольной. Однако после трех месяцев обучения результаты были иные: в контрольной группе студенты достигли среднего балла 81, в экспериментальной — 76. Это свидетельствует о том, что избранные приемы обучения чтению значительно улучшают понимание студентами прочитанного материала. Перевод культурных особенностей и упрощение текста заметно улучшили понимание студентами метафор [16]. А интеграция литературы с кино и телевидением для введения в занятия повышала интерес студентов к чтению.

Следовательно, можно сделать вывод, что предложенная методика позволяет студентам успешно продвигаться от «декодирования языка» к «культурному пониманию и критическому анализу» художественных текстов на китайском языке.

Продemonстрируем данную методику на примере произведения Лу Синя «Дневник сумасшедшего» («狂人日记»).

1. Этап введения:

• *Визуальная активация:* демонстрация портретов Лу Синя и Достоевского рядом с обложками книг «Дневник сумасшедшего» и «Преступление и наказание» с последующими ответами на вопросы, касающихся ключевых биографических деталей обоих авторов и исторического контекста, в котором они творили свои произведения (соответственно: поздний период династии Цин и ранний период республики Китай — царская Россия XIX в.).

• *Слуховое восприятие:* прослушать аудиозапись первых строк «Дневника сумасшедшего» на китайском языке: «我不见他，已是三十多年...» — чтобы создать атмосферу текста и позволить учащимся ощутить срочность и беспорядок, присущие повествованию от первого лица в дневнике.

• *Ключевые вопросы:* они призваны вызвать у студентов интерес и нацелить их к межкультурному сравнению, которое является ключом к пониманию китайского текста: если человек обнаруживает, что истина мира заключается в том, что «человек пожирает человека», является ли он сумасшедшим или пророком? Как это «безумие» проявляется в произведениях Лу Синя и Достоевского и какую цель оно преследует?

2. **Этап интенсивного чтения** посвящен анализу текста. Цель данного анализа — помочь студентам преодолеть барьеры в понимании его содержания посредством перевода культурных особенностей и его упрощения.

– *Перевод культурных особенностей:* расшифровка метафоры «людоедство» на базе ключевых отрывков глав первой и одиннадцатой («救救孩子...»). В этих целях предлагается следующая технология работы:

• Анализировать переносный смысл ключевого слова «людоедство» и объяснить его культурную метафору: жестокое пожирание и угнетение человечности, свободы и жизни феодальной этикой, клановой системой и социальной практикой. Связать с историческими китайскими аллюзиями, такими как «обмен детей на еду», чтобы проиллюстрировать реальные корни данной метафоры.

• Побудить студентов подумать о переводе «吃人» на русский язык. Обсудить ограничения буквального перевода («есть людей») и изучить более метафорические варианты, такие как «пожирание человечности» или «моральное каннибализм». Этот процесс позволяет студентам на собственном опыте ощутить сложности и творческий потенциал перевода культурных особенностей.

• Кратко описать метафору Лу Синя о «железном доме» и его опыт «отказа от медицины в пользу литературы», подчеркнув социально-просветительскую цель его литературного творчества.

– *Упрощение текста:* аналогия между понятиями «этикет и воспитание» и «родовой» на основе ключевых отрывков третьей главы («我翻开历史一查...») и шестой главы («他们这群人，又想吃人...»). В этих целях предлагается следующая технология работы:

• Концептуальное упрощение и диаграммизация с помощью структурных диаграмм, иллюстрирующих содержание понятий «этикет и воспитание» и «система семейных кланов» как замкнутую, угнетающую систему. Сравнение «族长», «长辈» и «规矩» с более знакомыми российским студентам понятиями «патриархальные традиции» и «общественные условности», чтобы уменьшить культурные барьеры.

• Ролевая игра: разделить студентов на группы, чтобы они изобразили либо «сумасшедшего», либо «старшего брата / постороннего наблюдателя». Разыграть диалоги, чтобы продемонстрировать изоляцию Безумца, пытающегося раскрыть правду, и равнодушное подавление его «безумных бредней» «нормальными людьми». Посредством ролевой игры помочь студентам понять, что «безумие» — это социально обусловленное явление.

• Выделение темы: помочь студентам выделить основные темы из криков Безумца: критика традиций, стремление к «истинному человечеству» и одиночество просветителя.

3. Этап обсуждения: сравнительное чтение «Дневника сумасшедшего» и «Преступления и наказания». Вопросы для обсуждения:

1) Оба главных героя (сумасшедший и Раскольников) являются «маргиналами». Чем отличается их чувство «вины»? — «Вина» сумасшедшего проистекает из того, что он является свидетелем коррупции в обществе, но бессилен что-либо изменить; «вина» Раскольникова возникает из-за совершения преступления, чтобы доказать свою значимость.

2) Как в двух книгах используются «форма дневника» и «психологическое изображение» для описания внутренних переживаний? — «Дневник сумасшедшего» представляет хаос и пробуждение через фрагментарные записи, роман «Преступление и наказание» углубляет моральную дилемму через длинный внутренний монолог.

3) Чем отличается понимание «искупления» у Лу Синя и Достоевского? — Лу Синь указывает на социальное освобождение («救救孩子!»), а Достоевский склоняется к религиозному и моральному раскаянию.

После ответов на данные вопросы студенты представят свои выводы. Преподаватель подводит итоги, обобщая различные выражения отношения «личность против общества» в китайской и русской литературе.

4. Резюмирующий этап, на котором студентами выполняются следующие задания:

- Составьте сравнительную диаграмму, чтобы показать сходства и различия между «Дневником сумасшедшего» и «Преступлением и наказанием» с точки зрения темы, структуры повествования и заключения.

- Совместно составьте и разыграйте диалог между Сумасшедшим и Раскольниковым, обсудите их дискуссию о «преступлении» и «искуплении».

5. Этап оценки:

- *Оценка преподавателем* результатов работы учащихся с акцентом на понимание культурных метафор и глубину межкультурного сравнения.

- *Оценка студентами друг друга:* студенты голосуют за наиболее глубокую работу, обосновывая свой выбор и обосновывая его.

- *Самооценка:* заполнение формы обратной связи по обучению, включая разделы «Самое важное, что я вынес из курса» и «Вопросы, которые мне всё ещё неясны».

Заключение

В статье представлены межкультурные приемы преподавания современной китайской литературы, основанные на лингвистических особенностях и культурных различиях между Китаем и Россией. В теоретической части подчеркиваются результаты исследований российских преподавателей, в которых отмечается важность межкультурного образования. В практической части предлагается ход занятия и приемы обучения чтению с использованием конкретных литературных произведений в качестве примеров. Результаты исследования показывают, что данные приемы могут эффективно улучшить межкультурное понимание и критическое мышление российских студентов. Тема данной статьи перспективна и может быть расширена в отношении других типов текстов. Кроме того, она может быть использована для интеграции и обмена образовательными ресурсами с помощью цифровых платформ обучения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шичжан Ян, Цюньсинь Чжан. Исследование прагматической адаптации перевода с целью достижения эквивалентности: на примере перевода романа «Сон в красном тереме» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 3. С. 110—120. DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-110-120.
2. Корякина А. А., Шестакова Р. С. Основные подходы к межкультурной коммуникации // Проблемы современного педагогического образования. 2023. Вып. 79. Ч. 2. С. 170—172.
3. Андреева Е. Ю. Основные виды трансформаций при переводе художественного текста (на примере перевода романа Питера Курта «Анастасия. Загадка великой княжны» с английского языка на русский) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 38. № 4. С. 479—486.
4. Белова А. В. Художественный перевод в переводоведческой парадигме // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 3-2(78). С. 69—72. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-3-2-69-72.
5. Оганисян А. А., Попова Е. А., Шэнь Тин Юй. Культурные корни метафор: исследование происхождения и культурных значений метафор в русском и китайском языках // Культура в зеркале языка и литературы : материалы Двенадцатой Междунар. науч. конф. Тамбов : Державинский, 2024. С. 185—193.
6. Аббасова В. В. Современные подходы к понятию социально-культурной метафоры // Вісник Університету імені Альфреда Нобеля. Серія: Філологічні науки. 2020. № 1(19). С. 233—239. DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-22.
7. Павлова Л. В., Вторушина Ю. Л., Барышникова Ю. В. Развитие умений критического мышления у студентов вуза на основе межкультурного чтения // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 2. DOI: 10.17513/spno.32522.
8. Ли Мин. Исследование межкультурных стратегий в преподавании китайской литературы // Образование иностранных языков. 2020. Т. 42. № 5. С. 88—95. (На кит. яз.)
9. Ван Вэй. Применение современных литературных произведений китайского языка в преподавании китайского языка как иностранного // Преподавание китайского языка. 2022. Т. 36. № 2. С. 120—134. (На кит. яз.)
10. Ци Сюмин, Ван Цин. Исследование повествовательной этики «Правый берег реки Эргун» // Журнал Даляньского университета национальностей. 2025. Т. 27. № 2. С. 170—175. (На кит. яз.)
11. Не Цзявэй. Классическое расширение, реконструкция и расширение-обзор 25-летнего исследования «Пыль урегулирована» // Алай Исследование. 2023. № 2. С. 220—232. (На кит. яз.)
12. Хуан Кайфа. Возникновение повествования в стиле дневника: «Дневник сумасшедшего человека» и изменение формата новой литературы // Литературная критика. 2025. № 3. С. 35—42. (На кит. яз.)
13. Чжан Цинхуа. Искупление страданий и поэтика выживания — о философии жизни Юй Хуа в «Живых» // Обзор современных писателей. 2020. № 5. С. 102—109. (На кит. яз.)
14. Чжан Хуа. Исследования в области преподавания литературы с точки зрения культурных различий между Китаем и Россией // Международные исследования в области преподавания китайского языка 2022. Т. 9. № 3. С. 33—47. (На кит. яз.)

15. Запорожцева Г. Е. Феномен возвращения преступника на место преступления: психологический анализ (по мотивам романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 2. С. 181—188. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).181-188.

16. Логутенкова О. Н. Перевод поэтической метафоры в аспекте обучения русскому языку билингвов // Многоязычие в образовательном пространстве. 2024. Т. 16. № 4. С. 421—430. DOI: 10.35634/2500-0748-2024-16-4-421-430.

REFERENCES

1. Yang Shizhang, Zhang Qiongxin. A study on pragmatic adaptation of translation in order to achieve equivalence: on the example of the translation of the novel “A dream of red mansions”. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*. 2023;3:110—120. (In Russ.) DOI: 10.18384/2310-712X-2023-3-110-120.

2. Koryakina A. A., Shestakova R. S. Basic approaches to intercultural communication. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya = Problems of modern pedagogical education*. 2023;79(2):170—172. (In Russ.)

3. Andreeva E. Yu. The main types of transformations in translation of the literary text (by the example of the novel “Anastasia. The riddle of Anna Anderson” from the English language into Russian). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities series*. 2019;38(4):479—486. (In Russ.)

4. Belova A. V. Literary translation in the paradigm of translation studies. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023;3-2(78):69—72. (In Russ.) DOI: 10.24412/2500-1000-2023-3-2-69-72.

5. Oganisyan A. A., Popova E. A., Shen Ting Yu. Cultural roots of metaphors: a study of the origin and cultural meanings of metaphors in Russian and Chinese. *Kul'tura v zerkale yazyka i literatury = Culture in the Mirror of Language and Literature. Materials of the Twelfth International Scientific Conference*. Tambov, Derzhavinsky Publishing House, 2024:185—193. (In Russ.)

6. Abbasova V. V. Modern approaches to the concept of social and cultural metaphor. *Visnik Universitetu imeni Al'freda Nobelya. Seriya: Filologichni nauki = Alfred Nobel University Journal of Philology*. 2020;1(19):233—239. (In Russ.) DOI: 10.32342/2523-4463-2020-1-19-22.

7. Pavlova L.V., Vtorushina Y.L., Baryshnikova Y.V. Developing critical thinking skills of students on the basis of intercultural reading. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2023;2. (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.32522.

8. Li M. A study on intercultural strategies in Chinese literature teaching. *Foreign Language Education*. 2020;42(5): 88—95. (In Chinese)

9. Wang W. The application of modern Chinese literary works in teaching Chinese as a foreign language. *Chinese Teaching in the World*. 2022;36(2):120—134. (In Chinese)

10. Ji X. M., Wang Q. A study on the narrative ethics of The Right Bank of the Ergun River. *Journal of Dalian Minzu University*. 2025;27(2):170—175. (In Chinese)

11. Nie J. W. The expansion, reconstruction and inheritance of classicity: A review of 25 years of reception studies on Red Poppies. *A Lai Studies*. 2023;2:220—232. (In Chinese)

12. Huang K. F. The emergence of diary-style narration: The Diary of a Madman and the format reform of new literature. *Literary Review*. 2025;3:35—42. (In Chinese)

13. Zhang Q. H. The redemption of suffering and poetics of survival: On the life philosophy of Yu Hua's To Live. *Contemporary Writers Review*. 2020;5:102—109. (In Chinese)

14. Zhang H. A study on literary teaching from the perspective of Sino-Russian cultural differences. *International Chinese Language Education Research*. 2022;9(3):33—47. (In Chinese)

15. Zaporozhtseva G. E. The phenomenon of the criminal's return to the crime scene: psychological analysis (based on F. M. Dostoevsky's novel “Crime and Punishment”). *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*. 2022;6(2):181—188. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(2).181-188.

16. Logutenkova O. N. Translation of poetic metaphors in the aspect of teaching Russian to bilinguals. *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve = Russian Journal of Multilingualism and Education*. 2024;16(4):421—430. (In Russ.) DOI: 10.35634/2500-0748-2024-16-4-421-430.

Статья поступила в редакцию 01.12.2025; одобрена после рецензирования 27.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 01.12.2025; approved after reviewing 27.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.

Научная статья
УДК 378.14
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1521

Maria Andreevna Pyrkova
Postgraduate of the Department of Social Engineering,
field of training
5.8.7 — Methodology and technology
of vocational education,
Head of the Department of Social Projects,
Volga State Transport University
Samara, Russian Federation
m.pyrkova@samgups.ru

Мария Андреевна Пыrkova
аспирант кафедры «Социальная инженерия»,
направление подготовки
5.8.7 — Методология и технология
профессионального образования,
начальник отдела социальных проектов,
Приволжский государственный университет путей сообщения
Самара, Российская Федерация
m.pyrkova@samgups.ru

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

5.8.7 — Методология и технология профессионального образования

Аннотация. В статье обосновываются методологические основания формирования отраслевой идентичности будущих специалистов в системе профессионального образования в логике научной специальности 5.8.7 «Методология и технология профессионального образования». Отраслевая идентичность рассматривается как устойчивое самоопределение обучающегося по отношению к профессионально-отраслевому сообществу, принятие его нормативно-ценностного пространства, профессиональных смыслов и требований, а также готовность действовать в соответствии с логикой профессиональной деятельности и отраслевой ответственности. Показано, что формирование отраслевой идентичности не является надстройкой над учебным процессом и не может быть сведено к отдельным воспитательным мероприятиям или декларативным формам работы, а требует целостного проектирования образовательной среды как пространства социализации, профессионального становления и личностного развития будущего специалиста.

В качестве ключевых методологических оснований выделяются: средовой подход, предполагающий согласование предметно-пространственного, социально-организационного и психолого-дидактического измерений образовательной среды; ценностно-смысловая обеспеченность подготовки, ориентированная на осмысление общественной значимо-

сти, социальной миссии и профессиональной ответственности отраслевого труда; наставничество как механизм личностно-профессиональной социализации и идентификации при условии этической рамки «поддержка осознанного выбора — недопустимость навязывания траектории»; проектная и сервисно-проектная деятельность (обучение служением) как формы деятельностного освоения профессиональной роли, коллективной ответственности и социально значимого результата при наличии реального запроса, партнерства и обязательной рефлексии; учет динамики идентификационных процессов и рисков их деформации в условиях формализации образовательных практик.

Результатом исследования является интегративная модель методологических оснований формирования отраслевой идентичности, применимая при проектировании образовательных программ, наставнических и проектных модулей, а также при разработке технологий профилактики формализма и псевдоидентичности в профессиональном образовании.

Ключевые слова: отраслевая идентичность, профессиональная идентичность, профессиональное образование, методология профессионального образования, образовательная среда, педагогические условия, наставничество, проектная деятельность, обучение служением, профессиональная социализация, рефлексия, динамика идентичности

Для цитирования: Пыrkova М. А. Методологические основания формирования отраслевой идентичности будущих специалистов в профессиональном образовании // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 574—579. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1521.

Original article

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR FORMING SECTORAL IDENTITY OF FUTURE SPECIALISTS IN PROFESSIONAL EDUCATION

5.8.7 — Methodology and technology of vocational education

Abstract. The article substantiates the methodological foundations for forming the sectoral identity of future specialists in professional education within the framework of Specialty 5.8.7 (Methodology and technology of vocational education). Sectoral identity is interpreted as a stable self-determination of learners in relation to a professional and sectoral community, acceptance of its normative and value framework, professional meanings

and requirements, as well as readiness to act in accordance with the logic of professional activity and sectoral responsibility. It is demonstrated that sectoral identity cannot be formed as an add-on to the curriculum or reduced to isolated educational or declarative activities; instead, it requires holistic design of the educational environment as a space for socialization, professional formation, and personal development of future specialists.

The study identifies key methodological foundations of sectoral identity formation, including: an environmental approach that integrates material-spatial, social-organizational, and psycho-didactic dimensions of the educational environment; value-meaningful support of training aimed at understanding the social significance, public mission, and professional responsibility of sectoral labor; mentoring as a mechanism of personal and professional socialization and identification, provided that it operates within an ethical framework emphasizing support for conscious choice and rejection of imposed trajectories; project-based and service-learning formats as forms of experiential acquisition of professional roles, collective responsibility, and socially significant outcomes under conditions of authentic

demand, partnership, and mandatory reflection; and consideration of the dynamic nature of identity development and the risks of distortion caused by formalization of educational practices.

The result of the research is an integrative model of methodological foundations for forming sectoral identity, which can be applied in the design of educational programs, mentoring systems, and project-based modules, as well as in developing technologies to prevent formalism and pseudo-identity in professional education.

Keywords: sectoral identity, professional identity, professional education, methodology of professional education, educational environment, pedagogical conditions, mentoring, project-based learning, service learning, professional socialization, reflection, identity dynamics

For citation: Pyrkova M. A. Methodological foundations for forming sectoral identity of future specialists in professional education. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):574—579. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1521.

Введение

В профессиональном образовании всё более отчетливо проявляется установка на подготовку будущего специалиста как субъекта отрасли и профессиональной деятельности в ее рамках, т. е. как носителя не только компетенций, но и устойчивой профессионально-отраслевой позиции. В этой логике отраслевая идентичность может быть определена как устойчивое самоопределение в отношении обучающегося к профессионально-отраслевому сообществу, принятие его нормативно-ценностного пространства и готовность действовать «в логике профессии». Такая позиция включает, по меньшей мере, три взаимосвязанных компонента: когнитивный (представления о миссии отрасли, содержании труда, правилах и стандартах), ценностно-мотивационный (принятие норм и смыслов отраслевой профессиональной деятельности), эмоционально-поведенческий (переживание причастности и готовность к профессиональному действию в рамках отрасли). Психология идентичности показывает, что устойчивость самоопределения формируется через включенность в значимые практики и освоение системы смыслов, а не только через информирование и декларации.

Принципиально важно, что отраслевая идентичность не складывается «поверх» учебного процесса и не может быть сведена к отдельным воспитательным мероприятиям. Ее формирование требует целостной организации образовательной среды как пространства социализации и профессионального становления [1]. Среда обладает пространственно-предметным, социально-организационным и психолого-дидактическим измерениями и может быть описана по ряду параметров: степени свободы, направленности, эмоционального фона, насыщенности деятельностью и др. [2]. В исследованиях вузовской образовательной среды подчеркивается, что она выступает одновременно как пространство реализации образовательных стандартов и как поле формирования норм, отношений и моделей профессионального поведения [3]. В этом контексте обучение в вузе рассматривается как этап социализации: студенты осваивают социальные роли, связи и формы взаимодействия, включаются в систему профессиональных отношений и приобретают социальный опыт [4]. Следовательно, методологические основания формирования отраслевой идентичности должны быть связаны с проектированием образовательной среды как целостного поля профессиональной социализации.

Актуальность обращения к методологическим основаниям определяется также рисками деформаций идентификационных процессов. Образовательная среда может порождать дефициты: разрыв между учебной и практической подготов-

кой, формализацию проектной активности и наставничества, расхождение между декларируемыми ценностями и реальными практиками. Исследования ценностно-смыслового отношения к знаниям у студентов-первокурсников показывают, что мотивационные основания учебной деятельности нередко смещаются к внешним, утилитарным целям, а это снижает глубину профессионального самоопределения и делает идентичность уязвимой к кризисам [5]. Таким образом, формирование отраслевой идентичности требует методологически выверенной организации условий, обеспечивающих целостность опыта и его рефлексивное освоение.

Проблематика идентичности в профессиональном и образовательном контексте активно развивается в современных междисциплинарных исследованиях. Социологическое измерение профессиональной и отраслевой идентичности представлено в работах М. А. Гнатюка, М. А. Пыrkовой, Е. И. Фадеева [1], в которых отраслевая идентичность обосновывается как самостоятельная социологическая категория, несводимая к профессиональной или организационной идентичности. В исследованиях Е. В. Гребенюка и М. А. Гнатюка с соавторами подчеркивается роль образовательной среды как фактора профессиональной социализации и формирования идентификационных установок обучающихся [3; 6]. Существенное внимание в работах Л. А. Хохленковой и В. Ю. Нургалиевой уделяется практико-ориентированным формам подготовки, наставничеству и проектной деятельности как условиям профессионального становления и включенности студентов в профессионально-отраслевое сообщество [7; 8]. Вместе с тем анализ современной научной литературы показывает, что методологические основания формирования именно отраслевой идентичности в логике проектирования профессионального образования остаются недостаточно систематизированными, что и определяет **актуальность** настоящего исследования.

Прикладные аспекты формирования профессиональной и отраслевой идентичности в современных исследованиях анализируются преимущественно через призму практико-ориентированного обучения и профессиональной социализации обучающихся. Проектная деятельность как условие формирования профессиональной готовности и идентификационных установок анализируется в работах Т. В. Даниловой, Т. Е. Демидовой, А. П. Тонких, а также В. С. Никольского и А. Н. Зленко, где подчеркивается значение реального запроса, ответственности и рефлексии образовательного опыта [9; 10]. В исследованиях Н. А. Каниной, А. Е. Фроловой, Е. В. Кривцовой раскрывается динамический характер профессиональной идентичности обучающихся и ее связь

с образовательными ситуациями выбора и ответственности [11]. Работы И. А. Рудневой и О. А. Козыревой демонстрируют возможности формирования профессиональной идентичности средствами сервисно-проектной деятельности при условии организационно-педагогического сопровождения [12]. Таким образом, анализ современной литературы позволяет констатировать наличие значительного массива исследований по смежным аспектам проблемы при сохраняющемся дефиците работ, посвященных систематизации методологических оснований формирования именно отраслевой идентичности в профессиональном образовании.

Целесообразность обращения к заявленной проблематике обусловлена тем, что в практике профессионального образования формирование отраслевой идентичности нередко осуществляется фрагментарно — через отдельные воспитательные мероприятия или декларативные формы работы. Это снижает устойчивость идентификационных эффектов и повышает риски формализации. В этих условиях возникает необходимость методологического осмысления отраслевой идентичности как результата целостного проектирования образовательной среды, наставничества и проектной деятельности.

Научная новизна исследования заключается в том, что отраслевая идентичность будущих специалистов рассматривается не как совокупность отдельных воспитательных воздействий, а как результат интеграции средовых, ценностно-смысловых и деятельностных механизмов профессионального образования. Впервые в логике научной специальности 5.8.7 «Методология и технология профессионального образования» систематизированы методологические основания формирования отраслевой идентичности, включающие: проектирование отраслевой образовательной среды как целостного поля профессиональной социализации; наставничество как механизм идентификационной поддержки осознанного профессионального выбора; проектную и сервисно-проектную деятельность как формы деятельностного освоения профессиональной роли и ответственности. Полученные положения расширяют методологические представления о формировании отраслевой идентичности и могут служить основой для разработки педагогических технологий в профессиональном образовании.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении методологических оснований анализа отраслевой идентичности и расширении представлений о роли образовательной среды и наставничества в профессиональной социализации. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных положений при проектировании образовательных программ, наставнических и проектных модулей, а также при разработке механизмов профилактики формализма и псевдоидентичности в профессиональном образовании.

Цель исследования — обосновать методологические основания формирования отраслевой идентичности будущих специалистов в профессиональном образовании.

Задачи исследования:

- 1) раскрыть методологический потенциал отраслевой образовательной среды;
- 2) определить роль наставничества и кодов преемственности в профессиональной социализации;
- 3) охарактеризовать проектную деятельность как технологию формирования отраслевой идентичности и условия ее эффективности;
- 4) описать динамику идентификационных процессов и риски деформаций при формализации практик;

5) обосновать возможности интеграции гражданско-патриотического содержания в профессиональное образование как смыслового контура отраслевой идентичности.

Исследование носит теоретико-методологический характер; эмпирическая верификация выделенных положений рассматривается как перспективное направление дальнейших исследований.

Основная часть

Отраслевая образовательная среда как системообразующее основание формирования идентичности. Методологически продуктивным является рассмотрение отраслевой идентичности через проектирование образовательной среды, поскольку именно среда задает «рамку» опыта, в котором обучающийся учится мыслить и действовать как представитель отрасли [6]. В модели образовательной среды, предложенной В. А. Ясвиным, ключевыми выступают три компонента: пространственно-предметный (материально-символическая организация пространства), социально-организационный (характер отношений и коммуникаций), психолого-дидактический (способы организации обучения, педагогические технологии, режимы оценивания и поддержки) [2]. Для профессионального образования это означает, что идентичность формируется не только через содержание дисциплин, но и через то, как устроено пространство, какие социальные роли доступны студенту, какие формы деятельности считаются «нормой» и какие символические образы и представления о профессии транслируются в образовательной среде [13].

Вузовская образовательная среда трактуется как пространство реализации требований стандартов и одновременно — как пространство, в котором студент осваивает нормы профессионального поведения и отношения к будущей деятельности [3]. В этом смысле обучение в вузе выступает этапом социализации, где происходит включение в систему профессиональных отношений и приобретение социального опыта. Следовательно, если образовательная среда устроена как «набор разрозненных площадок» (учеба отдельно, практика отдельно, воспитательная работа отдельно), то идентификационный опыт оказывается фрагментированным; если же среда организована как единое поле социализации, то отраслевые смыслы и нормы получают шанс стать частью личного опыта студента.

Ценностно-смысловой слой подготовки и устойчивости профессионального самоопределения. Ценностно-смысловой слой образовательной среды задает ответ на вопрос «зачем» — зачем знания, зачем практика, зачем отрасль как жизненный выбор. Для формирования отраслевой идентичности этот слой критичен, поскольку без осмысленного принятия отраслевых ценностей когнитивная осведомленность о профессии не превращается в устойчивое самоопределение. Исследования формирования ценностно-смыслового отношения к знаниям у первокурсников фиксируют, что при доминировании внешних, утилитарных мотивов снижается глубина учебной активности и ослабляется связь обучения с личностными смыслами [5]. На уровне отраслевой идентичности это проявляется как «знание о профессии без внутреннего принятия» — ситуация, в которой студент может демонстрировать информированность и даже высокую успеваемость, но не принимает профессию как собственную перспективу.

Отсюда следует методологический вывод: формирование отраслевой идентичности требует включения в образовательный процесс смылопорождающих практик — обсуждения профессиональной миссии, этических дилемм и норм отрасли, анализа профессиональных ситуаций, сопоставления личных

целей и профессиональных требований, а также рефлексии опыта практики и проектов. Такие практики должны быть не «добавкой», а элементом психолого-дидактического компонента среды — частью того, как устроено обучение и оценивание.

Интеграция учебной, внеучебной и практической деятельности. Практико-ориентированное обучение рассматривается как ключевое условие профессиональной подготовки: оно обеспечивает связь теоретического материала с реальными задачами и формирует готовность к деятельности. Производственная практика в исследованиях описывается как условие профессионального становления, где происходит перевод теоретических знаний в практические навыки и освоение норм профессиональной деятельности [7]. В логике формирования отраслевой идентичности практика выступает «проверкой на реальность»: именно в практической деятельности студент сталкивается с требованиями профессии, реальными стандартами ответственности, профессиональным языком и реальными отношениями в отраслевом сообществе.

Методологически важно обеспечивать связность: учебные дисциплины — практика — проектная деятельность — внеучебные профессиональные события должны поддерживать единый смысловой контур. Если элементы существуют автономно, студент получает разрозненный опыт, и идентичность формируется фрагментарно; если же элементы объединены в общий образовательный сценарий, то отраслевое самоопределение становится результатом накопления и осмысления целостного опыта.

Наставничество и коды профессиональной ответственности как механизмы включения в отраслевое сообщество. Наставничество в современной образовательной политике рассматривается как универсальный механизм личностно-профессиональной социализации; оно ориентировано на передачу опыта, поддержку развития и формирование ценностных ориентиров. В исследованиях наставничество описывается как механизм успешной профессиональной социализации будущих специалистов, способствующий адаптации к профессиональной среде и развитию мотивации [8]. В высшем образовании наставничество анализируется как концептуально оформленная модель, включающая целевые установки, роли, формы сопровождения и перспективы развития. Для формирования отраслевой идентичности это означает, что наставничество должно быть встроено в образовательную среду системно, а не как эпизодическая «помощь по запросу».

Особое значение имеет то, что наставник выступает значимой фигурой идентификации. В исследованиях развития образа «Я» и образа наставника в период адаптации к обучению показано, что образ наставника включается в систему самоопределения и влияет на способы принятия образовательной и профессиональной реальности [14]. Следовательно, наставничество является не только инструментом обучения и адаптации, но и механизмом формирования образца профессионального поведения и отраслевых норм, которые студент может присвоить как «свои», что по своей функции сопоставимо с механизмами профессиональной преемственности, описанными в социологических исследованиях профессиональных династий [15].

Методологически принципиально разграничивать поддержку профессионального самоопределения и навязывание траектории. Если наставничество становится инструментом контроля или «подгонки» под заранее заданный профиль, то оно может усиливать формальную лояльность при отсутствии внутреннего принятия профессии. Поэтому наставничество должно включать рефлексивную составля-

ющую: обсуждение профессиональных ситуаций, дилемм и ценностей, а также создание пространства для осознанного выбора и ответственности студента.

Проектная деятельность как технология формирования отраслевой идентичности. Проектная деятельность в профессиональном образовании рассматривается как способ освоения комплексных задач и профессиональных ролей, а также как условие готовности к профессиональной деятельности [9]. Проектное обучение, будучи системно организованным, позволяет выстраивать устойчивую образовательную практику: распределение ролей, сопровождение, оценка, рефлексия результатов. В контексте отраслевой идентичности проектная деятельность значима потому, что создает опыт профессионального действия: студент не только изучает отрасль, но и «пробует себя» в деятельности, близкой к реальной профессиональной логике, что усиливает когнитивный и ценностно-мотивационный компоненты идентичности.

Методологически важно, чтобы проектная деятельность была аутентичной, т. е. связанной с реальными задачами и критериями качества отрасли. Если проект становится имитацией (производство отчетных артефактов без реального запроса и обратной связи), то он может формировать лишь «элементы образа» без устойчивого самоопределения и принятия норм ответственности. Поэтому система проектного обучения должна включать внешнюю экспертизу, обратную связь от профессионального сообщества и обязательную рефлексия опыта.

Социально-отраслевые проекты и обучение служением. Нормативная рамка сервисно-проектной деятельности фиксируется в документах, направленных в образовательные организации, и в методических материалах по модулю «Обучение служением». В рабочих программах дисциплины «Общественный проект «Обучение служением» сервисно-проектная работа выстраивается как последовательность шагов: анализ проблемы, проектирование решения, реализация и рефлексия. Методологически значимо, что рефлексия здесь выступает не приложением, а механизмом преобразования опыта в личностный смысл: студент не только выполняет действие, но и осмысляет его социальную и профессиональную значимость.

Критически важен также риск «подмены служения отчетностью». Анализ особенностей начального этапа реализации нового подхода показывает, что при формальном внедрении могут возникать практики имитации, когда на первый план выходит отчетная продукция, а не реальная работа с запросом и партнером [10]. Следовательно, при проектировании сервисно-проектной технологии формирования отраслевой идентичности необходимо методологически удерживать критерии аутентичности: реальный запрос, реальная деятельность, реальная обратная связь, реальная рефлексия.

Динамика идентификационных процессов и риски деформаций. Методологические основания формирования отраслевой идентичности предполагают учет ее динамического характера. Исследование динамики формирования отраслевой идентичности студентов, участвующих в социальном проектировании, демонстрирует положительную динамику ряда показателей после завершения проектных циклов и более высокий уровень отраслевой идентичности у участников социального проектирования. Это позволяет рассматривать проектную деятельность как «двигатель» идентификационных изменений при условии достаточной глубины включенности и осмысленного сопровождения.

Исследования динамики профессиональной идентичности обучающихся в процессе обучения в вузе показывают, что изменения идентичности связаны с образовательными

ситуациями, требующими выбора, ответственности и переоценки собственных возможностей [11]. Для профессионального образования это означает необходимость поэтапного усложнения идентификационного опыта: от учебных задач к практикам и к социально значимым проектам, сопровождаемым рефлексией и поддержкой наставников. При этом важно учитывать риски псевдоидентичности и формальной лояльности, когда внешняя демонстрация «принадлежности» не подкреплена внутренним принятием ценностей и норм профессии.

Отдельно следует отметить эффект сервисно-проектных форматов для профессиональной идентичности: исследование профессиональной идентичности будущих педагогов средствами обучения служением фиксирует позитивные изменения при условии организационно-педагогического сопровождения и включенности в реальные социальные задачи, что позволяет экстраполировать данные выводы на более широкий контекст профессионального образования [12]. Это усиливает вывод о том, что технологическое решение должно включать не только деятельность, но и сопровождение (наставничество, рефлексия, экспертная оценка, связь с дисциплинами).

Методология исследования. Исследование носит теоретико-методологический характер и направлено на выявление и систематизацию методологических оснований формирования отраслевой идентичности в профессиональном образовании. В ходе исследования осуществлялся аналитико-синтетический анализ научных работ, посвященных проблематике образовательной среды, наставничества, проектной и сервисно-проектной деятельности, а также гражданско-патриотического содержания профессионального образования.

Аналізу подвергались следующие содержательные блоки: отраслевая образовательная среда как системное педагогическое условие профессиональной социализации; наставничество как механизм передачи норм, ценностей и профессиональных ролей; проектная и сервисно-проектная деятельность как формы деятельностного освоения профессиональной идентичности; гражданско-патриотический контур подготовки как смысловой ресурс отраслевого самоопределения.

В качестве основного метода использовалось концептуальное моделирование, позволившее интегрировать указанные блоки в единую систему методологических оснований формирования отраслевой идентичности. Непротиворечивость полученных положений обеспечивалась сопоставлением различных педагогических моделей и критериев эффективности, а также выявлением условий, при которых образовательные и воспитательные практики способствуют формированию устойчивой отраслевой идентичности, а не ее формальной имитации.

Результаты исследования:

1. Обосновано, что формирование отраслевой идентичности целесообразно рассматривать как результат проектирования образовательной среды как целостной систе-

мы условий, включающей предметно-пространственный, социальный и психолого-дидактический компоненты, а также ценностно-смысловой слой подготовки и символическую инфраструктуру организации.

2. Показано, что наставничество выступает механизмом личностно-профессиональной социализации и фактором идентификации через включение образа наставника в систему самопредставлений будущего специалиста. Обоснована необходимость этической рамки наставничества, ориентированной на поддержку осознанного выбора и развитие рефлексии, а не на навязывание траекторий.

3. Систематизированы эффекты семейных и династических факторов как ресурсов и рисков профессионального выбора молодежи; уточнено, что символические коды преемственности в корпоративной и профессиональной культуре могут выполнять как воспитательно-образовательные, так и управленческие функции, что требует методологического различения целей и инструментов.

4. Установлено, что проектная деятельность является ведущей образовательной технологией формирования отраслевой идентичности, поскольку создает опыт профессионального действия и ответственности. Сервисно-проектный формат (обучение служением) обеспечивает интеграцию профессиональных и гражданских смыслов при условии реального запроса, партнерства и обязательной рефлексии.

5. На основании данных о динамике отраслевой идентичности у студентов, участвующих в социальном проектировании, и исследований динамики профессиональной идентичности обоснована необходимость поэтапного, рефлексивно сопровождаемого построения образовательной траектории.

Заключение

Методологические основания формирования отраслевой идентичности будущих специалистов в профессиональном образовании целесообразно рассматривать как интегративную систему, включающую: проектирование отраслевой образовательной среды как единого поля социализации; развитие наставничества и кодов преемственности, обеспечивающих включение обучающегося в профессионально-отраслевое сообщество; организацию проектной и сервисно-проектной деятельности как опыта профессионального действия и ответственности; интеграцию гражданско-патриотического содержания как смыслового контура профессионального выбора и общественной ответственности.

Практическая реализация указанных оснований требует технологической связности образовательных элементов (дисциплины — практика — проекты — наставничество — рефлексия), иначе возрастает риск формализации и, как следствие, деформаций идентификационного процесса. Полученные положения могут быть использованы при проектировании образовательных программ и технологий профессионального образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гнатюк М. А., Пыrkova М. А., Фадеев Е. И. Отраслевая идентичность как социологическая категория: границы, структура и институциональные источники формирования // Социология. 2025. № 12. С. 88—93.
2. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.
3. Гребенюк Е. В. Образовательная среда вуза как пространство реализации федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования // Вестник Герценовского университета. 2010. № 6(80). С. 38—41.
4. Волкова С. А. Обучение в вузе как этап социализации студентов // Мир педагогики и психологии. 2016. № 2(2). С. 5—7.
5. Найниш Л., Голубинская Т. В., Гаврилюк Л. Е. Формирование ценностно-смыслового отношения к знаниям у студентов строительных вузов. Пенза: Пенз. гос. ун-т архитектуры и строительства, 2014. 136 с.

6. Гнатюк М. А., Пыrkova М. А., Фадеев Е. И. Образовательная среда отраслевого университета как фактор формирования отраслевой идентичности студентов // Современное профессиональное образование. 2025. № 12. С. 19—23.
7. Хохленкова Л. А. Практико-ориентированное обучение студентов в университете // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10. № 2. С. 314—316. DOI: 10.26140/anip-2021-1002-0078.
8. Нурғалиева В. Ю. Наставничество как механизм успешной профессиональной социализации будущих педагогов // Мир науки. Педагогика и психология. 2025. Т. 13. № 2. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/107PDMN225.pdf>.
9. Данилова Т. В., Демидова Т. Е., Тонких А. П. Проектное обучение студентов как основное условие их готовности к профессиональной деятельности // Управление образованием: теория и практика. 2022. № 4(50). С. 32—38. DOI: 10.25726/s0536-8820-8230-o.
10. Никольский В. С., Зленко А. Н. Обучение или служение в российском высшем образовании: особенности начального этапа реализации нового подхода // Интеграция образования. 2024. Т. 28. № 3. С. 421—435. DOI: 10.15507/1991-9468.116.028.202403.421-435.
11. Канина Н. А., Фролова А. Е., Кривцова Е. В. Динамика «образа я» и статуса профессиональной идентичности у студентов — будущих психологов в процессе обучения в вузе // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2024. № 1(53). С. 75—89.
12. Руднева И. А., Козырева О. А. Формирование профессиональной идентичности будущих педагогов средствами обучения служением // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 1. С. 63—81. DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-1-63-81.
13. Демин П., Пашков С. Символика университета в восприятии студентов // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2015. Т. 7. № 10. С. 91—100.
14. Репещук К. Ю., Красило Д. А. Развитие образа-я и образа наставника субъекта профессионального самоопределения // Социальные и психологические ресурсы развития личности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь : Ариал, 2025. С. 310—315.
15. Профессиональные династии как социальный ресурс и социально-культурный капитал: направления исследования / В. А. Мансуров, Е. Ю. Иванова, Е. М. Колесникова и др. // Россия реформирующаяся : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф, 2022. Вып. 20. С. 149—175. DOI: 10.19181/ezheg.2022.6.

REFERENCES

1. Gnatyuk M. A., Pyrkova M. A., Fadeev E. I. Sectoral identity as a sociological category: boundaries, structure, and institutional sources of formation. *Sotsiologiya = Sociology*. 2025;12:88—93. (In Russ.)
2. Yasvin V. A. Educational environment: from modeling to design. Moscow, Smysl, 2001. 365 p. (In Russ.)
3. Grebenyuk E. V. The educational environment of the university as a space for the implementation of the federal state educational standard of higher professional education. *Vestnik Gertsenovskogo universitetay*. 2010;6(80):38—41. (In Russ.)
4. Volkova S. A. Learning at higher school as a stage of socialization for students. *Mir pedagogiki i psikhologii*. 2016;2(2):5—7. (In Russ.)
5. Nainish L., Golubinskaya T. V., Gavriluk L. E. Formation of a value-semantic attitude to knowledge among students of construction universities. Penza, Penza State University of Architecture and Construction publ., 2014. 136 p. (In Russ.)
6. Gnatyuk M. A., Pyrkova M. A., Fadeev E. I. The educational environment of an industry university as a factor in the formation of students' industry identity. *Sovremennoe professional'noe obrazovanie = Modern professional education*. 2025;12:19—23. (In Russ.)
7. Khokhlenkova L. A. Practice-oriented training of students at the university. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2021;10(2):314—316. (In Russ.) DOI: 10.26140/anip-2021-1002-0078.
8. Nurgalieva V. Yu. Mentoring as a mechanism for the professional socialization of future educators. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and psychology*. 2025;13(2). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/107PDMN225.pdf>.
9. Danilova T. V., Demidova T. E., Tonkikh A. P. Project-based training of students as the main condition for their readiness for professional activity. *Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika = Education Management Review*. 2022;4(50):32—38. DOI: 10.25726/s0536-8820-8230-o. (In Russ.)
10. Nikolskiy V. S., Zlenko A. N. Learning or Serving in Russian Higher Education: Features of a New Approach's Initial Stage Implementation. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 2024;28(3):421—435. (In Russ.) DOI: 10.15507/1991-9468.116.028.202403.421-435.
11. Kanina N. A., Frolova A. E., Krivcova E. V. Dynamics of “self-image” and professional identity status of students — future psychologists during the process of studying at university. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional education in Russia and abroad*. 2024;1(53):75—89. (In Russ.)
12. Rudneva I. A., Kozyreva O. A. Forming the Professional Identity of Future Teachers through Service-Learning. *Vyshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2025;34(1):63—81. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2025-34-1-63-81.
13. Demin P., Pashkov S. University symbols in students' perception. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya = Interaction. Interview. Interpretation*. 2015;7(10):91—100. (In Russ.)
14. Repesciuc X. Yu., Krasilo D. A. Development of the self- image and the image of the mentor of the subject of professional self-determination. *Sotsial'nye i psikhologicheskie resursy razvitiya lichnosti = Social and psychological resources for personality development. Proceedings of the International scientific and practical conference*. Simferopol, Arial, 2025:310—315. (In Russ.)
15. Mansurov V. A., Ivanova E. Y., Kolesnikova E. M. et al. Professional dynasties as a social resource and socio-cultural capital: research directions. *Rossiya reformiruyushchayasya = Russia is reforming*. Annual. M. K. Gorshkov (ed.). Moscow, Novyi Khronograf, 2022;20:149—175. (In Russ.) DOI: 10.19181/ezheg.2022.6.

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 10.01.2026; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 10.01.2026; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 37.091
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1515

Nina Vardanovna Smirnova

Postgraduate of the Institute of Pedagogy of Education,
specialty 5.8.1 — General pedagogy,
history of pedagogy and education,
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
sonytele33@gmail.com

Нина Вардановна Смирнова

аспирант института педагогики и психологии образования,
специальность 5.8.1 — Общая педагогика,
история педагогики и образования,
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
sonytele33@gmail.com

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО УЧИТЕЛЕЙ В КОНТЕКСТЕ НАСТАВНИЧЕСТВА

5.8.1 — Общая педагогика, история педагогики и образования

Аннотация. В условиях усложнения профессиональной деятельности учителя и трансформации образовательной среды школы возрастает значимость наставничества как педагогического механизма профессионального становления молодых педагогов. Несмотря на нормативное закрепление наставнических практик, их реализация нередко носит формализованный характер и не обеспечивает формирования субъектной профессиональной позиции и готовности к педагогическому сотрудничеству. Цель статьи — теоретически обосновать модель наставничества, ориентированную на формирование профессиональной готовности молодых учителей к педагогическому сотрудничеству. Методологическую основу исследования составляют положения общей педагогики, деятельностного и аксиологического подходов, а также анализ современных эмпирических исследований профессиональных дефицитов начинающих педагогов. В работе использованы методы теоретического анализа, обобщения и педагогического моделирования. В результате выделены и обоснованы критерии анализа наставнических практик, позволяющие различать их по характеру взаимодействия, позиции наставляемого, роли рефлексии и направленности совместной про-

фессиональной деятельности. Показано, что выявляемые у молодых педагогов дефициты в организации совместной деятельности, профессионального взаимодействия и рефлексии обуславливают необходимость смещения акцента в наставничестве от преимущественно регламентированных форм сопровождения к формам, основанным на совместной профессиональной деятельности и рефлексивном взаимодействии. Научная новизна исследования заключается в рассмотрении наставничества как педагогического механизма формирования профессиональной готовности к сотрудничеству, а не только как средства адаптационной поддержки. Практическая значимость статьи состоит в возможности использования предложенной модели для анализа, проектирования и экспертизы наставнических программ в системе общего образования и практике внутришкольного наставничества в современных образовательных организациях.

Ключевые слова: наставничество, педагогическое сотрудничество, молодой учитель, профессиональное становление, профессиональное взаимодействие, ценностные ориентации учителя, профессиональная готовность, педагогическая рефлексия, совместная профессиональная деятельность, образовательная организация

Для цитирования: Смирнова Н. В. Педагогическое сотрудничество учителей в контексте наставничества // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 580—584. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1515.

Original article

TEACHERS' PEDAGOGICAL COOPERATION IN THE CONTEXT OF MENTORING

5.8.1 — General pedagogy, history of pedagogy and education

Abstract. In the context of increasing complexity of teachers' professional activity and the transformation of the school educational environment, mentoring gains particular importance as a pedagogical mechanism for the professional development of novice teachers. Despite the formal institutionalization of mentoring practices, their implementation often remains procedural and does not ensure the development of a subject-oriented professional position or readiness for pedagogical cooperation. The purpose of this article is to theoretically substantiate a mentoring model focused on the formation of novice teachers' professional readiness for pedagogical cooperation. The methodological framework of the study is based on the principles of general pedagogy, activity-based and axiological approaches, as well as the analysis of con-

temporary empirical studies on professional deficits of novice teachers. The research employs methods of theoretical analysis, generalization, and pedagogical modeling. As a result, criteria for analyzing mentoring practices are identified, allowing differentiation according to the nature of interaction, the position of the mentee, the role of reflection, and the orientation of joint professional activity. The study demonstrates that professional deficits identified among novice teachers in organizing joint activities, professional interaction, and reflection necessitate a shift in mentoring from predominantly regulated forms of support toward practices based on joint professional activity and reflective interaction. The scientific novelty of the study lies in conceptualizing mentoring as a pedagogical mechanism for developing professional readiness for cooperation rather

than merely a tool for adaptive support. The practical significance of the article lies in the possibility of using the proposed model to analyze, design, and evaluate mentoring programs in general education and in-school mentoring practices.

For citation: Smirnova N. V. Teachers' pedagogical cooperation in the context of mentoring. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;1(74):580—584. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1515.

Введение

Актуальность. Современная система общего образования функционирует в условиях усложнения профессиональной деятельности учителя, расширения спектра его функций и повышения требований к качеству образовательных результатов. В данной ситуации возрастает значимость профессионального взаимодействия педагогов как фактора устойчивости образовательной организации. Характер и уровень профессионального взаимодействия, как показывают исследования, во многом определяются ценностными ориентациями педагогов и спецификой образовательной среды [1].

Выбор педагогами позиций взаимодействия обусловлен системой профессиональных ценностных ориентаций и базисных убеждений личности, выполняющих регулятивную функцию в профессиональной деятельности [2]. Для молодых учителей данный аспект приобретает особую значимость, поскольку именно на этапе профессионального становления формируются устойчивые способы профессионального взаимодействия, определяющие дальнейшую траекторию профессионального развития.

В условиях институциональных изменений системы образования особую роль приобретает наставничество как механизм профессиональной поддержки и сопровождения молодых педагогов. Современные исследования фиксируют рост интереса к наставничеству как педагогическому феномену, обеспечивающему передачу профессиональных норм, ценностей и способов деятельности [3].

Изученность проблемы. Проблематика наставничества в образовании широко представлена в отечественных и зарубежных педагогических исследованиях. В работах Е. А. Дудиной и С. И. Поздеевой наставничество рассматривается как объект научного осмысления в контексте профессионального развития педагогов и образовательных систем [3], а концептуальные основания и модели наставничества в высшем образовании раскрываются в исследованиях Е. Г. Гиндес, И. А. Троян, Л. А. Кравченко [4].

Как самостоятельный объект научных исследований наставничество анализируется в работах П. Н. Осипова и И. И. Ирисметовой, где подчеркивается его междисциплинарный и институциональный характер [5]. Содержание и структура педагогического сотрудничества учителей, его формы и предпосылки в условиях современной школы раскрываются в исследованиях Л. М. Паштона [6], а социальные и институциональные аспекты наставничества — в работах И. А. Зориной [7].

Значимый вклад в понимание профессионального взаимодействия педагогов вносит К. М. Ушаков, рассматривающий сотрудничество через призму социального капитала образовательной организации [8]. Исторические и сравнительные аспекты развития наставничества представлены в исследованиях А. Р. Масалимовой и Д. И. Баянова [9], Е. А. Югфельд [10] и А. О. Афанасьевой [11].

Практико-ориентированные и сравнительные исследования наставничества отражены в работах Е. В. Игнатьевой [12], институциональные механизмы его развития в современной российской системе образования — в иссле-

Keywords: *mentoring, pedagogical cooperation, novice teacher, professional development, professional interaction, teacher value orientations, professional readiness, pedagogical reflection, joint professional activity, educational organization*

дованиях А. А. Марголиса и соавторов [13], а прикладные аспекты реализации наставничества — в работах В. А. Малинина и соавторов [14], а также в исследованиях А. К. Белолуцкой и соавторов, посвященных анализу профессиональных дефицитов начинающих учителей и их учету в организации наставнических практик [15].

Вместе с тем анализ научных источников показывает, что при многоаспектной разработанности проблемы наставничества недостаточно изученным остается вопрос его педагогического потенциала в формировании ценностной ориентации молодых учителей на педагогическое сотрудничество.

Целесообразность исследования. Существующее противоречие между активной институционализацией наставничества в системе образования и недостаточной теоретической проработанностью его аксиологического потенциала обуславливает необходимость обращения к анализу наставничества как педагогического механизма формирования ориентации молодых педагогов на сотрудничество. В условиях формализации наставнических практик возрастает риск их редукции до инструментов адаптации и контроля, что ограничивает возможности развития профессионального взаимодействия на ценностной основе.

Целью настоящего исследования является теоретическое обоснование наставничества как педагогического механизма формирования ценностных ориентаций молодых учителей на сотрудничество. В рамках поставленной цели в статье решаются следующие **задачи**: проанализировать основные подходы к пониманию наставничества и педагогического сотрудничества; раскрыть ценностно-профессиональное содержание педагогического сотрудничества; определить педагогический потенциал наставничества в формировании ориентации молодых учителей на сотрудничество.

Научная новизна работы заключается в обосновании наставничества как педагогического механизма формирования ценностных оснований педагогического сотрудничества, а также в уточнении содержания педагогического сотрудничества как ценностно обусловленного способа профессионального взаимодействия учителей.

Теоретическая значимость исследования состоит в развитии представлений о наставничестве и педагогическом сотрудничестве в контексте общей педагогики и педагогической аксиологии. **Практическая значимость** работы заключается в возможности использования полученных выводов при проектировании и реализации наставнических программ, ориентированных на включение молодых учителей в профессиональное сотрудничество.

Основная часть

Методология исследования. Исследование выполнено в логике теоретико-аналитического осмысления педагогического сотрудничества как феномена профессионального взаимодействия учителей в контексте наставничества. Методологическую основу исследования составляют аксиологический подход, рассматривающий профессиональное взаимодействие как пространство формирования

и реализации ценностей педагогической деятельности, а также диалогический подход, раскрывающий субъект-субъектный характер педагогического взаимодействия.

В ходе исследования использовались методы теоретического анализа, сравнительно-сопоставительного анализа и моделирования. Теоретический анализ позволил уточнить содержание и соотношение понятий «педагогическое сотрудничество», «профессиональное взаимодействие» и «наставничество», а также выявить отличительные признаки сотрудничества, позволяющие разграничить его с формализованными и регламентированными формами профессионального взаимодействия.

Сравнительно-сопоставительный анализ современных отечественных исследований наставничества был направлен на выявление доминирующих трактовок наставничества, его функций и рисков формализации, а также признаков развивающих наставнических практик. Анализ источников, посвященных профессиональному сотрудничеству учителей, позволил соотнести характер взаимодействия педагогов с развитием школьной образовательной среды, методической системы и социального капитала образовательной организации.

Метод теоретического моделирования использовался для выделения структурных компонентов педагогического сотрудничества в системе наставничества и обоснования критериев, позволяющих различать формализованные и развивающие наставнические практики. Разработанная модель носит аналитический характер и ориентирована на теоретическое осмысление наставничества как педагогического процесса, содержательным основанием которого выступает сотрудничество учителей.

Педагогическое сотрудничество как ценностно обусловленная форма профессионального взаимодействия. В современной педагогической литературе сотрудничество рассматривается как форма субъект-субъектного взаимодействия, основанная на совместной деятельности, профессиональном диалоге и рефлексии педагогического опыта [6, с. 78—82]. В отличие от формального взаимодействия, сотрудничество предполагает признание профессиональной субъектности каждого участника и ориентацию на совместное решение педагогических задач.

В работах В. А. Ситарова подчеркивается, что ценности выполняют регулятивную функцию: они определяют выбор способов профессионального взаимодействия и позицию педагога в совместной деятельности [2, с. 33—34]. Н. А. Асташова, анализируя аксиосферу педагога, показывает, что ценностные ориентации задают готовность учителя к диалогу, взаимодействию и совместной ответственности за образовательный результат [1, с. 34—36].

Сотрудничество в этом контексте целесообразно рассматривать не как абстрактную «хорошую ценность», а как **ценностно опосредованный способ профессионального действия**, обеспечивающий согласование индивидуальных и коллективных профессиональных смыслов и переход от «существования» педагогов к их совместной деятельности.

Наставничество как педагогическое пространство реализации сотрудничества. Современные исследования рассматривают наставничество как институционально оформленную форму профессионального взаимодействия педагогов [3; 4]. В интерпретации Е. А. Дудиной и С. И. Поздеевой наставничество выступает не как «передача опыта сама по себе», а как развивающее взаимодействие, концептуализируемое через субъектность, диалог и совместную деятельность; это задает основание рассматривать наставничество как среду профессионального сотрудничества и профессионального развития начинающего педагога [3, с. 86, 92—93].

Историко-педагогический анализ современных моделей наставничества фиксирует смещение акцента от преимущественно иерархических форм взаимодействия к моделям, ориентированным на сотрудничество, поддержку и взаимное развитие участников [9]. Вместе с тем подчеркивается, что институционализация наставничества сопровождается риском его формализации, связанной с усилением нормативной регламентации, доминированием процедур и снижением субъектной позиции наставляемого [4, с. 116—119; 15, с. 70]. В таких условиях наставническое взаимодействие может смещаться от развивающего профессионального сотрудничества к выполнению регламентированных функций, что ограничивает реализацию педагогического потенциала наставничества.

Отмечаемая в литературе многомерность наставничества и обращение к нему разных наук фиксируют его междисциплинарный статус и расширение исследовательского поля [5, с. 109—112], а также актуализируют задачу разграничения наставничества с иными формами педагогического сопровождения [10; 11, с. 172]. Сравнительные исследования институтов наставничества в разных странах также вносят вклад в понимание его специфики [12].

В прикладном аспекте результативность наставнических практик связывается с качеством взаимодействия наставника и наставляемого [7]: доверительным характером общения и партнерской основой отношений; в этом ключе наставничество определяется как технология передачи опыта через неформальное взаимообогащающее общение, основанное на доверии и партнерстве.

На основании социологического исследования (интервью с администрацией школ и опрос педагогов) А. А. Марголис, Е. В. Аржаных и М. Р. Хуснутдинова показали, что ключевыми барьерами развития наставничества выступают: неопределенность статуса наставника и отсутствие регламентации функций; недостаточная мотивация опытных педагогов при нерешенных вопросах нагрузки и оплаты; недостаточное внимание к системной организации профессиональной адаптации молодых специалистов со стороны администрации [13, с. 146—152].

Наставничество традиционно рассматривается и как действенная форма становления личности молодого педагога [14]. Всё это важно для теоретического осмысления наставничества: если наставничество институционализируется лишь как «обязанность» без содержательного ядра взаимодействия, оно склонно воспроизводить формальные и директивные модели коммуникации. Для предотвращения формализации принципиально значимо определить содержательное основание наставничества — то, что делает его педагогически развивающим. В рамках настоящего исследования таким основанием выступает **педагогическое сотрудничество**, обеспечивающее: включение молодого учителя в совместную профессиональную деятельность, освоение норм взаимодействия через практику совместного решения задач, развитие рефлексивной позиции в диалоге с наставником и коллегами.

Тем самым возникает потребность в аналитической рамке, позволяющей описывать наставничество не только как организационную процедуру, но и как пространство сотрудничества.

Структурная модель педагогического сотрудничества в системе наставничества. На основе проведенного теоретико-аналитического исследования разработана структурная модель педагогического сотрудничества в системе наставничества. Она строится на положении о том, что наставничество становится развивающим не по факту наличия наставника и наставляемого, а при условии, что взаимодействие принимает форму сотрудничества, т. е. совместного

профессионального действия, где молодому учителю не «передают» готовые решения, а включают его в обсуждение, проектирование и анализ педагогических решений [6, с. 78—82].

Модель предназначена для: описания внутренней структуры сотрудничества в наставничестве; различения формализованных и развивающих наставнических практик; проектирования наставнических программ как педагогического процесса, а не набора мероприятий.

Модель включает четыре взаимосвязанных компонента:

(а) Ценностный компонент содержит ценностное приятие сотрудничества как профессиональной нормы и основания взаимодействия. На этом уровне фиксируется, что наставничество направлено не на контроль и не на формальную адаптацию, а на развитие молодого учителя как субъекта профессиональной деятельности. Ценностный компонент задает выбор позиции взаимодействия и предотвращает скатывание к директивному стилю [1, с. 34—36; 2, с. 33—34].

(б) Коммуникативный компонент характеризует качество профессионального диалога: признание профессиональной субъектности молодого учителя, открытость обсуждения, совместная постановка вопросов и целей. Данный компонент обеспечивает переход от инструкции к обсуждению и от оценивания к совместному анализу [6, с. 78—82].

(в) Деятельностно-содержательный компонент определяет предмет сотрудничества: совместное планирование, разбор уроков и кейсов, анализ педагогических ситуаций, совместное проектирование решений, участие в методической и школьной деятельности не как «наблюдатель», а как соучастник. Именно этот компонент делает сотрудничество реальным профессиональным действием, а не декларируемой установкой [5].

(г) Организационно-рефлексивный компонент обеспечивает устойчивость сотрудничества и его включенность в методическую систему школы: регулярность взаимодействий, фиксация индивидуальных задач развития молодого учителя, организация обратной связи, условия времени и нагрузки.

В модели выделяются ключевые условия:

1. *Совместная профессиональная деятельность* как условие формирования сотрудничества: молодой учитель включается в решение реальных профессиональных задач вместе с наставником, а не получает советы «со стороны».

2. *Диалог и совместная рефлексия*, позволяющие переводить практические действия в осмысленный профессиональный опыт (анализ удачных решений, трудностей, оснований выбора педагогических средств).

3. *Профессиональная проба и поддержка*: молодой учитель выполняет действие самостоятельно, но в режиме поддержки и обратной связи, что снижает тревожность и формирует профессиональную уверенность.

4. *Нормативно-организационное обеспечение*: статус наставника, выделение времени и регламентов, меры стимулирования и обучения наставников, поскольку без этого наставничество остается стихийным или сугубо добровольным [13, с. 146—152].

Критерии различения формализованных и развивающих практик наставничества. Предлагается различать наставнические практики по совокупности критериев:

- *Позиция наставника*: директивная («передача опыта», контроль) или партнерская (совместное действие, диалог).
- *Предмет взаимодействия*: документы/отчетность или совместная деятельность и разбор реальных педагогических задач.
- *Результат*: внешняя адаптация (вписался в регламенты) или развитие профессиональной позиции (понимает, выбирает, обосновывает, рефлексировает).
- *Устойчивость*: разовые консультации или системная траектория взаимодействия с регулярной рефлексией и обратной связью.

Эти критерии позволяют использовать модель как инструмент анализа и проектирования наставнических программ.

Предложенная модель позволяет аналитически различать формализованные и развивающие практики наставничества по ряду признаков: преобладание регламентированных процедур или совместной деятельности; доминирование отчетности или рефлексивного диалога; зависимость наставляемого или его субъектная позиция и партнерское взаимодействие. Актуальность такого различения обусловлена эмпирическими данными о профессиональных дефицитах начинающих педагогов московских школ, среди которых фиксируются затруднения в организации групповой работы и дискуссий, разрешении конфликтных ситуаций, а также в осознании взаимосвязи между организацией взаимодействия обучающихся и поддержанием дисциплины и интереса к предмету [15]. Указанные дефициты указывают на необходимость наставнических практик, ориентированных не на формальное сопровождение, а на совместное профессиональное действие и рефлексии, что и заложено в основу развивающих форм наставничества.

Выводы

В результате теоретико-аналитического исследования установлено, что педагогическое сотрудничество выступает содержательным основанием наставничества и определяет его развивающий потенциал. Наставничество обосновано как педагогический процесс, в котором ключевое значение имеет совместная профессиональная деятельность, включающая диалог, рефлексии и совместное решение педагогических задач, а не формальное сопровождение или передача опыта.

Показано, что институционализация наставничества является необходимым условием устойчивости наставнических практик, однако не обеспечивает их педагогическую эффективность при отсутствии содержательного ядра, основанного на сотрудничестве как способе профессионального взаимодействия.

Разработанная структурная модель позволяет рассматривать наставничество как целостный педагогический процесс, в котором различие между формализованными и педагогически содержательными практиками определяется ориентацией педагогов на сотрудничество и принятием субъект-субъектной позиции взаимодействия.

Полученные результаты расширяют теоретическое понимание наставничества в системе общего образования и задают перспективы дальнейших исследований, связанных с эмпирической верификацией модели и уточнением критериев проявления педагогического сотрудничества в наставнических практиках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асташова Н. А., Бондырева С. К., Сманцер С. К. Развитие аксиосферы будущего педагога в диалоговом пространстве современного образования // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 7. С. 32—67. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-32-67.
2. Роль ценностных ориентаций и базисных убеждений в выборе студентами позиций взаимодействия / В. Г. Маралов, В. А. Ситаров, Л. В. Романюк и др. // Сибирский психологический журнал. 2025. № 95. С. 20—39. DOI: 10.17223/17267080/95/2.
3. Дудина Е. А., Поздеева С. И. Проблема наставничества в зарубежных и отечественных педагогических исследованиях // Сибирский педагогический журнал. 2023. № 5. С. 85—95. DOI: 10.15293/1813-4718.2305.09.

4. Гиндес Е. Г., Троян И. А., Кравченко Л. А. Наставничество в высшем образовании: концепция, модель и перспективы развития // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 8—9. С. 110—129. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-110-129.
5. Осипов П. Н., Ирисметова И. И. Наставничество как объект научных исследований // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 2. С. 109—115. DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10234.
6. Паштон Л. М. Содержание понятия «сотрудничество учителей» в школе: его характеристики, формы и предпосылки // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. № 5(95). С. 76—96. DOI: 10.24412/2224-0772-2023-95-76-96.
7. Зорина И. А. Наставничество как социальный феномен: современные вызовы и требования // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2023. Т. 14. № 2. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15SCSK223.pdf>.
8. Ушаков К. М. Как сделать школу лучше, или Социальный капитал как приоритет. М.: Сентябрь, 2017. 160 с.
9. Масалимова А. Р., Баянов Д. И. Модели прошлого и современного наставничества: точки соприкосновения и расхождения в исторической ретроспективе // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2023. Т. 17. № 2. С. 162—176. DOI: 10.25688/2076-9121.2023.17.2.09.
10. Югфельд Е. А. К вопросу о феномене наставничества: исторический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 5. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN522.pdf>.
11. Афанасьева А. О. Феномен наставничества: историческая ретроспектива и основные принципы // Перспективы науки. 2024. № 4(175). С. 170—174.
12. Игнатьева Е. В. Реализация наставничества над молодыми педагогами в России и США: сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2023. 27 с.
13. Марголис А. А., Аржаных Е. В., Хуснутдинова М. Р. Институционализация наставничества как ресурс профессионального развития российских педагогов // Вопросы образования. 2019. № 4. С. 133—159. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-133-159.
14. Малинин В. А., Повшедная Ф. В., Лебедева О. В., Пугачев А. В. Наставничество как действенная форма становления и развития личности молодого учителя // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11. № 1. Ст. 5. DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-1-5.
15. Белолуцкая А. К., Мкртчян В. А., Щербак Т. В. Профессиональные дефициты начинающих учителей московских школ // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2022. Т. 16. № 1. С. 55—77. DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.1.03.

REFERENCES

1. Astashova N. A., Bondyeva S. K., Smantser A. P. Development of the axiosphere of the future teacher in the dialogue space of modern education. *Obrazovanie i nauka = The Education and science journal*. 2018;20(7):32—67. (In Russ.) DOI: 10.17853/1994-5639-2018-7-32-67.
2. Maralov V. G., Sitarov V. A., Romanyuk L. V. et al. The role of value orientations and basic beliefs in students' choice of interaction positions. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*. 2025;95:20—39. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/95/2.
3. Dudina E. A., Pozdeeva S. I. Mentoring as a focus of russian and international research investigations. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal = Siberian pedagogical journal*. 2023;5:85—95. (In Russ.) DOI: 10.15293/1813-4718.2305.09.
4. Gindes E. G., Troyan I. A., Kravchenko L. A. Mentorship in Higher Education: A Concept, a Model and Development Prospects. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. 2023;32(7):110—129. (In Russ.) DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-7-110-129.
5. Osipov P. N., Irismetova I. I. Mentoring as an object of scientific research. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda = Vocational Education and Labour Market*. 2020;2:109—115. (In Russ.) DOI: 10.24411/2307-4264-2020-10234.
6. Pashton L. M. The content of the concept of “teacher collaboration” in school: its characteristics, forms and prerequisites. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*. 2023;5(95):76—96. (In Russ.) DOI: 10.24412/2224-0772-2023-95-76-96.
7. Zorina I. A. Mentoring as a social phenomenon: modern challenges and requirements. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023;14(2). (In Russ.) URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/15SCSK223.pdf>.
8. Ushakov K. M. *How to Make a School Better, or Social Capital as a Priority*. Moscow, Sentyabr', 2017. 160 p. (In Russ.)
9. Masalimova A. R., Bayanov D. I. Past and contemporary mentoring models: points of convergence and divergence in historical retrospect. *Vestnik MGPU. Seriya «Pedagogika i psikhologiya» = MCU Journal of Pedagogy and Psychology*. 2023;17(2): 162—176. (In Russ.) DOI: 10.25688/2076-9121.2023.17.2.09.
10. Yugfeld E. A. On the issue of the phenomenon of mentoring: a historical aspect. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya = World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2022;10(5). (In Russ.) URL: <https://mir-nauki.com/PDF/05PDMN522.pdf>.
11. Afanasyeva A. O. The mentoring phenomenon: historical retrospective and basic principles. *Perspektivy nauki = Science Prospects*. 2024;4(175):170—174. (In Russ.)
12. Ignat'eva E. V. *Implementation of mentoring for young teachers in Russia and the USA: a comparative analysis*. Abstract of diss. of the Cand. of Pedagogy. Saransk, 2023. 27 p. (In Russ.)
13. Margolis A., Arzhanykh E., Khusnutdinova M. Institutionalization of mentoring as a resource for professional development of Russian teachers. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. 2019;4:133—159. (In Russ.) DOI: 10.17323/1814-9545-2019-4-133-159.
14. Malinin V. A., Povshednaya F. V., Lebedeva O. V., Pugachev A. V. Mentoring as an effective form of formation and development of a young teacher's personality. *Vestnik Mininskogo universiteta = Vestnik of Minin University*. 2023;11(1):5. (In Russ.) DOI: 10.26795/2307-1281-2023-11-1-5.
15. Beloluckaja A. K., Mkrtyan V. A., Shcherbakova T. V. Professional deficits of novice teachers in Moscow schools. *Vestnik MGPU. Seriya «Pedagogika i psikhologiya» = MCU Journal of Pedagogy and Psychology*. 2022;16(1):55—77. (In Russ.) DOI: 10.25688/2076-9121.2022.16.1.03.

Статья поступила в редакцию 06.12.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 06.12.2025; approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 37.036.5
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1518

Kristina Aleksandrovna Shuvalova
Postgraduate of the Department of Fine,
Decorative Arts and Design
of the Institute of Culture and Arts,
field of training
5.8.2 — Theory and methodology of training
and education (by areas and levels of education),
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
shuvalova.cris@yandex.ru

Кристина Александровна Шувалова
аспирант департамента изобразительного,
декоративного искусства и дизайна
института культуры и искусств,
направление подготовки
5.8.2 — Теория и методика обучения
и воспитания (по областям и уровням образования),
Московский городской педагогический университет
Москва, Российская Федерация
shuvalova.cris@yandex.ru

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОМПОЗИЦИОННОГО МЫШЛЕНИЯ У ОБУЧАЮЩИХСЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли проектной деятельности в развитии композиционного мышления обучающихся в системе дополнительного художественного образования. Актуальность работы обусловлена необходимостью перехода от преимущественно репродуктивных форм обучения к таким способам организации учебного процесса, которые обеспечивают осмысленное конструирование композиции и создание целостного художественного образа. Цель исследования — выявить эффективность проектного подхода в формировании композиционных умений и творческих навыков у детей на начальном этапе художественной подготовки. В качестве гипотезы выдвинуто предположение, что систематическое включение проектной деятельности в учебный процесс способствует более глубокому усвоению принципов композиции и развитию композиционного мышления по сравнению с репродуктивными формами обучения, ориентированными на копирование и выполнение заданий по образцу. Методологическую основу исследования составили деятельностный, личностно-ориентированный и проектный подходы. Описаны основные формы организации проектной деятельности, этапы работы над художе-

ственным проектом, а также критерии оценки уровня развитости композиционного мышления обучающихся. Проведен сравнительный анализ проектной деятельности и репродуктивных форм обучения, позволивший выявить преимущества проектного подхода: повышение мотивации и самостоятельности, развитие системного и композиционного мышления, умения выделять композиционный центр и выстраивать иерархию элементов. Показано, что проектная деятельность не противопоставляется репродуктивным заданиям, а выступает их логическим продолжением и надстройкой. Результаты исследования позволяют рекомендовать интеграцию проектного подхода в программы дополнительного образования в области декоративно-прикладного искусства и намечают направления дальнейшей разработки диагностических методик оценки композиционного мышления.

Ключевые слова: дополнительное художественное образование, композиционное мышление, проектная деятельность, метод проектов, декоративно-прикладное искусство, художественная педагогика, методы обучения, композиционные способности, композиционные умения, творческие способности, личностно-ориентированное обучение, критерии оценки

Для цитирования: Шувалова К. А. Проектная деятельность как средство развития композиционного мышления у обучающихся в системе дополнительного образования // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 585—591. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1518.

Original article

PROJECT-BASED LEARNING AS A MEANS OF DEVELOPING COMPOSITIONAL THINKING IN STUDENTS WITHIN THE SUPPLEMENTARY EDUCATION SYSTEM

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. The article examines the role of project-based activity in the development of compositional thinking among students in the system of supplementary art education. The relevance of the study is determined by the need to move from predominantly reproductive forms of instruction to such ways of organizing

the learning process that ensure meaningful construction of composition and the creation of a coherent artistic image. The aim of the research is to identify the effectiveness of the project-based approach in developing compositional skills and creative abilities in children at the initial stage of artistic training.

The hypothesis assumes that the systematic inclusion of project-based activity in the educational process promotes a deeper understanding of compositional principles and the development of compositional thinking compared to reproductive forms of learning focused on copying and completing tasks according to a model. The methodological framework of the study is based on activity-based, learner-centered, and project-based approaches. The article describes the main forms of organizing project-based activity, the stages of working on an artistic project, and the criteria for assessing the level of students' compositional thinking. A comparative analysis of project-based activity and reproductive forms of learning was carried out, which made it possible to identify the advantages of the project-based approach: increased motivation and independence, the deve-

lopment of systemic and compositional thinking, and the ability to identify a compositional center and build a hierarchy of elements. It is shown that project-based activity is not opposed to reproductive tasks, but acts as their logical continuation and extension. The results of the study make it possible to recommend the integration of the project-based approach into supplementary education programs in the field of decorative and applied arts and outline directions for further development of diagnostic methods for assessing compositional thinking.

Keywords: *supplementary art education, compositional thinking, project-based activity, project method, decorative and applied arts, art pedagogy, teaching methods, compositional abilities, compositional skills, creative abilities, learner-centered approach, assessment criteria*

For citation: Shuvalova K. A. Project-based learning as a means of developing compositional thinking in students within the supplementary education system. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):585—591. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1518.

Введение

Актуальность темы обусловлена возрастанием роли творческого мышления в условиях современного образования, ориентированного на развитие креативности, визуальной грамотности и способности к самостоятельному художественному высказыванию. В художественно-эстетическом профиле ключевым предметно-специфическим компонентом творческого мышления выступает композиционное мышление, обеспечивающее целостность замысла, уместность формально-пластических решений и их аргументированный выбор. Система дополнительного образования, обладая гибкой структурой и практико-ориентированной направленностью, создает благоприятные условия для формирования и целенаправленного развития указанного компонента, а также позволяет целенаправленно проектировать образовательную среду как фактор развития личности и мышления обучающихся [1].

При этом вопросы проектирования педагогических условий и методик, обеспечивающих развитие композиционного мышления в системе дополнительного образования, остаются проработанными недостаточно. Это обуславливает необходимость комплексного рассмотрения проблемы как в теоретическом (уточнение понятийного аппарата, структуры и функций композиционного мышления), так и в практическом аспекте (описание и апробация эффективных форм организации проектной деятельности, критериев и показателей динамики).

Изученность проблемы. Современные исследования, посвященные развитию композиционного мышления обучающихся в системе дополнительного художественного образования, отражают несколько взаимосвязанных направлений.

Вопросы формирования композиционных умений и навыков в обучении изобразительному искусству рассматриваются в работе Н. А. Долгих и С. П. Лазарева [2]. Методические подходы к развитию композиционно-образного мышления и диагностике результатов освоения композиции представлены Е. Г. Милогиной и А. А. Ефимовой [3].

В ряде публикаций подчеркивается потенциал проектной работы в графике и дизайне как условия активизации творческого подхода обучающихся. Так, М. С. Кучеренко раскрывает особенности организации проектной графики как среды, стимулирующей поисковую активность и вариативность решений [4].

С позиции организации познавательной активности обучающихся обращение к проблемно-ориентированному обучению, рассматриваемому как ресурс включения обучающихся в самостоятельное решение учебно-творческих задач, анализируются В. Н. Петровой [5]. Теоретические основания развития мышления и перехода от репродуктивных действий к самостоятельному построению замысла соотносятся с культурно-историческим подходом Л. С. Выготского [6] и анализом образовательных эффектов развивающего обучения Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова, представленным Т. О. Гордеевой [7].

Методологически значимы для художественной педагогики личностно-ориентированный и деятельностный подходы. Основания личностно-ориентированного подхода в художественной педагогике, акцентирующего субъектную позицию ребенка и индивидуальный смысл творчества, раскрываются Д. А. Севостьяновым, Е. В. Лисецкой и Т. В. Павленко [8]. Вопросы деятельностного подхода как основы построения образовательного процесса через активные действия обучающегося, освоение способов деятельности и рефлексии результата рассматриваются А. А. Марголисом [9], а также Э. Р. Гайневым в контексте современного профессионального образования и формирования практико-ориентированных результатов [10].

Вопросы проектного метода как педагогической технологии и формы организации учебной деятельности раскрываются в работах В. М. Швецовой [11] и С. К. Исламгуловой [12], а влияние проектной деятельности на развитие творческого мышления обучающихся рассматривается Т. А. Утебаевым [13]. Дополнительно отметим исследования С. Е. Игнатьева и А. А. Кузнецовой, раскрывающие факторы развития художественно-образного мышления в педагогической практике [14].

Таким образом, имеющиеся работы создают теоретическую и методическую основу исследования, однако сохраняется актуальность уточнения педагогических условий, при которых проектная деятельность выступает устойчивым средством развития композиционного мышления именно в системе дополнительного художественного образования.

Целесообразность разработки темы. Рассмотрение развития композиционного мышления через призму проектной деятельности является для нас приоритетным по ряду причин:

1. Организация проектной деятельности может быть реализована как в групповых, так и в индивидуальных форматах.

2. Стимулирование эмоциональной вовлеченности в творческий процесс через командную работу, взаимодействие, одобрение и совместное достижение результата.

3. Такой подход соотносится с принципами личностно-ориентированного обучения, предполагающими опору на индивидуальный опыт ребенка и значимость выбора в образовательной деятельности [8; 9].

В системе дополнительного образования существует возможность вариативности реализации проектного подхода. В сфере художественного образования, в рамках дисциплины «Композиция» целесообразно представлять задание как проект, со всей исследовательской деятельностью и пониманием творческой задачи, от поиска собственной подтемы, подборки референсов и составления мудбордов до перехода от поисковых эскизов в графике и разработки цветового решения к итоговой работе. Это позволяет ученикам более осознанно подходить к своей работе, четко планируя свою деятельность.

Научной новизной обладают следующие результаты исследования:

- сопоставлены возможности проектного обучения и традиционных репродуктивных практик в дополнительном художественном образовании; полученные результаты показывают, что проектный формат в большей степени стимулирует развитие композиционного мышления обучающихся;

- предложена последовательность реализации художественного проекта, включающая проблематизацию, целеполагание, разработку замысла, исполнение и публичное представление результата; данная последовательность обеспечивает переход от работы по образцу к самостоятельному конструированию композиции;

- определены критерии оценки уровня развитости композиционного мышления обучающихся на начальном этапе художественной подготовки (целостность организации формата, наличие устойчивого композиционного центра, иерархия элементов и осознанность композиционных решений), позволяющие фиксировать динамику формирования композиционных умений в процессе проектной работы;

- обоснованы педагогические эффекты интеграции проектной деятельности в учебный процесс в системе дополнительного образования (рост самостоятельности и мотивации, развитие аналитических навыков, повышение качества итоговых композиций), подтвержденные анализом результатов педагогической практики.

Цель статьи — исследовать влияние проектной деятельности на развитие композиционного мышления в условиях системы дополнительного художественного образования.

Задача исследования состоит в определении педагогических условий и методических приемов проектной деятельности, способствующей развитию композиционного мышления обучающихся на занятиях композицией в системе дополнительного образования и определении степени результативности их применения посредством разработанных критериев.

Теоретическая значимость заключается в разработке нового подхода к развитию композиционного мышления, основанного на получении знаний через проектную деятельность. Такой подход позволяет рассматривать процесс обучения как подготовку к будущей самостоятельной твор-

ческой практике обучающихся. Предложенные методы основываются на возможности интеграции проектной деятельности в программы дополнительного образования, что обеспечивает повышение эффективности художественного обучения.

Практическая значимость состоит в разработке и применении комплекса средств реализации проектной деятельности, включающего сочетание аудиторных занятий с выездными пленэрами, участие в мастер-классах, экскурсиях и работе в музейной среде. Эти формы создают условия для включения обучающихся в полноценный творческий процесс — от замысла до воплощения, что обеспечивает глубокое усвоение знаний, развитие композиционного мышления и формирование опыта, приближенного к профессиональной художественной практике.

Основная часть

Методологическую основу исследования составляют деятельностный подход, личностно-ориентированное обучение и проектный метод. Деятельностный подход позволяет рассматривать обучение как организацию активных действий обучающегося и развитие способов деятельности [9; 10]. Личностно-ориентированная парадигма задает приоритет индивидуальному опыту, смыслообразования и субъектной позиции обучающегося в образовательном процессе [8]. Проектный метод рассматривается как способ организации обучения, обеспечивающий переход от усвоения знаний к их применению в практико-творческих задачах [11; 12].

Проектная деятельность в контексте дополнительного образования может быть реализована в следующих форматах:

1. Индивидуальный проект — это деятельность, направленная на создание серии или одного крупного художественного произведения. В ходе работы над замыслом, поиском решений и практической реализацией обучающийся развивает профессиональный интерес, учится работать самостоятельно, принимать решения и нести ответственность за результат, при этом итоговое произведение становится отражением проделанного пути.

2. Групповой проект — работа над коллективной композицией, выставкой или конкурсным проектом. Такой формат формирует навыки взаимодействия, развивает чувство ответственности за общий результат и способствует углублению художественного мышления.

Рассмотрим эффективность проектного метода на примере выполнения задания на тему малой Родины.

Для повышения эффективности обучения ученикам предлагается список тем, связанных с интересами в области искусства, культуры, традиций, детства, Родины. При этом важен индивидуальный подход к выбору темы, ее эмоциональная и творческая значимость для конкретного ребенка. Эта вариативность напрямую влияет на заинтересованность обучающихся в ее творческой реализации.

Проектная деятельность реализуется через следующие этапы:

1. *Постановка проблемы и цели* — анализ, синтез, прогнозирование, целеполагание.

2. *Анализ материала* — классификация, сравнение, выделение существенного, абстрагирование.

3. *Эскизирование* — воображение, ассоциативное мышление, моделирование, трансформация.

4. *Создание образцов* — эксперимент, проверка гипотезы, корректировка, вариативное мышление.

5. *Реализация проекта* — планирование, алгоритмизация действий, самоконтроль.

6. *Презентация результата* — аргументация, рефлексия, оценка и самооценка.

Данная логика этапности соотносится с общими принципами метода проектов, предполагающими последовательный переход от постановки проблемы к реализации и презентации результата [11], а также подтверждается практико-ориентированными наблюдениями о влиянии проектной деятельности на развитие творческого мышления обучающихся. Проектная логика обучения предполагает, что ребенок не просто выполняет задание, а решает содержательную задачу: «Проектная деятельность предоставляет учащимся возможность заниматься аутентичным решением проблем» [13, с. 261].

Проектная деятельность требует комплексного использования интеллектуальных ресурсов обучающегося: когнитивных (память, внимание, восприятие, мышление, речь); креативных (воображение, способность к генерации идей, поиск оригинальных решений); коммуникативных (умение презентовать результат, взаимодействовать в коллективе, аргументировать); регулятивных (планирование, постановка целей, самоконтроль). Такой подход опирается на представление о взаимосвязи мышления, деятельности и личностного развития в образовательном процессе [6; 9].

Специфика проектной деятельности состоит в ориентировании на решение комплексной задачи — от постановки проблемы до ее воплощения; предполагает сочетание аналитических, творческих и исследовательских действий; процесс становится приоритетным, позволяя стать источником развития мышления; формирует способность видеть композицию не как сумму приемов, а как систему взаимосвязанных решений, рождающихся в процессе поиска и реализации замысла. Это подтверждается тем, что «ключевыми характеристиками проектной деятельности являются ее проблемный характер и междисциплинарность» [13, с. 261].

Отличительной чертой проектной деятельности является большая самостоятельность и ответственность в принятии решений на всем пути проекта, что соответствует логике личностно-ориентированного образования, ориентированного на развитие субъектной позиции ребенка и его образовательной автономии [8].

Методы, применяемые в процессе формирования композиционного мышления:

- анализ композиций и работа с референсами;
- создание эскизов и схем по заданной теме, поиск образа;
- ведение скетчбука как части проекта или самостоятельного проекта;
- обсуждение и групповая рефлексия.

Анализ результатов педагогической практики показал, что внедрение проектной деятельности в образовательный процесс приводит к следующим эффектам:

- *повышение уровня самостоятельности и осознанности* в процессе создания художественных композиций — учащиеся проявляют инициативу, глубже погружаются в смысловую и визуальную структуру произведения;
- *развитие аналитических и организационных навыков*, особенно при работе с визуальным материалом (референсы, мудборды и пр.);
- *повышение качества итоговых работ*, выражающееся в целостности композиции, продуманной иерархии элементов, соответствии образа теме и росте технической аккуратности исполнения.

В опоре на подход Т. В. Гановой, К. М. Ганиной, К. В. Мамонтова, согласно которому «на основе исследования данных понятий обозначен термин «композиционные способности» и выделены их особенности как осмысленной конструирующей деятельности» [15, с. 427], в данном исследовании *развитость композиционного мышления* рассматривалась как степень сформированности осмысленной конструирующей деятельности при создании композиции. Анализ детских работ и процесса их выполнения осуществлялся по проявлению следующих признаков:

- целостность организации формата и картинной плоскости, наличие устойчивого композиционного центра;
- подчиненность элементов общему замыслу (выделение главного и второстепенного);
- способность обучающегося кратко объяснить свои композиционные решения в устном комментарии.

С целью определения педагогической эффективности проектной деятельности в условиях дополнительного образования проведено сопоставление работ обучающихся. Полученные данные систематизированы в таблице по основным критериям анализа: вовлеченность в процесс, проявление индивидуальности, уровень сформированности композиционного мышления и др.

Сравнительная характеристика традиционного и проектного методов обучения

Критерии	Проектная деятельность	Репродуктивные формы обучения
Вовлеченность	Высокая: учащиеся проявляют инициативу, включены в поиск решений, активно обсуждают идеи	Средняя: выполнение заданий по шаблону, интерес держится на этапе новизны
Индивидуальность	Подчеркивается: каждый проект отражает личное видение, выбор тематики и способов реализации	Ограничена: чаще используются единые задания с единым результатом
Мотивация к обучению	Повышается: интерес возрастает через свободу выбора и участие в реальных проектах	Умеренная: зависит от педагога и внешней оценки
Креативность	Развивается активно: самостоятельная постановка цели и задач, поиск способов реализации	Частично развиваются: творческие проявления возможны, но ограничены тематикой и временем занятий
Опыт самостоятельного поиска решений	Высокий: учащиеся анализируют варианты, выбирают оптимальные решения в зависимости от задачи	Низкий: следование заданному образцу, выполнение инструкции
Развитость композиционного мышления	Отмечается более высокий уровень: обучающиеся самостоятельно определяют композиционный центр, выстраивают иерархию элементов, удерживают целостность формата, используют ритм и контрасты осознанно; в устных комментариях способны объяснить свои композиционные решения	Преобладает базовый уровень: композиционный центр чаще задается педагогом или образцом; элементы размещаются фрагментарно, связь части и целого выражена слабо; обучающиеся затрудняются аргументировать выбор композиционных решений, опираются на копирование

Критерии	Проектная деятельность	Репродуктивные формы обучения
Техника исполнения (практические навыки)	Усовершенствуется: через длительную, пошаговую работу над одним проектом ученик осваивает технику глубже	Развивается, но фрагментарно: больше упражнений, меньше цельных работ
Навыки пространственного мышления	Развиваются через моделирование, макеты, работу в разных форматах и техниках, а также за счет самостоятельного подбора форматов и ракурсов в рамках проекта	Развиваются через моделирование, макеты, работу в разных форматах и техниках по заданному образцу

Сравнительный анализ включал работы обучающихся, выполненные в рамках традиционных заданий (тематическое рисование, учебный натюрморт) и проектных задач. Оценка уровня композиционного мышления проводилась по каждому из выделенных параметров (пространственная организация, иерархия, ритм, смысловая целостность, осознанность решений) с выделением трех уровней проявления: базовый, средний, продвинутый. Полученные данные легли в основу сравнения, отраженного в таблице.

Как видно из таблицы, систематическое включение проектной деятельности способствует не только развитию композиционного мышления, но и формированию умений работать в группе, повышению мотивации, освоению интерактивных форм взаимодействия, смещению акцента с результата на процесс и обеспечению комплексного, гармоничного развития личности обучающегося. В рамках проектной работы учащиеся не только анализируют композиционные и технические решения, но и раскрывают смысловую глубину художественного образа, что способствует более глубокому развитию художественного мышления.

Уникальность включения проектного подхода в образовательный процесс обусловлена рядом факторов. Во-первых, в рамках проектной деятельности право выбора не является формальным, а становится содержательным: обучающийся сам определяет тему, способы ее раскрытия и форму конечного продукта. Такая автономия напрямую связана с личностной значимостью проекта и, следовательно, формирует устойчивую внутреннюю мотивацию. Во-вторых, проектная деятельность развивает способность находить интерес даже во внешне непривлекательных темах за счет сочетания автономии, личностно значимой задачи и исследовательско-поискового подхода. Именно тогда учащийся участвует в выборе темы или ее аспектов, исследует визуальные и теоретические источники, экспериментирует с образами и материалами, формируется смысловая связь с материалом. Исследования показывают, что такие элементы, как автономия, ощущение владения проектом, наличие вызова и поддержка со стороны педагога существенно повышают внутреннюю мотивацию и интерес к предмету.

В-третьих, проектная форма обучения позволяет сосредоточиться на поиске решения творческой задачи в течение более длительного периода — от нескольких месяцев до полугода, как в случае с индивидуальными или дипломными проектами. Это дает возможность глубже осваивать материал и развивать практические навыки.

Результаты исследования позволяют утверждать, что проектная деятельность является результативным средством развития композиционного мышления у обучающихся в системе дополнительного художественного образования. Это обусловлено тем, что в процессе проектной работы учащийся сталкивается с необходи-

мостью последовательного решения композиционных задач: формулировки замысла, выявления главного и второстепенного, структурирования картинной плоскости, подбора и сопоставления элементов, выстраивания ритмических и пропорциональных отношений, поиска соотношения формы и содержания. В отличие от тематического рисования или выполнения натюрморта, где задание чаще имеет репродуктивный характер и предполагает работу с уже заданным объектом, проектная деятельность требует самостоятельного выстраивания композиции как целостной системы. Именно эта направленность на целеполагание, вариативный поиск и воплощение замысла обеспечивает развитие мыслительных действий анализа и обобщения и формирование композиционного мышления, чего невозможно достичь в полной мере при традиционных формах учебно-художественной практики. Она обеспечивает системное и целенаправленное включение в творческий процесс, способствует интеграции знаний, развитию самостоятельности и критического мышления.

Современные исследования подчеркивают, что включение проектной деятельности в художественное обучение способствует развитию самостоятельности, вариативности мышления и повышению качества творческого результата, поскольку обучающийся проходит путь от замысла к реализации и осмыслению собственных решений [4; 13]. Это позволяет рассматривать проектную работу как устойчивое средство формирования не только технических навыков, но и композиционных умений на основе рефлексивно-деятельностной практики [9; 12].

Композиционное мышление представляет собой комплексное когнитивное явление, требующее опоры как на теоретические знания, так и на практику. Внедрение проектной деятельности в программы дополнительного художественного образования способствует переходу на более высокий уровень образовательной практики, ориентированной на развитие креативного и композиционного мышления.

Заключение

По итогам исследования было выявлено, что проектная деятельность является эффективным средством развития композиционного мышления в системе дополнительного образования. Эффективность данного подхода выражается в том, что в процессе проектной работы учащиеся последовательно проходят все этапы художественного замысла — от постановки цели и отбора визуального материала до анализа, синтеза и реализации художественного образа в материале. Это позволяет формировать у них не только технические навыки, но и целостное видение картинной плоскости, умение выявлять композиционный центр, выстраивать иерархию элементов и добиваться гармонии художественного образа.

Главным преимуществом проектной деятельности является глубокое усвоение композиционных принципов через активизацию аналитико-синтетических операций, формирование устойчивого интереса к учебному процессу и развитие профессиональной мотивации.

Проектная деятельность предполагает самостоятельную постановку задач, поиск оригинальных решений, интеграцию разнородного визуального материала и критический анализ результата. В то же время традиционные формы работы — тематическое рисование, натюрморт, учебные композиции — остаются необходимым фундаментом: они формируют технические навыки и базовые представления о законах композиции. Однако их возможности ограничены рамками воспроизведения и закрепления готовых образцов. Именно проектная деятельность становится логическим продолжением

и надстройкой над традиционной практикой, обеспечивая решение более сложных композиционных задач — выявление композиционного центра, выстраивание иерархии элементов, формирование целостного художественного образа.

Практическая значимость работы заключается в возможности интеграции проектной деятельности в образовательные программы дополнительного образования посредством индивидуальных и групповых проектов, мастер-классов, пленэров, музейных занятий. Такая интеграция позволяет педагогам не только разнообразить формы обучения, но и выстроить последовательную систему формирования композиционного мышления, обеспечивающую подготовку учащихся к дальнейшему обучению в профессиональных художественных учебных заведениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Основные тенденции развития дополнительного образования детей / науч. ред. Т. А. Мерцалова. М. : НИУ ВШЭ, 2023. 229 с.
2. Долгих Н. А., Лазарев С. П. Развитие композиционных умений и навыков у будущих учителей изобразительного искусства в процессе изучения дисциплины «Основы композиции и цветоведения» // Научно-педагогическое обозрение. 2020. Вып. 5(33). С. 58—67. DOI: 10.23951/2307-6127-2020-5-58-67.
3. Милогина Е. Г., Ефимова А. А. Формирование композиционно-образного мышления юных художников в дополнительном образовании: методика и результаты диагностики // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2023. № 4(65). С. 112—122. DOI: 10.26456/vtspyped/2023.4.112.
4. Кучеренко М. С. Творческий подход к обучению в проектной графике // Молодой ученый. 2018. № 46(232). С. 300—302.
5. Петрова В. Н. Возможности применения технологии проблемно-ориентированного обучения (PBL) в практике высшего образования (на примере ТГУ) // Сибирский психологический журнал. 2017. № 65. С. 112—124. DOI: 10.17223/17267080/65/9.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : Юрайт, 2022. 352 с.
7. Гордеева Т. О. Когнитивные и образовательные эффекты системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина—В. В. Давыдова: возможности и ограничения // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 4. С. 14—25.
8. Севостьянов Д. А., Лисецкая Е. В., Павленко Т. В. Основания личностно-ориентированного подхода в художественной педагогике // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12. № 4. С. 706—713. DOI: 10.20913/2618-7515-2022-4-11.
9. Марголис А. А. Деятельностный подход в педагогическом образовании // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 3. С. 5—39. DOI: 10.17759/pse.2021260301.
10. Гайнцев Э. Р. Деятельностный подход в профориентационной работе как ключевой фактор реализации федерального проекта «Профессионалитет» // Профессиональное образование и рынок труда. 2024. Т. 12. № 1. С. 95—104. DOI: 10.52944/PORT.2024.56.1.007.
11. Швецова В. М. Метод проектов как педагогическая технология в общем контексте реформирования образования // Наука и Образование. 2023. Т. 6. № 4. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/6373> (дата обращения: 18.11.2025).
12. Исламгулова С. К. Метод проектов: теория и практика применения // Исследователь. 2022. № 3—4(39—40). С. 183—199.
13. Утебаев Т. А. Проектная деятельность как средство развития творческого мышления учащихся // Молодой ученый. 2025. № 17(568). С. 260—263.
14. Игнатъев С. Е., Кузнецова А. А. Развитие художественно-образного мышления обучающихся: роль музыкального восприятия на уроках изобразительного искусства // Современные проблемы науки и образования. 2024. № 4. DOI: 10.17513/spno.33580.
15. Ганова Т. В., Ганина К. М., Мамонтов К. В. Композиционные способности: структура и проблема интерпретации // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 4(69). С. 427—432. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.69.1151.

REFERENCES

1. Key trends in the development of supplementary education for children. T. A. Mertsalova (ed.). Moscow, HSE University publ. 2023. 228 p. (In Russ.)
2. Dolgikh N. A., Lazarev S. P. Development of compositional skills and abilities of future fine arts teachers in the course “Fundamentals of composition and color science”. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie = Pedagogical Review*. 2020;5(33):58—67. (In Russ.) DOI: 10.23951/2307-6127-2020-5-58-67.
3. Milyugina E. G., Efimova A. A. Formation of young artists’ compositional-imaginative thinking by additional education: methodology and diagnostic results. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya*. 2023;4(65):112—122. (In Russ.) DOI: 10.26456/vtspyped/2023.4.112.

4. Kucherenko M. S. A creative approach to teaching project graphics. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2018;46(232):300—302. (In Russ.)
5. Petrova V. N. Potential of problem based learning technology in high school practice. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*. 2017;(65):112—124. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/65/9.
6. Vygotsky L. S. Thinking and speech. Moscow, Yurait, 2022. 352 p. (In Russ.)
7. Gordeeva T. O. Cognitive and educational effects of the Elkonin-Davydov system of developmental education: opportunities and limitations. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*. 2020;16(4):14—25. (In Russ.)
8. Sevostyanov D. A., Lisetskaya E. V., Pavlenko T. V. The foundations of a personality-oriented approach in art pedagogy. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire = Professional education in the modern world*. 2022;12(4):706—713. (In Russ.) DOI: 10.20913/2618-7515-2022-4-11.
9. Margolis A. A. Activity Approach in Teacher Education. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*. 2021;26(3):5—39. DOI: 10.17759/pse.2021260301.
10. Gaaneev E. Activity-based career guidance as a key factor in the implementation of the Professionalitet federal project. *Professional'noe obrazovanie i rynok truda = Vocational Education and Labour Market*. 2024;12(1):95—104. (In Russ.) DOI: 10.52944/PORT.2024.56.1.007.
11. Shvetsova V. M. Project method as a pedagogical technology in the general context of education reform. *Nauka i Obrazovanie*. 2023;6(4). (In Russ.) URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/6373> (accessed: 18.11.2025).
12. Islamgulova S. Project-based Learning: Theory and Practical Application. *Issledovatel' = Researcher*. 2022; 3—4(39—40):183—199. (In Russ.)
13. Utebaev T. A. Project activity as a means of developing students' creative thinking. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2025;17(568):260—263. (In Russ.)
14. Ignatev S. E., Kuznetsova A. A. Development of students' artistic and imaginative thinking: the role of musical perception in fine arts lessons. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern problems of science and education*. 2024;(4). (In Russ.) DOI: 10.17513/spno.33580.
15. Ganova T. V., Ganina K. M., Mamontov K. V. Compositional abilities: structure and the problem of interpretation. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2024;4(69):427—432. (In Russ.) DOI: 10.25683/VOLBI.2024.69.1151.

Статья поступила в редакцию 06.12.2025; одобрена после рецензирования 30.12.2025; принята к публикации 12.01.2026.
The article was submitted 06.12.2025; approved after reviewing 30.12.2025; accepted for publication 12.01.2026.

Научная статья
УДК 37.089.3:51
DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1538

Huo Xuejing

Postgraduate of the Faculty of Art and Graphics,
field of training
5.8.2 — Theory and methodology of training and education
(fine arts),
Moscow Pedagogical State University
Moscow, Russian Federation
xuejing.huo@mail.ru

Хуо Сюэцзин

аспирант художественно-графического факультета,
направление подготовки
5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания
(изобразительное искусство),
Московский педагогический государственный университет
Москва, Российская Федерация
xuejing.huo@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ МЕТОДОВ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

5.8.2 — Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)

Аннотация. В условиях глобализации методы преподавания традиционного китайского нематериального культурного наследия в художественном образовании испытывают недостаток систематического обзора и углубленных исследований, а также межкультурных сравнений, ориентированных на практику между Китаем и Россией.

Цель представленного в статье исследования — сравнить методы преподавания традиционного нематериального культурного наследия в художественном образовании в Китае и России, выявить характеристики и основные ценности китайских методов преподавания нематериального культурного наследия. В исследовании выдвигается гипотеза, что сочетание персонализированных методов обучения в Китае, которые делают акцент на опыте, с развитыми и систематическими преимуществами России может решить ключевые проблемы в области передачи культурного наследия. В исследовании используются такие методы, как систематический анализ, обзор литературы по последним ключевым достижениям в Китае и России, сравнительное исследование и моделирование, чтобы прояснить двухэтапную логику передачи навыков и культурного погружения, вос-

полняя пробел в межкультурных исследованиях. Построена трехмерная оптимизационная модель «дифференцированная стандартизация + цифровизация + подготовка преподавателей» для решения практических проблем, таких как «передача навыков, но не души» и дисбаланс между масштабом и качеством.

Результаты исследования применимы к художественному образованию, охране нематериального культурного наследия и трансграничному культурному обмену между Китаем и Россией. Ограничением данного исследования является то, что опыт Китая и России носит относительно общий характер; будущие исследования будут более глубоко изучать сравнение конкретных категорий нематериального культурного наследия для расширения тематики исследования.

Ключевые слова: китайское нематериальное культурное наследие, художественное образование, традиционные методы обучения, культурное наследие, китайско-российское сравнение, эстетическое воспитание, стандартизация обучения, подготовка педагогических кадров, цифровые технологии в образовании, сохранение подлинности нематериального культурного наследия

Для цитирования: Хуо С. Исследование традиционных методов преподавания китайского нематериального культурного наследия в художественном образовании // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 1(74). С. 592—596. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1538.

Original article

A STUDY ON TRADITIONAL TEACHING METHODS OF CHINESE INTANGIBLE CULTURAL HERITAGE IN ART EDUCATION

5.8.2 — Theory and methodology of training and education (by areas and levels of education)

Abstract. In the context of globalization, the teaching methods of traditional Chinese intangible cultural heritage in arts education lack systematic review and in-depth research, as well as cross-cultural Sino-Russian comparisons focusing on practice.

This study aims to compare the teaching methods of traditional intangible cultural heritage in arts education in China and Russia, identifying the characteristics and core values of Chinese intangible cultural heritage teaching methods.

The research hypothesizes that combining China's personalized teaching methods, which emphasize experience, with Russia's mature and systematic advantages can solve key issues in cultural heritage transmission. This study employs methods such as systematic analysis, literature review of recent core achievements in China and Russia, comparative research, and modeling to clarify the two-stage transfer logic of skill acquisition and cultural immersion, filling a gap in cross-cultural research. It constructs a three-dimensional

optimization model of “differentiated standardization + digitalization + teacher training” to address practical problems such as “transmitting skills but not the soul” and the imbalance between scale and quality.

The research results are applicable to art education, intangible cultural heritage protection, and cross-border cultural exchange between China and Russia. The limitation of this study is that the experiences of China and Russia are relatively

general; future research will delve deeper into the comparison of specific intangible cultural heritage categories to expand the research dimensions.

Keywords: Chinese intangible cultural heritage, art education, traditional teaching methods, cultural heritage, Sino-Russian comparison, aesthetic education, standardization of education, teacher training, digital technologies in education, preservation of the authenticity of intangible cultural heritage

For citation: Huo X. A Study on traditional teaching methods of Chinese intangible cultural heritage in art education. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2026;1(74):592—596. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.74.1538.

Введение

На фоне глобализации и стремительного развития искусство, являющееся основным носителем национальных культурных генов, сталкивается с новыми вызовами в своем наследии и привлекает все большее международное внимание. Художественное образование является главной областью для межпоколенческой передачи навыков и культурных смыслов, связанных с искусством и нематериальным культурным наследием (далее — НКН). Традиционные методы обучения, сформировавшиеся в процессе наследования китайского искусства, НКН, воплощают в себе образовательную мудрость «единства знания и действия» и представляют собой образовательную модель, проверенную на практике.

В настоящее время исследования в области образования в сфере искусства, НКН, сосредоточены на инновационных методах, в то время как систематические исследования традиционных методов обучения слабы, отсутствует межкультурный сравнительный анализ китайско-российского подхода.

Актуальность исследования в основном определяется тремя ключевыми аспектами:

1. Изучение традиционных методов преподавания китайского НКН в сравнительной перспективе недостаточно.
2. Существуют практические потребности в области художественного образования и модели преподавания, которая сможет обеспечить подлинность наследия.
3. Российское художественное образование имеет глубокую основу, и его опыт в наследовании традиционного искусства имеет сравнительную ценность.

Изученность проблемы. Данное исследование основывается на научных достижениях Китая и России в области культурного наследия и художественного образования, формируя многоаспектную теоретическую основу.

Китайская теоретическая основа. Исследование использует концепцию «единства навыков и культуры» Цзоу Лифан [1], подчеркивая, что передача НКН не ограничивается только передачей технических навыков, но также требует глубокого интеграции культурных коннотаций и национального духа. Оно опирается на теорию устной передачи Ян Хуэйцзюня [2], которая акцентирует внимание на ценности неявного опыта и субъективного понимания обучающихся в процессе наследия. Исследование Ван Цзы [3] об эстетике традиционных китайских ремесел и модель «устной и сердечной передачи» Фэн Цицай [4] служат ключевой поддержкой для анализа культурного ядра традиционных навыков. Кроме того, практическое исследование Ли Мэньмэй [5] о преподавании НКН в начальных и средних школах подтверждает эффективность индивидуализированных методов; исследование Чжу Сяоцзин [6] об интеграции НКН с курсами дизайна в вузах демонстрирует потенциал сочетания традиций и инноваций; компетентностная модель преподавателей НКН, разработанная Цзяо Сяоцзюнь [7], заложила основу для модуля

«подготовка преподавателей»; сравнительное исследование Юй Жуэй [8] о китайско-российских моделях преподавания предоставило структуру для межкультурного анализа; а работы Пу Чжицзя [9] по цифровому наследию НКН дополнило теоретическое обеспечение для модуля «цифровизация».

Российские теоретические основы. Исследование включает концепцию систематизации художественного образования Н. П. Петровой и Г. А. Бондаревой [10], которая предлагает эффективную передачу традиционных навыков через интеграцию стандартизированной системы и цифровых инструментов. Исследования Л. И. Сорокиной и Н. А. Прямковой [11] о преподавании российских народных ремесел и А. Ш. Амиржановой [12] об эстетическом воспитании через традиционные искусства предоставили основания для анализа путей адаптации российских традиций к современности. Механизмы интеграции цифровых технологий в традиционное художественное образование, раскрытые Х. И. Х. Аль-Харганом [13], стали важным ориентиром для разработки оптимизационных путей. Детальные сценарии применения цифровых инструментов представлены в исследованиях В. В. Салий и Р. П. Писаревского [14] о цифровых платформах для сохранения ремесел, а также в работах Г. Р. Кутателадзе [15] — эти исследования обеспечили ключевую теоретическую поддержку для модуля «расширение цифровых возможностей».

Целесообразность разработки темы. Данное исследование не ограничивается существующими работами, сосредоточенными на общих вопросах инноваций или широких проблемах охраны наследия, а направлено на ранее недостаточно изученный ядро — на педагогическую логику, лежащую в основе практик исторического наследия. Разработанная трехмерная оптимизационная модель «дифференцированная стандартизация + расширение цифровых возможностей + подготовка преподавателей» обладает высокой практической реализуемостью и может быть широко применена в образовательных учреждениях, центрах культурного наследия и международных культурных проектах.

Цель исследования — сравнить методы преподавания традиционного нематериального культурного наследия в художественном образовании в Китае и России, выявить характеристики и основные ценности китайских методов преподавания НКН.

Задачи исследования:

- 1) анализ смысла и типов традиционных методов преподавания китайского НКН;
- 2) структурированное межкультурное сравнение китайско-российского опыта по трем параметрам: целеполагание, форма передачи, адаптация к современности;
- 3) разработка научно обоснованных путей оптимизации традиционных методов.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно демонстрирует внутреннюю логику «объединения навыков и культуры» в традиционных китайских методах

обучения, сравнивает ее с российским опытом и создает набор комплексных оптимизационных моделей, которые могут решить ключевые проблемы наследования.

Теоретическая значимость. Восполнение пробела в межкультурных исследованиях: существующим исследованиям не хватает структурированного сравнения традиционных методов обучения НКН между Китаем и Россией. Данное исследование впервые проводит сравнительный анализ в трех измерениях: цели обучения, формы передачи и современной адаптации, выявляя взаимодополняемость двух методов, предлагая путь межкультурной интеграции и расширяя международную перспективу исследований в области передачи НКН.

Практическая значимость. Разработанная в данном исследовании трехмерная модель «дифференцированной стандартизации + цифровизации + подготовки преподавателей» может напрямую способствовать модернизации образовательных программ, связанных с традиционными искусствами и НКН, а также служить практическим руководством для разработки курсов по охране и сохранению культурного наследия.

Основная часть

Методология исследования включает:

- *Метод системного анализа:* рассматривает традиционные китайские методы обучения НКН, классифицируя их по типам, чтобы прояснить внутреннюю связь между передачей технологий и погружением в культуру [8].

- *Метод обзора литературы:* анализ монографий и научных статей китайских и российских ученых по традиционному художественному образованию и передаче НКН обеспечивает актуальность и научную строгость исследования, а также выявляет пробелы в межкультурных сравнительных исследованиях [10].

- *Метод сравнительного исследования:* проводит структурированный анализ традиционных методов обучения искусству в Китае и России по трем основным направлениям: цели обучения, формы передачи и современная адаптация. Он выявляет соответствующие преимущества каждого подхода, обеспечивая основу для межкультурной интеграции и оптимизации [11].

- *Метод построения модели:* объединяет опыт персонализированного обучения в Китае с систематическими и цифровыми практиками России для построения трехмерной оптимизационной модели «дифференцированной стандартизации + расширения цифровых возможностей + подготовки учителей», которая направляет модернизацию традиционных методов обучения [13].

Параметры сравнения. Сравнительное исследование китайско-российского опыта традиционного преподавания искусства основывается на трех параметрах:

- 1) целеполагание обучения (приоритеты в процессе передачи);
- 2) форма передачи навыков (организационные модели);
- 3) механизм адаптации к современности (способ интеграции с современным образованием).

Данный подход позволяет систематизировать различия и сходства двух культурных моделей, выявляя опыт, пригодный для оптимизации традиционных методов преподавания китайского НКН.

Результаты и обсуждение исследования.

Особенности китайского подхода. Китайские исследования традиционных методов преподавания НКН сосредоточены на «ценности живой передачи» и «практиче-

ской адаптивности». Как ключевой носитель традиционной китайской культуры, передача технической сущности и культурных коннотаций НКН в значительной степени опирается на индивидуализированные методы (устная передача, копирование, практическое понимание). Эти методы сформировали уникальную логику «равного акцента на технике и культуре», обеспечивающую точную передачу навыков и глубокое погружение в национальную эстетику.

Однако практические ограничения этих моделей — ограниченность масштаба деятельности носителей НКН приводит к низкой эффективности передачи и узкому охвату, затрудняя адаптацию к требованиям современного образования. Поэтому в китайских исследованиях активно исследуются пути интеграции традиционных методов с современными образовательными концепциями (например, индивидуализированные планы в рамках группового обучения).

Особенности российского подхода. Российские ученые в исследованиях традиционных методов преподавания искусства фокусируются на «систематичности» и «эстетической ценности». Российское наследие художественного образования характеризуется глубокой академической основой: научное сообщество считает, что эффективная передача традиционных навыков невозможна без стандартизированной и упорядоченной системы обучения. Ключевые элементы российского подхода:

- Построение полной цепочки обучения от базовой подготовки до творческой практики, уточнение целей на каждом этапе.

- Интеграция эстетического воспитания в процесс освоения навыков — учащиеся не только осваивают технику, но и развивают художественное восприятие и понимание национальной культуры.

Кроме того, российские ученые активно внедряют современные технологии (цифровые платформы, виртуальные мастерские) для расширения масштаба передачи традиционного искусства. Такая интеграция повышает эффективность без ущерба для традиционной эстетической ценности.

Сопоставление китайского и российского подходов представлено в таблице.

Сопоставление китайского и российского подходов

Параметр	Китайский подход	Российский подход
Целеполагание	Сохранение подлинности НКН и культурной идентичности	Систематизация передачи и эстетическое воспитание
Форма передачи	Индивидуализированная (устная передача, персональное руководство)	Стандартизированная (многоуровневая система обучения)
Адаптация к современности	Интеграция с современными образовательными концепциями (инновационное мышление)	Внедрение цифровых технологий и расширение учебных форм

Сходства между двумя подходами: обе стороны признают ценность традиционных методов в передаче культуры и необходимость их адаптации к современности. Основные различия — в фокусе: китайский подход акцентирует на индивидуализированной «живой передаче» конкретных категорий НКН, российский — на систематизации и эстетическом воспитании. Эти особенности предоставляют важную информацию для оптимизации китайских методов:

можно сочетать индивидуализацию традиционных передач с систематизацией обучения (по российскому опыту) и расширить масштаб через цифровые технологии.

Современная оценка ценности и пути оптимизации традиционных методов обучения искусству НКН Китая.

Современная ценность. В условиях развития современного художественного образования и растущего внимания к культурному наследию традиционные методы преподавания китайского НКН демонстрируют незаменимую ценность в трех измерениях:

- *Наследование:* жизнеспособность НКН обусловлена его «живой природой» — непрерывному продолжению навыков и культуры через межпоколенческое взаимодействие [4].
- *Образование:* придерживаясь принципов «обучения в соответствии со способностями» и «интеграции знаний и практики», мы преодолеваем разрыв между теорией и практикой и углубляем наше понимание навыков посредством практики [5].
- *Культура:* следуя принципу «объединения наследования навыков с культурным погружением», студенты изучают навыки, связанные с НКН, одновременно познавая их историю, обычаи и ценности. Это способствует глубокой связи с национальными культурными традициями и повышает уверенность в себе [12].

Путь оптимизации. На основе китайско-российских академических исследований и практического опыта, а также с учетом ограничений традиционных методов, разработан трехмерный путь оптимизации:

- *Создание стандартизированной системы обучения:* будет сформирована объединенная группа хранителей НКН, экспертов в области образования и культурологов для уточнения основных моментов и стандартов передачи НКН, моделирования обучения и практической оценки. Будут разработаны дифференцированные стандарты, основанные на характеристиках различных категорий НКН, для решения проблемы фрагментированного традиционного обучения и повышения стандартизации и эффективности передачи.
- *Содействие глубокой интеграции традиций и современности:* будет создана система обучения, основанная на традициях, с использованием современных технологий, таких как онлайн-платформы, для создания иммерсивных сценариев, преодоления временных и пространственных ограничений и расширения охвата аудитории. Интеграция инновационного мышления и междисциплинарных элементов будет направлять

студентов к проведению исследований и инноваций в рамках традиционных рамок, удовлетворяя практические потребности.

- *Укрепление кадрового состава:* преподаватели являются основополагающей гарантией качества художественного образования в области НКН. Необходимо повысить организационные и педагогические возможности специалистов в области НКН и воспитать таланты, обладающие как «профессиональными навыками», так и «педагогическим» мастерством; интегрировать ресурсы факультетов искусств университетов и баз охраны НКН, а также совместно воспитывать профессиональные таланты, используя современные образовательные концепции, для укрепления основы развития.

Заключение

Традиционные китайские методы обучения работе с НКН придерживаются концепции «двойной передачи навыков и культуры», подчеркивая сохранение подлинности ремесла и его культурных коннотаций. Это резко контрастирует с разделением технических и культурных компонентов в современных стандартизированных моделях.

Сравнительный анализ китайской и российской культур показывает, что китайский подход делает акцент на индивидуализированном «живом наследии» и культурной идентичности, в то время как российский подход подчеркивает систематическое обучение и эстетическое воспитание. Оба подхода объединяет общая нить: интеграция традиций и современности. Это решает практическую проблему, присущую китайскому подходу: его многолетняя опора на носителей НКН привела к недостаточной систематизации и ограниченному масштабу.

«Трехмерная оптимизационная модель» объединяет преимущества обоих подходов: она сохраняет уникальность и культурную глубину традиций, опираясь на российский опыт для разработки стандартов классификации, расширяя масштаб за счет современных технологий и повышая качество персонала посредством обучения преподавателей и интеграции ресурсов. Эта модель сочетает традиции и инновации, демонстрируя ценность НКН в современном художественном образовании и достигая основных целей данного исследования.

В будущих исследованиях можно было бы расширить ее охват, например, путем сравнения опыта Китая и России в категориях НКН, разработки персонализированных путей передачи наследия и проведения сравнительного анализа с международной точки зрения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цзоу Лифан. Конструктивный дизайн урока повторения с интеграцией нематериального культурного наследия на примере «эмали Цзинтайлан» — на материале «Свойства и плавка металлов» // Химическое образование и обучение. 2025. № 20. С. 80—82. (На кит. яз.) DOI: 10.3969/j.issn.1008-0546.2025.20.019.
2. Ян Хуэйцзюнь. Разработка стандартов владения языком для наследниц нематериального культурного наследия нюшу (женского письма) // Исследования языковых стратегий. 2023. Т. 8. № 6. С. 63—73. (На кит. яз.) DOI: 10.19689/j.cnki.cn10-1361/h.20230605.
3. Ван Цзы. Возрождение местного языка — исследование и интеграция эстетического смысла традиционных китайских ремесел в контексте современного дизайна // Китайская национальная энциклопедия. 2023. № 21. С. 216—218. (На кит. яз.) DOI: 10.3969/j.issn.1007-4198.2023.21.074.
4. Фэн Цицай, Чжан Цзюйянь. Происхождение и перспективы науки о нематериальном культурном наследии — интервью с профессором Фэном Цицаем // Журнал Тяньцзиньского университета (общественные науки). 2025. Т. 27. № 5. С. 385—389. (На кит. яз.) DOI: 10.3969/j.issn.1008-4339.2025.05.001.
5. Ли Мэньмэй, Сунь Ляньлян. Исследование реформирования преподавания дисциплин по дизайну фигурного образа в высших учебных заведениях с точки зрения наследия и инновации ремесленного искусства нематериального культурного наследия // Искусство и дизайн: Теоретический выпуск. 2023. № 4. С. 146—148. (На кит. яз.) DOI: 10.16824/j.cnki.issn10082832.2023.04.017.
6. Чжу Сяоцзин, Жэнь Янян. Исследование путей интеграции нематериального культурного наследия в преподавание практических курсов специальности художественного дизайна высших учебных заведений // Журнал Цилиньского педагогического института инженерных технологий. 2024. Т. 40. № 6. С. 82—89. (На кит. яз.) DOI: 10.3969/j.issn.1009-9042.2024.06.011.

7. Цзяо Сяоцзюнь. Построение модели компетентности педагогов высших профессиональных учебных заведений и исследование путей профессионального развития. Сучжоу : Сучжоус. ун-т, 2025. (На кит. яз.) DOI: 10.27351/d.cnki.gszhu.2022.004634.
8. Юй Жуэй. Исследование сходств и различий в обучении кадров специальности педагогического образования по изобразительному искусству в китайских и российских вузах // Исследования по искусственному образованию и обучению. 2025 № 9. С. 140—143. (На кит. яз.) DOI: 10.3969/j.issn.1674-9286.2025.09.049.
9. Пу Чжицзя, Сунь Хуньян. Исследование режима цифрового представления и интерактивного распространения нематериального культурного наследия с интеграцией искусственного интеллекта // Китайский Национальный Альманах. 2025. № 22. С. 101—103. (На кит. яз.) DOI: 10.3969/j.issn.1007-4198.2025.22.035.
10. Петрова Н. П., Бондарева Г. А. Цифровизация и цифровые технологии в образовании // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 5(78). С. 353—355. DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00138.
11. Сорокина Л. И., Прямова Н. А. Традиции народного искусства в современной культуре // Культура и искусство. 2021. № 3. С. 23—36. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.3.33006.
12. Амиржанова А. Ш. Роль традиции в эстетическом воспитании современных дизайнеров // Омский научный вестник. 2012. № 5(112). С. 237—240.
13. Аль-Харган Х. И. Х. Возможности интеграции традиционных методов обучения и цифровых технологий в процессе преподавания изобразительного искусства в начальной школе // Высшее образование сегодня. 2024. № 6. С. 143—149.
14. Салий В. В., Писаревский Р. П. Исследование применения цифровых инструментов при формировании цифровой экосистемы // Вестник Академии знаний. 2025. № 2(67). С. 522—526.
15. Кутателадзе Г. Р., Пензина Т. Н., Тимченко Н. С. Технология виртуальной реальности в обучении провизоров на этапе профессиональной подготовки // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2023. № 1(49). С. 38—46.

REFERENCES

1. Zou Lifan. Constructive design of a review lesson integrating intangible cultural heritage using “Jingtai Lan” enamel as an example — based on “Properties and smelting of metals”. *Chemical Education and Learning*. 2025;20:80—82. (In Chinese.) DOI: 10.3969/j.issn.1008-0546.2025.20.019.
2. Yan Huijun. Development of language proficiency standards for inheritors of Nüshu (women’s writing) intangible cultural heritage. *Language Strategy Research*. 2023;8(6):63—73. (In Chinese) DOI: 10.19689/j.cnki.cn10-1361/h.20230605.
3. Wang Zi. Revival of the local language — research and integration of the aesthetic meaning of traditional Chinese crafts in the context of modern design. *Chinese National Encyclopedia*. 2023;21:216—218. (In Chinese.) DOI: 10.3969/j.issn.1007-4198.2023.21.074.
4. Feng Jicai, Zhang Junyan. Origin and prospects of intangible cultural heritage studies — an interview with Professor Feng Jicai. *Journal of Tianjin University (Social Sciences)*. 2025;27(5):385—389. (In Chinese) DOI: 10.3969/j.issn.1008-4339.2025.05.001.
5. Li M. M., Sun L. L. Research on the Reform of Figure Modeling Design Teaching in Colleges and Universities from the Perspective of Inheritance and Innovation of Intangible Cultural Heritage Craft Art. *Art and Design: Theoretical Edition*. 2023;4:146—148. (In Chinese) DOI: 10.16824/j.cnki.issn.1008-2832.2023.04.017.
6. Zhu X. J., Ren Y. Y. Research on the Path of Integrating Intangible Cultural Heritage into the Teaching of Practical Courses in Art and Design Majors in Colleges and Universities. *Journal of Jilin Engineering Normal University*. 2024;40(6):82—89. (In Chinese.) DOI: 10.3969/j.issn.1009-9042.2024.06.011.
7. Jiao Xiaojun. Construction of a competency model for teachers in higher vocational colleges and research on professional development paths. Suzhou, Suzhou University publ., 2025. (In Chinese) DOI: 10.27351/d.cnki.gszhu.2022.004634.
8. Yu Rui. A Comparative Study of the Training of Talents in the Fine Arts Teacher Education Major in Chinese and Russian Universities. *Research in Fine Arts Education and Teaching*. 2025;9:140—143. (In Chinese) DOI: 10.3969/j.issn.1674-9286.2025.09.049.
9. Pu Z. J., Sun H. Y. Research on the Digital Display and Interactive Communication Mode of Intangible Cultural Heritage Integrating Artificial Intelligence. *Chinese National Almanac*. 2025;22:101—103. (In Chinese) DOI: 10.3969/j.issn.1007-4198.2025.22.035.
10. Petrova N. P., Bondareva G. A. Digitalization and digital technologies in education. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2019;5(78):353—355. (In Russ.) DOI: 10.24411/1991-5497-2019-00138.
11. Sorokina L.I., Pryamkova N.A. Folk art traditions in modern culture. *Kul'tura i iskusstvo*. 2021;3:23—36. (In Russ.) DOI: 10.7256/2454-0625.2021.3.33006.
12. Amirzhanova A. Sh. The role of tradition in the aesthetic education of modern art designers. *Omskii nauchnyi vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. 2012;5(112):237—240. (In Russ.)
13. Al-Hargan H. I. H. The possibilities of integrating traditional teaching methods and digital technologies in the process of teaching fine arts in primary school. *Vysshee obrazovanie segodnya = Higher education today*. 2024;6:143—149. (In Russ.)
14. Salii V. V., Pisarevsky R. P. Study of the application of digital tools in the formation of a digital ecosystem. *Vestnik Akademii znaniy = Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2025;2(67):522—526. (In Russ.)
15. Kutateladze G. R., Penzina T. N., Timchenko N. S. Virtual reality technology in the training of pharmacists at the stage of professional training. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional Education in Russia and Abroad*. 2023;1(49):38—46. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 03.01.2026; одобрена после рецензирования 21.01.2026; принята к публикации 26.01.2026.
The article was submitted 03.01.2026; approved after reviewing 21.01.2026; accepted for publication 26.01.2026.

Уважаемые авторы и читатели!

Приглашаем посетить наш сайт: <http://vestnik.volbi.ru>, на котором вы можете более подробно ознакомиться с требованиями к оформлению статей и условиями их публикации, порядком рецензирования авторских оригиналов статей (материалов) и условиями подписки на наш журнал.

16+

Адрес издателя, учредителя, редакции:
400094, г. Волгоград,
ул. Шекснинская, 83, кв. 1
тел. 8-902-386-55-49
E-mail: meon_nauka@mail.ru
Сайт журнала: <http://vestnik.volbi.ru>

Подписано в печать 14.03.2026. Формат 60x84 1/8
Дата выхода в свет 27.03.2026
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 69,29. Тираж 500. Заказ
Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов
в ООО «Фотоэксперт»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

Выпуск № 1(74) март 2026

© Редакция журнала «Бизнес. Образование. Право»

Материалы журнала постоянно предоставляются в базу данных РИНЦ (<http://elibrary.ru>).

Редакция принимает решение о публикации по результатам рецензирования.
Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Цена свободная

